Общественная организация «Межрегиональная ассоциация образовательных организаций высшего образования» (ОО «МАООВО»)

БИЗНЕС ОБРАЗОВАНИЕ ПРАВО

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ИНСТИТУТА БИЗНЕСА

BUSINESS EDUCATION LAW

BULLETIN OF THE VOLGOGRAD BUSINESS INSTITUTE

Выпуск № 4 (45) ноябрь

Release № 4 (45) november

Волгоград 2018

Главной целью научного журнала является освещение результатов научно-исследовательской деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

ЦЕЛИ научного рецензируемого журнала:

– оперативное освещение результатов научно-исследовательской, научно-практической и экспериментальной деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки;

– развитие международного сотрудничества в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;

– предоставление ученым возможности публиковать результаты собственных исследований;

– формирование открытой научной полемики, способствующей повышению качества диссертационных исследований;

– привлечение внимания к наиболее актуальным проблемам и перспективным направлениям развития экономических, юридических и педагогических наук;

– поиск новых знаний для социально-экономического развития России и субъектов Российской Федерации;

– налаживание научных связей и обмена мнениями между исследователями различных регионов;

– развитие единого информационного пространства научной коммуникации в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;

– пропаганда основных достижений научно-исследовательской деятельности в РФ и Волгоградском институте бизнеса.

The main goal of the scientific journal is presentation of the results of the scientific-research activity of Russian and foreign scientists in the areas of **economics (main trends), law and pedagogics.**

GOALS of the scientific peer-reviewed journal:

– operative publication of results of the scientific-research, scientific-practical and experimental activity of Russian and foreign scientists in economics (main trends), legal sciences and pedagogical sciences;

– promotion of international cooperation in economics, law, pedagogy;

– providing scientists with the possibility of publication of the results of researches;

– establishing an open scientific disputes contributing to the increase of dissertation researches quality;

– attraction of attention to the most urgent issues and perspective trends of development of the economic, legal and pedagogical sciences;

– search for new knowledge for the social-economic development of Russia and the entities of the Russian Federation;

– establishing scientific links and exchange of opinions between researchers from different regions;

– development of united information space of scientific communication in economics, law, pedagogic;

– promotion of the main achievements of scientific and research activity in the Russian Federation and Volgograd Business Institute.

География подписчиков, авторов и партнеров рецензируемого научного журнала «Бизнес. Образование. Право» представлена партнерами в ближнем и дальнем зарубежье (более 20 стран) и в Российской Федерации (более 60 городов).

Geography of subscribers, authors and partners of the peer-reviewed scientific journal «Business. Education. Law» is presented by the partners in CIS countries and Abroad (more than 20 countries) and in the Russian Federation (more than 60 cities).

- **Всем статьям в выпусках журналов присваивается цифровой идентификатор DOI**
- **Двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 0,745**
- **Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,581**
- **Общее число цитирований журнала в 2017 году – 954**
- **Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам – 1807**
- **Десятилетний индекс Хирша – 22**
- **Общее число статей из журнала в РИНЦ – 2291**
- **Суммарное число цитирований журнала в РИНЦ – 12371**

- **Digital identifier DOI is assigned to all articles published in the journal**
- **Two-year impact factor RISC – 0,745**
- **The five-year impact factor RISC – 0,581**
- **The total number of citations of the journal in the 2017 year – 954**
- **The five-year Herfindahl by quoting magazines – 1807**
- **Ten-year h-index – 22**
- **Total number of the journal's articles in RISC – 2291**
- **Summarized number of the journal citations in RISC – 12371**

БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО.
Вестник Волгоградского института бизнеса

Учредитель – частное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский институт бизнеса» (ЧОУ ВО «ВИБ»)

№ 4 (45), ноябрь 2018 ISSN 1990-536X

Научный журнал издается с 2006 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» — 38683
Редакционный индекс — Р8683

BUSINESS. EDUCATION. LAW.
Bulletin of the Volgograd Business Institute

Founder – private educational institution of higher education «Volgograd Business Institute» (PEI of HE «VIB»)

№ 4 (45), november 2018 ISSN 1990-536X

Scientific journal has been published since 2006; and is issued 4 times a year.

Subscription index in the catalogue of «Mail of Russia» — 38683
Editorial address — P8683

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
Ващенко Александр Николаевич, *д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления ЧОУ ВО «ВИБ».*
Заместитель главного редактора –
Кумейко Елена Анатольевна, *канд. экон. наук.*

Заместители главного редактора:
Кабанов Вадим Николаевич, *д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления ЧОУ ВО «ВИБ», куратор направления «Экономические науки»;*
Анисимов Алексей Павлович, *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского права ЧОУ ВО «ВИБ», куратор направления «Юридические науки»;*
Васильева Светлана Ивановна, *канд. социол. наук, доцент, проректор по учебной работе и управлению качеством ЧОУ ВО «ВИБ», куратор направления «Педагогические науки»;*

Алпатов А. В., канд. физ.-мат. наук, доцент, и. о. зав. кафедрой информатики и математики ЧОУ ВО «ВИБ»;
Анисимов П. В., д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права ЧОУ ВО «ВИБ»;
Белоненко М. Б., д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры информатики и математики ЧОУ ВО «ВИБ»;
Захарова Л. М., д-р пед. наук, доцент, зав. кафедрой дошкольного и начального общего образования ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»;
Изюмова О. Н., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой финансово-экономических дисциплин ЧОУ ВО «ВИБ»;
Калиничева Р. В., д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе, профессор кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита Волгоградского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации;
Мещерякова Е. В., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;
Михайлова Е. В., канд. экон. наук, доцент кафедры «Менеджмент», начальник отдела «Качество образования» Волгоградского государственного аграрного университета;
Нарушкевич С. В., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права ЧОУ ВО «ВИБ»;
Сибиряков С. Л., д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и процесса ЧОУ ВО «ВИБ»;
Столярчук Л. И., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;
Филиппов М. В., канд. техн. наук, доцент, зам. зав. кафедрой информатики и математики ЧОУ ВО «ВИБ»;
Шамрай-Курбатова Л. В., канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой экономики и управления ЧОУ ВО «ВИБ».

Ответственный секретарь — Курина Мария Павловна.

EDITORIAL COMMITTEE

Editor-in-chief – Vashchenko Alexander Nikolayevich, *doctor of economics, professor, professor of the department of economics and management of PEI of HE «VIB».*
Deputy of the editor-in-chief –
Kumeiko Elena Anatolyevna*, candidate of economics*

Deputies of the editor-in-chief:
Kabanov Vadim Nikolayevich, *doctor of economics, professor, professor of the department of economics and management of PEI of HE «VIB», curator of economic sciences school;*
Anisimov Alexey Pavlovich, *doctor of law, professor, professor of the department of the civil law of PEI of HE «VIB», curator of legal sciences school;*
Vasilyeva Svetlana Ivanovna, *candidate of sociology, assistant professor, pro rector in charge of training activity and quality management of PEI of HE «VIB», curator of pedagogical sciences school;*

Alpatov A. V., candidate of physics and mathematics, associate professor, acting head of the department of mathematics and information science, PEI of HE «VIB»;
Anisimov P. V., doctor of law, professor, head of the department of the theory and history of state and law, PEI of HE «VIB»;
Belonenko M. B., doctor of physics and mathematics, professor of the department of the department of mathematics and information science, PEI of HE «VIB»;
Zakharova L. M., doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of pre-school and elementary general education of FSBEI of HPE «Ulyanovsk state pedagogical university named after I. N. Ulyanov»;
Izyumova O. N., candidate of economics, associate professor, head of the department of financial and economic disciplines, PEI of HE «VIB»;
Kalinicheva R. V., doctor of economics, professor, pro-rector for educational activity, professor of the department of economics, accounting and audit of Volgograd cooperative institute (branch) of the Russian university of cooperation;
Meshcheryakova E. V., doctor of pedagogical sciences, professor, professor of FSBEI of HPE «Volgograd state social pedagogical university»;
Mikhailova E. V., candidate of economics, associate professor of the department «Management», head of the department «Quality of education» of Volgograd state agrarian university;
Narushkevich S. V., candidate of law, associate professor, head of the department of civil law, PEI of HE «VIB»;
Sibiryakov S. V., candidate of law, associate professor, head of the department of criminal law and process, PEI of HE «VIB»;
Stolyarchuk L. I., doctor of pedagogical sciences, professor, professor of of FSBEI of HPE «Volgograd state social pedagogical university»;
Filippov M. V., candidate of technical sciences, associate professor, deputy head of the department of mathematics and information science, PEI of HE «VIB»;
Shamray-Kurbatova L. V., candidate of economics, associate professor, head of the department of economics and management, PEI of HE «VIB».

Executive secretary — Kurina Maria Pavlovna.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС 9-0878 от 27.07.2006 г., перерегистрирован: Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-33692 от 03.10.2008 г.

The journal is registered by the Federal service for supervision in the area of mass communications and protection of cultural heritage PI № FS 9-0878 dated 27.07.2006, re-registered: Certificate of registration PI № FS 77-33692 dated 03.10.2008.

Редакционный совет журнала

Председатель редакционного совета:
Ващенко А. А., д-р экон. наук, доцент, ректор ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);

Александров А. С., д-р юрид. наук, профессор, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Нижний Новгород, РФ);
Алексеев С. В., д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, РФ);
Амосов С. М., д-р юрид. наук, РАНХ и ГС (г. Москва, РФ);
Ануфриева Л. П., д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, РФ);
Артамонова Е. А., канд. юрид. наук, доцент, СКФУ (г. Ставрополь, РФ);
Бабурин В. В., д-р юрид. наук, профессор, ОмЮА (г. Омск, РФ);
Бабушкин Г. Д., д-р пед. наук, профессор, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ);
Байматов А. А., д-р экон. наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра УШОС ТГУ ПБП (Таджикистан);
Балашова Н. Н., д-р экон. наук, профессор, ВолГАУ (г. Волгоград, РФ);
Баряева Л. Б., д-р пед. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ);
Бекяшев К. А., д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, РФ);
Беликова Е. В., канд. экон. наук, доцент, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Борытко Н. М., д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (г. Волгоград, РФ);
Бутенко А. А., канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Винокуров А. Ю., д-р юрид. наук, профессор, ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры РФ» (г. Москва, РФ);
Восколович Н. А., д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ);
Горская И. Ю., д-р пед. наук, профессор, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ);
Горшкова Н. В., д-р экон. наук, профессор, ВОЛГУ (г. Волгоград, РФ);
Гревцева Г. Я., д-р пед. наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры, (г. Челябинск, РФ);
Данилов А. И., д-р экон. наук, профессор, Московский психолого-социальный университет (г. Москва, РФ);
Дашков Л. П., д-р экон. наук, профессор, заслуженный Работник Высшей Школы Российской Федерации, академик РАЕН (г. Москва, РФ);
Дегтярев С. Л., д-р юрид. наук, профессор, ФГОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» (г. Екатеринбург, РФ);
Дементьев И. В., канд. юрид. наук, доцент, Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Воронеж, РФ);
Демин А. В., д-р юрид. наук, доцент ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск, РФ);
Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор, ОмЮА (г. Омск, РФ);
Джезус Грасиа Санс, д-р философии в бизнес-администрировании, д-р экономики, бизнеса и финансов, Университет Camilo José Cela (Испания);
Ермолова О. Н., канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, РФ);
Запольский С. В., д-р юрид. наук, профессор, Институт государства и права РАН (г. Москва, РФ);
Зникин В. К., д-р юрид. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск, РФ);
Зубова О. Г., канд. экон. наук, доцент, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);

Editorial board of the journal

Chairman of the editorial board
Vashchenko A. A., doctor of economics, associate professor, rector of PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);

Aleksandrov A. S., doctor of law, professor, FSCEI HE «Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (Nizhny Novgorod, RF);
Alekseev S. V., doctor of law, professor, Moscow state university of law named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow, RF);
Amosov S. M., doctor of law, RPANE and PA (Moscow, RF);
Anufrieva L. P., doctor of law, professor, Moscow state university of law named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow, RF);
Artamonova E. A., candicate of law, associate professor, SKFU (Stavropol, RF);
Baburin V. V., doctor of law, professor, OmUA (Omsk, RF);
Babushkin G. D., doctor of pedagogical sciences, professor, Siberian state university of physical culture and sports (Omsk, RF);
Baimatov A. A., doctor of economics, professor, director of the research Center UShOS TGU PBP (Tajikistan);
Balashova N. N., doctor of economics, professor, VolGAU (Volgograd, RF);
Baryaeva L. B., doctor of pedagogical sciences, professor, RGPU named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, RF);
Bekyashev K. A., doctor of law, professor, Moscow state university of law named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow, RF);
Belikova E. V., candidate of economics, associate professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Borytko N. M., doctor of pedagogical sciences, professor, FSBEI of HE «Volgograd state social pedagogical university» (Volgograd, RF);
Butenko A. A., candidate of law, associate professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Vinokurov A. Y., doctor of law, professor, FSCEI of HE «Academy of the RF General Prosecutor Office» (Moscow, RF);
Voskolovich N. A., doctor of economics, professor, Moscow state university named after M.V. Lomonosov (Moscow, RF)
Gorskaya I. Y., doctor of pedagogical sciences, professor, Siberian state university of physical culture and sports (Omsk, RF);
Gorshkova N. V., doctor of economics, professor, VOLGU (Volgograd, RF);
Grevtseva G. Y., doctor of pedagogical sciences, professor, Chelyabinsk state institute of culture (Chelyabinsk, RF);
Danilov A. I., doctor of economics, professor, Moscow psychological-social university (Moscow, RF)
Dashkov L. P., doctor of economics, professor, honored worker of the Higher School of the Russian Federation, academician of RANS (Moscow, RF);
Degtyarev S. L., doctor of law, professor, FSEI HE «Ural state university of law» (Yekaterinburg, RF);
Dementyev I. V., candidate of law, associate professor, Central branch of the FSBEI HE «Russian state university of justice» (Voronezh, RF);
Demin A. V., doctor of law, associate professor of FSAEI HE «Siberian federal university» (Krasnoyarsk, RF);
Derishev Y. V., doctor of law, professor, OmUA (Omsk, RF);
Jesus Garcia Sans, Ph.D. in business administration, doctor of economics, business and finance, University Camilo José Cela (Spain);
Ermolova O. N., candidate of law, associate professor, FSBEI HE «Saratov state academy of law» (Saratov, RF);
Zapolsky S. V., doctor of law, professor, Institute of state and law of the RAS (Moscow, RF);
Znikin V. K., doctor of law, professor, National research Tomsk state university (Tomsk, RF);
Zubova O. G., candidate of economics, associate, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Ilyina S. Y., doctor of pedagogical sciences, professor, RGPU named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, RF);
Kalyuzhy A. N., candidate of law, associate professor, Academy of the Federal security service of the Russian Federation (Orel, RF);

Редакционный совет журнала

Ильина С. Ю., д-р пед. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ);
Калюжный А. Н., канд. юрид. наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (г. Орел, РФ);
Каменков В. С., д-р юрид. наук, профессор, Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь);
Карелина С. А., д-р юрид. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ);
Киреенко А. П., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе БГУЭП (г. Иркутск, РФ);
Клёмин А. В., д-р юрид. наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (г. Казань, РФ);
Климович Л. П., д-р юрид. наук, канд. экон. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск, РФ);
Ковалёва Н. Н., д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, РФ);
Ковалёва Т. М., д-р пед. наук, профессор, МПГУ, президент Межрегиональной Тьюторской Ассоциации России (г. Москва, РФ);
Ковалев В. Р., д-р экон. наук, профессор, ректор ГИЭФПТ (г. Гатчина, РФ);
Ковтун Н. Н., д-р юрид. наук, профессор, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Нижний Новгород, РФ);
Козенко З. Н., д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, ВолГАУ (г. Волгоград, РФ);
Козлова М. Ю., канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Козубцов И. Н., канд. техн. наук, профессор (Украина);
Красиков Д. В., канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, РФ);
Красильникова О. А., д-р пед. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ);
Кудряшова И. В., канд. экон. наук, доцент, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Кузнецова З. М., д-р пед. наук, профессор, Академик РАЕ, ФГБОУ ВО «Поволжская ГАФКСиТ» (г. Набережные Челны, РФ);
Купцова И. А., д-р культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (г. Москва, РФ);
Лапп Е. А., канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (г. Волгоград, РФ);
Леванова Е. А., д-р пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Рф);
Леденёва М. В., д-р экон. наук, доцент, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Липкина Н. Н., канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, РФ);
Ломовцева О. А., д-р экон. наук, профессор, НИУ БелГУ (г. Белгород, РФ);
Лопатина Л. В., д-р пед. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ)
Малый А. Ф., д-р юрид. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, РФ);
Медведев А. В., канд. юрид. наук, доцент, ФГОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» (г. Екатеринбург, РФ);
Миронова С. М., канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Морин Минелли, д-р филологии, доцент Колледжа Кингсборо Университета Нью-Йорка (США);
Морова Н. С., д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, РФ);
Морозов А. В., д-р юрид. наук, канд. техн. наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва, РФ);
Мохов А. А., д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, РФ);
Набиев Р. А., д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет» (г. Астрахань, РФ);

Editorial board of the journal

Kamenkov V. S., doctor of law, professor, Belarus state university (Minsk, Belarus);
Karelina S. A., doctor of law, associate professor, MGU named after M. V. Lomonosov (Moscow, RF);
Kireenko A. P., doctor of economics, professor, pro-rector for scientific activity, BGUEP (Irkutsk, RF);
Klemin A. V., doctor of law, professor, Kazan innovation university named after V. G. Timiryasov (Kazan, RF);
Klimovich L. P., doctor of law, candidate of economics, associate professor, FSAEI HE «Siberian federal university» (Krasnoyarsk, RF);
Kovaleva N. N., doctor of law, associate professor, FSBEI HE «Saratov state academy of law» (Saratov, RF);
Kovaleva T. M., doctor of pedagogical sciences, professor, MPGU, president of the Inter-regional Tutor Association of Russia (Moscow, RF);
Kovalev V. R., doctor of economics, professor, rector of GIEFPT (Gatchina, RF);
Kovtun N. N., doctor of law, professor, FSCEI HE «Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (Nizhny Novgorod, RF);
Kozenko Z. N., doctor of economics, professor, honored worker of the higher school of the RF, VolGAU (Volgograd, RF);
Kozlova M. Y., candidate of law, associate professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Kozubtsov I. N., candidate of technical sciences, professor (Ukraine);
Krasikov D. V., candidate of law, associate professor, FSBEI HE «Saratov state academy of law» (Saratov, RF);
Krasilnikova O. A., doctor of pedagogical sciences, professor, RGPU named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, RF);
Kudryashova I. V., candidate of economics, associate professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Kuznetsova Z. M., doctor of pedagogical sciences, professor, Academician of the RAS, FSBEI HE «Povolzhskaya GAFKSiT» (Naberezhnye Chelny, RF);
Kuptsova I. A., doctor of the science of culture, associate professor, Moscow state pedagogical university (Moscow, RF);
Lapp E. A., candidate of pedagogical sciences, associate professor, FSBEI of HE «Volgograd state social pedagogical university» (Volgograd, RF);
Levanova E. A., doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow state pedagogical university (Moscow, RF);
Ledeneva M. V., doctor of economics, associate professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Lipkina N. N., candidate of law, associate professor, FSBEI HE «Saratov state academy of law» (Saratov, RF);
Lomovtseva O. A., doctor of economics, professor, NIU BelGU (Belgorod, RF);
Lopatina L. V., doctor of pedagogical sciences professor, RGPU named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, RF);
Malyi A. F., doctor of law, professor, FSAEI HE «Kazan (Privolzhsky) federal university» (Kazan, RF);
Medvedev A. V., candidate of law, associate professor, FSEI HE «Ural state university of law» (Yekaterinburg, RF);
Mironova S. M., candidate of law, associate professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Morin Minelli, doctor of philology, associate professor of Kingsborough College of the University of New York (USA);
Morova N. S., doctor of pedagogical sciences, professor, FSBEI HE «Mari state university» (Ioshkar-Ola, RF);
Morozov A. V., doctor of law, candidate of technical sciences, professor, All-Russia state university of justice (RPA of the RF Ministry of Justice) (Moscow, RF);
Mokhov A. A., doctor of law, professor, Moscow state university of law named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow, RF);
Nabiev R. A., doctor of economics, professor, FSBEI HE «Astrakhan state technical university» (Astrakhan, RF);

Редакционный совет журнала

Налобина А. Н., д-р биологических наук, доцент, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ);
Никулина Г. В., д-р пед. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ);
Осинцев Д. В., д-р юрид. наук, профессор, Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург, РФ);
Плыгавка Л. Л., д-р филологии, доцент (Литва);
Поляков М. П., д-р юрид. наук, профессор, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Нижний Новгород, РФ);
Рахманова Е. Н., д-р юрид. наук, доцент, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО РГУП (г. Санкт-Петербург, РФ);
Рогачев А. Ф., д-р техн. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии естественных наук, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет» (г. Волгоград, РФ);
Ростовщиков И. В., д-р юрид. наук, профессор, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Руденко А. Ю., канд. экон. наук, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Рыженков А. Я., д-р юрид. наук, профессор, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Рябков В. М., д-р пед. наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ);
Салиева Р. Н., д-р юрид. наук, профессор, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ (г. Казань, РФ);
Синельников А. В., канд. юрид. наук, доцент, ВолГУ (г. Волгоград, РФ);
Синцов Г. В., д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, РФ);
Смирнова И. Г., д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», (г. Иркутск, РФ);
Сучилин А. А., д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры» (г. Волгоград, РФ);
Тарева Е. Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет (г. Москва, РФ);
Тинякова В. И., д-р экон. наук, РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева (г. Воронеж, РФ);
Тютюкина Е. Б., д-р экон. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, РФ);
Фахрутдинова А. В., д-р пед. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, РФ);
Фортуна К. А., канд. юрид. наук, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Цветков С. Б., канд. юрид. наук, доцент ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Чаба Фёльдеш, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языкознания Эрфуртского университета (Германия);
Чернов С. С., канд. экон. наук, доцент, профессор Российской академии естествознания, НГТУ (г. Новосибирск, РФ);
Чиладзе Г. Б., д-р юрид. наук, д-р экон. наук, д-р инженерных наук, профессор факультета экономики, бизнеса и управления ТГУ (Грузия);
Чусов И. А., канд. экон. наук, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Шевченко О. А., д-р юрид. наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, РФ);
Шестерякова И. В., д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, РФ);
Шишко И. В., д-р юрид. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск, РФ);
Шугуров М. В., д-р философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, РФ);
Юшкина Т. В., канд. юрид. наук, ЧОУ ВО «Волгоградский институт бизнеса» (г. Волгоград, РФ);
Яблочников С. Л., д-р пед. наук, канд. техн. наук, профессор (Украина).

Editorial board of the journal

Nalobina A. N., doctor of biology, associate professor, Siberian state university of physical culture and sports (Omsk, RF);
Nikulina G. V., doctor of pedagogical sciences, professor, RGPU named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, RF);
Osinstev D. V., doctor of law, professor, FSEI HE «Ural state university of law» (Yekaterinburg, RF);
Plygavka L. L., doctor of philology, associate professor (Lithuania);
Polyakov M. P., doctor of law, professor, FSCEI HE «Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (Nizhny Novgorod, RF);
Rakhmanova E. N., doctor of law, associate professor, North-West branch of FSBEI HE RGUP (Saint-Petersburg, RF);
Rogachev A. F., doctor of technical sciences, professor, correspondent member of the Russian academy of natural sciences, FSBEI HE «Volgograd state agrarian university» (Volgograd, RF);
Rostovshchikov I. V., doctor of law, professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Rudenko A. Y., candidate of economics, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Ryzhenkov A. Y., doctor of law, professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Ryabkov V. M., doctor of pedagogical sciences, professor, Chelyabinsk state institute of culture (Chelyabinsk, RF);
Salieva R. N., doctor of law, professor, Institute of the issues of ecology and resources management of AN RT (Kazan, RF);
Sinelnikov A. V., candidate of law, associate professor, VolGU (Volgograd, RF);
Sintsov A. V., doctor of law, professor, FSBEI HE «Penza state university» (Penza, RF);
Smirnova I. G., doctor of law, associate professor, FSBEI HE «Baikal state university» (Irkutsk, RF);
Suchilin A. A., doctor of pedagogical sciences, professor, FSBEI HE «Volgograd state academy of physical culture» (Volgograd, RF);
Tareva E. G., doctor of pedagogical sciences, Moscow city pedagogical university (Moscow, RF);
Tinyakova V. I., doctor of economics, RGAU-MSHkA named after K. A. Timiryazev (Voronezh, RF);
Tyutyukina E. B., doctor of economics, professor, Financial university under the Government of the Russian Federation (Moscow, RF)
Fakhrutdinova A. V., doctor of pedagogical sciences, associate professor, «Kazan (Privolzhsky) federal university» (Kazan, RF);
Fortuna K. A., candidate of law, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Tsvetkov S. B., candidate of law, associate professor, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Chaba Feldesh, doctor of philology, head of the department of German language studies of Erfurt university (Germany);
Chernov S. S., candidate of economics, associate professor, professor of the Russian academy of natural sciences, NGTU (Novosibirsk, RF);
Chiladze G. B., doctor of law, doctor of economics, doctor of engineering sciences, professor of the department of economics, business and management, TGU (Georgia);
Chusov I. A., candidate of economics, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Sjevchenko O. A., doctor of law, associate professor, Moscow state university of law named after O. E. Kutafin (MGUA) (Moscow, RF);
Sjesteryakova I. V., doctor of law, associate professor, FSBEI HE «Saratov state academy of law» (Saratov, RF);
Shishko I. V., doctor of law, professor, FSAEI HE «Siberian federal university» (Krasnoyarsk, RF);
Shuturov M. V., doctor of philosophy, associate professor, FSBEI HE «Saratov state academy of law» (Saratov, RF);
Yushkina T. V., candidate of law, PEI of HPE «Volgograd Business Institute» (Volgograd, RF);
Yablochnikov S. L., doctor of pedagogical sciences, candidate of technical sciences, professor (Ukraine).

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, отражающие научные взгляды, результаты и достижения фундаментальных и теоретико-прикладных исследований по следующим областям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

Редколлегия принимает решение о принятии материалов или отказе в публикации исключительно на основе их актуальности, новизны и научной значимости.

Материалы, не соответствующие по тематике перечисленным предметным областям исследования, к рассмотрению не принимаются.

Автор предоставляет редакции официальное заявление с просьбой публикации его научной статьи с указанием темы. Согласно своему заявлению автор разрешает редакции размещать его научное произведение в журнале, библиотеках, любых информационных средствах печати, Интернете с целью распространения в научном сообществе и в обществе сведений о его научных идеях, достижениях, результатах.

Автор (соавторы) несет ответственность за достоверность представляемой информации, точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр и других данных, приведенных в материалах.

Тексты, рисунки, иллюстрации, представленные в редакцию в рукописях авторов статей, не должны быть отсканированы.

Редколлегия проверяет научную работу на наличие заимствований на сайте antiplagiat.ru и извещает автора (-ов) о результатах экспресс-оценки рукописи (отклоняется или принимается для дальнейшего рецензирования).

С целью экспертной оценки поступившие в редакцию статьи направляются на внутреннее рецензирование согласно **Положению о правилах направления, рецензирования и опубликования научных статей (материалов), представляемых к публикации в редакцию научного рецензируемого журнала «Бизнес. Образование. Право».**

К рецензии допускаются научные статьи, оформленные в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, размещенными на сайте журнала: ***http://vestnik.volbi.ru/***

В случае если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке научного материала, автору направляются замечания и/или предложения рецензента (без указания фамилии, имени, отчества, должности, места работы рецензента) для их устранения или доработки.

Доработанная статья представляется автором в редакцию журнала, рассматривается в общем порядке и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Исправления орфографического и стилистического характера вносятся в статью корректором без согласования с автором (-ами). При необходимости серьезных исправлений правка согласовывается с автором (-ами).

Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с произведенными изменениями и исправлениями в тексте в электронном виде.

Электронные файлы статей после их опубликования в журнале могут в формате PDF предоставляться автору (-ам) по запросу на указанный e-mail.

Полученная авторами электронная версия может быть использована ими только для персональных научных нужд (выступлений, лекций, обсуждений, дальнейших разработок и пр.). **Ссылка на оригинал публикации обязательна.** Все требования от третьих сторон на использование этой работы должны направляться в редакцию ***(e-mail: meon_nauka@mail.ru).***

Статьи, не принятые к опубликованию, возврату не подлежат. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам в ВАК.

TERMS AND CONDITIONS OF ARTICLES PUBLICATION

The Journal editorial board accepts scientific articles, reviews, surveys, comments reflecting scientific opinions, results and achievements of fundamental and theoretical and applied researches, which have never been published in any other printed or electronic issues in the following areas: **economic sciences (main trends), legal sciences and pedagogical sciences.**

The editorial board makes decision regarding acceptance of articles or rejection of the article based on their urgency, novelty and scientific value.

Materials that do not correspond to the listed areas of research are not accepted for review.

The author provides a version of the official application for the publication of his scientific article with the title. In compliance with his statement the author permits the editorial board to publish his scientific article in the journal, libraries, any information mass media, Internet in order to distribute scientific ideas, achievements and results in the scientific community and society.

The author (co-authors) takes responsibility for the trustworthy of provided information, accuracy of names, quotations, formulas, numbers and other data presented in the article.

Texts, figures, illustrations submitted to the editorial board within the authors' works shall not be scanned.

The editorial board reviews the scientific article for borrowing using the site antiplagiat.ru and notifies the author(s) about results of the article assessment (whether it is rejected or accepted for further review).

For the purpose of expert review, the articles received by the editorial board shall be sent for internal review in accordance with **the Provision about the rules of direction, review, and publication of scientific articles (materials) submitted to the editorial board of the scientific journal «Business. Education. Law» for publication.**

The scientific articles executed in full compliance with the requirements to publications specified at the journal web site: ***http://vestnik.volbi.ru/*** are approved for review.

In case the review contains recommendation for revision or further development of the scientific article, the author shall be sent comments and/or proposals of the reviewer (without indicating last name, name, patronymic, title and the work place of the reviewer) for their incorporation or further development.

The finished article shall be submitted by the author to the editorial board of the Journal; shall be studied and sent for the repeated review together with author's response for each comment.

The editorial board keeps the right for revision of the articles without changing the scientific content of the original article. Corrections of spelling and style shall be incorporated in the article by the proofreader without approval of the author(s). If serious corrections are required, they shall be made upon coordination with the author(s).

The articles submitted to the authors for further development shall be re-sent to the editorial board in the electronic format at the recommended date with incorporated changes and revisions.

Electronic files of the articles after their publication in the journal can be returned to the authors in PDF format upon their requests to the specified email.

Electronic copy received by the authors can be used by them only for personal scientific demands (speeches, lectures, discussions, further developments, etc.). **Original publication shall be mandatory referenced.** All requests from the third parties for the article use shall be sent to the editorial board at ***e-mail: meon_nauka@mail.ru***

The articles not accepted for publication shall not be returned. In case of the article rejection, the editorial board shall send the reasoned response to the author.

The editorial board provides reviews to the expert committees of the Higher Attestation Committee upon request.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ «БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 08.00.00 – Экономические науки; 12.00.00 – Юридические науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

2. Автором (-ми) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

– текст статьи на русском или английском (с переводом), или национальном языке (с переводом на русский язык) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

– анкета автора (и соавторов);

– заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

– справка с места учебы (для аспирантов).

Пакет документов направляется в редакцию:

– в печатном виде по адресу: 400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, д. 63, каб. 107;

– в электронном виде по адресу электронной почты: meon_nauka@mail.ru

Телефон для справок: (8442) 52-62-43. URL: http://vestnik.volbi.ru

В статью в соответствии с требованиями ВАК должно быть включено следующее:

– индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

– ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

– аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

– должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

– e-mail;

– шифр научной специальности (по номенклатуре);

– название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 16, выравнивание по центру);

– аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);

– ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);

– введение, где формулируются степень изученности проблемы, актуальность, целесообразность разработки темы, научная новизна, цель и задачи исследования;

– основная часть. В основной части статьи путем анализа и синтеза информации раскрываются исследуемые проблемы, пути их решения, обосновываются полученные результаты, их достоверность;

– методология. В этом разделе описывается последовательность выполнения исследования, обосновывается выбор используемых методов;

– результаты. Эта часть занимает основное место в научной статье, в ней, с помощью обобщения и анализа данных, автором доказывается рабочая гипотеза по проблеме. Результаты исследования излагаются кратко, но содержат достаточно информации для формирования выводов;

– заключение, выводы. Заключение содержит краткие результаты исследования;

– библиографический список. В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература.

Тексты, рисунки, иллюстрации, представленные в редакцию в рукописях авторов статей, не должны быть отсканированы.

Статьи, направляемые в редакцию без соблюдения вышеперечисленных требований, не рассматриваются.

REQUIREMENTS TO EXECUTION OF THE MATERIALS SUBMITTED TO THE SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL «BUSINESS. EDUCATION. LAW»

1. The author's materials – scientific articles, reviews, surveys, comments corresponding to the scientific specializations: 08.00.00 – Economic sciences; 12.00.00 – Legal sciences; 13.00.00 – Pedagogical sciences, that have not been previously published in either printed or electronic issues, are accepted for publication.

2. Author(s) shall submit the required hardcopy of the document package and the similar electronic one to the editorial office:

– text of the article in the Russian or English languages (with translation), or any national language (with translation into Russian) (article hard copy shall be signed by all authors);

– author (or team of authors) questionnaire;

– application of the author regarding the right of use of the article in the peer reviewed journal;

– certificate from the place of study (for post-graduate students).

Document package shall be submitted to the editorial office:

– hard copy to the address: 400010, Volgograd, Kachintsev Street, building 63, office 107;

– electronic copy to the email address: meon_nauka@mail.ru

Telephone for enquiries: (8442) 52-62-43. URL: http://vestnik.volbi.ru

The following shall be included in the article in accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission:

– UDC index (to be located at the top left-hand corner at the beginning of the scientific article);

– LBC index (to be located at the top left-hand corner of the scientific article);

– last name, name and patronymic in the Russian and English languages;

– scientific degree, academic rank, name and code of the scientific specialty (as per the range) of the dissertation research of the author in the Russian and English languages;

– department and educational institution shall be specified by the post-graduate students, doctoral student, external doctoral students, teachers of higher schools (master's degree students shall specify specialty of training) in the Russian and English languages;

– position, place of work, city, and country in the Russian and English languages;

– e-mail;

– code of the scientific specialty (as per the range);

– title of the article in the Russian and English languages (in capital letters, fonts TNR 16, center alignment);

– abstract in the Russian and English languages (fonts TNR 14, typeface – italics, full justification, minimum 600–800 characters without spaces);

– keywords in the Russian and English languages (10–12 words or phrases consisting of two-three words, comma separated, fonts TNR 14, typeface -– italics, full justification);

– introduction that states urgency, feasibility of the subject working out, scientific novelty, goal and objectives of research;

– main part. Main part of the article shall disclose the issues under consideration by means of analysis and synthesis, the ways of their resolution; shall justify received results and their confidence;

– methodology. This part shall describe sequence of research and justify selection of the used methods;

– results. This part takes main part of the scientific article; the author justifies the working hypothesis by means of generalization and data analysis. Research results shall be stated in brief; however, shall contain sufficient information for making conclusions;

– conclusion, findings. Conclusion shall contain summary of research results;

– references. References shall contain only the literature that quoted in the article.

Introduction, in which the level of the issue examination, its urgency, feasibility of studying, scientific novelty, goal and objectives of research are stated.

The articles submitted to the editorial office without meeting the above mentioned requirements shall not be reviewed.

СОДЕРЖАНИЕ

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Астратова Г. В., Кочерьян М. А.
О роли и месте физкультуры и спорта в системе высшего образования. Анализ с позиций институционального маркетинга
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 18

Балашова Н. Н., Чекрыгина Т. А., Мелихов В. А.
Развитие организационно-методических аспектов бухгалтерской экспертизы основных средств
в организациях аграрного сектора
08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика 32

Бубнова Ю. Б., Бубнов В. А.
Криптовалюты и их влияние на национальную налоговую систему
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит 40

Буркальцева Д. Д., Блажевич О. Г., Гук О. А., Тюлин А. С., Сафонова Н. С.
Классификация угроз финансовой безопасности государства в контексте трансформации социально-экономической системы
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (1. Финансовая система)
08.00.01 – Экономическая теория (1. Общая экономическая теория) 46

Бухвальд Е. М.
20 лет концепции совершенствования межбюджетных отношений: старые проблемы и новые подходы
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
(2.7 – Концептуальные основы межбюджетных отношений и бюджетного регулирования) 54

Ермакова Ж. А., Шестакова Е. В.
Механизмы формирования и развития «организаций будущего» в условиях новой экономики
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 62

Клименко Л. В., Посухова О. Ю.
Профессиональные установки российских военнослужащих: по материалам прикладного исследования
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (5.11 – Социально-трудовые отношения) 71

Шичиях Р. А., Шадрина Ж. А., Рыбалко Н. В., Харченко С. Н.
Государственное регулирование ценовой политики агроэкономики в современных условиях
(на примере плодово-ягодного подкомплекса Краснодарского края)
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 80

Агеева Е. В.
Пенсионное обеспечение государственных служащих: современные подходы к трансформации
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит 88

Арбатская Е. А.
Стратегия как инструмент управления конкурентоспособностью предприятия
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 93

Воронина Н. Ф.
Самоопределение учащегося как фактор формирования трудового ресурса
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами) 97

Ефремова Е. Н., Зенина Е. А., Кузнецова Е. А., Зубова О. Г.
Экономическое обоснование производства хлебобулочных изделий с использованием нетрадиционного сырья
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 102

Зараменских Е. П.
Трансформация организационных структур управления под воздействием фактора развития цифровой экономики
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством;
08.00.13 – Математические методы в экономике 107

Зубова О. Г.
Население сельских территорий: состояние и тенденции демографического развития
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (1.2. АПК и сельское хозяйство) 115

Капустина Ю. А., Ростовская Ю. Н., Стариков Е. Н.
Развитие методических инструментов сравнительной оценки потенциала региональных отраслевых комплексов на примере лесного сектора экономики
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 121

Киселева О. В., Мокроусов А. С.
Комплексная оценка эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит 130

Крылова Е. В.
Формирование элементов механизма планирования производственной деятельности на машиностроительном предприятии
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 138

Кузнецова Н. В.
Страхование имущества юридических лиц: проблемы и перспективы развития
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит 145

Орлова Е. В.
Формирование и реализация механизма бюджетно-налогового стимулирования предпринимательской активности моногородов
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит 149

Пашовкина Е. В.
Модель формирования системы сбалансированных показателей как инструмент управления бизнес-процессами
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 156

Пашовкина Е. В.
Управление качеством продукции зернопроизводства на предприятиях АПК Волгоградской области
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 162

Платонова Т. Е.
Зарубежный и российский опыт поддержки инвестиционных проектов в агропромышленном комплексе
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 170

Путилина И. Н., Шевченко О. П.
Развитие малого и среднего предпринимательства в России как один из способов улучшения социальной защищенности общества
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 176

Рыбянцева М. С., Серая Н. Н.
Раскрытие ключевых показателей эффективности в составе интегрированной отчетности
08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика 181

Семячков К. А.
Факторы развития социальных инноваций в условиях цифровизации
08.00.01 – Экономическая теория. 186

Степанова М. Н.
Особенности возникновения и рассмотрения споров по вопросам обязательного социального страхования
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит 191

Сычанина С. Н., Мирончук В. А., Шолин Ю. А.
Бережливое управление: методы и инструменты бережливого производства в муниципальном управлении, перспективы и практика применения
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 198

Сычанина С. Н., Мирончук М. И.
Налог на доходы физических лиц в муниципальном бюджете: администрирование налога и отчетность по налогу
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 203

Татаринова Л. В., Плотникова В. А.
Факторы, оказывающие влияние на ипотечное кредитование в Российской Федерации
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит 208

Хитрова Е. М., Хитрова Т. И., Попова Е. С.
Оценка влияния внешних и внутренних факторов на конкурентоспособность страховых организаций
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 216

Горбунова О. С.
Влияние потенциала формирования человеческого капитала на экономическое состояние сельского хозяйства
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (АПК и сельское хозяйство) 226

Дмитриева Л. И.
Повышение конкурентоспособности образовательных услуг на основе совершенствования профессиональных программ переподготовки специалистов в вузе
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 231

Коваленко Л. В., Пинчукова Г. В.
Сравнительный анализ зарубежных технологий формирования мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 237

Лапкова А. Г.
Командная работа как способ развития трудовой демократии и повышения эффективности труда
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (5.Экономика труда, 10. Менеджмент) 242

Мирончук В. А., Шолин Ю. А., Сычанина Е. А.
Трудоустройство инвалидов: механизмы стимулирования включения инвалидов в трудовой процесс в Российской Федерации
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 247

Молокова Е. Л.
Теория и методология анализа гибридной модели координации стейкхолдеров высшего образования
08.00.01 – Экономическая теория 251

Шпак Н. М.
Повышение эффективности воспроизводственного процесса в молочном скотоводстве Краснодарского края путем совершенствования хозяйственного механизма
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 257

Нефатова К. В.
Особенности развития энергетической инфраструктуры в постреформенный период функционирования электроэнергетики
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством 264

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Колесников Ю. А., Шарапов М. Ю.
Актуальные проблемы правового регулирования краудфандинга в России
12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право 268

Бабайцева Е. А.
Оказание услуг как объект предпринимательской деятельности
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. 274

Бабайцева Е. А.
Средства правового регулирования отношений по оказанию услуг в процессе осуществления предпринимательской деятельности
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. 279

Гумарова Р. Р.
О социально-трудовых гарантиях профессорско-преподавательского состава
12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения 287

Захаркина А. В.
Сложное корпоративное обязательство, являющееся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, и его значение для повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. 296

Каюмова Н. А.
Споры о цене как существенном условии договора долевого участия в строительстве многоквартирного дома
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. 301

Красиков Д. В.
Согласие как обстоятельство, исключающее международную противоправность деяния: нормативные риски и потенциал для обеспечения прав человека
12.00.10 – Международное право; европейское право 308

Липкина Н. Н.
Международно-правовые обязательства международных организаций в области прав человека
12.00.10 – Международное право; европейское право 313

Мардиева Э. Р., Яхина Р. Р.
Правовая природа некоторых объектов интеллектуальной деятельности
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. 319

Морхат П. М.
Совершенствование российского законодательства в части регулирования правового положения юнитов искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. 326

Штокало В. А., Штокало С. В.
Правовой статус администратора заседаний Совета графства Южный Дублин
12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право 330

Ахматьянова В. А., Сагитова И. Ф.
Структурная облигация как новый вид ценной бумаги в России
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. 334

Кузнецова А. С.
Правовая природа договора охраны объектов частной собственности
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. 340

Чернышев Д. Б.
Критерии отнесения преступления к группе совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства
12.00.08 – Уголовное право 345

Гамов Д. С.
Сравнительно-правовой анализ содержания некоторых понятий договорного права США и гражданского права России
12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право». 349

Кулакова М. Н.
Предупреждение коррупционных преступлений в оценке общественного мнения (прикладное исследование)
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право 354

Пивень А. Н.
Вопросы совершенствования уголовного законодательства по противодействию незаконной игорной деятельности в сети Интернет
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право 360

Читая Р. Г.
Новые вызовы института контролируемых иностранных компаний
12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право 366

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зотова С. С., Сафонова Т. В., Чиговская-Назарова Я. А.
Актуальные проблемы внедрения профессионального стандарта педагога в контексте применения управленческого цикла
13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования 371

Коновалов С. В., Козырев Н. А., Козырева О. А.
Теоретизация в педагогической науке: общенаучный и общепрофессиональный аспекты
13.00.08 – Теория и методика профессионального образования 376

Налобина А. Н.
Интегрированный подход в процессе спортивной подготовки лиц с поражением опорно-двигательного аппарата (на примере волейбола сидя)
13.00.04 – Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры 386

Рыбин Р. Е., Бабушкин Г. Д.
Предсоревновательная подготовка высококвалифицированных пловцов-спринтеров
13.00.04 – Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры 392

Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В.
Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания 398

Белоусова И. М.
Обучение в сотрудничестве как разновидность компетентностного подхода при формировании межкультурной коммуникативной компетенции иностранных студентов
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный) 405

Волкова Л. М., Голубев А. А.
Технология развития вестибулярной устойчивости студентов для обеспечения безопасности полетов в гражданской авиации
13.00.04 – Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры 413

Косарев Н. Ф., Рахимова Л. Р.
Модель подготовки специалиста на основе принципов дуального обучения
13.00.08 – Теория и методика профессионального образования 418

Кузнецова Е. И., Теров А. А.
Подготовка специалистов в области индивидуализации и тьюторства: некоторые аспекты модели компетенций тьюторской деятельности
13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.08 – Теория и методика профессионального образования 423

Сваталова Т. А., Ларюшкин С. А.
Нормативно-правовые основания развития профессиональной компетентности педагогов ДОО
13.00.08 – Теория и методика профессионального образования 432

Будько Е. А., Галлямов Р. К.
Развитие творческого потенциала одаренных детей в учреждении дополнительного образования
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (изобразительное искусство) 438

CONTENT

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES

Astratova G. V., Kocher'ian M. A.
The role and place of physical culture and sports in the system of higher education.
The analysis from the standpoint of institutional marketing
08.00.05 – Economics and management of national economy 18

Balashova N. N., Chekrygina T. A., Melikhov V. A.
Development of organizational-methodical aspects of accounting expertise of the fixed assets
in the organizations of the agrarian sector
08.00.12 – Accounting, statistics 32

Bubnova Yu. B., Bubnov V. A.
Cryptocurrencies and their impact on the national tax system
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit 40

Burkaltseva D. D., Blazhevich O. G., Guk O. A., Tyulin A. S., Safonova N. S.
Classification of threats of the financial security of the state in the context of transformation of the social-economic system
08.00.10 – Finance, money circulation and credit (1. The financial system)
08.00.01 – Economic Theory (1. General economic theory) 46

Bukhval′d E. M.
20 years of the concept of interbudgetary relations' improvement: old problems and new approaches
08.00.10 – Finance, money circulation and credit
(2.7 – Conceptual framework of inter-budget relations and budget regulation) 54

Ermakova Zh. A., Shestakova E. V.
Mechanisms of formation and evolution of the "organizations of the future" in the conditions of the new economy
08.00.05 – Economics and management of national economy 62

Klimenko L. V., Posukhova O. Yu.
Professional guidelines of russian military servicemen: on the materials of applied research
08.00.05 – Economics and national economy management (5.11 – Social and labor relations) 71

Shichiyakh R. A., Shadrina Zh. A., Rybalko N. V., Kharchenko S. N.
State regulation of the price policy of agroeconomics in modern conditions
(on the example of the fruit and berry sub-complex of the Krasnodar region)
08.00.05 – Economics and management of national economy 80

Ageeva E. V.
Pensions provision of the state employees: modern approaches to transformation
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit 88

Arbatskaya E. A.
Strategy as an instrument of management of competitiveness of enterprise
08.00.05 – Economics and management of national economy 93

Voronina N. F.
Self-determination of a student as a factor of the labor resource development
08.00.05 – Economy and management of national economy
(economy, organization and management of enterprises, industries, complexes) 97

Efremova E. N., Zenina E. A., Kuznetsova E. A., Zubova O. G.
The economic justification of production of bakery products using unconventional raw materials
08.00.05 – Economics and management of national economy 102

Zaramenskikh E. P.
Transformation of organizational management structures under the influence of the digital economics development factor
08.00.05 – Economics and management of national economy;
08.00.13 – Mathematical methods in economics 107

Zubova O. G.
Population of the rural territories: status and trends of demographic development
08.00.05 – Economics and management of national economy (1.2. Agribusiness and agriculture) 115

Kapustina Yu. A., Rostovskaya Yu. N., Starikov E. N.
The development of methodological tools for comparative evaluation of the potential of regional industrial complexes in terms of the forestry sector
08.00.05 – Economics and management of national economy 121

Kiseleva O. V., Mokrousov A. S.
Comprehensive assessment of efficiency of tax privileges for subjects of innovative activity
08.00.10 – Finance, money circulation and credit 130

Krylova E. V.
Formation of the elements of the mechanism of production activity planning at the machine-building enterprise
08.00.05 – Economics and management of national economy 138

Kuznetsova N. V.
Property insurance of business: problems and prospects of development
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit 145

Orlova E. V.
Formation and implementation of fiscal incentives for entrepreneurial activity of the single-industry towns
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit 149

Pashovkina E. V.
The model of formation of the balanced scorecard as a management tool business process
08.00.05 – Economics and management of national economy 156

Pashovkina E. V.
The product quality control of grain production on the agricultural enterprises of the Volgograd region
08.00.05 – Economics and management of national economy 162

Platonova T. E.
Foreign and russian experience of support of investment projects in the agro-industrial complex
08.00.05 – Economics and management of national economy 170

Putilina I. N., Shevchenko O. P.
The development of small and medium entrepreneurship in Russia as a way of improving the social security of the society
08.00.05 – Economics and management of national economy 176

Rybyantseva M. S., Seraya N. N.
Disclosure of the key indicators of efficiency in the integrated reporting
08.00.12 – Accounting, statistics 181

Semyachkov K. A.
Factors of development of social innovations in the conditions of digitalization
08.00.01 – Economic theory 186

Stepanova M. N.
Pculiarities of the rise and consideration of disputes on issues of mandatory social insurance
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit 191

Sychanina S. N., Mironchuk V. A., Sholin Yu. A.
Lean governance: methods and tools of lean production in municipal management, perspectives and practice
08.00.05 – Economics and management of national economy 198

Sychanina S. N., Mironchuk M. I.
Personal income tax in the municipal budget: tax administration and tax report
08.00.05 – Economics and management of national economy 203

Tatarinova L. V., Plotnikova V. A.
Factors that affect the mortgage lending in the Russian Federation
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit 208

Khitrova E. M., Khitrova T. I., Popova E. S.
Assessment of the impact of internal and external factors on competitiveness of insurance companies
08.00.05 – Economics and management of national economy 216

Gorbunova O. S.
The influence of the potential of the human capital formation on the economic condition of agriculture
08.00.05 – Economy and management of national: economy, organization and management of the enterprises, branches, complexes (agrarian and industrial complex and agriculture) 226

Dmitrieva L. I.
Increasing competitiveness of educational services based on improvement of professional programs of retraining of specialists in the university
08.00.05 – Economics and management of national economy 231

Kovalenko L. V., Pinchukova H. V.
Comparative analysis of foreign technologies of formation of motivation complex of the state and municipal officers
08.00.05 – Economy and management of national economy 237

Lapkova A. G.
Teamwork as a way of development of labor democracy and labor efficiency enhancement
08.00.05 – Economics and management of national economy (5.Labor economics, 10.Management) 242

Mironchuk V. A., Sholin Yu. A., Sychanina E. A.
Employment of disabled people: mechanisms of stimulation of disabled people inclusion in the labor process in the Russian Federation
08.00.05 – Economics and management of national economy 247

Molokova E. L.
Theory and methodology of analysis of the hybrid model of coordination of higher education stakeholders
08.00.01 – Economic theory 251

Shpak N. M.
Enhancing efficiency of the reproductive process in dairy cattle breeding in Krasnodar region by improving the economic mechanism
08.00.05 – Economy and management of national economy 257

Nefatova K. V.
The features of development of the energy infrastructure in the post-reform period of electric power engineering functioning
08.00.05 – Economics and management of national economy 264

12.00.00 LAW SCIENCES

Kolesnikov Yu. A., Sharapov M. Yu.
Actual issues of legal regulation of crowdfunding in Russia
12.00.04 – Financial law; tax law; budget law 268

Babaitseva E. A.
Rendering services as an object of entrepreneurial activity
12.00.03 – Civil law; business law; family law; private international law 274

Babaitseva E. A.
Means of legal regulation of relations on rendering services in the course of implementation of business activities
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law 279

Gumarova R. R.
On the social and labor guarantees for teaching stuff
12.00.05 – Labor law; social security law 287

Zakharkina A. V.
Complex corporate obligation as a basis for external corporate control, and its importance for increasing the investment attractiveness of the russian legal system
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law 296

Kayumova N. A.
Disputes about the price as an essential condition of the contract of share participation in construction of apartment buildings
12.00.03 – Civil right; business law; family law; private international law 301

Krasikov D. V.
Consent as a circumstance precluding international wrongfulness of conduct: regulatory risks and potential capacity to ensure human rights
12.00.10 – International law; European law 308

Lipkina N. N.
The international legal obligations of the international organizations in the area of human rights
12.00.10 – International law; European law 313

Mardieva E. R., Yahina R. R.
The legal nature of certain intellectual activities
12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law 319

Morkhat P. M.
Improvement of the russian legislation in terms of regulating the legal status of the artificial intelligence units in the field of the intellectual property law
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law 326

Shtokalo V. A., Shtokalo S. V.
The legal status of the meetings administrator of the South Dublin County Counci
12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the concept of law and state
12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law 330

Akhmatyanova V. A., Sagitova I. F.
Structural bond as a new perspective of the securities in Russia
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law 334

Kuznetsova A. S.
Legal nature of the security contract of private property objects
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law 340

Chernyshev D. B.
Criteria for attributing a crime to the group of crimes committed in the housing and communal services
12.00.08 – Criminal law 345

Gamov D. S.
Comparative legal analysis of the content of some concepts of the US contract law and the Russian civil law
12.00.03 – «Civil law; corporate law; family law; private international law» 349

Kulakova M. N.
Prevention of corruption crimes in assessment of the public opinion (applied research)
12.00.08 – Criminal law and criminology; criminally-executive law 354

Piven A. N.
Issues of improving criminal legislation to counteract illegal gambling activities in the Internet
12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law 360

Chitaya R. G.
New challenges of the controlled foreign companies
12.00.04 – Financial law, tax law, budget law 366

13.00.00 PEDAGOGICAL SCIENCES

Zotova S. S., Safonova T. V., Chigovskaya-Nazarova Ya. A.
Relevant problems of introducing a professional teacher standard in the context of the management cycle application
13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education 371

Konovalov S. V., Kozyrev N. A., Kozyreva O. A.
Theoretization in pedagogical science: the general scientific and general professional aspects
13.00.08 – Theory and methodology of professional education 376

Nalobina A. N.
Integrated approach in the process of sport training of the physically impaired people (on an example of sitting volleyball)
13.00.04 – Theory and technique of physical education, sports training, health and adaptive physical culture 386

Rybin R. E., Babushkin G. D.
Precompetitive training of the highly skilled swimmers-sprinters
13.00.04 – Theory and a technique of physical training, a sports training, improving and adaptive physical culture 392

Tareva E. G.,Vikulova L. G., Makarova I. V.
Innovative modeling of cases on intercultural communication
13.00.02 – Theory and methodology of teaching and upbringing 398

Belousova I. M.
Training in cooperation as a kind of competence approach in the formation
of the intercultural communicative competence of foreign students
13.00.02 – Theory and methodology of teaching and upbringing
(Russian as a foreign language) 405

Volkova L. M., Golubev A. A.
Technology of development of vestibular stability of students to ensure flight safety
in the civil aviation
13.00.04 – Theory and methods of physical education, sports training,
health and adaptive physical culture 413

Kosarev N. F., Rakhimova L. R.
Model of specialist training based on the principles of dual training
13.00.08 – Theory and methodology of professional education. 418

Kuznetsova E. I., Terov A. A.
Professional education of specialists in the fiels of individualization and tutoring:
some aspects of their competence model
13.00.01 – General Pedagogics and history of pedagogics and education
13.00.08 – Theory and methodology of professional education. 423

Svatalova T. A., Laryushkin S. A.
Regulatory and legal grounds for professional competence development
of teachers of preschool educational organization
13.00.08 – Theory and methodology of vocational education 432

Bud'ko E. A., Gallyamov R. K.
Development of creative potential of gifted children at the institution of extended education
13.00.02 – Theory and methodology of teaching and upbringing (fine arts). 438

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
08.00.00 ECONOMIC SCIENCES

УДК 333.36
ББК 65.2/4

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.401

Astratova Galina Vladimirovna,
doctor of economics, candidate of technical sciences, professor,
head of the department of economics of housing,
municipal services and energy,
Ural State Economic University,
Yekaterinburg,
astratova@yahoo.com

Astratova Galina Vladimirovna,
д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор,
зав. кафедрой экономики жилищного,
коммунального хозяйства и энергетики,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург,
e-mail: astratova@yahoo.com

Kocher'ian Maksim Arturovich,
head of the department of sports
and health work,
senior lecturer of the department
of physical education and sports,
Ural State Economic University,
Yekaterinburg,
e-mail: mkocheryan@mail.ru

Кочерьян Максим Артурович,
начальник управления по спортивно-массовой
и оздоровительной работе,
старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург,
e-mail: mkocheryan@mail.ru

О РОЛИ И МЕСТЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ. АНАЛИЗ С ПОЗИЦИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА

THE ROLE AND PLACE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION. THE ANALYSIS FROM THE STANDPOINT OF INSTITUTIONAL MARKETING

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В статье на основе междисциплинарного анализа (с позиций социологии, педагогики, экономики, менеджмента и маркетинга) проведено исследование роли и места физкультуры и спорта (ФИС) в системе высшего образования. Выявлены основные вопросы, на которых концентрируют свое внимание специалисты различных отраслей знания при исследовании проблематики ФИС. Показано, что роль ФИС в системе высшего образования на текущий момент с позиций междисциплинарного анализа оценена недостаточно и нуждается в дополнительных исследованиях.

Уточнен категориальный аппарат исследования и представлены авторские формулировки понятий «институциональный маркетинг» и «институт ФИС в системе государственного высшего образования» как категория институционального маркетинга. Представленные формулировки отличаются от известных определений, во-первых, тем, что во главу угла поставлено многостороннее согласование интересов (государства, бизнеса и населения либо государства, бизнеса, общества и образовательных учреждений) в процессе обеспечения правил рынка. Во-вторых, тем, что в отличие от имеющихся формулировок мы говорим о маркетинге как о механизме согласования интересов и подразумеваем, что акторы рынка заинтересованы в наличии ограничений рынка в процессе функционирования института ФИС.

Роль и место физкультуры и спорта в системе высшего образования на текущий момент недооценены, поскольку, с одной стороны, и государство, и общество понимают и декларируют хорошую физическую форму и здоровье человека, а также подготовку специалистов в системе высшего образования как значимые благо и ценность, а, с другой стороны, экономические рычаги, механизмы стимулирования поддержания физической формы и здоровья в процессе жизнедеятельности человека в целом и в процессе обучения в вузе разработаны недостаточно.

This article assesses of the role and place of physical culture and sports (PC&S) in the higher education based on the interdisciplinary analysis (from the standpoint of sociology, pedagogy, economics, management and marketing). The main issues on which experts of various branches of knowledge concentrate their attention in the study of problems of PC&S are identified. It is shown that currently the role of PC&S in higher education from the standpoint of the interdisciplinary analysis is not assessed enough and needs additional research.

The categorical apparatus of the research is clarified and the author's formulations of the concepts "institutional marketing" and 'Institute of PC&S" in the system of public higher education as a category of the institutional marketing are presented. The presented formulations differ from the known definitions in that, firstly, the multilateral coordination of interests (state, business and population, or the state, business, society and educational institutions) in the process of ensuring the rules of the market is at the forefront. Secondly, the fact that, unlike the existing formulations, we are talking about marketing as a mechanism for coordinating interests and imply that market actors are interested in the presence of market restrictions in functioning of the institute of PC&S.

The role and place of physical culture and sports in the system of higher education are currently underestimated, because, on the one hand, both the state and society understand and declare a good physical shape and human health, as well as training of specialists in the higher education system, as a significant benefit and value, and, on the other hand, the economic levers, mechanisms to stimulate the maintaining of physical shape and health in the process of human life in general and in the process of education at the University are not developed enough.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, ФИС, система высшего образования, высшее образование, университеты, вузы, междисциплинарное исследование, качество жизни, физкультура и спорт в вузе, маркетинг, институциональный маркетинг.

Key words: physical culture and sport, PC&S, system of higher education, higher education, universities, higher schools, interdisciplinary research, quality of life, physical culture and sports at the University, marketing, institutional marketing.

Введение

Актуальность исследования. Физическая культура и спорт (далее — ФИС) приобретают особенное значение в современных условиях, поскольку, в эпоху постиндустриального развития человек все меньше двигается и все больше сидит за компьютером и/или за рулем автомобиля. Такая низкая физическая активность в сочетании с высококалорийным питанием приводит не только к утере физической формы, но и к приобретению болезней XX–XXI вв., таких как ожирение, сахарный диабет, сердечно-сосудистая недостаточность и т. п. С другой стороны, в учебных программах учреждений высшего образования РФ имеется в качестве обязательной учебной дисциплины такая дисциплина, как «Физическая культура». Более того, во многих российских вузах имеются спортивные клубы, фитнес-клубы и клубы по спортивным интересам, позволяющие студентам и сотрудникам вузов заниматься спортом и как хобби, и как профессиональной деятельностью. В этих условиях оценка роли и места ФИС в системе высшего образования имеет непреходящее значение.

Изученность проблемы. Вместе с тем анализ доступной нам литературы показывает, что заявленная нами проблематика весьма подробно изучена в работах социологов и педагогов, но совершенно недостаточно — с позиций экономического знания, и особенно в системе маркетинга и институционального маркетинга. Немаловажно и то, что экономические аспекты роли и места ФИС в системе высшего образования практически не имеют адекватного отражения в научной литературе.

Целесообразность разработки заявленного вопроса заключается в том, что по своей сути ФИС являются весьма затратной сферой деятельности, которую в советский период целиком и полностью финансировало государство, а с переходом к рыночным отношениям возникает необходимость разработки механизмов согласования интересов государства, бизнеса и общества. Одним из таких инструментов может быть институциональный маркетинг, инструменты которого вполне применимы в системе высшего образования.

Научной новизной исследования являются следующие результаты:

— междисциплинарный подход к исследованию роли и места ФИС в системе высшего образования;

— уточнение категориального аппарата исследования в части «институциональный маркетинг» и «институт ФИС в системе государственного высшего образования»;

— применение инструментов институционального маркетинга к ФИС в вузе;

— выявление ведущей роли ФИС в системе высшего образования с позиций институционального маркетинга.

Целью исследования явилось проведение междисциплинарного анализа роли и места ФИС в системе высшего образования и применение инструментов институционального маркетинга к ФИС в вузе.

Задачи исследования:

— уточнение категориального аппарата исследования;

— выявление вопросов, на которых концентрируют свое внимание специалисты различных отраслей знания при исследовании проблематики ФИС;

— применение междисциплинарного подхода к исследованию роли и места ФИС в системе высшего образования;

— использование инструментов институционального маркетинга к ФИС в вузе;

— выявление роли и места ФИС в системе высшего образования с позиций институционального маркетинга.

Основная часть

Структура физической культуры неоднородна и многокомпонентна (рис. 1), что позволяет физической культуре создавать предпосылки для успешного овладения профессией и эффективного выполнения различных видов деятельности [1; 2 и др.].

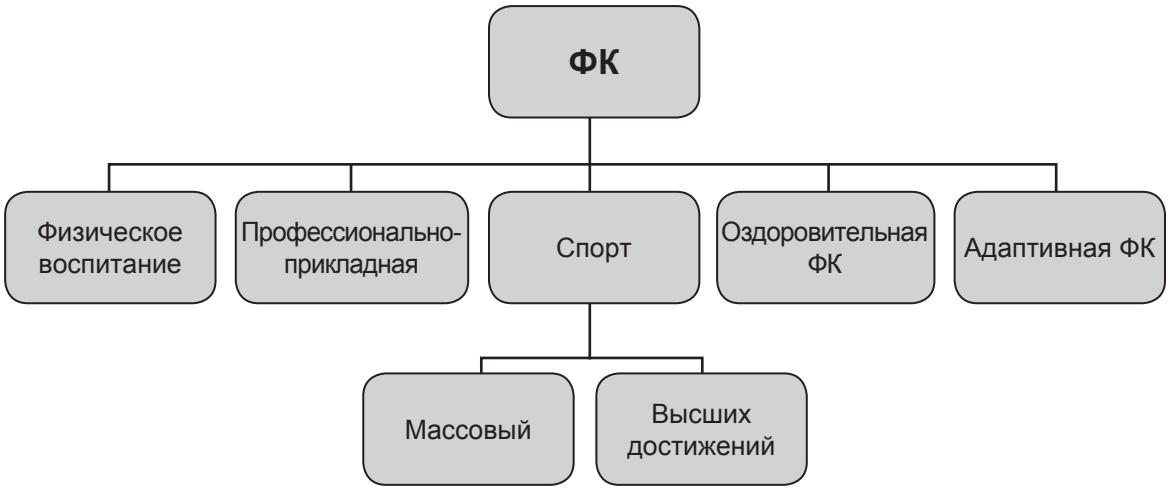

Рис. 1. Компоненты физической культуры (ФК) [1, с. 210]

Как совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечают Р. Ф. Идрисова и В. М. Крылов [3], — «одним из показателей состояния физической культуры и спорта в обществе является степень использования физической культуры в сфере образования». Об этом же говорят и результаты исследований отечественных и зарубежных ученых и практиков [4–13 и др.], показывающие, что на текущий момент в сфере физической активности и спорта наблюдаются тенденции, в которых также имеет место и развитие спорта в системе высшего образования. Действительно, активизация студенческого спорта завершает пятерку ключевых тенденций развития ФИС в глобальном разрезе:

1) активное развитие спортивного предпринимательства;

2) повышение роли государства и местных органов власти в развитии массового и оздоровительных видов спорта в целях преодоления демографической асимметрии;

3) возрастание интереса к спорту высших достижений;

4) интернационализация и глобализация соревнований;

5) активное развитие студенческого спорта [62].

В данной связи необходимо отметить, что о развитии спорта в системе российского образования говорится в ФЗ «О физической культуре и спорте»[1]. Так, в статье 28 отмечается, что образовательные организации с целью вовлечения обучающихся в занятия ФИС имеют право самостоятельно определять «…формы занятий физической культурой, средства физического воспитания, виды спорта и двигательной активности, методы и продолжительность занятий физической культурой на основе федеральных государственных образовательных стандартов и нормативов физической подготовленности».

Организация воспитания и образования в области ФИС в образовательных организациях РФ согласно федеральному законодательству включает в себя следующие десять основных видов деятельности:

«1) проведение обязательных занятий физической культурой и спортом в пределах основных образовательных программ, а также дополнительных (факультативных) занятий физической культурой и спортом в пределах дополнительных общеобразовательных программ;

2) создание условий, в том числе обеспечение спортивным инвентарем и оборудованием, для проведения комплексных мероприятий по физкультурно-спортивной подготовке обучающихся;

3) формирование у обучающихся навыков физической культуры с учетом индивидуальных способностей и состояния здоровья, создание условий для вовлечения обучающихся в занятия физической культурой и спортом;

4) осуществление физкультурных мероприятий во время учебных занятий;

5) проведение медицинского контроля за организацией физического воспитания;

6) формирование ответственного отношения родителей (лиц, их заменяющих) к здоровью детей и их физическому воспитанию;

7) проведение ежегодного мониторинга физической подготовленности и физического развития обучающихся;

8) содействие организации и проведению спортивных мероприятий с участием обучающихся;

9) содействие развитию и популяризации школьного спорта и студенческого спорта;

10) участие обучающихся в международных спортивных мероприятиях, в том числе во Всемирных универсиадах и официальных спортивных соревнованиях»[2].

Анализ доступной нам литературы показывает, что теоретические аспекты ФИС рассматриваются преимущественно в естественно-научных отраслях знания, таких как медицина, валеология, геронтология, антропология, биология, биохимия и т. п. В то же время в контексте гуманитарного знания исследование проблематики ФИС представлено весьма асимметрично. Так, весьма подробно актуальные вопросы ФИС, и особенно в системе высшего образования, изучены с позиций социологии и педагогики.

В частности, исследования ФИС в области **социологии** ориентированы, как правило, на общие вопросы, связанные с поиском социальной осмысленности спортивных практик, попыткой их встраивания в различные сегменты социальной структуры. Например, с позиций социологии для спортивной деятельности как социального института характерными являются соревновательность, организованность и наличие официальных сообществ [14, с. 65–66]. Более того, с позиций социологии «институт физической культуры и спорта понимается как система норм, правил, соглашений и механизмов формальных и неформальных взаимодействий в социальной системе» [15, с. 67]. Близкие позиции высказывают и другие авторы [16].

Кроме того, анализу места и роли физической культуры и спорта в вузе, а именно организации досуговой и рекреационной деятельности, реализации творческого потенциала, развитию сущностных сил студентов, посвящены работы Г. Е. Зборовского, Л. Н. Когана, Г. П. Орлова, В. С. Цукермана и др. Особенности социальной структуры и функционала современных физкультуры и спорта, в том числе вузовского, рассматривают в своих трудах такие социологи, как К. Айзенберг, Л. В. Аристова, В. Г. Бауэр, В. Е. Борилкевич, П. А. Виноградов, С. И. Гуськов, Р. Джексон, Б. В. Дубин, В. В. Зверева, Ф. Р. Зотова, А. С. Чинкин, А. А. Исаев, П. Коски, В. В. Кузин, Н. В. Ларшина, С. Н. Литвиненко, Л. П. Матвеев, О. С. Метлушко, В. А. Пономарчук, В. С. Родиченко, К. Л. Стивенсон, В. Н. Супиков, А. Б. Суник, В. Д. Паначев, Ю. А. Фомин и др.

Анализ доступной нам литературы позволил сделать вывод о том, что социологи, обсуждая и критикуя принципиальные моменты эффективности ФИС и их полезности для общества, тем не менее, не предлагают наиболее эффективных моделей организации студенческого спорта и физического воспитания как в сложившихся социальных условиях, так и с учетом реалий нынешней системы высшего образования.

Иными словами, социологи, на наш взгляд, концентрируют свое внимание преимущественно на вопросе: «*Какие социальные институты, общности и отношения* окружают ФИС как феномен?».

Исследованиям ФИС в вузах с позиций **педагогики** также посвящено довольно много исследований. Существенный вклад привнесен такими отечественными и зарубежными педагогами, как Ф. Акоста, К. С. Вранкен,

[1] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Глава 3. Ст. 28.

[2] Там же.

М. Я. Виленский, Г. С. Деметер, Ю. И. Евсеев, Ю. А. Зубарев, В. А. Масляков, В. С. Матяжов, В. Л. Назаров, С. Д. Неверкович, Д. А. Обожина, Д. Д. Пизарро, А. В. Починкин, М. В. Прохорова, А. Ю. Середа, С. А. Хазова, В. В. Черняев, Е. Л. Чеснова, Ю. А. Фомин, В. И. Шалупин, Ю. А. Ямпольская и др.

Большинство из этих работ ориентированы в основном на формы и методы организации физического воспитания в образовательных организациях. Например, как отмечает в своем исследовании Ю. И. Евсеев, окружающая вузовская среда, ее «…многокомпонентность и положительное влияние на студента, особенно первокурсника, корреляционно зависит от уровня педагогического мастерства преподавателей до наиглавнейшего компонента – вузовской (не школьной «физры») физической культуры, спорта, существенно сокращающей период адаптации недавних школьников к условиям пребывания в вузе с его «мягкими» на первых порах формами и видами обучения в течение семестра и неизмеримо жесткими по отношению к организму, порой еще недостаточно окрепшему, в периоды зачетов и экзаменов» [4, с. 114–115].

В то же время именно педагогическими исследованиями выявлена в обобщенном виде схема физической культуры личности (рис. 2).

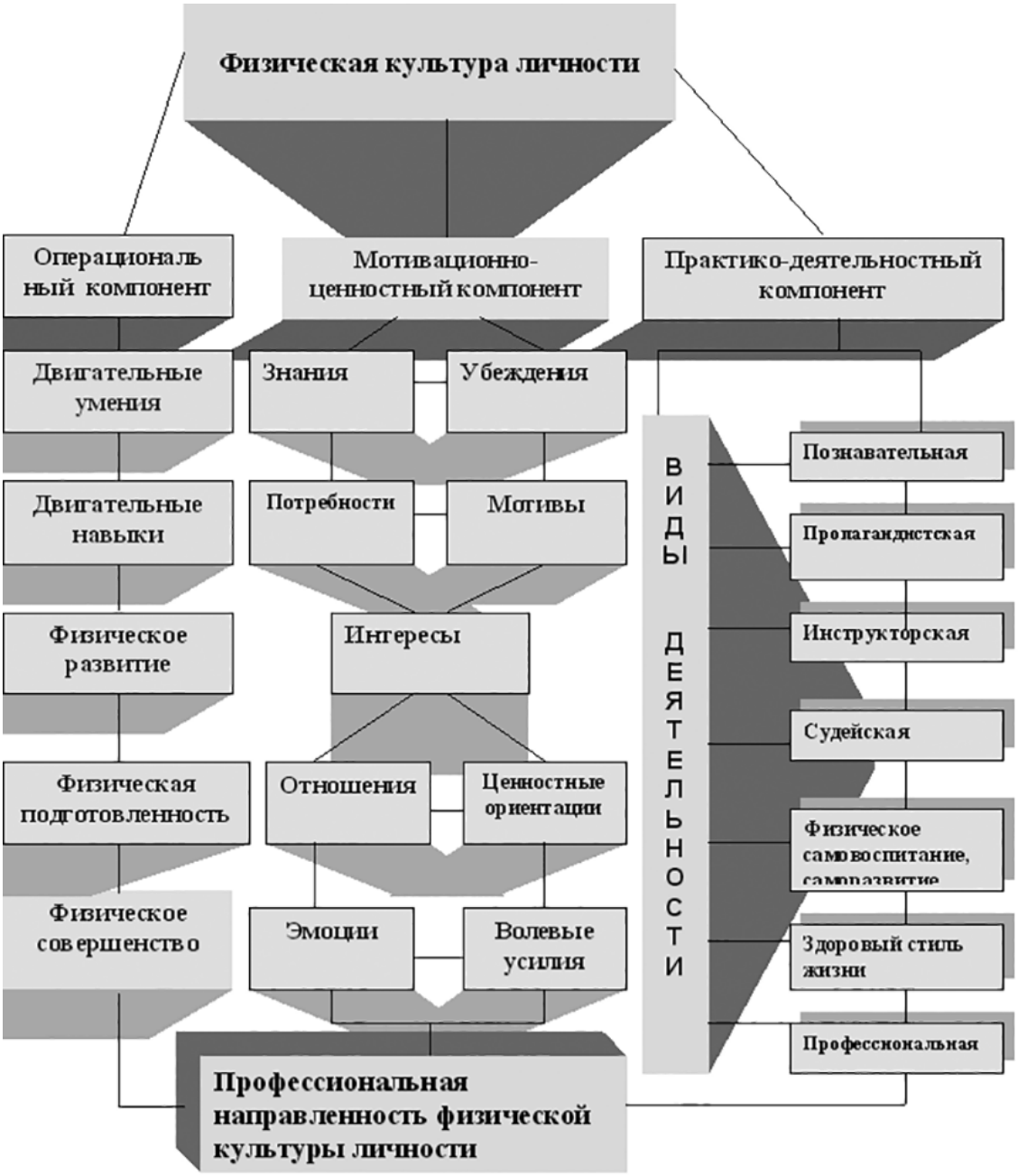

Рис. 2. Схема физической культуры личности, по В. И. Шалупину [2, с. 5]

Вместе с тем, исследования в педагогических отраслях знания не учитывают в должной мере социально-экономическую сущность спорта и принципиальные изменения, происходящие в нем (поскольку общество постоянно изменяется, а вместе с ним изменяются и производительные силы и производственные отношения в социуме), не уделяют должного внимания выработке показателей социальной и экономической (а не организационной и образовательной, процессуальной) эффективности ФИС и т. д.

Иными словами, мы считаем, что педагоги концентрируют свое внимание преимущественно на вопросах: «*Как преподавать*?» и «*Что именно* преподавать, *чему учить*?». Однако вопросы экономики, менеджмента и маркетинга в сфере ФИС, в целом, и в ФИС в образовательном пространстве, в частности, рассмотрены весьма фрагментарно. Об этом весьма убедительно говорит и такой факт, как ограниченное количество защищенных в РФ за последние 10 лет диссертаций[3] по научным специальностям 08.00.05 («Экономика и управление народным хозяйством») и 08.00.01 («Экономическая теория»).

Исследованиям ФИС как отдельной отрасли национальной экономики с позиций **экономики** посвящены работы таких ученых, как В. У. Агеевец, В. Андрефф, Л. В. Аристова, Е. Г. Григорьева, А. А. Казаков, Дж. Куирк, Г. И. Мансурова, А. А. Никифоров, Р. Нолл, Р. М. Орлова, И. С. Ферова, Дж. Физель, Р. Форт, Ф. Шааф, О.Н. Шилина, С. Шимански, С. П. Шпилько и др. В системе экономического знания ФИС как отрасль народного хозяйства относят к социально-культурной сфере, удовлетворяющей совокупность потребностей культурного порядка (рис. 3).

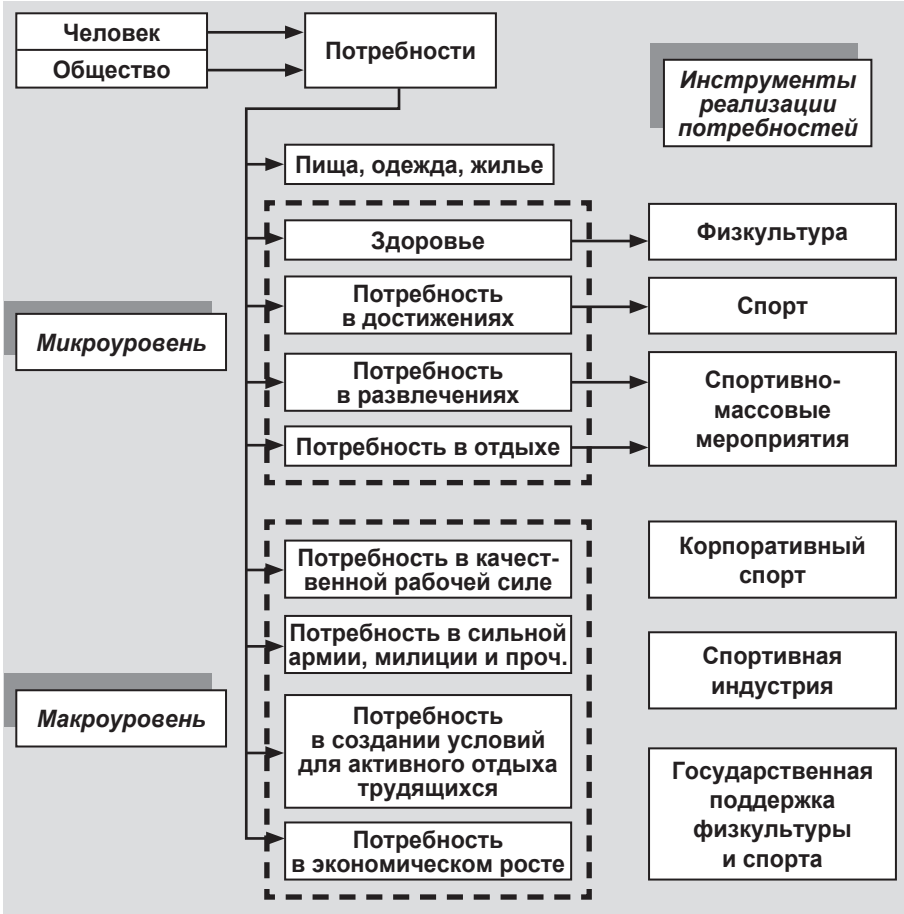

Рис. 3. Взаимосвязь индивидуальных и общественных потребностей с физической культурой и спортом [17]

Как совершенно справедливо отмечается в исследовании Л. В. Аристовой, «продукция» отрасли «физическая культура и спорт» — это не только общественные и квазиобщественные блага и услуги, но и натурально (в крупном плане) — здоровье, гармоничное развитие человека и подготовка его к активной социальной практике, досуг и др. — носит четко выраженный общественный характер, предназначена для «всех и каждого», то есть для всего общества в целом и для каждого его члена в отдельности» [18, с. 13].

Немаловажно в контексте нашего исследования, что ряд ученых (М. П. Бондаренко, В. В. Галкин, А. Р. Баймурзин, У. Ш. Сундетова и др.) исследуют формирование модели сферы ФИС в контексте перспектив развития рынка труда и рынка услуг образования, как в сфере ФИС, так и вне этой сферы. Так, В. В. Галкин отмечает, что высшее образование играет решающую роль в системе подготовки и переподготовки кадров для ФИС, поскольку выпускники профильных вузов обеспечивают интеграцию в единый комплекс физкультурного образования, науки и практики (см. рис. 4 на стр. 23).

Кроме того, ФИС как социальный институт «…является важным компонентом системной подготовки людей в их трудовой и общественной деятельности. Все это свидетельствует о возрастании роли и значимости института физической культуры и спорта для общественного развития на его современном этапе» [15, с. 4].

Иными словами, мы можем констатировать, что экономисты концентрируют свое внимание преимущественно на двух вопросах:

1) «*Какова стоимость обеспечивающих ФИС ресурсов и благ, которые дают человеку и обществу физкультура и спорт в целом и в системе образования в частности?*»;

2) «*Каковы перспективы развития рынка труда в контексте новых моделей развития физкультуры и спорта?*».

[3] Согласно результатам просмотра сайта ВАК РФ с 2009 по 2018 гг. URL: http://vak.ed.gov.ru/dis-list

Рис. 4. Физкультурные вузы в структуре рынков труда [17]

Исследованиям ФИС в вузах с позиций **управления (менеджмента)** в целом и вузовского управления в частности посвящены работы таких ученых, как Р. Дж. Аммон, С. Барр, И. В. Брызгалов, В. Гиргинов, Р. Ф. Идрисова, В. М. Крылов, А. Б. Малинин, В. А. Малинин, Л. Мастералексис, И. Ю. Сазонов, О. Н. Степанова, У. Фрисби, Е. В. Хомко, М. Хумс и др. Необходимо отметить, что здесь внимание акцентируется на разработку методических основ совершенствования управления системой предоставления образовательных услуг в сфере ФИС в интересах повышения эффективности и качества образовательных услуг.

Также анализ литературы показывает, что ученых интересуют преимущественно конкретные, практические механизмы повышения эффективности всей системы управления физической культурой в рамках более общей организации вуза. Идеологические принципы, социальная логика, которая составляет концептуальную основу формирования данной системы, учитывается, но анализируется (подвергается сомнению) значительно реже и в меньшей степени, чем логика (в данном случае – стратегия и тактика) реализации поставленной управленческой цели.

Иными словами, управленцы, на наш взгляд, концентрируют свое внимание преимущественно на вопросе: *«Как измерить эффективность применяемых инструментов управления ФИС в целом и в системе образования в частности?»*.

Анализ доступных нам источников литературы говорит о том, что понятия «маркетинг спорта» и «маркетинг ФИС» являются достаточно новыми категориями, а научная школа в данном направлении находится в стадии активного формирования. Так, проблематика ФИС с позиций маркетинга в целом весьма неплохо отражена в работах таких зарубежных авторов, как Дж. Бич, Х. Вестербик, М. Киннель, Дж. МакДугалл, С. Квик, Б. Дж. Муллин, Б. Г. Питс, Д. К. Стотлар, У. А. Сьюттон, С. Харди, С. Чедвик, Д. Шилбури и др.

В исследованиях зарубежных маркетологов отражены отличительные особенности маркетинга в спорте (специфика спорта как продукта, сила и ценность бренда, участие потребителей в производстве продукта, влияющие на спорт, социокультурные факторы, особые отношения со СМИ и т. п.). Например, в работе американских исследователей утверждается, что в самом первом приближении маркетинг спорта (или спортивный маркетинг) — «это непрерывный поиск возможностей комплексного решения как непосредственных, так и косвенных задач потребителей спорта, компаний, работающих в спортивной сфере, и других физических лиц и организаций, связанных со спортом, в условиях изменчивой и непредсказуемой среды, характерной для самого понятия «спорт» [19]. В то же время мы не можем сказать, что в данной дефиниции и понятийном аппарате других авторов [20; 21 и др.] полностью отображена суть феномена маркетинга спорта.

Иными словами, западные специалисты в сфере маркетинга концентрируют свое внимание преимущественно на вопросе: «*Как минимизировать издержки на продвижение спорта и увеличить отдачу от инвестиций в физкультуру и спорт?*»

Среди российских исследователей маркетинга в сфере ФИС можно назвать работы таких ученых, как Н. А. Бурибаева, В. В. Галкин, С. И. Гуськова, А. Е. Ефимова, Л. В. Жестянников, А. А. Иванов, А. А. Карпунин, А. В. Литвинов, И. М. Очиров, И. И. Переверзина, О. Н. Степанова, Е. В. Таймазова и др. Эти работы направлены в основном на изучение инструментов маркетинга, связанных с позиционированием спортивной продукции и спортивных организаций, оценкой конкурентоспособности товаров и услуг спорта, методов стимулирования потребителя на рынках товаров и услуг спорта и т. п.

Иными словами, отечественные маркетологи концентрируют свое внимание преимущественно на вопросе «*Какова специфика рынков товаров и услуг спорта и особенности техники и технологии исследования этих рынков?*».

Исследованиям ФИС в системе вузов с позиций **маркетинга** и **институционального маркетинга** посвящено недостаточное, по нашему мнению, количество работ.

Прежде всего хотелось бы вкратце остановиться на самой проблематике институционального маркетинга. Общеизвестно, что традиционные маркетинговые концепции[4] фокусировались на микроокружении и функциональном управлении организации. Вместе с тем, как совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает Дж. Р. Эллиот [22], современные бизнес-единицы «…расширили свое внимание и включили в рыночную ориентацию фирмы больше функций и акцентов на макроэкономическую среду»[5]. На это же обращает внимание и Р. У. Митчелл [23] с коллегами, подчеркивая, что долгое время «…фирмы были сконцентрированы на краткосрочном успехе и зачастую не учитывали в долгосрочной перспективе экологические, социальные и экономические последствия своей деятельности», что говорит о необходимости пересмотра концепции маркетинга и усиления акцента на факторы внешней среды, окружающие фирму в ее повседневной деятельности.

В продолжение этих и других исследований, посвященных проблемам социально-этического маркетинга [24–32 и др.], в последнее время многие авторы отмечают, что в процессе проведения маркетинговых исследований недостаточное внимание уделяется вопросам участия в рыночных процессах государства и иных институтов, обеспечивающих формальные правила обмена. В этой связи появляются и вводятся в научный оборот такие понятия, как «маркетинг институтов», «институциональный маркетинг», «институционализация маркетинга» и т. п., которые трактуются различными исследователями по-разному: от деятельности службы PR университета до инструмента по созданию конкурентного преимущества бизнеса, а также особой концепции маркетинга, учитывающей правила и норма обмена (табл. 1).

Таблица 1

Основные виды дефиниций понятия «институциональный маркетинг» (далее — ИМ) в трактовке различных авторов

Содержание трактовки ИМ	Источник
1. ИМ — это маркетинг, который расширяет сферу маркетинговых исследований до изучения как формальных, так и неформальных ограничений рынка	[33–35]
2. ИМ представляет собой коммерческую деятельность на рынке организаций, на котором в качестве покупателей выступают организации, приобретающие товары (услуги) в образовательных, благотворительных, общественных и прочих некоммерческих целях	[36]
3. ИМ — это коммерческая деятельность на рынке, где «…покупателями являются крупные игроки, такие как больницы, школы, университеты и отели, а приобретенный продукт напрямую не потребляется ими. Они используют приобретенный товар для доставки и создания товаров и услуг самостоятельно. Пример: гостиницы покупают предметы мебели и продукты питания в большом количестве. Но это не используется владельцем отеля; эти товары используются для предоставления услуг своим клиентам в необходимой форме»	[37]
4. ИМ — это деятельность службы отдела PR в университете, миссия которой заключается в предоставлении ресурсов для прочих отделов университета	[38, 39]
5. ИМ представляет собой инструмент для получения конкурентного преимущества бизнеса, где процесс развития институциональной и легитимной эффективности внешней среды интегрируется с легитимностью и эффективностью в контексте бизнес-маркетинга	[40]
6. ИМ — это «маркетинг создания популярности» товаров и услуг; «...деятельность, направленная на создание и поддержание благоприятного имиджа организации, с целью получения коммерческих выгод, повышения рыночной стоимости, капитализации и проч.»	[41]
7. ИМ может быть представлен, как «концепция управления и исследования организации, правил и норм обмена»	[34]
8. «Мы опираемся на ключевую роль маркетинга — удовлетворение нужд и потребностей людей и поэтому определяем маркетинг институтов как деятельность по удовлетворению потребностей экономических агентов в установлении правил, норм и механизмов контроля рыночного поведения, с целью эффективного институционального развития общества»	[42]

Источник: составлено авторами на основании изучения различных источников.

Наблюдаемая разница в суждениях может быть объяснена тем, что концепция ИМ является весьма новой и недостаточно разработанной научной проблемой. В данной связи считали целесообразным предложить авторскую трактовку понятия «институциональный маркетинг», отличающуюся от известных определений тем, что, во-первых, во главу угла поставлено трехстороннее согласование интересов государства, бизнеса и населения в процессе обеспечения правил рынка. Во-вторых, в отличие от имеющихся формулировок, мы говорим о маркетинге как о механизме согласования интересов [43] и подразумеваем, что акторы рынка заинтересованы в наличии ограничений рынка.

Институциональный маркетинг — это особый вид маркетинга, специфической чертой которого является создание и реализация механизма обеспечения формальных и неформальных правил рынка посредством согласования трехсторонних интересов (государства, бизнеса и населения) на основе формирования общих ценностей, культуры производства и потребления товаров и услуг (см. рис. 5 на стр. 25).

[4] То есть те, которые существовали до 90-х годов XX в.

[5] Здесь и далее перевод с англ. яз. осуществлен проф. Г. В. Астратовой.

Рис. 5. Принципиальная схема институционального маркетинга в авторской трактовке

Институциональной средой маркетинга (так же как и институциональной экономики) являются, прежде всего, формальные правила или общий законодательный порядок вместе с его составляющими. Соответственно, мы можем сказать, что особенно актуальна концепция институционального маркетинга для сферы образования, где изменение формальных правил особенно заметно. Действительно, трансформация управления образовательными учреждениями, начиная с 90-х гг. XX в., характеризуется процессами изменения институтов в целом и маркетинга, как социального института, в частности. Изменение институциональной структуры рынка образования непосредственно связано с формированием внебюджетного финансирования, введением платного образования, появлением негосударственных образовательных учреждений и т. п. Именно это в наибольшей степени оказало влияние на формирование в РФ рынка образовательных услуг, возникновение новых инструментов управления[6] и появление институциональной среды маркетинга [1; 42; 44; 45 и др.].

Возвращаясь к исследованию ФИС в системе вузов с позиций маркетинга и институционального маркетинга, необходимо отметить, что мы можем назвать ряд исследований, которые имеют некоторое отношение к поставленному вопросу.

Во-первых, в работах отдельных авторов (например, Л. В. Аристова, А. А. Никифорова и др.) говорится о том, что ФИС — это «площадка» для активной государственной политики во всем цивилизованном мире, поскольку именно государство формирует цели, задачи, принципы и приоритеты физкультурно-спортивной стратегии [18; 46]. Кроме того, раскрывается «…связь спорта с государством, с политической борьбой, обосновывается целесообразность отказа от использования институтов и правил управления спортом, сохранившихся с периода командно-административного управления экономикой» и рекомендуется «…создание государством правил ведения бизнеса в сфере профессионального спорта, включая защиту прав собственности, и механизма принуждения к соблюдению этих правил через институты регулирования и саморегулирования» [47].

Во-вторых, ФИС вместе с образованием и здравоохранением являются «…важнейшими стратегическими ресурсами развития полноценного и здорового общества и отдельного человека, и в силу этого обстоятельства государство должно в значительной степени взять на себя функцию нормативного обеспечения общества и каждого его члена этими стратегическими ресурсами их развития» [18, с. 13].

В-третьих, в работе Л. С. Аристова, Е. С. Баразговой [16] говорится о том, что массовый спорт как элемент системы ФИС и «…как социальный институт:

— выражает потребность общества в организации соревновательной деятельности;

— нормативно урегулирован;

— реализует значимые цели общества по мотивации оздоровления населения»,

Массовый спорт также имеет «…специфические функции по отношению к личности и обществу», что определяет роль ФИС в стране: «оздоровление населения; предоставление индивиду возможностей для участия в доступных спортивных соревнованиях; подготовка наиболее одаренных из них к профессиональной спортивной деятельности».

Иными словами, подчеркивает И. С. Барчуков, ФИС — это «особый социальный институт, отвечающий всем требованиям институциализации», поскольку:

— «несет функциональную нагрузку;

— обеспечен материально-технической базой;

— осуществляет подготовку кадров» [48, с. 55].

[6] К настоящему времени является общепризнанным, что в самом общем виде менеджмент как управление (администрирование, руководство) представляет собой совокупность ряда последовательных действий – планирование, разработку и создание (организацию), побуждение к действию (мотивацию), эффективное использование и контроль за деятельностью элементов социально-экономических систем и самих систем в целом для реализации стратегических и оперативных целей деятельности.

Таким образом, можно считать, что в исследованиях цитируемых авторов косвенно обосновывается роль физической культуры и спорта в системе институционализма в целом и институционального маркетинга в частности.

Необходимо отметить, что вследствие перехода нашей страны на рыночные отношения также особенно актуальным стал вопрос ресурсного обеспечения отрасли ФИС [17; 49–51 и др.], поскольку элитный спорт высокозатратен и не всегда эффективен, а массовый спорт эффективно влияет на здоровье нации, но слабо финансируется. В данной связи А. С. Адельфинский предлагает весьма интересную модель согласования интересов и взаимодействия власти, бизнеса и общества для развития массового спорта и физической культуры. Иными словами, мы считаем, что данный ученый предлагает, по сути, модель управления физкультурой и спортом в системе институционального маркетинга (рис. 6).

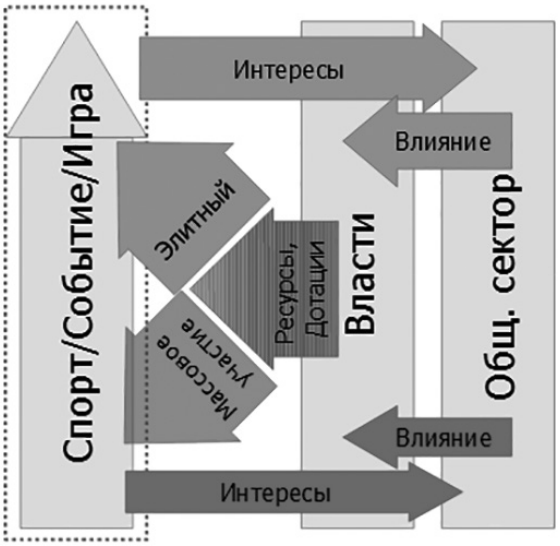

Рис. 6. Проблема влияния на выбор модели развития спорта [49, с. 26]

Возвращаясь к обсуждению места физкультуры и спорта в системе высшего образования, необходимо отметить, что разница в подходах к заявленной проблематике в разных отраслях знания, тем не менее, не отрицает понимания того, что современное учреждение высшего образования призвано создавать условия для максимальной реализации интеллектуального и творческого потенциала студенческой молодежи, что невозможно без сохранения здоровья, а также без развития физических сил и психических возможностей обучающихся. Более того, поскольку в России испокон веку высоко ценилось гармоничное сочетание интеллектуальных, духовных и физических сил и способностей человека, то именно вуз как средоточие науки и культуры имеет соответствующие ресурсы и предоставляет возможности для гармоничного развития человека и будущего специалиста.

Наконец, важно и то, что проведенные различными экспертами [4; 6; 9; 50–57 и др.] исследования профессиограмм и психограмм, а также результатов опроса студентов и специалистов в области экономики, управления и бизнеса позволяют утверждать, что современный специалист *малоподвижен*, много работает в офисах, сидя за компьютером при недостаточном освещении и проветривании, в условиях необходимости обработки большого объема информации в сжатые сроки и принятия управленческих решений в стрессовых и даже экстремальных ситуациях. Энергозатраты такой деятельности характеризуются как «категория легкого физического труда», однако обычная поза работника умственного труда «…характеризуется наклоном головы и верхней части туловища вперед, дыхание – поверхностное, мышцы шеи, плечевого пояса, спины напряжены. Возбуждения на протяжении многих часов приводят к дезорганизации тормозно-возбудительных процессов, особенно в высших отделах головного мозга, что неблагоприятно сказывается на нейро-гуморальной регуляции многих органов физиологических систем целостного организма. Перечисленное выше способствует развитию гиподинамии, функциональных нарушений, хронических заболеваний внутренних органов и ЛОР-органов. Нижние конечности, находясь в согнутом положении в тазобедренном и коленном суставах, не подвергаются длительный промежуток времени даже естественным физическим нагрузкам. Почти все жалуются на усталость во второй половине дня, у 80–85 % рассеивается внимание, понижается уровень восприятия. У 60–65 % устают руки, ноги, спина, глаза, болит голова» [4, с. 294].

Если к вышеперечисленным негативным факторам добавить увлечение студенческой молодежи фастфудом, нерациональным и избыточным питанием по объему, энергетической ценности и количеству химических добавок, то становится ясно, что избыточный вес и ожирение — это те проблемы, которые становятся всеобщими, в том числе в системе образования. Так, по данным Всемирной организации здравоохранения [58]:

— общее количество людей, страдающих ожирением, во всем мире уже достигло 1,7 млрд человек;

— за последние 20 лет общий избыточный вес населения земного шара вырос в 3 раза;

— один из трех взрослых людей в мире имеет избыточный вес, а один из десяти страдает ожирением.

Об этом же говорят и результаты исследований европейских ученых. Так, М. Стаменковска и Е. Зисовска [59] в своей работе утверждают, что школьники и студенты Македонии и ряда европейских стран имеют тенденцию к существенному увеличению массы тела вследствие злоупотребления малоподвижными видами деятельности и игр (с использованием различных гаджетов, например) и обильного, калорийного питания.

К сожалению, Россия быстрыми темпами присоединяется к этой тенденции. Например, по данным НИЦ «Здоровое питание», в 2014 г. наша страна занимала четвертое место в мире по числу людей, страдающих лишним весом и ожирением [60]. По данным «Ромир», лишний вес обнаружен у 45 % россиян, в том числе 38 % мужчин и 51 % женщин [60]. Страдают и российские дети, поскольку большую часть карманных денег они тратят на сладости и снеки. По данным компании «SynovateComcon», среди 11-летних подростков избыточный вес наблюдается у 32 % мальчиков и 18 % девочек, в более старших подростковых категориях эти показатели лишь несколько ниже [61].

В данной связи немаловажным является тот факт, что «около 80 % граждан, в том числе 50 % детей, подростков и молодежи не занимаются систематически физической культурой и спортом» [45].

Таким образом, для студентов и выпускников вузов физическая культура и спорт могут стать действенными инструментами, которые позволяют обеспечить:

— сжигание «лишних» калорий;

— снятие стрессового напряжения;

— снижение уровня агрессивности, тревожности и прочих негативных эмоций;

— повышение работоспособности.

Как совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечают Р. Ф. Идрисова и В. М. Крылов [3], — «современный уровень общественного развития требует систематического повышения физической подготовленности студентов вузов. Расширение физкультурной и спортивной работы будет способствовать повышению массовости физической культуры и спорта в России». Об этом же говорят и исследования А. С. Адельфинского, утверждающего, что массовый спорт и физическая культура представляют собой «…способ активного досуга, форму ухода от повседневности и от реальностей рыночных механизмов, компенсация утраченных в ходе постиндустриальной революции социальных связей и привычных форм деятельности» [49, с. 25]. Иными словами, физическая активность и спорт становятся уникальным инструментом для укрепления потенциала здоровья студенческой молодежи и поэтому должны рассматриваться как необходимые инвестиции в человеческий капитал и будущее социума.

Говоря о роли ФИС в системе высшего профессионального образования, большинство исследователей указывают на необходимость подготовки профессиональных педагогов и/или тренеров в области физической культуры. Кроме того, ФИС является обязательной дисциплиной в процессе обучения студентов всех направлений и профилей. Вместе с тем многие указывают и на то, что «…согласно новой образовательной парадигме вузовскую физическую культуру следует рассматривать не только как учебную дисциплину, но и в более широком аспекте — как социокультурное явление, структуру которого составляют физическое воспитание, студенческий спорт, лечебная физическая культура, физическая рекреация и профессионально-прикладная физическая подготовка. В таком качестве физическая культура в системе высшего профессионального образования интегрирует в себе различные направления физкультурной деятельности студентов: обучающе-развивающую, общеприкладную, спортивную, рекреационную, профессионально-прикладную и коррегирующую» [62, с. 15].

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что роль ФИС в системе высшего образования на текущий момент с позиций междисциплинарного анализа оценена недостаточно и нуждается в дополнительных исследованиях. Вместе с тем, считаем необходимым выразить авторскую позицию, касающуюся института ФИС в системе государственного высшего образования.

1. Институт ФИС в системе государственного высшего образования представляет собой социально-экономическую категорию, суть которой заключается в системе норм, правил, соглашений и механизмов формальных и неформальных взаимодействий, касающихся управления ФИС в системе учреждений высшего образования.

2. Как категория институционального маркетинга, институт ФИС в системе государственного высшего образования выражает совокупность специфических потребностей общества (в оздоровлении населения, в предоставлении индивиду возможностей для участия в доступной соревновательной деятельности, в обучении правильному режиму труда и активного отдыха, в подготовке наиболее одаренных личностей к профессиональной спортивной деятельности и т. д.), в удовлетворении которых заинтересованы общество, государство, бизнес и образовательные учреждения высшего образования. Удовлетворить эти потребности можно посредством создания и реализации механизма обеспечения формальных и неформальных правил рынка товаров и услуг ФИС на основе согласования интересов акторов рынка и формирования общих ценностей, культуры производства и потребления товаров и услуг ФИС.

Выводы

1. На основе междисциплинарного анализа (с позиций социологии, педагогики, экономики, менеджмента и маркетинга) проведено исследование роли и места физкультуры и спорта (ФИС) в системе высшего образования. Выявлены основные вопросы, на которых концентрируют свое внимание специалисты различных отраслей знания при исследовании проблематики ФИС. Показано, что роль ФИС в системе высшего образования на текущий момент с позиций междисциплинарного анализа оценена недостаточно и нуждается в дополнительных исследованиях.

2. Уточнен категориальный аппарат исследования и представлены авторские формулировки понятий «институциональный маркетинг» и «институт ФИС в системе государственного высшего образования» как категория институционального маркетинга. Представленные формулировки отличаются от известных определений тем, что, во-первых, во главу угла поставлено многостороннее согласование интересов (государства, бизнеса и населения либо государства, бизнеса, общества и образовательных учреждений) в процессе обеспечения правил рынка. Во-вторых, тем, что, в отличие от имеющихся формулировок, мы говорим о маркетинге как о механизме согласования интересов и подразумеваем, что акторы рынка заинтересованы в наличии ограничений рынка в процессе функционирования института ФИС.

3. Роль и место физкультуры и спорта в системе высшего образования на текущий момент недооценены, поскольку, с одной стороны, государство и общество понимают и декларируют хорошую физическую форму и здоровье человека, а также подготовку специалистов в системе высшего образования как значимые благо и ценность, а, с другой стороны, экономические рычаги, механизмы стимулирования поддержания физической формы и здоровья в процессе жизнедеятельности человека, в целом, и в процессе обучения в вузе, в частности, разработаны недостаточно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чеботарева А. В. Институционализация маркетинга в современном российском вузе : дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 166 с.

2. Шалупин В. И. Физическая культура : курс лекций для студентов всех специальностей дневного обучения. М. : МГТУ ГА, 2011. 115 с.

3. Идрисова Р. Ф., Крылов В. М. Физическая культура и спорт в системе высшего образования // SCI-ARTICLE.RU. 2017. № 51 (ноябрь). URL: http://sci-article.ru/stat.php?i=1508840745

4. Евсеев Ю. И. Физическая культура. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 384 с.

5. Малинин А. Б., Малинин В. А. Менеджмент деятельности спортивных школ : учеб. пособие. М. : Физическая культура, 2008. 240 с.

6. Назаров В. Л., Обожина Д. А. Профессиональная подготовка менеджеров спортивных школ в вузе : монография. Екатеринбург : ООО «Издательский дом «Ажур», 2014. 132 с.

7. Acosta F., Pizarro D. D., Vranken C. S. Higher institute of physical education students' experience. Relation between the experiential culture and initial // REVISTA IBEROAMERICANA DE EDUCACION. 2015. Vol. 69. No. 2. Pp. 111–129.

8. Contemporary sport management / eds. J. B. Parks, J. Quaterman, L. Thibault. 3rd ed. 2006. 508 p.

9. Frisby W. Understanding sport management research // Contemporary Sport Management / eds. J. Parks, J. Quarterman, L. Thibault. 3rd ed. Champaign : Human Kinetics, 2006. Pp. 441–460.

10. Girginov V. Management of Sports Development. Routledge, 2009. 320 p.

11. Hylton K., Bramham P. Sports Development: Policy, Process and Practice. Routledge, 2007. 264 p.

12. Koski P. Sociology of Sport: Finland // Sociology of Sport: a Global Subdiscipline in Review. Vol. 9. / Ed. K. Young. 2017. Pp. 133–151.

13. Masteralexis L., Barr C., Hums M. Principles and Practice of Sport Management. Jones & Bartlett Publishers, 2011. 616 p.

14. Зверев А. И., Рыскин П. П., Кочерьян М. А. Спорт как социальный институт, формирующий профессионалов: специфика социологического подхода // Управленец. 2013. № 1 (141). С. 64–67.

15. Малашенко М. С. Институциональные изменения физической культуры и спорта в современной России : дисс. … канд. социол. наук. Ставрополь, 2017. 169 с.

16. Аристов Л. С., Баразгова Е.С. Массовый спорт: институциональный и неоинституциональный подходы // Вопросы управления. 2016. Декабрь. № 6 (43). URL: http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2016/06/18/

17. Галкин В. В. Физкультурные вузы и их общественно-экономическая роль. Система подготовки спортивных менеджеров. 23 ноября 2011. URL: http://vadim-galkin.ru/sport-2/sport-management/system-of-training-sports-managers/

18. Аристова Л. В. Совершенствование системы управления развитием физической культуры и спорта в России : дисс. … канд. экон. наук. М., 2000. 146 с.

19. Маркетинг спорта / под ред. Дж. Бича и С. Чедвика. М. : Альпина Паблишерз, 2010. 664 с.

20. Sargeant A. Marketing Management for Nonprofit Organizations, Oxford: Oxford University Press, 2005. 450 p.

21. Shilbury D., Quick S., Westerbeek H. Strategic Sport Marketing. 2nd ed. Crows Nest: Allen &Unwin, 2003. 600 p.

22. Elliot G. R. The marketing concept — necessary but sufficient? An environmental view // European Journal of Marketing. 1990. No. 24. Pp. 20–30.

23. Mitchell R. W., Wooliscroft B., Higham J. Sustainable Market Orientation: A New Approach to Managing Marketing Strategy // Journal of Macromarketing. 2010. Vol. 30. No. 2. Pp. 160–170.

24. Лавлок К. Маркетинг услуг. М. : Издательский дом «Вильямс», 2005. 1008 с.

25. Лагутина Е. Е. Формирование комплекса маркетинга образовательных услуг для учреждений высшего профессионального образования : дисс. …канд. экон. наук. Омск, 2011. 155 с.

26. Писарева Е.В. Развитие теории маркетинга в условиях современной «избыточной экономики» // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. № S24. С. 56–60. URL: http://e-koncept.ru/2015/75305.htm

27. Blythe J. Essentials of Marketing. 3rd ed., Prentice Hall, 2005.

28. Grundey D. The Marketing Philosophy and Challenges for the New Millennium // Scientific Bulletin — Economic Sciences: Marketing, Commerce and Tourism. 2010. Vol. 9. No. 15. Pp. 169–180.

29. Kotler P., Armstrong G. Principles of Marketing. 6th ed. New Jersey : A Paramount Communications Company, 1994. 692 p.

30. Kotler Ph. Marketing Management. 7th ed. New Jersey : Prentice Hall, 1991. 640 p.

31. Kotler Ph., Roberto E. Social Marketing: Strategies for Changing Public Behavior. New York : The Free Press, 1989. 358 p.

32. Lovelock C., Jochen W., Chew P. Essentials of Services Marketing. Singapore: Prentice Hall, 2009. 980 p.

33. Пономарева Л. Н., Корсун Т. И., Ильин Т. Н. Институциональные маркетинговые исследования жилищно-коммунального комплекса: теория, методология, практика: науч.-практ. пособие / под ред. Н. Г. Кузнецова. Ростов н/Д : РИНХ, 2004. 145 с.

34. Пономарева Л. Н. Институциональные маркетинговые исследования жилищно-коммунального хозяйства : дисс. … канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2004. 196 с.

35. Федько В. П., Просандеева Т. И. Институциональный подход в решении задач маркетинга // Управление экономическими системами. 2015. URL: http://uecs.ru/marketing/item/3860-2015-12-15-06-03-22

36. Экономическая школа. New English-Russian explanatory dictionary of marketing and trade. Новый Англо-Русский толковый словарь по маркетингу и торговле, 2005. URL: https://slovar-vocab.com/english-russian/new-marketing-commerce-vocab/institutional-market-1211379.html

37. Institutional marketing. 2018. URL: https://www.mbaskool.com/business-concepts/marketing-and-strategy-terms/1893-institutional-market.html

38. Institutional marketing. 2016. URL: https://www.gvsu.edu/im

39. Institutional marketing. 2017. URL: http://www.uwyo.edu/publicrelations/marketing/

40. Zhilin Yang, Chenting Su. Institutional theory in business marketing: A conceptual framework and future directions // Industrial Marketing Management. 2014, July. Vol. 43. No. 5. Pp. 721–725. DOI: 10.1016/j.indmarman.2014.04.001

41. Чернозубенко П. Е. Институциональный маркетинг. 2018. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_i/institutional_marketing/

42. Головчанская Е. Э. Институт как товар в концепции институционального маркетинга. 2011. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/180053/1

43. Астратова Г. В., Баженова Е. В. Маркетинг в ЖКХ : учеб. пособие / под ред. Г. В. Астратовой. М. : Издательский центр «Науковедение», 2016. 444 с.

44. Астратова Г. В., Лагутина Е. Е. Маркетинг вуза как некоммерческой организации // Современные проблемы и актуальные тенденции развития маркетинга. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ НИУ, 2017. С. 1–32.

45. Пушкарева И. Н., Смецкая К. А. Обучение основам плавания студентов вузов для сдачи норм комплекса ВФКС ГТО // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 81–83. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=22478662

46. Аристова Л. В., Шпилько С. П. Физическая культура: отрасль в новых условиях хозяйствования. М. : Экономика, 2015. 144 с.

47. Никифоров А. А. Историко-экономический анализ методов регулирования спорта в России с древнейших времен до наших дней : дисс. … канд. экон. наук. СПб., 2012. 174 с.

48. Барчуков И. С. Физическая культура : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 255 с.

49. Адельфинский А. С. Социально-экономическая модель развития массовых видов спорта в России : автореф. дисс. … канд. экон. наук. М., 2014. 29 с.

50. Власов А. А. Эволюция современного отечественного спорта // Человек в мире спорта: Новые идеи, технологии, перспективы. М., 1998. Т. 2. С. 331–332.

51. Галкин В. В. Экономика спорта и спортивный бизнес. М. : КНОРУС, 2006. 320 с.

52. Виленский М. Я. Физическая культура в научной организации учебного труда студентов. М., 1993. 262 с.

53. Качество жизни в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы : монография / под ред. Г. В. Астратовой. Екатеринбург: Изд-во ГК «Стратегия позитива», 2014. 542 с.

54. Мансурова Г. И., Мансуров А. П. Роль и значение физической культуры и спорта в экономике // Вестник УлГТУ. 2015. № 4. С. 59–61.

55. Масляков В. А., Матяжов В. С. Массовая физическая культура в вузе. М. : Высшая школа, 1991. 239 с.

56. Проблемы и инновации спортивного менеджмента, рекреации и спортивно-оздоровительного туризма : материалы II Всерос. науч.-практич. конф. (Казань, 6 июня 2016 г.) / под ред. Г. Н. Голубевой. Казань Поволжская ГАФКСиТ, 2016. 322 с.

57. Менеджмент и экономика физической культуры и спорта / И. С. Ферова, Е. Г. Григорьева, О. Н. Шилина, А. А. Казаков. Красноярск : Изд-во ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», 2008. 254 с.

58. Избыточный вес – проблема XXI века. URL: http://statistika.ru/zdr/2007/12/05/zdr_9685.html

59. Stamenkovska M., Zisovska E. Impact of Marketing in Preventing the Occurrence of Excessive Weight and Childhood Obesity Among Children in Republic of Makedonia // Петамегународна научна конференција (ISCMMA'18). Економски Развој Бизнес Политика Маркетинг. Зборник на апстракти. Скопје. Македонско здружение за маркетинг «Маркетинг». May. 2018. P. 27.

60. Россия занимает четвертое место в мире по ожирению. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

61. В Госдуме хотят обязать школы бороться с ожирением: россияне толстеют быстрее американцев. 17 октября 2014. URL: http://www.newsru.com/russia/17oct2014/school.html

62. Физическая культура и спорт в системе высшего образования // Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию физической культуры и спорта в Санкт-Петербургском государственном университете / под ред. В. Е. Смирнова и О. О. Борисовой. СПб., 2011. 305 с.

REFERENCES

1. Chebotareva A. V. The institutionalization of marketing in the modern Russian University : dissertation of the candidate of sociology. M., 2006. 166 p. (In Russ.).

2. Chalopin V. I. Physical culture : course of lectures for students of all specializations of full-time education. M. : MSTU GA, 2011. 115 p. (In Russ.).

3. Idrisova R. F., Krylov V. M. Physical culture and sport in the system of higher education // SCI-ARTICLE.RU. 2017. No. 51 (November). URL: http://sci-article.ru/stat.php?i=1508840745 (In Russ.).

4. Evseev Yu. I. Physical culture. Rostov-on-Don : Phoenix, 2003. 384 p. (In Russ.).

5. Malinin A. B., Malinin V. A. Management of sports schools : studies benefit. M. : Physical education, 2008. 240 p. (In Russ.).

6. Nazarov V. L., Oborina D. A. Training managers of sports schools at the University : monograph. Ekaterinburg : Publishing house "Azhur", 2014. 132 p. (In Russ.).

7. Acosta F., Pizarro D. D., Vranken C. S. Higher institute of physical education students' experience. Relationship between the experiential culture and initial // REVISTA IBEROAMERICANA DE EDUCACION. 2015. Vol. 69. No. 2. Pp. 111–129.

8. Parks J. B., Quaterman J., Thibault L. (eds.). Contemporary sport management. 3rd ed., 2006. 508 p.

9. Frisby W. Understanding sport management research // J. Parks, J. Quarterman, L. Thibault (eds.). Contemporary Sport Management. 3rd ed. Champaign : Human Kinetics, 2006. Pp. 441–460.

10. Girginov V. Management of Sports Development. Routledge, 2009. 320 p.

11. Hylton K., Bramham P. Sports Development: Policy, Process and Practice. Routledge, 2007. 264 p.

12. Koski P. Sociology of Sport: Finland // Young K. (ed.). Sociology of Sport: a Global Sub-discipline in Review. 2017. Vol. 9. Pp. 133–151.

13. Masteralexis L., Barr C., Hums M. Principles and Practice of Sport Management. Jones & Bartlett Publishers, 2011. 616 p.

14. Zverev A. I., Ryskin P. P., Kocheryan M. A. Sport as a social institution, forming professionals: the specifics of the sociological approach // Manager. 2013. No. 1 (141). Pp. 64–67. (In Russ.).

15. Malashenko M. S. Institutional changes of physical culture and sport in modern Russia : dissertation of the candidate of sociology. Stavropol, 2017. 169 p. (In Russ.).

16. Aristov L. S., Barazgova E. S. Mass sports: institutional and non-institutional approaches // Management issue. 2016. December. No. 6 (43). URL: http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2016/06/18/ (In Russ.).

17. Galkin V. V. Physical culture universities and their socio-economic role. The system of training of sports managers. November 23, 2011. URL: http://vadim-galkin.ru/sport-2/sport-management/system-of-training-sports-managers/ (In Russ.).

18. Aristova L. V. Improvement of the system of management of physical culture and sport development in Russia : dissertation of the candidate of economics. M., 2000. 146 p. (In Russ.).

19. Beach G., Chadwick S. (eds.). Sports Marketing. M. : Alpina Publishers, 2010. 664 p. (In Russ.).

20. Sargeant A. Marketing Management for Nonprofit Organizations. Oxford : Oxford University Press, 2005. 450 pp.

21. Shilbury D., Quick S., Westerbeek H. Strategic Sport Marketing. 2nd ed., Crows Nest : Allen &Unwin, 2003. 600 p.

22. Elliot G. R. The marketing concept – Necessary but sufficient? An environmental view // European Journal of Marketing. 1990. No. 24. Pp. 20–30.

23. Mitchell R. W., Wooliscroft B., Higham J. Sustainable Market Orientation: New Approach to Managing Marketing Strategy // Journal of Macro-marketing. 2010. Vol. 30. No. 2. Pp. 160–170.

24. Lovelock C. Services Marketing. Moscow : Publishing house “Williams”, 2005. 1008 p. (In Russ.).

25. Formation of a complex of marketing of educational services for institutions of higher professional education : dissertation of the candidate of economics. Omsk, 2011. 155 p. (In Russ.).

26. Pisareva E. V. Development of the marketing theory in the conditions of modern “house-accurate economy” // Concept: scientific and methodological e-magazine. 2015. № S24. Pp. 56–60. URL: http://e-koncept.ru/2015/75305.htm. (In Russ.).

27. Blythe J. Essentials of Marketing. 3rd ed. Prentice Hall, 2005.

28. Grundey D. The Marketing Philosophy and Challenges for the New Millennium // Scientific Bulletin — Economic Sciences: Marketing, Commerce and Tourism. 2010. Vol. 9. No. 15. Pp. 169–180.

29. Kotler Ph., Armstrong G. Principles of Marketing. 6th ed. New Jersey : A Paramount Communications Company, 1994. 692 p.

30. Kotler Ph. Marketing Management. 7th ed. New Jersey : Prentice Hall, 1991. 640 p.

31. Kotler Ph., Roberto E. Social Marketing: Strategies for Channing Public Behavior. New York : The Free Press, 1990. 358 p.

32. Lovelock C., Jochen W., Chew P. Essentials of Services marketing. Singapore : Prentice Hall, 2009. 980 p.

33. Ponomareva L. N., Korsun T. I., Il’yin T. N. Institutional marketing research of housing and municipal complex: theory, methodology, practice : scientific-practical manual. Rostov-on-Don : RINH, 2004. 145 p. (In Russ.).

34. Ponomareva L. N. Institutional marketing research of housing and communal services : dissertation of the doctor of economics. Rostov-on-Don, 2004. 196 p. (In Russ.).

35. Fed’ko V. P., Prosandeeva T. I. Institutional approach in solving marketing problems // Management of economic systems. 2015. URL: http://uecs.ru/marketing/item/3860-2015-12-15-06-03-22 (In Russ.).

36. Economic school. New English-Russian explanatory dictionary of marketing and trade. 2005. URL: https://slovar-vocab.com/english-russian/new-marketing-commerce-vocab/institutional-market-1211379.html

37. Institutional marketing. 2018. URL: https://www.mbaskool.com/business-concepts/marketing-and-strategy-terms/1893-institutional-market.html

38. Institutional marketing. 2016. URL: https://www.gvsu.edu/im

39. Institutional marketing. 2017. URL: http://www.uwyo.edu/publicrelations/marketing/

40. Zhilin Yang, Chenting Su. Institutional theory in business marketing: A conceptual framework and future directions // Industrial Marketing Management. 2014, July. Vol. 43. No. 5. Pp. 721–725.

41. Chernozubenko P. E. Institutional marketing. 2018. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_i/institutional_marketing/ (In Russ.).

42. Golovchanskaya E. E. Institute as a product in the concept of institutional marketing. 2011. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/180053/1 (In Russ.).

43. Astratova G. V., Bazhenova E. V. Marketing in housing and communal services : textbook. M. : Publishing center “Science of science”, 2016. 444 p. (In Russ.).

44. Astratova G. V., Lagutina E. E. Marketing of the university as a non-profit organization // Modern problems and current trends in marketing. Chelyabinsk : Publishing house of NRU SUSU, 2017. Pp. 1–32. (In Russ.).

45. Pushkareva I. N., Smetskaya K. A. Training in the basics of swimming for university students to pass the rules of the complex VFS TRP // Pedagogical education in Russia-USPU. 2014. No. 9. Pp. 81–83. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=22478662 (In Russ.).

46. Aristova L. V., Shpilko S. P. Physical culture: the sector in the new conditions of the economy-education. M. : Economy, 2015. 144 p. (In Russ.).

47. Nikiforov A. A. Historical and economic analysis of methods of sport regulation in Russia from ancient times to the present day : dissertation of the candidate of economics. St. Petersburg, 2012. 174 p. (In Russ.).

48. Barchukov I. S. Physical culture : textbook. The manual for high schools. M. : YUNITI-DANA, 2003. 255 p. (In Russ.).

49. Adel'finskii A. S. Socio-economic model of development of mass sports in Russia : abstract of dissertation of the candidate of economics. M., 2014. 29 p. (In Russ.).

50. Vlasov A. A. Evolution of modern domestic sport // Man in the world of sport: New ideas, technologies, prospects. M., 1998. Vol. 2. Pp. 331. (In Russ.).

51. Galkin V. V. Sports Economics and sports business. M. : KNORUS, 2006. 320 p. (In Russ.).

52. Vilenskii M. Ya. Physical culture in the scientific organization of educational work of students. M., 1993. 262 p. (In Russ.).

53. Astratova G. V. (ed.). Quality of life in the XXI century: actual problems and perspectives. Ekaterinburg : Publishing house of the Positive Strategy group, 2014. 542 p. (In Russ.).

54. Mansurova G. I., Mansurov A. P. The role and importance of physical culture and sports in the economy // Bulletin of UlSTU. 2015. No. 4. Pp. 59–61. (In Russ.).

55. Maslyakov V. A., Matyazhov V. S. Mass physical culture at the University. M. : Higher School, 1991. 239 p. (In Russ.).

56. Golubeva G. N. (ed.). Problems and innovations of sports management, recreation and sports and health tourism : materials of the II all-Russian scientific and practical conference (Kazan, June 6, 2016). Kazan : Volga GAFKSiT, 2016. 322 p. (In Russ.).

57. Ferova I. S., Grigor'eva E. G., Shilina O. N., Kazakov A. A. Management and Economics of physical culture and sport. Krasnoyarsk : Publishing house of FGOU VPO "Siberian Federal University", 2008. 254 p. (In Russ.).

58. Overweight is a problem of the XXI century. URL: http://statistika.ru/zdr/2007/12/05/zdr_9685.html (In Russ.).

59. Stamenkovska M., Zisovska E. Impact of Marketing in Preventing the Occurrence of excellent Weight and Childhood abundance Among Children in Republic of Macedonia. // Петамегународна научна конференција(ISCMMA'18). Conosciuto-Business Policy-Marketing. Zbornik on apstrakti. Skopje. Macedonian establishment for marketing "Marketing". May. 2018. P. 27.

60. Russia ranks fourth in the world in obesity. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (In Russ.).

61. The State Duma wants to oblige schools to fight obesity: Russians are getting fat faster than Americans. October 17, 2014. URL: http://www.newsru.com/russia/17oct2014/school.html (In Russ.).

62. Physical culture and sport in higher education // Smirnov V. E., Borisova O. O. (eds.). Materials of the scientific and practical conf. dedicated to the 110th anniversary of physical culture and sports in St. Petersburg state University. St. Petersburg, 2011. 305 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Астратова Г. В., Кочерьян М. А. О роли и месте физкультуры и спорта в системе высшего образования. Анализ с позиций институционального маркетинга // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 18–31. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.401.

For citation: Astratova G. V., Kocher'ian M. A. The role and place of physical culture and sports in the system of higher education. The analysis from the standpoint of institutional marketing // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 18–31. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.401.

УДК 657.3:631.162
ББК 65.052.2:65.32

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.460

Balashova Natal'ya Nikolaevna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Accounting and Audit,
Volgograd State Agricultural University,
Volgograd,
e-mail: balashova_nat@mail.ru

Chekrygina Tat'yana Alekseevna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Accounting and Audit,
Volgograd State Agricultural University,
Volgograd,
e-mail: schurik4@yandex.ru

Melikhov Viktor Alekseevich,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Accounting and Audit,
Volgograd State Agricultural University,
Volgograd,
e-mail: melikhov707@yandex.ru

Балашова Наталья Николаевна,
д-р экон. наук,
профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: balashova_nat@mail.ru

Чекрыгина Татьяна Алексеевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: schurik4@yandex.ru

Мелихов Виктор Алексеевич,
канд. экон. наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: melikhov707@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ АГРАРНОГО СЕКТОРА

DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL-METHODICAL ASPECTS OF ACCOUNTING EXPERTISE OF THE FIXED ASSETS IN THE ORGANIZATIONS OF THE AGRARIAN SECTOR

08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика
08.00.12 – Accounting, statistics

В статье изучена и проанализирована сущность понятия «бухгалтерская экспертиза» на основе анализа разных точек зрения ученых, занимающихся вопросами организации бухгалтерской экспертизы. Бухгалтерская экспертиза — довольно распространенный и востребованный вид современного исследования, ведь количество предприятий, компаний и фирм неуклонно растет, изменяются их формы собственности и денежный оборот, постоянные обновления происходят и в оформлении бухгалтерской отчетности. От правильности ведения бухгалтерского учета зависят финансовые результаты деятельности предприятия. Следовательно, возникает необходимость в проведении анализа бухгалтерской документации, для чего прибегают к бухгалтерской экспертизе, представляющей собой подвид экономической экспертизы, которая, в свою очередь, является разновидностью некриминалистических экспертиз. Авторами обосновано, что современные экономические реалии, а также рыночные отношения вызывают объективную необходимость значительного повышения внимания к вопросам совершенствования процедуры бухгалтерской экспертизы учета основных средств в целях обеспечения экономической безопасности предприятия в целом. В статье определены основные цели, задачи, источники и объекты бухгалтерской экспертизы основных средств в организациях аграрного сектора. В работе обобщены и выделены наиболее встречаемые ошибки и нарушения в бухгалтерском учете основных средств, на основании которых разработаны практические рекомендации, которые направлены на совершенствование процесса бухгалтерской экспертизы и профилактику противоправных деяний в экономической сфере. Авторами предложены основные методические исследовательские приемы при осуществлении бухгалтерской экспертизы, внесение изменений в рабочий план счетов организаций аграрного сектора на основе расширения аналитических признаков в целях профилактики будущих правонарушений, а также определены основные направления решения методологических проблем.

The article studied and analyzed the essence of the concept of "accounting expertise" based on the analysis of different points of view of the scientists involved in the organization of accounting expertise. Accounting expertise is a fairly common and popular form of modern research. After all, the number of enterprises, companies and firms is growing steadily, changing their forms of ownership and money turnover, constant updates occur in the preparation of financial statements. The financial results of the company depend on the correctness of accounting. Consequently, there is a need for the analysis of accounting documents, which resort to accounting expertise, which is a subspecies of economic expertise, which, in turn, is a kind of non-criminalistic expertise. The authors substantiate that according to the current economic realities, as well as market relations put forward an objective need to significantly increase attention to improving the procedure of accounting expertise of fixed assets, in order to ensure the economic security of the enterprise as a whole. The article defines the main goals, objectives, sources and objects of accounting expertise of fixed assets in the organizations of the agricultural sector. The paper summarizes and highlights the most common errors and violations in the accounting of fixed assets, on the basis

of which practical recommendations are developed, which are aimed at improving the process of accounting expertise and prevention of illegal acts in the economic sphere. The authors propose the use of basic methodological research techniques in the implementation of accounting expertise, changes in the work plan of accounts of organizations of the agricultural sector, expanding the analytical features, in order to prevent future offenses, as well as the main directions of solving methodological problems.

Ключевые слова: бухгалтерская экспертиза, бухгалтер-эксперт, экономическая экспертиза, основные средства, экономические правонарушения, информационная база, нормативно-справочная информация, фактографическая информация, методические исследовательские приемы, инспектирование, прослеживание, аналитические счета.

Keywords: accounting examination, accountant-expert, economic examination, fixed assets, economic violations, information base, normative and reference information, factual information, methodical research methods, inspection, tracking, analytical accounts.

Введение

В современных условиях осуществления деятельности любому юридическому лицу необходимы основные средства, состав и размер которых, а также источники их образования зависят от содержания его деятельности, объема работ и длительности срока эксплуатации. В новых условиях хозяйствования бухгалтерский учет основных средств является одним из важнейших элементов в системе управления предприятием, что обусловлено проблемами адекватной оценки основных средств, эффективной амортизационной политики, что, в свою очередь, влияет на финансовые результаты хозяйственной деятельности. Данные обстоятельства обусловливают необходимость постоянного и пристального внимания к сфере материально-технического обеспечения производственного процесса со стороны управленцев, а также необходимость должного учетно-контрольного обеспечения, без которого невозможно осуществление эффективной управленческой деятельности.

В настоящее время в условиях нестабильности и финансового кризиса отмечается увеличение количества противоправных действий в экономической сфере, рост экономической преступности. При этом характерно изменение ее структуры, а также появление новых неизвестных способов совершения преступлений. Данные обстоятельства и существующая ситуация обусловливают необходимость переосмысления подходов к действующему порядку контроля основных средств, к формированию показателей отчетности, а также пересмотра возможностей использования бухгалтерской экспертизы как важного инструмента при выявлении правонарушений.

Исследование состояния организации бухгалтерской экспертизы основных средств в организациях аграрного сектора Волгоградской области выявляет существенные проблемы. Несмотря на функционирование в структуре организаций бухгалтерских и контролирующих служб, имеют место нарушения в бухгалтерском и налоговом учете основных средств, отмечается отсутствие надлежащего контроля за финансово-хозяйственной деятельностью бизнес-структур АПК и увеличение криминализации экономических отношений. Общей причиной сложившейся ситуации является отсутствие комплексного подхода в решении задач организационно-методического обеспечения бухгалтерской экспертизы основных средств.

Необходимость совершенствования теоретических и организационных основ бухгалтерской экспертизы основных средств в условиях реформирования отечественной системы бухгалтерского учета не вызывает сомнения. Избранная тема исследования до настоящего времени остается не в полной мере разработанной в трудах отечественных ученых и специалистов, отсутствуют единые походы к организации бухгалтерской экспертизы основных средств.

Актуальность проблематики, неоднозначность и дискуссионность многих ее аспектов при отсутствии необходимого нормативного обеспечения и востребованности практикой обусловили выбор темы исследования.

Целью исследования является научное обоснование и развитие теоретических и методических подходов к организации бухгалтерской экспертизы основных средств бизнес-структур АПК, позволяющих производить качественную проверку данных активов, а также разработка методических подходов и выработка практических рекомендаций по совершенствованию существующих методик бухгалтерской экспертизы основных средств в современных условиях.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие **задачи** теоретического и прикладного характера: изучить теоретико-методологические основы бухгалтерской экспертизы учета основных средств в современных условиях, изучить и проанализировать прикладные аспекты практики проведения бухгалтерской экспертизы учета основных средств и предложить направления по устранению недостатков ее организации и совершенствованию методической базы организации процедуры бухгалтерской экспертизы основных средств в бизнес-структурах аграрного сектора.

Предметом исследования является совокупность теоретико-методологических и организационно-практических вопросов по бухгалтерской экспертизе основных средств. **Объектом исследования** была избрана существующая практика организационно-методического обеспечения бухгалтерской экспертизы основных средств в организациях аграрного сектора Волгоградской области.

Научная новизна результатов проведенного исследования состоит в разработке рекомендаций, направленных на совершенствование существующей методической базы организации процедуры бухгалтерской экспертизы основных средств. Среди положений проведенного исследования, имеющих элементы новизны, можно выделить следующие научные результаты:

— раскрыта сущность понятия «бухгалтерская экспертиза» в системе бухгалтерского учета и контроля на основании анализа работ ведущих специалистов в данной области исследования и определено место бухгалтерской экспертизы в системе контроля основных средств, что способствует выявлению рисков хозяйственной деятельности и формированию оперативной и стратегической информации для руководства и собственников экономического субъекта;

— обосновано расширение признаков аналитического учета при формировании рабочего плана счетов в целях профилактики противоправных действий: предложено выделение субсчетов и дополнительных аналитических признаков счета 01 «Основные средства», которые дают возможность учесть сельскохозяйственную специфику основных средств;

— разработаны практические рекомендации по организации бухгалтерской экспертизы и предложена методика

бухгалтерской экспертизы основных средств, которая содержит: 1) установление цели и задач бухгалтерской экспертизы основных средств; 2) определение объектов бухгалтерской экспертизы основных средств; 3) планирование бухгалтерской экспертизы основных средств; 4) тестирование системы внутреннего контроля операций с основными средствами; 5) определение применяемых источников информации; 5) варианты методических исследовательских приемов и методов получения доказательств; 6) применение классификатора типичных ошибок при бухгалтерской экспертизе операций с основными средствами; 7) формирование результатов бухгалтерской экспертизы; 8) использование автоматизации при проведении процедуры бухгалтерской экспертизы. Данная методика бухгалтерской экспертизы операций с основными средствами позволяет систематизировать процесс проверки.

Теоретическая значимость исследования состоит в научном обобщении, уточнении и разработке новых положений и подходов, касающихся развития организационно-методических основ бухгалтерской экспертизы основных средств. **Практическая значимость** проведенного исследования заключается в возможности использования методических и практических рекомендаций по совершенствованию процедуры бухгалтерской экспертизы операций с основными средствами в организациях агропромышленного сектора с целью повышения эффективности их учетно-контрольного обеспечения.

Основная часть

В современных рыночных условиях, когда увеличивается количество и масштабы совершаемых хозяйственных операций деятельности коммерческих организаций, возникают благоприятные условия для совершения и маскировки экономических правонарушений и преступлений. Этому также способствует несовершенство нормативно-правовой базы. В результате при расследовании и раскрытии таких преступлений возникает необходимость в специальных познаниях в области бухгалтерского учета, анализа и экономического контроля. Считаем, что функцию контроля за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий в целях экономической безопасности в настоящее время может выполнять бухгалтерская экспертиза.

По мнению Ж. А. Кеворковой, бухгалтерская экспертиза является несудебной, если она выполняется по усмотрению руководителя организации или по запросу адвоката. Судебной она становится в случае ее проведения по требованию суда, следствия или прокуратуры. Бухгалтерская экспертиза проводится с помощью научных и узкоспециальных методов исследования. По мнению автора, цель одна — установить реальную картину финансового состояния организации. Данная процедура осуществляется также при расследовании экономических правонарушений [1]. Как отмечает Ш. И. Алибеков, под бухгалтерской экспертизой понимается исследование финансово-хозяйственной деятельности, имеющее специфические особенности. Ученый считает, что это — высшая форма экономико-правового контроля [2]. По мнению Е. С. Дубоносова, бухгалтерская экспертиза является разновидностью судебной экспертизы. Следователем перед бухгалтером-экспертом при разбирательстве дела ставятся следующие задачи: оказание помощи суду и следователю в раскрытии экономического преступления; определение и выяснение причин, в результате которых совершены преступные действия; разработка мероприятий по предотвращению совершения экономических противоправных деяний и активное участие при внедрении их в практическую жизнь [3]. По мнению Е. Р. Российской, результат исследования поставленных на разрешение судебно-бухгалтерской экспертизы вопросов подтверждается письменными доказательствами и заключением эксперта, поэтому познания эксперта-бухгалтера не ограничиваются только лишь учетно-экономическими, а включают в себя более широкие экономико-правовые и другие знания [4]. Таким образом, бухгалтерская экспертиза — это научное исследование экспертом-бухгалтером поставленных на его разрешение вопросов, она является высшей формой экономико-правового контроля и представляет собой разновидность экономических экспертиз.

Цель бухгалтерской экспертизы учета основных средств заключается в проверке сохранности, законности операций с основными средствами и установление суммы материального ущерба.

Задачи экспертного исследования операций с основными средствами: влияние на устранение препятствий на пути кругооборота внеоборотных средств; выявление фактов присвоения, недостачи, завышения расходов; содействие рациональному использованию основных средств; выявление нарушений при движении основных средств и их профилактика (рис. 1).

Рис. 1. Задачи бухгалтерской экспертизы учета основных средств

На рисунке 2 нами обобщены объекты бухгалтерской экспертизы учета основных средств в организациях АПК.

Рис. 2. Объекты бухгалтерской экспертизы учета основных средств в организациях АПК

К источникам информации при проведении бухгалтерской экспертизы относятся: нормативно-справочная и фактографическая информация (рис. 3).

Рис. 3. Модель формирования информации для бухгалтерской экспертизы учета основных средств в организациях агропромышленного комплекса

Изучив и проанализировав сущность понятия «бухгалтерская экспертиза», рассмотрев разные точки зрения ученых, занимающихся вопросами организации бухгалтерской экспертизы, определив объекты и источники бухгалтерской экспертизы, перейдем к изучению методических аспектов организации процедуры бухгалтерской экспертизы учета основных средств.

При осуществлении бухгалтерской экспертизы операций с основными средствами бухгалтеру-эксперту рекомендуем применять следующие методические исследовательские приемы (см. рис. 4 на стр. 36).

Таким образом, считаем, что существует необходимость более детального изучения методических аспектов документальных приемов исследования операций с основными средствами при проведении бухгалтерской экспертизы. Эффективность применения экспертом-бухгалтером приемов документальной проверки во многом зависит от знания им особенностей различных видов экономической деятельности, а также специфики совершаемых операций и наиболее распространенных злоупотреблений.

Рис. 4. Классификация методических исследовательских приемов при осуществлении бухгалтерской экспертизы операций с основными средствами

В ходе исследования результатов бухгалтерской экспертизы операций с основными средствами нами обобщены наиболее часто встречаемые ошибки и выявлены нарушения в бухгалтерском учете основных средств в организациях аграрного сектора (рис. 5).

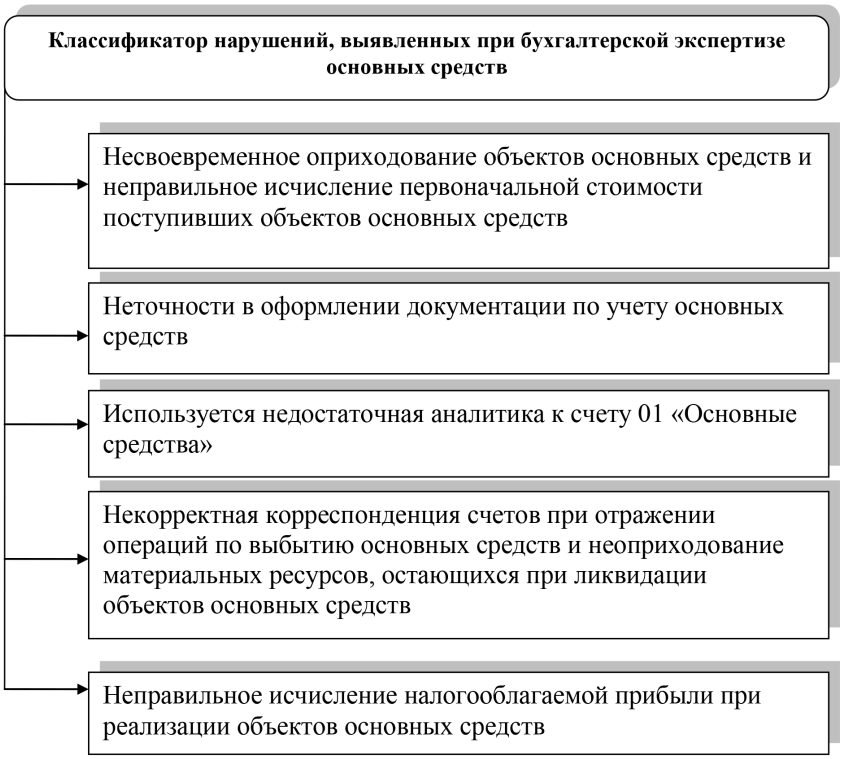

Рис. 5. Выявляемые нарушения при бухгалтерской экспертизе операций с основными средствами в организациях аграрного сектора

Правильная организация и результаты качественно проведенной документальной экспертизы влияют на ход расследования или судебного разбирательства. В ходе бухгалтерской экспертизы при определении нарушений операций с основными средствами эксперты применяют документальные приемы проверки бухгалтерских документов (нормативная проверка, арифметическая проверка, встречная проверка) [5–7].

Анализ процедуры проведения бухгалтерской экспертизы в организациях аграрного сектора позволил сделать выводы о существовании следующих недостатков, которые были выявлены в ходе изучения результатов экспертных исследований операций с основными средствами в организациях АПК. К ним относятся: несвоевременное оприходование объектов основных средств и неправильное исчисление первоначальной стоимости поступивших объектов основных средств. Распространенным недостатком является то, что в первичных документах не указывается характеристика объекта основных средств.

Таким образом, анализ и изучение недостатков, выявленных в учете при проведении бухгалтерской экспертизы учета основных средств, позволяет усовершенствовать и упростить процесс проведения экспертного исследования операций с основными средствами в организациях аграрного сектора, что в конечном счете окажет прямое влияние на усиление экономической безопасности организации. Для усиления контроля за сохранностью основных средств, повышения качества их учета, а также для увеличения эффективности и результативности бухгалтерской экспертизы в целом рекомендуются следующие направления совершенствования организации процедуры бухгалтерской экспертизы в организациях аграрного сектора.

Одним из важнейших направлений нашей работы в целях эффективного контроля за сохранностью имущества, а также контроля соблюдения установленного порядка ведения бухгалтерского и налогового учета, отчетности является совершенствование методики бухгалтерской экспертизы операций с основными средствами [8–10]. Считаем, что деятельность бухгалтера-эксперта должна проводиться по специальной программе конфиденциального характера. Основные методы сбора доказательств выбираются самостоятельно или определяются стандартом экспертного исследования. С помощью процедур экспертизы осуществляется проверка достоверности данных бухгалтерского учета и отчетности. При обнаружении нарушений бухгалтер-эксперт определяет их характер и суть, а также уровень риска [11]. При этом бухгалтер-эксперт описывает процедуры экспертизы или методы обнаружения нарушений, порядок построения экспертной выборки при ее применении и обосновывает достаточность доказательств.

Процедуры бухгалтерской экспертизы по существу позволяют получить полную информацию о достоверности данных бухгалтерского учета и отчетности основных средств. Экспертное исследование операций с основными средствами предлагаем проводить на основании общего плана и программы бухгалтерской экспертизы учета основных средств. Для подтверждения первичной оценки системы внутреннего контроля и бухгалтерского учета основных средств предлагаем бухгалтерам-экспертам при тестировании использовать разработанные вопросы. По результатам тестирования устанавливается оценка надежности систем и сравнивается с первоначальной оценкой, полученной на стадии планирования экспертизы. Ответ на каждый вопрос теста может оцениваться количественно (в баллах) или вербально [12]. Применяемый вид и шкала оценки регламентируются внутренними стандартами экспертной деятельности. Если такая оценка окажется ниже первоначальной, то необходимо скорректировать объем и порядок проведения других экспертных процедур. Эксперты определяют объекты повышенного внимания при планировании контрольных процедур и уточняют риск. На заключительном этапе проверки осуществляется количественная оценка влияния выявленных нарушений на показатели бухгалтерской отчетности.

В ходе изучения результатов проведения бухгалтерской экспертизы учета основных средств в организациях аграрного сектора отмечается недостаточная работа по организации аналитического учета основных средств. Защитные функции бухгалтерских счетов реализуются главным образом в системе аналитического учета [13]. В связи с этим он содержит наиболее конкретные сведения об операциях с основными средствами и сужает для эксперта круг поиска противоправных операций. Именно недостатки в организации аналитического учета могут служить причиной совершения многих противоправных деяний. Считаем, что недостаточная детализация аналитического учета основных средств может облегчить маскировку многих способов совершения преступлений или сокрытие материального ущерба. Аналитический учет, в отличие от синтетического, реагирует на признаки уже совершившихся правонарушений.

В целях профилактики будущих правонарушений рекомендуем внести изменения в рабочий план счетов организаций аграрного сектора, расширив аналитические признаки (см. рис. 6 на стр. 38). Считаем, что предлагаемая детализация аналитического учета отвечает потребностям бухгалтерского учета, комплексного анализа хозяйственной деятельности, принятым в организациях аграрного сектора методам исчисления себестоимости продукции (работ, услуг), а также особенностям расчетов и т. д.

В современных условиях, в эру цифровой экономки, все более развивается программное обеспечение всех сфер деятельности организаций, так как использование автоматизации позволяет ускорить учетный процесс. Бухгалтерский учет, в том числе учет основных средств в организациях аграрной сферы, организован с помощью автоматизированных программ (наиболее распространенной является в настоящее время «1С: Бухгалтерия») [14; 15]. Поэтому рекомендуем процесс бухгалтерской экспертизы организовывать с использованием компьютерных программ. При этом отметим, что задачей автоматизации бухгалтерской экспертизы является повышение производительности труда бухгалтера-эксперта.

Автоматизация учетных процессов имеет свои положительные и отрицательные стороны. К отрицательным можно отнести то, что увеличивается вероятность злоупотреблений в экономической сфере. Экспертам необходимо понимать, что автоматизация учетного процесса хозяйственной деятельности предприятия увеличивает эффективность внутреннего контроля, но в то же время увеличивает вероятность противоправных действий лиц, которые используют несовершенство программ в целях совершения экономических преступлений. Представляет особую сложность выявление противоправных деяний, в которых принимают участие не только лица, ответственные за сохранность основных средств, но также и программисты.

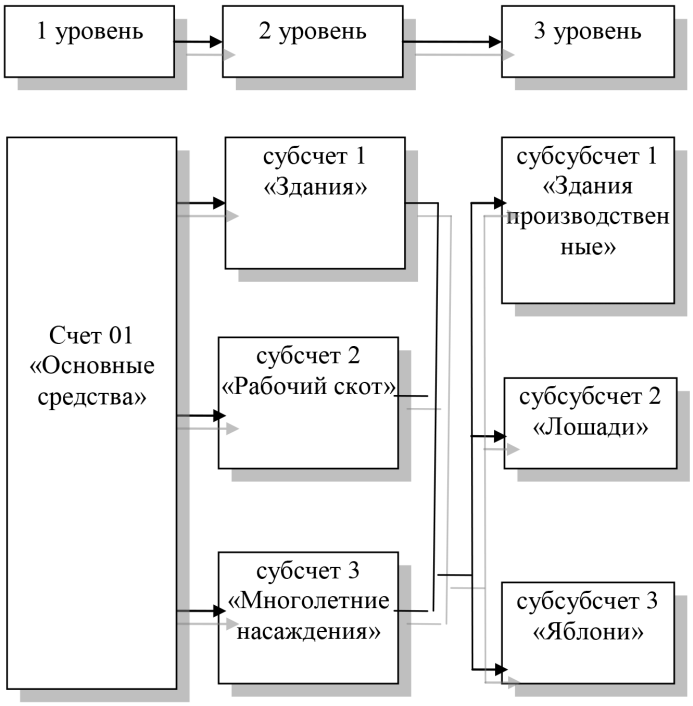

Рис. 6. Рекомендуемая система учетно-информационного обеспечения формирования информации на счете 01 «Основные средства»

Заключение

Таким образом, использование в практической работе предложенных рекомендаций по организации бухгалтерской экспертизы учета основных средств и совершенствованию методических подходов позволит достичь наиболее полного и эффективного их функционирования, добиться предотвращения возможных злоупотреблений и совершения противоправных деяний в данной области, что, в свою очередь, обеспечит экономическую безопасность организаций аграрного сектора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кеворкова Ж. А., Савин А. А. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М.: Вузовский учебник, 2007. 260 с.
2. Алибеков Ш. И. Судебно-бухгалтерская экспертиза. М. : Юнити-Дана, 2006. 170 с.
3. Дубоносов Е. С. Судебно-бухгалтерская экспертиза : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2014. 267 с.
4. Судебно-бухгалтерская экспертиза : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Е. Р. Российской, Н. Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 383 с.
5. Горбачева А. С., Чекрыгина Т. А. Развитие учетно-аналитического обеспечения системы управления производственными затратами организаций АПК // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2014. № 4(36). С. 255–261.
6. Плешаков В. С., Токарева Е. В. Бухгалтерский учет наличных денежных средств на предприятии: проблемы и пути их решения // Наука и молодежь: новые идеи и решения : материалы X международной науч.-практич. конф. молодых исследователей. 2016. С. 266–268.
7. Попова С. А. Экономика труда : практикум для подготовки бакалавров по направлению 38.03.01 «Экономика» профили: «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Страхование». Волгоград, 2016. 96 с.
8. Забазнова Д. О., Терехина Н. В. Аудит в организациях АПК : методические указания по изучению дисциплины и самостоятельной работе студентов направления 38.03.01 «Экономика», профиль «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» (академический бакалавриат). Волгоград, 2017.
9. Владимирова Г. В., Чухнина Г. Я. Роль налогового планирования на пути к построению системы внутреннего налогового контроля в хозяйствующих субъектах // Наука и молодежь: новые идеи и решения : материалы X международной науч.-практич. конф. молодых исследователей. 2016. С. 201–202.
10. Егорова Е. М., Черненко А. А. Основы организации учета оплаты труда с учетом требований МСФО // Наука и молодежь: новые идеи и решения : материалы X международной науч.-практич. конф. молодых исследователей. 2016. С. 297–299.
11. Варданян С. А. Совершенствование организационно-методических аспектов внутреннего аудита в холдингах на основе разработки модели бизнес-процесса // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8-2(61-2). С. 1098–1102.
12. Токарева Е. В. Организация внутреннего контроля дебиторской задолженности как основополагающий аспект стратегического управления лизинговыми компаниями // Инновационная наука. 2015. № 12-1. С. 285–288.
13. Развитие методики оценки системы внутреннего контроля / М. М. Скорев, Т. О. Графова, Г. И. Исаева, Н. А. Гончарова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 3(44). С. 92–97. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.319

14. Чернованова Н. В. Автоматизация отечественной системы бухгалтерского учета по МСФО: какой программный продукт выбрать // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. 2014. № 1(33). С. 248–253.

15. Чернованова Н. В., Ягупова Е. В. Проблемы и перспективы развития учета сельскохозяйственных потребительских кооперативов // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2017. № 1(45). С. 300–309.

REFERENCES

1. Kevorkova Zh. A., Savin A. A. Forensic accounting expertise. M.: textbook for higher schools Publ., 2007. 260 p. (In Russ.).

2. Alibekov Sh. I. Forensic accounting expertise. M.: Unity-Dana Publ., 2006. 170 p. (In Russ.).

3. Dubonosov E. S. Forensic accounting: Textbook for high schools. M.: Yurait Publ., 2014. 267 p. (In Russ.).

4. Rossiiskaya E. R., Eriashvili N. D. (eds.). Forensic Accounting: textbook for university students. M.: UNITY-DANA, 2008. 383 p. (In Russ.).

5. Gorbacheva A. S., Chekrygin T. A. Development of accounting and analytical support of the management system of production costs of agro-industrial complex organizations // News of the Low-Volga Agro-University Complex: science and higher vocational education. 2014. No. 4(36). Pp. 255–261. (In Russ.).

6. Pleshakov V. S., Tokareva E. V. Accounting of cash in the enterprise: problems and ways to solve them // Science and youth: new ideas and solutions: materials X International Scientific and Practical Conference of Young Researchers. 2016. Pp. 266–268. (In Russ.).

7. Popova S. A. Economics of Labor // Workshop for training bachelors of the program of 38.03.01 “Economics” in the areas of “Accounting, Analysis and Audit”, “Insurance”. Volgograd, 2016. 96 p. (In Russ.).

8. Zabaznova D. O., Terekhina N. V. Audit in organizations of the agroindustrial complex // Methodological instructions for the study of discipline and independent work of students of the direction 38.03.01 “Economics”, profile “Accounting, analysis and audit” (academic baccalaureate). Volgograd, 2017. (In Russ.).

9. Vladimirova G. V., Chukhnina G. Ya. The Role of Tax Planning on the Way to Building a System of Internal Tax Control in Economic Entities // Scientce and youth: new ideas and solutions: X International Scientific and Practical Conference of Young Researchers. 2016. Pp. 201–202. (In Russ.).

10. Egorova E. M., Chernenko A. A. Fundamentals of the organization of accounting for labor, taking into account the requirements of IFRS // Science and Youth: new ideas and solutions of the X International Scientific and Practical Conference of Young Researchers. 2016. Pp. 297–299. (In Russ.).

11. Vardanyan S. A. Improvement of organizational and methodical aspects of internal audit in holdings based on the development of a business process model // Economics and Entrepreneurship. 2015. No. 8-2(61-2). Pp. 1098–1102. (In Russ.).

12. Tokareva E. V. Organization of internal control of accounts receivable as a fundamental aspect of strategic management of leasing companies // Innovative Science. 2015. No. 12-1. Pp. 285–288. (In Russ.).

13. Skoreev M. M., Grafova T. O., Isaeva G. I., Goncharova N. A. Development of the methodology for assessing the internal control system // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2018. No. 3(44). Pp. 92–97. (In Russ.). DOI: 10.25683 / VOLBI.2018.44.319

14. Chernovanova N. V. Automation of the domestic accounting system according to IFRS: what software product to choose // News of the Low-Volga Agro-University Complex: science and higher vocational education. 2014. No. 1(33). Pp. 248–253. (In Russ.).

15. Chernovanova N. V., Yagupova E. V. Problems and prospects for the development of accounting of agricultural consumer cooperatives // News of the Low-Volga Agro-University Complex: Science and Higher Vocational Education. 2017. No. 1(45). Pp. 300–309. (In Russ.).

Как цитировать статью: Балашова Н. Н., Чекрыгина Т. А., Мелихов В. А. Развитие организационно-методических аспектов бухгалтерской экспертизы основных средств в организациях аграрного сектора // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 32–39. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.460.

For citation: Balashova N. N., Chekrygina T. A., Melikhov V. A. Development of organizational-methodical aspects of accounting expertise of the fixed assets in the organizations of the agrarian sector // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 32–39. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.460.

УДК 336.74
ББК 65.26

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.451

Bubnova Yulia Borisovna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of Finance
and Financial Institutions Department,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: 23bal@mail.ru

Бубнова Юлия Борисовна,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры финансов
и финансовых институтов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: 23bal@mail.ru

Bubnov Vyacheslav Anatol'ievich,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Logistics
and Customs Administration,
Irkutsk State Transport University,
Irkutsk,
e-mail: bubnovva13@gmail.com

Бубнов Вячеслав Анатольевич,
д-р экон. наук, доцент,
декан факультета менеджмента логистики
и таможенного дела,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
г. Иркутск,
e-mail: bubnovva13@gmail.com

КРИПТОВАЛЮТЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ НАЛОГОВУЮ СИСТЕМУ

CRYPTOCURRENCIES AND THEIR IMPACT ON THE NATIONAL TAX SYSTEM

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit

Глобализация мировой экономики, развитие IT-технологий повлекли за собой появление в нашем обществе новых форм взаимодействия, большого числа новых финансовых инструментов, одним из которых является криптовалюта. В данной статье авторами исследуются функции денег в ретроспективе, выявляются исторические предпосылки появления криптовалют. Дефиниция криптовалюты рассматривается с позиций различных исследователей. При этом ставится задача выявить, чем же является данная валюта — новой формой денег или же финансовым активом. В результате анализа различных трактовок криптовалют выявлено отсутствие единого подхода к их пониманию, на основе чего обоснована необходимость научного осмысления данного феномена современной экономики, выработки единого подхода к его определению. Несмотря на широкое распространение данных валют (на сегодняшний момент, по оценкам Банка России, насчитывается более тысячи трехсот криптовалют), правовые нормы, регулирующие процесс эмиссии этих валют, взаимоотношения между участниками операций и сделок с их использованием отсутствуют. Это формирует проблему налогообложения и налогового администрирования таких операций, на основе чего делается вывод о необходимости дальнейшего детального научного изучения криптовалют, разработки необходимой законодательной базы их функционирования. Помимо этого, авторами показано, какое влияние виртуальная валюта оказывает на систему налогообложения. Высказано предположение, что технология блокчейн, используемая при эмиссии данных валют, может быть использована для построения в России более прозрачной, экономичной и эластичной налоговой системы, что позволит налогоплательщикам экономить время на составлении налоговой отчетности, а налоговым органам проверять данные по сделкам, когда те формируются у самих налогоплательщиков.

Globalization of the world economy, the development of IT-technologies have led to the emergence in our society of new forms of interaction, a large number of new financial instruments, one of which is the crypto currency. In this article, the authors investigate the functions of money in historical retrospect, identify the historical background of the emergence of cryptocurrencies. The definition of cryptocurrency is considered from the positions of various researchers. In this case, the task is to identify what this currency is-a new form of money or a financial asset. As a result of the analysis of various interpretations of cryptocurrencies, the lack of common approaches to their understanding is revealed, on the basis of which the need for scientific understanding of this phenomenon of the modern economy, the development of a unified approach to its definition is justified. Despite the wide spread of these currencies (currently, according to the Bank of Russia, there are more than a thousand three hundred cryptocurrencies), there are no legal norms regulating the process of issuing these currencies, the relationship between the participants of operations and transactions with their use. This forms the problem of taxation and tax administration of such operations, on the basis of which the conclusion is made about the need for further detailed scientific study of cryptocurrencies, the development of the necessary legal framework for their functioning. In addition, the authors show the impact of virtual currency on the tax system. It is suggested that the blockchain technology used in the issue of these currencies can be used to build a more transparent, economical and elastic tax system in Russia. This will allow taxpayers to save time on the preparation of tax reports, and the tax authorities to check the data on transactions when they are formed by the taxpayers themselves.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые валюты, виртуальные деньги, цифровой финансовый актив, деньги, блокчейн, налоговая система, налоговое администрирование, налогообложение, финансовые технологии.

Keywords: cryptocurrency, digital currencies, virtual money, digital financial asset, money, blockchain, tax system, tax administration, taxation, financial technologies.

Введение

Неотъемлемым атрибутом современной экономики являются финансовые технологии, которые непрерывно появляются и внедряются в бизнес, трансформируя его, переводя в виртуальное пространство. Получили широкое распространение такие сферы экономических отношений, как электронная коммерция, электронный банкинг, электронное страхование, платежно-расчетные системы переходят в онлайн-режим. Порождением цифровой экономики являются и виртуальные валюты, которые все больше используются как в международных операциях, так и на национальном рынке. Все это создает огромные трудности для налогового администрирования и налоговой системы в целом. Это свидетельствует о необходимости исследования механизма функционирования криптовалют, их влияния на налоговую систему государства, что делает тему данной статьи весьма **актуальной**.

В экономической литературе есть много публикаций, посвященных вопросам появления и функционирования криптовалют. Можно выделить труды В. К. Шайдуллиной, А. В. Бабкина, Д. Д. Буркальцева, Ю. Н. Воробьева, Д. А. Кочергина, Д. С. Вахрушева, О. В. Железова, П. Винья, М. Кейси Большинство исследователей склоняются к мнению, что криптовалюты — это новые виды денег, которые государству необходимо принять [1, с. 98], законодательно урегулировать [2], взять за основу функционирования современной — цифровой экономики [3, с. 14].

Тем не менее в данных трудах нет однозначности в определении криптовалюты. Ключевым вопросом для понимания роли криптовалюты является определение ее экономической природы. Существующие изыскания в данной области научного знания не позволяют ответить на данный вопрос, что обусловливает **научную новизну** исследования. **Целью** исследования является определение возможности воздействия нового финансового инструмента — криптовалюты на национальную налоговую систему. В этой связи авторами данной статьи поставлены **задачи**: выявить, какие экономические отношения опосредует цифровая валюта и можно ли ее считать новой формой денег или же финансовым активом, определить, каким образом функционирование криптовалют повлияет на систему налогообложения, изучить возможности ее использования для уплаты налогов, а технологии выпуска и обращения криптовалют — для организации налогового администрирования.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении места и роли криптовалюты в современной экономике, а **практическая значимость** — в разработке рекомендаций для налогового администрирования.

Основная часть

Появление новых финансовых инструментов всегда связано с требованиями экономических процессов, которые опираются на исторически сложившиеся предпосылки их появления. Первоначально налоги оплачивались в натуральной форме. Со временем налоги стали взиматься золотом и серебром, медью, а с переходом на неразменное банкнотное обращение — неполноценными деньгами — банкнотами, казначейскими билетами, неполноценной монетой. Современные налоговые платежи поступают через банковскую систему путем списания средств со счетов плательщиков, т. е. через депозитные деньги.

Полноценные деньги выполняли функции меры стоимости, средства обращения и платежа, а также средства образования сокровищ, накопления и сбережения. С появлением и развитием кредитных и бумажных денег количество функций увеличивалось. В современной экономической литературе выделяют пять основных функций: меры стоимости (единицы счета), средство обращения, средство платежа, средство накопления и сбережения, мировые деньги. Эволюция денег привела к тому, что если первоначально все основные функции денег выполняли наличные деньги, то затем большой объем стали выполнять безналичные (средства на счетах в банках).

Национальные валюты выполняют четыре из вышеперечисленных функций. Деньги по-прежнему выступают универсальным средством измерения стоимости товаров, выражением их цены, благодаря чему стоимость товаров, работ и услуг в экономике становится сопоставимой.

Деньги являются основным инструментом обмена, выполняя функцию средства обращения. Развитие обмена привело к выделению из мира товаров особого эквивалента, которым на протяжении длительного периода были металлы в самых различных формах, что привело к появлению денежной формы стоимости. Дальнейшее развитие обмена способствовало появлению новых форм и видов денег: от металлов в самых разнообразных формах (слитков, песка, проволоки, самородков и др.) до монет разных номиналов; от полноценных (товарных и металлических денег) до неполноценных денег (знаков стоимости), представленных бумажными и кредитными деньгами. С развитием банковских институтов развивались и совершенствовались формы денег от наличных (банкнот) до безналичных (депозитных и электронных денег).

Деньги как особый товар также эволюционировали. Происходило развитие и смена форм и видов денег. На смену товарным деньгам пришли весовые металлические, далее полноценные монеты, которые с переходом на системы неразменного банкнотного обращения были заменены на бумажные и кредитные деньги. С развитием банков появилась и безналичная форма денег, которая в настоящее время является преимущественной.

Предприятия и организации в России львиную долю (более 90 %) платежей осуществляют в безналичной форме через банковские счета. Физические лица пока еще пользуются наличными деньгами. Если в начале XXI в. в России соотношение наличных и безналичных денег составляло 37 % к 63 % (на 01.01.2000 — 266,1 млрд руб. к 448,4 млрд руб.), то сейчас это 20 % к 80 % (на 01.01.2018 агрегат М0 составлял 8446 млрд руб., а безналичные деньги — 33 996,2 млрд руб.) [4]. Более 83 % платежей проводится в электронном виде.

Современного человека нельзя представить без банковской карточки и мобильного банка, мы неуклонно движемся к тому, чтобы абсолютно все наши платежи осуществлялись электронно, без использования наличных денег. С этой целью российские банки в последние десятилетия активно взаимодействуют с торговыми сетями, поставщиками коммунальных услуг, налоговыми органами с целью перевода таких платежей в электронную сферу.

С развитием системы электронных платежей происходит процесс дестафации — потеря деньгами их вещественной субстанции. Все основные виды безналичных денег являются кредитными деньгами, представляющими собой средства на счетах в банках, управлять которыми можно с использованием различных инструментов. При этом все эти виды производятся банковской системой. Основным условием существования и увеличения денежной массы

является банковская система: центральные банки осуществляют наличную эмиссию, коммерческие — безналичную. Практически все платежи мы проводим через банковскую систему, она же контролирует и наличный оборот. Банки, осуществляя расчетно-кассовое обслуживание предприятий и организаций, отслеживают движение наличных денег посредством установления лимитов кассовой наличности.

Важно отметить, что деньги являются абсолютно ликвидным активом, поэтому даже не обладая собственной (внутренней) стоимостью, не позволяющей накапливать их в физической форме, они способны сохранять свою ценность посредством инвестирования (в депозиты, иностранную валюту, ценные бумаги и др.), вследствие чего деньги продолжают выполнять функцию средства накопления и сбережения.

С переходом крупнейших экономик мира на неразменное банкнотное обращение, уходом золота в сокровищницы государств (в виде золотовалютных, международных резервов) человечество пытается найти инструмент, который мог бы выполнять все эти функции на международном уровне, т. е. выступать в роли мировых денег. После золота в физической форме данную функцию выполняли валюты тех государств, золотое обеспечение которых было самым высоким и стабильным на протяжении продолжительного периода времени. С отменой данного обеспечения была предпринята попытка ввести международное платежное средство SDR (специальные права заимствования), курс которого определялся по корзине резервных валют (самых стабильных валют мира), но дальше расчетов между центральными банками стран, центральными банками и международными финансовыми организациями по регулированию платежных балансов такие расчеты не пошли. На сегодняшний момент SDR, как и благородные металлы, выполняет только резервную функцию, числясь в активах центральных банков.

Средством обмена и платежа, единицей счета в международном обороте выступают национальные валюты, при этом монополия в расчетах принадлежит доллару США. Такая ситуация предполагает зависимость международной экономики от состояния экономики одной страны. Непостоянство курсов национальных валют, неустойчивость финансовых активов уменьшают доверие к финансовым рынкам. В последние годы валюты разных стран, в том числе региональные, были обесценены, и поэтому капитал и инвестиции для многих людей также обесценились. Поиск валюты, устойчивой к инфляционным колебаниям, привел к появлению криптовалюты, курс которой устанавливается силами рынка: зависит от участников, между которыми происходит обмен. Кроме того, в современной экономике участники операций и сделок на международных рынках предпочитают осуществлять их как можно быстрее и на удобных условиях: без комиссий на транзакции между странами, при отсутствии контроля со стороны банков, налоговых и других надзорных органов, а самое главное, при обеспечении большой ликвидности и безопасности транзакций. Таким образом, криптовалюты оказали большое влияние на мировую экономику, поставив под сомнение основы функционирования сложившейся финансовой системы.

Несмотря на широкое распространение, до сих пор нет четких определений данному типу валют как в национальных законодательствах, так и в международном. Рассмотрим существующие точки зрения.

Ряд авторов представляют виртуальную валюту как «цифровое выражение стоимости, которая может покупаться или продаваться в цифровой форме и функционировать в качестве: средства обмена; счетной единицы; средства сохранения стоимости, но не имеет законного статуса в какой-либо юрисдикции» [5, с. 120], другие — как «безэмиссионный предъявительский псевдонимный квазиденежный инструмент с одновременным наличием функций средства платежа и средства накопления. С высокой глобальной ликвидностью, высокой волатильностью и трансграничным характером обращения» [6, с. 14].

Другая точка зрения на виртуальную валюту заключается в том, что под ней понимают одновременно «…цифровую валюту и онлайновую платежную систему, в которой технология шифрования обеспечивает управление генерацией денежных единиц и подтверждение переводов средств...» [7, с. 22].

Эксперты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) считают криптовалюту разновидностью виртуальной валюты, под которой понимают цифровое представление ценности, которое не имеет статуса законного платежного средства ни в одной из юрисдикций. Она не эмитируется и не гарантируется ни одним государством [8].

Ряд авторов под криптовалютой понимают особую разновидность электронных денег, функционирование которых основано на децентрализованном механизме эмиссии и обращении, представляющих собой сложную систему информационно-технологических процедур, построенных на криптографических методах защиты, регламентирующих идентификацию владельцев и фиксацию факта их смены [9].

Согласно ст. 2 проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах» криптовалюта — это вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций [10].

Ряд авторов считают, что выпуск и обращение криптовалют имеет признаки финансовой пирамиды, соответственно, сопряжено с рисками, среди которых:

— отсутствие защиты прав инвесторов вследствие отсутствия законодательного регулирования криптоактивов, системы гарантирования инвестиций, единого эмитента;

— использование криптоактивов в нелегальных целях (анонимность операций создает условия для их использования в целях финансирования терроризма, отмывания доходов, торговле нелегальными товарами);

— недостаток рыночной ликвидности, концентрация криптоактивов в руках небольшого круга игроков (например, 97 % биткойнов сосредоточено на 4 % биткойн-адресах), высокая волатильность стоимости криптоактивов;

— операционные риски (уязвимость к кибермошенничествам кошельков, криптовалютных бирж);

— приобретение криптоактивов с привлечением заемных средств может создавать существенные риски для финансовой устойчивости инвесторов ввиду значительной волатильности стоимости криптоактивов [11].

Тем не менее насчитывается более тысячи криптовалют, которые все активнее используются в национальных и международных операциях.

Другое дело — это технология блокчейн, на основе которой базируется большинство криптовалют. По мнению Рэндала Куорлза (заместитель председателя Совета

управляющих ФРС США по надзору за банковским сектором), необходимо отделить концепцию цифровых валют от новых инновационных технологий, таких как технологии распределенных реестров (блокчейн), которые могут предложить полезные способы хранения, передачи и защиты данных традиционных финансовых активов [12, с. 102].

В зарубежной экономической литературе довольно широко освещены вопросы практического применения технологии блокчейн в финансовой сфере [13—15]. В настоящее время в нашей стране на законодательном уровне проводится экспертно-аналитическое исследование на тему «Законодательное регулирование внедрения и практического применения современных финансовых технологий. Анализ международного опыта и модальностей адаптации в российской практике» [16, с. 205].

В настоящее время разрабатываются и внедряются в российскую банковскую практику проекты на основе технологии блокчейн. Банк России в партнерстве с десятью крупными банками страны в 2016 г. создал консорциум «Финтех» для внедрения финансовых инноваций и обкатки технологии блокчейн.

Наиболее активно в сфере применения данной технологии работает ПАО «Сбербанк», который совместно с Федеральной антимонопольной службой России запустили пилотный проект Digital Ecosystem по обмену документами. Целью данного проекта является изучение возможностей распределенного хранения документов, позволяющего многократно увеличить скорость обмена документами и надежность их хранения. Помимо этого, внедрение такой технологии позволит снизить расходы на центры обработки данных за счет использования сетей участников сделки. В октябре 2017 г. Сбербанк уже провел первую в России платежную транзакцию по технологии блокчейн, основным преимуществом которой явилась быстрота ее проведения (в режиме реального времени).

Аналогичные проекты реализуют Альфа-Банк совместно с ООО «Сбербанк Факторинг» и крупнейшим ритейлером ПАО «М.Видео» в области факторинга. «Райффайзенбанк» принял участие в проекте Национального расчетного депозитария по выпуску облигаций ПАО «МегаФон» с использованием технологии блокчейн. Кроме того, вышеуказанные банки попытались найти применение технологии блокчейн в торговых сделках с использованием аккредитивов. В данной технологии применяется система смарт-контрактов.

Технологии внедряются и в налоговую сферу. С июля 2016 г. был принят закон о запуске с 2018 г. онлайн-касс. Применяющие контрольно-кассовую технику предприятия и организации должны были перейти на нее в 2017 г., а имеющие право не применять контрольно-кассовую технику должны зарегистрировать онлайн-кассу к 1 июля 2018 г. Сегодня покупатель или получатель услуги сможет получить чек не только в бумажном, но и в электронном виде. Кроме того, успешно действует автоматизированная система контроля за сбором НДС (АСК НДС-2), позволяющая подавать налоговые декларации по НДС в электронном виде, при этом книга покупок и продаж идет как приложение к декларации, и вся налоговая отчетность стягивается в центры обработки данных [17]. Декларации по НДС проходят автоматизированную камеральную налоговую проверку, по результатам которой налогоплательщики, допустившие ошибки, получают требования о представлении пояснений по контрольным соотношениям или по расхождениям данных счетов-фактур.

Больше возможностей для налогового администрирования откроет внедрение технологии блокчейн, позволяющей создать систему распределенного хранения данных с идентификацией каждого пользователя и защищенностью доступа. Благодаря такой технологии налоговые органы получат возможность контролировать сделки во время их совершения.

Тем не менее введение данной технологии — довольно сложный процесс, реализация которого зависит в большей степени не от технологических решений, а от того, насколько быстро можно получить все необходимые визы у министерств и ведомств. Кроме того, использование блокчейна в налоговых службах актуализирует проблемы обеспечения стабильности и унификации администрирования налогов во время технологических усовершенствований, технического обеспечения налоговых ведомств, обучения и повышения квалификации кадров.

Сохраняются и проблемы юридического характера, связанные с введением в правовое поле действия смарт-контрактов: каким образом на них распространять действие налоговых норм, как определять налогооблагаемую стоимость при совершении сделки в криптовалюте?

Результаты исследования

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что до сих пор нет однозначного понимания того, что же представляет собой криптовалюта: это цифровой товар, расчетная денежная единица или инвестиционный актив? Криптовалюты — это цифровые деньги, идущие на смену фиатным деньгам, либо это новая форма финансовой пирамиды с серьезными и глобальными последствиями для всех? Анализ различных трактовок криптовалют позволил выделить три основных подхода к их определению, исходя из которых определяется их налоговое администрирование (табл.).

Таблица

Подходы к определению криптовалют и их налоговое администрирование

Подход	Определение	Особенности использования	Налоговое администрирование
Стоимостной	Цифровое выражения стоимости	Функционирует как средство обмена и платежа, счетная единица (используется для проведения операций и сделок)	Определение налогооблагаемой базы для НДС
Бухгалтерский	Финансовый актив (как объект учета)	Функционирует как средство сохранения стоимости	Налогообложение операций с финансовыми активами и доходов от данных операций
Макроэкономический	Децентрализованная платежная система	Генерация денежных единиц и осуществление переводов денежных средств (регистрация как участника платежного оборота, лицензирование его деятельности)	Налогообложение доходов операторов платежных систем

Пока же монетарные власти многих стран с осторожностью подходят к вопросу признания криптовалют в качестве законных платежных средств вследствие того, что эмиссия и обращение криптовалют сопряжены с большим количеством рисков.

Большинство операций (купли, продажи и т. д.) осуществляется посредством банков, которые выполняют функции налоговых агентов, исчисляя и удерживая налоги из денежных средств, выплачиваемых клиентам-налогоплательщикам. При исполнении обязанностей налоговых агентов банки пользуются всеми правами и исполняют обязанности, предусмотренные ст. 24 НК РФ.

Достаточно значимыми в структуре расходов российских граждан, предприятий и организаций являются налоги, оплата которых также переходит в цифровую сферу, тем более что налоги уплачиваются от официального заработка или дохода, который так или иначе проходит по счетам в банках, поэтому и уплата налогов начала автоматизироваться гораздо раньше, чем другие платежи.

Если криптовалюты используются в качестве средства платежа, возможно ли их использовать для оплаты налогов и сборов? Пока ответ отрицательный, так как операции с криптовалютами совершаются вне правового регулирования, они не гарантируются и не обеспечиваются Банком России. Кроме того, Налоговым кодексом РФ предусматривается уплата налогов только в российских рублях, являющихся законными платежными средствами на территории России. Такие же положения есть и в законодательстве большинства государств мира.

Немаловажным вопросом являются доходы и финансовые потоки, которые налоговые органы не могут контролировать. Так, практически не контролируется налоговыми органами информационное сопровождение, реклама, оборот электронных денег. Благодаря распространению криптовалют многие транснациональные компании используют технические инновации для увеличения прибыли, при этом с их доходов не идут поступления в бюджет ни страны резидента, где доход создается, ни страны резидента — получателя этого дохода. С юридической точки зрения распределять прибыль в зависимости от локации материальных активов, не принимая во внимание возрастающей роли нематериальных активов в создании дохода, — абсолютно легальный способ. Субъекты малого бизнеса также активно используют криптовалюты для уклонения от уплаты НДС.

Если все же признавать криптовалюту в качестве финансового актива, то майнинг (процесс создания (выпуска) такого актива) могут осуществлять как юридические лица, так и индивидуальные предприниматели, поэтому данный вид деятельности должен подлежать налогообложению, что сейчас практически осуществить невозможно вследствие отсутствия должного законодательного обеспечения.

Технология блокчейн позволяет создавать системы распределенного хранения данных с идентификацией каждого пользователя и защищенностью доступа. Это позволит налоговым органам отказаться от довольно сложного процесса формирования и подачи деклараций, а Федеральная налоговая служба получит возможность проверять данные по сделкам, когда те формируются у самих налогоплательщиков. Кроме того, с помощью технологии блокчейн можно существенно сэкономить на администрировании данных.

Все это свидетельствует о том, что криптовалюты и технологии их функционирования уже оказывают влияние на экономические процессы в России, в том числе и на налоговую систему, делая ее более прозрачной, эластичной и экономичной. Вопрос использования цифровых валют и технологий — вопрос ближайших лет, чем быстрее Россия приступит к его решению, тем быстрее наша страна станет лидером в мире финансовых технологий.

Заключение, выводы

В заключение следует отметить, что появление криптовалют является закономерным следствием развития денег и финансовых технологий. Происходит формирование нового финансового инструмента, который формирует новую стоимость и позволяет решать возникающие проблемы современной экономики. С позиций налоговой системы следует рассматривать криптовалюту как объект налогообложения и в то же время как средство платежа при налоговом администрировании, естественно, при выполнении ряда условий, основными из которых являются законодательное обеспечение оборота криптовалют, технологические усовершенствования налогового администрирования.

Легализация и налоговое администрирование криптовалюты будет способствовать росту налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации и экономическому развитию нашей страны. Несомненный интерес представляет технология данного процесса, что является дальнейшим направлением научного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дубянский А. Н. Теории происхождения денег и криптовалюты // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 97–100.

2. Шайдуллина В. К. Рынок криптовалют: прогноз развития // Вестник университета. 2018. № 4. URL: http://vestnik.guu.ru/wp-content/uploads/sites/17/2018/05/ilovepdf_com-140-144.pdf

3. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития / А. В. Бабкин, Д. Д. Буркальцева, Д. Г. Костень, Ю. Н. Воробьев // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 3. С. 9–25.

4. Денежная масса (национальное определение). Структура денежного агрегата М2 // Центральный банк РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ms&pid=dkfs&sid=dm

5. Кочергин Д. А. Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 119–140.

6. Бауэр В. П. Проблемы на пути создания унифицированной цифровой платформы цифровой экономики. М. : РАЕН, 2017. 39 с.

7. Свон М. Блокчейн: Схема новой экономики. М. : Олимп-Бизнес, 2017. 235 с.

8. Обзор по криптовалютам, ICO (Initial coin offering) и подходам к их регулированию, декабрь 2017 года. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/36009/rev_ICO.pdf

9. Вахрушев Д. С., Железов О. В. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». Вып. 5(24), сентябрь – октябрь 2014 г. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/127EVN514.pdf

10. Проект федерального закона РФ «О цифровых финансовых активах». URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/35808/20180125_01.pdf

11. Риски глобальной экономики и мировых финансовых рынков // Обзор финансовой стабильности. № 1 (12). 4 квартал 2017 – 1 квартал 2018 г. URL: http://www.cbr.ru/publ/Stability/OFS_17-03.pdf

12. Нурмухаметов Р. К., Степанов П. Д., Новикова Т. Р. Технология блокчейн: сущность, виды, использование в российской практике // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 101—103.

13. Тапскотт Д., Тапскотт А. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией / пер. с англ. М. : Эксмо, 2017. 448 с.

14. Wattenhofer R. The Science of the Blockchain. Createspace Independent Publishing Platform, 2016. 124 с.

15. Винья П., Кейси М. Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок / пер. с англ. Э. Кондуковой. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. 429 с.

16. Жигас М. Г., Кузьмина С. Н. Природа и сущность криптовалюты // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 2. С. 201–207. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(2).201-207

17. Нечипоренко М. Как блокчейн поможет собирать налоги. URL: http://today-news.com/publications/cryptocurrency/Kak-blokcheyn-pomozhet-sobirat-nalogi-84805.html

REFERENCES

1. Dubyanskii A. N. Theory of the origin of money and cryptocurrency // Money and credit. 2017. No. 12. Pp. 97–100. (In Russ.).

2. Shaidullina V. K. cryptocurrency Market: forecast of development / Bulletin of the University № 4, 2018. (In Russ.). URL: http://vestnik.guu.ru/wp-content/uploads/sites/17/2018/05/ilovepdf_com-140-144.pdf

3. Babkin A. V., Burkalev D. D., Kosten D., Sparrows J. N. The Formation of the digital economy in Russia: its essence, features, technical normalization, the problems of development // Nauchno-tekhnicheskie Vedomosti SPbGPU. Economics. 2017. Vol. 10. No. 3. Pp. 9–25. (In Russ.).

4. Money supply (national definition). The structure of the monetary unit M2 / Central Bank of the Russian Federation. (In Russ.). URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ms&pid=dkfs&sid=dm

5. Kochergin D. A. The Place and role of virtual currencies in the modern payment system // Bulletin of St. Petersburg state University. Episode 5. Economy. 2017. Vol. 33. No. 1. Pp. 119–140. (In Russ.).

6. Bauer V. Problems on the way to creating a unified digital economy platform. M. : Academy of natural Sciences, 2017. 39 p. (In Russ.).

7. Swan M. Blockchain: the Scheme of the new economy. M. : Olympus-Business, 2017. 235 p. (In Russ.).

8. The review of cryptocurrency, ICO (Initial coin offering) and approaches to their regulation, December 2017. (In Russ.). URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/36009/rev_ICO.pdf

9. Vakhrushev S. D, Zhelezov O. V. Cryptocurrency as a phenomenon of the modern information economy: problems of theoretical comprehension // Internet-journal “Science of SCIENCE”. Issue 5 (24), September – October 2014. (In Russ.). URL: https://naukovedenie.ru/PDF/127EVN514.pdf

10. Draft Federal law “on digital financial assets”. (In Russ.). URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/35808/20180125_01.pdf

11. Risks of the global economy and global financial markets // Financial stability Review. No. 1 (12) Q4 2017 – Q1 2018. (In Russ.). URL: http://www.cbr.ru/publ/Stability/OFS_17-03.pdf

12. Nurmukhametov R. K., Stepanov P. D., Novikova T. R. Blockchain Technology: essence, types, use in Russian practice // Money and credit. 2017. No. 12. Pp. 101–103. (In Russ.).

13. Blockchain revolution: how the technology behind bitcoin is changing the money? Business and the world / Don Tapscott and Alex Tapscott. Discription: New York : Portfolio, 2016. (Russ. Ed.: Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Technology: what drives the financial revolutiontoday / Translation from English. M. : Eksmo, 2017. 448 p.).

14. Wattenhofer R. The Science of the Blockchain. Createspace Independent Publishing Platform, 2016. 124 p.

15. Vigna P., Casey M. J. The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and Digital Money Are Challenging the Global Economic Order. St. Martin’s Press, 2016. 384 p. (Russ. Ed.: Vinya P., Casey M. The age of cryptocurrencies. How bitcoin and blockchain are changing the world economic order / Translation from English. E. Kondukova. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. 429 p.).

16. Gigas M. G., Kuz′mina S. N. The Nature and essence of cryptocurrency // Proceedings of Baikal State University. 2018. Vol. 28. No. 2. Pp. 201–207. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(2).201-207

17. Nechiporenko M. How blockchain will help to collect taxes. (In Russ.). URL: http://today-news.com/publications/cryptocurrency/Kak-blokcheyn-pomozhet-sobirat-nalogi-84805.html

Как цитировать статью: Бубнова Ю. Б., Бубнов В. А. Криптовалюты и их влияние на национальную налоговую систему // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 40–45. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.451.

For citation: Bubnova Yu. B., Bubnov V. A. Cryptocurrencies and their impact on the national tax system // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 40–45. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.451.

УДК 336; 330
ББК 65.26

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.415

Burkaltseva Diana Dmitrievna,
Doctor of Economic, Associate Professor,
Professor of the Department of Finance of Enterprises and Insurance,
Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol,
e-mail: di_a@mail.ru

Буркальцева Диана Дмитриевна,
д-р экон. наук, доцент,
профессор кафедры финансов предприятий и страхования,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь.
e-mail: di_a@mail.ru

Blazhevich Oleg Georgiyevich,
Candidate of Economics,
Senior lecturer of the Department of Finance of Enterprises and Insurance,
Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol,
e-mail: blolge@rambler.ru

Блажевич Олег Георгиевич,
канд. экон. наук,
старший преподаватель кафедры финансов предприятий и страхования,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь.
e-mail: blolge@rambler.ru

Guk Olga Anatolievna,
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Management of Entrepreneurial Activity,
Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol,
e-mail: guk.olya16@gmail.com

Гук Ольга Анатольевна,
канд .филос. наук,
доцент кафедры менеджмента предпринимательской деятельности,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь,
e-mail: guk.olya16@gmail.com

Tyulin Andrey Sergeevich,
Applicant of the Department of Economic Theory,
Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol,
e-mail: tyulin.andrey@mail.ru

Тюлин Андрей Сергеевич,
соискатель кафедры экономической теории,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь,
e-mail: tyulin.andrey@mail.ru

Safonova Natalia Sergeevna,
Student of the Master's Program of the Department of Finance and Insurance Companies,
Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol,
e-mail: natka-katenak@yandex.ua

Сафонова Наталия Сергеевна,
магистрант
кафедры финансов предприятий и страхования,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь,
e-mail: natka-katenak@yandex.ua

Публикация подготовлена в рамках гранта РНФ номер проекта 19-78-20030 «Взаимодействия социальных институтов как основа экономической безопасности России в условиях глобализации»

Publication was prepared within the RNF grant project number 19-78-20030 "Interaction of social institutions as the basis of economic safety of Russia in the conditions of globalization"

КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

CLASSIFICATION OF THREATS OF THE FINANCIAL SECURITY OF THE STATE IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE SOCIAL-ECONOMIC SYSTEM

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (1. Финансовая система)
08.00.01 – Экономическая теория (1. Общая экономическая теория)
08.00.10 – Finance, money circulation and credit (1. The financial system)
08.00.01 – Economic Theory (1. General economic theory)

Формирование многоукладной рыночной экономики в России, а также ослабление системы государственного регулирования ее состояния способствовало значительному росту количественных и качественных угроз финансовой безопасности. Целью статьи является исследование классификации угроз финансовой безопасности государства с позиции трансформации социально-экономической системы.

В статье применен диалектический метод научного познания при изучении роли финансовой безопасности и классификации угроз финансовой безопасности.

Рассмотрены факторы возникновения угроз финансовой безопасности государства, составляющие финансовой безопасности в структуре национальной безопасности, угрозы составляющим финансовой безопасности государства.

Следует отметить, что своевременное выявление угроз финансовой безопасности позволит предпринять меры по их предотвращению и предупреждению.

Под финансовой безопасностью государства будем понимать составную часть экономической безопасности государства, характеризующую защиту финансовых интересов всех хозяйствующих субъектов, а также обеспечивающую такое развитие финансовой системы и финансовых отношений между ее институтами в государстве, которое позволяет: 1) нивелировать внешние и внутренние дестабилизирующие факторы, составляющие угрозу финансовой безопасности, формируя основу для сохранения сбалансированности и устойчивости всех звеньев финансовой системы; 2) обеспечивать необходимыми финансовыми ресурсами основных участников экономической деятельности для сохранения и укрепления национального суверенитета страны, обеспечения стабильного социально-экономического развития государства; 3) создать условия для невозможности злоупотребления или использования финансовых ресурсов в незакрепленных нормативно-правовыми актами сферах.

Недостаточность финансовых ресурсов, которая возникает в результате реализации угроз финансовой безопасности, приводит к недофинансированию определенных программ, что представляет собой угрозу национальной безопасности. Угроза составным частям национальной безопасности приводит к необходимости увеличения их финансирования, что, в свою очередь, представляет собой угрозу финансовой безопасности.

Несмотря на значительное давление со стороны зарубежных стран, Российская Федерация предпринимает меры по нейтрализации внешних угроз национальной безопасности, снижая возможность влияния извне на свою международную позицию.

The formation of a multi-market economy in Russia, as well as the weakening of the state regulation system over its condition, contributed to a significant increase in quantitative and qualitative threats to financial security. The purpose of the article is to study the classification of threats to the financial security of the state from the position of transforming the socio-economic system.

The article uses the dialectical method of scientific cognition in studying the role of financial security and the classification of threats to financial security.

The factors of the emergence of threats to the financial security of the state, the components of financial security in the structure of national security, threats to the components of the financial security of the state are examined.

It should be noted that timely detection of threats to financial security will allow taking measures to prevent and avoid them.

Under the financial security of the state, we will understand the co-part of the economic security of the state, which characterizes the protection of the financial interests of all economic entities, and also ensures the development of the financial system and financial relations in the state, which allows: 1) to level out external and internal destabilizing factors, which constitute a threat to financial security, forming the basis for maintaining the balance and stability of all parts of the financial system; 2) provide the necessary financial resources of the main participants of economic activity for preserving and strengthening the national sovereignty of the country, ensuring stable social and economic development of the state; 3) create conditions for the inability to abuse or use financial resources in the areas that are not enforced by regulatory and legal acts.

Insufficient financial resources that arise as a result of implementation of the threats to financial security lead to underfinancing of certain programs, which, in turn, poses a threat to the national security.

Ключевые слова: финансовые институты, финансы, финансовая безопасность, национальная безопасность, государственное регулирование, экономическая деятельность, государство, трансформация социально-экономических систем, угрозы, устойчивость.

Keywords: financial institutions, finance, financial security, national security, state regulation, economic activity, the state, transformation of socio-economic systems, threats, sustainability.

Введение

Актуальность работы. Формирование многоукладной рыночной экономики в России, а также ослабление системы государственного регулирования ее состояния вызвало значительный рост количественных и качественных угроз финансовой безопасности.

Изученность проблемы. Вопросами финансово-экономической безопасности занимаются многие ученые [1–11]. Но на повестке дня в быстроизменяющихся условиях, как внешних, так и внутренних, в условиях цифровизации и глобализации исследование классификации угроз становится особенно актуальным для любого государства.

Целесообразность разработки темы заключается в исследовании классификации угроз финансовой безопасности государства с точки зрения трансформации социально-экономической системы.

Научная новизна. Выделены угрозы финансовой безопасности в структуре национальной безопасности с точки зрения трансформации социально-экономической системы. Экстрагированы угрозы финансовой безопасности государства в процессе трансформации социально-экономической системы. Классифицированы факторы возникновения финансовой безопасности государства с позиции трансформации социально-экономической системы. Разработана классификация угроз составляющим финансовой безопасности государства с позиции трансформации социально-экономической системы.

Цель, задачи исследования. Целью статьи является исследование классификации угроз финансовой безопасности государства с позиции трансформации социально-экономической системы.

Задачи исследования:

— исследовать факторы возникновения угроз финансовой безопасности государства с точки зрения трансформации социально-экономической системы;

— проанализировать составляющие финансовой безопасности в структуре национальной безопасности в контексте трансформации социально-экономической системы;

— изучить угрозы финансовой безопасности государства с учетом процессов трансформации социально-экономической системы.

Раскрытие теоретической и практической значимости работы. Рассмотрение факторов возникновения угроз финансовой безопасности государства, составляющих

финансовой безопасности в структуре национальной безопасности, угроз составляющим финансовой безопасности государства представляет теоретическую и практическую значимость для любого государства, стремящегося к сохранению целостности своей социально-экономической системы.

Основная часть

Финансовая безопасность государства в структуре национальной безопасности. Согласно Указу Президента РФ № 683 от 31.12.2015 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» под национальной безопасностью понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [12].

В структуре национальной безопасности представлены составляющие:

— государственная безопасность — состояние защищенности государства от дестабилизирующих факторов различного уровня, оказывающих негативное воздействие на него;

— общественная безопасность — состояние защищенности как отдельно взятых личностей, так и общества в целом от дестабилизирующих факторов, создающих потенциальную и реальную опасность для жизненно важных интересов объектов защиты;

— информационная безопасность — состояние защищенности информационных ресурсов, а также законных прав человека и общества в информационной среде от внешних и внутренних угроз;

— экологическая безопасность — способность уберечь окружающую среду от негативных воздействий, а также связанная с этим сохранность высокого качества жизни и минимизация опасностей для жизнедеятельности хозяйствующих субъектов;

— транспортная безопасность — состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от противоправных действий (или бездействий), влекущих за собой физический и (или) материальный ущерб;

— энергетическая безопасность — состояние защищенности страны, ее граждан и экономики от угроз нарушения стабильного энергообеспечения;

— техногенная безопасность — состояние защищенности человека, общества, хозяйствующих субъектов и окружающей среды от угроз, возникающих в связи с нарушениями в использовании сложных технических систем;

— политическая безопасность — состояние защищенности политической составляющей государства (защита политического строя, законно избранных представителей государственной власти, законов государства);

— военная безопасность — способность защитить суверенитет, территориальную целостность и безопасность населения страны от внутренних и внешних угроз;

— демографическая безопасность — такое состояние демографических процессов, которое является достаточным для нормального воспроизводства населения и обеспечения людскими и трудовыми ресурсами общества;

— экономическая безопасность — «состояние экономической системы, характеризующееся ее устойчивостью и стабильностью к внешним и внутренним угрозам, способностью самостоятельно находить пути и формы своего развития, постоянно быть в состоянии готовности для создания разных систем и механизмов по защите ее национальных интересов» [13, с. 12].

В Указе Президента РФ № 683 от 31.12.2015 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» также отмечается, что «состояние национальной безопасности Российской Федерации напрямую зависит от экономического потенциала страны» [12]. Следовательно, можно сделать вывод, что экономическая безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности. А поскольку финансовая безопасность рассматривается нами как составная и важнейшая часть экономической безопасности, то можно отметить ее определяющее значение для национальной безопасности страны.

Место финансовой безопасности в структуре национальной безопасности государства как социально-экономической системы представлено на рис. 1 (см. стр. 49).

Не вызывает сомнений факт непосредственной взаимосвязи между финансовой и национальной безопасностью, а также их взаимозависимости и влияния друг на друга, причем взаимосвязь является как прямой, так и обратной. Так, например, в случае реализации угроз финансовой безопасности, негативно отражающихся на формировании финансовых ресурсов государства, возможность обеспечения общественной безопасности существенно снижается. Это связано с тем, что государство не будет иметь возможность финансировать мероприятия по снижению уровня преступности и правонарушений, составляющих основную угрозу безопасности личности и общества. Обратная связь между указанными составляющими национальной безопасности состоит в том, что реализация угроз общественной безопасности (например, значительный рост преступности) требует дополнительных финансовых ресурсов от государства, что негативно отражается на безопасности бюджетно-налоговой сферы. Это выражается в необходимости пересмотра бюджетов различных уровней в части увеличения расходов на профилактику преступности, а также в части поиска дополнительных источников дохода для финансирования указанных расходов, что чаще всего приводит к росту налогового бремени хозяйствующих субъектов.

Обеспечение информационной безопасности также связано с уровнем финансовой безопасности: если состояние финансовой системы и финансовых отношений в государстве можно назвать финансово безопасным, то государство будет иметь возможность обеспечивать защиту своей информационной сферы. В противном случае безопасность информационной составляющей страны будет под угрозой, поскольку для обеспечения ее защиты требуются значительные финансовые ресурсы. Обратная взаимосвязь состоит в следующем: реализация угроз информационной безопасности, во-первых, снижает уровень безопасности кредитно-банковской системы, поскольку все конфиденциальные данные могут быть рассекречены, чем могут воспользоваться преступники, что еще дополнительно потрясет финансовую составляющую страны; во-вторых, негативно отражается на безопасности фондового рынка, поскольку инвесторы не заинтересованы осуществлять вложения в страну, которая не способна обеспечить защиту информационных данных.

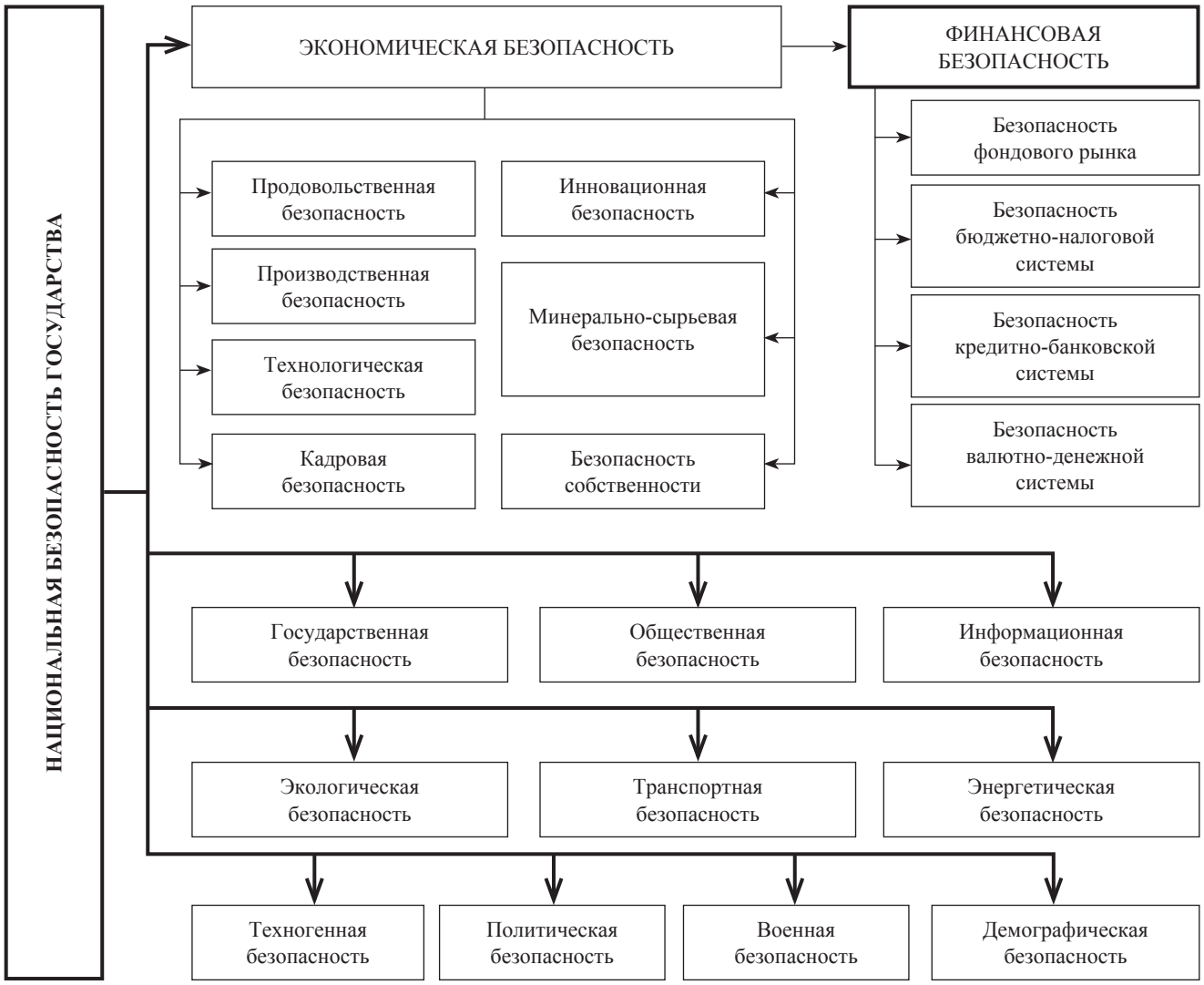

Рис. 1. Финансовая безопасность в структуре национальной безопасности государства с точки зрения трансформации социально-экономической системы

Источник: составлено авторами на основании [14; 15, с. 325].

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что недостаточность финансовых ресурсов, которая возникает в результате реализации угроз финансовой безопасности, приводит к недофинансированию определенных программ, что, в свою очередь, представляет собой угрозу национальной безопасности. И наоборот, угроза военной, энергетической, транспортной или экологической безопасности, которые являются составными частями национальной безопасности, приводит к необходимости увеличения финансирования оборонного, энергетического, транспортного комплекса или экологии, что представляет собой угрозу финансовой безопасности. Таким образом, финансовая безопасность имеет определяющее значение для национальной безопасности страны, и от уровня ее обеспечения зависит защита национальных интересов государства.

Классификация угроз финансовой безопасности государства. Формирование многоукладной рыночной экономики в России, а также ослабление системы государственного регулирования ее состояния способствовало значительному росту количественных и качественных угроз финансовой безопасности.

Под угрозами финансовой безопасности следует понимать факторы, реализация которых дестабилизирует финансово-экономическое положение государства, создавая опасность полной или частичной нереализации национальных финансовых интересов.

В общем виде угрозы финансовой безопасности принято делить на внешние и внутренние. Внешние угрозы зарождаются и существуют за пределами государства, в так называемой внешней среде, и оказывают прямое или косвенное воздействие на состояние финансов и финансовой системы страны. Внутренние угрозы возникают внутри государства и непосредственно влияют на уровень его финансовой безопасности. Наиболее опасные для государства угрозы представлены на рис. 2 (см. стр. 50).

В целом можно отметить, что количество угроз, возникающих внутри страны, значительно больше количества внешних угроз. При этом они, с одной стороны, являются более управляемыми, поскольку они очевидны и могут быть устранены в ходе проведения грамотного реформирования, с другой стороны, они более опасны, поскольку серьезно и планомерно подрывают стабильность финансово-экономической системы страны. Кроме этого, можно отметить, что внутренние угрозы могут усиливать или, наоборот, ослаблять влияние внешних факторов.

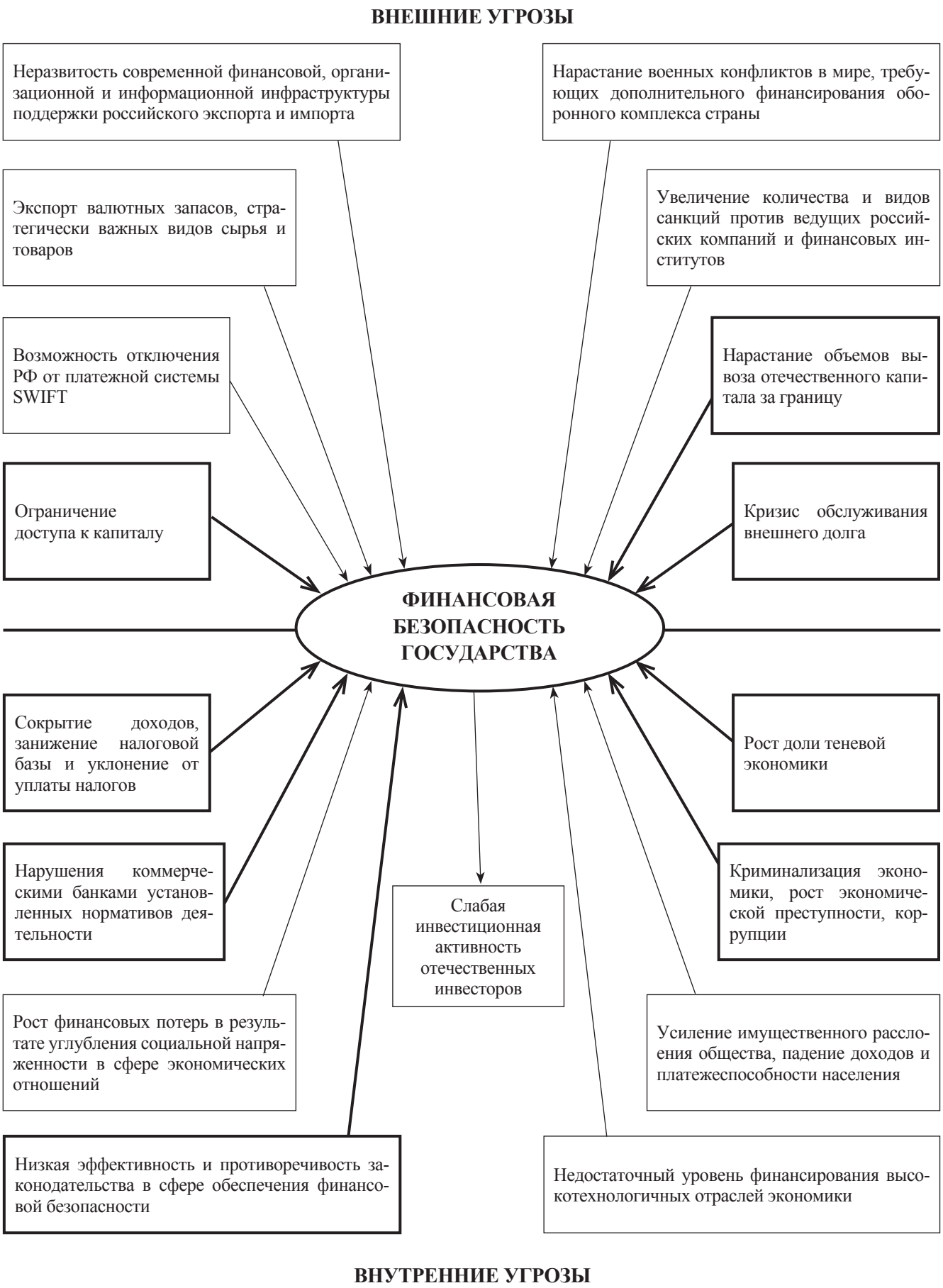

Рис. 2. Угрозы финансовой безопасности государства в контексте трансформации социально-экономической системы

Источник: составлено авторами на основании [16].

Следует подчеркнуть, что на возникновение угроз финансовой безопасности в процессе трансформации социально-экономической системы влияют различные факторы. Они представлены в таблице.

Таблица

Факторы возникновения угроз финансовой безопасности государства в процессе трансформации социально-экономической системы

Факторы возникновения угроз финансовой безопасности	Внешние угрозы	Внутренние угрозы
Организационные	— растущая автономизация глобальных коммерческих и институциональных конгломератов (ТНК и ТНБ); — отеря рынков сбыта производимой продукции (в частности, продукции военно-промышленного комплекса и обрабатывающей промышленности)	— неэффективная система государственного финансового контроля; — отсутствие взаимодействия между органами государственной власти различных регионов по вопросам регулирования налогов; — несогласованность действий структур, осуществляющих фискальные функции; — низкий уровень организации систем финансовой безопасности в коммерческих организациях; — злоупотребления должностными полномочиями представителей власти
Правовые	Несоответствие российского законодательства международным стандартам	— отсутствие целостного правового поля, регулирующего обеспечение финансовой безопасности; — пробелы в законодательстве; — отсутствие прописанных нормативных действий в отношении конкретных фактов нарушения финансовой безопасности; — слабая развитость механизмов защиты права собственности
Экономические	— интеграция национальных финансовых рынков и глобализация мирового хозяйства; — мировые финансовые кризисы; — концентрация капитала; — стремление иностранного капитала оказывать влияние на российскую экономику; — увеличение объема портфельных инвестиций и инвестиций в рынок корпоративных ценных бумаг за счет уменьшения доли прямых финансовых вложений в реальный сектор; — зависимость национальных экономик от иностранного краткосрочного спекулятивного капитала; — уровень цен на экспортные товары стратегической важности	— низкая способность финансовой системы обслуживать государственный долг; — неэффективная налоговая политика; — высокорисковая денежно-кредитная политика; — слабый уровень ценового регулирования в высокомонополизированных отраслях; — неэффективная приватизация; — предпочтение текущих расходов капитальным; — отсутствие гарантий сохранности капиталов крупных инвесторов; — высокая налоговая нагрузка; — высокие риски обесценивания активов
Политические	— использование мощными державами агрессивных стратегий завоевания мирового экономического пространства; — усиление политического давления на российские экономические и иные сферы со стороны западных стран; — влияние международных организаций на деятельность государства; — развитие международного терроризма; — распространение военных конфликтов и наращивание военных мощностей зарубежных стран; — несоблюдение международных договоренностей в различных сферах деятельности	Отсутствие действенной защиты от давления «лоббистских групп»
Социальные	— утечка квалифицированных кадров за рубеж; — степень развитости взаимоотношений между различными религиями на мировом уровне	— ослабление социально-экономических показателей; — фактическое отсутствие «среднего класса»; — существенный разрыв между доходами богатого и бедного населения; — социальная напряженность

Помимо общепринятого деления угроз безопасности, ряд ученых предлагает разделять их по степени влияния. Согласно данному признаку все угрозы финансовой безопасности следует подразделять на непосредственные (или прямые), оказывающие прямое негативное воздействие на объект безопасности, и опосредованные (или косвенные), оказывающие воздействие на объект безопасности при наличии иных дополнительных факторов. На рисунке 2 (см. стр. 50) жирным контуром выделены прямые угрозы.

Также, на наш взгляд, необходимо более подробно рассмотреть угрозы составляющим финансовой безопасности государства: безопасности фондового рынка, бюджетно-налоговой системы, кредитно-банковской системы и валютно-денежной системы. Представим их на рис. 3 (см. стр. 52).

Рис. 3. Классификация угроз составляющим финансовой безопасности государства с позиции трансформации социально-экономической системы.

Источник: составлено авторами.

Заключение, выводы

Следует отметить, что своевременное выявление угроз финансовой безопасности в процессе трансформации социально-экономической системы позволит принять меры по их предотвращению и предупреждению.

Во-первых, под финансовой безопасностью государства будем понимать составную часть экономической безопасности государства, характеризующую защиту финансовых интересов всех хозяйствующих субъектов, а также обеспечивающую такое развитие финансовой системы и финансовых отношений в государстве, которое позволяет: 1) нивелировать внешние и внутренние дестабилизирующие факторы, составляющие угрозу финансовой безопасности, формируя основу для сохранения сбалансированности и устойчивости всех звеньев финансовой системы; 2) обеспечивать необходимыми финансовыми ресурсами основных участников экономической деятельности для сохранения и укрепления национального суверенитета страны, обеспечения стабильного социально-экономического развития государства; 3) создать условия для невозможности злоупотребления или использования финансовых ресурсов в незакрепленных нормативно-правовыми актами сферах.

Во-вторых, недостаточность финансовых ресурсов, которая возникает в результате реализации угроз финансовой безопасности, приводит к недофинансированию определенных программ, что, в свою очередь, представляет собой угрозу национальной безопасности.

В-третьих, угроза составным частям национальной безопасности приводит к необходимости увеличения их финансирования, что представляет собой угрозу финансовой безопасности.

В-четвертых, несмотря на значительное давление со стороны зарубежных стран, Российская Федерация предпринимает меры по нейтрализации внешних угроз национальной безопасности, снижая возможность влияния извне на свою международную позицию.

Дальнейшие исследования необходимо направить на систематизацию показателей финансовой безопасности на уровне страны и региона в условиях цифровизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Varnaliy Z., Onishchenko S., Masliy A. Threat prevention mechanisms of Ukraine`s economic security // Economic Annals-XXI. 2016. Vol. 159. No. 5-6. Pp. 20–24.

2. Борщ Л. М. Применение эконометрического моделирования к оценке объема страхового рынка Республики Крым и г. Севастополя // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 2. С. 139–150.

3. Peculiarities of Sustainable Tourism Development in the Russian Federation / N. M. Dudin, D. D. Burkaltseva, S. Yu. Tsohla, I. N. Voronin, A. A. Yanovskaya, O. A. Guk // Journal of Environmental Management and Tourism. 2017. [S. l.]. Vol. 8. No. 24. Pp. 1571–1578.

4. Institutional aspekts of provision of sustainability of budget system of the Russian Federation / N. G. Vovchenko, O. B. Ivanova, E. D. Kostoglodova, T. F. Romanova // Asian Social Science. 2015. Vol. 11. No. 20. Pp. 235–243.

5. Pshenichnikov V. V., Babkin A. V. Digital money as a product of the development of information and telecommunication technologies // Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies. 2017. Pp. 259–265.

6. Воробьева Е. И. Финансово-экономическая безопасность государства: теоретико-методический аспект // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2013. № 4 (23). С. 6–12.

7. The current state of the payment infrastructure and development of payment systems in Russia and the Volgograd region / O. M. Korobeynikova, D. A. Korobeynikov, L. V. Popova, O. V. Savina, R. Sh Kamilova // Revista Espacios. 2017. Vol. 38. No. 62. URL: http://www.revistaespacios.com/a17v38n62/17386211.html

8. Financial and economic security of business as a primary element in the economic system / D. D. Burkaltseva, L. M. Borsch, O. G. Blazhevich, E. E. Frolova, I. V. Labonin // Revista Espacios. 2017. Vol. 38. No. 33. P. 3.

9. Воробьев Ю. Н., Порицкий Д. В. Финансово-экономическая безопасность: теоретический аспект // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2015. № 2 (31). С. 34–43.

10. Ващенко А. Н. Особенности экономической устойчивости аграрного производства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 4 (21). С. 66–68.

11. Кабанов В. Н. Потенциал стратегического развития Волгограда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 54–61.

12. Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

13. Экономическая и национальная безопасность : учебник / под. ред. Е. А. Олейникова. М. : Экзамен, 2004. 171 с.

14. Беркимбаев Р. Б. Финансовая безопасность местного самоуправления — основа национальной безопасности // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2007. Т. 4. № 16-1. С. 198–201.

15. Ермакова Э. Р. Финансовая безопасность в системе национальной безопасности государства // Фундаментальные исследования. 2016. № 5-2. С. 324–328.

16. Сараджева О. В., Барикаев Е. Н. Финансовая безопасность. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 103 с.

REFERENCES

1. Varnaliy Z., Onishchenko S., Masliy A. Threat prevention mechanisms of Ukraine`s economic security // Economic Annals-XXI. 2016. Vol. 159. No. 5-6. Pp. 20–24.

2. Borsch L. M. The application of econometric modeling to the estimation of the volume of the insurance market of the Republic of Crimea and Sevastopol // Regional economy. South of Russia. 2018. No. 2. Pp. 139–150. (In Russ.).

3. Dudin N. M., Burkaltseva D. D., Tsohla S. Yu., Voronin I. N., Yanovskaya A. A., Guk O. A. Peculiarities of Sustainable Tourism Development in the Russian Federation // Journal of Environmental Management and Tourism. 2017 [S. l.]. Vol. 8. No. 24. Pp. 1571–1578.

4. Vovchenko N. G., Ivanova O. B., Kostoglodova E. D., Romanova T. F. Institutional aspekts of provision of sustainability of budget system of the Russian Federation. // Asian Social Science. 2015. Vol. 11. No. 20. Pp. 235–243.

5. Pshenichnikov V. V., Babkin A. V. Digital money as a product of the development of information and telecommunication technologies // Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies. 2017. Pp. 259–265.

6. Vorobyova E. I. The financial and economic security of the state: the theoretical and methodical aspect // Scientific Herald: finance, banks, investments. No. 4(23). Pp. 6–12. (In Russ.).

7. Korobeynikova O. M., Korobeynikov D. A., Popova L. V., Savina O. V., Kamilova R. Sh. The current state of the payment infrastructure and development of payment systems in Russia and the Volgograd region // Revista Espacios. 2017. Vol. 38. No. 62. URL: http://www.revistaespacios.com/a17v38n62/17386211.html

8. Burkaltseva D. D., Borsch L. M., Blazhevich O. G., Frolova E. E., Labonin I. V. Financial and economic security of business as a primary element in the economic system // Revista Espacios. 2017. Vol. 38. No. 33. P. 3.

9. Vorob′ov Yu. N., Poritsky D. V. Financial and economic security: theoretical aspect // Scientific Herald: finance, banks, investments. 2015. No. 2(31). Pp. 34–43. (In Russ.).

10. Vaschenko A. N. Peculiarities of economic stability of agrarian production // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. No. 4(21). Pp. 66–68. (In Russ.).

11. Kabanov V. N. Potential of strategic development of Volgograd // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. No. 2(27). Pp. 54–61. (In Russ.).

12. Presidential Decree No. 683 of December 31, 2015 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

13. Oleynikova E. A. (ed.). Economic and national security. Textbook. Moscow : Examen, 2004. 171 p. (In Russ.).

14. Berkimbaev R. B. Financial security of local self-government is the basis of national security // Materials of the Orenburg State Agrarian University. 2007. Vol. 4. No. 16-1. Pp. 198–201. (In Russ.).

15. Ermakova E. R. Financial security in the system of national security of the state // Fundamental research. 2016. No. 5-2. Pp. 324–328. (In Russ.).

16. Saradzheva O. V., Barikayev E. N. Financial security. Moscow : UNITY-DANA, 2015. 103 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Буркальцева Д. Д., Блажевич О. Г., Гук О. А., Тюлин А. С., Сафонова Н. С. Классификация угроз финансовой безопасности государства в контексте трансформации социально-экономической системы // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 46–53. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.415.

For citation: Burkaltseva D. D., Blazhevich O. G., Guk O. A., Tyulin A. S., Safonova N. S. Classification of threats of the financial security of the state in the context of transformation of the social-economic system // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 46–53. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.415.

УДК 336.151; 351.72
ББК 65.261.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.431

Bukhval'd Evgeny Moiseevich,
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Center of the Federal Relations
and Regional Development
of the Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences,
Moscow,
e-mail: buchvald@mail.ru

Бухвальд Евгений Моисеевич,
д-р экон. наук, профессор,
заведующий центром федеративных отношений
и регионального развития
Института экономики,
Российская академия наук,
г. Москва,
e-mail: buchvald@mail.ru

20 ЛЕТ КОНЦЕПЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

20 YEARS OF THE CONCEPT OF INTERBUDGETARY RELATIONS' IMPROVEMENT: OLD PROBLEMS AND NEW APPROACHES

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
(2.7 – Концептуальные основы межбюджетных отношений и бюджетного регулирования)
08.00.10 – Finance, money circulation and credit
(2.7 – Conceptual framework of inter-budget relations and budget regulation)

Несмотря на многочисленные преобразования, российская модель бюджетного федерализма и ее центральный элемент — система межбюджетных отношений — и сегодня нуждаются в серьезном совершенствовании. В значительной мере востребованные преобразования продиктованы необходимостью адаптировать эту сферу экономических отношений к требованиям системы стратегического планирования. Устойчивость финансово-бюджетной базы выступает одним из главных условий эффективности стратегического планирования, особенно в субфедеральном (региональном и муниципальном) звене управления. Для большинства регионов России система межбюджетных отношений является не только важным каналом финансового обеспечения планов стратегического характера, но и носителем стимулов к наращиванию собственного экономического и налогового потенциала. При этом в современных условиях не теряют значимости и даже приобретают новое звучание многие предложения по совершенствованию межбюджетных отношений, сформулированные еще на начальных этапах российских экономических реформ. К числу документов, аккумулировавших в себе многочисленные предложения подобного рода, следует отнести Концепцию реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации на 1999–2001 гг., одобренную Правительством РФ 20 лет назад, в июле 1998 г. Этот документ примерно совпал по времени с Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» и принятием в 2001 г. Федеральной программы «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 г.)». Эти документы позволяют и сегодня сделать ряд выводов и предположений, способных сыграть существенную роль в формировании экономических, финансово-бюджетных и институциональных основ стратегического планирования в Российской Федерации, включая и реализацию задач государственной политики регионального развития.

Despite of the numerous changes, Russian model of fiscal federalism and its central element — the system of inter-budgetary relations — still needs serious improvement. To a large extent, the demanded changes are dictated by the need to adapt this sphere of economic relations to the requirements of the strategic planning system. The stability of the financial and budgetary base is one of the main conditions for the effectiveness of strategic planning, especially at the sub-federal (regional and municipal) level of public management. For the most of regions of Russia, the system of inter-budgetary relations is not only an important channel of financial provision for strategic plans, but also a carrier of incentives to increase their own economic and tax potential. At the same time, many proposals to improve inter-budgetary relations, formulated at the initial stages of Russian economic reforms, don't lose their importance and even acquire a new meaning in modern conditions. Into the number of the documents, which has accumulated numerous proposals of this kind, should include the Concept of reforming inter-budgetary relations in the Russian Federation for 1999–2001, approved by the Government of the Russian Federation 20 years ago, in July 1998. This document approximately coincided in time with the Decree of the President of the Russian Federation from June, the 3d, 1996, №803 "On the basic provisions of regional policy in the Russian Federation" and the adoption in 2001 of the Federal program "Reduction of differences in socio-economic development of regions of the Russian Federation (2002–2010 and till 2015)". These documents make it possible to draw a number of conclusions and assumptions, which can play a significant role in the formation of economic, financial, budgetary and institutional foundations of strategic planning in the Russian Federation, including the implementation of state policy of regional development.

Ключевые слова: бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, субъекты Федерации, стратегическое планирование, государственная политика регионального развития, межрегиональная дифференциация, политика экономического выравнивания, бюджетное планирование, бюджетное прогнозирование, государственные программы, институты развития, типизация регионов.

Key words: fiscal federalism, inter-budgetary relations, subjects of the Federation, strategic planning, state policy of regional development; interregional differentiation, policy of economic alignment, budget planning, budget forecasting, government programs, development institutions; typification of regions.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что трудности реализации системы стратегического планирования в Российской Федерации в настоящее время во многом связаны с отсутствием достаточного согласования между законодательно закрепленными процедурами формирования и реализации стратегических планов и их экономическим, прежде всего финансово-бюджетным, обеспечением. При наличии значительного числа работ, посвященных бюджетному планированию и развитию межбюджетных отношений, целостные представления о путях обеспечения финансово-бюджетных основ стратегического планирования, в том числе реализуемых через систему межбюджетных отношений, пока не сформировались. Формально закон о стратегическом планировании декларирует принцип его ресурсной обеспеченности, указывает на необходимость координации государственного и муниципального стратегического управления с мерами налогово-бюджетной политики. Однако на деле закон оперирует лишь одним стратегическим документом финансово-бюджетного профиля, а именно бюджетными прогнозами на долгосрочный период Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Но этого недостаточно, чтобы на практике осуществить подобную координацию, особенно в субрегиональном звене управления. Не случайно обеспеченность финансово-бюджетными ресурсами остается наименее проработанным блоком нового «транша» стратегий социально-экономического развития субъектов Федерации, которые представлены на сайте Минэкономразвития РФ [1].

Сказанное диктует целесообразность научно-практических разработок, нацеленных на то, чтобы показать методологические подходы и практические пути адекватного финансово-бюджетного обеспечения основных целей, заложенных в стратегических плановых документах, включая совершенствование механизмов межбюджетных отношений, а также в целом методов бюджетного планирования и прогнозирования. **Цель** данного исследования — акцентировать внимание на том, что для субфедерального звена стратегического планирования решающее значение имеет не расхождение между формальным статусом плана и прогноза. **Задача** состоит в том, чтобы показать, что основным источником проблем для субфедерального звена стратегического планирования остается недостаточная достоверность самого бюджетного прогноза, определяемая высокой степенью зависимости региональных и местных финансов от финансово-бюджетных взаимодействий регионов с федеральным бюджетом, а муниципальных образований — с бюджетами субъектов Федерации.

Научная новизна исследования связана с позиционированием новой роли межбюджетных отношений как инструмента политики регулирования пространственной структуры российской экономики, а также с раскрытием тех требований, которые предъявляются системе межбюджетных отношений в рамках перехода к практике стратегического планирования в стране. Это прозрачность этих отношений, их долговременная планируемость и усиление заложенного в них стимулирующего начала для регионов и муниципалитетов по наращиванию собственного экономического и налогового потенциала. И, наконец, с теоретической и практической точки зрения важно показать, что система межбюджетных отношений, гибко учитывая интересы субфедерального звена управления, должна одновременно «работать» на достижение приоритетов федеральной политики регионального развития. Таковые и в настоящее время связаны с последовательным сокращением тех существенных различий, которые характеризуют уровни социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Концепция 1998 г. — важный этап в реформировании межбюджетных отношений в Российской Федерации

Особенность Концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации, принятой в 1998 г. [2] (далее — Концепция-1998), состоит в том, что она принималась буквально накануне дефолта того же года; дефолта, который был воспринят многими зарубежными и даже отечественными экспертами как свидетельство полного краха российской экономики. Естественно, что в течение того трехлетнего периода, на который была рассчитана Концепция, приоритеты государственной политики в Российской Федерации в преимущественной мере сместились от частных вопросов совершенствования межбюджетных отношений к более глобальным проблемам общей экономической стабилизации, радикальной санации финансово-бюджетной и денежно-кредитной системы страны в целом и пр. Это в чем-то роднит Концепцию-1998 с теми документами стратегического и иного планирования, которые разрабатываются в настоящее время на фоне затянувшейся стагнации и наличия многих факторов неопределенности для российской экономики и всей системы государственных финансов на будущее.

Тем не менее, несмотря на все трудности, Концепция-1998, в отличие от многих других концептуальных документов периода российских реформ, «прожила» положенные ей 3 года. Лишь в 2001 г. Концепция-1998 была заменена на «Программу развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года» [3], которая, несмотря на столь амбициозное название, ничего принципиально нового в это направление реформ не привнесла. Мы не ставим своей целью оценить итоги Концепции-1998 по степени реализации всех ее положений, тем более что ряд из них утратили значение вследствие глубоких изменений в экономико-правовых основах российского федерализма. Например, это касается тезиса об обеспечении соответствия федеральному законодательству соглашений по вопросам межбюджетных отношений, подписанных в рамках договоров между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий. К настоящему времени весь блок двусторонних договоров и соглашений является аннулированным. Но в целом можно выделить ряд положений Концепции-1998, которые и сегодня, может быть даже по объективным причинам, остаются неосуществленными и должны привлечь к себе внимание как потенциальные ориентиры для документов стратегического планирования.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что Концепция-1998 хотя по названию адресуется сфере межбюджетных отношений, затрагивает на деле более широкий круг вопросов российской модели бюджетного федерализма. Это связано с наличием в то время и до настоящего времени нескольких трактовок понятия «межбюджетные отношения». В самом узком смысле таковые ассоциируются с системой межбюджетных трансфертов (дотации, субсидии и субвенции). В несколько более

широкой трактовке сюда интегрируется практика межбюджетного распределения налоговых и неналоговых поступлений. Наконец, самое емкое определение включает в систему межбюджетных отношений такие каналы направления федеральных средств на социально-экономическое развитие регионов, как федеральные государственные программы и инвестиционные проекты.

Можно сказать, что на позиции такой широкой трактовки межбюджетных отношений находилась Концепция-1998, констатируя, что в государственном управлении «отсутствует комплексный подход к выравниванию социально-экономического развития регионов с учетом целевых федеральных программ…». В этом смысле Концепция-1998 проецировала на систему межбюджетных отношений те приоритеты, которые фиксировались в Указе Президента РФ 1996 г. [4]. Указ выделял такую задачу политики регионального развития, как «сокращение чрезмерно глубоких различий в уровне социально-экономического развития регионов, поэтапное создание условий для укрепления в них собственной экономической базы…». Но у этой «медали» есть и оборотная сторона, т. е. признание того, что степень экономической дифференциации регионов в любой стране, тем более в России, не может не быть фактором, определяющим характер действия системы межбюджетных отношений [5].

Логическим продолжением Указа 1996 г. и Концепции-1998 стала Федеральная целевая программа 2001 г. [6], единственная в постсоветской России государственная программа, ориентированная на преодоление экономической дифференциации регионов страны, усиление которой, как было отмечено в данном документе, «затрудняет проведение единой политики социально-экономических преобразований и формирование общенационального рынка, увеличивает опасность возникновения региональных кризисов и межрегиональных конфликтов, дезинтеграции национальной экономики и ослабления целостности общества и государства». Программа не предполагала принципиальных изменений в сфере межбюджетных отношений в узком понимании, но в более широком контексте указывала на целесообразность объединения многих федеральных целевых программ развития регионов в одну программу. Однако идея централизации средств государственных программ, ориентированных на цели регионального развития, так и осталась нереализованной, а действие самой Программы, рассчитанной до 2015 г., было прекращено в июне 2006 г.

К сожалению, приходится признать, что негативная ситуация относительно системного подхода к проблеме позитивного экономического выравнивания российских регионов сохраняется и сегодня.

Во-первых, даже на уровне государственного руководства нет единой оценки того, происходит ли сглаживание экономической дифференциации регионов России или нет, и, если оно происходит, то каковы его объективные границы. В одних документах указывается, что эта дифференциация нарастает и это якобы создает угрозу экономической безопасности страны; в других указывается, что тенденция выравнивания реально имеет место. Как отмечали исследователи, в одних случаях задача экономического выравнивания регионов по-прежнему определяется как один из приоритетов экономической политики государства, в других эта проблема просто обходится стороной [7]. Нет четкой позиции относительно того, следует ли рассматривать межбюджетные отношения как инструмент экономического выравнивания регионов или эту функцию должны реализовать иные инструменты экономической политики государства.

Во-вторых, следует отметить, что к настоящему времени система инструментов государственной политики регионального развития существенно расширилась. Трансфертный механизм межбюджетных отношений уже не выступает в роли преобладающего канала направления федеральных средств на социально-экономическое развитие регионов. Доля межбюджетных трансфертов в расходах федерального бюджета с 2002 по 2017 г. сократилась с 14,3 до 4,8 %. В ВВП страны эта доля сократилась с 2,9 до 0,9 %. Приоритетная роль здесь перешла к иным инструментам: это государственные программы отраслевого и территориального характера, различные федеральные институты развития, инвестиционные проекты, «приоритетные» проекты и пр.

Однако если действующая система распределения трансфертов из федерального бюджета субъектам Федерации, при всех ее недостатках, все же формализована и достаточно прозрачна, то итоговый пространственный «срез» распределения средств регионам через иные каналы федерального финансирования отсутствует. Их итоговое воздействие на пространственную структуру российской экономики не отслеживается и тем более не планируется. В результате такие обстоятельства, как отсутствие практики среднесрочного бюджетного планирования, соответствующего временным горизонтам всех планов стратегического характера, и несогласованность инструментов федеральной политики регионального развития выступают тем мощным «фактором неопределенности», который, по сути, формализует участие регионального звена в стратегировании социально-экономического развития страны.

В качестве возможного ориентира для решения этой задачи следует сослаться на предложение, содержавшееся в государственной программе 2001 г., а именно: рассмотреть возможность объединения многих федеральных целевых программ развития регионов в одну программу с сохранением при этом прежних объемов их финансирования за счет средств федерального бюджета (через Фонд регионального развития) [6]. Программа, что очень важно, предполагала отказ от «веерного» принципа распределения средств федерального бюджета и проведение отбора регионов для оказания им государственной поддержки. Субъектами Федерации, претендующими на такую поддержку, как было отмечено в документе, должны были быть признаны те, в которых темпы, масштаб и длительность спада производства, снижения уровня жизни, нарастания негативных тенденций в сфере занятости, демографического и экологического развития, предоставления социальных услуг ниже общероссийских показателей. В документе также прямо отмечалось, что государственная поддержка осуществляется по критериям снижения различий в социально-экономическом развитии регионов в наименьшие сроки и с наибольшей эффективностью.

К сожалению, этот практически значимый подход, по сути, так и остался нереализованным. Во-первых, в действующих концептуально-стратегических документах идея экономического выравнивания регионов страны если и упоминается вообще, то в самом общем виде, а не как количественно выверенная и целеориентированная основа для выбора наиболее действенного инструментария государственной поддержки регионов, в том числе через систему

межбюджетных отношений. Во-вторых, длительное время не получала развития идея группировки регионов России в зависимости от объема и форм необходимой им государственной поддержки. На данный момент необходимость реализовать такой адресный подход зафиксирована нормативно, в частности в таком документе, как «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [8]. Здесь прямо говорится о необходимости реализовать дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей, однако какие-либо практические подвижки в этом направлении пока не просматриваются.

В этой связи наиболее перспективным направлением совершенствования сферы межбюджетных отношений видится их сегментация, т. е. выстраивание (дифференциация) этих отношений в зависимости от различных типов регионов России, что отвечает уже названному выше принципу селективной, или адресной, политики регионального развития. Иначе говоря, межбюджетные отношения — это та сфера, где полная симметричность, бывшая очевидным достижением бюджетных реформ конца 1990-х — начала 2000-х гг., более не продуктивна и может быть скорректирована без ущерба для формального равноправия субъектов Российской Федерации. Реформирование межбюджетных отношений должно базироваться на принципе типизации регионов как объектов мер пространственного регулирования экономики с разработкой для каждого типа регионов особого «пакета» инструментов государственной региональной политики, включая особую модель трансфертной и налоговой политики, систему государственных программ и инвестиционных проектов, федеральных «институтов развития» и пр.

Скорее всего, неправомерно говорить о возможности наличия в стране нескольких моделей бюджетного федерализма [9]. Модель должна быть одна, но она должна быть гибкой, отражающей как общегосударственные приоритеты, так и возможности и интересы отдельных групп регионов страны. Исследования показывают, что осуществить на деле такой дифференцированный подход к поддержке субъектов Федерации можно только на тщательно проработанной методологической базе. Речь идет о методологических посылках, определяющих принципы и критерии типизации регионов, а также то, какие институты и инструменты политики регионального развития (включая механизмы межбюджетных отношений) дадут наибольший социально-экономический эффект применительно к конкретным типам регионов России. Однако таких официальных документов пока не существует, и здесь также открывается большое поле для исследований со стороны ученых-регионалистов и специалистов в области бюджетного процесса.

Нельзя не сделать вывод, что действующая модель межбюджетных отношений устарела принципиально и не отвечает задачам существенной активизации роли регионального звена российской экономики, в том числе как объекта и субъекта в системе стратегического планирования. Эта модель также слабо согласуется с принципами стратегического планирования и программно-целевого построения расходной части бюджетов всех уровней и способна лишь на ограниченный стимулирующий эффект. Принципиально важной задачей становится разработка и реализация качественно новых подходов к системе межбюджетных отношений в их широком понимании как совокупности различных форм ответственного участия федерального центра в социально-экономическом развитии различных типов регионов России, прежде всего на основе утверждения стратегии «саморазвития» их народно-хозяйственных комплексов.

Межбюджетные отношения:
акцент на стимулирование и стратегирование

В Концепции-1998 наличествовала еще одна важная констатация. В ней указывалось: «Не решены вопросы усиления заинтересованности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в увеличении налогового потенциала и росте собственных бюджетных доходов». И по данной позиции можно с полным основанием говорить, что эта задача, как и двадцать лет назад, все еще далека от своего полного решения. Почему это произошло?

Формально идея усиления стимулирующего начала межбюджетных отношений в отношении органов управления регионального и муниципального уровня никогда не вызывала принципиальных возражений. Разногласия раз за разом возникали тогда, когда обсуждался вопрос, что именно следует понимать под стимулирующей функцией межбюджетных отношений и через какие механизмы этих отношений эта функция может практически осуществляться. Есть мнение и даже фактически сложившаяся бюджетная практика, когда эта функция реализуется путем введения в систему распределения федеральных дотаций неких поправочных (стимулирующих) коэффициентов (грантов) для «хорошо работающих» регионов или муниципальных образований. Такой подход по-прежнему составляет основу практики Минфина России. В таком документе, как «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2010 и 2021 годов (проект)», в качестве стимулирующих мер для субъектов Федерации предлагается передача им некоторых видов акцизов, а также «премиальные» гранты за достижение наивысших темпов роста налогового потенциала по 20 млрд руб. ежегодно. Предусматривается также предоставление дотаций в целях стимулирования роста налогового потенциала субъектов Федерации по налогу на прибыль организаций (но при условии пролонгации до 2024 г. решения о централизации в федеральном бюджете доходов от 1 % ставки налога на прибыль организаций) [10].

Логика, казалось бы, довольно проста и убедительна: кто хорошо работает (хотя и с оценкой по довольно произвольно выбранному кругу показателей), тот и достоин получить больше. Однако практика свидетельствует, что всякие премиальные выплаты «сверху» — сомнительный паллиатив усиления стимулирующей функции межбюджетных отношений. Это как раз тот случай, когда стимулирующая функция этих отношений действует слабо, зато возможности субъективного манипулирования объемами средств, направляемых в отдельные регионы (разного рода дотации на дополнительные потребности, на сбалансированность региональных бюджетов и пр.), многократно возрастают.

В таком документе, как «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [8], содержится еще одно важное

предложение по усилению стимулирующей функции межбюджетных отношений — это предложение о частичном зачислении в бюджеты субъектов Федерации и местные бюджеты доходов от отдельных налогов и сборов, подлежащих зачислению соответственно в федеральный и региональные бюджеты, которые были дополнительно начислены в результате деятельности органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления по наращиванию экономического потенциала территорий. По нашему мнению, реализация этого варианта могла бы дать существенный стимулирующий финансово-бюджетный эффект для регионов и муниципалитетов, однако все упирается в то, как методологически грамотно выделить этот эффект, т. е. выделить дополнительные налоговые поступления в региональные и местные бюджеты, связанные именно с деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления, а не с положительным (или отрицательным!) влиянием всех прочих факторов. Пока ни одной убедительной методики подобного рода расчетов нам найти не удалось.

Одним из наиболее важных аспектов совершенствования бюджетного процесса в России, включая сферу межбюджетных отношений, стал вопрос о нормативной базе бюджетного финансирования. Речь идет прежде всего о социальных нормах и соответствующих им нормативах бюджетных затрат, призванных на деле выявить объективно необходимые для каждого уровня управления объемы бюджетного финансирования и в целом реализовать социальную природу государства. В этом плане Концепция-1998 ставила очень важные задачи. В частности, предполагалось, что в течение 1998–2001 гг. будет осуществлен поэтапный переход к нормативной оценке бюджетных потребностей органов власти и управления разных уровней, соответствующих их расходным полномочиям и ответственности. Значения бюджетных нормативов должны, как предполагалось, базироваться на минимальных государственных стандартах и социальных нормативах с учетом возможностей консолидированного бюджета Российской Федерации по их финансированию в данном финансовом году. Дифференциация нормативов по регионам должна была бы производиться по единой методике с учетом объективно обусловленных географических, природно-климатических и социально-экономических особенностей.

Однако в итоге судьба нормативного метода в бюджетном планировании оказалась весьма драматичной. Первоначальные оптимистические ожидания в отношении возможности полного перехода бюджетного процесса, включая и межбюджетные отношения, на нормативную основу оказались не вполне оправданными. Первоначально минимальные социальные стандарты в качестве инструмента бюджетной политики и регулирования межбюджетных отношений были закреплены в Бюджетном кодексе РФ. Статья 65 Кодекса предусматривала, что формирование расходов из бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации строится на основе расчета минимальной бюджетной обеспеченности с учетом применения минимальных государственных социальных стандартов и нормативов финансовых затрат по оказанию государственных услуг. Правительству РФ было дано поручение о внесении в Государственную думу законопроекта о минимальных государственных социальных стандартах. В законопроекте были представлены правовые основы, разработка, утверждение и область применения минимальных государственных социальных стандартов. Другими словами, сами социальные стандарты в законопроекте прописаны не были, а была лишь попытка определить те сферы, в которых они должны утверждаться, а именно: образование, здравоохранение, культура, социальное обслуживание населения, жилищно-коммунальное хозяйство, а также оказание юридической помощи гражданам.

Однако в итоге данный законопроект принят не был, а идее сплошного перехода бюджетного процесса на нормативную базу был откровенно дан задний ход. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 120 «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений» внес в бюджетное законодательство страны значительные коррективы, которые коснулись ряда основополагающих категорий бюджетного права. Так, из Бюджетного кодекса РФ были изъяты понятия минимальных государственных социальных стандартов и минимальной бюджетной обеспеченности как основа бюджетного планирования и, в частности, регулирования межбюджетных отношений.

Если до принятия названных изменений правовое регулирование минимальных социальных стандартов хотя бы частично осуществлялось на федеральном уровне, то с 2004 г. в этой сфере произошло разграничение полномочий между уровнями власти, которое привело к разделению минимальных социальных стандартов на федеральные, региональные и муниципальные. В настоящее время в соответствии с действующим законодательством с помощью государственных минимальных социальных стандартов решаются вопросы, относящиеся к полномочиям федеральных органов власти. На основе региональных минимальных социальных стандартов решаются задачи регионального значения, а с помощью муниципальных минимальных социальных стандартов — задачи местного значения. Например, согласно ст. 53 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы местного самоуправления имеют право на самостоятельное установление муниципальных минимальных социальных стандартов, а также других нормативов расходов за счет собственных средств местных бюджетов. При этом межбюджетные отношения стали последовательно эволюционировать в сторону формализации данного процесса и отказа от его ориентации на какие-либо бюджетно-расходные обязательства субфедерального звена бюджетной системы [11].

В научной среде длительное время противоборствовали две точки зрения на неудачу с первоначальной версией перехода бюджетного процесса на нормативную основу при полной централизации самого процесса нормотворчества.

В одних случаях акцент делался на техническую нерешаемость задачи установления огромного числа минимальных социальных стандартов и соответствующих им нормативов бюджетных затрат, относящихся к различным сферам социального обслуживания, да еще применительно к условиям отдельных регионов, а часто — и отдельных территорий страны. Как отмечали Е. М. Бухвальд и А. Г. Игудин, «проблема, однако, состоит в том, что в условиях рыночной экономики и присущей ей нестабильности цен, тарифов, а также при их значительной территориальной дифференциации отсутствуют возможности определять такие нормы централизованно на федеральном уровне» [12].

В других случаях причиной подобного отказа виделось прежде всего то, что перевод бюджетного процесса вообще и межбюджетных отношений в частности на нормативную базу (при действительно современном научном обосновании минимальных социальных стандартов) вывел бы необходимые расходы бюджетов всех уровней далеко за пределы реально располагаемых средств, особенно в региональном и местном звене финансово-бюджетной системы [13].

Отсюда фактически складывалась дилемма: или отказ от централизованной системы норм и нормативов, или формализация последних с подгонкой под реально располагаемые объемы бюджетных расходов. Неправильным было бы сказать, что социальных стандартов в России нет совсем. Например, есть минимальный размер оплаты труда, есть прожиточный минимум, есть отдельные нормативы обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры: учреждениями здравоохранения, образования, культуры и т. д. Практика установления региональных социальных стандартов уже существует в ряде регионов России (как правило, финансово наиболее обеспеченных), в частности в Республике Татарстан, Башкортостане, Ямало-Ненецком автономном округе и др. В то же время в депрессивных и экономически отсталых регионах России такая работа практически не ведется, так как выполнение подобных стандартов в полном объеме для них, скорее всего, будет весьма затруднительно. В любом случае все эти стандарты и нормы действуют фрагментарно и существуют вне какой-либо системы, формирующей единое пространство социального развития страны. Однако утверждение такого единого социального пространства, предполагающего наличие системы минимальных государственных социальных стандартов при их реальной бюджетной обеспеченности, становится в настоящее время все более актуальной задачей, не менее значимой, чем преодоление (сокращение) межрегиональных экономических различий по формальным экономическим показателям.

Заключение: результаты и выводы

Результатом проведенного исследования следует считать вывод о том, что переход к системе стратегического планирования на основе «вертикали» документов стратегического характера, построенных на единой методологической основе и имеющих адекватное ресурсное обеспечение, требует большего внимания к согласованию экономических, институциональных и финансово-бюджетных слагаемых такого планирования. Решением этой задачи, как показало исследование, должен быть не только переход к среднесрочному (минимум на 5 лет) бюджетному планированию, но и совершенствование системы межбюджетных отношений на долговременной, стратегической основе. Независимо от той или иной трактовки межбюджетных отношений все их компоненты должны действовать как согласованная система экономических рычагов, нацеленная на достижение приоритетов политики регионального развития, в частности на сокращение межрегиональной дифференциации, на формирование источников и стимулов «саморазвития» российских регионов.

В результате исследования со всей очевидностью просматривается вывод о том, что усиление стимулирующей функции межбюджетных отношений не может основываться на бесконечных «донастройках» формализованных подходов к распределению межбюджетных трансфертов, с трендом их укрупнения и пр. Не может быть найдено решение этой задачи и за счет поиска «справедливой» формулы распределения трансфертов на цели общего финансового выравнивания, которой, скорее всего, просто не существует. Как мы полагаем, попытки довести действующую модель межбюджетных отношений до степени всеобщей удовлетворенности успеха никогда иметь не будут.

Один из наиболее важных выводов состоит в том, что для достижения системного стимулирующего эффекта при реформировании межбюджетных отношений целесообразно опереться на уже названный выше принцип типизации регионов. На основе подобной типизации в рамках действующей ныне системы финансового выравнивания должны остаться только средне- и высокодотационные регионы страны. Дополнительную поддержку им должны оказать также государственные программы и институты, ориентированные именно на цели территориального развития. Это обеспечит бо́льшую устойчивость и стратегическую «предсказуемость» финансово-бюджетной базы для данной группы регионов и даст возможность реального стратегирования ими своего социально-экономического развития. Регионы-доноры и низко дотационные регионы должны формировать эту возможность преимущественно через систему «расщепляемых» налогов, например на основе закрепления за их бюджетами норматива НДС, а также за счет привлечения в данные регионы (на основе софинансирования) средств федеральных отраслевых программ и институтов промышленно-инновационного развития.

Предлагаемые корректировки в сфере межбюджетных отношений должны ориентироваться не на простой «перелив» средств с одного уровня бюджетной системы на другой: эти корректировки должны вести к созданию мощных стимулов для регионов по расширению и более полному использованию их налоговой базы, причем не вообще, а именно на основе перехода к инновационно ориентированному тренду развития их экономики. С этой целью необходимо укрепить и диверсифицировать налоговую базу региональных и местных бюджетов. С учетом приоритетов модернизации экономики России и ее регионов в качестве такого шага можно было бы рекомендовать вернуться к зачислению в бюджеты субъектов Федерации норматива налога на добавленную стоимость (НДС). Такой шаг в отношении перераспределения поступлений по НДС может быть мотивирован тем, что экономика инноваций как раз и ассоциируется с высокой долей добавленной стоимости в ВРП, а фиксированная доля в поступлениях от НДС наилучшим образом будет вознаграждать регионы — инновационные лидеры за данный тренд развития их экономики.

Частью добавленной стоимости выступают также доходы занятой части населения. Инновационной экономике характерен высокий уровень оплаты труда за счет создания высококвалифицированных рабочих мест, что сегодня также выступает одним из приоритетов экономической политики государства. То, что сегодня налог на доходы физических лиц зачисляется только в субфедеральные бюджеты, уже само по себе выступает мощным фактором, стимулирующим на местах создание именно таких рабочих мест. Вместе с тем при сохранении действующей «плоской» шкалы НДФЛ можно было рассмотреть вопрос о введении ограниченной федеральным законом региональной надбавки к этому налоговому инструменту (в пределах 3–5 %) на единую налоговую базу, но с возможностью

межрегиональной дифференциации необлагаемого минимума. Да и в целом, как мы полагаем, было бы продуктивно пойти на расширение зоны «расщепляемых» налогов, т. е. налогов, разделяемых между несколькими уровнями бюджетной системы. Именно такие налоговые инструменты в наибольшей мере отражают солидарную ответственность органов управления разных уровней за высокие показатели роста экономики, за увеличение и эффективное использование ее налогово-бюджетного потенциала.

Важный вывод состоит в том, что в настоящее время есть очевидные основания вернуться и к проблеме укрепления нормативной базы бюджетного процесса, в том числе для регулирования отдельных аспектов межбюджетных отношений, по крайней мере в отношении группы экономически отстающих и бюджетно наименее обеспеченных регионов страны. Работа в этом направлении может логично вписаться в реализацию вновь намеченных Указом Президента РФ [14] приоритетных проектов по таким направлениям, как здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, культура и пр.

На основе обозначенных выше основных результатов исследования был сделан практически значимый вывод о том, что в рамках развития институционального направления стратегического планирования целесообразно вернуться к разработке — но уже на качественно новом уровне — Программы развития бюджетного федерализма для Российской Федерации на перспективу примерно 8—10 лет. Параллельно необходимы изменения и дополнения в бюджетное законодательство и закон о стратегическом планировании. Основными продвижениями в данном направлении должны стать такие новации, как:

— преодоление ситуации, при которой социально-экономическая и финансово-бюджетная составляющие стратегического планирования представлены в законодательстве «неравновесно». Такая ситуация не дает ответа на принципиальный вопрос: то ли план должен корректироваться под наличные финансово-бюджетные ресурсы, то ли бюджетное планирование должно быть построено таким образом, чтобы эти ресурсы полностью соответствовали утвержденным целевым значениям стратегических планов на каждом уровне управления;

— переход к системному планированию и прогнозированию межбюджетных отношений в их самом широком понимании. Это означает отказ от некой самоизолированности в рассмотрении задач совершенствования межбюджетных отношений, согласование этих задач с общим ходом экономических реформ, важность чего подчеркивалась зарубежными экспертами [15]. Прежде всего это касается согласования с основными направлениями развития экономико-правового механизма федеративных отношений в целом и, в частности, с направлениями дальнейшей децентрализации полномочий и обеспечения этих полномочий необходимыми экономическими ресурсами;

— интеграция Программы развития бюджетного федерализма в единую «вертикаль» документов стратегического планирования, а также ее согласование с системой государственных программ как отраслевого, так и территориального характера, в частности с государственной программой «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами»;

— определение экономически и социально значимых границ и инструментов использования социальных стандартов и нормативных методов бюджетного планирования при регулировании сферы межбюджетных отношений как на федеральном, так и на внутрирегиональном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сайт Министерства экономического развития РФ. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/StrategTerPlanning/komplstplanning/stsubject

2. О Концепции реформирования межбюджетных отношений в Российской Федерации в 1999–2001 годах: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 862. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19712

3. О Программе развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года: Постановление Правительства РФ от 15.08.2001 № 584. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33042

4. Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 (недействующий).

5. Desai R. M., Freinkman L., Goldberg I. Fiscal federalism in rentier regions: Evidence from Russia // J. of comparative economics. 2005. Vol. 33. No. 4. Pp. 814–834.

6. О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 года)»: Постановление Правительства РФ от 11.10.2001 № 717. URL: http://base.garant.ru/183843/

7. Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Экономическое выравнивание регионов в стратегии пространственного развития для России // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Экономические науки. 2018. № 1 (15). С. 118–134. URL: http://vestnik-es.vlsu.ru/index.php?id=7

8. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/

9. Kinrad K. A. Fiscal federalism and intergenerational redistribution // Finanzarchiv. Tubingen. 1995. Bd. 52. H. 2. Pp. 166–181.

10. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2010 и 2021 годов (проект). Документ с сайта Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/07/main/ONBNTTP_2019-2021_2.docx

11. Хмельченко Е. Г. Социальные стандарты как инструмент управления развитием социальной сферы // Вестник университета. 2015. № 6. С. 88–92.

12. Бухвальд Е. М., Игудин А. Г. Внедрение бюджетирования, ориентированного на результат, на региональном и местном уровне // Федерализм. 2009. № 3(55). С. 93–108.

13. Смагина М. Н., Мукенге Г. Т. Проблемы и перспективы совершенствования межбюджетных отношений в Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 2. С. 115–121.

14. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57425

15. Federalism and economic reform: Intern. perspectives / Ed. By J. S. Wallack, T. N. Srinivasan. Cambridge: Cambridge university press, 2006. 516 p.

REFERENCES

1. 1. The website of the Ministry of economic development of the Russian Federation. (In Russ.). URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/StrategTerPlanning/komplstplanning/stsubject

2. On the concept of reforming inter-budgetary relations in the Russian Federation in 1999–2001: The Resolution of the Government of the Russian Federation of 30.06.1998. № 862. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19712

3. On the Program of development of budget federalism in the Russian Federation for the period till 2005: Decree of the RF Government dated 15.08.2001. No. 584. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33042

4. On the main provisions of the regional policy in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 03.06.1996. No. 803 (inactive).

5. Desai R. M., Freinkman L., Goldberg I. Fiscal federalism in rentier regions: Evidence from Russia // J. of comparative economics. 2005. Vol. 33. No. 4. Pp. 814–834.

6. On the Federal target program “The reduction of differences in social and economic development of regions of the Russian Federation (2002–2010 and till 2015)”: The Decree of the RF Government of 11.10.2001 № 717. (In Russ.). URL: http://base.garant.ru/183843/

7. Buchwald E. M., Valentine O. N. Economic alignment of the regions in the spatial development strategy for Russia // Bulletin of the Vladimir State University. Series: Economic Sciences (Electronic edition). 2018. No. 1(15). Pp. 118–134. (In Russ.). URL: http://vestnik-es.vlsu.ru/index.php?id=7

8. On approval of the state policy of regional development of the Russian Federation for the period up to 2025: The Decree of the President of the Russian Federation of 16.01.2017. No. 13. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/

9. Kinrad K. A. Fiscal federalism and intergenerational redistribution // Finanzarchiv. Tubingen. 1995. Bd. 52. H. 2. Pp. 166–181.

10. The main directions of the budget, tax and customs tariff policy for 2019 and the planning period of 2010 and 2021 (project). Document from the website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. (In Russ.). URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/07/main/ONBNTTP_2019-2021_2.docx

11. Khmel′chenko E. G. Social standards as a tool of social development // Bulletin of University. 2015. No.6. Pp. 88–92. (In Russ.).

12. Buchwald E. M., Igudin A. G. The implementation of results-based budgeting at the regional and local level // Federalism. 2009. No.3(55). Pp. 93–108. (In Russ.).

13. Smagina M. N., Mukenge G. T. Problems and prospects of improvement of inter-budgetary relations in the Russian Federation // Social and economic phenomena and processes. 2017. Vol. 12. No.2. Pp. 115–121. (In Russ.).

14. On national goals and strategic objectives of the Russian Federation for the period up to 2024: The Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018. No. 204. (In Russ.). URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57425

15. Wallack J. S., Srinivasan T. N. (eds.). Federalism and economic reform: Intern. perspectives Cambridge: Cambridge university press, 2006. 516 p.

Как цитировать статью: Бухвальд Е. М. 20 лет концепции совершенствования межбюджетных отношений: старые проблемы и новые подходы // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 54–61. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.431.

For citation: Bukhval′d E. M. 20 years of the concept of interbudgetary relations’ improvement: old problems and new approaches // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 54–61. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.431.

УДК 65.011.8
ББК 65.291.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.408

Ermakova Zhanna Anatol'evna,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Personnel Management,
Service and Tourism,
Rector,
Orenburg State University,
Orenburg,
e-mail: 56ermakova@mail.ru

Ермакова Жанна Анатольевна,
чл.-корр. РАН,
д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры управления персоналом,
сервиса и туризма,
ректор,
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург
e-mail: 56ermakova@mail.ru

Shestakova Elena Valer'evna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Personnel Management,
Service and Tourism,
Orenburg State University,
Orenburg,
e-mail: shestakovaev56@gmail.com

Шестакова Елена Валерьевна,
д-р экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой управления персоналом,
сервиса и туризма,
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург,
e-mail: shestakovaev56@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «ОРГАНИЗАЦИЙ БУДУЩЕГО» В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

MECHANISMS OF FORMATION AND EVOLUTION OF THE «ORGANIZATIONS OF THE FUTURE» IN THE CONDITIONS OF THE NEW ECONOMY

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В литературе по экономической проблематике возрастает научный интерес к исследованию саморазвивающихся систем, формированию «организаций будущего», отличительными чертами которых являются: знаниевый тип корпоративной культуры, дебюрократизация, самоорганизация, самообучаемость, самоуправление, способность к саморазвитию. Данное обстоятельство объясняется широкими возможностями приспособления таких бизнес-моделей к изменениям ключевых задач развития, связанных с цифровизацией экономики.

Целью исследования выступает формирование теоретико-методологических положений и разработка механизма функционирования и развития предприятий (организаций) как самоорганизующихся, саморазвивающихся социально-экономических систем.

В статье уточнен понятийно-категориальный аппарат теорий самоорганизации, саморазвития, выделены уровни и формы самоорганизации. Определены методологические основы развития предприятия как самоорганизующихся систем; разработана система принципов самоорганизации предприятия, раскрывающая процесс самоорганизации предприятия в различных аспектах; предложена иерархическая классификационная система самоорганизации по формам, типам, видам, подвидам самоорганизации. Разработан интегративный механизм самоорганизации предприятия и раскрыты содержательные аспекты экономического, организационного, мотивационного, информационного субмеханизмов как составляющих интегративного механизма самоорганизации предприятия. Обоснован метод эталонных соотношений как основной инструмент оценки самоорганизации, заключающийся в определении относительных показателей динамики и сравнении их с установленными эталонными соотношениями. Предложена методика определения стадий и фаз самоорганизации, позволяющая выбирать оптимальные управленческие воздействия в зависимости от значения коэффициента самоорганизации, сочетая целенаправленную организацию и естественные процессы самоорганизации. Разработано содержание интегрированного механизма самоорганизации применительно к цементной промышленности и апробировано на примере соответствующих предприятий Оренбургской области. Предложен инструментарий оценки эффективности функционирования интегративного механизма самоорганизации социально-экономических систем.

The literature on economic problems demonstrates the growth of the scientific interest in studying the self-developing systems, the formation of "organizations of the future", the distinguishing features of which are: a knowledge type of corporate culture, de-bureaucratization, self-organization, self-learning, self-management, self-development. This circumstance is explained by the wide possibilities of adapting such business models to the changes in the key development tasks related to the digitalization of the economy.

The aim of the study is the formation of theoretical and methodological provisions and development of a mechanism for the functioning and development of enterprises (organizations) as self-organizing, self-developing socio-economic systems.

The article clarifies the conceptual-category apparatus of the theories of self-organization, self-development; levels and forms of self-organization are singled out. The methodological foundations of the enterprise development as a self-organizing system are defined; a system of principles of company self-organization revealing the process of self-organization of the enterprise in various aspects; a hierarchical classification system

of self-organization is proposed according to the forms, types, kinds, subtypes of self-organization. The integrative mechanism of enterprise self-organization was developed and the substantive aspects of economic, organizational, motivational, information sub-mechanisms as components of the integrative mechanism of the company self-organization were revealed. The method of standard relations is substantiated as the main tool for assessing self-organization, which consists in determining relative indicators of dynamics and comparing them with established reference ratios. A technique for determining the stages and phases of self-organization is proposed, which allows choosing the optimal administrative impacts depending on the value of the coefficient of self-organization, combining a purposeful organization and natural processes of self-organization. The content of the integrated mechanism of self-organization with reference to the cement industry is developed and tested on the example of the corresponding enterprises of the Orenburg region. The toolkit of assessment of efficiency of functioning of the integrative mechanism of self-organization of social and economic systems is offered.

Ключевые слова: социально-экономическая система, предприятие, организация, самоорганизация, саморазвитие, интегративный механизм, новая экономика, принципы самоорганизации, механизм, субмеханизм.

Keywords: socio-economic system, enterprise, organization, self-organization, self-development, integrative mechanism, new economy, principles of self-organization, mechanism, sub-mechanism.

Введение

В быстро меняющейся, нестабильной среде снижается результативность традиционных методов организации и управления деятельностью предприятий, востребованными становятся механизмы, позволяющие социально-экономическим системам воспринимать изменения и органично перестраиваться в соответствии с требованиями среды.

Развитие цифровой экономики является важнейшим условием обеспечения высокого, устойчивого, качественного экономического роста экономики, который происходит на основе активного внедрения инноваций, широкого использования информационно-коммуникационных технологий, сетизации, виртуализации, гибких форм организационного устройства.

Особое значение приобретает решение проблемных вопросов модернизации функционирования социально-экономических систем микроуровня (предприятий, организаций), выступающих драйверами развития хозяйственных, финансовых, социально-культурных сфер экономики. При этом речь идет о новом типе предприятий — «организациях будущего» (Ф. Лалу [1]), обладающих не только способностями пассивной адаптации к своему окружению, но и возможностями синхронизации внутренних процессов и оказания активного влияния на внешние факторы. Такие организации характеризуются высоким уровнем дигитализации, децентрализацией, гибкой организационной структурой, гетерархическими связями, внедрением цифровых управленческих технологий, эдхократической организационной культурой.

Организации будущего — это саморазвивающиеся, самоорганизующиеся, многомерные, партисипативные, предпринимательские, эдхократические, сетевые, цифровые (виртуальные) социально-экономические системы, использующие гибкие, адаптивные бизнес-модели.

Таким образом, современные требования делают **актуальным** рассмотрение социально-экономических систем в контексте современных теорий самоорганизации и саморазвития, синергетических теорий управления.

Вопросы развития социально-экономических систем (СЭС) макро- и мезоуровня с позиции синергетического подхода, самоорганизации и саморазвития широко представлены в литературе, однако не нашли адекватного распространения на уровне социально-экономических систем микроуровня (предприятий, организаций).

Вместе с тем до настоящего времени многие теоретико-методические аспекты проблемы остаются недостаточно исследованными. В частности, отсутствует общепринятая точка зрения у ученых на экономическую сущность явлений самоорганизации и саморазвития в экономических системах. Требуют дальнейшей научной разработки методологические вопросы исследования процессов самоорганизации, методических подходов к оценке эффективности процессов и явлений самоорганизации, механизмов их инициирования на предприятиях. Кроме того, в условиях формирования нового технологического уклада, перехода к цифровой экономике назрела необходимость решения новых задач, связанных с поиском резервов, источников повышения эффективности деятельности социально-экономических систем микроуровня, вопросами повышения эффективности труда, совершенствованием инструментария оценки механизмов самоорганизации, разработкой механизмов функционирования и развития СЭС как самоорганизующихся систем.

Целью исследования выступает формирование теоретико-методологических положений и разработка механизма функционирования и развития предприятий (организаций) как самоорганизующихся, саморазвивающихся социально-экономических систем.

Поставленная цель определила постановку и решение следующих **задач***:*

— провести теоретическое исследование эволюции концепций самоорганизации;

— выявить взаимосвязи современных теорий о самоорганизующихся системах и особенности их приложения к экономическим исследованиям;

— уточнить представления о сущности и содержании понятий самоорганизующихся, саморазвивающихся социально-экономических систем;

— разработать методологические основы исследования самоорганизации: подходы, принципы, классификацию, этапы самоорганизующихся процессов в экономических системах;

— обосновать концепцию интегрированного механизма управления промышленным предприятием как саморазвивающейся социально-экономической системой микроуровня;

— разработать инструментарий и содержание элементов механизма самоорганизации предприятия;

— определить эффективность разработанных моделей и механизмов самоорганизации по результатам их апробации на практике.

Научная новизна исследования заключается в развитии научного направления теории самоорганизаций в экономических системах и разработке интегративного механизма самоорганизации предприятия.

В исследовании:

— дополнены теоретические положения в области исследования процессов самоорганизации и самоорганизующихся систем: прослежена эволюция идей в различных школах; обобщены и систематизированы теории и направления, рассматривающие процессы самоорганизации, выявлена их взаимосвязь и общие положения; уточнено определение самоорганизации в сложных системах;

— уточнены теоретические положения процессов самоорганизации в социально-экономических системах: предложена авторская трактовка понятия «самоорганизация», «самоорганизующаяся система» с учетом выделенных особенностей социально-экономических систем; описан процесс и выделены стадии; предложена классификация самоорганизующихся процессов в экономических системах по уровню национальной экономики;

— разработаны методологические основы развития современных предприятий (организаций) как микроэкономических социально-экономических систем: определены подходы к их исследованию, представлена авторская типологизация самоорганизующихся процессов в СЭС микроуровня, выделены принципы самоорганизации с учетом особенностей развития предприятия на различных стадиях самоорганизации;

— предложен интегральный подход к формированию механизма развития предприятия как самоорганизующейся СЭС, в рамках которого систематизированы различные трактовки понятия «экономический (хозяйственный) механизм», проведена типологизация механизмов по различным критериям, обоснована необходимость интеграции отдельных видов механизмов, а также использования комплексного подхода к управлению предприятием как самоорганизующейся системой;

— разработан интегративный механизм самоорганизации СЭС, представляющий собой совокупность субмеханизмов; выделены цели, объект, предмет, обоснованы методы, инструменты, ресурсы, средства элементов механизма с учетом стадии самоорганизации экономической системы;

— предложен метод эталонных соотношений как инструмент планирования и прогнозирования, мониторинга и контроля, мотивации и стимулирования, экономической диагностики подразделений и организации в целом, определения стадии развития СЭС и выбора соответствующих управленческих воздействий;

— обоснована методика установления стадии самоорганизации СЭС с помощью предлагаемого коэффициента самоорганизации; при разработке методики проведена систематизация существующих методов оценки деятельности предприятия, определены критерии и сформирована нормативная система показателей, установлены эталонные соотношения темпов роста показателей, построен график предпочтений, проведена экспертная оценка, выявлены корреляционные зависимости коэффициента самоорганизации, стадии развития предприятия и необходимых управленческих воздействий;

— разработаны теоретические и методологические основы организационного, экономического, мотивационного, информационного субмеханизмов самоорганизации предприятия: выделены элементы субмеханизмов, дифференцированные по стадиям самоорганизации, а также с учетом установленного соотношения жизненного цикла организации и самоорганизующегося процесса;

— обоснованы практические предложения по внедрению интегративного механизма самоорганизации в деятельность промышленных предприятий Оренбургской области.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теоретико-методологических положений, вносящих вклад в расширение научных представлений о современном содержании теории самоорганизации в отношении предприятий как социально-экономических систем на основе использования совокупности субмеханизмов с обязательной их интеграцией в единый механизм самоорганизации.

Практическая значимость результатов исследования обусловлена разработкой и внедрением концептуальных положений, методического инструментария и практических рекомендаций по гармонизации процессов самоорганизации в практику функционирования предприятий с учетом зоны их развития, а также в деятельность региональных органов государственной власти; полученные научные результаты использованы при реализации образовательного процесса по соответствующим дисциплинам программ подготовки бакалавров, магистров, аспирантов.

Основная часть

Положения теории самоорганизации разрабатывались такими зарубежными исследователями, как: С. Амплеби [2], Б. Банати [3], Х.-Ю. Варнеке [4], Н. Винер [5], В.-Б. Занг [6], Н. Л. Луман [7], У. Матурана [8], Ф. Варела [9], Г. Николис [10], И. Р. Пригожин [11], Э. Морен [12], А. Розенблют [13], Г. Хакен [14; 15], У. Р. Эшби [16; 17], С. Бир [18], Г. Паск [19], У. Мак-Каллок [20], Х. Ферстер [21], Дж. Форрестер [22], Р. Флуд [23], П. Чекленд [24].

Механизмы самоорганизации СЭС микроуровня исследуются в работах Н. Б. Акатова [25], В. С. Алексеевского [26], М. А. Алиева, В. В. Асаул, С. Ю. Богданова, Ж. А. Ермаковой [27, 28], Д. С. Вахрушева [29], А. В. Молодчик [30], А. И. Татаркина [31], А. Н. Галимовой, И. В. Елоховой [32], Л. П. Евстигнеевой [33], Р. Н. Евстигнеева [33], Б. Л. Кузнецова [34], Н. В. Кузнецова [35], А. Р. Лубкова [36], С. В. Комарова [37], Н. Ю. Бухвалова [37], К. С. Пустовойт [37].

Процессы самоорганизации существенно различаются в зависимости от типа социально-экономической системы. Таким образом, целесообразным, на наш взгляд, является процесс, подразумевающий дифференциацию уровней самоорганизации социально-экономических систем по уровню национальной экономики (см. рис. 1 на стр. 65).

Под самоорганизующейся социально-экономической системой микроуровня понимается предприятие, организация, обладающая способностью функционирования и развития без внешнего упорядоченного воздействия, меняющая свои структуру и свойства за счет когерентного взаимодействия элементов внутренней среды. В результате система достигает состояния подвижного (динамического) равновесия или переходит на качественно новый уровень развития.

Преимуществами системы, реализующей потенциал самоорганизации, выступают свойства устойчивости с адаптивностью, гибкостью, преобладание качественных изменений, способность самостоятельного инициирования и поддержания процессов самоорганизации, экономия управленческих ресурсов, возможность построения «самообучающейся организации», развитие человеческого капитала, органическая оргкультура, демократизация отношений и др.

Рис. 1. Уровни самоорганизации социально-экономических систем

Методология исследования самоорганизации базируется на комплексном, интегративном методологическом подходе к исследованию самоорганизующихся социально-экономических систем, базирующемся на конвергенции эволюционно-институционального, системного, кибернетического, синергетического подходов (рис. 2).

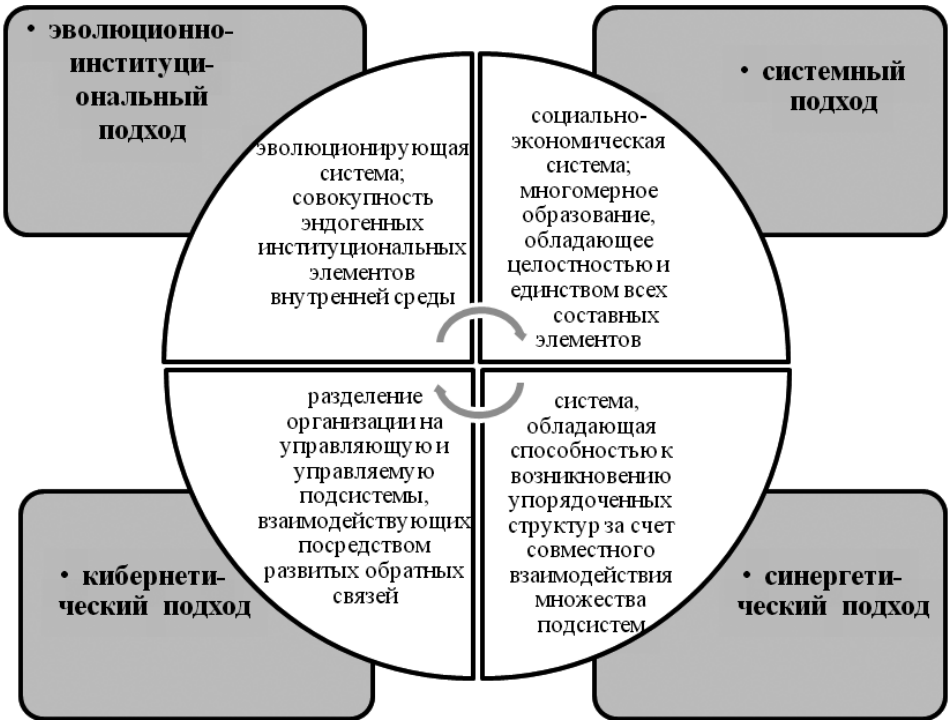

Рис. 2. Подходы к исследованию предприятия как самоорганизующейся социально-экономической системы

Исследование самоорганизации с точки зрения кибернетического, синергетического, системного и эволюционно-институционального подходов позволило уточнить методологические положения процесса самоорганизации в социально-экономических системах, выявить стадии (динамическое равновесие, бифуркация, рождение новой структуры) и фазы самоорганизации (устойчивость, накопление изменений, динамическое равновесие, неустойчивость).

Процесс самоорганизации в СЭС представляет собой чередование определенных стадий «порядка» и «хаоса»: подвижное равновесие, стадия перехода (бифуркации), рождение новой самоорганизующейся структуры (см. рис. 3 на стр. 66).

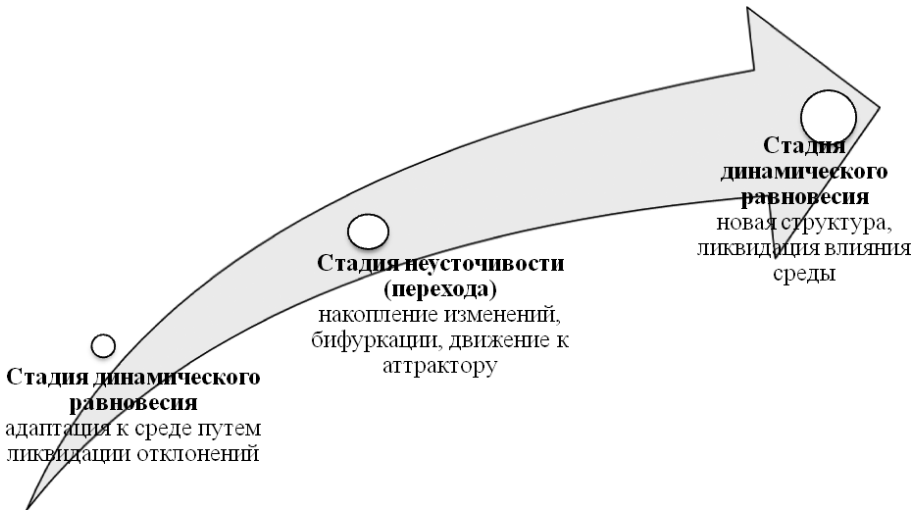

Рис. 3. Стадии процесса самоорганизации социально-экономической системы

В исследовании разработана система принципов, раскрывающая процесс самоорганизации предприятия в различных аспектах: как сложной открытой системы (универсальные принципы), как социальной и экономической системы (специфические), а также учитывающая особенности и закономерности самоорганизации на различных стадиях эволюции предприятия (ситуационные принципы).

В целях систематизации различных видов, типов самоорганизации предложена иерархическая классификационная система по формам, типам, видам, подвидам самоорганизации. В отличие от существующих в естественных науках типологизаций, предлагаемая классификация самоорганизации характеризуется выделением новых таксономических категорий, введением социального и экономического типа самоорганизации, систематизацией видов самоорганизации по уровню национальной экономики, дифференциацией процесса самоорганизации на микроуровне по стадиям, объекту, степени регулирования, последствиям проявления, причине возникновения.

Сложность установления оптимального соотношения целенаправленного управленческого воздействия и процессов самоорганизации, в зависимости от специфики деятельности предприятий и стадий развития, обусловила необходимость формирования *интегративного механизма самоорганизации.*

Разнообразие решаемых задач, комплексность методов, факторов и ресурсов определяют необходимость группировки механизмов самоорганизации в отдельные подвиды механизмов, а также необходимость выделения субмеханизмов в составе интегративного механизма самоорганизации. В свою очередь, каждый вид субмеханизмов включает такие элементы, как цели, субъект, объект, принципы, инструменты, методы и ресурсы. Такая структуризация позволяет представить интегративный механизм самоорганизации в виде многоуровневой системы взаимосвязанных механизмов различной природы (экономического, мотивационного, организационного, информационного), дифференцированных по элементам (рис. 4).

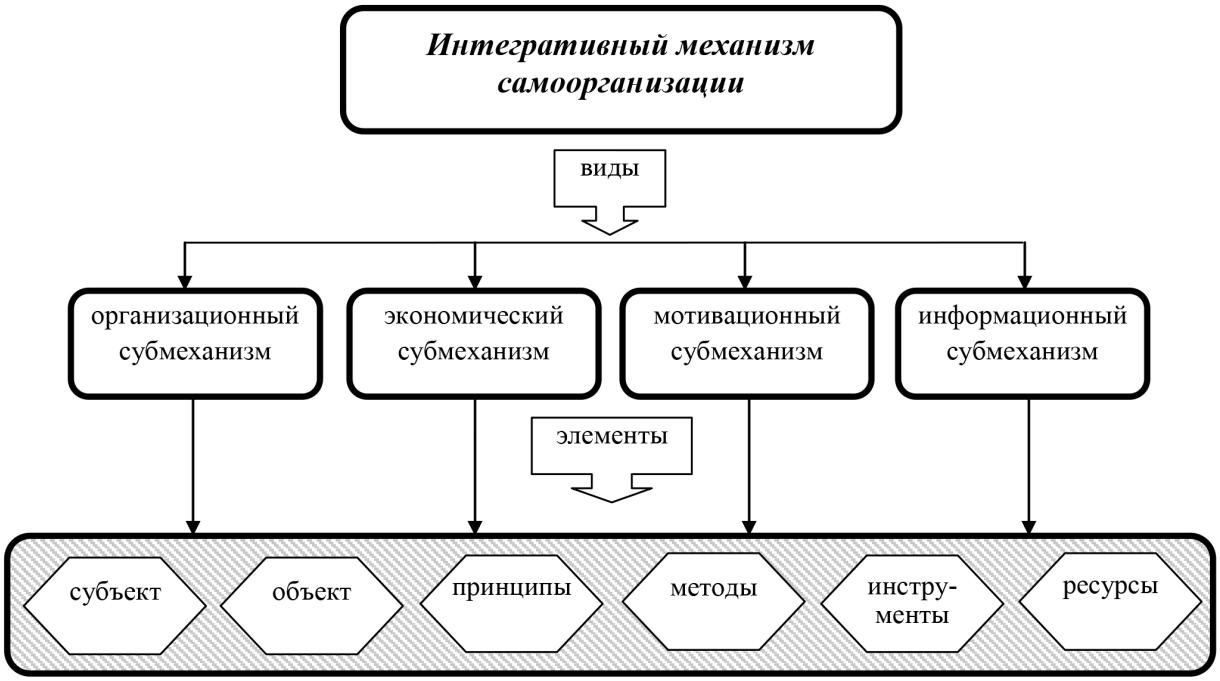

Рис. 4. Структура интегративного механизма самоорганизации

Содержание интегративного механизма самоорганизации определяется стадией самоорганизации. В исследовании разработаны содержательные аспекты организационного, экономического, мотивационного, информационного субмеханизмов как составляющих интегрированного механизма самоорганизации предприятия, раскрывающие элементы отдельных видов механизмов. Отличием предлагаемого механизма выступает дифференциация по стадиям самоорганизации, учет установленного соотношения стадий и фаз жизненного цикла предприятия и процесса самоорганизации.

С целью определения стадий и фаз самоорганизации авторами предложена методика, включающая метод эталонных соотношений, алгоритм, критерии оценки, методические рекомендации по практической реализации.

Методика определения стадий и фаз самоорганизации включает этапы, представленные на рис. 5.

Рис. 5. Этапы оценки стадии развития социально-экономической системы методом эталонных соотношений

Разработка методики базировалась на систематизации существующих методов оценки деятельности предприятия, формировании пирамидальной модели бизнес-показателей, обосновании эталонных соотношений темпов роста показателей с использованием следующих методов: классификация функций системы, золотое правило экономики, логическое упорядочение, построение графоаналитической модели и матрицы соотношений, установлении соотношения значения коэффициента самоорганизации и стадии развития предприятия, разработке управленческих воздействий в зависимости от значения коэффициента самоорганизации.

Расчет коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и Кеналла служит основой определения коэффициента самоорганизации, диапазон значений которого установлен в пределах от 0 до 1. Авторами установлены соотношения стадий самоорганизации со стадиями развития предприятия. Для каждой из стадий самоорганизации и соответствующих стадий развития предприятия (бифуркация, критическая, нормативная или эталонная зоны) разработаны варианты управленческих воздействий.

Предлагаемый инструментарий оценки самоорганизации предприятия позволяет диагностировать текущее состояние СЭС, прогнозировать изменения, разрабатывать стратегию развития с учетом стадии самоорганизации, выявлять отклонения, вносить своевременные коррективы в деятельность организации и адаптироваться к изменениям.

Необходимым условием практического внедрения интегративного механизма самоорганизации является оценка ожидаемой эффективности его функционирования. В работах [28; 38] предложен *инструментарий оценки эффективности функционирования интегративного механизма самоорганизации социально-экономических систем.*

Методика оценки включает систему показателей оценки эффективности субмеханизмов, метод определения весовых коэффициентов, критерии. Влияние субмеханизмов на интегральный механизм самоорганизации определяется через весовые коэффициенты. Показатели эффективности отдельных субмеханизмов определяются путем расчета индивидуальных показателей. Так, в группу оценки эффективности организационного механизма включены: степень соответствия культуры организации эдхократическому типу, уровень децентрализации, коэффициенты надежности и пропорциональности системы управления и др.

Оценочная шкала эффективности интегративного механизма самоорганизации содержит четыре уровня, определяемые полученными значениями интегрального показателя.

Использование предлагаемой методики дает возможность определять результативность функционирования экономического, мотивационного, организационного, информационного субмеханизмов самоорганизации и механизма в целом, проводить сравнительный анализ функционирования и развития СЭС относительно разных временных периодов и альтернативных вариантов формирования механизма, определять направления совершенствования деятельности организации.

Практическая реализация разработанной методики оценки эффективности позволяет: определить уровень эффективности функционирования интегративного механизма самоорганизации и отдельных субмеханизмов, своевременно диагностировать проблемные подсистемы, разработать мероприятия по совершенствованию деятельности СЭС.

Практическое использование результатов

Предложенный интегративный механизм самоорганизации, входящие в его состав субмеханизмы, а также разработанный инструментарий апробированы на цементных предприятиях Оренбургской области.

На основе предлагаемых разработок выявлены направления формирования интегративного механизма самоорганизации социально-экономических систем в промышленности строительных материалов, исследованы существующие и перспективные виды внешней самоорганизации, обоснованы формы внутриотраслевой, межотраслевой самоорганизации, а также взаимодействия социально-экономических систем с научно-исследовательскими учреждениями [39].

Апробация организационного субмеханизма базировалась на определении коэффициентов самоорганизации, установлении вариантов управленческих воздействий в зависимости от полученных значений, проведении оценки факторов влияния («параметров порядка»), определяющих значение коэффициентов, составлении матрицы нарушений, разработке рекомендаций по формированию гибкой структуры управления, внедрению оргкультуры знаниевого типа, реализации концепции фрактальной фабрики.

Внедрение экономического субмеханизма проводилось путем разработки карты стратегических целей, установления целевых показателей развития, определения планируемых коэффициентов самоорганизации с учетом необходимости достижения предприятиями нормативных и эталонных зон развития, установления системы ключевых показателей достижения стратегических целей по подразделениям и должностям.

В рамках мотивационного субмеханизма самоорганизации представлена методика расчета фондов оплаты труда подразделений и распределения заработной платы с учетом индивидуального вклада работников. Апробация информационного субмеханизма на промышленных предприятиях Оренбургской области включала разработку программы сбора, хранения, обработки, мониторинга работы подразделений и предприятия в целом, определение процессов, процедур и механизмов формирования и получения фактических значений, составление нормативно-правовых документов, определяющих порядок внедрения и функционирования интегративного механизма самоорганизации.

Оценка эффективности предлагаемых мероприятий проводилась с помощью предложенного в исследовании инструментария оценки эффективности функционирования интегративного механизма самоорганизации. Использование методики позволило комплексно оценить эффективность функционирования механизма в целом и отдельных субмеханизмов, определить уровень эффективности, сравнить альтернативные варианты формирования механизма, выявить причины отклонений, определить направления совершенствования деятельности предприятий.

Интегральная оценка эффективности свидетельствует о высоком уровне его эффективности. С учетом предлагаемых рекомендаций планируется, что ООО «Южно-уральская горно-перерабатывающая компания» будет находиться в стадии динамического равновесия до конца 2019 г., постепенно достигая эталонной зоны развития со значением коэффициента самоорганизации 0,834 в конце прогнозного периода (рис. 6).

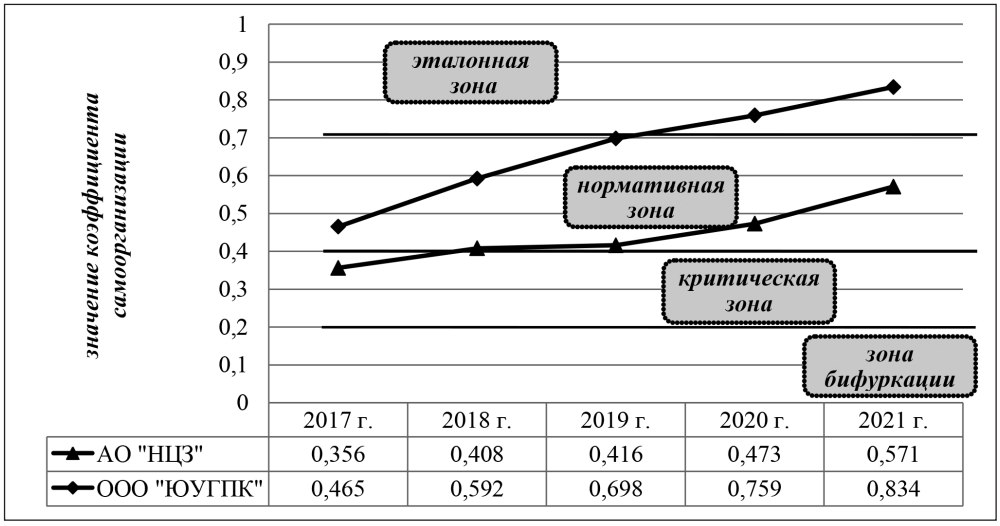

Рис. 6. Динамика планируемых коэффициентов самоорганизации АО «Новотроицкий цементный завод», ООО «Южно-уральская горно-перерабатывающая компания» в 2018–2021 гг.

Заключение

Формирование и внедрение интегративного механизма самоорганизации, создание саморазвивающихся систем будет способствовать осуществлению технологических, институциональных преобразований в различных отраслях экономики, разработке стратегий формирования конкурентоспособных социально-экономических систем, способных адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лалу Ф. Открывая организации будущего. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 88 с.
2. Umpleby S. A. The Role of Cybernetics in Security Policy // Cybernetics and Human Knowing. 2014. Vol. 21. No. 4. Pp. 79–82.
3. Banathy B. H. Designing Social Systems // Systems science and cybernetics. 2011. Vol. II. 7 p. URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.432.6435&rep=rep1&type=pdf. Загл. с экрана.
4. Варнеке Х.-Ю. Революция в предпринимательской культуре. М. : Наука : Интерпериодика, 2004. 280 с.
5. Винер Н. Кибернетика и общество. М. : Изд-во иностранной лит-ры, 1958. 199 с.
6. Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории : пер с англ. М. : Мир, 1999. 335 с.
7. Луман Н. Л. Общество общества // Общество как социальная система : пер. с нем. М., 2004. С. 5–7.
8. Матурана У., Варела Ф. Древо познания : пер. с англ. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
9. Varela F., Maturana H., Uribe G. Autopoiesis: The organization of living systems, its characterization, and a model // Biosystems. 1974. No. 5. Pp. 187–196.
10. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах : пер. с англ. М. : Мир, 1979. 512 с.
11. Пригожин И. Р., Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М. : Мир, 1979. 512 с.

12. Морен Э. Метод. Природа Природы. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.

13. Розенблют А., Винер Н., Бигелоу Дж. Поведение, целенаправленность и телеология // Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М. : Наука, 1983. С. 297–307.

14. Хакен Г. Синергетика. М. : Мир, 1980. 406 с.

15. Хакен Г. Синергетика: принципы и основы, перспективы и приложения : в 2 ч. : пер. с англ. 2 изд., доп. М. : URSS : ЛЕНАНД, 2015.

16. Эшби У. Р. Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации : пер. с англ. / под ред. А. Я. Лернера. М., 1966. С. 314–343.

17. Ashby W. R. Principles of the self-organizing system // E:CO Special Double Issue. 2004. Vol. 6. No. 1-2. Pp. 102–126.

18. Beer S. Cybernetics and Management. English Universities Press, 1959. 214 p.

19. Pask G. Heinz von Foerster's Self-Organisation, the Progenitor of Conversation and Interaction Theories // Systems Research. 1996. Vol. 13. No. 3. Pp. 349–362.

20. McCulloch W. S., Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity // Bulletin of mathematical biophysics, 1943. Vol. 5. Pp. 115–133. URL: http://www.minicomplexity.org/pubs/1943-mcculloch-pitts-bmb.pdf

21. Foerster H. von. The Beginning of Heaven and Earth: Seven Days with Second-Order Cybernetics. Fordham University Press, 2013. 214 p.

22. Foster J., Wild F. // Journal of Evolutionary Economics. 1996. Vol. 6. No. 3. P. 239.

23. Flood R. L. Liberating Sistems Theory. Springer Science & Business Media, 2013. 248 p.

24. Checkland P., Haperen Van K. Soft Systems Thinking, Methodology and the Management of Change. Palgrave Macmillan, 2015. 512 p.

25. Акатов Н. Б. Управление переходом к саморазвивающимся инновационным организациям: теория и практика. Пермь : Изд-во Пермского нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. 251 с.

26. Алексеевский В. С. Синергетика менеджмента: управление устойчивым развитием диссипативных структур. М. : Либроком, 2013. 360 с.

27. Ермакова Ж. А., Пергунова О. В. Экономическая эффективность информационно-коммуникационных технологий на промышленных предприятиях. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. 202 с.

28. Ермакова Ж. А., Шестакова Е. В. Формирование методики оценки эффективности функционирования интегративного механизма самоорганизации производственно-экономической системы // Экономика и предпринимательство. № 11-2 (76-2). С. 496–503.

29. Вахрушев Д. С. Методические аспекты самоорганизации в экономических системах // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 4 (16). С. 30–32.

30. Молодчик А. В., Гагарина М. В. Теоретическое обоснование саморазвивающихся, самоорганизующихся систем (2С-системы) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL : http://www.science-education.ru/121-19409.

31. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Теоретико-методологическая база саморазвития социально-экономических систем // Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки : в 2-х т. Т. 1. Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем / под ред. А. И. Татаркина. М. ; Екатеринбург, 2011. С. 10–59.

32. Елохова И. В., Молодчик И. А. Подходы к диагностике самоорганизующихся и саморазвивающихся систем для инновационного предприятия // Фундаментальные исследования. 2012. № 9. Ч. 3. С. 724–728.

33. Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Экономика как синергетическая система. 2-е изд. М. : Либроком, 2012. 272 с.

34. Кузнецов Б. Л., Загитов И. Л., Кузнецова С. Б. Синергетическое развитие социально-экономических систем и управление ими // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 5 (55). С. 26–30.

35. Кузнецов Н. В. Обеспечение устойчивого развития предпринимательских структур на основе взаимодействия механизмов управления и самоорганизации : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2010. 181 с.

36. Лубков А. Р. Синергетический подход к исследованию экономических систем. Пенза, 2008. 119 с.

37. От самоорганизации к саморазвитию : смена парадигмы менеджмента / С. В. Комаров, А. В. Молодчик, Н. Б. Акатов, Н. Ю. Бухвалов, К. С. Пустовойт. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2013. 257 с

38. Шестакова Е. В. Самоорганизующиеся социально-экономические системы: теория, методология, механизмы. М. : Креативная экономика, 2016. 354 с.

39. Шестакова Е. В. Перспективные направления самоорганизации производственно-экономических систем в промышленности строительных материалов // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2-1 (79-1). С. 692–697.

REFERENCES

1. Lalou F. Opening the organization of the future. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 88 p. (In Russ.).

2. Umpleby S. A. The Role of Cybernetics in Security Policy // Cybernetics and Human Knowing. 2014. Vol. 21. No. 4. Pp. 79–82.

3. Banathy B. H. Designing Social Systems // Systems science and cybernetics. Vol. II. 7 p. URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.432.6435&rep=rep1&type=pdf. Screen title.

4. Warnecke H.-Y. Revolution in Entrepreneurial Culture. M. : Science : Interperiodica, 2004. 280 p. (In Russ.).

5. Wiener N. Cybernetics and Society. M. : Publishing house of foreign literature, 1958. 199 p. (In Russ.).

6. Zhang V.-B. Synergetic economy. Time and Changes in Nonlinear Economic Theory : trans. from English. M. : The World, 1999. 335 p. (In Russ.).

7. Lumann N. L. Society society // Society as a social system : transl. from German. M., 2004. Pp. 5–7. (In Russ.).

8. Maturana U., Varela F. The tree of knowledge : transl. from English. M. : Progress-Tradition, 2001. 224 p. (In Russ.).

9. Varela F., Maturana H., Uribe G. Autopoiesis: The organization of living systems, its characterization, and a model // Biosystems. 1974. No. 5. Pp. 187–196.

10. Nikolis G., Prigozhin I. Self-organization in nonequilibrium systems : transl. from English. M. : Mir, 1979. 512 p. (In Russ.).

11. Prigozhin I. R., Nicolis G. Self-organization in nonequilibrium systems. From dissipative structures to ordering through fluctuations. M. : Mir, 1979. 512 p. (In Russ.).

12. Moren E. Method. Nature's Nature. M. : Progress-Traditsiya, 2005. 464 p. (In Russ.).

13. Rosenbluth A., Wiener N., Bigelow J. Behavior, focus and teleology // Cybernetics, or control and communication in an animal and a machine. 2nd ed. M. : Science, 1983. Pp. 297–307. (In Russ.).

14. Haken G. Synergetics. M. : Mir, 1980. 406 p. (In Russ.).

15. Haken G. Synergetics: principles and basics, perspectives and applications : in 2 parts : transl. from English. 2nd ed., amended. M. : URSS : LENAND, 2015. (In Russ.).

16. Ashby W. R. Principles of self-organization // Principles of self-organization : transl. from English. M., 1966. Pp. 314–343. (In Russ.).

17. Ashby W. R. Principles of the self-organizing system // E:CO Special Double Issue. 2004. Vol. 6. No. 1-2. Pp. 102–126.

18. Beer S. Cybernetics and Management. English Universities Press, 1959. 214 p.

19. Pask G. Heinz von Foerster's Self-Organization, the Progenitor of Conversation and Interaction Theories // Systems Research. 1996. Vol. 13. No. 3. Pp. 349–362.

20. McCulloch W. S., Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in the nervous activity // Bulletin of mathematical biophysics. 1943. Vol. 5. Pp. 115–133. URL: http://www.minicomplexity.org/pubs/1943-mcculloch-pitts-bmb.pdf

21. Foerster H. von. The Beginning of Heaven and Earth: Seven Days with Second-Order Cybernetics. Fordham University Press, 2013. 214 p.

22. Foster J., Wild P. Economic evolution and the science of synergetics // Journal of Evolutionary Economics. 1996. Vol. 6. No. 3. P. 239.

23. Flood R. L. Liberating Sistems Theory. Springer Science & Business Media, 2013. 248 p.

24. Checkland P., Haperen Van K. Soft Systems Thinking, Methodology and the Management of Change. Palgrave Macmillan, 2015. 512 p.

25. Akatov N. B. Management of the transition to self-developing innovative organizations: theory and practice. Perm' : Publishing house of Perm National Research Technical University, 2012. 251 p. (In Russ.).

26. Alekseevskii V. S. Synergetics of management: management of sustainable development of dissipative structures. M. : Librocom, 2013. 360 p. (In Russ.).

27. Ermakova Zh. A., Pergunova O. V. Economic efficiency of information and communication technologies in industrial enterprises. Ekaterinburg : Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. 202 p. (In Russ.).

28. Ermakova Zh. A., Shestakova E. V. Formation of a methodology for evaluating the effectiveness of the integrative mechanism of self-organization of the production and economic system // Economics and entrepreneurship. No. 11-2 (76-2). Pp. 496–503. (In Russ.).

29. Vakhrushev D. S. Methodical aspects of self-organization in economic systems // On the way to civil society. 2014. No. 4 (16). Pp. 30–32. (In Russ.).

30. Molodchik A. V., Gagarina M. V. Theoretical substantiation of self-developing, self-organizing systems (2C-systems) // Modern problems of science and education. 2015. No. 1. (In Russ.). URL: http://www.science-education.ru/121-19409.

31. Tatarkin A. I., Tatarkin D. A. Theoretical and methodological basis of self-development of socio-economic systems // Self-developing socio-economic systems: theory, methodology, forecast estimates : in 2 vol. Vol. 1. Theory and methodology of the formation of self-developing social-economic systems. M. ; Ekaterinburg, 2011. Pp. 10–59. (In Russ.).

32. Elokhova I. V., Molodchik I. A. Approaches to the diagnosis of self-organizing and self-developing systems for an innovative enterprise // Fundamental Research. 2012. No. 9. Part 3. Pp. 724–728. (In Russ.).

33. Evstigneeva L. P., Evstigneev R. N. Economics as a synergetic system. 2nd ed. M. : Librocom, 2012. 272 p. (In Russ.).

34. Kuznetsov B. L., Zagitov I. L., Kuznetsova S. B. Synergetic development of social and economic systems and their management // News of Ural State Economic University. 2014. No. 5 (55). Pp. 26–30. (In Russ.).

35. Kuznetsov N. V. Ensuring the sustainable development of entrepreneurial structures on the basis of interaction between management mechanisms and self-organization : dissertation of the candidate of economics. St. Petersburg, 2010. 181 p. (In Russ.).

36. Lubkov A. R. Synergetic approach to the study of economic systems. Penza, 2008. 119 p. (In Russ.).

37. Komarov S. V., Molodchik A. V., Akatov N. B., Bukhvalov N. Yu., Pustovoit K. S. From self-organization to self-development: change of the management paradigm. Ekaterinburg : Institute of Economics, UrB RAS, 2013. 257 p. (In Russ.).

38. Shestakova E. V. Self-organizing socio-economic systems: theory, methodology, mechanisms. M. : Creative Economy, 2016. 354 p. (In Russ.).

39. Shestakova E. V. Prospective directions of self-organization of production and economic systems in the building materials industry // Economics and Entrepreneurship. 2017. No. 2-1 (79-1). Pp. 692–697. (In Russ.).

Как цитировать статью: Ермакова Ж. А., Шестакова Е. В. Механизмы формирования и развития «организаций будущего» в условиях новой экономики // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 62–70. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.408.

For citation: Ermakova Zh. A., Shestakova E. V. Mechanisms of formation and evolution of the "organizations of the future" in the conditions of the new economy // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 62–70. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.408.

УДК 316
ББК 60.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.423

Klimenko Ludmila Vladislavovna,
doctor of sociology, associate professor,
professor of the department of management technologies
in the tourism industry,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: lucl@yandex.ru

Клименко Людмила Владиславовна,
д-р социол. наук, доцент,
профессор кафедры технологий управления
в индустрии туризма,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: lvklimenko@sfedu.ru;

Posukhova Oksana Yurevna,
candidate of social sciences, associate professor,
associate professor of the department of regional studies
and Eurasian studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: belloks@yandex.ru

Посухова Оксана Юрьевна,
канд. социол. наук, доцент,
доцент кафедры регионалистики
евразийских исследований,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: belloks@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306

The article is supported by the Russian scientific foundation, project No. 16-18-10306

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROFESSIONAL GUIDELINES OF RUSSIAN MILITARY SERVICEMEN: ON THE MATERIALS OF APPLIED RESEARCH

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(5.11 – Социально-трудовые отношения)
08.00.05 – Economics and national economy management
(5.11 – Social and labor relations)

В статье на материалах прикладного социологического исследования военнослужащих трех городов — Москвы, Ростова-на-Дону и Новочеркасска — изучаются особенности профессионального сознания российских военнослужащих. Исследуются трудовая мотивация и профессиональные качества военнослужащих, удовлетворенность профессией и карьерные перспективы, восприятие профессиональных рисков. Исследование показало, что наиболее распространенными причинами заключения контракта на службу в армии являются прагматические соображения и возможность сделать военную карьеру, а также гражданско-патриотические установки. Делается вывод о том, что московские военнослужащие демонстрируют большую степень профессионализации сознания, выражающуюся в акценте на содержании труда в профессиональной мотивации, приоритете достигательных характеристик в карьерном продвижении, ценности профессиональных компетенций в работе военного. Освоение ими новых организационных и технологических форм и методов работы не воспринимается как увеличение нагрузки. Менее критично столичные военнослужащие оценивают и профессиональные риски в армии. Военнослужащие южнороссийских городов в большей степени ориентируются на прагматические и гражданско-патриотические мотивы при выборе военной профессии. В карьерном продвижении большую роль отводят аскриптивным (семейственность, связи) характеристикам. Ростовские и новочеркасские военные в армейской профессии в большей степени ценят военно-корпоративные и нормативно-ценностные характеристики. Опрошенные в южном регионе военные чаще отмечают, что армейские реформы связаны с возрастанием объема работы без увеличения зарплаты. Они также менее удовлетворены современным уровнем своего материального положения и критичнее оценивают свой достаток в ближайшие годы, чем московские военные.

The article studied the peculiarities of professional consciousness of the Russian servicemen on the materials of applied sociological research of military men of three cities — Moscow, Rostov-on-Don and Novocherkassk. Work motivation and professional qualities of servicemen, satisfaction with the profession and career prospects, perception of occupational risks are investigated. The study shows that the most common reasons for concluding a military service contract are pragmatic orientations, the attractiveness of this profession and the opportunity to make a military career, as well as civil-patriotic attitudes. It is concluded that the Moscow military personnel demonstrate a greater degree of professionalization of consciousness, expressed in the emphasis on the content of work in professional motivation, the priority of achievement characteristics in career advancement, the value of professional competencies in the work of the military. The development of new organizational and technological forms and methods of work is not perceived as an increase in the workload. Less critical of the capital's military personnel also assess professional risks in the army. Servicemen of southern Russian cities are more oriented to pragmatic and civil-patriotic motives in choosing a military profession. In career advancement, an important role is assigned

to ascriptive (familial, communication) characteristics. Rostov and Novocherkassk military men in the army profession more appreciate military-corporate and normative-value characteristics. The servicemen interviewed in the southern region more often note that army reforms are associated with an increase in the volume of work, without increasing wages. They are also less satisfied with the current level of their financial situation and are more critical in assessing their prosperity in the coming years than the Moscow servicemen.

Ключевые слова: военнослужащие, российская армия, военная реформа, профессиональные установки, карьера, удовлетворенность трудом, профессиональные качества, трудовая нагрузка, профессиональная мотивация.

Key words: servicemen, the Russian army, military reform, professional guidelines, career, job satisfaction, professional qualities, workload, professional motivation.

Введение

В современной России уже несколько лет реализуется реформирование института армии, направленное на реорганизацию принципов и структуры военного управления, технологическое перевооружение и, в конечном счете, переход к профессиональной модели военной организации. Армейские реформы предполагают повышение денежного довольствия военных [1], реализацию жилищной программы и обеспечение других социальных льгот и гарантий. Необходимость создания мобильной, боеспособной армии предполагает также изменение содержания военного профессионализма, когда армейские реформы связаны с трансформацией профессиональных компетенций, мотивов профессионального выбора, ценностно-нормативных оснований трудовой деятельности. Поэтому реорганизация вооруженных сил направлена не только на структурную и технологическую модернизацию, но и на изменение принципов подбора и профессионализации кадрового состава [2; 3]. Современной армии требуются образованные, физически подготовленные, мотивированные на овладение военной профессией люди.

Исследования профессиональных установок офицеров и военнослужащих по контракту российской армии в последние годы не так часто представлены в научной литературе, что во многом связано со спецификой функционирования самого института армии, поскольку «государственную тайну составляют… сведения в военной области: …о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск и состоянии их боевого обеспечения, а также о военно-политической и (или) оперативной обстановке»[1]. Поэтому, как минимум, возникает проблема установления выборочной совокупности массового исследования установок военнослужащих.

В современной научной литературе можно выделить следующие группы исследований, в которых изучается проблематика профессиональных установок военных: 1) специфика профессиональных ценностей и идентичности курсантов и молодых офицеров [4; 5; 6]; 2) влияние военного обучения на профессиональные установки будущих военных [7; 8; 9]; 3) символико-коммуникативное содержание срочной службы [10; 11; 12; 13].

Ряд авторов фиксируют, что в процессе реформирования снизился профессионализм российских военных, когда «организационные изменения воспринимаются военнослужащими не как «осознанная необходимость», а как то, что происходит под влиянием извне и, соответственно, не оценивается военнослужащим как результат личного профессионального вклада» [14]. Другими словами, многие офицеры формально переходят на требования новой модели контрактной армии, но при этом на ценностном уровне не интернализуют цели и идеологию военной реформы. В ряде других работ также отмечается, что внедряемая модель профессиональной армии не обеспечена должным уровнем квалификации и профессиональной подготовки военных кадров, а незавершенный процесс технологического переоснащения вооруженных сил не дает оснований утверждать, что произошло принципиальное повышение уровня функционирования армейского института [15].

В этой связи **целью** исследования выступает изучение особенностей профессионального сознания российских военнослужащих. Данная статья посвящена анализу результатов массового опроса военных по трем аналитическим блокам исследования: 1) трудовая мотивация и профессиональные качества военнослужащего; 2) удовлетворенность профессией и карьерные перспективы; 3) восприятие профессиональных рисков.

Данный анализ позволит изучить степень профессионализации сознания и стратегии военнослужащих разных регионов. Модернизация военного института значительно повышает роль профессиональных знаний и компетенций, а в условиях обострения внешнеполитических условий функционирования российского государства также требуется повышение профессионализма офицерского и рядового состава ВС РФ. Таким образом, внешние и внутренние факторы модернизации военного института детерминируют необходимость повышения профессионализации сознания военнослужащих.

Описание методики и выборки исследования

Армейская реформа в России связана с переходом к новым принципам военного управления, ликвидации «многоярусности» и повышению оперативности управления войсками в рамках трехзвенной структуры: округ — оперативное командование — бригада. Поэтому при исследовании профессиональных установок военнослужащих необходимо учитывать специфику геополитического расположения городов. Москва — это преимущественно координационный центр, удаленный от горячих точек, сил и средств обороны, в Ростове-на-Дону сосредоточено оперативное командование, тогда как в Новочеркасске представлен непосредственно личный состав. Соответственно, в исследуемых городах — разная возрастная и профессиональная структура военнослужащих. В Москве и Ростове-на-Дону служат преимущественно старшие и младшие офицеры, тогда как в Новочеркасске представлены в основном младшие офицеры, прапорщики и рядовые, проходящие службу по контракту.

[1] Закон о государственной тайне (в ред. Федерального закона от 06.10.97 № 131-ФЗ) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/

Социологическое исследование разведывательного типа[2] среди военнослужащих проводилось в марте — апреле 2017 г. В нем приняли участие представители офицерского состава ВС РФ и военные, проходящие службу по контракту. По стандартизированной анкете в Москве было опрошено 470 человек (94,9 % мужчин), в Ростове-на-Дону[3] — 256 человек (93,3 % мужчин), в Новочеркасске — 180 человек (100 % мужчин) (рис. 1).

В силу требования охраны сведений, содержащих государственную тайну, а также требования о неразглашении информации, предназначенной для служебного пользования, невозможно четко организовать выборку опроса военных. Можно судить, в каком населенном пункте размещены силы и средства ВС РФ, только по косвенным признакам. Помимо этого, структура личного состава неоднородна по демографическим (пол, возраст, образование) и профессиональным (специфика выполняемой работы, уровень ответственности, опасность для жизни) характеристикам. Параметры выборки опроса военных представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение групп опрошенных по возрасту и выслуге, %

	Возраст, лет				Выслуга лет в ВС РФ				
	До 30	31–40	41–50	51–60	2–5	6–10	11–15	16–20	Свыше 20
Москва	25,5	36,0	34,0	4,5	18,0	29,9	25,3	14,1	12,7
Ростов-на-Дону	31,5	42,4	26,1	—	15,1	22,3	26,9	16,4	19,3
Новочеркасск	68,5	29,6	1,9	—	52,5	18,6	18,6	3,4	6,9

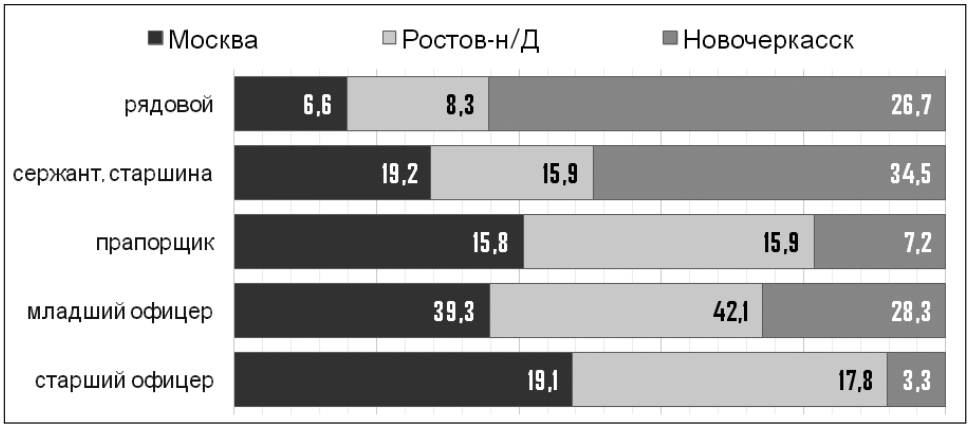

Рис. 1. Распределение групп опрошенных по званию, %

Методом глубинного полуструктурированного интервью были опрошены 15 военных офицеров, из них: 7 — в Москве, 8 — в Ростове-на-Дону, 8 — Новочеркасске.

Профессиональные качества и трудовая мотивация

Инструментарий социологического исследования предполагал анализ мотивов профессионального выбора военнослужащих. Исследование показало, что наиболее распространенными причинами заключения контракта на службу в армии являются прагматические соображения и возможность сделать военную карьеру, а также гражданско-патриотические установки.

Прагматические установки выбора военной профессии связаны с желанием обеспечить себе достойный уровень жизни, возможность получить военную пенсию, участвовать в жилищных программах, избежать безработицы. Этот мотив доминирует во всех группах опрошенных, но особенно выражен в части ориентаций на социальные гарантии и льготы среди военных южнороссийского региона (см. табл. 2 на стр. 74).

Ориентация на военную профессию (соответствие способностям, умениям, привлекательность военно-профессиональной специализации, желание сделать карьеру в армии) является следующим доминирующим мотивом. В наибольшей степени это присуще военнослужащим из Москвы, особенно в части карьерных ориентаций (табл. 2).

Такие мотивы, как стремление служить Родине, долг перед Отечеством, возможность принести больше пользы обществу, также набирают значимое число ответов армейцев. Более всего данные установки присущи ростовским военнослужащим. Необходимо также отметить, что для новочеркасских респондентов более значимыми являются гендерно окрашенные мотивы, такие как желание заниматься настоящим мужским делом и стремление к физическому самосовершенствованию (табл. 2).

[2] Прикладное социологическое исследование по разведывательному плану предполагает отбор «единиц наблюдения» на объекте с жестко не регламентированной выборкой, «состав и объем выборки заранее не фиксируется, устанавливается опытным путем по мере развития исследования… Все зависит от состояния получаемой информации» (Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М. : Омега-Л, 2007. С. 114.).

[3] Ростов-на-Дону — крупнейший город на Юге России, административный центр Южного федерального округа и Ростовской области. Численность населения города составляет 1,1 млн человек.

Таблица 2

«Почему Вы выбрали профессию военного?»
и «Что в Вашей работе кажется Вам наиболее существенным сейчас?», %

Варианты ответа	Мотивы выбора профессии			Существенно в профессии сейчас		
	Москва	Ростов-на-Дону	Ново-черкасск	Москва	Ростов-на-Дону	Ново-черкасск
Профессия соответствует моим способностям, умениям	**59,1**	**47,2**	**65,0**	28,6	**59,3**	**68,3**
Стремление служить Родине, долг перед Отечеством, патриотические чувства	**57,4**	**65,7**	**56,7**	6,4	**54,6**	**46,7**
Организованность, порядок, дисциплина в армейской среде	**63,8**	25,9	23,3	7,7	21,3	25,0
Привлекает моя военно-профессиональная специализация, желание стать грамотным специалистом в этой сфере	**46,0**	**46,3**	36,7	**27,4**	**41,7**	**26,7**
Возможность обеспечить достойных уровень жизни	**69,8**	**53,7**	**61,7**	**66,2**	**53,7**	**60,0**
Профессия военного ценится в обществе	15,7	29,6	16,7	4,3	26,9	20,0
Желание сделать карьеру в армии	**54,9**	29,6	45,0	10,7	28,7	**38,3**
Продолжение профессиональной династии	15,7	19,4	11,7	3,0	15,7	8,3
Возможность получения высшего (специального) образования	6,8	23,1	18,3	9,0	14,8	20,0
Желание заниматься настоящим мужским делом	31,9	34,3	**56,7**	5,1	30,6	**53,3**
Возможность принести больше пользы обществу	10,6	26,9	20,0	9,8	27,8	8,3
Получение социальных преимуществ и льгот (пенсия, жилье, ипотека и пр.)	7,7	**47,2**	**60,0**	**32,1**	**49,1**	**55,0**
Возможность избежать безработицы	28,1	27,8	35,0	7,3	27,8	31,7
Стремление к физическому самосовершенствованию	13,6	25,9	**45,0**	32,1	20,4	**41,7**
Возможность приобрести уважение, признание в обществе	23,4	17,6	8,3	6,8	15,7	8,3
Не было особого выбора	8,5	14,8	13,3	—	8,3	11,7
Всего	513,0	535,0	573,4	256,5	496,4	523,3

Прагматические мотивы остаются приоритетными в профессиональной деятельности военнослужащих и в настоящее время, однако фиксируется значительное снижение (в несколько раз) среди столичных военных гражданско-патриотических и карьерных установок, а также оценки степени привлекательности военно-профессиональной специализации. Зато в данном сегменте выросла удовлетворенность от получаемых социальных преимуществ и льгот. В южнороссийских городах мотивы профессионального выбора и оценка существенных моментов в настоящей работе практически не различаются (см. табл. 2).

Материалы нашего исследования показывают, что, с точки зрения опрошенных военнослужащих, для их работы наиболее ценными продолжают оставаться морально-нравственные качества и военно-корпоративные характеристики, однако признается и особая важность обладания специфичными профессиональными компетенциями. В частности, профессионализм, знание своего дела, умение разбираться в вооружении и военной технике отмечают большинство опрошенных из всех групп, а новочеркасские респонденты в несколько раз чаще указывают, что наиболее ценными чертами в профессии военного является готовность к ведению боевых действий (см. табл. 3 на стр. 75).

Повышенная ответственность за безопасность своей страны чаще отмечается столичными военнослужащими, тогда как респондентам южнороссийских городов важнее кажутся патриотизм и любовь к Родине. Ростовскими и новочеркасскими военными также чаще отмечаются морально-нравственные качества (воинская честь, достоинство, смелость и героизм). Такие характеристики института армии, как командный дух, воинское товарищество, дисциплина, исполнение устава, считаются важными примерно в равной степени у респондентов всех рассматриваемых групп (табл. 3).

Необходимо отметить, что в зарубежных работах также рассматривается связь личностных качеств и профессиональных компетенций военнослужащих. В исследовании норвежских военных изучались навыки, общая военная компетентность и организационная обязательность. Было установлено, что армейские ценности, оперативная идентичность напрямую определяют как военную компетентность, так и другие навыки. Кроме того, индивидуализм негативно влияет на организационную обязательность офицеров [16]. В других исследованиях подчеркивается роль военного товарищества, корпоративной солидарности, «фиктивного» родства в становлении профессионального самосознания армейцев [17], но фиксируются также негативные аспекты, связанные с фрагментацией профессионального сознания военнослужащих [18].

Во время проведения глубинных интервью офицеры также указывают на приоритетность в их профессии таких характеристик, как исполнительность, дисциплина, умение быстро принимать решения и нести за них ответственность:

— *«Должен быть стойким, готовым выполнять поставленные ему задачи. Потому что задачи бывают разного характера, и военнослужащий должен быть готов к выполнению различных задач в любое время…»* (капитан, 27 лет);

— «*Человек должен уметь меняться, быстро принимать решения, реагировать на быстроменяющуюся ситуацию. В то же время он должен уметь подчиняться. Ну, и, наверное, все. Быть исполнительным*» (майор, 38 лет);

— *«Военный должен уметь сдерживать себя как эмоционально, так и физически. Если он занимает должность командира, он должен быть примером… Как ты преподносишь себя личному составу, так и личный состав к тебе будет относиться. Должен быть твердый человек, целеустремленный, которому можно четко поставить задачу и быть уверенным, что он ее выполнит несмотря ни на что»* (капитан, 26 лет);

— «*Это, в первую очередь, ответственность за принятие всех решений. Это умение быстро реагировать, потому что это именно те качества, которые помогают сохранить жизнь себе, своим подчиненным и выйти из тяжелой ситуации*» (полковник, 46 лет).

Таблица 3

«Какие основные черты Вы считаете наиболее ценными в профессии военного?», %

Варианты ответа	Москва	Ростов-на-Дону	Новочеркасск
Воинская честь, достоинство	**48,9**	**71,3**	**76,7**
Повышенная ответственность за безопасность своей страны	**48,5**	29,6	36,7
Смелость, отвага, героизм	31,9	38,0	48,3
Умение разбираться в вооружении и военной технике	37,0	35,2	48,3
Патриотизм, любовь к Родине	29,4	**50,0**	**41,7**
Командный дух, воинское товарищество	46,4	30,6	40,0
Профессионализм, знание своего дела	**51,5**	**53,7**	**51,7**
Принципиальность, справедливость	3,8	19,4	16,7
Умение принимать решения и нести за них ответственность	**54,5**	38,9	**55,0**
Честность, неподкупность	**60,4**	23,1	23,3
Образованность, широкий кругозор	6,0	23,1	11,7
Готовность к ведению боевых действий	7,7	28,7	**60,0**
Хорошая физическая подготовка	9,8	25,9	36,7
Дисциплина, субординация, исполнение устава	27,2	25,0	23,3
Другое	—	1,9	1,7
Всего	463,0	494,4	571,8

Многие военнослужащие говорят о специфике военной профессии, которая предполагает закрытость и ограниченность круга общения: «*Военный, он заперт, в нем все общественное сконцентрировано. А гражданский человек..., вот он в городе живет, иди куда хочешь. У военного нет такой возможности, он приехал и нужно по строевой ходить, с работы домой... Ты редко выходишь за пределы гарнизона. Ты живешь в нем, это, как правило, ограниченная территория, круг людей, все друг друга знают...*» (подполковник, 49 лет).

Удовлетворенность профессией и карьерные перспективы. Удовлетворенность работой во многом зависит от того уровня материального положения, который обеспечивается профессиональной деятельностью. Материалы опроса показали, что оценка военнослужащими своего достатка отличается в зависимости от места опроса. Говоря о своем материальном положении 2-3 года назад, две трети московских военных выбрали вариант ответа «скорее хорошее, чем плохое», тогда как половина армейцев южнороссийских городов отметили вариант «хорошее». На момент опроса уже большее число столичных военнослужащих оценивают свой достаток как хороший (50%), тогда как в провинциальных городах таких ответов фиксируется в два раза меньше. Прогнозируют сохранение хорошего уровня достатка также вдвое больше московских военнослужащих, чем респондентов других рассматриваемых городов (рис. 2).

Рис. 2. «Постарайтесь оценить свое материальное положение», %

В социологическую анкету массового опроса был включен отдельный блок вопросов, измеряющий различные аспекты удовлетворенности военных своей профессиональной деятельностью. Эмпирические данные фиксируют, что больше 90 % московских военнослужащих и около 60 % опрошенных южнороссийских городов считают, что достоинства их работы перевешивают недостатки. В то же время практически все столичные военнослужащие и две трети южнороссийских армейцев снова выбрали бы работу военного. Рекомендовать эту профессию своим детям в той или иной степени готовы около 60 % опрошенных трех групп (см. табл. 4 на стр. 76).

Таблица 4

«Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?»

Варианты ответа	Преимущества этой профессии явно перевешивают недостатки	Если бы я мог решать заново, я бы снова выбрал работу военного	Я доволен результатами своей работы в ВС	Я доволен своими карьерными перспективами в армии
Москва				
Полностью не согласен	5,1	0,9	**3,4**	3,4
Скорее не согласен	2,1	2,1	8,1	5,1
Скорее согласен	**17,4**	**51,9**	**58,7**	**47,7**
Полностью согласен	**75,3**	**45,1**	**29,8**	**43,8**
Ростов-на-Дону				
Полностью не согласен	7,5	13	7,5	19,6
Скорее не согласен	26,4	16,7	11,3	27,1
Скорее согласен	**40,6**	**36,1**	**47,2**	**36,4**
Полностью согласен	**25,5**	**34,3**	**34,0**	**16,8**
Новочеркасск				
Полностью не согласен	8,6	11,7	6,8	15,0
Скорее не согласен	27,6	13,3	8,5	30,0
Скорее согласен	**46,6**	**31,7**	**45,8**	**36,7**
Полностью согласен	**17,2**	**43,3**	**39,0**	**18,3**

Более 80 % военных довольны результатами своей профессиональной деятельности в армии (сумма ответов «согласен» и «скорее согласен» составляет 88,5 % опрошенных в Москве, 81,2 % — в Ростове-на-Дону и 84,8 % — в Новочеркасске). Что касается карьеры в армии, то около 90 % столичных военных в целом довольны своими перспективами служебного продвижения, тогда как среди военнослужащих южнороссийских городов данный показатель составляет чуть больше половины опрошенных (табл. 4).

В ответах на вопрос о том, какие качества способствуют военной карьере, большинство опрошенных указывают на волевые характеристики (целеустремленность, работоспособность) и профессиональные компетенции. Примечательно, что военнослужащие южнороссийских городов в несколько раз чаще отмечают важность для продвижения по служебной лестнице связей с «нужными людьми», умения приспосабливаться и династийность (табл. 5).

Таблица 5

«Какие основные черты Вы считаете наиболее ценными для карьерного роста?», %

Варианты ответа	Москва	Ростов-на-Дону	Новочеркасск
Целеустремленность, работоспособность, ответственность	**96,6**	**78,5**	**88,1**
Постоянное повышение профессионализма	**65,7**	**69,2**	**59,3**
Возрастная зрелость	11,7	22,4	27,1
Наличие связей с «нужными людьми»	13,9	**40,2**	**42,4**
Умение приспосабливаться, выстраивать отношения с начальством	13,4	**46,7**	**59,3**
Принадлежность к семейной династии военных	1,3	**43,0**	**32,2**
Принадлежность к определенному полу	9,6	10,3	8,5
Всего	212,2	310,3	316,9

Интервью с военнослужащими также свидетельствуют о значимости определенных качеств характера и профессиональных компетенций для карьерного продвижения в армии:

— «*В первую очередь это послушание, потому что кто может слушать, тот может развиваться. Также профессионализм, потому что если смолоду ты не будешь ничему учиться, то к будущему ты ничего не можешь знать. Также исполнительность, умение проявлять инициативы и брать ответственность на себя за те или иные действия, которые происходят вокруг*» (полковник, 46 лет);

— «*Все-таки на карьеру влияют знания и умения, профессиональные навыки. А также нужно уметь оказаться в нужном месте в нужное время*» (майор, 38 лет).

Однако в ряде интервью речь идет о связях и семейственности в контексте перспектив служебного роста: «*После стольких лет службы я вижу, что карьера делается по родственным чувствам. Куда ни плюнь — обязательно в сына попадешь. Хотя стала меняться ситуация, этих сыновей стало меньше*» (подполковник, 49 лет).

Профессиональные риски. Реформирование российской армии связано с увеличением профессиональной нагрузки на военных, так как предполагает освоение ими новых организационных и технологических форм и методов работы [19]. Опрошенные столичные военные в большинстве случаев отмечают, что за последние несколько лет их трудовая нагрузка практически не изменилась, в то же время военнослужащие южнороссийских городов в большинстве случаев отмечают возрастание объема работы, входящей в их непосредственные служебные обязанности (Ростов-на-Дону — 75 %, Новочеркасск — 52,5 %). Респонденты указывают на увеличение качества и количества отчетной документации (68,1, 77,8 и 58,6 % соответственно). Рост обязанностей по индивидуальной работе с подчиненными фиксируют еще около половины ростовских армейцев (табл. 6).

Таблица 6

«Как изменилась Ваша трудовая нагрузка за последние 1-2 года?», %

Трудовая нагрузка	Москва			Ростов-на-Дону			Новочеркасск		
	Уменьшилась	Не изменилась	Увеличилась	Уменьшилась	Не изменилась	Увеличилась	Уменьшилась	Не изменилась	Увеличилась
Выполнение служебных обязанностей, объем выполняемых задач	—	**74,9**	25,1	0,9	24,1	**75,0**	11,9	35,6	**52,5**
Качество и количество представляемой отчетной документации (анализы деятельности, фото- и видеоотчеты)	—	**68,1**	31,9	3,7	18,5	**77,8**	8,6	32,8	**58,6**
Индивидуальная работа с подчиненными	—	73,2	26,8	6,5	45,8	**47,7**	12,1	48,3	**39,7**

Результаты исследования показывают, что столичные военнослужащие в меньшей степени обеспокоены профессиональными рисками. Увеличения трудовой нагрузки без соответствующего роста заработной платы скорее опасаются 55,4 % столичных респондентов, сильно беспокоит это 50,9 % ростовских и 64,4 % новочеркасских военных. Недостатки в обеспечении денежного довольствия беспокоят 61,8 % московских военнослужащих и сильно заботят от 38,9 и 51,7 % ростовских и новочеркасских респондентов. Риски прекращения трудового контракта заботят от четверти до трети опрошенных трех территориальных групп. Менее всего опасений у военнослужащих вызывает рост внештатных обязанностей (табл. 7).

Таблица 7

«Насколько сильно Вас беспокоят в настоящее время следующие профессиональные риски?», %

Профессиональные риски	Москва				Ростов-на-Дону				Новочеркасск			
	Совсем не беспокоит	Скорее не беспокоит	Скорее беспокоит	Очень беспокоит	Совсем не беспокоит	Скорее не беспокоит	Скорее беспокоит	Очень беспокоит	Совсем не беспокоит	Скорее не беспокоит	Скорее беспокоит	Очень беспокоит
Индексация ДД и неполучение ДД в полном объеме	14,2	16,7	**61,8**	7,3	7,4	13,9	**39,8**	**38,9**	12,1	13,8	**22,4**	**51,7**
Рост трудовой нагрузки без увеличения зарплаты	23,2	9,0	**55,4**	**12,4**	4,6	10,2	**34,3**	**50,9**	8,5	6,8	**20,3**	**64,4**
Потеря работы	27,0	4,3	**45,5**	**23,2**	9,3	29,6	**25,0**	**36,1**	19,0	19,0	**24,1**	**37,9**
Деятельность, не связанная с должностными обязанностями (внештатная деятельность)	6,4	**92,3**	1,3	—	5,6	40,7	**53,7**	—	5,4	46,4	**48,2**	—

Заключение

Реформирование военной организации в России, нацеленное на переход к модели профессиональной армии, оказывает влияние на условия и механизмы профессионализации сознания военнослужащих, на их ценностные установки и трудовые стратегии.

Результаты проведенного эмпирического исследования показывают, что московские военнослужащие демонстрируют большую степень профессионализации сознания, выражающуюся в акценте на содержании труда в профессиональной мотивации, приоритете достигательных характеристик в карьерном продвижении, ценности профессиональных компетенций в работе военного. Освоение ими новых организационных и технологических форм и методов работы не воспринимается как увеличение нагрузки. Менее критично столичные военнослужащие оценивают и профессиональные риски в армии.

Военнослужащие южнороссийских городов в большей степени ориентируются на прагматические и гражданско-патриотические мотивы при выборе военной профессии. В карьерном продвижении большую роль отводят аскриптивным (семейственность, связи) характеристикам. Ростовские и новочеркасские военные в армейской профессии в большей степени ценят военно-корпоративные и нормативно-ценностные характеристики. Опрошенные в южном регионе военные чаще отмечают, что армейские реформы связаны с возрастанием объема работы без увеличения зарплаты. Они также менее удовлетворены современным уровнем своего материального положения и критичнее оценивают свой достаток в ближайшие годы, чем московские военные.

Таким образом, переход к модели профессиональной армии предполагает смещение акцентов с героико-патриотических оснований идентичности военнослужащих к росту рационально-профессиональных ориентаций. В столице данный вектор трансформации является более выраженным, чем в южнороссийском регионе, поэтому следует больше внимания уделять работе с кадровым составом в сфере повышения профессионализации сознания офицеров и военнослужащих-контрактников, а также совершенствовать принципы социально-экономического обеспечения военной профессии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Денежное довольствие военнослужащего // Информационный портал о службе в армии РФ Министерства обороны РФ. URL: http://contract-army.ru/denezhnoe-dovolstvie/

2. Суркова И. Ю. Социальная политика в системе гражданско-военных отношений. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. 376 с.

3. Кудрявцев А. Н. Профессиональная адаптация выпускника военного вуза // Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 113–117.

4. Половнев А. В. Молодые офицеры: военно-профессиональная ориентация // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 62–68.

5. Соловьев С. С. Менталитет российского офицера: вызовы XXI века // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 50–61.

6. Шемякина И. Е. Образовательная среда военного вуза и ее изменения // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 120–124.

7. Карлова Е. Н. Социально-политические механизмы формирования военно-патриотической идентичности у курсантов военного вуза : автореф. дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2009.

8. Некрасов А. С. Развитие профессиональной идентичности личности курсанта военного училища : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.

9. Агранат Д. Л. Социализация личности в военизированных организациях: проблемы нормы и отклонения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010.

10. Светличная Т. Г., Мосягин И. Г., Губерницкая С. В. Характеристика сексуальной культуры военных моряков // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 112–128.

11. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп (Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии). М. : ИЭА РАН, 2002. 144 с.

12. Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М., 2005. 376 с.

13. Диденко И. В., Диденко А. А. Корпоративизм в военной организации // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 1. С. 34–45.

14. Балашов А. И. Российская армия: смена модели // Мир России. 2014. № 4. С. 159–160.

15. Johansen R. B., Laberg J. C., Martinussen M. Military identity as predictor of perceived military competence and skills // Armed Forces & Society. 2014. No. 40(3). Pp. 521–543.

16. Woodward R., Jenkings K. N. Military identities in the situated accounts of British military personnel // Sociology. 2011. No. 45(2). Pp. 252–268.

17. Berghaus P. T., Cartagena N. L. Developing good soldiers: The problem of fragmentation within the army // Journal of Military Ethics. 2013. No. 12(4). Pp. 287–303.

18. Клименко Л. В., Посухова О. Ю., Хромушкина И. Ю. Профессиональная идентичность военнослужащих южнороссийских городов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 21(3). С. 74–94.

REFERENCES

1. Cash allowance of a serviceman // Information portal about the service in the Russian Federation Army of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (In Russ.). URL: http://contract-army.ru/denezhnoe-dovolstvie/

2. Surkova I. Yu. Social policy in the system of civil-military relations. Moscow : Variant Publ., TsSPMI Publ., 2013. (In Russ.).

3. Kudryavtsev A. N. Professional adaptation of a graduate of a military high school // News from Higher Educational Institutions, Sociology. Economy. Politics. 2015. No. 2. Pp. 113–117. (In Russ.).

4. Polovnev A. V. Young officers: military-professional orientation // Sociological Research. 2005. No. 11. Pp. 62–78. (In Russ.).

5. Solovyev S. S. The Mentality of a Russian Officer: Challenges of the 21st Century // Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2003. No. 12. Pp. 50–62. (In Russ.).

6. Shemyakina I. E. The educational environment of a military high school and its changes // Journal of Higher Education Sociology. Economy. Politics. 2015. No. 2. Pp. 120–124. (In Russ.).

7. Karlova E. N. Socio-political mechanisms for the formation of military-patriotic identity in the cadets of a military high school: dissertation of the candidate of sociology. Saratov, 2009. 25 p. (In Russ.).

8. Nekrasov A. S. Development of the professional identity of a student of a military school : Cand. Diss. Psychol. Sciences. Krasnodar, 2005. (In Russ.).

9. Agranat D. L. Socialization of the person in the paramilitary organizations: problems of norm and deviation: dissertation of the doctor of sociology. Moscow, 2010. 50 p. (In Russ.).

10. Svetlichnaya T. G., Mosyagin I. G., Gubernitskaya S. V. Characteristics of the sexual culture of military seamen // Sociological Journal. 2012. No. 3. Pp. 112–128. (In Russ.).

11. Bannikov K. L. Anthropology of extreme groups (Dominant relations among military servicemen of the Russian Army). Moscow, IEA RAN Publ., 2002. (In Russ.).

12. Kormina Zh. V. Seeing off for the army in post-reform Russia. Experience of ethnographic analysis. Moscow, Novoe Obozrenie Publ., 2005. 376 p. (In Russ.).

13. Didenko I. V., Didenko A. A. Corporatism in military organization // Sociological Journal. 2015. No. 21(1). Pp. 34–45. (In Russ.).

14. Balashov A. I. The Russian army: the change of model // The World of Russia. 2014. No. 4. Pp. 159–160. (In Russ.).

15. Johansen R. B., Laberg J. C., Martinussen M. Military identity as predictor of perceived military competence and skills // Armed Forces & Society. 2014. No. 40(3). Pp. 521–543.

16. Woodward R., Jenkings K. N. Military identities in the situated accounts of British military personnel // Sociology. 2011. No. 45(2). Pp. 252–268.

17. Berghaus P. T., Cartagena N. L. Developing good soldiers: The problem of fragmentation within the army // Journal of Military Ethics. 2013. No. 12(4). Pp. 287–303.

18. Klimenko L. V., Posukhova O. Yu., Khromushkina I. Yu. Professional identity of servicemen of southern Russian cities // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2017. No. 21(3). Pp. 74–94. (In Russ.).

Как цитировать статью: Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Профессиональные установки российских военнослужащих: по материалам прикладного исследования // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 71–79. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.423.

For citation: Klimenko L. V., Posukhova O. Yu. Professional guidelines of russian military servicemen: on the materials of applied research // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 71–79. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.423.

УДК 338.242.2 : 338.53] : 338.43 (470.620)
ББК 65.261.8

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.414

Shichiyakh Rustem Adamovich,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Management,
Kuban State
Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: s.r.a.01@mail.ru

Шичиях Рустем Адамович,
канд. экон. наук,
доцент кафедры менеджмента,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина,
г. Краснодар,
e-mail: s.r.a.01@mail.ru

Shadrina Zhanna Aleksandrovna,
Doctor of Economics, Head of the Department of Economics,
The North Caucasian Federal Scientific Center of Gardening,
Grape Growing, and Winemaking,
Krasnodar,
e-mail: s.r.a.01@mail.ru

Шадрина Жанна Александровна,
д-р экон. наук, заведующая отделом экономики,
Северо-Кавказский федеральный научный центр садоводства,
виноградарства, виноделия,
г. Краснодар,
e-mail: s.r.a.01@mail.ru

Rybalko Nikita Vasil′evich,
Post-Graduate Student of the Department of Management,
Kuban State
Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: s.r.a.01@mail.ru

Рыбалко Никита Васильевич,
аспирант кафедры менеджмента,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина,
г. Краснодар,
e-mail: s.r.a.01@mail.ru

Kharchenko Sergei Nikolaevich,
the Master's Program Student, program 35.04.06
"Agro-engineering",
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: s.r.a.01@mail.ru

Харченко Сергей Николаевич,
магистрант по направлению 35.04.06 «Агроинженерия»,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина,
г. Краснодар,
e-mail: s.r.a.01@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и администрацией Краснодарского края научного проекта № 18-410-230009 р_а

The publication was prepared within the framework of the scientific project № 18-410-230009 р_а supported by RFBR and administration of Krasnodar region

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕНОВОЙ ПОЛИТИКИ АГРОЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПЛОДОВО-ЯГОДНОГО ПОДКОМПЛЕКСА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

STATE REGULATION OF THE PRICE POLICY OF AGROECONOMICS IN MODERN CONDITIONS (ON THE EXAMPLE OF THE FRUIT AND BERRY SUB-COMPLEX OF THE KRASNODAR REGION)

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

Работа посвящена основным направлениям государственного регулирования ценовой политики агроэкономики в современных условиях. Государственная политика импортозамещения является основным инструментом государственного регулирования экономики и обеспечения продовольственной безопасности регионов и страны в целом. Эффективность государственного регулирования сельского хозяйства повысилась с принятием государственной программы. Государственная поддержка является особо значимой для производителей плодово-ягодной продукции и винограда.

В работе актуализируется место и значимость производства плодово-ягодной продукции специализированными сельскохозяйственными организациями Краснодарского края как для экономики региона, так и для страны в целом.

В статье раскрыты инструменты государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей плодово-ягодной продукции. Наиболее действенными и эффективными инструментами в настоящий момент являются субсидирования части издержек на закладку многолетних насаждений и работы по уходу за ними и льготное налогообложение сельскохозяйственных товаропроизводителей по особому налоговому режиму — Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН). Вступление в силу норм Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.11.2017 № 335-ФЗ предполагает, что все сельхозтоваропроизводители станут плательщиками налога на добавленную стоимость.

В исследовании расчетно подтверждены отрицательные последствия изменения статуса налогоплательщика. По сути, сельскохозяйственный товаропроизводитель оплачивает предъявленную сумму НДС на счет продавца, тем самым выступая «транзитером», участвующим в расчетах между покупателем и бюджетом. Однако рост стоимости товара автоматически повлечет за собой снижение спроса на продукцию и потерю конкурентоспособности, что актуализирует проблему эффективности государственного регулирования и поддержки данной отрасли.

The work is devoted to the main directions of state regulation of the price policy of agricultural economics in modern conditions. State policy of import substitution is the main instrument of state regulation of the economy and food security of the regions and the country as a whole. The effectiveness of state regulation of agriculture has increased with the adoption of the state program. State support is particularly important for fruit and grape producers.

The paper actualizes the place and importance of fruit and berry production by specialized agricultural organizations of the Krasnodar region both for the regional economy and for the country as a whole.

The article reveals the tools of state support of agricultural producers of fruit and berry products. The most effective and effective tools at the moment are subsidizing part of the costs of laying perennial plantations and caring for them, and preferential taxation of agricultural producers under a special tax regime — Single agricultural tax (SAT). The entry into force of the provisions of the Federal law "On amendments to the first and second parts of the Tax code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation" dated 27.11.2017 No. 335-FZ suggests that all agricultural producers will become a payer of value added tax.

The study confirmed the negative consequences of changing the status of the taxpayer. In fact, the agricultural producer pays the amount of VAT charged to the seller's account, thus acting as a "transit" involved in the calculations between the buyer and the budget. However, the increase in the cost of goods will automatically lead to a decrease in demand for products and loss of competitiveness, which actualizes the problem of efficiency of state regulation and support of the industry.

Ключевые слова: сельское хозяйство, продовольственная безопасность, аграрный сектор экономики, плодово-ягодный подкомплекс, налоговая система, единый сельскохозяйственный налог, налог на добавленную стоимость, ценообразование, рентабельность, эффективность, импортозамещение.

Keywords: agriculture, food security, agrarian sector of economy, fruit and berry subcomplex, tax system, single agricultural tax, value added tax, profitability, efficiency, pricing, import substitution.

Введение

В условиях нарастающих внешнеполитических и внешнеэкономических ограничений единственно верным и эффективным инструментом государственного регулирования экономики является политика импортозамещения. В сложившихся экономических условиях развития государственная безопасность в значительной степени зависит от функционирования агропромышленного подкомплекса.

Сельское хозяйство всегда было и остается базовой отраслью экономики, не имеющей альтернатив в будущем и призванной обеспечивать первоочередные потребности населения в продуктах питания. В силу определенных специфических особенностей аграрная сфера нуждается в государственной поддержке, в связи с чем эффективная аграрная политика является условием поступательного и динамичного развития сельского хозяйства страны и ее регионов.

Цель исследования заключается в оценке воспроизводственного потенциала агропроизводственных экономических систем в результате отмены налоговых льгот в соответствии с п. 12 ст. 9 ФЗ от 27.11.2017 № 335-ФЗ, а также в разработке рекомендаций по корректировке инструментов государственного регулирования в целях сохранения воспроизводственного потенциала развития.

Задачи исследования:

— исследовать состояние развития плодово-ягодного подкомплекса Краснодарского края;

— оценить эффективность производства плодово-ягодной продукции и устойчивость функционирования хозяйствующих субъектов;

— оценить вероятность экономического ущерба от введения налога на добавленную стоимость для сельхозтоваропроизводителей;

— разработать рекомендации по корректировке инструментов государственного регулирования в целях сохранения воспроизводственного потенциала плодово-ягодного подкомплекса.

Целесообразность разработки темы определена необходимостью эффективного государственного регулирования цен АПК и обеспечения воспроизводственным потенциалом функционирующих хозяйствующих субъектов.

Научная новизна исследования заключается в расчетном обосновании отрицательного эффекта от уплаты НДС, а также разработаны альтернативные сценарии решения проблем льготного налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Теоретическая значимость заключается в развитии теоретических представлений об эффективности государственного регулирования ценовой политики сельхозтоваропроизводителей.

Практическая значимость работы состоит в том, что рекомендации авторов, касающиеся налогового регулирования цен и нивелирования ценового диспаритета, могут быть использованы администрацией Краснодарского края в практической деятельности.

Стоит выделить авторов, работы которых посвящены вопросам исследования проблем развития плодово-ягодного подкомплекса Юга России, а именно: Егорова Е. А., Трубилина А. И., Путилину И. Н., Косникова С. Н. и др.

Основная часть

Производство плодово-ягодной продукции является одной из наиболее ресурсоемких отраслей сельского хозяйства, по уровню затрат и доходов с одного гектара превосходящей все возделываемые растениеводческие культуры [1]. Наблюдается становление отрасли, сельскохозяйственные организации проводят плановые мероприятия по обновлению многолетних насаждений и увеличению плодоносящей площади.

В соответствии с рекомендациями по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания,

индивидуальный рацион питания человека должен включать 100 кг фруктов в год (из них виноград — 6, цитрусовые — 6, косточковые — 8, ягоды — 7, яблоки — 50, груши — 8, прочие фрукты — 15) [2]. К примеру, в соответствии с этими же рекомендациями годовой рацион здорового питания также включает 90 кг картофеля, 140 кг овощей, 73 кг мясопродуктов, 22 кг рыбопродуктов и прочее.

Значительный вклад в повышение эффективности производства плодово-ягодной продукции внесла принятая и реализуемая Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, в рамках которой посредством субсидий и компенсаций осуществляется поддержка сельхозпроизводителей [3, 4]. Плановый объем финансирования Государственной программы составил 2220,8 млрд руб. на весь период реализации программы.

Инструменты государственной поддержки производителей плодово-ягодной продукции представлены достаточно полно: налоговые льготы, субсидии на закладку и работы по уходу, субсидированные кредиты, компенсация части стоимости приобретаемых ресурсов и прочее [5]. Основное предназначение поддержки — это содействие расширенному воспроизводству насаждений и увеличению объемов продукции, проведение сортовой и технологической политики.

Одним из наиболее действенных инструментов государственного регулирования и поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей стало введение Единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) главой 26.1 Налогового кодекса РФ [6]. ЕСХН — это один из пяти специальных налоговых режимов, который заменяет собой уплату налога на прибыль и НДС, а также уплату налога на имущество организаций.

В соответствии с главой 26.1 НК РФ организации, являющиеся налогоплательщиками единого сельскохозяйственного налога, не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость (индивидуальные предприниматели по аналогии не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость) [7].

Федеральным законом от 27.11.2017 № 335-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 335) предусмотрено признание плательщиков единого сельскохозяйственного налога плательщиками НДС с 1 января 2019 г. [8]. Согласно применяемой в Российской Федерации методике исчисления, НДС рассматривается как надбавка к отпускной цене предприятия при совершении операций реализации продукции, работ, услуг. Его величина определяется по соответствующей ставке, применяемой к отпускной цене, и называется суммой НДС, предъявленной продавцом покупателю.

В настоящий момент сельхозпроизводители независимо от объема производства и оборота денежных средств облагаются ЕСХН в размере 6 %. При вступлении в силу норм ФЗ № 335 с 01 января 2019 г. сельскохозяйственные товаропроизводители — плательщики ЕСХН будут делать вычеты и восстанавливать НДС (налог на прибыль) на общих основаниях, что может негативно отразиться на деятельности хозяйствующих субъектов.

Характеризуя плодово-ягодный подкомплекс, стоит отметить, что Краснодарский край является регионом, вносящим весомый вклад в продовольственное обеспечение страны [9], и имеет важнейшее значение для жизнедеятельности государства и обеспечения его продовольственной безопасности. Наибольший удельный вес по общим площадям промышленно возделываемых плодово-ягодных насаждений приходится на Краснодарский край. Край производит около 38 % валовой плодово-ягодной продукции.

Результаты

Плодово-ягодный подкомплекс занимает особое место в экономике Краснодарского края (табл. 1). Сельскохозяйственные организации Краснодарского края производят около 41,5 % плодово-ягодной продукции страны. Основная доля производства приходится на семечковые и косточковые культуры. Доля производства яблок и груш на территории Краснодарского края в общем объеме производства в РФ составляет 55 %.

В Краснодарском крае обрабатывается 8 % площади плодово-ягодных насаждений страны и производится свыше 14 % валового сбора плодово-ягодной продукции. Также стоит отметить значительное сокращение на рынке объемов импортной плодово-ягодной продукции, где доля группы «яблоки, груши, айва» в общем объеме импорта 2016 г. сократилась до 14,8 %, «абрикосы, вишня, черешня, персики, сливы» — до 8,1 %.

Таблица 1

Место плодово-ягодного подкомплекса в экономике региона (Краснодарский край)

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Площадь многолетних насаждений в специализированных сельскохозяйственных организациях, тыс. га: из них в Краснодарском крае	144 25,7	143 25,1	137 25,1	140 24,7	136 24,1	136 24,8
Валовый сбор плодово-ягодной продукции в специализированных сельскохозяйственных организациях, тыс. га: из них в Краснодарском крае	395 194	581 213	624 278	646 225	627 241	784 326
Импорт плодово-ягодной продукции на территорию РФ, млн долл. США: — яблоки, груши, айва; — абрикосы, вишня, черешня, персики	— —	— —	— —	983 503	544 278	518 273
Доля импортной плодово-ягодной продукции в РФ, %	—	—	—	49,6	28,3	23,9
Себестоимость плодово-ягодной продукции, тыс. руб. /т: — семечковых; — косточковых; — ягодной	12,7 21,6 50,9	13,6 29,3 74,3	15 23,3 75,6	16,3 22,6 59,4	17,2 23,4 69.5	19,4 25,6 65,4

Окончание таблицы 1

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Средние цены производителей плодово-ягодной продукции, тыс. руб. / т:						
— семечковых;	18,5	19,1	21	22,1	23,4	38,6
— косточковых;	26,5	31	40,3	32,3	31,8	57,9
— годной	66,1	67,5	95,8	98,3	79,5	141,7
Стоимость закладки интенсивного плодового сада, тыс. руб./га:	720,8	760,3	810,2	862,8	1063,8	1156,5
в том числе:						
— подготовка почвы под закладку плодовых насаждений;	38,1	39,8	43,8	46,6	75,4	81,4
— посадка плодовых насаждений, включая стоимость посадочного материала;	198,5	197,6	200,1	217,4	315,7	337,9
— затраты на установку опорно-шпалерной конструкции;	258,4	264,3	287,4	306,2	304,7	333,6
— затраты на организацию капельного орошения;	118,6	129,7	143,7	153,1	157	180
— уход и ремонтные работы	115,2	128,9	131,2	139,8	211	223,7
Доля производства плодово-ягодной продукции на территории Краснодарского края в общем объеме производства в РФ, %,	10,7	11,7	15,3	11,5	12,4	14,1
в том числе сельскохозяйственными организациями	7,5	8	10,9	7,5	8,3	9,8
Доля производства яблок и груши на территории Краснодарского края в общем объеме производства в РФ, %	50,0	55,2	56,0	57,0	55,2	56

Антисанкционная политика нашего государства и меры государственного регулирования экономики, направленные на обеспечение замещения импортной продукции [10], способствовали росту объемов производства качественных и экологически чистых товаров российского производства [11]. В настоящий момент основными странами-импортерами плодово-ягодной продукции в Россию являются Эквадор, Турция, Китай, Сербия, Марокко, Египет и др. [12].

Эффективность производства плодово-ягодной продукции повысилась с принятием Государственной программы, в рамках которой посредством субсидий и компенсаций осуществляется поддержка сельхозпроизводителей (табл. 2) [13].

Таблица 2

Меры государственной поддержки и уровень влияния на эффективность производства плодово-ягодной продукции (на примере Краснодарского края)

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2011 г., %
Издержки на закладку и уходные работы до вступления в плодоношение, тыс. руб./га	720,8	760,3	810,2	862,8	1063,8	1156,5	160,4
Субсидии, тыс. руб./га:	112	210,3	88,7	88,7	419,44	419,44	374,5
— на закладку;	100	138,3	68	68	232,54	232,54	232,5
— на уходные работы до вступления в плодоношение (1–3 года)	4	24	6,9	6,9	62,3	62,3	в 15,6 раз
Доля субсидий в создаваемой стоимости насаждений, %	15,5	27,6	10,9	10,2	39,4	36,2	—
Издержки на производство, тыс. руб./га	174,6	227,3	288,6	300,2	394,1	559,6	320,5
Компенсации на приобретаемые ресурсы, тыс. руб./га	1,8	2,1	2,2	—	—	—	—
Субсидии на оказание «несвязанной поддержки», тыс. руб./га	—	—	—	1	0,4	0,3	
Доля компенсаций на приобретаемые ресурсы других отраслей (субсидий на оказание «несвязанной поддержки») в общих затратах на производство, %	1,03	0,92	0,76	0,33	0,01	0,05	—

Меры государственной поддержки, имеющие тенденцию к росту, оказывают значительное влияние на технологическое развитие отрасли: так, выделяемые субсидии на закладку и работу по уходу за насаждениями до вступления в плодоношение в 2016 г. (на закладку — 419,44 тыс. руб./га, уходные работы — 62,3 тыс. руб./га) снижают издержки на производство продукции (через амортизацию) на 25,5 %.

Выделяемые компенсации (меры «несвязанной формы поддержки») в размере 300 руб./га снижают дефицит оборотных средств лишь на 0,05 %. Дефицит собственных средств сельскохозяйственных товаропроизводителей на осуществление плановых реноваций насаждений, обновление объектов производственной инфраструктуры и осуществление производственной деятельности стал сдерживающим фактором развития отрасли [2].

Среднегодовое увеличение стоимости приобретаемых сельхозтоваропроизводителями промышленных средств производства составляет до 15 %, это обусловливает необходимость предприятиям ежегодно добавлять не менее 10 % ресурсов для компенсации возрастающих издержек на производство, составляющих в среднем более 15 тыс. руб. на гектар (в ценах 2016 г.).

Эффективность и экономическая устойчивость садоводства (производства плодово-ягодной продукции) зависит от множества внешних и внутренних факторов, взаимовлияние которых находит свое отражение в результирующих показателях — чистом доходе, рентабельности, характеризующих возможный уровень воспроизводства [14].

Внутренние структурные дисбалансы, о которых свидетельствует трендовое отражение сопоставимой динамики

выручки от реализации и затрат на производство, возникают в результате деформаций в организации структуры насаждений, объемах производства и сроках реализации продукции, что негативно сказывается на воспроизводстве и снижает общие результирующие показатели эффективности [15]. Основные показатели экономической эффективности деятельности специализированных сельскохозяйственных организаций (ОАО «Сад-Гигант», ЗАО ОПХ «Центральное», АО «КСП Светлогорское», ОАО «Агроном») представлены в табл. 3.

Несмотря на рост валовой прибыли представленных сельскохозяйственных организаций, объем свободных оборотных средств является незначительным в силу того, что предприятия вынуждены обновлять основные средства и перераспределять высвобожденные оборотные средства на финансирование капитальных затрат на реновацию. В результате прогрессирующего негативного влияния стоимостных диспаритетов наблюдается необходимость роста стоимости оборотных средств за 2011–2016 гг. в среднем на 20 % в год.

Снижение величины дефицита средств (или увеличение дохода) возможно осуществить за счет совершенствования системы ценообразования на реализуемую продукцию, учитывающую объем прибыли и норму рентабельности, необходимые для обеспечения заданных темпов воспроизводства и снижения относительных издержек на производство.

Таблица 3

Основные показатели экономической эффективности деятельности специализированных сельскохозяйственных организаций (Краснодарский край)

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2011 г., %
ОАО «Сад-Гигант»							
Валовая выручка от реализации продукции, млн руб.	1320,6	1563,6	1692,4	1550,9	1891,4	3037,3	229,9
Себестоимость продукции, млн руб.	616,6	854,6	882,7	974,9	797,4	1165,4	189,0
Валовая прибыль от реализации продукции, млн руб.	703,9	708,9	809,6	575,9	1093,9	1871,8	265,9
Рентабельность производства, %	114,1	82,9	91,7	59,1	137,1	160,6	—
Прибыль до налогообложения, млн руб.	195,7	91,1	117,8	175,2	467,2	1050,7	536,9
Объем налоговых отчислений, млн руб.	—	8,5	6,1	7,4	13,6	15,1	—
Чистая прибыль, млн руб.	195,7	82,5	111,8	182,6	453,5	1035,6	529,2
ЗАО ОПХ «Центральное»							
Валовая выручка от реализации продукции, млн руб.	112,2	127,6	102,7	156,8	212,7	246,5	219,7
Себестоимость продукции, млн руб.	127,0	127,1	105,3	128,3	150,0	194,9	153,4
Валовая прибыль от реализации продукции, млн руб.	14,7	0,6	2,6	28,5	62,7	51,6	351
Рентабельность производства, %	11,5	0,47	2,4	22,2	41,8	26,4	—
Прибыль до налогообложения, млн руб.	33,3	2,8	6,1	23,2	45,6	35,1	105,4
Объем налоговых отчислений, млн руб.	2,5	2,4	0,3	2,9	8,2	1,8	72
Чистая прибыль, млн руб.	30,8	0,4	6,4	20,2	37,3	33,2	107,7
АО «КСП Светлогорское»							
Валовая выручка от реализации продукции, млн руб.	235,2	379,6	183,1	356,0	476,7	681,3	289,6
Себестоимость продукции, млн руб.	159,7	224,5	196,9	261,3	283,0	503,2	315,1
Валовая прибыль от реализации продукции, млн руб.	75,4	155,1	13,8	34,6	193,7	178,1	236,2
Рентабельность производства, %	47,2	69,1	7,0	13,2	68,4	35,3	—
Прибыль до налогообложения, млн руб.	43,5	102,1	36,7	53,2	138,1	146,8	337,5
Объем налоговых отчислений, млн руб.	1,3	4,5	0,2	2,1	1,3	11,1	853,8
Чистая прибыль, млн руб.	42,2	97,5	36,9	51,1	136,6	135,7	321,6
ОАО «Агроном»							
Валовая выручка от реализации продукции, млн руб.	244,9	263,1	438,7	481,8	702,9	509,7	208,1
Себестоимость продукции, млн руб.	192,6	226,5	311,5	363,8	398,4	367,1	190,6
Валовая прибыль от реализации продукции, млн руб.	52,3	36,5	127,2	117,9	304,4	142,5	272,4
Рентабельность производства, %	27,1	16,1	40,8	32,4	76,4	38,8	—
Прибыль до налогообложения, млн руб.	67,2	30,2	128,1	88,8	265,8	131,4	195,5
Объем налоговых отчислений, млн руб.	1,2	0,6	3,9	4,3	17,2	6,8	в 5,6
Чистая прибыль, млн руб.	65,9	29,6	124,1	84,5	248,5	124,6	189,1

Изменение статуса сельскохозяйственных организаций и признание их налогоплательщиками НДС в соответствии с п. 12 ст. 9 ФЗ от 27.11.2017 № 335-ФЗ предполагает, как отмечалось ранее, что сельскохозяйственные организации будут делать вычеты и восстанавливать НДС на общих основаниях. К тому же Правительство РФ рассматривает возможность увеличения объема налоговой нагрузки с 18 до 20 %, чтобы восполнить дефицит бюджета, либо отменить льготную ставку в 10 % для социально значимых товаров. Указанные изменения повлекут за собой рост себестоимости и цен на плодово-ягодную продукцию. Учитывая, что сельскохозяйственные предприятия осуществляют свою деятельность на грани убыточного состояния, изменение норм налогообложения увеличит среднюю цену плодовой продукции, которая вызовет потерю конкурентоспособности на рынке по отношению к импортной продукции.

Считаем, что применение норм ФЗ № 335 приведет к усилению девальвации фонда восстановления.

Сельскохозяйственные предприятия не смогут проводить реновацию многолетних насаждений ввиду сокращения объема оборотных средств по причине роста налоговых нагрузок. Рост прибыли за счет ценовых регуляторов невозможен, так как значительна угроза наполнения дешевыми импортными товарами, а потребительская стоимость и спрос на товар российского производства ограничен. Таким образом, на снижение эффективности производства плодовой продукции в большей степени оказывает влияние рост стоимости приобретаемых ресурсов, что формирует высокие темпы прироста себестоимости, а также ограниченность увеличения средней оптовой цены реализации отечественной продукции [16].

При этом плательщики ЕСХН могут воспользоваться правом на освобождение от НДС в рамках ст. 145 НК РФ. Этой статьей предусмотрено освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика [7]. Организации и индивидуальные предприниматели имеют право на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой налога. Данные льготы действуют, если за три предшествующих последовательных календарных месяца сумма выручки от реализации товаров (работ, услуг) этих организаций или индивидуальных предпринимателей, без учета налога и налога с продаж, не превысила в совокупности два миллиона рублей. Считаем, что данная возможность может быть актуальна только для малых форм хозяйствования.

Далее в табл. 4 приведем пример прогноза изменения объема налоговых отчислений и их влияния на экономическую эффективность производства яблок ЗАО ОПХ «Центральное», АО «Виктория-92», ЗАО «Лорис». Следует отметить, что рентабельность производства имеет тенденцию к снижению, что вызвано значительными затратами на реновацию насаждению.

Таблица 4

Сценарный расчет основных показателей экономической эффективности производства яблок специализированными сельскохозяйственными организациями при различных формах налогообложения, в том числе упрощенно (Краснодарский край)

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.
ЗАО ОПХ «Центральное»			
Средняя цена реализации продукции, руб./кг	28,28	22,13	17,69
Себестоимость продукции, руб./кг	18,12	16,50	22,34
Прибыль, руб./кг	8,16	4,33	–4,00
Рентабельность производства, %	45	26	–18
Объем налоговых отчислений по ЕСНХ, руб./кг	0,9	—	—
Объем налоговых отчислений, руб./кг:* — при системе налогового исчисления НДС 18 %; — при системе налогового исчисления НДС 20 %; — при упрощенной системе налогообложения НДС 10 %	 5,09 5,65 2,82	 3,98 4,42 2,21	 3,18 3,53 1,77
АО «Виктория-92»			
Средняя цена реализации продукции, руб./кг	22,46	19,65	19,26
Себестоимость продукции, руб./кг	17,21	14,82	19,05
Прибыль, руб./кг	5,25	4,83	0,21
Рентабельность производства, %	30,5	32,5	1,1
Объем налоговых отчислений по ЕСНХ, руб./кг	0,16	0,24	0,16
Объем налоговых отчислений, руб./кг:* — при системе налогового исчисления НДС 18 %; — при системе налогового исчисления НДС 20 %; — при упрощенной системе налогообложения НДС 10 %	 4,04 4,49 2,24	 3,53 3,93 1,96	 3,46 3,85 1,92
ЗАО «Лорис»			
Средняя цена реализации продукции, руб./кг	22,44	21,71	17,92
Себестоимость продукции, руб./кг	14,66	13,83	11,58
Прибыль, руб./кг	7,2	5,72	3,49
Рентабельность производства, %	43	32	21
Объем налоговых отчислений по ЕСНХ, руб./кг	0,13	0,05	0,05
Объем налоговых отчислений, руб./кг:* — при системе налогового исчисления НДС 18 %; — при системе налогового исчисления НДС 20 %; — при упрощенной системе налогообложения НДС 10 %	 4,03 4,48 2,24	 3,9 4,34 2,17	 3,22 3,58 1,79

* *Объем налоговых отчислений в соответствии с НК РФ при системе налогообложения 18 %, 20 % и упрощенной 10 %.*

В таблице 4 приведены примеры плановых объемов налоговых отчислений сельскохозяйственных организаций при изменении статуса налогоплательщика. В соответствии с установленной системой исчисления НДС покупатель оплачивает предъявленную сумму НДС на счет продавца, который, в свою очередь, обязан перечислить НДС в бюджет. То есть продавца можно сравнить с посредником («транзитером»), участвующим в расчетах между покупателем, оплачивающим НДС, и бюджетом, получающим в итоге сумму налога. Таким образом, сельскохозяйственные товаропроизводители — «транзитеры» должны будут учитывать сумму НДС в цене товара, а население — оплачивать предъявленную сумму НДС.

Так, например, если средняя цена 1 кг свежих импортных яблок нового урожая в 2018 г. (на 01.07.2018) составляет 78 руб., а отечественных — 68 руб., то с учетом НДС стоимость свежих российских яблок должна составить 80 руб. за килограмм. Рост стоимости товара автоматически повлечет за собой снижение спроса на продукцию и потерю конкурентоспособности, что актуализирует проблему эффективности государственного регулирования и поддержки данной отрасли. Для сохранения конкурентоспособности продукции и рынка продаж российские товаропроизводители будут вынуждены производить вычеты НДС, не увеличивая стоимость товара на соответствующий объем НДС, то есть будут производить вычеты НДС за счет сокращения прибыли.

Также считаем, что применение ценового фактора как компенсаторного механизма в силу массированной товарной интервенции на российский рынок, субсидируемой странами-экспортерами плодово-ягодной продукции, и перераспределения прибавочной стоимости в пользу ритейлеров становится невозможным. Кроме того, могут возникнуть организационные проблемы у предприятий, работающих с НДС, при взаиморасчетах с организациями, работающими с упрощенной системой налогообложения.

Заключение, выводы

Из вышеизложенного нами рекомендуются следующие альтернативы решения данной проблемы.

1. Отменить п. 12 ст. 9 ФЗ от 27.11.2017 № 335-ФЗ, то есть сохранить нормы освобождения сельскохозяйственных товаропроизводителей от уплаты НДС; таким образом, предприятия будут облагаться, как и ранее, ЕСХН в размере 6 %.

2. В соответствии с п. 1 ст. 4 ФЗ от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (ред. от 18.07.2017) признать Краснодарский край промышленно-производственной особой экономической зоной. В соответствии со ст. 5.1. ФЗ от 22.07.2005 № 116-ФЗ и ст. 241, 259, 381 и 395 НК РФ установить льготную систему налогообложения для сельскохозяйственных предприятий.

3. В соответствии с п. 2.1 ст. 164 НК РФ для продовольственных товаров применяется налогообложение по налоговой ставке 10 %. В данный список включены следующие продовольственные товары: мясо скота и птицы в живом весе; молоко и молокопродукты; яйца и яйцепродукты; сахар; хлеб и хлебобулочные изделия; рыба и море- и рыбопродукты, овощи (включая картофель) и др. Плодово-ягодная продукция в указанный перечень не входит, несмотря на то, что в соответствии с рекомендациями по рациональным нормам потребления пищевых продуктов индивидуальный рацион питания человека должен включать 100 кг фруктов в год, а указанный объем превосходит нормы потребления продуктов, например картофеля (90 кг), мясопродуктов и рыбопродуктов (73 и 22 кг), включенных в перечень продовольственных товаров. В связи с этим рекомендуется включить плодово-ягодную продукцию в перечень товаров п. 2.1 ст. 164 НК РФ, что позволит воспользоваться правом льготного 10%-ного налогообложения.

Все это актуализирует ряд практических задач по повышению эффективности, имеющих целью: нормативную структуризацию производства, приведение к нормативному уровню технолого-экономических показателей и их соотношений, доведение размерности инструментов государственного регулирования до уровня, позволяющего нивелировать макроэкономические диспропорции и создавать товаропроизводителю условия расширенного воспроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Парамонов П. Ф., Егоров Е. А., Артемова Е. И. Агропродовольственный рынок региона: теория и практика ; под общ. ред. П. Ф. Парамонова. Краснодар : КубГАУ, 2016. 429 с.

2. Егоров Е. А., Шадрина Ж. А., Кочьян Г. А. Ресурсообеспеченность плодоводства на современном этапе // Садоводство и виноградарство. 2013. № 4. С. 35–41.

3. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1431 г. «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на оказание несвязанной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям в области растениеводства».

5. Шичиях Р. А. Оценка эффективности государственной поддержки плодоводства на территории Краснодарского края // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 2. С. 33–36.

6. Совершенствование инструментов государственного экономического регулирования АПК Краснодарского края / В. И. Гайдук, А. А. Халяпин, И. В. Заднепровский, Н. В. Гайдук // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2010. № 25. С. 19–26.

7. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ.

8. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27 ноября 2017 г. № 335-ФЗ.

9. Косников С. Н. Экономическая оценка формирования и использования плодового потенциала (на примере сельскохозяйственных предприятий Краснодарского края) : автореф. дисс. … канд. экон. наук. Краснодар : КубГАУ, 2009. 24 с.

10. The anti-crisis strategy of reproductive processes state regulation in agriculture / A. I. Trubilin, L. Y. Piterskaya, I. V. Voroshilova, N. A. Tlisheva, T. P. Baranovskaya // International Journal of Economic Research. 2016. No. 13(9). Pp. 3885–3909.

11. Infrastructure of the regional agrifood market: peculiarities of functioning and methods of improvement / A. I. Trubilin, V. I. Gayduk, E. N. Belkina, S. A. Kalitko, A. E. Gorokhova // ESPACIOS. 2017. No. 38 (33). P. 41.

12. Economic stability of agricultural organizations in the region: Conceptual-theoretic and applied aspects / N. K. Vasilieva, S. M. Reznichenko, V. P. Vasiliev, A. I. Trubilin, Y. I. Bershitskiy // International Journal of Economic Research. 2016. No. 13(6). Pp. 2525–2540.

13. Klochko E. N., Shishkin V. O., Shichiyakh R. A., Sychanina S. N., Smolentsev V. M. Targeted program management of the fruit and berry sub-complex of Krasnodar region // International review of management and marketing. 2016. No. 6(1S). Pp. 41–46.

14. Смоленцев В. М. Моделирование конкурентоспособности агропредприятий с учетом качества производимой продукции // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2006. № 4. С. 169–172.

15. Путилина И. Н., Сычанина С. Н., Шичиях Р. А. Проблемы повышения конкурентоспособности производства плодовой продукции в Краснодарском крае // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). 2013. № 05(089). С. 1250–1257. IDA: 0891305086. URL: http://ej.kubagro.ru/2013/05/pdf/86.pdf

16. Methodology of planning tax expenses / M. F. Safonova, I. N. Kalinina, N. K. Vasilieva, Y. I. Bershitskiy, T. I. Kiselevich // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. No. 6(4). Pp. 1550–1559.

REFERENCES

1. Paramonov P. F., Egorov E. A., Artemova E. I. Agricultural food market of the region: theory and practice. Krasnodar : KubSAU, 2016. 429 p. (In Russ.).

2. Egorov E. A., Shadrina Zh. A., Koch′ian G. A. Resourcing of horticulture at the present stage // Horticulture and viticulture. 2013. No. 4. Pp. 35–41. (In Russ.).

3. Resolution of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 No. 717 “On the State program of development of agriculture and regulation of markets of agricultural products, raw materials and food for 2013–2020”. (In Russ.).

4. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012 No. 1431 “On approval of the Rules of granting and distribution of subsidies from the Federal budget to the budgets of the subjects of the Russian Federation for the provision of unrelated support to agricultural producers in the field of crop production”. (In Russ.).

5. Shichiyakh R. A. Evaluation of the effectiveness of state support of horticulture on the territory of Krasnodar region // Materials of the Kuban State Agrarian University. 2011. No. 2. Pp. 33–36. (In Russ.).

6. Gaiduk V. I., Khalyapin A. A., Zadneprovskii I. V., Gaiduk N. B. Improvement of instruments of state economic regulation of agriculture of Krasnodar region // Materials of the Kuban State Agrarian University. 2010. No. 25. Pp. 19–26. (In Russ.).

7. Tax code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 146-FZ. (In Russ.).

8. Federal law “On amendments to parts one and two of the Tax code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation” dated 27.11.2017 No. 335-FZ. (In Russ.).

9. Kosnikov S. N. Economic assessment of the formation and use of fruit potential (on the example of agricultural enterprises of Krasnodar region) : abstract of dissertation of the Candidate of Economics. Krasnodar : KubGAU, 2009. 24 p. (In Russ.).

10. Trubilin A. I., Piterskaya L. Y., Voroshilova I. V., Tlisheva N. A., Baranovskaya T. P. The anti-crisis strategy of reproductive processes state regulation in agriculture // International Journal of Economic Research. 2016. No. 13(9). Pp. 3885–3909.

11. Trubilin A. I., Gayduk V. I., Belkina E. N., Kalitko S. A., Gorokhova A. E. Infrastructure of the regional agricultural food market: peculiarities of functioning and methods of improvement // ESPACIOS. 2017. No. 38 (33). P. 41.

12. Vasilieva N. K., Reznichenko S. M., Vasiliev V. P., Trubilin A. I., Bershitskiy Y. I. Economic stability of agricultural organizations in the region: Conceptual-theoretic and applied aspects // International Journal of Economic Research. 2016. No. 13(6). Pp. 2525–2540.

13. Klochko E. N., Shishkin V. O., Shichiyakh R. A., Sychanina S. N., Smolentsev V.M. Targeted program management of the fruit and berry sub-complex of Krasnodar region // International review of management and marketing. 2016. No. 6(1S). Pp. 41–46.

14. Smolentsev V. M. Modeling of competitiveness of agricultural enterprises taking into account the quality of products // News of the Timiryazev agricultural Academy. 2006. No. 4. Pp. 169–172. (In Russ.).

15. Putilina I. N., Sychanina S. N., Shichiyakh R. A. Problems of increase of competitiveness of fruit production in the Krasnodar region // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University (the Scientific magazine of Kubsau). 2013. No. 05(089). Pp. 1250–1257. IDA: 0891305086. (In Russ.). URL: http://ej.kubagro.ru/2013/05/pdf/86.pdf

16. Safonova M. F., Kalinina I. N., Vasilieva N. K., Bershitskiy Y. I., Kiselevich T. I. Methodology of planning tax expenses // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. No. 6(4). Pp. 1550–1559.

Как цитировать статью: Шичиях Р. А., Шадрина Ж. А., Рыбалко Н. В., Харченко С. Н. Государственное регулирование ценовой политики агроэкономики в современных условиях (на примере плодово-ягодного подкомплекса Краснодарского края) // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 80–87. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.414.

For citation: Shichiyakh R. A., Shadrina Zh. A., Rybalko N. V., Kharchenko S. N. State regulation of the price policy of agroeconomics in modern conditions (on the example of the fruit and berry sub-complex of the Krasnodar region) // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 80–87. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.414.

УДК 331.25
ББК 65.272.21

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.430

Ageeva Evgeniya Valer′ievna,
Candidate of Economics,
Associate Professor,
Department of Finance and Financial Institutes,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: evginia@mail.ru

Агеева Евгения Валерьевна,
канд. экон. наук,
доцент,
кафедра финансов и финансовых институтов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: evginia@mail.ru

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАНСФОРМАЦИИ

PENSIONS PROVISION OF THE STATE EMPLOYEES: MODERN APPROACHES TO TRANSFORMATION

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit

На фоне непрекращающихся реформ национальных пенсионных систем все более актуальным становится вопрос и пересмотре систем пенсионного обеспечения в отношении государственных служащих. Последствия финансового и экономического кризиса привели к быстрому росту бюджетного дефицита в большинстве стран Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР). Более чем в половине стран — участниц ОЭСР существуют отдельные системы пенсионного обеспечения государственных служащих и служащих государственного сектора. Их масштабы различны, хотя средние расходы на содержание могут составлять до 1,5 % валового внутреннего продукта. Цель их создания — обеспечение лояльности государственных служащих к своему работодателю — государству, а также обеспечение их независимости от внешнего влияния. В ходе анализа международного опыта были выявлены два полярных подхода к реформированию пенсионной системы в отношении служащих государственного сектора: 1) объединение пенсионных систем частного и государственного сектора; 2) развитие их отдельно друг от друга с возможностью переноса пенсионных прав из одной в другую. Однако их использование сугубо индивидуально для каждой страны, что объясняется особенностями организационного, политического и экономического характера. Выделена необходимость создания и обеспечения механизма трансформации пенсионных прав, заработанных в пенсионной системе для государственных служащих, в пенсионную систему для частного сектора. В перспективе обоснована необходимость объединения системы государственного пенсионного обеспечения и пенсионного страхования работников частного сектора для обеспечения эффективной мобильности рабочей силы и защиты прав граждан.

Against the background of continuous reforms of the national pension systems, more and more relevant is an issue and revision of the systems of provision of pensions for public servants. Consequences of the financial and economic crisis have led to rapid growth of the budget deficit in the majority of the countries of the Organization for Economic Cooperation and Development (further — OECD). In more than half of the member countries of OECD there are separate systems of provision of pensions for public servants and employees of the public sector. But their scales are various though average maintenance costs can make up to 1.5 % of the gross domestic product. The purpose of their creation is ensuring loyalty of public servants to the employer — the state and also ensuring their independence of external influence. During the analysis of the international experience two polar approaches to reforming of pension system concerning employees of public sector have been revealed: 1) association of pension systems of private and public sector or 2) their development separately from each other with a possibility of transfer of the pension rights from one in another. However, their use is especially individually for each country that is explained by features of organizational, political and economic character. Need of creation and providing the mechanism of transformation of the pension rights earned in pension system for public servants in pension system for the private sector is marked out. Need of association of system of the state provision of pensions and pension insurance of workers of the private sector for ensuring effective mobility of labor and protection of the rights of citizens is in the long term proved.

Ключевые слова: пенсионная система, государственные служащие, государственное пенсионное обеспечение, пенсионная реформа, пенсии, государственный сектор, международный опыт, старение населения, государственные пенсии, пенсионные права.

Keywords: pension system, public servants, state provision of pensions, pension reform, pensions, public sector, international experience, aging of the population, state pensions, pension rights.

Введение

При обсуждении современного этапа пенсионных реформ во многих экономически развитых странах несправедливо обходят вниманием преобразование механизмов пенсионного обеспечения государственных служащих. Государственные служащие всегда были и остаются особой когортой занятых в экономике, выполняющих особые функции. Темпы реформы пенсионного обеспечения государственных служащих оживились в последние годы, хотя во многих странах, казалось, этому сегменту не уделяют столько же внимания, что и пенсионной защите частного сектора.

Понятие государственных служащих, используемое в этой статье, включает в себя границы определения, которое используется в Системе национальных счетов (СНС) [1]. Таким образом, оно включает в себя центральные и субцентральные (государственные, областные или местные) уровни правительства.

Надо отметить слабую изученность данной темы в российской литературе. Основное внимание до сих пор уделялось только обязательному пенсионному страхованию занятых в экономике граждан. Пенсионное обеспечение государственных служащих, финансируемое за счет средств федерального бюджета, ускользало от внимания как экономистов, так и политиков до недавнего времени. Однако сокращение государственных доходов и рост бюджетного дефицита заставляет обратить пристальное внимание и на эту социальную статью расходов государства.

Целью исследования является рассмотрение возможностей внедрения международной практики реорганизации систем государственного пенсионного обеспечения государственных служащих.

Задачи исследования:

— рассмотрение существующих подходов к организации и реформированию пенсионного обеспечения государственных служащих в мировой практике;

— выработка рекомендаций по использованию международного опыта для реформирования государственного пенсионного обеспечения в российских условиях.

Научная новизна: результаты исследования позволили определить различные варианты организации и реформирования систем пенсионного обеспечения государственных служащих в разных странах. Практическая значимость заключается в проведении дальнейшей оценки возможностей применения выявленных подходов к процессу реорганизации государственного пенсионного обеспечения в России.

Основная часть

Исторически общая цель введения государственных пенсий заключалась в повышении преданности служащих государственной службе, а в дальнейшем — в возможности отправить их в отставку политически и социально приемлемым способом. В настоящее время государственные пенсионные схемы являются частью более широкой реформы государственной службы для обеспечения профессионализма и независимости сотрудников от влияния извне [2–4]. Привлечение высококвалифицированных кадров на государственную службу остается важной задачей правительства. Государственные пенсионные схемы были разработаны для повышения привлекательности работы на государственной службе и лояльности сотрудников [5], но щедрые пенсии в государственном секторе часто являются дорогостоящими для государственного бюджета, и поэтому правительству очень важно оценить, будет ли это экономически эффективным инструментом набора кадров по сравнению с альтернативными стратегиями.

Последствия финансового и экономического кризиса привели к быстрому росту бюджетного дефицита в большинстве стран ОЭСР. Многие из них в настоящее время приступают к фискальной консолидации с пенсионными расходами. Это связано и с имеющимся долгосрочным давлением на государственный бюджет пенсионных расходов, связанных со старением населения во всем мире. Эти процессы не обошли стороной и государственный сектор занятости [6, с. 27].

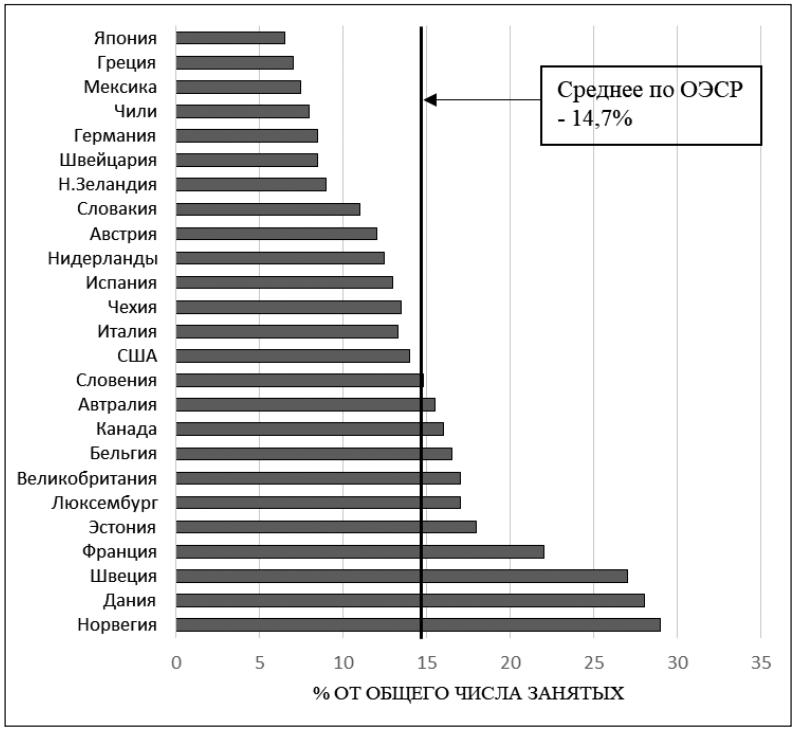

Рис. 1. Доля занятых в органах государственного управления в общем числе занятых в экономике [7]

По современным оценкам, общая численность государственных служащих в странах ОЭСР составляет в среднем 15–17 % от всех занятых в экономике [7]. Как видно из рис. 1, скандинавские страны находятся в нижней части шкалы, что означает, что в среднем 27 % занятых в экономике относятся к категории государственных служащих, работающих на правительство. Другие европейские страны разбросаны по всему диапазону.

Данные статистики по странам ОЭСР с течением времени показывают стабильный объем правительственной рабочей силы за последние 15 лет. При этом проблемы старения населения не обошли стороной и государственный сектор. Наиболее быстрое старение рабочей силы имело место в Греции, Ирландии и Нидерландах. А это означает, что значительная доля государственных служащих оставит государственную службу для выхода на пенсию в течение относительно короткого промежутка времени. Эта тенденция имеет важные последствия для пенсионных систем, особенно в тех странах, где существуют отдельные пенсионные схемы для государственных служащих или в которых предоставляются дополнительные преимущества для них после выхода на пенсию.

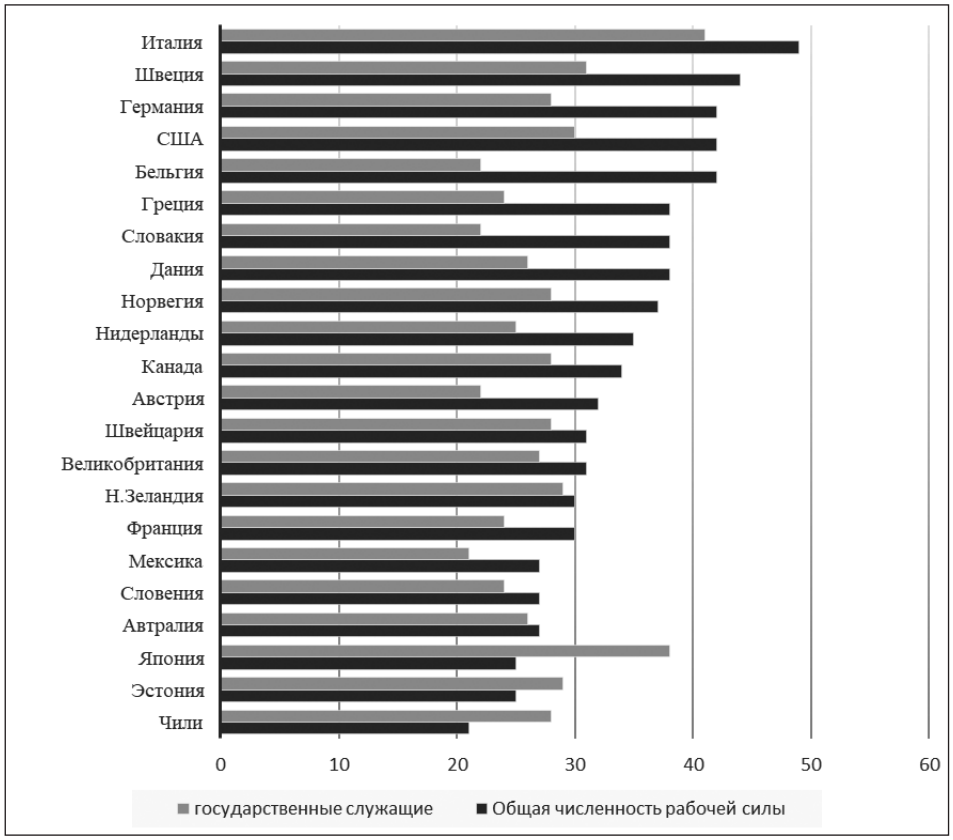

Рис. 2. Доля лиц старше 50 лет в общем числе занятых в государственном секторе и в экономике [7]

Средние расходы правительств на выплату государственных пенсий по странам ОЭСР составляют 1,3 % от ВВП для центрального правительства и 1,5 % в отношении всего государственного сектора [7].

Анализ международного опыта, проведенный группой ученых под эгидой Всемирного банка [7], показал следующее. Были выявлены два полярных подхода к пенсионной архитектуре в отношении государственных служащих: 1) развитие единой национальной пенсионной системы, охватывающей государственный и частный секторы, и 2) создание полностью отдельных пенсионных систем, применяемых к этим двум группам работников. Большинство стран ОЭСР лежат между этими двумя полюсами, но их опыт дает весьма полезные ориентиры для обсуждения (табл. 1). В левой колонке представлены страны, где частный и государственный сектор интегрированы в едином национальном пенсионном плане. Как правило, это страны постсоветского пространства.

Таблица 1

Сочетание национальных пенсионных систем для лиц, занятых в государственном и частном секторах [7; 8]

Полностью интегрированные системы с одинаковым подходом к формированию прав	Частично интегрированные системы с различными механизмами пополнения или переноса пенсионных прав из одной системы в другую	Целиком отдельные пенсионные системы и условия формирования прав
Чили	Австралия	Бельгия
Чехия	США	Германия
Венгрия	Япония	Франция
Польша	Норвегия	Корея
Эстония	Испания	Люксембург
Мексика	Швеция	Португалия
		Российская Федерация

В правой колонке табл. 1 представлен пример стран, в которых есть совершенно отдельные механизмы пенсионной защиты для государственного и частного секторов. Здесь работники государственного сектора не охвачены национальной пенсионной системой. Более того, параметры и правила, определяющие уровни льгот и прав для государственного сектора, отличаются от национального плана, разработанного для частного сектора: либо пенсионные пособия различаются для людей с теми же заработками и профилями карьеры, либо порядок индексации пенсий варьирует, либо доступ к пенсиям возможен в другом возрасте, чем в национальной системе.

Российская Федерация также в свое время, в 2002 г., пошла по пути создания совершенно отдельной пенсионной системы для государственных служащих, финансируемой за счет средств федерального бюджета [9]. Введенный в действие Федеральный закон № 166-ФЗ от 15.12.2001 «О государственном пенсионном обеспечении» ввел совершенно отличные механизмы формирования пенсионных прав для государственных служащих, основанные на учете стажа государственной службы, а не на суммах каких-либо взносов. Таким образом, во время осуществления государственной службы служащие не формируют пенсионные права, характерные для системы обязательного пенсионного страхования, охватывающего частный сектор экономики.

Данных об уровне пенсионного обеспечения государственных служащих в странах — участницах ОЭСР довольно мало. В Российской Федерации средний размер государственных пенсий превышает пенсии по старости для частного сектора чуть более чем на 20 % [10].

В большинстве экономически развитых стран формирование пенсионных прав для работников государственного сектора зачастую построено так, чтобы ограничить мобильность сотрудников для перехода к частному сектору [11, с. 98; 12, с. 250]. Более того, в некоторых случаях возможно наличие различных санкций для мобильных работников, которые желают работать как в государственном, так и в частном секторах. Например, возможен подход, при котором требуется определенная длительность профессионального стажа государственной службы. Люди, которые покидают государственную службу, прежде чем их пенсионные права сформированы полностью, ничего не получают из пенсионной системы (например, в Германии) или, в лучшем случае, приобретают право на минимальную пенсию. Требуемая продолжительность государственной службы для получения государственной пенсии значительно варьирует в разных странах (от 5 до 25 лет).

Другой способ, в котором пенсионная система для государственного сектора препятствует мобильности своих служащих, реализуется через контроль и задержку реализации пенсионных прав, сформированных служащим досрочно до наступления пенсионного возраста. К таким людям относят тех, чьи пенсионные права уже сформированы, но которые покидают государственную службу до выхода на пенсию. Здесь используется механизм «откладывания» момента реализации пенсионных прав. Но в современных реалиях появилось понятие «сохранения прав» на пенсию после прекращения государственной службы. Пенсия бывшего государственного служащего откладывается от времени, когда они покидают работу, до выхода на пенсию, при этом существует некоторая корректировка по объему пенсионных прав для отражения изменений в стоимости уровня жизни в течение этого периода.

В настоящее время правительства многих стран — участниц ОСЭР стремятся провести реформы государственных пенсий для снятия высокого бремени государственных расходов. В ряде стран уже предусмотрены возможности правительства для оперативного изменения параметров финансирования и расчета государственных пенсий. Однако в то же время государственные служащие и их профсоюзы оказались сильны в защите своих финансовых интересов, в связи с чем специальные пенсионные системы для государственного сектора до сих пор сохраняются в большинстве стран.

Но в настоящее время все чаще стали задумываться: имеет смысл сегодня сохранять отдельные пенсионные системы для государственного сектора или эти работники должны быть интегрированы в единую национальную пенсионную программу? Первый подход обеспечит сокращение государственных бюджетных расходов, с одной стороны, и повысит возможности унификации механизма формирования прав работников как в частном, так и в государственном секторах [13].

Аргументы за и против разделения пенсионных систем частного и государственного сектора можно разделить на те, которые основаны на проблемах социальной справедливости, и те, которые связаны с эффективностью самой системы. В пользу объединения говорит справедливость: именно работники частного сектора платят налоги, которые финансируют бюджетные расходы на выплату пенсий для государственного сектора. Сторонники разделения аргументируют свою позицию важностью и сложностью характера работы, которую выполняет государственный служащий.

При рассмотрении эффективности объединения пенсионных систем частного и государственного секторов важное значение приобретают административные вопросы. Несомненно, будет существовать значительная экономия масштаба в управлении единой пенсионной системой, например в сборе взносов, учета и выплаты пособий, а использование отдельных механизмов в отношении государственного и частного секторов может повлечь за собой значительное дублирование административных расходов.

Анализ показал, что в последние годы в большинстве стран ОЭСР перешли к гораздо более открытой политике набора кадров на государственную службу. Это подразумевает увеличение мобильности между государственным и частным секторами: для этого используется термин «карусельные двери» [11]. Это привело к необходимости разработки механизмов конвертации пенсионных прав при переходе работника из частного в государственный сектор и наоборот.

Таким образом, становится более актуальным вопрос о возможности трансформации пенсионных прав из одной пенсионной системы в другую или создания единой конфигурации национальной пенсионной системы как для частного, так и для государственного секторов.

В Российской Федерации мы наблюдаем поэтапное видоизменение государственного пенсионного обеспечения. Основные усилия направлены на расширение возможностей трансформации пенсионных прав, заработанных в государственном пенсионом обеспечении, в систему обязательного пенсионного страхования. Вследствие увеличения мобильности кадров и усиления перетока из государственного сектора в частный бывшим государственным служащим позволили получать одновременно с государственной пенсией за выслугу лет и часть страховой пенсии, если после оставления государственной службы эти люди были заняты в частном секторе. Только в 2017 году были

приняты поправки к закону № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», позволяющие бывшим государственным служащим зачесть в страховой стаж периоды государственной службы при условии, что эти периоды не были учтены для назначения государственной пенсии за выслугу лет [14].

Но вопрос об объединении этих двух пенсионных систем в одну в Российской Федерации не стоит. Экономия на административных расходах достигается за счет использования единого оператора — Пенсионного фонда Российской Федерации. Однако ожидать полного слияния системы государственного пенсионного обеспечения и обязательного пенсионного страхования в ближайшее время не стоит в силу значительной разницы в механизмах формирования пенсионных прав и уровня пенсионного обеспечения.

Заключение

Таким образом, нами было определено, что в большинстве экономически развитых стран система пенсионного обеспечения государственных служащих является полностью или частично обособленной от системы пенсионного страхования работников частного сектора. Она означает использование совершенно различных механизмов формирования пенсионных прав. Но в условиях экономического кризиса и старения населения все более актуальным для этих стран становится вопрос о возможной интеграции этих двух систем для обеспечения социальной справедливости и экономической эффективности. Более приемлемым и простым вариантом остается сохранение независимости этих систем при использовании механизмов конвертации или переучета пенсионных прав, сформированных в каждой из них.

Создание единой интегрированной пенсионной системы, безусловно, потребует более тщательной проработки всех механизмов, начиная с принципов организации такой системы. Однако интеграция — это пока еще только возможная долгосрочная цель пенсионной реформы. Первые шаги на пути к ней должны будут включать в себя определения степени согласования параметров и правил между секторами. Это потребует пересмотра и других условий занятости в государственном секторе, в том числе по оплате труда. Политические реформы, связанные с полной интеграцией пенсионных систем, должны включать в себя улучшение трансформации пенсионных прав между различными пенсионными схемами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Система национальных счетов. Европейская комиссия, МВФ, ОЭСР, ООН и Всемирный банк, 2012 // Статистическая комиссия ООН. URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008russian.pdf

2. Агеева Е. В. Механизмы адаптации пенсионных систем к процессу старения населения // Актуальные проблемы формирования государственных доходов в России : сб. науч. тр. ; под ред. Д. Ю. Федотова. Иркутск, 2012. С. 21–27.

3. Былков В. Г. Закономерные трансформации спроса на рынке труда // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 3. С. 416–425.

4. Кудрин А. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 26–33.

5. Беркович Т. А. Совершенствование управления персоналом, находящимся на государственной службе: оценка эффективности труда // Известия Байкальского государственного университета. 2009. № 3. С. 71–75.

6. Власов С. А., Мамедли М. О. Сценарный анализ параметров пенсионной системы в контексте устойчивости государственных финансов России // Деньги и кредит. 2017. № 8. С. 61–65.

7. Whitehouse E. Pensions for Public-Sector Employees: Lessons from OECD Countries' Experience. Social Protection and Labor Discussion // World Bank, 2016. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/25286

8. Palacios R., Whitehouse E. Civil-service Pension Schemes Around the World. Social protection and labor discussion. World Bank. 2006. Discussion // World Bank. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/20205

9. Ермаков Д. Н. Пенсионное обеспечение федеральных государственных гражданских служащих в Российской Федерации // Страховое дело. 2012. № 7. С. 10–21.

10. Государственный комитет статистики. URL: https://www.gks.ru

11. Менкенов А. Трудовой стаж в социальном обеспечении государственных служащих // Государственная служба. 2012. № 3. С. 16–20.

12. Сморгунов Л. В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 50–58.

13. Белозеров С. А. Особенности национальных систем пенсионного обеспечения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2017. № 1. С. 51–77.

14. Санина Л. В. Влияние пенсионного обеспечения на формирование уровня и качества жизни населения // Baikal Research Journal. 2013. № 5. URL: http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=18615

REFERENCES

1. System of national accounts // European Commission, IMF, OECD, UN and World Bank, 2012. (In Russ.). URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008russian.pdf

2. Ageeva E. V. Mechanisms of adaptation of pension systems to process of aging of the population // Fedotov D. Yu. (ed.). Current problems of formation of state revenues in Russia: collection of scientific works. Irkutsk, 2012. Pp. 21–27. (In Russ.).

3. Bylkov V. G. Natural transformations of demand in labor market // News of the Irkutsk State Economic Academy. 2015. Vol. 25. No.3. Pp. 416–425. (In Russ.).

4. Kudrin A. Aging of the population and threat of the budgetary // Economy Questions. 2012. No.3. Pp. 26–33. (In Russ.).

5. Berkovich T. A. Human resource management improvement, being in public service: assessment of efficiency of work // News of the Baikal State University. 2009. No.3. Pp. 71–75. (In Russ.).

6. Vlasov S. A., Mamedli M. O. The scenario analysis of parameters of pension system in the context of stability of public finances of Russia // Money and the credit. 2017. No.8. Pp. 61–65. (In Russ.).

7. Whitehouse E. Pensions for Public-Sector Employees: Lessons from OECD Countries' Experience. Social Protection and Labor Discussion World Bank. 2016 URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/25286

8. Palacios R., Whitehouse E. Civil-service Pension Schemes Around the World. Social protection and labor discussion. World Bank. 2006. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/20205

9. Ermakov D. N. Provision of pensions of federal state civil servants in the Russian Federation // Insurance business. 2012. No.7. Pp. 10–21. (In Russ.).

10. State committee of statistics. (In Russ.). URL: https://www.gks.ru

11. Menkenov A. Seniority in social security Public servants // Public service. 2012. No.3. Pp. 16–20. (In Russ.).

12. Smorgunov L. V. Comparative analysis of political and administrative reforms: from new state management to the concept of "governance" // Policy. Political researches. 2003. No. 4. Pp. 50–58. (In Russ.).

13. Belozerov S. A. Features of national systems of provision of pensions // Messenger of the St. Petersburg University. Series 14. Law. 2017. No. 1. Pp. 51–77.

14. Sanina L. V. Influence of provision of pensions on formation of level and quality of life of the population // Baikal Research Journal. 2013. No.5. URL: http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx

Как цитировать статью: Агеева Е. В. Пенсионное обеспечение государственных служащих: современные подходы к трансформации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 88–93. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.430.

For citation: Ageeva E. V. Pensions provision of the state employees: modern approaches to transformation // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 88–93. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.430.

УДК 338.242
ББК 65.050

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.402

Arbatskaya Elena Anatol'evna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Management,
Marketing and Service,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: arbatskayaea@bgu.ru

Арбатская Елена Анатольевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры менеджмента,
маркетинга и сервиса,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: arbatskayaea@bgu.ru

СТРАТЕГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

STRATEGY AS AN INSTRUMENT OF MANAGEMENT OF COMPETITIVENESS OF ENTERPRISE

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В статье определена роль стратегии в обеспечении конкурентоспособности предприятия. Раскрыты возможности управления конкурентоспособностью предприятия на основе стратегического управления. Рассмотрены этапы процесса стратегического управления конкурентоспособностью предприятия: определение сферы деятельности и формулирование миссии организации, постановка стратегических целей, разработка стратегии, реализация стратегии, оценка результатов реализации стратегии, обратная связь. В рамках этапа разработки стратегии предложена расширенная модель стратегического анализа конкурентных сил, базирующаяся на модели пяти сил конкуренции, разработанной одним из ведущих исследователей в сфере стратегического управления конкурентоспособностью предприятия М. Портером.

The article defines the role of strategy in ensuring competitiveness of an enterprise. Possibilities of management of an enterprise competitiveness based on strategic management are revealed. The stages of the strategic management process of the enterprise competitiveness are examined: definition of the field of activity and formulation of the company mission, statement of strategic objectives, development of strategy, strategy implementation, assessment of results of strategy implementation, feedback. The expanded model of strategic analysis of competitive forces is proposed within the stage of strategy development, which is based on the model of five forces of the competition developed by one of the leading researchers of strategic management of the enterprise competitiveness M. Porter.

Ключевые слова: стратегия, разработка стратегии, стратегический анализ, конкурентная стратегия, конкурентоспособность предприятия, управление конкурентоспособностью, инструмент управления, конкуренция, стратегическое управление организацией.

Keywords: strategy, development of strategy, strategic analysis, competitive strategy, competitiveness of enterprise, management of competitiveness, instrument of management, competition, strategic management of the company.

Введение

Целью исследования является анализ сущности и роли стратегии предприятия в обеспечении его конкурентоспособности.

Задачи исследования:

— рассмотреть сущность и виды стратегий организации;

— определить роли стратегии в управлении конкурентоспособностью предприятия;

— проанализировать процесс стратегического управления организацией, включающий разработку и реализацию стратегии.

Объектом исследования выступает стратегия как инструмент управления конкурентоспособностью предприятия.

Актуальность. Разработка и последующая реализация стратегии предприятия, учитывающей состояние его внешней и внутренней среды, а также стратегические цели, определяющие долгосрочное желаемое состояние организации, являются актуальной проблемой в аспекте управления стратегической конкурентоспособностью предприятия.

Основная часть

Стратегическое планирование и управление конкурентоспособностью организации в настоящее время можно отнести к числу наиболее активно исследуемых проблем в области менеджмента. Тем не менее в теории нет четкого подхода к определению понятий стратегии и конкурентоспособности предприятия. Понятие стратегии рассматривается исследователями с различных позиций. В частности, А. А. Томпсон и А. Дж. Стрикленд рассматривают стратегию сразу в нескольких аспектах: как «план управления фирмой, направленный на укрепление ее позиций, удовлетворение потребителей и достижение поставленных целей» [1, с. 11]; как средство достижения желаемых результатов [1, с. 70]; как обобщающую «модель действий, необходимых для достижения поставленных целей путем координации и распределения ресурсов компании»; как «набор правил для принятия решений, которыми организация руководствуется в своей деятельности» [1, с. 565].

В соответствии с общим подходом стратегия организации представляет собой качественно определенный образ ее будущего видения, затрагивающий формы, способы и виды деятельности организации, определяющий ее позицию во внешней среде в долгосрочной перспективе. Другими словами, основной задачей стратегии является ответ на вопрос, каким образом организация может достичь поставленных стратегических целей. Следует отметить, что, несмотря на долгосрочную ориентацию стратегии, на практике в условиях турбулентной среды срок ее существования в неизменном виде может оказаться непродолжительным. Существенные изменения во внешней или внутренней среде организации непременно приведут к необходимости пересмотра стратегии.

Понятие конкурентоспособности предприятия также не имеет однозначной трактовки. Ранее проведенный анализ подходов к пониманию данного термина позволил сформулировать определение конкурентоспособности предприятия с позиции комплексного подхода, включающего конкурентоспособность продукции, занимаемую долю рынка и конкурентный потенциал предприятия [2, с. 7–18]. Конкурентоспособность организации может быть определена в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периоде, соответственно можно выделить оперативную (текущую), тактическую и стратегическую конкурентоспособность. При этом определяющее значение для выживания организации в долгосрочном периоде имеет ее стратегическая конкурентоспособность.

Управление конкурентоспособностью предприятия может трактоваться как определенный процесс. В частности, Н. Г. Новикова на основании анализа различных источников приходит к выводу, что управление конкурентоспособностью предприятия представляет собой «итерационный процесс», включающий, в частности, в качестве одного из этапов процесса управления конкурентоспособностью предприятия разработку «конкурентной стратегии и действий по ее реализации» [3, с. 91]. Управление конкурентоспособностью также может рассматриваться как подсистема в системе общего управления предприятием на трех уровнях: стратегическом, тактическом и оперативном [4]. Соответственно, управление конкурентоспособностью организации на стратегическом уровне предполагает разработку и реализацию ее стратегии, которая может выступать в качестве одного из основных инструментов управления ее конкурентоспособностью.

Исследователями рассматриваются различные подходы к классификации стратегий. В частности, А. А. Томсон и А. Дж. Стрикленд для диверсифицированных организаций выделяют четыре типа стратегий в зависимости от их организационного уровня: корпоративную стратегию (для организации в целом), деловые стратегии (для осуществляемых видов деятельности), функциональные (для НИОКР, производства, маркетинга, персонала и т.д.) и операционные стратегии (для производственных и территориальных структурных подразделений, отделов внутри функциональных направлений). Иерархия стратегий для узкоспециализированного (одноотраслевого) предприятия отличается отсутствием корпоративной стратегии, так как ее роль выполняет деловая стратегия [1, с. 71–73].

К базовым вариантам стратегий, предложенным одним из ведущих специалистов в области изучения конкуренции М. Портером, относятся следующие: «абсолютное лидерство по издержкам», «дифференциация» и «фокусирование» [5, с. 72]. В основе конкурентной стратегии предприятия закладывается определенное конкурентное преимущество. И. Е. Козырская отмечает, что конкуренция обеспечивает равные принципы состязательности, тем самым противодействуя «доминированию какого-либо из преимуществ фирм, обуславливая существование разных типов и форм» [6]. Так, крупные компании могут заложить в основу своей стратегии «лидерство по издержкам», экономя на масштабах производства. Малый бизнес является более гибким и может эффективно конкурировать в рамках стратегии фокусирования или дифференциации. Компании-новаторы, независимо от размеров и масштабов производства, в основу своей стратегии закладывают инновационные конкурентные преимущества. Инновационное конкурентное преимущество может быть создано «нестандартным продуктом, работой (услугой) и управленческим решением» [7, с. 192]. При этом на практике, а также в теории имеет место проблема определения конкурентного преимущества предприятия той или иной сферы деятельности, которое бы обеспечило устойчивое превосходство над конкурентами. В частности, для страховых компаний в качестве важного конкурентного преимущества одни исследователи рассматривают высокий уровень клиентского сервиса [8], другие – финансовую устойчивость [9].

В общем виде процесс стратегического управления организацией представляет собой последовательность следующих этапов:

— определение сферы деятельности и формулирование миссии предприятия;

— постановка стратегических целей и их декомпозиция;

— разработка стратегии, базирующейся на результатах стратегического анализа и обеспечивающей достижение поставленных стратегических целей;

— реализация стратегии, в том числе создание благоприятных условий для ее реализации;

— оценка результатов реализации стратегии;

— обратная связь, определяющая необходимость пересмотра миссии, стратегических целей, стратегии или способов ее реализации.

Миссия организации — это сформулированное утверждение относительно целевой направленности деятельности организации, своего рода «смысл» ее существования. Миссия также отражает полезность организации для потребителей и общества в целом.

Стратегические цели организации определяют основные параметры, на достижение которых направлена деятельность организации в долгосрочной перспективе. Достижение стратегических целей обеспечивается реализацией тактических целей, которые, в свою очередь, зависят от выполнения оперативных целей и решения текущих задач.

Разработка стратегии базируется на анализе внутренней и внешней среды организации. Данный анализ может быть осуществлен с использованием SWOT-анализа или его модификации SNW-подхода, PEST(STEP)-анализа, матрицы BCG, а также других методов и подходов.

SWOT-анализ предполагает выявление сильных и слабых сторон организации (внутренняя среда), а также возможностей и угроз со стороны внешней среды. М. Портер, наряду с преимуществами и слабостями (сильными и слабыми сторонами организации), возможностями и угрозами со стороны внешней среды, в контексте формулирования конкурентной стратегии также предлагает учитывать индивидуальные ценности ключевых исполнителей (фактор внутренней среды) и широкие социальные ожидания (фактор внешней среды) [5, с. 28].

При анализе факторов, определяющих сильные, нейтральные и слабые стороны предприятия, также может использоваться SNW-подход, где S — сильные стороны (strength); N — нейтральная позиция (neutral); W — слабые стороны (weakness). В основу указанного подхода заложен сравнительный анализ наиболее важных факторов конкурентоспособности предприятия и предприятий-конкурентов. Например, при значении какого-либо показателя выше среднего значения по отрасли или среди основных фирм-конкурентов выставляется оценка *S*, что соответствует сильной позиции по рассматриваемому фактору. Аналогично определяются нейтральная или слабая позиция [10, с. 44].

При анализе внешней среды предприятия на этапе разработки стратегии также представляется целесообразным использовать предложенную М. Портером модель пяти сил конкуренции. Данная модель учитывает прямую конкуренцию и потенциальных конкурентов, а также влияние товаров-заменителей (товаров-субститутов), потребителей и поставщиков [5, с. 39–40]. Наряду с отмеченными конкурентными силами, которые необходимо учитывать при анализе внешней среды, на наш взгляд, представляется целесообразным дополнить модель, предложенную М. Портером, такими «силами», как общественное влияние и государственное регулирование. Общество в лице общественных организаций и государство в лице контролирующих органов также выступают в качестве «сил», влияющих на конкурентную позицию предприятия. По мнению М. Портера, «…как правило, полезнее анализировать то, как правительство влияет на конкуренцию посредством пяти конкурентных сил, чем рассматривать его как самостоятельный фактор» [5, с. 66–67]. Данная позиция является в определенной степени обоснованной, тем не менее представляется возможным расширить границы анализа факторов внешней среды, влияющих на конкурентную ситуацию. Отмеченные выше «широкие социальные ожидания», которые М. Портер предлагает учитывать при анализе факторов внешней среды в контексте формулирования конкурентной стратегии, также могут найти отражение в стратегическом анализе при условии учета такой конкурентной силы, как общественное влияние. Таким образом, взяв за основу модель пяти сил конкуренции М. Портера, включив в нее общественное влияние и государственное регулирование, получим расширенную (модифицированную) модель стратегического анализа конкурентных сил. Несмотря на некоторое усложнение, расширенная модель стратегического анализа конкурентных сил, по сравнению с моделью пяти сил конкуренции М. Портера, в теоретическом аспекте раздвигает границы анализа внешней среды, делая дополнительный акцент на влиянии общества и государственного регулирования на конкурентные условия, в которых предприятие осуществляет свою деятельность. Практическое применение предлагаемой модели будет целесообразно в ситуации, когда отмеченные факторы оказывают значимое влияние на функционирование предприятия и, как следствие, на разработку его конкурентной стратегии.

Разработка стратегии, отвечающей целевой направленности организации, является важным, но лишь первоначальным (подготовительным) этапом процесса управления ее конкурентоспособностью. В качестве следующего этапа, определяющего успешность указанного процесса, выступает реализация разработанной стратегии. Проблема успешной реализации выбранной стратегии является сложным теоретическим и практическим вопросом. Теоретико-методический подход к решению обозначенной проблемы представлен, в частности, в работе Л. М. Ужаховой. Данный исследователь рассматривает организационную структуру, организационные системы и культуру организации в качестве ключевых рычагов успешной реализации стратегии, анализируя каждый из элементов в аспекте соответствия их текущего и желаемого состояния с целью выявления необходимости их изменений [11]. В связи с этим одной из основных задач руководства предприятия является создание благоприятных условий для реализации разработанной стратегии.

Оценка результатов реализации стратегии главным образом базируется на определении степени достижения стратегических целей предприятия. В рамках данного этапа определяется эффективность процесса стратегического управления, в частности на основе оценки конкурентоспособности предприятия.

Важным элементом любого управленческого процесса является обратная связь, которая выступает в качестве основы принятия управленческих решений и предопределяет их эффективность. Необходимость пересмотра миссии, стратегических целей, стратегии или способов ее реализации может возникнуть при выявлении несоответствия какого-либо из перечисленных элементов объективным условиям и характеристикам среды предприятия. Основным сигналом, указывающим на необходимость изменений в процессе стратегического планирования, является неудовлетворительная оценка результатов реализации стратегии.

Заключение

В общем стратегическое управление конкурентоспособностью предприятия может быть представлено в виде следующих последовательно реализуемых этапов: определение сферы деятельности и формулирование миссии предприятия, постановка стратегических целей, разработка стратегии, реализация стратегии, оценка результатов реализации стратегии, обратная связь. Стратегия при этом является одним из основных инструментов управления стратегической конкурентоспособностью предприятия, эффективность использования которого во многом определяется полнотой и качеством проведенного анализа его внешней и внутренней среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии : учебник для вузов / пер. с англ. под ред. Л. Г. Зайцева, М. И. Соколовой. М. : ЮНИТИ, 1998. 576 с.

2. Даниленко Н. Н., Арбатская Е. А. Конкурентоспособность предприятий сферы услуг: теория и методика оценки : монография. М. : РУСАЙНС, 2016. 160 с.

3. Новикова Н. Г. Методологические проблемы управления конкурентоспособностью организаций: маркетинговый подход // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 2(82). С. 87–92.

4. Арбатская Е. А. Управление конкурентоспособностью предприятий сферы услуг: понятие и механизм реализации // Известия Байкальского государственного университета. 2015. Т. 6. № 2. URL : http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20030. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).18

5. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. М. : Альпина Паблишер, 2011. 453 с.

6. Козырская И. Е. Конкуренция компаний: приемы и подходы при оценке конкурентных преимуществ // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 5. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(5).6

7. Павлова Н. Ю. Инновации как основа конкурентоспособности малого предприятия // Известия Байкальского государственного университета. 2010. № 5. С. 189–192.

8. Кондрацкая Т. А., Хоавило Д. С. Клиентский сервис в страховых компаниях // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 2. DOI: 10.17150/2411- 6262.2017.8(2).28

9. Колесникова Т. В. Взаимосвязь финансовой устойчивости и конкурентоспособности страховой организации // Известия Байкальского государственного университета. 2015. Т. 6. № 3. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).10

10. Матушкин М. А., Горбунова Е. Г. Стратегическое управление конкурентоспособностью производства в турбулентной среде // Бизнес. Образование. Право. 2015. № 2 (31). С. 42–46.

11. Ужахова Л. М. Ключевые элементы и особенности реализации стратегии организации (на примере производственной компании АПК Тюменской области) // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 1 (38). С. 121–127.

REFERENCES

1. Thompson A. A., Strickland A. J. Strategic Management. The art of developing and implementing strategy : textbook for universities / Trans. from English. Ed. by L. G. Zaitseva, M. I. Sokolova. M. : UNITI, 1998. 576 p.

2. Danilenko N. N., Arbatskaya E. A. Competitiveness of service enterprises: theory and methodology of evaluation : monograph. M. : RUSAINS, 2016. 160 p. (In Russ.).

3. Novikova N. G. Methodological problems of managing the competitiveness of organizations: marketing approach // News of Baikal State University. 2012. No. 2 (82). Pp. 87–92. (In Russ.).

4. Arbatskaya E. A. Management of service company competitiveness: concept and mechanism of implementation // News of Baikal State University. 2015. Vol. 6. No. 2. (In Russ.). URL: http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20030. DOI:10.17150/2072-0904.2015.6(2).18

5. Porter M. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. M. : Al'pina Publisher, 2011. 453 p. (In Russ.).

6. Kozyrskaya I. Ye. Competition of companies: methods and approaches in assessing competitive advantages // Baikal Research Journal. 2015. Vol. 6. No. 5. (In Russ.). DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(5).6

7. Pavlova N. Yu. Innovations as a basis of competitiveness of small enterprise // News of Baikal State University. 2010. No. 2. Pp. 189–192. (In Russ.).

8. Kondratskaya T. A., Khoavilo D. S. Customer service in insurance companies // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8. No. 2. (In Russ.). DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).28

9. Kolesnikova T. V. Interrelation of financial solvency and competitiveness of the insurance company // News of Baikal State University. 2015. Vol. 6, No. 3. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).10

10. Matushkin M. A., Gorbunova E. G. Strategic management of production competitiveness in turbulent environment // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. No. 2 (31). Pp. 42–46. (In Russ.).

11. Uzhakhova L. M. Key elements and features of implementation of the company strategy (on the example of agrarian and industrial complex production company of the Tyumen region) // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2017. No. 1 (38). Pp. 121–127. (In Russ.).

Как цитировать статью: Арбатская Е. А. Стратегия как инструмент управления конкурентоспособностью предприятия // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 93–96. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.402.

For citation: Arbatskaya E. A. Strategy as an instrument of management of competitiveness of enterprise // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 93–96. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.402.

УДК 33.331
ББК 65.05

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.468

Voronina Natalya Fedorovna,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Head of the Department of Economics and Social Management
of Enterprises and Regions,
branch "Strela" of Moscow
Aviation Institute,
Zhukovskiy,
e-mail: voroniannf@yandex.ru

Воронина Наталья Федоровна,
канд. социол. наук, доцент,
зав. кафедрой экономики и социального менеджмента
предприятий и регионов,
филиал «Стрела» Московского авиационного
института (МАИ),
г. Жуковский,
e-mail: voroniannf@yandex.ru

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ УЧАЩЕГОСЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО РЕСУРСА

SELF-DETERMINATION OF A STUDENT AS A FACTOR OF THE LABOR RESOURCE DEVELOPMENT

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами)
08.00.05 – Economy and management of national economy
(economy, organization and management of enterprises, industries, complexes)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом факторов формирования трудового ресурса. В настоящее время с позиций современной экономической теории трудовой ресурс считается одним из определяющих эффективность развития экономики. Наличие трудового ресурса в стране, качество его подготовки, количество работников должны соответствовать целям и задачам развития государства, поэтому данный вопрос особо актуален в современной России. Автор отмечает, что в основополагающих документах, отражающих направления развития РФ, подчеркивается зависимость развития страны от наличия трудового ресурса не только в настоящее время, но и в расчетный период с учетом прогнозов развития, в соответствии с потребностью и скоростью развития каждой отрасли. Насыщенность рынка труда определяется выбором, профессиональным самоопределением каждого конкретного человека, являющегося трудовой единицей, тем, в какой профессиональной области он предпочтет реализовываться и, соответственно, трудиться. Поэтому важно понимать, какие факторы влияют на профессиональное самоопределение. Четкое выделение факторов в дальнейшем позволит через них оказывать воздействие на выбор индивида. Автор подчеркивает, что определение человеком профессиональной принадлежности осуществляется в раннем возрасте. По сути, выбор будущей профессии, области реализации себя человеком происходит в момент окончания обучения в школе. Поэтому обращено внимание на то, что на самом раннем этапе необходимо управлять и контролировать данный процесс, который, в соответствии с реализацией современной образовательной модели в России, происходит в образовательных учреждениях.

The article examines the issues related to the analysis of the factors of the labor resource development. Currently, from the standpoint of modern economic theory, the labor resource is considered one of the determining the effectiveness of economic development. The availability of a labor resource in the country, the quality of its preparation, the quantity must correspond to the goals and objectives of the development of the state, so this issue is particularly relevant in modern Russia. The author notes that the basic documents, that reflect the direction of the Russian Federation development, emphasize the dependence of the country's development on the availability of a labor resource not only at the present time but in the billing period, taking into account the development forecasts, in accordance with the need and speed of development of each sector. The saturation of the labor market is determined by the choice, professional self-determination of each individual person, which is a labor unit. In what professional field he will prefer to be realized and, accordingly, works. Therefore, it is important to understand what factors affect professional self-determination. In the future, a clear distribution of factors will influence the choice of a particular person. The author emphasizes that a distinctive feature of the definition of professional affiliation is the early stage of decision-making regarding the duration of the process of acquiring professional skills and their further implementation. In fact, the choice of the future profession and the field of self-realization occur at the end of the school. Therefore, attention is drawn to the fact that at the earliest stage, it is necessary to manage and control this process, which, in accordance with the implementation of the modern educational model in Russia, occurs in educational institutions.

Ключевые слова: учащийся, работник, трудовой ресурс, профессиональное самоопределение, образовательное учреждение, рынок труда, организация, факторы самоопределения, развитие государства, принятие решения, образовательная модель.

Keywords: student, worker, workforce, professional identity, educational institution, labor market, the organization, factors of self-determination, the development of the State, decision-making process, model of educational.

Введение

Экономическое благополучие и развитие государства в современных экономических условиях во многом зависит от качеств его граждан, структуры общества. Формирование стабильной экономической системы невозможно без трудовой единицы в лице человека, а значит, количество

и качество трудового ресурса является одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на эффективность деятельности государства в целом. Постоянно проводимые как государственными, так и частными организациями исследования и мониторинг трудовых ресурсов РФ, их структуры, вовлеченности в экономические процессы, построение прогнозных моделей востребованности работников на рынке труда, спроса на рабочую силу подтверждают значимость рассматриваемой темы.

Тем не менее основные исследования в области трудовых ресурсов проводятся на уровне анализа роли и места в экономических отношениях лиц с профессиональным образованием, уже сформировавшихся специалистов. При этом упускается из анализа один из важнейших этапов в формировании специалиста — выбор направления реализации трудового потенциала гражданина. Основная масса исследований в области профориентации человека проводится с позиций решения задач в области социологии и психологии, а не с точки зрения решения экономических задач. Такой подход привел к практически полному отсутствию работ в данном направлении, что подтверждает целесообразность проведения дополнительных исследований.

Актуальность исследования определяется тем, что формирование эффективной экономики в стране зависит от наличия трудовых ресурсов, от выбора гражданином своей профессиональной принадлежности, а значит, необходимо контролировать данный процесс, прогнозировать его развитие, управлять им.

Целью проводимого исследования является выявление факторов, влияющих на самоопределение учащегося как первичную стадию профориентации при формировании трудовых ресурсов.

В работе применены **методы** диалектического анализа, опрос, методы количественной оценки данных.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

— анализ реализуемой политики, направленной на формирование трудовых ресурсов в РФ;

— определение участия государственных, общественных и иных организаций в управлении процессом решения вопроса определения гражданином своей профориентации;

— определение факторов и их влияния на процесс самоопределения человека при выборе профессии.

Научная новизна исследования состоит в определении роли и места трудовых ресурсов в экономическом развитии РФ, выделении и анализе первичной стадии формирования трудовых ресурсов, определении факторов, влияющих на профориентацию, что в дальнейшем позволит разработать механизмы управления данным процессом.

Основная часть

В нормативных документах РФ под трудовым ресурсом понимается население, занятое экономической деятельностью, а также способное трудиться, но не работающее по тем или иным причинам [1. с. 1]. Исследованием вопросов формирования трудовых ресурсов на стадии самоопределения занимаются в разных странах, но выявляется общая закономерность: чем выше экономическое благополучие граждан, тем более детально государство подходит к профориентационной политике [2], управляя процессом самоопределения человека.

В России работа в области управления профессиональным самоопределением граждан активно развивается. В основополагающем документе, определяющем вектор развития нашего государства — «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» [3], — трудовой ресурс рассматривается как один из критериев, способствующих обеспечению в будущем конкурентного преимущества России в мире.

Тем не менее последнее исследование, опубликованное Федеральной службой государственной статистики (Росстат), выявило, что почти 60 % россиян работают не по специальности [4], а это означает, что затраты как самого человека, так и государства на образование потрачены неэффективно. Чем ниже уровень образования, тем больше людей работает не по специальности. Провальные группы — группы, имеющие основное общее (8–9 классов) и среднее общее образование. Там огромное несоответствие работы и специальности: 72 и 67 % соответственно. В этих же группах самый низкий уровень переподготовки, переобучения. Человек как трудовой ресурс, являющийся экономическим субъектом, в данной ситуации не может быть полноценно вовлечен в экономические процессы, потому что или вынужден переучиваться (тратить дополнительное время и средства) или работать с меньшей отдачей, зарабатывать меньше, чем мог бы, при условии успешного самоопределения в начале выбора профессии. Основной причиной того, что работники предпочитают трудиться не по специальности, является конъюнктура спроса на рынке труда. При выборе профессии люди руководствуются не состоянием рынка труда, а представлениями о престижности той или иной профессии [5; 6].

Выбор профессии и определение, в какой области человек станет для государства трудовым ресурсом, происходит по большей части в период окончания школьного образования [7; 8]. В настоящее время большое внимание уделяется вопросам определения будущей профессии с раннего возраста путем выявления у человека предпочтений, талантов, формирования навыков и компетенций, а также востребованности профессий [9; 10].

Современное школьное образование является инструментом, с помощью которого можно управлять заинтересованностью учащегося, с учетом его качеств и предпочтений, в той или иной профессии. Поэтому одной из задач, которая ставится перед школой, является подготовка обучающихся к осознанному и ответственному выбору жизненного и профессионального пути как элемент пропедевтического технологического образования [11].

Основная работа в данном направлении реализуется через общеобразовательные организации в соответствии с государственными программами. Например, в государственной программе РФ «Развитие образования» [12] обращено внимание, что одним из аспектов развития воспитания школьников является вовлечение их в деятельность, направленную на профессиональную ориентацию, и содействие профессиональному самоопределению обучающихся. Для достижения этой цели разрабатывается «портрет профессии», который позволяет учащемуся более полно познакомиться с основами той или иной профессии. В результате обучающиеся должны, обладая полученной информацией, осознано выбрать будущую профессию, четко формулировать цели, направленные на ее освоение.

Профессиональное самоопределение учащегося должно формироваться исходя из свойств личности, ее творческого потенциала, ценностных ориентаций, а также будущей потребности в конкретных видах трудового ресурса на рынке труда.

Традиционная схема организации работы педагогов, заключающаяся в выдаче готовой «рекомендации» о выборе профессии и учебного заведения, в соответствии с Концепцией развития образования РФ [13] замещается новой, направленной на формирование у школьника необходимых знаний, компетенций, навыков, позволяющих ему самостоятельно делать важные жизненные выборы. Тем самым школьник получает возможность профессионального и личностного самоопределения [14].

Ориентация на профессиональный труд и выбор своего профессионального будущего выступает как неотъемлемая часть всего учебно-воспитательного процесса при обязательном дополнении его информационной и консультативной работой, практической деятельностью для развития склонностей и способностей учащихся к труду.

Департамент государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Минобрнауки России при разработке современной модели общего образования обращает внимание, что важнейшим компонентом новой модели школьного образования является ее ориентация на практические навыки, на способность применять знания, реализовывать собственные проекты [15], то есть реализовывать компетентностный подход. При этом акцент делается не на запоминание энциклопедического набора знаний из разных областей, а на овладение фундаментальными умениями коммуникации, анализа, понимания, принятия решений. Особую роль при таком подходе играют дисциплины социально-гуманитарного цикла и учебные курсы с элементами освоения технологий. Именно в них могут активно использоваться проектные методы, вовлекающие школьников в практическую деятельность.

Несмотря на усиление внимания к вопросу выбора профессии учащимися и изменяющиеся подходы в работе с учениками [16], существует большой разрыв в представлении будущего специалиста между выбором профессии и осознанием того, в какой области и как нужно будет ему работать. Если в рабочих специальностях не существует большого разрыва между подготовкой специалиста и дальнейшей реализацией профессиональных навыков, то в области наукоемких специальностей данная проблема выявляется. Оканчивая школу и выбирая высшее учебное заведение для дальнейшего обучения, факультет, специальность, во многом абитуриент до конца не осмысливает, где, кем и как в дальнейшем, через четыре – шесть лет обучения, он будет работать, в чем заключается суть профессии, с какой профессиональной спецификой она связана. И зачастую неправильное профессиональное самоопределение приводит к тому, что время, затраченное на освоение профессии, средства (свои или государственные) потрачены впустую. Получившийся молодой специалист не хочет реализовывать себя в выбранной им профессии и не работает по специальности или переучивается.

С целью выявления основных факторов, оказывающих влияние на профессиональное самоопределение, автором проведено исследование на базе филиала «Стрела» Московского авиационного института (национального исследовательского университета). Исследование проводилось среди студентов первого курса в течение первого месяца обучения с периодичностью несколько лет. При этом исследованием охвачены студенты, обучающиеся по экономическому и техническому направлениям.

Студентам в ходе проведения опроса первоначально предлагалось самостоятельно определить факторы выбора учебного заведения и профессии в форме предложенного опросного листа с максимальным количеством открытых вопросов. При этом соблюдалась анонимность ответов для достижения большей правдивости, а также была обоснована важность работы. Впоследствии в результате беседы и уточнения мнения респондентов выявленные факты структурировались и уточнялись. Общая картина в результате опроса показала, что большинство респондентов затруднялись с четкой формулировкой ответа и проявляли растерянность в обсуждении вопроса о причине выбранного профессионального пути, а также реализации себя в дальнейшем на конкретном рабочем месте, что отражает общую тенденцию отсутствия четкого представления о будущей профессиональной деятельность и реализации себя на рынке труда.

В результате исследования выявлено, что на самоопределение учащихся при выборе профессии оказывают влияние ряд факторов, таких как:

— мнение родных (опыт данной профессии в семье);
— мнение сверстников;
— роль СМИ;
— близость учебного заведения к дому (удобно добираться);
— собственный интерес;
— прогнозируемые потребности рынка труда;
— текущая престижность профессии.

Соотношение данных факторов в процентах представлено на рис. 1.

Рис. 1. Факторы, влияющие на профессиональное самоопределение учащегося

В результате исследования больший процент из всех факторов, а именно 29 %, набрал «мнение родных (опыт данной профессии в семье)», что говорит о большой роли родных в жизни детей и высокой доле влияния внутри семьи на детей. При этом основой для ролевого воздействия являлся личный пример родных, без оценки характера и личной заинтересованности ребенка, его склонностей и предпочтений. Также полностью отсутствовала опора на такой фактор, как возможные результаты профессионального тестирования с помощью различных психологических и профориентационных тестов, которые мог бы пройти ребенок дома при помощи интернета.

Выявилось, что на формирование мнения внутри семьи о приоритетном направлении дальнейшего обучения большое влияние также оказывают СМИ. Управлять этим фактором на государственном уровне возможно через четкую информационную политику, направленную на удовлетворение востребованности специалистов на рынке труда с учетом времени, затраченного на обучение.

На втором месте по значимости оказался фактор «близость учебного заведения к дому (удобно добираться)» — 27 %. Как выявилось, учащиеся рассматривают учебное заведение в зависимости от близости его расположения к месту проживания или наличия транспортного маршрута от дома до потенциального места обучения, и потом среди существующих в этом заведении факультетов выбирают тот, по предметам которого могут набрать необходимый проходной бал. При этом не акцентируется внимание на будущей специальности и на том, где и кем в дальнейшем они будут работать, на востребованности профессии на рынке труда. Такой подход показывает сформированную безответственность к профессиональному будущему, отсутствие реальных критериев и осознания значимости процесса обучения.

Далее по значимости следует фактор «текущей престижности профессии» — 14 %. При этом респонденты отмечали, что понятие престижности профессии связывают с уровнем дохода специалистов, а не с осознанием овладения конкретными профессиональными навыками. В сознании первокурсников не сформировано понимание, что высокий уровень оплаты труда связан с наличием определенных знаний, навыков, умений, на приобретение которых требуется время. Респонденты отметили, что сразу после получения дипломов планируют получать высокий уровень оплаты труда, при этом не задумываются о необходимости наличия опыта работы и иных аспектах работы специалиста высокого уровня, а также реальных мест работы в соответствии с требованиями рынка.

Фактор «мнение сверстников» составил 9 % от общего числа, что показывает, что сверстники прислушиваются к мнению друзей, знакомых, лидеров своей социальной группы. При этом выявлено, что отсутствует конкретика в формировании четкого образа выбранной профессии, какая-либо аргументация, кроме простого доверия к словам лидера, не подкрепленным специфическими чертами и характеристиками самой личности.

Небольшой процент, всего 7 %, указали респонденты такому фактору, как роль средств массовой информации. При этом отмечалось, что, несмотря на достаточно большие информационные возможности, посредством СМИ распространяется информация только о довольно узком круге профессий. В основном СМИ обращают внимание на представителей тех или иных профессий, которые стали активны и привлекли к себе общественное внимание. При этом основная масса этих людей не связана непосредственно с деятельностью в СМИ, и, как правило, акцент делается не на профессиональных достижениях, а на тех материальных благах, которые в настоящее время имеет достаточно известный человек. Истинная причина текущего материального благополучия никак не связывается с фактической работой, и создается иллюзия легкости и быстроты получения таких же благ. СМИ могли бы способствовать формированию «общественного запроса» на специальность, тем самым разделяя профессии на престижные и непрестижные.

Наиболее важная составляющая в профессиональной ориентации — собственный интерес — составила всего лишь 8 %. Данный показатель иллюстрирует результат работы образовательных учреждений с учащимися, поскольку именно в их функциональных задачах отмечена необходимость реализации деятельности, направленной на выявление способностей и формирование заинтересованности у учащихся в профессиональном самоопределении. Эту деятельности невозможно переложить на семью, поскольку она требует профессионального инструментария, которым владеют сотрудники образовательных учреждений.

И наименьший процент, 6 %, набрал фактор «прогнозируемые потребности рынка труда» — один из самых важных, показывающий востребованность будущего специалиста, во многом определяющий его успех не только в профессиональной жизни, но и в целом.

Выводы и заключение

В результате исследования автором выявлено, что у учащихся отсутствует осознание важности и значимости выбора будущей профессии, а значит, нет четкого видения собственного будущего, что определяет необходимость в развитии целостной системы профессионального самоопределения в школьном образовании, которая должна быть направлена на формирование выпускника социально адаптированным, конкурентоспособным и востребованным на современном рынке труда, тем самым способствуя созданию трудового ресурса, востребованного в государстве.

Процессы формирования специалиста достаточно инертны и длительны по времени, поскольку включают в себя не только время, затраченное на период обучения, но и время, необходимое для усвоения профессиональных навыков и формирования специалиста в определенной области. Соответственно, через период времени, затраченного на обучение, происходит приток новых специалистов и насыщение рынка труда в одних сферах и отток в других. Именно поэтому управление процессами профессионального самоопределения необходимо осуществлять на ранней стадии, в период школьного обучения, и формировать у учащихся приверженность к тем специальностям, которые будут востребованы и специалисты которых будут необходимы на основе прогнозных моделей развития отраслей, тем самым формируя кадровый резерв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Приказ «Об утверждении методики расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда» от 29.09.2017 № 647. URL: file:///C:/Users/Nata/Desktop/pr647-17.pdf

2. Толстогузов С. Н. Образование за рубежом. Образование и наука. 2015. № 1 (120). URL: file:///C:/Users/Nata/Desktop/opyt-proforientatsionnoy-raboty-za-rubezhom.pdf

3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru

4. Панов А. М. Выбор профессии и эффективность распределения трудовых ресурсов на рынке труда (на примере Вологодской области). Профессиональная ориентация. 2014. № 1. С. 77–83. URL: http://niiparadigma.ru/wp-content/uploads/2015/11/POJOURNAL_N1_2014.pdf

5. Почти 60 % россиян работают не по специальности — Росстат. URL: https://ria.ru/society/20120813/722231749.html

6. Гильмутдинова А. Самые востребованные специальности для поступления в 2018-м. URL: https://propostuplenie.ru/article/samye-vostrebovannye-specialnosti-dlya-postupleniya-v-2018-m/

7. Holland J. What is to Come and How to Predict It. Weidenfeld&Nicholson Publ., 2002.

8. Burnett B., Evans D. Designing Your Life: How to Build a Well-Lived, Joyful Life. Knopf, 2016.

9. Ретунская Т. Н. Выбор профессии как психологический феномен // Высшее образование в России. 2012. № 8-9. С. 126–130.

10. Dehaas J. Students like diploma-degree option at Guelph-Humber // The Maclean's Guide to Universities. August 2014. URL: http://www.macleans.ca/education/university

11. Письмо Минобрнауки РФ от 03.03.2008 № 03-369 «О направлении материалов современной модели общего образования». URL: http://www.consultant.ru

12. Постановление Правительства Рос. Федерации от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 22.02.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». URL: http://www.consultant.ru

13. Концепция развития образования РФ до 2020 г. URL: http://www.consultant.ru

14. Сухотенко О. Н. Ступени профессионального выбора // Школа и производство. 2014. № 3. С. 26–29.

15. Решение МТК по регулированию социально-трудовых отношений от 22.05.2017 «О развитии системы профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи». URL: http://www.consultant.ru

16. Абрамова А. Н., Митичева Т. И. Проблема выбора профессии учащимися старших классов // Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». URL: http://web.snauka.ru/issues/2015/09/57745

REFERENCES

1. The order "On approval of methodology of calculation of balance of labor resources and assessment of labor costs" from 29.09.2017 No. 647. (In Russ.). URL: file:///C:/Users/Nata/Desktop/pr647-17.pdf

2. Tolstoguzov S. N. Education abroad. Education and science. 2015. No. 1(120). (In Russ.). URL: file:///C:/Users/Nata/Desktop/opyt-proforientatsionnoy-activity-za-rubezhom.pdf

3. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. (In Russ.). URL: http://www.consultant

4. The choice of profession and the effectiveness of the distribution of labor resources in the labor market (on the example of the Vologda oblast). Professional guidance. 2014. No. 1. Pp. 77–83. (In Russ.). URL: http://niiparadigma.ru/wp-content/uploads/2015/11/POJOURNAL_N1_2014.pdf

5. Almost 60 % of Russians do not work in their specialty — Rosstat. (In Russ.). URL: https://ria.ru/society/20120813/722231749.html

6. Gilmutdinova A. The most popular specialty for admission in 2018. (In Russ.). URL: https://propostuplenie.ru/article/samye-vostrebovannye-specialnosti-dlya-postupleniya-v-2018-m/.

7. Holland J. What is to come and how to predict it. Weidenfeld & Nicholson Publ., 2002.

8. Burnett B., Evans D. Designing Your Life: How to Build a Well-Lived, Joyful Life. Knopf Publ., 2016.

9. Retunskaya T. N. Career choice as a psychological phenomenon // Higher education in Russia. 2012. No. 8-9. Pp. 126–130. (In Russ.).

10. Dehaas J. Students like diploma-degree option at Guelph-Humber // The Maclean's Guide to Universities. August 2014. URL: http://www.macleans.ca/education/university

11. Letter of the Ministry of education of the Russian Federation of 03.03.2008 No. 03-369 "On the direction of materials of modern model of General education". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru

12. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 26.12.2017 No. 1642 (ed. as of 22.02.2018) "On approval of the state program of the Russian Federation "development of education". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru

13. The concept of development of education of the Russian Federation until 2020. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru (date of viewing: 13.09.2018).

14. Shutenko O. N. Degree of professional choice // School and production. 2014. No. 3. Pp. 26–29. (In Russ.).

15. The decision of the ITC on regulation of social and labor relations from 22.05.2017 "On the development of the system of professional orientation and youth employment". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru

16. Abramov A. N., Miticheva T. I. The problem of choosing a profession high school students // Electronic scientific and practical journal "Modern research and innovation". (In Russ.). URL: http://web.snauka.ru/issues/2015/09/57745

Как цитировать статью: Воронина Н. Ф. Самоопределение учащегося как фактор формирования трудового ресурса // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 97–101. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.468.

For citation: Voronina N. F. Self-determination of a student as a factor of the labor resource development // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 97–101. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.468.

УДК 338.43:664.66(470.45)
ББК 65.35:36.83

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.463

Efremova Elena Nikolaevna,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Processing Technologies and Food Safety,
Volgograd State Agrarian University,
Volgograd,
e-mail: Elenalob@rambler.ru

Zenina Elena Anatol′evna,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department of Processing Technologies and Food Safety,
Volgograd State Agrarian University,
Volgograd,
e-mail: lenzsara@mail.ru

Kuznetsova Elena Andreevna,
Candidate of Agricultural Sciences,
Associate Professor of the Department of Technology of Storage and Processing of Agricultural Raw Materials and Public Catering,
Volgograd State Agrarian University,
Volgograd,
e-mail: kea1985.1985@mail.ru

Zubova Olga Gennadyevna,
Candidate of Economic,
Associate Professor of the Department of Management,
Volgograd State Agrarian University,
Volgograd,
e-mail: oly-zubova@yandex.ru

Ефремова Елена Николаевна,
канд. с.-х. наук, доцент
доцент кафедры перерабатывающих технологий и продовольственной безопасности,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: Elenalob@rambler.ru

Зенина Елена Анатольевна,
канд. с.-х. наук,
доцент кафедры перерабатывающих технологий и продовольственной безопасности,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: lenzsara@mail.ru

Кузнецова Елена Андреевна,
канд. с.-х. наук,
доцент кафедры технологий хранения и переработки сельскохозяйственного сырья и общественного питания,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: kea1985.1985@mail.ru

Зубова Ольга Геннадьевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры менеджмента,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: oly-zubova@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕТРАДИЦИОННОГО СЫРЬЯ

THE ECONOMIC JUSTIFICATION OF PRODUCTION OF BAKERY PRODUCTS USING UNCONVENTIONAL RAW MATERIALS

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

Пищевая ценность хлеба определяется его калорийностью, усвояемостью, содержанием и составом белковых веществ, витаминов и минеральных соединений, привлекательностью внешнего вида. Пищевая ценность хлеба во многом зависит от сорта муки и рецептуры теста. Введение в рецептуру теста жиров, сахара, молока и других обогатителей повышает пищевую ценность хлеба. Исследование направлено на определение влияния функциональной добавки — шпината — на органолептические, физико-химические и микробиологические показатели пшеничного хлеба. В рамках исследования проводился анализ качества сырья и готовой продукции на соответствие действующим стандартам. На кафедре перерабатывающих технологий и продовольственной безопасности ФГБОУ ВО «Волгоградский ГАУ» в 2016–2017 гг. проводились пробные выпечки пшеничного хлеба с добавлением шпината. По всем показателям изделие «Хлеб со шпинатом» соответствовало требованиям ГОСТ, СанПиН. Показатель pH хлеба со шпинатом выше на 1 пункт хлеба пшеничного, исследуемый образец имеет кислую среду, что связано с введением в тесто функциональной добавки — шпината. Пористость хлеба со шпинатом составила 72 %, что выше на 2 % хлеба пшеничного. Повышение пористости оказывает влияние на сроки хранения хлебобулочного изделия и усвоение организмом человека. Проведенное экономическое обоснование предложенной технологии показало, что прибыль при производстве хлеба со шпинатом составила 642,47 руб. на 100 кг, что выше аналогичного показателя при производстве пшеничного хлеба на 206,61 руб. При этом следует отметить, что при разных экономических показателях производства опытных образцов мы получаем одинаковый уровень рентабельности в размере 10 %. Таким образом, при производстве опытного образца хлеба со шпинатом товаропроизводитель получает рентабельность, сопоставимую с пшеничным хлебом, но с более высокими показателями качества готовой продукции. Проведенные расчеты показали, что цена за 1 ед. товара опытного образца хлеба со шпинатом составила 38,87 руб., включая НДС, что превышает цену реализации пшеничного хлеба на 12,5 руб., однако в качестве компенсации потребитель получит высоковитаминный продукт питания с увеличенной пищевой ценностью.

The nutritional value of bread is determined by its caloric content, digestibility, content and composition of proteins, vitamins and mineral compounds, attractive appearance. The nutritional value of bread depends largely on the type of flour and dough recipes. The introduction of fat, sugar, milk and other enriching agents into the dough formulation increases the nutritional value of bread. The study is aimed at determining the effect of the functional additives — spinach — on the organoleptic, physical-chemical and microbiological parameters of wheat bread. The study analyzed the quality of raw materials and finished products for compliance with applicable standards. At the Department of Processing Technologies and Food Safety of the Volgograd State Agrarian University in 2016–2017, trial baking of wheat bread with spinach was carried out. According to all indicators, bread with spinach met the requirements of GOST, SanPiN. Bread with spinach pH was higher by 1 point of wheat bread, the sample has an acidic environment, which is associated with the introduction of functional additives in the dough — spinach. Porosity bread with spinach was 72 %, which is higher by 2 % wheat bread. Increased porosity affects the shelf life of the bakery product and the absorption of the human body. The economic justification of the proposed technology showed that the profit in the production of bread with spinach amounted to 642.47 rubles per 100 kg, which is higher than the same indicator in the production of wheat bread by 206.61 rubles. At the same time, it should be noted that with different economic indicators of production of prototypes, we get the same level of profitability in the amount of 10 %, So in the production of a prototype bread with spinach, the producer receives a profitability comparable to wheat bread, but with higher quality indicators of the finished product. The calculations showed that the price for 1 unit of goods of the prototype bread with spinach was 38.87 rubles, including VAT, which exceeds the sales price of wheat bread by 12.5 rubles. However, as compensation, the consumer will receive a high-vitamin food product with increased nutritional value.

Ключевые слова: рентабельность, себестоимость, затраты на сырье, хлебобулочные изделия, шпинат, физико-химические показатели, органолептические показатели, микробиологические показатели, пористость, влажность, упек, производство хлебобулочных изделий, рентабельность производства.

Keywords: profitability, production cost, costs of raw materials, bakery products, spinach, physico – chemical parameters, organoleptic characteristics, microbiological characteristics, porosity, moisture content, put, production of bakery products, profitability of production.

Введение

Актуальность темы. Совершенствование технологии, использование новых видов нетрадиционного растительного сырья являются актуальными проблемами для пищевой индустрии, решение которых позволит не только расширить ассортимент хлебобулочных изделий для здорового питания, но и повысить их пищевую ценность. Основными задачами, стоящими перед хлебопекарной промышленностью, в настоящее время являются разработка, расширение ассортимента и активное внедрение в структуру питания населения хлебобулочных изделий высокого качества, отвечающих современным требованиям. Успешное решение поставленных задач связано с поиском и выявлением натуральных ингредиентов, в том числе растительного происхождения. Эффективным путем решения проблемы ликвидации дефицита витаминов и минеральных веществ является использование пищевых продуктов с определенным химическим составом, обогащенных микронутриентами до уровня, соответствующего физиологическим потребностям человека. Таким сырьем в данной работе является шпинат.

Изученность проблемы. Разработкой и совершенствованием технологии хлебобулочных изделий для здорового питания занимались многие ученые. Проведены исследования, направленные на применение нетрадиционного сырья в технологии ржаных и ржано-пшеничных видов хлебобулочных изделий специализированного назначения [1; 2].

Целесообразность разработки темы. Хлебобулочные изделия играют огромную роль в жизни человека, так как обеспечивают организм пищевыми и минеральными веществами, витаминами и пищевыми волокнами.

Хлеб и хлебобулочные изделия являются основными поставщиками углеводов — главного энергетического компонента пищи. Большое число потребителей предпочитают диетический хлеб, он содержит малое количество углеводов и более богат витаминами и минеральными веществами, так как диетическое питание стало более актуальным в настоящее время [3; 4].

Научная новизна. Научно доказана и экспериментально подтверждена целесообразность использования нетрадиционного растительного сырья в технологии хлебобулочного изделия специализированного назначения и повышенной пищевой ценности. Оптимизирован рецептурный состав хлебобулочного изделия с добавлением шпината.

Целью исследования является совершенствование технологии производства хлебобулочного изделия на основе использования нетрадиционного сырья — шпината и проведение экономического обоснования предложенной технологии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

— провести анализ органолептических, физико-химических и микробиологических показателей качества сырья и готовой продукции — хлебобулочного изделия с добавлением шпината;

— произвести экономическое обоснование эффективности производства опытного образца хлеба со шпинатом.

Объектом данного исследования является хлеб пшеничный с добавлением шпината.

Теоретическая и практическая значимость: на основании проведенных исследований разработана рецептура пшеничного хлеба с добавлением шпината, что позволяет расширить ассортимент изделий профилактического назначения. Расчет экономической эффективности от внедрения нового вида хлебобулочного изделия профилактической направленности показал, что прибыль от производства вырастет на 1,48 % по сравнению со стандартным ассортиментом, и подтвердил конкурентоспособность продукта в условиях современного рынка хлебобулочных изделий.

Проблемы роста сельскохозяйственного производства, выпуска продукции в необходимых объемах при сохранении ее качества, расширения ассортимента всегда остро стояли как в Волгоградской области, так и в других регионах Российской Федерации. Одной из задач современного этапа является обеспечение населения государства высоковитаминными экологически чистыми продуктами питания. В этой связи повышается актуальность производства

функциональной продукции высокого качества, что невозможно без инновационного развития сельского хозяйства и перерабатывающей отрасли [5; 6].

Необходимой задачей становления пищевой индустрии считается создание оригинальных товаров питания с увеличенной пищевой ценностью. Ввиду того, что хлеб в России, являясь одним из главных продуктов питания, порой не отвечает требованиям покупателей и имеет сравнительно низкую пищевую ценность, приоритетными направлениями развития данной отрасли является повышение его качества, безопасности и пищевой ценности [7].

В последнее время диетическое питание стало особенно актуальным, и большое число потребителей предпочитают диетический хлеб, поскольку он содержит малое количество углеводов и богат витаминами и минеральными веществами [8; 9].

Разработка и внедрение рецептур и технологий функциональных продуктов массового спроса является одной из приоритетных задач современной государственной политики, направленной на формирование системы здорового питания населения России [10].

Технология производства и полученные результаты

Продуктовый рацион, в который входит много разнообразных фруктов и овощей, помогает поддерживать хорошее самочувствие и способствует оздоровлению. Одним из самых богатых микроэлементами и витаминами среди зеленых овощей считается шпинат, полезные свойства которого ценят на Западе, но почему-то оставляют без должного внимания на территории России. Введение небольшого количества этого продукта в ежедневный рацион способно значительно улучшить качество жизни [11].

В шпинате присутствуют белки, углеводы и жиры; органические, насыщенные и ненасыщенные жирные кислоты, клетчатка, крахмал, сахара; витамины А, Е, С, Н, К, РР, много витаминов группы В, бета-каротин; кальций, магний, натрий, калий, фосфор, железо, цинк, медь, марганец, селен. В его листьях очень много белка. Важные витамины, такие как А и С, в шпинате отличаются стойкостью к температурным воздействиям — они сохраняются при термической обработке. В растении содержится большое количество водо- и жирорастворимых витаминов, макро- и микроэлементов, способных увеличить безопасность и качество хлебобулочных изделий. Все это делает шпинат как добавку перспективным ингредиентом в хлебопечении. Была проведена пробная выпечка пшеничного хлеба и хлеба со шпинатом [12; 13; 14].

На кафедре перерабатывающих технологий и продовольственной безопасности ФГБОУ ВО «Волгоградский ГАУ» в 2016–2017 гг. проводились пробные выпечки пшеничного хлеба с добавлением шпината.

Для приготовления хлеба пшеничного и хлеба со шпинатом использовалось следующее сырье согласно ГОСТ:

— шпинат — ГОСТ Р55650-2013;
— мука пшеничная — ГОСТ Р 52189-2003;
— соль поваренная пищевая — ГОСТ Р51574-2000;
— вода — ГОСТ Р 51232-98;
— сахар — ГОСТ 33222-2015;
— дрожжи быстродействующие — ГОСТ Р 54731-2011;
— масло подсолнечное — ГОСТ 1129-93.

После пробной выпечки проводили ряд исследований: по физико-химическим, органолептическим и микробиологическим показателям качеств.

Рецептура хлеба со шпинатом представлена в табл. 1.

Таблица 1

Рецептура хлеба на 100 кг продукта, кг

Наименование сырья	Хлеб пшеничный	Хлеб со шпинатом
Шпинат	—	6,7
Мука пшеничная	70	67,5
Соль поваренная пищевая	1,4	1,4
Вода	28,2	24
Сахар	5	5
Дрожжи быстродействующие	1	1
Масло подсолнечное	6,4	6,4
Выход	100	100

Из испеченной партии хлеба делали отбор буханок и исследовали их на органолептические показатели. Результаты органолептических показателей приведены в табл. 2.

Таблица 2

Органолептические показатели пшеничного хлеба

Наименование показателя	Характеристика изделия	
	Хлеб пшеничный	Хлеб со шпинатом
Внешний вид	Форма хлеба в виде кирпичика не имеет лишних выпуклостей и вмятости	Форма хлеба в виде кирпичика не имеет лишних выпуклостей и вмятости
Поверхность	Поверхность хлеба гладкая, без трещин и надрывов в большом размере	Поверхность хлеба гладкая, без трещин и надрывов в большом размере
Цвет	Светло-коричневый	Коричневый, в боковых корках просвечивается зеленоватый оттенок
Запах и вкус	Соответствует данному виду хлеба	Соответствует данному виду хлеба с привкусом шпината
Промес	Без комочков и следов непромеса	Без комочков и следов непромеса

Внешний вид определялся визуально. Поверхность хлеба была гладкой, без трещин и надрывов в большом размере.

Цвет хлеба был равномерным, коричневый, в боковых корках просвечивался зеленоватый оттенок. Отделение корки от мякиша не было обнаружено.

Хлеб формовой имел определенную форму в виде кирпичика и от других образцов не отличался. Не отмечались наплывы, вмятость и другие дефекты на поверхности.

Вкус и запах соответствовал данному виду хлеба с привкусом шпината. Не ощущалось наличие примесей, хруста на зубах не было, а также отсутствовали посторонние запахи.

Состояние мякиша учитывали по степени пропеченности, интенсивности и равномерности промеса теста, пористости и эластичности. Хлеб хорошо пропечен, не липкий, не влажный на ощупь, без комочков и следов непромеса, равномерно пористый. В мякише отсутствовали пустоты и закалы, т. е. плотные, водянистые, не содержащие пор участки, располагающиеся обычно у нижней корки.

Мякиш был достаточно эластичным, не крошковатым, не черствым. При легком надавливании пальцем быстро принимал первоначальную форму [2].

Разрезали хлеб на четыре части, затем обрезали мякиш одного кусочка, быстро измельчали, чтоб не успел высохнуть. Выкладывали в бюксу, ранее взвешенную, измеряли 5 г продукта. После закрывали крышку при переносе образца до шкафа. Далее отправляли в сушильный шкаф СЭШ-1 при температуре 130 °С на 45 мин, при этом бюксу три-четыре раза перекручивали для равномерного просушивания [15].

При сравнении образцов сделали вывод, что добавление шпината отразилось благоприятно на органолептических показателях хлеба. Вкус и запах приобрели оттенок шпината, стали более окрашенными. В таблице 3 представлены физико-химические результаты исследования образцов.

Таблица 3

Физико-химические показатели качества образцов хлеба

Наименование образца	pH	Влажность, %	Упек, %	Пористость, %
Хлеб пшеничный	2,5 ± 0,02	38	12	70
Хлеб со шпинатом	2,6 ± 0,02	38,2	11	72

Сравнив контрольный образец хлеба пшеничного с образцом исследуемого хлеба со шпинатом, сделали следующие выводы:

— пористость хлеба со шпинатом больше, чем хлеба пшеничного. Хорошо разрыхленный хлеб с равномерной мелкой тонкостенной пористостью лучше пропитывается пищеварительными соками и поэтому полнее усваивается;

— исследуемым образцам характерна кислая среда, которая соответствует стандартам, по этому показателю судят о правильности ведения технологического процесса;

— содержание влажности в обоих образцах соответствует требованиям ГОСТ;

— микробиологические показатели соответствовали СанПиН 2.3.2.1078-01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов»;

— по оценке органолептических показателей можно отметить, что оба хлеба обладали отличными вкусовыми качествами и приятным ароматом.

Срок хранения такого хлеба не более 24 ч при температуре 20–25 °С и влажности 75 %.

Экономическое обоснование предложенной технологии

Результаты проведенного экономического обоснования эффективности производства опытных образцов представлены в табл. 4.

Таблица 4

Экономическое обоснование эффективности производства опытных образцов

Показатели	Опытные образцы	
	Хлеб пшеничный	Хлеб со шпинатом
Затраты на 100 кг продукции, руб., всего, в том числе:	4808,22	6768,75
сырье и основные материалы	3780,20	5562,50
транспортные расходы	378,02	556,25
расходы на оплату труда	650,00	650,00
Прочие производственные расходы, руб.	124,53	183,56
Прочие внепроизводственные расходы, руб.	83,02	122,38
Полная себестоимость, руб.	4358,55	6424,69
Цена за 100 кг, руб.	4794,41	7067,16
Цена за 1 ед. товара с учетом НДС, руб.	26,37	38,87
Прибыль, руб.	435,86	642,47
Рентабельность, %	10	10

Проведенный анализ показал превышение затрат на сырье при производстве хлеба со шпинатом относительно производства пшеничного хлеба на 1782,30 руб. на 100 кг. Цена реализации исследуемого образца также превышает контрольный образец на 2272,75 руб. на 100 кг. Прибыль при производстве хлеба со шпинатом составила 642,47 руб. на 100 кг, что выше аналогичного показателя при производстве пшеничного хлеба на 206,61 руб.

При этом следует отметить, что при разных экономических показателях производства опытных образцов мы получаем одинаковый уровень рентабельности в размере 10 %. Таким образом, при производстве опытного образца хлеба со шпинатом товаропроизводитель получает рентабельность, сопоставимую с пшеничным хлебом, но с более высокими показателями качества готовой продукции.

Проведенные расчеты показали, что цена за 1 ед. товара опытного образца хлеба со шпинатом составила 38,87 руб., включая НДС, что превышает цену реализации пшеничного хлеба на 12,5 руб. Однако в качестве компенсации потребитель получит высоковитаминный продукт питания с увеличенной пищевой ценностью.

Выводы

По органолептическим показателям хлеб со шпинатом обладал отличным вкусовым качеством и приятным ароматом.

Пористость хлеба со шпинатом была выше, чем у хлеба пшеничного, из этого следует, что чем выше пористость изделий, тем дольше они сохраняют свежесть и лучше усваиваются организмом.

По микробиологическим показателям хлеб со шпинатом соответствовал СанПиН 2.3.2.1078-01. Отсутствие патогенной микрофлоры свидетельствовало о гарантированном санитарном благополучии экспериментальной продукции.

В результате проведенных расчетов видно, что цена за 1 ед. товара опытного образца хлеба со шпинатом составила 38,87 руб., рассчитана на контингент людей со средним доходом. Хлеб со шпинатом богат витаминами и микроэлементами, которые очень полезны для организма человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иунихина Е. В. Совершенствование технологии хлебобулочных изделий для здорового питания на основе применения нетрадиционного сырья // автореферат дис. ... канд. техн. наук. М., 2015. 22 с.

2. Ильина О. А., Баландина А. С., Иунихина Е. В. Комплексный подход к управлению качеством хлеба // Пищевая промышленность. 2013. № 2. С. 14–17.

3. Едыгова С. Н. Перспективы использования овощных соков в хлебопечении // Повышение качества и безопасности пищевых продуктов : сб. материалов V всероссийской науч.-практич. конф. 2015. С. 90–92.

4. Cefalu W. T., Frank B. Hu. Role of Chromium in Human Health and in Diabetes // Diabetes Care. 2004. Vol. 27. No. 11. Pp. 2741–2751.

5. Калмыкова Е. В., Ефремова Е. Н. Переработка натурального растительного сырья и использование его в качестве добавок при производстве хлебобулочных изделий // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2013. № 4(32). С. 172–177.

6. Вавилова О. И. Эффективность применения порошка шпината в качестве натурального антиоксиданта для мучных изделий, обжариваемых во фритюре. (Южная Корея) // Пищевая и перерабатывающая промышленность. Реферативный журнал. 2005. № 4. С. 1274–1278.

7. Lahn W. J., Braun S. D. Enzymatic production of protein hydrolysates for food uses // Food Technol. 1994. No. 10. Pp. 68–71.

8. Гупанова Ю. Е. Организационно-экономический механизм управления качеством продукции хлебопекарной промышленности. Эксперт // Пищевая промышленность. 2008. № 8. С. 7–9.

9. Таранова Е. С., Зарбалиева Ш. С. Использование нетрадиционного сырья в производстве хлебобулочных изделий // Приоритетные направления развития пищевой индустрии. 2016. С. 559–562.

10. Сухова О. В., Гордеева В. Ф. Разработка рецептуры хлебобулочного изделия повышенной пищевой ценности // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 304–307.

11. Hadjiandreou E. How to Make Bread. 2011.160 p.

12. Трубина И. А., Скорбина Е. А. Использования адаптогенов растительного происхождения в технологии хлебобулочных изделий // Сборник научных статей 78-й науч.-практич. конф. «Современные ресурсосберегающие инновационные технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции в СКФО». 2014. С. 135–138.

13. Leader D., Chattman L. Local Breads: Sourdough and Whole-Grain Recipes from Europe's Best Artisan Bakers. 2007. 368 p.

14. Hertzberg J., François Z., Luinenburg M. Artisan Bread in Five Minutes a Day: The Discovery That Revolutionizes Home Baking, 2007. 242 p.

15. Ефремова Е. Н. Совершенствование рецептуры пшеничного хлеба добавками, обладающими функциональными и технологическими свойствами // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. 2015. № 4(40). С. 207–213.

REFERENCES

1. Iunikhina E. V. Improving the technology of bakery products for healthy eating through the use of non-traditional raw materials: abstract of dissertation of the candidate of Technical Sciences. M., 2015. 22 p. (In Russ.).

2. Ilyina O. A., Balandina A. S., Iunikhina E. V. Comprehensive approach to the management of quality of bread // Food industry. 2013. No. 2. Pp. 14–17. (In Russ.).

3. Idigova S. N. Prospects for the use of vegetable juice in bread making // Improving the quality and safety of food products: Collection of materials of the V all-Russian scientific-practical conference. 2015. Pp. 90–92. (In Russ.).

4. Cefalu W. T., Frank B. Hu. Role of Chromium in Human Health and in Diabetes // Diabetes Care. 2004. Vol. 27. No. 11. Pp. 2741–2751.

5. Kalmykov E. V., Efremova E. N. Processing of natural plant materials and use it as additives in the production of bakery products // Proceedings of Lower Volga agrodiversity complex: Science and higher professional education. 2013. No. 4(32). Pp. 172–177. (In Russ.).

6. Vavilova O. I. The effectiveness of spinach powder as a natural antioxidant for deep-fried flour products. (South Korea) // Food processing industry. Abstract journal. 2005. No. 4. Pp. 1274–1278. (In Russ.).

7. Lahn W. J., Braun S. D. Enzymatic production of protein hydrolysates for food uses // Food Technol. 1994. No. 10. Pp. 68–71.

8. Gubanova Yu. E. Organizational-economic mechanism of quality management of bakery industry. Expert // Food industry. 2008. No. 8. Pp. 7–9. (In Russ.).

9. Taranova E. S., Zarbalieva S. S. The use of non-traditional raw materials in the production of bakery products // Priority directions of development of the food industry. 2016. Pp. 559–562. (In Russ.).

10. Sukhova O. V., Gordeeva V. F. Development of the bakery product of increased nutritional value // Young scientist. 2015. No. 9. Pp. 304–307. (In Russ.).

11. Hadjiandreou E. O. To Make Bread, 2011. 160 p.

12. Trubina I. A., Skorbina E. A. The use of adaptogens of plant origin in the technology of bakery products // Collection of scientific articles the 78th scientific and practical conference "Modern resource-saving innovative technologies of production and processing of agricultural products in the district". 2014. Pp. 135–138. (In Russ.).

13. Leader D., Chattman L. Local Breads: Sourdough and Whole-Grain Recipes from Europe's Best Artisan Bakers, 2007. 368 p.

14. Hertzberg J., François Z., Luinenburg M. Artisan Bread in Five Minutes a Day: The Discovery That Revolutionizes Home Baking, 2007. 242 p.

15. Efremova E. N. Improvement of the formulation of wheat bread additives with functional and technological properties // Materials of the Lower Volga agro-diversity complex: science and higher professional education. 2015. No. 4(40). Pp. 207–213. (In Russ.).

Как цитировать статью: Ефремова Е. Н., Зенина Е. А., Кузнецова Е. А., Зубова О. Г. Экономическое обоснование производства хлебобулочных изделий с использованием нетрадиционного сырья // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 102–107. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.463.

For citation: Efremova E. N., Zenina E. A., Kuznetsova E. A., Zubova O. G. The economic justification of production of bakery products using unconventional raw materials // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 102–107. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.463.

УДК 65.011.56
ББК 65.2/4

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.411

Zaramenskikh Evgenii Petrovich,
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of Business Informatics,
Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow,
E-mail: zep3000@gmail.com

Зараменских Евгений Петрович,
канд. техн. наук,
доцент кафедры бизнес-информатики,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва,
E-mail: zep3000@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ФАКТОРА РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

TRANSFORMATION OF ORGANIZATIONAL MANAGEMENT STRUCTURES UNDER THE INFLUENCE OF THE DIGITAL ECONOMICS DEVELOPMENT FACTOR

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством;
08.00.13 – Математические методы в экономике
08.00.05 – Economics and management of national economy;
08.00.13 – Mathematical methods in economics

В статье исследована проблема трансформации организационных структур управления под воздействием развития цифровой экономики.

В статье цифровые трансформации рассматриваются через призму изменений в системе управления организациями, поскольку данная форма трансформаций создает условия для того, чтобы компании стали более гибкими, ориентированными на потребности клиентов, потребителей, поставщиков, инновационными, эффективными и способными самостоятельно стимулировать свой экономический рост за счет высокой степени коммодитизации продуктов и услуг. Указано, что цифровая трансформация — это трансформация бизнес-структур, которая приводит к росту экономической эффективности за счет экономии ресурсов, возникающей вследствие сокращения расходов на производственную деятельность за счет роботизации производства; на управление за счет создания эффективно работающих и малозатратных организационных систем управления; на хозяйственные нужды за счет снижения затрат, например на аренду офисов и т. д.

На основе проведенного исследования сделан вывод, что компании, которые уже прошли этап IT-трансформации, называют информационные технологии главным конкурентным преимуществом и источником получения экономической выгоды. Среди дополнительных преимуществ — снижение затрат на управление, персонал, высокая контролируемость коммерческих операций, возможность создания принципиально новых продуктов и услуг и, как следствие, кардинальное повышение эффективности ведения бизнеса.

Автор статьи обосновывает тезис о том, что благодаря процессам «цифровой трансформации» все больше организаций обретают признаки «виртуальности». В работе приводятся аргументы в пользу того, что в настоящее время возникает необходимость трансформации традиционных моделей управления организациями за счет использования достижений в области развития цифровых технологий, что дает возможность повысить эффективность менеджмента.

The article examines the problem of transformation of organizational management structures under the influence of the digital economics.

The article reviews digital transformations through the prism of changes in the management system of organizations, as this form of transformation creates conditions for companies to become more flexible, focused on the needs of customers, consumers, suppliers, innovative, efficient and able to independently stimulate their economic growth through a high degree of commoditization of products and services. It is indicated that digital transformation is a transformation of business structures, which leads to increase in economic efficiency by saving resources resulting from reduction of production costs, due to robotization of production; management through creation

of efficient and cost-effective organizational management systems; economic needs by reducing costs, such as office rent, etc.

On the basis of the study it is concluded that the companies that have already passed the stage of IT transformation state that the information technology is the main competitive advantage and a source of economic benefits. Additional advantages include reduction of management costs, personnel, high control of commercial operations, ability to create fundamentally new products and services, and as a result, a fundamental increase in business efficiency.

The author of the article substantiates the thesis that due to the processes of "digital transformation" more and more organizations acquire the signs of "virtuality". The paper presents the arguments in favor of the fact that currently there is a need of transformation of traditional models of organizations management through the use of advances of digital technology that gives the opportunity to increase the efficiency of management.

Ключевые слова: цифровая экономика, система, технологии, бизнес, факторы, трансформация, структура, организация, управление, развитие, этапы.

Keywords: digital economics, system, technology, business, factors, transformation, structure, organization, management, development, stages.

Введение

Актуальность темы. В начале XXI в. информация и знания становятся качественно новым фактором производства, который коренным образом отличается от традиционных факторов — земли, капитала и труда. Если в результате промышленной революции была создана индустриальная технология и машинная техника, в результате чего повысилась производительность труда, то научно-технологическая революция конца XX в. превратила информацию и знания в новый фактор производства, который увеличивает эффективность как производства, так и оказания услуг.

Такая экономическая модель представляет собой экономическую систему тех стран, где информационный сектор занимает ведущее место в структуре экономики и определяющим образом влияет на функционирование всех остальных отраслей хозяйства на основе применения высококвалифицированного интеллектуального труда, инвестиций в развитие информационных ресурсов, создание новой информации, знаний как главного продукта производственной деятельности.

Сегодня на фоне интенсивного развития новейших информационных технологий разворачиваются процессы трансформации экономики, которые формируют новую экономическую и социальную реальность, мимо которой Россия пройти не может, поскольку трансформационные процессы, их адекватное восприятие и участие нашей страны в этих процессах определят место российского государства в мировой экономике XXI в. В этой связи на современном этапе изучению трансформации системы управления уделяется много внимания. Этот интерес в значительной степени обусловлен также активизацией информационных и интеграционных процессов в экономике, транснационализацией производственной деятельности, повышением уровня рисков, снижением доходности многих сегментов бизнеса.

Изученность проблемы. В последнее десятилетие существенный вклад в исследование процессов трансформации управления внесли отечественные ученые А. Н. Асаул, В. И. Павлов, Ф. И. Бескиерь, О. А. Мышко, В. Н. Бурков, Н. А. Коргин, Д. А. Новиков, В. А. Гончарук, Н. В. Зубанов, А. В. Катаев, В. Д. Маркова, С. А. Кузнецова, А. А. Колобов, И. Н. Омельченко, А. И. Орлов, Т. А. Гаврилова, Ю. Ф. Тельнов, В. В. Кондратьев, Н. Н. Лычкина, а также зарубежные ученые Дж. Рос, Р. Темплар, Д. Дон, У. Джек, И. Адизес, Г. Алан, У. Стюарт, Р. Робинсон, З. фон Харро, Т. Дон, Д. Энн, Ф. Лалу, W. R. Griffin, J. M. Phillips, S. R. Clegg, M. Kornberger, J. Pfeffer.

Целесообразность разработки темы. Изучение работ данных исследователей дает основание для вывода: в настоящее время возникает необходимость трансформации традиционных моделей управления организациями, поиска возможностей повышения эффективности управления за счет использования цивилизационных достижений в области информатики, кибернетики, в развитии цифровых технологий.

Научная новизна заключается в том, что на новом уровне раскрыта проблема трансформации организационных структур управления организации под воздействием фактора развития цифровой экономики.

Цель исследования — раскрыть содержание трансформационных процессов в сфере управления организациями в условиях развития цифровой экономики.

Задачи исследования: раскрыть содержание трансформационных процессов в экономике; проанализировать их воздействие на развитие организационных структур управления предприятием под воздействием фактора развития цифровой экономики.

Основная часть

По оценкам аналитиков, в отдельных национальных экономиках с разной скоростью, но неизбежно меняются процесс труда, трудовые отношения, занятость. В странах с развитой экономикой и в отраслях, которые легко поддаются автоматизации, за последние 20 лет сократилась доля работников средней квалификации [1], повышаются требования к интеллектуальному уровню персонала, к способностям работника. На сегодня речь идет о формировании работника-«интеллектуала», способного, в том числе, самостоятельно управлять своей деятельностью в условиях «удаленной работы», в команде «виртуальной организации».

Искусственный интеллект и цифровые технологии, продукция робототехники все лучше справляются с выполнением умственных и физических задач. Выстраивается экономика, которая все в большей степени основывается не на полной занятости, а на краткосрочных отношениях с фрилансерами, на участии работников в деятельности «виртуальных команд», «виртуальных организаций» [2; 3].

В то же время обратим внимание и на то, что, исходя из опроса, который охватил более 10 тыс. руководителей компаний и экспертов по управлению персоналом из 140 стран, современные организации сталкиваются с радикальным изменением контекста управления человеческими ресурсами, условий и организации работы. Ряд тенденций, сложившихся на мировых рынках, неизбежно ведет к появлению потребности в создании новых «правил игры». Технологии развиваются беспрецедентными темпами, и персонал относительно быстро приспосабливается к инновациям, однако при этом сами организации адаптируются к нововведениям гораздо медленнее, многие из них до сих пор сохраняют структуру, характерную для индустриальной эпохи, и используют давно устаревшие методы управления [4].

Данная ситуация формирует условия для возникновения существенного противоречия между явной экономической эффективностью использования достижений цифровой экономики в управленческой деятельности и недостаточными тепами их внедрения в практику деятельности современных организаций. Данная проблема весьма актуальна для России, которая в 2017 г. опустилась на 45-е место в рейтинге развития информационно-коммуникационных технологий ICT Development Index (IDI), при том, что в предыдущем году наша страна занимала в данном рейтинге 43-е место [5].

Следует обратить внимание и на то, что в нашей стране отсутствует осознание необходимости интенсивного развития цифровых технологий, их включения в практику управления, производства, хозяйственной деятельности. Об этом свидетельствует более чем скромная цель, поставленная в Государственной программе «Информационное общество (2011–2020 гг.)», в соответствии с которой в 2029 г. Россия должна занять в указанном рейтинге лишь 42 место [6]. В то же время современные тренды экономического развития, безусловно, требуют стимулирования трансформационных процессов, которые приведут к изменениям всей системы российской экономики и менеджмента с учетом тех возможностей, которые на сегодня открываются в связи с развитием цифровых технологий, информатизации управления, производства, сбыта товаров и услуг.

Методология

Как известно, термин «трансформация» происходит от латинского слова transformatio, что означает изменение, преобразование вида, формы, существенных свойств чего-либо. Этимология слова, основное его значение состоит из двух латинских слов: trans — «через», «за» и forma — «вид», «образ», то есть изменение образа, видоизменение. Таким образом, «трансформировать» в переводе с латыни — превращать, изменять вид, форму, существенные свойства чего-нибудь. Итак, в широком смысле трансформировать означает возможность превращать нечто в что-то иное, имеющее черты, отличные от исходного образца. Активно понятие «трансформация» начало использоваться во второй половине XX в. преимущественно для характеристики новейших процессов, прежде всего связанных с радикальными структурными изменениями национальных экономик, обусловленными развитием постиндустриального общества и глубокими изменениями в экономических отношениях. По мнению экономистов, это объясняется, во-первых, существенным технологическим взлетом ведущих стран, обусловленным наступлением постиндустриальной цивилизации, которая по своей структуре отличается от эпохи индустриализации. Развивающимся странам предстоит решить проблему самоопределения и найти место в постиндустриальном мире. Во-вторых, современное экономическое развитие общества во многом обусловлено научно-технологическим прогрессом. Происходит активный переход общества в информационную фазу, а субъекты хозяйствования действуют в новой среде «экономики знаний» [7].

Таким образом, можно говорить о том, что в современной экономике понятие «трансформация» трактовалось как процесс преодоления существенных элементов старого порядка и формирования качественно нового состояния экономической системы. Учитывая это, Т. И. Заславская называла трансформационный процесс как постепенное, относительно мирное, но в то же время глубокое и относительно быстрое преобразование социальной сущности общества, обусловленное прежде всего не внешними факторами, а внутренними потребностями системы [8].

В рамках данной работы цифровые трансформации мы рассматриваем через призму изменений в системе управления организациями, поскольку данная форма трансформаций создает условия для того, чтобы компании стали более гибкими, ориентированными на потребности клиентов, потребителей, поставщиков, инновационными, эффективными и способными самостоятельно стимулировать свой экономический рост за счет высокой степени коммодитизации продуктов и услуг.

Результаты

Глобальные трансформации, происходящие в мировой экономической системе, несут целый ряд структурных изменений, новых тенденций и закономерностей, среди которых в первую очередь необходимо отметить формирование холизма мира, глобализации информационных потоков, рост влияния доступа и скорости получения информации на конкурентоспособность международных игроков в целом и стран в частности. Данные трансформации глобального плана во многом обеспечены изменением роли информации, которая стала основным экономическим ресурсом, важнейшим фактором общественного развития, реальным средством изменения мировоззрения человека, не представляющего своего существования вне информационного пространства. Видимо, сегодня имеет смысл говорить о том, что информация в XXI в. уже вошла в основание пирамиды Маслоу, стала базовой личностной потребностью (потребностью в информации) наряду с потребностями в пище, одежде, сне и т. д.

Таким образом, обращаясь к реалиям сегодняшнего мирового цивилизационного развития, следует сказать, что все трансформационные процессы, протекающие в современной экономике, так или иначе связаны с принципиально новой формой трансформации, частично выходящей за рамки материального мира. Речь идет о так называемой «цифровой трансформации», которая, по мнению Дж. Вестермана, Д. Боннэ и Э. Макафи, представляет собой использование современных технологий для кардинального повышения производительности и ценности предприятий [9].

Как указывают теоретики трансформационных процессов [4; 9; 10], цифровые трансформации открывают возможности для постоянного движения организации по пути непрерывной оптимизации бизнес-процессов, совершенствования архитектуры, развития элементов всей бизнес-системы, что определяется множеством взаимосвязанных промежуточных целей, среди которых: ориентация на конкретного потребителя и использование информации как ресурса развития, учет конкретных особенностей конкретного потребителя, ориентация на внедрение технологий цифровых сервисов для совершенствования бизнес-процессов.

В целом, по мнению автора, можно говорить о том, что стратегия цифровой трансформации направлена на создание условий для полного использования возможностей новых цифровых технологий и их воздействия на общую эффективность деятельности организаций. В этой связи необходимо обратить внимание и на то, что все цифровые трансформации связаны с внедрением цифровых технологий и в настоящее время находятся на различных стадиях внедрения, имеют различный «вес» с точки зрения их воздействия на трансформационный процесс (см. рис. 1 на стр. 110).

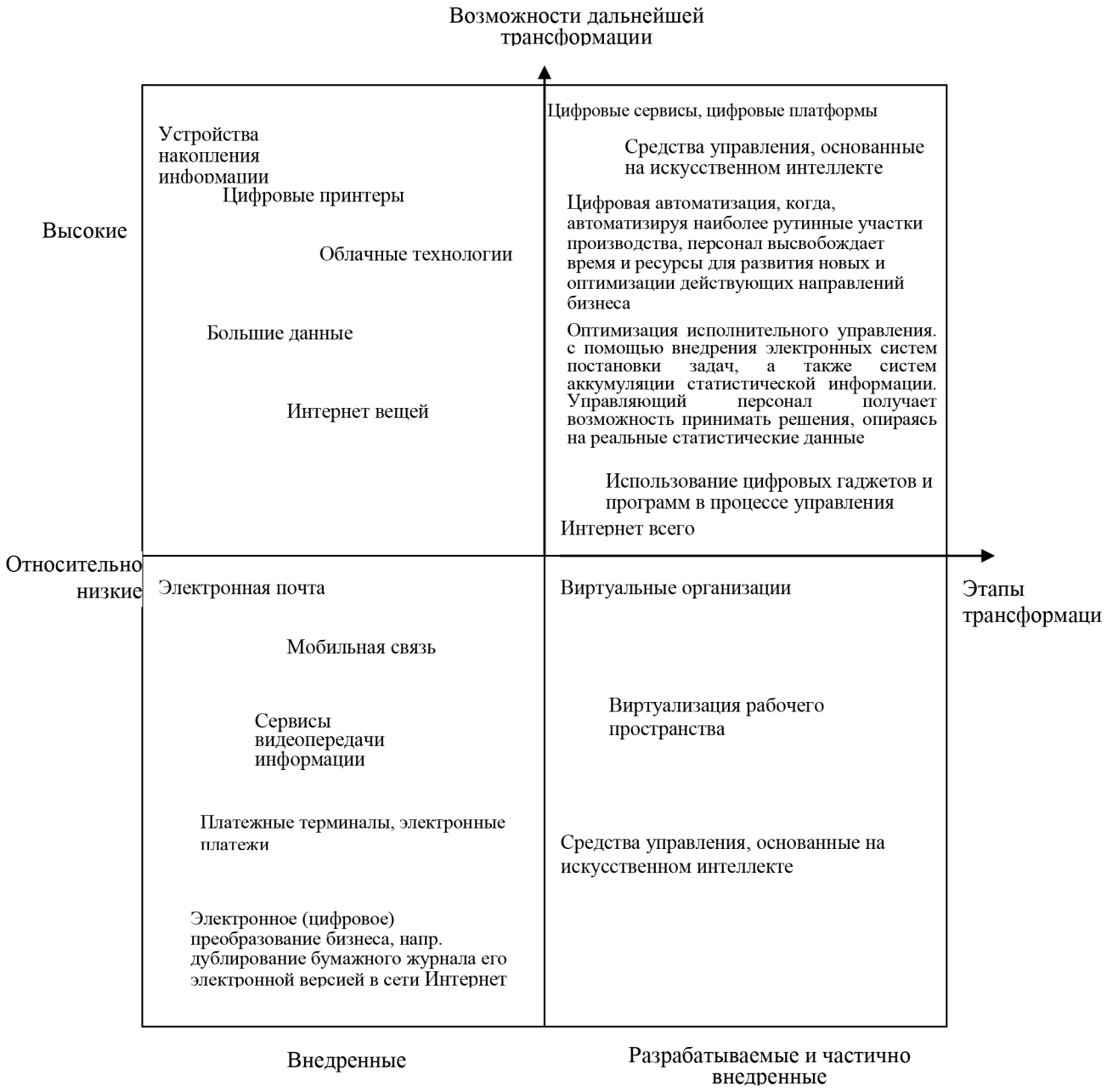

Рис. 1. Стадии внедрения цифровых технологий и их значение для процесса трансформации (составлено автором)

Отечественные исследователи данной проблематики указывают на то, что становление нового экономического уклада на базе ускоренного инновационного развития и повсеместного распространения информационных и коммуникационных технологий сопровождается неизбежным изменением процессов производства и потребления, преобразованием институциональных структур, организационных форм и механизмов, модификацией культурных императивов, ценностных ориентаций и концептуальных подходов. Очевидно, что, будучи наиболее активным и динамичным элементом экономической системы, глубокой и комплексной трансформации в первую очередь подвергается бизнес-среда [10].

Как отмечают В. Н. Бурков, Н. А. Коргин, Д. А. Новиков, в основе современной парадигмы управления организациями лежит необходимость найти оптимальную структуру взаимодействия и информирования всех членов организации о ее целях, задачах, достижениях, правилах, ресурсах, методах достижения целей, о возможностях продуктивного взаимодействия внутри организации и вне ее с тем, чтобы результат управления был наиболее благоприятен для центра (руководства организацией) [11].

Для достижения этой цели современные «продвинутые» организации используют информационный подход в управлении, который включает в себя информационный анализ процессов и явлений, информационное описание структуры объекта управления, информационное описание объектов, отношений и связей, информационное описание структуры управленческих потоков, построение информационных моделей и сетей, применение метрик в различных пространствах, информационное моделирование.

Необходимо сказать, что ведущие страны мира, воспринявшие информационный подход к управлению экономическими системами, планируют уже в ближайшем будущем перейти к модели «интернетизированного производства», в котором Интернет будет использован для достижения максимальной продуктивности и эффективности всей промышленности. Данный подход к управлению, безусловно,

диктуется нежеланием организаций находиться в тренде цивилизационного развития: в основе данной парадигмы лежит экономический интерес — главный стимул общественного и экономического развития. Данный тезис подтверждается данными компании Huawei, которая четвертый год подряд исследует тенденции развития цифровой экономики с помощью разработанного ее специалистами глобального индекса сетевого взаимодействия (Global Connectivity Index (GCI). Исследователи отмечают, что рост индекса на 1 пункт ведет к повышению уровней конкурентоспособности, инновационности и производительности национальной экономики (рис. 2).

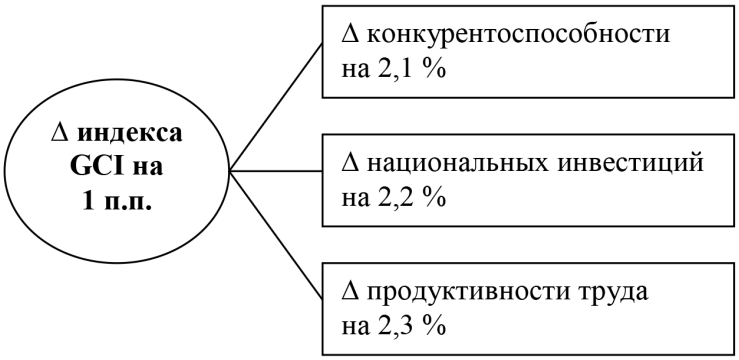

Рис. 2. Изменения в экономике при повышении индекса GCI на 1 п.п.

Исследуя динамику индекса глобального сетевого взаимодействия за последние два года по трем группам стран, объединенных уровнем ВВП на душу населения и степенью развития цифровых технологий (лидеры, последователи, начинающие), аналитики компании Huawei пришли к выводу, что цифровая дифференциация достаточно быстро становится цифровой пропастью (рис. 3), поскольку хотя начинающие и развивают цифровые технологии, но темпы этого развития вдвое ниже, чем у лидеров, и разрыв между странами растет.

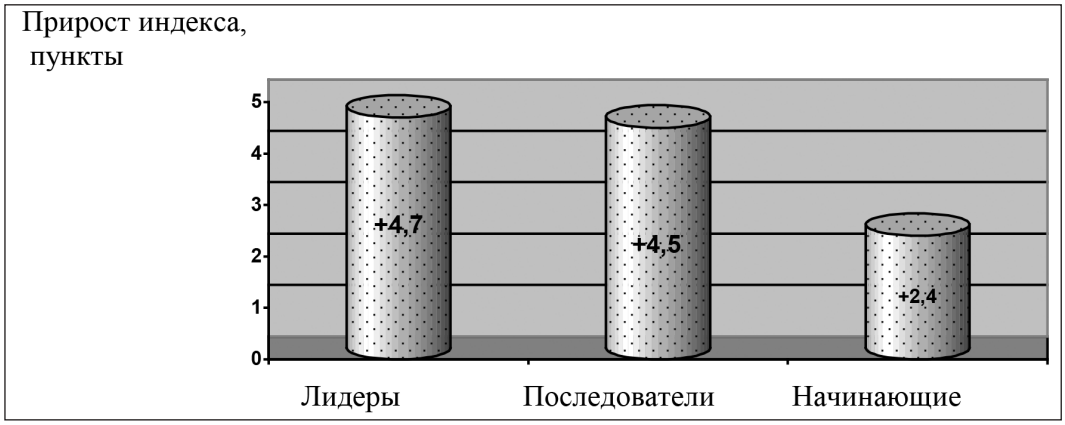

Рис. 3. Темпы прироста индекса GCI с 2015 по 2017 гг. по группам стран [12]

Динамичное развитие информационных процессов в ведущих странах позволяет определить формирование национальных моделей цифровой экономики: «Индустрия 4.0» в Германии, «Промышленный Интернет» в США, «Всепроникающее общество» в Японии.

По оценкам аналитиков, в отдельных национальных экономиках с разной скоростью, но неизбежно меняются процесс труда, трудовые отношения, занятость. В странах с развитой экономикой и в отраслях, которые легко поддаются автоматизации, за последние 20 лет сократилась доля работников средней квалификации [1], повышаются требования к интеллектуальному уровню персонала, к способностям работника; на сегодня речь идет о формировании работника-«интеллектуала», способного в том числе самостоятельно управлять своей деятельностью в условиях «удаленной работы», в команде «виртуальной организации».

Искусственный интеллект и цифровые технологии, продукция робототехники все лучше справляются с выполнением умственных и физических задач. Выстраивается экономика, которая все в большей степени основывается не на полной занятости, а на краткосрочных отношениях с фрилансерами, на участии работников в деятельности «виртуальных команд», «виртуальных организаций» [13].

В то же время обратим внимание на то, что современные организации сталкиваются с радикальным изменением контекста управления человеческими ресурсами, условий и организации работы. Ряд тенденций, сложившихся на мировых рынках, неизбежно ведет к появлению потребности в создании новых «правил игры». Технологии развиваются беспрецедентными темпами, и персонал относительно быстро приспосабливается к инновациям, однако при этом сами организации адаптируются к нововведениям гораздо медленнее, многие из них до сих пор сохраняют структуру, характерную для индустриальной эпохи, и используют давно устаревшие методы управления [4]. Данная ситуация формирует условия для возникновения существенного противоречия между явной экономической эффективностью использования достижений цифровой экономики в управленческой деятельности

и недостаточными тепами их внедрения в практику деятельности современных организаций. В то же время современные тренды экономического развития, безусловно, требуют стимулирования трансформационных процессов, которые приведут к изменениям всей системы российской экономики и менеджмента с учетом тех возможностей, которые на сегодня открываются в связи с развитием цифровых технологий, информатизации управления, производства, сбыта товаров и услуг.

Следует также сказать и о том, что в настоящее время теория и практика управления организациями находятся под воздействием развития бизнес-моделей «общей экономики», или экономики «общего пользования», которая работает на базе цифровых технологий и в своей основе опирается на принцип «лучше иметь доступ к благам, чем владеть ими». В значительной степени к этому тренду относятся и создаваемые принципиально новые модели управления организациями. Согласно глобальным тенденциям, ключевыми требованиями для современного бизнеса являются скорость управления, упрощение процессов и прямые коммуникации с клиентом. Вследствие этого приоритетное значение приобретают цифровые технологии, внедрение которых позволяет радикально повысить эффективность процесса управления организациями. Компании, которые уже прошли этап IT-трансформации, называют информационные технологии главным конкурентным преимуществом и источником получения экономической выгоды. Среди дополнительных преимуществ — снижение затрат на управление, персонал, высокая контролируемость коммерческих операций, возможность создания принципиально новых продуктов и услуг и, как следствие, кардинальное повышение эффективности ведения бизнеса.

В организационном плане, который, безусловно, не следует противопоставлять технологическим аспектам трансформации, мы можем говорить о том, что цифровая трансформация — это трансформация бизнес-структур, которая приводит к росту экономической эффективности за счет экономии ресурсов, возникающей вследствие сокращения расходов на производственную деятельность за счет роботизации производства; на управление за счет создания эффективно работающих и малозатратных организационных систем управления; на хозяйственные нужды за счет снижения затрат, например на аренду офисов и т. д.

Таким образом, изменение экономического уклада приводит к изменениям в различных аспектах существования организаций, в том числе и к изменениям в структуре организационных систем управления (табл.).

Таблица

Взаимосвязь развития технологических укладов и организационных структур управления

Уклад	Характеристика технологического уклада	Организационные структуры управления	Характеристика структур управления
Первый уклад: конец XVIII – начало XIX в. (1785–1835)	Использование энергии воды. Новые технологии в текстильной промышленности. Зарождение промышленности	Линейные	Линейные абсолютные полномочия формируют многоуровневую иерархическую структуру управления
Второй уклад: 2-я половина XIX в. (1830–1890)	Развитие железнодорожного транспорта и механизация производства практически всех видов продукции на базе использования парового двигателя	Дивизионные	Структуризация по дивизионам (производственно-хозяйственным подразделениям)
Третий уклад: конец XIX – середина XX в. (1880–1940)	Эпоха электроэнергии и автомобилей	Проектные	Направление на создание команд, способных решать сложные инновационные технические задачи
Четвертый уклад: 2-я половина XX в. (1930–1990)	Эра массового производства. Дальнейшее развитие энергетики, средств связи, широкое использование нефти, нефтепродуктов и газа, новых синтетических материалов	Матричные	Создание структур, способных работать автономно, использование модели коллективного руководства, высокий уровень гибкости организационных структур управления
Пятый уклад: середина 1980-х – 2005 г.	Эпоха революций: информационной революции, революции генетики, биотехнологии	Сетевые	Создание структур, функционирующих и управляемых по сетевому принципу, руководство удаленное, высокий уровень делегирования полномочий, гибкая приспособленность к среде
Шестой уклад: 2006 г. – настоящее время	Эпоха цифровой трансформации, основные отрасли: нано- и биотехнологии, наноэнергетика, молекулярная, клеточная и ядерная технологии, нанобиотехнологии, биомиметика, нанобионика, нанотроника, а также другие наноразмерные производства; новые медицина, бытовая техника, виды транспорта и коммуникаций; использование стволовых клеток, инженерия живых тканей и органов, восстановительная хирургия и медицина	Виртуальные	Образование временных альянсов (предприятий или их подразделений); сохранение отношений собственности до тех пор, пока это считается выгодным; поддержка информационных коммуникаций на базе интегрированных систем; гибкие взаимосвязи участников сети на основе соглашений и договоров; договорные отношения работников с администрацией во всех звеньях

Источник: составлено автором с помощью [14].

Фактически последний и предпоследний этапы развития технологии напрямую связаны с развитием Веб (рис. 4), и можно, в принципе, говорить о том, что веб-технологии являются одним из основных драйверов цифровой трансформации.

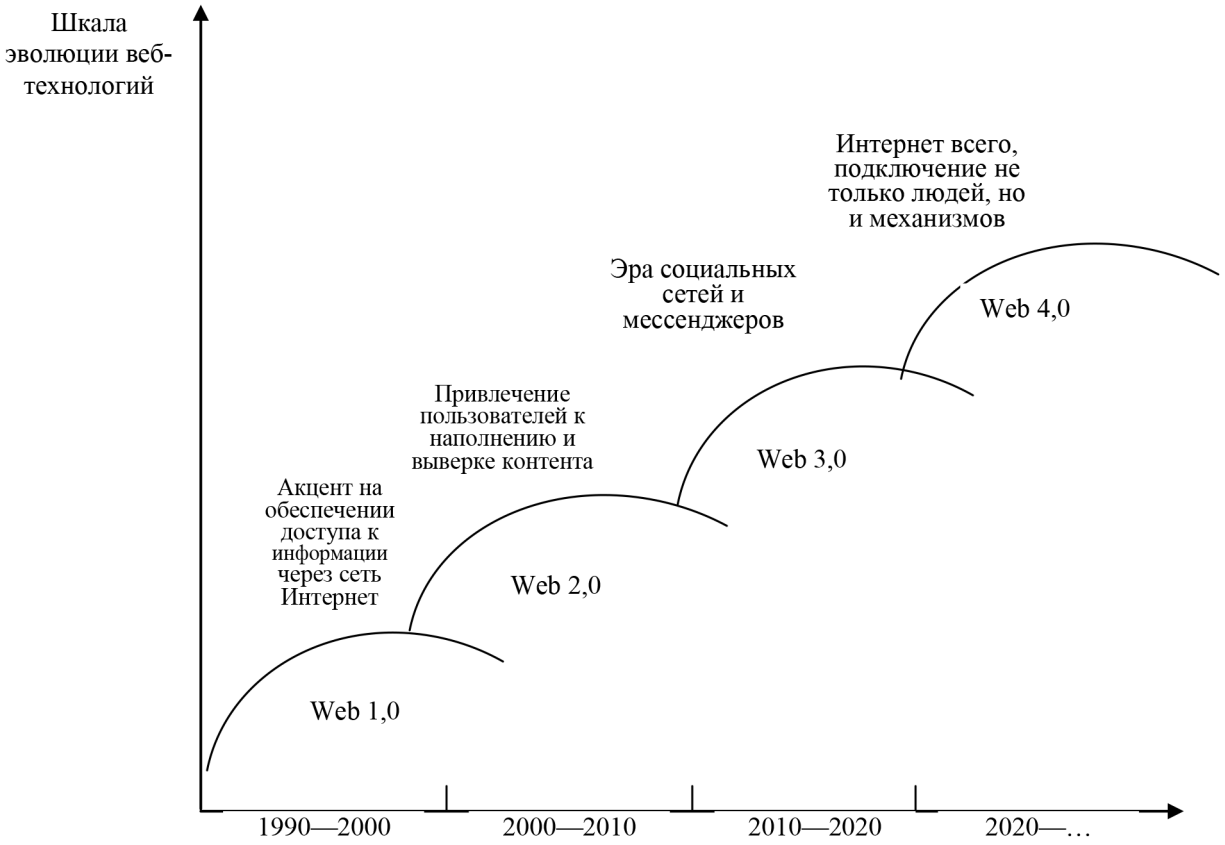

Рис. 4. Этапы эволюции веб-технологий

Обратим внимание на то, что в работах теоретиков цифровой трансформации [15, 16, 17] даются рекомендации, касающиеся возможностей оптимизации управления бизнесом с использованием достижений цифровой трансформации. Например, в процессе управления рекомендуется обращаться к облачным технологиям, что дает возможность организации оптимизировать функции по привлечению, удержанию и развитию персонала и, таким образом, более эффективно реализовать политику управления персоналом; постоянно мониторить движение финансовых потоков; оптимизировать бизнес-процессы, повысить управляемость компаниями за счет снижения уровней управления.

Исследователи указывают, что сокращение количества уровней управления стало одним из самых заметных событий в жизни компаний в постиндустриальную эпоху. Отношение к организации как к единому целому, которое не разделено на антагонистические части, демократизация управления потребовали трансформации организационных структур. Данная внутренняя логика имела своим основанием идею создания максимально адаптированной организации, способной быстро реагировать на изменения во внешнем окружении. Способность к быстрой реакции также требовала новых структур управления фирмами. Они стали появляться в 1980-е гг. и получили самое широкое распространение в 1990-е гг. прошлого столетия. Характерно то, что процесс этот не завершен до сих пор, и каждая компания ищет новые формы и модели создания постиндустриальных структур, способных обеспечить реальную эффективность работы организационной системы в современном цифровом окружении [1].

Заключение

Таким образом, подводя итог данной статье, мы можем говорить о том, что цифровая трансформация — это трансформация бизнес-структур, которая приводит к росту экономической эффективности за счет экономии ресурсов, возникающей вследствие сокращения расходов на производственную деятельность за счет роботизации производства; на управление за счет создания эффективно работающих и малозатратных организационных систем управления; на хозяйственные нужды за счет снижения затрат, например на аренду офисов и т. д.

На основе анализа тенденции развития бизнеса автором определены ключевые требования к бизнес-деятельности, среди которых — скорость управления, упрощение процессов и прямые коммуникации с клиентом.

В настоящее время цифровая трансформация является той отправной точкой, от которой отталкивается принципиально новая парадигма управления, основанная на использовании цифровых технологий, которые, повышая эффективность экономических процессов, создают принципиально новую управленческую реальность, когда организации все больше обретают признаки «виртуальности»; когда создаются принципиально новые организационные структуры управления — гибкие и адаптивные, в которых большинство управленческих процессов при использовании различных цифровых платформ и цифровых сервисов перемещается в виртуальное, цифровое пространство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барков С. А., Зубков В. И. Социология организаций. М.: Юрайт, 2015. 395 с.
2. Sundararajan A. The Future of Work // Finance & Development. June 2017. Vol. 54. No. 2. URL: http://www.imf.org/exter-nal/pubs/ft/fandd/2017/06/pdf/sundararajan.pdf
3. World Economic Outlook, April 2017: Gaining Momentum? URL: http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/04/04/world-economicoutlook-april-2017
4. Новые правила игры в цифровую эпоху. Исследование компании «Делойта» за 2017 год. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam /Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/hc-2017-global-human-capital-trends-gx-ru.pdf
5. ICT Development Index. URL: http://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html
6. Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)» URL: http://minsvyaz.ru/ru/activity/programs/1/
7. Heng L. H., Othman N. F. M., Rasli A. M., Iqbald M. J. Fourth Pillar in the Transformation of Production Economy to Knowledge Economy // Procedia — Social and Behavioral Sciences. No. 40. Asia Pacific Business Innovation and Technology Management, Pattaya, Thailand.
8. Заславская М. Д. История экономики: учеб. пособие для бакалавров. М.: Дашков и К, 2013. 296 с.
9. Вестерман Дж., Боннэ Д., Макафи Э. Девять основ цифровой трансформации. URL: http://tops.ru/blog/9osnov_digital _transformacii/
10. Деликова Т. Г. Трансформация институциональной системы бизнеса в рамках парадигмы развития человеческого потенциала // Terra economicus. 2011. Т. 9. № 1. С. 21–26.
11. Бурков В. Н., Коргин Н. А., Новиков Д. А. Введение в теорию управления организационными системами / под ред. чл.-корр. РАН Д. А. Новикова. М.: Либроком, 2009. 264 с.
12. Harnessing the Power of Connectivity. URL: http://www.huawei.com/minisite/gci/files/gci_2017_whitepaper_en.pdf?v=20170421
13. World Economic Outlook, April 2017: Gaining Momentum? URL: http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/04/04/world-economic-outlook-april-2017
14. Галюта О. Н. Системообразующие элементы и тенденции становления экономики информационного общества. Новосибирск: Сибпринт, 2010. 163 с.
15. Захаров Д. К. Облачные технологии в системе управления персоналом // Вестник университета. 2016. № 5. С. 190–197.
16. Иванов В. Н., Иванов А. В. Облачные технологии в управлении финансами // Территория науки. 2013. № 4. С. 56–65.
17. Твилинев Н. В. Облачные технологии в управлении предприятием // Новосибирский государственный технический университет. 2016. № 5. С. 28–31.

REFERENCES

1. Barkov S. A., Zubkov V. I. Sociology of Organizations. M.: Yurait, 2015. 395 p. (In Russ.).
2. Sundararajan A. The Future of Work // Finance & Development. June 2017. Vol. 54. No. 2. URL: http://www.imf.org/exter-nal/pubs/ft/fandd/2017/ 06/pdf/sundararajan.pdf
3. World Economic Outlook, April 2017: Gaining Momentum? URL: http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/04/04/world-economic -outlook-april-2017
4. New rules of the game in the digital age. The study of the company “Deloitte” for 2017. (In Russ.). URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/ Documents/human-capital/russian/hc-2017-global-human-capital-trends-gx-ru.pdf
5. ICT Development Index. URL: http://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html
6. State program “Information Society (2011–2020)”. (In Russ.). URL: http:// minsvyaz.ru/en/activity/programs/1/
7. Heng L. H., Othman N. F. M., Rasli A. M., Iqbald M. J. Fourth Pillar in the Transformation of Production Economy of Knowledge Economy // Procedia — Social and Behavioral Sciences. No. 40. Asia Pacific Business Innovation and Technology Management, Pattaya, Thailand.
8. Zaslavskaya M. D. History of Economics. M.: Dashkov and K, 2013. 296 p. (In Russ.).
9. Westerman J., Bonnet D., McAfee E. Nine bases of digital transformation. (In Russ.). URL: http://tops.ru/blog/9_osnov_digital_transformacii/
10. Delikova T. G. Transformation of the institutional system of business within the framework of the development paradigm of human potential // Terra economicus. 2011. Vol. 9. No. 1. Pp. 21–26. (In Russ.).
11. Burkov V. N., Korgin N. A., Novikov D. A. Introduction to the theory of management of organizational systems. M.: Librocom, 2009. 264 p. (In Russ.).
12. Harnessing the Power of Connectivity. URL: http://www.huawei.com/ minisite/gci/files/gci_2017_whitepaper_en.pdf?v=20170421
13. World Economic Outlook, April 2017: Gaining Momentum? URL: http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2017/04/04/world-economic-outlook-april-2017
14. Galyuta O. N. System-forming elements and tendencies of formation of the economy of the information society. Novosibirsk: Sibprint, 2010. 163 p. (In Russ.).
15. Zakharov D. K. Cloud technologies in the system of personnel management // Bulletin of the University. 2016. No. 5. Pp. 190–197. (In Russ.).

16. Ivanov V. N., Ivanov A. V. Cloud technologies in financial management // The territory of science. 2013. No. 4. Pp. 56–65. (In Russ.).

17. Tvilenev N. V. Cloud technologies in enterprise management // Novosibirsk State Technical University. 2016. No. 5. Pp. 28–31. (In Russ.).

Как цитировать статью: Зараменских Е. П. Трансформация организационных структур управления под воздействием фактора развития цифровой экономики // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 107–115. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.411.

For citation: Zaramenskikh E. P. Transformation of organizational management structures under the influence of the digital economics development factor // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 107–115. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.411.

УДК 314.31.9(1-22)
ББК 60.723.3

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.424

Zubova Olga Gennadyevna,
candidate of economics, associate professor
of the department of financial-economic disciplines,
Volgograd Business Institute,
Volgograd,
e-mail: oly-zubova@yandex.ru

Зубова Ольга Геннадьевна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
финансово-экономических дисциплин,
Волгоградский институт бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: oly-zubova@yandex.ru

НАСЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

POPULATION OF THE RURAL TERRITORIES: STATUS AND TRENDS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(1.2. АПК и сельское хозяйство)
08.00.05 – Economics and management of national economy
(1.2. Agribusiness and agriculture)

В работе определены институциональные и социально-демографические факторы, приведшие к постепенному опустению сельских территорий и к активизации процесса урбанизации в России. Бурный характер данного процесса пришелся на XX в. и привел к сверхконцентрации населения на городских территориях, что характерно для развивающихся стран. Проведена оценка факторов, влияющих на изменение численности сельского населения и демографический баланс сельских территорий, таких как естественное и механическое движение населения. Определено, что возрастная структура сельского населения России относится к убывающему (стареющему) типу, характерному для большинства развитых европейских государств, с преобладанием доли пожилых людей относительно молодого (растущего) населения. Исследована ожидаемая продолжительность жизни и среднего возраста сельских жителей, которые в динамике показали возрастающий тренд. Проанализирован уровень общей и зарегистрированной безработиц, которые в значительной степени относятся к долгосрочной (застойной) безработице. Высокий уровень безработицы среди сельского населения обусловлен спецификой рынка труда в сельской местности, связанной с высокой трудоемкостью, низкой доходностью производства, низкой оплатой труда и квалификацией работников относительно городского населения. Все это привело к вовлечению экономически активного населения в процесс пролонгированной урбанизации и, как следствие, к социально-экономическому застою и депопуляции сельских территорий. Проанализирован коэффициент демографической нагрузки на производительную часть сельского населения и экономику сельских поселений со стороны зависимой части населения, который должен стать определенным ориентиром для органов местного самоуправления при планировании финансовых расходов на социальную политику сельских поселений.

The paper identifies the institutional and socio-demographic factors that led to the gradual decline of the rural areas and to intensification of the urbanization process in Russia. The turbulent nature of this process took place in the twentieth century and led to the over-concentration of population in the urban areas, which is typical for developing countries. The estimation of the factors affecting the change in the rural population and the demographic balance of the rural areas, such as natural and mechanical movement of the population was conducted. It is determined that the age structure of the rural population of Russia belongs to the decreasing (aging) type characteristic of the most developed European countries, with a predominance of the proportion of older people relatively to the young (growing) population. The life expectancy and average age of the rural residents, which in dynamics showed an increasing trend, are investigated. The level of the general and registered unemployment, which largely relate to the long-term unemployment, is analyzed. The high level of unemployment among the rural population is due to the specifics of the labor market in rural areas associated with high labor intensity, low profitability of production, low wages and qualifications of workers relative to the urban population. All this has led to the involvement of the economically active population

in the process of prolonged urbanization and as a consequence to the socio-economic stagnation and depopulation of rural areas. The coefficient of demographic load on the productive part of the rural population and the economy of rural settlements on the part of the dependent part of the population, which should become a certain reference point for local governments in the planning of financial expenditures on the social policy of rural settlements.

Ключевые слова: население сельских территорий, численность сельского населения, численность одного сельского поселения, естественная убыль населения, миграция сельского населения, демографическая ситуация в сельских поселениях, возрастная структура сельских территорий, средний возраст сельского населения, уровень безработицы сельского населения, депопуляция сельских территорий, демографическая нагрузка сельского населения, человеческий потенциал сельских территорий.

Key words: rural population, number of rural settlements, natural population decline, rural population migration, demographic situation in rural settlements, age structure of rural areas, average age of rural population, rural unemployment rate, depopulation of rural areas, demographic burden of the rural population, human potential of rural areas.

Введение

Одной из ключевых социально-экономических проблем современной России является постепенное опустение сельских территорий. По мнению многих ученых, причиной данного процесса стали сложившиеся институциональные и социально-демографические условия, к числу которых можно отнести реализуемую советской властью экономическую политику по индустриализации и массовой коллективизации в сельской местности (1929–1938 г.), укрупнение колхозов (конец 1940-х – начало 1950-х гг.), период противостояния СССР и Запада, так называемую холодную войну (конец 1940-х гг.), политику оценки «перспективности» сельских территорий (1960-е гг.), последующую неолиберальную политику по их «оптимизации» и другие [1, с. 54].

Цель работы — выявить влияние социально-экономических факторов на состояние и демографическое развитие сельского населения Российской Федерации.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

— определить институциональные и социально-демографические факторы, приведшие к постепенному опустению сельских территорий;

— оценить состояние и демографическое развитие сельского населения в статическом и динамическом аспектах;

— проанализировать демографическую нагрузку на производительную часть сельского населения и экономику сельских поселений со стороны зависимой части населения.

Целесообразность разработки темы определена необходимостью исследования состояния сельского населения, уровень жизни которого является важнейшим критерием оценки эффективности социально-экономической политики государства.

Сложность предметной области исследования обусловливает необходимость использования системного подхода к исследованию, а также группы методов исследования: сбор и анализ эмпирических фактов, графоаналитический метод, системный подход к объекту исследования, логический подход при проведении оценки экономических явлений, сопоставление изучаемых явлений и показателей.

Научная новизна исследования заключается в уточнении методических позиций исследования состояния и тенденций демографического развития населения сельских территорий, включающих ее факторные и оценочные показатели.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в теоретическом обосновании системного методического подхода к оценке состояния и тенденций демографического развития населения сельских территорий. Предложенная система факторных и оценочных показателей может быть использована в практической деятельности органов местного самоуправления.

Основная часть

За период с 1897 по 2018 г. процесс урбанизации в России привел к сокращению доли сельского населения с 86,3 % от общей численности на начало периода до 25,6 % на конец периода, т. е. более чем в 5,9 раза (рис. 1). В результате в 2017 г. на 1000 человек городского населения приходилось 344 сельских жителя.

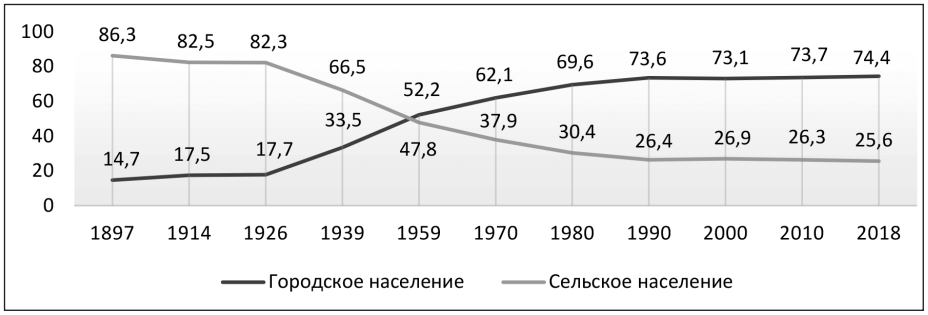

Рис. 1. Соотношение городского и сельского населения России за период 1897–2018 гг., %

Бурный характер процесса урбанизации в России пришелся на XX в. и привел к сверхконцентрации населения на городских территориях, что характерно для развивающихся стран. Однако с началом рыночных преобразований 1990-х гг. доля сельского населения постепенно стабилизировалась и находилась в среднем на уровне 26,3 %, т. е. активный процесс урбанизации был завершен. Здесь следует учитывать тот факт, что проводимые в 2000–2009 гг. административно-территориальные преобразования, в рамках которых отдельные городские поселения получали статус сельских, способствовали замедлению сокращения численности сельского населения [2, с. 93].

Вместе с тем данные мероприятия не смогли приостановить процесс постоянного уменьшения численности

сельских жителей, которая с 2000 по 2018 гг. сократилась на 5 % даже с учетом включения Крыма в состав Российской Федерации (рис. 2). Таким образом, мы можем говорить о суженном воспроизводстве сельского населения, поскольку его численность в динамике сокращается.

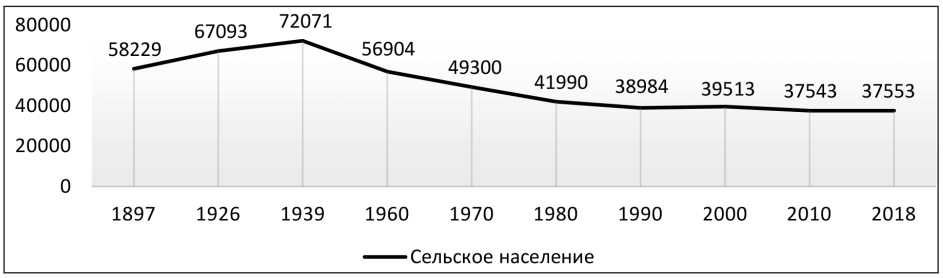

Рис. 2. Численность сельского населения России за период 1897–2018 гг., тыс. чел.

Одной из отличительных особенностей сельского населения является его рассредоточенность по близлежащим сельским территориям, территориальная дисперсность [3, с. 89]. Средняя численность одного сельского поселения в 2017 г. возросла на 14,2 % относительно 2012 г. и составила 2087 человек, что обусловлено сокращением числа сельских поселений на 3,9 % за аналогичный период (рис. 3). В 2017 году группировка сельских поселений по численности выглядела следующим образом: в 45 % сельских поселений проживало до 1000 человек, в 40 % — от 1000 до 3000 человек, в 13 % — от 3000 до 10 000 человек и в 2 % — свыше 10 000 человек.

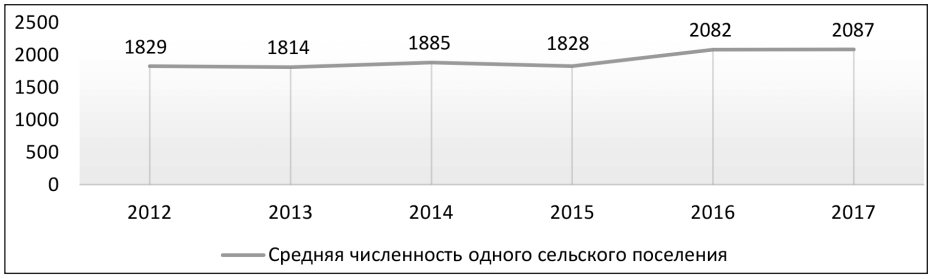

Рис. 3. Динамика средней численности одного сельского поселения в РФ за период 2012–2017 гг., человек

Изменение численности сельского населения находится под влиянием двух факторов:

1) естественного движения — прироста (убыли) населения, определяемых состоянием таких параметров, как рождаемость, смертность и возрастная структура сельского населения;

2) механического движения — миграции как фундаментального демографического механизма, обеспечивающего не только воспроизводство сельского населения и его возрастной состав, но и демографический баланс сельских территорий [4, с. 59].

Начиная с 2010 г. сокращение численности сельского населения было обусловлено негативным влиянием одновременно двух факторов (рис. 4). Несмотря на то, что естественная убыль населения сократилась с 2010 г. на 9,5 %, в 2016 г. она составила 73 933 человек. Наименьшее значение данного показателя было зафиксировано в 2013 г. на уровне 792 человека. Таким образом, мы можем говорить об устойчиво неблагоприятной демографической ситуации в сельских поселениях, которая в первую очередь обусловлена возрастной структурой населения, практически не поддающейся какому-либо воздействию [5, с. 113].

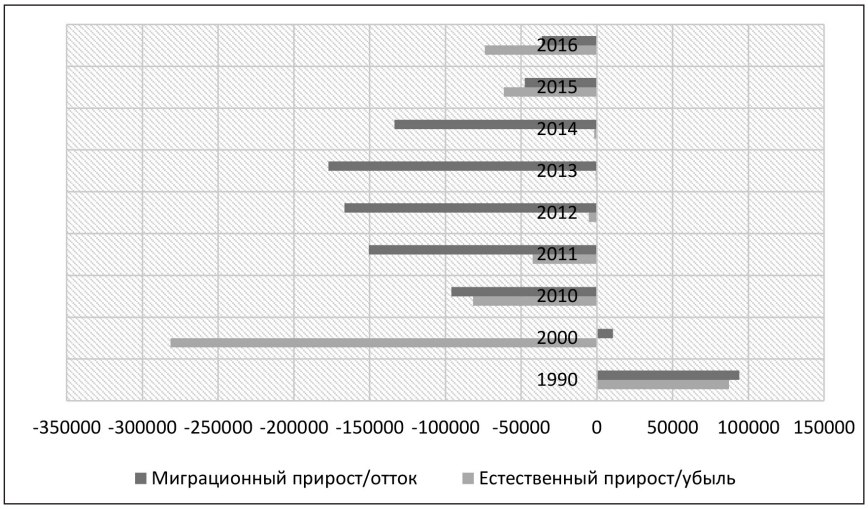

Рис. 4. Факторы изменения численности сельского населения России за период 1900–2016 гг., человек

Миграционный отток населения из сельской местности колебался от 96 011 человек в 2010 г. до 36 462 человек в 2016 г. Его пик пришелся на 2013 г. (177 151 человек). При этом ситуация в незначительной степени смягчалась за счет притока трудовых ресурсов из зарубежных стран, в первую очередь из ближнего зарубежья. Но с позиции полноценного демографического значения интерес представляет миграционный приток, который в конечном итоге вливается в состав постоянного населения [6, с. 76].

В целом мы наблюдаем следующую картину: если с 2010 по 2014 г. сжатие естественной базы трудовых ресурсов преобладало над естественной убылью сельского населения, то с 2015 г. ситуация кардинально поменялась: усилилась интенсивность естественной убыли.

Миграционная убыль не только негативно отразилась на сокращении численности сельского населения, но и внесла свои коррективы в возрастную структуру сельских территорий (табл. 1).

Таблица 1

Возрастная структура сельского населения России за период 2010–2018 гг., %

Возрастные группы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе в возрасте:									
моложе трудоспособного (моложе 15 лет)	18,7	18,8	19,0	19,3	19,6	19,9	20,1	20,2	20,2
трудоспособном (от 15 до 65 лет)	59,2	59,1	58,4	57,6	56,7	55,8	55,0	54,3	53,6
старше трудоспособного (старше 65 лет)	22,1	22,1	22,6	23,1	23,7	24,3	24,9	25,5	26,2

Мы наблюдаем возрастную структуру убывающего (стареющего) типа, характерную для большинства развитых европейских государств, с преобладанием доли пожилых людей над молодым (растущим) населением. Высокая доля сельского населения старше трудоспособного возраста (26,2 % в 2017 г.) и ее рост в динамике на 18,6 % обусловлены доступностью здравоохранения, грамотностью граждан (по данным Института статистики ЮНЕСКО в 2016 г. 99,7 % трудоспособного населения России могли читать и писать как минимум на одном языке).

Доля трудоспособного населения, находящегося в активном репродуктивном возрасте, за период сократилась на 5,6 % и составила на 1 января 2018 г. 53,6 % от общей численности, что негативно отразилось на рождаемости, которая с 1950 по 2017 гг. сократилась на 59,3 % (рис. 5). Согласно долгосрочным прогнозам развития АПК, трудоспособное сельское население к 2020 г. сократится до 35,5 млн человек, а в 2030 г. составит 32,3 млн человек (49,3 % от общей численности).

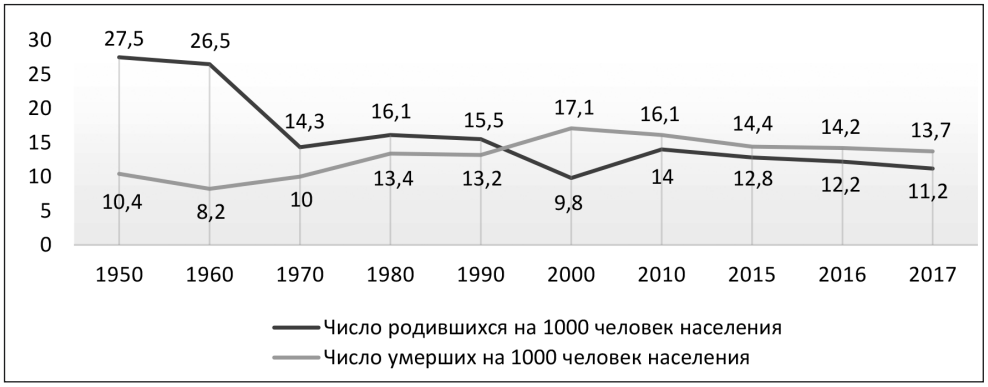

Рис. 5. Динамика родившихся и умерших на 1000 человек сельского населения России за период 1950–2017 гг., %

Смертность сельского населения за анализируемый период имела разнонаправленные тенденции. Так, если с 1950 по 2000 г. она возросла на 64,4 %, то с 2000 по 2017 г. мы наблюдаем сокращение числа умерших на 1000 человек на 19,9 %.

Относительно низкая смертность (13,7 человека на 1000 человек в 2017 г.) и незначительно отстающая рождаемость (11,2 человек на 1000 человек в 2017 г.) сельского населения в перспективе приведут к повышению продолжительность жизни. Так, если в 2017 г. она составляла 69,7 лет, то согласно данным Федеральной службы государственной статистики к 2025 г. она будет находиться в интервале от 73,47 лет при низком варианте прогноза до 77,25 лет при высоком варианте прогноза (рис. 6 на стр. 119). Все это в совокупности приведет к повышению среднего возраста сельского населения, который в 2017 г. составил 39,7 лет, т. е. к его старению.

Определенные жизненные ситуации искажают реальную возрастную структуру сельского населения. Так, например, молодые люди уезжают в города, чтобы учиться или работать, но при этом они официально продолжают числиться как проживающие в сельской местности в течение длительного времени. Также экономически активное население в возрасте от 15 до 72 лет включает в себя и долю безработных, и в этом смысле мы наблюдаем неблагоприятную ситуацию, поскольку уровень безработицы в 2017 г. в два раза превысил аналогичный показатель по городскому населению. Уровень официальной безработицы в течение анализируемого периода находился в границах 2–3 %, а уровень общей безработицы в сельской местности колебался от 9,6 % в 2011 г. до 9,1 % в 2017 г. (рис. 7 на стр. 119).

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни и средний возраст сельского населения России за период 2000–2017 гг., лет

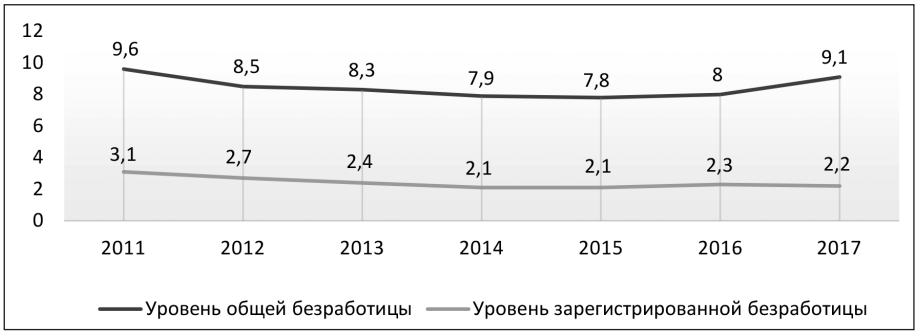

Рис. 7. Уровень общей и зарегистрированной безработицы сельского населения России за период 2011–2017 гг., %

При этом в 35,5 % случаев речь идет о долгосрочной (застойной) безработице, когда поиск работы затягивается более чем на 12 месяцев. Не найдя работы в сельской местности, люди вынуждены осуществлять временные (на неделю, месяц, полгода, год и т. д.) трудовые миграции в крупные областные центры, агломерации. Часть из них постепенно оседают в городах и перевозят туда свои семьи [7, с. 134]. В данном случае речь идет о вовлечении экономически активного трудоспособного населения в процесс пролонгированной урбанизации, который становится причиной дальнейшего социально-экономического застоя и депопуляции сельских территорий.

Высокий уровень безработицы среди сельского населения обусловлен спецификой рынка труда в сельской местности, связанной с высокой трудоемкостью, низкой доходностью производства, низкой оплатой труда и квалификацией работников относительно городского населения. В такой ситуации многие сельские безработные выживают исключительно за счет собственного подсобного хозяйства [8, с. 16].

Несмотря на высокий уровень безработицы, 42,3 % руководителей сельскохозяйственных организаций и 46,9 % глав крестьянских (фермерских) хозяйств по данным социологических опросов испытывают существенную потребность в квалифицированных кадрах для обеспечения эффективного сельскохозяйственного производства (рис. 8) [9, с. 94].

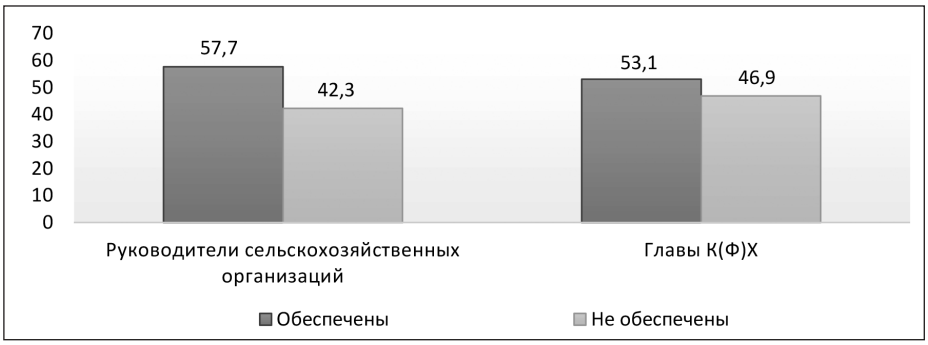

*Рис.8. К*адровая обеспеченность сельскохозяйственного производства квалифицированными специалистами (по данным социологических опросов), %

Определенным ориентиром для органов местного самоуправления должен стать такой показатель, как коэффициент демографической нагрузки, отражающий давление на производительную часть населения (население трудоспособного возраста от 15 до 65 лет) и экономику сельских поселений со стороны зависимой части населения (суммарная численность населения младше 15 и старше 64 лет).

На 1 января 2018 г. на 20 149 тыс. сельских жителей трудоспособного возраста приходилось 17 404 тыс. нетрудоспособных граждан, из которых 9827 тыс. человек — старше трудоспособного возраста и 7577 тыс. человек — младше 15 лет. Исходя из представленных данных, коэффициент демографической нагрузки на сельскую экономику составил 86,4 %, что свидетельствует о высокой социальной напряженности, поскольку по численности трудоспособное население только в 1,2 раза превышает нетрудоспособное население (рис. 9 на стр. 120). В целом с 2005 по 2018 г. демографическая нагрузка на трудоспособное сельское население возросла на 16,6 %.

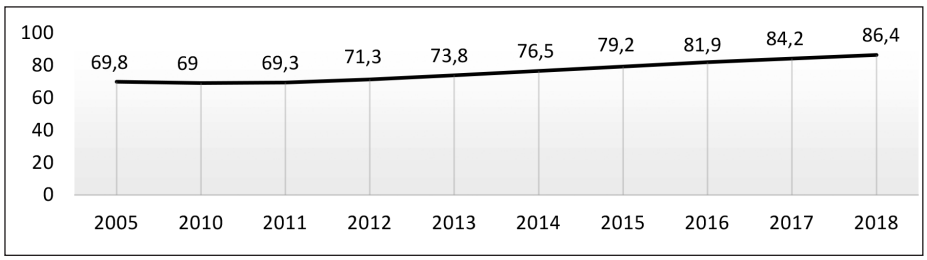

Рис. 9. Коэффициент демографической нагрузки сельского населения России за период 2005–2018 гг., %

Значение данного коэффициента должно учитываться при планировании финансовых расходов на социальную политику сельских поселений, в частности должны быть увеличены расходы на здравоохранение, образование, выплаты пенсий, социальную защиту и т. д. [10, с. 128].

Заключение

Проведенный анализ состояния сельского населения свидетельствует о существенном разрушении человеческого потенциала сельских территорий и его нерациональном использовании. Восстановление кадровой обеспеченности в условиях нестабильной экономики, санкций, введенных в отношении России, ответного эмбарго с ее стороны, весьма проблематично.

Решение проблемы сохранения численности сельского населения и стимулирования миграционного притока населения в сельскую местность напрямую зависит от качества жизни здесь, которое определяется жилищными условиями, социальной обеспеченностью сельских территорий, возможностью трудоустройства и престижностью труда, перспективами карьерного роста, уровнем заработной платы, демографической ситуацией, эффективностью работы органов местного самоуправления и т. д.

Предпринимаются попытки решения проблемы посредством реализации программ, направленных на устойчивое развитие сельских территорий, однако данных точечных мер недостаточно, поскольку современная государственная политика в первую очередь ориентирована на концентрацию рабочих мест, финансов, технологий, а следовательно, и населения, в крупных городах.

Изменить сложившийся негативный тренд возможно только посредством реализации на государственном уровне комплексных социально-экономических преобразований сельских территорий, направленных на улучшение условий жизнедеятельности на селе, в противном случае снижение численности сельского населения будет продолжаться, а вместе с ним — расти площадь опустевших сельских территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зубова О. Г. Ресурсообеспеченность сельских поселений и факторы, ее определяющие // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 3(40). С. 51–56.

2. Михайлова Е. В., Зубова О. Г. Методологический подход к повышению эффективности территориального развития сельских поселений // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3(36). С. 91–97.

3. Михайлова Е. В., Зубова О. Г. Особенности управления сельскими территориями на уровне муниципального образования // Аграрный научный журнал. 2015. № 10. С. 87–90.

4. Зубова О. Г. Формирование кадрового обеспечения аграрного сектора Волгоградской области: проблемы и пути решения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 3(32). С. 57–61.

5. Попова С. А., Колпакова Е. А. Современные проблемы демографического развития региона // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 8. С. 111–115.

6. Ресурсное обеспечение развития сельского хозяйства Волгоградской области: мониторинг и стратегические ориентиры / под общ. ред. А. С. Овчинникова. Волгоград, 2017. 167 с.

7. Зубова О. Г. Кадровый потенциал как компонент многофункциональной конкурентной среды аграрного сектора: региональный аспект // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 2(100). С. 132–136.

8. Козенко З. Н., Попова С. А., Козенко К. Ю. Оценка рынка труда и развитие трудовых ресурсов региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2. № 7. С. 14–22.

9. Зубова О. Г. Методологический подход к оценке эффективности управления кадровым потенциалом предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 1(42). С. 81–85.

10. Зубова О. Г. Оценка качества управляющей системы на основе показателей социально-экономического развития муниципального района // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 2(43). С. 125–130.

REFERENCES

1. Zubova O. G. Resource provision of rural settlements and the factors that determine it // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2017. No. 3(40). Pp. 51–56. (In Russ.).

2. Mikhailova E. V., Zubova O. G. Methodological approach to increasing the efficiency of territorial development of rural settlements // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2016. No. 3(36). Pp. 91–97. (In Russ.).

3. Mikhailova E. V., Zubova O. G. Features of rural areas management at the municipal level // Agrarian Scientific Journal. 2015. No. 10. Pp. 87–90. (In Russ.).

4. Zubova O. G. The formation of human resources in the agrarian sector of the Volgograd Region: problems and solutions // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. No. 3(32). Pp. 57–61. (In Russ.).

5. Popova S. A., Kolpakova E.A. Modern problems of the demographic development of the region // Scientific and methodical electronic journal Concept. 2015. Vol. 8. Pp. 111–115. (In Russ.).

6. Ovchinnikov A. S. (general editorship). Resource support for the development of agriculture in the Volgograd region: monitoring and strategic landmarks. Volgograd, 2017. 167 p. (In Russ.).

7. Zubova O. G. Personnel potential as a component of the multifunctional competitive environment of the agrarian sector: regional aspect // Bulletin of the Altai State Agrarian University. 2013. No. 2(100). Pp. 132–136. (In Russ.).

8. Kozenko Z. N., Popova S. A., Kozenko K. Yu. Assessment of the labor market and the development of labor resources in the region // Economics and management: problems, solutions. 2017. Vol. 2. No. 7. Pp. 14–22.

9. Zubova O. G. Methodological approach to the assessment of the effectiveness of management of the personnel potential of the enterprise // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2018. No. 1(42). Pp. 81–85. (In Russ.).

10. Zubova O. G. Evaluation of the quality of the control system based on the indicators of the socio-economic development of the municipal district // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2018. No. 2(43). Pp.125–130. (In Russ.).

Как цитировать статью: Зубова О. Г. Население сельских территорий: состояние и тенденции демографического развития // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 115–121. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.424.

For citation: Zubova O. G. Population of the rural territories: status and trends of demographic development // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 115–121. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.424.

УДК 338.27
ББК 65.305.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.455

Kapustina Yulia Aleksandrovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Economics
and Economic Security Department,
Ural State Forest Engineering University,
Ekaterinburg,
e-mail: kapustina_bu@mail.ru

Капустина Юлия Александровна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономики
и экономической безопасности,
Уральский государственный лесотехнический университет,
г. Екатеринбург,
e-mail: kapustina_bu@mail.ru

Rostovskaya Yulia Nikolaevna,
Leading Economist of Planning and Financial Management,
Ural State Forest Engineering University,
Ekaterinburg,
e-mail: ros090lo@mail.ru

Ростовская Юлия Николаевна,
ведущий экономист планово-финансового управления,
Уральский государственный лесотехнический университет,
г. Екатеринбург,
e-mail: ros090lo@mail.ru

Starikov Evgenii Nikolaevich,
Candidate of Economics, Associate Professor,
First Vice-Rector,
Ural State Forest Engineering University,
Ekaterinburg;
Associate Professor of the Corporate Economics
and Business Administration Department,
Ural State Economic University,
Ekaterinburg,
e-mail: starik1705@yandex.ru

Стариков Евгений Николаевич,
канд. экон. наук, доцент,
первый проректор,
Уральский государственный лесотехнический университет,
г. Екатеринбург;
доцент кафедры корпоративной экономики
и управления бизнесом,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург,
e-mail: starik1705@yandex.ru

РАЗВИТИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТРАСЛЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ НА ПРИМЕРЕ ЛЕСНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

THE DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL TOOLS FOR COMPARATIVE EVALUATION OF THE POTENTIAL OF REGIONAL INDUSTRIAL COMPLEXES IN TERMS OF THE FORESTRY SECTOR

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В статье обобщены основные методические подходы к оценке состояния и уровня развития региональных отраслевых комплексов, базирующиеся на определении степени реализации их экономического потенциала. Выявлены преимущества и недостатки существующих методик оценки экономического потенциала региональных отраслевых

комплексов. В качестве объекта исследования выбран региональный лесной сектор экономики. Авторами разработана система экономических показателей для оценки потенциала лесного сектора экономики, включающая два уровня: первичный и результирующий. Показатели первичного уровня систематизированы в разрезе основных факторов производства и соответствующих им структурных элементов потенциала. Показатели результирующего уровня характеризуют способность регионального отраслевого комплекса производить общественно значимый продукт, представляют собой показатели эффективности. Анализ потенциала регионального лесного сектора включает три этапа: оценку показателей региональной эффективности, оценку показателей экономического потенциала и оценку показателей конкурентного потенциала. В условиях отсутствия общепризнанных критериев и пороговых значений традиционных экономических показателей объективная оценка состояния и уровня развития регионального отраслевого комплекса может быть дана посредством его сравнения с аналогичными социально-экономическими системами. С целью апробации методики проведена сравнительная оценка потенциала лесного сектора экономики субъектов Приволжского федерального округа. Предложенную авторами исследования методику оценки состояния регионального отраслевого комплекса следует рассматривать как модельную. При сохранении принципиальных положений инструментарий методики может быть скорректирован в зависимости от цели, объекта и предмета исследования: уточнен либо расширен перечень показателей, использованы иные математические и аналитические методы обработки данных. Подобные корректировки позволят адаптировать методику для анализа эффективности функционирования любого сектора экономики или вида экономической деятельности.

The article summarizes the main methodological approaches to assessing the state and level of development of regional industrial complexes, based on determining the degree of realization of their economic potential. The advantages and disadvantages of existing methods for assessing the economic potential of regional industrial complexes are revealed. The regional forest sector of the economy was chosen as the object of research. The authors developed a system of economic indicators for assessing the potential of the forestry sector of the economy, including two levels: the primary and the resulting. The indicators of the primary level are systematized in the context of the main factors of production and the corresponding structural elements of the potential. The indicators of the resulting level characterize the ability of a regional industrial complex to produce a socially significant product, and represent performance indicators. Analysis of the potential of the regional forest sector includes three stages: assessment of regional performance indicators, assessment of economic potential indicators and assessment of competitive capacity indicators. In the absence of generally accepted criteria and threshold values of traditional economic indicators, an objective assessment of the state and level of development of a regional industrial complex can be given by comparing it with similar socio-economic systems. With a view to approbation of the methodology, a comparative assessment of the forest sector potential of the subjects of the Volga Federal District was carried out. The methodology of the assessment of the state of the regional industrial complex suggested by the authors of the study should be considered as a model one. If the principal provisions are maintained, the toolkit of the methodology can be adjusted depending on the purpose, object and subject of the research: the list of indicators is refined or expanded, other mathematical and analytical methods of data processing are used. Such adjustments will make it possible to adapt the methodology to analyze the performance of any sector of the economy or economic activity.

Ключевые слова: региональный отраслевой комплекс, лесной сектор экономики, региональная эффективность, экономический потенциал, конкурентный потенциал, лесоресурсный потенциал, сравнительная оценка, конкурентоспособность, факторы производства, система экономических показателей.

Keywords: regional industrial complex, the forest sector of the economy, regional effectiveness, economic potential, competitive potential, forest resource potential, comparative evaluation, competitiveness, factors of production, the system of economic indicators.

Введение

Разработка и обоснование организационно-методических подходов к оценке и анализу экономического потенциала предполагают учет отраслевой специфики субъектов хозяйствования.

Фундаментальной основой лесного сектора экономики выступает уникальный, прежде всего своей многогранностью, природный источник — лес. Древесные и недревесные лесные ресурсы обеспечивают воспроизводство товаров и услуг, потребителями которых являются все отрасли народного хозяйства и все сферы жизнедеятельности человека. Обширный и разнообразный лесосырьевой запас России создает благоприятные условия для развития различных «лесоориентированных» видов деятельности, потенциально способных внести достойный вклад в формирование общенационального богатства. Тем не менее на сегодняшний день их доля в валовом внутреннем продукте не превышает 1 %: последние 10 лет находится в диапазоне 0,4–0,7 % ВВП.

Богатый природно-ресурсный потенциал лесов России недостаточен для достижения лесным сектором экономики показателей эффективности аналогичных отраслевых комплексов передовых стран. Становится очевидным, что конкурентоспособность хозяйствующего субъекта любого уровня, в том числе отрасли, определяется не только количеством и качеством базового, как правило, природного ресурса, но и характеристиками иных участвующих в отраслевой технологической цепочке экономических ресурсов: кадров, инноваций, капитала и др. В плоскости прочно вошедшей в профессиональный лексикон категории «экономический потенциал» данное утверждение означает эффективную реализацию всех его составляющих: природно-ресурсного, производственного, кадрового, инвестиционного, инновационного потенциала, в связи с чем возникает необходимость обобщающей оценки конкурентоспособности лесного сектора, позволяющей учесть весь комплекс показателей эффективности его функционирования, их взаимосвязь и взаимозависимость.

Учитывая разнообразие ландшафтов, условий произрастания, богатый ассортимент древесных пород на территории нашей страны, а также особенности администрирования лесных отношений, решение задачи повышения конкурентоспособности лесного сектора посредством формирования, развития и эффективного использования его экономического потенциала относится к сфере полномочий

региональных органов власти и реализуется на основе принципов стратегического планирования. Соответственно, ключевым объектом стратегического управления «лесоориентированными» видами экономической деятельности выступает региональный лесной сектор.

Результаты оценки экономического потенциала региональных отраслевых комплексов становятся информационно-аналитической основой обоснования политики управления на различных уровнях, разработки отраслевых стратегий и программ социально-экономического развития. Этим и обусловлена актуальность темы настоящей статьи.

Цель исследования заключается в оценке потенциала лесного сектора экономики регионов.

Задачи исследования:

— обобщить методические подходы к оценке состояния и уровня развития региональных отраслевых комплексов;

— выявить отраслевые особенности лесного сектора экономики как объекта оценки экономического потенциала;

— разработать методику оценки потенциала лесного сектора экономики региона;

— провести сравнительную оценку потенциала на примере лесного сектора экономики регионов Приволжского федерального округа.

Анализ публикаций по теме оценки экономического потенциала региональных отраслевых комплексов позволил выявить недостаточную изученность данной проблемы.

Научная новизна заключается в разработке модельной методики оценки потенциала регионального отраслевого комплекса, которая может быть скорректирована в зависимости от цели, объекта и предмета исследования.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии методических инструментов сравнительной оценки потенциала региональных отраслевых комплексов, дополнении и систематизации знаний в области отраслевого анализа. Разработанные методические положения позволят при осуществлении стратегического планирования и прогнозирования своевременно определять объективные тенденции в развитии регионального отраслевого комплекса и способствовать повышению его конкурентоспособности в долгосрочной перспективе. Целесообразность разработки темы обусловлена ее практической значимостью, которая заключается в апробации методики оценки потенциала регионального отраслевого комплекса применительно к лесному сектору экономики регионов Приволжского федерального округа.

Методология

Теоретико-методологической основой исследования послужил анализ научных трудов российских и зарубежных ученых, посвященных изучению понятий «экономический потенциал», «конкурентоспособность», «региональная эффективность», их взаимосвязи и методическому обеспечению оценки. В рамках исследования были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, традиционные методы обработки статистической информации.

Основная часть

Множество существующих на сегодняшний день методик оценки состояния и уровня развития региональных отраслевых комплексов, основанных на определении степени реализации их экономического потенциала и конкурентоспособности, при достаточно глубокой научно-методической проработанности не объединены в единую систему и зачастую противоречат друг другу. Среди исследователей отсутствует согласие как в идентификации основного объекта исследования — регион [1; 2], региональный отраслевой комплекс или отраслевой рынок [3–6], группа предприятий отрасли [7; 8], так и структурных элементов (видов, составляющих) экономического потенциала. Объектом работ, посвященных изучению экономического потенциала социально-экономических систем, преимущественно является отдельный хозяйствующий субъект конкретной отрасли. Оценка состояния отрасли присутствует в научных и учебно-методических исследованиях экономического потенциала предприятия как фоновый рисунок, позволяющий определить его позиции по отношению к иным игрокам-конкурентам [9].

Публикации по теме оценки экономического потенциала региональных отраслевых комплексов преимущественно посвящены изучению его отдельных элементов. Особенно часто предметом исследований становятся экспортный [10–12], инвестиционный [13–16], производственный (ресурсно-производственный) [2; 17; 18] и трудовой [19–21] потенциал. Отсутствие единого подхода проявляется как в толковании элементов экономического потенциала и методиках их оценки, так, нередко, и в смешении их иерархии. В частности, определения экспортного потенциала варьируют от крайне ограниченных трактовок, фактически приравнивающих его к производственному потенциалу [22], до предельно широкой интерпретации, включающей в структуру экспортного потенциала характеристики ресурсного (наличие и качество ресурсов), производственного (наличие и характеристика производственных мощностей), конкурентного (уровень конкурентоспособности продукции), инновационного (инновационный характер разработок), финансового (наличие финансовых ресурсов) потенциала [10]. Соответственно, наблюдается отсутствие единой методики толкования и оценки элементов экономического потенциала, с одной стороны, и объективно существующее перекрестное влияние и зависимость составляющих экономического потенциала от одних и тех же факторов, с другой. Экономический потенциал трактуется большинством исследователей как некая интегральная, обобщающая количественно-качественная характеристика наличия и использования всех видов ресурсов. Количественную сторону обычно отражают объемные показатели (показатели масштаба, ресурсообеспеченность), оцениваемые на уровне региона Росстатом. Вопросы качественной оценки составляющих экономического потенциала региона в настоящее время носят дискуссионный характер. Качественные критерии в большинстве работ представлены показателями эффективности, являются относительными величинами и носят расчетный характер.

Исследования, объектом которых выступают субъекты лесного сектора экономики: лесопромышленное предприятие, региональный лесопромышленный комплекс, региональный лесной сектор, лесопромышленный комплекс России, немногочисленны и отличаются зачастую слабой системностью [3; 5; 9; 23–29]. При их изучении выявлены недостатки, типичные для аналогичных работ, объектами исследования которых являются субъекты иных отраслей:

— ограниченная трактовка экономического потенциала, сводящая категорию к ресурсно-производственному потенциалу, основными показателями которого являются количественные и качественные характеристики лесов, величина расчетной лесосеки и уровень ее использования, объемы производства лесопромышленной продукции, и позиционирующая в качестве результирующих показатели

отраслевого экспорта, включая, таким образом, в категорию экономического потенциала лесопромышленного комплекса экспортный потенциал [26; 27; 29];

— отсутствие системности, выражающееся в идентификации элементов экономического потенциала предприятий регионального лесопромышленного комплекса (лесосырьевой, кадровый, технологический, научно-технический, консолидации) без увязки с категорией высшего порядка (экономическим потенциалом регионального отраслевого комплекса), что отчасти оправдывается целями конкретного исследования [24];

— отсутствие комплексного подхода, проявляющееся в изучении отдельных элементов экономического потенциала: ресурсного [25], финансово-инвестиционного [25] потенциала.

На сегодняшний день существует ряд авторских методик оценки экономического потенциала субъектов лесопромышленного комплекса:

— методика определения эффективности функционирования региональных лесопромышленных комплексов М. А. Шишелова на основе сравнительной оценки характеристик региональных ЛПК по ряду абсолютных и относительных критериев и расчета структурного показателя экономической эффективности [3];

— методика системно-интегрированной оценки развития субъектов регионального лесопромышленного комплекса А. А. Киселевой на основе анализа лесоресурсного потенциала, сравнительного анализа результатов деятельности предприятий комплекса, анализа социально-экономических показателей [5];

— методика количественной оценки экономического потенциала лесопромышленного предприятия, структурированного на пять элементов: природно-ресурсный, трудовой, инновационный, производственно-имущественный и финансовый потенциал (методика В. А. Дорошенко и др.) [23].

При ценности перечисленных методик, по нашему мнению, им свойственны некоторые недостатки. Методики М. А. Шишелова и А. А. Киселевой рассматривают в качестве объекта анализа региональный лесопромышленный комплекс, не включающий лесное хозяйство, однако именно этот вид деятельности обеспечивает формирование ресурсного потенциала лесного сектора экономики. М. А. Шишелов, акцентируя внимание на рисках истощения доступной лесоресурсной базы, не включает лесные ресурсы в состав ключевых факторов роста эффективности лесной промышленности: инвестиционного, финансового, инфраструктурного и конкурентоспособности. Автор не использует категорию «потенциал», а оперирует термином «фактор», концептуально соответствующим структурным элементам экономического потенциала [3]. Исходным этапом методики А. А. Киселевой является оценка ресурсного потенциала лесопромышленного комплекса региона, выполняемая на основе приоритетных показателей, характеризующих ресурсную базу комплекса и являющихся традиционными параметрами лесного хозяйства [5].

Представляется целесообразным в контексте комплексного подхода к лесоуправлению для оценки экономического потенциала совокупности видов экономической деятельности, базовым ресурсом которых выступает лес, использовать в качестве объекта «лесной сектор экономики» [9].

Ключевым аспектом оценки экономического потенциала социально-экономической системы любого уровня выступает ее конкурентоспособность, то есть реальная и потенциальная возможность данной системы достигать целей своего существования. Реальная конкурентоспособность, или конкурентный статус, определяется, по мнению исследователей, занимаемой долей рынка в сравнении с основными конкурентами [30]. В качестве последних для региональных отраслевых комплексов могут выступать аналогичные отраслевые комплексы иных регионов, отраслевые комплексы, выпускающие товары-заменители отраслевого продукта, а также иные отраслевые комплексы «своего» региона на основе сопоставления вклада в валовой региональный продукт. Потенциальная конкурентоспособность, или конкурентный потенциал, устанавливается на основе сравнительной оценки экономического потенциала систем одного уровня, в частности региональных отраслевых комплексов. Оценка конкурентного потенциала может базироваться на системе целевых индикаторов структурных элементов экономического потенциала.

Представляется обоснованным рассматривать конкурентный потенциал отраслевого комплекса в качестве производной его экономического потенциала, как способность всех элементов экономического потенциала поддерживать количественные и качественные параметры на уровне, позволяющем создавать и (или) сохранять преимущества перед аналогичными отраслевыми комплексами иных регионов в процессе интеграции таких комплексов в социально-экономические системы более высокого уровня (национальное хозяйство, мировое хозяйство). Соответственно установленной взаимосвязи конкурентного и экономического потенциала указанные категории принципиально идентичны, то есть могут быть структурированы в разрезе одноименных элементов.

Сравнительную оценку потенциала лесного сектора регионов предлагается осуществлять на основе трех групп показателей:

— региональной эффективности — позволяют оценить экономический потенциал территории, являются относительными показателями;

— экономического потенциала — направлены на определение масштаба регионального отраслевого комплекса, выражены объемными показателями;

— конкурентного потенциала — отражают конкурентные преимущества отраслевого комплекса, выражены относительными величинами.

В таблице 1 (см. стр. 125) приведена система показателей, характеризующих конкурентоспособность регионального лесного сектора. Показатели систематизированы в разрезе основных факторов производства и корреспондирующих им структурных элементов экономического и конкурентного потенциала. Результативными показателями, отражающими способность регионального отраслевого комплекса производить общественно значимый продукт, являются показатели экономической, бюджетной и социальной эффективности. Объектами исследования выступают лесные сектора субъектов Приволжского федерального округа.

Информационной основой являются показатели документов лесного планирования, официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных органов за 2016–2017 гг. по трем видам экономической деятельности: «Лесное хозяйство, лесозаготовки и предоставление услуг в этих областях», «Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели», «Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них», отражающих ключевые звенья отраслевой технологической цепочки лесного сектора экономики.

Таблица 1

Показатели оценки потенциала регионального лесного сектора экономики

Элементы потенциала (виды эффективности)	Показатели региональной эффективности (А)	Показатели экономического потенциала лесного сектора (В)	Показатели конкурентного потенциала лесного сектора (С)
Первичный уровень оценки экономического потенциала регионального отраслевого комплекса			
Лесоресурсный потенциал	Лесистость территории; доля площади ценных лесных насаждений в составе занятых лесными насаждениями земель лесного фонда (А1)	Площадь лесных земель; общий запас древесины; расчетная лесосека (В1)	Запас древесины на 1 га; коэффициент лесовосстановления; уровень освоения расчетной лесосеки; густота лесных дорог; доля сгоревших лесных насаждений в запасе древесины; доля лесных земель, пройденных пожарами (С1)
Кадровый потенциал	Уровень занятости в регионе; индекс производительности труда; отношение числа высокопроизводительных рабочих мест (ВПРМ) к среднегодовой численности занятого населения; прирост числа ВПРМ; удельный вес высококвалифицированных работников (А2)	Среднегодовая численность работников, занятых в отрасли; число ВПРМ (В2)	Доля работников сектора в численности занятых в регионе; прирост числа ВПРМ в секторе; доля ВПРМ в среднегодовой численности занятых в секторе; производительность труда по видам деятельности; доля работников, прошедших обучение; текучесть кадров (С2)
Инновационный потенциал	Инновационная активность; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; доля организаций, осуществлявших инновации (А3)	Затраты на технологические инновации; объем отгруженных инновационных товаров сектора видам деятельности (В3)	Инновационная активность; доля инновационных товаров, работ, услуг в объеме отгруженной продукции; доля организаций, осуществлявших инновации (С3)
Инвестиционный потенциал	Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП; инвестиции в основной капитал на одного занятого в экономике региона; прирост инвестиций в основной капитал (А4)	Инвестиции в основной капитал по видам деятельности сектора (В4)	Инвестиции в основной капитал на одного занятого в секторе; инвестиции в основной капитал на 1 м^3 запаса древесины; прирост инвестиций в основной капитал (С4)
Производственный потенциал	Степень износа основных средств; коэффициент обновления основных фондов (А5)	Стоимость основных средств (В5)	Доля основных средств сектора в совокупной стоимости основных средств организаций региона; степень износа основных средств по видам экономической деятельности (С5)
Предпринимательский потенциал	Доля сотрудников малых предприятий в общей численности экономически активного населения; прирост основных показателей деятельности СМП (количества субъектов, средней численности работников, оборота предприятий, инвестиций) (А6)	Основные показатели деятельности СМП (количество субъектов, средняя численность работников, оборот предприятий, инвестиции) (В6)	Доля работников малых предприятий в среднегодовой численности занятых в секторе; прирост основных показателей деятельности СМП (количества субъектов, средней численности работников, оборота предприятий, инвестиций) (С6)
Результирующий уровень оценки экономического потенциала регионального отраслевого комплекса			
Экономическая эффективность	Валовый региональный продукт на одного занятого в экономике; ВРП на 1 руб. среднедушевых денежных доходов населения; доля прибыльных предприятий; рентабельность проданных товаров, работ, услуг (А7)	Объем лесозаготовки; объем отгруженных товаров собственного производства; по видам деятельности; сальдированный финансовый результат сектора; объем экспорта (В7)	Доля сектора в ВРП; объем отгруженных товаров обрабатывающих производств сектора на одного занятого к средней заработной плате; доля регионального сектора в РФ; индекс отгруженных товаров обрабатывающих производств (С7)
Бюджетная эффективность	Дефицит (профицит) региональных консолидированных бюджетов на 1 руб. ВРП (А8)	Поступления в консолидированный бюджет от деятельности сектора (В8)	Поступления платежей в консолидированный бюджет на 1000 м^3 запаса; поступления платежей к объему отгруженных товаров сектора (С8)
Социальная эффективность	Среднемесячная номинальная заработная плата к величине прожиточного минимума; темп прироста реальной среднемесячной заработной платы (А8)	Среднемесячная номинальная заработная плата работников сектора (В9)	Прирост среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников сектора; уровень среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к средней по региону (С9)

Для каждого элемента потенциала и вида эффективности сформирован примерный перечень частных показателей (табл. 1), приведенных путем стандартизации к нормированным значениям — от 0 (минимальный, негативный уровень) до 1 (максимальный, позитивный уровень).

Посредством расчета средней арифметической нормированных значений частных показателей, отнесенных к конкретному элементу потенциала или виду эффективности, для каждого региона ПФО определено интегральное значение первичного (I_a) и результирующего (I_A) уровня региональной эффективности (табл. 2), экономического потенциала лесного сектора (I_b и I_B соответственно) (табл. 3) и конкурентного потенциала лесного сектора (I_c и I_C соответственно) (табл. 4 на стр. 127).

Таблица 2

Сравнительная оценка уровня региональной эффективности субъектов Приволжского федерального округа

Регион	Первичный уровень оценки региональной эффективности							Результирующий уровень оценки региональной эффективности			
	A1	A2	A3	A4	A5	A6	I_a	A7	A8	A9	I_A
Республика Башкортостан	0,528	0,248	0,293	0,689	0,685	0,582	**0,504**	0,658	1,000	0,724	**0,794**
Республика Марий Эл	0,743	0,310	0,164	0,023	0,278	0,569	**0,348**	0,149	0,670	0,079	**0,299**
Республика Мордовия	0,326	0,755	0,645	0,440	0,258	0,353	**0,463**	0,178	0,000	0,598	**0,259**
Республика Татарстан	0,193	0,606	0,771	0,969	0,667	0,628	**0,639**	0,861	0,755	0,745	**0,787**
Удмуртская Республика	0,626	0,624	0,401	0,304	0,404	0,618	**0,496**	0,487	0,250	0,722	**0,487**
Чувашская Республика	0,412	0,540	0,801	0,144	0,188	0,608	**0,449**	0,230	0,961	0,519	**0,570**
Пермский край	1,000	0,208	0,410	0,536	0,653	0,315	**0,520**	0,672	0,728	0,465	**0,622**
Кировская область	0,876	0,568	0,177	0,250	0,408	0,663	**0,490**	0,242	0,407	0,223	**0,291**
Нижегородская область	0,629	0,817	0,518	0,267	0,185	0,795	**0,535**	0,435	0,635	0,713	**0,595**
Оренбургская область	0,000	0,420	0,170	0,460	0,522	0,325	**0,316**	0,674	0,716	0,696	**0,696**
Пензенская область	0,238	0,257	0,430	0,083	0,391	0,369	**0,295**	0,139	0,739	0,698	**0,525**
Самарская область	0,121	0,611	0,217	0,260	0,553	0,454	**0,369**	0,633	0,601	0,190	**0,475**
Саратовская область	0,025	0,393	0,052	0,449	0,394	0,368	**0,280**	0,399	0,743	0,181	**0,441**
Ульяновская область	0,325	0,326	0,123	0,273	0,348	0,388	**0,297**	0,087	0,621	0,482	**0,396**

Анализ показателей табл. 2 позволяет выявить регионы, достигшие наибольшей социально-экономической эффективности. Данные табл. 3 отражают рейтинг субъектов ПФО по объемам лесного сектора.

Таблица 3

Сравнительная оценка уровня экономического потенциала лесных секторов экономики субъектов Приволжского федерального округа

Регион	Первичный уровень оценки региональной эффективности							Результирующий уровень оценки региональной эффективности			
	B1	B2	B3	B4	B5	B6	I_b	B7	B8	B9	I_B
Республика Башкортостан	0,480	0,316	0,012	0,522	0,680	0,755	**0,461**	0,314	0,331	0,814	**0,486**
Республика Марий Эл	0,072	0,550	0,000	0,119	0,059	0,194	**0,166**	0,169	0,407	0,633	**0,403**
Республика Мордовия	0,033	0,126	0,529	0,185	0,043	0,053	**0,162**	0,074	0,002	0,937	**0,338**
Республика Татарстан	0,088	0,784	0,357	1,000	1,000	0,070	**0,550**	0,668	1,000	1,000	**0,889**
Удмуртская Республика	0,154	0,405	0,000	0,086	0,159	0,096	**0,150**	0,217	0,408	0,732	**0,452**
Чувашская Республика	0,013	0,122	0,000	0,011	0,011	0,000	**0,026**	0,064	0,172	0,405	**0,214**
Пермский край	1,000	0,807	0,761	0,802	0,506	0,706	**0,764**	0,792	0,663	0,468	**0,641**
Кировская область	0,735	0,788	0,062	0,177	0,151	1,000	**0,485**	0,477	0,906	0,659	**0,680**
Нижегородская область	0,332	0,810	0,500	0,130	0,247	0,363	**0,397**	0,459	0,000	0,590	**0,350**
Оренбургская область	0,001	0,015	0,000	0,000	0,000	0,108	**0,021**	0,011	0,631	0,128	**0,257**
Пензенская область	0,053	0,288	0,063	0,045	0,106	0,108	**0,110**	0,157	0,372	0,561	**0,363**
Самарская область	0,019	0,071	0,000	0,002	0,001	0,007	**0,017**	0,029	0,101	0,105	**0,078**
Саратовская область	0,023	0,048	0,000	0,000	0,001	0,017	**0,015**	0,015	0,026	0,000	**0,013**
Ульяновская область	0,063	0,148	0,000	0,012	0,014	0,243	**0,080**	0,109	0,143	0,370	**0,207**

В табл. 4 (см. на стр. 127) представлены результаты оценки конкурентного потенциала региональных отраслевых комплексов.

Перечень социально-экономических показателей является примерным и может быть изменен или расширен исходя из целей иного аналогичного исследования.

Принципиальное значение имеет сопоставление значений первичного и результирующего уровней оценки в разрезе групп показателей с целью выявления системных угроз, вызывающих диспропорции развития отраслей и видов деятельности экономики региона.

Таблица 4

Сравнительная оценка уровня конкурентного потенциала лесных секторов экономики субъектов Приволжского федерального округа

Регион	Первичный уровень оценки региональной эффективности							Результирующий уровень оценки региональной эффективности			
	С1	С2	С3	С4	С5	С6	I_c	С7	С8	С9	I_C
Республика Башкортостан	0,213	0,288	0,085	0,277	0,351	0,968	**0,364**	0,268	0,057	0,635	**0,320**
Республика Марий Эл	0,353	0,476	0,000	0,430	0,422	0,912	**0,432**	0,509	0,166	0,680	**0,451**
Республика Мордовия	0,300	0,377	0,207	0,531	0,212	0,421	**0,341**	0,219	0,031	0,886	**0,379**
Республика Татарстан	0,266	0,590	0,447	0,567	0,302	0,070	**0,374**	0,657	0,284	0,625	0,522
Удмуртская Республика	0,435	0,436	0,000	0,183	0,436	0,165	**0,276**	0,362	0,117	0,748	**0,409**
Чувашская Республика	0,193	0,287	0,200	0,130	0,050	0,000	**0,143**	0,259	0,175	0,195	**0,210**
Пермский край	0,234	0,478	0,327	0,254	0,356	0,776	**0,404**	0,578	0,042	0,601	**0,407**
Кировская область	0,375	0,383	0,263	0,331	1,000	1,000	**0,559**	0,391	0,125	0,721	**0,412**
Нижегородская область	0,383	0,509	0,224	0,093	0,146	0,721	**0,346**	0,433	0,000	0,534	0,322
Оренбургская область	0,175	0,348	0,000	0,018	0,000	0,591	**0,189**	0,192	1,000	0,305	**0,499**
Пензенская область	0,253	0,383	0,878	0,152	0,439	0,671	**0,463**	0,465	0,180	0,546	**0,397**
Самарская область	0,309	0,234	0,000	0,014	0,000	0,012	**0,095**	0,242	0,114	0,298	**0,218**
Саратовская область	0,100	0,254	0,000	0,001	0,003	0,087	**0,074**	0,367	0,082	0,293	**0,247**
Ульяновская область	0,354	0,323	0,028	0,039	0,042	0,731	**0,253**	0,165	0,090	0,470	**0,242**

Заключение, выводы

Результатом исследования является разработка и апробация методики сравнительной оценки потенциала лесного сектора экономики региона.

Ценность предложенной методики заключается в ее модельном характере. При сохранении ключевых положений инструментарий методики может быть скорректирован в зависимости от цели, объекта и предмета исследования, что свидетельствует о ее универсальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Веретнова Н. А. Инструменты и методы оценки влияния отрасли на уровень социально-экономического развития региона : автореферат дисс. … канд. экон. наук. Красноярск, 2006. 24 с.

2. Гатауллин Р. А. Оценка эффективности производственного потенциала промышленного комплекса региона: автореферат дисс. … канд. экон. наук. Ижевск, 2008. 24 с.

3. Шишелов М. А. Эффективность функционирования региональных лесопромышленных комплексов // Экономика региона. 2013. № 2(34). С. 114–119.

4. Бородин М. А. Разработка методики оценки потенциала устойчивого развития экономики машиностроительных предприятий : автореферат дисс. … канд. экон. наук. СПб., 2005. 20 с.

5. Киселева А. А. Кластерные основы и методический инструментарий конкурентного развития регионального лесопромышленного комплекса : дисс. … канд. экон. наук. Пермь, 2015. 183 с.

6. Портер М. Е. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. 6-е изд. М. : Альпина Пабл. 2016. 453 с. URL: http://znanium.com/catalog/product/558670

7. Зудин В. Ю. Методика оценки конкурентоспособности промышленного предприятия : автореферат дисс. … канд. экон. наук. Казань, 2003. 21 с.

8. Егоров С. Г. Оценка социально-экономической эффективности предприятий промышленного комплекса региона : автореферат дисс. … канд. экон. наук. Казань, 2005. 20 с.

9. Развитие методологии структурно-отраслевой и экономико-технологической организации лесного сектора экономики (на примере лесного сектора Республики Башкортостан) / под общ. ред. А. В. Мехренцева. Екатеринбург : Уральский гос. лесотехнич. ун-т, 2018. 4,89 Мб. (CD-ROM).

10. Савинов Ю. А., Орешкин В. А., Лебедев А. А. Экспортный потенциал отрасли по разработке и сбыту информационно-коммуникационных технологий // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 6. С. 28–40.

11. Перунов С. Ю. Формирование и развитие экспортного потенциала региона (на примере Ростовской области) : дисс. … канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2015. 148 с.

12. Никитина Э. И. Факторы развития экспортного потенциала промышленного предприятия // Экономика и предпринимательство. 2013. № 5(74). С. 151–156.

13. Сафиуллин С. А. Моделирование управления инвестиционным потенциалом региона (на примере Удмуртской Республики) : автореферат дисс. … канд. экон. наук. Ижевск, 2006. 26 с.

14. Куманеева М. К. Оценка инвестиционного потенциала региона промышленного типа в контексте обеспечения его устойчивого развития (на материалах Кемеровской области) : дисс. … канд. экон. наук. Кемерово, 2015. 240 с.

15. Мустафаева Э. Р. Методические основы развития инвестиционного потенциала регионов : дисс. … канд. экон. наук. СПб., 2015. 151 с.

16. Гафаров Ф. М. Формирование и развитие инвестиционного потенциала региона (на материалах Хатлонской области Республики Таджикистан) : дисс. … канд. экон. наук. Душанбе, 2017. 193 с.

17. Голышева Е. Е. Производственный потенциал региона: проблемы оценки и развития : автореферат дисс. … канд. экон. наук. Иваново, 2006. 28 с.

18. Кузьмина Е. С. Экономическая оценка ресурсно-производственного потенциала предприятий нефтегазодобывающей промышленности : автореферат дисс. … канд. экон. наук. Оренбург, 2013. 27 с.

19. Гулин К. А., Шабунова А. А., Чекмарева Е. А. Трудовой потенциал региона / под рук. В. А. Ильина. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009. 84 с.

20. Губанова Е. Н. Трудовой потенциал региона: формирование, прогнозирование и управление развитием : дисс. … канд. экон. наук. М., 2007. 208 с.

21. Третьякова Л. А., Бессонова М. А., Трофименко Е. Н. Сущность категории «трудовой потенциал»: социально-экономический аспект // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 34(361). С. 2–10.

22. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М. : ИНФРА-М, 1999. 479 с. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/16758

23. Дорошенко В. А., Осипов Б. А., Шмидт Ю. Д. Экономический потенциал лесопромышленного предприятия // Вестник ТГЭУ. 2005. № 1. С. 3–18.

24. Пыткин В. А. Стратегия развития предприятий регионального лесопромышленного комплекса : автореферат дисс. … канд. экон. наук. Ижевск, 2006. 27 с.

25. Милкова О. И. Ресурсный потенциал лесного сектора Республики Марий Эл // Вестник Чувашского университета. 2010. № 3. С. 393–396.

26. Спиренков А. Д. Развитие потенциала лесопромышленного комплекса Российской Федерации : автореферат дисс. … канд. экон. наук. М., 2009. 24 с.

27. Веретенов А. О. Экономический потенциал лесопромышленного комплекса России // Вестник Международной академии оценки и консалтинга. 2013. № 4. URL: https://readera.ru/jekonomicheskij-potencial-lesopromyshlennogo-kompleksa-rossii-14289432

28. Муруева Э. К. Финансово-инвестиционный потенциал лесного сектора экономики Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2. С. 54–61.

29. Веретенов О. В. О некоторых вопросах развития экспортного потенциала лесопромышленного комплекса России // Транспортное дело России. 2010. № 12. С. 77–79.

30. Старостина Т. Г. Конкурентный потенциал организации. Ульяновск : УлГТУ, 2014. 115 с.

REFERENCES

1. Veretnova N. A. Tools and methods for assessing the impact of the industry on the level of social and economic development of the region : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. Krasnoyarsk, 2006. 24 p. (In Russ.).

2. Gataullin R. A. Estimation of efficiency of industrial potential of an industrial complex of region : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. Izhevsk, 2008. 24 p. (In Russ.).

3. Shishelov M. A. Efficiency of functioning of regional timber industry complexes // Economy of the region. 2013. No. 2(34). Pp. 114–119. (In Russ.).

4. Borodin M. A. Development of methods for assessing the potential for sustainable development of the economy of machine-building enterprises : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. St. Petersburg, 2005. 20 p. (In Russ.).

5. Kiseleva A. A. Cluster bases and methodological tools of competitive development of regional timber industry complex : thesis for candidate of economics' degree. Perm′, 2015. 183 p. (In Russ.).

6. Porter M. Competitive strategy: Technique of analysis of industries and competitors. 6th ed. M. : Alpina Publ., 2016. 453 p. (In Russ.). URL: http://znanium.com/catalog/product/558670

7. Zudin V. Yu. Technique of an estimation of competitiveness of the industrial enterprise : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. Kazan, 2003. 21 p. (In Russ.).

8. Egorov S. G. Assessment of socio-economic efficiency of enterprises in the industrial complex of the region : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. Kazan, 2005. 20 p. (In Russ.).

9. Mekhrentsev (ed.). A. V. Development of the methodology of structural-sectoral and economic-technological organization of the forest sector of the economy (on the example of the forest sector of the Republic of Bashkortostan). Ekaterinburg : Ural State Forest Engineering University, 2018. 4.89 MB. (CD-ROM). (In Russ.).

10. Savinov Yu. A., Oreshkin V. A., Lebedev A. A. Export potential of the industry in the development and marketing of information and communication technologies // Russian Foreign Economic Journal. 2013. No. 6. Pp. 28–40. (In Russ.).

11. Perunov S. Yu. Formation and development of export potential of the region (on the example of the Rostov region) : thesis for candidate of economics' degree. Rostov-on-Don, 2015. 148 p. (In Russ.).

12. Nikitina E. I. Factors of development of the export potential of an industrial enterprise // Economics and Entrepreneurship. 2013. No. 5(74). Pp. 151–156. (In Russ.).

13. Safiullin S. A. Modeling of management of investment potential of the region (on the example of the Udmurt Republic) : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. Izhevsk, 2006. 26 p. (In Russ.).

14. Kumaneeva M. K. Evaluation of the investment potential of a region of industrial type in the context of ensuring its sustainable development (on the materials of the Kemerovo region) : thesis for candidate of economics' degree. Kemerovo, 2015. 240 p. (In Russ.).

15. Mustafaeva E. R. Methodical bases of development of investment potential of regions : thesis for candidate of economics' degree. St. Petersburg, 2015. 151 p. (In Russ.).

16. Gafarov F. M. Formation and development of investment potential of the region (on materials of Khatlon region of the Republic of Tajikistan) : thesis for candidate of economics' degree. Dushanbe, 2017. 193 p. (In Russ.).

17. Golysheva E. E. Production potential of the region: problems of assessment and development : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. Ivanovo, 2006. 28 p. (In Russ.).

18. Kuz′mina E. S. Economic evaluation of the resource-production potential of enterprises of the oil and gas extraction industry : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. Orenburg, 2013. 27 p. (In Russ.).

19. Gulin K. A., Shabunova A. A., Chekmareva E. A. The labor potential of the region. Vologda : ISEDT RAS, 2009. 84 p. (In Russ.).

20. Gubanova E. N. Labor potential of the region: formation, forecasting and development management : thesis for candidate of economics' degree. M., 2007. 208 p. (In Russ.).

21. Tret′yakova L. A., Bessonova M. A., Trofimenko E. N. The essence of the category "labor potential": socio-economic aspect // Regional economy: theory and practice. 2014. No. 34(361). Pp. 2–10. (In Russ.).

22. Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B. Modern economic dictionary. M. : INFRA-M, 1999. 479 p. (In Russ.). URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/16758

23. Doroshenko V. A., Osipov B. A., Schmidt Yu. D. Economic potential of the timber industry enterprise // Vestnik TSUE. 2005. No. 1. Pp. 3–18. (In Russ.).

24. Pytkin V. A. Strategy of development of the enterprises of the regional timber industry complex : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. Izhevsk, 2006. 27 p. (In Russ.).

25. Milkova O. I. Resource potential of the forest sector of the Republic of Mari El // Bulletin of the Chuvash University. 2010. No. 3. Pp. 393–396. (In Russ.).

26. Spirenkov A. D. Development of the potential of the timber industry complex of the Russian Federation : author's abstract of the thesis for candidate of economics' degree. M., 2009. 24 p. (In Russ.).

27. Veretenov A. O. Economic potential of the timber industry complex of Russia // Bulletin of the International Academy of Evaluation and Consulting. 2013. No. 4. (In Russ.). URL: https://readera.ru/jekonomicheskij-potencial-lesopromyshlennogo-kompleksa-rossii-14289432

28. Murueva E. K. Financial and investment potential of the forest sector of the economy of the Republic of Buryatia // Bulletin of the Buryat State University. 2015. No. 2. Pp. 54–61. (In Russ.).

29. Veretenov O. V. About some questions of development of export potential of the timber industry complex of Russia // Transport business of Russia. 2010. No. 12. Pp. 77–79. (In Russ.).

30. Starostina T. G. Competitive potential of the organization. Ulyanovsk : UlSTU, 2014. 115 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Капустина Ю. А., Ростовская Ю. Н., Стариков Е. Н. Развитие методических инструментов сравнительной оценки потенциала региональных отраслевых комплексов на примере лесного сектора экономики // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 121–129. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.455.

For citation: Kapustina Yu. A., Rostovskaya Yu. N., Starikov E. N. The development of methodological tools for comparative evaluation of the potential of regional industrial complexes in terms of the forestry sector // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 121–129. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.455.

УДК 338.242
ББК 65.053

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.456

Kiseleva Olga Vladimirovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Economic Analysis
and Public Governance,
Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk,
e-mail: kiseleva_o@rambler.ru

Киселева Ольга Владимировна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономического анализа
и государственного управления,
Ульяновский государственный университет,
г. Ульяновск,
e-mail: kiseleva_o@rambler.ru

Mokrousov Aleksandr Sergeevich,
Junior Researcher
of the Scientific and Technological Research
Institute named after S. P. Kapitsa,
Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk,
e-mail: mr.fominan@yandex.ru

Мокроусов Александр Сергеевич,
младший научный сотрудник
Научно-исследовательского технологического
института им. С. П. Капицы,
Ульяновский государственный университет,
г. Ульяновск,
e-mail: mr.fominan@yandex.ru

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF TAX PRIVILEGES FOR SUBJECTS OF INNOVATIVE ACTIVITY

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.10 – Finance, money circulation and credit

В последние годы все активнее обсуждается необходимость перехода экономики России от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития. Достижение такой цели возможно через создание условий для активизации инновационных процессов, трансформации потенциала научно-технических центров и инновационных компаний в фактор экономического роста на базе трансферта результатов научно-технической деятельности в производство и выпуск конкурентоспособной продукции. Использование прямых и косвенных мер поддержки участников инновационной системы на всех стадиях их становления и развития, в том числе системы налоговых льгот, будет способствовать активизации инновационной деятельности в стране. Налоговые льготы являются действенным инструментом экономической политики, однако их использование должно происходить разумно и эффективно. В настоящей статье рассмотрен вопрос оценки эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности. Авторы проводят изучение регионального опыта оценки эффективности налоговых льгот, а также опыта проведения анализа эффективности налоговых льгот контролирующими органами, выявляют проблемы осуществления такой оценки. По результатам исследования проблемы оценки эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности предлагается система показателей, позволяющая оценить бюджетную, социальную и экономическую эффективность налоговых льгот. Система показателей оценки эффективности налоговых льгот содержит как абсолютные, так и относительные показатели, позволяющие провести анализ изменения и развития инновационной системы. Авторами предложен интегральный показатель оценки социально-экономической эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности. Приведен практический пример расчета показателей эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности. Методика содержит не только количественную оценку налоговых льгот, но и анализ качественных изменений инновационной системы.

In recent years, the need for transition of the Russian economics from the export-raw materials to an innovative type of development has been increasingly discussed. The achievement of such a goal is possible through establishing of the conditions for activation of innovative processes, transformation of the potential of the scientific and technical centers and innovative companies into a factor of economic growth on the basis of transfer of the results of the scientific and technical activities in the manufacturing and production of competitive products. The use of direct and indirect measures to support the participants of the innovation system at all stages of their formation and development, including the system of tax benefits, will contribute to activation of the innovation activity in the country. Tax incentives are an effective tool of the economic policy, but the use of tax incentives should be reasonable and effective. In this article we examined the issue of evaluation of efficiency of tax privileges for the subjects of innovative activity. The authors study the regional experience of assessing effectiveness of tax benefits, as well as the experience of analyzing the effectiveness of tax benefits by regulatory authorities, and identify the problems of such assessment. According to the results of the study of the problem of assessing the effectiveness of tax incentives for innovation, a system of indicators is proposed that allows assessing the budgetary, social and economic efficiency of tax incentives. The system of indicators for assessing the effectiveness of tax incentives contains both absolute and relative indicators that allow analyzing the changes and development of the innovation system. The authors propose an integral indicator of assessing the socio-economic efficiency of tax incentives for innovation. The practical example of calculation of indicators of efficiency of tax privileges for the subjects

of innovative activity is given. The methodology includes not only a quantitative assessment of tax benefits, but also an analysis of qualitative changes in the innovation system.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, стимулирование инноваций, государственная поддержка инновационной деятельности, налоговые льготы, эффективность налоговых льгот, бюджетная эффективность, социальная эффективность, экономическая эффективность, интегральный показатель эффективности, комплексная оценка налоговых льгот.

Keywords: innovations, innovation activity, innovation promotion, government support for innovation, tax incentives, efficiency of tax benefits, budget efficiency, social efficiency, economic efficiency, integrated performance indicator, comprehensive assessment of tax benefits.

Введение

Актуальность. Одним из наиболее эффективных инструментов инновационной политики государства, способствующим развитию инновационной деятельности, является налоговое стимулирование. Посредством снижения налоговых ставок и предоставления различного рода налоговых льгот государство способствует активизации предпринимательской деятельности в том или ином секторе экономики, в том числе в инновационном процессе.

С одной стороны, налоговые льготы представляют собой потери бюджетов различного уровня, с другой стороны, являются эффективным инструментом социально-экономического развития.

В связи с этим исследование проблемы оценки эффективности инструмента налогового стимулирования инновационной деятельности является актуальным.

Изученность проблемы. Проблемой оценки эффективности налоговых льгот и разработкой методики проведения мониторинга и оценки их эффективности занимаются многие российские и зарубежные исследователи. Тем не менее единой точки зрения по данному вопросу не достигнуто.

Так, например, особый интерес среди методических работ по данному вопросу представляют заключения и отчеты Счетной палаты Российской Федерации [1]. В них представлена наиболее полная и достоверная информация о влиянии введения налоговых льгот на результаты формирования доходной части бюджета. Однако и в этих отчетах оценка эффективности зачастую сводится лишь к констатации фактов и количественной оценке потерь бюджета от введения налоговых льгот.

Министерство финансов РФ также разрабатывает методику оценки эффективности налоговых льгот с целью повышения прозрачности бюджетной и налоговой политики, повышения эффективности мер социально-экономической политики субъектов Российской Федерации [2].

Во многих научных работах описываются концептуальные подходы к оценке эффективности налоговых льгот, а также проблемы в практическом их использовании [3–7]. В основном отечественные разработки сводятся к количественной оценке последствий использования налоговых льгот для бюджетов различных уровней бюджетной системы.

Весьма интересным с точки зрения разработки методики оценки эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной системы представляется изучение опыта российских регионов по проведению такой оценки.

Методология. При проведении исследования использовались методы сравнительного анализа, а также расчеты показателей бюджетной, социальной, экономической эффективности налоговых льгот, интегрального показателя эффективности.

Цель и задачи исследования. В статье поставлена **цель** — разработка системы показателей оценки эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности. Достижению поставленной цели способствует решение следующих **задач**: исследование различных методов оценки эффективности налоговых льгот, изучение регионального опыта оценки эффективности мер налогового стимулирования, выявление проблемных вопросов оценки эффективности налоговых льгот и предложение системы показателей оценки эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности.

Научная новизна. Предложена система показателей оценки бюджетной, социальной, экономической эффективности налоговых льгот, а также интегральный показатель социально-экономической эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности.

Изложение основного материала

Введение налоговых льгот для стимулирования инновационной деятельности имеет целью достижение бюджетной, социальной и экономической эффективности.

Оценивая эффективность предоставляемых субъектам инновационной деятельности налоговых льгот, подразумевают прежде всего бюджетную эффективность. Бюджетная эффективность отражает влияние введения налоговых льгот на доходы бюджета, то есть превышение прироста налоговых платежей субъектов инновационной деятельности над «налоговыми расходами» бюджета, то есть величиной предоставленных таким субъектам налоговых льгот [8].

Под социальной эффективностью налоговых льгот понимают достижение какого-либо социального эффекта. Так, введение налоговых льгот для субъектов инновационной системы может иметь социальный эффект в виде создания новых рабочих мест, повышения доходов граждан, роста их благосостояния и т. д. [9].

Экономическая эффективность предоставляемых налоговых льгот выражается в росте основных социально-экономических показателей развития региона, страны [10].

В целом можно выделить несколько проблем проведения оценки эффективности налоговых льгот.

Первая связана с тем, что эффективность налоговых льгот можно оценить путем сравнения экономических показателей деятельности налогоплательщика до и после предоставления льгот либо путем сравнения результатов деятельности налогоплательщиков, получивших льготы, и налогоплательщиков, не имеющих льготы, что представляется с организационной точки зрения сложным.

Во вторых, проследить и спрогнозировать судьбу налоговой льготы с момента ее образования до ее использования практически невозможно. Количественную информацию о сумме предоставленных налоговых льгот по каждому конкретному налогоплательщику получить не представляется сложным, эту информацию аккумулирует Федеральная налоговая служба путем получения налоговых деклараций, однако как использовались сэкономленные финансовые ресурсы налогоплательщиком, отследить невозможно.

В-третьих, получение налоговой льготы не связано для налогоплательщика с какой-либо дополнительной ответственностью, кроме соблюдения условий для предоставления налоговых льгот.

Результаты проведения оценки эффективности налоговых льгот органами государственного финансового контроля также показывают недостаточное понимание того, каким образом должна проводиться эта работа.

Во многих российских регионах приняты методики оценки эффективности налоговых льгот. В основном данные методики были разработаны для оценки эффективности налоговых льгот, предоставляемых инвесторам. В дальнейшем представляется целесообразным провести изучение используемых региональными властями методик и использовать наработанный опыт при разработке системы показателей оценки эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности.

1. Оценка бюджетной эффективности налоговых льгот. Бюджетная эффективность налоговых льгот оценивается как соотношение суммы выпадающих доходов бюджета в результате предоставления налоговой льготы и дополнительных доходов, поступающих в бюджет через действие механизма налогового стимулирования, то есть бюджетная эффективность налоговых льгот должна оцениваться с точки зрения того, что это дает бюджету.

На наш взгляд, оценка бюджетной эффективности налоговых льгот, предоставляемых субъектам инновационной деятельности, не может существенно отличаться от оценки налоговых льгот, предоставляемых инвесторам и другим субъектам предпринимательской деятельности, поскольку налоговое стимулирование инновационных предприятий связано с возникновением выпадающих доходов бюджета и приростом налоговых поступлений в бюджет в результате активизации деятельности инновационных предприятий.

Для оценки бюджетной эффективности предоставления налоговых льгот некоторые регионы рассчитывают абсолютные показатели бюджетной эффективности, другие — относительные показатели.

Система абсолютных показателей состоит из показателей, рассчитанных путем сравнения:

1) фактических поступлений в бюджет с плановыми значениями;

2) сумм доходов и расходов бюджета по налогоплательщикам, получающим льготу;

3) сумм собранных налогов до и после введения льготы.

Относительные показатели бюджетной эффективности более разнообразны. В основе их расчета лежит соотношение следующих показателей:

1) дополнительных доходов и расходов (суммы предоставленных льгот) бюджета;

2) сумм уплаченных в бюджет налогов до и после введения льгот;

3) изменения объема налогов, поступающих в бюджет, и суммы налоговых льгот;

4) изменения суммы объема поступающих в бюджет налогов и бюджетных расходов к сумме налоговых льгот;

5) экспертных оценок расходов областного бюджета на организацию предоставления налоговой льготы и экспертной оценки расходов областного бюджета на организацию поддержки и поддержку отдельных категорий организаций альтернативным предоставлению налоговой льготы способом.

В некоторых регионах предусматриваются индивидуальные методы оценивания эффективности налоговых льгот. Например, в Мурманской области для экономических субъектов, осуществляющих инновационную деятельность, бюджетная эффективность рассчитывается как разница между темпом роста налоговых поступлений (в процентах к предыдущему периоду) в бюджет области и темпом инфляции за рассматриваемый период [11].

В Ярославской области, как и в Ульяновской области, для инвесторов, реализующих приоритетные и особо значимые инвестиционные проекты, показатель бюджетной эффективности рассчитывается как соотношение объема налоговых поступлений в областной бюджет от реализации приоритетных и особо значимых проектов за отчетный (текущий, очередной) период к объему налоговых льгот по приоритетным и особо значимым инвестиционным проектам, предоставленных в отчетном (текущем, очередном) периоде [12; 13]. Данный коэффициент показывает величину дополнительно поступающих в бюджет региона налогов от реализации приоритетных и особо значимых инвестиционных проектов, приходящихся на 1 рубль предоставленных льгот. Значение имеет не только величина этого показателя, но и его динамика.

Исходя из проведенного обзора подходов к оценке бюджетной эффективности предоставляемых налоговых льгот, на наш взгляд, расчет относительных показателей бюджетной эффективности представляется более целесообразным, поскольку само определение показателя «эффективность» подразумевает выявление соотношения достигнутого эффекта и произведенных затрат для его достижения. Абсолютные показатели позволяют как раз рассчитать эффект от введения системы налоговых льгот.

Предлагаем рассчитывать показатель бюджетной эффективности предоставленных налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности как соотношение суммы прироста налоговых поступлений в бюджеты всех уровней и суммы выпадающих доходов (суммы предоставленных льгот) в связи с предоставлением налоговых льгот.

$$K_{б.э} = \frac{\Delta\,НД}{НЛ},$$

где $K_{б.э}$ — коэффициент бюджетной эффективности налоговых льгот;

ΔНД — прирост налоговых доходов в бюджеты всех уровней;

НЛ — сумма выпадающих доходов (суммы предоставленных налоговых льгот).

Если $K_{б.э} \geq 1$, то эффективность предоставленных налоговых льгот считается достаточной (высокой). Если $K_{б.э} \leq 1$, то эффективность предоставленных налоговых льгот считается недостаточной (низкой).

2. Оценка социальной эффективности налоговых льгот. Рассчитать показатель социальной эффективности налоговых льгот представляется весьма проблематичным, поскольку сложно оценить в денежном выражении социальный эффект от введения налоговых льгот.

Многие регионы вводят перечень целевых показателей, положительная динамика которых свидетельствует о социальной эффективности предлагаемой налоговой льготы.

Например, в Архангельской области налоговая льгота признается эффективной, когда достигаются следующие результаты [14]:

— создаются дополнительные рабочие места;

— улучшаются условия и охрана труда;

— осуществляется трудоустройство лиц, нуждающихся в социальной защите;

— растет величина прожиточного минимума;

— улучшается качество и расширяется ассортимент товаров, работ и услуг, предоставляемых организациями;

— развивается благотворительность;

— повышается экологическая безопасность и т. д.

Показатели оценки социальной эффективности налоговых льгот основываются на анализе динамики некоторого набора социально-экономических показателей: рост заработной платы, число создаваемых рабочих мест, расходы на социальные цели и т. д.

Говоря о социальном эффекте активизации деятельности инновационных предприятий в результате использования мер налогового стимулирования, имеется в виду создание благоприятных условий развития инфраструктуры социальной сферы в результате повышения социальной защищенности населения при развитии инновационной деятельности: создание новых высокопроизводительных рабочих мест, рост среднемесячной заработной платы и др.

При этом следует отметить, что динамику некоторых показателей, например повышение качества продукции или ее инновационности, сложно оценить количественно и связать именно с предоставлением налоговых льгот, что затрудняет оценку социальной эффективности налоговых льгот.

Расчет показателя социальной эффективности налоговых льгот по классическому методу — соотношение полученного эффекта и произведенных затрат — затруднителен, поскольку из анализа убираются показатели, которые сложно оценить количественно, что занижает получаемый от введения льготы эффект.

Расчет социальной эффективности налоговых льгот представляет, таким образом, оценку эффекта от их введения, поскольку соизмерения с произведенными затратами не производится.

Методика оценки социальной эффективности предоставляемых налоговых льгот имеет практически те же недостатки, что и оценка бюджетной эффективности. Однако при оценке социальной эффективности уже используется экономический анализ в части оценки динамики показателей, характеризующих развитие социальной сферы.

Возникающая при этом проблема связана с отбором социальных показателей для оценки социальной эффективности налоговых льгот. Потенциально таких показателей может быть множество, и они могут иметь противоположную динамику в силу действия ряда причин. Динамика этих показателей может зависеть не только от предоставляемой льготы, но и от множества других значимых факторов, и в данном случае просто использование количественных методов оценки не представляется целесообразным без более глубокого исследования социально-экономических процессов.

При оценке социальной эффективности предлагается проводить анализ динамики (темпов прироста) показателей, характеризующих создание благоприятных условий развития инфраструктуры социальной сферы в результате повышения социальной защищенности населения регионов и страны в целом при условии развития инновационной деятельности, а именно:

— среднесписочной численности работников, занятых на предприятиях — субъектах инновационной деятельности;

— среднемесячной заработной платы работников, занятых на предприятиях — субъектах инновационной деятельности.

Коэффициент социальной эффективности налоговых льгот субъектов инновационной деятельности рассчитывается как доля показателей, по которым наблюдается положительная динамика, то есть рост показателей, в общем количестве показателей.

Если коэффициент социальной эффективности более 1, то предоставляемые налоговые льготы считаются эффективными.

3. Оценка экономической эффективности налоговых льгот. Экономическая эффективность налоговых льгот выражается в повышении социально-экономического развития региона, территории, что сопровождается положительной динамкой набора целевых показателей, таких как:

— валовый региональный продукт;

— среднемесячная заработная плата;

— сальдированный финансовый результат предприятий и организаций региона;

— количество новых рабочих мест;

— объем инвестиций в основной капитал;

— производство новых конкурентоспособных видов продукции;

— налоговые платежи в бюджеты всех уровней;

— освоение и введение в действие нового оборудования, объектов производственного назначения, технологических процессов, производственных площадей и др.

Другой подход к оценке экономической эффективности предполагает расчет соотношения величины изменения обозначенных показателей с объемом бюджетных потерь, вызванных введением системы налоговых льгот.

Например, в Краснодарском крае рассчитывается следующий показатель экономической эффективности налоговых льгот [15]: отношение прироста объема выручки от реализации продукции, работ, услуг или иных показателей результативности финансово-экономической деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, которым предоставляется налоговая льгота, к сумме потерь (недополученных доходов) консолидированного бюджета края в связи с предоставлением налоговой льготы.

Таким образом, можно выделить следующие виды оценок экономической эффективности налоговых льгот:

1) оценки, основанные на изменении целевых показателей;

2) оценки, основанные на изменении налоговых и неналоговых поступлений в бюджет;

3) оценки, учитывающие соотношение изменения целевых показателей и объема потерь бюджета от введения льготы.

Если сравнивать оценки экономической эффективности, основанные на изменении целевых показателей и основанные на изменении объемов поступлений в бюджет, то первые более целесообразны, поскольку они имеют больше экономического смысла, в то время как вторые дублируют абсолютные показатели бюджетной эффективности, скорее показатель бюджетного эффекта от введения налоговых льгот.

Следовательно, экономическая эффективность оценивается через соизмерение показателей, устанавливаемых в качестве целевых, с показателями базового периода. Здесь возникает проблема определения целевых показателей.

Особенно важна проблема определения целевых показателей для определения эффективности стимулирующих налоговых льгот. Само определение «стимулирующие» подразумевает задействование определенных стимулов для достижения поставленных целей.

Количественная оценка поставленных целей является важным условием оценки эффективности налоговых льгот. Определение целей зачастую представляется сложным процессом, связанным с проведением серьезных исследований, расчетов, проведением опросов. Постановка абстрактных целей является фактором, усложняющим процесс оценки эффективности налоговых льгот, ведь отсутствие целевого показателя при обосновании льготы делает невозможным проведение сопоставлений с точки зрения достижения целей. Количественная оценка эффективности налоговых льгот должна сопровождаться экспертной оценкой.

Для оценки экономической эффективности налоговых льгот проводится анализ как стоимостных показателей, так и показателей, имеющих натуральное выражение. Оценка эффективности основывается на анализе темпов роста выбранных показателей.

В целях расчета показателя экономической эффективности предоставляемых налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности предлагается рассчитывать и анализировать динамику следующих показателей:

— число субъектов инновационной деятельности;

— доля предприятий, осуществляющих технологические инновации в общем объеме предприятий региона, страны;

— выручка от реализации инновационной и высокотехнологичной продукции, работ, услуг субъектов инновационной деятельности;

— доля инновационной продукции, работ, услуг в ВРП региона или в ВВП страны;

— сальдированный финансовый результат субъектов инновационной деятельности;

— рентабельность деятельности субъектов инновационной деятельности.

По каждому из перечисленных показателей рассчитывается коэффициент роста по формуле:

$$K_{р} = \frac{П_{отч}}{П_{отч-1}},$$

где $П_{отч}$ — показатель за отчетный (планируемый) период;

$П_{отч-1}$ — показатель за период, предшествующий отчетному (планируемому) периоду.

Показатель экономической эффективности рассчитывается как соотношение числа показателей, по которым произошел рост за анализируемый период, и числа показателей, по которым роста не наблюдается.

Если рассчитанный коэффициент больше либо равен 1, то предоставленные налоговые льготы считаются эффективными.

4. Интегральная оценка эффективности налоговых льгот. Попытка рассчитать интегральный показатель эффективности налоговых льгот осуществляется в некоторых регионах, например в Свердловской, Ярославской области, Чувашской Республике.

Некоторые регионы рассчитывают этот показатель как отдельную величину, исходя из определенного набора социально-экономических показателей развития региона, другие рассчитывают суммарный или мультипликативный показатель из бюджетной, социальной и экономической эффективности.

Например, в Свердловской области интегральный показатель эффективности налоговых льгот рассчитывается как отношение суммы увеличения фонда оплаты труда и увеличения капитальных вложений в основные фонды к сумме потерь областного бюджета от предоставления налоговых льгот [16]. Если данное соотношение больше 1, то налоговые льготы считаются эффективными, если меньше 1, то налоговые льготы неэффективны.

В Ярославской области рассчитывается интегральный коэффициент эффективности на основе трех видов эффективностей — бюджетной, социальной и экономической — как произведение этих показателей [12].

В Чувашской Республике интегральный показатель эффективности налоговых льгот рассчитывается как сумма коэффициентов бюджетной, социальной и экономической эффективности. При этом налоговые льготы считаются эффективными, если интегральный показатель эффективности больше или равен 3 [17].

Таким образом, можно выделить два подхода к расчету интегральной оценки эффективности налоговых льгот:

1) интегральный показатель рассчитывается на основе набора социально-экономических показателей;

2) интегральный показатель рассчитывается на основе трех показателей эффективности — бюджетной, социальной и экономической.

Для комплексной оценки эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности предлагается рассчитывать сводный (интегральный) показатель социально-экономической эффективности как сумму показателей бюджетной, социальной и экономической эффективности.

$$K_{инт} = K_{б.э} + K_{с.э} + K_{э.э},$$

где $K_{инт}$ — сводный (интегральный) коэффициент эффективности налоговых льгот;

$K_{б.э}$ — коэффициент бюджетной эффективности налоговых льгот;

$K_{с.э}$ — коэффициент социальной эффективности налоговых льгот;

$K_{э.э}$ — коэффициент экономической эффективности налоговых льгот.

Предоставленные налоговые льготы имеют положительную (высокую) эффективность, если сводный (интегральный) коэффициент эффективности налоговых льгот больше или равен 3.

Рассмотрев используемые российскими регионами подходы к оценке эффективности налоговых льгот, отметим, что отечественная методология базируется на количественной оценке эффективности — бюджетной, социальной, экономической. В зарубежной практике основной методологией оценки эффективности введения налоговых льгот стал экспертный подход [18–26]. Без сомнения, даже корректное использование количественной оценки невозможно без задействования экспертного подхода, например для отбора социально-экономических показателей.

Представим оценку бюджетной, социальной и экономической эффективности по предложенной методике, а также рассчитаем интегральный показатель эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности на примере Ульяновской области. Допустим, предполагается привлечение крупного инвестора-производителя и заказчика на разработку и производство инновационной продукции в Ульяновскую область.

Под приростом налоговых доходов в консолидированный бюджет Ульяновской области будем считать сумму налога на прибыль, уплачиваемую инвестором, а также НДФЛ, уплачиваемый всеми субъектами инновационной инфраструктуры, единый налог по упрощенной системе налогообложения, которые поступают в консолидированный бюджет Ульяновской области в связи с приходом инвестора на территорию Ульяновской области, созданием новых рабочих мест, ростом заработной платы и ростом выручки от реализации высокотехнологичной и инновационной продукции всеми субъектами инновационной инфраструктуры региона.

В таблице 1 представлен расчет показателя бюджетной эффективности предоставленных субъектам инновационной деятельности налоговых льгот.

Таблица 1

Расчет показателя бюджетной эффективности предоставления налоговых льгот субъектам инновационной деятельности

Показатели	По годам реализации проекта					ИТОГО
	1	2	3	4	5	
Прирост налоговых доходов в консолидированный бюджет Ульяновской области, млн руб.	79,2	81,6	84,0	86,5	89,1	420,4
Выпадающие доходы регионального бюджета от предоставления налоговых льгот, млн руб.	26,3	27,1	27,9	28,8	29,6	139,7
Коэффициент бюджетной эффективности	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0	3,0

В связи с активизацией инновационной деятельности в регионе ожидается следующая динамика показателей, характеризующих развитие социальной инфраструктуры (табл. 2).

Таблица 2

Расчет социальной эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности

Показатели	По годам реализации проекта				
	1	2	3	4	5
Среднесписочная численность работников, занятых на предприятиях — субъектах инновационной деятельности, тыс. человек	15,1	15,4	15,7	16,0	16,3
Среднемесячная заработная плата работников, занятых на предприятиях — субъектах инновационной деятельности, тыс. руб.	67,5	70,9	74,4	78,1	82,0
Расчет коэффициента социальной эффективности	1 По всем показателям наблюдается положительная динамика				

В таблице 3 представлена динамика показателей, характеризующих экономическую эффективность предоставления налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности.

Таблица 3

Расчет экономической эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности

Показатели	По годам реализации проекта				
	1	2	3	4	5
Число субъектов инновационной деятельности	54	56	56	57	57
Доля предприятий, осуществляющих технологические инновации в общем объеме предприятий региона, %	3,4	3,5	3,5	3,6	3,7
Выручка от реализации инновационной и высокотехнологичной продукции, работ, услуг субъектов инновационной деятельности, млрд руб.	35,4	36,8	38,3	39,8	41,4
Доля инновационной продукции, работ, услуг в ВРП региона, %	12,8	13,1	13,3	13,6	13,9
Сальдированный финансовый результат субъектов инновационной деятельности, млн руб.	15,1	15,4	15,7	16,1	16,4
Рентабельность деятельности субъектов инновационной деятельности, %	14,5	14,7	15,0	15,3	15,5
Расчет коэффициента экономической эффективности	1 По всем показателям наблюдается положительная динамика				

По результатам проведенных расчетов показателей бюджетной, социальной и экономической эффективности налоговых льгот рассчитаем интегральный показатель эффективности как сумму коэффициентов бюджетной, социальной и экономической эффективности.

$$K_{инт} = K_{б.э} + K_{с.э} + K_{э.э},$$

$$K_{инт} = 3 + 1 + 1 = 4.$$

Таким образом, эффект от введения налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности Ульяновской области выражается в дополнительных налоговых поступлениях в бюджет региона, положительной динамике социально-экономических показателей субъектов инновационной деятельности. Значение интегрального коэффициента эффективности налоговых льгот позволяет сделать вывод о высокой социально-экономической эффективности мер налогового стимулирования субъектов инновационной деятельности.

Выводы

В результате проведенного анализа используемых российскими регионами методик оценки эффективности налоговых льгот представлена система показателей оценки бюджетной, социальной, экономической эффективности налоговых льгот, а также интегральный показатель социально-экономической эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности.

Использование предложенной методики оценки эффективности налоговых льгот позволит осуществить анализ результатов проведения государственной политики по развитию инновационной деятельности в регионах и в стране в целом, а также повысить ее результативность. Расчет и анализ предложенных показателей позволит оценить, каким образом происходит стимулирование производства высокотехнологичной и инновационной продукции, выпуска конкурентоспособной продукции, создания новых рабочих мест в инновационной сфере. Расчет показателя бюджетной эффективности и анализ его динамики имеет целью минимизацию потерь и увеличение доходов бюджетов всех уровней от развития инновационной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка эффективности расходования средств федерального бюджета, направленных на формирование инфраструктуры инновационной системы России» // Бюллетень Счетной палаты № 12 (декабрь) 2011 г. URL: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/602/16458/

2. Методика оценки эффективности налоговых льгот. Проект Министерства финансов РФ. URL https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=120068

3. Налоговые льготы: анализ практики применения и методика оценки эффективности действия // Налоги и налогообложение. 2011. № 7. URL: https://wiseeconomist.ru/poleznoe/68584-nalogovye-lgoty-analiz-praktiki-primeneniya-metodika-ocenki

4. Мигашкина Е. С. Анализ практики применения налоговых льгот по региональным и местным налогам и оценка их эффективности (на примере г. Москвы) // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 4. С. 64–71.

5. Ткачева Т. Ю. Разработка методических рекомендаций по проведению оценки эффективности налоговых льгот на региональном уровне // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 10(56). С. 111–116.

6. Калачева О. С., Золина Ю. А. Налоговое стимулирование инновационной деятельности в РФ на современном этапе // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 4(37). С. 157–159.

7. Михайлишина Я. А. Системный анализ понятия налогового стимулирования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3(20). С. 223–227.

8. Киселева О. В. Анализ бюджетной эффективности мер государственной поддержки инвесторов на примере Ульяновской области // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 16 (вып. 1). С. 36–44.

9. Савина О. Н. Оценка эффективности налоговых льгот: действующие региональные практики и проблемы их реализации // Пермский финансовый журнал. 2016. № 2(15). С. 64–83.

10. Экономическая эффективность. URL: http://p.120-bal.ru/ekonomika/8743/index.html?page=9

11. Постановление администрации города Мурманска от 23.05.2011 № 851 «О порядке оценки эффективности предоставленных и планируемых к предоставлению льгот по местным налогам в муниципальном образовании город Мурманск». URL: http://base.garant.ru/16972523/

12. Постановление Правительства Ярославской области от 11.03.2009 № 223-п (ред. от 30.04.2010) «Об оценке бюджетной и социальной эффективности предоставляемых (планируемых к предоставлению) налоговых льгот. URL: http://base.garant.ru/24549264/

13. Постановление Правительства Ульяновской области от 5 мая 2014 года № 10/152-П «Об утверждении порядка оценки эффективности предоставленных (планируемых к предоставлению) налоговых льгот». URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW076;n=28701;dst=100001#010040062682203033

14. Распоряжение Правительства Архангельской области от 12.04.2011 № 185-рп «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке эффективности налоговых льгот, предоставленных инвесторам, реализующим инвестиционные проекты на территории Архангельской области». URL: http://docs.cntd.ru/document/962028708

15. Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 25.04.2011 № 408 «О проведении исполнительными органами государственной власти Краснодарского края оценки эффективности предоставленных (планируемых к предоставлению) налоговых льгот» (вместе с «Методическими рекомендациями по оценке эффективности предоставленных (планируемых к предоставлению) налоговых льгот»). URL: http://base.garant.ru/36902215/

16 Постановление Правительства Свердловской области от 16.01.2007 № 13-ПП (ред. от 21.06.2011) «О порядке рассмотрения обращений налогоплательщиков в Свердловской области о возможности предоставления налоговых льгот и оценке их эффективности». URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW071&n=32137#02164877201769082

17. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 25.06.2007 № 151 «Об утверждении Порядка оценки социально-экономической эффективности налоговых льгот и Методики оценки социально-экономической эффективности налоговых льгот». URL: http://base.garant.ru/17660521/

18. Отчет «Управление налогообложением в странах ОЭСР и в отдельных странах, не являющихся членами ОЭСР: сравнительные ряды данных» в Стратегии согласования мер стимулирования с долгосрочным ростом // Strategies for aligning stimulus measures with long term growth (2008) // OECD. 28 January 2009. URL: http://www.oecd.org/dataoecd/2/42/48514700.pdf

19. Jacques Morisset. Tax Incectives: Using Tax Incentives to Attract Foreign Direct Investment // Public Policy For The Private Sector. February 2003. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/11325

20. Thöne M., Nass-Schmidt S., Heinemann F. Evaluierung von Steuervergünstigungen. Band 1: Methoden und Ergebnisüberblick. Endfassung (Herbst 2009). Forschungsauftrag Projektnummer 15/07 des Bundesministeriums der Finanzen // ZEW Expertises, 2009. No. 110520.

21. Making tax easier, quicker and simpler for small business, March 2012; HMRC. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/89246/sme-4756.pdf

22. Eissa N., Kleven H. J., Kreiner C. T. Evaluation of Four Tax Reforms in the United States: Labor Supply and Welfare Effects for Single Mothers. NBER Working Paper No. 10935. Issued in November 2004. URL: http://www.nber.org/papers/w10935

23 Johnson R., Rosenberg J., Williams R. Measuring Effective Tax Rates. Urban-Brookings Tax Policy Center. February 7, 2012. URL: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/25066/412497-measuring-effective-tax-rates.pdf

24. Managing Capital In flows: What Tools to Use? / J. D. Ostry, A. R. Ghosh, K. Habermeier, L. Laeven, M. Chamon, M. S. Qureshi, A. Kokenyne // IMF Staff Discussion Note SDN/11/06; April 5, 2011. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2011/sdn1106.pdf

25 Iceland: Advancing Tax Reform and the Taxation of Natural Resources // IMF Country Report 11/138; May 1, 2011. June 16, 2011.

26. Cottarelli C. Tax Matters for Developing Countries. IMFdirect; April 22, 2011.

REFERENCES

1. Report on the results of the control event "Verification of the efficiency of spending of the Federal budget funds aimed at the formation of the infrastructure of the innovation system of Russia" // Bulletin of the Accounts Chamber No. 12 (December) 2011. (In Russ.). URL: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/602/16458/

2. Methods of assessing the effectiveness of tax benefits. The project of the Ministry of Finance of the Russian Federation. (In Russ.). URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=120068 address

3. Tax benefits: analysis of practice and methods of assessing the effectiveness of the Ministry of Finance. // Taxes and taxation. 2011. No. 7. (In Russ.). URL: https://wiseeconomist.ru/poleznoe/68584-nalogovye-lgoty-analiz-praktiki-primeneniya-metodika-ocenki

4. Milashkina E. S. the Analysis of practice of application of tax benefits on regional and local taxes and the assessment of their effectiveness (on the example of Moscow) // Economics. Taxes. Law. 2011. No. 4. Pp. 64–71. (In Russ.).

5. Tkacheva T. Yu. Development of methodical recommendations on assessment of efficiency of tax privileges at regional level // Socio-economic phenomena and processes. 2013. No. 10(56). Pp. 111–116. (In Russ.).

6 Kalacheva O. S., Zolina Yu. A. Tax stimulation of innovative activity in the Russian Federation at the present stage // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2016. No. 4(37). Pp. 157–159. (In Russ.).

7. Mikhailishina Ya. A. Systems analysis of the concept of tax incentives // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. No. 3(20). Pp. 223–227. (In Russ.).

8. Kiseleva O. V. Analysis of the budgetary efficiency of measures of state support of investors on the example of Ulyanovsk region // Economic analysis: theory and practice. 2017. No. 16(1). Pp. 36–44. (In Russ.).

9. Savina O. N. Assessment of the effectiveness of tax benefits: current regional practices problems of their implementation and problems of their implementation // Perm financial journal. 2016. No. 02(15). Pp. 64–83. (In Russ.).

10. Economic efficiency. (In Russ.). URL: http://p.120-bal.ru/ekonomika/8743/index.html?page=9

11. Resolution Of administration of the city of Murmansk of 23.05.2011 and No. 851 "On the order of the assessment of efficiency of the provided and planned to providing privileges on local taxes in municipality the city of Murmansk". (In Russ.). URL: http://base.garant.ru/16972523/

12. The order of the government of the Yaroslavl region of 11.03.2009 and No. 223-p (edition of 30.04.2010) "On the assessment of the budgetary and social efficiency of the tax privileges provided (planned to providing)". (In Russ.). URL: http://base.garant.ru/24549264/

13 The order of the government of the Ulyanovsk region dated May 5, 2014 No. 10/152-P "On the statement of the order of the assessment of efficiency of the tax privileges provided (planned to providing)". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW076;h=28701;DST=100001#010040062682203033

14 The order of the government of the Arkhangelsk region dated 12.04.2011 on No. 185-RP "On approval of the Methodical recommendations on the assessment of efficiency of the tax privileges provided to the investors implementing investment projects in the territory of the Arkhangelsk region". (In Russ.). URL: http://docs.cntd.ru/document/962028708

15 Resolution of the head of administration (Governor) of Krasnodar Territory dated 25.04.2011 and No. 408 "On carrying out by Executive authorities of Krasnodar Territory of the assessment of efficiency of the tax privileges provided (planned to providing)" (together with "Methodical recommendations on the assessment of efficiency of the tax privileges provided (planned to providing)"). (In Russ.). URL: http://base.garant.ru/36902215/

16. Resolution of the government of Sverdlovsk region of 16.01.2007 and No. 13-PP (edition of 21.06.2011) "On the order of consideration of addresses of taxpayers in Sverdlovsk region about possibility of providing tax privileges and an assessment of their efficiency". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW071&n=32137#02164877201769082

17 Resolution of the Cabinet of Ministers of the Chuvash Republic of 25.06.2007 and No. 151 "On the statement of the Order of the assessment of social and economic efficiency of tax privileges and the Technique of the assessment of social and economic efficiency of tax privileges". (In Russ.). URL: http://base.garant.ru/17660521/

18. Report "Tax Administration in OECD countries and in selected countries that are not members of the OECD: a comparative data series" in the Strategy for the harmonization of incentives with long-term growth / Strategies for aligning stimulus measures with long term growth (2008) // OECD. 28 January 2009. URL: http://www.oecd.org/dataoecd/2/42/48514700.pdf

19. Jacques Morisset. Tax Incentives: Using Tax Incentives to Attract Foreign Direct Investment // Public Policy For The Private Sector. February 2003. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/11325

20. Thöne M., Nass-Schmidt S., Heinemann F. Evaluierung von Steuervergünstigungen. Band 1: Methoden und Ergebnisüberblick. Endfassung (Herbst 2009). Forschungsauftrag Projektnummer 15/07 des Bundesministeriums der Finanzen // ZEW Expertise, 2009. No. 110520

21. Making tax easier, quicker and simpler for small business, March 2012; HMRC. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/89246/sme-4756.pdf

22. Eissa N., Kleven H. J., Kreiner C. T. Evaluation of Four Tax Reforms in the United States: Labor Supply and Welfare Effects for Single Mothers. NBER Working Paper No. 10935. Issued in November 2004. URL: http://www.nber.org/papers/w10935

23. Johnson R., Rosenberg J., Williams R. Measuring Effective Tax Rates. Urban-Brookings Tax Policy Center. February 7, 2012. URL: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/25066/412497-measuring-effective-tax-rates.pdf

24. Managing Capital in flows: What Tools to Use? / J. D. Ostry, A. R. Ghosh, K. Habermeier, L. Laeven, M. Chamon, M. S. Qureshi, A. Kokenyne // IMF Staff Discussion Note SDN/11/06; April 5, 2011. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2011/sdn1106.pdf

25. Iceland: Advancing Tax Reform and the Taxation of Natural Resources // IMF Country Report 11/138; May 1, 2011. June 16, 2011.

26. Cottarelli C. Tax Matters for Developing Countries. IMF direct; April 22, 2011.

Как цитировать статью: Киселева О. В., Мокроусов А. С. Комплексная оценка эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 130–138. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.456.

For citation: Kiseleva O. V., Mokrousov A. S. Comprehensive assessment of efficiency of tax privileges for subjects of innovative activity // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 130–138. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.456.

УДК 338.984:338.5
ББК 65.301:65.25

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.422

Krylova Elena Vladimirovna,
candidate of economics,
associate professor of the department of industrial management and economics of power engineering,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: krylova @corp.nstu.ru

Крылова Елена Владимировна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры производственного менеджмента и экономики энергетики,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск,
e-mail: krylova@corp.nstu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ МЕХАНИЗМА ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОМ ПРЕДПРИЯТИИ

FORMATION OF THE ELEMENTS OF THE MECHANISM OF PRODUCTION ACTIVITY PLANNING AT THE MACHINE-BUILDING ENTERPRISE

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В статье рассмотрены значительные проблемы планирования производственной деятельности на машиностроительном предприятии при усиливающейся нестабильности факторов внешней и внутренней среды и возрастающей неопределенности экономических показателей. Отмечена значимость сценарного прогноза при формировании элементов механизма планирования, а также затруднения, возникающие в процессе реализации сценарных планов. Сформирована концепция планирования на предприятии в условиях позаказного производства с использованием некоторого множества сценариев, экономико-математического моделирования и применения ERP-, MES-платформ как интегрированной информационной среды.

В результате анализа используемых подходов к планированию предлагается экономико-математическая модель как элемент механизма, составляющий финансово-экономическое управление предприятием.

Приведен аргументированный выбор возможных исходов сценариев по вариантам производственной программы в условиях неопределенности, отвечающих критерию максимизации некоторой функции от показателя прибыли.

Предложенные элементы механизма планирования производственной деятельности позволят определить для каждого варианта производственной программы уровень рентабельности при заданных ценах с учетом обратной связи итеративного процесса, а также рассчитать цены на новую продукцию с помощью индивидуального уровня рентабельности и определить возможную, с точки зрения максимизации прибыли, величину ценовых скидок.

Обоснованный выбор наиболее результативного варианта производственной программы машиностроительного предприятия с дискретным типом производства, учитывающий возникновение факторов неопределенности, обеспечит возможную максимизацию прибыли в период нестабильного экономического состояния и снижение риска.

The article examines the significant problems of planning of production activities at the machine-building enterprise, with the increasing instability of the factors of the external and internal environment and the increasing of uncertainty of the economic indicators. The importance of the scenario forecast in development of the elements of the planning mechanism, as well as difficulties arising in the process of implementation of the scenario plans are noted. The concept of planning at the enterprise in the conditions of the order production with the use of a certain set of scenarios, economic and mathematical modeling and application of ERP-, MES-platforms as an integrated information environment is formed.

As a result of the analysis of the approaches used to planning, an economic and mathematical model is proposed as an element of the mechanism that makes up the financial and economic management of the enterprise.

The reasoned choice of possible outcomes of scenarios by the variants of the production program in the conditions of uncertainty meeting the criterion of maximization of some function of the profit indicator is given.

The proposed elements of the mechanism of production planning will allow determining the level of profitability for each variant of the production program at the given prices, taking into account the feedback of the iterative process, as well as calculating the prices of new products using an individual level of profitability and determining the possible price discount in terms of profit maximization.

A reasonable choice of the most effective variant of the production program of a machine-building enterprise with a discrete type of production, taking into account the emergence of uncertainty factors, will provide possible profit maximization in the period of unstable economic condition and risk reduction.

Ключевые слова: планирование, производственная деятельность, предприятие, фактор неопределенности, устойчивость, сценарий, производственная программа, экономико-математическое моделирование, прогнозирование, экономический эффект.

Keywords: planning, production activity, enterprise, uncertainty, sustainability, scenario, production program, economic-mathematical modeling, forecasting, economic impact.

Введение

В современных условиях изменения хозяйственной и институциональной среды, усиления факторов неопределенности, а также глобальных кризисных ситуаций усложнились проблемы в планировании, связанные с эффективным функционированием и решением задач развития предприятий. **Актуальность** на уровне машиностроительных предприятий определяется отсутствием в настоящее время единого системного подхода к планированию производственной деятельности, что не позволяет организовать действенной системы экономических отношений и связей, ориентированной на получение прибыли. Волатильность цен, спрос на продукцию и другие факторы замедляют процесс осуществления намеченных целей.

Степень изученности проблемы. При усиливающейся нестабильности факторов внешней и внутренней среды и возрастающей неопределенности экономических показателей растет практический интерес к вопросам эффективного планирования производственной деятельности субъектов хозяйствования, которые достаточно широко отражены в трудах классических и современных авторов, таких как: В. М. Португал, Т. Саати, К. Керне, Й. Шумпетер. Рассматриваются преимущественно традиционные наборы методов планирования: стратегическое, тактическое, оперативное, сценарное. При формировании стратегических планов отдельные авторы выделяют метод сценарного планирования [1–4].

Формирование сценариев рассматривается как в классических источниках экономической литературы (А. А. Томпсон, Г. Минцберг, Д. Барнет, Дж. Стрикленд, У. Уилстед, Э. Кэмпбелл, Л. Саммерс), так и в рамках узких предметных направлений в планировании (Б. Альстренд, Дж. Лэмпел, О. Уильямсон, М. Линдгрен, Х. Бандхольд, А. Р. Коэн). Сценарное планирование сводится в основном к анализу на качественном уровне, тогда как количественные оценки влияния основных контрольных параметров предприятия в большинстве случаев не используются на практике, так как отсутствует достаточно разработанный инструментарий [5–7].

Элементом **научной новизны** при рассмотрении проблемы является формирование элементов механизма планирования производственной деятельности на машиностроительном предприятии, использование которых должно обеспечить распределение косвенных затрат по видам продукции и проведение калькулирования себестоимости по видам изделий, а также формирование цены, в том числе на новую продукцию.

Цель данного исследования заключается в определении элементов механизма планирования производственной деятельности на машиностроительном предприятии.

В ходе исследования были поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Выявить существующие проблемы системы планирования на машиностроительном предприятии, а также обобщить опыт практического подхода к применению сценарного планирования и интегрированной информационной среды.

2. Сформировать элементы механизма планирования на предприятии в условиях позаказного производства с использованием формируемого множества сценариев, экономико-математического моделирования в интегрированной информационной среде (ERP-, MES-платформ).

3. Предложить аргументированный выбор эффективного варианта производственной программы предприятия в условиях неопределенности, отвечающего критерию максимизации прибыли.

Практическая значимость отражает применение сценарного планирования, которое не всегда может гарантировать успех, затруднения возникают в процессе реализации сценарных планов, так как недостатками являются высокие потери времени для руководящего состава, недостаточно глубокая проработка и обоснованность различных вариантов развития событий, высокая трудоемкость тестирования сценариев.

Таким образом, использование комбинированного метода планирования экономических показателей предприятия не представляется возможным в силу отсутствия жесткой функциональной взаимосвязи между факторами и показателями производственной деятельности, что определяет **теоретическую значимость** работы. Вследствие этого теория и практика требуют пересмотреть сценарный подход к планированию производственной деятельности как продолжающийся цикличный процесс изменения и применения экономических показателей организационного процесса.

Основная часть

Составляющие механизма планирования производственной деятельности машиностроительного предприятия. Сложность экономической ситуации и разнообразие происходящих на предприятии процессов не позволяют использовать перечисленные методы в чистом виде, поэтому чаще всего применяются их различные комбинации, которые должны основываться на системном научном подходе при изучении состояния машиностроительного предприятия, его внешней и внутренней среды.

Вариантом создания действенной системы планирования производственной деятельности на предприятии предлагается интеграция систем ERP и MES, каждая из которых призвана выполнять свои четко оговоренные функции. Поиск оптимальных программ управления и регулирования составляет сущность кибернетического подхода к регулированию системами. При этом координация системой предполагает инвариантный перебор некоторого множества альтернативных программ [8, с. 42–52]. MES- и ERP-системы отличаются нахождением структурных элементов на разных уровнях информационной структуры. Она позволяет непосредственно рассчитать обобщающие экономические показатели, отражающие реальную взаимосвязь экономических, производственных и технических параметров в реальном времени в том же масштабе, в котором функционируют основные производственные процессы.

На рис. 1 представлена структурная схема планирования производственной деятельности посредством ERP- и MES-систем с основными функциональными блоками.

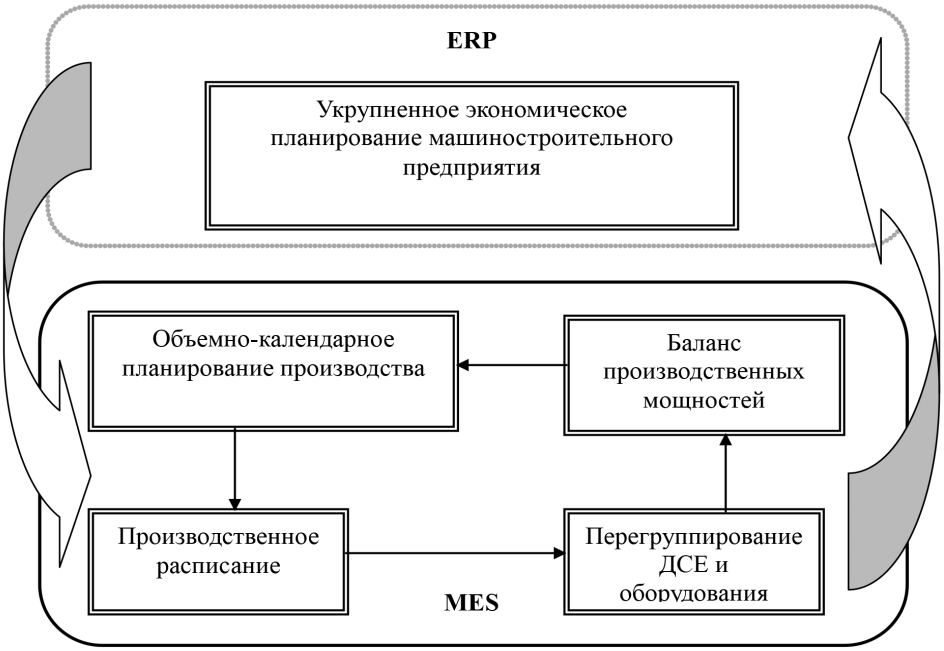

Рис. 1. Схема структурных элементов планирования в интегрированной информационной среде машиностроительного предприятия

В рамках MES-системы реализуется задача календарного планирования, сбалансированного по производственной мощности, и доведения оперативных плановых заданий до отдельных подразделений. ERP-система верхнего уровня администрирования напрямую связана с внешней средой (поставщики и потребители). Согласно кибернетическому принципу «внешнего дополнения» автоматизация такой сложной социотехнической системы, как электромашиностроительное предприятие, не может быть полной, следовательно, ERP с необходимостью является открытой системой [9]. Таким образом, MES — это нижнее звено для ориентированной на экономические показатели ERP-системы, автоматизация оперативной деятельности машиностроительного предприятия на уровне цеха, участка или линии в интегрированной информационной среде. Оно, в свою очередь, облегчает и ускоряет применение сценарного подхода к планированию производственной деятельности в краткосрочном и среднесрочном периодах.

В свете вышесказанного составляющие элементы механизма сценарного планирования производственной деятельности машиностроительного предприятия укрупненно представляются в последовательности, представленной на рис. 2 (см. стр. 141).

На первом этапе — разработки сценариев — учитывается целый набор внешних и внутренних факторов: номенклатура будущих готовых изделий, периоды времени их изготовления, наличие связанных заказов и их приоритеты, потребности в материалах и комплектующих деталях с учетом складских запасов и т. д., а также регистрация заявок на заказы в ERP-системе.

Второй этап принимает во внимание производственно-экономические моменты, учитываемые MES-системой: последовательность обработки различного вида изделий, ограничения на трудовые ресурсы, ограничения на производственные мощности (оборудование, станки), сменность работы цехов и т. п.

Для каждого сценария в рамках MES-системы производится расчет производственной программы машиностроительного предприятия с учетом всех возможных производственных ограничений.

На третьем этапе после выхода информации из MES-системы о варианте производственной программы по номенклатуре и объему с установленными прямыми затратами по видам изделий проводится расчет общих прямых затрат по всей номенклатуре. По предоставленным отчетам организации учитываются общие косвенные затраты. Кроме того, рассчитываются суммарные затраты на выпуск данного варианта производственной программы. Этот этап подразумевает сбор данных для расчета предлагаемой экономико-математической модели.

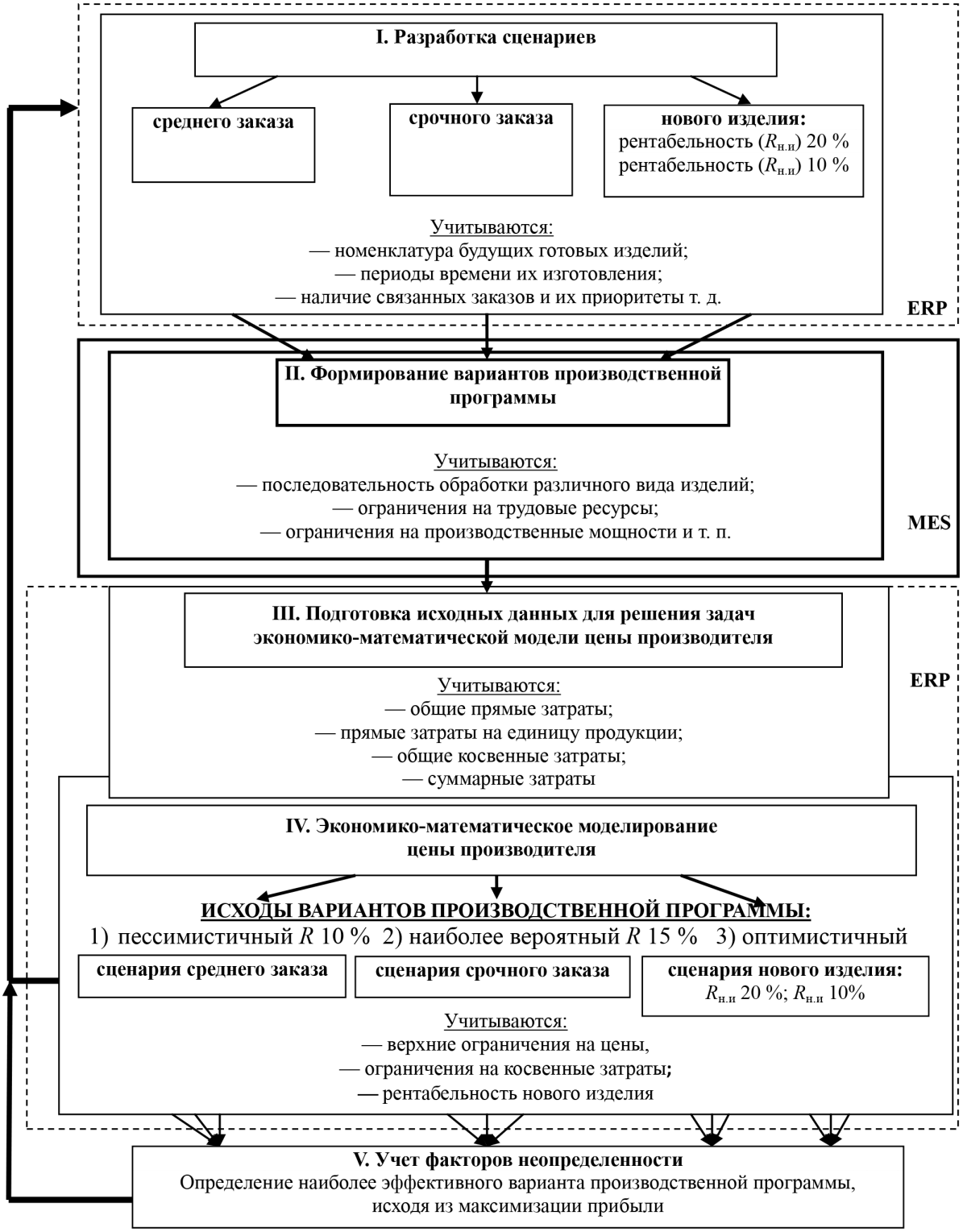

Рис. 2. Составляющие механизма сценарного подхода к планированию производственной деятельности на предприятии, где $R_{н.и}$ — рентабельность нового изделия

На четвертом этапе решается экономико-математическая задача для каждого варианта производственной программы. Информация поступает в ERP-систему, где для каждого варианта плана выпуска готовой продукции решается задача (1)–(8). Исходя из вида сценария, устанавливаются ограничения, необходимые для получения нужных результатов. Это либо верхние ограничения на цены (5), либо ограничения на косвенные затраты или установление индивидуальной рентабельности на новые изделия.

Оптимизационная экономико-математическая модель цены производителя позволит целесообразно распределить косвенные затраты по видам продукции, а также установить скидки с учетом реакции рынка.

Модель одновременно может служить инструментом распределения косвенных затрат исходя из экономической целесообразности с точки зрения всего машиностроительного предприятия как системы, а также для интеграции информационных систем и сценарного планирования в качестве составляющей экономического руководства предприятием:

$$\sum_{i=1}^{m} Q_i \times P_i \to max, \quad (1)$$

$$\frac{1}{C} \times \sum_{i=1}^{m} Q_i \times Y_i \le (1 + R), \quad (2)$$

$$\sum_{i=1}^{m} Q_i \times \Delta_i \to C_{kos}, \quad (3)$$

$$P_i, \Delta_i, Y_i = r_i, i = 1,..., m, \quad (4)$$

$$Y_i \le \overline{Y}_i, \text{ для } i \in I = \{i \mid i = 1,..., m\}, \quad (5)$$

$$Y_i - \Delta_i - P_i \ge 0, i = 1,... m, \quad (6)$$

где Q_i — количество продукции i-го вида ($i = 1,..., m$);

r_i — удельные прямые затраты на производство i-й продукции;

P_i — удельная валовая прибыль, связанная с производством продукции i-го вида;

Δ_i — искомые удельные косвенные затраты на производство продукции i-го вида;

Y_i — ориентировочные цены на i-ю продукцию;

C — общая величина затрат на i-ю продукцию;

C_{kos} — косвенные затраты на i-ю продукцию;

C_{pr} — прямые затраты на i-ю продукцию;

R — уровень рентабельности.

(1) — установка при ценообразовании на определенный уровень рентабельности R по затратам; $C = C_{kos} + C_{pr}$; $C_{pr} = \sum_{i=1}^{m} Q_i \times r_i$; $R = \frac{P_v}{C}$, где P_v — валовая прибыль.

(2) — ограничение на необходимость распределения по видам продукции общей величины C_{kos} косвенных затрат.

Для формирования цены на новую продукцию можно использовать ограничение (7) индивидуального уровня рентабельности с добавлением ограничения на косвенные затраты (8) по данному виду:

$$\frac{1}{(1 + R)} \times Y_i - \Delta_i \le r_i, \quad (7)$$

$$\Delta_i \le k \times (\overline{\Delta}_i), i \in I, \text{ где } k \ge 1; \quad (8)$$

$$\overline{\Delta}_i = r_i \times \frac{C_{kos}}{C_{pr}}.$$

Задача (1)–(8) является моделью формирования цены производителя на предприятии.

С помощью данной модели можно решать следующие задачи:

1. Распределение косвенных затрат по видам продукции и калькулирование на этой основе себестоимости по указанным видам изделий, что является основой формирования цен.

2. Определение для каждого варианта производственной программы и ее реализации уровня рентабельности при заданных ценах.

3. Определение обоснованной, с точки зрения максимизации прибыли, величины ценовых скидок при установленном уровне рентабельности.

4. Формирование цен на новую продукцию с помощью индивидуального уровня рентабельности.

5. Применение экономико-математической модели для выбора эффективной производственной программы.

Полученные после решения модели результаты, во-первых, необходимы как сведения для заключения договоров с клиентами (информация о ценах Y_i, $i = 1,...,m$ по видам готовой продукции); во-вторых, они могут использоваться для анализа и уточнения факторов и сценариев, некоторых ограничений модели (например, (1–6) или (7, 8) с последующим пересчетом производственной программы) [10].

После получения результатов по прибыли и рентабельности по каждому варианту плана выпуска готовой продукции есть возможность вернуться на первый этап выполнения сценарного планирования и внести коррективы при изменении внутренних и внешних факторов, вследствие чего без учета факторов неопределенности задача выбора оптимального варианта производственной программы (т. е. варианта, обеспечивающего максимальную прибыль) заканчивается на IV этапе.

На пятом этапе (рис. 2) учета фактора неопределенности осуществляется выбор вариантов производственной программы (ПП) ($i = 1,...,m$) по результатам исходов: $j = 1$ — пессимистичный; $j = 2$ — наиболее вероятный; $j = 3$ — оптимистичный.

После заполнения табл. 2 отбор оптимального варианта ПП может быть произведен с применением известных критериев, предлагаемых для решения задачи выбора стратегий в условиях неопределенности.

Таблица 2

Матрица возможных исходов по вариантам производственной программы

i	***j***		
	1	2	3
1	P_1^1	P_1^2	P_1^3
2	P_2^1	P_2^2	P_2^3
…			
i	P_i^1	P_i^2	P_i^3
…			
m	P_m^1	P_m^1	P_m^1

Опираясь на анализ экспертной группы, а также на субъективную вероятность, возможно на несколько вариантов производственной программы создать предварительное распределение вероятности, отличающееся от равномерного распределения. В этом случае простейшим критерием принятия решений по выбору оптимального варианта является максимизация математического ожидания прибыли:

$$Q_i = \max_{1 \le i \le m} Q_i = \max_{1 \le i \le m} M(P_i), \quad (9)$$

где M — оператор математического ожидания (м.о.);

P_i — случайная величина прибыли, принимающая с некоторыми вероятностями одно из трех значений.

Недостатком целевого показателя Q_i, $i = 1,...,m$ из (9) является то, что он не учитывает рассеяния P. С учетом данного обстоятельства для показателя Q можно предложить следующие выражения:

$$Q_i = \frac{M(P_i)}{\sigma(P_i)}; i = 1,...,m, \quad (10)$$

$$Q_i = M(P_i) - k \times \sigma(P_i), k \ge 0, i = 1,...,m, \quad (11)$$

где σ — оператор среднего квадратического отклонения (с.к.о.) [11].

Специфика указанных расчетов состоит в том, что в рамках какого-либо варианта ПП по каждому исходу исследуются действия организационно-экономического механизма реализации, а именно закладываются потенциальные возможности повышения его адаптивности, например путем создания резервов, другого рода избыточности и т. д. Одновременно в процессе предлагаемой методики реализуются соответствующие способы маневрирования в зависимости от изменений внешней и внутренней среды (как «отрицательных», так и «положительных»).

На основе данных машиностроительного предприятия типом производства выполнено согласование сценариев с формированием производственной программы в интегрированной информационной среде. Из проведенного анализа систем автоматизации следует, что на предприятии используются ERP-система «1С: Предприятие» (Торговля+Склад) и MES-система «СПРУТ ОКП». Данные системы являются интегрированной средой для рассматриваемого предприятия. На основе сформированных отчетов в «СПРУТ ОКП» была получена информация о формировании производственной программы для сценариев среднего заказа, срочного заказа, введения нового изделия. Произведен расчет по вариантам производственных программ по результатам исходов $j_i (i = 1,m)$:

j_1 — пессимистичный, общая рентабельность равна 10 %;

j_2 — наиболее вероятный, общая рентабельность равна 15 %;

j_3 — оптимистичный, общая рентабельность равна 20 %.

Для каждого исхода варианта производственной программы (ПП) рассчитан соответствующий показатель P_{max}. Вместе они составляют матрицу $\{P^j_{max\,i}\}\, i = 1,...,m$; $\pi^j = 1, 2, 3$ (табл. 3, 4).

Таблица 3

Матрица возможных исходов по вариантам ПП, тыс. руб.

P_1	π^j		
	0,3	0,5	0,2
1	13 881,55	20 813,98	27 746,42
2	13 957,99	20 920,14	27 882,28
3.1 $R_{н.п}$ = 20 %	10 134,96	17 191,23	24 247,25
3.2 $R_{н.п}$ = 10 %	9773,72	16 830,00	23 886,05

На основе простейшего критерия принятия решений по выбору оптимального исхода вариантов сценария рассчитаны значения математического ожидания и среднего квадратического отклонения (СКО) для вышеприведенных вариантов (где π^j — вероятность исходов: $\pi^1 = 0,3$; $\pi^2 = 0,5$; $\pi^3 = 0,2$).

Таблица 4

Значения математического ожидания и СКО, тыс. руб.

Варианты сценариев	M	σ	Q_i
1	20 120,8	5660	3,55
2	20 223,9	5685	3,56
3.1 $R_{н.п}$ = 20 %	16 485,6	5761	2,86
3.2 $R_{н.п}$ = 10 %	16 124,3	5761	2,80

Из таблицы 4 видно, что интерес представляют 1-й и 2-й варианты. Определено граничное значение параметра k между ними:

$$k = \frac{20\,223{,}92 - 20\,120{,}74}{5685 - 5660} = 4{,}12.$$

$$Q_1 = 20\,120{,}8 - 45\,660 = -2519{,}2 < Q_2 = 20\,223{,}8 - 45\,685 = -2516{,}2.$$

Результатом внедрения данной модели служит учет возникновения факторов неопределенности. Разработанная модель позволила выбрать наиболее эффективный вариант производственной программы, который обеспечил максимизацию прибыли в период нестабильного экономического состояния и снижение риска. В результате эффективный вариант составит 20 223,8 тыс. руб., это подтверждает ожидаемый экономический эффект от внедрения разработанной методики сценарного подхода к планированию производственной деятельности машиностроительного предприятия, который составит 8 %, или 1617,9 тыс. руб., в 2017 г. по сравнению с показателями за 2016 г.

Вследствие этого прогнозируемые значения по максимально возможной прибыли с 2017 по 2025 гг. равны математическому ожиданию от 20120,8 тыс. руб. до 20 223,9 тыс. руб. в зависимости от корректировки сценарных планов в процессе их реализации, что является характерной чертой реального технико-экономического планирования производственной деятельности машиностроительного предприятия.

Заключение

Сценарный подход к планированию производственной деятельности представляет собой элемент механизма вариантных плановых расчетов хозяйственной деятельности, проводимых с учетом внутренних и внешних факторов и условий, в том числе неопределенной природы, сопровождающих функционирование и развитие машиностроительного предприятия.

Предложенный комплексный подход к планированию производственных и экономических показателей предприятия с использованием экономико-математического моделирования цены производителя позволит распределить косвенные затраты по видам продукции и провести калькулирование себестоимости по видам изделий, сформировать цены, в том числе на новую продукцию, с учетом использования ограничений на косвенные затраты и индивидуальной рентабельности изделий.

Доказана перспективность использования предложенной методики выбора варианта производственной программы при воздействии факторов неопределенности, отвечающего критерию максимизации прибыли на предприятии с дискретным типом производства. Это позволит определить эффективный вариант производственной программы, направленный на снижение затрат, рост рентабельности в зависимости от текущей ситуации на рынке.

Внедрение предложенной методики в практическую деятельность электромашиностроительных предприятий позволит рассчитать обобщающие экономические показатели, отражающие реальную взаимосвязь экономических, производственных и технических параметров в режиме реального времени в том же масштабе, в котором функционируют основные производственные процессы предприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ламбен Ж.-Ж., Чумпитас Р., Шулинг И. Менеджмент, ориентированный на рынок : учебник по программе «Мастер делового администрирования» / пер. с англ. И. И. Малковой под ред. В. Б. Колчанова. СПб. : Питер , 2011. 718 с. Классика MBA.

2. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / пер. с англ. М. : Дело, 2016. 672 с.

3. Саати Т., Керне К. Аналитическое планирование. Организация систем / пер. с англ. М. : Радио и связь, 1991. 224 с.

4. Хан Д. Планирование и контроль: концепция контролинга / пер. с нем. М. : Финансы и статистика, 1997. 800 с.

5. Линдгрен М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией / пер. с англ. М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2009. 256 с.

6. Рингланд Д. Сценарное планирование для разработки бизнес-стратегии : пер. с англ. 2-е изд. М. : Диалектика, 2008. 559 с.

7. Яцко В. А., Киселева М. М. Сравнительный анализ методов калькулирования себестоимости продукции // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 4(41). С. 141–144.

8. Клос С. А. Информационные системы в основе управления для проектного предприятия // 22-я Международная конф. по информационно-программным технологиям (коммуникации в информатике и информатике). Друскининкай, Литва, 2016. С. 42–52.

9. Тенхиайла А., Хелкио Р. Увеличение производительности при использовании ERP-системы для производственного планирования и контроля при динамических рыночных условиях // Журнал операций управления. 2015. № 36. С. 147–164.

10. Крылова Е. В., Карпович А. И., Шерман М. С. Применение сценарного подхода в планировании производственной программы // Сибирская финансовая школа. 2014. № 2. С. 127–130.

REFERENCES

1. Lamben J. J, Chumppatis R., Shuling I. Market-driven management. Strategic and operational marketing, 2011. 718 p. (Russ. ed.: Lamben J. J., Chumppatis R., Shuling I. Market-driven management. Strategic and operational marketing. Saint Petersburg, Piter Publ., 2011. 718 p.).

2. Meskon M. H., Albert M., Hedouri F. Fundamentals of management. – 3rd ed. / Per. from English. M. : LLC “I. D. Williams”, 2012. 672 p. (Russ. Ed.: Meskon M. C., Albert M., Hedouri F. Fundamental of management. Moscow, Delo Publ., 2016. 672 p.).

3. Saaty T., Kearns K. Analytical Planning: The Organization of Systems. Oxford: Pergamon Press, 1985. 224 p. (Russ. Ed.: Saaty T., Kearns K. Analytical Planning: The Organization of Systems. Moscow, Radio and Communication Publ., 1991. 224 p.).

4. Khan D. Planning and control: the concept of controlling. Transl. from German. (Russ. Ed.: Khan D. Planning and control: the concept of controlling. Moscow, Finances and Statistics Publ., 1997. 800 p.).

5. Lindgren M., Bandhold H. Scenario planning. The link between future and strategy. Palgrave Macmillan, 2003. 102 p. (Russ. Ed.: Lindgren M., Bandkhold Kh. Scenario planning. The link between future and strategy. Moscow, ZAO “Olymp-Business”, 2009. 256 p.).

6. Ringland G. Scenario planning: managing for the future. Chichester: Wiley, 2008. 422 p. (Russ. Ed.: Ringland G. Scenario planning for development of business strategy. Moscow, Dialektika Publ., 2008. 559 p.).

7. Yatsko V. A., Kiseleva M. M. Comparative analysis of methods for calculating the cost of production // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2017. No. 4(41). Pp. 141–144. (In Russ.).

8. Klos S. A. Model of an ERP-Based Knowledge Management System for Engineer-to-Order Enterprises. 22nd International Conference on Information and Software Technologies [Communications in Computer and Information Science]. Druskininkai, Lithuania, 2016. Vol. 639. Pp. 42–52.

9. Tenhiaelae A., Helkio P. Performance effects of using an ERP system for manufacturing planning and control under dynamic market requirements // Journal of operations management. 2015. No. 36. Pp. 147–164.

10. Krylova E. V., Karpovich A. I. Use of scenario approach in planning production program // Siberian financial school. 2014. No. 2. Pp. 127–130. (In Russ.).

Как цитировать статью: Крылова Е. В. Формирование элементов механизма планирования производственной деятельности на машиностроительном предприятии // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 138–144. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.422.

For citation: Krylova E. V. Formation of the elements of the mechanism of production activity planning at the machine-building enterprise // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 138–144. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.422.

УДК 368.1
ББК 65.271

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.428

Kuznetsova Nadezhda Vasilyevna,
Candidate of Economics,
Associate professor of the Department of Finance
and Financial Institutions
of the Institute of Management and Finance,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: nadezhda1978@mail.ru

Кузнецова Надежда Васильевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры финансов
и финансовых институтов
Института управления и финансов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: nadezhda1978@mail.ru

СТРАХОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

PROPERTY INSURANCE OF BUSINESS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit

В статье изучены факторы развития страхования имущества юридических лиц и перспективы развития данного вида страхования. Автором рассмотрены основные цели и задачи организации страховой защиты имущества на предприятии, показаны особенности проведения страхования для субъектов малого, среднего и крупного бизнеса. Развитие всех сегментов страхования тесно связано с состоянием экономики и отношением власти к такому методу защиты. Рыночная экономика сменила административно-командную систему управления и изменила отношение к собственности и системе управления рисками. Страховой бизнес находится в постоянном поиске новых сегментов и стремится расширить ассортимент страховых услуг. Развитие страхования имущества юридических лиц требует определенных усилий со стороны участников, среди которых — не только страховые организации и страхователи, но и государство. Для страхователей необходимо понимание значения построения системы управления рисками и использования страхования как способа защиты и возможности компенсации ущербов. Страховщики должны разрабатывать условия страхования, удовлетворяющие потребностям различных групп страхователей, в том числе коробочные страховые продукты по отраслям и видам деятельности страхователей малого и среднего бизнеса и комплексные программы страхования для субъектов крупного бизнеса. Государство через регулирование страховой деятельности выступает гарантом финансовой устойчивости и платежеспособности субъектов страхового дела. В работе проведен факторный анализ страхования имущества юридических лиц: дано описание и анализ «среды» функционирования страхования имущества юридических лиц и определены перспективы его развития.

This article examines the factors of development of the property insurance of different forms of business and the prospects of its development. The author considers the main goals and objectives of arrangement of the insurance protection of property on the enterprise, shows the features of insurance of small, medium and large businesses. The development of insurance market and its parts depends on the economy and the attitude of power to this method of protection. The market economy has changed the administrative command system of management and changed the attitude to property and to the risk management system. The insurance companies search new segments and expand the range of insurance services. The development of property insurance for business requires certain efforts from all participants: insurance companies, policyholders and the government. The insurants have to understand the importance of risk management system and to use insurance as a method of protection and the possibility of compensation for damages. Insurers must develop insurance conditions, which can satisfy different interests and needs of policyholders such as boxed insurance products for small and medium business and comprehensive insurance programs for large business. Through regulation of insurance activity, the state and government are the guarantors of financial stability and solvency of insurance business. In this article, the author adduces the factor of development of business property insurance, analyses the "environment" of functioning of property insurance and represents prospects of its development.

Ключевые слова: страхование имущества юридических лиц, корпоративное страхование, перспективы развития страхования имущества, недострахование, риск-менеджмент, управление рисками предприятия, страховая защита бизнеса, проблемы развития страхования имущества юридических лиц, специалисты по страхованию, риски предприятий.

Keywords: property insurance of business, corporate insurance, development of property insurance, underinsurance, risk management, enterprise risk management, business insurance, problems of property insurance, insurance specialists, enterprise risks.

Введение

Актуальность изучения вопросов страхования имущества юридических лиц связана, с одной стороны, с тем фактом, что оно является во многих случаях одним из самых эффективных способов управления рисками предприятий. С другой стороны, несмотря на существующие проблемы его развития, страхование имущества юридических лиц является для страховщиков прибыльным направлением бизнеса. В научной литературе страхование имущества юридических лиц большей частью представлено как часть системы управления рисками предприятий.

В аналитических материалах приводятся основные показатели по данному виду деятельности, в числе которых — объемы страховых премий и страховых выплат, доля в портфеле страховщиков, количество договоров страхования и страховых выплат, уровень выплат — их абсолютные значения и динамика. **Задачами** настоящего исследования являются: изучить факторы развития страхования имущества юридических лиц, проанализировать основные тенденции развития рынка страхования имущества юридических лиц, сформулировать основные проблемы и определить перспективы дальнейшего его развития в Российской Федерации.

Основная часть

Страхование имущества, к которому относится и страхование имущества юридических лиц, является подотраслью имущественного страхования и направлено на защиту от рисков утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества [1].

В историческом аспекте развитие страхования имущества предприятий тесно связано с развитием торговых отношений и морских перевозок. Упоминание о «страховании товаров в пути» встречается в торговых книгах европейской компании Франческо дель Бене в 1318 г. Официальное регулирование морского страхования связывают с изданием Елизаветой I в 1601 г. первого английского статута, раскрывающего сущность и характеристику полиса морского страхования. В XVIII веке и позже появились и стали развиваться страхование от огня, сельскохозяйственное страхование, страхование на случай хищения имущества предпринимателя, страхование на случай перерыва в производстве [2].

В Советской России виды страхования, содержание правил страхования и основные условия заключения договоров страхования имущества юридических лиц были унифицированы и устанавливались централизованно. Договоры обязательного страхования имущества предприятий заключались по стандартным условиям страхования. Их основной недостаток заключался в недостраховании, а именно неправильной первоначальной оценке стоимости имущества и дальнейшей оценке размера ущерба.

Развитие рыночных отношений способствовало появлению частных предприятий, работающих в новых хозяйственных условиях и заинтересованных в страховой защите как способе обеспечения защиты предпринимательской деятельности. Новые экономические требования затронули в первую очередь финансовые аспекты деятельности предприятий, когда управленческие решения должны приниматься в условиях ограниченности финансовых ресурсов. Чтобы получить ожидаемую прибыль и выжить в конкурентной борьбе, необходимо минимизировать риски, угрожающие деятельности хозяйствующих субъектов [3; 4].

Профессиональный подход к разработке антирисковой стратегии на всех уровнях управления организации и формирование стабильно функционирующей системы по управлению рисками являются основаниями для стабильного развития бизнеса. Эффективная система управления рисками предполагает конструктивное формирование интегрированной системы управления на основе унифицированных методик, стандартов и алгоритмов, а корпоративный менеджмент должен обеспечить внедрение системы мероприятий по преодолению негативных последствий рисковых ситуаций, т. е. комплексно управлять всей совокупностью или портфелем рисков [5].

«Цель системы управления рисками на основе страховой защиты заключается в снижении уровня рисков сопутствующих деятельности компании до приемлемого для акционеров (собственников) уровня путем передачи рисков страховщику и тем самым содействие достижению поставленных перед компанией целей» [6].

Целями организации страховой защиты предприятий являются:

— обеспечить надежные гарантии возмещения возможных убытков предприятия в случае возникновения непредвиденных неблагоприятных ситуаций;

— минимизировать объем денежных средств, направляемый на ликвидацию последствий неблагоприятных ситуаций, за счет использования механизма страхования;

— повысить инвестиционную привлекательность предприятия за счет сохранения и поддержания гарантированного размера активов предприятий через использование механизмов страхования;

— использовать механизмы страхования для повышения уровня социальной защищенности сотрудников предприятия.

Принципами организации страховой защиты предприятия являются:

— сокращение расходов на обеспечение страховой защиты за счет отбора страховщиков на конкурсной основе;

— обеспечение наиболее полного возмещения убытков при наступлении страховых событий путем унификации страховых покрытий по видам страхования с учетом специфики деятельности предприятия [7].

Эксперты в сфере риск-менеджмента и специалисты страхового рынка отмечают, что наличие в штате предприятия квалифицированных специалистов, занимающихся вопросами страхования — от вопросов выявления потребности в страховании до урегулирования происходящих страховых случаев, — создает дополнительные преимущества по организации страховой защиты и сотрудничеству со страховщиками [8].

Общая последовательность организации страховой защиты может быть представлена следующим образом: определение страховых сумм (в том числе по отдельным единицам имущества), подготовка технического задания (предполагающее четкое описание желательных условий страхования), проведение конкурса по выбору страхового брокера и страховщика (при выборе страхового посредника необходимо собрать и проанализировать основные финансовые показатели, при выборе страховщика — определить наиболее выгодные условия страхования исходя из подготовленного технического задания), заключение и подписание договора страхования [9].

В соответствии со ст. 263 Налогового кодекса РФ расходы по страхованию имущества юридических лиц включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат.

Виды страхования имущества юридических лиц, как и сами страхователи, относятся к различным группам: страхование крупных корпоративных клиентов, страхование предприятий среднего и малого бизнеса.

В сфере малого бизнеса риски не всегда оцениваются профессионально, и предприниматель стремится минимизировать статью расходов по добровольному страхованию. На предприятиях среднего бизнеса, где страхование включено в методы управления рисками, большое внимание уделяется выбору надежного партнера (страховщика) и хороших страховых продуктов [10].

Малый и средний бизнес является одним из самых перспективных сегментов для рыночных страховых компаний и одним из самых стабильных для страхового портфеля. Конкурентная борьба за клиента на этом рынке менее «шумная», демпинг применяется в гораздо меньшей степени, чем, например, при страховании крупных предприятий. Деятельность по страхованию мелких и средних предприятий приносит большую доходность, если страховые продукты и программы страхования стандартизированы с точки зрения оценки риска и заключения договоров страхования и одновременно удовлетворяют потребностям страхователей. Процессы «инжиниринга» страховых продуктов в данном случае могут проводиться с использованием программных продуктов [11]. По типовому договору страхования должна быть предусмотрена компенсация крупных, катастрофических убытков, которые могут привести к серьезным финансовым осложнениям для небольшой фирмы или к ее разорению. При страховании имущества крупных предприятий основной задачей страховщиков является «предоставить услугу, обеспечивающую его финансовую безопасность», и страховая защита должна быть построена на комплексной основе, предполагающей тесное взаимодействие страховщиков и сотрудников предприятия [12].

Среди проблем развития страхования имущества юридических лиц выделяют как общие, характерные для всего страхового рынка, так и характерные только для данного сегмента рынка. К общерыночным проблемам можно отнести низкую страховую культуру, неоднозначную общеэкономическую и политическую ситуацию в стране. Специфические проблемы связывают с существенными особенностями ведения современного бизнеса, среди которых ведение двойной бухгалтерии и использование нелегальных схем владения имуществом. Все эти факторы выливаются, в свою очередь, в недостаточность финансовых средств у потенциальных страхователей, стремление сэкономить, невозможность адекватной оценки имущественного интереса и стоимости имущества, передаваемого на страхование, недоверие к законодательству, органам государственной власти, страховщикам.

В посткризисные периоды снижение рынка страхования имущества юридических лиц связано с такими объективными факторами, как сокращение объемов производства, замедление темпов строительства, рост просроченной задолженности [13]. Среди проблем при страховании имущества юридических лиц выделяют также отсутствие достоверных фактических данных и предшествующего опыта и, как следствие, невозможность оценки вероятности наступления страховых случаев и потенциальных размеров убытков от их наступления — вероятности наступления потенциального риска [9].

В определенной степени идея страхования дискредитируется, когда страхование отождествляется с налоговым побором. Малый и средний бизнес, как правило, идет в страхование не добровольно, а «добровольно-принудительно» (в частности, это касается залогового имущества). В таких ситуациях заключенный договор страхования предусматривает ограниченное покрытие и защищает прежде всего интересы кредиторов («принудителей»).

Российский малый и средний бизнес еще далек от осознания важности страхования. Информационная кампания страховщиков должна быть нацелена на внушение на двух уровнях — эмоциональном и логическом — тезиса о необходимости страхования как обязательного условия ведения бизнеса.

Подобную практику информирования и пресс-релизов будет полезно использовать и в других видах страхования — задачей страховщиков является показать, что механизм страхования работает. В такой ситуации страховые события по обязательным видам страхования предоставляют страховщикам возможность проявить себя как основных игроков.

Таким образом, факторы развития страхования имущества связаны с недостатком свободных денежных средств, недоверием к страхованию, в некоторых случаях — некомпетентностью владельцев и руководства в вопросах страхования и непониманием его сущности, а также с жесткой конкуренцией в отраслях экономики.

Как мы указывали выше, расходы на страхование имущества предприятий в полном объеме включаются в себестоимость продукции. Вместе с тем постоянно растет налоговая нагрузка на крупные предприятия (например, налог на использование целлюлозы), увеличиваются другие платежи (например, обязательная сертификация продукции), что влечет за собой рост себестоимости продукции и, как следствие, неконкурентные цены по сравнению с предприятиями малого бизнеса, которые находятся в «льготном» налоговом режиме и остаются в более выгодной ценовой категории. Государство, используя подобные налоговые решения, озабочено прежде всего вопросами качества продукции, однако крупные и средние предприятия находятся перед выбором: или ГОСТ, или цена, а страхование становится дополнительной финансовой нагрузкой.

Другим важным фактором потери интереса к страхованию со стороны крупных предприятий является ужесточение требований к безопасности предприятий (промышленная безопасность и охрана труда), ужесточение инструкций со стороны контролирующих органов, частота проверок, HASSP, что в конечном итоге в десятки (а то и в сотни) раз сокращает вероятность наступления страховых событий.

К сожалению, страховые компании не всегда учитывают приведенные выше обстоятельства при оценке рисков по страхованию по причине отсутствия «специальных» знаний о внутренней инфраструктуре предприятий, а также достоверных сведений об ущербах на предприятиях: их причинах и размерах. Андеррайтеры опираются, главным образом, на данные статистики, историю происшествий и убытков на аналогичных предприятиях и объектах, отчеты сюрвейерских компаний. Идеальная же модель квалификации андеррайтера по страхованию имущества предприятий, по нашему мнению, предполагает наличие у него «промышленного» прошлого и тесную взаимосвязь с предприятиями в настоящем времени. С теоретической точки зрения «индивидуальные» условия страхования и индивидуальный андеррайтинг предполагают эксклюзивную программу страхования предприятия с учетом его состояния, возможностей и потребностей. Такая работа достаточно трудоемка, затратна по времени, отвлекает сотрудников различных направлений на сбор информации и подготовку документов. Проведение «полноценной» оценки риска не представляется возможным, и страховщики предлагают усредненные для отрасли условия страхования и тарифы.

Перспективы развития страхования имущества юридических лиц, несмотря на существующие проблемы, связаны главным образом со страхованием среднего и малого бизнеса. По оценкам специалистов, объем рынка страхования имущества оценивается в 300–400 млрд руб. Для развития данного сегмента необходима активная пропаганда со стороны страховщиков и содействие со стороны государства,

в том числе программы софинансирования платежей в страховые компании [14; 15]. Как и при работе с физическими лицами, при страховании в сфере малого и среднего предпринимательства необходимо разрабатывать комплексные программы страхования, сокращать время обслуживания, проводить различные сезонные акции, широко применять различные сервисные услуги в составе комплексных программ [16].

Крупным предприятиям страхование имущества наиболее интересно в части страхования риска противоправных действий третьих лиц, а также их привлекает страхование, решающее одновременно важные задачи: защиту и обеспечение механизма уменьшения налоговой нагрузки законными методами.

Заключение

Таким образом, изучив основные проблемы и перспективы развития страхования имущества юридических лиц, можно сделать вывод, что страхование как способ управления рисками на предприятиях малого, среднего и крупного бизнеса остается пока недооцененным. Такая ситуация связана с недостатком свободных финансовых ресурсов, неразвитостью страховой культуры и недоверием потенциальных страхователей. Процесс привлечения юридических лиц всех уровней и форм собственности в страховые компании продолжается с момента появления страхования и зависит от состояния экономики и политических процессов. Несмотря на это, страховщики оптимистически оценивают перспективы развития данного сегмента рынка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая : федер. закон Рос. Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Романова И. Н. Страховая защита сферы предпринимательской деятельности в зарубежных странах: историко-правовой аспект // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 25–33.

3. Жигас М. Г. Развитие страховой защиты и финансово-экономические особенности страховой деятельности // Известия ИГЭА. 2014. № 4(96). С. 28–39.

4. Хитрова Е. М. Методы финансирования риска и условия их использования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 3. URL: http://brj-bguep.ru/classes/pdfDL.ashx?id=18102

5. Грибанова Н. Н. Методические вопросы формирования корпоративной системы управления рисками // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 1. URL: http://brj-bguep.ru/classes/pdfDL.ashx?id=18684

6. Салов А. Н. Управление рисками на основе эффективной страховой защиты бизнеса // Успехи современного естествознания. 2015. № 1-3. С. 499–502. URL: http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34925

7. Салова Л. В. Организация страховой защиты бизнеса: теория и практика // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 10-4. С. 631–635. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27175611_27768685.pdf

8. Гусейнов Р. В. Оптимизация страховой защиты имущества генерирующей компании // Управление финансовыми рисками. 2011. № 1. С. 66—83. URL: https://grebennikon.ru/author-4531.html

9. Бахчеева М. Н., Косарев А. С. Страхование имущества предприятия как элемент комплексной системы управления рисками // Управление финансовыми рисками. 2005. № 3. С. 74–84. URL: https://grebennikon.ru/article-ue7j.html

10. Андреева Е. В., Русакова О. И. Экономические изменения на рынке страхования предпринимательских рисков в Иркутской области // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6. URL: http://brj-bguep.ru/classes/pdfDL.ashx?id=19798

11. Соловьева Н. Е., Быканова Н. И., Мельникова Н. С. Направления развития корпоративного страхования на рынке страховых услуг // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2017. Т. 43. № 16(265). С. 16–24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-razvitiya-korporativnogo-strahovaniya-na-rynke-strahovyh-uslug.

12. Шмигирилов Б. М. Особенности страхования крупных предприятий // Современные страховые технологии. 2007. № 1. URL: https://consult-cct.ru/strahovanie/a30.html

13. Иванченко Л. А. Проблемы рынка страхования имущества юридических лиц // Современные наукоемкие технологии. 2014. № 7-1. С. 126–128. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21406925

14. Гумарова Г. Г. Десятикратный потенциал // Эксперт Урал. 2012. № 13(505). URL: http://expert.ru/ural/2012/13/desyatikratnyij-potentsial/

15. Стоноженко И. В. Страховая защита малых предприятий // Технико-технологические проблемы сервиса. 2015. № 4(34). С. 109–113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strahovaya-zaschita-predpriyatiy-malyh-form-sobstvennosti

16. Колесникова Т. В. Современная оценка рынка страхования имущества физических лиц: российский и зарубежный опыт // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский университет экономики и права). 2013. № 3. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20130412

REFERENCES

1. The Civil Code of the Russian Federation. Part Two: Federal Law of the Russian Federation of 26.01.1996 No. 14-FZ (Edited on July 29, 2018) // SPS «ConsultantPlus». (In Russ.).

2. Romanova I. N. Insurance protection of the sphere of entrepreneurial activity in foreign countries: the historical and legal aspect // Juridical science. 2016. No. 5. Pp. 25–33. (In Russ.).

3. Zhigas M. G. Development of insurance protection and financial and economic features of insurance activity // News of IGEA. 2014. No. 4(96). Pp. 28–39. (In Russ.).

4. Khitrova E. M. Methods of risk financing and conditions for their use // News of Irkutsk State Economic Academy. 2013. No. 3. (In Russ.). URL: http://brj-bguep.ru/classes/pdfDL.ashx?id=18102

5. Gribanova N. N. Methodological issues of the formation of the corporate risk management system // News of Irkutsk State Economic Academy. 2013. No. 1. (In Russ.). URL: http://brj-bguep.ru/classes/pdfDL.ashx?id=18684

6. Salov A. N. Risk management on the basis of effective insurance protection of business // Successes of modern natural science. 2015. No. 1-3. Pp. 499–502. (In Russ.). URL: http://www.natural-sciences.ru/en/article/view?id=34925

7. Salova L. V. Organization of business insurance protection: theory and practice // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. No. 10-4. Pp. 631–635. No. URL: https://library.ru/download/elibrary_27175611_27768685.pdf

8. Guseinov R. V. Optimization of insurance protection of the property of the generating company // Management of financial risks. 2011. No. 1. Pp. 66–83. (In Russ.). URL: https://grebennikon.ru/author-4531.html

9. Bakhcheeva M. N., Kosarev A. S. Insurance of enterprise's property as an element of an integrated risk management system // Management of financial risks. 2005. No. 3. Pp. 74–84. (In Russ.). URL: https://grebennikon.ru/article-ue7j.html

10. Andreeva E. V., Rusakova O. I. Economic changes in the insurance market for entrepreneurial risks in the Irkutsk region // News of Irkutsk State Economic Academy. 2014. No. 6. (In Russ.). URL: http://brj-bguep.ru/classes/pdfDL.ashx?id=19798

11. Solovyeva N. E., Bykanova N. I., Melnikova N. S. Directions of development of corporate insurance in the market of insurance services // Scientific statements of Belgorod State University. Series: The Economy. Computer science. 2017. No. 16(265). Pp. 16–24. (In Russ.). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-razvitiya-korporativnogo-strahovaniya-na-rynke-strahovyh-uslug

12. Shmigirilov B. M. Features of insurance of large enterprises // Modern insurance technologies. 2007. No. 1. (In Russ.). URL: https://consult-cct.ru/strahovanie/a30.html

13. Ivanchenko L. A. Problems of the property insurance market for legal entities // Modern science-intensive technologies. 2014. No. 7-1. Pp. 126–128. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21406925

14. Gumarova G. G. Ten-fold potential // Expert Ural. 2012. No. 13(505). (In Russ.). URL: http://expert.ru/ural/2012/13/desyatikratnyij-potentsial/

15. Stonozhenko I. V. Insurance protection of small enterprises // Technical and technological problems of service. 2015. No. 4(34). Pp. 10–113. (In Russ.). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strahovaya-zaschita-predpriyatiy-malyh-form-sobstvennosti

16. Kolesnikova T. V. Modern estimation of the property insurance market for individuals: Russian and foreign experience // News of Irkutsk State Economic Academy (Baikal University of Economics and Law). 2013. No. 3. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20130412

Как цитировать статью: Кузнецова Н. В. Страхование имущества юридических лиц: проблемы и перспективы развития // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 145–149. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.428.

For citation: Kuznetsova N. V. Property insurance of business: problems and prospects of development // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 145–149. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.428.

УДК 336.025
ББК 65.261

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.433

Orlova Ekaterina Vladimirovna,
Candidate of Economics,
Senior Lecturer of the Department of Finance
and Financial Institutions,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: e_zhitova@mail.ru

Орлова Екатерина Владимировна,
канд. экон. наук,
старший преподаватель кафедры финансов
и финансовых институтов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: e_zhitova@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ МОНОГОРОДОВ

FORMATION AND IMPLEMENTATION OF FISCAL INCENTIVES FOR ENTREPRENEURIAL ACTIVITY OF THE SINGLE-INDUSTRY TOWNS

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit

В условиях решения задачи по обеспечению устойчивого экономического роста и повышения качества жизни населения особую актуальность приобретает такое направление стратегического развития страны, как стимулирование предпринимательской активности моногородов. В результате исследования теоретических положений темы дана трактовка понятия бюджетно-налогового стимулирования предпринимательской активности моногородов и сформирована модель механизма стимулирования предпринимательской активности монопрофильных муниципалитетов на основе комплексной взаимоувязки всех элементов: участники, объект, правовое, нормативное и информационное обеспечение, методы, бюджетно-налоговые инструменты.

В работе представлены результаты оценки социально-экономических и финансовых показателей моногородов Иркутской области за 2015–2017 гг., проанализированы действующие меры поддержки предпринимательства в регионе, обозначены ключевые проблемы моногородов, обусловленные их неудовлетворительным экономико-финансовым состоянием и отсутствием эффективного взаимодействия всех участников действующего механизма. Автором также сформулированы предложения по совершенствованию применяемых бюджетных и налоговых инструментов. При этом особое внимание уделяется вопросам управления публичными финансами в регионе, в том числе оценке льготного налогообложения, изменению подходов к межбюджетному регулированию и внедрению риск-ориентированных, программных и проектных методов в практику государственного и муниципального управления.

Полученные результаты и сделанные выводы являются основой для проведения дальнейших исследований в данной области. Они предполагают разработку методических рекомендаций по трансформации региональной системы распределения бюджетных средств, формирование комплекса взаимосвязанных мер налогового стимулирования и повышение качества действующих программ муниципалитетов. Данные меры должны способствовать улучшению экономико-финансового состояния моногородов и повышению их предпринимательской активности.

In view of ensuring sustainable recovery and improving of the quality of the life of population, the strategic direction such as encouraging entrepreneurship of the single-industry towns becomes more urgent. As a result of the study of the theoretical provisions of the topic, the interpretation of the concept of fiscal encouraging of entrepreneurship of the single-industry towns is given and a model of the mechanism for encouraging entrepreneurship on the basis of the complex application of the elements of the mechanism is formed. It includes participants, object, legal, regulatory and information support, methods, budget and tax instruments.

The paper includes the socio-economic and financial indicators of single-industry towns of the Irkutsk region for the period 2015–2017, analysis of the existing measures to support entrepreneurship in the region and some key issues arising a poor economic situation and no effective integration of actions among levels of government and between participants. The author has also formulated recommendations for improving the budget and tax instruments. There is a particular focus on the questions of public finance management in the region including assessing of tax incentives, changing in the approach to inter-budgetary regulation, the introduction of risk-based, program and project methods of public and municipal administration.

Findings and conclusions of this exercise will be used as a basis for further research in this area. The procedure will involve the preparation methodical recommendations for the changing budget distribution systems, a set of interrelated tax stimulating policies and improving the quality of existing municipal programs. These measures should help to improve the economic situation of the single-industry towns and enhance entrepreneurial activity.

Ключевые слова: моногород, муниципальное образование, предпринимательская активность, механизм стимулирования, бюджетные и налоговые инструменты, методы управления, налоговые льготы, межбюджетное регулирование, муниципальные программы, Иркутская область.

Keywords: single-industry towns,municipal entity, entrepreneurial activity, incentive mechanism, budget and tax instruments, management methods, tax benefits, inter-budget regulation, municipal programs, Irkutsk region.

Местное самоуправление призвано создавать благоприятные условия для оптимального распределения ресурсов государственного и муниципального секторов экономики страны и решения вопросов жизнеобеспечения населения. Наибольшие сложности в реализации муниципальных функций испытывают моногорода, их в России в настоящее время насчитывается более трехсот, и большинство из них характеризуется неустойчивым финансово-бюджетным состоянием, низкими показателями качества жизни населения [1; 2] и нуждается в активизации точек роста и повышении инвестиционной привлекательности своих территорий.

Сложившиеся за многие годы проблемы, свидетельствующие о несостоятельности существовавшей ранее системы государственного управления социально-экономическим развитием моногородов, обуславливают **актуальность** детального изучения текущих мер поддержки, формирования эффективного инструментария и поиска новых подходов к бюджетно-налоговому стимулированию предпринимательской активности монопрофильных муниципальных образований в нашей стране.

Научная проблема заключается в наличии системных противоречий в области исследования, связанных с отсутствием комплексного обоснования теоретических положений и практических мер стимулирования предпринимательской активности моногородов и их устойчивого социально-экономического развития с учетом типовых, отраслевых, территориальных и других особенностей муниципалитетов. Как следствие, представляется целесообразным формирование такого механизма бюджетно-налогового стимулирования моногородов, который, с одной стороны, позволит объединить значительное количество реализуемых мер и участвующих субъектов в единое целое, снизит барьеры и упростит доступ предпринимателей к источникам ресурсов, с другой стороны, даст возможность эффективно и результативно использовать существующий методический инструментарий для достижения поставленных целей.

Вопросы поддержки моногородов и стимулирования в них предпринимательской активности рассматриваются в работах О. Е. Акимовой [3], Е. О. Дмитриевой [4], Н. Ю. Замятиной [5], О. В. Кузнецовой [6] и др. Роль инструментов финансового регулирования в развитии монопрофильных муниципальных образований характеризуется О. П. Ивановой [7], И. Н. Ильиной [2], А. В. Корень [8], А. Н. Ряховской [9] и др. Вместе с тем существующие исследования представляют широкую фундаментальную основу для детального изучения вопроса формирования и реализации механизма бюджетно-налогового стимулирования предпринимательской активности моногородов в текущих условиях. Кроме того, остается недостаточно раскрытой тема комплексного применения бюджетно-налоговых инструментов на региональном и муниципальном уровнях. Улучшение реальной ситуации в данной сфере невозможно без создания условий для выхода микропредприятий, самозанятого населения на рынок товаров и услуг на конкурентных началах с крупными торговыми сетями, создания инфраструктуры и обновления основных фондов градообразующих предприятий, налаживания эффективного

взаимодействия всех участников отношений и органов региональной и муниципальной власти, привлечения инвесторов на основе формирования рациональной системы льготного налогообложения.

Целью настоящего исследования является разработка рекомендаций по эффективному применению бюджетного и налогового инструментария (налоговые льготы, государственные и муниципальные программы, стимулирующие межбюджетные трансферты и др.) в составе единого механизма стимулирования предпринимательской активности монопрофильных муниципальных образований.

Формирование механизма бюджетно-налогового стимулирования предпринимательской активности моногородов, на наш взгляд, следует осуществлять на основании комплексного исследования проблемы в результате последовательного решения следующих **задач**:

1) изучение теоретических положений бюджетно-налогового стимулирования предпринимательской активности моногородов;

2) оценка экономических и финансовых показателей, анализ действующих институтов и современных мер государственной и муниципальной поддержки монопрофильных муниципальных образований (на примере Иркутской области);

3) разработка рекомендаций по применению бюджетно-налогового инструментария в данной сфере.

Методический аппарат исследования основан на общенаучных методах познания (синтез, анализ и дедукция), статистических методах (сбор, систематизация, обобщение данных), методах финансово-экономического анализа (анализ коэффициентов), а также методе экспертных оценок.

Научная новизна заключается в развитии теоретических положений и дополнении имеющихся суждений о способах эффективного стимулирования предпринимательской активности моногородов посредством комплексного применения адекватного бюджетного и налогового инструментария.

На начальном этапе исследования важно определиться с трактовкой понятия бюджетно-налогового стимулирования предпринимательской активности. В экономической литературе предпринимательская активность рассматривается с разных позиций. С одной стороны, это результат, показатель, характеризующий интенсивность деятельности и вовлеченность населения в создание новых предприятий [10; 11], с другой стороны, — процесс, предпринимательская деятельность в целом [8]. Следовательно, учитывая этимологию понятия «стимулирование», бюджетно-налоговое стимулирование предпринимательской активности можно определить как внешнее воздействие, побуждение к реализации предпринимательского потенциала, формированию предпринимательского климата и осуществлению эффективной предпринимательской деятельности за счет комплексного применения бюджетных и налоговых инструментов.

Особое значение имеет проведение данной работы публичными органами власти в монопрофильных муниципалитетах, где для достижения устойчивого экономического роста, обеспечения населения общественными благами и рабочими местами обязательным является создание условий в существующей экономической системе, благоприятствующих развитию предпринимательства [4].

В настоящее время в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)» статус моногородов в стране имеют 319 муниципальных образований. В Иркутской области восемь городов относятся к категории монопрофильных муниципальных образований, из них в трех муниципалитетах расположены территории опережающего социально-экономического развития (г. Усолье-Сибирское, г. Саянск, г. Черемхово). Для характеристики экономического и финансово-бюджетного состояния территорий с особым статусом проанализируем ряд показателей муниципалитетов региона в 2015–2017 гг. (табл.).

Таблица

Показатели социально-экономического и финансово-бюджетного состояния моногородов Иркутской области в 2015–2017 гг.

Показатели	Год	г. Байкальск	г. Железногорск Илимский	г. Саянск	г. Усть-Илимск	г. Черемхово	г. Шелехов	г. Тулун	г. Усолье-Сибирское
Социально-экономическое положение									
Среднегодовая численность постоянного населения, человек	2017	13 318	23 527	38 933	82 215	51 025	47 853	41 656	77 698
Общая площадь земель, га	2017	81 925	49 689	8242	22 676	11 440	3283	13 353	7915
Уровень регистрируемой безработицы, %	2015	1,34	1,12	1,53	1,2	2,85	1,21	3,86	1,3
	2017	1,3	0,8	0,7	0,9	2,1	1	2,9	0,8
Удельный вес прибыльных организаций, %	2015	20	71,4	84,6	82,4	33,3	88	87,5	72
	2016	33,3	57,1	83,3	81,3	72,7	82	55,6	60
Инвестиции в основной капитал, млн руб.*	2015	95,3	365,4	879,6	3 357,8	1 010,5	1 569	377,3	508,7
	2017	70,8	394,6	921,0	5 068,7	345,3	2 003	221,3	668,1

Окончание таблицы

Показатели	**Год**	**г. Байкальск**	**г. Железногорск Илимский**	**г. Саянск**	**г. Усть-Илимск**	**г. Черемхово**	**г. Шелехов**	**г. Тулун**	**г. Усолье-Сибирское**
Финансово-бюджетное состояние									
Налоговые и неналоговые доходы, млн руб.	2015	48,9	110,9	296,1	594,8	366,7	154,9	258,2	445,9
	2017	42,9	96,1	390,9	720,3	365,8	189,6	263,1	526,3
Безвозмездные поступления от других бюджетов, млн руб.	2015	316,1	42,1	568,0	1232,9	1220,6	384,0	525,0	905,1
	2017	151,3	26,2	850,1	1394,5	1169,7	88,4	691,2	1050,4
Профицит (+) / Дефицит (–), млн руб.	2015	–82,9	–18,8	–17,9	–146,1	–75,3	–194,7	3,1	–113,9
	2017	2,9	–5,1	31,3	–16,5	46,5	–35,9	–2,2	11,9
Группа дотационности (ст. 136 БК РФ)	2015	2	1	2	2	2	1	2	2
	2017	2	1	2	1	2	1	1	2
Кредиторская задолженность, млн руб.	2015	2184,3	2171,2	979,5	2879,2	283,6	1967,6	107,2	10776
	2016	2395,6	1663,3	1283,5	1033,3	608,7	1709,1	237,9	11940
Качество управления бюджетным процессом (в т.ч. место по 42 МР(ГО**)	2015	II (22)	II (13)	II (33)	II (26)	II (37)	II (20)	II (15)	II (10)
	2016	II (11)	II (9)	II (16)	II (18)	III (41)	I (6)	II (17)	I (1)

* *Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования (без субъектов малого предпринимательства).*

** *МР(ГО) – муниципальные районы (городские округа).*

Источник: составлено автором по данным пояснительной аналитической записки по итогам социально-экономического развития Иркутской области за 2015–2017 гг. (URL: http://irkobl.ru/region/economy); данных Федеральной службы государственной статистики (URL: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst25); официального сайта министерства финансов Иркутской области (URL: http://gfu.ru/).

Как свидетельствуют данные таблицы, монопрофильные муниципалитеты Иркутской области характеризуются, с одной стороны, значительной протяженностью территории, с другой стороны, неравномерностью распределения населения, что обусловлено историческими особенностями их заселения, экономико-географическими различиями территорий, развитостью инфраструктуры и другими факторами.

Несмотря на снижение в большинстве муниципалитетов уровня регистрируемой безработицы до среднероссийского и регионального показателей (1,3 и 1,1 % соответственно[1]), доля прибыльных предприятий и объем инвестиций в основной капитал остаются достаточно низкими. О неустойчивом финансово-бюджетном состоянии муниципальных образований свидетельствует их низкая финансовая самостоятельность вследствие недостаточности собственных доходных источников для исполнения обязательств, несбалансированность бюджетов, дотационность и растущая кредиторская задолженность. Немаловажное значение оказывает также качество работы органов власти по управлению бюджетным процессом как на стадии бюджетного планирования, так и на стадии исполнения бюджетов при достижении целевых индикаторов муниципальных программ.

Реализация Единого перечня мер поддержки монопрофильных муниципальных образований РФ, сформированного и утвержденного Правительством РФ, предполагает меры финансового и нефинансового характера, направленные на достижение стабильного развития муниципалитетов и решение их социально-экономических проблем. Следует отметить, особое внимание в соответствии с федеральной политикой и региональной программой комплексного развития моногородов уделяется стимулированию предпринимательской активности. Предусматриваются различные мероприятия как по линии государственных и муниципальных органов власти, так и осуществляемые институтами развития, кредитными организациями, ассоциациями и фондами. Среди реализуемых мер отдельное внимание необходимо уделить налогово-бюджетным инструментам, которые должны быть хорошо скоординированными и иметь детальную проработку в части механизмов их реализации на региональном и муниципальном уровнях власти [12–14].

В настоящее время в регионе действуют программа «Комплексного развития моногородов Иркутской области до 2025 года», муниципальные программы развития, ведется сотрудничество с Фондом развития моногородов, регулярно проводятся встречи представителей власти, институтов развития и бизнеса, заседания рабочих групп. При этом можно выделить следующие ключевые направления поддержки предпринимательства:

— льготное налогообложение для резидентов территорий опережающего социально-экономического развития;

[1] По данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

— предоставление субсидий и грантов субъектам предпринимательства;

— субсидирование части затрат субъектов социального предпринимательства на уплату процентов по кредитам, договоров лизинга;

— налоговое регулирование (на региональном и муниципальном уровне) и др.

Вместе с тем, основываясь на полученных результатах, можно говорить о том, что в моногородах Иркутской области, несмотря на проводимые мероприятия, направленные на улучшение социально-экономической ситуации, и положительную динамику ряда показателей, в настоящее время сохраняются проблемы экономического и финансового характера [1].

Во-первых, неудовлетворительной остается социально-экономическая ситуация в большинстве монопрофильных муниципалитетов, характеризующаяся низкими темпами экономического роста, высоким уровнем безработицы, наличием социальной напряженности и т. д.

Во-вторых, у муниципальных образований недостаточно собственных финансовых ресурсов для выполнении в полном объеме расходных обязательств и реализации различных мер поддержки предпринимательской активности.

В-третьих, качество управления финансами находится на невысоком уровне, что препятствует достижению целевых показателей программ и внедрению эффективного проектного управления в моногородах.

При преодолении имеющихся трудностей немаловажным является повышение эффективности и результативности применения финансово-бюджетных инструментов, ориентированных на стимулирование и развитие предпринимательства в моногородах.

Формирование единого механизма финансово-бюджетного стимулирования таких территорий предлагаем осуществлять на основе комплексного применения методов и инструментария, позволяющих, с одной стороны, снизить налоговое бремя для предприятий, сбалансировать бюджеты и софинансировать расходы по поддержке предпринимательства, с другой стороны, повысить качество управления публичными финансами в части бюджетного планирования, внедрения проектных и риск-ориентированных методов управления. Взаимоувязка элементов разработанного механизма представлена на рисунке.

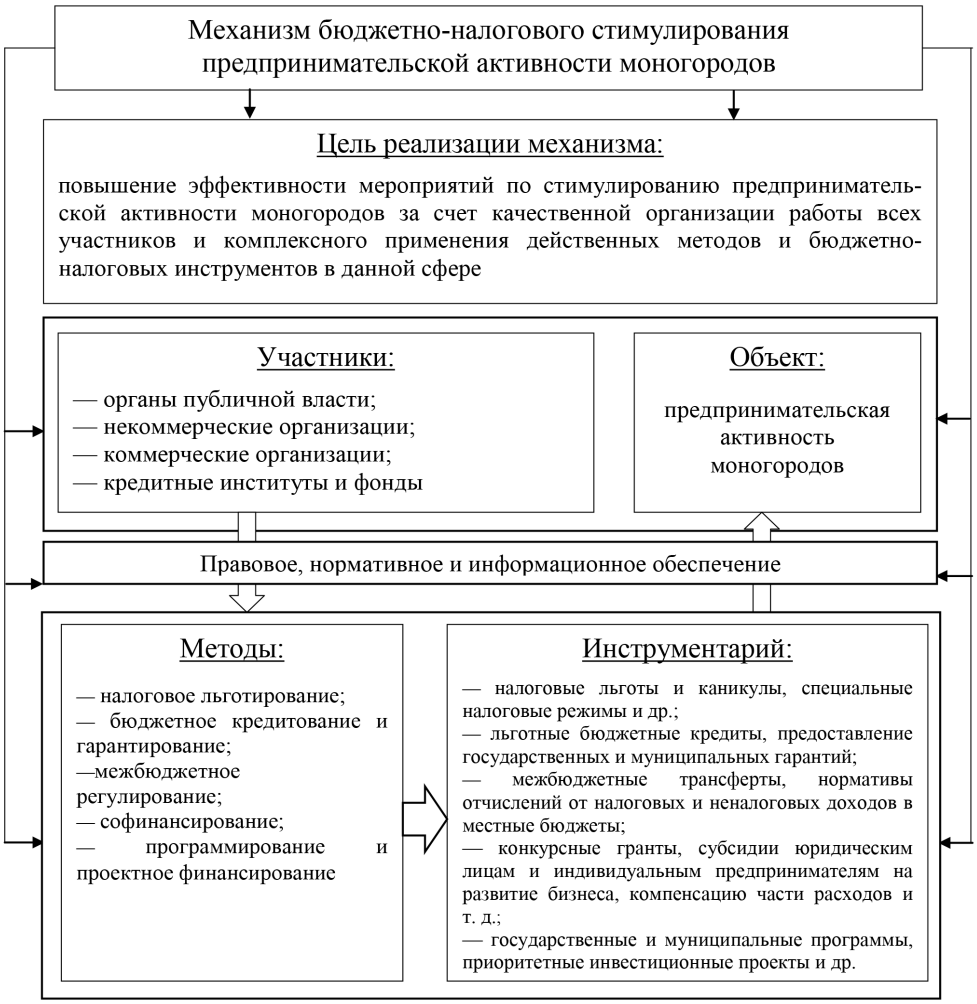

Рисунок. Модель механизма бюджетно-налогового стимулирования предпринимательской активности моногородов

Источник: составлено автором.

Как показали **результаты проведенного исследования**, практическая реализация механизма стимулирования предпринимательской активности моногородов должна осуществляться с учетом проработки следующих предложений:

1) обеспечение системного и эффективного взаимодействия между органами власти различных уровней, представителями бизнеса, институтами развития;

2) повышение качества управления публичными финансами, в том числе:

— регулярная оценка эффективности применяемых бюджетно-налоговых инструментов;

— совершенствование межбюджетного регулирования, направленного на балансирование бюджетов и обеспечение органов местного самоуправления достаточными финансовыми ресурсами для выполнения предусмотренных программами развития мероприятий;

— реализация риск-ориентированного подхода [15] и достижение высоких результатов бюджетного планирования и программирования;

3) снижение административных барьеров, повышение прозрачности и доступности мер поддержки предпринимательства.

Учитывая значимость выявленных проблемных аспектов, рассмотрим подробнее второе направление, предполагающее повышение качества управления публичными финансами.

На основе регулярной оценки эффективности бюджетно-налоговых инструментов возможно своевременно определить пути для их корректировки. К примеру, в результате получения статуса резидента территории опережающего социально-экономического развития субъект получает различные налоговые преференции для осуществления бизнеса, однако данный статус не может быть распространен на индивидуальных предпринимателей. В свою очередь, для них нагрузка, связанная с уплатой страховых взносов, зачастую является непомерной, и они вынуждены уходить в тень. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть возможности законодательного совершенствования данного инструмента на федеральном уровне.

На региональном и муниципальном уровнях отдельное внимание необходимо уделять межбюджетному регулированию. Так, в Иркутской области проводится активная работа по совершенствованию применяемых инструментов и поиску оптимального и эффективного варианта распределения бюджетных средств. Это приводит к изменениям в системе правового регулирования межбюджетных отношений в регионе. В частности, были увеличены нормативы отчислений в местные бюджеты по некоторым налогам. Кроме того, были предприняты меры по консолидации субсидий, изменен подход к формированию и распределению дотаций на сбалансированность и выравнивание бюджетной обеспеченности. Вместе с тем необходимо в конструктивном диалоге обсуждать возможности получения финансовой помощи моногородами региона и предусматривать стимулирующие инструменты для реализации их приоритетных программ развития.

Отдельное внимание на всех уровнях власти важно уделять качеству бюджетного планирования и программирования. На основе риск-ориентированного подхода необходимо своевременно выявлять проблемные вопросы и проводить работу по их решению.

Как показал анализ муниципальных программ развития моногородов региона, не все индикаторы реалистичны и исполнимы, о чем свидетельствуют результаты их исполнения по итогам предыдущих периодов. Кроме того, важно обратить внимание на расчет прогнозных и плановых значений объемов поступлений, он должен быть обоснован и достоверен.

Заключение

Итак, стимулирование предпринимательской активности предполагает, с одной стороны, создание полифункциональной экономики и внедрение целевых моделей улучшения бизнес-среды, в том числе на основе применения бюджетно-налогового инструментария, с другой стороны, активизацию предпринимательского потенциала за счет повышения открытости, доступности и заинтересованности деловых людей в развитии предпринимательства на территории монопрофильных муниципальных образований.

Практическая реализация механизма стимулирования предпринимательской активности в моногородах во многом зависит от того, насколько скоординированной и согласованной будет работа различных организаций и ведомств. К настоящему времени предусмотрены различные меры стимулирования и поддержки предпринимательства, однако фактически реализуются далеко не все. В связи с этим важно обеспечить взаимоувязку бюджетно-налоговых инструментов данного механизма, сделать их максимально доступными и преодолеть существующие барьеры в этой области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цыкунов Г. А. Моногорода Иркутской области: современное состояние // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 140–145. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).140-145

2. Развитие моногородов России : монография / под ред. И. Н. Ильиной. М. : Финансовый университет, 2013. 168 с.

3. Акимова О. Е. Вектор мотивации предпринимательской деятельности в современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. № 13(132). С. 90–99.

4. Дмитриева Е. О. Государственная поддержка моногородов РФ в условиях восстановления экономического роста // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 6. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/37EVN117.pdf

5. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта переме. М. : Ленанд, 2015. 216 с.

6. Кузнецова О. В. Особенности и проблемы федеральной поддержки моногородов // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 3. С. 53–63.

7. Иванова О. П., Антонов Г. Д. ТОСЭР в моногородах // ЭКО. 2017. № 47(3). С. 120–133.

8. Корень А. В., Татуйко А. В. Налоговое стимулирование предпринимательской активности на Дальнем Востоке // АНИ: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2(19). С. 266–269.

9. Оценка эффективности государственных программ, реализуемых в моногородах / А. Н. Ряховская, С. Е. Кован, О. Г. Крюкова, Е. А. Арсенова // Проблемы современной экономики. 2013. № 1(45). С. 126–131.

10. Карпикова И. С., Нефедьева Е. И., Москаленко А. А. Предпринимательская активность населения моногородов: социологическая оценка проблем и перспектив // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 5. С. 781–787. DOI : 10.17150/1993-3541.2015.25(5).781-787

11. Шаховская Л. С., Акимова О. Е., Базарбаева Т. И. Стимулирование предпринимательской активности на региональном уровне (на примере Волгоградской области) // Научные ведомости. Серия Экономика. Информатика. 2016. № 9(230). Вып. 38. С. 21–26.

12. Скоробогатова Ю. А., Балдина А. А. Роль малого предпринимательства в социально-экономическом развитии моногородов Иркутской области // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(6).13

13. Каратаева Г. Е. Сравнительный анализ налоговых преференций территорий опережающего развития в России // Инновационное развитие экономики. 2018. № 2 (44). С. 112–120.

14. Боголюбова Р. В., Озрокова Э. Р. Эффективность мер государственной финансовой поддержки моногородов в Российской Федерации // Наука и образование: новое время. 2018. № 3 (26). С. 107–114.

15. Истомина Н. А. Результатный подход в бюджетной сфере в контексте бюджетных рисков // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 42 (228). С. 56–67.

REFERENCES

1. Tsykunov G. A. Monocities of Irkutsk region: current state // Proceedings of the Baikal state University. 2017. Vol. 27. No. 2. Pp. 140–145. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).140-145

2. Il′ina I. N. (ed.). Development of single-industry towns in Russia: monograph. Moscow: Financial University, 2013. 168 p. (In Russ.).

3. Akimova O. E. Vector of motivation of entrepreneurial activity in modern Russia // Scientific statements of Belgorod state University. Series: Economics. Informatics. 2012. No. 13(132). Pp. 90–99. (In Russ.).

4. Dmitrieva E. O. State support of single-industry towns of the Russian Federation in conditions of economic growth recovery // Internet-journal “Science”. 2016. Vol. 8. No. 6. (In Russ.). URL: https://naukovedenie.ru/PDF/37EVN117.pdf (accessed 20.08.2018).

5. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. Innovative search in the single-industry towns: blocking development, new industrial policy and the roadmap for change. Moscow: Lenand, 2015. 216 p. (In Russ.).

6. Kuznetsova O. V. Features and problems of Federal support of single-industry towns // Problems of theory and practice of management, 2016. No. 3. Pp. 53–63. (In Russ.).

7. Ivanova O. P., Antonov D. TASED in the single-industry towns // EKO. 2017. No. 47(3). Pp. 120–133. (In Russ.).

8. Koren′ V., Tatusko A. V. Tax stimulation of business activity in the Far East // ANI: Economics and management. 2017. Vol. 6. No. 2(19). Pp. 266–269. (In Russ.).

9. Ryakhovskaya A. N., Kovan S. E., Kryukova O. G., Arsenova E. A. Evaluation of the effectiveness of state programs implemented in single-industry towns // Problems of modern economy. 2013. No. 1(45). Pp. 126–131.

10. Karpykova I. S., Nefed′eva E. I., Moskalenko A. A. Entrepreneurial activity of the population of the single-industry towns: a sociological assessment of problems and prospects // News of Irkutsk State Economic Academy. 2015. Vol. 25. No. 5. Pp. 781–787. (In Russ.). DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).781-787

11. Shakhovskaya L. S., Akimova O. E., Bazarbaeva T. I. Stimulation of entrepreneurial activity at the regional level (on the example of Volgograd region) // Scientific Bulletin. The Economic Series. Informatics. 2016. No. 9(230), Issue 38. Pp. 21–26.

12. Skorobogatova Yu. A., Baldina A. A. The role of small business in socio-economic development of the single-industry towns in Irkutsk region // Baikal Research Journal. 2015.Vol. 6.No. 6. (In Russ.). DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(6).13

13. KarataevaG. E. Comparative analysis of tax preferences of territories of advanced development in Russia // Innovative development of the economy. 2018. No. 2(44). Pp. 112–120. (In Russ.).

14. Bogolyubov V. R., Ozrokov E. R. the Effectiveness of measures of state financial support of the single-industry towns in the Russian Federation // Science and education: new time. 2018. No. 3(26). Pp. 107–114. (In Russ.).

15. Istomina N. A. Results-based approach in the budgetary sphere in the context of budget risks // Financial Analytics: problems and solutions. 2014. No. 42(228). Pp. 56–67. (In Russ.).

Как цитировать статью: Орлова Е. В. Формирование и реализация механизма бюджетно-налогового стимулирования предпринимательской активности моногородов // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 149–155. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.433.

For citation: Orlova E. V. Formation and implementation of fiscal incentives for entrepreneurial activity of the single-industry towns // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 149–155. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.433.

ББК 65.291.216
УДК 330.33:338.24

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.437

Pashovkina Elena Vladimirovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Management
and Agribusiness Department,
Volgograd State
Agrarian University,
Volgograd,
e-mail: lenysai@ya.ru

Пашовкина Елена Владимировна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры менеджмента
и агробизнеса,
Волгоградский государственный
аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: lenysai@ya.ru

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССАМИ

THE MODEL OF FORMATION OF THE BALANCED SCORECARD AS A MANAGEMENT TOOL BUSINESS PROCESS

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В настоящее время большое внимание уделяется процессно-ориентированным принципам управления предприятиями. С точки зрения оптимизации сущность процессного подхода заключается в нахождении эффективных методов регулирования бизнес-процессов на предприятии и управления его ресурсами. В этой связи исключительно важное значение имеет разработка методов хозяйствования, которые рассматривают управление как строго регламентированный, поэтапный подход к регулированию бизнес-процессов на предприятии с учетом подвижности и устойчивости развития. Это особенно важно для обеспечения эффективного развития бизнес-структур, характеризующихся повышенным риском, которые в итоге могут привести к банкротству.

Процессный подход к управлению базируется на определении бизнес-процесса как последовательных видов деятельности, направленных на достижение определенного измеряемого итога. Бизнес-процесс является реализацией главных целей организации (бизнес-целей) и представляет основную сферу его работы.

В статье раскрыто назначение сбалансированной системы показателей, ее структура и содержание основных элементов. Выделены этапы формирования системы сбалансированных показателей, которые включают в себя: проведение стратегического анализа деятельности предприятия (SWOT-анализ), обоснование стратегической карты с уточнением стратегического значения целей и задач; формирование команды и обеспечение ее последующего обучения; определение стратегических ориентиров и показателей; разработка стратегических мероприятий.

Обоснована целесообразность и сформулированы возможные направления использования системы сбалансированных показателей как инструмента управления бизнес-процессами. На примере конкретного сельскохозяйственного предприятия представлен выбор ключевых бизнес-процессов как основы построения ССП, определена структура ССП и представлена стратегическая карта предприятия.

Currently, much attention is paid to process-oriented principles of enterprise management. From the point of view of optimization, the essence of the process approach is to find effective methods for regulating business processes in the enterprise and managing its resources. In this regard, it is extremely important to develop management methods, based on which management is considered as a strictly regulated, step-by-step approach to the regulation of business processes in the enterprise, taking into account the mobility and sustainability of development. This is especially important for the effective development of business structures characterized by increased risk, which may eventually lead to bankruptcy.

The process approach to management is based on the definition of business process as a consistent activity aimed at achieving a certain measurable result. The business process is the implementation of the main goals of the organization (business goals) and represents the main scope of its work.

The article describes the purpose of a balanced scorecard, its structure and content of the main elements. The stages of formation of the balanced scorecard, which include: strategic analysis of the enterprise (SWOT-analysis), the justification of the strategic map with the specification of the strategic value of goals and objectives; team building and ensuring their subsequent training; the definition of strategic guidelines and indicators; development of strategic measures.

The expediency and possible directions of using the balanced scorecard as a tool of business process management are substantiated. On the example of a particular agricultural enterprise, the choice of key business processes as the basis for the construction of the SSP is presented, the structure of the SSP is defined and the strategic map of the enterprise is presented.

Ключевые слова: бизнес-процессы, система сбалансированных показателей, стратегические цели, управление развитием, стратегическая карта, сельское хозяйство, мясное скотоводство, SWOT-анализ, процессный подход, стратегический анализ.

Keywords: business processes, balanced scorecard, strategic goals, development management, strategic map, agriculture, beef cattle breeding, SWOT-analysis, process approach, strategic analysis.

Введение

В настоящее время большое внимание уделяется процессно-ориентированным принципам управления предприятиями, которые основываются на определении бизнес-процесса как последовательной деятельности, направленной на достижение определенного результата.

Бизнес-процесс является реализацией главных целей организации (бизнес-целей) и представляет основную сферу его работы.

При изучении функционирования предприятий АПК, включая процессный подход, необходимо брать во внимание определенные особенности объективных и субъективных условий данного вида экономической деятельности. Существующие на сегодняшний день методы управления бизнес-процессами являются нормативными и не включают в себя особенности предприятий АПК. Для получения определенного результата в управлении бизнес-процессами предприятий сельского хозяйства необходимы такие методы, которые нацелены на повышение финансово-экономического итога и реализацию определенных руководителем целей.

Все вышесказанное обусловило выбор темы исследования и определило ее актуальность в настоящее время.

Степень изученности проблемы. Теория и практика управления бизнес-процессами исследована и изложена в трудах многих отечественных и зарубежных ученых. Среди них: В. В. Баранов, Э. Н. Гончаров, В. С. Егоров, И. В. Иванов, Г. Н. Калянов, В. Ф. Леляков, И. И. Мазур, С. В. Миронов, О. В. Олейник, В. Г. Пономарев, П. О. Скобелев, В. С. Соловьев, Ю. А. Шебеко, Г. А. Юрченко и др.

К числу зарубежных экономистов, чьи работы были использованы в проведенном исследовании, следует отнести: П. Ф. Друкера, Дж. Касти, К. Келлера, Б. Коласса, П. Фингера, М. Хаммера, Дж. Чампи и др.

Однако, несмотря на существенное количество публикаций, имеется потребность в продолжении исследований по совершенствованию управления бизнес-процессами на предприятиях АПК. Данные обстоятельства и предопределили цель, задачи и направления исследования.

Целью исследования является оценка теоретических и методических положений по формированию и функционированию системы сбалансированных показателей как инструмента управления бизнес-процессами на агропромышленных предприятиях.

Для реализации поставленной цели решаются следующие **задачи**:

— исследование сущности, состава и классификации бизнес-процессов на предприятиях;

— разработка методических рекомендаций по формированию системы сбалансированных показателей как инструмента управления бизнес-процессами.

Научная новизна заключается в разработке направлений совершенствования организации управления бизнес-процессами, включающих исследование классификации бизнес-процессов применительно к отрасли животноводства, разработку механизма с выделением системы сбалансированных показателей оценки эффективности управления бизнес-процессами применительно к предприятиям АПК.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью поставленной цели и решаемых задач. Полученные результаты вносят определенный вклад в научную теорию и практику, расширяют знания в области управления бизнес-процессами в организациях АПК.

Практическая значимость исследования заключается в совершенствовании направлений повышения эффективности бизнес-процессов в организациях АПК с применением системы сбалансированных показателей. Основные положения и методические подходы исследования могут быть использованы на предприятиях АПК Волгоградской области и других регионов для повышения эффективности управления бизнес-процессами.

Основная часть

Каждой организации в целях моделирования будущей успешной деятельности необходимо осуществлять стратегическое планирование, то есть разработку своей стратегии в форме стратегического плана с применением сбалансированной системы показателей на определенный период времени.

По нашему мнению, система сбалансированных показателей является инструментом стратегического и оперативного планирования и управления, который может быть применен в целях управления бизнес-процессами при производстве продукции мясного скотоводства на предприятии.

Выделяют следующие функции и направления применения сбалансированной системы показателей:

— направление всех ресурсов предприятия на осуществление целевой стратегии и доведение определенных целей до сотрудников отдельных структурных подразделений;

— анализ достижимости поставленных целей;

— согласование стратегических и оперативных уровней управления предприятием;

— оценка и контроль процесса реализации стратегии.

Преимущество системы сбалансированных показателей состоит в том, что организация, внедрившая эту систему, получает в результате «систему координат» действий в соответствии со стратегией на любых уровнях управления и связывает различные функциональные области, как, например, управление персоналом, финансы, информационные технологии [1].

Внедрение системы сбалансированных показателей является трудоемким процессом, который позволяет улучшить экономические и финансовые показатели деятельности предприятия.

Сбалансированная система показателей, нацеленная на управление бизнес-процессами, способствует выявлению факторов, максимально влияющих на управление бизнес-процессами, а также позволяет определить цели, требующие регулярного пересмотра для выбранных показателей [2].

На примере СПК «Маяк» представлен выбор ключевых бизнес-процессов как основы построения системы сбалансированных показателей.

Сельскохозяйственный производственный кооператив (СПК) «Маяк» расположен в северо-западной части Республики Калмыкия, райцентр с. Малые Дербеты в 210 км от столицы РК г. Элисты, в 90 км от г. Волгограда, в 85 км от ж/д станции Абганерово. Основными целями деятельности кооператива является удовлетворение общественных потребностей в сельскохозяйственной и иной продукции, а также получение прибыли, необходимой для экономического и социального развития кооператива, повышение доходов его членов. Основным видом деятельности кооператива является разведение крупного рогатого скота и производство зерновых культур.

В таблице 1 на стр. 157 представлены размеры и экономические показатели развития СПК «Маяк» за 2015–2017 гг.

Таблица 1

Размеры и экономические показатели развития СПК «Маяк» за 2015–2017 гг., тыс.руб.

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Изменение 2017 к 2015 (+, –)
Стоимость валовой продукции, тыс. руб.	13497,6	14 620	14 350	852,4
Стоимость товарной продукции, тыс. руб.	11 737	12 713	13 544	1807
Площадь с/х угодий, га,	26 914	18 065	16208,4	–10705,6
в т.ч. пашня	5 882	3943,8	3729,4	–2152,6
Среднегодовая стоимость производственных фондов, тыс. руб.	95 081	79 839	35 224	–59 857
Среднегодовая численность работников, человек	59	53	50	–9
Поголовье, усл. гол.	1027	784	600	–427
Себестоимость продаж, тыс. руб.	20 233	22 630	20 412	179
Валовая прибыль (убыток), тыс. руб.	–8457	–9671	–6868	–1589

Анализ размеров и экономических показателей развития СПК «Маяк» показывает, что стоимость товарной продукции снизилась и составила в 2017 г. 13 544 тыс. руб. Площадь сельскохозяйственных угодий снизилась и составила в 2017 г. 16 208,4 га. Стоимость основных производственных фондов снизилась и составила в 2017 г. 35 224 тыс. руб. Численность работников в 2017 г. сократилась на девять человек по сравнению с 2015 г.

Прибыль от продаж в отчетном году по сравнению с базисным снизилась на 1589 тыс. руб. Чистая прибыль также снизилась на 882 тыс. руб. Рентабельность продаж снизилась на 20,67 % и в 2017 г. составила 51,15 %. Рентабельность продукции снизилась на 7,9 % и в 2017 г. составила –51,15 %. Все показатели рентабельности за анализируемый период имеют тенденцию к снижению, это свидетельствует о том, что деятельность СПК «Маяк» убыточна.

Ведущей отраслью СПК «Маяк» является мясное скотоводство, специализирующееся на производстве и реализации крупного рогатого скота, на долю которого приходится в среднем 63 % произведенной продукции.

В таблице 2 представлены основные показатели экономической эффективности мясного скотоводства в СПК «Маяк» за 2015–2017 гг.

Таблица 2

Основные показатели экономической эффективности мясного скотоводства в СПК «Маяк» за 2015–2017 гг., руб.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Изменение 2017 к 2015 (+, –)
Полная себестоимость всего, тыс. руб.	15 171	10 267	12 263	–2908
Полная себестоимость 1 ц, руб.	9399	13 531	11 750	2351
Выручка от реализации, тыс. руб.	8661	4711	7832	–829
Выручка от реализации 1 ц, руб.	5366	4876	6763	1397
Прибыль (убыток) от продаж, тыс. руб.	–6510	–5556	–4431	–2079
Прибыль (убыток) 1 ц, руб.	–4033	–5751	–3800	–233
Уровень рентабельности (убыточности) производства, %	–42,9	–54,1	–36,13	–6,77
Уровень рентабельности (убыточности) продаж, %	–75,1	–117,9	–56,57	–18,53

Анализ основных показателей экономической эффективности мясного скотоводства в СПК «Маяк» показал, что предприятие получило убыток в размере 4431 тыс. руб. в 2017 г. из-за того, что цена реализации не окупала затраты на производство и реализацию мяса. Уровень убыточности производства и продажи мяса в 2017 г. — 36,13 %.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что отрасль мясного скотоводства в СПК «Маяк» занимает большой удельный вес в денежной выручке и ее развитие напрямую связано с благосостоянием предприятия в целом.

По нашему мнению, при внедрении сбалансированной системы показателей на СПК «Маяк» необходимо выделить пять основных этапов:

1) осуществить стратегическую оценку работы предприятия (SWOT-анализ);

2) обосновать стратегическую карту с уточнением стратегического значения целей и задач;

3) сформировать команду и обеспечить ее последующее обучение;

4) выбрать стратегические ориентиры и показатели;

5) разработать стратегические направления.

Система сбалансированных показателей может быть использована лишь при наличии объективной оценки сильных и слабых сторон предприятия [3]. Для этого нами проведен SWOT-анализ работы СПК «Маяк», результаты которого представлены в табл. 3 на стр. 159.

SWOT-анализ определил факторы, определяющие специфику отрасли животноводства. Также необходимо учитывать, что некоторые организации занимаются переработкой продукции, что положительно влияет на формирование финансового результата, так как продукция животноводства является скоропортящейся, ее хранение невозможно без наличия холодильных установок [4].

Учитывая результаты проведенного SWOT-анализа, мы сформировали стратегическую карту системы сбалансированных показателей для управления бизнес-процессами для СПК «Маяк», которая представлена на рисунке (см. стр. 159).

Таблица 3

Результаты SWOT-анализа деятельности СПК «Маяк»

Внутренние факторы	**Сильные стороны**	**Слабые стороны**
	— развитая материально-техническая база; — промышленная переработка продукции; — наличие холодильных установок; — выгодное местоположение; — экологически чистый, полностью натуральный продукт, которому на рынке нет замены	— невысокий уровень квалификации сотрудников; — невысокий уровень менеджмента и маркетинга; — отсутствие единой информационной базы; — низкий уровень заработной платы; — недостаточно собственных средств
Внешние факторы	**Возможности**	**Угрозы**
	— внедрение новых информационных технологий; — маркетинговая стратегия; — поддержка со стороны государства и региона; — привлечение кредитов	— снижение цен на животноводческую продукцию; — инфекционные заболевания животных; — повышение цен на корма, топливо и др.; — снижение спроса на продукцию; — невысокая платежеспособность населения; — завоз импортной продукции

Рисунок. Рекомендуемая стратегическая карта сбалансированной системы показателей в целях управления бизнес-процессами в СПК «Маяк»

Главной целью СПК «Маяк» является получение максимально возможной прибыли, для этого необходимо:

— снизить себестоимость произведенной продукции животноводства;

— повысить эффективность производства продукции животноводства;

— увеличить прозрачность результатов финансовой деятельности;

— обучить и подготовить высококвалифицированных специалистов в области животноводства.

Третьим этапом внедрения системы сбалансированных показателей нами определены ответственные подразделения по формированию сбалансированной системы показателей в целях управления бизнес-процессами в СПК «Маяк» и их основные цели (табл. 4).

На четвертом этапе с целью эффективного управления бизнес-процессами выделены финансовые и нефинансовые сбалансированные показатели деятельности предприятия [5].

Таблица 4

Ответственные подразделения по внедрению системы сбалансированных показателей в целях управления бизнес-процессами в СПК «Маяк»

Система сбалансированных показателей	Центры финансовой ответственности	Основная цель
Экономико-финансовый фактор	Руководитель, планово-экономический отдел, бухгалтерия	Контроль за формированием экономического эффекта
Внутренние агробизнес-процессы	Производственные и обслуживающие подразделения	Контроль за формированием себестоимости готовой продукции
Потребительский фактор	Руководитель, отдел продаж	Увеличение количества потребителей, заключение новых договоров
Обучение и перспективы роста	Руководитель, отдел кадров	Введение в процесс производства высококвалифицированных специалистов, повышение квалификации

При обобщении системы сбалансированных показателей следует основываться на четырех аспектах, параметры которых указаны в табл. 5.

Заключительным этапом внедрения сбалансированной системы является разработка стратегических целей.

1. Финансовая составляющая: повышение дохода, рентабельности продаж. В таблице 6 представлены плановые финансовые показатели СПК «Маяк». После внедрения системы сбалансированных показателей прибыль увеличится до 5659 тыс. руб. к 2019 г., уровень рентабельности примет положительное значение и в 2019 г. составит 14,5 %.

Таблица 5

Характеристика аспектов деятельности организации согласно их функции в сбалансированной системе показателей

Показатель	Назначение
Экономико-финансовый фактор	Оцениваются финансовые результаты предпринятых операций, которые являются индикаторами соотношения стратегии предприятия, ее соответствие плану улучшения организации в целом
Внутренние агробизнес-процессы	Сконцентрированы на анализе внутренних процессов, от которых в большей степени зависит удовлетворение потребностей потребителей и достижение экономических задач предприятия
Потребительский фактор	Содержит показатели итогов эффективной реализации стратегии
Обучение и перспективы роста	Формирует инфраструктуру, которую необходимо создать, чтобы обеспечить постоянный рост и совершенствование

Таблица 6

Прогноз финансовых показателей СПК «Маяк» с внедрением системы сбалансированных показателей

Стратегическая цель	Показатель	Текущее значение 2016 г.	Плановые значения		
			2017 г.	2018 г.	2019 г.
Увеличение прибыли от продаж	Прибыль от продаж, тыс. руб.	–5556	5085	5390	5659
Увеличение рентабельности продаж	Рентабельность продаж, %	–117,9	13,03	13,81	14,50

2. Клиентская составляющая: удержать и привлечь клиентов, увеличить выручку (табл. 7).

Таблица 7

Клиентская составляющая системы сбалансированных показателей СПК «Маяк»

Стратегическая цель	Показатель	Текущее значение 2016 г.	Плановые значения		
			2017 г.	2018 г.	2019 г.
Удержать и привлечь клиентов	Затраты на продвижение (в том числе рекламу), тыс. руб.	15	100	200	300
Увеличение выручки	Темпы приросты выручки, %	10	20	24	28

3. Внутренние бизнес-процессы: снизить себестоимость продукции, повысить ее качество (табл. 8).

Таблица 8

Составляющая внутренних бизнес-процессов СПК «Маяк»

Стратегическая цель	Показатель	Текущее значение 2016 г.	Плановые значения		
			2017 г.	2018 г.	2019 г.
Снизить себестоимость продукции	**Темп прироста полной себестоимости,** %	99	95	94	92

4. Обучение и развитие: повысить квалификацию сотрудников, их удовлетворенность трудом и производительность, сохранить кадровую базу (табл. 9).

Таблица 9

Составляющая обучения и развития системы сбалансированных показателей СПК «Маяк»

Стратегическая цель	Показатель	Текущее значение 2016 г.	Плановые значения		
			2017 г.	2018 г.	2019 г.
Повышение квалификации сотрудников	Затраты на обучение персонала (на одного человека в год), руб.	0	4000	5000	7000
Повышение удовлетворенности сотрудников	Темпы прироста средней заработной платы	3	5	7	10
Повышение производительности труда	Темпы роста производительности труда, %	3	6	7	10

Таким образом, каждое из предложенных мероприятий показывает преимущество использования системы сбалансированных показателей на СПК «Маяк», а именно:

— предоставление руководству предприятия полной картины бизнеса;

— возможность предупредить возникновение критических ситуаций;

— облегчение взаимодействия на всех организационных уровнях, возможность понимания всеми участниками стратегии и стратегических целей;

— обеспечение стратегической обратной связи и обучения;

— помощь в преобразовании большого объема данных, получаемых из множества информационных систем предприятия, в информацию, доступную для понимания.

Заключение

В быстро меняющихся рыночных условиях хозяйствования сельскохозяйственные организации сталкиваются со многими проблемами экономического спада, трудностью выхода на рынки сбыта, низкой финансовой устойчивостью и инвестиционной привлекательностью. Эти проблемы охватывают разнообразные по содержанию и тематике вопросы, начиная от научной организации производственного процесса и классических подходов по формированию структур, обеспечивающих четкую регламентацию работ, и завершая составление взаимоувязанных пооперационных плановых заданий по рабочим местам, подразделениям и организацию оперативного контроля результатов трудовой деятельности.

Все это побуждает предприятия к оптимизации организационно-производственной структуры, поиску и созданию современных систем управления деятельностью, адаптированных к новым рыночным условиям хозяйствования, при этом адаптация должна осуществляться по устойчивому алгоритму — набору последовательных решений, первый из которых — выделение бизнес-процессов предприятия, что необходимо для менеджеров, занимающихся оптимизацией управленческих систем предприятия.

Таким образом, сделаны следующие выводы и предложения с целью разработки теоретических и методических положений по формированию и функционированию системы сбалансированных показателей как инструмента управления бизнес-процессами на предприятиях АПК.

1. Механизм функционирования бизнес-процессов дополнен рядом последовательных этапов, таких как анализ и оценка сложившейся ситуации в сельскохозяйственной организации, на основе которых будет изучено состояние организации на данный момент с целью определения перечня бизнес-процессов и их внедрения, далее рекомендовано проводить анализ и диагностику функционирования и результативности бизнес-процессов в организации, что позволит выявить совокупность проблемных и успешных бизнес-процессов.

2. Определена система показателей оценки эффективности управления бизнес-процессами применительно к предприятиям АПК, которая включает в себя пять интегральных индексов: эффективность производственного цикла, организационная структура, удовлетворенность потребителей, качество продукции, результаты финансовой деятельности.

3. Разработана модель формирования системы сбалансированных показателей, которая нацеленная на управление бизнес-процессами, способствует выявлению факторов, максимально влияющих на управление бизнес-процессами, а также определяет цели, требующие регулярного пересмотра выбранных показателей.

Реализация данных направлений позволит качественно улучшить управление бизнес-процессами на сельскохозяйственных предприятиях отрасли и в результате этого достичь экономической эффективности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андерсен Б. Н. Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования. М. : РИА «Стандарты и качество», 2008. 412 с.

2. Матющенко С. Е. Основные направления совершенствования бизнес-процессов в сельскохозяйственных организациях // ФЭС: финансы, экономика, стратегия. 2013. № 6. С. 24–27.

3. Матющенко С. Е. Оценка эффективности бизнес-процессов сельскохозяйственной организации // Вестник ВГУИТ. 2013. № 8. С. 233–238.

4. Муртазаева Р. Н., Крутова А. Н. Экспресс-метод диагностики бизнес-процессов ООО «Фрегат-Юг» // Наука и молодежь: новые идеи и решения : материалы VIII Международной науч.-практич. конф. молодых исследователей, г. Волгоград, 2013 г. Волгоград, 2013. Ч. 2. С. 33–34.

5. Муртазаева Р. Н., Браун О. В., Ярощук О. Л. Бизнес-процесс семейных молочных ферм на основе планирования : препринт. Волгоград : ФГБОУ ВПО Волгоградская ГСХА, 2011. 56 с.

REFERENCES

1. Andersen B. N. Business processes. Tools Of Improvement. M. : RIA “Standards and quality”, 2008. 412 p. (In Russ.).

2. Matyushchenko S. E. The Main directions of improvement of business processes in agricultural organizations // FES: Finance, Economics, Strategy. 2013. No. 6. Pp. 24–27. (In Russ.).

3. Matyushchenko S. E. Evaluation of effectiveness of business processes agriculture organization // Bulletin of UGUET. 2013. No. 8. Pp. 233–238. (In Russ.).

4. Murtazaeva R. N., Krutova A. N. Express method of diagnostics of business processes of LLC “Frigate-South” // Science and youth: new ideas and solutions. Proceedings of the VIII International scientific-practical conference of young researchers, Volgograd, 2013. Volgograd, 2013. Part 2. Pp. 33–34. (In Russ.).

5. Murtazaeva R. N., Brown O. V., Yaroshchuk O. L. Business process of family dairy farms based on planning : Preprint. Volgograd : Volgograd State Agricultural Academy, 2011. 56 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Пашовкина Е. В. Модель формирования системы сбалансированных показателей как инструмент управления бизнес-процессами // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 156–162. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.437.

For citation: Pashovkina E. V. The model of formation of the balanced scorecard as a management tool business process // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 156–162. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.437.

УДК 338.436.33(470.45):633.1
ББК 65.321.43:42.112

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.438

Pashovkina Elena Vladimirovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Management
and Agribusiness Department,
Volgograd State Agrarian University,
Volgograd,
e-mail: lenysai@ya.ru

Пашовкина Елена Владимировна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры менеджмента
и агробизнеса,
Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград,
e-mail: lenysai@ya.ru

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ ПРОДУКЦИИ ЗЕРНОПРОИЗВОДСТВА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АПК ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

THE PRODUCT QUALITY CONTROL OF GRAIN PRODUCTION ON THE AGRICULTURAL ENTERPRISES OF THE VOLGOGRAD REGION

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В рыночной экономике качество является важнейшим фактором повышения уровня жизни, экономической, социальной и экологической безопасности.

Качество — комплексное понятие, характеризующее эффективность всех сторон деятельности: разработки стратегии, организации производства, маркетинга и др. Важнейшей составляющей всей системы качества является качество продукции. В современной литературе и практике существуют различные трактовки понятия качества, ни одно из них не искажает сути, а только дополняет.

Под качеством продукции понимают целостную совокупность ее потребительских свойств, обусловливающих степень пригодности данной продукции удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением в фиксированных условиях потребления.

Выделяют два основных подхода к управлению качеством продукции: процессный и системный подходы.

Рынок зерна — крупнейший рынок сельскохозяйственного сырья, который формирует все остальные сельскохозяйственные и продовольственные рынки. Зерновые культуры получили распространение на всей территории Волгоградской области вследствие разнообразия их видов и сортов, имеющих как продовольственное, так и фуражное значение (использование в качестве корма для животных).

В статье обобщены теоретические подходы, определяющие сущность качества как социально-экономической категории и объекта управления; дано четкое определение категорий «стандартизация» и «сертификация»; сформулировано определение основных показателей управления качеством продукции зернопроизводства и перечислены факторы, влияющие на его формирование; проанализировано состояние управления качеством продукции в ООО «Сорт» Городищенского района Волгоградской области; разработаны направления по совершенствованию управления качеством продукции растениеводства на предприятии Волгоградской области.

In a market economy, the problem of quality is the most important factor in improving the standard of living, economic, social and environmental security.

Quality is a complex concept that characterizes the effectiveness of all aspects of activity: development of strategy, organization of production, marketing, etc.the most Important component of the entire quality system is the quality of products. In modern literature and practice, there are different interpretations of the concept of quality. No definition distorts the essence, but only supplements it.

Under the quality of the product is understood as a whole set of its consumer properties, which determine the degree of suitability of the product to meet certain needs in accordance with its purpose in fixed conditions of consumption.

There are two main approaches to product quality management: process and system approaches.

The grain market is the largest market of agricultural raw materials, which forms all other agricultural and food markets. Grain crops have become widespread throughout the Volgograd region, due to the variety of environmental characteristics, their species and varieties, having both food and feed value (use as animal feed).

The article summarizes the theoretical approaches that determine the essence of quality as a socio-economic category and the object of management; established the clarity of the formalization of the conceptual apparatus of the categories of standardization and certification; formulated the definition of the main indicators of quality management of grain production and the factors affecting its formation; analyzed the state of quality management in; the directions of improvement of quality management of crop production at the enterprise of the Volgograd region are developed.

Ключевые слова: управление, планирование, эффективность производства, качество, сельскохозяйственное производство, сельское хозяйство, зерновое производство, растениеводство, рынок зерна, агропромышленный комплекс.

Keywords: management, planning, production efficiency, quality, agricultural production, agriculture, grain production, crop production grain market, agro-industrial complex.

Введение

Одним из наиболее важных направлений повышения эффективности производства является улучшение качества производимой продукции или предоставляемой услуги, так как это является основным условием ее конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

Работа по повышению качества в организации должна быть постоянной, управляемой и прогнозируемой. Ценой разовых усилий отдельных исполнителей, структурных подразделений, руководителей невозможно повысить качество продукции, для этого необходим процессный, комплексный подход к решению проблем повышения качества.

Особую значимость приобретает вопрос повышения качества продукции в сельском хозяйстве. В сельскохозяйственном производстве повышение качества продукции в первую очередь определяется качеством технологического процесса, то есть соблюдением технологической дисциплины и качеством используемого сырья.

Улучшение качества сельскохозяйственной, особенно семенной продукции, — важнейшее направление интенсивного развития экономики, источник экономического роста, эффективности агропромышленного производства. В этих условиях возрастает значение комплексного управления качеством продукции и эффективностью производства, отсюда и вытекает актуальность темы исследования.

Степень изученности проблемы. В разное время проблемам управления качеством сельскохозяйственной продукции посвящались исследования отечественных ученых: А. И. Алтухова, В. И. Баутина, В. И. Филина, И. В. Кошкарева, В. И. Нечаева, О. В. Аристова, Л. Е. Басовского, С. Р. Ильенковой, Е. С. Семеновой и др. Из зарубежных ученых значительный вклад в решение проблемы качества внесли Э. Деминг, К. Исикава, Г. Роминг, Ф. У. Тейлор, А. Фейгенбаум и др.

Однако, несмотря на существенное количество публикаций, имеется потребность в продолжении исследований по совершенствованию управления качеством продукции на предприятиях АПК. Данные обстоятельства и предопределили цель, задачи и направления исследования.

Целью исследования является изучение системы управления качеством продукции на предприятии и разработка мероприятий по ее совершенствованию.

Для реализации поставленной цели в результате исследования решаются следующие **задачи**:

— исследовать теоретические основы управления качеством продукции на предприятиях АПК;

— выявить основные показатели качества продукции зернопроизводства и проанализировать факторы, влияющие на их формирование;

— проанализировать состояние управления качеством продукции в ООО «Сорт» Городищенского района Волгоградской области;

— выявить перспективные направления совершенствования управления качеством продукции растениеводства на предприятиях АПК Волгоградской области.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

— обобщены теоретические подходы, определяющие сущность качества как социально-экономической категории и объекта управления;

— установлено четкое определение категорий «стандартизация» и «сертификация»;

— сформулировано определение основных показателей управления качеством продукции зернопроизводства и факторы, влияющие на его формирование;

— разработаны направления совершенствования управления качеством продукции растениеводства на предприятии.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью поставленной цели и решаемых задач. Полученные результаты вносят определенный вклад в научную теорию и практику, расширяют знания в области управления качеством продукции на предприятиях АПК.

Практическая значимость результатов исследования состоит в разработке конкретных рекомендаций по управлению качеством продукции зернопроизводства на предприятиях АПК посредством внедрения процессного подхода, представляющего процесс производства зерновых культур в виде последовательных операций, благодаря чему, обращая внимание на «больные места», можно предотвращать потери качества, вместо того чтобы тратить силы и средства на восстановление уже потерянной ценности. Также предложенный комплекс агротехнологических мероприятий позволит повысить урожайность и качество производимой продукции. Предложения и рекомендации могут быть использованы и на других предприятиях региона с близкими условиями хозяйствования.

Основная часть

В рыночной экономике проблема качества является важнейшим фактором повышения уровня жизни, экономической, социальной и экологической безопасности. Качество — комплексное понятие, характеризующее эффективность всех сторон деятельности: разработки стратегии, организации производства, маркетинга и др. Важнейшей составляющей всей системы качества является качество продукции. В современной литературе и практике существуют различные трактовки понятия качества. Ни одно определение не искажает сути, а только дополняет его [1].

Под качеством продукции понимают целостную совокупность ее потребительских свойств, обусловливающих степень пригодности данной продукции удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением в фиксированных условиях потребления [2].

Рынок зерна — крупнейший рынок сельскохозяйственного сырья, который формирует все остальные сельскохозяйственные и продовольственные рынки. Зерновые культуры получили распространение на всей территории Волгоградской области вследствие разнообразия их видов и сортов, имеющих как продовольственное, так и фуражное значение (использование в качестве корма для животных) [3].

Динамика производства зерна в Волгоградской области представлена на рис. 1 (см. стр. 164).

Предложен инструментарий по мониторингу потерь качества на предприятии. В основе этого инструментария лежит процессный подход к управлению. Этот подход позволяет осуществлять мониторинг потерь качества в месте их возникновения — в рамках бизнес-процессов предприятия [4].

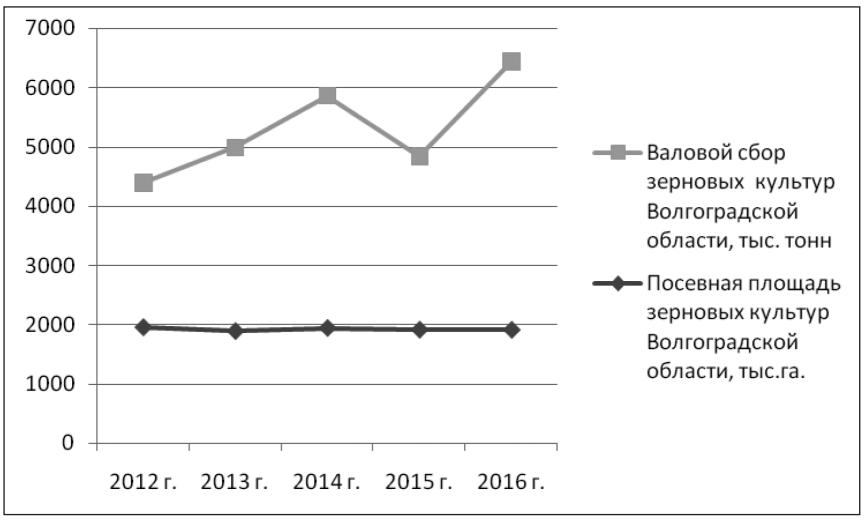

Рис. 1. Динамика производства зерна в Волгоградской области за 2012–2016 гг.

На этапе хранения урожая качество продукции определяется ее подготовкой к хранению, способами хранения, режимами хранения. Большую роль играет организация контроля за хранящейся продукцией. Для того чтобы избежать необоснованных потерь продукции, специалист должен знать, как правильно подготовить ее к длительному хранению, а хранилище — к приему нового урожая; изучить и применять на практике современные способы хранения; знать оптимальный режим хранения каждого вида продукции и уметь управлять им [5].

На рисунке 2 представлен мониторинг потерь качества семян в ООО «Сорт».

Для совершенствования управления качеством продукции на предприятии предложим внедрить процессный подход. Преимуществом процессного подхода является то, что представляя процесс производства зерновых культур в виде последовательности операций, можно яснее увидеть структуру формирования ценности для потребителя. Зная «больные места», можно предотвращать потери качества, вместо того чтобы тратить силы и средства на восстановление уже потерянной ценности [6].

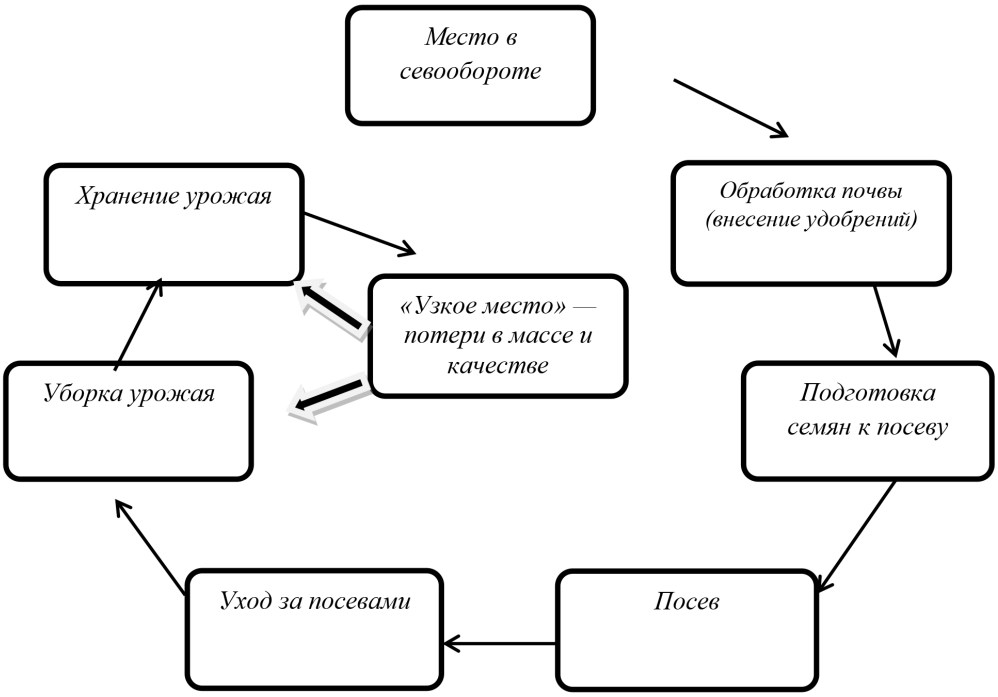

Рис. 2. Мониторинг потерь качества семян в ООО «Сорт»

Процессный подход к управлению позволяет руководителям определять и управлять ключевыми процессами и результатами деятельности предприятия, действительно создающими добавленную стоимость, а также интегрировать часто разрозненные действия функциональных департаментов и направлять их усилия на единый результат. Организация, построенная по процессному принципу, более гибкая и адаптивная [7].

ООО «Сорт» расположено в Городищенском районе Волгоградской области, является базовым хозяйством Еланского государственного сортоиспытательного участка, находится на передовой линии селекционных достижений.

Основное направление деятельности предприятия — семеноводство зерновых и масличных культур. Главной целью предприятия является выявление наиболее урожайных и ценных по хозяйственно полезным признакам сортов

и гибридов сельскохозяйственных культур и внедрение их в производство.

В распоряжении хозяйства имеется вся необходимая сельскохозяйственная техника для производства семян, в том числе семяочистительный комплекс, склады для хранения продукции, весовое оборудование.

Экономические показатели сельскохозяйственного производства ООО «Сорт» за пять лет представлены на рис. 3.

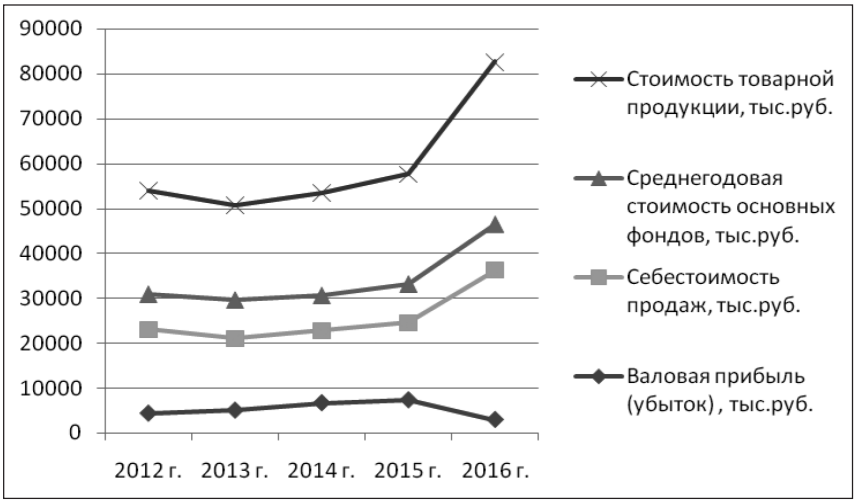

Рис. 3. Размеры и экономические показатели развития ООО «Сорт» за 2012–2016 гг.

В таблице 1 представлен анализ эффективности деятельности предприятия.

Таблица 1

Анализ эффективности деятельности ООО «Сорт» за 2012–2016 гг.

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение (+, –)
1. Выручка	22 999	21 017	22 771	24 484	36 265	13 266
2. Расходы по обычным видам деятельности	18 650	15 982	16 078	17 153	33 314	14 664
3. Прибыль (убыток) от продаж	4349	5035	6693	7331	2951	–1398
4. Прочие доходы и расходы, кроме процентов к уплате	0	646	876	–424	–99	–99
5. EBIT (прибыль до уплаты процентов и налогов)	4349	5681	7569	6907	2852	–1497
6. Проценты к уплате	0	581	221	73	0	0
7. Изменение налоговых активов и обязательств, налог на прибыль и прочее	–88	–5	–5	–40	–19	69
8. Чистая прибыль (убыток)	4261	5095	7343	6794	2833	–1428

По результатам проведенного анализа выделены и сгруппированы по качественному признаку основные показатели финансового положения и результатов деятельности ООО «Сорт» за весь анализируемый период.

Показатели финансового положения организации, имеющие исключительно хорошие значения:

— чистые активы превышают уставный капитал, к тому же они увеличились за анализируемый период;

— в 2016 г. значение коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами, равное 0,97, можно охарактеризовать как очень хорошее;

— полностью соответствует нормальному значению коэффициент текущей (общей) ликвидности;

— полностью соответствует нормативному значению коэффициент быстрой (промежуточной) ликвидности;

— коэффициент покрытия инвестиций полностью соответствует норме (доля собственного капитала и долгосрочных обязательств составляет 98 % от общего капитала организации);

— абсолютная финансовая устойчивость по величине излишка собственных оборотных средств.

Среди показателей, положительно характеризующих финансовое положение и результаты деятельности организации, можно выделить следующие:

— доля собственного капитала неоправданно высока (98 %);

— изменение собственного капитала практически равно общему изменению активов организации; прибыль от финансово-хозяйственной деятельности за последний год составила 2833 тыс. руб.

Приведенные ниже три показателя финансового положения и результатов деятельности организации имеют неудовлетворительные значения:

— коэффициент абсолютной ликвидности не укладывается в нормативное значение;

— значительное падение рентабельности продаж в отчетном в году по сравнению с базисным на 10,8 %, рентабельности продаж по EBIT на 11 % и рентабельности продаж по чистой прибыли на 10,7 %.

В целом предприятие за анализируемый период является финансово устойчивым, прибыльным и рентабельным.

Лучшие сорта и гибриды полевых культур при одних и тех же производственных затратах по сравнению с рядовым посевным материалом обеспечивают прибавку урожая в разных почвенно-климатических условиях (в среднем на 20–30 %), защиту посевов от болезней и вредителей, эффективное применение удобрений, орошения и т. д.

Первичное семеноводство следует вести со строгим соблюдением методики, агротехнических требований, обязательно на оптимальном для каждого сорта и гибрида агрофоне с учетом их биологических особенностей [8].

В питомниках первичного семеноводства следует добиваться максимального выхода полновесных кондиционных семян с высоким потенциалом урожайности. Характеристика самых перспективных сортов представлена в табл. 2.

Таблица 2

Хозяйственно-полезные показатели сортов озимой мягкой пшеницы

Название сорта	Урожайность, т/га				Процент содержания в 2016 г.	
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	средняя	клейковины	белка
Донская лира	4,7	4,4	4,0	4,4	29,6	14,8
Ростовчанка 7	4,0	4,2	3,3	3,8	31,2	14,5
St Дон 93	4,7	4,3	3,9	4,3	21,8	12,1

В условиях рынка повышается актуальность проблемы сортосмены и сортообновления. Сорт или гибрид стал объектом рынка, в связи с чем получают качественно новое содержание отношения производителей и потребителей семян.

Для повышения урожайности, качества зерна и уровня рентабельности предлагаем внедрить новый сорт озимой мягкой пшеницы Донская лира, прошедший испытания и внесенный в Госреестр в 2011 г. Внедрение нового сорта позволит увеличить урожайность зерновых культур до 22 ц/га, а объем производства пшеницы — на 22 718 ц, уровень рентабельности составит 48 %. Перспективную экономическую эффективность озимой пшеницы представим в табл. 3. Для повышения урожайности зерновых культур предложим внедрение комплекса удобрений. Из рассчитанных вариантов доз внесения удобрений оптимальным является для пшеницы доза N30P60 K40 + навоз 30 т/га, так как в этом варианте наибольшая окупаемость дополнительных затрат, связанных с внесением удобрений, и на каждый рубль затрат можно дополнительно получить около 1 руб. 76 коп. расчетной прибыли (табл. 4).

Таблица 3

Перспективная экономическая эффективность производства озимой пшеницы нового сорта Донская лира

Показатель	Озимая пшеница			
	Фактически (Дон 93)	Возможно (Донская лира)	Изменения	
			+/–	%
Посевная площадь, га	1939	1939	0	0,00
Урожайность, ц/га	11	22	11,0	100,00
Валовой сбор основной продукции (в весе после доработки), ц	22 718	45 436	22 718,0	100,00
Товарная продукция, ц	15 902,6	31 805,2	15 902,6	100,00
Коэффициент товарности	0,7	0,7	0,00	0,00
Затраты труда на 1 ц продукции, чел.-ч	0,3	0,4	0,10	33,33
Коммерческая себестоимость 1 ц продукции, руб.	400	420	20,0	5,00
Цена реализации 1 ц, руб.	650	800	150,0	23,08
Стоимость продукции на 1 руб. расходов, руб.	1,6	1,9	0,28	17,22
Прибыль, убыток (–), руб. всего,	1 249 490	6 361 040	5 111 550	409
на 1 га,	575	2926	2351,22	409,09
на 1 ц продукции,	79	200	121,43	154,55
на 1 чел.-ч	262	500	238,10	90,91
Уровень рентабельности (–), %	20	48	27,98	142,42

Таблица 4

Экономическая эффективность применения удобрений под озимую пшеницу в ООО «Сорт» на перспективу

Показатели	N30 P60 K40	Навоз 30 т/га	N30 P60 K 40 + навоз 30 т/га	N60P60 K40 + навоз 30 т/га	N90 P80 K80 + навоз 30 т/га
Прибавка урожая, ц/га	4,3	3,6	8,4	8,9	9,1
Стоимость прибавка, руб.	2924	2448	5712	6052	6188
Дополнительные затраты, связанные с применением удобрений на 1 га, руб.	1170	900	2070	2340	3150
Дополнительная расчетная прибыль: на 1 га, руб.,	1754	1548	3642	3712	3038
на 1 руб. дополнительных затрат, руб.	1,50	1,72	1,76	1,59	0,96
Уровень хозрасчетной рентабельности, %	149,91	172,00	175,94	158,63	96,44

Технология возделывания пшеницы, обусловливающая получение высоких урожаев, включает предпосевное протравливание семян, которое может быть совмещено с предпосевной обработкой их регуляторами роста и пленкообразователями (инкрустация).

Так, при обработке семян бишофитом + соль Мора уровень рентабельности возрастает на 41,27 %, при двойной обработке бишофитом — на 47,51% , при обработке никфаном — на 26,63 %, при обработке агатом 25-К — на 28,68 %. Наиболее выгодным для предприятия является двойная обработка семян бишофитом, так как здесь наибольшая окупаемость дополнительных вложений и на каждый вложенный в производство рубль можно получать до 84 коп. расчетной прибыли. Содержащиеся в бишофите микроэлементы являются эффективным средством повышения продуктивности посевов, а также устойчивости растений к вредителям и болезням, поэтому данная обработка должна стать составной частью технологии возделывания культуры.

Экономическая эффективность обработки семян биорациональными средствами в ООО «Сорт» на перспективу представлена в табл. 5.

Существенное значение в увеличении производства продукции растениеводства, росте урожайности сельскохозяйственных культур имеет широкое применение интенсивных технологий возделывания. Современная интенсивная технология — одновременно почвозащитная, влаго- и энергосберегающая. В каждом конкретном случае та или иная функция технологии может приобретать большее или меньшее значение, но в целом они направлены на главное — получение высоких урожаев при оптимальных затратах труда, средств и энергии.

В ООО «Сорт» внедрение интенсивных технологий позволит увеличить урожайность озимой пшеницы на 8,37 ц/га. При этом, несмотря на значительные затраты, обусловленные внесением удобрений, химизацией и использованием более дорогого посевного материала, себестоимость снизится по озимой пшенице на 7,97 %, соответственно уровень рентабельности озимой пшеницы возрастет на 28,83 %, и в итоге общество может получать от 6086 руб. чистого дохода на 1 га посева, что значительно укрепит его экономическое положение.

Таблица 5

Экономическая эффективность обработки семян биорациональными средствами в ООО «Сорт» на перспективу

Показатели	Контроль	Бишофит + соль Мора	Бишофит (обработка семян) + бишофит (обработка растений)	Никфан	Агат-25К (2%)
Урожайность, ц/га	5,89	10,39	11,89	9,39	9,89
Прирост урожайности, ц/га		4,5	6	3,5	4
Цена реализации 1 ц, руб.	1100	1100	1100	1100	1100
Производственные затраты на 1 га, тыс. руб.	4734	6416	7094	6318	6572
Дополнительные затраты на 1 га, руб.	—	1682	2360	1584	1838
Выручка от реализации, руб.	6479	11 429	13 079	10 329	10 879
Дополнительная выручка, руб.	—	4950	6600	3850	4400
Окупаемость дополнительных затрат, руб.	—	2,94	2,80	2,43	2,39
Чистый доход, руб.	1745	5013	5985	4011	4307
Дополнительный чистый доход, руб на 1 га посева,	—	3268	4240	2266	2562
на 1 руб. дополнительных затрат	—	1,94	1,80	1,43	1,39
Уровень рентабельности, %	36,86	78,13	84,37	63,49	65,54

Рассчитаем экономическую эффективность внедрения интенсивных технологий возделывания сельскохозяйственных культур на перспективу.

Таблица 6

Экономическая эффективность озимой пшеницы в ООО «Сорт» по интенсивным технологиям на перспективу

Показатели	Фактические данные (2016 г.)	Интенсивные технологии
Посевная площадь, га	1939	3568
Урожайность, ц/га	26,63	35
Валовой сбор основной продукции, ц	103 240	174 164
Товарная продукция, ц	87 754	156 747
Коэффициент товарности	0,85	0,9
Трудоемкость 1 ц, чел.-ч	0,38	0,24
Цена реализации 1 ц, руб.	627	680
Себестоимость 1 ц., руб.	389	358
Стоимость продукции на 1 руб. расходов, руб.	1,61	1,90
Прибыль, руб.: на 1 ц	238	322
1 га	5392	10 152
1 чел.-ч.	627	1343
на 1 руб. расходов	0,61	0,90
Уровень рентабельности, %	61,26	90,09

Все перечисленные меры по повышению эффективности производства пшеницы являются составляющими одного технологического процесса, который на практике должен быть скорректирован в соответствии с конкретно сложившимися производственными условиями предприятия. Но очень важно не упустить то, что реально повысить экономическую эффективность производства сельскохозяйственным товаропроизводителям поможет только комплексный подход к решению данной проблемы, а не внедрение отдельных инноваций в существующую технологию.

Заключение

В результате проведенных исследований по управлению качеством продукции в ООО «Сорт» можно сформулировать следующие выводы.

В рыночной экономике проблема качества является важнейшим фактором повышения уровня жизни, экономической, социальной и экологической безопасности.

Качество — комплексное понятие, характеризующее эффективность всех сторон деятельности: разработки стратегии, организации производства, маркетинга и др. Важнейшей составляющей всей системы качества является качество продукции. В современной литературе и практике существуют различные трактовки понятия качества, ни одно из них не искажает сути, а только дополняет ее.

Под качеством продукции понимают целостную совокупность ее потребительских свойств, обусловливающих степень пригодности данной продукции удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением в фиксированных условиях потребления.

Выделяют два основных подхода к управлению качеством продукции: процессный и системный подходы.

Процессный подход к управлению позволяет руководителям определять и управлять ключевыми процессами и результатами деятельности предприятия, действительно создающими добавленную стоимость, а также интегрировать часто разрозненные действия функциональных департаментов и направлять их усилия на единый результат. Организация, построенная по процессному принципу, более гибкая и адаптивная.

Лучшие сорта и гибриды полевых культур при одних и тех же производственных затратах по сравнению с рядовым посевным материалом обеспечивают прибавку урожая в разных почвенно-климатических условиях (в среднем на 20–30 %), защиту посевов от болезней и вредителей, эффективное применение удобрений, орошения и т. д.

Первичное семеноводство следует вести со строгим соблюдением методики, агротехнических требований, обязательно на оптимальном для каждого сорта и гибрида агрофоне с учетом их биологических особенностей. В питомниках первичного семеноводства следует добиваться максимального выхода полновесных кондиционных семян с высоким потенциалом урожайности.

В условиях рынка повышается актуальность проблемы сортосмены и сортообновления. Сорт или гибрид стал объектом рынка, в связи с чем получают качественно новое содержание отношения производителей и потребителей семян.

ООО «Сорт» расположено в Городищенском районе Волгоградской области, является базовым хозяйством Еланского государственного сортоиспытательного участка, находится на передовой линии селекционных достижений. Основное направление деятельности предприятия — семеноводство зерновых и масличных культур. Главной целью предприятия является выявление наиболее урожайных и ценных по хозяйственно полезным признакам сортов и гибридов сельскохозяйственных культур и внедрение их в производство.

В распоряжении хозяйства имеется вся необходимая сельскохозяйственная техника для производства семян, в том числе семяочистительный комплекс, склады для хранения продукции, весовое оборудование.

На сегодняшний день ООО «Сорт» — самое крупное хозяйство в Волгоградской области, которое занимается производством элитных семян.

Размеры и экономические показатели развития ООО «Сорт» за 2012–2016 гг. показали, что валовая продукция с каждым годом стремительно возрастала: на 14592,6 тыс. руб. в 2016 г. по сравнению с 2012 г. Стоимость товарной продукции возросла и составила в 2016 г. 36 265 тыс. руб. Площадь сельскохозяйственных угодий за анализируемый период не изменялась и составила 1939 га, в том числе пашня 1748 га. Стоимость основных производственных фондов возросла в 1,5 раза и составила в 2016 г. 10 131 тыс. руб. Численность работников в 2016 г. составила 26 человек.

ООО «Сорт» за анализируемый период получило прибыль как от продаж, так и в целом от финансово-хозяйственной деятельности, что обусловило положительное значение всех трех представленных в таблице показателей рентабельности. Однако имеет место падение рентабельности продаж в отчетном году по сравнению с базисным на 10,8 %, рентабельности продаж по EBIT — на 11 %, рентабельности продаж по чистой прибыли — на 10,7 %.

В целом предприятие за анализируемый период является финансово устойчивым, прибыльным и рентабельным.

Для совершенствования управления качеством продукции на предприятии предложим внедрить процессный подход. Его преимуществом является то, что представляя процесс производства зерновых культур в виде последовательностей операций, можно яснее увидеть структуру формирования ценности для потребителя. Зная «больные места», можно предотвращать потери качества, вместо того чтобы тратить силы и средства на восстановление уже потерянной ценности.

Для повышения урожайности, качества зерна и уровня рентабельности предлагаем внедрить новый сорт озимой мягкой пшеницы Донская лира, прошедший испытания и внесенный в Госреестр в 2011 г. Внедрение нового сорта позволит увеличить урожайность зерновых культур до 22 ц/га, а объем производства пшеницы — на 22 718 ц, уровень рентабельности составит 48 %.

Для повышения урожайности зерновых культур предложим внедрение комплекса удобрений. Из рассчитанных вариантов доз внесения удобрений оптимальным является для пшеницы доза N30P60 K40 + навоз 30 т/га, так как в этом варианте наибольшая окупаемость дополнительных затрат, связанных с внесением удобрений, и на каждый рубль затрат можно дополнительно получить около 1 руб. 76 коп. расчетной прибыли.

Технология возделывания пшеницы, обусловливающая получение высоких урожаев, включает предпосевное протравливание семян, которое может быть совмещено с предпосевной обработкой их регуляторами роста и пленкообразователями (инкрустация). Наиболее выгодной для предприятия является двойная обработка

семян бишофитом, так как здесь наибольшая окупаемость дополнительных вложений и на каждый вложенный в производство рубль можно получать до 84 коп. расчетной прибыли.

В ООО «Сорт» внедрение интенсивных технологий позволит увеличить урожайность озимой пшеницы на 8,37 ц/га. При этом, несмотря на значительные затраты, обусловленные внесением удобрений, химизацией и использованием более дорогого посевного материала, себестоимость снизится по озимой пшенице на 7,97 %, уровень рентабельности озимой пшеницы соответственно возрастет на 28,83 %, в итоге общество может получать от 6086 руб. чистого дохода на 1 га посева, что значительно укрепит его экономическое положение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васин С. Г. Управление качеством. Всеобщий подход : учебник для бакалавриата и магистратуры. Люберцы : Юрайт, 2016. 404 с.

2. Агарков А. П. Управление качеством : учебник. М. : Дашков и К, 2015. 208 с.

3. Алтухов А. И. Производство пшеницы в стране растет, но качество ее снижается // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 11. С. 12–17.

4. Алтухов А. И. Совершенствование организационно-экономического механизма устойчивого развития агропромышленного производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 7. С. 18–21.

5. Марыганова Е. А., Шапиро С. А. Управление качеством производственных процессов (для бакалавров). М. : КноРус, 2013. 232 с.

6. Маслова В. В. Производство и конкурентоспособность зерна и продукции его переработки в государствах – членах ЕАЭС // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. № 9. С. 19–24.

7. Пашовкина Е.В. Проблема развития инноваций в сельском хозяйстве и пути ее решения // Международная науч.-практич. конф. молодых ученых и аспирантов «Новая российская экономика: движущие силы и факторы», Ярославль, 12 декабря 2007 г. Ярославль : ЯрГУ, 2008. С. 125–128.

8. Пашовкина Е. В. Организация системы учета затрат по центрам ответственности на сельскохозяйственном предприятии // Международная науч.-практич. конф. «Новые направления в решении проблем АПК на основе современных ресурсосберегающих, инновационных технологий», Волгоград, 26–28 января 2010 г. Волгоград, 2010. С. 250–252.

REFERENCES

1. Vasin S. G. Quality Management. Universal approach : textbook for undergraduate and graduate. Lyubertsy : Yurait Publ., 2016. 404 p. (In Russ.).

2. Agarkov A. P. Quality Management : textbook. M. : Dashkov and K, 2015. 208 p. (In Russ.).

3. Altukhov A. I. Wheat production in the country is growing, but the quality is decreasing // Economy of agricultural and processing enterprises. 2016. No. 11. Pp. 12–17. (In Russ.).

4. Altukhov A. I. Improvement of organizational and economic mechanism of sustainable development of agro-industrial production // Economics of agricultural and processing enterprises. 2016. No. 7. Pp. 18–21. (In Russ.).

5. Maryganova E. A., Shapiro S. A. Quality management of production processes (for bachelors). M.: KnoRus, 2013. 232 p. (In Russ.).

6. Maslova V. V. Production and competitiveness of grain and products of its processing in the member States of the EAEU // Economics of agricultural and processing enterprises. 2017. No. 9. Pp. 19–24. (In Russ.).

7. Pashovkina E. V. the Problem of development of innovations in agriculture and ways of its solution // International scientific-practical conference of young scientists and postgraduates “New Russian economy: the driving forces and factors”. Yaroslavl, December 12.2007. Yaroslavl : Yaroslavl State University, 2008. Pp. 125–128. (In Russ.).

8. Pashovkina E. V. Organization of cost accounting system for responsibility centers at agricultural enterprise // International scientific and practical conference “New directions in solving problems of agriculture on the basis of modern resource-saving, innovative technologies”, Volgograd, January 26–28, 2010. Volgograd, 2010. Pp. 250–252. (In Russ.).

Как цитировать статью: Пашовкина Е. В. Управление качеством продукции зернопроизводства на предприятиях АПК Волгоградской области // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 162–169. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.438.

For citation: Pashovkina E. V. The product quality control of grain production on the agricultural enterprises of the Volgograd region // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 162–169. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.438.

УДК 330.322.1
ББК 65.239.715

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.418

Platonova Tat′yana Egorovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of Department of Economics and Finance,
Odintsovo branch of the MGIMO of the RF MIA,
Odintsovo,
e-mail: Platonova5@mail.ru

Платонова Татьяна Егоровна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Одинцовский филиал МГИМО МИД РФ,
г. Одинцово,
e-mail: Platonova5@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE OF SUPPORT OF INVESTMENT PROJECTS IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

Проблемы государственного регулирования инновационных процессов в сельском хозяйстве России и ряда зарубежных стран являются в настоящее время одним из важных направлений исследований экономистов-практиков и ученых. Экономический кризис в последние годы затронул всю мировую экономику и указал на необходимость совершенствования инвестиционной политики на микро- и макроуровнях, т. е. на уровне экономики страны в целом и отдельных отраслей и организаций.

Обеспечение продовольственной безопасности России требует ухода от использования направлений производства сельскохозяйственной продукции, нацеленных на количественный рост, в сторону перехода на инновационно ориентированные технологии на безопасной экологической основе. В статье проводится анализ и дается классификация методов и направлений научных исследований по вопросам АПК в ряде стран: Китае, Канаде, США и государствах-членах ЕАЭС на основе государственной поддержки.

В России с 2017 г. наиболее перспективным видом государственной поддержки инновационных и инвестиционных проектов АПК регионов является предоставление консолидированной субсидии, включающей в себя поддержку отдельных подотраслей растениеводства и животноводства, связанной в том числе с развитием традиционных для регионов направлений сельского хозяйства (единая субсидия).

Автором приводятся данные о размерах и направлениях единой субсидии в разрезе отдельных регионов и направлений использования, рассматриваются проблемы и пути повышения эффективности данного инструмента государственной поддержки АПК за 2017–2018 гг.

Международный и российский опыт решения проблем государственной поддержки сельскохозяйственного производства, выполнение задачи обеспечения глобальной продовольственной безопасности требует эффективного использования всех источников финансирования как государственных, так и частных с целью эффективного и динамичного развития аграрного сектора.

The problems of the state regulation of innovation processes in agriculture in Russia and a number of foreign countries are now one of the important areas for the study by economists, both practitioners and scientists. The economic crisis in recent years has affected the entire world economy and pointed to the need to improve investment policy at the micro and macro levels, i. e. on both the level of the economy of the country as a whole, and of individual industries and organizations. Ensuring Russia's food security requires avoiding the use of directions for the production of agricultural products aimed at quantitative growth, towards the transition to innovative technologies based on a safe ecological basis. The article analyzes and classifies methods and directions of scientific research on agro-industrial complex in a number of countries: China, Canada, the United States and the member states of the EEMP on the basis of the state support. In Russia, since 2017, the most promising type of state support for innovative and investment projects in the agro-industrial complex of the regions is the provision of a consolidated subsidy that includes support for selected sub-sectors of crop production and livestock production, including development of the traditional agricultural directions ("single" subsidy). The author gives data on the size and directions of the "single" subsidy in the context of individual regions and areas of use, examines the problems and ways to increase the effectiveness of this instrument of state support for the agro-industrial complex for 2017–2018. International and Russian experience in solving problems of state support for agricultural production, fulfilling the task of ensuring global food security requires the effective use of all sources of financing of both public and private investments with a view to efficient and dynamic development of the agricultural sector.

Ключевые слова: государственное регулирование АПК, международный опыт поддержки инновационных проектов в сельском хозяйстве, методы государственной поддержки сельского хозяйства, прямые и косвенные формы инвестиций, малые сельхозпредприятия, «единая» субсидия, регионы, распределение инвестиций на уровне регионов, показатели доли регионов для распределения субсидий, федеральный бюджет, бюджеты регионов.

Keywords: state regulation of agro-industrial complex, international experience in supporting innovative projects in agriculture, methods of state support for agriculture, direct and indirect forms of investment, small agricultural enterprises, "unified" subsidy, regions, distribution of investments at the regional level, the federal budget, budgets of regions.

Введение

Актуальность. В последнее время государственные органы управления экономикой России уделяют большое внимание совершенствованию мер государственной поддержки сельскохозяйственной отрасли. Особенно актуальным является это направление в свете проблем импортозамещения продуктов питания и обеспечения глобальной продовольственной безопасности страны.

Решение этих задач невозможно без научно обоснованных рекомендаций по внедрению инновационных проектов в отраслях АПК, которые разрабатываются в работах как российских, так и зарубежных ученых. Вопросы международного развития теории инноваций, в том числе в сельскохозяйственной отрасли, были рассмотрены в современных трудах российских ученых: В. Е. Афониной, В. И. Королева, И. С. Санду, Н. Е. Рыженковой, Т. Е. Платоновой, Н. А. Пожидаевой и др. [1–6].

В современной аграрной экономике многих зарубежных стран используется совокупность методов и инструментов для обеспечения эффективной инвестиционной политики. К ним относятся: политические меры, поддерживающие экономическую стабильность и доверие к правовым и рыночным институтам; поддержка частных инвесторов, с принятием стимулов обеспечивающих баланс интересов инвесторов и общества; целевая направленность структурных изменений и рационального использования ресурсов в агропродовольственной системе.

В настоящем периоде развития сельского хозяйства России наиболее актуальными являются проблемы распределения государственных ассигнований и определения методов этого распределения. В статье исследуются вопросы использования методики единой субсидии при распределении бюджетных средств для агропромышленных предприятий на уровне РФ и отдельных регионов РФ.

Научная новизна исследования заключается в составлении классификации основных направлений и механизмов государственной поддержки АПК в разных странах, а также анализ основных итогов и проблем применения единой субсидии при распределении бюджетных средств в Российской Федерации.

Цель работы заключается в анализе международного опыта обеспечения эффективной инновационной политики и государственной поддержки АПК, а также исследование основных достижений и проблем российских реалий государственного регулирования сельского хозяйства.

Задачи исследования заключаются в рассмотрении моделей государственного регулирования инвестиций в АПК в различных странах, выявлении основных форм государственной поддержки инновационных и инвестиционных процессов в сельском хозяйстве РФ, изучении основных параметров методики распределения единой субсидии между регионами и агропромышленными предприятиями, недостатков этой методики и направлений ее совершенствования.

Объект исследования — процессы государственного регулирования и государственной поддержки агропромышленного комплекса, его инновационного развития в международной практике и в России.

Информационной основой являются материалы Минсельхоза РФ, Росстата и ряда публикаций, посвященных зарубежным проблемам государственного регулирования АПК [7; 8].

Основная часть

В настоящее время в развитых странах применяются различные меры государственного регулирования инновационных и инвестиционных процессов в аграрном секторе экономики. Эти меры можно обобщить в виде следующей таблицы [9].

Таблица 1

Формы государственного регулирования инвестиционных и инновационных процессов в развитых странах

Формы государственного регулирования инвестиций в АПК	Характеристики форм	Конкретные виды форм государственной поддержки
Прямые	Административно-ведомственные	Поддержка конкретных инвестиционных проектов на различных уровнях государственных органов управления сельским хозяйством
	Программно-целевые	Принятие специальных государственных программ поддержки инноваций в АПК с выделением финансирования из бюджета
Косвенные	Специальные меры стимулирования инновационных процессов	Льготное налогообложение фермерских хозяйств, внедряющих новые технологии, вкладывающих средства в строительство новых объектов и т. д.
		Льготные ставки по кредитам, направляемым предприятиями АПК на развитие своего производства
		Ставки ускоренной амортизации сельскохозяйственного оборудования
		Государственные гарантии инвестиционных кредитов
		Совершенствование подготовки кадров и научных учреждений по направлению сельского хозяйства
		Поддержка малых форм хозяйствования и их инновационных проектов

Международный опыт показывает, что выполнение задачи обеспечения глобальной продовольственной безопасности требует эффективного использования всех источников финансирования, как государственных, так и частных, с целью эффективного и динамичного развития аграрного сектора. В большинстве развитых стран государственные

органы предпринимают значительные усилия по росту национальных инвестиций в научные и прикладные исследования, что позволяет стимулировать активное привлечение в эту сферу частного капитала.

В международной практике используются различные методы государственной поддержки, направленной на различные категории объектов, включая образовательные учреждения, национальные исследовательские институты, крупные корпорации, малый и средний бизнес. В качестве инструментов этой поддержки используются бюджетное финансирование, предоставление налоговых льгот, выделение льготных государственных займов и кредитных гарантий, финансирование бизнес-инкубаторов, технопарков и других объектов [5; 6; 10; 11; 12] (табл. 2).

Таблица 2

Основные направления и механизмы государственной поддержки инноваций в АПК в международном бизнесе

Страна	Основные направления НИОКР по сельскому хозяйству	Механизмы государственной поддержки инноваций в АПК	Правительственные ассигнования на затраты на аграрные НИОКР, 2009–2011 гг., млн долларов
Россия	Модернизация плодохранилищ и тепличных комплексов. Создание и модернизация животноводческих и селекционных центров	Предоставление субсидий из федерального бюджета на возмещение затрат по сельскохозяйственным предприятиям, возмещение процентной ставки по инвестиционным кредитам, общий объем выданных предприятиям АПК кредитов составил в 2016 г. 1 543,8 млрд руб., что на 40 % больше, чем в 2015 г.	Нет данных
Великобритания	Химизация. Сельскохозяйственное машиностроение. Кормовые средства	Предоставление кредитных гарантий компаниям с годовым оборотом до 25 млн фунтов стерлингов на срок до 10 лет и оплачиваемых по ставке 2 % годовых от непогашенного остатка кредита	428
	Плодоовощеводство	Предоставление частичных гарантий на банковские гарантии малым и средним предприятиям на сумму до 1 млн евро сроком на 6 лет, стоимость гарантий от 2 до 3,6 % размера кредита	175
Франция	Селекция растений. Разработка пестицидных средств	Предоставление льготных займов вновь созданным компаниям, а также по кредитам банков, инвестициям венчурных фондов до 70 % вложенных сумм	319
Германия	Сельскохозяйственное машиностроение. Кормопроизводство. Фармацевтика для животных	Предоставление малым фирмам льготных кредитов и субординированных займов, предусматривающих освобождение от уплаты процентов на период от 2 до 7 лет, выдача гарантий	777
Испания	Кормопроизводство. Модернизация сельского хозяйства	Предоставляемые перспективным технологическим компаниям долгосрочные беспроцентные займы на сумму от 150 тыс. до 3 млн евро	708

Агропромышленный бизнес существует в условиях глобализации и международной интеграции. В связи с этим в сельскохозяйственной отрасли России используются различные меры государственной поддержки, подобные мерам в других развитых странах. Основные направления этой поддержки изложены в «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы».

Одним из основных направлений этой программы является развитие науки и инновационной деятельности в сфере агропромышленного комплекса [13].

Министерством сельского хозяйства России в 2017 г. на реализацию Государственной программы были получены из федерального бюджета средства в объеме 225 317,4 млн руб. [14].

Дополнительные ассигнования из Резервного фонда Правительства России в 2017 г. Минсельхозу России были выделены на инвестиционные мероприятия, такие как поддержка инвестиционного кредитования в АПК — 3689,2 млн руб., создание и (или) модернизация объектов АПК — 280,4 млн руб.; предоставление единой субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации — 80 млн руб. Кроме того, на обновление парка сельскохозяйственной техники Минсельхозу России были выделены бюджетные ассигнования из федерального бюджета в объеме 15 700 млн руб. [14].

Особенно перспективным видом государственной поддержки инновационных и инвестиционных мероприятий АПК регионов является предоставление консолидированной субсидии, включающей в себя поддержку краткосрочного кредитования, страхования, малых форм хозяйствования, селекции и племенного дела, а также отдельных подотраслей растениеводства и животноводства, связанных в том числе с развитием традиционных для регионов направлений сельского хозяйства (единая субсидия).

Для расчета размера единой субсидии, предусмотренного бюджету конкретного субъекта Российской Федерации, применяется методика, учитывающая различные экономические показатели региона, при этом для обеспечения сбалансированности распределения единой субсидии между субъектами Российской Федерации применяется система повышающих и ограничивающих коэффициентов (табл. 3 на стр. 173) [8].

Таблица 3

Определение доли субъекта РФ для распределения единой субсидии между бюджетами субъектов РФ

Показатели, учитываемые в распределении единой субсидии	Конкретные показатели для определения доли
Доля субъекта РФ в производстве продукции растениеводства, животноводства и пищевых продуктов	Средняя стоимость валовой продукции растениеводства, животноводства и пищевых продуктов
	Остаток ссудной задолженности по краткосрочным кредитам
Доля субъекта РФ в численности поголовья сельскохозяйственных животных	Численность условного маточного поголовья племенных животных
	Численность маточного поголовья овец и коз, поголовья оленей, маралов, мясных табунных лошадей
	Прирост товарного поголовья коров специального мясных пород
Доля субъекта РФ в сумме площадей под сельскохозяйственными культурами	Размер площадей под конкретные сельскохозяйственные и кормовые культуры
	Площади многолетних насаждений, садов, виноградников, питомников
	Размер посевных площадей, засеянных элитными семенами
	Размер площадей низкопродуктивной пашни
Доля субъекта РФ в численности и объеме производства продукции малых форм хозяйствования	Средняя стоимость валовой продукции растениеводства и животноводства, произведенной малыми формами
	Количество малых форм и кооперативов
	Остатки ссудной задолженности по кредитам

За три последних года на реализацию мероприятий, вошедших с 2017 г. в единую субсидию, было выделено более 120 млрд руб. Рассмотрим структуру использования единой субсидии в 2017 г. (табл. 4) [14].

Таблица 4

Информация о структуре распределения единой субсидии по данным регионов в 2017 г.

Направления расходования средств единой субсидии	млрд руб.	Структура, % к итогу
Поддержка инвестиционных программ подотраслей растениеводства	7,8	20
Поддержка инвестиционных программ подотраслей животноводства	9	23
Возмещение части процентных ставок по кредитам	9,3	24
Развитие малых форм хозяйствования	10,3	26
Другие направления (агрострахование, реализация региональных программ и др.)	2,6	7
Итого	39,0	100

Как показывают данные табл. 3, наибольшая часть средств, выделенных по единой субсидии, была направлена на развитие малых форм хозяйствования и возмещение части процентных ставок по кредитам.

Если рассмотреть объемы распределения вложений «единой» субсидии между регионами, то можно выделить десять наиболее дотируемых регионов. В 2017 году наибольшую единую субсидию, млрд руб., получили: Брянская область — 1,68, Белгородская область — 1,67, Татарстан — 1,65, Ставропольский край — 1,58, Краснодарский край — 1,53, Ростовская область — 1,53, Воронежская область — 1,52, Дагестан — 1,3, Крым — 1,16, Алтайский край — 0,91 [14]. Эти данные свидетельствуют о том, что наиболее значимо субсидируются регионы с традиционно сильно развитым сельскохозяйственным производством, т. е. слабые в аграрном отношении территории получают недостаточно средств на инвестирование растениеводства и животноводства.

При распределении единой субсидии обнаруживается большое количество проблем, на которые обращают внимание практические работники и ученые. Сейчас формируется новая экономическая реальность, связанная с жесткой кредитной политикой ЦБ и низким уровнем инфляции, в связи с чем необходимо анализировать процессы адаптации и динамики рынков. Изменения в условиях перераспределения господдержки и ее прозрачности приводят к снижению уровня инвестиционной активности регионов. При этом без субсидий в регионе крайне сложно увеличивать объемы производств, вовлекать в оборот новые земли. Основные меры господдержки направлены на увеличение производства, но не обеспечивают сохранение или повышение доходности аграриев, не гарантируют, что они не окажутся в убытке на фоне роста объемов выпуска продукции.

Замечания по недостаткам системы единой субсидии начали звучать еще до того, как она начала работать, и не прекращались в течение всего 2017 г. Тем не менее представители самого агроведомства не раз подчеркивали, что господдержка стала эффективнее и благодаря ей отрасли удается удерживать высокие темпы развития и демонстрировать рекордные показатели производства [15].

В соответствии с действующей нормативно-правовой базой до 1 июля 2018 г. субсидии выплачивались сельхозтоваропроизводителям в следующем соотношении: 94 % — из федерального бюджета и 6 % — из краевого [8]. В целях усиления роли региональных властей в инвестировании сельскохозяйственного производства и повышения их ответственности за контроль расходования средств единой субсидии с 1 июля Министерством сельского хозяйства РФ предложен новый формат предоставления средств: из федерального бюджета — 70 %, из регионального — 30 % [8].

Основными проблемами при распределении средств государственной поддержки АПК и средств единой субсидии в настоящее время являются:

— неравномерность субсидирования по регионам и сельхозпроизводителям;

— недостаточная прозрачность системы отбора заявок для включения в реестр заемщиков;

— замкнутость списка целей льготного кредитования и избыточные требования к списку документов в обоснование кредитов;

— сдвиг в сторону субсидирования крупных агрохолдингов.

В Госдуме предлагается включить в систему льготного кредитования сельскохозяйственные потребкооперативы, увеличить долю краткосрочных кредитов для рядовых фермеров. Кроме того, предлагается включить в систему критериев распределения средств по регионам динамику оттока сельского населения, долю неиспользуемых сельхозугодий, потенциал наращивания агропромышленного производства [15].

Заключение

На современном этапе развития экономики и сельскохозяйственного производства все более актуальными становятся проблемы ускорения научно-технического прогресса на основе инновационных процессов и эффективных инновационных разработок, особенно в свете достижения продовольственной безопасности и независимости развитых стран.

Зарубежный опыт решения этих проблем требует расширения всесторонней государственной поддержки для динамичного развития аграрного сектора. В международной практике используются различные методы государственной поддержки, направленной на различные категории объектов, включая образовательные учреждения, национальные исследовательские институты, крупные корпорации, малый и средний бизнес. В качестве инструментов этой поддержки используются бюджетное финансирование, предоставление налоговых льгот, выделение льготных государственных займов и кредитных гарантий, финансирование бизнес-инкубаторов, технопарков и других объектов.

Российским правительством и органами законодательной власти предпринимаются существенные меры для стимулирования инновационного развития сельского хозяйства в целом и отдельных сельхозпроизводителей в частности. Из федерального бюджета на реализацию «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» на 2018 г. выделено более 240 млрд руб.

Особым инструментом государственной поддержки АПК стало введение с 1 января 2017 г. единой субсидии на уровне отдельных регионов РФ. Эта субсидия распределяется между регионами по определенной методике, в соответствии с долей региона в объеме производства продукции растениеводства и животноводства, долей посевных площадей субъекта, долей региона в развитии малых форм хозяйствования и др. Такое распределение средств позволяет учитывать специфику развития агропромышленного производства отдельных регионов и поддерживать особые направления и подотрасли сельского хозяйства в каждом отдельном регионе.

В целях совершенствования этой системы распределения бюджетных средств следует решить следующие проблемы:

— преодолеть перекосы в системе кредитования сельхозпроизводителей в сторону крупных агрохолдингов;

— усилить прозрачность и доступность льготных кредитов;

— внедрить новые параметры при распределении единой субсидии между регионами;

— включить в систему кредитования потребительские сельхозкооперативы.

Таким образом, развитие сельского хозяйства России на современном этапе нуждается в совершенствовании распределения государственных ассигнований и определения методов этого распределения, для этого в статье исследуются вопросы международного опыта государственной поддержки АПК и использования методики единой субсидии при распределении бюджетных средств для агропромышленных предприятий на уровне РФ и отдельных регионов РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афонина В. Е., Платонова Т. Е., Василевская Н. С. Развитие малых форм хозяйствования в АПК России и вопросы выборочного обследования личных подсобных хозяйств // Региональная экономика и управление. Электронный научный журнал. 2017. № 3(51). URL: http://eee-region.ru/article/5103/

2. Афонина Е. В., Афонина В. Е. Обеспечение национальных интересов на основе инновационно-инвестиционного потенциала // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-2 (76-2). С. 634–638.

3. Платонова Т. Е. Международный и российский опыт государственного регулирования инновационных процессов развития сельскохозяйственных предприятий // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. Научно-аналитический журнал. 2018. № 1. С. 10–14.

4. Методические положения по повышению инновационной привлекательности хозяйствующих субъектов АПК / под ред. И. С. Санду, Н. Е. Рыженковой. М. : Научный консультант, 2017. 210 с.

5. Современные проблемы менеджмента в международном бизнесе / под. ред. В. И. Королева. М. : Магистр : ИНФРА-М, 2013. 400 с.

6. Пожидаева Н. А., Зюкин Д. А. Государственное регулирование и импортозамещение продовольственной продукции: проблемы и решения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 11. С. 17–20.

7. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/

8. Министерство сельского хозяйства. URL: http://mcx.ru/analytics/newsletter/

9. Солошенко Р. В., Пожидаева Н. А., Зюкин Д. А. Об особенностях внедрения инновационных процессов в отечественной и зарубежной практике // Вестник Курской государственной сельхозакадемии. 2016. № 9. С. 89–93.

10. Agricultural Innovation System: An Investment Sourcebook. World Bank, 2012. Pp. 361–448.

11. Policy Framework for Investment in Agricultural. OECD, Paris, 2013. 39 p.

12. Innovation for Agricultural productivity and sustainability: Review of Canadian policies. OECD, 30 Jan. 2015. 173 p.

13. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/5303cbf5887f046040d640a02a9a5be568d44695/

14. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2017 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. URL: http://mcx.ru/upload/iblock/f6a/f6a926309485f5008245b3dda0a9d611.pdf

15. Соколова М. Минсельхозу предложили изменить правила господдержки аграриев // Парламентская газета. 24 октября 2017 г.

REFERENCES

1. Afonina V. E., Platonova T. E., Vasilevskaya N. S. Development of small forms of management in the agro-industrial complex of Russia and questions of a selective survey of personal subsidiary plots // Regional economy and management. Electronic scientific journal. 2017. No. 3(51). (In Russ.). URL: http://eee-region.ru/article/5103/

2. Afonina E. V., Afonina V. E. Providing national interests on the basis of innovative and investment potential // Economics and Entrepreneurship. 2016. No. 11-2 (76-2). Pp. 634–638. (In Russ.).

3. Platonova T. E. International and Russian experience of state regulation of innovative processes of development of agricultural enterprises // Actual problems of socio-economic development of Russia. Scientific and Analytical Journal. 2018. No. 1. Pp. 10–14. (In Russ.).

4. Sandu I. S., Ryzhenkova N. E. (eds.). Methodical provisions to increase the innovative attractiveness of economic entities of the agro-industrial. M. : Nauchnyi konsultant, 2017. 210 p. (In Russ.).

5. Korolev V. I. (ed.). Modern problems of management in international business. M. : Master : INFRA-M, 2013. (In Russ.).

6. Pozhidaeva N. A., Zyukin D. A. State regulation and import substitution of food products: problems and solutions // Economics of agricultural and processing enterprises. 2016. No. 11. Pp. 17–20. (In Russ.).

7. Federal State Statistics Service. (In Russ.). URL: http://www.gks.ru/

8. Ministry of Agriculture. (In Russ.). URL: http://mcx.ru/analytics/newsletter/

9. Soloshenko R. V., Pozhidaeva N. A., Zyukin D. A. On the peculiarities of the introduction of innovative processes in domestic and foreign practice // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2016. No. 9. Pp. 89–93. (In Russ.).

10. Agricultural Innovation System: An Investment Sourcebook. World Bank, 2012. Pp. 361–448.

11. Policy Framework for Investment in Agricultural. OECD, Paris, 2013. 39 p.

12. Innovation for Agricultural productivity and sustainability: Review of Canadian policies. OECD, 30 Jan. 2015. 173 p.

13. State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2013–2020 (In Russ.).

14. National report on the progress and results of the implementation in 2017 of the State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2013–2020. (In Russ.). URL: http://mcx.ru/upload/iblock/f6a/f6a926309485f5008245b3dda0a9d611.pdf

15. Sokolov M. Ministry of Agriculture proposed to change the rules of state support for farmers // The Parliamentary Newspaper. October 24, 2017. (In Russ.).

Как цитировать статью: Платонова Т. Е. Зарубежный и российский опыт поддержки инвестиционных проектов в агропромышленном комплексе // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 170–175. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.418.

For citation: Platonova T. E. Foreign and russian experience of support of investment projects in the agro-industrial complex // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 170–175. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.418.

УДК 330.342.146
ББК 65.011.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.419

Putilina Irina Nikolaevna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
professor of department of management,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: Kovalenko0801@yandex.ru

Путилина Ирина Николаевна,
канд. экон. наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: Kovalenko0801@yandex.ru

Shevchenko Ol′ga Pavlovna,
Candidate of Economics,
associate professor of management,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: svetlanka050377@yandex.ru

Шевченко Ольга Павловна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры менеджмента,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: svetlanka050377@yandex.ru

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ УЛУЧШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЩЕСТВА

THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA AS A WAY OF IMPROVING THE SOCIAL SECURITY OF THE SOCIETY

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В современной России обозначилась тенденция к маргинализации населения. Это происходит не только из-за экономических проблем, но и по причине личностной деградации самих граждан. Эту ситуацию может исправить налаживание системы взаимной социальной поддержки. Наибольшей эффективности данный процесс достигает при инициативе снизу. Подобная интеграция может стать базисом для формирования новых гражданских отношений.

В настоящее время Россия находится в сложной экономической ситуации, что, безусловно, отражается на социальной политике страны. Социальная защита населения является одним из важнейших направлений социальной политики государства и заключается в установлении и поддержании общественно необходимого материального и социального положения всех членов общества. Поэтому становится актуальным поиск более полезной для общества социальной системы, которая бы позволила поднять уровень жизни населения, искоренить бедность, а занятость среди населения сделать рычагом для достижения новых гражданских прав и свобод.

Именно вследствие этого помощь малому и среднему бизнесу можно считать важной социальной и общеэкономической задачей в политике государства. Одним из методов решения данной задачи является отход от декларирования и создание реально действующего механизма поддержки предпринимательского сектора экономики. Важную роль при этом играет функционирование служб занятости населения, которые обладают необходимой базой данных и могут на своей территории проводить обучающие семинары и оказывать консультационные услуги для будущих предпринимателей.

In modern Russia the tendency to marginalization of the population was designated. It happens not only because of economic problems, but also because of personal degradation of citizens. Adjustment of system of mutual social support can correct this situation. This process reaches the greatest efficiency at an initiative from below. Similar integration can become basis for formation of the new civil relations.

Now Russia is in a difficult economic situation that, certainly, affects social policy of the country. Social protection of the population is one of the most important directions of social policy of the state and consists in establishment and maintenance of socially necessary financial and social status of all members of society. Therefore there is relevant a search of social system, more useful to society, which would allow to raise the standard of living of the population, to eradicate poverty, and to make employment among the population the lever for achievement of the new civil rights and freedoms.

Thereof the help to small and medium business can be considered an important social and general economic task in policy of the state. One of methods of the solution of this task is withdrawal from declaring and creation of really operating mechanism of support of a business sector of economy. An important role is played at the same time by functioning of the employment services of the population which possess the necessary database and can hold in the territory the training seminars and render consulting services for future businessmen.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, социальная защищенность, рынок труда, социальная политика, противозатратная модель хозяйствования, служба занятости, социальная система, сектор экономики, консультирование, управление.

Keywords: small and medium-size business, social security, labor market, social policy, cost-effective business model, employment service, social system, economic sector, consulting, management.

Введение

Актуальность исследуемой темы обусловлена следующими обстоятельствами. В кризисный период развитие России затрудняется целым рядом сложившихся обстоятельств, что, безусловно, отражается на социальной политике страны. Социальная защита населения остается на сегодняшний день одним из главных направлений социальной политики и заключается в установлении и поддержании общественно необходимого материального и социального положения всех жителей страны.

Цель исследования заключается в поиске способов социальной защищенности общества, которые бы позволили поднять уровень жизни населения, искоренить бедность, а занятость среди населения сделать рычагом для достижения новых гражданских прав и свобод.

Задачи исследования:

— исследовать социальную политику в России и за рубежом;

— оценить ситуацию, которая сложилась в России, в частности в сфере социальной политики;

— сформулировать и обосновать предложения по развитию малого и среднего предпринимательства как одного из способов улучшения социальной защищенности российского общества.

Целесообразность разработки темы определена необходимостью в санкционных условиях развития малого и среднего предпринимательства как приоритетного способа улучшения социальной защищенности общества.

Научная новизна исследования заключается в предложении координально нового подхода к развитию социальной политики страны посредством применения противозатратной модели хозяйствования и развития малого и среднего предпринимательства.

Теоретическая значимость статьи заключается в обосновании теоретических положений и аргументации выводов, которые осуществлялись на основе реализации общенаучных методов, диалектического, системно-функционального, экономико-социологического анализа. В процессе исследования были проанализированы и учтены законодательные акты, директивные и нормативные документы Правительства Российской Федерации, программные и прогнозные разработки государственных органов и общественных организаций в сфере социальной политики.

Практическая значимость работы состоит в том, что рекомендации авторов, касающиеся развития социальной политики, могут быть использованы в разработке государственной и региональной модели социальной политики, законодательной деятельности, социально-экономическом прогнозировании и планировании, государственном регулировании сфер социальной защиты населения и рынка труда.

Стоит выделить авторов, работы которых посвящены вопросам исследования социальной политики, а именно: С. Н. Трунина [1], О. Ю. Минченкову, Н. В. Федорова [2] и др.

Основная часть

Для того чтобы дать более полную оценку сложившейся ситуации в сфере социальной политики страны, целесообразно провести анализ опыта европейских стран в данной сфере. Если говорить, например, о развитии малого предпринимательства Великобритании, на долю которого приходится более 20 % внутреннего товарооборота, то можно отметить, что она пошла по другому пути поддержки. Так как основная часть предпринимателей работают в сфере услуг, то наиболее эффективными стали налоговые послабления и льготные кредиты. Благодаря этому малый бизнес в стране чувствует себя стабильно. Таким образом, британское правительство продолжает финансировать отдельные программы для помощи малым предпринимателям, в том числе субсидирование пониженной налоговой ставки и гарантии банкам, которые предоставляют кредиты предпринимателям под небольшие проценты. Ежегодный транш от государства таким финансовым организациям составляет до 50 млн фунтов стерлингов.

В развитых странах Европы стимулирование предпринимательской деятельности стало одним из самых популярных способов борьбы с безработицей. Французское правительство уже два десятилетия успешно практикует закон, по которому оставшийся без работы гражданин при открытии собственного дела получает в течение полугода солидную материальную помощь, которой бы хватало не только на проживание, но и на эффективное построение бизнес-процесса. Далее такое предприятие получает отсрочку от уплаты налогов на год. Необходимым условием для предоставления подобных субсидий становится экспертное заключение специалистов Департамента по труду и занятости, что данный проект действительно будет успешным. Кроме того, начинающие предприниматели Франции могут рассчитывать на финансовую и консультационную помощь специального Фонда молодежных инициатив.

Во времена СССР, даже при нерациональном использовании ресурсов, был создан базис для социальной защищенности населения. Именно он обеспечивал каждому гражданину занятость, получение бесплатного образования, эффективного (превышающего стандарты развивающихся стран) медицинского обслуживания, а также гарантированный отдых и возможность определенной переквалификации. Авторы не стали бы переоценивать эти возможности, однако приходится констатировать, что уровень, достигнутый в конце 1970 – начале 1980-х гг., может быть воспроизведен и в условиях трансформационной экономики России. Однако достичь его можно только при эффективной работе механизмов хозяйствования [1].

Новой чертой социальной структуры России стал рост неопределенности и неустойчивости социального статуса значительной части граждан. В основе этого феномена лежит расхождение элементов статуса, когда высокое положение людей по одним осям стратификационного пространства сочетается с низким статусом по другим.

Общий итог изменения социальной структуры России под влиянием институциональных реформ амбивалентен. С одной стороны, рыночные реформы заметно активизировали общество, повысили экономическую самостоятельность граждан, их ответственность за собственную судьбу. С другой стороны, способность социальной структуры интегрировать структурные элементы общества и стимулировать конструктивную активность большинства граждан снизилась. Резко усилившийся разрыв между элитой и массовыми слоями общества еще более усилил отчуждение россиян от власти, их социальную и политическую инертность, неготовность к мобилизации для решения общих задач.

Исходя из обозначенных проблем, на наш взгляд, целесообразно применение в России противозатратной модели хозяйствования.

Применение противозатратной системы предполагает своевременные изменения налоговой политики государства. В данном случае наиболее эффективной представляется следующая тактика фискальных органов. Прежде всего необходим такой подход к формированию системы сборов, чтобы основная нагрузка не сказывалась на потреблении товаров, а это значит, что существующая система налогообложения, основанная на максимальном снижении подоходного налога с переносом посредством НДС основной налоговой нагрузки на конечного потребителя, нуждается в срочной реформации (в данном случае авторы работы имеют в виду отмену таковой политики). При этом авторы предлагают следующие изменения:

— полная отмена НДС как одного из факторов постоянного роста инфляционных издержек;

— установление нефиксированных налоговых ставок на прибыль, которые бы коррелировали с источниками получения прибыли. Например, получение дополнительной прибыли за счет сокращения издержек, что ведет за собой снижение отпускных цен на продукцию. Такие действия необходимо стимулировать способом пропорционального снижения индекса цен:

$$S_1 = S_0 J_P, \quad (1)$$

где S_1 — ставка налога в отчетном периоде; S_0 — ставка налога в базовом (предшествующем периоде); J_P — индекс цен.

При существующем в современной России экономическом курсе все попытки сократить пропасть между богатыми и бедными слоями населения с помощью льгот и соцвыплат никак не смогут уменьшить сложившуюся диспропорцию в доходах. Одновременно с этим современная фискальная политика государства, наоборот, усугубляет ситуацию. Например, налог на доходы физических лиц уплачивается всеми членами общества по одинаковой ставке 13 %. При работе по модели противозатратной экономики осуществимо введение прогрессивной шкалы налогообложения, как это уже сделано в большинстве развитых стран, где успешно реализуется политика социального рыночного хозяйства.

Следующий основополагающий фактор, который стоит рассмотреть, — это стремительное снижение совокупного спроса, вызванное спадом реальных доходов населения.

При существующей монетаристской модели, которая была навязана нашей стране, равновесие между спросом и предложением формируется с помощью искусственного сокращения внутреннего спроса в условиях постоянной усиливающейся инфляции. Противозатратная система способствует достижению макроэкономического равновесия путем использования механизмов снижения уровня цен. Активизация секторов и отраслей отечественной экономики в формате взаимного обмена экономией общественного труда поможет достичь снижения себестоимости выпускаемой ими продукции, а значит, реально снизит общий уровень цен в масштабе российского народного хозяйства. В итоге будет создан благоприятный климат для одновременно стабильного и сбалансированного роста как совокупного спроса, так и совокупного предложения. Также отрасли народного хозяйства получат систему, при которой фактором увеличения объема их предложений станет получаемая от остальных отраслей экономия полных издержек. При этом условии и окажется возможным переход экономики России ко всеобщему интенсивному, или фондосберегающему, типу экономического роста, который сможет обеспечить интенсивное использование всех факторов производства. Уровень совокупного предложения будет увеличиваться при планомерном снижении трудоемкости, фондоемкости, материалоемкости и энергоемкости конечного общественного продукта при одновременном повышении его наукоемкости. В данном случае инфляционные риски, являющиеся составной частью роста совокупного предложения, будет минимизированы практически до ноля.

Кроме того, необходимо отметить, что снижение цен создаст благоприятные условия для развития спроса и активизации процессов на внутреннем рынке [2].

Из этого следует, что совокупный спрос (AD) и совокупное предложение (AS) будут существовать в прямой зависимости от темпов формирования противозатратной макроэкономической модели ($Т_{пс}$). Это значит, что в данном случае эту зависимость можно описать возрастающей функцией:

$$AD = f(Т_{пс}); \quad (2)$$

$$AS = f(Т_{пс}). \quad (3)$$

Следующим важным направлением внедрения противозатратной модели становится совершенствование системы стимулирования труда на предприятиях. До этого времени данная задача оставалась невыполнимой. Одной из причин этого является отсутствие (или наличие крайне слабой) связи действующей систем оплаты труда с итоговым результатом. Данный фактор формирует мощный барьер для внедрения противозатратной модели хозяйствования, так как большинство сотрудников предприятий не заинтересованы в переходе к вышеописанной системе.

Если говорить о том, что мешает внедрению противозатратной модели оплаты труда, то на первый план выходят два основных фактора. Первый можно охарактеризовать как преобладание стоимостных, затратных показателей оценки деятельности предприятий. Второй фактор — это отсутствие на большинстве предприятий четко налаженной системы учета трудоемкости продукции, а также прочих издержек производства. Решение этих задач поможет в итоге реализовать принципиально новую систему организации оплаты труда. Она призвана установить зависимость между приростом величины противозатратных оценочных показателей работы предприятия и увеличением фонда заработной платы. Если сказать более кратко, то необходимо стремиться к реализации следующих целей путем простой зависимости: чем более существенный вклад вносит предприятие любой формы собственности в подобную систему, тем более высокими темпами растут доходы его работников.

Поэтому экономисты, которые видят эффективность в противозатратной системе, предлагают более активно применять свободное время в качестве стимула высокопроизводительного труда. Здесь необходимо подчеркнуть, что сторонники данной системы требуют не увеличения безработицы при постоянной продолжительности рабочего дня, а обеспечения полной занятости при его уменьшении. Таким образом, сотрудники предприятия смогут повысить собственную квалификацию, овладеть новыми профессиями, спрос на которые предполагает НТР, а также использовать освободившиеся временные ресурсы для личностного роста. Из этого следует, что смена экономического курса

и переход на противозатратную модель не повлечет за собой рост безработицы, а, наоборот, подтолкнет население страны ко всестороннему развитию.

Следовательно, именно описанная выше концепция народного хозяйства способна быть платформой, на которой можно будет создать экономику стабильного роста и безболезненно реализовать принципы модернизации во всех сферах производства. Это позволит существенно усовершенствовать и социальную политику, чтобы она не была ориентирована только на избранных членов социума, а дала возможность равнодоступно развиваться всем членам общества.

По мнению авторов данной статьи, переход к описанной системе экономики даст возможность сформировать и более полезную для общества социальную систему, которая позволит поднять уровень жизни населения, искоренить бедность, а занятость среди населения сделать рычагом для достижения новых гражданских прав и свобод. В итоге в стране нормализуется демографическая ситуация и удастся снизить показатели смертности.

Вследствие перехода к описанной системе экономики будет сформирована всесторонняя социальная защищенность. Она представляет собой модель, благодаря которой в результате экономических отношений каждый член общества сможет рассчитывать на набор гарантий для оптимального уровня жизни, при котором человек может реализовать свои способности в трудовой сфере.

В этом случае на первый план выходят следующие гарантии:

1) работа для трудоспособных;

2) нормальный уровень жизни, обеспечиваемый трудовой деятельностью или пособием (включая потребление основных утилитарных благ, прежде всего продуктов питания);

3) охват выплатами уже и еще нетрудоспособных и иных социально уязвимых групп,

4) доступность жилья, услуг культуры и здравоохранения, возможностей для отдыха и образования, позволяющих повысить конкурентоспособность [3].

Оценивая развитие современного российского общества, особенно в сложный санкционный период, нужно отметить тенденцию к маргинализации населения. Это происходит не только из-за экономических проблем, но и по причине личностной деградации самих граждан. После реформ 1990-х гг. многие социальные институты были разрушены, и члены общества оказались разобщены. К сожалению, единицы смогли найти свое место в числе представителей среднего класса, различных элит и избранных профсоюзов. Эту ситуацию можно исправить налаживанием системы взаимной социальной поддержки. Наибольшей эффективности данный процесс достигает при инициативе снизу. Подобная интеграция может стать базисом для формирования новых гражданских отношений [4].

Основной задачей становится не перечисление набора услуг социальной защиты, а выработка жизнеспособной модели. Сегодня эти функции целиком в руках государства.

Авторы уверены, что оптимальное функционирование социальной защиты реально в следующих случаях.

1. Когда изменен подход к управлению социальными процессами, где базисом должна быть достоверность и четкая информация о нуждающихся в социальной помощи (финансовых, материально-технических, инструментальных, институциональных, организационных). Эти данные на всех госуровнях должна объединять база, где присутствует информация о возрастно-половых, профессиональных, социально-бытовых, материальных и иных сведениях о населении. Подобные критерии необходимо соотнести с нормативно-правовой и федеральной документацией. Это даст четкую картину социальных проблем и покажет уровень доступности помощи для населения. Кроме того, необходимо разработать стратегию эффективного социального развития, своевременно корректирующую принятые решения, формирующую целевые программы и социальные заказы, а также соответствующую ожиданиям общественности.

2. Финансирование системы социальной защиты поддерживается деньгами частного капитала, а также средствами благотворительных фондов. Сейчас российский бизнес уже понимает степень социальной ответственности, а вот целенаправленная работа по привлечению частного и корпоративного капитала для решения социальных проблем пока не ведется. Исследования выявили, что социальные инвестиции российского бизнеса имеют эпизодический характер, в итоге население не получает необходимой социальной поддержки.

Надо отметить, что успешные примеры работы общественных организаций в стране есть, но для распространения положительного эффекта необходима более сильная информационная поддержка их деятельности, освещение в СМИ достигнутых результатов. Именно это ускорит переход к гражданскому обществу, а не громкие законы о поддержке социальных институтов и финансирование грантовых программ бизнесом.

Не стоит забывать, что основная роль в формировании оптимальной социальной модели государства отводится факторам, создающим цивилизованный рынок труда. Отвечая «Концепции действий на рынке труда», основными этапами развития на рынке труда стали [5]:

— обеспечение гарантиями безработных граждан и поддержка на рынке труда неконкурентоспособных групп населения;

— рост конкурентоспособности работников, обоснованный современными реалиями рынка труда, совершенствование системы непрерывного профессионального образования, состоящей из базового и дополнительного образования, а также профессиональной переподготовки кадров;

— эффективное развитие системы рабочих мест, позволяющее свободно перемещаться трудящимся по отраслям и территориям;

— создание условий для эффективного соотношения между спросом и предложением на рынке труда, в том числе путем создания новых рабочих мест в перспективных отраслях экономики;

— методы поддержки малого и среднего бизнеса, стимулирующие предпринимательское сообщество на создание новых рабочих мест.

Авторы статьи считают, что для достижения поставленных целей необходимо использовать опыт стран, где были успешно решены проблемы занятости населения. В данном случае наиболее эффективными могут стать следующие меры поддержки: субсидии бизнесменам, сохраняющим число рабочих мест на предприятии, компенсации оставшимся без работы, но способным заняться предпринимательской

деятельностью. А вот ассигнования на меры поддержки собственно безработных должны быть сокращены.

Следует подчеркнуть, что в нашей стране использование подобных рычагов поддержки предпринимательства при борьбе с безработицей более чем необходимо. Сегодня в России эта проблема выходит на первый план. Министерство труда РФ подсчитало, что в 2017 г. на грани последующего увольнения работают около 631 тыс. россиян. Уже сейчас более 60 тыс. компаний объявили о планах сокращения персонала из-за ухудшающихся экономических условий. На данных предприятиях трудится около 15 млн граждан, что составляет 18 % от экономически активного населения. Росстат подсчитал, что за первый месяц 2017 г. показатель безработицы в стране поднялся на 3,4 % и превысил 1 млн человек. Рост числа людей, потерявших работу, отмечен в 82 регионах России. Между тем прогнозы Росстата по этому вопросу неутешительны: в ведомстве считают, что данный показатель продолжит расти и к концу года достигнет 6 % [4].

Заключение

На наш взгляд, помощь малому и среднему бизнесу России необходимо расценивать как сверхважную часть не только социальной, но и общеэкономической политики государства [6–8]. Для этого необходимо отойти от декларирования и приступить к созданию реально действующего механизма поддержки предпринимательского сектора экономики. В данном процессе необходимо участие служб занятости населения, которые обладают необходимой базой данных и могут на своей территории проводить обучающие семинары и оказывать консультационные услуги для будущих предпринимателей. Несмотря на то, что уже 16 лет страна живет по новым правилам поддержки безработных граждан, с введением в действие второй части Налогового кодекса РФ и ликвидацией фонда занятости основная помощь при трудоустройстве граждан оказывается за счет средств федерального бюджета, т. е. перехода к эффективной модели занятости населения страны так и не произошло.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трунин С. Н. Экономика труда : учебник. М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2009. 496 с.
2. Федорова Н. В., Минченкова О. Ю. Государственная и муниципальная социальная политика. М. : КноРус, 2013. 1016 с.
3. Шевченко О. П. Приоритеты социальной политики на этапе рыночных преобразований : автореф. дисс. … канд. экон. наук / Кубанский государственный университет. Краснодар, 2005.
4. Шевченко О. П. Приоритеты социальной политики на этапе рыночных преобразований : дисс. … канд. экон. наук. Краснодар, 2005.
5. Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: https://rosmintrud.ru/
6. Адаменко А. А., Клочко Е. Н., Петух А. В. Разработка инструментов поддержки внутренней конкуренции в кластерных образованиях с участием субъектов малого и среднего бизнеса // British Journal for Social and Economic Research. Vol. 3. No. 1. Pp. 23–25. DOI: 10.22406/bjser-18-3.2-17-24
7. Клочко Е. Н., Прохорова В. В. Этнопредпринимательство как новация при переходе экономики на инновационный путь развития // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 127–134.
8. Адаменко А. А., Ермоленко А. А., Клочко Е. Н. Малый и средний бизнес в развитии региональной экономики. Краснодар, 2016. 211 с.

REFERENCES

1. Trunin S. N. Labor Economics : textbook. M. : JSC “Publishing house “Economy”, 2009. 496 p. (In Russ.).
2. Fedorova N. B., Minchenkova O. Yu. State and municipal social policy. M. : KnoRus, 2013. 1016 p. (In Russ.).
3. Shevchenko O. P. Priorities of social policy at the stage of market transformations : abstract of thesis for the scientific degree of the Candidate of Economics / Kuban State University. Krasnodar, 2005. (In Russ.).
4. Shevchenko O. P. Priorities of social policy at the stage of market reforms : thesis for the degree of the Candidate of Economics. Krasnodar, 2005. (In Russ.).
5. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. (In Russ.). URL: https://rosmintrud.ru
6. Adamenko A. A., Klochko E. N., Petukh A. V. Development of instruments of support of the internal competition in cluster educations to participation of subjects of small and medium business // British Journal for Social and Economic Research. Vol. 3. No. 1. Pp. 23–25. (In Russ.). DOI: 10.22406/bjser-18-3.2-17-24
7. Klochko E. N., Prokhorova V. V. Ethnic entrepreneurship as an innovation upon transition of economy to an innovative way of development // Modern Scientific Thought. 2017. No. 3. Pp. 127–134. (In Russ.).
8. Adamenko A. A., Ermolenko A. A., Klochko E. N. Small and medium business in development of regional economy. Krasnodar, 2016. 211 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Путилина И. Н., Шевченко О. П. Развитие малого и среднего предпринимательства в России как один из способов улучшения социальной защищенности общества // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 176–180. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.419.

For citation: Putilina I. N., Shevchenko O. P. The development of small and medium entrepreneurship in Russia as a way of improving the social security of the society // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 176–180. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.419.

УДК 657.37
ББК 65.011.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.448

Rybyantseva Maria Sergeevna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the department of Accounting,
Analysis and Audit,
Kuban State Technological University,
Krasnodar,
e-mail: riban1@mail.ru

Рыбянцева Мария Сергеевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры учета,
анализа и аудита,
Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар,
e-mail: riban1@mail.ru

Seraya Natalya Nikolaevna,
Senior Lecturer of the Department of Management,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: seraya.n.n @mail.ru

Серая Наталья Николаевна,
старший преподаватель кафедры менеджмента,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: seraya.n.n@mail.ru

РАСКРЫТИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОСТАВЕ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ОТЧЕТНОСТИ

DISCLOSURE OF THE KEY INDICATORS OF EFFICIENCY IN THE INTEGRATED REPORTING

08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика
08.00.12 – Accounting, statistics

В настоящее время концепция интегрированной отчетности занимает первые страницы профессиональных изданий в мире. Интегрированная отчетность позволяет свести в одно целое финансовую и нефинансовую информацию компании и отражает способность организации создать и поддержать свою стоимость в кратко-, средне- и долгосрочном периоде. Цель интегрированной отчетности — предоставить информацию, которая позволит заинтересованным пользователям оценивать способность организации по созданию ценности на протяжении времени. Важным блоком в составе интегрированной отчетности считаются ключевые показатели эффективности. В статье на примере ПАО «НК «Роснефть» рассмотрена структура показателей эффективности в разрезе горизонтов планирования: долгосрочная программа развития компании, консолидированный бизнес-план компании, бизнес-планы блоков, бизнес-планы обществ группы. Кроме того, показатели можно разделить на два блока: основные производственные показатели, основные финансовые показатели. Также в статье проведена оценка динамики показателей этих блоков за 2013–2017 гг. Сделан вывод о степени выполнения ключевых показателей эффективности за 2015–2017 гг. Перечень формируемых показателей не должен оставаться неизменным. С 2016 года не приводится показатель «Свободный денежный поток на одну акцию»; с 2016 г. формируются показатели «Производительность труда», «Интегральный показатель эффективности инновационной деятельности»; с 2017 г. в состав показателей включен «Коэффициент выполнения поручений совета директоров и правления». Ключевые показатели эффективности (с учетом их корректировки и оценки выполнения) должны отражаться в составе интегрированной отчетности.

The concept of integrated reporting has recently taken the first pages of professional publications. Integrated reporting consolidates financial and non-financial information and reflects the organization's ability to create and maintain its value in the short, medium and long term. The purpose of integrated reporting is to provide information that allows interested users to assess an organization's ability to create value over time. One of the most important blocks that should be disclosed in the integrated reporting can be considered key performance indicators. The article examined the structure of performance indicators in context of planning horizons (by materials of "NK "Rosneft"): the long-term development program of the company, the consolidated business plan of the company, business plans of the blocks, and business plans of the group companies. In addition, the indicators can be divided into two blocks: main production indicators, main financial indicators. An estimation of indicators' dynamics of these blocks for 2013–2017 was carried out. A conclusion was drawn on the extent to which key performance indicators for 2015–2017 have been met. The list of indicators should not remain unchanged. For example, since 2016 the indicator "Free cash flow per share" is not given; from 2016 indicators "Labor productivity", "Integral indicator of innovation activity efficiency" have been formed; since 2017, the indicators included "The performance ratio of the instructions of the Board of Directors and the Management Board". Key performance indicators (taking into account their adjustment and performance evaluation) should be reflected in the integrated reporting.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности, интегрированная отчетность, степень достижения плановых показателей, основные финансовые показатели, операционная прибыль до амортизации, доходность на задействованный капитал, совокупный доход акционеров, ключевые показатели компании, финансово-экономические показатели, динамика основных производственных показателей, трейдинговая активность, внедрение инноваций.

Keywords: key performance indicators, integrated reporting, the level of achievement of targets, key financial indicators, operating profit before depreciation, return on capital employed, total return of shareholders, key company indicators, financial and economic indicators, key performance indicators, trading activity, innovation.

Введение

Чтобы повысить эффективность управления в компании, она должна быть основана на непрерывном внедрении инноваций в области не только менеджмента, но и информационного обеспечения управленческого процесса. Это обусловливает поиск новых подходов не только к наполнению информации, но и к ее формированию в специальные информационные регистры. В частности, возникла необходимость создания специальной отчетности, которая бы с помощью широкого круга показателей позволила удовлетворять информационные запросы потребителей информации, что, в свою очередь, даст возможность использовать ее в управлении бизнес-процессами компании.

Следовательно, интегрированная отчетность компании должна:

— стимулировать производительность труда;

— оптимизировать финансовые и производственные показатели компании;

— согласовывать информационные показатели сообразно факторам, которые влияют на рыночную конъюнктуру.

Цель исследования — рассмотреть динамику ключевых показателей эффективности холдинговой компании, сформировать основные информационные блоки, раскрываемые в составе раздела «Ключевые показатели эффективности» интегрированной отчетности.

Задачи исследования:

— рассмотреть структуру ключевых показателей эффективности ПАО «НК «Роснефть» и проанализировать их динамику за 2013–2017 гг.;

— оценить фактическое выполнение основных экономических и производственных показателей;

— рассмотреть динамику изменения состава ключевых показателей эффективности и их отражение в составе интегрированной отчетности.

Целесообразность разработки темы определена востребованностью в условиях перехода на МСФО исследований по информативности отдельных блоков интегрированной отчетности.

Сложность предметной области исследования обусловливает необходимость использования системного подхода к исследованию, а также группы методов исследования — системного, монографического, методов сравнения и др.

Научная новизна исследования заключается в проработке информационного наполнения блока «Ключевые показатели эффективности» интегрированной отчетности.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теоретических представлений об информационном наполнении интегрированной отчетности.

Практическая значимость работы состоит в том, что структура интегрированной отчетности нормативно не закреплена, рекомендации по раскрытию показателей интегрированной отчетности (в части раскрытия ключевых показателей эффективности) могут быть использованы при ее формировании.

Стоит выделить авторов, работы которых посвящены вопросам формирования ключевых показателей эффективности и информативности интегрированной отчетности, а именно: Ю. С. Бахрачеву [1], Т. В. Болотских [2], Б. Марр [3], Л. И. Хоружий, Т. Н. Гупалову [4] и др.

Основная часть

Важными элементами в составе информации интегрированной отчетности являются перечень, содержание и достижение ключевых показателей эффективности организации [5]. Этот раздел ориентирован на отраслевую специфику организации и на масштаб ее деятельности.

Рассмотрим на примере деятельности организации ПАО «НК «Роснефть» ее содержание и достижение ключевых показателей. Исследуемая компания — это не только лидер нефтяной отрасли России, но и одна из крупных публичных нефтегазовых корпораций мира. Структура системы показателей эффективности ПАО «НК «Роснефть» представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура системы показателей эффективности ПАО «НК «Роснефть»

Стратегия компании	Цель внедрения системы показателей эффективности
Долгосрочная программа развития компании	Перевести стратегию и долгосрочную программу развития компании ПАО «НК «Роснефть»в форму показателей оперативного управления, оценить текущее состояние и достижения в организации, а также создать основы для принятия эффективных управленческих решений. Осуществить процесс мотивации сотрудников на поэтапную реализацию стратегических целей компании
Консолидированный бизнес-план компании	Внедрить коллективные показатели эффективности компании и индивидуальные показатели эффективности главного исполнительного директора
Бизнес-планы блоков	Внедрить коллективные показатели эффективности блоков и индивидуальные показатели эффективности руководителей организации, которые ответственны за результаты деятельности этих блоков
Бизнес-планы обществ группы	Внедрить коллективные показатели эффективности обществ группы и индивидуальные показатели эффективности руководителей обществ группы

Система показателей эффективности компании ПАО «НК «Роснефть» обеспечит:

— выполнение стратегии компании, показателей долгосрочной программы ее развития;

— постоянное совершенствование экономических показателей компании;

— выполнение директив и поручений федеральных органов исполнительной власти, включая ежегодное снижение затрат;

— непротиворечивость, измеримость и прозрачность экономических показателей компании;

— проведение декомпозиции экономических показателей сверху вниз.

Результаты

Система показателей эффективности компании ПАО «НК «Роснефть» предусматривает совокупность следующих показателей:

— коэффициент долговой нагрузки (чистый долг / EBITDA);

— доходность на задействованный капитал (ROACE);

— финансово-экономические показатели (операционная прибыль до амортизации (EBITDA);

— совокупный доход акционеров (TSR);

— ряд отраслевых показателей эффективности.

Показатели эффективности компании ПАО «НК «Роснефть» подразделяются на два блока:

— индивидуальные показатели эффективности, состав которых создается с учетом тех долгосрочных целей, которые поставлены перед каждым из руководителей компании;

— коллективные показатели эффективности, состав которых создается с учетом основных документов развития компании — консолидированного бизнес-плана и бизнес-планов бизнес-блоков.

Состав последней группы показателей исследуемой компании отражен в табл. 2.

Таблица 2

Коллективные показатели эффективности компании ПАО «НК «Роснефть» и индивидуальные показатели эффективности главного исполнительного директора

Коллективные показатели эффективности компании и индивидуальные показатели эффективности главного исполнительного директора	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Доходность на средний задействованный капитал (ROACE)	+	+	+
Объем добычи и производства углеводородов	+	+	+
Операционная прибыль до амортизации (EBITDA)	+	+	+
Производительность труда	–	+	+
Сохранение совокупной доходности акционеров (TSR) не ниже среднеотраслевого уровня компаний РФ	–	+	+
Снижение затрат отчетного периода относительно прошлого периода в сопоставимых условиях	–	+	+
Коэффициент долговой нагрузки (чистый долг / EBITDA)	+	+	+
Интегральный показатель эффективности инновационной деятельности	–	+	+
Коэффициент выполнения поручений совета директоров и правления	–	–	+

Отметим, что анализ представленных в табл. 2 показателей осуществлялся после подведения итогов деятельности организации за год на основании управленческой и аудированной публичной отчетности.

Ежегодно служба внутреннего контроля компании осуществляет аудит, который позволяет оценить выполнение как индивидуальных, так и коллективных показателей. Данные показатели необходимы к выполнению с целью получения премирования руководителями компании по итогам года. Профильные комитеты занимаются рассмотрением результатов выполнения топ-менеджментом установленных показателей. Они передают данную информацию совету директоров компании, который и утверждает окончательно размеры годовых премий топ-менеджеров.

Нормализацию плановых ключевых показателей эффективности компании необходимо проводить, учитывая факторы внешней среды, которые трудно поддаются воздействию со стороны руководителей ПАО «Роснефть». Для этих целей в компании предусмотрено специальное положение компании «Порядок нормализации показателей эффективности при анализе и оценке деятельности менеджмента компании за отчетный период для целей годового премирования». Фактическое выполнение ключевых показателей эффективности приведено в табл. 3 [6].

Таблица 3

Фактическое выполнение ключевых показателей эффективности

Показатель	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	факт	выполнение плана	факт	выполнение плана	факт	выполнение плана
Добыча углеводородов, млн т н. э.	254,2	Лучше плана	265,2	Лучше плана	281,7	Лучше плана
EBITDA, млрд руб.	1245	Лучше плана	1278	Лучше плана	1403	Лучше плана
ROACE, %	13,4	Лучше плана	13,9	Лучше плана	11,6	Лучше плана
Чистый долг / EBITDA (в долларовом выражении)	1,4	Лучше плана	1,5	Лучше плана	2,1	Лучше плана
Сохранение совокупной доходности акционеров (TSR) не ниже среднеотраслевого уровня компаний РФ, %	—	—	11,2	Лучше плана	9,3	Не ниже среднеотраслевого уровня компаний РФ
Отношение совокупной доходности акционеров (TSR) к среднеотраслевому уровню, %	1,29	Лучше плана	1,67	Лучше плана	—	—
Интегральный показатель эффективности инновационной деятельности (на основании отчетов менеджмента), %	—	—	100,0	План выполнен	100,0	План выполнен

Далее рассмотрим динамику основных производственных показателей за анализируемый период (табл. 4 на стр. 184).

Остановимся подробнее на динамике ряда показателей. В 2016 году добыча жидких углеводородов компании увеличилась на 3,6 % по отношению к показателю 2015 г. и в 2017 г. продолжила увеличиваться на 7,4 % по отношению к показателю 2016 г. Рост показателя обусловлен:

— приобретением активов ПАО АНК «Башнефть» в октябре 2016 г.;

— интенсификацией добычи на зрелых месторождениях;

— вводом добывающих мощностей на Восточно-Мессояхском месторождении;

— увеличением доли участия в совместном предприятии Petromonagas S. A. (Венесуэла) в мае 2016 г.

Рост операционных расходов «Разведка и добыча» связан с увеличением расходов на электроэнергию, обслуживание объектов инфраструктуры и нефтепромыслового оборудования с соответствующим ростом затрат на материалы и транспортные услуги.

В 2017 году удельные операционные расходы заводов России на тонну перерабатываемой нефти составляли 1394 руб./т, что по сравнению с 2016 г. больше на 289 руб./т, или на 26,2 %. Это обусловлено в первую очередь ростом тарифов естественных монополий и индексацией заработной платы, а во вторую очередь связано с приобретением активов ПАО АНК «Башнефть», производство которого характеризуется наличием более сложных технологических процессов переработки (производство масел и ароматики) и, соответственно, более высокими удельными затратами.

Динамика основных финансовых показателей приведена в табл. 5. Как показывают данные, в 2017 г. произошло увеличение показателя EBITDA на 9,78 % (1403 млрд руб. в рублевом выражении). Прирост данного показателя является результатом получения синергетических эффектов, которые стали возможны в силу интеграции с другими компаниями в процессе выполнения международных проектов и приобретения ряда новых активов.

На рост чистой прибыли оказало влияние признание дохода в размере 100 млрд руб. по итогам достигнутого мирового соглашения с АФК «Система». В конце 2017 г. между участниками спора было достигнуто мировое соглашение, по условиям которого ответчики (АФК «Система» и АО «Система-Инвест») обязались возместить ПАО АНК «Башнефть» убытки в размере 100 млрд руб. Нетто-эффект на чистую прибыль за 2017 г. составил 80 млрд руб., в том числе 48 млрд руб. в доле акционеров компании.

Таблица 4

Динамика основных производственных показателей за анализируемый период

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста, %			
						2017 г. к 2016 г.	2016 г. к 2015 г.	2015 г. к 2014 г.	2014 г. к 2013 г.
Доказанные запасы углеводородов по классификации SEC, млн барр. н. э.	33 014	33 977	34 465	37 772	39 907	105,65	109,60	101,44	102,92
Доказанные запасы углеводородов по классификации PRMS, млн барр. н. э.	41 771	43 085	42 917	46 075	46 520	100,97	107,36	99,61	103,15
Доказанные запасы рыночного газа по классификации SEC, млрд м^3	1329	1414	1609	1714	1949	113,71	106,53	113,79	106,40
Доказанные запасы рыночного газа по классификации PRMS, млрд. м^3	1867	2018	2161	2273	2309	101,58	105,18	107,09	108,09
Обеспеченность запасами углеводородов по классификации PRMS, лет	24	24	23	24	23	95,83	104,35	95,83	100,00
Добыча ЖУВ, млн т	189,2	204,9	202,8	210,0	225,5	107,38	103,55	98,98	108,30
Добыча газа, млрд м^3	38,2	56,7	62,5	67,1	68,4	101,94	107,36	110,23	148,43
Реализация нефти за рубежом, млн т	97,3	102,4	109,1	114,9	121,8	106,01	105,32	106,54	105,24
Переработка нефти, млн т	90,1	99,8	96,9	100,3	112,8	112,46	103,51	97,09	110,77
Производство нефтепродуктов и нефтехимии, млн т	87,1	97,1	95,4	98,2	109,1	111,10	102,94	98,25	111,48
Реализация нефтепродуктов за рубежом, млн т	55,1	62,7	65,8	67,4	71,9	106,68	102,43	104,94	113,79
Розничная реализация нефтепродуктов в России, млн т	10,2	11,2	10,9	10,9	11,7	107,34	100,00	97,32	109,80

Таблица 5

Динамика основных финансовых показателей за анализируемый период

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста, %			
						2017 г. к 2016 г.	2016 г. к 2015 г.	2015 г. к 2014 г.	2014 г. к 2013 г.
Выручка от реализации и доход от ассоциированных и совместных предприятий, млрд руб.	4694	5503	5150	4988	6014	120,57	96,85	93,59	117,23
EBITDA, млрд руб.	947	1057	1245	1278	1403	109,78	102,65	117,79	111,62
Маржа EBITDA, %	20,2	19,2	23,8	25,0	22,6	x	x	x	x
Налоги, трлн руб.	2,7	3,1	2,3	2,0	2,6	130,00	86,96	74,19	114,81
Чистая прибыль, млрд руб.	388	350	356	192	297	154,69	53,93	101,71	90,21
Маржа чистой прибыли, %	11,8	6,4	6,9	3,8	4,9	x	x	x	x
ROACE, %	11,9	10,0	13,4	13,9	11,6	x	x	x	x
ROAE, %	20,0	11,5	12,2	5,2	5,6	x	x	x	x
Капитальные затраты, млрд руб.	560	533	595	709	922	130,04	119,16	111,63	95,18

Окончание таблицы 5

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп роста, %			
						2017 г. к 2016 г.	2016 г. к 2015 г.	2015 г. к 2014 г.	2014 г. к 2013 г.
Удельные капитальные расходы на РиД (долл. США / барр. н. э.)	7,0	5,3	4,3	5,0	7,1	142,00	116,28	81,13	75,71
Удельные операционные затраты на добычу (долл. США / барр. н. э.)	4,3	3,9	2,6	2,5	3,2	128,00	96,15	66,67	90,70
Свободный денежный поток, млрд руб.	204	596	657	439	245	55,81	66,82	110,23	292,16
Свободный денежный поток на акцию, руб.	19,8	56,2	62,0	x	x	x	x	110,32	283,84
Дивиденды на акцию, руб.	12,85	8,21	11,75	5,98	10,48	175,25	50,89	143,12	63,89
Общий объем начисленных дивидендов, млрд руб.	136,2	87,0	124,5	63,4	111,1	175,24	50,92	143,10	63,88

Положительными факторами роста реализации в 2017 г. стали расширение трейдинговой активности, положительное изменение ценового тренда на рынке (рост цены на нефть на 9,9 % в рублевом выражении) и интеграция новых активов.

Заключение, выводы

Интегрированная отчетность раскрывает финансовую и нефинансовую информацию. В частности, раскрытию подлежат ключевые показатели эффективности, дифференцированные по уровням управления. Ключевые показатели эффективности разделены на два блока: основные производственные показатели, основные финансовые показатели.

Анализ динамики ключевых показателей эффективности позволил сделать вывод о том, что показатели были лучше плановых значений в рамках анализируемого периода.

Несмотря на то, что основной перечень показателей оставался неизменным, были внесены следующие изменения:

— с 2016 года не приводится показатель «Свободный денежный поток на одну акцию»;

— с 2016 года формируются показатели «Производительность труда», «Интегральный показатель эффективности инновационной деятельности»;

— с 2017 года в состав показателей включен коэффициент выполнения поручений совета директоров и правления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахрачева Ю. С. Вовлечение трудового коллектива в процессы принятия решений как гарантия успешного внедрения управленческих инноваций на предприятии // Актуальные проблемы и перспективные направления инновационного развития экономической науки : сб. науч. тр. Волгоград, 2016. С. 25–32.

2. Болотских Т. В., Паскевич А. О. Мотивация персонала предприятий на основе ключевых показателей деятельности // Вестник института экономических исследований. 2016. № 3. С. 66–73.

3. Марр Б. Ключевые показатели эффективности. 75 показателей, которые должен знать каждый менеджер / пер. с англ. А. В. Шаврина. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 340 с.

4. Хоружий Л. И., Гупалова Т. Н. Теоретические основы интегрированной отчетности организаций АПК. М. : Изд-во РГАУ-МСХА, 2015. 192 с.

5. Интегрированная отчетность. URL: http://www.ir.org.ru/

6. Роснефть. URL: https://www.rosneft.ru/

REFERENCES

1. Bakhracheva Yu. S. Involvement of labor collective in decision-making processes as a guarantee of successful introduction of administrative innovations at the enterprise // Current problems and the perspective directions of innovative development of economic science. Collection of scientific works. Volgograd, 2016. Pp. 25–32. (In Russ.).

2. Bolotskikh T. V., Paskevich A. O. Motivation of staff based on key performance indicators // Bulletin of the Economic Research Institute. 2016. No.3. Pp. 66–73. (In Russ.).

3. Marr B. Key performance indicators (KPI): the 75 measures every manager needs to know. 2012. First Edition is published by arrangement with Pearson Education Limited. (Marr B. Key performance indicators. 75 indicators that every manager should know. Trans. from English. M.: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2014. 340 p. (In Russ.).).

4. Khoruzhy L. I., Gupalova T. N. Theoretical bases of integrated reporting of the agro-industrial complex organizations. M.: Publishing house RGAU-MAHA, 2015, 192 p.

5. Integrated reporting. http://www.ir.org.ru/

6. Rosneft. URL: https://www.rosneft.ru/

Как цитировать статью: Рыбянцева М. С., Серая Н. Н. Раскрытие ключевых показателей эффективности в составе интегрированной отчетности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 181–185. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.448.

For citation: Rybyantseva M. S., Seraya N. N. Disclosure of the key indicators of efficiency in the integrated reporting // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 181–185. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.448.

УДК 332.1
ББК 65.01

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.467

Semyachkov Konstantin Aleksandrovich,
Candidate of Economics,
Junior researcher of the Center of Economic theory,
Institute of the Economics of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg,
e-mail: k.semyachkov@mail.ru

Семячков Константин Александрович,
канд. экон. наук,
младший научный сотрудник Центра экономической теории,
Институт экономики Уральского отделения
Российской академии наук,
Екатеринбург,
e-mail: k.semyachkov@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 17-32-01163-ОГН
«Дизайн институтов социальных инноваций как инструмент активации гражданских инициатив»

The article was prepared with the support of the RFBR grant 17-32-01163-OGN
"Design of institutes of social innovations as an instrument for activating civic initiatives"

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

FACTORS OF DEVELOPMENT OF SOCIAL INNOVATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

08.00.01 – Экономическая теория
08.00.01 – Economic theory

Статья посвящена анализу развития социальных инноваций при формировании цифрового общества и поиску факторов, влияющих на их успешную реализацию в быстро меняющихся условиях цифровизации. Представлен анализ специфики социальных инноваций, их особенности и перспективы для сбалансированного социально-экономического развития общества. Рассмотрены особенности механизмов создания социальных инноваций, этапы развития социальных инноваций, причины затруднений их практической реализации. В работе отмечается, что глубокие изменения в технологиях, экономике и социуме в целом повлекли формирование новых условий развития, в которых степень участия каждого человека значительна как никогда. Повышенная степень участия оказала свое влияние на процессы создания социальных инноваций. Важную роль в формировании новых отношений играют цифровые технологии, предоставляющие значительные перспективы и возможности для взаимодействий и сотрудничества. Показано, что современные цифровые технологии выступают драйвером преобразований в большинстве сфер человеческой деятельности и являются мощным инструментом для создания социальных преобразований. В работе отмечается, что формирующаяся цифровая экономика основывается на ряде принципов, основными из которых являются развитие сетевых структур, открытость, глобальный характер. Следствием такого развития стало появление новых моделей экономических отношений, таких как краудфандинг, краудсорсинг и долевая экономика. Практическая реализация таких моделей проявляется в создании современных цифровых платформ, представляющих инфраструктуру для совершения эффективных трансакций в реальном времени и с минимальными затратами. Основным ресурсом в условиях цифрового общества становятся данные, которые требуют выработки и применения новых принципов управления, что существенным образом повлияет на создание социальных преобразований.

The article examines the analysis of development of the social innovations in establishing of a digital society and the search for factors that affect their successful implementation in the rapidly changing digitalization environment. The analysis of the specifics of social innovations, their features and prospects for the balanced socio-economic development of society is presented. The features of the mechanisms for creating social innovations, the stages of the development of social innovations, the reasons for the difficulties in their practical implementation are considered. The paper notes that profound changes in technologies, economy and society as a whole entailed the formation of new development conditions, in which the degree of participation of each person is more significant than ever. An increased degree of participation has had an impact on the processes of creating social innovations. An important role in the formation of new relations is played by digital technologies that provide significant prospects and opportunities for interaction and cooperation. It is shown that modern digital technologies are the driver of transformations in most spheres of human activity and are a powerful tool for creating social transformations. The work notes that the emerging digital economy is based on a number of principles, the main ones of which are development of the network structures, openness, and global character. The consequence of this development was the emergence of new models of economic relations, such as crowd-funding, crowd-sourcing and equity economy. The practical implementation of such models is manifested in the creation of modern digital platforms that represent the infrastructure for making effective transactions in real time and with minimal costs. The main resource in a digital society is data that requires the development and application of new management principles, which will have a significant impact on the creation of social transformations.

Ключевые слова: социальные инновации, развитие, фактор, цифровое общество, сеть, сотрудничество, краудсорсинг, долевая экономика, платформа, модель, цифровизация.

Key words: social innovation, development, factor, digital society, network, cooperation, crowd-sourcing, sharing economy, platform, model, digitalization.

Введение

Актуальность темы исследования. Современное общественное развитие происходит под влиянием множества факторов и подразумевает формирование инновационных компонент в деятельности людей. Детерминантами проявления социальных инноваций являются неразрешенные проблемы, вызовы и изменения во внешней среде, которые невозможно решить чисто рыночными инструментами. Увеличивающееся число проблем вынуждает к созданию новых механизмов развития в социальной сфере.

Степень разработанности проблемы. В качестве примеров социальных инноваций в отечественной и зарубежной литературе зачастую рассматриваются нововведения в социальных системах образования, здравоохранения, новые формы общественных взаимодействий и коммуникаций. Социальные инновации часто связывают с такими понятиями, как корпоративная социальная ответственность, социальное предпринимательство, благотворительность и волонтерство. Под социальными инновациями чаще всего понимают новые идеи, подходы, стратегии, способствующие разрешению значимых общественных проблем и приводящие к значительным социальным изменениям. Исследованиями в области социальных инноваций занимаются такие ученые, как У. Г. Хусаинов, Л. В. Смаглюкова, А. Ю. Веретенникова, Т. Я. Волчкевич, А. Л. Скуратович, И. И. Краснопольская, И. В. Мерсиянова, Е. В. Полякова.

Опыт применения социальных инноваций хоть и достаточно обширен, однако еще не способен в полной мере продемонстрировать эффективность и универсальность подходов ввиду небольшого срока осуществленных в данном направлении экспериментов. Отсутствуют значимые эмпирические исследования по данной тематике, не рассматриваются условия формирования и развития социальных инноваций. В значительной степени не уделяется внимания изучению факторов развития социальных инноваций в условиях перехода общества многих стран к постиндустриальному типу и формирования глобальной цифровой экономики. Исходя из этого, целью настоящей работы является выявление детерминант развития социальных инноваций в условиях цифровизации.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: рассмотреть особенности социальных инноваций, проанализировать основные черты механизмов создания социальных инноваций, выявить закономерности в формировании цифрового общества и исследовать принципы эффективного создания социальных инноваций в условиях цифровизации.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании принципов создания и эффективного функционирования социальных инноваций в условиях цифрового общества.

Изложение основного материала

Современные подходы к созданию социальных инноваций в условиях развития так называемого постиндустриального общества характеризуются использованием более демократичных методов, вовлечением значительного количества людей, применением междисциплинарных связей. Сейчас наблюдается значительное количество примеров продуктов и услуг, в создание которых вовлечены их потребители [1].

При этом инструменты конструирования инноваций в социальной среде отличаются: открытостью и свободным обменом информацией; объединением экспертов различных областей знаний; сетевым характером отношений; вниманием к решению значимых общественных вызовов и проблем; персонализацией к запросам конкретных людей и адаптивностью производства.

Можно отметить множество причин медленного распространения социальных инноваций, важнейшими из которых являются отсутствие стимулов к развитию социальных инноваций, сложность их интеграции в различные области социальной сферы [2]. Следует учитывать и слабую развитость оценки социальных проектов. Поэтому для их успешной реализации необходимо вырабатывать новые подходы, включать такие показатели, как социальная рентабельность проекта, значимость для разных групп населения [3].

Цифровые технологии в настоящее время являются драйвером изменений социально-экономических систем. Проблематика исследований по цифровой экономике в контексте социальных преобразований заключается не только в развитии методов приспособления к инновациям в цифровой сфере, но и в изменении устоявшихся норм социально-экономической деятельности для сохранения имеющихся и получения новых конкурентных преимуществ. Развитие цифровых технологий и глобальных сетей передачи данных создало условия для изменения способов координации экономических агентов, снизило трансакционные издержки, стало катализатором появления новых организационных форм [4].

Глубокие изменения в технологиях, экономике и социуме в целом повлекли формирование новых условий развития, в которых степень участия каждого человека стала велика как никогда. Повышенная степень участия оказала свое влияние на процессы создания социальных инноваций. Значительную роль в формировании новых отношений играют цифровые технологии, предоставляющие значительные перспективы и возможности для взаимодействий и сотрудничества [5].

Если ранее различные формы сотрудничества носили более локальный характер, то в настоящее время все изменилось. Доступность цифровых технологий растет, предоставляя инструменты обмена данными для создания ценности. Такие условия позволяют людям свободно участвовать в процессе создания инноваций в социальной среде. Миллионы людей объединяются в сетевые структуры, самоорганизующиеся сообщества, создавая блага во многих сферах. Среди известных примеров реализации такой модели можно отметить проекты в цифровом пространстве (YouTube, Wikipedia).

Инструменты по обмену данными и координации участников в реальном времени дают возможность делиться разнообразными ресурсами, что способствует созданию большого количества открытых для доступа благ, которые могут улучшаться каждым из участников. При этом вклад отдельного участника зачастую оказывается меньше, чем та выгода, которую он получает от участия в проекте (благодаря сетевым эффектам), что делает коллективные взаимодействия еще более привлекательными. Новые формы координации общих усилий являются проявлением не только коммерческих интересов, но и позволяют людям решать проблемы в сфере медицины, экологии, гуманитарной сфере, создавая тем самым общественно значимые преобразования, или социальные инновации [6].

Понимание того, каким образом коллективное сотрудничество влияет на социально-экономическое развитие, существенно меняет подход общества в целом и его отдельных составляющих (бизнес, государство, организации общественного сектора, отдельные граждане) к использованию новых возможностей для инноваций и создания ценности. Такие изменения оказывают влияние на все сферы деятельности. Бизнес становится все более открытым для сотрудничества, прежде всего с собственными клиентами, зачастую вовлекая их в процессы создания инновационных продуктов и услуг. Компании, способные делиться собственными ресурсами, получают огромную выгоду от массового сотрудничества и зачастую являются пионерами по изменению правил конкуренции в своих отраслях. В сфере государственного управления формируются новые принципы вовлечения граждан в решение значимых проблем. Примерами этого являются инициативы государства по созданию электронного правительства, предоставление государственных услуг в цифровой форме и другие инициативы [7].

Использование нового подхода в быстроменяющихся условиях основано на ряде принципов, важнейшими из которых являются открытость, сетевая архитектура, доступ к ресурсам и их совместное использование, а также глобальный характер деятельности. Такой подход во многом противоречит традиционным взглядам, сформировавшимся в индустриальную эпоху. Стандартный набор идей предполагал, что экономические агенты конкурируют исключительно благодаря своим способностям привлекать лучших сотрудников, защищать интеллектуальную собственность, тщательно оттачивать исполнительскую дисциплину. Однако в современных условиях этого явно недостаточно, а излишняя бюрократизация и замкнутость являются факторами снижения конкурентоспособности [8].

Зачастую экономические агенты относятся к участию в сетях, самоорганизующихся организациях и схожих объединениях с некоторой опаской. Это обусловлено мнением о необходимости единолично распоряжаться собственными активами для сохранения эффективности и конкурентоспособности. К примеру, если дело касалось человеческих ресурсов, то ранее большинство компаний стремилось привлечь в свои ряды наиболее компетентных специалистов, мотивировать и удерживать их с целью сохранения собственной конкурентоспособности. Современные компании зачастую открыты к внешним идеям и ресурсам, добиваясь при этом более значительных результатов, нежели компании, полагающиеся исключительно на собственные силы. Вследствие стремительного развития цифровых технологий и инструментов обмена данными новое понимание открытости стало рассматриваться в качестве одного из драйверов развития. Большое число компаний, государственных структур и других организаций не располагает значительными собственными ресурсами для проведения существенных исследований, связанных с их основной деятельностью, поэтому в новых условиях экономические агенты развивают новые модели для решения собственных задач, яркими примерами которых являются краудсорсинг и краудфандинг.

Краудсорсинг является примером мобилизации ресурсов людей посредством цифровых технологий с целью решения задач, стоящих перед бизнесом, государством и обществом в целом [9]. Экономические агенты используют данные практики для привлечения капитала и других ресурсов. Краудсорсинг может применяться во множестве разных действий, включая разработку товаров, генерирование идей и решений, в маркетинге и рекламных компаниях. Наиболее распространенный подход вовлечения клиентов в развитие товаров и услуг заключается в получении обратной связи через социальные сети. Существуют примеры, когда компании представляют несколько вариантов своих товаров для опроса среди клиентов и принимают решения о развитии исходя из их результатов [10].

Термин «краудфандинг» используется для обозначения различных платформ и моделей привлечения средств, включающих кредитование (P2P-платформы), пожертвования либо инвестирование для реализации социальных проектов. Наиболее широко практика краудфандинга распространена в США и странах Европы. В последнее время становится популярной модель краудфандинга, основанная на добровольных пожертвованиях для реализации перспективных проектов. В таком случае финансовый интерес не является определяющим, что позволяет новаторам не предавать первостепенное значение возврату привлеченных средств, а сконцентрироваться на создании качественного продукта. Примерами краудфандинговых площадок являются Kickstarter, IndieGoGo, RocketHub и другие.

Эффективные модели управления в современно мире базируются на открытости, и принявшие такие стандарты поведения получают значительные положительные результаты. Потребители способны яснее разглядеть реальную ценность продукта. Сотрудники получают ранее недостижимую информацию о стратегии компании, ее управлении и стоящих перед ней проблемах. Граждане вовлекаются в работу государственных структур, что повышает прозрачность принимаемых решений и доверие к властям. Партнеры узнают больше об организации деятельности друг друга и могут сотрудничать в новых условиях [11].

Формирование открытой системы управления требует выработки новых подходов к модели организации. Наиболее эффективной организационной формой долгое время являлась иерархия. Авторы большого количества работ по вопросам эффективного управления склоняются к необходимости вышестоящего контроля в организации. Конечно, сложно предположить, что иерархии исчезнут в скором времени, однако все чаще становится заметно, как развивается новая форма «плоских» организаций, которая достаточно эффективна в вопросах создания инноваций [12].

Сетевые формы организации достаточно успешны из-за механизмов самоорганизации, работающих эффективней в быстроменяющихся условиях цифрового общества. Однако само развитие цифрового общества создает значительные и прежде неизвестные проблемы для экономических агентов, одной из которых является защита интеллектуальной собственности. Традиционный взгляд на данную проблему предполагает, что инновации должны охраняться путем получения патентов, авторских прав и товарных знаков. В настоящее время превалирующей становится новая экономика интеллектуальной собственности. Все большее число участников сетевых отношений понимают, что традиционные инструменты защиты интеллектуальной собственности начинают мешать в создании инноваций и социальных преобразований. Наиболее эффективные акторы рассматривают интеллектуальные активы как некий сетевой ресурс, защищая некоторые из них и предоставляя открытый доступ к другим. Совместное пользование является лучшим способом выстраивания гибких экосистем бизнеса, общества и государства для ускорения социального развития и инноваций. Преимущества совместного пользования

не ограничиваются лишь интеллектуальными продуктами, но также распространяется на материальные блага. Такая модель получила название «долевой экономики» (sharing economy) и активно развивается во многих странах [13].

Формирование цифрового общества привело к появлению большого количества платформ [14] в разных сферах деятельности, например открытые образовательные проекты, аренда инфраструктуры, виртуальные лаборатории, экспертные социальные сети (ResearchGate, Academia, SciPeople), сервисы по обработке «больших данных» (Data.gov, Science.gov), открытые корпорации, публикационные сервисы (Mendeley, eLibrary, Cyberleninka).

Развитие цифровых технологий и процессов глобализации изменило понимание сотрудничества и методов, которые необходимо использовать для реализации способностей к инновациям и созданию ценности [15]. Для многих компаний, структур государственного управления и организаций общественного сектора технологии обработки и анализа больших объемов данных, также известные как «большие данные», становятся важным ресурсом, который способствует генерации социальных преобразований. В западной литературе такая тенденция рассматривается как «инновация, основанная на данных» (data-driven innovation, DDI). Инновации, основанные на данных, являются источником экономического развития как минимум в двух направлениях: во-первых, данные представляют собой инфраструктурный ресурс, который может использоваться неограниченным числом пользователей и для неограниченного количества целей в качестве драйвера для совершенствования продукции и услуг; во-вторых, это механизмы аналитики данных, включающие создание новых знаний и автоматизацию принятия решений. Аналитика данных позволяет расширить возможность для понимания сущностей, о которых накоплены данные (например, природные явления, социальные системы, отдельные лица). Организации все чаще полагаются на моделирование и эксперименты не только для лучшего понимания поведения людей, но и для лучшего понимания, оценки и оптимизации возможного воздействия своих действий на этих людей.

Использование «больших данных» сопряжено с рядом проблем, которые необходимо решить для реализации возможности социально-экономического развития. Во-первых, для эффективного использования такого ресурса, как данные, необходимо развивать соответствующую инфраструктуру, что требует определенных затрат на развитие широкополосной и мобильной связи, средств хранения, обработки и защиты данных. Во-вторых, это проблема ограничения доступа к определенным данным и защита личной информации. В-третьих, работа с данными требует определенной квалификации, из-за чего возникает необходимость развивать навыки и компетенции в области управления данными. Отсутствие квалифицированных кадров является препятствием для развития инноваций в науке, здравоохранении, государственном секторе.

Заключение

Важнейшей целью инновационной деятельности в сфере общественного развития является решение социально значимых проблем и вызовов современности. Если предлагаемое нововведение способствует снижению социальных проблем, оно должно бы поддержано со стороны государства. Такие преобразования являются эффективными, поскольку способствуют улучшению качества жизни населения. Кроме достижения основной цели, инновации решают задачи повышения эффективности деятельности организаций социальной сферы, повышают качество и доступность социальных услуг, снижают социальное неравенство.

Основная особенность постиндустриального типа развития заключается в том, что не столько количественное увеличение потребления ресурсов, сколько их эффективное использование является драйвером экономического и социального развития. В эпоху цифрового общества это достигается за счет внедрения современных технологий, развития человеческого капитала, увеличения использования данных в социально-экономической деятельности. Как показало настоящее исследование, основными факторами социального развития в новых условиях является формирование сетевых структур, открытость, глобальный характер деятельности.

В качестве результатов проведенного исследования можно сделать ряд важных выводов.

Развитие цифровой экономики предоставляет значительные возможности для реализации общественных преобразований и развития социальных инноваций. Принципы, лежащие в основе цифровой экономики, органично совмещаются с принципами создания социальных инноваций. Современные сетевые модели цифровой экономики обеспечивают эффективное взаимодействие большого числа участников, снижая трансакционные издержки и помогая осуществлять трансакции в реальном времени. Достижение устойчивого социального развития в условиях развития цифровой экономики сопряжено с решением проблем в области управления данными как важнейшим ресурсом в условиях цифровизации. В этой связи необходимо поддержание в адекватном состоянии цифровой инфраструктуры, создание современных механизмов защиты данных, формирование кадрового потенциала и развитие человеческого капитала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Веретенникова А. Ю. Особенности разработки социальных инноваций в гражданской среде // Труды X Международной зимней школы по институциональной экономике. 2017. С. 48–51.

2. Dawson P., Daniel L. Understanding social innovation: A provisional framework // International Journal of Technology Management. 2010. Vol. 51. No. 1. Pp. 9–21.

3. Dees J. G., Economy P. Social entrepreneurship // Enterprising nonprofits: A toolkit for social entrepreneurs. Vol. 186 / ed. by J. G. Dees, J. Emerson, P. Economy. New York : Wiley, 2002.

4. Scuotto V., Del Giudice M., Carayannis E. G. The effect of social networking sites and absorptive capacity on SMES' innovation performance // Journal of Technology Transfer. 2017. Vol. 42. No. 2. Pp. 409—424. URL: https://doi.org/10.1007/s10961-016-9517-0

5. Phills Jr. J. A., Deiglmeier K., Miller D. T. Rediscovering social innovation // Stanford Social Innovation Review. 2008. Vol. 6. Pp. 33–43.

6. Sanzo M. J., Álvarez L. I., Rey M., García N. Business-nonprofit partnerships: a new form of collaboration in a corporate responsibility and social innovation context // Service Bussiness. 2015. Vol. 9. No. 4. Pp. 611–636. URL: https://doi.org/10.1007/s11628-014-0242-1

7. Nieves J., Osorio J. The role of social networks in knowledge creation // Knowledge Management Research and Practice. 2013. Vol. 11. No. 1. Pp. 62–77. URL: https://doi.org/10.1057/kmrp.2012.28

8. Soto-Acosta P., Popa S., Palacios-Marqués D. Social web knowledge sharing and innovation performance in knowledge-intensive manufacturing SMEs // Journal of Technology Transfer. 2017. Vol. 42. No. 2. Pp. 425–440. https://doi.org/10.1007/s10961-016-9498-z

9. Чижов С. Ф. Краудсорсинг в управлении проектами и российские реалии его применения // Белгородский экономический вестник. 2015. № 3(79). С. 94–99.

10. Сивакс А. Н. Краудсорсинг как способ оптимизации функционирования предприятий // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Том 7. № 1. DOI: 10.15862/52EVN115

11. Cajaiba-Santana G. Social Innovation: Moving the Field Forward. A Conceptual Framework // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 82. No. 1. Pp. 41–51.

12. Howaldt J., Schwarz M. Social innovation: concepts, research fields and international trends. Study. Dortmund : Sozialforschungsstelle, 2010. 88p.

13. Попов Е. В., Герцегова К., Семячков К. А. Инновации в институциональном моделировании долевой экономики // Journal of Institutional Studies. 2018. Т. 10. № 2. С. 26—43.

14. Ершова Т. В., Хохлов Ю.Е. Цифровые платформы для исследований и разработок // Информационное общество. 2017. № 6. С. 17–24.

15. Семячков К. А. Цифровая экономика и ее роль в управлении современными социально-экономическими отношениями // Современные технологии управления. 2017. № 8(80). С. 1.

REFERENCES

1. Veretennikova A. Yu. Peculiarities of development of social innovations in the civil environment // Works of the X International winter school in the institutional economics. 2017. P. 48–51.

2. Dawson P., Daniel L. Understanding social innovation: A provisional framework // International Journal of Technology Management. 2010. Vol. 51. No. 1. P. 9–21.

3. Dees J. G., Economy P. Social entrepreneurship // Dees J. G., Emerson J., Economy P. (eds.). Enterprising nonprofits: A toolkit for social entrepreneurs. Vol. 186. New York: Wiley, 2002.

4. Scuotto V., Del Giudice M., Carayannis E. G. The effect of social networking sites and absorptive capacity on SMES' innovation performance // Journal of Technology Transfer. 2017. Vol. 42. No. 2. Pp. 409—424. URL: https://doi.org/10.1007/s10961-016-9517-0

5. Phills Jr. J. A., Deiglmeier K., Miller D. T. Rediscovering social innovation // Stanford Social Innovation Review. 2008. Vol. 6. Pp. 33–43.

6. Sanzo M. J., Álvarez L. I., Rey M., García N. Business-nonprofit partnerships: a new form of collaboration in a corporate responsibility and social innovation context // Service Business. 2015. Vol. 9. No. 4. Pp. 611–636. URL: https://doi.org/10.1007/s11628-014-0242-1

7. Nieves J., Osorio J. The role of social networks in knowledge creation // Knowledge Management Research and Practice. 2013. Vol. 11. No. 1. Pp. 62—77. URL: https://doi.org/10.1057/kmrp.2012.28

8. Soto-Acosta P., Popa S., Palacios-Marqués D. Social web knowledge sharing and innovation performance in knowledge-intensive manufacturing SMEs // Journal of Technology Transfer. 2017. Vol. 42. No. 2. Pp. 425–440. URL: https://doi.org/10.1007/s10961-016-9498-z

9. Chizhov S. F. Crowd sourcing in managing projects and Russian realities of its application // Belgorod economic bulletin. 2015. No. 3(79). Pp. 94–99. (In Russ.).

10. Sivaks A.N. Crowd-sourcing as the method of optimization of the company functioning // Internet journal Science studies. 2015. Vol. 7. No. 1. (In Russ.). DOI: 10.15862/52EVN115

11 Cajaiba-Santana G. Social Innovation: Moving the Field Forward. A Conceptual Framework // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 82. No. 1. Pp. 41–51.

12. Howaldt J., Schwarz M. Social innovation: concepts, research fields and international trends. Study. Dortmund: Sozialforschungsstelle, 2010. 88 p.

13. Popov E. V., Gertsegova K., Semyachkov K. A. Innovations in the institutional modeling of the shared economics // Journal of Institutional Studies. 2018. Vol. 10. No. 2. Pp. 26—43. (In Russ.).

14. Ershova T. V., Hokhlov Yu. E. Digital platforms for research and developments. // Information society. 2017. No. 6. Pp. 17–24. (In Russ.).

15. Semyachkov K. A. Digital economics and its role in managing modern social and economic relations // Modern technology of management. 2017. No. 8(80). P. 1. (In Russ.).

Как цитировать статью: Семячков К. А. Факторы развития социальных инноваций в условиях цифровизации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 186–190. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.467.

For citation: Semyachkov K. A. Factors of development of social innovations in the conditions of digitalization // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). P. 186–190. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.467.

УДК 369
ББК 65.272

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.439

Stepanova Marina Nikolaevna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Finance
and Financial Institutions,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: emarina77@list.ru

Степанова Марина Николаевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры финансов
и финансовых институтов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: emarina77@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ВОПРОСАМ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

PECULIARITIES OF THE RISE AND CONSIDERATION OF DISPUTES ON ISSUES OF MANDATORY SOCIAL INSURANCE

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit

В статье раскрывается такое понятие, как «споры по вопросам обязательного социального страхования». Поскольку споры в сфере социального страхования весьма разнообразны, то автором идентифицируется их видовой состав, предлагается классификация. Устанавливаются основные факторы возникновения споров в сфере социального страхования и выявляются основания для возникновения конкретных видов споров, связанных с применением законодательства об обязательном социальном страховании. Описываются процедурные особенности рассмотрения споров и делается вывод о несовершенстве действующего законодательства о социальном страховании, определяющего условия и порядок взаимодействия субъектов социального страхования при возникновении между ними разногласий, в случае необходимости защиты своих прав и законных интересов. Отмечается незащищенность лиц, имеющих право на обеспечение по страхованию, но не обладающих другими правами застрахованного, в том числе на участие в споре или обжаловании действий страхователя или страховщика (например, членов семьи застрахованного лица, находящихся на его иждивении). В построении системы рассмотрения и разрешения споров по вопросам обязательного социального страхования предлагается использовать принцип единства и единообразия правил, прозрачности и понятности его механизма, что особенно значимо в условиях низкого уровня правовой культуры граждан. В заключение предлагается план стратегии по формированию и развитию эффективной системы рассмотрения и урегулирования споров в сфере обязательного социального страхования.

The article reveals such a concept as "disputes on compulsory social insurance". The author identifies their species composition, proposes a classification. The main factors of the emergence of disputes in the sphere of social insurance are established and the grounds for the appearance of specific kinds of disputes connected with the application of the legislation on compulsory social insurance are revealed. The procedural features of dispute resolution are described, and a conclusion is made about the imperfection of the current legislation on social insurance, which determines the conditions and procedure for interaction of social insurance entities in the event of a disagreement between them, in case of need to protect their rights and legitimate interests. The insecurity of persons who are entitled to insurance coverage but not possessing other rights of the insured, including participation in a dispute or appeal against the actions of the policyholder or insurer is noted. In the construction of the system of consideration and resolution of disputes on compulsory social insurance, it is proposed to use the principle of unity and uniformity of rules, transparency and intelligibility of its mechanism, which is especially important in conditions of low level of legal culture of citizens. The conclusion suggests a strategy plan for the formation and development of an effective system for the consideration and settlement of disputes in the field of compulsory social insurance.

Ключевые слова: социальное страхование, субъекты социального страхования, споры в социальном страховании, социальное обеспечение, защита прав застрахованных, государственный внебюджетный фонд, застрахованный, страхователь, жалоба, Фонд социального страхования.

Keywords: social insurance, social insurance subjects, disputes in social insurance, social security, protection of the rights of the insured, state extra-budgetary fund, insured, insurant, claim, Social Insurance Fund.

Введение

Социальное страхование является организационно сложным финансово-правовым механизмом, обеспечивающим реализацию конституционных прав граждан на социальное обеспечение и вместе с тем защиту экономических интересов государства. В процессе его осуществления между субъектами страхования возникают отношения, при реализации которых возможно как нарушение прав и законных интересов застрахованных, выгодоприобретателей, страхователей, страховщиков, а также интересов Российской Федерации, так и возникновение разногласий по вопросам применения норм права, определяющих права и обязанности субъектов социального страхования и их реализацию.

Защита и восстановление нарушенных прав и законных интересов осуществляются посредством использования различных форм и способов защиты, которые в совокупности, как отмечает В. П. Карташова, «…образуют тот необходимый состав, с помощью которого потерпевшее от нарушения права лицо добивается желаемого

юридического результата в направлении восстановления нарушенного права» [1]. Однако если описанию форм, способов и инструментов защиты прав граждан на социальное обеспечение учеными и практиками уделено должное внимание (этому посвящены, например, работы Е. И. Петровой [2], А. Ю. Гусева [3], Е. А. Серебряковой [4]), то данный аспект применительно к сфере социального страхования практически не раскрывается.

Безусловно, понятия «социальное обеспечение» и «социальное страхование» взаимосвязаны, но не тождественны [5; 6] и это требует самостоятельных исследований причин возникновения споров в сфере социального страхования, особенностей их рассмотрения, разрешения и выбора оптимальных способов восстановления нарушенных прав и интересов его субъектов.

Целесообразность разработки темы определяется тем, что ее результаты могут способствовать более полному обеспечению реализации выполняемых социальным страхованием функций.

Возникновение споров, их количество и частота фиксируемых случаев являются одним из индикаторов эффективности функционирования социального страхования как значимого элемента системы социальной защиты населения. Вместе с тем спор — это не только социальное, но и экономическое явление: ущерб, опосредованный недостаточной полнотой выполняемых обязанностей субъектами социального страхования (а это, заметим, является одной из основных причин возникновения споров), может существенным образом отразиться на экономических интересах страны и финансовом положении отдельных ее граждан. Все это определяет **актуальность** выбранной темы исследования, **целью** которого ставится выявление, обобщение и представление основных особенностей возникновения, рассмотрения и разрешения споров по вопросам социального страхования.

В соответствии с поставленной целью автором были определены следующие **задачи**:

— раскрыть содержание понятия «спор по вопросам обязательного социального страхования»;

— представить классификацию споров, имеющих место в сфере социального страхования, и выявить основные причины их возникновения;

— выявить процедурные особенности рассмотрения и разрешения споров по вопросам обязательного социального страхования.

Объектом исследования явились взаимосвязи и взаимозависимости, возникающие между субъектами и участниками социального страхования в процессе реализации их прав и обязанностей по социальному страхованию.

Научная новизна заключается в комплексном исследовании видового состава и причин разногласий, возникающих между субъектами обязательного социального страхования (или с их участием) по вопросам применения специальных и общих норм права, определяющих их права и обязанности как участников отношений по обязательному социальному страхованию, а также между страхователями и Федеральной налоговой службой Российской Федерации по вопросам, связанным с уплатой страховых взносов в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Значимость работы состоит в развитии **теоретических** основ социального страхования, раскрывающих особенности взаимодействия его субъектов при наличии противоречий, связанных с реализацией прав и обязанностей, предусмотренных действующим законодательством об обязательном социальном страховании, и возможности **практического** применения полученных результатов для целей совершенствования системы социального страхования.

Основная часть

Рабочей гипотезой исследования стало умозаключение о том, что в сфере социального страхования между его участниками могут возникать разнообразные споры, рассмотрение и разрешение которых должно иметь свои процедурные особенности. Достоверность фактически полученных результатов может гарантироваться использованием в процессе исследования диалектических и общенаучных **методов** и подходов, основными из которых стали анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция, классификация.

Результаты. Основными принципами осуществления обязательного социального страхования в Российской Федерации провозглашены доступность для застрахованных лиц реализации своих социальных гарантий, государственная гарантия соблюдения их прав на защиту от социальных страховых рисков, а также обязательность уплаты страховых взносов страхователями (ст. 4 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»). Однако это не освобождает систему от наличия противоречий, приводящих к появлению разногласий между субъектами социального страхования: возникают споры, рассмотрение и разрешение которых имеет свои процедурные особенности.

Само понятие «спор» не столь однозначно, как кажется на первый взгляд. Это объясняется тем, что, являясь межотраслевым, оно в современной научной литературе рассматривается и как категория философии, и как коммуникативный процесс, и как социальное явление, и как специфическое правовое отношение. Часто его употребление является произвольным, иногда и интуитивным, а если ученые раскрывают содержание этого понятия, то общим во многих определениях является указание на то, что спор характеризуется прежде всего наличием разногласий между определенными субъектами [7; 8; 9] — это тот общий признак, который можно взять за основу исследования природы споров, имеющих место в социальном страховании. При этом если рассматривать социальное страхование с институциональной точки зрения, то возможные разногласия могут возникать как в процессе обеспечения деятельности специализированных финансово-кредитных учреждений, выполняющих функцию страховщика, так и в процессе обеспечения прав и законных интересов лиц, участвующих в обязательном социальном страховании (в том числе финансовом). В первом случае разногласия могут привести к спорам, связанным с деятельностью внебюджетных фондов как учреждений, во втором случае — к спорам, связанным с применением законодательства о социальном страховании, — именно эта группа споров частично признается в действующих нормативно-правовых актах имеющими место быть и именуется «спорами по вопросам обязательного социального страхования».

Так, статьей 27 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» предусматривается возможность направления страхователем или застрахованным лицом страховщику письменного заявления по «спорным вопросам, возникающим

в сфере обязательного социального страхования» (абз. 1 ст. 27), статьей 31 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» — возможность направления страхователем или застрахованным лицом страховщику письменного заявления по «спорным вопросам, возникающим в сфере обязательного пенсионного страхования». При этом точное значение термина «спор» данными законами, к сожалению, не раскрывается, предмет спора не описывается. Более того, по нашему мнению, ущемляются интересы иных, кроме застрахованных, лиц, имеющих право получения обеспечения по социальному страхованию (так называемых в страховании выгодоприобретателей), например членов семьи застрахованного лица и лиц, находящихся на его иждивении, в возможности применения по отношению к ним процедурных особенностей рассмотрения и разрешения споров, предусмотренных для иных участников социального страхования.

Кроме этого, по смыслу комментируемых статей спор может быть инициирован только двумя субъектами социального страхования — страхователями и застрахованными лицами, но не страховщиками, которые, как можно в этом случае понимать, такой правовой возможностью не располагают. В отношении них предусматривается право назначать и проводить экспертизу для проверки факта наступления страхового случая, проверять документы, являющиеся основанием для осуществления страхового обеспечения, обращаться в суд с исками о защите своих прав и возмещении причиненного вреда, то есть совершать действия, способствующие устранению возникших разногласий, но формально не признаваемые даже средством разрешения споров. О рассмотрении разногласий по социальному страхованию между работниками и работодателями, то есть страхователями и застрахованными, законами также не упоминается, даже в формате отсылочной статьи.

По нашему мнению, под спорами по вопросам обязательного социального страхования необходимо понимать любые заявленные разногласия, возникшие между субъектами обязательного социального страхования (или с их участием) по вопросам применения специальных и общих норм права, определяющих их права и обязанности как участников отношений по обязательному социальному страхованию, а также между страхователями и Федеральной налоговой службой Российской Федерации по вопросам, связанным с уплатой страховых взносов в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Такой подход, во-первых, отражает природу спора как явления (это разногласия), во-вторых, подчеркивает активность процесса (спор должен быть как минимум открыт), в-третьих, охватывает все виды отношений в системе обязательного социального страхования, при которых могут нарушаться права и обязанности его субъектов (как связанные с осуществлением страхового обеспечения, так и фискальные), и, наконец, в четвертых, он является системным и универсальным, так как не привязывается к конкретному виду обязательного социального страхования, а может быть использован по отношению к любому из них как части общей системы — это особенно важно в ситуации, когда в специальной научной литературе можно встретить лишь определения споров, связанных с конкретным направлением страховой защиты, например пенсионным обеспечением [10; 11; 12].

Таким образом, к основным признакам споров по вопросам обязательного социального страхования можно отнести следующее:

а) они возникают по поводу применения законодательства об обязательном социальном страховании, а также принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации;

б) их базисом являются правовые и строящиеся на их основе финансовые отношения;

в) они имеют определенные законом процедурные особенности рассмотрения и разрешения.

Основными факторами возникновения споров в сфере социального страхования, по нашему мнению, являются:

— специфика формируемого правосознания людей, от правовой идеологии до индивидуальных знаний о праве и реализации его норм и основанной на этом способности правильного их применения или толкования;

— существующая коллизия правовых норм;

— действия или бездействия лиц, от добросовестного выполнения которыми обязанностей, административных действий и процедур может зависеть определение и реализация прав других лиц, в том числе их своевременность и полнота, включая конфликт интересов;

— наличие объективного влияния непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств, препятствующих реализации прав и выполнению обязанностей участниками и субъектами социального страхования.

Анализ действующих правовых норм, а также современной правоприменительной практики дал основания утверждать, что основными видами споров, связанных с применением законодательства об обязательном социальном страховании, а также принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, являются следующие из них.

1. Споры, связанные с возникновением отношений по обязательному социальному страхованию. Как правило, они являются результатом неисполнения или ненадлежащего исполнения закрепленных законом обязанностей по своевременной регистрации субъекта в качестве страхователя у страховщика, а также в связи с оспариванием факта или момента возникновения таких отношений, определенных статьей 9 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования».

2. Споры по вопросам уплаты страховых взносов:

2.1. Споры, связанные с исполнением страхователями обязанностей по исчислению и уплате страховых взносов, ведению их учета и предоставлению необходимой отчетности.

Они возникают между налоговыми органами и плательщиками страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, обязательное медицинское страхование и обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, а также между страховщиком — Фондом социального страхования и плательщиками страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Причинами их возникновения являются:

— неуплата страховых взносов;

— нарушение порядка исчисления, полноты или своевременности уплаты (перечисления) страховых взносов;

— непредоставление расчета по начисленным страховым взносам или несоблюдение порядка расчета по начисленным взносам;

— непредоставление или нарушение сроков предоставления документов, необходимых для реализации контрольной функции по уплате страховых взносов;

— установление факта излишнего взыскания со страхователя страховых взносов;

— нарушение сроков или порядка предоставления отчетности.

2.2. Споры, связанные с исполнением банками или иными кредитными организациями поручений на перечисление средств обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в бюджет Фонда социального страхования.

Основанием для возникновения спора может стать нарушение банком или иной кредитной организацией установленного срока исполнения поручения плательщика о перечислении страховых взносов, пеней, штрафов, а также нарушение поручения страховщика на списание и перечисление в бюджет Фонда социального страхования средств со счетов страхователя.

3. Споры по вопросам обеспечения по обязательному социальному страхованию:

3.1. Споры, связанные с исполнением страховщиками или страхователями (тогда, когда такая возможность установлена законом) обязательств перед застрахованными лицами при наступлении страховых случаев по осуществлению страховых выплат и иных видов обеспечения, установленных федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования, а также возникновением оснований для этого. Они возникают исключительно между участниками отношений по обязательному социальному страхованию, то есть субъектами обязательного социального страхования.

Причинами возникновения таких споров являются:

— непризнание страховщиком или страхователем события, заявленного застрахованным лицом или лицом, имеющим право на получение страховых выплат, страховым случаем;

— оспаривание обоснованности, правильности исчисления размера страхового обеспечения, своевременности его осуществления;

— невыполнение страхователем или страховщиком обязанности по выплате или предоставлению страхового обеспечения;

— неисполнение страхователем решения страховщика о страховых выплатах;

— необоснованный отказ в назначении или предоставлении страхового обеспечения;

— оспаривание страховщиком или страхователем достоверности предоставляемых застрахованным лицом сведений, которые могли являться основанием для назначения и выплаты страхового обеспечения или его предоставления;

— оспаривание достоверности предоставляемых страховщику сведений о наступлении обстоятельств, способность повлечь за собой изменение размера страховых выплат или их прекращение, сокрытие или несоблюдение сроков предоставления такой информации.

Стоит отметить, что разрешение споров данной классификационной группы предусматривает возможность взаимодействия участников отношений по обязательному социальному страхованию с профсоюзами, медицинскими организациями и учреждениями медико-социальной экспертизы, государственной инспекцией труда, органами исполнительной власти по труду.

3.2. Споры о возмещении причиненного застрахованному лицу вреда в порядке регресса. Возникают между страховщиком и причинителем вреда, в некоторых случаях — между участниками обязательного медицинского страхования и лицом, причинившим вред.

3.3. Споры о возмещении расходов на страховое обеспечение по неверно оформленным или необоснованно выданным листкам нетрудоспособности. Возникают между страховщиком и медицинским учреждением, выдавшим листок нетрудоспособности.

3.4. Споры по вопросам расследования страховых случаев на производстве. Основными причинами возникновения таких споров являются:

— нарушение страхователем порядка расследования страховых случаев, в том числе нарушение страхователем права застрахованного лица на участие в расследовании страхового случая или обжалование застрахованным лицом решений компетентных лиц по вопросам расследования страховых случаев;

— оспаривание определенной степени вины застрахованного лица, способствующей возникновению или увеличению причиненного здоровью вреда;

— сокрытие страхователем факта наступления страхового случая.

Возникают между застрахованным лицом и комиссией по расследованию страхового случая на производстве, а также между страхователем и страховщиком — Фондом социального страхования. Процедура обжалования решений, связанных с расследованием страховых случаев, предусматривает возможность обращения застрахованного лица в профсоюзные органы, а также в государственную инспекцию труда.

3.5. Споры, связанные с организацией и ведением персонифицированного учета, являющегося основой реализации пенсионных прав застрахованных лиц. Возникают между застрахованным лицом и страхователем, между страхователем и страховщиком — Пенсионным фондом.

Представленные виды споров сгруппированы нами согласно функциональным стадиям социального страхования, что дает основания для оценки его наиболее «опасных» с точки зрения развития возможных конфликтов зон и разработки соответствующей матрицы управленческих и поведенческих решений.

Видовая идентификация спорных отношений позволила нам осуществить дальнейшую классификацию споров по вопросам обязательного социального страхования, основанием которой явилось их деление на группы в зависимости от области возникновения спора:

— споры, возникающие при осуществлении обязательного пенсионного страхования;

— споры, возникающие при осуществлении обязательного социального страхования по временной нетрудоспособности и в связи с материнством;

— споры, возникающие при осуществлении обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

— споры, возникающие при осуществлении обязательного медицинского страхования.

Внутри каждой из этих групп возможно дальнейшее формирование подгрупп:

а) в зависимости от субъектного состава спорящих сторон. Исходя из этого критерия можно выделить:

— споры, возникающие между страхователем и страховщиком;

— споры, возникающие между застрахованным и страховщиком;

— споры, возникающие между застрахованным и страхователем;

— споры, возникающие между выгодоприобретателем и страховщиком;

— споры, возникающие между выгодоприобретателем и страхователем;

— споры, возникающие между страхователем и налоговым органом;

— споры, возникающие между субъектом обязательного социального страхования и органом, учреждением или лицом, от действий которого может зависеть полнота реализации прав субъекта обязательного социального страхования;

б) в зависимости от правореализующих действий, являющихся источником спора. Исходя из этого критерия можно выделить:

— споры, в основе которых лежит осуществление субъектами предусмотренных законом прав. Они, в свою очередь, делятся на споры, связанные с объективным нарушением законных прав и интересов одного субъекта обязательного социального страхования другим субъектом обязательного социального страхования, и на споры, основанные на искаженном правопонимании субъектом обязательного социального страхования (чаще застрахованным лицом) норм закона;

— споры, связанные с невыполнением или ненадлежащим выполнением обязанностей по обязательному социальному страхованию субъектом обязательного социального страхования;

в) в зависимости от способа разрешения. Исходя из этого критерия можно выделить:

— споры, предусматривающие административный порядок их разрешения;

— споры, предусматривающие судебный порядок разрешения;

— споры, разрешаемые в порядке согласительных процедур; в настоящее время для рассматриваемой категории споров, как отмечает М. Г. Седельникова, «возможность примирения сторон путем заключения соответствующего (мирового — прим. автора) соглашения представляется маловероятной», а проведение медиативных процедур — невозможным [11].

В настоящее время процедурные особенности рассмотрения споров по вопросам обязательного социального страхования связываются прежде всего с многообразием и комбинаторностью возможных взаимодействий между субъектами. Действующим законодательством предусматривается:

1. Возможность обращения застрахованного лица и страхователя с письменным заявлением к страховщику по спорным вопросам, возникающим в сфере обязательного социального страхования (абз. 1 ст. 27 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»).

Для выполнения задач, связанных с урегулированием возможных споров, в организационной структуре каждого из государственных внебюджетных фондов, выступающих в качестве страховщиков, в настоящее время предусмотрены специальные отделы и управления:

— Пенсионным фондом России — Управление по работе с обращениями граждан, застрахованных лиц, организаций и страхователей, которое работает в соответствии с Постановлением Правления ПФ РФ от 02.11.2007 № 275п «Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан, застрахованных лиц, организаций и страхователей в Исполнительной дирекции ПФР и Ревизионной комиссии ПФР и Положения об организации приема граждан, застрахованных лиц, представителей организаций и страхователей в Пенсионном фонде Российской Федерации»;

— Фондом социального страхования Российской Федерации — Управление досудебного урегулирования споров получателей услуг Фонда, Управление по предотвращению нарушений в сфере социального страхования;

— Федеральным фондом обязательного медицинского страхования — Отдел по защите прав граждан в системе ОМС.

В случае несогласия с принятым страховщиком решением спор может быть разрешен не только в вышестоящих инстанциях страховщика, но и в суде в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (см. абз. 2 ст. 27 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»). Как отмечается в Определении Верховного суда РФ от 22.03.2016 № 302-КГ16-1244 по делу № А33-4465/2015, законом предусматривается возможность застрахованных и страхователей воспользоваться и административным, и судебным порядком защиты своих прав в случае принятия страховщиком не того решения, на которое рассчитывалось. При этом «установленный порядок предъявления требований не означает, что он тождествен обязательному досудебному порядку урегулирования спора» (см. там же).

Отметим, что застрахованному лицу дается право на защиту как лично, так и через своего представителя или профсоюз (п.п. 2 п. 1 ст. 10 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»).

2. Рассмотрение споров, связанных с уплатой страховых взносов, в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах [13].

3. Возможность рассмотрения спорных вопросов по обеспечению пособиями по социальному страхованию между работниками и администрацией предприятия специальной комиссией по социальному страхованию, образуемой страхователем либо уполномоченным по социальному страхованию (абз. 3 ст. 2.2 Типового положения о комиссии (уполномоченном) по социальному страхованию) (утв. ФСС РФ 15.07.1994 № 556а).

4. Возможность рассмотрения спорных вопросов между работниками и работодателями по обеспечению пособиями по социальному страхованию отделением Фонда или его филиалом, зарегистрировавшим страхователя, либо в ином порядке, предусмотренном законодательством (ст. 12 Постановления Правительства РФ от 12.02.1994 № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации»), что по смыслу частично дублирует п. 1, представленный выше.

Таким образом, в действующих нормативно-правовых актах четко прописывается возможность рассмотрения споров в следующих субъектных комбинациях:

— страхователь → страховщик;

— застрахованный → страховщик;

— страхователь → налоговый орган;

— застрахованный → страхователь-работодатель.

При этом если речь идет о спорах, направляемых страховщику, то предполагается, что будут действовать единые для всех правила рассмотрения заявлений инициаторов спора, а если спор решается между застрахованным и страхователем без привлечения страховщика, то следует

констатировать отсутствие общего порядка рассмотрения споров, поскольку рассматривающая споры комиссия по социальному страхованию или уполномоченный действуют в соответствии с тем Положением о комиссии, которое разработано и утверждено на конкретном предприятии, — в этом состоит еще одна особенность рассмотрения споров по вопросам обязательного социального страхования.

Другая особенность связывается с возможностью участия страховщика в открытом споре с участием застрахованного лица, даже если сам страховщик при этом не является прямым субъектом спора. Это становится возможным благодаря существующим нормам, согласно которым страховщик наделяется правом (но не обязанностью) защищать интересы застрахованного. Так, статьей 13 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статьей 4.2 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» предусматривается право страховщика представлять интересы застрахованных лиц перед страхователями, статьей 34 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» установлены полномочия Территориального фонда предъявлять в интересах застрахованного лица требования к страхователю, страховой медицинской организации и медицинской организации, связанные с защитой его прав и законных интересов в сфере обязательного медицинского страхования, статьей 18 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» предусматривается право страховщика защищать права и законные интересы застрахованных, в том числе в суде.

Спор не является единственным способом защиты прав, предусмотренным законодательством о социальном страховании. Статьей 4.3 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» предусматривается право застрахованного «обращаться к страховщику за бесплатной помощью, необходимой для получения страхового обеспечения, в виде составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера». Статьей 16 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» устанавливается право застрахованного на «обжалование решений по вопросам расследования страховых случаев в государственную инспекцию труда, профсоюзные органы и в суд», статьей 26.21 — право страхователя «обжаловать решения и иные акты ненормативного характера территориального органа страховщика, действия (бездействие) его должностных лиц, связанные с осуществлением контроля за уплатой страховых взносов и выплатой страхового обеспечения, если, по мнению страхователя, акты территориального органа страховщика, действия (бездействие) его должностных лиц нарушают его права» (в этом случае действует особый порядок подачи и рассмотрения жалоб, установленный Постановлением Правительства РФ от 16 августа 2012 г. № 840).

В отличие от понятия «спор», термин «жалоба» имеет свое легальное определение: согласно ст. 4 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», «жалоба — просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц». И если спор — это коммуникативный процесс, то жалоба — одна из форм обращений, то есть односторонний акт. Спор предусматривает взаимодействие прямо взаимозависимых сторон, в то время как жалоба не может направляться на рассмотрение субъекта, решение, действие или бездействие которого обжалуется.

Наличие двух понятий применительно к одному процессу (защите прав и законных интересов) и их рассредоточение по разным статьям законов дает основания полагать, что у слабо подготовленной юридически (в большинстве случаев) стороны социального страхования — застрахованных — может возникнуть непонимание того, как правильно построить тактику своей защиты при возникновении конфликтной ситуации, связанной с социальным страхованием. По нашему мнению, все нормы, касающиеся защиты прав и законных интересов субъектов, в том числе рассмотрения споров и обжалования принятых решений, необходимо сосредоточить в рамках одной статьи.

Изучая процедурные особенности рассмотрения и разрешения споров по вопросам обязательного социального страхования, можно отметить отсутствие единого, четко прописанного алгоритма взаимодействия всех и каждого из субъектов социального страхования между собой и другими задействованными в решении спорных вопросов лицами и органами, который был бы понятен самым уязвимым с правовой точки зрения участникам — застрахованным и иным лицам, имеющим право на получение страхового обеспечения. Общие нормы и правила рассмотрения и разрешения споров фактически «разбросаны» по различным нормативно-правовым актам, иногда принимают форму отсылочных статей, а в некоторых случаях и вовсе вступают в противоречие между собой. Например, п. 11 Положения о Фонде социального страхования рассмотрение спорных вопросов по обеспечению пособиями по социальному страхованию относит к компетенции Комиссии или уполномоченного по социальному страхованию, а п. 12 — к компетенции отделения Фонда. Федеральным законом от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», по сути являющимся базовым для социального страхования нормативно-правовым документом, устанавливается пятидневный срок для рассмотрения страховщиком спорных вопросов, возникающих в сфере обязательного социального страхования (см. абз. 1 ст. 27), а Федеральным законом от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» страховщику, рассматривающему спорные вопросы в сфере обязательного пенсионного страхования, отводится для этого один месяц (см. абз. 1 ст. 31). Вместе с тем обязательное пенсионное страхование — один из элементов системы социального страхования, соотносящийся с ним как частное и общее, поэтому в условиях отсутствия в базовом нормативно-правовом документе оговорки «если иное не предусмотрено законом о конкретном виде социального страхования» необходимо применение единых правил рассмотрения споров для всех видов обязательного социального страхования.

По нашему мнению, рассмотрение и разрешение споров по вопросам обязательного социального страхования должно осуществляться с соблюдением следующих основополагающих принципов:

— единства и единообразия правил;

— гарантированности права субъектов обязательного социального страхования на защиту своих интересов;

— прозрачности механизма разрешения споров и доступности его инструментов;

— равноправия сторон;

— высшей добросовестности;

— оперативности разрешения спорной ситуации.

Заключение, выводы

В заключение отметим: сделанные в ходе исследования выводы позволяют утверждать, что совершенствование системы социального страхования должно предполагать в числе прочего формирование эффективной системы рассмотрения и урегулирования споров по вопросам обязательного социального страхования, которая должна иметь разработанную стратегию развития, включающую в себя:

— сформулированные и закрепленные теоретические и методические основы ее построения;

— утвержденный регламент рассмотрения и урегулирования споров, устанавливающий единые для всех внебюджетных фондов сроки и последовательность необходимых процедурных действий;

— детально разработанный алгоритм взаимодействия различных субъектов социального страхования при возникновении спорных вопросов по типовым видам обращений и его информационная доступность для граждан;

— план информационного взаимодействия с застрахованными лицами, формирующего представления о том, как построена система по защите их прав и законных интересов и их правового просвещения;

— стратегию развития информационных технологий в сфере социального страхования и права [14].

При этом может быть использован и некоторый опыт разрешения страховых споров, характерных для сферы добровольного страхования [15]. Все это предопределяет перспективность дальнейших исследований в области социального страхования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карташова В. П. Современные проблемы соотношения форм и способов защиты гражданских прав в российской цивилистике : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. 21 с.

2. Петрова Е. И. Инструментарий защиты социально-обеспечительных прав граждан // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1(7). С. 185–189.

3. Гусев А. Ю. Формы и способы защиты прав граждан в сфере социального обеспечения // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 120–128.

4. Серебрякова Е. А. Правовые аспекты рассмотрения споров по вопросам социального обеспечения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 204 с.

5. Метелева Е. Р. Определение ключевых терминов в социальной сфере // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 1. С. 90–98. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(1).90-98

6. Агеева Е. В. Подходы к роли социальной защиты населения в жизни общества и современные вызовы, стоящие перед ней // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).33

7. Литвиненко З. Г. Публично-правовые споры в сфере финансовых правоотношений: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 242 с.

8. Алексеев С. В. Актуальные вопросы урегулирования спортивных споров в сфере спортивного движения // Трудовое право в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 23–30.

9. Зеленцов А. Б. Теоретические основы правового спора: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 435 с.

10. Казанбекова Д. Р. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с пенсионным обеспечением : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 169 с.

11. Седельникова М. Г., Пузырева А. А. Судебная защита пенсионных прав: проблемы теории и практики // Правоприменение. 2018. № 1 (т. 2). С. 164–179.

12. Ерофеева О. В. Защита прав граждан на пенсионное обеспечение. М. : Проспект, 2013. 171 с.

13. Самаруха В. И. Досудебное разбирательство и урегулирование налоговых споров и их значение для предупреждения преступлений коррупционной направленности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 712–723. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).712-723

14. Степанова М. Н. Роль информационных технологий в развитии социального страхования // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов : материалы 4-й Всерос. конф., Иркутск 17 мая 2018 г. / под науч. ред. С. В. Чупрова, Н. Н. Даниленко. Иркутск : Изд-во БГУ, 2018.

15. Степанова М. Н. Развитие системы досудебного урегулирования страховых споров // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 4. С. 622–628. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(4).622-628

REFERENCES

1. Kartashov V. P. Modern problems of correlation of forms and ways of protection of civil rights in Russian civilization : the author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2005. 21 p. (In Russ.).

2. Petrova E. I. Instrumentation of protection of social security rights of citizens // Bulletin of Perm University. 2010. Iss. 1(7). Pp. 185–189. (In Russ.).

3. Gusev A. Yu. Forms and ways to protect the rights of citizens in the field of social security // Journal of Russian Law. 2016. No. 7. Pp. 120–128. (In Russ.).

4. Serebryakova E. A. Legal aspects of the consideration of disputes on social security : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2002. 204 p. (In Russ.).

5. Meteleva E. R. Determination of key terms in the social sphere // News of the Irkutsk State Economic Academy. 2016. Vol. 26. No. 1. Pp. 90–98. (In Russ.). DOI: 10.17150 / 1993-3541.2016.26 (1).90-98

6. Ageeva E. V. Approaches to the role of social protection of the population in the life of society and the contemporary challenges facing it // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8. No. 2. (In Russ.). DOI: 10.17150 / 2411-6262.2017.8 (2).33

7. Litvinenko Z. G. Public-law disputes in the sphere of financial legal relations: theory and practice: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2012. 242 p. (In Russ.).

8. Alekseev S. V. Actual issues of the settlement of sports disputes in the sphere of sports movement // Labor law in Russia and abroad. 2015. No 2. Pp. 23–30. (In Russ.).

9. Zelentsov A. B. Theoretical basis of a legal dispute: dis. ... doctor of jurisprudence. M., 2005. 435 p. (In Russ.).

10. Kazanbekova D. R. Procedural features of the consideration of disputes related to pensions: dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2012. 169 p. (In Russ.).

11. Sedel′nikova M. G., Puzyreva A. A. Judicial protection of pension rights: problems of theory and practice // Enforcement. 2018. No. 1 (v. 2). Pp. 164–179. (In Russ.).

12. Erofeeva O. V. Protection of the rights of citizens to pension provision. M. : Prospekt, 2013. 171 p. (In Russ.).

13. Samarukha V. I. Pre-trial proceedings and settlement of tax disputes and their significance for the prevention of corruption-related crime // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. No. 4. (In Russ.). Pp. 712–723. DOI: 10.17150 / 1996-7756.2015.9 (4).712-723

14. Stepanova M. N. The role of information technologies in the development of social insurance // Activation of intellectual and resource potential of regions : materials of 4th All-Russia conf., Irkutsk, May 17, 2018 / S. V. Chuprova, N. N. Danilenko (eds.). Irkutsk : Publishing house of the Belarusian State University, 2018. (In Russ.).

15. Stepanova M. N. Development of the system of pre-judicial settlement of insurance disputes // Izvestiya Irkutsk State Economic Academy. 2016. Vol. 26. No. 4. Pp. 622–628. (In Russ.). DOI: 10.17150 / 2500-2759.2016.26 (4).622-628

Как цитировать статью: Степанова М. Н. Особенности возникновения и рассмотрения споров по вопросам обязательного социального страхования // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 191–198. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.439.

For citation: Stepanova M. N. Pculiarities of the rise and consideration of disputes on issues of mandatory social insurance // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 191–198. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.439.

УДК 331.103.6:334.724.2
ББК 65.291.212:65.292.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.413

Sychanina Svetlana Nikolaevna,
Candidate of Philosophy,
Assistant Professor,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: sychanina.svetlana@mail.ru

Mironchuk Vadim Anatol'evich,
Senior Lecturer,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: va_mironchuk@mail.ru

Sholin Yurii Alekseevich,
Senior Lecturer,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: sholin92@yandex.ru

Сычанина Светлана Николаевна,
канд. филос. наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: sychanina.svetlana@mail.ru

Мирончук Вадим Анатольевич,
старший преподаватель,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: va_mironchuk@mail.ru

Шолин Юрий Алексеевич,
старший преподаватель,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: sholin92@yandex.ru

БЕРЕЖЛИВОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

LEAN GOVERNANCE: METHODS AND TOOLS OF LEAN PRODUCTION IN MUNICIPAL MANAGEMENT, PERSPECTIVES AND PRACTICE

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В статье представлены результаты практического применения инструментов бережливого производства в администрациях муниципального образования Усть-Лабинский район Краснодарского края. С теоретической точки зрения изучены сущность понятий «кайдзен», «научная организация труда», «лин-производство» и «бережливое

производство». Рассмотрено историческое развитие данного процесса в мире. Проанализирован зарубежный и отечественный опыт применения инструментов бережливого производства, при этом особое внимание уделено использованию бережливых технологий в муниципальном управлении.

Представлен положительный опыт применения бережливого муниципального управления в регионах Российской Федерации. Предложен к рассмотрению пилотный проект «Бережливый Усть-Лабинск», основной целью которого являлось формирование культуры бережливого производства в органах местного самоуправления Усть-Лабинского района Краснодарского края.

Показаны результаты реализации данного проекта за 2016–2017 гг. Для реализации первого проекта «Муниципальные услуги» были выбраны наиболее востребованные муниципальные услуги, предоставляемые в администрациях сельских поселений Усть-Лабинского района, — это выдача справок, предоставление выписки из похозяйственной книги, предоставление архивных справок, выписок, копий архивных документов. Проведен хронометраж рабочего времени при предоставлении муниципальных услуг «Выдача справки о составе семьи» и «Выдача справки о наличии домовладения». По результатам выявлены основные потери — лишние перемещения (около 10,5 км), излишняя перегрузка (специалист переносит книги — в среднем до 200 кг), простои (до двух часов рабочего времени).

Во всех администрациях поселений Усть-Лабинского района было предложено использовать инструменты визуализации спецификации и нумерации содержания похозяйственных книг, применять тележки или передвижные полки.

Положительным эффектом явилось сокращение потерь в архивном отделе администрации при предоставлении муниципальных услуг и при выдаче населению документов управления по архитектуре и градостроительству, а также повышение качества предоставляемых муниципальных услуг.

The article presents the results of practical application of the lean production tools in the municipal administrations of Ust'-Labinsk district of Krasnodar region. The essence of the concepts of "Kaizen", "scientific organization of labor", "Lean-production" are studied from the theoretical point of view. The historical development of this process in the world is considered. The foreign and domestic experience in the use of lean production tools is analyzed, with special attention paid to the use of lean technologies in municipal management.

A positive application experience of lean municipal management in the regions of the Russian Federation is presented. A pilot project "Lean Ust'-Labinsk" was proposed for consideration, the main purpose of which was the formation of a culture of lean production in the local government of the Ust'-Labinsk district of Krasnodar region.

The results of the implementation of this project for 2016–2017 years are shown. For implementation of the first project "Municipal services" the most popular municipal services provided in the administrations of rural settlements of the Ust'-Labinsk region were selected, which include the issuance of certificates; the provision of an extract from the economic book; the provision of archival certificates, extracts, copies of archival documents. Measurement of duration of working time in the provision of municipal services "Issuance of certificate of family composition" and "Issuance of certificate of availability of homeownership" was conducted. Results of the major loss were identified — the extra travel (about 10.5 km), excessive overload (specialist brings the book to an average of 200 kg) downtime (up to two hours of working time).

In all administrations of settlements of the Ust'-Labinsk area it was offered to use tools of visualization of the specification and numbering of the contents of household books to apply carts or mobile shelves.

A positive effect was the reduction of losses in the archive Department of the administration in the provision of municipal services and the reduction of losses in the issuance of documents to the population of the office of architecture and urban planning, as well as improving the quality of municipal services.

Ключевые слова: бережливое управление, бережливое производство, бережливое государство, бережливый муниципалитет, муниципальное управление, муниципальные услуги, органы муниципальной власти, кайдзен, оптимизация процессов, хронемераж рабочего времени, визуализация, сокращение потерь.

Keywords: lean management, lean manufacturing, lean state, lean municipality, municipal management, municipal services, municipal authorities, Kaizen, process optimization, duration of working time, visualization, loss reduction.

Введение

В сложных для России экономических условиях крайне актуально создание образца эффективного управления. Государственный и муниципальный сектор должны стать эталоном эффективности использования ресурсов и приносимой населению ценности. Новая система взаимодействия бизнеса и граждан с государственными и муниципальными органами должна стать преимуществом, а не ограничением. Внимательность к потребностям населения и проблемам бизнеса позволит достичь комплексного эффекта: повышения производительности труда, экономического роста, повышения уровня жизни населения, достижения целей государственных и бюджетных предприятий и организаций. Таким образом, **эффективное управление** — это повышение результативности в деятельности органов государственной и муниципальной власти, снижение административных барьеров для бизнеса, повышение подотчетности, прозрачности во всех структурных подразделениях.

В настоящее время для повышения эффективности процессов, в том числе управления, большой интерес вызывает практика применения принципов, методов и инструментов бережливого производства в целях оптимизации государственного и муниципального управления. Концепция «бережливого производства» (Lean production) хорошо зарекомендовала себя в экономическом секторе, как в сфере производства, так и сфере услуг, найдя применение и адаптировавшись под государственные задачи. Концепция получила новое название «бережливое государство» (Lean Government), а в муниципальном секторе — «бережливый город» (Lean City). В данной статье предпринята попытка на основе опыта применения методов и инструментов бережливого производства в подразделениях районной и сельских администраций муниципального образования Усть-Лабинский район Краснодарского края осветить ключевые аспекты применения новой перспективной концепции в муниципальном управлении.

Цель исследования — обобщение опыта применения методов и инструментов бережливого производства в деятельности органов местного самоуправления (муниципальных органах) Усть-Лабинского района Краснодарского края для оптимизации исполнения муниципальных функций и услуг.

Задачи исследования:

— рассмотреть зарубежный и отечественный опыт применения концепции бережливого производства в государственном и муниципальном управлении;

— уточнить специфику сферы применения методов и инструментов бережливого производства в государственном и муниципальном управлении;

— представить и обобщить результаты применения методов и инструментов бережливого производства в деятельности органов местного самоуправления (муниципальных органах) Усть-Лабинского района Краснодарского края;

— выявить условия эффективной реализации методов и инструментов бережливого производства в деятельности органов местного самоуправления (муниципальных органах).

Изученность проблемы. Общие теоретические подходы к изучению бережливого производства можно найти в работах известных ученых: А. К. Гастева, О. А. Ерманского, А. В. Панкина, А. А. Богданова, Л. А. Левенстерн, Тайити Оно, Сигео Синго и др.

Несмотря на обилие научных и прикладных работ в этой области, они посвящены главным образом организации коммерческого предприятия и практически не затрагивают вопросы бережливого управления в муниципальном образовании.

Целесообразность разработки темы. Остается нераскрытым целый ряд аспектов, связанных с понятием «бережливое производство в муниципальном управлении»: не выделено значение данного понятия для общества, не проанализированы возможности использования инструментов бережливого производства в муниципальном управлении, не выявлена роль бережливого производства при развитии общества.

Как показал анализ литературы по проблеме, практически нет комплексных исследований по вопросам, касающимся бережливого производства в муниципальном управлении.

Научная новизна. Обоснована правомерность использования инструментов бережливого производства в муниципальном управлении на примере практического применения их в администрации муниципального образования Усть-Лабинского района и администрациях сельских поселений Усть-Лабинского района Краснодарского края.

Теоретическая и практическая значимость работы исследования состоит в теоретическом обосновании адаптивности методов и инструментов бережливого производства к использованию их в системе муниципального управления. Предложены практические подходы к применению методов и инструментов бережливого производства при исполнении муниципальных функций и услуг.

Основная часть

Бережливое производство можно применить к организации любого процесса. Оно предполагает, во-первых, максимальную ориентацию на удовлетворение потребностей потребителей, во-вторых, снижение потерь, не приносящих ценность, благодаря вовлечению персонала в процесс улучшений [1].

Для того чтобы лучше понять сущность бережливого производства, или лин-производства, или системы TPS (кайдзен), необходимо обратиться к истории.

Сама концепция бережливых технологий зародилась в кризисное послевоенное время, в 1940-х гг., в Японии благодаря основателю автомобильной компании «Тайота» Киитиро Тойеда и инженеру Тайити Оно. Слово «кайдзен» в переводе с японского языка означает «путь к совершенству». Благодаря правильно выбранному пути компания «Тайота» в первом квартале 2007 г. впервые выпустила и продала автомобилей больше, чем General Motors, удерживавшая звание крупнейшего автопроизводителя в мире на протяжении 76 лет [2].

Формирование системы кайдзен напрямую связано с деятельностью американского промышленника, владельца автомобильных заводов Генри Форда. Форд говорил: «Качество — это делать что-либо правильно, даже когда никто не смотрит» [3]. Именно такое отношение к качеству и переняли японцы при производстве автомобилей, а затем и другой продукции.

Система организации производства автомобилей Генри Форда тесно связана с другой научной организацией труда, разработанной советским ученым А. К. Гастевым, с которым автопромышленник был в активной переписке. А. К. Гастева по праву называют «отцом научной организации труда», под руководством которого создан в 1921 г. Центральный институт труда. По мнению ученого, основной задачей при организации труда является перестройка производства таким образом, «чтобы в самой его организационной технике постоянно слышался призыв к непрерывному совершенствованию, непрерывному улучшению как производства, так и того ограниченного поля, на котором работает каждый отдельный руководитель» [4].

Японская система кайдзен вобрала в себя все лучшее из указанных двух теорий и распространила принципы бережливых технологий на всю организационную систему. Как только японцы начали теснить американские и европейские компании, те стали интересоваться системой бережливого производства и разрабатывать свою. Так, в 1988 г. в книге Дж. Кравчика «Триумф бережливых систем производства» появляется термин «лин» означающий «ничего лишнего», то есть отражающий сущность бережливого производства — избавиться от различного рода потерь. Затем, благодаря ученым Дж. Вумеку и Джонсону, постепенно лин-производство переросло в понятие «лин-мышление» (Lean Thinking), предполагающее использование принципов бережливого производства в любой сфере деятельности, и в органах государственной и муниципальной власти в том числе. Дж. Вумек предложил концепцию «бережливого правительства» (Lean Government), которая формирует новое мышление и базируется на создании активной команды из представителей власти, а также максимального числа жителей определенного населенного пункта [5].

В настоящее время сотни городов и регионов разных стран изучают и используют данную концепцию. Например, в США концепция бережливого правительства или бережливого города применяется на трех уровнях:

— муниципальном — города Денвер, Грэнд-Репидс и пр.;

— региональном — штаты Колорадо, Айова, Орегон, Мэрилэнд и др.;

— федеральном — применяется отдельными министерствами, например министерством обороны [6].

Лидером внедрения бережливых технологий в Российской Федерации является Республика Татарстан. Их внедрение осуществляет лично президент Рустам Минниханов. В 2010 году началась реализация первого этапа проекта «Бережливое производство», который состоял в популяризации знаний о данной технологии с целью вовлечения в процесс максимально возможного количества коммерческих организаций. Коммерческие предприятия, такие как ОАО «КАМАЗ», ОАО «Зеленодольский завод имени А. М. Горького», ОАО «Татнефть», ОАО «ПОЗИС» и многие другие, успешно реализуют технологии бережливого производства, что позволяет им повышать эффективность производства и конкурентоспособность.

В целях дальнейшего внедрения принципов бережливого производства в Республике разработана концепция Целевой программы «Бережливое производство» в Республике Татарстан». Данная программа, помимо внедрения бережливых технологий в организации, ставит задачу подготовить специалистов в данной области. Для этого в Республике созданы при поддержке правительства учебные центры на базе вузов, а также изучение бережливых технологий включено в учебно-образовательные программы высших учебных заведений и учреждений среднего профессионального образования [7].

В Российской Федерации бережливые технологии в системе муниципального управления начали внедряться с 2012 г. в городе Десногорске благодаря производственной системе Росатом. Приоритетными направлениями реализации проекта были жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, социальная защита, оказание разного рода услуг жителям города, благоустройство территорий и многое другое.

В Краснодарском крае в сентябре 2016 г. при поддержке Фонда «Вольное дело» и АНО «Японский центр Кайдзен» начал реализацию пилотный проект по применению бережливых технологий в муниципальном управлении.

В Усть-Лабинском районе Краснодарского края был разработан и реализован пилотный проект «Бережливый Усть-Лабинск» (БУР), основной целью которого являлось формирование культуры бережливого производства в органах местного самоуправления Усть-Лабинского района.

Для реализации проекта выбраны пять пилотных администраций поселений Усть-Лабинского района, на территории которых будут применяться инструменты бережливых технологий, — Усть-Лабинское городское поселение, Братское, Воронежское, Некрасовское и Железное сельские поселения.

В результате проведенных мероприятий — встреч с главами поселений и специалистами, общения с местным населением, обучающих семинаров — были выделены и разработаны первоочередные проекты в рамках реализации общего проекта «Бережливый Усть-Лабинск»:

1) «Муниципальные услуги»: проект направлен на повышение качества, упрощение процедуры и сокращение сроков предоставления муниципальных услуг;

2) «Единый стандарт отчетности»: цель проекта связана с оптимизацией количества отчетов администраций поселений и администрации района и передаваемой в документе информации;

3) «НПД — без ошибок»: нацелен на сокращение времени на разработку нормативно-правовых документов, снижение количества ошибок при их принятии, уменьшение количества протестов прокуратуры;

4) «Один запрос — одно решение»: связан с сокращением количества запросов на предоставление информации из различных источников, устранением дублирования запросов информации, созданием интегрированных БД, уменьшением времени и трудозатрат на наполнение ГИС;

5) «Планируй-делай-контролируй без потерь»: цель проекта — сократить затраты времени на проведение совещаний и повысить их эффективность;

6) «44ФЗ: Закупки без ошибок»: проект направлен на снижение количества ошибок, связанных со спецификой закупок по разным видам деятельности, сокращение повторных торгов и судебных разбирательств.

Уже в 2016–2017 гг. были реализованы два из указанных выше проектов.

Для реализации первого проекта «Муниципальные услуги» были выбраны наиболее востребованные муниципальные услуги, предоставляемые в администрациях сельских поселений Усть-Лабинскго района: выдача справок, предоставление выписки из похозяйственной книги, предоставление архивных справок, выписок, копий архивных документов.

Был проведен хронометраж затрат времени при приеме граждан по предоставлению им муниципальных услуг по выдаче выписок из похозяйственной книги и справок населению. В Воронежском с/п обобщены затраты времени по семи справкам и выпискам, в Усть-Лабинском г/п — по трем видам справок. Пример хронометража рабочего времени представлен в табл. 1 и 2 (см. стр. 202).

Таблица 1

Хронометраж рабочего времени при предоставлении муниципальной услуги «Выдача справки о составе семьи» в администрации Некрасовского сельского поселения

Действия							
№ п/п	Приветствие, запрос о справке	Прием документов	Сверка с данными похозяйственных книг и подготовка справки	Печать справки на принтере	Подпись у начальника отдела и печать	Выдача справки на руки	Итого
1	29 с	30 с	7 мин 03 с	20 с	60 с	10 с	9 мин 32 с
2	17 с	12 с	8 мин 06 с	8 с	12 с	5 с	9 мин
3	14 с	8 с	6 мин 42 с	5 с	26 с	6 с	7 мин 42 с

Таблица 2

Хронометраж рабочего времени при предоставлении муниципальной услуги «Выдача справки о наличии домовладения» в администрации Воронежского сельского поселения

Действия							
№ п/п	Приветствие, запрос о справке	Прием документов	Сверка с данными похозяйственных книг и подготовка справки	Печать справки на принтере	Роспись заказчика	Ставится печать и выдается справка	Итого
1	40 с	53 с	3 мин 07 с	17 с	10 с	9 с	5 мин 28 с
2	17 с	14 с	4 мин 56 с	16 с	4 с	21 с	6 мин 07 с
3	15 с	24 с	4 мин 12 с	16 с	8 с	11 с	5 мин 26 с

В результате выявлено: время на выдачу одной справки или выписки — от 5 до 20 мин, 50-60 % времени занимает работа с похозяйственной книгой, в день от 2-3 до 7 ч).

Выдается значительное количество справок и выписок, при этом используются электронные шаблоны справок, но обработка похозяйственных книг происходит вручную. Электронная программа «Парус» с функцией «Похозяйственная книга» не устанавливается на устаревшее оборудование.

Кроме того, было проведено картирование муниципальной услуги «Предоставление архивных справок, выписок, копий архивных документов» и ее хронометраж. Определено, что для создания одной справки или выписки затрачивается от 40 мин до 3 ч, в год в поселениях выдается от 30 до 100 архивных справок и выписок. Процесс работы в архиве затруднен несистемным заполнением информации в книгах и поиском необходимого источника информации.

Во всех администрациях поселений Усть-Лабинского района было предложено:

1) использование магнитных закладок с цветовой маркировкой и нумерацией домов и улиц для похозяйственных книг текущего периода 2012—2016 гг. как наиболее часто использующихся;

2) визуализация спецификации и нумерации содержания похозяйственных книг архива по годам, содержание рекомендовано наклеить на тыльной стороне обложки книг, а также использовать магнитные цветовые закладки для похозяйственных книг архива по предыдущему примеру.

Данные мероприятия позволят сократить время на выдачу одной справки или выписки на 1-2 мин (выдается от 10 до 60 шт. в день) и на составление архивной справки — до 30 мин (выдается до 100 шт. в год).

Таким образом, средняя годовая экономия времени специалиста администрации сельского поселения, выдающего справки, может составить свыше 75 человеко-часов в год.

Заключение, выводы

Система бережливого производства уже давно вышла за рамки крупных производственных предприятий. Органы местного самоуправления, испытывающие в настоящее время серьезные финансовые, кадровые и организационные проблемы, нуждаются в современных и эффективных методах и инструментах организации труда.

Помимо этого, использование бережливых технологий позволяет легко адаптировать сотрудника на новом рабочем месте, повышать мотивацию работников благодаря созданию четко продуманной, индивидуально разработанной для каждого работника системы стимулирования и развития [8].

Результаты проведенного исследования показали, что использование в органах местного самоуправления таких инструментов бережливого производство, как визуализация, стандартизация, хронометраж, 5С, метод «спагетти», «5 почему?», позволяет значительно повысить производительность труда муниципальных служащих и сократить до минимума количество ошибок в процессе работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шолин Ю. А. Ценности и потери // Повышение производительности труда как стратегический фактор конкурентоспособности : материалы науч.-практич. конф. Краснодар, 2017. С. 242–248.

2. Лайкер Дж. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира / пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 402 с.

3. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 2014. 496 с.

4. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М., 2011. 480 с.

5. Гринин А. Управление заводом в стиле Кайдзен. М. : Альпина Паблишер, 2012. 189 с.

6. Lean Government // EPA — United States Environmental Protection Agency. URL: http://www.epa.gov/lean/government/

7. Кудряков В. Г., Мирончук В. А. Развитие преподавания дисциплины «бережливые технологии» в учебном процессе // Качество современных образовательных услуг — основа конкурентоспособности вуза : сб. статей по материалам межфакультетской учеб.-метод. конф. / М. В. Шаталова. Краснодар, 2016.С. 349–351.

8. Сычанина С. Н. Использование бережливых технологий в управлении персоналом организации // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : сб. статей по материалам 72-й науч.-практич. конф. преподавателей по итогам НИР за 2016 г. Краснодар, 2017. С. 491–492.

REFERENCES

1. Sholin Yu. A. Values and losses // Increasing productivity as a strategic factor of competitiveness : materials of scientific and practical conference. Krasnodar, 2017. Pp. 242–248. (In Russ.).
2. Liker J. Dao Toyota: 14 principles of management of the world's leading company. M. : Alpina Business Books, 2005. 402 p. (In Russ.).
3. Ford G. My life, my achievements. M., 2014. 496 p. (In Russ.).
4. Gastev A. K. How to work. Practical introduction to the science of labor organization. M., 2011. 480 p. (In Russ.).
5. Grinin A. Management in the style of Kaizen. M. : Alpina Publisher, 2012. 189 p. (In Russ.).
6. Lean Government // EPA — United States Environmental Protection Agency. URL: http://www.epa.gov/lean/government/
7. Kudryakov V. G., Mironchuk V. A. Development of teaching the discipline "lean technologies" in the educational process // Quality of modern educational services — the basis of competitiveness of the University : a collection of articles on the materials of inter-faculty educational conference. Krasnodar, 2016. Pp. 349–351. (In Russ.).
8. Sychanina S. N. The use of lean in the organization of personnel management // Scientific support of agro-industrial complex: collection of articles on the materials of the 72nd scientific-practical conference of teachers on the results of research for 2016. Krasnodar, 2017. Pp. 491–492. (In Russ.).

Как цитировать статью: Сычанина С. Н., Мирончук В. А., Шолин Ю. А. Бережливое управление: методы и инструменты бережливого производства в муниципальном управлении, перспективы и практика применения // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 198–203. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.413.

For citation: Sychanina S. N., Mironchuk V. A., Sholin Yu. A. Lean governance: methods and tools of lean production in municipal management, perspectives and practice // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 198–203. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.413.

УДК 336.226.1:351.713
ББК 65.261.411.2:65.261.783

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.421

Sychanina Svetlana Nikolaevna,
candidate of philosophy,
associate professor,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: sychanina.svetlana@mail.ru

Сычанина Светлана Николаевна,
канд. филос. наук,
доцент,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: sychanina.svetlana@mail.ru

Mironchuk Milena Igorevna,
Student,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: lady.milena.m@mail.ru

Мирончук Милена Игоревна,
студент,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар
e-mail: lady.milena.m@mail.ru

НАЛОГ НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В МУНИЦИПАЛЬНОМ БЮДЖЕТЕ: АДМИНИСТРИРОВАНИЕ НАЛОГА И ОТЧЕТНОСТЬ ПО НАЛОГУ

PERSONAL INCOME TAX IN THE MUNICIPAL BUDGET: TAX ADMINISTRATION AND TAX REPORT

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В работе рассмотрены понятие, методы исполнения и администрирования НДФЛ. Изучена тенденция поступлений НДФЛ в бюджет субъектов РФ и в бюджет муниципальных образований. С теоретической точки зрения изучены понятие, методы исполнения и администрирования НДФЛ на различных уровнях бюджетной системы. Проанализированы налоговые доходы в консолидированный бюджет Российской Федерации, а также определена доля налогов в консолидированном бюджете Российской Федерации. Подробнее рассмотрена динамика поступления средств от НДФЛ в бюджет муниципальных образований и способы увеличения доходов от этого налога. В результате полного исследования была выявлена одна из множества причин возникновения неформальной занятости — большой объем сдаваемой отчетности по работникам в Фонд социального страхования, Федеральную налоговую службу и Пенсионный фонд России, который оказывает негативное влияние на желание предпринимателей официально оформлять работника. Выдвинуто предложение для решения проблемы неформальной занятости работников в организациях. Оно заключается в том, чтобы упростить форму подачи отчетных документов по каждому работнику. Для достижения данной цели необходимо разработать единую форму отчетности по работникам,

установить один период сдачи этой отчетности и уполномочить один орган принимать отчетность по работникам. Данные предложения помогут упростить сдачу отчетности по каждому трудоустроенному работнику и станут одним из мотивирующих факторов для предпринимателей официально оформлять трудовые отношения с работниками. Предполагается, что это будет содействовать снижению неформальной занятости и повышению доходов бюджета от уплаты НДФЛ.

The paper discusses the concept, methods of execution and administration of personal income tax. The trend of personal income tax revenues to the budget of the Russian Federation and the budget of the municipality is studied. The concept, methods of executing and administering of the personal income tax at various levels of the budget system has been studied from the theoretical point of view. Tax revenues in the consolidated budget of the Russian Federation are analyzed. The dynamics of the earnings from the personal income tax in the budget of municipal entities and the means of increasing revenues from this tax is considered in more details. As a result of the full study, one of the many reasons for the emergence of informal employment was revealed — a large volume of the reported accounts for employees in the Social Insurance Fund, the Federal Tax Service and the Pension Fund of Russia, which has a negative impact on employers' desire to formalize the employee. On the basis of the above, a proposal was made to address the problem of informal employment of workers in organizations. It consists in simplifying the form of submission of accounting documents for each employee. To achieve this goal, it is necessary to develop a single form of reporting about employees, establish one reporting period and authorize one body to take account of employees. These proposals will help simplify the submission of accounts for each employed person and will become one of the motivating factors for entrepreneurs to formalize labor relations with employees. It is assumed that this will help to reduce informal employment and increase budget revenues from the payment of personal income tax.

Ключевые слова: экономика, НДФЛ, подоходный налог, консолидированный бюджет, бюджет муниципальных образований, налоговая отчетность, Пенсионный фонд России, Фонд социального страхования, Федеральная налоговая служба, неофициальная занятость.

Keywords: economy, personal income tax, income tax, consolidated budget, budget of municipal entities, tax reporting, Russian Pension Fund, Social Insurance Fund, Federal Tax Service, unofficial employment.

Введение

Бюджет муниципального образования представляет собой форму образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций местного самоуправления. Таким образом, формирование каждого местного бюджета обусловлено важнейшей задачей — финансовым обеспечением реализации полномочий местного самоуправления на территории муниципального образования. Эти полномочия в соответствии с законодательством тесно связываются с решением вопросов местного значения, а также с реализацией переданных органами государственной власти отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления.

Актуальность темы вызвана необходимостью каждого муниципального образования спланировать и исполнить свой бюджет с наименьшими потерями финансовых средств. Так как большинство муниципальных бюджетов нашей страны являются дефицитными, именно финансирование расходных полномочий так важно. Только хорошая налоговая политика местных властей поможет разумно организовать своевременное пополнение казны муниципального образования. Неэффективность взимания налогов, проблема разграничения властных полномочий субъектов РФ и муниципалитетов, нецелевое и незаконное расходование средств хозяйствующими субъектами и органами управления — вот основные препятствия стабильному и полному поступлению денежных средств в муниципальный бюджет.

Проблемы, связанные с недостатками ныне существующей бюджетной системы и межбюджетных отношений, достаточно актуальны. Уже написана масса статей в газетах и журналах на эти темы, существует множество предложений по устранению существующих недостатков бюджетной системы. В отдельных регионах Российской Федерации ведется активная работа по выявлению и использованию резервов местного бюджета, а также совершенствованию системы сбора налогов в доходную часть соответствующего бюджета с целью наиболее полного ее исполнения.

Применение единых для всех местных бюджетов нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов в условиях имеющихся различий в уровнях социально-экономического развития муниципальных образований обусловливает необходимость выравнивания их бюджетной обеспеченности. Решение данного вопроса в рамках сложившейся системы межбюджетных отношений предусматривается в основном через механизм финансовой поддержки. Тем самым по-прежнему сохраняется зависимость органов местного самоуправления от вышестоящих органов государственной власти. Все это ведет к финансовой нестабильности — важному фактору, отрицательно влияющему на социально-экономическое развитие территорий.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе изучения, анализа и обобщения содержания ряда источников рассмотреть механизм администрирования налога на доходы физических лиц и исполнения налогоплательщиками уплаты НДФЛ для формирования бюджетов местных органов самоуправления в части пополнения бюджетов за счет увеличения поступлений от НДФЛ.

Задачи исследования:

— рассмотреть понятие, методы исполнения и администрирования НДФЛ;

— проанализировать формирование и исполнение местного бюджета, в том числе за счет НДФЛ;

— разработать направления совершенствования механизмов повышения поступлений от НДФЛ и упрощения порядка отчетности по уплате НДФЛ.

Изученность проблемы. Проблемам повышения эффективности налоговой политики по налогу на доходы физических лиц в Российской Федерации посвящены работы таких ученых и практиков, как А. В. Брызгалина, И. В. Горского, С.Б. Карпа, Л. П. Павловой, А. Б. Паскачева, В. Г. Панского, В. М. Пушкаревой, М. В. Романовского, В. К. Сенчагова, Д. Г. Черника, С. Д. Шаталова, А. А. Ялбулганова.

В научных трудах зарубежных ученых содержатся выводы о том, что для достижения социальной справедливости в обществе и снижения разрыва в доходах между богатыми и бедными в большей степени способствует прогрессивное налогообложение доходов физических лиц (Дж. М. Кейнс, Д. Локк, В. Петти и др.).

Целесообразность разработки темы. НДФЛ является одним из основных источников формирования доходов бюджета в большинстве стран мира. В России этот налог входит в число основных источников формирования бюджета государства. Тем не менее он не соответствует уровню развития налогов на доходы физических лиц в экономически развитых странах ни по уровню достижения экономической эффективности, ни по соблюдению социальной справедливости при его применении. Таким образом, назрела необходимость поиска баланса, обеспечивающего высокий уровень налоговых поступлений в бюджет страны и справедливое их перераспределение в соответствии с приоритетными направлениями развития местных территорий и в целом социально-экономического развития страны.

Научная новизна состоит в разработке предложений по совершенствованию механизма администрирования налога на доходы физических лиц и системы отчетности по нему субъектов налогообложения, способствующих увеличению поступления НДФЛ в бюджеты всех уровней.

Теоретическая значимость заключается в том, что на основе исследования зарубежного и российского опыта администрирования НДФЛ обоснована необходимость совершенствования механизма администрирования НДФЛ и системы отчетности субъектов налогообложения.

Практическая значимость работы заключается в предложениях, которые могут быть использованы фискальными органами при формировании системы отчетности субъектов налогообложения.

Основная часть

Налог — это обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований (п. 1 ст. 8 НК РФ).

Подоходный налог с физических лиц является важным составным элементом налоговой системы государства.

Налог на доходы физических лиц (НДФЛ) — это федеральный прямой налог, который представляет собой изъятие части доходов физических лиц в бюджет Российской Федерации для дальнейшего перераспределения. Данный налог является хорошим инструментом государства, который позволяет контролировать экономическую систему страны. Он эластичен и достоверно отражает экономическую среду, а также позволяет эффективно выполнять социальные задачи в процессе перераспределения доходов.

Он является обязательным платежом налогоплательщика в бюджет и внебюджетные фонды в размерах, определяемых законом и в установленные сроки. Взимание НДФЛ регулируется главой 23 Налогового кодекса Российской Федерации.

Роль НДФЛ заключается в решении следующих важных задач:

а) обеспечение достаточными денежными средствами бюджетов всех уровней;

б) регулирование уровня доходов населения и структуры личного потребления и сбережений граждан;

в) стимулирование рационального использования полученных доходов;

г) помощь наиболее незащищенным категориям населения [1].

Результаты

На сегодняшний день существует множество видов налогов.

1. По наличию целевого режима расходования средств:
а) общие;
б) целевые.
2. По методу установления:
а) прямые;
б) косвенные.
3. По характеру властной компетенции:
а) государственные:
— федеральные,
— региональные;
б) местные.

В зависимости от властной компетенции у налогов существуют нормативы поступлений в тот или иной бюджет (табл. 1).

Таблица 1

Нормативы налоговых доходов

Налог	Вид налога	Федеральный бюджет	Бюджет субъекта	Местный бюджет
НДС	Федеральный	100 %	—	—
НДФЛ	Федеральный	—	85 %	15 %
Транспортный налог	Региональный	—	100 %	—
Налог на прибыль	Региональный	—	100 %	—
Налог на имущество юридических лиц	Региональный	—	100 %	—
УСН	Региональный	—	100 %	—
Налог на имущество физических лиц	Местный	—	—	100 %
Земельный налог	Местный	—	—	100 %

Из таблицы видно, что в местный бюджет попадают налог на имущество физических лиц, земельный налог и 15 % налога на доходы физических лиц [1].

Теперь рассмотрим количество поступлений всех налогов в государственный бюджет за последние четыре года (табл. 2 на стр. 206).

Таблица 2

Налоговые доходы в консолидированный бюджет Российской Федерации

Показатель, трлн руб.	2013	2014	2015	2016
Доходы, всего	23435,1	24442,7	26766,1	27746,6
Нефтегазовые доходы	6534,0	7433,8	5862,7	4844,0
НДС	3539,0	3931,7	4234,0	4571,3
Акцизы	1015,8	1072,2	1068,4	1356,0
Налог на прибыль	2071,9	2375,3	2599,0	2770,3
Налог на доходы физических лиц	2499,1	2702,6	2807,8	3018,5
Ввозные пошлины	683,8	652,5	565,2	563,9
Страховые взносы на обязательное социальное страхование	4694,2	5035,7	5636,3	6036,6
Прочие	2404,9	2562,2	4148,8	4586,0

Источник: по данным Министерства финансов Российской Федерации.

За последние четыре года общие доходы в консолидированный бюджет выросли на 12 %, что составило 3487,0 трлн руб. Большую долю налоговых доходов составляют страховые взносы на обязательное социальное страхование (22 % за 2016 г.). Налог на доходы физических лиц также имеет прогрессивную шкалу роста. По сравнению с 2013 г. данный налог вырос на 519,4 трлн руб. (17 %). Доля НДФЛ от общего дохода за 2016 г. составляет 11 % (рис. 1).

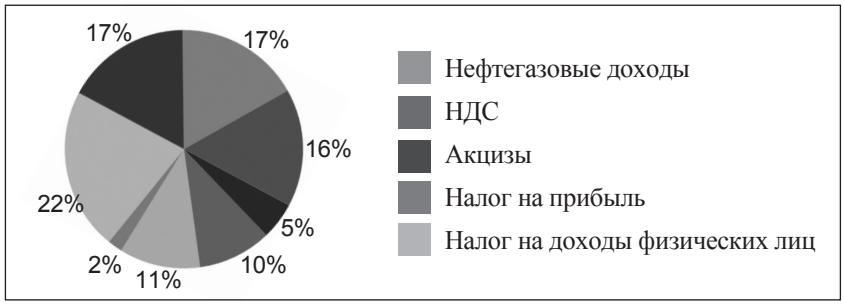

Рис. 1. Доля налогов в консолидированном бюджете Российской Федерации за 2016 г.

Отсюда следует, что поступления от НДФЛ являются наиболее важными для муниципальных образований, поскольку в соответствии с Бюджетным кодексом РФ 15 % доходов поступает в бюджеты органов местного самоуправления [2].

Основу экономической деятельности в муниципальных сельских поселениях составляют индивидуальные предприниматели (ИП). От них в большей мере зависит поступление доходов от НДФЛ. При этом ИП испытывают значительную нагрузку при официальном приеме на работу работников [3].

На индивидуальных предпринимателей возлагаются следующие обязанности:

1. Индивидуальный предприниматель должен зарегистрироваться в качестве работодателя в следующих фондах:

а) Пенсионный фонд;

б) Фонд социального страхования Российской Федерации (ФСС).

2. Индивидуальный предприниматель за каждого работника обязан уплачивать в бюджет [4]:

а) 22 % — в Пенсионный фонд, если заработная плата работника составляет менее 711 тыс. руб. в год, и 10 % с суммы, превышающей 711 тыс. руб. в год;

б) 2,9 % — в ФСС с суммы, не превышающей 670 тыс. руб. в год, при превышении выплат взносы не платятся;

в) 5,1 % — в Федеральный фонд медицинского страхования;

г) 13 % — удержание из заработной платы работника НДФЛ.

3. Индивидуальный предприниматель должен сдавать в определенные сроки (табл. 3) отчетность на каждого работника:

а) в Федеральную налоговую службу;

б) Пенсионный фонд России;

в) ФСС.

Таблица 3

Виды и сроки подачи отчетности индивидуального предпринимателя по работникам

Орган	Отчет	Период	Срок сдачи
ИФНС	2-НДФЛ	Год	Не позднее 1 апреля
ИФНС	6-НДФЛ	Квартал	Не позднее конца месяца, следующего за кварталом
ИФНС	Сведения о численности	Год	Не позднее 20 января
ИФНС	Единый расчет по взносам (новая форма)	Квартал	Не позднее 30 числа месяца, следующего за кварталом
ПФР	СЗВ-М	Месяц	Не позднее 15 числа месяца, следующего за отчетным
ФСС*	4-ФСС	Квартал	Не позднее 20 числа месяца, следующего за кварталом

** ИП с работниками сдают в ФСС справку для подтверждения основного вида деятельности, если они изменили ОКВЭД основной деятельности.*

Таким образом, при приеме работника индивидуальным предпринимателем на него возлагается обязанность не только по выплате заработной платы, но и по отчислениям в различные фонды в размере не менее 30 % от заработной платы работника. Это существенная финансовая нагрузка на, как правило, малый бизнес, что порождает такие явления, как «серая зарплата» или «зарплата в конвертах».

Вторая проблема — это большой объем сдаваемой отчетности в ФСС, Федеральную налоговую службу и Пенсионный фонд России, на что требуется время и дополнительные затраты на оплату бухгалтерских услуг, что также негативно сказывается на желании предпринимателей официально оформлять работника. И все это приводит к формированию неформальной занятости, в результате чего финансовые и муниципальные бюджеты недополучают доходы от НДФЛ [5].

Заключение и выводы

Принимая во внимание вышеперечисленные проблемы, предлагается изменить ряд законодательных норм, которые позволяют снизить негативные факторы при найме работников предпринимателями хотя бы в виде снижения отчетной нагрузки предпринимателей по своим работникам.

Рассмотрев и обобщив содержание отчетных документов, мы выявили, что часть информации неоднократно повторяется в разных формах документов (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение отчетных документов, предоставляемых предпринимателем по своим работникам

Органы	Список работников (физических лиц)	Данные о налоговом агенте	Данные о физическом лице	Доходы, облагаемые НДФЛ	Налоговые вычеты	Сумма налога	Сумма дохода	Сумма страховых взносов	Средняя численность работников
2-НДФЛ		+	+	+	+	+	+		
6-НДФЛ			+	+		+			
Сведения о численности									+
Единый расчет по взносам (новая форма)	+	+	+					+	
СЗВ-М		+	+						
4-ФСС	+								

Предлагаем на основе формы 2-НДФЛ создать единый формат отчетного документа по работникам, дополнив его сведениями о средней численности работников и данными из формы 4-ФСС о работниках, занятых на работах с вредными и опасными производственными факторами. Таким образом, нужно упразднить форму 6-НДФЛ, форму сведения о численности работников и единый расчет по страховым взносам, предоставляемые в ИФНС. Установить периодичности сдачи формы на базе 2-НДФЛ ежеквартально.

Форму СЗВ-М, предоставляемую в Пенсионный фонд России, и форму 4-ФСС, предоставляемую в ФСС, также упразднить, и обязать ИФНС предоставлять необходимые сведения в ПФР и ФСС. Для этого необходимо разработать и заключить межведомственное соглашение о передаче информации между ИФНС, ПФР и ФСС. Такая форма подачи отчетности о работнике, на наш взгляд, значительно упростит предпринимателям ее формирование и предоставление, учитывая тот факт, что подача отчетности в ИФНС переводится в электронный формат, в том числе через портал государственных услуг или через единое окно Многофункционального центра (МФЦ).

Надеемся, что упрощение сдачи отчетности станет одним из мотивирующих факторов для предпринимателей официально оформлять трудовые отношения с работниками, что будет содействовать снижению неформальной занятости и повышению доходов бюджета от уплаты НДФЛ, что особенно важно для бюджетов муниципальных образований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гущина И. В. Реализация функций налога в налогообложении доходов физических лиц // Известия ИГЭА. 2007. № 4. С. 121–14.

2. Дмитриев Ю. А. Муниципальной право : учебник для высших учебных заведений. изд. 3-е, перераб., доп. М. : Эксмо, 2016. 120 с.

3. Коновалова Т. В., Ковригина Н. Н. Вопросы формирования собственных доходов местных бюджетов // Региональная экономика: теория и практика. 2014. 220 с.

4. Закревская Г. С. Пути увеличения налогооблагаемой базы муниципальных образований // Финансы. 2016. № 7. С. 281–29.

5. Коростелев Ю. В. Финансовая система города: теория, опыт, перспективы // Финансы. 2012. № 1. С. 21–24.

REFERENCES

1. Gushchina I. V. Realization of functions of the tax in the taxation of incomes of physical persons // News of IGEA. 2007. No. 4. Pp. 12–14. (In Russ.).

2. Dmitriev Yu. A. Municipal Law: Textbook for Higher Educational Establishments. M.: Eksmo, 2016. 120 p. (In Russ.).
3. Konovalova T. V., Kovrigina N. N. Questions of formation of the own incomes of local budgets // Regional economy: theory and practice. 2014. 220 p. (In Russ.).
4. Zakrevskaya G. S. Ways to increase the tax base of municipalities // Finance. 2016. No. 7. Pp. 28–29. (In Russ.).
5. Korostelev Yu. V. Financial system of the city: theory, experience, prospects // Finance. 2012. No. 1. Pp. 21–24. (In Russ.).

Как цитировать статью: Сычанина С. Н., Мирончук М. И. Налог на доходы физических лиц в муниципальном бюджете: администрирование налога и отчетность по налогу // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 203–208. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.421.

For citation: Sychanina S. N., Mironchuk M. I. Personal income tax in the municipal budget: tax administration and tax report // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 203–208. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.421.

УДК 336.77:336.763.34
ББК 65.262.232
DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.444

Tatarinova Larisa Valentinovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the department of finance
and financial institutions,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: baikal253@mail.ru

Татаринова Лариса Валентиновна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры финансов
и финансовых институтов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail:baikal253@mail.ru

Plotnikova Vera Alekseevna,
Graduate student
of Finance and Financial Institutions,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: verulinka@mail.ru

Плотникова Вера Алексеевна,
магистрант кафедры
финансов и финансовых институтов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail:verulinka@mail.ru

ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FACTORS THAT AFFECT THE MORTGAGE LENDING IN THE RUSSIAN FEDERATION

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit

Статья посвящена изучению практики ипотечного кредитования кредитными организациями Российской Федерации. Рассматриваются подходы, сложившиеся в экономической литературе и законодательстве к определению понятий «ипотека», «ипотечный кредит» и «ипотечное кредитование». Отмечается, что ипотечный кредит имеет свои особенности по сравнению с другими видами банковского кредитования. Понятие «ипотечное кредитование» рассматривается в широком и узком смысле. Отмечается, что ипотечное кредитование представляет собой, с одной стороны, отдельный важный вид деятельности кредитных организаций, направленный на получение доходов, а с другой стороны, важную часть социальной сферы экономики страны. Отдельно в работе представлен период становления практики ипотечного кредитования кредитными организациями в Российской Федерации начиная с 1992 г., рассматривается влияние финансовых кризисов 1998 и 2008 г. на рынок ипотечного кредитования. В статье проводится анализ и оценка объема ипотечных жилищных кредитов в ВВП; динамики ипотечных жилищных кредитов, предоставленных физическим лицам; уровня просроченной ссудной задолженности по ипотечным жилищным кредитам; средних цен на рынке жилья; среднедушевых доходов и расходов населения; количества кредитных организаций, работающих на рынке ипотечного кредитования за 2013–2017 гг. Проведенное исследование рынка ипотечного кредитования позволило выявить проблемы кредитных организаций при предоставлении и обслуживании ипотечных кредитов, определить макроэкономические факторы, оказывающие непосредственное влияние на дальнейшее развитие ипотечного кредитования в Российской Федерации, и выделить в отдельную группу факторы, зависящие непосредственно от самих кредитных организаций как основных участников рынка ипотечного кредитования.

The article is devoted to the study of the practice of mortgage lending by credit institutions of the Russian Federation. The approaches developed in the economic literature and legislation to the definition of concepts: "mortgage", "mortgage loan" and "mortgage lending" are considered. It is noted that the mortgage loan has its own characteristics in comparison with other types of bank lending. The concept of "mortgage lending" is considered in a broad and narrow sense. It is noted that mortgage lending represents, on the one hand, a separate important activity of credit

institutions aimed at generating income, and on the other hand, an important part of the social sphere of the country's economy. Separately, the paper presents the period of the formation of mortgage lending practices by credit institutions in the Russian Federation since 1992, the influence of the financial crises of 1998 and 2008 on the mortgage lending market is considered. The article analyzes and estimates the volume of mortgage housing loans in GDP; dynamics of mortgage housing loans granted to individuals; level of overdue loans for mortgage housing loans; average prices in the housing market; per capita incomes and expenditures of the population; the number of credit institutions operating in the mortgage lending market for 2013–2017. The conducted research of the mortgage lending market made it possible to identify the problems of credit institutions when providing and servicing mortgage loans, to identify macroeconomic factors directly affecting the further development of mortgage lending in the Russian Federation, and to separate into a separate group factors that directly depend on the credit institutions themselves as key participants in the mortgage market crediting.

Ключевые слова: кредитование, ипотека, ипотечный кредит, ипотечное кредитование, ипотечное жилищное кредитование, рынок ипотечного кредитования, риски кредитных организаций по ипотечным кредитам, жилищный фонд страны, государственные программы субсидирования ипотеки, факторы, оказывающие влияние на развитие ипотечного кредитования.

Key words: crediting, mortgage, mortgage loan, mortgage lending, mortgage lending market, risks of mortgage lending institutions, housing fund of the country, government mortgage subsidy programs, factors influencing the development of mortgage lending.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что ипотечное кредитование играет значимую роль как для отдельно взятой кредитной организации, так экономики Российской Федерации в целом. Ипотечное кредитование относится к обеспеченным кредитам, что приводит к минимизации кредитного риска и делает ипотечное кредитование одним из наиболее перспективных направлений в сфере банковского кредитования. Развитие ипотечного кредитования активизирует различные сферы экономики страны, в том числе строительную отрасль, рынок недвижимости, предпринимательство, и создает условия для инвестирования в экономику страны. Помимо экономической роли, ипотечное кредитование выполняет еще и немаловажные социальные функции, которые проявляются в возможности улучшения жилищных условий для определенных слоев населения, поэтому проблема анализа и оценки ипотечного кредитования в Российской Федерации не утрачивает своей актуальности.

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что ипотечное кредитование, по сравнению с другими видами банковского кредита, имеет свои особенности, поэтому изучение вопросов его дальнейшего развития является объективной потребностью.

Необходимость дальнейшего развития ипотечного кредитования отмечается в законодательных документах, постановлениях Правительства РФ и в работах ученых: И. В. Довдиенко, В. З. Черняк [1], И. А. Разумовой [2], О. И. Лаврушина [4], Е. А. Кривенда, Д. А. Ковалева [5] и др. Несмотря на это, остались недостаточно изученными вопросы, связанные с определением и классификацией факторов, оказывающих влияние на ипотечный рынок Российской Федерации.

Цель данной работы — определить факторы, оказывающие влияние на развитие ипотечного кредитования в Российской Федерации.

Задачи работы:

— рассмотреть подходы, сложившиеся в экономической литературе, к определению понятий «ипотека», «ипотечный кредит» и «ипотечное кредитование»;

— провести оценку рыка ипотечного кредитования РФ в период с 1 января 2013 г. по 1 января 2018 г.;

— показать проблемы дальнейшего развития ипотечного кредитования в РФ.

Научная новизна: проведенный анализ рынка ипотечного кредитования позволил выделить факторы, оказывающие влияние на развитие ипотечного кредитования в РФ.

Теоретическая значимость работы заключается в углубленном изучении проблем ипотечного кредитования кредитными организациями РФ, а также в определении макроэкономических факторов, оказывающих влияние на дальнейшее развитие ипотечного кредитования в РФ, и выделении факторов, зависящих непосредственно от самих кредитных организаций как основных участников рынка ипотечного кредитования.

Практическая значимость статьи состоит в том, что выделенные факторы, оказывающие влияние на развитие ипотечного кредитования в РФ, позволят кредитным организациям проводить более качественную кредитную политику на рынке ипотечного кредитования.

Основная часть

В современных условиях экономического развития страны изучение практики ипотечного кредитования кредитными организациями РФ приобретает особое значение. От того, как будет развиваться данное направление деятельности кредитных организаций, во многом зависит успешность проведения в России экономических и социальных реформ.

В экономической литературе не сложилось однозначного подхода к определению понятий «ипотека», «ипотечный кредит» и «ипотечное кредитование». По мнению И. В. Довдиенко и В. З. Черняк [1, с. 3], «ипотека — сдача в залог земли и другого недвижимого имущества с целью получения денежной ссуды — ипотечного кредита (кредита под закладную); ипотекой называют и саму закладную — документ, удостоверяющий сдачу имущества в залог, а также на долг по ипотечному кредиту».

И. А. Разумова [2] считает, что ипотека является одной из основных форм имущественного обеспечения обязательства должника, при которой недвижимость остается в собственности должника, а кредитор в случае невыполнения последним своего обязательства приобретает право получить удовлетворение за счет реализации данного имущества.

В Федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ ипотека рассматривается через содержание договора о залоге недвижимого имущества (договора об ипотеке), согласно которому «одна сторона — залогодержатель, являющийся

кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны — залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом».

Центральный банк Российской Федерации (далее — ЦБ РФ) в статистическом сборнике «Сведения о рынке жилищного (ипотечного жилищного) кредитования в России» [3] определяет ипотеку как форму обеспечения денежного требования кредитора-залогодержателя к должнику (залогодателю) из стоимости заложенного недвижимого имущества.

Если обратиться к понятию «ипотечный кредит», то О. И. Лаврушин [4, с. 273] считает, что «ипотечный кредит, выдаваемый под залог недвижимости, включая земельную собственность, является одной из форм кредитования, активно используемой в рыночной экономике, обеспечивающей надежность сделки».

Е. А. Кривенда и Д. А. Ковалева [5, с. 114] рассматривают ипотечный кредит как «один из элементов ипотечной системы, при котором кредит выдается банком под залог недвижимого имущества».

С точки зрения Е. В. Дадаян и А. Н. Сторожевой [6, с. 289], «ипотечный кредит — это долгосрочная ссуда (в разных странах сроки варьируют от 10 до 40 лет), предоставляемая, как правило, для приобретения недвижимости под залог данной недвижимости в качестве обеспечения обязательства под 3–15 %».

И. А. Благих и А. А. Яковлев [7, с. 227] пишут, что «ипотечный кредит — это кредит, отличающийся рядом особенностей, связанных с необходимостью обеспечения дополнительной защиты прав залогодержателя посредством государственной регистрации залога и его способностью сохранять в течение длительного срока потребительские свойства как объекта недвижимости».

Определение «ипотечное кредитование» не регламентируется в законодательных и нормативных актах, но в экономической литературе данное определение рассматривается. Так, Л. Ю. Грудцына и М. Н. Козлова [8, с. 15] определяют ипотечное кредитование как предоставление кредита под залог недвижимости, а И. А. Лепехин [9, с. 350] рассматривает его в более широком смысле и говорит, что это совокупность действий, совершаемых заемщиком, залогодателем с одной стороны и банком (иной кредитной организацией) с другой стороны, по предоставлению кредита с использованием залога недвижимого имущества (прав на недвижимое имущество) — ипотеки в качестве обеспечения возвратности денежных средств. И в первом, и во втором определении наблюдается общее: обязательное наличие залога недвижимости при предоставлении ипотечного кредита.

На макроуровне рассматривает ипотечное кредитование В. В. Меркулов [10]. Он пишет, что ипотечное кредитование — достаточно сложный механизм, обеспечивающий финансами рынок недвижимости, основанный на четком и ясном праве и его неукоснительном выполнении, функционирующий в условиях рыночного регулирования финансовых взаимоотношений участников, контролируемый государством в целях решения определенных социальных проблем. Таким образом, ипотечное кредитование необходимо рассматривать не только как деятельность отдельно взятого, в том числе специализированного, банка, но и как систему, функционирующую в целом по стране на основании соответствующего законодательства.

В Российской Федерации период с 1992 по 1998 г. можно обозначить как период зарождения ипотеки, так как именно в 1992 г. была заложена основа ипотечного кредитования в виде принятия закона РФ «О залоге» от 29.05.1992 № 2872-1. С принятием данного закона начинают создаваться первые ипотечные банки, такие как ОАО «Ипотечный акционерный банк», ОАО КБ «Санкт-Петербургский ипотечный банк». Более активно российский ипотечный рынок начинает развиваться с 1995 г., когда многие банки стали разрабатывать программы ипотечного кредитования и на данный рынок вышел Сбербанк России [11, с. 137]. Окончательным же законодательным документом, закрепившим все аспекты, касающиеся ипотеки, стал Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.06.1998 № 102-ФЗ, в котором говорится о недвижимости как о залоге.

Финансовый кризис 1998 г. сильно отразился на ипотечном рынке. Многие кредитные организации принимали решение уйти с него, и только в начале 2000-х гг. он стал приходить в норму. По данным ЦБ РФ, за 2001–2002 гг. было предоставлено более 10 тыс. ипотечных жилищных кредитов на общую сумму 5 млрд руб. Но уже в 2002 г. объем выданных ипотечных кредитов практически удвоился по сравнению с 2001 г. В 2003 и 2004 годах происходило дальнейшее увеличение темпов роста объемов ипотечного кредитования, и, по оценкам экспертов, объемы выданных ипотечных кредитов составили 9,5 млрд руб. в 2003 г. и 25–30 млрд руб. в 2004 г. [12].

Данная положительная тенденция продолжалась до финансового кризиса 2008 г. В связи со снижением ликвидности банковского сектора в 2009 г. на ипотечном рынке остались только крупные кредитные организации, они ужесточили условия выдачи ипотечных кредитов, сократили число программ ипотечного кредитования [13]. С 2010 года ипотечное жилищное кредитование (ИЖК) начало постепенно возвращаться на рынок банковских услуг, а к 2014 г. ипотечное кредитование начинает играть существенную роль в экономике РФ (табл. 1).

Таблица 1

Доля предоставленных ИЖК в ВВП РФ, %

Показатели	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017
Доля объема предоставленных ИЖК в ВВП, в т. ч.:	1,91	2,26	1,40	1,71	2,20
доля объема предоставленных ИЖК в ВВП в рублях	1,89	2,25	1,39	1,71	2,20
доля объема предоставленных ИЖК в ВВП в иностранной валюте	0,02	0,01	0,00	0,00	0,00

Источник: составлено авторами по официальным данным [3; 14; 15; 16].

В 2015 году доля объема предоставленных ИЖК в ВВП снижается практически в два раза по сравнению с 2014 г., но начиная с 2017 г. наблюдается рост данного показателя.

За рассматриваемый период пик ИЖК приходится на начало 2015 г. (рис. 1). В последующем такой резкий рост наблюдается только в 2017 г.

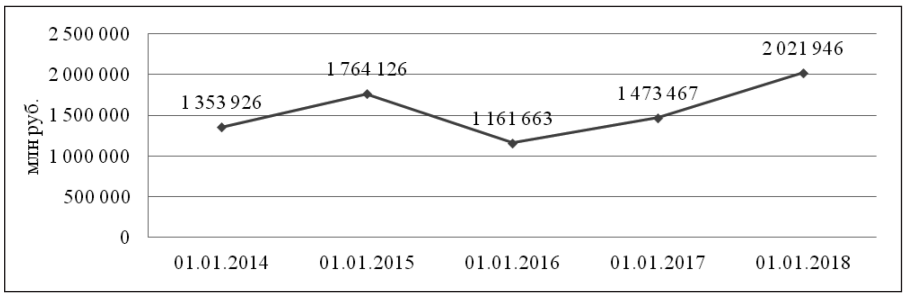

Рис. 1. Объем ИЖК, предоставленный кредитными организациями физическим лицам — резидентам в РФ, млн руб.

Источник: составлено авторами по официальным данным [3; 15; 16].

Положительная тенденция ипотечного кредитования, несмотря на нисходящий тренд в 2015 г., свидетельствует об активном развитии российского рынка ипотечного жилищного кредитования. Ипотечное жилищное кредитование начинает занимать все большее место в объемах кредитования физических лиц (табл. 2).

Таблица 2

Доля предоставленных ИЖК в объеме выданных кредитов физическим лицам в РФ, %

Показатели	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017
Доля предоставленных ИЖК в объеме выданных кредитов физическим лицам, в т. ч.:	15,4	20,4	19,8	20,4	21,90
доля предоставленных ИЖК в объеме выданных кредитов физическим лицам в рублях	15,5	20,7	20,1	20,7	22,13
доля предоставленных ИЖК в объеме выданных кредитов физическим лицам в иностранной валюте	9,2	6,4	4,1	1,0	0,54

Источник: составлено авторами по официальным данным [3; 15; 16].

Как видно из представленных данных, ежегодно происходит снижение удельного веса предоставленных ИЖК в объеме выданных кредитов физическим лицам в иностранной валюте, достигнув в 2017 г. значения менее 1 %. Подобная ситуация объясняется повышающейся вероятностью реализации валютного риска как со стороны кредитора, так и со стороны заемщика, в силу курсовых колебаний.

При ипотечном кредитовании кредитные организации сталкиваются с проблемой возникновения просроченной ссудной задолженности, что отрицательно сказывается на финансовом результате кредитной организации (табл. 3).

Таблица 3

Доля просроченной задолженности по ИЖК в сумме задолженности по ИЖК в Российской Федерации, %

Показатели	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017
Доля просроченной задолженности по ИЖК в сумме задолженности по ИЖК, в т.ч.:	1,50	1,31	1,66	1,57	1,33
доля просроченной задолженности по ИЖК в сумме задолженности по ИЖК в рублях	1,00	0,85	1,03	1,09	1,06
доля просроченной задолженности по ИЖК в сумме задолженности по ИЖК в иностранной валюте	12,69	12,56	20,36	31,29	33,87

Источник: составлено авторами по официальным данным [3; 15; 16].

Уровень просроченной задолженности по ИЖК в сумме задолженности по ИЖК имел наибольшее значение в 2015 г. (1,66 %), но при этом данный показатель не выходил за пределы рекомендуемого значения в экономической литературе — 3-5 %. Совершенно другая ситуация по ипотечным кредитам, предоставленным в иностранной валюте: уровень просроченной ссудной задолженности за 2017 г. составил 33,87 %, что говорит о повышенном кредитном риске при выдаче ипотечных кредитов в иностранной валюте Это привело к тому, что кредитные организации сокращают программы ипотечного кредитования в иностранной валюте, и со стороны заемщиков также уменьшается спрос на данные кредиты.

Для дальнейшего развития рынка ипотечного кредитования РФ необходимо определить наиболее важные факторы, оказывающие влияние на данный рынок.

Основной причиной, сдерживающей население страны от активного приобретения объектов недвижимости,

является цена. Даже несмотря на политику государства, направленную на увеличение размеров доступного жилья, уровень благополучия граждан РФ недостаточен, чтобы приобрести недвижимость только за счет собственных средств.

Так, например, динамики средних цен (рис. 2) на первичном и вторичном рынке жилья совпадают только до 2015 г., когда произошло их одновременное повышение в 2014 г. и последующее снижение.

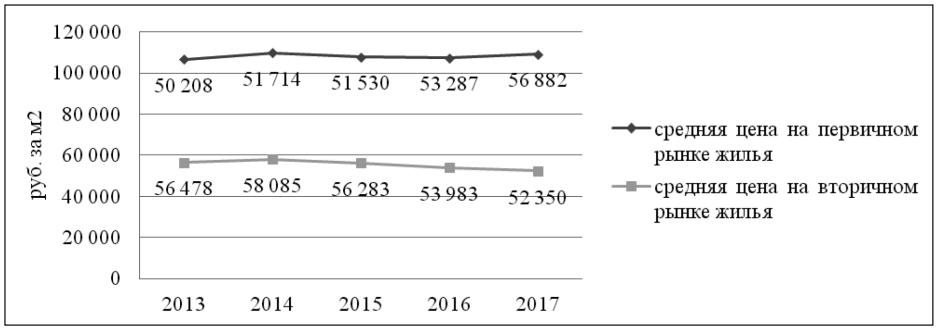

Рис. 2. Средние цены на рынке жилья в РФ, руб. за м^2

Источник: составлено авторами по официальным данным [17].

Далее на вторичном рынке жилья средняя цена имела нисходящую тенденцию, в то время как на первичном рынке происходил рост цен. Таким образом, средняя цена на первичном рынке жилья с 2013 г. увеличилась почти на 6,5 тыс. руб., на вторичном рынке уменьшилась почти на 4 тыс. руб. Если в начале рассматриваемого периода жилье в новостройке было дешевле, чем вторичное жилье, то к концу 2017 г. ситуация изменилась. Это свидетельствует о большей доступности жилой недвижимости на вторичном рынке. Но стоит учитывать факт наличия многочисленных государственных ипотечных программ при приобретении жилья в новостройке, особенно молодыми семьями.

Еще одним фактором, тесно связанным с предыдущим, являются доходы и расходы населения. Именно с размера сбережений начинается процесс принятия решения о вложении их, например, в недвижимость и последующей их возможности покрывать выплаты по ипотечному кредиту. Соотношение доходов и расходов населения позволяет определить спрос на те или иные продукты и услуги.

Возможность населения пользоваться заемными средствами банка напрямую зависит от их финансового положения, в первую очередь от уровня доходов. На рис. 3 прослеживается положительная динамика среднедушевых доходов населения России, что положительно сказывается на развитии ипотечного кредитования.

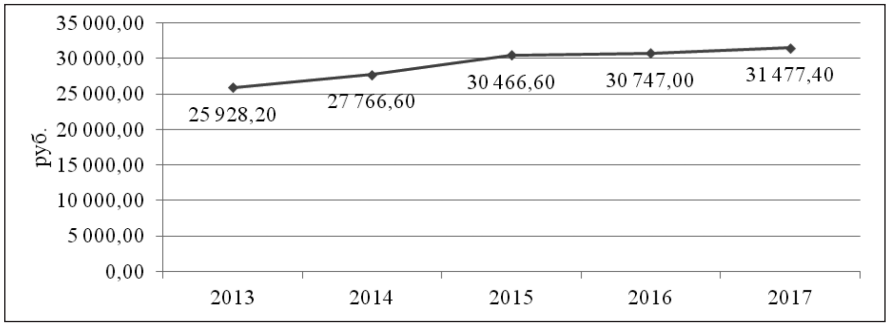

Рис. 3. Среднедушевые доходы населения РФ, руб.

Источник: составлено авторами по официальным данным [18].

Помимо положительной динамики среднедушевых доходов населения, начиная с 2016 г. наблюдается прирост денег на руках у населения (табл. 4).

Таблица 4

Структура использования денежных доходов населения РФ, %

Показатели	Годы				
	2013	2014	2015	2016	2017
Всего денежных доходов, в т.ч.:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
покупка товаров и оплата услуг	73,60	75,30	71,00	73,00	74,90
обязательные платежи и разнообразные взносы	11,70	11,80	10,90	11,20	11,80
сбережения	9,80	6,90	14,30	11,10	8,10
покупка валюты	4,20	5,80	4,20	4,00	3,70
прирост (уменьшение) денег на руках у населения	0,70	0,20	-0,40	0,70	1,50

Источник: составлено авторами по официальным данным [18].

Сбережения, которые потенциально могут быть направлены на приобретение жилой недвижимости, к концу рассматриваемого периода снижаются. Возможно, по этой причине население прибегает к услугам кредитных организаций с целью решить жилищный вопрос, вследствие чего наращиваются объемы предоставленных ИЖК.

Чем выше уровень инфляции, тем ниже покупательная способность населения. Как следствие, практически все доходы населения будут направляться на покупку исключительно товаров первой необходимости, а предложения банков о предоставлении ипотечных кредитов будут игнорироваться (рис. 4). Таким образом, еще одним фактором, оказывающим влияние на ипотечное кредитование, является уровень инфляции.

На протяжении рассматриваемого периода максимальное значение ставки инфляции наблюдается в 2015 г. В последующем произошло резкое снижение, и инфляция в 2017 г. достигла рекордно низкого значения в 2,5 %.

В свою очередь, ключевая ставка оказывает непосредственное влияние на процентные ставки по банковским операциям (рис. 5).

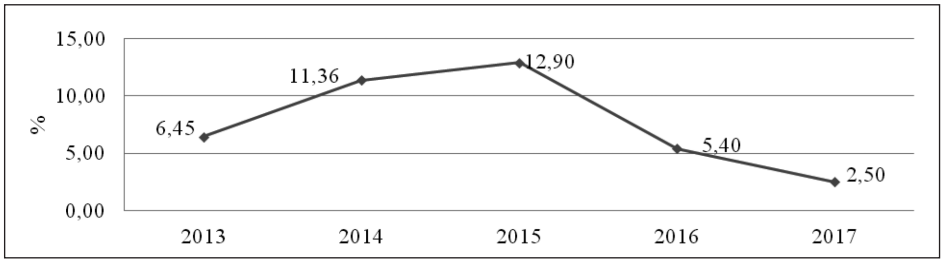

Рис. 4. Величина ставки инфляции в РФ, %

Источник: составлено авторами по официальным данным [19].

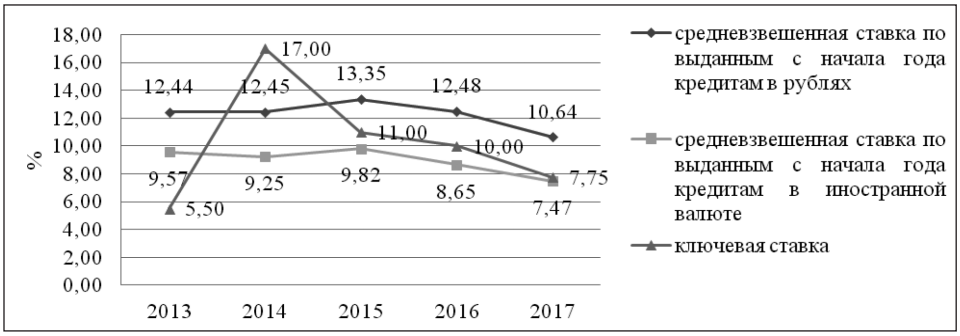

Рис. 5. Средневзвешенные ставки по выданным с начала года ИЖК на фоне изменения величины ключевой ставки в РФ, %

Источник: составлено авторами по официальным данным [15; 16; 20].

В рассматриваемом периоде ключевая ставка снижается, и, как следствие, кредитные организации постепенно уменьшают величину ставок по кредитам, в том числе и ипотечным, а снижение процентных ставок по ипотечным кредитам повышает спрос со стороны населения на данный вид кредитования. Таким образом, ключевая ставка ЦБ РФ является существенным фактором, оказывающим влияние на ипотечное кредитование.

Наличие конкурентов на рынке ипотечного кредитования делает данный рынок более привлекательным для заемщиков, так как стимулирует кредитные организации в создании новых ипотечных продуктов, программ, что в конечном итоге способствует дальнейшему развитию данного рынка.

В период с 2013 по 2016 г. наблюдается повышение доли кредитных организаций, предоставляющих ИЖК (рис. 6), но в 2017 г. тренд сменил направление вследствие более быстрого снижения количества ипотечных банков на фоне менее резкого уменьшения величины действующих кредитных организаций [21].

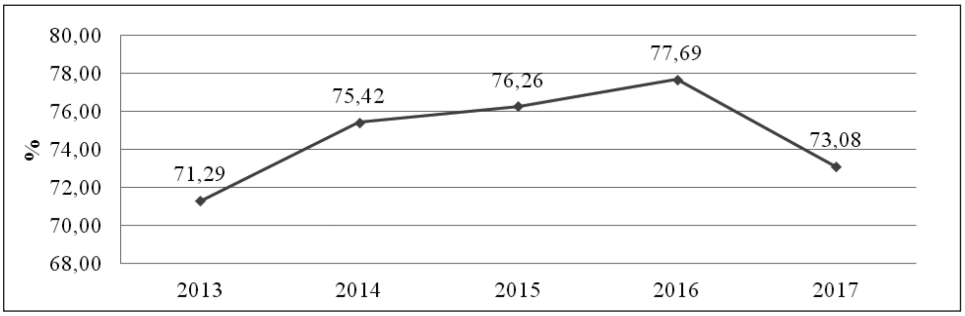

Рис. 6. Доля кредитных организаций, предоставляющих ИЖК в РФ, %

Источник: составлено авторами по официальным данным [3].

Тем не менее можно говорить о высокой конкуренции на рынке ипотечного кредитования, так как на протяжении всего рассматриваемого периода доля кредитных организаций, предоставляющих ИЖК, стабильно превышает 70 %. Конкуренция на рынке ипотечного кредитования является существенным фактором, оказывающим влияние на ипотечное кредитование.

Необходимо выделить еще такой фактор, как законодательное обеспечение рынка ипотечного кредитования и наличие программ господдержки по ипотечным кредитам. Законодательная база регулирует ипотечный рынок и обеспечивает защиту интересов заемщиков. На сегодняшний день в РФ основным законодательным документом, регулирующим отношения по ипотеке, является Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.06.1998 № 102-ФЗ. До 1 января 2018 г. действовала федеральная целевая программа «Жилище» на 2015–2020 гг., утвержденная постановлением Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015–2020 годы» от 17.12.2010 № 1050. Данная программа начала функционировать еще с 2002 г. Ее основными направлениями были государственная поддержка граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и развитие рынка доступного и комфортного жилья. Поэтому наличие в стране социальных проектов, направленных на рост уровня обеспеченности населения жильем, не только увеличивает интерес к рынку ипотечного жилищного кредитования, но и повышает степень экономического потенциала государства.

С 1 января 2018 г. федеральная целевая программа была досрочно прекращена. Несмотря на это, она интегрировалась в состав государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 (ред. от 27.08.2018) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»), которая была утверждена постановлением Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 (ред. от 14.08.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Помимо этого, действует Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ, согласно которому с помощью средств материнского капитала можно оплатить первоначальный взнос по ИЖК или выплачивать платежи по кредиту.

Помимо макроэкономических факторов, на состояние рынка ипотечного кредитования влияют и факторы, находящиеся на уровне кредитных организаций. К таким факторам отнесем: структуру и объем ресурсной базы кредитной организации, уровень квалификации персонала, осуществляющего выдачу кредита, а также способы и пути продвижения банком ипотечных продуктов.

Активные операции банк осуществляет за счет пассивных, поэтому кредитная организация, занимающаяся ипотечным кредитованием, отвлекая значительные суммы на долгий срок, должна обладать достаточным запасом ресурсов. Помимо этого, они должны быть стабильными и приемлемыми по стоимости.

Обслуживание долга по ипотечному кредиту зависит не только от заемщика, но и от работника банка, который участвует в процессе выдачи кредита, определяя его в ту или иную группу качества. Неверные систематические действия персонала в данном случае могут привести к росту уровня просроченной задолженности по ипотечным кредитам. В случае неисполнения обязательств заемщиком кредитная организация будет вынуждена реализовать заложенную недвижимость. Если же она будет неправильно оценена ответственным за это персоналом, то банк понесет убытки в большем размере. Поэтому важно, чтобы оценщик, осуществляющий работу по оценке стоимости недвижимости, был высококвалифицированным специалистом.

Как и любая другая коммерческая организация, банк должен разрабатывать политику продвижения своего товара на рынке. В данном случае важную роль играет маркетинг в сфере ипотечного кредитования. Поэтому чем интенсивнее происходит процесс разработки новых ипотечных продуктов и внедрения их среди населения, тем более конкурентоспособной становится кредитная организация.

Заключение

Проанализировав динамику ипотечного кредитования в РФ, рассмотрев основные тенденции, складывающиеся на данном рынке, можно сделать вывод о том, что, несмотря на существование определенных проблем, ипотечное кредитование развивается на рынке банковских услуг. В свою очередь, на дальнейшее развитие ипотечного кредитования оказывают влияние следующие факторы: цены на рынке недвижимости, доходы и расходы населения, состояние жилищного фонда страны, величина ключевой ставки, наличие конкурентов на рынке ипотечного кредитования, степень законодательного обеспечения и наличие государственных программ. В отдельную группу выделим факторы, находящиеся на уровне самих кредитных организаций, это: структура и объем ресурсной базы кредитной организации, уровень квалификации персонала, а также способы и пути продвижения банком ипотечных продуктов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Довдиенко И. В., Черняк В. З. Ипотека. Управление. Организация. Оценка : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 464 с.

2. Разумова И. А. Ипотечное кредитование : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2005. 208 с. URL: https://economics.studio/knigi-kreditovanie/ipotechnoe-kreditovanie-uchebnoe-posobie-spb.html

3. Статистический сборник «Сведения о рынке жилищного (ипотечного жилищного) кредитования в России». URL: https://www.cbr.ru/statistics/b_sector/stat/Stat_digest_mortgage_04.pdf

4. Банковское дело : учебник / под ред. О. И. Лаврушина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2005. 672 с.

5. Кривенда Е. А., Ковалев Д. А. Актуальные проблемы ипотечного кредитования в России // Территория науки. 2014. № 5. С. 114–119.

6. Дадаян Е. В., Сторожева А. Н. Понятие и виды ипотечного кредита // Вестник КрасГАУ. 2006. № 11. С. 286–290.

7. Благих И. А., Яковлев А. А. Ипотечное кредитование в Российской Федерации // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 227–231.

8. Грудцына Л. Ю., Козлова М. Н. Ипотека. Кредит. Комментарий жилищного законодательства. М. : Эксмо, 2006. 368 с.

9. Лепехин И. А. Основополагающие принципы ипотечного кредитования // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 350–353.

10. Меркулов В. В. Мировой опыт ипотечного жилищного кредитования и перспективы его использования в России. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 440 с. URL: https://mybook.ru/author/valentin-merkulov/mirovoj-opyt-ipotechnogo-zhilishnogo-kreditovaniya/

11. Татаринова Л. В., Плотникова В. А. Модели ипотечного кредитования и их место на российском рынке // Экономические науки. Современное состояние и перспективы развития : сб. статей IX Международной студенческой науч.-практич. конф. Екатеринбург : ИМПРУВ, 2018. С. 137–147.

12. Косарева Н. Б. Развитие ипотечного кредитования в Российской Федерации. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2010. 256 с. URL: https://mybook.ru/author/n-kosareva/razvitie-ipotechnogo-kreditovaniya-v-rossijskoj-fe/

13. Жилан О. Д., Сластина Я. А. К вопросу о методах управления риском ликвидности коммерческого банка // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 4. DOI :1017150/2411-6262.2015.6(4).3

14. Динамика валового внутреннего продукта. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

15. Ипотечные жилищные кредиты, предоставленные физическим лицам-резидентам, и приобретенные права требования по ипотечным жилищным кредитам в рублях. URL: https://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=43&pid=ipoteka&sid=ITM_17631

16. Ипотечные жилищные кредиты, предоставленные физическим лицам-резидентам, и приобретенные права требования по ипотечным жилищным кредитам в иностранной валюте. URL: https://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=4-4&pid=ipoteka&sid=ITM_32753

17. Цены на рынке жилья. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#

18. Уровень жизни населения. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

19. Динамика инфляции на потребительском рынке. URL: https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=macro_sub

20. Динамика ключевой ставки, установленной Банком России. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12453/886577905315979b26c9032d79cb911cc8fa7e69/

21. Бубнова Ю. Б. Анализ структурных изменений российской банковской системы // Baikal Research Journal. 2015. Т. 6. № 4. DOI :1017150/2411-6262.2015.6(4).2.

REFERENCES

1. Dovdienko I. V., Chernyak V. Z. Mortgage. Control. Organization. Evaluation: Textbook. M.: UNITY-DANA, 2012. 464 p. (In Russ.).

2. Razumova I. A. Mortgage Lending: Textbook. St. Petersburg: Piter, 2005. 208 p. (In Russ.). URL: https://economics.studio/knigi-kreditovanie/ipotechnoe-kreditovanie-uchebnoe-posobie-spb.html

3. Statistical collection “Information on the market of housing (mortgage housing) lending in Russia”. (In Russ.). URL: https://www.cbr.ru/statistics/b_sector/stat/Stat_digest_mortgage_04.pdf

4. Lavrushina O. I. (ed.). Banking: textbook. 2nd ed., revised and amended. M.: Finance and Statistics, 2005. 672 p. (In Russ.).

5. Krivenda E. A., Kovalev D. A. Actual problems of mortgage lending in Russia // Territory of Science. 2014. No. 5. Pp. 114–119. (In Russ.).

6. Dadayan E. V., Storozheva A. N. The concept and types of a mortgage. // Vestnik KrasAAU. 2006. No. 11. Pp. 286–290. (In Russ.).

7. Blagikh I. A., Yakovlev A. A. Mortgage lending in the Russian Federation // Problems of the modern economy. 2010. No.3. Pp. 227–231. (In Russ.).

8. Grudtsyna L. Yu., Kozlova M. N. Mortgage. Credit. Commentary on housing legislation. M.: Eksmo, 2006. 368 p. (In Russ.).

9. Lepekhin I. A. Fundamental principles of mortgage lending // Bulletin of Omsk University. 2011. No. 3. Pp. 350–353. (In Russ.).

10. Merkulov V. V. World experience of mortgage housing crediting and prospects of its use in Russia. St. Petersburg.: Legal Center Press, 2003. 440 p. (In Russ.). URL: https://mybook.ru/author/valentin-merkulov/mirovoj-opyt-ipotechnogo-zhilishnogo-kreditovaniya/

11. Tatarinova L. V., Plotnikova V. A. A model of mortgage lending and their place in the Russian market // Economic sciences. Current state and development prospects: Sat articles of the IX International Student Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg: IMPRUV, 2018. Pp. 137–147. (In Russ.).

12. Kosareva N. B. Development of mortgage lending in the Russian Federation. M.: Delo Publ., Russian Academy of Sciences, 2010. 256 p. (In Russ.). URL: https://mybook.ru/author/n-kosareva/razvitie-ipotechnogo-kreditovaniya-v-rossijskoj-fe/

13. Zhilan O. D., Slastina Ya. A. On the issue of methods for managing the liquidity risk of a commercial bank // Baikal Research Journal. 2015. Vol. 6. No. 4. DOI: 1017150 / 2411-6262.2015.6 (4).3

14. Dynamics of gross domestic product. (In Russ.). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/en/statistics/accounts/#

15. Mortgage housing loans granted to resident individuals and acquired claims on mortgage housing loans in rubles. (In Russ.). URL: https://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=43&pid=ipoteka&sid=ITM_17631

16. Mortgage housing loans granted to resident individuals and acquired claims rights for mortgage housing loans in foreign currency. (In Russ.). URL: https://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=4-4&pid=ipoteka&sid=ITM_32753

17. Prices in the housing market. (In Russ.). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#

18. Living standard of population. (In Russ.). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

19. Dynamics of inflation in the consumer market. (In Russ.). URL: https://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=macro_sub

20. Dynamics of the key rate established by the Bank of Russia. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12453/886577905315979b26c9032d79cb911cc8fa7e69/

21. Bubnova Yu. B. Analysis of structural changes in the Russian banking system // Baikal Research Journal. 2015. Vol. 6. No. 4. DOI: 1017150 / 2411-6262.2015.6 (4).2.

Как цитировать статью: Татаринова Л. В., Плотникова В. А. Факторы, оказывающие влияние на ипотечное кредитование в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 208–216. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.444.

For citation: Tatarinova L. V., Plotnikova V. A. Factors that affect the mortgage lending in the Russian Federation // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 208–216. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.444.

УДК 369.03
ББК 65.271.11

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.429

Khitrova Elena Mikhailovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Finance and Financial Institutions,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: kotpro95@mail.ru

Хитрова Елена Михайловна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры финансов и финансовых институтов,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: kotpro95@mail.ru

Khitrova Tatyana Iskhakovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Informatics and Cybernetics,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: кhitrova_46@ mail.ru

Хитрова Татьяна Исхаковна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры информатики и кибернетики,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: кhitrova_46@ mail.ru

Popova Elizaveta Sergeevna,
Postgraduate Student, Training program «Economics»,
Baikal State University,
Irkutsk,
e-mail: v15554545b@yandex.ru

Попова Елизавета Сергеевна,
аспирант по направлению подготовки «Экономика»,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: v15554545b@yandex.ru

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS ON COMPETITIVENESS OF INSURANCE COMPANIES

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В статье рассматриваются вопросы оценки конкурентоспособности страховых компаний. Учитывая неоднозначные подходы к понятию конкурентоспособности, предложено авторское определение конкурентоспособности страховой организации. Авторами выделяются две группы факторов, влияющих на конкурентоспособность страховых организаций, классифицированных по источнику их возникновения на внутренние и внешние. Обоснована необходимость использования разных методик оценки влияния факторов на конкурентоспособность страховщика. С помощью различных инструментов проведена оценка влияния внутренних и внешних факторов на конкурентоспособность страховых организаций. Расчет влияния внешних факторов проводится с применением эконометрических методов на примере показателей страховых компаний, входящих в ТОП-10. По результатам расчета модели зависимость объема страховых премий как показателя конкурентоспособности от основополагающих ее внешних факторов приобретает линейный вид. Согласно полученным результатам, наибольшее влияние на уровень конкурентоспособности страховых организаций оказывают такие внешние факторы, как доходы населения и число страховых организаций. В качестве

инструмента оценки влияния внутренних факторов предложен подход с использованием системы сбалансированных показателей, позволяющий учесть как финансовые, так и нефинансовые аспекты деятельности страховщика. Построена стратегическая карта посредством структурирования ключевых показателей деятельности страховой организации, объединенных между собой причинно-следственными связями. Для выявления степени влияния показателей ССП на конкурентоспособность страховой организации рассчитана многофакторная модель. Путем обработки экспертных оценок проведена оценка влияния внутренних факторов на конкурентоспособность страховой компании. Это позволило выявить группу факторов, наиболее сильно влияющих на конкурентоспособность страховщика. Оценка степени влияния показала, что наибольший вес занимают показатели, входящие в группу «Маркетинг».

The article examines the issue of assessment of competitiveness of the insurance companies. Taking into account ambiguous approaches to the concept of competitiveness, an author's definition of competitiveness of an insurance company was proposed. It is noted that various factors influence the competitiveness of the insurance company. The authors distinguish two groups of factors classified according to the criterion of the source of their origin into the internal and external ones. The need to use different methods to assess the impact of factors on the competitiveness of the insurer is justified. With the help of various tools, the impact of internal and external factors on the competitiveness of insurance companies was assessed. Calculation of the influence of external factors is carried out using econometric methods, on the example of insurance companies included in the TOP-10. Based on the results of the model calculation, the dependence of the volume of insurance premiums as an indicator of competitiveness on its underlying external factors takes on a linear form. According to the results obtained, the greatest influence on the level of competitiveness of insurance organizations is provided by external factors such as personal incomes and the number of insurance organizations. As a tool for assessing the impact of internal factors, an approach is proposed using a system of balanced indicators that allows to take into account both financial and non-financial aspects of the insurer's activities. A strategic map has been constructed by structuring key indicators of the insurance organization's activities, united by causal links. To determine the degree of influence of the MTP indicators on the competitiveness of the insurance organization, a multifacture model is designed. By the method of expert evaluation processing, the influence of internal factors on the competitiveness of the insurance company was assessed. This allowed us to identify a group of factors that most strongly affect the competitiveness of the insurer. The evaluation of the degree of influence showed that the most important indicators are those included in the "marketing" group.

Ключевые слова: конкурентоспособность страховой организации, конкурентное преимущество, факторы конкурентоспособности, страховая организация, конкурентная среда, страховой рынок, система сбалансированных показателей, корреляционный анализ, регрессионный анализ, конкуренция.

Keywords: competitiveness of insurance company, competitive advantage, competitiveness factors, insurance company, competitive environment, insurance market, balanced scorecard, correlation analysis, regression analysis, competition.

Введение

В условиях рыночной экономики все организации сталкиваются с таким явлением, как конкуренция. Именно конкуренция выступает мощным фактором, определяющим условия функционирования любого рынка. Роль конкуренции заключается в создании условий, при которых происходит удовлетворение потребности в товарах и услугах всего общества, а не отдельных его индивидов [1]. Целью страховой организации, как и любой коммерческой организации, является сохранение и расширение своей позиции на рынке (сегментах рынка) при ориентации на максимизацию прибыли. Это обеспечивает ее финансовую устойчивость и конкурентоспособность [2]. Вместе с тем, являясь участником финансового рынка, каждая страховая компания сталкивается с рядом проблем и трудностей, преодоление которых является неотъемлемой частью ее управления. За последние три года с рынка ушла 101 страховая организация. Такого рода процессы, с одной стороны, приводят к повышению концентрации рынка, на котором остаются более сильные игроки, с другой стороны, предъявляют новые требования к самим страховым организациям, побуждая их предлагать более качественные услуги [3]. Это заставляет страховые компании вести постоянный анализ деятельности конкурентов и осуществлять работу по повышению собственной конкурентоспособности. Такого рода меры позволяют компании сохранить и укрепить место на рынке, повысить имидж и репутационный капитал, содействуют в целом привлекательности ее услуг для потенциальных клиентов [4], что обеспечивает ее финансовую устойчивость и конкурентоспособность.

Изучением вопросов конкурентоспособности страховых организаций занимались отечественные и зарубежные ученые, такие как С. Б. Авдашева, Ю. Т. Ахвледиани, И. Н. Жук, С. Г. Журавин, Н. В. Кириллова, Ф. Котлер, Ю. А. Сплетухов, К. Е. Турбина. Однако данные исследования носят отдельный характер рассмотрения конкурентоспособности и недостаточно отражают конкретные механизмы ее обеспечения. В связи с этим авторы считают необходимым разработку механизма оценки конкурентоспособности страховых организаций, в которой выделяются основополагающие факторы конкурентоспособности, оказывающие влияние на реализацию целей развития страховщика.

Актуальность темы обусловлена тем, что механизм оценки влияния внутренних и внешних факторов на конкурентоспособность страховой организации позволяет повысить уровень конкурентоспособности компании посредством оказания воздействия на конкретные факторы.

Целью данного исследования является оценка влияния различных факторов на конкурентоспособность страховых организаций.

Задачи исследования:

— уточнить понятие «конкурентоспособность страховой организации»,

— определить факторы, оказывающие влияние на конкурентоспособность страховых организаций;

— провести оценку влияния внешних и внутренних факторов на конкурентоспособность страховых организаций, используя различные инструменты оценки.

Научная новизна состоит в совершенствовании механизма оценки влияния внешних и внутренних факторов на конкурентоспособность страховой организации.

Теоретическая значимость работы заключается в выработке теоретического подхода к оценке конкурентоспособности страховых организаций, **практическая** значимость работы заключается в том, что посредством оценки

есть возможность выявить факторы, оказывающие существенное влияние на конкурентоспособность.

Основная часть

На сегодняшний день нет общепринятого определения понятия «конкурентоспособность организации». Такое положение дел обусловлено и сложностью данной категории, и ее многоаспектностью. Отечественная школа рассматривает конкуренцию как комплекс характеристик или совокупность требований к объекту хозяйствования [5]. Так, С. А. Фатхутдинов понимает под конкуренцией процесс управления субъектом своими конкурентными преимуществами на конкретном рынке [6]. А. П. Градов характеризует конкурентоспособность организации как «сравнительную характеристику фирмы по отношению к другим фирмам данной отрасли внутри страны или за ее пределами» [7, с. 25]. А. Л. Глухов отмечает, что конкурентоспособность организации — это текущее положение организации на рынке (в первую очередь занимаемая доля рынка — объем продаж в сопоставлении с общими по рынку и объемами продаж организаций-конкурентов) и тенденции его изменения [8].

Западные исследователи исходят из идеалистических представлений о конкуренции как о конкурентных преимуществах субъектов хозяйствования, где конкурентоспособность выступает средством познания и предметом оценки конкуренции [9].

Страхование имеет ряд специфических особенностей, обусловленных спецификой страховой деятельности и страховой услуги, которые необходимо учитывать при оценке конкурентоспособности страховых компаний: значительный срок жизни страхового продукта; неотделимость страховой услуги от страховщика; существенное регулирование страхового бизнеса государством и его регламентация; существенная зависимость продаж страховых продуктов от макроэкономического окружения; менталитет населения в области страхования [10]. Поэтому существует необходимость уточнения определения конкурентоспособности страховой организации, учитывающего специфику страховой деятельности и страховой услуги.

Конкурентоспособность страховой организации отражает ее возможности управлять своими конкурентными преимуществами на страховом рынке за счет выявления и использования внутренних и внешних потенциалов для достижения конкретных поставленных целей развития. Определим конкурентоспособность страховой организации как ее способность сохранять свои коммерческие свойства в условиях меняющейся среды, а именно как поддержание значений показателей деятельности организации в состоянии устойчивости, обеспечивающей создание качественных услуг с приемлемой ценой и разнообразием их видов. Такими стратегическими показателями при этом могут быть доля рынка, платежеспособность компании, объем действующей филиальной сети, объем функционирующей агентской сети, темпы роста сборов страховых премий, убыточность страховых операций и пр. Конкретный набор целевых показателей зависит от миссии, заявленной компанией, и стоящими перед ней стратегическими задачами.

Факторы конкурентоспособности можно охарактеризовать как явления и процессы производственно-хозяйственной деятельности организации и социально-экономической жизни общества, способные влиять на изменение уровня конкурентного развития [11]. Факторы могут влиять как в сторону повышения конкурентоспособности, так и в сторону уменьшения. Они определяют средства и способы использования резервов конкурентоспособности, однако их наличия недостаточно для ее обеспечения.

Одной из предпосылок изучения факторов конкурентоспособности организаций является их классификация [12]. Факторы, которые, на наш взгляд, оказывают влияние на конкурентоспособность страховой организации, представлены на рис. 1.

Рис. 1. Факторы конкурентоспособности страховой организации (предложено авторами)

При этом степень влияния этих факторов может выражаться как в количественной, так и в качественной форме, поэтому оценку их влияния на конкурентоспособность страховых организаций целесообразно проводить при помощи разных методик.

В качестве инструмента оценки влияния внешних количественных факторов на конкурентоспособность страховой компании используем корреляционно-регрессионный анализ. Выбор такого инструмента обусловлен невозможностью управления со стороны страховой организации выявленными внеш-

ними факторами. Поэтому логичным будет определение зависимости изменения результирующего показателя от их динамики.

Для определения влияния количественных факторов на конкурентоспособность организации проведем анализ методом статистического моделирования, в процессе которого попытаемся определить вид модели, показывающий зависимость конкурентоспособности страховщика от внешних факторов конкурентоспособности. В качестве индикатора конкурентоспособности страховой организации используем сумму собранных страховых премий на примере страховых организаций, входящих в ТОП-10 страхового рынка: «АльфаСтрахование», «Ингосстрах» и «Росгосстрах». На рисунке 2 представлена динамика собранных страховых премий анализируемых компаний.

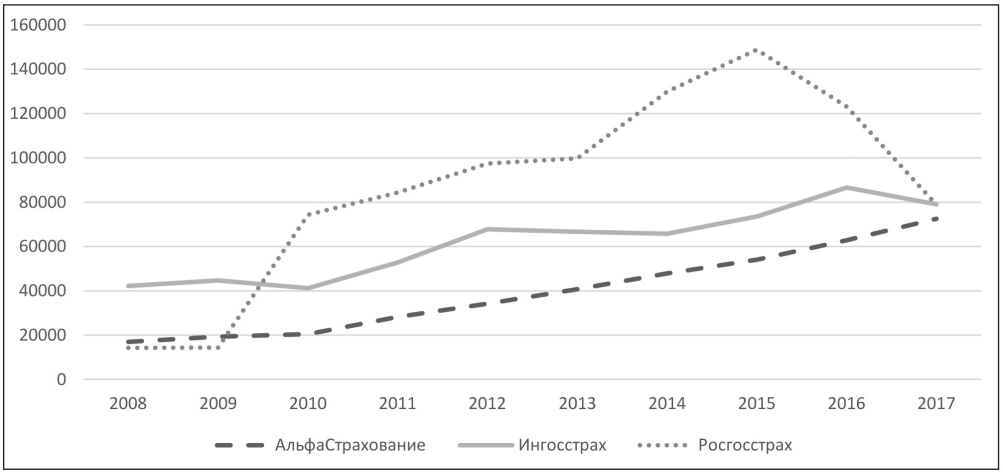

Рис. 2. Динамика собранных страховых премий анализируемых страховых организаций, 2008–2017 гг.

Источник: составлено авторами по данным [13].

На протяжении исследуемого периода страховые организации «АльфаСтрахование», «Ингосстрах» и «Росгосстрах» активно развивались, о чем свидетельствует положительная динамика страховых премий. Однако с 2015 г. собранные страховые премии компании «Росгосстрах» имели отрицательную динамику. Причины этого, как известно, связаны с большими убытками от сегмента ОСАГО, что также может являться дополнительным качественным фактором при оценке конкурентоспособности. Однако нашей целью является установление количественных зависимостей.

Представим внешние факторы на рис. 3 конкретными показателями и определим, как от них зависят премии каждой страховой организации: X_1 — среднедушевые доходы населения; X_2 — сумма депозитов физических лиц; X_3 — ВВП; X_4 — число страховых организаций; X_5 — количество выданных ипотечных кредитов; X_6 — объем выданных ипотечных кредитов; X_7 — объем кредитов, предоставленных физическим и юридическим лицам.

Взаимосвязь между страховыми премиями страховщиков и факторами, оказывающими влияние на их конкурентоспособность, рассчитаем через коэффициенты корреляции (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между факторами конкурентоспособности и страховыми премиями страховых организаций

Организация	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7
«АльфаСтрахование»	0,97	0,99	0,97	–0,99	0,87	0,88	0,82
«Ингосстрах»	0,94	0,95	0,96	–0,95	0,86	0,83	0,83
«Росгосстрах»	0,82	0,76	0,8	–0,7	0,68	0,6	0,8

Источник: рассчитано авторами.

Исходя из данных табл. 1, мы видим, что собранные страховые премии анализируемых страховых компаний имеют весьма высокую силу в связи с выделенными нами факторами конкурентоспособности. Также стоит отметить, что зависимость между собранными страховыми премиями и числом страховых организаций является отрицательной, что говорит о наличии обратной связи. Чтобы подтвердить произведенные расчеты, аналогичным образом рассчитаем коэффициент корреляции между страховыми премиями по рынку страхования в целом и факторами, оказывающими влияние на конкурентоспособность страховщиков (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между факторами конкурентоспособности и страховыми премиями на страховом рынке РФ

Показатель	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7
Страховые премии по рынку в целом	0,97	0,99	0,98	–0,99	0,91	0,92	0,83

Источник: рассчитано авторами.

Данные табл. 2 подтверждают полученные нами результаты о связи между страховыми премиями анализируемых организаций и факторами конкурентоспособности.

В целях определения степени влияния внешних факторов на конкурентоспособность страховой организации был использован регрессионный анализ. Ввиду высокой мультиколлинеарности факторов, не позволившей построить одну модель, зависимость собранных страховых премий от анализируемых факторов была отражена в виде отдельных функций (табл. 3). Результаты анализа показывают значимость таких факторов, как доходы населения и число страховых организаций.

Так, коэффициент эластичности показывает, что в среднем при увеличении доходов населения на 1 руб. происходит увеличение страховых премий анализируемых страховых организаций на 11,62 млн руб. и увеличение страховых премий по страховому рынку в целом на 43,47 млн руб. При увеличении числа страховых организаций на одну страховые премии анализируемых страховых организаций уменьшаются на 107,86 млн руб.

Таблица 3

Модели линейной регрессии, отражающие влияние внешних факторов на конкурентоспособность страховых организаций

Организация	X_1 **доходы населения**	X_2 **вклады**	X_3 **ВВП**	X_4 **число страховых компаний**	X_5 **количество выданных ипотечных кредитов**	X_6 **объем ипотечных кредитов**	X_7 **кредиты физическим и юридическим лицам**
Страховой рынок	$y = –201\ 105 + 43{,}47X_1$	$y = 263\ 158 + 0{,}04X_2$	$y = –59\ 884 + 13{,}65X_3$	$y = 1\ 689\ 534{,}9 – 1324{,}55X_5$	$y = 332\ 752 + 0{,}91X_5$	$y = 396\ 175 + 0{,}48X_6$	$y = 284\ 561 + 20{,}47x_7$
«АльфаСтрахование»	$y = –34\ 246{,}5 + 3{,}07X_1$	$y = –1723 + 0{,}003X_2$	$y = –23\ 409 + 0{,}95X_3$	$y = 99\ 470{,}9 – 93{,}98X_5$	$y = 5047 + 0{,}06X_5$	$y = 9124{,}7 + 0{,}03X_6$	$y = 624 + 1{,}42X_7$
«Ингосстрах»	$y = 1943{,}7 + 2{,}49X_1$	$y = 28\ 945 + 0{,}002X_2$	$y = 10\ 049 + 0{,}78X_3$	$y = 10\ 9804 – 75{,}1X_5$	$y = 33\ 866 + 0{,}05X_5$	$y = 38\ 128{,}5 + 0{,}03X_6$	$y = 28\ 899 + 1{,}2X_7$
«Росгосстрах»	$y = –59\ 824 + 6{,}06X_1$	$y = 12\ 765 + 0{,}005X_2$	$y = –35\ 106 + 1{,}83X_3$	$y = 18\ 4812 – 154{,}5X_5$	$y = 23\ 221 + 0{,}1X_5$	$y = 37\ 657 + 0{,}05X_6$	$y = –2422 + 3{,}24X_7$

Источник: рассчитано авторами.

Влияние внутренних факторов, представленных на рис. 3, трудно поддается количественной оценке, так как для ряда факторов практически невозможно их формальное представление. Решением проблемы оценки может являться такой инструмент, как система сбалансированных показателей (ССП). Она складывается из четырех ключевых составляющих: финансовой, клиентской, внутренних бизнес-процессов и состояния персонала, цели и задачи которых отражаются финансовыми и нефинансовыми показателями [14]. Основные показатели системы определяются общей стратегией компании [15].

Алгоритм формирования оценки начинается с этапа определения ключевых показателей, где формируется набор типовых стратегических целей и соответствующих им ключевых показателей деятельности страховой организации, объединенных между собой причинно-следственными связями, в форме стратегической карты (табл. 4).

Таблица 4

Типовые показатели деятельности страховой компании в рамках составляющих сбалансированной системы показателей

Группа показателя	**Номер показателя**	**Наименование показателя**
Финансы	*Q*1	Чистая прибыль
	*Q*2	Объем собираемых страховых премий
	*Q*3	Доходность инвестиций
	*Q*4	Доход от новых страховых продуктов
	*Q*5	Рентабельность страховой деятельности
	*Q*6	Рыночная стоимость акций
Клиенты	*Q*7	Ценовая политика
	*Q*8	Сервисное обслуживание
	*Q*9	Ассортимент страховых продуктов
	*Q*10	Сбытовая политика
	*Q*11	Доля пролонгированных договоров в портфеле компании
	*Q*12	Узнаваемость бренда
	*Q*13	Доля новых договоров
Внутренние бизнес-процессы	*Q*14	Удельный вес административных расходов
	*Q*15	Среднее время принятия решения
	*Q*16	Репутация и надежность компании
	*Q*17	Эффективность маркетинговой деятельности
	*Q*18	Удельный вес своевременно произведенных выплат

Окончание таблицы 4

Группа показателя	Номер показателя	Наименование показателя
Кадры	*Q*19	Уровень текучести кадров
	*Q*20	Уровень удовлетворенности сотрудников работой
	*Q*21	Эффективность работы информационной системы
	*Q*22	Количество сотрудников, повысивших уровень квалификации за период
	*Q*23	Процент топ-менеджеров, регулярно участвующих в совещаниях и стратегических сессиях, посвященных вопросам стратегического развития компании

Источник: предложено авторами.

Каждый из показателей представляет ранее определенный нами внутренний фактор конкурентоспособности страховой организации. Данное соответствие представлено в табл. 5.

Таблица 5

Соответствие показателя оценки с фактором конкурентоспособности

Группа показателя	Номер показателя	Фактор конкурентоспособности
Финансы	*Q*1	Финансовая обеспеченность
	*Q*2	Финансовая обеспеченность
	*Q*3	Финансовая обеспеченность
	*Q*4	Финансовая обеспеченность
	*Q*5	Финансовая обеспеченность
	*Q*6	Финансовая обеспеченность
Клиенты	*Q*7	Маркетинг
	*Q*8	Маркетинг
	*Q*9	Маркетинг
	*Q*10	Маркетинг
	*Q*11	Объем клиентской базы
	*Q*12	Маркетинг
	*Q*13	Объем клиентской базы
Внутренние бизнес-процессы	*Q*14	Организационный фактор
	*Q*15	Организационный фактор
	*Q*16	Маркетинг
	*Q*17	Маркетинг
	*Q*18	Организационный фактор
Кадры	*Q*19	Маркетинг
	*Q*20	Маркетинг
	*Q*21	Организационный фактор
	*Q*22	Маркетинг
	*Q*23	Организационный фактор

Источник: предложено авторами.

Для выявления степени влияния показателей ССП на конкурентоспособность страховой организации целесообразно исследование факторов конкурентоспособности на основе многофакторной модели:

$$K_{CK} = \sum_{i=1}^{n} \alpha_i \times F_i \,, \qquad (1)$$

где $K_{ск}$ — теоретическая конкурентоспособность страховой компании, баллы; F_i — факторы конкурентоспособности компании ($i = 1 \ldots n$), баллы; α_i — степень влияния фактора F_i на показатель $K_{ск}$, устанавливается эмпирически, доли единицы.

Оценка влияния факторов на конкурентоспособность страховой компании проводилась методом экспертных оценок. Экспертами выступали руководящие сотрудники страховых организаций в составе 10 человек. Предложенная экспертам анкета включает в себя перечень факторов, в той или иной степени влияющих на конкурентоспособность страховой организации. Специалистам было предложено оценить уровень влияния каждого фактора (как ключевого показателя ССП) по шкале от 1 до 10, где 10 — максимальная степень влияния фактора. Ответы экспертов сгруппированы в таблице 6 (см. на стр. 222).

Таблица 6

Результаты экспертной оценки

Ключевой показатель *n*	Мнения экспертов										Общая сумма рангов (баллов)
	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	Э6	Э7	Э8	Э9	Э10	
*Q*1	5	5	6	6	7	8	5	5	4	4	55
*Q*2	7	8	8	10	8	9	10	7	7	7	81
*Q*3	3	2	2	3	1	5	2	3	4	4	29
*Q*4	5	5	3	3	2	2	5	4	4	4	37
*Q*5	7	6	6	7	8	6	8	8	7	7	70
*Q*6	1	1	2	1	1	1	3	1	1	1	13
*Q*7	7	9	7	7	6	8	5	9	9	9	76
*Q*8	9	6	6	5	8	7	7	5	7	6	66
*Q*9	6	5	5	4	6	5	6	5	7	7	56
*Q*10	7	7	6	5	5	5	4	5	5	5	54
*Q*11	8	8	6	4	7	6	5	6	5	6	61
*Q*12	10	8	7	7	7	9	6	8	9	9	80
*Q*13	7	5	6	5	7	5	5	7	7	8	62
*Q*14	1	1	3	2	2	2	2	2	2	3	20
*Q*15	5	5	4	4	5	4	6	3	4	5	45
*Q*16	6	8	7	6	7	7	8	6	6	6	67
*Q*17	6	6	5	6	7	6	5	5	7	6	59
*Q*18	5	5	6	5	4	5	4	4	4	4	46
*Q*19	3	4	3	3	3	7	3	3	4	5	38
*Q*20	3	3	3	2	4	3	3	2	4	4	31
*Q*21	5	5	5	4	5	6	4	5	5	5	49
*Q*22	2	2	3	2	4	4	4	4	3	2	30
*Q*23	1	1	2	2	1	1	1	3	1	2	15

Источник: составлено авторами на основе проведенного экспертного опроса.

Рассмотрим наиболее существенные показатели деятельности страховой компании, которые, по мнению экспертов, в наибольшей степени влияют на конкурентоспособность страховой организации (табл. 7).

Таблица 7

Наиболее существенные показатели деятельности страховой компании для оценки ее конкурентоспособности и соответствующие группы факторов ССП

Наименование показателя	Фактор конкурентоспособности, которому соответствует показатель	Группа факторов сбалансированной системы показателей
1. Объем собранных страховых премий	Финансовая обеспеченность	Финансы
2. Узнаваемость бренда	Маркетинг	Клиенты
3. Ценовая политика	Маркетинг	Клиенты
4. Рентабельность страховой деятельности	Финансовая обеспеченность	Финансы
5. Репутация и надежность компании	Маркетинг	Внутренние бизнес-процессы
6. Сервисное обслуживание	Маркетинг	Клиенты
7. Доля пролонгированных договоров страхования	Объем клиентской базы	Клиенты
8. Динамика новых договоров страхования	Объем клиентской базы	Клиенты

Источник: составлено авторами на основе проведенного экспертного опроса.

Таким образом, установленные в рамках исследования факторы конкурентоспособности входят в одну из следующих групп факторов конкурентоспособности, соответствующих отдельным составляющим ССП: «Финансы», «Клиенты», «Внутренние бизнес-процессы».

Для оценки конкурентоспособности страховой организации рассчитаем уровень значимости ключевых показателей ССП (табл. 8 на стр. 223).

Таблица 8

Уровень ключевых показателей ССП

Факторы	Уровень значимости ключевого показателя β_i
F_1 финансы	
$Q1$ чистая прибыль	5,5
$Q2$ объем собираемых страховых премий	8,1
$Q3$ доходность инвестиций	2,9
$Q4$ доход от новых страховых продуктов	3,7
$Q5$ рентабельность страховой деятельности	7
$Q6$ рыночная стоимость акций	1,3
F_2 клиенты	
$Q7$ ценовая политика	7,6
$Q8$ сервисное обслуживание	6,6
$Q9$ ассортимент страховых продуктов	5,6
$Q10$ сбытовая политика	5,4
$Q11$ доля пролонгированных договоров в портфеле компании	6,1
$Q12$ узнаваемость бренда	8
$Q13$ доля новых договоров	6,2
F_3 внутренние бизнес-процессы	
$Q14$ удельный вес административных расходов	2
$Q15$ среднее время принятия решения	4,5
$Q16$ репутация и надежность компании	6,7
$Q17$ эффективность маркетинговой деятельности	5,9
$Q18$ удельный вес своевременно произведенных выплат	4,6
F_4 кадры	
$Q19$ уровень текучести кадров	3,8
$Q20$ уровень удовлетворенности сотрудников работой	3,1
$Q21$ эффективность работы информационной системы	4,9
$Q22$ количество сотрудников, повысивших уровень квалификации за период	3
$Q23$ процент топ-менеджеров, регулярно участвующих в совещаниях и стратегических сессиях о развитии компании	1,5

Источник: рассчитано авторами на основе обработки результатов экспертного опроса.

Степень влияния групп факторов ССП на показатель $K_{ск}$ рассчитывается следующим образом:

— для группы факторов (F_i = 1…4), характеризующейся несколькими ключевыми показателями ССП (Q_i = 1…23), рассчитывается как среднее арифметическое от всех поставленных оценок уровня значимости показателей ССП (β_i = 1…23), таким образом, обнаруживается степень влияния факторов конкурентоспособности (α_i) на показатель $K_{ск}$;

— полученные значения нормируются, образуя при этом удельную степень влияния групп факторов ($\alpha_i^{уд}$) на конкурентоспособность страховой организации.

Результаты расчета степени влияния групп представлены в табл. 9.

Таблица 9

Степень влияния групп факторов на конкурентоспособность страховой организации

Наименование показателя	Уровень значимости ключевого показателя β_i	Группа факторов F_i	Степень влияния α_i	Удельная степень влияния $\alpha_i^{уд}$
$Q1$ чистая прибыль	5,5	Финансы	4,75	0,247
$Q2$ объем собираемых страховых премий	8,1			
$Q3$ доходность инвестиций	2,9			
$Q4$ доход от новых страховых продуктов	3,7			
$Q5$ рентабельность страховой деятельности	7			
$Q6$ рыночная стоимость акций	1,3			

Окончание таблицы 9

Наименование показателя	**Уровень значимости ключевого показателя β_i**	**Группа факторов F_i**	**Степень влияния α_i**	**Удельная степень влияния $\alpha_i^{уд}$**
*Q*7 ценовая политика	7,6	Клиенты	6,5	0,338
*Q*8 сервисное обслуживание	6,6			
*Q*9 ассортимент страховых продуктов	5,6			
*Q*10 сбытовая политика	5,4			
*Q*11 доля пролонгированных договоров в портфеле компании	6,1			
*Q*12 узнаваемость бренда	8			
*Q*13 доля новых договоров	6,2			
*Q*14 удельный вес административных расходов	2	Внутренние бизнес-процессы	4,74	0,246
*Q*15 среднее время принятия решения	4,5			
*Q*16 репутация и надежность компании	6,7			
*Q*17 эффективность маркетинговой деятельности	5,9			
*Q*18 удельный вес своевременно произведенных выплат	4,6			
*Q*19 уровень текучести кадров	3,8	Кадры	3,26	0,169
*Q*20 уровень удовлетворенности сотрудников работой	3,1			
*Q*21 эффективность работы информационной системы	4,9			
*Q*22 количество сотрудников, повысивших уровень квалификации за период	3			
*Q*23 процент топ-менеджеров, регулярно участвующих в совещаниях и стратегических сессиях, посвященных вопросам стратегического развития компании	1,5			

Источник: рассчитано авторами на основе проведенного экспертного опроса.

В результате исследования удельная степень влияния групп факторов на конкурентоспособность страховой компании $K_{ск}$ представлена следующей зависимостью:

$$K_{ск} = 0{,}247F_1 + 0{,}338F_2 + 0{,}246F_3 + 0{,}169F_4.$$

Для наглядности продемонстрируем ранжирование групп факторов по степени влияния на конкурентоспособность страховой организации в виде гистограммы (рис. 3).

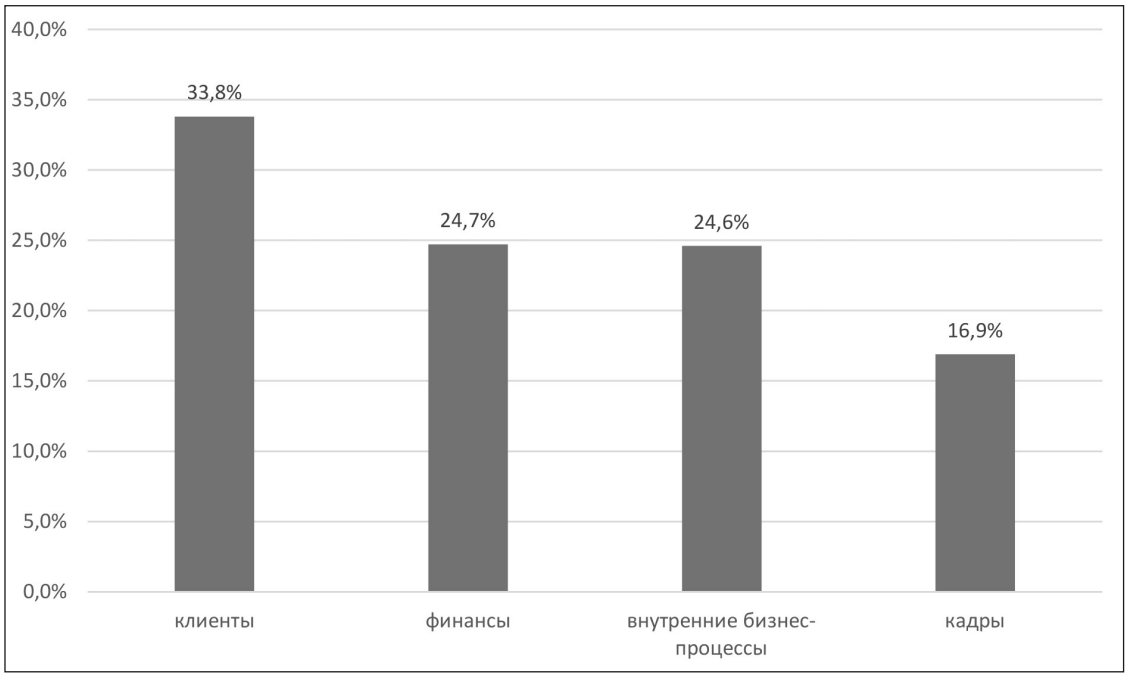

Рис. 3. Ранжирование групп факторов по степени влияния на конкурентоспособность страховой компании

Источник: составлено авторами на основе проведенного экспертного опроса.

Выводы и заключения

На конкурентоспособность страховой организации оказывают влияние внешние и внутренние факторы. Анализ влияния внешних факторов с использованием корреляционно-регрессионного анализа показал, что наиболее значимыми из них являются доходы населения и число страховых организаций.

Внутренние факторы в большей степени поддаются управлению, чем внешние, но степень их влияния сложно оценить количественно. Построение системы сбалансированных показателей позволило выявить группу факторов, наиболее сильно влияющих на конкурентоспособность страховщика. Формализация оценки с помощью обработки экспертных мнений специалистов в области страхования показала, что наибольший вес занимают показатели, входящие в группу «Маркетинг».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головачев А. С. Конкурентоспособность организации: учебное пособие. Минск: «Вышэйшая школа», 2012 . 319 с.
2. Колесникова Т. В. Взаимосвязь финансовой устойчивости и конкурентоспособности страховой организации / Т. В. Колесникова // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 3. С. 10–20. DOI : 10.17150/2072-0904.2015.6(3).10
3. Хитрова Е. М. Проблемы и перспективы страховых отношений в условиях повышения концентрации рынка // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 2 (52). С. 28–34.
4. Хитрова Е. М. К вопросу оценки эффективности маркетинговой деятельности страховой организации / Е. М. Хитрова, Е. С. Попова // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27, № 1. С. 50–58. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(1).50-58
5. Кравцевич С. В. Развитие теоретико-методологических подходов к исследованию конкуренции. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. 258 с.
6. Фатхутдинов Р. А. Стратегическая конкурентоспособность: учебник. М. : Экономика, 2005. 504 с.
7. Глухов А. Л. Оценка конкурентоспособности товара и способы ее обеспечения // Маркетинг. 2012. № 2. С. 54–56.
8. Экономическая стратегия фирмы: учеб. пособие / под ред. А. П. Градова. СПб.: Спецлит, 2000. 589 с.
9. Кравцевич С. В. Современные представления о конкуренции // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 3 (44). С. 120–127. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.358
10. Кузнецова Н. В. К вопросу об удовлетворенности страховыми услугами и формирование спроса на страхование // Экономика и предпринимательство. 2018. № 3 (92). С. 779–783.
11. Копылов Л. Е. Анализ существующих методов оценки конкурентоспособности для страхового бизнеса // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2011. № 3(12). С. 7–17.
12. Винокурова М. В. Конкурентоспособность региона: понятие и факторы развития // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 3. С. 9–15.
13. Страхование сегодня: интернет-портал. URL: http://www.insur-info.ru
14. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. 3-е изд., испр. и доп. / [Пер. с англ. М. Павловой]. М. : Издательство «Олимп-Бизнес», 2017. 320 с.
15. Салюков В. Н. Сбалансированная система показателей как эффективный метод управления реализацией продукции // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 15. С. 39–46.

REFERENCES

1. Golovachev A. S. Competitiveness of the organization: studies. textbook. Minsk: Vysshaya shkola, 2012. 319 p. (In Russ.).
2. Kolesnikova T. V. Interrelation of financial stability and competitiveness of an insurance organization // Baikal Research Journal. 2015. Vol. 6. No. 3. P. 10–20. DOI : 10.17150/2072-0904.2015.6(3).10. (In Russ.).
3. Khitrova E. M. Problems and prospects of insurance relations in conditions of increasing market concentration // News of the Ural State Economic University. 2014. No. 2 (52). Pp. 28–34. (In Russ.).
4. Khitrova E. M., Popova E. S. On the question of the effectiveness of the marketing activity of the insurance organization // News of Baikal State University. 2017. Vol. 27. No. 1. Pp. 50–58. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(1).50-58
5. Kravtsevich S. V. Development of theoretical and methodological approaches to competition research. Irkutsk: Publishing house of BSU-EP, 2014. 258 p. (In Russ.).
6. Fatkhutdinov R. A. Strategic Competitiveness: textbook. Moscow: Economics, 2005. 504 p. (In Russ.).
7. Glukhov A. L. Assessment of competitiveness of the goods and the means for achieving // Marketing. 2012. No. 2. Pp. 54–56. (In Russ.).
8. Gradov A. P. (ed.). The economic strategy of the company. Saint Petersburg: Spetslit, 2000. 589 p. (In Russ.).
9. Kravtsevich S. V. Contemporary Impressions of Competition // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2018. No. 3(44). Pp. 120–127. (In Russ.). DOI: 10.25683 / VOLBI.2018.44.358
10. Kuznetsova N. V. On the issue of satisfaction with insurance services and the formation of demand for insurance // Economics and entrepreneurship. 2018. No. 3(92). P. 779–783. (In Russ.).
11. Kopylov L. E. Analysis of existing methods for assessing competitiveness for the insurance business // Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service.2011. No. 3(12). Pp. 7–17. (In Russ.).
12. Vinokurova M. V. Competitiveness of the region: the concept and factors of development // News of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law). 2013. No. 3. P. 9–15. (In Russ.).

13. Insurance today. (In Russ.). URL: http://www.insur-info.ru

14. Kaplan Robert S., Norton David P. Balanced system of indicators. From strategy to action. 3rd ed., Rev. and additional / [Transl. from English by M. Pavlova]. Moscow: Olimp-Biz Publishing House, 2017. 320 p.

15. Salyukov V. N. Balanced Scorecard as an Effective Method for Managing Product Sales // Russian Pre-Mentoring. 2014. Vol. 15. No. 15. Pp. 39–46. (In Russ.).

Как цитировать статью: Хитрова Е. М., Хитрова Т. И., Попова Е. С. Оценка влияния внешних и внутренних факторов на конкурентоспособность страховых организаций // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 216–226. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.429.

For citation: Khitrova E. M., Khitrova T. I., Popova E. S. Assessment of the impact of internal and external factors on competitiveness of insurance companies // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 216–226. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.429.

УДК 338.001.36
ББК 65.051.9

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.450

Gorbunova Olesya Sergeevna,
Senior Lecturer
of the Department of Accounting and Audit,
Ural State Agrarian University,
Ekaterinburg,
e-mail: OS-Bakunova@mail.ru

Горбунова Олеся Сергеевна,
старший преподаватель
кафедры бухгалтерского учета и аудита,
Уральский государственный аграрный университет,
г. Екатеринбург,
e-mail: OS-Bakunova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

THE INFLUENCE OF THE POTENTIAL OF THE HUMAN CAPITAL FORMATION ON THE ECONOMIC CONDITION OF AGRICULTURE

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами (АПК и сельское хозяйство)
08.00.05 – Economy and management of national: economy, organization and management of the enterprises, branches, complexes (agrarian and industrial complex and agriculture)

Аграрное хозяйство является одним из крупнейших секторов экономики России. Однако экономические реформы в России привели к трансформации сельского хозяйства, к системному кризису, который затронул экономику аграрного сектора России и связанные с ним отрасли, к застойным явлениям в системе занятости, к ухудшению профессионально-квалификационной структуры его кадрового потенциала и в целом к истощению человеческого капитала и снижению качества конкурентной среды отрасли. Негативно отразились на аграрном секторе и последующие финансовые санкции, введенные в отношении России, и объявленный курс на импортозамещение в продовольственной сфере. В этой связи проблема формирования человеческого капитала сельских территорий является не просто актуальной, а ставится в разряд первоочередных задач в структуре социально-экономических исследований.

Настоящее исследование направлено на выявление взаимосвязи экономических показателей организаций аграрной сферы с обеспеченностью муниципальных районов потенциалом формирования человеческого капитала, что позволит определить районы с наилучшими показателями деятельности предприятий и потенциалом человеческого капитала, имеющимся в конкретном районе.

В рамках исследования предлагается под «человеческим капиталом» понимать совокупность физических и интеллектуальных возможностей личности, реализуемых в системе экономических отношений с целью извлечения доходов и приращения других видов капиталов в процессе мотивированного труда. Проведенный анализ основных экономических показателей деятельности сельскохозяйственных организаций Свердловской области и обеспеченности районов области образовательными учреждениями позволил выявить прямую зависимость экономического состояния сельского хозяйства от потенциала формирования человеческого капитала. Так, по исследуемым группам управлений АПКиП прослеживается следующая зависимость: чем выше потенциал формирования человеческого капитала территории, тем выше экономические показатели ее сельского хозяйства.

Agriculture is one of the largest sectors of the Russian economy. However, economic reforms in Russia led to transformation of agriculture, to a systemic crisis that affected the economy of the agricultural sector of Russia and related industries, to stagnation in the employment system, to deterioration of the professional and qualification structure of its personnel potential and, in general, to depletion of the human capital and reduction of the quality of the competitive environment of the industry. The agricultural sector was negatively affected by the subsequent financial sanctions imposed on Russia and the announced policy of import substitution in the food sector. In this regard, the problem of formation of the human capital in rural areas is not just relevant, but is put in the category of priorities in the structure of the socio – economic research.

This study is aimed at identifying the relationship of economic indicators of organizations of the agricultural sector and the provision of municipal areas with the potential of human capital formation, which will determine the areas with the best performance of enterprises and the potential of the human capital available in the area.

In the framework of the study, it is proposed to understand human capital as a set of physical and intellectual capabilities of the individual implemented in the system of economic relations in order to extract income and increase other types of capital in the process of motivated labor. The analysis of the main economic indicators of the agricultural organizations of the Sverdlovsk region and the provision of districts with the educational institutions, revealed a direct dependence of the economic state of agriculture on the potential of the human capital formation. Thus, according to the studied groups of agribusiness management, the following dependence can be traced: the higher the potential for the formation of the human capital of the territory, the higher are the economic indicators of its agriculture.

Ключевые слова: человеческий капитал, трудовые ресурсы, организации сельского хозяйства, сельское хозяйство, сельскохозяйственное производство, производительность труда, индекс производства, потенциал человеческого капитала, работники сельского хозяйства, сельское население.

Key words: human capital, labor resources, agricultural organizations, agriculture, agricultural production, labor productivity, production index, human capital potential, agricultural workers, rural population.

Введение

Аграрное хозяйство является одним из крупнейших секторов экономики России. Однако экономические реформы привели к трансформации сельского хозяйства, к системному кризису, который затронул экономику аграрного сектора России и связанные с ним отрасли, к падению объемов производства, к ухудшению социально-экономических и бытовых условий [1], к обострению демографической ситуации, к застойным явлениям в системе занятости, к ухудшению профессионально-квалификационной структуры его кадрового потенциала и в целом к истощению человеческого капитала и снижению качества конкурентной среды отрасли [2].

Негативно отразились на аграрном секторе и последующие финансовые санкции, введенные в отношении России, и объявленный курс на импортозамещение в продовольственной сфере [3].

В этой связи проблема формирования человеческого капитала сельских территорий является не просто актуальной, а ставится в разряд первоочередных задач в структуре социально-экономических исследований [4].

Несмотря на то, что в последние годы удалось несколько приостановить негативные тенденции в сельском хозяйстве, ситуация здесь по-прежнему остается весьма сложной, требующей повышения конкурентоспособности региональной сельскохозяйственной продукции на основе модернизации сельского хозяйства и создания потенциала формирования его человеческого капитала [5; 6].

Настоящее исследование направлено на выявление взаимосвязи экономических показателей организаций аграрной сферы с обеспеченностью районов потенциалом формирования человеческого капитала, что позволит определить районы с наилучшими показателями деятельности предприятий и потенциалом человеческого капитала, имеющимся в конкретном районе.

Целью настоящего исследования является выявление взаимосвязи результатов экономической деятельности организаций аграрной сферы региона с потенциалом человеческого капитала районов, входящих в его состав.

Задачи:

— предложить авторское определение понятия «человеческий капитал»;

— проанализировать основные экономические показатели деятельности сельскохозяйственных организаций Свердловской области;

— оценить обеспеченность районов области образовательными учреждениями;

— определить зависимость экономического состояния сельского хозяйства от потенциала формирования человеческого капитала.

Изученность проблемы. Оценка человеческого капитала и его влияния на экономический рост осуществляется в основном с позиции эффективности капиталообразования. Известны такие зарубежные разработчики теории интеллектуального капитала, как Р. Кроуфорд, Д. Кэнуэлл, Т. Стюарт, Дж. Сазерленд, Дж. Тобин, Л. Эдвинсон и др.

Отдельные аспекты формирования человеческого капитала аграрной сферы рассмотрены в работах Р. Кроуфорда, Д. Кэнуэлла, Дж. Сазерленд, Т. Стюарт, Дж. Тобина, Л. Эдвинсон, а также отечественных ученых, таких как Ю. С. Баландина, В. Ф. Бондарева, Е. Ф. Злобина, Р. М. Камалтдиновой, В. Н. Кудинова, В. И. Машенкова, А. В. Никонова, К. А. Носкова, Е. В. Овсянникова, Г. Ю. Пехтеревой, В. Т. Смирнова, Е. С. Строева, А. С. Тростина и др.

Тем не менее многие аспекты формирования человеческого капитала аграрной сферы и его влияния на результаты экономической деятельности сельскохозяйственных организаций изучены недостаточно.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке методических подходов к выявлению зависимости экономического состояния хозяйствующих субъектов от потенциала формирования человеческого капитала.

Практическая значимость работы состоит в определении группы районов Свердловской области, имеющих наибольший потенциал формирования человеческого капитала, что позволит обеспечить дифференцированный подход со стороны органов власти местного самоуправления при реализации программ поддержки развития сельских территорий.

Основная часть

Существуют различные трактовки понятия «человеческий капитал». В рамках данного исследования предлагается под человеческим капиталом понимать совокупность физических и интеллектуальных возможностей личности, реализуемых в системе экономических отношений с целью извлечения доходов и приращения других видов капиталов в процессе мотивированного труда.

Человеческий капитал государства, региона или муниципального образования в значительной мере определяется уровнем экономического развития соответствующего государства, региона или муниципального образования [7]. В свою очередь, перспективы долгосрочного экономического развития вышеупомянутых территориальных

единиц находятся в прямой зависимости от состояния человеческого капитала, возможности его адаптации к современным условиям.

В Докладе о состоянии человеческого капитала в мире *отмечается, что* развито и используется только 62 % человеческого капитала от общего объема. Человеческий капитал сконцентрирован преимущественно в развитых странах: в странах «семерки» и ЕС — 59 %, в странах ОПЕК — 12 %, в странах СНГ — 11 %, в остальных странах — 18 %.

Для определения взаимосвязи экономической деятельности сельскохозяйственных организаций с имеющимся потенциалом формирования человеческого капитала были проанализированы основные экономические показатели сельского хозяйства Свердловской области за 2017 г. В качестве критериев оценки были выбраны следующие показатели: производительность труда в расчете на одного работника, индекс производства сельскохозяйственной продукции и численность работников, занятых в сельском хозяйстве [8]. Выборка показателей производилась в разрезе районов Свердловской области.

Экспертным путем Управления агропромышленного комплекса и продовольствия (АПКиП) и подконтрольные им муниципальные районы были распределены по трем группам в зависимости от суммы рангов:

— 1-я группа — Управление АПКиП с суммой рангов от 0 до 20;

— 2-я группа — Управление АПКиП с суммой рангов от 21 до 39;

— 3-я группа — Управление АПКиП с суммой рангов более 40.

Результаты распределения муниципальных районов Свердловской области по группам в зависимости от экономических показателей сельского хозяйства приведены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение районов Свердловской области по группам в зависимости от экономических показателей сельского хозяйства

Группы	Управления АПКиП	Производительность труда на 1 работника, тыс. руб.	Ранг	Индекс производства с/х продукции, %	Ранг	Работники, занятые в сельском хозяйстве, человек	Ранг	∑ по рангу
1	Алапаевское	1109,3	11	120,51	1	1154	8	20
2	Артинское	955,6	13	111,71	9	1092	10	32
1	Байкаловское	1110,7	10	118,24	4	1278	6	20
1	Белоярское	1572,5	2	110,20	11	1345	3	16
1	Богдановичское	1398,8	6	116,62	6	1543	2	14
3	Верхотурское	864,1	14	104,57	14	553	15	43
1	Ирбитское	1491,4	5	118,55	3	3120	1	9
2	Каменское	1320,8	8	106,97	13	1155	7	28
2	Камышловское	1233,0	9	112,39	8	1287	5	22
1	Красноуфимское	1106,3	12	120,47	2	1298	4	18
1	Пригородное	1900,7	1	116,66	5	613	14	20
2	Режевское	1553,9	3	101,28	15	719	13	31
2	Сысертское	1329,3	7	108,93	12	759	12	31
2	Туринское	773,6	15	120,47	2	949	11	28
2	Талицкое	1529,9	4	111,64	10	1119	9	23
3	Шалинское	709,9	16	114,17	7	446	16	39

Источник: составлено автором по данным Министерства агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области [9].

В современных условиях отрасль сельского хозяйства становится наиболее незащищенной сферой экономики, поскольку основным источником трудовых ресурсов АПК является сельское население, имеющее ярко выраженные отрицательные тенденции развития [10].

Важнейшим фактором, определяющим потенциал формирования человеческого капитала аграрной сферы, по нашему мнению, является обеспеченность населения районов (по управлениям АПКиП) образовательными учреждениями (детские сады, школы, центры дополнительного образования, сельскохозяйственные техникумы) (табл. 2 на стр. 229).

Управления агропромышленного комплекса и продовольствия (АПКиП) и подконтрольные им муниципальные районы были распределены по трем группам следующим образом:

— 1-я группа: техникумов ≥ 1, школ > 45, детских садов > 45, ЦДО > 30 ед.;

— 2-я группа: техникум 1, школ 44–20, детских садов 44–20, ЦДО 29–5;

— 3-я группа: техникумов 0, школ < 20, детских садов < 20, ЦДО < 5.

Таблица 2

Распределение районов Свердловской области по группам в зависимости от потенциала формирования человеческого капитала аграрной сферы

Управления АПКиП	Подконтрольные муниципальные районы (МР), городские округа (ГО)	Детские сады	Школы	Центры дополнительного образования	Техникумы	Группы
Алапаевское	МО «Город Алапаевск», МО Алапаевское, Махневское МО	54	31	10	1	2
Артинское	Артинский ГО	44	45	9	2	2
Байкаловское	Байкаловский МР, Слободо-Туринский МР	27	27	6	1	2
Белоярское	Белоярский ГО, Асбестовский ГО, ГО Заречный, ГО Верхнее Дуброво, Малышевский ГО, Рефтинский ГО	50	45	10	1	1
Богдановичское	ГО Богданович, ГО Сухой Лог	40	34	4	0	3
Верхотурское	ГО Верхняя Тура, ГО Верхотурский, Качканарский ГО, ГО «Город Лесной», Нижнетуринский ГО, Новолялинский ГО, Волчанский ГО, Гаринский ГО, Ивдельский ГО, ГО Краснотурьинск, ГО Карпинск, Североуральский ГО, Серовский ГО, Сосьвинский ГО, ГО Пелым	175	119	44	1	1
Ирбитское	Ирбитское МО, МО «Город Ирбит»	47	29	6	1	2
Каменское	МО «Город Каменск-Уральский», Каменский ГО	74	45	6	1	2
Камышловское	Камышловский ГО, Камышловский МР, Пышминский ГО	56	39	13	1	2
Красноуфимское	ГО Красноуфимск, МО Красноуфимский округ, Ачитский ГО	59	45	10	1	1
Пригородное	Верхнесалдинский ГО, ГО Верняя Тура, ГО Верхний Тагил, ГО Верх-Нейвинский, Горноуральский ГО, Кушвинский ГО, Кировоградский ГО, ГО Красноуральск, Невьянский ГО, ГО Нижняя Салда, МО «Город Нижний Тагил», Новоуральский ГО, ГО ЗАТО Свободный	294	153	44	1	1
Режевское	Артемовский ГО, Режевской ГО	53	36	7	1	2
Сысертское	Арамильский ГО, Сысертский ГО	40	23	7	1	2
Туринское	Туринский ГО, Таборинский ГО, Тавдинский ГО	24	38	6	1	2
Талицкое	Талицкий ГО, Тугулымский ГО	39	42	12	1	2
Шалинское	ГО Староуткинск, Шилинский ГО	12	15	2	0	3

В таблице 3 сопоставлены экономические показатели сельского хозяйства и условия формирования человеческого капитала в подконтрольных АПКиП муниципальных районах с целью выявления взаимосвязи между двумя группами показателей.

Таблица 3

Взаимосвязь между экономическими показателями сельского хозяйства и условиями формирования человеческого капитала по районам Свердловской области в 2017 г.

Группа	Распределение Управлений АПКиП Свердловской области по экономическим показателям сельского хозяйства	Группа	Распределение Управлений АПКиП Свердловской области по условиям формирования человеческого капитала
1	Алапаевское, Байкаловское, Белоярское, Богдановичское, Ирбитское, Красноуфимское, Пригородное	1	Белоярское, Верхотурское, Красноуфимское, Пригородное
2	Артинское, Каменское, Камышловское, Режевское, Сысертское, Туринское, Талицкое	2	Алапаевское, Артинское, Байкаловское, Ирбитское, Каменское, Камышловское, Режевское, Сысертское, Туринское, Талицкое
3	Верхотурское, Шалинское	3	Богдановичское, Шалинское

Источник: составлено и рассчитано по результатам исследований автора.

По результатам исследования к управлениям АПКиП, имеющим самый высокий потенциал формирования человеческого капитала, относятся Белоярское, Верхотурское, Красноуфимское и Пригородное. Самый низкий уровень потенциала человеческого капитала наблюдается у Богдановичского и Шалинского управлений АПКиП.

Анализ выявил, что по критериям производительности труда одного работника, индекса производства сельскохозяйственной продукции Алапаевское, Байкаловское, Белоярское, Богдановичское, Ирбитское, Красноуфимское и Пригородное управления имеют самый низкий ранг, что свидетельствует об эффективной работе организаций аграрного сектора, расположенных на территории данных районов.

Сопоставив полученные результаты по группам управлений АПКиП, можно сделать вывод, что по многим управлениям наблюдается соответствие высоких экономических показателей и обеспеченности районов высоким потенциалом формирования человеческого капитала.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ основных показателей экономической деятельности сельскохозяйственных организаций Свердловской области и обеспеченности районов области образовательными учреждениями позволил выявить прямую зависимость экономического состояния сельского хозяйства от потенциала формирования человеческого капитала. Так, по исследуемым группам управлений АПКиП прослеживается следующая зависимость: чем выше потенциал формирования человеческого капитала территории, тем выше экономические показатели ее сельского хозяйства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горбунова О. С. Проблемы формирования человеческого капитала в сельском хозяйстве // Вестник Государственного аграрного университета Северного Зауралья. 2015. № 4 (31). С. 128–133.

2. Анинкин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. Т. 18. № 4. 2017. С. 120–156.

3. Человеческий капитал как фактор повышения продовольственной безопасности региона / О. С. Горбунова, Т. М. Лялина, С. О. Палкина, В. М. Шарапова // Аграрный вестник Урала. 2015. № 1(131). С. 95–97.

4. Палкина С. О. Формирование и использование человеческого капитала в сельском хозяйстве : дисс. … канд. экон. наук. URL: http://dlib.rsl.ru/rsl01007000000/rsl01007532000/rsl01007532529/rsl01007532529/

5. Набоков В. И., Некрасов К. В. Управление инновационной деятельностью организаций АПК в современных условиях // Агропродовольственная политика России. 2017. № 1. С. 30–32.

6. Набоков В. И., Некрасов К. В. Повышение конкурентоспособности предприятий АПК на основе инновационной деятельности // Аграрный вестник Урала. 2012. № 1. С. 83–86.

7. Горбунова О. С., Петрякова С. В., Бражник М. В. Профессиональная ориентация учащихся как инструмент формирования человеческого капитала аграрного сектора экономики региона // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 2(43). С. 104–108. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.43.271

8. Петрякова С. В., Фатеева Н. Б., Серебренникова М. С. Эффективность заработной платы на предприятиях Свердловской области // Аграрное образование и наука. 2017. № 1. С. 18.

9. Официальный сайт Министерство агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области. URL: http://mcxso.midural.ru/

10. Шарапова В. М., Тульская О. А. Проблемы занятости населения: причины возникновения и распространения безработицы // Агропродовольственная политика России. 2016. № 7(55). С. 39–43.

REFERENCES

1. Gorbunova O. S. Problems of formation of the human capital in agriculture // Bulletin of the State Agrarian University of the Northern Urals. 2015. No. 4(31). Pp. 128–133. (In Russ.).

2. Anikin V. A. Human capital: the formation of concepts and basic interpretation // Economic sociology. 2017. Vol. 18. No. 4. Pp. 120–156. (In Russ.).

3. Gorbunova O. S., Lyalina T. M., Palkina S. O., Sharapova V. M. Human capital as a factor of increasing food security of the region // Agrarian Bulletin of the Urals. 2015. No. 1(131). Pp. 95–97. (In Russ.).

4. Palkina S. O. Formation and use of human capital in agriculture : dissertation of the candidate of economics (In Russ.). URL: http://dlib.rsl.ru/rsl01007000000/rsl01007532000/rsl01007532529/rsl01007532529/

5. Nabokov V. I., Nekrasov K. V. Management of innovative activity of the organizations of the agro-industrial complex in the modern conditions // Agro-food policy of Russia. 2017. No. 1. Pp. 30–32. (In Russ.).

6. Nabokov V. I., Nekrasov K. V. Improving competitiveness of agricultural enterprises on the basis of innovation // Agrarian Bulletin of the Urals. 2012. No. 1. Pp. 83–86. (In Russ.).

7. Gorbunova O. S., Petryakova S. V., Brazhnik M. V. Professional orientation of students as a tool for the formation of human capital of the agricultural sector of the regional economy // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2018. No. 2(43). Pp. 104–108. (In Russ.). DOI: 10.25683/VOLBI.2018.43.271

8. Petryakova S. V., Fateeva N. B., Serebrennikova M. S. Wage efficiency at the enterprises of Sverdlovsk region // Agricultural education and science. 2017. No. 1. P. 18. (In Russ.).

9. Official website of the Ministry of agriculture and food of the Sverdlovsk region. (In Russ.). URL: http://mcxso.midural.ru

10. Sharapova V. M., Tul′skaya O. A. Problems of employment of the population: causes of occurrence of unemployment // Agro-food policy of Russia. 2016. No. 7(55). Pp. 39–43. (In Russ.).

Как цитировать статью: Горбунова О. С. Влияние потенциала формирования человеческого капитала на экономическое состояние сельского хозяйства // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 226–231. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.450.

For citation: Gorbunova O. S. The influence of the potential of the human capital formation on the economic condition of agriculture // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 226–231. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.450.

УДК 331.108.45
ББК 65.050

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.440

Dmitrieva Lyudmila Ivanovna,
Senior Lecturer of the Department of Management,
Novosibirsk State
Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: Dmitrieva@corp.nstu.ru

Дмитриева Людмила Ивановна,
старший преподаватель кафедры менеджмента,
Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск.
e-mail: Dmitrieva@corp.nstu.ru

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ НА ОСНОВЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПЕРЕПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ

INCREASING COMPETITIVENESS OF EDUCATIONAL SERVICES BASED ON IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL PROGRAMS OF RETRAINING OF SPECIALISTS IN THE UNIVERSITY

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В статье рассматривается проблема повышения конкурентоспособности образовательных услуг в системе дополнительного профессионального образования.

Отмечена особая роль профессиональной переподготовки специалистов в контексте современных требований к эффективному управлению, в том числе образовательными организациями.

Дана сравнительная характеристика нетехнических направлений профессиональной подготовки и переподготовки специалистов в вузах Новосибирска. Цель исследования — выявление соответствия реализуемых программ профессиональной переподготовки специалистов в Новосибирском государственном техническом университете требованиям образовательного стандарта.

Автором осуществлен анализ образовательных программ подготовки специалистов как средства формирования компетенций, необходимых для освоения новых видов деятельности и решения более сложных задач.

В статье представлена модель оценки эффективности обучения, которая направлена на усовершенствование подходов к планированию и разработке обучающих программ специалистов в системе дополнительного образования. Дан обзор точек зрения исследователей в области образовательного процесса на необходимость оценки практического применения полученных знаний (компетенций) в различных сферах деятельности.

Приведены результаты оценки уровня удовлетворенности потребителей реализуемыми программами переподготовки в институте дополнительного профессионально образования Новосибирского государственного технического университета.

Даны рекомендации по разработке организационно-методических средств по совершенствованию реализуемых обучающих программ в системе дополнительного образования с целью повышения их конкурентоспособности.

Рекомендации разработаны на основе информации, полученной в процессе интервьюирования и анкетирования слушателей, обучающихся по программам в Новосибирском государственном техническом университете.

Высказывается мнение о возможности применения результатов исследования в процессе обучения слушателей в системе дополнительного профессионального образования высшей школы.

The article examines the problem of increasing competitiveness of educational services in the system of additional vocational education.

The special role of professional retraining of specialists in the context of the modern requirements to effective management, including educational organizations, was noted.

The comparative characteristic of non-technical directions of vocational training and retraining of specialists in universities of Novosibirsk is given.

The aim of the study is to identify the compliance of the programs of professional retraining of specialists in Novosibirsk state technical University, the requirements of the educational standard.

The author analyzes educational programs for training specialists as a means of forming competencies necessary for development of new activities and solving more complex problems.

The article presents a model for evaluating the effectiveness of training, which is aimed at improving approaches to planning and development of training programs of specialists in the system of additional education.

The article reviews the points of view of researchers in the field of educational process on the need to assess the practical application of the knowledge (competencies) in various fields of activity.

The results of evaluation of the level of customer satisfaction with the programs of retraining at the Institute of additional professional education of Novosibirsk state technical University are presented.

Recommendations are provided for development of the organizational and methodical tools for improving the implemented training programs in the system of additional education in order to enhance their competitiveness.

Recommendations are developed on the basis of the information received in the course of interviewing and questioning of the trainees studying on the programs at Novosibirsk state technical University. The opinion is expressed on the possibility of applying the results of the study in the process of training students in the system of additional professional education of higher education.

Ключевые слова: система дополнительного профессионального образования, переподготовка специалистов, государственный образовательный стандарт, дополнительная образовательная программа, направление подготовки, компетенции, оценка обучения, модель обучения, конкурентоспособность, образовательные услуги.

Keywords: system of additional vocational education, retraining of specialists, state educational standard, additional educational program, training direction, competencies, evaluation of training, learning model, competitiveness, educational services.

Введение

В настоящее время одним из основных направлений деятельности университетов страны является организация профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов различных профилей, прежде всего своих выпускников, в целях повышения их профессионализма в различных видах деятельности.

Выпускники вузов, работающие в коммерческих и некоммерческих организациях, пройдя переподготовку в системе дополнительного профессионального образования, должны овладеть компетенциями, позволяющими выполнять более сложные задачи в условиях усиливающейся конкуренции специалистов на рынке труда.

Компетенции, необходимые для выполнения нового вида профессиональной деятельности и (или) приобретения новой квалификации, представлены в образовательных программах профессиональной переподготовки, которые разрабатываются вузами в соответствии с требованиями стандартов.

Целью данного исследования является оценка соответствия реализуемых программ профессиональной переподготовки как средства формирования компетенций требованиям образовательного стандарта и рынка труда.

Актуальность исследования обусловлена тем, что вузы заинтересованы в реализации Копенгагенского процесса, который был инициирован «с целью обеспечения возможностей получения образования в течение всей жизни (концепция непрерывного образования)» [1, с. 45].

Результаты исследования могут быть использованы в процессе обучения слушателей в системе дополнительного профессионального образования высшей школы.

Основная часть

Концепция непрерывного образования предполагает не только повышение квалификации в сфере профессиональной деятельности, но и возможность получения знаний для выполнения нового вида деятельности, что позволяет система дополнительного профессионального образования высшей школы.

Важнейшая задача системы дополнительного образования вуза состоит, во-первых, в том, чтобы его обучающиеся максимально вобрали в себя все компетенции предлагаемой образовательной программы, а во-вторых, чтобы последние соответствовали потребностям современного рынка труда.

Прежде чем описать состав и структуру дополнительных образовательных программ, реализуемых вузами Новосибирска, необходимо раскрыть значение и специфику дополнительного профессионального образования.

Система дополнительного образования является составной частью системы образования и включает в себя дополнительные образовательные программы; государственные образовательные стандарты дополнительного образования; образовательные учреждения дополнительного образования и организации, осуществляющие деятельность в области дополнительного образования; объединения (ассоциации, союзы) образовательных учреждений дополнительного образования и организаций, осуществляющих деятельность в области дополнительного образования [2].

Дополнительные образовательные программы определяют содержание дополнительного образования и подразделяются на дополнительные общеобразовательные программы и дополнительные профессиональные образовательные программы.

Содержание дополнительной профессиональной программы определяется образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность, если иное не установлено федеральными законами, с учетом потребностей лица, организации, по инициативе которых осуществляется дополнительное профессиональное образование.

Лицам, успешно освоившим соответствующую дополнительную профессиональную программу и прошедшим итоговую аттестацию, выдается удостоверение о повышении квалификации и (или) диплом о профессиональной переподготовке.

Обеспечение эффективного применения результатов обучения в реальной деятельности (перенос знаний и навыков на практику) в настоящее время продолжает оставаться одной из самых важных задач для многих обучающих организаций. В ходе практической деятельности у человека формируется система представлений о цели, плане и средствах осуществления предстоящего или выполняемого действия. Согласно данной теории обучение строится в соответствии с ориентировочной основой выполнения действия, которое должно быть усвоено обучаемым. При этом цикл усвоения состоит из ряда этапов [3].

Данная теория разрабатывалась с начала 50-х гг. прошлого столетия известными отечественными учеными П. Я. Гальпериным, Д. Б. Элькониным, Н. Ф. Талызиной и др. Авторы данной теории установили, что знания, навыки и умения не могут быть ни усвоены, ни сохранены вне деятельности (действий) человека.

Значительный интерес представляет опыт применения модели оценки эффективности обучения Дона Киркпатрика [4]. Согласно модели этого ученого, которая направлена на усовершенствование подходов к планированию и разработке обучающих программ, существует четыре уровня обучения, в процессе которого при переходе с одного уровня на следующий обучающийся должен анализировать и оценивать полученные результаты. По мнению Дона Киркпатрика, для того чтобы гарантировать результаты, необходимо еще **до начала обучения** определить ожидаемые результаты, ключевые показатели и методы измерения и оценки.

В статье «Методы оценки тренинговых программ» Киркпатрик отмечал, что многие специалисты по обучению до сих пор «не готовы принять на себя ответственность за все, что выходит за рамки подготовки и реализации учебных программ (особенно за результаты, которые прошедшие обучение люди демонстрируют на рабочих местах)».

Таким образом, исследователями в области образовательного процесса высказывается мнение о необходимости оценки практического применения полученных знаний (компетенций), предлагаемых образовательными программами в различных сферах деятельности.

В данной работе автором был проведен анализ конкурентоспособности образовательных программ профессиональной переподготовки нетехнических направлений, предлагаемых вузами Новосибирска. В число вузов, осуществляющих профессиональную переподготовку в нашем регионе, входят такие университеты, как Новосибирский государственный университет (НГУ), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), Новосибирский государственный университет экономики и управления (НГУЭУ) и др.

Исследование с целью выявления соответствия реализуемых дополнительных образовательных программ переподготовки требованиям рынка и профессиональных стандартов проводилось в институте дополнительного профессионального образования Новосибирского государственного технического университета. В настоящее время институт дополнительного профессионального образования факультета бизнеса (ИДПО ФБ) — это развивающееся структурное подразделение с высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом, востребованным набором образовательных программ, комплексом учебно-методического обеспечения, современной материально-технической базой, широкой системой взаимодействий с партнерами в России и за рубежом.

Миссия института — содействие повышению конкурентоспособности организаций и предприятий, саморазвитию личности через обучение.

Анализ конкурентоспособности образовательных программ показал, что ИДПО (ФБ) предлагает девять программ профессиональной переподготовки (табл. 1).

Таблица 1

Образовательные программы профессиональной переподготовки ИДПО НГТУ

Программа подготовки	Продолжительность обучения, ч	Аудиторная нагрузка, ч
Менеджмент	352	252
Управление персоналом	380	284
Экономика организаций (предприятий)	318	268
Бухгалтерский учет и финансы	447	321
Маркетинг	340	256
Управление проектами	300	250
Предпринимательство в сфере сервиса	252	Форма обучения — заочная (дистанционная)
Управление продажами	300	250
Психологическое консультирование	548	250

Для оценки соответствия реализуемых программ профессиональной переподготовки требованиям стандартов автором был проведен сравнительный анализ трех образовательных программ подготовки: «Менеджмент», «Управление персоналом», «Экономика предприятий и организаций».

Образовательная программа по направлению «Менеджмент» разработана для специалистов, желающих получить комплексную подготовку в области управления. Согласно стандарту программа рекомендуется как состоявшимся руководителям компаний и собственникам бизнеса для систематизации и актуализации знаний в области менеджмента, так и выпускникам вузов, специалистам технических и гуманитарных направлений, имеющим намерение осуществить карьерный рост в должности руководителя или развивать управленческие знания и навыки в собственной компании.

Программа подготовки специалистов по направлению «Управление персоналом» разработана на основе профессионального стандарта и адресована:

— специалистам, имеющим опыт работы в сфере кадрового менеджмента и желающим расширить профессиональные компетентности посредством ознакомления с новыми инструментами организации труда;

— специалистам, не имеющим опыт работы по управлению персоналом и желающим освоить новое профессиональное направление.

Обучение по программе предполагает формирование у слушателей профессиональных компетенций [5], необходимых для выполнения профессиональной деятельности в должности руководителя службы управления персоналом, специалиста по управлению персоналом, специалиста по подбору и обучению персонала.

Образовательная программа по направлению «Экономика предприятий и организаций» разработана для:

— специалистов с техническим и гуманитарным образованием, имеющих необходимость получения экономических знаний для более эффективного осуществления своей профессиональной деятельности;

— состоявшихся или будущих собственников компаний, желающих систематизировать экономические знания для успешного ведения бизнеса.

Обучение по программе предполагает формирование у слушателей профессиональных компетенций, необходимых для выполнения профессиональной деятельности в должности экономиста, **экономиста-менеджера.**

Начальный уровень профессиональной подготовки поступающего для обучения на программу предполагает наличие компетенций, соответствующих уровню не ниже среднего профессионального образования, и практического опыта руководства организацией (подразделением) не ниже 4-го квалификационного уровня.

Прошедшие подготовку и итоговую аттестацию специалисты должны быть готовы к выполнению компетенций, представленных в профессиональном стандарте.

Исследование уровня удовлетворенности потребителей программами профессиональной переподготовки в ИДПО НГТУ показало, что по данным программам в 2016–2017 гг. в ИДПО НГТУ обучались 46 человек, из них по программе «Менеджмент» — 19 человек, по программе «Экономика предприятий» — 17 человек, по программе «Управление персоналом: резервы роста продуктивности трудовой деятельности» — 10 человек.

Анализ профессионального состава обучающихся показал, что 26 % общего количества слушателей составляют менеджеры разных уровней управления, 43 % — специалисты (инженеры, экономисты, специалисты по персоналу, юристы, программисты) и 31 % обучающихся — это либо неработающие в данный момент времени (около 15 %), либо молодые люди, начинающие свою трудовую деятельность.

Дальнейший анализ обучающихся по программам профессиональной переподготовки выявил следующее. Среди обучающихся 61 % составляют молодые люди в возрасте от 23 до 30 лет, 22 % составляет возрастная группа от 31 года до 40 лет, третья группа (17 %) — это слушатели в возрасте от 41 года и старше, причем из сорока шести человек самый старший обучающийся достиг 56 лет.

В ходе исследования также было выявлено, что основную долю обучающихся (63 %) составляют женщины и, соответственно, 37 % — мужчины, причем сравнительный анализ обучающихся за два года показал, что число женщин, желающих получить профессиональную подготовку, выросло более чем в два раза.

В процессе обучения по трем вышеуказанным программам дважды проводилось тестирование слушателей (в начале и по окончании обучения) с целью выявления динамики уровня профессиональных компетенций обучающихся, практического применения полученных знаний, умений, навыков, основных приоритетов их дальнейшей деятельности.

В целях совершенствования процесса организации программ профессиональной подготовки слушателям было предложено оценить качество преподаваемых дисциплин и уровень подготовки преподавателей, работающих в данном проекте. Таким образом, было оценено 27 преподавателей по дисциплинам, читаемым в каждой из представленных ранее программ. Ниже на стр. 235 представлены результаты опроса слушателей ИДПО НГТУ.

Анализ ответов респондентов показал различные точки зрения на организацию, процесс и качество обучения, в том числе были противоположные мнения об увеличении и уменьшении количества часов на конкретную дисциплину.

Большинство (80 %) отвечающих высказали мнение о необходимости привлечения для работы в программы профессиональной переподготовки в сфере экономики и управления практикующих специалистов.

Более половины опрошенных считают, что в программы профессиональной переподготовки надо включать больше практических упражнений (задач) или практических ситуаций, то есть то, что можно в будущем применить в своей деятельности, так как, по их мнению, в настоящее время в программах переподготовки в большей мере раскрываются теоретические аспекты управления.

Слушатели программ переподготовки также высказали предложения о совершенствовании организации процесса обучения, в частности о внедрении технологий дистанционного обучения (проведение вебинаров), хотя не уменьшали значение семинаров и консультаций в формате прямого общения.

В целях повышения конкурентоспособности дополнительных образовательных программ в статье представлен учебный план программы профессиональной переподготовки «Менеджмент», в котором перечислены все дисциплины, читаемые по данной программе, приведена общая трудоемкость работы преподавателя, количество лекционных и практических занятий, количество часов, отведенных на итоговую аттестацию. Соответственно проанализированы учебные планы по программам профессиональной переподготовки «Управление персоналом» и «Экономика предприятий и организаций».

Рисунок. Анализ ответов слушателей, обучающихся в ИДПО (ФБ) НГТУ

Итоговая аттестация по программе «Менеджмент» — выпускная аттестационная работа (14 ч), по программам «Управление персоналом» и «Экономика предприятий и организаций» — междисциплинарный экзамен (на подготовку отводится 7 ч).

Итоговая аттестация по направлению подготовки «Менеджмент» заключается в защите выпускной аттестационной работы по темам, предложенным обучающимися, в соответствии с потребностями организации, в которой работает специалист, обучающийся по конкретному направлению подготовки. В исключительных случаях тема выпускной работы формулируется преподавателем в соответствии с интересами слушателя данного направления подготовки. Анализ тем аттестационных выпускных работ обучающихся в 2016–2017 гг. в ИДПО НГТУ показывает выбор приоритетных направлений деятельности организации, в которой работает слушатель программы подготовки.

Таблица 2

Учебный план дополнительной образовательной программы по направлению подготовки «Менеджмент»

Наименование дисциплин программы	Трудоемкость, ч	Всего аудиторных занятий, ч
1. Правовые основы предпринимательской деятельности	20	16
2. Основы менеджмента	26	20
3. Стратегический менеджмент	34	24
4. Основы маркетинга	24	20
5. Управление организационным поведением	20	16
6. Управление персоналом	18	16
7. Финансовый менеджмент	22	20
8. Производственный менеджмент	34	24
9. Бизнес-планирование	26	20
10. Математическое моделирование в управлении	24	20
11. Управление проектами и программами	26	20
12. Управление продажами	22	20
13. Инструментарий успешного менеджера	22	16
14. Итоговая аттестация	14	2

Автору статьи представляется возможным предложить следующие рекомендации по совершенствованию реализуемых программ профессиональной переподготовки ИДПО НГТУ по нетехническим направлениям подготовки. Эти рекомендации разработаны на основе информации, полученной в процессе интервьюирования и анкетирования 46 слушателей, обучившихся в 2016–2017 гг. по вышеуказанным программам подготовки в Новосибирском государственном техническом университете.

1. Внедрить единое интернет-пространство для обучающихся с предоставлением доступа в библиотеку курса, к информации по изменению в расписании и другим организационным изменениям.

2. Увеличить (дополнить) по возможности программу дисциплинами «Трудовое законодательство» и «Нормирование труда».

3. Организовать обучение специальным программам (компьютерным), в частности программе 1С.

4. Организовать обучение в выходные дни, чтобы разгрузить будние дни.

5. Внедрить систему мониторинга качества сформированности профессиональных компетенций слушателей программ нетехнических направлений.

В целях совершенствования профессиональных программ переподготовки специалистов в вузе автор предлагает использовать принцип «конец обучения — это начало», предложенный Доном Киркпатриком. В качестве исходного пункта, согласно модели этого исследователя, следует весь процесс обучения поделить на уровни и при переходе с одного уровня на другой анализировать полученные результаты. В конце обучения по программе проводить итоговое занятие со слушателями и оценивать полученные знания и умения. Для анализа уровня сформированности компетенций можно использовать следующие вопросы:

— что обучающиеся планируют делать с новыми знаниями и навыками?

— какие навыки, знания, установки изменились после обучения?

— насколько значительны эти изменения?

— изменили ли слушатели свое поведение на рабочем месте после обучения?

— как применяют на рабочем месте то, что они узнали во время обучения?

— в какой степени по итогам обучения достигнуты намеченные результаты, планируемые ранее?

Таким образом, анализируя ответы обучающихся, можно оценить их понимание успеха (как желаемый результат выглядит), наблюдаемые и измеримые показатели успеха, сформированность профессиональных компетенций по направлению подготовки.

Заключение

В заключение отметим, что в настоящее время в ИДПО (ФБ) НГТУ проводится апробация данного подхода к оценке обучения для групп 2017—2018 гг. набора, для того чтобы продемонстрировать всем заинтересованным лицам и слушателям профессиональной подготовки, какие результаты достигнуты при реализации предлагаемых программ обучения и развития.

Данный подход может быть использован преподавателями в процессе обучения для формирования профессиональных компетенций, которые могут рассматриваться как компонент готовности слушателя стратегически мыслить, свободно ориентироваться в постоянно обновляющемся информационно-образовательном пространстве, развивать инновационные подходы к деятельности организации, в том числе в учебной деятельности, а также владеть личностными качествами, востребованными на рынке труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Красовский Ю. Д. Обучающие модели развития управленческих знаний : учебно-метод. пособие по специальности «Менеджмент организации». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 295 с.

2. Профессиональный стандарт «Специалист по управлению персоналом» (утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 6 октября 2015 г. № 691 н); Профессиональный стандарт «Специалист по управлению рисками» (утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 7 сентября 2015 года № 591н).

3. Адова И. Б. Модель компетенций менеджера по вознаграждению персонала: подходы к проектированию // Сибирская финансовая школа. 2013. № 6. С. 87–96.

4. Kirkpatrick D. L. Evaluating training programs: the four levels. San Francisko : Berrett-Koehler Publishers, Inc., 1998.

5. Дмитриева Л. И., Шалик К. К. Формирование профессиональных компетенций в процессе обучения менеджменту // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 4(41). С. 136–140.

REFERENCES

1. Krasovskii Yu. D. Teaching models for development of the managerial knowledge: study guide for training program “Management of organization”. M.: YuNITI-DANA, 2012. 295 p. (In Russ.).

2. Professional Standard “Personnel Management Specialist” (approved by the Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of October 6, 2015, No. 691n); Professional Standard “Risk Management Specialist” (approved by the Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of September 7, 2015. No. 591n). (In Russ.).

3. Adova I. B. Model competences of the manager on personnel remuneration: approaches to design // Siberian financial school. 2013. No. 6. Pp. 87–96. (In Russ.).

4. Kirkpatrick D. L. Evaluating training programs: the four levels. San Francisko: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 1998.

5. Dmitrieva L. I, Shalik K. K. Formation of professional competences in the process of management training // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2017. No.4(41). Pp. 136–140.

Как цитировать статью: Дмитриева Л. И. Повышение конкурентоспособности образовательных услуг на основе совершенствования профессиональных программ переподготовки специалистов в вузе // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 231–236. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.440.

For citation: Dmitrieva L. I. Increasing competitiveness of educational services based on improvement of professional programs of retraining of specialists in the university // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 231–236. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.440.

УДК 331.101.32
ББК 65.32(2Рос)

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.416

Kovalenko Lidiya Vladimirovna,
Senior teacher,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: Kovalenko0801@yandex.ru

Коваленко Лидия Владимировна,
старший преподаватель,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: Kovalenko0801@yandex.ru

Pinchukova Hanna Vyacheslavovna,
Student of the Master's Program,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: Kovalenko0801@yandex.ru

Пинчукова Ганна Вячеславовна,
магистрант,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: Kovalenko0801@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN TECHNOLOGIES OF FORMATION OF MOTIVATION COMPLEX OF THE STATE AND MUNICIPAL OFFICERS

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economy and management of national economy

В современных социально-экономических условиях для эффективного функционирования любой организации, в том числе органов государственного и муниципального управления, важна роль и велико значение человеческого фактора, и поэтому нельзя не учитывать закономерностей человеческого поведения и связанной с этим мотивации. Люди ставят перед собой определенные цели и пытаются осуществить их, имея соответствующие побуждения достигнуть этих целей. Цели могут быть разными: например, стремление добиться успеха в профессиональной деятельности, получить признание среди людей, удовлетворить материальные потребности и т д. В широком смысле мотивацию можно представить как процесс сознательного выбора человеком того или иного типа поведения, определяемого комплексным воздействием внешних (стимулы) и внутренних (мотивы) факторов. Зарубежными исследователями науки управления человеческими ресурсами разработан ряд технологий формирования мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащий, применение которых позволяет значительно повысить эффективность управленческой деятельности. Данные технологии основаны на разграничении мотивационных комплексов государственных и муниципальных служащих на две основные категории: положительная и отрицательная мотивация. Технологии формирования мотивационных комплексов в Западной Европе и США в основном базируются на поощрении за успешное и добросовестное исполнение профессиональных обязанностей, своевременном стимулировании успехов. Японская мотивационная школа использует уважительное отношение руководителей к подчиненным, поощрение продолжительной безупречной работы и создание коллективов, где нет текучести кадров.

Опыт применения зарубежных технологий мотивации государственных и муниципальных служащих может быть эффективно использован в российской управленческой практике.

In the modern social and economic conditions the role and importance of the human factor is increasing, and therefore it is impossible not to take into account the laws of human behavior and the related motivation for the effective functioning of any organization, including the state and municipal government bodies. People set certain goals and try to implement them, having the appropriate incentives to achieve these goals. They can be different: for example, the desire to succeed in professional activity, to gain recognition among people, to satisfy material needs, etc. In a broad sense, the motivation can be represented as a process of conscious choice by a person of one or another type of behavior determined by the complex external action (incentives) and internal (motive) factors. Foreign researchers of the science of human resources management have developed a number of technologies for formation of a motivational complex of the state and municipal employees, the use of which can significantly improve the effectiveness of management activities. These technologies are based on the differentiation of motivational complexes of the state and municipal employees into two main categories: positive and negative motivation. Technologies for the formation of motivational complexes in Western Europe and the United States are mainly based on the encouragement for the successful and conscientious fulfillment of professional duties, timely stimulation of success. Japanese motivational school uses a respectful attitude of managers to subordinates, encouraging continued impeccable work and creating teams where there is no staff turnover.

The experience of applying foreign technologies to motivate state and municipal employees can be effectively used in Russian management practice.

Ключевые слова: мотивация, мотивационный комплекс, технология мотивации, материальное и нематериальное стимулирование труда, государственные и муниципальные служащие, комплексная мотивация, организация, эффективность, мотивационная школа, управление.

Keywords: motivation, motivational complex, technology of motivation, material and non-material stimulation of work, state and municipal employees, complex motivation, organization, efficiency, motivational school, management.

Введение

Актуальность исследуемой темы обусловлена следующими обстоятельствами. На сегодняшний день управление человеческими ресурсами признано важнейшим направлением управленческой деятельности. В соответствии с этим мотивация персонала государственной и муниципальной службы как подсистема управления персоналом вызывает значительный научно-практический интерес.

Формирование мотивационного комплекса представляет собой обязательный инструмент управления человеческими ресурсами. Именно мотивация персонала является одним из главных моментов, определяющих отношения между сотрудниками и организацией. В узком смысле формирование мотивационного комплекса можно определить как процесс внутреннего побуждения работников организации к осуществлению высокопродуктивной трудовой деятельности, а также заинтересованности процессом и результатом труда.

Процесс мотивации государственных и муниципальных служащих как особой категории персонала отличается рядом характерных черт, обусловленных особенностями осуществления государственной и муниципальной службы. Зарубежными исследователями в зависимости от типа мотивации персонала был сформирован ряд технологий формирования эффективного мотивационного комплекса.

Цель исследования заключается в изучении зарубежных технологий формирования эффективного мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих, а также в осуществлении сравнительного анализа данных технологий.

Задачи исследования:

— исследовать основные подходы к формированию мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих, предложенные зарубежными исследователями;

— осуществить системный анализ зарубежных технологий мотивационного комплекса;

— предложить рекомендации по использованию наиболее эффективных технологий формирования мотивационного комплекса в отечественной управленческой практике.

Целесообразность разработки темы определена значимостью формирования мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих для осуществления эффективного управления.

Сложность предметной области исследования обусловливает необходимость использования системного подхода к исследованию, а также группы методов исследования — системного, диалектического, методов группировок, сравнения.

Научная новизна исследования заключается в выявлении наиболее эффективных методов формирования мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих, а также использовании данных методов в отечественной управленческой практике.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теоретических представлений о зарубежных технологиях формирования мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих.

Практическая значимость работы состоит в том, что рекомендации авторов, касающиеся применения методов зарубежных технологий формирования мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих, могут быть использованы в отечественной управленческой практике.

Основная часть

Одним из наиболее распространенных является мнение о том, что самым эффективным типом мотивационного воздействия является применение материального стимулирования работников. Однако лучшие западные практики в области управления персоналом показывают, что такой подход не является единственно верным.

На сегодняшний день существует большое количество мотивационных теорий о том, каким образом следует поощрять государственных и муниципальных служащих. Мотивационные теории в различных государствах формируются под влиянием национальных особенностей, менталитета, исторических аспектов развития государства. Так, в странах Западной Европы и США проблема мотивации государственных и муниципальных служащих понимается гораздо шире, чем, например, в странах СНГ. В государствах, принадлежащих постсоветскому пространству, считается, что государственный служащий осуществляет трудовую деятельность в основном ради материального вознаграждения. Естественно, вопрос о заработной плате должен стоять на первом месте, ведь лишь небольшой процент государственных и муниципальных служащих осуществляют трудовую деятельность исключительно за идею, однако если организация представит своему работнику возможность посещать курсы повышения квалификации, по изучению иностранных языков, личностного и профессионального развития и т. д., то естественно, что мотивация к осуществлению трудовой деятельности государственного служащего повысится, так же как и его лояльность.

В соответствии с этим в большинстве стран Запада, помимо финансовой стороны, заметная роль отводится нематериальным способам мотивации государственных и муниципальных служащих. Западные исследователи по управлению персоналом давно пришли к выводу о том, что именно служащие являются главной ценностью государственной организации, поскольку именно от их эффективного труда зависит деятельность организации в конечном итоге.

Результаты

Именно в рамках западной научной мысли в области управления персоналом возникло понятие технологии мотивации, используемое в отношении к процессам мотивации государственных и муниципальных служащих.

Технология мотивации государственных и муниципальных служащих представляет собой комплекс конкретных методик и приемов, целью реализации которых является повышение эффективности труда государственных и муниципальных служащих на основе их заинтересованности в результативности осуществления трудовых функций.

Рассмотрим некоторые из технологий мотивации государственных и муниципальных служащих, применяемых в странах Европы и США.

Соединенные Штаты Америки — идеологи современных методов ведения мотивационного воздействия. Именно в рамках американской школы менеджмента возникли такие понятия, как HR и «внутрикорпоративная культура».

В 60-е годы XX в. в США были разработаны основные принципы работы с человеческими ресурсами, системы материальной и нематериальной мотивации, способы повышения лояльности сотрудников.

Практически все американские государственные организации, помимо системы вознаграждений, предоставляют своим сотрудникам медицинское страхование за счет организации, программы повышения квалификации, систему внутриорганизационного питания и многое другое. Большое внимание в американских государственных и муниципальных организациях уделено и повышению квалификации служащих. Так, затраты на все виды обучения государственных и муниципальных служащих в США в 2017 г. составили более 800 млн долларов. Обучение государственных и муниципальных служащих, по мнению американских исследователей, способствует повышению индивидуальной трудовой отдачи сотрудников и повышению эффективности функционирования организации в целом.

В современных условиях развития в США применяется технология эффективной комплексной мотивации государственных и муниципальных служащих. Данная технология, разработанная в Департаменте управленческого консультирования при Правительстве США, основной целью ставит формирование сильного длительного мотива к достижению сложных целей государственной службы. В рамках технологии эффективной комплексной мотивации государственных и муниципальных служащих США также рассматриваются инструменты и механизмы содержательных и процессуальных теорий — практик мотивации. С этой особенностью данной мотивационной технологии связана комплексность и системность мотивации. Эффективность технологии определяется тем, что она усиливает изначальную мотивированность государственного служащего до уровня проявления в его поведении настойчивости и усердия в достижении поставленных ему руководителем целей.

В рассматриваемой технологии мотивации американских государственных и муниципальных служащих под эффективной комплексной мотивацией понимается процесс формирования в сознании служащего сильного длительного мотива к достижению поставленных целей и поведения, направленного на достижение этих целей, основанных на:

1) обеспечении соответствия между мотивационным профилем работника и системой внутренних и внешних вознаграждений, которые он может получить в процессе осуществления государственной службы;

2) сознательном управлении увеличением силы вероятностных взаимосвязей между усилиями по достижению целей и результатами работы, между результатами работы и вознаграждениями, между вознаграждениями и удовлетворенностью от работы, между удовлетворенностью от работы и усилиями по достижению целей;

3) знании факторов, влияющих на силу вероятностных взаимосвязей «усилия — результаты — вознаграждение — удовлетворенность — усилия», и решений по каждому из факторов, обеспечивающих усиление взаимосвязей [1, с. 46].

Американские специалисты в области управления человеческими ресурсами определяют, что данным ресурсам в осуществлении эффективной государственной службы принадлежит одна из ведущих ролей. Это единственный активный ресурс, который управляет всеми другими ресурсами: материальными, финансовыми, информационными. Ресурсы, в том числе и человеческие, которыми располагает государственная организация, могут быть фактором, позволяющим ей делать больше того, что она делает в настоящее время, или, наоборот, устанавливать предел того, что государственная организация в своей деятельности может достичь. Руководители в сфере государственной службы в связи с этим стремятся к увеличению усердия и настойчивости государственных и муниципальных служащих в достижении интересующих их целей, в первую очередь организационных и управленческих, связанных с эффективностью осуществления государственной службы. Естественно, важнейшее значение при этом имеет компетентность государственных и муниципальных служащих, позволяющая достоверно диагностировать и грамотно разрешать текущие проблемы, препятствующие достижению целей. Это и определяет результативность применения американской технологии эффективной комплексной мотивации государственных и муниципальных служащих, обеспечивающей усиление изначальной мотивированности индивида до уровня проявления в его поведении настойчивости и усердия в достижении поставленных ему целей.

Американская научная школа управления человеческими ресурсами в рассмотрении технологий мотивации государственных и муниципальных служащих большое внимание уделяет логическому построению последовательности приемов и способов мотивационного воздействия. В рамках технологии эффективной комплексной мотивации государственных и муниципальных служащих в цикле мотивации отражают последовательность мотивационных событий.

Изначально мотивированный человек хочет выполнить порученную ему работу и обязуется выполнить ее хорошо. Будет ли поддержана изначальная мотивация в течение всего времени его работы, зависит от остальных приемов мотивационного воздействия, которые группируются в вероятностные взаимосвязи: усилия — результаты, результаты — последствия, последствия — удовлетворенность, удовлетворенность — усилия.

Согласно американской технологии эффективной комплексной мотивации государственных и муниципальных служащих, в зависимости от восприятия последствий человек будет испытывать ту или иную степень удовлетворенности или неудовлетворенности. Удовлетворенность приводит к возникновению позитивного контура обратной связи, усиливающего мотивацию человека, что проявляется в росте его усилий. Неудовлетворенность же, напротив, оборачивается утратой старательности и, как следствие, снижением результатов и вознаграждения. Если данную схему не откорректировать, она неизбежно приведет к росту абсентеизма и текучести кадров в рамках государственной организации.

Если у мотивируемого человека мотивационный профиль не соответствует требуемому мотивационному профилю, то это означает несоответствие его мотивационного профиля поставленным перед ним целям и содержанию его работы, что является причиной недостижения целей и отсутствия у него мотивов их достигать [1, с. 72].

Результативность и эффективность американской технологии эффективной комплексной мотивации государственных и муниципальных служащих подтверждена ее практическим внедрением во многих государственных и муниципальных организациях Соединенных Штатов. Так, внедрение технологии эффективной комплексной мотивации государственных и муниципальных служащих, включающей подсистему нематериальной мотивации,

позволило Министерству юстиции США повысить общую производительность труда государственных и муниципальных служащих более чем на 30 %.

Технологии мотивации государственных и муниципальных служащих, используемые в ряде стран Европы, имеют некоторое сходство с американскими технологиями, хотя и не являются идентичными. Так, в качестве примера европейских исследований в сфере технологий мотивации государственных и муниципальных служащих можно привести исследования мотивации труда в Финляндии, выполненные Тапани Алкулой. Автор отмечает, что для государственных и муниципальных служащих организация, в которой они трудятся, является местом проведения значительной части времени. Вследствие этого для государственных и муниципальных служащих крайне важным представляется окружение, в котором они хотели бы осуществлять свою профессиональную деятельность, а также их ожидания по поводу работы. Весь универсум таких ожиданий Т. Алкула обозначает понятием «ориентация на работу» (work orientation). Данная категория в отношении технологии мотивации труда государственных и муниципальных служащих подразумевает два аспекта.

1. Количественный аспект. Это определение того, какое место в жизни государственного служащего занимает работа. Иначе говоря, количественный аспект в применении технологии мотивации государственных и муниципальных служащих Т. Алкулы можно именовать «центральность работы» (centrality of work). Алкула выделяет несколько доминант, определяющих его:

а) рабочее время. Автор делает важную оговорку, что было бы неправильно говорить о прямой корреляции рабочего времени и места, которое работа занимает в жизни человека;

б) семейный статус. Алкула отмечает, что чем большее значение имеет семья (если она есть) в жизни государственного служащего, тем меньшее внимание уделяется службе, и наоборот;

в) половой аспект. Влияние пола может быть интерпретировано как индикация традиционных половых ролей не только внутри семьи, но и в более общем смысле как показатель полового женского или мужского самосознания, самоидентификации независимо от семейного статуса.

В рамках разработки технологии мотивации государственных и муниципальных служащих Т. Алкула рассматривает также проблему соотношения работы и досуга. Так, автор отмечает, что в Швеции и Финляндии значение профессиональной трудовой деятельности в жизни государственных и муниципальных служащих имеет тенденцию к снижению. В Швеции данная тенденция ведет к увеличению роли досуга, а в Финляндии из-за сильной протестантской этики — к повышению роли семьи.

2. Качественный аспект. В данном случае Т. Алкула использует понятие «государственная служба для вознаграждения», вследствие чего ставится вопрос, какого рода вознаграждение превалирует. Алкула вычисляет индекс «рабочих усилий» по следующей формуле:

$$s = w/c,$$

где w — количество рабочих дней, c — общее количество дней. У животных этот индекс равен приблизительно 1, у жителей пустыни Калахари 0,11—0,31, а у стандартной европейской семьи (два взрослых — два ребенка) — 0,36 [2, с. 72].

Согласно исследованиям Т. Алкулы, существуют три основных типа ожиданий от осуществления государственной службы: инструментальные, ценностные и социальные. Под инструментальными Алкула прежде всего понимает различного рода материальные стимулы, например обеспечение нормальных условий существования; под ценностными — разного рода желания, которые в целом можно охарактеризовать как моральное удовлетворение; а под социальными — желание, работая, выполнять определенную функцию в обществе. Для обеспечения эффективности технологии мотивации государственных и муниципальных служащих необходимо обеспечить удовлетворение ожиданий всех типов.

Таким образом, общим в разработке технологий мотивации государственных и муниципальных служащих в США и европейских странах является то, что данные технологии построены на принципе комплексного выявления мотивов служащих к осуществлению их профессиональной деятельности. Однако если американские технологии мотивации государственной службы в основном нацелены на соотношение целей государственного служащего, результативности его профессиональной деятельности и удовлетворенности данной деятельностью, то в рамках европейского подхода большое значение уделяется выявлению того, какую роль государственная служба имеет в жизнедеятельности служащего (то есть проводится оценка того, не являются ли семейная жизнь, организация досуга для человека более важными, чем осуществление государственной службы).

В рамках японской концепции управления персоналом технологии мотивации государственных и муниципальных служащих в значительной степени отличаются от технологий в США и странах Европы. Принципы организации любой деятельности в Японии основаны на следующем историческом традиционном принципе: «В первую очередь служи императору и стране, во вторую — своей организации, в третью — своей семье, потом можешь уделить внимание себе самому». Данный посыл находит отражение и в современных технологиях мотивации государственных и муниципальных служащих Страны восходящего солнца.

В японских государственных и муниципальных организациях мотивация служащих основана на убежденности каждого работника в том, что он является важным и необходимым лицом в своей организации. При этом взаимосвязь служащего с организацией основана на том, что государственный служащий в значительной степени считает себя ответственным за развитие и процветание организации.

В понимании японского государственного служащего категория «государственная служба» отождествлена с категориями «профессия» и «работа», которые, в свою очередь, непосредственно связаны с конкретной государственной организацией, в которой данная государственная служба осуществляется [3, с. 47].

Можно выделить следующие характерные черты японской технологии мотивации государственных и муниципальных служащих.

1. Принцип пожизненного найма и система бонусного трудового стажа. В рамках организации государственной службы в Японии, решая вопросы найма работников на государственную службу, государство и организация гарантируют своим служащим работу и используют при этом систему вознаграждения, основанную на продолжительности трудового стажа.

2. Осуществление мотивации государственных и муниципальных служащих вследствие обеспечения служащим повышения квалификации за счет государства. Так как стремление к повышению квалификации является достаточно распространенным мотивом к осуществлению трудовой деятельности государственных и муниципальных служащих, обеспечение повышения квалификации не только мотивирует их, но и еще больше «привязывает» к собственной государственной организации.

3. Поощрение активного общения внутри организации [3, с. 48].

Таким образом, японские технологии мотивации государственных и муниципальных служащих в значительной степени отличаются от технологий, применяемые в рамках государственной службы в США и европейских странах. Прежде всего это связано с особенностями культуры, менталитета и основ организации государственной службы в различных странах. В отличие от западных стран, японские технологии мотивации государственной службы основаны не на анализе целей и мотивов служащих, а на взаимосвязи «служащий — коллектив — организация».

Нами проводилось исследование в муниципальных образованиях Краснодарского края, согласно результатам которого мотивационный комплекс большинства государственных и муниципальных служащих основан на достижении результатов трудовой деятельности (84,4 % опрошенных). Около 20 % служащих в одинаковой степени ориентированы как на процесс, так и на результат труда [2, с. 59].

Для организации эффективной реализации государственной и муниципальной службы в российской управленческой практике, на наш взгляд, необходимо осуществлять рациональное совмещение методов американской, европейской и японской технологий формирования мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих. Для этого необходимо системное использование следующих методов:

— предоставление возможности государственным и муниципальным служащим повышать квалификацию и осуществлять профессиональное развитие за счет государства;

— совокупное использование методов взаимосвязи «служащий — коллектив — организация» с анализом целей и мотивов работников;

— концентрация внимания руководства на личностных достижениях служащего без обособления его от коллектива.

В заключение хотелось бы отметить, что зарубежные технологии мотивации государственных и муниципальных служащих представляют собой важнейший аспект организации эффективной системы управления персоналом, без учета которого невозможна реализация эффективного управления государственными и муниципальными служащими в отечественной практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дряхлов Н. Системы мотивации персонала в Западной Европе и США // Корпоративный менеджмент. 2014. № 2. С. 46–48.

2. Белановский А. С. Мотивационные основы организации государственной службы в западных странах // Recruiting News. 2016. № 11. С. 72–76.

3. Горлов Д. М., Коваленко Л. В., Гросс В. А. Исследование мотивации муниципальных служащих как фактор повышения эффективности управления // Международная научно-практическая конференция по актуальным вопросам экономики и гуманитарных наук в 2015 году : материалы научно-практической конференции. 2015. С. 56–60.

REFERENCES

1. Dryakhlov N. Systems of personnel motivation in Western Europe and the USA // Corporate management. 2014. No. 2. Pp. 46–48. (In Russ.).

2. Belanovsky A.S. Motivational bases of organization of public service in Western countries // Recruiting News. 2016. No. 11. Pp. 72–76 (In Russ.).

3. Gorlov D. M., Kovalenko L. V., Gross V. A. Study of the motivation of municipal employees as a factor in improving management effectiveness. Collection: International scientific-practical conference on topical issues of economics and humanities in 2015 : Materials of the scientific-practical conference. 2015. Pp. 56–60. (In Russ.).

Как цитировать статью: Коваленко Л. В., Пинчукова Г. В. Сравнительный анализ зарубежных технологий формирования мотивационного комплекса государственных и муниципальных служащих // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 237–241. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.416.

For citation: Kovalenko L. V., Pinchukova H. V. Comparative analysis of foreign technologies of formation of motivation complex of the state and municipal officers // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 237–241. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.416.

УДК 331.107
ББК 65.24

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.464

Lapkova Anna Gennadyevna,
Senior Lecturer
of the Department of Arrangement and Management
of the Scientific Production,
Omsk State Technical University,
Omsk,
e-mail: annalapkova@yandex.ru

Лапкова Анна Геннадьевна,
старший преподаватель
кафедры организации и управления
наукоемкими производствами,
Омский государственный технический университет,
г. Омск,
e-mail: annalapkova@yandex.ru

КОМАНДНАЯ РАБОТА КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ ДЕМОКРАТИИ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА

TEAMWORK AS A WAY OF DEVELOPMENT OF LABOR DEMOCRACY AND LABOR EFFICIENCY ENHANCEMENT

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (5.Экономика труда, 10. Менеджмент)
08.00.05 – Economics and management of national economy (5.Labor economics, 10.Management)

Данная статья носит теоретико-методологический характер и посвящена проблемам развития трудового потенциала работников и повышения результативности их труда, что способствует увеличению эффективности деятельности предприятия в целом. За базу для настоящего научного исследования взята обоснованная ранее потенциальность и объективная необходимость рассматривать трудовую демократию как направление и условие повышения эффективности труда. На основании этого обоснована актуальность поиска новых способов расширения трудовой демократии, в том числе за счет формирования и развития командной работы. В ходе анализа понятийного аппарата и генезиса теоретических и практических подходов в изучении эффективности деятельности групп и команд аргументирована допустимость употребления понятий «социальная группа» и «команда» в качестве синонимичных, выделены основные типы команд, функционирующих в современных условиях, а также основные принципы проектирования групповой работы.

This article is theoretical and methodological in nature and it is devoted to the problems of development of labor potential of workers and increasing the effectiveness of their work, which contributes to the efficiency of the enterprise as a whole. This scientific research is based on the previously grounded potentiality and objective necessity to consider labor democracy as direction and condition of labor efficiency increase. On this basis, the relevance of the search for new ways of expanding labor democracy is justified, including through formation and development of the team works. During the analysis of conceptual apparatus and genesis of theoretical and practical approaches to the study of effectiveness of the groups and teams, the admissibility of use of the concepts of social "group" and "team" as synonymous is reasoned, the main types of teams that operate in the modern conditions are highlighted, as well as the main principles of the group work design.

Ключевые слова: группа, социальная группа, команда, командная работа, труд, демократия, эффективность труда, трудовая демократия, партисипация, демократизация социально-трудовых отношений, социотехнологическая система, социоорганизационная система.

Keywords: group, social group, team, teamwork, labor, democracy, labor efficiency, labor democracy, participation, democratization of social and labor relations, socio- technological system, socio-organizational system.

Введение

Актуальность. Современный этап формирования «нового» общества характеризуется постоянным повышением роли человеческого фактора и в производстве, и в управлении персоналом. В таких условиях актуальной становится проблема поиска новых методик воздействия на рабочую силу, не только как экономическая необходимость, но и как способ интенсификации производственных процессов.

За годы реформ люди как главные субъекты трудовых отношений в своем большинстве стали осознавать взаимозависимость и неразрывность личных интересов и окружающего социума. Таким образом, само развитие и становление рыночной экономики провоцирует всех фигурантов социально-экономических процессов, в том числе отдельные предприятия, самостоятельно выбирать целесообразные, предпочтительные, выгодные, допустимые государственным законом виды деятельности и управления ею с целью повышения их конкурентоспособности.

Уже на начальных этапах реформирования сначала зарубежными, а позже российскими учеными обосновывались мнения, что невозможно решать сложные проблемы повышения эффективности труда без гармоничного развития и целесообразного использования творческих сил людей, без повышения их трудовой активности и уровня квалификации, в том числе за счет расширения трудовой демократии.

Дополнительно отметим, что при решении актуальных вопросов повышения эффективности деятельности предприятий немаловажную роль играет экономия различного рода ресурсов. В свою очередь, мероприятия по расширению трудовой демократии могут принести значительный экономический эффект без серьезных затрат финансовых ресурсов в сравнении, например, с мероприятиями по совершенствованию материально-технической базы предприятий, которые требуют больших финансовых вложений.

Актуальность и недостаточная теоретико-методологическая разработанность проблем повышения эффективности деятельности предприятий в изменяющихся экономи-

ческих условиях, в том числе за счет развития командной работы в рамках демократических преобразований, явились основанием для выбора темы настоящего исследования.

Цель исследования — предложить и аргументировать необходимость совершенствования командной работы как способа развития трудовой демократии и повышения эффективности труда персонала.

Изученность темы. Теоретические и практические основы исследований групповой (командной) работы были заложены в работах Т. Ю. Базарова, Н. А. Витке, Дж. К. Гэлбрейт, К. Левина, Р. Лейкерта, Э. Линдмана, А. С. Макаренко, В.А. Михеева, Дж. Морено, Э. Мэйо, М. П. Фоллет и др.

Значительный вклад в исследование теоретических и практических подходов к определению эффективности труда и ее факторов внесли следующие ученые: Л. И. Абалкин, В. К. Врублевский, А. Ф. Зубкова, Д. Н. Карпухин, А.Я. Кибанов, Л. А. Костин, В.В. Новожилов, В. Парето, О. К. Платов, Л. А. Подсумкова, В. Ф. Потуданская, А. Сен, Г. Э. Слезингер, П. Хейне и др.

Теоретическим и практическим вопросам трудовой демократии посвящены работы таких исследователей, как М. Альберт, Р. Батлер, В. Ф. Вайт, А. Н. Косыгин, А. М. Куренной, Э. Э. Лоулер, М. Мескон, Дж. Нагель, Ю. Н. Попов, Ж.Т. Тощенко, Т.Х. Хаммер, Ф. Хедоури, А. В. Шевчук, Р.С. Шулер и др.

Научная новизна заключается в обосновании необходимости и потенциальности совершенствования командной работы как способа развития трудовой демократии и повышения эффективности труда персонала.

Основная часть

Исходя из того, что демократизация общества носит повсеместный, глобальный характер, все очевидней проявляется необходимость исследования основных направлений развития трудовой демократии как в России, так и за ее пределами, с целью совершенствования системы управления персоналом и демократизации социально-трудовых отношений.

На основании анализа существующих видов и типов трудовой демократии, а также основополагающих подходов к определению эффективности труда в статье В.А . Цыганкова и А. Г. Лапковой достаточно подробно обоснована возможность и необходимость рассматривать трудовую демократию в качестве направления и условия повышения эффективности труда [1]. Поэтому выявленную и обоснованную ранее взаимосвязь и взаимозависимость понятий «трудовая демократия» и «эффективность труда» в настоящем научном исследовании будем принимать в качестве парадигмы.

Данный факт также подтверждает актуальность поиска новых возможностей и способов для расширения трудовой демократии, что, как следствие, приведет к повышению производительности и эффективности труда работников современных предприятий и организаций различных форм собственности.

Согласно существующим общеизвестным трактовкам понятий «труд» и «демократия», смысловое значение термина «трудовая демократия» применительно к сфере социально-трудовых отношений в общем виде можно рассматривать как целесообразную совместную деятельность людей и социальных групп, предполагающую активное и равноправное участие в данной деятельности всех субъектов трудовых отношений.

Исходя из определения трудовой демократии, очевидно, что группа, команда и командная работа являются одними из центральных элементов демократизации трудовой и производственной сред. Следовательно, совершенствование командной работы в организации в аспекте расширения возможностей развития трудовой демократии будет способствовать повышению эффективности управления персоналом, результативности труда работников и, как следствие, прибыльности компании.

Для обоснования данного предположения изначально обратимся к понятийному аппарату. Термин «группа» употребляется во многих научных дисциплинах: экономике, социологии, правоведении, демографии, менеджменте, психологии и др. Согласно общему определению группой можно считать ограниченную размером общность людей, выделяющуюся из социального целого на основании ряда признаков, например возраста, пола, характера деятельности, уровня развития, социальной принадлежности и т. д. В энциклопедии по управлению человеческими ресурсами приведена одна из наиболее широко применяемых дифференциаций группы, согласно которой группа — «это два лица или более, тесно взаимодействующие друг с другом, при этом каждый осознает свое членство в группе, принадлежность к ней других, свою позитивную зависимость друг от друга для достижения общих целей» [2, с. 97].

Считаем, что первое определение является более общим, так как группы, выделенные, например, по полу или возрасту, не обязательно характеризуются тесным взаимодействием и зависимостью, могут не иметь общих целей, однако формально имеют право называться группой.

В подтверждение вышеизложенного учеными-теоретиками выделяются реальные и условные группы. К первому типу относится общность, ограниченная в размерах, существующая в едином времени и пространстве и объединенная реальными взаимоотношениями (студенческая группа, класс в школе, трудовой коллектив, реабилитационная группа…). В свою очередь, к условным группам как раз и относят объединения по какому-либо признаку: половозрастные характеристики, уровень образования, род деятельности. Для таких общностей характерным является тот факт, что субъекты могут не иметь прямых или косвенных взаимоотношений друг с другом, т. е. индивиды, составляющие описываемые общности, могут ничего не знать друг о друге и, следовательно, никогда не встречаться.

В настоящем научном исследовании нас интересует группа, которая является не простым скоплением людей (условная группа), а реальная группа — часть персонала трудовой организации, ее подразделения, для которой характерны определенные признаки: наличие общей стратегии или целей, взаимодействие и взаимозависимость членов группы, хотя бы элементарная групповая структура, иерархия, отношение к позиции лидера.

В общепринятом употреблении термином «команда» характеризуется особый вид группы с набором известных положительных характеристик, таких как сплоченность, сотрудничество, командный дух, командная работа. Исходя из этого, можно предположить, что команда — это особая совокупность межличностных отношений, средство для достижения поставленных целей и задач.

Несмотря на то, что в повседневной речи и даже в научной литературе понятия «группа» и «команда» могут употребляться в качестве синонимичных, зачастую нам приходится сталкиваться с выражением «данная группа еще не стала единой командой». Следовательно, не каждая группа является командой, а для достижения поставленных целей, субъектам группы необходима определенная степень сплочения, чтобы появилась возможность считать их полноценной командой.

По нашему мнению, в социально-экономической научной литературе при изучении и анализе социально-трудовых отношений в качестве синонима слову «команда» в определенной степени приближения можно использовать термин «социальная группа». Социальная группа представляет собой объединение людей, имеющих общий значимый социальный признак, который основан на их участии в какой-либо деятельности, связанной определенной системой отношений, регулируемых формальными или неформальными социальными институтами.

Работы по исследованию эффективности командной и групповой работы начали вестись еще в начале прошлого века. Одним из первопроходцев в данной научно-исследовательской области стала политолог Мэри Паркер Фоллет, которая в 1920-х гг., читая лекционные курсы по управлению бизнесом, подчеркивала особую значимость группы. Изучая проблемы лидерства, конфликтов, полномочий и власти, М. Фоллет выделяла в качестве основополагающей единицы общества человека в группе. Также она была сторонником замены существующих бюрократических институтов взаимосвязанными группами, в которых индивиды самостоятельно принимают решения и воплощают их на деле, основываясь на самостоятельном анализе выявленных проблем. По мнению М. Фоллет, жесткая иерархия, рационализация и формализация процессов, в том числе трудовых, подавляют творческие начала работников. В итоге она одна из первых предложила и начала развивать идеи участия работников в управлении, следовательно, стояла у истоков развития трудовой демократии [3, с. 53].

Примерно в это же время социолог Э. Линдман опубликовал классификацию групповых взаимодействий, разработал методы наблюдений, а также систематизировал основные установки участников группы.

В научных исследованиях групповых взаимодействий нельзя не отметить вклад Э. Мэйо, родоначальника «человеческих отношений», который в ходе известных многим экспериментов на заводе Хоторна установил, что силы, возникающие в ходе взаимодействия людей, могли превзойти и зачастую превосходили одиночные усилия руководителя, а также доказал, «что люди работают охотнее и лучше, если они выполняют такие решения, в разработке которых они сами участвовали, а не те, которые им навязаны извне» [4, с. 253]. Значимые для науки открытия Мэйо доказали, что социально-психологические факторы оказывают не меньшее, а в ряде случаев большее влияние на рост производительности труда в сравнении, например, с физическими условиями труда [3, с. 52].

Таким образом, анализ идей «школы человеческих отношений» и результатов хоторнских экспериментов, которые делали основной акцент на роли коллектива, а не отдельной личности, также подтвердил необходимость расширения производственной демократии, а также обосновал факт того, что именно группа, а не отдельный индивид должна стать центральным объектом научных исследований.

В изучении группового поведения также можно отметить работы Курта Левина, который установил, что организационные изменения легче провести при помощи группового обсуждения, партисипации или соучастия, а не посредством дачи указаний.

В 40-х годах прошлого века Джейкобом Морено в числе прочих были разработаны методы социометрии. Социометрия представляет собой теорию измерения межличностных отношений, а также аналитический метод объединения людей, способствующий созданию гармоничных межличностных взаимоотношений, на основании чего формируются максимально эффективно функционирующие социальные группы.

На базе созданного в 1945 г. Куртом Левином исследовательского центра групповой динамики проводил свои научные исследования еще один сторонник «групповой активности» — Н. Майер. Основной вывод, сделанный им в ходе научных экспериментов, заключался в том, что группа управляется посредством лидера, а не силой, групповая дисциплина обеспечивается при помощи внутригруппового давления. Майером также обосновано, что дополнительно группа формирует групповое мышление, уважая каждого ее члена, и позволяет всем участвовать в процессах принятия решений, которые непосредственно влияют на их работу. Выводы Н. Майера также позволяют нам сделать заключение о том, что положительная социально-групповая динамика на предприятиях способствует расширению партисипативного управления (трудовой демократии), что, в свою очередь является направлением повышения эффективности труда и залогом роста конкурентоспособности организации.

В следующее десятилетие при исследовании индустриальных отношений ученые придерживались такой точки зрения, согласно которой, например, решение производственных конфликтов не является исключительной прерогативой менеджмента или отдельных работников, а достигается в ходе поиска компромисса, ведения переговоров по вопросам заключения коллективных соглашений.

В конце 1970-х годов РенсисЛейкерт выделил четыре типа лидерского поведения, одним из которых является партисипативный, или основанный на участии. Затем вслед за Дугласом Мак-Грегором он обосновал эффективность метода группового принятия решений. По мнению Р. Лейкерта, для повышения эффективности деятельности организации и роста социально-трудовой активности персонала необходимо соблюдение следующих принципов: взаимоотношения поддержки в коллективе; групповые методы руководства и групповое принятие решений; постановка высоких производственных целей [5, с. 40]. Формулировка данных принципов Лейкертом также позволяет нам говорить о важной роли групп и командной работы в деятельности организаций.

Над бюрократической системой, которая довольно эффективно функционировала в течение нескольких десятилетий, постепенно нависала угроза провала вследствие ее неспособности действовать адаптивно и гибко в постоянно изменяющихся условиях хозяйствования. Возрастала необходимость вкладывать немалые средства в решение проблем поиска новых стратегий управления.

Такие новые стратегии были предложены Дж. Гэлбрэйтом в 1973 г. Две из четырех предложенных стратегий предполагали внедрение концепции командной работы, одна из описанных стратегий подразумевала введение «горизонтальных взаимосвязей», формирование команд, разбивающих границы между горизонтальными функциями одного уровня (управленческие команды и т. п.); другая стратегия относится к созданию автономных единиц, функции которых интегрируются в ходе выполнения определенных процессов, другими словами, внутри организации создаются самостоятельные фирмы (производственная команда, команда по производству продукта и т. п.).

Говоря об отечественных исследователях, отметим, что наиболее плодотворными годами в развитии управленческой мысли стали 1920-е. В этот период времени были сформированы основные принципы управления

социалистической экономикой, один из которых провозглашал демократический централизм. Суть данного принципа состояла в эффективном синтезе централизованного руководства и хозяйственной самостоятельности коллективов предприятий и отдельных производственных единиц.

Одним из сторонников социального подхода в управлении был выдающийся советский ученый, организатор нотовского движения в СССР, основоположник школы «социально-трудовой концепции управления производством» Н. А. Витке. Основные идеи его концепции использования природы человеческого фактора в организации, выдвинутые им в 20-х — начале 30-х гг. XX в. опередили, по мнению ряда исследователей, взгляды Э. Мейо, ставшие основой теории «человеческих отношений». Витке главную задачу управления видел в целесообразной организации людей как участников единой трудовой кооперации, а сущность административной работы он обосновывал в создании в трудовых коллективах благоприятного социально-психологического климата, так называемого «духа улья», чего не могли обеспечить ни своевременное регулирование, ни регламентирование служебных функций [3, с. 63].

Затем, вплоть до 1960-х гг., в отечественных управленческих исследованиях на макроэкономическом уровне преобладали народно-хозяйственный или отраслевой подходы, а на уровне отдельных предприятий акцент был сделан на решение технических вопросов.

Интерес к первичным хозяйственным звеньям, предприятиям и трудовым коллективам как объектам пристального научного исследования стал возрождаться с начала 1960-х гг. Предпосылками к этому послужили следующие обстоятельства: развитие и повсеместное, носящее пандемический характер внедрение автоматизированных систем управления предприятиями (АСУП); разработка и введение в действие косыгинских реформ, которые стали продолжением начатой Н. С. Хрущевым политики децентрализации управления и расширения самостоятельности первичных хозяйствующих субъектов. Таким образом, в рамках этих реформ предприятиям предлагалась определенная самостоятельность, в том числе в распоряжении прибылью, что стало основой внедрения хозяйственного расчета и расширения трудовой демократии. Однако в тот период, но нашему мнению, можно говорить о совершенствовании скорее экономических методов управления, чем социально-психологических.

Бесспорно, что использование опыта и разработок исследований прошлых лет и различных научных школ и дисциплин в области развития групповой работы только обогатит изучение влияния командной работы на эффективность труда. Считаем научно-исследовательскую интеграцию прошлых и современных научных исследований, а также междисциплинарный подход эффективными, способствующими поиску адаптированных к современным условиям направлений расширения трудовой демократии, повышения трудовой активности персонала, производительности и эффективности их труда.

В настоящее время уже не ново мнение, согласно которому конвейерный труд монотонен и приводит к расстройству психофизиологического состояния работников, а жесткое разделение труда носит дисфункциональный характер. Социально-экономические потребности современного этапа развития заключаются в гуманизации трудовых процессов, призывают обогащать, расширять работу персонала и производить его ротацию, чего можно достигнуть, внедряя и совершенствуя командную работу.

Одним из примеров организаций, успешно применяющих стратегии групповой (командной) работы, можем считать шведскую компанию Volvo, которая является крупным мировым автоконцерном. В этой компании сборка автомобилей происходит на основе групповой работы. Члены таких групп самостоятельно распределяют задачи, периодически меняются местами, несут полную ответственность за все сборочные процессы, включая проверку качества. Таким образом, успеху компании в числе прочих способствовало расширение трудовой демократии за счет применения командной работы.

Очевидно, что для того, чтобы сформировать и успешно применять командную работу в конкретной трудовой деятельности, необходимо четко понимать признаки, условия развития и функционирования эффективных социальных групп и команд, знать основные ее типы.

Главным условием функционирования и динамичного развития социальной группы во все времена является совместная деятельность. Характер совместной деятельности участников определяет все групповые процессы и их динамику: формы сотрудничества, распределение ролей, восприятие партнерами друг друга, развитие межличностных отношений, формирование и закрепление внутригрупповых ценностей и норм, участие в процессах принятия решений и ответственность за них. Таким образом, состав, размер группы и ее структура определяются содержанием работы, целями и задачами, ради решения которых она создана.

В основе развития группы лежат определенные процессы, которые по своей сути относят к двум аспектам, взаимодействующим друг с другом. В качестве первого аспекта выступает деятельность команды, направленная на достижение целей и решение задач, второй аспект выражается в групповой активности в направлении поддержания ее существования, а именно создания атмосферы общего благополучия и эмоционального фона в группе, закрепление положительных взаимоотношений между ее участниками. Следовательно, с целью достижения эффективной командной работы и ее дальнейшего развития необходимо равномерно развивать обе области, уравновешивая функции достижения целей социально-поведенческими потребностями структурной единицы.

Исходя из вышеизложенного, выделим основные укрупненные типы команд, которые могут успешно функционировать в современных условиях. К первому типу отнесем *управленческие команды*, объединяющие руководителей высшего уровня компании и ориентированные на создание единого информационного пространства с целью решения стратегически важных задач и повышения прибыльности компании.

Ко второму типу можно отнести *производственные команды*, в качестве которых могут выступать производственные участки, полуавтономные и самоуправляемые группы, которые, в свою очередь, являются однимиз направлений расширения индустриальной демократии. Производственные команды несут ответственность за весь комплекс производства или обслуживания продукта, задачи в таких командах интегрируются, присутствует ротация среди участников группы. Для достижения общей цели производственным командам приходится самостоятельно решать возникающие косвенные задачи, связанные с контролем качества, составлением графиков работ, обеспечением заказов, стимулированием участников и др.

В качестве третьего типа выступают временные проектные группы или *горизонтальные команды*, которые создаются в целях выполнения каких-либо организационных функций, направленных на решение конкретной проблемы.

Срок существования таких групп варьирует от очень короткого (adhocgroup от латинского слова adhoc — «специально для данного случая») до постоянного.

Очевидно, что более детальное изучение командной работы позволит разработать новую классификацию, которая будет подразумевать разбивку каждого укрупненного типа на более мелкие категории. В перспективе разработка такой классификации будет иметь теоретическую и практическую значимость для эффективного командообразования и анализа деятельности социальных групп на конкретном предприятии.

Конечно, чтобы введение, поддержание и развитие командной работы на предприятии было наиболее эффективным, также требуется тщательное проектирование всей организации. Недостаточно просто разделить уже существующие социоорганизационные и социотехнологические системы на части (команды) без соблюдения определенных структурных критериев.

Таким образом, при проектировании групповой работы в организации необходимо учитывать следующие принципы:

— каждая команда должна иметь необходимый и достаточный инструментарий для выполнения поставленных задач;

— задачи, стоящие перед группой, выполняются независимо и в полном объеме;

— в каждой команде существует четкая организация труда;

— любая команда, с одной стороны,— самостоятельная организация, с другой стороны,— часть большой социоорганизационной и социотехнологической системы;

— проектирование и управление организацией происходит с учетом формирования эффективных связей между всеми группами.

Если не учитывать вышеизложенные принципы, то рано или поздно, в ходе эволюционного развития или революционно, система может самостоятельно отвергнуть группу как нечто чужеродное.

Следовательно, для того чтобы командная работа была успешной, способствовала развитию трудовой демократии и эффективности труда, она должна стать важным элементом организационной и управленческой систем. В свою очередь, эти системы должны предоставить командам достаточную для выполнения поставленных задач степень свободы, учитывая тот факт, что социальные группы не смогут динамично развиваться и реализовывать свой потенциал, не имея возможности контролировать собственные внутрикомандные процессы.

С целью повышения результативности и эффективности работы в командах в перспективе необходимо решать новые, возникающие в ходе внедрения командной работы проблемы, связанные с обучением, которое проходят члены команды на всех стадиях развития, совершенствованием механизмов управления в команде, с ролью командного лидера. Исходя из того, что проектирование и развитие команды должно быть неотъемлемой частью, интеграционной составляющей проектирования и развития всего предприятия или организации, актуальными и требующими дальнейшей разработки становятся вопросы эффективного командообразования, а также проблемы самодостаточности и значимости задач, решаемых в процессе расширения групповой работы и трансформации последних в самоуправляемы команды.

Заключение

В ходе научных изысканий, использующих научно-исследовательскую интеграцию прошлых и современных научных исследований, а также междисциплинарный подход при изучении понятий «группа» и «команда», влияния командной работы на деятельность организаций, предложено совершенствование командной работы считать одним из способов расширения трудовой демократии и, как следствие, повышения эффективности труда работников и развития систем управления персоналом. Однако проектирование и внедрение командной работы необходимо производить, учитывая особенности хозяйствующего субъекта, его структуру и специфику, а также ряд основных обозначенных принципов с целью достижения удовлетворительных социально-экономических взаимоотношений в команде и положительной динамики основных технико-экономических показателей деятельности всего предприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цыганков В. А., Лапкова А. Г. Демократизация социально-трудовых отношений как условие и направление повышения эффективности труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 3(40). С. 24–28.

2. Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб. : Питер, 2002. 1200 с.

3. Веснин В. Р. Менеджмент: учебник. М. : ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2006. 504 с.

4. Тощенко Ж. Т. Социология труда: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Социология» и «Экономика труда». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 423 с.

5. Качество трудовой жизни работников промышленных предприятий в условиях функционирования социотехнологических и социоорганизационных систем / [В. Ф. Потуданская, И. В. Цыганкова, Е. А. Кипервар, Т. В. Новикова]. М. : Экономика, 2012. 156 с.

REFERENCES

1. Tsygankov V. A., Lapkova A. G. Democratization of social and labor relations as a condition and direction of labor efficiency enhancement // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2017. No. 3(40). Pp. 24–28. (In Russ.).

2. Pula M., Warner M. (eds.). Human resource management. Saint Petersburg : Piter Publ., 2002. 1200 p. (In Russ.).

3. Vesnin V. R. Management: textbook. M. : TK “Velbi”, Prospekt Publ., 2006. 504 p. (In Russ.).

4. Toshchenko Zh. T. Sociology of labor: textbook for students of high schools trained on specialties “Sociology” and “Economics of labor”. M. : UNITY-DANA, 2009. 423 p.(In Russ.).

5. Potudanskaya V. F., Tsygankova I. V., Kipervar E. A., Novikova T. V. Quality of working life of industrial workers in the conditions of functioning of socio-technological and socio-organizational systems. M. : Economics Publ., 2012. 156 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Лапкова А. Г. Командная работа как способ развития трудовой демократии и повышения эффективности труда // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 242–247. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.464.

For citation: Lapkova A. G. Teamwork as a way of development of labor democracy and labor efficiency enhancement // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 242–247. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.464.

УДК 331.53-056.24
ББК 65.240.595

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.417

MironchukVadim Anatol′evich,
Senior Lecturer,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail:va_mironchuk@mail.ru

SholinYurii Alekseevich,
Senior Lecturer,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: sholin92@yandex.ru

Sychanina Ekaterina Andreevna,
Student,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: sichanina.ekaterina@yandex.ru

Мирончук Вадим Анатольевич,
старший преподаватель,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: va_mironchuk@mail.ru

Шолин Юрий Алексеевич,
старший преподаватель,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: sholin92@yandex.ru

Сычанина Екатерина Андреевна,
студент,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
e-mail: sichanina.ekaterina@yandex.ru

ТРУДОУСТРОЙСТВО ИНВАЛИДОВ: МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ ИНВАЛИДОВ В ТРУДОВОЙ ПРОЦЕСС В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

EMPLOYMENT OF DISABLED PEOPLE: MECHANISMS OF STIMULATION OF DISABLED PEOPLE INCLUSION IN THE LABOR PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

В статье рассмотрено положение инвалидов на российском рынке труда. Около 4 миллионов инвалидов в РФ способны стать активной частью трудового процесса. Также в статье приведен ряд прав в сфере трудоустройства и представлен анализ юридических основ социальной защиты инвалидов. Основным законом, регулирующим данный вопрос, является Федеральный закон № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».Выявлены и проанализированы основные проблемы трудоустройства инвалидов. Среди них наиболее распространены такие, как: низкий уровень социализации инвалидов, недоступность социальной среды, отсутствие активности у руководителей в наборе людей с ограниченными возможностями здоровья, а также низкий уровень образования инвалидов. Причинами данных проблем служит бюрократизация, отсутствие средств для создания специальных рабочих мест и низкий уровень знаний инвалидами в Российской Федерации своих прав. Рассмотрены основные направления государственной политики в области трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья: резервирование, квотирование рабочих мест, создание благоприятных условий труда, организация обучения инвалидов новым профессиям. В статье даны рекомендации по усовершенствованию процесса трудоустройства людей с ограниченными возможностями здоровья, реализация которых повысит трудовой потенциал страны. Предлагается зафиксировать квотируемые рабочие места в размере 3 % во всех субъектах Российской Федерации, а также изменить процентную ставку выплат в Фонд социального страхования для организаций, не выполняющих обязательства в области квотирования. Данные меры позволят улучшить ситуацию на рынке труда людей с ограниченными возможностями здоровья.

The article examines the situation of disabled people at the Russian labor market. About 4 million people with disabilities in Russia can become an active part of the labor process. The article also presents a number of rights in the field of employment, as well as the analysis of the legal basis of social protection of disabled people. The main law regulating this issue is the Federal law No. 181 "On social protection of disabled persons in the Russian Federation". The main problems of employment of persons with disabilities areidentified and analyzed. Among them, the most common are: low level of socialization of disabled people, lack of access to social environment, lack of activity of managers in recruitment of people with disabilities, as well as low level of education of disabled people. The reasons for these problems are bureaucratization, lack of funds to create special jobs and low level of knowledge of the rights of persons with disabilities in the Russian Federation.

The main directions of the state policy in the field of employment of persons with disabilities are examined: reservation, quota of jobs, creation of favorable working conditions, organization of training of disabled people in new professions. The article gives recommendations for improving the employment process of people with disabilities, the implementation of which will increase the labor potential of the country. It is proposed to fix the number of quota jobs in the amount of 3 % in all entities of the Russian Federation, as well as introduce changes in the interest rate in the social insurance fund for organizations that do not fulfill obligations in the field of quotas. These measures will improve the situation in the labor market for people with disabilities.

Ключевыеслова: трудоустройство инвалидов, трудовое законодательство, социальная защита, рынок труда, социальное страхование, социальная политика, трудовой потенциал, квотирование рабочих мест, доступная среда, права человека, социальное государство.

Keywords: employment of persons with disabilities, labor legislation, social protection, labor market, social insurance, social policy, labor potential, job quotas, accessible environment, human rights, social state.

Введение

Право на труд является естественным и неотъемлемым правом каждого гражданина, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Согласно принципам социального равенства и социальной справедливости формирование системы социальной поддержки лиц с ограниченными возможностями здоровья требует одновременного решения следующих задач:

— обеспечение социальной защищенности инвалидов и их полноправного доступа ко всем духовным и материальным благам;

— содействие им в осуществлении своих обязанностей в качестве членов общества.

В современной России одной из главных проблем социальной интеграции инвалидов является их трудовая сегрегация и изоляция. В России наблюдаются ускоренные темпы старения населения, что означает уменьшение количества рабочей силы. Привлечение людей с ограниченными возможностями в трудовую деятельность смогло бы улучшить ситуацию. Однако в настоящее время большое количество инвалидов, желающих работать, лишены возможности трудоустройства.

Для решения данной проблемы в Российской Федерации существует ряд мер, направленных на стимулирование трудовой деятельности инвалидов. К таким мерам, в первую очередь, стоит отнести квотирование рабочих мест на предприятиях. Также проводится государственная поддержка предпринимательской деятельности творческого характера для людей с ограниченными возможностями здоровья.

На наш взгляд, для более эффективной государственной политики в социальной сфере экономические методы должны быть усовершенствованы. Пересмотр некоторых положений ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» позволит не только улучшить ситуацию на рынке труда, но и покажет бизнесу возможности инвалидов.

Цель исследования заключается в выработке теоретических представлений об усовершенствовании положения людей с ограниченными возможностями здоровья на рынке труда.

Задачи исследования:

— рассмотреть возможности применения труда инвалидов;

— изучить законодательство, регулирующее права инвалидов;

— выделить основные препятствия при поиске работы инвалидам;

— дать рекомендации для использования незадействованного трудового потенциала.

Изученность проблемы. Общие теоретические подходы к изучению трудоустройства и занятости людей с ограниченными возможностями здоровья можно найти в работах Г. Ю. Сидоренко, Ф. И. Мирзабалаева, Е. Е. Бессарабова, Л. П. Храпылина, Н. В. Гашенина, Б. Д. Андикян и др.

Несмотря на обилие научных работ в этой области, существует достаточно малое количество практических рекомендаций, различного опыта в процессе становления инвалида как работника.

Целесообразность разработки темы. Существует целый ряд аспектов, который не раскрывается в теоретических статьях. К примеру, отсутствуют четкие соотношения возможных профессий людей с ограниченными возможностями с группой инвалидности, контроль за исполнением законодательства. Из изученных нормативно-правовых актов, связанных с темой трудоустройства инвалидов, можно сделать вывод, что многие из них не работают, не позволяют людям с ограниченными возможностями здоровья реализовывать свой потенциал в полной мере.

Научная новизна. В данной статье приведено предложение по решению проблемы трудоустройства инвалидов. Предлагается повысить ряд отчислений определенных групп налогоплательщиков в фонд социального страхования. По нашему мнению, предложенные меры позволят увеличить количество занятых инвалидов в стране. Также приведен пример применения данных мер на предприятии.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в глубоком изучении причин низкого трудоустройства инвалидов, анализе нормативно-правовых актов социальной и налоговой сфер, создании предложения по улучшению состояния рынка труда инвалидов.

Основная часть

На сегодняшний день в Российской Федерации насчитывается около 13 млн людей с ограниченными возможностями здоровья, трудоспособными из них являются порядка 4 млн, но лишь 15 % от этого числа заняты в трудовой деятельности.

Проблема трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья в нашей стране носит системный характер и вызвана следующими причинами:

— бюрократизм и отношение работодателей к инвалидам как людям, которые приносят больше хлопот, чем пользы;

— неосведомленность инвалидов в области своих прав на занятость и трудоустройство;

— нехватка средств на создание специальных рабочих мест для инвалидов и устройство рабочих мест для них на предприятиях, где трудятся здоровые люди.

Выделим несколько фундаментальных проблем в области трудоустройства инвалидов:

— недоступность рабочих мест, не достаточно удобный путь до местоположения работы;

— низкий уровень социализации инвалидов: отсутствие навыков общения, взаимодействия с людьми;

— низкий уровень образования инвалидов: большинство людей с ограниченными возможностями здоровья имеют лишь среднее образование;

— отсутствие опыта написания резюме, общения с руководством;

— низкая активность руководителей в наборе людей с ограниченными возможностями в связи с отсутствием уверенности в способностях работника-инвалида.

Также проблемы есть и в теоретических аспектах изучения данной проблемы. На сегодняшний день в Российской Федерации нет единого реестра инвалидов и их потребностей в обеспечении доступной среды, в том числе и производственной. Также в стране отсутствует система мониторинга занятости инвалидов, по результатам которого можно было бы постоянно корректировать меры поддержки занятости инвалидов и их отдельных категорий с учетом реальных потребностей [1].

Возможности трудоустройства инвалида на сегодняшний день выглядят следующим образом:

— трудоустройство «собственными силами» — самостоятельное обращение в различные кадровые службы, что зачастую проблематично в связи с ограниченностью возможностей;

— самозанятость;

— трудоустройство с помощью центров занятости населения, которое, в свою очередь, может подразделяться на: трудоустройство на свободные вакансии, предложенные при обращении в службу занятости, трудоустройство на временную работу, общественные работы или по направлению службы занятости на квотируемые рабочие места [2].

Что касается законодательства, в соответствии с действующей Конституцией РФ Россия является социальным государством, гарантирующим поддержку людей с ограниченными возможностями здоровья. Соблюдение предоставляемых гражданам гарантий признается одной из основных задач нашей страны.

До 1995г. в России не было комплексного подхода к социальной защите инвалидов. В январе 1995г. была утверждена федеральная программа «Социальная поддержка инвалидов». Затем в ноябре 1995 г. был утвержден Федеральный закон № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который обеспечивал инвалидам реализацию их прав и свобод наравне с другими гражданами [3].

В действующем Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»20—23 статьи посвящены трудовой реабилитации инвалидов в России. В статье 20 приведен следующий перечень мероприятий, способствующих трудоустройству лиц с ограниченными возможностями здоровья:

1) установление в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов;

2) резервирование рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов;

3) стимулирование создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест для трудоустройства инвалидов;

4) создание для инвалидов условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации, реабилитация инвалидов;

5) создание условий для предпринимательской деятельности инвалидов;

6) организация обучения инвалидов новым профессиям.

В настоящее время за квотированные места, которые не заняты, положена административная ответственность. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2017):

«Статья 5.42. Нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости.

1. Неисполнение работодателем обязанности по созданию или выделению рабочих мест для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой для приема на работу инвалидов, а также отказ работодателя в приеме на работу инвалида в пределах установленной квоты влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей.

2. Необоснованный отказ в регистрации инвалида в качестве безработного влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей».

Из-за низкого спроса на работников-инвалидов государство предоставляет организациям льготы и выплаты (по налогам и страховым взносам). Налоговые льготы распространяются на уплату земельного и имущественного налога. Но претендовать на их получение могут не все компании, а только общественные организации инвалидов (число инвалидов не должно быть меньше 50 %, и ФОТ трудящихся работников должен составлять от 25 % от общего фонда оплаты труда) или фирмы, имеющие в уставном капитале доли таких общественных организаций.

Данные организации освобождаются от уплаты земельного налога и налога на имущество, но только на те объекты, которые непосредственно участвуют в осуществлении уставной деятельности данных организаций.

Результаты

Как нами было сказано выше, механизм установления квоты в организациях определяется органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Для устранения вышеперечисленных проблем мы предлагаем установить единую норму квотирования рабочих мест для людей с ограниченными возможностями здоровья во всех регионах. В настоящем законодательстве установлен выбор данного соотношения от двух до четырех процентов. Зафиксировав единое значение для всех субъектов РФ — 3 %, мы сможем уравнять возможности и права субъектов РФ в данной процедуре.

В случае невыполнения или невозможности выполнения установленной квоты для приема на работу инвалидов работодатели должны были ежемесячно вносить в бюджет субъекта РФ обязательную плату за каждого нетрудоустроенного инвалида в пределах установленной квоты. Размер и порядок внесения работодателями обязательной платы должны были определять органы государственной власти субъектов РФ. Однако в связи с внесенными в Закон № 181-ФЗ изменениями с 2005 г. не предусмотрена замена законодательно определенной квоты ежемесячной платой за каждого нетрудоустроенного инвалида [4].

Вторым предложением по изменению законодательства является изменение процентной ставки платежей в Фонд социального страхования для организаций, которые не выполняют обязательства в области квотирования рабочих мест для инвалидов. В частности, предлагаем применить повышенную ставку отчисления в ФСС к организациям, не выполняющим обязательства по квотированию рабочих мест для инвалидов. Для этого необходимо внести изменения

в Налоговый кодек РФ в статью 426 «Тарифы страховых взносов в 2017–2019 годах». Необходимо второй подпункт статьи дополнить словами: «на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством в пределах установленной предельной величины базы для исчисления страховых взносов по данному виду страхования для организаций, не выполняющих обязательства по квотированию рабочих мест, применяется повышение налоговой ставки на 30 %». Страховые взносы с учетом предложенных изменений приведены в табл.

Таблица

Страховые взносы в 2017 г., ставки, установленные Налоговым Кодексом Российской Федерации (таблица общих и пониженных тарифов)

Категория плательщиков	Платежи, %			
	в ПФР	в ФСС		в ФОМС
		Стандартная ставка	Ставка с учетом изменений	
Страхователи, не имеющие права на льготы, до достижения предельной базы для начисления взносов	22	2,9	3,77	5,1
Страхователи, не имеющие права на льготы, после достижения предельной базы для начисления взносов	10	0	0	5,1
1. Организации и ИП на УСН по некоторым видам деятельности. 2. Аптеки, работающие на ЕНВД. 3. ИП на ПСН, кроме занятых торговлей, общепитом, арендой. 4. Некоммерческие и благотворительные организации на УСН	20	0	0	0
1. Аккредитованные IT-организации. 2. Хозяйственные общества и партнерства на УСН, внедряющие изобретения, патенты, образцы, права на которые принадлежат государству. 3. Организации и ИП, заключившие соглашения с особыми экономическими зонами на технико-внедренческую и туристско-рекреационную деятельность	8	2	2,6	4
Страхователи в отношении членов экипажей судов, зарегистрированных в Российском международном реестре судов	0	0	0	0
Участники проекта «Сколково» в России	14	0	0	0
1. Участники свободной экономической зоны на территории Республики Крым и Севастополя. 2. Резиденты территории опережающего социально-экономического развития. 3. Резиденты свободного порта «Владивосток»	6	1,5	1,95	0,1

Таким образом, получив дополнительные средства от введения данного повышенного платежа, появляется возможность у ФСС полученные средства использовать на оборудование рабочих мест для инвалидов, создание специализированных рабочих комплексов и для переобучения людей с ограниченными возможностями здоровья.

При полной занятости квотированных рабочих мест для инвалидов предпринимателю будет предоставлена скидка на выплаты в ФСС. Ставка может составить 1,9 %. Что касается регионов, где количество людей с ограниченными возможностями здоровья не велико, предпринимателю нужно будет предоставить документ в ФСС из министерства труда и социального развития. В этом документе должно быть указано, что инвалидов на бирже труда не имеется.

Приведем пример. Существует фирма Н., на которой трудится 110 человек с оплатой 40 000 руб. По стандартным ставкам с вычетами заработная плата работника составит 28 000 руб. (12 тысяч рублей поступают в ПФ, ФСС, ФОМС). Из них 1160 руб. с каждой заработной платы сотрудника поступает в ФСС, это 127 600 руб. При отсутствии инвалидов на квотированных местах работодатель вынужден рассчитывать выплаты в ФСС по ставке в 3,77 %. Таким образом, в ФСС с одной заработной платы будет поступать 1508 руб., со всей организации сумма составит 165 880 руб. Переплата составит 38 280 руб. Таким образом, предпринимателю выгоднее будет заполнить квотируемые рабочие места для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Заключение, выводы

Комплекс данных мероприятий, по нашему мнению, способен улучшить ситуацию на ранке труда инвалидов. Конечно, в первую очередь необходимо изменить стереотипы о работниках-инвалидах. Наблюдается улучшение ситуации и в этом аспекте работы. Экономические меры также могут этому способствовать. При включении инвалидов в трудовую сферу общество начинает совершенствоваться [5].

Улучшается ситуация не только на рынке труда, но и в социальной сфере. Государство может эффективнее заботиться об инвалидах, не только выплачивая им пенсии и пособия, но и приобщая к трудовому процессу. Трудоустроенный инвалид — полноправный участник всех общественных отношений, способный приносить пользу государству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Храпылина Л. П. Социально-экономические аспекты эффективности трудоустройства и результативности труда инвалидов // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2013. № 4. С. 6–10.

2. Андикян Б. Д. Особенности занятости и трудоустройства инвалидов // Вестник московского государственного гуманитарно-экономического института. 2012. № 3(11). С. 84–92.

3. Юдина Е. А., Бочарова К. А. Дополнительные гарантии трудоустройства инвалидов // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Международной науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань : Бук, 2015. С. 168–171.

4. Синеокова А. Ю. Квотирование рабочих мест для инвалидов. URL: http://www.audit4dk.ru/article/spetcialno_dlya_sajta_wwwaudit4dkru/kvotirovanie_rabochih_mest_dlya_invalidov/

5. Сычанина Е. А., Красноплахтова Л. И. Проблемы и перспективы трудоустройства людей с ограниченными возможностями здоровья в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 34. С. 291–302. DOI: 10.21515/1990-4665-134-025

REFERENCES

1. Khrapylina L. P. Socio-economic aspects of the efficiency of employment and productivity of disabled people. Bulletin of the all-Russian society of medical and social expertise, rehabilitation and rehabilitation industry. 2013. № 4. C. 6–10. (In Russ.).

2. Andikyan B. D. Features of employment and employment of disabled people // Bulletin of the Moscow state Institute of Humanities and Economics. 2012. № 3(11). C. 84–92. (In Russ.).

3. Yudina E. A., Bocharova K. A. Additional guarantees of employment of persons with disabilities // Legal science: problems and prospects: materials of the III International scientific conference (Kazan, May 2015). Kazan: Buk, 2015. Pp. 168–171.

4. Sineokova A. Yu. The assignment of workplace Quotas for disabled. (In Russ.). URL: http://www.audit4dk.ru/article/spetcialno_dlya_sajta_wwwaudit4dkru/kvotirovanie_rabochih_mest_dlya_invalidov/

5. Sychanina E. A., Krasnoplakhtova L. I. Problems and prospects of employment of people with disabilities in Russia // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. No. 134. Pp. 291–302. (In Russ.).

Как цитировать статью: Мирончук В. А., Шолин Ю. А., Сычанина Е. А. Трудоустройство инвалидов: механизмы стимулирования включения инвалидов в трудовой процесс в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 247–251. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.417.

For citation: Mironchuk V. A., Sholin Yu. A., Sychanina E. A. Employment of disabled people: mechanisms of stimulation of disabled people inclusion in the labor process in the Russian Federation // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 247–251. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.417.

УДК 330.8
ББК 65.011.3

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.442

Molokova Elena Leonidovna,
Senior lecturer,
Department of Public and Municipal Administration,
Urals State University of Economics,
Ekaterinburg,
e-mail: elmo.sm@mail.ru

Молокова Елена Леонидовна,
старший преподаватель
кафедра государственного и муниципального управления,
Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург
e-mail: elmo.sm@mail.ru

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-010-00641)

The article is financially supported by RFFI (grant No. 18-010-00641)

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ГИБРИДНОЙ МОДЕЛИ КООРДИНАЦИИ СТЕЙКХОЛДЕРОВ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

THEORY AND METHODOLOGY OF ANALYSIS OF THE HYBRID MODEL OF COORDINATION OF HIGHER EDUCATION STAKEHOLDERS

08.00.01 – Экономическая теория
08.00.01 – Economic theory

В настоящее время идет формирование новой институциональной среды рынка высшего образования, в рамках которой интенсифицировался поиск оптимальных моделей координации стейкхолдеров. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единства мнений о природе, характере, взаимодействии и соотнесении способов координации хозяйственной деятельности в целом и на рынке высшего образования в частности.

Статья содержит постановку проблемы разработки теории и методологии анализа координации участников системы высшего образования в условиях реформ. Трансформация институциональной среды, в том числе неформальной ее части, в условиях систематических изменений обусловливает ряд тенденций, позволяющих утверждать наличие гибридного характера координации акторов рынка высшего образования (одновременного влияния

на рынок иерархии (администрирования), ценовой координации, взаимного согласования и стандартизации как идеальных способов координации). В таких условиях актуализируется проблема эффективности регулирующего воздействия и сочетания способов и инструментов координации стейкхолдеров.

В условиях непрекращающихся реформ высшего образования проблема выбора способов координации стейкхолдеров и их сочетания не решена. Становление гибридных форм координации требует актуализации инструментов анализа и более глубокого осмысления складывающихся тенденций с учетом глобальных целей государственной образовательной политики.

Развитие теории и методологии анализа моделей координации участников рынка высшего образования обусловлено необходимостью гармонизации способов координации и повышения качества координации стейкхолдеров, способных повысить результативность реформы образования.

В исследовании использована совокупность теорий в рамках институциональной парадигмы.

По результатам исследования делается вывод о необходимости совершенствования теории и методологии исследования гибридной модели взаимодействия стейкхолдеров системы высшего образования.

The relevance of the study is due to the lack of consensus on the nature, interaction and correlation of the ways of coordination of economic activities in general and at the higher education market in particular.

Currently, there is a formation of a new institutional environment of the higher education market in which the search for optimal models of coordination of stakeholders is intensified.

The article contains the formulation of the problem of development of the theory and methodology of the analysis of coordination of participants of the system of higher education in the conditions of reforms. The transformation of the institutional environment, including its informal part in the context of systematic changes, causes a number of trends that allow us to assert the presence of a hybrid nature of coordination of actors at the higher education market (simultaneous influence on the market hierarchy (administration), price coordination, mutual agreement and standardization as the ideal ways of coordination). In such circumstances, the problem of effectiveness of the regulatory impact and a combination of methods and tools for coordination of stakeholders is actualized.

Under the ongoing higher education reform the problem of choice of methods of coordination of stakeholders and their combinations are not solved. The emergence of hybrid forms of coordination requires the updating of analysis tools and a deeper understanding of emerging trends, taking into account the global goals of state educational policy.

The relevance of the development of the theory and methodology of the analysis of the models of coordination of participants of the market of higher education due to the need of harmonization of the ways to coordinate and improve the quality of coordination of stakeholders is able to increase the effectiveness of education reform.

The study used a set of theories within the institutional paradigm.

According to the results of the study, it is concluded that it is necessary to improve the theory and methodology of the hybrid model of interaction between stakeholders of the higher education system.

Ключевые слова: гибридный характер координации, стейкхолдеры, система высшего образования, иерархия (администрирование), ценовая координация, взаимное согласование, стандартизация, способы координации, институциональная среда, государственное регулирование, контракты.

Keywords: hybrid nature of the coordination of, stakeholders of the higher education system, the hierarchy (administration), pricing coordination, mutual coordination, standardization — methods of coordination.

Введение

Актуальность исследования обусловлена отсутствием единства мнений о природе, характере, взаимодействии и соотнесении способов координации хозяйственной деятельности в целом и на рынке высшего образования в частности.

Работы, посвященные изучению способов координации стейкхолдеров рынка высшего образования, не многочисленны и носят частный характер изучения конкретного регулятора. Отдельные исследования рыночных и государственных регуляторов рынка не позволяют говорить о сложившихся теоретических и методологических подходах анализа способов координации стейкхолдеров в институциональном поле высшего образования.

Изученность проблемы. Следует отметить, что исследование координационных механизмов в науке осуществляется в основном в контексте анализа организационных форм бизнеса. В частности, исследованием структур организации бизнеса (рынок, сеть и др.) с точки зрения их устойчивости, структуры, управляемости занимались такие зарубежные ученые, как Дж. Мейер и Б. Роуэн [1], Н. Флигстин [2]. В свою очередь, проблемам собственно координации акторов посвятил свои работы М. Портер [3] и др.

Существенно расширили научное знание в исследовании отдельных способов координации акторов В. М. Полтерович [4], Г. Минцберг [5], не только рассматривавшие основные способы координации — рынок и фирму, но и выделившие промежуточные способы.

Наибольшее влияние на формулирование научной идеи данного исследования оказали труды В. Е. Дементьева, С. Г. Евсюкова, Е. В. Устюжаниной [6], изучающих в своих работах отдельные способы координации акторов, акцентирующих внимание на гибридной модели координации бизнеса.

Целесообразность разработки темы исследования обусловлена необходимостью интенсификации поисков научных подходов к оценке и анализу моделей координации акторов рынка высшего образования для дальнейшей разработки направлений повышения эффективности их взаимодействия в условиях институциональных реформ.

Научная новизна заключается в постановке проблемы развития теории и методологии анализа гибридной модели координации стейкхолдеров рынка высшего образования. В условиях интенсивного реформирования институциональной среды системы высшего образования идет интенсивный поиск эффективной модели сочетания и взаимосвязи отдельных способов взаимодействия акторов рынка высшего образования. Таким образом, развитие понятийного аппарата, подходов и критериев к измерению эффективности использования того или иного координирующего механизма способно заложить основы поступательного развития рынка.

Целью исследования является постановка проблемы отсутствия разработанной методологии и теоретических

подходов исследования гибридной формы координации участников рынка высшего образования в условиях интенсивной трансформации формальных и неформальных правил взаимодействия. В данной статье отражена часть исследования, ориентированная на обобщение и систематизацию концептуальных и методологических подходов, позволяющих исследовать способы координации акторов национального рынка высшего образования в условиях трансформации институциональной среды с целью выработки предложений по их гармонизации для повышения результативности реформы образования. Статья является приглашением к дискуссии в заявленной области исследования.

Теоретическая значимость обусловлена отсутствием в науке сформированной теоретико-методологической платформы изучения гибридных способов координации стейкхолдеров на рынках в целом и на рынке высшего образования в частности.

Методология. В исследовании использована совокупность теорий в рамках институциональной парадигмы, позволяющих проводить содержательный анализ социально-экономических отношений, складывающихся в процессе формирования и трансформации общенационального рынка высшего образования, его встраивания в глобальное образовательное пространство.

Через призму контрактного подхода [7] систему высшего образования можно рассматривать как сеть неоклассических и отношенческих контрактов. Данный подход позволяет акцентировать внимание на характеристике взаимодействий стейкхолдеров рынка высшего образования, большинство из которых имеет форму контракта.

При использовании институциональной методологии выделены проблемы исследования способов координации стейкхолдеров высшего образования в условиях интенсивной трансформации институциональной среды. Использованная совокупность институциональной и контрактной методологии позволила идентифицировать особенности координации отдельных стейкхолдеров для конкретных видов контрактных отношений.

Результаты. Продуманное использование, поддержка, стимулирование конкретных способов координации участников рынка высшего образования позволит повысить результативность идущих реформ и эффективность государственной политики в области высшего образования.

Сложность исследования координации участников системы высшего образования обусловлена следующими теоретико-методологическими и эмпирическими проблемами.

1. Отсутствие общепринятых подходов к анализу способов и инструментов координации акторов.

2. Часто результаты (эффективность) координации стейкхолдеров не имеют количественных измерителей, возможна лишь косвенная оценка. В этом случае имеет значение подбор адекватных измеримых признаков эффективности координации.

3. Ограниченность эконометрических исследований координации акторов обусловлена односторонним отражением лишь статистической зависимости между явлениями и процессами, требующими дополнения теоретической моделью, отражающей их сущностные взаимосвязи.

4. Отсутствие возможности изучить процессы координации стейкхолдеров национального рынка высшего образования в динамике, поскольку исследуемая система находится в режиме трансформаций, многие институты и практики еще не сложились.

Основная часть

Ключевыми участниками рынка высшего образования являются четыре группы стейкхолдеров: государство, работодатели, домохозяйства, образовательные организации высшего образования (в том числе преподаватели). Субъекты каждой группы являются контрагентами конкретных видов договоров. Опираясь на теоретические подходы к классификации контрактов Я. Макнейла [8] и О. Уильямсона [7], можно выделить три основных вида контрактов: классические, неоклассические и отношенческие.

Предпосылкой применения контрактной парадигмы неоклассической теории к исследованию системы высшего образования является утверждение о том, что рыночный обмен выступает одной из форм более общего явления — социального обмена, который включает и другие элементы социального взаимодействия, осуществляемые одновременно с подготовкой и реализацией экономической сделки. А последняя, соответственно, выступает как результат сложного комплекса формальных и неформальных соглашений [9, с. 27], в рамках которых неминуемы внедоговорные пункты. Представляется приемлемой в контексте данного исследования теория «контракта как рамки», разработанная К. Льювеллином, который отметил, что контракт не отражает точно характеристику сложившихся отношений, но служит их основой, ориентиром и высшей нормой в случаях возникновения сомнений и разногласий [10].

Указанная теория смещает акцент с анализа субъектов рынка на анализ горизонтальных связей акторов.

Подавляющая часть заключаемых на рынке высшего образования контрактов — это соглашения между домохозяйствами (студентами) и образовательной организацией высшего образования. В контексте неоклассической контрактной парадигмы указанные соглашения обладают следующими характеристиками:

— соглашение представляет собой взаимные обязательства вуза и студента. При этом если контракт заключается непосредственно студентом, то данное соглашение включает обязательство по оплате обучения;

— регулирование контракта осуществляется нормативными актами и соглашениями, оформленными в письменной форме (формальными нормами), а также неформальными нормами взаимодействия, в частности между преподавателем и студентом;

— специфичность человеческих активов, немаловажным здесь является эффект сообучения;

— отсутствие дискретности отношений, акторы рынка высшего образования не могут с легкостью и в короткие сроки сменить поставщика (потребителя);

— трехстороннее управление контрактом, основанное на репутации и обращении для разрешения конфликтов к экспертной системе. При этом гарантией выполнения обязательств является неперсонифицированная или персонифицированная третья сторона (пострадавшая сторона апеллирует к общественному мнению, суждению авторитетных участников, общепризнанной традиции и т. п.);

— первичное формализованное соглашение всегда остается исходной точкой приспособления к непредвиденным обстоятельствам, несмотря на наличие устных договоренностей;

— неполнота контракта.

Кроме того, следует указать на наличие отношенческих контрактов во всей совокупности контрактных отношений на рынке высшего образования. Таковыми являются имплицитные контракты между преподавателем и студентом, а также между студентами, работодателями и вузами (зачастую).

Для отношенческих контрактов на рынке высшего образования характерны следующие черты:

— заключаются в неявной форме, не имеют письменного оформления. Соглашения носят индивидуальный характер, опираются преимущественно на неформальные нормы;

— двустороннее управление, при котором выполнение контрактов гарантируется взаимной заинтересованностью сторон. В частности, преподавательская и студенческая деятельность взаимообусловлены, и успех в одной может способствовать успехам в другой;

— наличие доверия, основанного на опыте взаимодействия или знании репутации.

Таким образом, на рынке высшего образования присутствует совокупность неоклассических и в меньшей степени отношенческих контрактов.

Подчеркнем, что существует множество видов контрактов на рынке высшего образования, заключаемых между всей совокупностью субъектов данного рынка, в частности контракты между государством и организациями высшего образования, между вузами и домохозяйствами, между работодателями и вузами, между преподавателями и образовательными организациями и т. д. Подавляющее большинство перечисленных контрактов являются неоклассическими в силу неполноты, обусловленной множеством факторов, основным из которых является высокая динамика изменений институциональной среды.

Вся совокупность контрактов на рынке высшего образования имеет определенную внутреннюю систему и обусловлена общей целью. В связи со сказанным целесообразно интерпретировать ее в качестве сети.

В контексте данного исследования под сетью будем понимать совокупность устойчивых связей формального и неформального характера, имеющих форму контракта. Таким образом, современный рынок высшего образования можно интерпретировать как сеть неоклассических и отношенческих контрактов.

В свою очередь, для анализа взаимодействия участников рынка высшего образования посредством неоклассических и отношенческих контрактов востребован особый инструментарий, который позволит дать оценку качеству и эффективности коммуникаций. Для данных целей достаточным гносеологическим потенциалом обладают теории институциональных ловушек [11], оппортунистического поведения [12] и стейкхолдерская теория [13].

Особенностью методологии институциональных исследований является одновременное использование качественных и количественных характеристик, а также междисциплинарных методов анализа.

Таким образом, использование указанной совокупности методологических подходов позволило сделать нижеприведенные выводы.

Система регулирования рынка высшего образования представлена набором регулирующих воздействий как внешнего, так и внутреннего регулирования. Основываясь на неоклассической и неоинституциональной теориях, отметим, что в науке выделяется три формы координации общественных отношений: рынок, иерархия и гибридное регулирование.

«Идеальными» в веберовском смысле [14] способами координации взаимодействия являются: иерархия (администрирование), ценовая координация, взаимное согласование и стандартизация [6, с. 93]. Каждому способу присуще определенное соотношение инструментов координации (рис. 1).

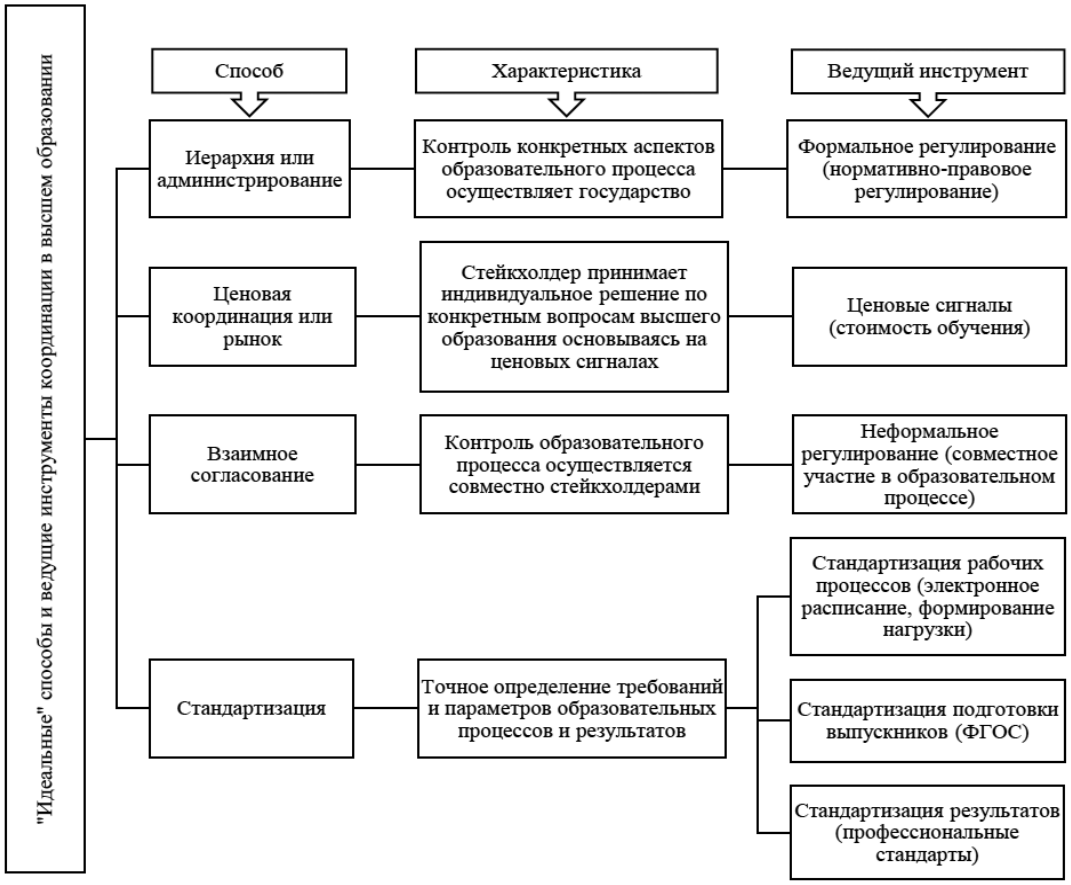

Рис. 1. «Идеальные» способы и ведущие инструменты координации в высшем образовании

Источник: разработано автором.

Изменения институциональной среды, в том числе неформальной ее части, обусловливают ряд тенденций, позволяющих говорить о наличии гибридного характера координации взаимодействия субъектов рынка высшего образования.

Выделение устойчивых форм координации акторов высшего образования в отдельные исторические периоды от преобладания иерархии (администрирования) к рыночной координации (ценовые сигналы) и в настоящее время к сочетанию всех способов координации позволяет увязать модель функционирования экономики, характер связей участников, типичные характеристики участников и ведущий способ координации для объяснения причин возникновения, направлений эволюции как отдельных способов координации, так и логики их сочетания в конкретный исторический период (табл. 1).

Таблица 1

Условная периодизация приоритетных способов координации в высшем образовании

Модель функционирования	Ведущий способ координации	Этап	Характер связей	Лица, вовлеченные в реализацию образовательных программ	Единица научного анализа
Административно-командная	Иерархия	До 1990-х гг.	Вертикальные	Только представители научно-образовательного сообщества	Социальная эффективность
Рыночная	Ценовая координация	1990–2008 гг.	Горизонтальные	Преимущественно представители научно-образовательного сообщества и эксперты от работодателей	Экономическая эффективность
Сетевая	Гибридная	С 2009 г. по настоящее время	Вертикальные и горизонтальные	Все стейкхолдеры	Экономическая и социальная эффективность

Источник: разработано автором.

Каждому способу присуще определенное соотношение инструментов координации. В частности, отношенческим контрактам присущи признаки иерархии, в классических контрактах есть признаки согласования, рыночный способ организации опосредуется ценовой координацией и т. д. В условиях систематических реформ системы высшего образования и эволюции экономических отношений появляются и развиваются новые инструменты отдельных способов координации, происходит смешение способов координации, данные явления требуют разработки методологии их анализа.

В настоящее время более интенсивным становится неформальное взаимодействие субъектов. В частности, усложняются коммуникации между преподавателем и студентом, в основе которых лежат неформальные нормы. Интенсифицируется информационный обмен между ними посредством электронных средств связи, усложняются и приобретают новые формы методики преподавания, предполагающие коллективное взаимодействие, растет количество интерактивных занятий. Требования ФГОС к соотношению лекционных и практических занятий изменились в пользу увеличения последних. Сложность формального регулирования указанных процессов делает востребованными неформальные нормы, а также обусловливает возможность использования такого способа координации деятельности, как взаимное согласование.

При этом следует отметить, что прямой государственный контроль в сфере высшего образования становится более формализованным, увеличивается количество индикаторов государственного контроля, таким образом можем констатировать некоторое усиление элементов администрирования во взаимодействии организаций высшего образования и регулятора.

Эволюционирует рыночная координация. Ценовые предложения имеют значение при определении домохозяйствами формы обучения (заочная значительно дешевле) или региона обучения (Москва значительно дороже). Наряду с этим в ФГОС образовательным организациям высшего образования дана большая автономия, а также возможность реагирования на спрос на ту или иную специальность, востребованную в регионе.

Вместе с тем ФГОС предусматривает достаточно жесткую привязку образовательного процесса к компетенциям выпускника, от образовательной организации, реализующей программу, требуется привитие знаний, навыков и умений, предусмотренных стандартом. Идет интенсивная работа по гармонизации образовательных стандартов и квалификационных требований в рамках профессиональных стандартов, что свидетельствует об интенсификации стандартизации навыков и знаний (квалификации). Также об усилении стандартизации свидетельствует беспрецедентный рост количества нормативных актов, регулирующих высшее образование.

Наиболее интенсивным является развитие сетевых коммуникаций, имеющих форму взаимного согласования с опорой на неформальные нормы. Взаимодействие домохозяйств (абитуриентов и их семей) с образовательными организациями высшего образования становится более интенсивным еще на этапе принятия решения о выборе вуза и специальности. Абитуриенты включаются в сеть взаимодействий в виде познавательно-развлекательных и исследовательских мероприятий, информационного обмена, олимпиад и др. Аналогичную тенденцию можно наблюдать во взаимодействии образовательных организаций высшего образования и работодателей, которые все более интенсивно вовлекаются в образовательный процесс путем участия в организации практик, стажировок, ярмарок вакансий, согласования дополнительных компетенций и др. При этом в рамках неоклассического или отношенческого контракта наблюдаем различное соотношение способов координации (табл. 2 на стр. 256).

Таблица 2

Совокупность способов координации на примере отдельных видов контрактов

Стороны контракта	Иерархия	Ценовая координация	Взаимное согласование	Стандартизация
Государство — вуз	+		+	+
Вуз — домохозяйства		+	+	
Вуз — работодатель			+	+
Преподаватель — студент	+		+	+
Преподаватель — вуз	+	+	+	

Примечание: сила координирующего способа показана интенсивностью цвета.

Источник: разработано автором.

Обобщая сказанное, отметим, что взаимодействие стейкхолдеров системы высшего образования опосредуется совокупностью разных форм контрактов, объединяемых в сеть. При этом каждой разновидности контрактных взаимодействий присуще определенное соотношение инструментов координации.

Выводы

Таким образом, смешение способов координации и разнообразие инструментов требуют упорядочивания и систематизации знаний в данной области и перехода от характеристик упрощенных моделей координации к более сложным, комплексным, постоянно эволюционирующим. Также согласимся с И. Д. Котляровым в нецелесообразности акцентирования внимания только на компромиссе рынка и иерархии как характеристики гибрида или на их комбинации [15]. Рынку высшего образования характерны как отдельные комбинации рыночного и административного регулирования, так и различные сочетания отдельных способов между собой. Гармонизация способов координации и повышение качества координации стейкхолдеров рынка высшего образования обеспечат результативность реформы образования.

Вышесказанное позволяет констатировать актуальность и своевременность дальнейших разработок теории и методологии анализа складывающейся гибридной модели координации участников рынка высшего образования с целью идентификации существующих проблем координации стейкхолдеров и разработки направлений повышения ее эффективности при помощи гармонизации способов и инструментов координации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Meyer J. W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony //The American Journal of Sociology. 1977. No. 83(2). Pp. 340–363.

2. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века: пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 390 с.

3. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. 608 с.

4. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.

5. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб : Питер, 2004. 512 с. (Серия «Деловой бестселлер»).

6. Дементьев В. Е., Евсюков С. Г., Устюжанина Е. В. Гибридные формы организации бизнеса: к вопросу об анализе межфирменных взаимодействий // Российский журнал менеджмента. 2017.Т. 15. № 1. С. 89–122.

7. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация : пер. с англ. СПб.: Лениздат,1996. 702 с.

8. Macneil I. Many Features of Contracts// Southern California Law Review. 1974. Vol. 47. Pp. 691–816.

9. Радаев В. В. Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России. М.: Высшая школа экономики, 2011. 384 с.

10. Llewellyn K. N. What Price Contract? An Essay in Perspective // Yale Law Journal. 1931. Vol. 40.Pp. 704–751.

11. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы/ Российская экон. Школа. М., 1998. 42с.

12.Курбатова М. В., Каган Е. С. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Journal of Institutional Studies = Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8 (номер 3). С. 116–136. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136

13. Тамбовцев В. Л. Стейкхолдерская теория фирмы в свете концепции режимов собственности // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. URL: http://www.cfin.ru/management/strategy/orgstr/stakeholder_theory.shtml

14. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

15. Котляров И. Д. Нетипичные формы организации хозяйственной деятельности// Экономическая наука современной России. 2017. № 1. С. 22–40.

REFERENCES

1. Meyer J. W., Rowan B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony// The American Journal of Sociology. 1977. No. 83(2). Pp. 340–363.

2. Fligstein N. 2001. The Architecture of Markets: Economic Sociology of the Capitalist Societies of XXI century. Princeton, NJ : Princeton University Press. 2002. 288p.

3. Porter M. Competition. M.: Williams, 2005. 608 p.
4. Polterovich V. Strategies of modernization, institutions and coalitions // Questions of economy. 2008. No. 4. Pp. 4–24. (In Russ.).
5. Mintzberg H. Structure in the Fist. Designing Effective Organizations. Prentice-Hall, 1983. 317 p.
6. Dementyev V. E., Onkar S. G., Ustyuzhanina E. V. Hybrid forms of business organization: analysis of the inter-company interactions // Russian management journal.2017. Vol. 15. No. 1. Pp. 89–122. (In Russ.).
7. O. Williamson, "The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets and Relational Contracting," Free Press, New York, 1985. 450 p.
8. Macneil I. Many Features of Contracts// Southern California Law Review. 1974. Vol. 47. Pp.691—816.
9. Radaev V. V. Who owns the power in consumer markets: relations of retail chains and suppliers in modern Russia. M.: Higher School of Economics, 2011. 384p. (In Russ.).
10. Llewellyn K. N. What Price Contract? An Essay in Perspective // Yale Law Journal. 1931. Vol. 40. Pp. 704–751.
11. Polterovich V. M. Institutional traps and economic reforms/ of the Russian School of Economics. M., 1998. 42 p.
12. Kurbatova M. V., Kagan E. S. Opportunism of the university teachers as a way of adaptation to strengthening of external control of activity // Journal of Institutional Studies. 2016. Vol. 8 (number 3). Pp.116–136. (In Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.3.116-136
13. Tambovtsev V. L. Stakeholder theory of the firm in the light of the concept of ownership regimes // Russian journal of management. 2008. Vol.6. URL: http://www.cfin.ru/management/strategy/orgstr/stakeholder_theory.shtml
14. Weber M. Selected works. Transl. from German. M.: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).
15. Kotlyarov I. D. Atypical forms of organization of economic activity // Economic science of modern Russia. 2017. No.1. Pp. 22–40. (In Russ.).

Как цитировать статью: Молокова Е. Л. Теория и методология анализа гибридной модели координации стейкхолдеров высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 251–257. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.442.

For citation: Molokova E. L. Theory and methodology of analysis of the hybrid model of coordination of higher education stakeholders // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). P. 251–257. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.442.

УДК 330.313
ББК 60.32

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.410

Shpak Nina Mikhailovna,
Lecturer,
Kuban State
Agrarian University,
Krasnodar,
e-mail: nina190478@yandex.ru

Шпак Нина Михайловна,
преподаватель
Кубанский государственный
аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
г. Краснодар,
e-mail: nina190478@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ПУТЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

ENHANCING EFFICIENCY OF THE REPRODUCTIVE PROCESS IN DAIRY CATTLE BREEDING IN KRASNODAR REGION BY IMPROVING THE ECONOMIC MECHANISM

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economy and management of national economy

Молочное скотоводство является одной из наиболее перспективных и в то же время проблемных подотраслей аграрного сектора экономики. За период экономических реформ подотрасль претерпела негативные качественные и количественные изменения, что привело к снижению объема производства сырого молока в Краснодарском крае. Молочное скотоводство имеет свои особенности, которые оказывают влияние на процесс воспроизводства. Участие в воспроизводственном процессе живых организмов, развитие которых происходит по законам природы, является важнейшей из них. Развитие экономических и производственных отношений в молочном скотоводстве осуществляется посредством хозяйственного механизма. В статье подчеркивается несовершенство действующего в настоящее время в подотрасли хозяйственного механизма. Рассматривается влияние различных факторов на снижение объема производства молока, а также возможность повышения эффективности воспроизводственного процесса в молочном скотоводстве за счет совершенствования хозяйственного механизма. Разработке практических рекомендаций по его совершенствованию посвящено проводимое в рамках статьи исследование. Постоянный рост затрат не позволяет большинству отечественных животноводческих организаций конкурировать с высоко субсидированной

продукцией импортного производства. Обоснована необходимость государственной поддержки подотрасли. Сделан вывод, что повышение молочной продуктивности коров и увеличение объема субсидий, полученных на 1 кг молока, способствуют росту прибыли от его реализации. Автором установлено, что предоставление государственных бюджетных средств на повышение молочной продуктивности ведет к двукратному повышению уровня рентабельности реализуемой продукции. Одним из путей совершенствования хозяйственного механизма является также переход на интенсивный путь развития. Доказано, что за счет повышения уровня интенсивности производства увеличивается выход продукции в расчете на одну голову скота и снижается себестоимость единицы продукции. В совершенствовании хозяйственного механизма необходим системный подход, который будет способствовать повышению эффективности воспроизводственного процесса в молочном скотоводстве, достижению параметров продовольственной безопасности по молоку и молокопродуктам.

A dairy cattle breeding is one of the most promising and at the same time problematic sub-sectors of the agriculture. During the period of economic reforms, the sub-sector has undergone negative qualitative and quantitative changes, which led to a decrease in production of the raw milk in Krasnodar region. A dairy cattle breeding has its own characteristics, which have an impact on the reproduction process. Participation in the reproductive process of living organisms, development of which takes place according to the laws of nature, is the most important of them. The development of economic and industrial relations in dairy cattle breeding is carried out through the economic mechanism. The article highlights the imperfection of the current economic mechanism in the sub-sector. The influence of various factors on the reduction of milk production, as well as the possibility of improving the efficiency of the reproductive process in dairy cattle breeding by improving the economic mechanism are examined. The research conducted within the framework of the article is devoted to development of practical recommendations for its improvement. The constant growth of costs does not allow the majority of domestic livestock organizations to compete with highly subsidized imported products. The necessity of state support of the sub-sector is substantiated. It is concluded that the increase in milk productivity of cows and the increase in subsidies per 1 kg of milk contributes to the growth of profits from its implementation. The author found that the provision of state budget funds to increase milk productivity leads to a twofold increase in the level of profitability of the products sold. One of the ways to improve the economic mechanism is also the transition to an intensive development path. It is proved that by increasing the intensity of production the yield per 1 head of cattle will be increased and the cost per unit of production will be reduced. Improvement of the economic mechanism requires a systematic approach, which will help to improve the efficiency of the reproductive process in the dairy cattle breeding, to achieve the parameters of food security in milk and dairy products.

Ключевые слова: молочное скотоводство, воспроизводственный процесс, хозяйственный механизм, интенсификация, государственная поддержка, уровень рентабельности.

Keywords: dairy cattle breeding, reproduction process, economic mechanism, intensification, state support, the level of profitability.

Введение

Современные условия хозяйствования предъявляют повышенные требования к организации воспроизводственных процессов в экономике аграрного сектора, а также в его отдельных подотраслях. Перспективной и наиболее сложной подотраслью является молочное скотоводство, имеющее важное народно-хозяйственное значение в обеспечении населения качественными молочными продуктами. До сих пор не достигнуты параметры Доктрины продовольственной безопасности по продукции подотрасли. Негативные тенденции, связанные с сокращением численности поголовья крупного рогатого скота, низким уровнем доходности молочного скотоводства, снижают эффективность воспроизводственных процессов в молочном скотоводстве. Длительный период окупаемости финансовых вложений снижает инвестиционную привлекательность подотрасли по сравнению с другими подотраслями (птицеводством и свиноводством).

Необходимость реализации комплексной стратегии по повышению конкурентоспособности подотрасли неразрывно связана с активизацией воспроизводственных процессов за счет совершенствования хозяйственного механизма. Действующий в настоящее время в молочном скотоводстве хозяйственный механизм не позволяет большей части производителей молока осуществлять расширенное воспроизводство, что говорит о его несовершенстве.

Цель исследования заключается в определении факторов, снижающих эффективность воспроизводственных процессов в молочном скотоводстве, а также разработке на этой основе практических рекомендаций по совершенствованию хозяйственного механизма.

Задачи исследования

— определить влияние хозяйственного механизма на воспроизводственный процесс в молочном скотоводстве Краснодарского края;

— разработать практические рекомендации по совершенствованию хозяйственного механизма в молочном скотоводстве.

Целесообразность разработки темы определена необходимостью совершенствования хозяйственного механизма, обеспечивающего увеличение производства молока и повышение доходности молочного скотоводства.

Сложность предметной области исследования обусловливает необходимость использования системного подхода к исследованию, а также группы **методов исследования** — системного, монографического, экономико-статистического анализа, сравнения.

Научная новизна исследования заключается в выявлении причин, снижающих эффективность воспроизводственного процесса в молочном скотоводстве, а также в разработке практических рекомендаций по совершенствованию хозяйственного механизма.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке научно обоснованных положений, которые повышают эффективность процесса воспроизводства в молочном скотоводстве.

Практическая значимость работы состоит в использовании научно обоснованных предложений автора, касающихся повышения эффективности воспроизводственного процесса в молочном скотоводстве за счет совершенствования хозяйственного механизма.

Стоит выделить авторов, работы которых посвящены изучению хозяйственного механизма, а именно: В. Р. Боева [1], М. П. Гриценко [2], И. В. Курцева [3],

Е. Н. Клочко [4, с. 216–246], И. К. Ларионова [5], В. З. Мазлоева [6], В. М. Новикова [7], И. Н. Путилину [8], А. Н. Семина [9], И. Г. Ушачева, Н. И. Жукова, В. И. Еремеева [10] и др.

Основная часть

Молочное скотоводство входит в число приоритетных подотраслей аграрного сектора экономики, обеспечивающих продовольственную безопасность страны. По молоку и молочным продуктам в России не достигнут достаточный уровень самообеспечения, что говорит о наличии потенциальных резервов роста объемов производства сырого молока. Подотрасль является важным бюджетообразующим сектором экономики, в котором занято более миллиона человек.

Воспроизводственный процесс в молочном скотоводстве рассматривается автором как система, включая воспроизводство ее элементов и взаимодействия с внешней средой. Воспроизводственный процесс в подотрасли имеет цель, задачи, принципы, включает в себя стадии и факторы производства.

В процессе воспроизводства в подотрасли принимают участие живые организмы, развитие которых происходит по законам природы. Высокая капиталоемкость отрасли замедляет оборот фондов, большая часть которых находится в форме материальных производственных запасов.

Следует отметить, что функционирование молочного скотоводства происходит в сложных и противоречивых условиях хозяйствования. С одной стороны, замена низкопродуктивных пород крупного рогатого скота сопровождается ростом молочной продуктивности. С другой стороны, низкие закупочные цены на сырое молоко, а также неэффективные меры государственной поддержки подотрасли замедляют темпы технико-технологической модернизации и интенсификации производства молока. Усиление конкуренции на молочном рынке заставляет производителей молока использовать преимущественно интенсивные факторы экономического роста, внедрять ресурсосберегающие технологии и осваивать новые формы организации производства. Для непрерывного процесса воспроизводства необходимо иметь запас кормов, а также достаточное наличие материальных, денежных средств, трудовых ресурсов. Схема воспроизводства в молочном скотоводстве приведена на рис. 1.

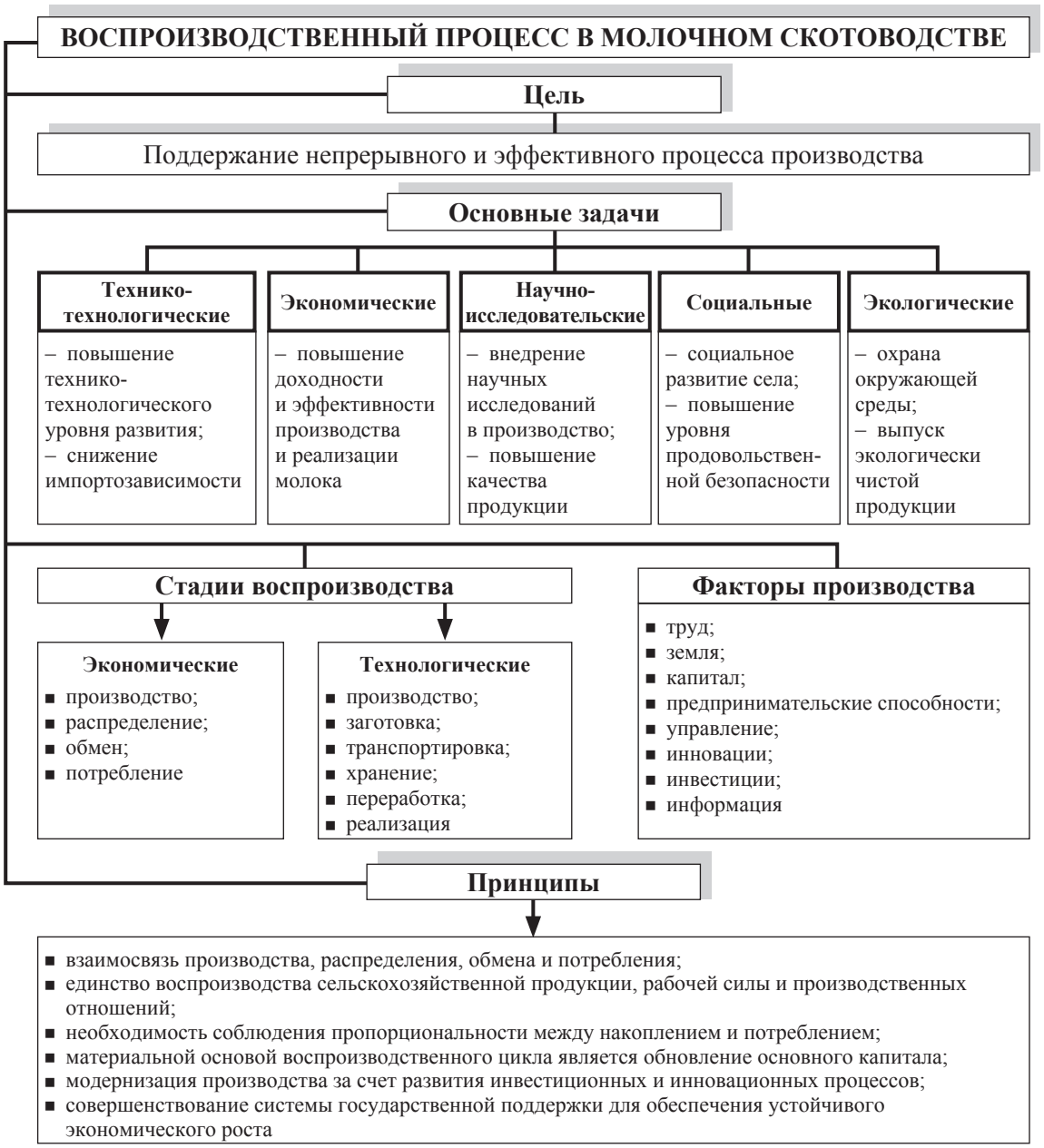

Рис. 1. Цель, задачи, принципы воспроизводственного процесса в молочном скотоводстве

Для использования резервов роста объемов производства молока, а также осуществления непрерывного расширенного воспроизводства по всему циклу, начиная от получения молока и заканчивая доведением молочной продукции до конечного потребителя, необходим отлаженный хозяйственный механизм, охватывающий широкий круг отношений, форм и методов регулирования.

Теоретические аспекты хозяйственного механизма и пути его совершенствования изучались многими отечественными экономистами.

Ученые И. К. Ларионов, Н. Н. Пилипенко, В. Н. Щербаков рассматривали хозяйственный механизм как систему прямых и обратных связей, управленческих решений и организационно-административной деятельности, базирующихся на государственном регулировании экономических отношений, прежде всего товарно-денежных, основанных на согласовании, подчинении экономических интересов экономических субъектов, осуществляющих функции взаимодействия производства, распределения, обмена и потребления на всех уровнях экономики [5].

Поскольку «хозяйственный механизм» можно рассматривать как определенный способ организации и функционирования экономической деятельности, его синонимом выступает «организационно-экономический механизм». Академик РАСХ В. Р. Боев считает организационно-экономический механизм системой взаимосвязанных, взаимообусловленных экономических рычагов и инструментов [1].

По мнению М. П. Гриценко, в состав организационного механизма входят ценовые, финансово-кредитные, налоговые и другие рычаги [2]. Ученые И. Г. Ушачев, Н. И. Жуков и В. Е. Еремеев включают в его состав также бюджетную, страховую и таможенно-тарифную составляющие [10].

А. И. Семин в составе организационно-экономического механизма выделил двенадцать взаимосвязанных элементов: «систему планирования, коммерческого расчета, форму организации труда и производства, ценообразование, систему налогов, финансирования и кредитования, систему стимулирования, взаимоотношений с поставщиками и потребителями, систему учета, анализа и контроля, самостоятельности предприятия, его прав и ответственности, отношение производственного и управленческого персонала к средствам производства и конечным результатам» [9].

Воздействие организационно-экономического механизма на стадии воспроизводства, по мнению В. З. Мазлоева, осуществляется при помощи совокупности взаимосвязанных экономических рычагов и методов воздействия [6].

Результаты

Анализ основных теоретических подходов в определении организационно-экономического механизма позволяет сделать вывод о том, что его основу составляет система взаимосвязанных, взаимообусловленных экономических рычагов и инструментов. Влияние хозяйственного механизма на воспроизводственный процесс в молочном скотоводстве осуществляется посредством организационной и экономической составляющей. В экономическую составляющую входят цены и ценообразование, бюджетная, кредитная, налоговая, страховая, таможенно-тарифная подсистемы. В организационную составляющую входят формы хозяйствования, специализация, породы скота, зооветобслуживание, племенная работа, технология производства и др.

Воздействие хозяйственного механизма на воспроизводственный процесс в молочном скотоводстве показано на рис. 2.

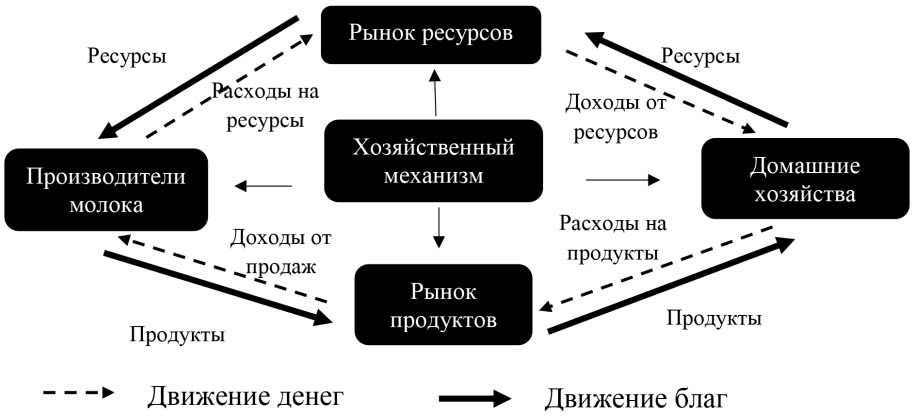

Рис. 2. Влияние хозяйственного механизма на воспроизводственный процесс в молочном скотоводстве

Влияние хозяйственного механизма на воспроизводственный процесс можно проследить по стадиям воспроизводства. На стадии производства важнейшими элементами механизма являются производственные отношения. Руководство процессом производства осуществляется при помощи управления, важной составной частью которого является организационно-экономический механизм инвестирования и инновационного развития.

Основу распределительного механизма составляет ценовой механизм, связывающий его с механизмами обмена. На стадии обмена экономический механизм основывается на рыночном механизме. Последний обеспечивает саморегулирование экономических процессов, сочетаясь с экономическими методами государственного воздействия [9].

Взаимодействие хозяйственного механизма с четырьмя сферами экономических отношений осуществляется на макро-, мезо- и микроуровнях. На макроуровне при активном воздействии государства хозяйственный механизм выполняет функции планирования (стратегическое и текущее, директивное и индикативное), программирования, регулирования экономики, обеспечения денежного обращения, создания условий для кредитования, разработки налоговой и страховой системы, обеспечения централизованного распределения материальных ресурсов и экономической безопасности государства, проведение единой государственной научно-технической политики, создание условий для выгодного сотрудничества с другими государствами, международными организациями [5].

Экономическая эффективность воспроизводственных процессов в подотрасли заключается в величине вновь созданной стоимости в соотношении с затратами, необходимыми для производства продукции. Повышение экономической эффективности воспроизводственных процессов в подотрасли сопровождается увеличением объема производимой продукции, повышением ее качества, уровня рентабельности. Характеристика эффективности воспроизводственных процессов в молочном скотоводстве Краснодарского края приведена в табл. 1.

Таблица 1

Эффективность воспроизводственного процесса в сельскохозяйственных организациях молочного скотоводства Краснодарского края за 1990—2016 гг.

Показатель	Годы							2016 г., % к 1990 г.
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	
Производство молока в сельскохозяйственных организациях, тыс. т	1864	1132	914,2	891,2	869,6	850,0	871,0	46,73
Уровень товарности, %	96,5	97,1	82,8	87,5	93,1	95,3	95,9	—
Поголовье крупного рогатого скота, тыс. гол.,	1650	1083	737	520	440	353	354	21,45
в том числе коров, тыс. гол.	518	435	279	187	164	135	133	25,68
Надой молока на одну корову, кг	3555	2809	3181	4534	5451	6624	6761	190,18
Выход приплода на 100 коров, гол.	86	79	81	78	72	71	70	81,4
Падеж скота, % к обороту стада	2,7	2,8	1,5	1,0	7	4	5	185,2
Полная себестоимость 1 ц молока, руб.	0,14	63	274	564,4	1157,6	1821,4	1972,9	—
Цена реализации 1 ц, руб.	0,21	72	328	722,4	1453,8	2328,5	2442,9	—
Уровень коммерческой рентабельности, %	50,0	14,3	19,7	27,9	25,5	27,8	23,8	26,2 п.п.

За рассматриваемый период с 1990 по 2016 гг. ухудшились показатели воспроизводства поголовья крупного рогатого скота: на 18,6 % снизился выход приплода на 100 коров, на 85,2 % увеличился падеж животных. Увеличение объема производства молока в сельскохозяйственных организациях обеспечено преимущественно ростом молочной продуктивности коров, которая в указанный период увеличилась на 3206 кг (90,18 %).

О несовершенстве действующего хозяйственного механизма в молочном скотоводстве свидетельствует стагнация производства молока. За период 1990–2016 гг. объем производства молока в Краснодарском крае снизился на 709,3 тыс. т. Наибольшее сокращение отмечено в сельскохозяйственных организациях (на 53,27 %). В то же время хозяйства населения и крестьянские (фермерские) хозяйства почти удвоили объем производства молока. В результате проведенных реформ основными производителями молока стали сельскохозяйственные организации (в структуре производства в 2016 г. их доля составила 64,22 %), где уровень товарности производимого молока составляет 95,9 %.

Проведенное исследование эффективности воспроизводственного процесса в молочном скотоводстве Краснодарского края показало снижение важнейшего экономического показателя — уровня рентабельности — на 26,5 п. п. и опережение темпов роста себестоимости над темпами роста цен реализации.

С целью определения зависимости финансовых результатов в молочном скотоводстве от уровня государственной поддержки был проведен корреляционно-регрессионный анализ влияния факторов на получение прибыли от реализации молока в расчете на одну корову по данным 113 сельскохозяйственных организаций Краснодарского края за 2015 г. Для анализа были отобраны следующие признаки:

y — прибыль от реализации молока в расчете на одну корову, тыс. руб.;

x_1 — прямые затраты труда на 1 гол., чел.-ч;

x_2 — среднегодовой удой, ц/гол.;

x_3 — затраты на корма в расчете на 1 ц молока, руб.;

x_4 — получено субсидий на 1 кг реализованного молока, руб.

Численные значения полученной модели представлены в табл. 2.

Таблица 2

Параметры линейной модели прибыли от реализации молока в расчете на одну корову, 2015 г.

Признак	Коэффициент			
	регрессии b_i	t_{b_i}	β_i	эластичности $Э_i$
Свободный член уравнения регрессии	4,83	0,50	—	—
Прямые затраты труда на 1 гол., чел.-ч	–0,076	–4,63	–0,318	–0,576
Среднегодовой удой, ц/гол.	0,801	6,44	0,453	2,499
Затраты на корма в расчете на 1 ц молока, руб.	–0,032	–4,71	–0,316	–1,313
Субсидии на 1 кг молока, руб.	6,915	2,18	0,154	0,153
Общая оценка уравнения	R = 0,715; R2 = 0,511; Fн = 28,30; Fкр= 5,66			

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что увеличение прямых затрат труда в расчете на 1 гол. крупного рогатого скота (на 1 чел.-ч) и затрат на корма на 1 ц молока (руб.) приводило к снижению прибыли от реализации молока соответственно на 0,076 и 0,032 тыс. руб./гол. Одновременное повышение молочной продуктивности

коров на 1 ц/гол. и субсидий, полученных на 1 кг молока (на 1 руб.), привело к росту прибыли от реализации молока на 0,801 и 6,915 тыс. руб./гол.

Автором установлено, что в 2016 г. на каждое хозяйство было выделено в среднем 7720 тыс. руб. субсидий на повышение молочной продуктивности, что составляет 4,72 % денежной выручки от реализации молока. Благодаря объему выделенных субсидий почти в два раза повысился уровень рентабельности реализуемой продукции.

Ограничение государственного регулирования приводит к усилению роли самих хозяйствующих субъектов в совершенствовании организационно-экономического механизма.

Одним из способов его совершенствования для осуществления расширенного воспроизводства является интенсификация. С повышением уровня интенсивности производства в результате дополнительных затрат, направленных на улучшение породного состава молочного стада, повышение качества и оптимизацию структуры кормовых рационов, увеличивается выход продукции в расчете на одну голову скота и снижается ее себестоимость (табл. 3).

Таблица 3

Зависимость эффективности производства молока от уровня интенсификации в сельскохозяйственных организациях Краснодарского края, 2016 г.

Показатели	Группы хозяйств по производственным затратам на 1 корову, тыс. руб.				Итого и в среднем
	До 59	59–118	118–177	177–236	
Количество хозяйств в группе	6	30	71	16	123
Затраты на одну корову, тыс. руб.	31,6,4	95,6	145,5	193,0	134,7
Поголовье коров, гол.	181	19154	86631	11274	123213
Удой на одну корову, ц	15,88	49,22	64,36	71,9	60,23
Затраты на корма на одну голову скота, тыс. руб.	45,4	58,2	62,4	66,0	53,5
Затраты труда на 1 ц молока, чел.-ч	5,2	2,9	1,9	1,6	2,3
Себестоимость 1 ц молока, руб.	1680,7	1836,3	1871,1	2046,1	1853,5
Цена реализации 1 ц молока, руб.	2138,8	2269,7	2381,9	2474,6	2354,5
Чистый доход на 1 ц молока, руб.	–0,61	0,04	–0,18	–0,47	–0,17
Рентабельность реализации молока, %	17,4	24,3	17,2	2,9	17,5

Анализ группировки сельскохозяйственных предприятий, имеющих различный уровень интенсификации, показал, что по мере увеличения затрат растет молочная продуктивность животных и расход кормов на одну корову, снижается трудоемкость. Оплата корма молоком, рентабельность реализации молока имеют свои лучшие значения при затратах на одну корову в пределах 59–118 тыс. руб. Развитию интенсификации, а также ускорению внедрения достижений научно-технического прогресса способствуют углубление специализации, концентрация и кооперация сельскохозяйственного производства.

Заключение, выводы

Целью хозяйственного механизма в молочном скотоводстве является поддержка устойчивого и эффективного процесса воспроизводства путем согласования интересов всех его участников: товаропроизводителей, собственников ресурсов, общества и государства.

За последние несколько лет в рамках государственной программы была проведена большая работа по развитию молочного скотоводства. Были построены новые высокотехнологичные молочные фермы, организована закупка высокопродуктивного поголовья крупного рогатого скота. В результате в крае удалось почти в два раза повысить молочную продуктивность. В условиях усилившейся конкуренции на молочном рынке так важно ускорить модернизацию молочного скотоводства, усовершенствовать организационно-экономический механизм хозяйствования.

Исходя из целей экономического механизма, к его основным задачам в подотрасли молочного скотоводства относятся: максимизация доходов товаропроизводителей молока и обеспечение устойчивости их величины; удовлетворение потребности населения в высококачественных молочных продуктах в соответствии с утвержденной нормой; повышение эффективности процесса воспроизводства.

Хозяйственный механизм, как и процесс воспроизводства в молочном скотоводстве, постоянно меняется. При этом должна быть обеспечена преемственность его содержания и устойчивость. Механизм должен совершенствоваться, постоянно приспосабливаться к изменяющимся политическим, экономическим и социальным условиям, учитывая действие объективных законов.

Совершенствование хозяйственного механизма способствует повышению обеспеченности молоком — сырьем перерабатывающих предприятий и удовлетворению растущей потребности населения в молочных продуктах. С каждым циклом воспроизводства должна повышаться степень удовлетворения интересов участников воспроизводственного процесса, обеспечивая функционирование элементов организационно-экономического механизма на всех уровнях производства.

Приоритетной задачей организационно-экономического механизма в молочном скотоводстве является обеспечение упорядочения взаимодействия всех субъектов в системе воспроизводства, повышение эффективности воспроизводства, создание необходимых условий для увеличения объема производства молока, повышения его качества.

Формирование эффективного хозяйственного механизма в молочном скотоводстве должно обеспечивать выполнение основных его функций:

— повышение эффективности коммерческой деятельности, конкурентоспособности производимой продукции;

— создание благоприятного инвестиционного климата в подотрасли;

— усиление заинтересованности работников в результатах своего труда;

— осуществление технико-технологической модернизации и качественного обновления материально-технической базы.

В основе эффективного хозяйственного механизма должны быть качественные улучшения условий осуществления воспроизводственного процесса. В первую очередь, речь идет о технологической модернизации, повышении производительности труда, улучшении технологии получения молока и снижении издержек производства.

Для обеспечения устойчивого развития молочного скотоводства необходим действенный хозяйственный механизм, сочетающий в себе методы государственного регулирования и саморегулирования. Формирование такого механизма должно стать приоритетной задачей государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боев В. Р. Совершенствовать экономический механизм развития АПК // АПК: экономика, управление. 1993. № 3. С. 61–64.

2. Гриценко М. П. Совершенствование организационно-экономического механизма хозяйствования // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 1997. № 3. С. 7–8.

3. Курцев И. В. Организационно-экономический механизм инновационного развития АПК Сибири. Новосибирск: ГНУ СибНИИЭСХ Россельхозакадемии, 2012. 60 с.

4. Клочко Е. Н., Белова Е. О. Анализ современного состояния развития животноводства в Краснодарском крае // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 1. С. 40–45.

5. Экономическая теория (Политическая экономия): Учебник / под ред. И. К. Ларионова, Н. Н. Пилипенко, В. Н. Щербакова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. 732 с.

6. Мазлоев В. З. Механизмы институциональных преобразований агропромышленных объединений // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2005. № 7. С. 37–40.

7. Новиков В. М. Организационно-экономический механизм государственного регулирования инновационных процессов в сельском хозяйстве. Смоленск: Смоленская городская типография, 2010. 284 с.

8. Путилина И. Н., Ворхлик О. Н. Реализация целевых программ в развитии молочного скотоводства Краснодарского края // Животноводство Юга России. 2015. № 1. С. 29–31.

9. Семин А. Н. Экономический механизм хозяйствования как основа эффективной работы сельхозтоваропроизводителей // Экономика сельского хозяйства России. 2000. № 3. С. 37–40.

10. Ушаков И. Г., Жуков Н. И., Еремеев В. И. Организационно-экономический механизм взаимодействия государственного, хозяйственно-экономического и местного самоуправления в АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. № 10. С. 2–6.

REFERENCES

1. Boev V. R. Improvement of the economic mechanism of development of agrarian and industrial complex // Agrarian and industrial complex: economy, management. 1993. No. 3. Pp. 61–64. (In Russ.).

2. Gritsenko M. P. Improvement of the organizational and economic mechanism of managing // Economy of agricultural and processing enterprises. 1997. No. 3. Pp. 7–8. (In Russ.).

3. Kurtsev I. V. Organizational and economic mechanism of innovative development of agrarian and industrial complex of Siberia. Novosibirsk : GNU SIBNIIESKH of the Russian Agricultural Academy, 2012. 60 p. (In Russ.).

4. Klochko E. N., Belov E. O. The analysis of the current state of development of livestock production in Krasnodar Territory // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2018. No. 1. Pp. 40–45. (In Russ.).

5. Larionov I. K., Pilipenko N. N., Scherbakov V. N. (eds.). Economic theory (Political economy) : The textbook. M. : Publishing and trade corporation “Dashkov and Co”, 2010. 732 p. (In Russ.).

6. Mazloev V. Z. Mechanisms of institutional transformations of agro-industrial associations // Economy of agricultural and processing enterprises. 2005. No. 7. Pp. 37–40. (In Russ.).

7. Novikov V. M. The organizational and economic mechanism of state regulation of innovative processes in agriculture. Smolensk : Smolensk city printing house, 2010. 284 p. (In Russ.).

8. Putilina I. N., Vorkhlik O. N. Implementation of target programs in development of dairy cattle breeding of Krasnodar Krai // Livestock production of the South of Russia. 2015. No. 1. Pp. 29–31. (In Russ.).

9. Semin A. N. Economic mechanism of managing as basis of effective work of agricultural producers // Rural economics of Russia. 2000. No. 3. Pp. 37–40. (In Russ.).

10. Ushakov I. G., Zhukov N. I., Eremeev V. I. The organizational and economic mechanism of interaction of the state, economic and economic and local government in agrarian and industrial complex // Economy of agricultural and processing enterprises. 2017. No. 10. Pp. 2–6. (In Russ.).

Как цитировать статью: Шпак Н. М. Повышение эффективности воспроизводственного процесса в молочном скотоводстве Краснодарского края путем совершенствования хозяйственного механизма // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 257–263. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.410.

For citation: Shpak N. M. Enhancing efficiency of the reproductive process in dairy cattle breeding in Krasnodar region by improving the economic mechanism // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 257–263. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.410.

УДК 338.49+620.9
ББК 31.19

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.412

Nefatova Kseniya Vladimirovna,
Postgraduate Student of the Department Industrial Management and Energy Economics,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: ksyushka.00@mail.ru

Нефатова Ксения Владимировна,
аспирант кафедры производственного менеджмента и экономики энергетики,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск,
e-mail: ksyushka.00@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ПОСТРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

THE FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE ENERGY INFRASTRUCTURE IN THE POST-REFORM PERIOD OF ELECTRIC POWER ENGINEERING FUNCTIONING

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 – Economics and management of national economy

Развитие энергоинфраструктуры оказывает влияние на рост производительных сил в регионе и обусловливается ролью инфраструктуры в развитии и размещении всех отраслей экономики региона. Однако и масштабы развития энергоинфраструктуры зависят от спроса на энергопродукцию и ее услуги в определенных территориальных границах. Функциональное единство продукции и услуг подсистем энергоинфраструктуры проявляется на стадии выбора энергоносителей, энергопотребляющих процессов и установок потребителями. На этом уровне иерархии устанавливаются экономически обоснованные соотношения потребления различных видов топлива и энергии, которые формируют главные пропорции развития энергоинфраструктурных элементов.

В условиях реорганизации электроэнергетики важнейшей задачей является качественное предоставление услуг потребителям по обеспечению электричеством. Многие авторы приходят к выводу о несостоятельности данных преобразований при обеспечении бесперебойного электроснабжения, развитии конкуренции между энергоснабжающими организациями и, самое главное, при оценке его экономичности для потребителей. Доступность потребления электроэнергии зависит не только от уровня цен, но и главным образом от технических возможностей и степени надежности системы электроснабжения. При рассмотрении энергетической инфраструктуры в качестве производственной возникает необходимость сочетания отраслевого и территориального принципов управления ее эксплуатацией.

Энергетическая инфраструктура состоит из структурных единиц, обладающих общими свойствами, наличие которых делает структурные единицы инфраструктуры взаимосвязанными и взаимообусловленными. При этом каждый из признаков имеет специфические особенности. Взаимодействие структурных единиц энергоинфраструктуры образует структуру и ее отраслевой состав. Следует отметить, что энергоинфраструктура разрабатывается с учетом фактического и прогнозного потребления энергоресурсов региона.

The development of energy infrastructure affects the growth of productive forces in the region, which is determined by its role in the development and deployment of all sectors of regional economics. However, the scale of development of energy infrastructure depends on the demand for energy products and its services in certain territorial boundaries. Functional unity of products and services of energy infrastructure is manifested at the stage of choice of energy resources, energy consuming processes and installations by consumers. Economically justified relations of consumption of various types of fuel and energy are established at this hierarchy level, which form the main proportions of the development of energy-infrastructure elements.

The most important objective is ensuring quality of providing electricity services to consumers in the context of reorganization of the electric power industry. Many authors come to a conclusion about the inadequacy of these transformations while ensuring uninterrupted power supply, development of competition, and, most importantly, in assessing its economy for consumers. The availability of electricity consumption depends not only on the level of prices, but, mainly, on the technical capabilities and the degree of reliability of power supply system. While considering energy infrastructure as an industrial one, it becomes necessary to combine the industrial and territorial principles of managing its operation.

Energy infrastructure consists of structural units with common properties, the presence of which makes the structural units of infrastructure interconnected and interdependent. In this case, each of the properties has specific features. Interaction of structural units of the energy infrastructure forms the structure and its industrial composition. It should be noted that energy infrastructure is developed taking into account the actual and predicted consumption of energy resources in the region.

Ключевые слова: энергоинфраструктура, электроэнергетика, реформа, монополия, рынки электроэнергии, конкуренция, тарифы, генерация, сетевой комплекс, потребители.

Keywords: energy infrastructure, electric power industry, reform, monopoly, electricity markets, competition, tariffs, generation, grid complex, consumers.

Введение

Актуальность темы исследования обусловливается необходимостью совершенствования управления энергетической отраслью с учетом особенностей развития энергетической инфраструктуры в постреформенный период функционирования электроэнергетики. Производство товаров (услуг)

хозяйственного и личного потребления в настоящее время основано на использовании значительного количества энергетических ресурсов: первичных (уголь, нефть, природный газ) и преобразованных (электрическая и тепловая энергия), обладающих более высокими потребительскими свойствами. Поэтому электроэнергетика является основной системообразующей отраслью национального хозяйства страны, обеспечивающей ее экономическую безопасность [1].

Данный факт предопределяет **целесообразность** разработки темы статьи и своевременность проводимых в ней исследований.

В современной литературе анализу реформы энергетической инфраструктуры посвящено значительное количество работ. И. А. Косорлуков, Я. Ю. Радюкова, Л. В. Волков, В. С. Катренко, А. Н. Мельник, А. Р. Садриев ссылаются в своих исследованиях на отрицательный опыт реформ за рубежом и приходят к выводу о несостоятельности данных преобразований при обеспечении бесперебойного электроснабжения, развитии конкуренции между энергоснабжающими организациями и, самое главное, при оценке его экономичности для потребителей. Тенденции технико-экономической трансформации индустриальной экономики России, формирование технологических укладов, структурная трансформация в связи с энергетическим переходом нашли отражение в трудах А. И. Амосова, В. С. Циренщикова, Ю. В. Яковец, Ю. В. Яременко и др. на рубеже XX-XXI вв.

Целью данного исследования является уточнение сущности понятия «энергоинфраструктура» на современном этапе функционирования электроэнергетики и определение перспектив ее развития. Для реализации цели исследования решались следующие **задачи**:

— проведение анализа основных тенденций развития электроэнергетики РФ;

— выявление идентичности и различий в понятиях «инфраструктура» и «энергетическая инфраструктура»;

— исследование состояния энергоинфраструктуры после реформы электроэнергетики.

В качестве объекта исследования рассматривается энергетическая инфраструктура в постреформенный период.

Основные новые **научные результаты исследования**, полученные автором, состоят в следующем:

1) определены признаки идентичности и различия в понятиях «инфраструктура» и «энергетическая инфраструктура»;

2) выявлены ключевые проблемы функционирования инфраструктурных элементов электроэнергетической системы страны, возникшие после отраслевых преобразований;

3) разработаны предложения по развитию электроэнергетической отрасли, которые следует учитывать при реализации реформ в инфраструктурных отраслях.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем уточнены, обоснованы, определены признаки идентичности и различия понятий «инфраструктура» и «энергетическая инфраструктура», а также разработано авторское понятие энергетической инфраструктуры.

Практическая значимость исследования заключается в разработке предложений относительно развития электроэнергетической отрасли в будущем. Полученные в статье рекомендации могут быть использованы при экономическом анализе предприятий энергетической инфраструктуры, а также применены при реализации реформ в инфраструктурных отраслях.

Основной материал статьи

Инфраструктура представляется в [2] как комплекс общих условий, обеспечивающих благоприятное развитие частного предпринимательства в основных отраслях экономики и удовлетворяющих потребности всего населения. Формально инфраструктура может рассматриваться как совокупность составных частей любого объекта, имеющих подчиненный характер и обеспечивающих условия для нормальной работы объекта в целом [3]. Под инфраструктурой понимается совокупность объектов и форм деятельности, играющих вспомогательную роль в материальном производстве и обеспечивающих общие условия нормальной жизнедеятельности общества [4].

Полагаем ошибочным представление инфраструктуры как совокупности определенных отраслей. Ключевым моментом здесь выступает создание необходимых оптимальных условий, требуемых для производства товаров, свободного их перемещения, личного потребления. Развитие и функционирование инфраструктуры, а также ее влияние на региональную экономику является территориальной функцией инфраструктуры [5].

Предложенное К. В. Логовским понятие «энергетическая инфраструктура» включает в себя комплекс объектов по ресурсоснабжению, а также предприятий и организаций, выполняющих всю совокупность работ энергоинфраструктурного профиля: проектных, строительных, монтажных, пусконаладочных, изоляционных, ремонтных, сбытовых [6]. Исходя из рассуждений А. В. Семиколенова, под энергетической инфраструктурой следует понимать совокупность предприятий и вспомогательных объектов и комплексов, создающих необходимые условия для добычи, переработки, передачи и транспортировки энергетических ресурсов [7]. Уточнение данной категорий со стороны А. В. Семиколенова вполне соответствует функциональному назначению инфраструктуры в части создания оптимальных условий для производства. Вышеприведенные определения точнее отражают суть энергетической инфраструктуры как однородных предприятий и объектов, обладающих внутренним единством и общим функциональным назначением. Однако в вышеприведенных определениях, на наш взгляд, упущены такие существенные характеристики энергетической инфраструктуры, как импорт и экспорт энергоресурсов, отчасти транзит электроэнергии.

На основе обобщения мнений разных авторов можно дать следующее определение энергетической инфраструктуры: это совокупность хозяйствующих субъектов и комплексов энергетического профиля и виды их экономической деятельности, обеспечивающие условия для добычи, переработки, выработки, передачи энергоресурсов.

Важную роль в современной экономике играют инфраструктурные отрасли. Основная их часть — естественные монополии. Особенностью производства естественных монополий является то, что вопросы ущемления прав потребителей и сокращения объемов производства в целях повышения цен невозможно решить путем разделения предприятий для демонополизации и создания конкуренции на рынке. Причина такого положения определяется тем, что искусственное разделение крупных производителей на отдельные самостоятельные предприятия-товаропроизводители для создания условий конкуренции в этих отраслях приводит к значительному росту общих производственных издержек, превышающих экономические выгоды и преимущества конкурентного механизма [8].

Следовательно, реформирование естественных монополий путем их разукрупнения может оказаться экономически неэффективным и нецелесообразным. Это касалось, в частности, реструктуризации РАО ЕЭС, отделения от него генерирующих мощностей, продукция которых может быть демонополизирована. Основными целями реформы энергетической инфраструктуры были рост эффективности энергетических предприятий, создание условий для привлечения инвестиций в энергетику, обеспечение надежного энергообеспечения потребителей.

В процессе реформирования изменяется структура электроэнергетики: осуществляется выделение естественно монопольных (передача электроэнергии, оперативно-диспетчерское управление) и конкурентных (генерация и сбыт электроэнергии, техническое сопровождение) секторов энергетики из прежних монополизированных холдингов. Все вышеперечисленные субъекты рынка должны были стать в основном частными и конкурировать между собой. В монопольных сферах (передача электроэнергии, оперативно-диспетчерское управление) должно было происходить усиление регулирования и контроля над тарифной политикой.

С 2006 года были введены правила работы на оптовом (ОРЭМ) и розничном рынках электроэнергии (РРЭ). На ОРЭМ был осуществлен переход к регулируемым договорам между потребителями и производителями, ликвидирован сектор свободной торговли (ССТ), запущен спотовый рынок — «рынок на сутки вперед» (РСВ). [9].

Созданы институты регулирования отрасли нового формата, в том числе саморегулирующая структура НП «Совет рынка». Реформа РАО «ЕЭС России» предполагала либерализацию рынка для генерирующих компаний, открытость, развитие конкуренции с целью формирования объективной цены на электроэнергию. Однако сегодня рынок обрастает нерыночными механизмами, что проводит к снижению конкуренции [10].

Реформа электроэнергетики официально завершилась в 2008 г., но и в настоящее время вносятся серьезные корректировки в энергетическое законодательство. Многие эксперты в сфере энергетики считают, что результаты преобразований не оправдали ожиданий: тарифообразование оказалось непрозрачным как для потребителей, так и для производителей, постоянно меняющаяся законодательная база как на ОРЭМ, так и на РРЭ значительно снизила инвестиционную привлекательность энергетики, не были созданы условия для конкуренции на розничном рынке, ожидаемого снижения цен на электроэнергию не произошло. Отчасти в отношении некоторых параметров с таким мнением можно согласиться, однако не стоит забывать о природно-климатических условиях России и специфических особенностях энергосистем регионов.

Системная проблема сетевого комплекса — его непрозрачность, начинающаяся с формирования инвест-программ, показателей НВВ, продолжающаяся утверждением предельного роста тарифов на федеральном уровне с учетом перекрестного субсидирования и дальнейшим утверждением тарифов на региональном уровне.

Негативные последствия реформы энергетики России отразились и на генерации. Основной «минус» — отсутствие необходимой конкурентной среды. Связано это с укрупнением с 2010 г. ПАО «Интер РАО ЕЭС», ООО «Сибирская генерирующая компания» (ООО «СГК»), ПАО «Русгидро» за счет входа в состав обществ энергокомпаний Сибири.

Договоры о предоставлении мощности в совокупности с некорректным прогнозированием привели к избытку мощностей и, как следствие, нарушению идеологии реформы: потребители несут дополнительные затраты, а генераторы недополучают доход. Так, прогнозное значение потребления электроэнергии за 2015 г. составило 1117 ТВтч, а фактическое потребление — 1036,4 ТВтч. Это означает, что энергокомпании строили лишние, не востребованные на деле мощности. Рост произошел в основном за счет ввода мощностей атомных электростанций, электроэнергия которых, в частности, идет на экспорт в зарубежные страны.

Для определения степени достижения цели реформы в отношении развития конкуренции между генерирующими компаниями был применен уровень рыночной концентрации (коэффициент HHI), рассчитанный как сумма квадратов рыночных долей энергокомпаний регионов СФО. Доли рынка регионов определялись пропорционально выработке электроэнергии.

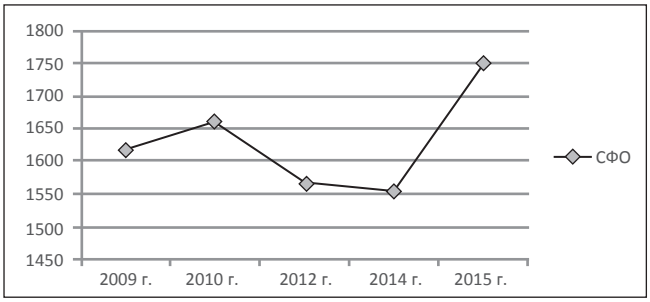

Рисунок. Уровень рыночной концентрации (коэффициент HHI) СФО

Из рисунка следует, что в целом за 2009—2015 гг. наблюдались незначительные изменения в пределах рынка с умеренной концентрацией (HHI<1800). В 2015 году увеличение коэффициента до значения 1748,36 произошло за счет укрупнения в составе мощностей и соответствующего роста доли рынка ООО «СГК» до 20,7 %. Таким образом, относительно развития конкуренции между генерирующими компаниями можно сказать, что данная цель реформы не была достигнута.

Для обеспечения конкуренции на РРЭ, в свою очередь, необходимо решать проблему с неплатежами и предлагать законопроекты, стимулирующие конкуренцию между энергосбытовыми компаниями.

Учитывая все вышеперечисленные проблемы по итогам реформирования электроэнергетики, авторами предлагаются следующие предложения по развитию энергетической отрасли в будущем:

— расширение сфер для прихода инвесторов, в том числе стимулирование малой и альтернативной энергетики;

— Smart grid (преимущественно в части распределенных сетей);

— устранение перекрестного субсидирования;

— развитие конкуренции на РРЭ;

— система долгосрочного регулирования тарифов и цен;

— восстановление системы долгосрочного планирования потребления;

— прозрачность функционирования и модернизация системы управления сетевым комплексом;

— технические нормы и стандарты по выводу неэффективных мощностей;

— объединение (синхронизация) систем управления и институтов в секторах газовой отрасли (ГТС), электроэнергетике и ЖКХ.

Заключение

В рамках данного исследования уточнена сущность понятия «энергоинфраструктура» на современном этапе функционирования электроэнергетики и определены перспективы ее развития. Решены следующие задачи:

— проведен анализ основных тенденций развития электроэнергетики РФ;

— определены признаки идентичности и различий в понятиях «инфраструктура» и «энергетическая инфраструктура»;

— исследовано состояния энергоинфраструктуры после реформы электроэнергетики.

В ходе анализа результатов реформирования электроэнергетики в части создания эффективной энергетической инфраструктуры отмечена некорректная формулировка цели реформы и невыполнение части задач в целом по России и в регионах в частности. Выявлены ключевые проблемы функционирования инфраструктурных элементов электроэнергетической системы страны, возникшие после отраслевых преобразований. На основе сформулированных принципов реформы электроэнергетики разработаны рекомендации по развитию электроэнергетической отрасли, которые следует учитывать при экономическом анализе предприятий энергетической инфраструктуры, а также при реализации реформ в инфраструктурных отраслях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чиркова И. Г., Болгов А. Д., Зайонутдинов В. Р., Логунов Д. Ю. Современные тенденции электроснабжения потребителей сельской территории // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 2 (39). С. 31–34.

2. Дриц В. И., Павлова А. Д., Ткаченко С. С. Социальная инфраструктура — результат и фактор эффективности производства. Минск : Наука и техника, 1980. 279 с.

3. Ахтариева Л. Г. Системная модернизация региональной рыночной инфраструктуры // Проблемы современной экономики. 2008. № 3. С. 388–393.

4. Региональные исследования за рубежом. М., 1973. 303 с.

5. Чиркова И. Г. Ремонтно-восстановительная деятельность на электросетевом предприятии: финансовый аспект // Ремонт. Восстановление. Модернизация. 2006. № 3. С. 2–6.

6. Логовский К. В. Энергетическая инфраструктура региона: планирование и организация управления / под ред. Л. В. Козловской. Минск : Навука і тэхніка, 1990. 103 с.

7. Семиколенов А. В. Управление развитием энергетической инфраструктуры в экономике региона (на примере Тюменской области) : дис. … канд. экон. наук. М., 2016. 189 с.

8. Рузавин Г. И. Основы рыночной экономики. М., 1996. 426 с.

9. Постановление Правительства от 11.07.2001 № 526 «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации». М., 2001. 13 с.

10. Чиркова И. Г., Мосолов В. П. Перспективы развития системы электроснабжения Новосибирской области // ЭКО. 2005. № 12. С. 168–172.

REFERENCES

1. Chirkova I. G., Bolgov A. D, Zaiontutdinov V. R., Logunov D. Yu. Actual trends of supplying electric power to customer in rural areas // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2017. No. 2 (39). Pp. 31–34. (In Russ.).

2. Drits V. I., Pavlova A. D., Tkachenko S. S. Social infrastructure — the result and the factor of production efficiency. Minsk : Nauka i Tekhnika Publ., 1980. 279 p. (In Russ.).

3. Akhtarieva L. G. System modernization of regional market infrastructure // Problems of modern economy. 2008. No. 3. Pp. 388–393. (In Russ.).

4. Regional studies abroad. M., 1973. 303 p. (In Russ.).

5. Chirkova I. G. Repair and recovery activities at the electric grid enterprise: financial aspect // Repair. Recovery. Modernization. 2006. No. 3. Pp. 2–6. (In Russ.).

6. Logovskii K. V. Energy infrastructure of the region: Planning and management organization. Minsk : Nauka i Tekhnika Publ., 1990. 103 p. (In Russ.).

7. Semikolenov A. V. Management of the development of energy infrastructure in the region's economy (on the example of Tyumen region) : dissertation of the candidate of economics. M., 2016. 189 p. (In Russ.).

8. Ruzavin G. I. Fundamentals of market economy. M., 1996. 426 p. (In Russ.).

9. Government Decision dated 11 July, 2001 No. 526 "On the reform of electric power industry of the Russian Federation" (as amended on 20.03.2013). Moscow, 2001. 13 p.

10. Chirkova I. G., Mosolov V. P. Possibilities for development of the power supply system in Novosibirsk Region // ECO. 2005. No. 12. Pp. 168–172. (In Russ.).

Как цитировать статью: Нефатова К. В. Особенности развития энергетической инфраструктуры в постреформенный период функционирования электроэнергетики // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 264–267. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.412.

For citation: Nefatova K. V. The features of development of the energy infrastructure in the post-reform period of electric power engineering functioning // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 264–267. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.412.

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ
12.00.00 LAW SCIENCES

УДК 346.6
ББК 67.402

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.453

Kolesnikov Yurii Alekseevich,
Doctor of Law, Head of the Department of Financial Law,
Southern Federal University;
insurance ombudsman — authorized
to protect the rights of consumers of insurance services in Russia,
Rostov-on-Don,
e-mail: yakolesnikov@sfedu.ru

Колесников Юрий Алексеевич,
д-р юрид. наук, заведующий кафедрой финансового права,
Южный федеральный университет;
страховой омбудсмен — уполномоченный
по защите прав потребителей страховых услуг России,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: yakolesnikov@sfedu.ru

Sharapov Mikhail Yur′evich,
Student of the Law Faculty,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: shardmisfu@yandex.ru

Шарапов Михаил Юрьевич,
студент юридического факультета,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: shardmisfu@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРАУДФАНДИНГА В РОССИИ

ACTUAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CROWDFUNDING IN RUSSIA

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право
12.00.04 – Financial law; tax law; budget law

В основу работы положен экономико-правовой анализ новой для современной российской действительности категории краудфандинга, а сама работа посвящена проблемам государственного и правового регулирования деятельности по размещению и привлечению инвестиций с использованием инвестиционных платформ.

Авторами статьи приведено определение понятие краудфандинга, а также классификация его видов. На основе анализа статистических данных обоснован вывод об объективном характере причин и источников формирования краудфандинга как нового социально-экономического явления, а также о перспективах его развития и становления как самостоятельного института экономики любого современного государства. Раскрытие экономического содержания краудфандинга и описание его роли и значения для финансового рынка стали основой для признания неизбежности, необходимости и целесообразности скорейшего государственно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере привлечения инвестиций с использованием инвестиционных платформ.

По результатам проведенного анализа авторами статьи сформулированы предложения как в части формирования основ нормативно-правового регулирования нового вида экономической деятельности, порожденного современными тенденциями развития финансовых отношений в условиях четвертой промышленной революции, ознаменованной формированием цифровой экономики, так и в части определения общих подходов к формам государственного регулирования этого сегмента финансового рынка на основе сочетания надзора посредством ведения единого государственного реестра субъектов этой деятельности с одновременным контролем за соблюдением ими обязательных требований, установленных законодательно, и саморегулирования.

Авторами статьи сформулированы предложения относительно отдельных положений проекта федерального закона № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», а также о внесении новаций в налоговое законодательство и в текст Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

The work is based on the economic and legal analysis of the new category of crowdfunding, which is new for modern Russian reality, and the work itself is devoted to the problems of state and legal regulation of the activity on placement and attraction of investments using investment platforms.

The authors of the article give a definition of the concept of crowdfunding, as well as the classification of its species. Based on the analysis of statistical data, a conclusion is made on the objective nature of the causes and sources of the formation of crowdfunding as a new social and economic phenomenon, as well as the prospects for its development and establishment as an independent institution of the economy of any modern state. Disclosure of the economic content of crowd-funding and a description of its role and significance for the financial market have become the basis for recognizing the inevitability, necessity and expediency of the speedy state-legal regulation of public relations arising in the sphere of attracting investments using investment platforms.

According to the results of the analysis, the authors of the article formulated proposals as part of the formation of the foundations of regulatory and legal regulation of a new type of economic activity generated by modern trends in the development of financial relations in the conditions of the fourth industrial revolution, marked by the formation of the digital economy, and in defining common approaches to forms of state

regulation this segment of the financial market on the basis of a combination of supervision through the conduct of a unified state th register of the subjects of this activity while monitoring their compliance with the mandatory requirements established by law and self-regulation.

The authors of the article formulate proposals for certain provisions of the draft Federal Law No. 419090-7 "On attracting investments using investment platforms", as well as regarding the introduction of innovations in tax legislation and the text of Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 "On Counteracting Legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism".

Ключевые слова: право, законодательство, экономика, цифровая экономика, кредитование, P2P-кредитование, инвестирование, инвестиционные платформы, краудфандинг, краудлендинг, краудинвестинг.

Keywords: law, legislation, economics, digital economy, crediting, P2P lending, investment, investment platforms, crowdfunding, crowdlending, crowdinvesting.

Введение

Краудфандинг (от англ. crowd — толпа и funding — финансирование, «народное финансирование») в целом, а также краудинвестинг и краудлендинг как его виды — это совершенно новое явление в российской экономико-правовой действительности. В России краудфандинг берет начало с 7 июня 2012 г., когда в нашей стране была создана крупнейшая краудфандинговая платформа — Planeta.ru, собственно 7 июня и считается Днем краудфандинга в России [1]. В то время как в США и Европе краудфандинг уже устоялся как часть экономики и даже обрел собственное правовое регулирование, в России пока рано говорить о том, что он оформился как явление. Краудфандинг (краудинвестинг и краудлендинг как его виды) в России находится в стадии становления и вызывает множество вопросов, в том числе правового характера, поэтому **актуальность** выбранной проблематики выражается в следующем.

Во-первых, краудфандинг в России, равно как краудинвестинг и краудлендинг, очень новое, но при этом динамично развивающееся явление, способное, если проанализировать статистику изменения объема рынка за последние годы (что будет сделано далее), стать одним из драйверов развития экономики, поскольку предлагает конкретный механизм вовлечения сбережений граждан и организаций в экономический рост и деловую активность. Во-вторых, развитие краудфандинга как цифрового явления напрямую связано с вопросами развития в России цифровой экономики, задача развития которой поставлена в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2]. При этом, что неоднократно декларировалось, высшее руководство страны смотрит на развитие цифровой экономики как на одно из обязательных условий прорыва РФ в экономико-технологической сфере. Наконец, в-третьих, актуальность проблематики правового регулирования краудинвестинга и краудлендинга в РФ обусловлена наличием правового вакуума в этой сфере: законодательство о данных механизмах привлечения и вложения средств отсутствует и находится только в стадии зарождения в виде законопроекта, внесенного в Государственную думу, а в условиях отсутствия правового регулирования существуют определенные правовые риски, например остро стоит вопрос защищенности «неквалифицированных инвесторов» — граждан от возможного мошенничества в таких экономических отношениях.

Степень изученности проблемы. Сама проблематика краудинвестинга и краудлендинга в РФ нова, и тем более новы вопросы его правового регулирования, поэтому нельзя говорить о том, что данная проблема достаточно изучена в российской правовой литературе. В большей степени тематика краудфандинга изучена в экономической литературе. Со стороны юридической науки из немногих имеющихся работ стоит отметить только работу В. А. Кузнецова «Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования» [3].

Таким образом, проблема правового регулирования «народного финансирования» — совершенно новое поле для правовых исследований и формулирования конкретных законодательных предложений в период зарождения законодательства о нем. В связи с этим **цель** данной работы — обозначить и разграничить основные понятия в данной сфере, выявить и сформулировать наиболее актуальные проблемы правового регулирования, сформулировать конкретные законодательные предложения по регулированию и развитию краудфандинга в РФ.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в данной работе даются и разграничиваются основные понятия краудфандинга, **практическая** — в том, что в работе формулируются конкретные законодательные предложения по регулированию краудфандинга в России.

В первую очередь считаем необходимым дать основные определения для этой сферы: что такое краудфандинг, какие его виды существуют, как он соотносится с краудлендингом, краудинвестингом и т. д.

Основная часть

Термин «краудфандинг» (crowdfunding) был введен в оборот относительно недавно — в 2006 г. журналистом Джефом Хоу. Это слово произошло от англ. crowd — «толпа» и funding — «финансирование» («народное финансирование»). Краудфандинг — это способ коллективного финансирования и деятельность, связанная с привлечением денежных средств и иных финансовых ресурсов от большого количества людей, добровольно предоставляющих принадлежащие им финансовые ресурсы на краудфандинговых интернет-площадках в социально значимых целях, в целях реализации продукта или услуги, поддержки физических лиц, организаций.

Можно выделить целый ряд видов краудфандинга. Критерием для выделения различных видов краудфандинга является цель привлечения средств. Так, на основе данного критерия В. А. Кузнецов выделяет следующие виды [4]: благотворительный (безвозмездный) краудфандинг, условно-возвратный краудфандинг, краудинвестинг, краудлендинг (далее также — P2P-кредитование) [3, с. 65].

Благотворительный краудфандинг можно определить как способ коллективного финансирования некоммерческих проектов и сбор средств на благотворительные цели (например, лечение заболевания), социальные проекты (например, благоустройство детской площадки или сбор денег для съемок фильма), политическую деятельность (сбор средств на предвыборную кампанию), который не подразумевает какое-либо вознаграждение вносящему свои средства лицу, но при котором ему могут быть предоставлены небольшие подарки (компакт-диск, книга и т. д.).

Условно-возвратный краудфандинг — это способ коллективного финансирования коммерческих проектов и сбор средств в целях приобретения товара (фактически — его предзаказ). Например, когда молодая стартап-компания собирает средства для запуска в производство первой партии инновационных часов, а спустя определенное время, когда проект начинает приносить доход, предоставляет эти же часы по цене существенно ниже рыночной.

Краудинвестинг — это способ коллективного финансирования коммерческих проектов и сбор денежных средств в целях инвестирования, участия в будущем в деятельности компании (получения акций, права распределения прибыли и т. п.), связанный с повышенным риском для инвесторов.

Краудлендинг (P2P-кредитование) — способ коллективного финансирования юридических и физических лиц, при котором интерес лица, предоставляющего свои средства, заключается в получении процента на сумму предоставленных (фактически — заемных) средств.

В связи с международными рестрикциями (именуемыми также санкциями), повлекшими закрытие для российского бизнеса внешних источников заемных средств, и возникшей вследствие этого необходимостью нахождения в нашей стране новых источников средств для экономического развития краудинвестинг и краудлендинг представляются нам наиболее актуальными видами краудфандинга, поэтому в дальнейшем основное внимание будет уделено проблемам регулирования этих видов краудфандинга.

В последнее время многие специалисты обращают внимание на то, что роль банков в ближайшее десятилетие существенно изменится в связи с развитием и внедрением цифровых технологий в экономику. И одна из тенденций, которая обозначается уже сейчас, — это вытеснение в сфере малого и среднего кредитования банков краудлендинговыми площадками (площадками взаимного кредитования). Эта тенденция отражается в конкретных статистических показателях.

Так, по итогам 2017 г. общий объем рынка краудфандинга увеличился более чем на 80 % по сравнению с 2016 г. и превысил 11,2 млрд руб., по сравнению с 2015 г. рынок вырос в 7,5 раза [5]. Сумма заключенных сделок P2P (выдача займов физическому лицу физическим лицом) выросла практически в два раза по сравнению с предыдущим периодом, достигнув 208,8 млн руб. Сохранилась тенденция к росту числа заемщиков (темп прироста — 129,1 %) [6]. В 2018 году рост продолжился: так, в первом квартале этого года суммарный объем заключенных сделок на российском рынке краудфандинга достиг 2,33 млрд руб., превысив в 1,6 раза показатель прошлого года [7].

Стремительное увеличение рынка краудфандинга в целом (краудлендинга в частности) происходит на фоне снижения объема банковского кредитования малого и среднего бизнеса: так, по данным Рейтингового агентства RAEX («Эксперт РА»), в 2015 г. объем рынка банковского кредитования снизился на 28 %, достигнув пятилетнего минимума 5,5 трлн руб. По итогам 2016 г., согласно исследований НАФИ, объем банковского кредитования малого и среднего бизнеса сократился еще на 3 %. В итоге к концу 2016 г. более 50 % малых и средних компаний получили отказы при обращении в банк — реальный спрос на кредиты (более 11 трлн руб. в год) примерно в два раза превысил предложение [8]. Данная тенденция объясняется, в частности, макроэкономической нестабильностью и ужесточением требований к качеству активов в банковском секторе, поскольку банки стали чаще требовать от компаний в обязательном порядке залоги и устойчивые финансовые показатели.

Логика рыночной экономики диктует, что малые и средние предприятия, которым отказывают банковские кредитные организации, находятся в поиске других источников заемных средств, так как имеющаяся финансовая система не удовлетворяет их спрос. В то же время в стране имеется избыток свободного частного капитала и недостаток эффективных финансовых инструментов для их инвестирования. Средняя доходность по банковским вкладам опустилась ниже 7 %, большинство сделок на фондовом рынке носит спекулятивный характер, а среднегодовой прирост индекса ММВБ также демонстрирует весьма скромные показатели. В таких условиях инвесторы, предприниматели да и обычные граждане ищут финансовые инструменты, способные как минимум перекрыть темпы инфляции, как максимум — позволить заработать. И несмотря на то, что в 2017 г. рынок банковского кредитования МСБ показал рост 15 % по сравнению с 2016 г. [9], рынок краудфандинга в 2017 г. увеличился на 80 %, что говорит о повышении значения в экономике краудфандинга в целом и краудлендинга в частности.

Краудлендинг (далее также — P2P-кредитование) с точки зрения правового регулирования в РФ представляет собой совершенно новую сферу и поэтому заключает в себе новые правовые риски. При этом законодательная работа ведется, и в январе этого года ЦБ [10] и Правительство РФ [11] опубликовали свои версии законопроекта ФЗ «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)». В настоящее время (на момент написания статьи — август 2018 г.) при участии ЦБ РФ, Министерства экономического развития, участников рынка заканчивается подготовка ко второму чтению того же законопроекта, но с новым названием «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», призванного одновременно создать благоприятные условия для долгосрочного развития краудфандинга, стимулировать развитие малого и среднего предпринимательства и повысить уровень защищенности займодавцев и розничных инвесторов [6]. Итак, рассмотрим некоторые актуальные меры, которые предложены в этих документах, проанализируем их и выявим актуальные проблемы.

В сфере P2P-кредитования существует проблема идентификации и аутентификации инвесторов и заемщиков. Иначе говоря, как определить, что договор займа действительно был заключен конкретным лицом, на что ссылаться в случае спора в суде? В указанном законопроекте, принятом в первом чтении, предложено, чтобы заключение договора оформлялось электронным документом, подписанным простой электронной цифровой подписью (ЭЦП), если иной вид электронной подписи либо иной способ присоединения к договору не предусмотрен правилами инвестиционной платформы. При этом Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [12] закрепляет три вида электронной подписи: простая ЭЦП (представляющая собой на практике логин и пароль), неквалифицированная ЭЦП, квалифицированная ЭЦП (представляющая собой USB-ключ, созданный с помощью криптосредств, сертифицированных ФСБ).

На практике большинство российских краудфандинговых площадок пока использует простую ЭЦП, которая хотя и признается судами, но требует доказывания при споре. Также использование простой ЭЦП означает невозможность доказать, что какие-либо изменения вносились в документ после его подписания. В отличие от нее, квалифицированная ЭЦП требует затрат, главным образом временных, для ее оформления, но позволяет отследить изменения документа и исключает споры о действительности договора

ввиду недоказанности факта его заключения конкретным лицом. Пункт 1 статьи 6 указанного ФЗ прямо закрепляет, что «информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством РФ».

Итак, можно сделать вывод, что ввиду сложности получения квалифицированной ЭЦП законодательное закрепление обязательности ее использования при присоединении к вышеуказанному договору может замедлить и затруднить развитие данного сектора рынка в РФ, но при этом упростить доказывание участникам таких специфических заемных отношений в суде. Представляется, что на настоящем этапе становления этого сектора рынка целесообразней использование простой электронной подписи для этих целей, а в последующем, только в случае выявления в судебной практике повторяющихся правоприменительных проблем, закрепить обязательность квалифицированной ЭЦП.

Важной проблемой, которая существует до настоящего момента в сфере P2P-кредитования, является то, что у государственных органов (прежде всего ФНС РФ) имеются основания признавать предпринимательской деятельностью систематические действия граждан по инвестированию средств на площадках взаимного кредитования, что влечет для гражданина неблагоприятные правовые последствия, в том числе налогового характера. В этом контексте согласимся с мнением, высказываемым некоторыми практикующими юристами, по которому «предоставление собственных временно свободных денег другим гражданам в долг является одним из способов реализации законного права гражданина на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом — денежными средствами, что, по сути, является экономической деятельностью. Отличительной чертой выдачи займов как предпринимательской деятельности является кредитование в первую очередь не за счет собственных, а за счет привлеченных денежных средств» [13]. На наш взгляд, инвестирование посредством инвестиционной платформы по своей направленности и природе действительно не является предпринимательской деятельностью и аналогично, например, открытию банковского вклада и получению с него процентов, не требует госрегистрации граждан в качестве индивидуальных предпринимателей. Таким образом, сделаем вывод, что отражение в законопроекте нормы о том, что такая деятельность не является предпринимательской, является позитивным для повышения доверия граждан к рынку краудлендинга и, значит, его дальнейшего развития.

Дискуссионным в сфере P2P-кредитования остается вопрос о размере ограничений по объему инвестирования для физических лиц, по которому мнения ЦБ и Правительства РФ расходились (судя по представленным весной 2018 г. законопроектам). В законопроекте Правительства РФ общая сумма инвестиций одного инвестора (гражданина, не являющегося квалифицированным инвестором и (или) индивидуальным предпринимателем), привлекаемых во все инвестиционные проекты с использованием инвестиционных платформ, в течение календарного года не может превышать 1 млн 400 тыс. руб. При этом общая сумма инвестиций, привлеченных одним лицом с использованием инвестиционных платформ в течение календарного года, не может превышать 2 млрд руб. ЦБ РФ, в свою очередь, предложил более жесткие лимиты: 500 тыс. руб. и 200 млн руб. соответственно.

В принятой ГД РФ 22.05.2018 в первом чтении редакции проекта федерального закона № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» законодатель установил следующую норму пункта 4 статьи 5: «Граждане, которые не являются квалифицированными инвесторами в соответствии со статьей 51.2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и (или) индивидуальными предпринимателями, осуществляют инвестиции способами, предусмотренными настоящей статьей, при условии, что сумма инвестиций такого гражданина в один инвестиционный проект и общая сумма инвестиций такого гражданина во все инвестиционные проекты с использованием инвестиционных платформ в течение календарного года не превышает соответствующих сумм, установленных нормативным актом Банка России» [14].

Таким образом, законодатель установил бланкетную норму, отсрочив решение такого важного для всех игроков рынка краудлендинга вопроса, как лимит по объему вложений для физических лиц. На наш взгляд, представляется предпочтительным установление ЦБ РФ в будущем более высоких лимитов, поскольку низкая планка не позволит инвесторам заработать существенных сумм, тогда как потери будут восприниматься мелкими игроками куда болезненнее, чем крупными, тем более что низкие лимиты будут препятствовать развитию, расширению объемов краудлендинга в РФ.

P2P-кредитование заключает в себе новые правовые риски, одним из которых является риск использования площадок взаимного кредитования для отмывания (легализации) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма. На данный момент краудлендинговые площадки (в терминологии ранее указанных законопроектов — «операторы инвестиционных платформ») не включены в перечень организаций, на которых распространяется действие Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее также — Закон о ПОД/ФТ). Это значит, что Росфинмониторингом и другими госорганами за ними не осуществляется контроль в целях предупреждения, выявления и пресечения отмывания доходов, полученных преступным путем.

Поэтому считаем, что в статью 5 указанного закона («организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом») должны быть включены те операторы инвестиционных платформ (краудлендинговые компании), которые будут вести номинальные счета участников таких платформ и проводить операции по ним. И поскольку такие компании осуществляют операции с денежными средствами, то на них должна возлагаться предусмотренная п. 2 ст. 7 ФЗ № 115 обязанность проведения внутреннего контроля по выявлению операций, подлежащих обязательному контролю. Это подразумевает разработку правил внутреннего контроля, назначение специальных должностных лиц, ответственных за реализацию правил внутреннего контроля, принятие иных внутренних организационных мер в указанных целях, направление в Росфинмониторинг сведений об операциях, относительно которых возникли подозрения, что указанные операции осуществляются с целью легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем [15].

Итак, поскольку краудфандинговые компании и площадки взаимного кредитования не подпадают под действие ФЗ № 115 о ПОД/ФТ, высок риск их вовлечения в отмывание преступных доходов и финансирование терроризма. Поэтому мы считаем целесообразным внести изменения в Закон о ПОД/ФТ в части внесения вышеуказанных категорий операторов инвестиционных платформ (краудлендинговых компаний) в статью 5 данного закона — в перечень организаций, подпадающих под его действие.

Считаем также целесообразным внести изменения в налоговое законодательство в части наделения площадок взаимного кредитования статусом налоговых агентов, закрепленным, в частности, в ст. 24 Налогового кодекса РФ, в отношении доходов инвесторов — физических лиц [16]. По действующему законодательству обязанность уплачивать налог на доходы физических лиц возложена на тех, кто привлекает инвестиции, что при наличии большого числа инвесторов приводит к дополнительной нагрузке на бизнес и ошибкам в связи с осуществлением молодыми компаниями, в том числе стартапами, несвойственных им операций фискального характера. Поэтому очевидно, что данная обязанность влияет отрицательно на привлекательность краудлендинговых площадок для потенциальных клиентов, нуждающихся в заемных средствах.

Следующий актуальный вопрос на рынке краудфандинга — это вопрос о том, по какому пути регулирования в перспективе следует пойти на данном рынке: лицензирование или саморегулирование. Предоставляется более правильным второй подход, поскольку саморегулирование имеет ряд конкурентных преимуществ перед лицензированием как механизм контроля и регулирования конкретного сектора рынка. В частности, что особенно актуально в текущих экономических условиях, саморегулирование не требует такого существенного задействования бюджетных средств, как его требует лицензирование, поскольку в этом случае некоторые функции государственных органов фактически возлагаются на органы саморегулируемой организации, финансируемой ее членами. Кроме того, СРО способны более эффективно, чем государство, разрабатывать стандарты и правила предпринимательской деятельности на рынке краудфандинга, поскольку они разрабатываются непосредственно с учетом мнения самих участников рынка и с учетом специфики деятельности.

Вместе с тем, как представляется, саморегулирование надо сочетать с умеренным («мягким») государственным надзором со стороны Банка России, не препятствующим развитию нового рынка и заключающимся в первую очередь в ведении единого государственного реестра операторов инвестиционных платформ, а также контроле за соблюдением требований, предъявляемых федеральным законом к операторам инвестиционных платформ в части размера собственных средств, деловой репутации, квалификации собственников, бенефициаров, руководителей.

Заключение

Таким образом, обобщая все изложенное, считаем необходимым сформулировать следующие выводы.

1. Краудфандинг — это динамично развивающееся и перспективное экономико-социальное явление, являющееся альтернативой и дополнением банковскому кредитованию в качестве источника средств для развития экономики, требующее на настоящем этапе взвешенного умеренного правового регулирования, не препятствующего его развитию.

2. На наш взгляд, целесообразно в законодательстве сформулировать и разграничить понятия краудфандинга и его отдельных видов — краудлендинга, краудинвестинга, благотворительного краудфандинга и других, прямо отграничив эти виды от банковской деятельности.

3. По вопросу о способе идентификации и аутентификации инвесторов и заемщиков на инвестиционных платформах считаем, что на настоящем этапе становления рынка краудлендинга использование простой электронной подписи наиболее целесообразно, так как в случае законодательного закрепления обязательности получения квалифицированной электронной подписи сложность ее получения в значительной степени нивелирует конкурентное преимущество простоты получения заемных средств инвестиционных платформ перед кредитными организациями, что может замедлить развитие данного рынка в нашей стране.

4. По вопросу о размере ограничений по объему инвестирования для физических лиц на рынке P2P-кредитования считаем предпочтительным установление более высоких лимитов ввиду того, что низкая планка не позволит инвесторам заработать существенных сумм, тогда как потери будут восприниматься мелкими неквалифицированными инвесторами куда болезненнее, чем крупными.

5. По нашему мнению, действие ФЗ № 115 о ПОД/ФТ должно быть распространено на тех операторов инвестиционных платформ (краудлендинговых компаний), которые будут вести номинальные счета участников таких платформ и проводить операции по ним, ввиду высокого риска их вовлечения в отмывание преступных доходов и финансирование терроризма.

6. На наш взгляд, также следует наделить операторов инвестиционных платформ статусом налоговых агентов, закрепленным, в частности, в ст. 24 Налогового Кодекса РФ, в отношении доходов инвесторов — физических лиц, поскольку это освободит молодые компании (в том числе стартапы), нуждающиеся в привлечении инвестиций, от осуществления несвойственных им операций фискального характера, что может дополнительно повысить прозрачность и привлекательность получения заемных средств на инвестиционных платформах.

7. Также перспективным в плане регулирования рынка «народного финансирования», по нашему мнению, является введение саморегулирования, сочетаемого с умеренным («мягким») государственным надзором со стороны ЦБ РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Краудфандинговые платформы в России и мире // РИА Новости. URL: https://ria.ru/disabled_know/20160822/1474985105.html
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 2018. № 97с.
3. Кузнецов В. А. Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 65–73.
4. Что такое краудфандинг? // Портал крауд-сервисов. URL: http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdfunding
5. Самусева С., Дугин А. Краудфандингу требуются правила игры // Издательский дом Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3675546

6. ЦБ заметил удвоение за год рынка краудфандинга // Financial One. URL: https://fomag.ru/news/tsb-zametil-udvoenie-za-god-rynka-kraudfandinga-/

7. В России появилось первое профессиональное объединение краудфандинга // Издательский дом Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3713088

8. Четвериков С. Почему для России краудлендинговые площадки все еще непривычны? // Forbes. URL: http://www.forbes.ru/tehnologii/344777-shok-i-udivlenie-pochemu-dlya-rossii-kraudlendingovye-ploshchadki-vse-eshche

9. Перемитин Г., Пашутинская Е., Литова Е. Кредитование малого и среднего бизнеса выросло впервые с 2013 года // РБК. URL: https://www.rbc.ru/finances/04/04/2018/5ac365be9a794702896c9f29

10. Проект Федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» // Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/analytics/standart_acts/others/20180125_02.pdf

11. Проект Федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=76673

12. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 23.06.2016) // Российская газета. 2011. № 75.

13. Особенности P2P-кредитования в России. URL: https://roem.ru/12-08-2014/109666/osobennosti-p2p-kreditovaniya-v-rossii/

14. Проект Федерального закона № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?n=172448&from=172448-0-diff&req=doc&base=PRJ&rnd=EA88EB4773D48DDA96815E9B5BCAEFD5#02843839557682388

15. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.07.2018) // Российская газета. 2001. № 151–152.

16. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 1998. № 148–149.

REFERENCES

1. Crowdfunding platforms in Russia and in the world // RIA News. (In Russ.). URL: https://ria.ru/disabled_know/20160822/1474985105.html

2. Presidential Decree No 04 of May 7, 2018 “On the national goals and strategic objectives of the Russian Federation for the period till 2024” // Rossiiskaya Gazeta. 2018. No. 97c. (In Russ.).

3. Kuznetsov V. A. Crowdfunding: current regulatory issues // Money and credit. 2017. No. 1. Pp. 65–73. (In Russ.).

4. What is Crowdfunding? // Portal of crowd-services. (In Russ.). URL: http://crowdsourcing.ru/article/what_is_the_crowdfunding

5. Samuseva S., Dugin A. Crowdfunding requires the rules of the game // Publishing house Kommersant. (In Russ.). URL: https://www.kommersant.ru/doc/3675546

6. The Central Bank noted a doubling of the market of crowdfunding for a year // Journal of Financial One. (In Russ.). URL: https://fomag.ru/news/tsb-zametil-udvoenie-za-god-rynka-kraudfandinga-/

7. The first professional crowdfunding association appeared in Russia // Publishing house Kommersant. (In Russ.). URL: https://www.kommersant.ru/doc/3713088

8. Chetverikov S. Why are the crowdlending platforms still not used for Russia? // Forbes. (In Russ.). URL: http://www.forbes.ru/tehnologii/344777-shok-i-udivlenie-pochemu-dlya-rossii-kraudlendingovye-ploshchadki-vse-eshche

9. Peremitin G., Pashutinskaya E., Litova E. Lending to small and medium-sized businesses rose for the first time since 2013 // RBK. (In Russ.). URL: https://www.rbc.ru/finances/04/04/2018/5ac365be9a794702896c9f29

10. The draft federal law “On alternative ways of attracting investment (crowdfunding)” // Central Bank of the Russian Federation. (In Russ.). URL: http://www.cbr.ru/analytics/standart_acts/others/20180125_02.pdf

11. The draft Federal Law “On alternative ways of attracting investment (crowdfunding)” // Federal portal of draft normative legal acts. (In Russ.). URL: http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=76673

12. Federal Law of April 6, 2011 No. 63-FZ (as amended on June 23, 2016) “On electronic signature” // Rossiiskaya Gazeta. 2011. No. 75. (In Russ.).

13. Features of P2P-lending in Russia. (In Russ.). URL: https://roem.ru/12-08-2014/109666/osobennosti-p2p-kreditovaniya-v-rossii/

14. The draft Federal Law No. 419090-7 “On attracting investment using investment platforms” (as amended by the State Duma of the Russian Federation in 1st reading on May 22, 2013). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?n=172448&from=172448-0-diff&req=doc&base=PRJ&rnd=EA88EB4773D48DDA96815E9B5BCAEFD5#02843839557682388

15. Federal Law of August 7, 2001 No. 115-FZ (as amended on April 23, 2018) “On counteracting the legalization (laundering) of proceeds from crime and financing of terrorism” (version effective from Jule 23, 2018) // Rossiiskaya Gazeta. 2001. No. 151–152. (In Russ.).

16. The Tax Code of the Russian Federation (Part One) of Jule 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on August 3, 2018) (version effective from August 3, 2018) // Rossiiskaya Gazeta. 1998. No. 148–149. (In Russ.).

Как цитировать статью: Колесников Ю. А., Шарапов М. Ю. Актуальные проблемы правового регулирования краудфандинга в России // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 268–273. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.453.

For citation: Kolesnikov Yu. A., Sharapov M. Yu. Actual issues of legal regulation of crowdfunding in Russia // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 268–273. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.453.

УДК 351.74
ББК 67.401.13

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.458

Babaitseva Elena Anatolyevna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law,
Volgograd Institute of Business,
Volgograd,
e-mail: 0728676@mail.ru

Бабайцева Елена Анатольевна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского права,
Волгоградский институт бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: 0728676@mail.ru

ОКАЗАНИЕ УСЛУГ КАК ОБЪЕКТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

RENDERING SERVICES AS AN OBJECT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; business law; family law; private international law

В настоящее время понятие «оказание услуг как объект предпринимательской деятельности» в недостаточной степени изучено средствами цивилистической науки, что препятствует реализации участниками предпринимательства своих гражданских прав и создает проблемы в рассматриваемой сфере.

На основе комплексного анализа автор определяет оказание услуг как процесс совершения субъектами предпринимательства (услугодателями) действий (деятельности), приносящих пользу другим лицам (услугополучателям), направленных на достижение полезного эффекта, не обладающего материальным результатом или поглощающего его, неотделимых от услугодателя и преследующих своей целью регулярное извлечение прибыли. На основе сформулированного определения выявляются правовые свойства оказания услуг, позволяющие отличить их от иных объектов и определить место изучаемого объекта в системе предпринимательской деятельности.

Раскрывается сущность категории «оборотоспособность» как предоставленная законом субъекту предпринимательства (услугодателю) возможность, проявляющаяся в его навыках и умениях осуществлять законченный цикл действий, не имеющих материального результата и не отделимых от услугодателя, которые приносят пользу услугополучателю в процессе их оказания. Выявляются критерии оборотоспособности применительно к процессу оказания изучаемых услуг, учет которых дает возможность субъектам реализовать свое право на занятие предпринимательской деятельностью в пределах прав, предоставленных законом.

Разрабатывается классификация оказания услуг как объекта предпринимательской деятельности и дается характеристика ее отдельным основаниям. Такой подход позволяет участниками предпринимательской деятельности (заказчику и исполнителю услуг) выбрать те их виды, которые в наибольшей степени способны привести к полезному эффекту от их оказания в соответствии с потребностями физических и юридических лиц.

Currently, the concept of "rendering services as an object of entrepreneurial activity" is insufficiently studied by means of the civil science, which prevents the implementation by business participants of their civil rights and creates problems in this area.

On the basis of a comprehensive analysis, the author defines rendering services as the process of committing by business entities (service providers) of the actions (activities) that benefit other persons (service recipients) aimed at achieving a beneficial effect that does not have a material result or absorbs it, inseparable from the service provider and pursuing its goal of regular profit. On the basis of the formulated definition, the legal properties of rendering services are revealed, allowing to distinguish them from other objects and to determine the place of the studied object in the system of entrepreneurial activity.

The essence of the category "turnover" as provided by the law to the business entity (service provider) the opportunity manifested in his skills and abilities to carry out a complete cycle of actions that do not have a material result and are not separated from the service provider, which benefit the service recipient in the process of their provision. The author identifies the criteria of turnover in relation to the process of providing the studied services, the account of which allows the subjects to exercise their right to engage in entrepreneurial activity within the rights granted by the law.

The classification of services as an object of entrepreneurial activity is developed and the characteristic of its separate bases is given. This approach allows business participants (customer and service provider) to choose those types of services that are most likely will lead to a beneficial effect of their provision in accordance with the needs of individuals and legal entities.

Ключевые слова: оказание услуг, предпринимательская деятельность, объект, индивидуальные предприниматели, коммерческие организации, действия, приносящие пользу, оборотоспособность, полезный эффект, правовая природа, классификация, гражданский оборот.

Keywords: rendering of services, business activity, object, individual entrepreneurs, commercial organizations, actions bringing benefit, turnover, useful effect, legal nature, classification, civil turnover.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что гарантия свободного передвижения услуг затрагивает одну из основ конституционного строя России [1]. Качественное оказание различного рода услуг является не только объектом предпринимательской деятельности, но и основой для решения целого ряда государственных задач в области экспорта транспортных, медицинских, туристических и иных услуг на современном этапе общественного развития [2].

Изученность проблемы. Несмотря на то, что оказание услуг как объект гражданских прав получило легальное

закрепление в ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [3], названный объект в недостаточной степени изучен цивилистической наукой в контексте его апробации кпроцессуосуществлениепредпринимательскойдеятельности. Во многом этот связано с тем, что ни в одной из действующих частей ГК РФ не дается легального определения понятия «оказание услуг как объект гражданских прав» в целом и «оказания услуг как объект предпринимательской деятельности» в частности. Подход законодателя к исследуемому термину через его толкование в актах гражданского законодательства, регулирующих отношения отдельных видов услуг, или через предмет соответствующих видов договоров (гл. 40–58 ГК РФ и др.) не решает концептуальной задачи выявления сущностных признаков услуг, поскольку этот объект предпринимательства закреплен в качестве составного элемента предмета гражданского права (ст. 2 ГК РФ), выступающего базой для всех правовых институтов отрасли.

Целесообразность разработки темы. Отсутствие должного правового регулирования отношений по оказанию услуг в различных областях предпринимательской деятельности, неопределенность и противоречивость их понятийных элементов и правовых свойств создают проблемы для процесса осуществления и защиты прав лиц, участвующих в гражданском обороте.

Научная новизна. В процессе исследования автор вводит в научный оборот новые определения понятий «оказание услуг как объект предпринимательской деятельности», «оборотоспособность оказания услуг в процессе осуществления предпринимательской деятельности», выявляет правовые свойства оказания услуг в изучаемой области и разрабатывает их классификацию.

Таким образом, **цель** публикации заключается в исследовании правовой природы оказания услуг как объекта предпринимательской деятельности на современном этапе развития гражданского оборота. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) дать определение понятия «оказание услуг как объект предпринимательской деятельности»; 2) раскрыть правовую природу изучаемого вида услуг; 3) определить правовые свойства категории «оборотоспсобность» и дать определение этому понятию в изучаемой сфере; 4) разработать классификацию рассматриваемого вида услуг и дать характеристику ее отдельным основаниям.

Теоретическая и практическая значимость проводимого исследования заключается в том, что сформулированные автором определения понятий, выявленные правовые свойства оказания услуг и разработанная классификация могут быть востребованы в процессе преподавания гражданского и предпринимательского права, в также в практике осуществления различных видов предпринимательской деятельности. Все это, безусловно, будет содействовать укреплению основ конституционного строя России о свободе передвижения услуг, решению приоритетных государственных задач, детализировать процесс осуществления и защиты гражданских прав в исследуемой области.

Основная часть

Методология исследования опирается на использование логического, диалектического и сравнительно-правового методов научного познания. Кроме того, в публикации использован метод анализа и последующего синтеза составных элементов рассматриваемых правовых категорий в целях формулирования определения новых гражданско-правовых понятий. Этот прием был предложен русским юристом Е. В. Васьковским [4, с. 98, 127] и является востребованным в современной цивилистике.

Рассмотрим последовательно решения поставленных задач.

Результаты

Определение понятия «оказание услуг как объект предпринимательской деятельности» и его правовая природа. Ввиду отсутствия легального закрепления термина «оказание услуг как объект предпринимательской деятельности» в гражданском законодательстве, дадим определение его понятия на основе синтеза лексического и правового анализа базовых структурных элементов рассматриваемого термина: «услуга» и «предпринимательская деятельность».

В лексическом толковании под словом «услуга» понимается «действие, приносящее пользу, помощь другому», а равно «бытовые удобства, предоставляемые кому-либо» [5, с. 837].

В контексте правового значения изучаемого термина обратим внимание на его различные толкования, представленные в учебной и научной литературе по гражданскому праву, материалах судебных органов.

Так, в учебнике по гражданскому праву под услугой рассматриваются действия субъектов, которые, как правило, не приводят к вещественному результату, но раскрываются в достижении «полезного эффекта в самих себя» либо приводят к результату, не поглощаемому в «овеществленной форме» [6, с. 278].

Обратим внимание на диссертационные цивилистические исследования, предметом которых является изучение различных аспектов понятия «услуга». Так, В. А. Лапач, исследуя объекты гражданских прав, отмечает, что услуги «пополняют» другой объект — «вещи» за счет выполнения в отношении них соответствующих действий, подчеркивая при этом «саморегуляцию и взаимозамещение» объектов изучаемой отрасли права [7, с. 16]. Д. И. Степанов обосновывает, что услуга как объект гражданского отношения выступает в виде своеобразной «правовой операции» и проявляется как последовательность определенных действий (деятельности) исполнителя, приводящих к «нематериальному эффекту», «неустойчивому» нематериальному или материальному результату [8, с. 12].

Судебные органы подходят к понятию «услуга» через предмет соответствующего договора. Например, Президиум ВАС России отмечает, что предметом договора возмездного оказания услуг является выполнение услугодателем определенных действий или осуществление конкретного вида деятельности [9].

Как следует из проведенного анализа, категории «действия» и «деятельность» подчеркивают содержательные свойства услуг.

Следует заметить, что в проанализированных источниках акцентируется внимание лишь на понятии «услуга», в то время как его полное наименование как объекта предпринимательской деятельности и гражданских прав (ст. 2, 128 ГК РФ) трактуется как «оказание услуг».

Официальное толкование предпринимательской деятельности дается в ст. 2 ГК РФ. Под ней понимается деятельность граждан или организаций, прошедших специальную государственную регистрацию в этом качестве и самостоятельно осуществляющих свою деятельность по обороту имущества, включая продажу товаров, оказанию услуг или выполнению работ, осуществляемые с целью регулярного извлечения прибыли.

На основании проведенного в статье анализа автор предлагает следующее определение понятия: «оказание услуг как объект предпринимательской деятельности — это совершение субъектом предпринимательства (услугодателем) действий (осуществление деятельности) в пользу другого субъекта (услугополучателя), направленных на достижение полезного эффекта, не имеющего материального результата или поглощенного материального результата, неотделимых от услугодателя, преследующих своей целью регулярное извлечение прибыли».

Толкование слова «природа» означает «основное свойство, сущность...» [5, с. 596]. Следовательно, правовая природа оказания услуг заключается в наличии их (услуг) базовых, сущностных свойств, дающих возможность отличить этот объект от иных объектов предпринимательства и определить его место в системе этого вида деятельности.

Таковым свойствами оказания услуг являются: 1) процесс совершения отдельных действий или осуществление отдельных видов предпринимательства; 2) цель действий (деятельности) — направленность на достижение полезного эффекта или пользы; 3) отсутствие материальных свойств эффекта (пользы) услуги или поглощение им проявляющихся в процессе оказания услуг материальных свойств; 4) извлечение прибыли от совершения действий (деятельности); 5) невозможность отделения действий от исполнителя услуг в процессе их оказания.

Установленные правовые свойства оказания услуг дают возможность участникам предпринимательства отличить их от других объектов. Так, объекту предпринимательской деятельности «результаты работ» присущ вещественный результат, который может быть отделен от исполнителя.

Цивилисты отмечают, что объекты гражданских прав обладают признаком «системности», что означает их взаимосвязь с другими правовыми институтами отрасли и с внутренними структурными элементами самих объектов [7, с. 15]. Не является исключением и оказание услуг, которое в системе предпринимательской деятельности не только выступает как ее объект, но и проявляется как: 1) основание появления, средство осуществления и защиты прав субъектов предпринимательства; 2) «непосредственный» объект предпринимательского отношения [10, с. 241]; 3) составная часть сделок; 4) предмет различных договоров и некоторых видов обязательств.

Оборотоспособность оказания услуг. Понятие «оборотоспособность» в системе гражданско-правового регулирования выступает одним из обязательных критериев объектов гражданских прав, в число которых входит и «оказание услуг». Этот критерий дает возможность детализировать названный объект в целях его конкретного применения в соответствующей сфере предпринимательской деятельности. Несмотря на то, что рассматриваемое понятие легально закреплено в ст. 129 ГК РФ, его конкретизация осуществляется только по отношению к объекту гражданских прав «вещи и иное имущество», но не детализируется по отношению к процессу оказания услуг.

Изложенные аспекты выступают основанием для формулирования определения понятия «оборотоспособность оказания услуг в процессе осуществления предпринимательской деятельности». Автор публикации считает, что это можно сделать на основе анализа и дальнейшего синтеза лексического и правового толкования составных элементов базового термина: «оборот» и «способность».

В толковом словаре слово «оборот» имеет несколько значений, применимых к исследуемой области деятельности: во-первых, «употребление, использование»; во-вторых, «законченный цикл операций»; в-третьих, «обращение денежных средств и товаров для воспроизводства, получения прибыли» [5, с. 432]. Лексический смысл слова «способность» — «умение, возможность производить какие-либо действия» [5, с. 756].

Правовые свойства термина «оборотоспособность» применительно к объектам гражданских прав проявляются в допустимости совершения в отношении них сделок и иных юридически значимых действий в структуре соответствующих видов правоотношений [11, с. 315]. В этой связи проведенный автором анализ положений ст. 129 ГК РФ позволяет выявить следующие аспекты, обусловленные оборотоспособностью оказания услуг: 1) введение ограничений (исключений) в процессе оказания услуг допускается только законом либо в установленном им порядке; 2) для оказания некоторых видов услуг услугодатель должен иметь специальную гражданскую правоспособность; 3) сделки, имеющие своим предметом оказание отдельных видов услуг, могут быть совершены лишь при наличии у исполнителя услуг лицензии на их оказание. Цивилисты отмечают, что оборотоспособность является «исходной точкой» гражданского оборота [12, с. 197], составной частью которого является оказание услуг.

Таким образом, основываясь на результатах проведенного анализа, автором предлагается следующее определение понятия: «оборотоспособность оказания услуг в процессе осуществления предпринимательской деятельности — это возможность, предоставленная законом субъекту предпринимательства (услугодателю), проявляющаяся в его навыках и умениях осуществлять законченный цикл действий, не имеющих материального результата и не отделимых от услугодателя, которые приносят пользу услугополучателю в процессе их оказания».

Высказанные аргументы дают возможность классифицировать оборотоспособность оказания услуг в процессе осуществления предпринимательской деятельности: 1) услуги, которые свободны к оказанию; 2) услуги, имеющие ограничения в ходе их оказания; 3) услуги, исключенные из сферы предпринимательства.

В области предпринимательской деятельности наибольшее применение получили услуги первой группы классификации. Ученые отмечают, что эти объекты являются «самыми многочисленными», а их перечень не подлежит завершению [13, с. 212–218]. Для оказания таких услуг субъекты предпринимательства применяют весь спектр гражданско-правовых средств в пределах тех прав, которые предоставлены им законом или условиями договора.

Услуги второй группы классификации могут оказываться лишь ограниченным кругом исполнителей, как правило, имеющим соответствующее разрешение (лицензию). Кроме того, перечень таких услуг (видов деятельности) должен быть предусмотрен законом. Например, ограниченными являются услуги, связанные с деятельностью по тушению различного рода пожаров, деятельностью, обусловленной перевозками пассажиров некоторыми видами транспорта, и др. [14]. При этом исследователи отдельных видов предпринимательства отмечают взаимосвязь структурных элементов специальной правоспособности исполнителя с его правом на оказание лицензионных видов деятельности. Так, отсутствие в штате частной охранной организации работников-охранников не позволяет этому юридическому лицу оказывать охранные услуги [15, с. 23].

Исключение отдельных видов услуг из области предпринимательской деятельности означает, что субъекты предпринимательства в случаях, установленных законом или иными правовыми актами, не имеют права на их оказание. Например, в соответствии с законом услуги по охране отдельных видов объектов (Банка РФ, Счетной палаты РФ и др.) могут оказываться только Росгвардией [16], то есть исключены из сферы деятельности коммерческих охранных организаций.

Классификация оказания услуг. Динамика предпринимательской деятельности, совершенствование приемов и способов осуществления и защиты гражданских прав требуют от заказчиков и исполнителей отдельного внимания к выбору тех или иных предпринимательских услуг. В связи с этим следует обратить внимание на разработку классификации оказания услуг как определенного перечню оснований для совершения действий, приводящих к наибольшей пользе для всех участников предпринимательской деятельности.

Несмотря на то, что ученые-цивилисты разрабатывали различные классификации услуг [8, с. 199–210], развивающийся процесс их оказания, совершенствование достижений науки и техники, динамика правового регулирования гражданских отношений позволяют заявлять о возникновении новых видов услуг, что требует адаптации их классификации к современному предпринимательству, которая в настоящее время не может быть завершенной.

Оказание предпринимательских услуг можно классифицировать по следующим основаниям: 1) по совокупности действий, совершаемых в процессе оказания услуг: простые и сложные; 2) по критериям, предъявляемым к качеству оказания услуг: услуги, качественные критерии которых установлены законом (актом саморегулирования), и услуги, качество которых устанавливается условиями договора; 3) по наличию материального эффекта в процессе оказания услуг: услуги, не имеющие материального результата, и услуги, поглощающие материальный результат; 4) по отношению к заказчику: услуги, оказываемые в пользу заказчика или в пользу третьего лица; 5) по отношению к целям заказчика, достигаемым в процессе оказания услуг: предпринимательские и потребительские; 6) по оборотоспособности оказания услуг: услуги свободные, ограниченные и исключенные из оборота; 7) по длительности оказания услуги: разовые и абонентские; 8) по правовому оформлению процесса оказания услуг в источниках гражданского права: услуги «непоименованные» и «поименованные»; 9) иные основания.

Дадим небольшую характеристику отдельным основаниям классификации, получившим наиболее широкое распространение в практике предпринимательской деятельности.

Наличие первого элемента классификации объясняется содержанием оказания услуг как процесса выполнения определенных действий (деятельности). Так, выполнение одного действия ведет к оказанию простой услуги, и наоборот, осуществление совокупности действий подчеркивает сложный характер услуги. Например, для получения полезного эффекта от оказания гостиничных услуг нужно совершить действия по бронированию номера, его непосредственному обслуживанию, а также действия, обусловленные необходимостью «нормального производственного функционирования» гостинцы [17, с. 6].

Сущность второго элемента классификации заключается в подходе законодателя к легальному закреплению качества оказания услуг. В одном случае этот критерий закрепляется в законе (ином правовом акте), в другом не имеет законодательного оформления и определяется сторонами договора самостоятельно. Так, исследователи медицинских услуг отмечают, что в практике оказания этих услуг их качество является «юридически значимой» категорией и регламентируется понятием «качественная медицинская помощь», получившим легальное закрепление в соответствующих законах [18, с. 28–33].

В контексте рассмотрения третьего элемента классификации следует отметить, что в настоящее время положения о наличии вещественного результата услуги все еще носят дискуссионный характер. Автор настоящей публикации считает, что в ходе оказания отдельных видов услуг такой результат является неизбежным, например установка средств охранной сигнализации при оказании охранных услуг, зубного протеза при оказании медицинских услуг и в иных случаях. Вместе с тем этот результат носит не окончательный, а промежуточный характер и является составным элементом общего полезного эффекта услуги. В таком случае названный результат поглощается общим (неовеществленным) полезным эффектом.

Одним из критериев совершения действий в пользу третьего лица (четвертое основание) может выступать его недееспособность. Так, опекун (иной законный представитель недееспособного лица) заказывает услуги с целью получить пользу не себе, а названному третьему лицу.

Исходя из целей заказчика (пятое основание), достигаемых посредством оказания услуг, они могут иметь предпринимательские или потребительские свойства. Например, полезный эффект от оказания услуг, полученный заказчиком и направленный на извлечение прибыли, подчеркивает их предпринимательскую сущность. Получение пользы от услуг, оказанных для личных, домашних, семейных и иных целей, не обусловленных предпринимательской деятельностью, свидетельствует об их потребительских свойствах [19].

Продолжительность процесса оказания услуг (седьмое основание) придает им разовый или абонентский аспекты. Так, последний аспект характеризуется длительностью оказания услуг с внесением заказчиком (абонентом) систематических и иных платежей по требованию исполнителя (например, услуги связи, жилищно-коммунальные и др.).

Наличие восьмого основания классификации обусловлено тем, что многие акты гражданского законодательства закрепляют специальные положения, регулирующие отношения по оказанию того или иного вида услуг. Эти услуги носят «поименованный» характер, так как их «имя» указано в соответствующих источниках гражданского права. Например, значительное количество отдельных видов обязательств, закрепленных во второй части ГК РФ, обладает правовым режимом оказания услуг (поручение, агентирование, страхование и др.). Оказание иных видов услуг (ветеринарных, аудиторских информационных и др.) происходит по правилам гл. 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг» и тоже имеет «поименованный» характер.

В то же время в практике предпринимательства широкое применение получает оказание услуг (например, охранных услуг), не указанных («непоименованных») в актах гражданского законодательства. Такое положение приводит к проблемам правового регулировании отношений, возникающих по поводу этих услуг, и требует от заказчика и исполнителя дополнительного внимания к сущности и процессу их оказания.

Развитие современной предпринимательской деятельности дополняет ее содержание новыми видами услуг, которые в дальнейшем могут выступать дополнительными элементами представленной классификации.

Заключение

Подводя итоги публикации, можно констатировать получение следующих научных результатов.

1. Авторское определение понятия «оказание услуг как объект предпринимательской деятельности» дает возможность индивидуальным предпринимателям и коммерческим организациям детализировать сущностные свойства искомого объекта, влияющего на возникновение, осуществление и защиту прав участников гражданского оборота.

2. Выявленная правовая природа исследуемых услуг позволяет заказчику и исполнителю извлечь наибольшую пользу от их оказания, а также отличить эти услуги от иных объектов предпринимательской деятельности.

3. Комплексный характер оказания услуг позволяет определить их место в системе современной предпринимательской деятельности, что содействует повышению качества правового регулирования предпринимательства как одного из способов осуществления гражданских прав.

4. Сформулированное понятие «оборотоспособность оказания услуг в процессе осуществления предпринимательской деятельности» и установленные ее критерии дают возможность субъектам реализовать свое право на занятие предпринимательской деятельностью в пределах прав, предоставленных законом.

5. Предложенная классификация оказания услуг позволяет участниками предпринимательской деятельности (заказчику и исполнителю услуг) выбрать те их виды, которые в наибольшей степени способны привести к полезному эффекту от их оказания в соответствии с потребностями физических и юридических лиц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

2. Путин В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. 02 марта. № 46.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

4. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 580 с.

5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1989. 924 с.

6. Гражданское право: учебник : в 3 т. Т. 1. 6-е изд., перер. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2003. 776 с.

7. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России : автореферат дисс. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 47 с.

8. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав: дисс. …канд. юрид. наук. М., 2004. 315 с.

9. О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг : Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 № 48 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 11.

10. Бабайцева Е. А. Предпринимательское правоотношение: понятие, предпосылки возникновения, структура и классификация // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 3. С. 240–243.

11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный). Изд. 2-е, испр. и доп. с использованием судебно-арбитражной практики / отв. ред. О. Н. Садиков. М. : Юридическая фирма КОНТАКТ : ИНФРА-М, 2004. 940 с.

12. Виниченко Ю. В. «Гражданский оборот»: подходы к пониманию и их трактовка в российской цивилистике // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 1. С. 195–201.

13. Рожкова М. А. Оборотоспособность объектов гражданских прав // Закон. 2009. № 3. С. 212–218.

14. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Собрание законодательства. 09.05.2011. № 19. Ст. 2716.

15. Шаронов С. А. Особенности правового положения субъектов корпоративного отношения в частной охранной организации // Гражданское право. 2014. № 4. С. 22–25.

16. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Собрание законодательства. 04.07.2016. № 27 (Ч. I). Ст. 4159.

17. Тихомирова А. В. Оказание гостиничных услуг по российскому гражданскому законодательству : автореферат дисс. …канд. юрид. наук. Челябинск, 2008. 26 с.

18. Левушкин А. Н., Бирюкова Е. Г. Качество оказания медицинских услуг: межотраслевой комплексный подход к правовому регулированию // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 28–33.

19. О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 766.

REFERENCES

1. The constitution of the Russian Federation (accepted by the national vote on 12 Dec. 1993) // Russian newspaper. 1993. December 25. No. 237. (In Russ.).

2. Putin V. V. The Russian President's Message to the Federal Assembly of the Russian Federation on March 1, 2018 // Russian newspaper. 2018. March 2. No. 46. (In Russ.).

3. Civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of legislations. 05.12.1994. No. 32. P. 3301. (In Russ.).

4. Vaskovskiy E. V. Methodology of the Civil law. The doctrine of the interpretation and application of the civil laws. M.: JSC «Center Yurinfor», 2002. 580 p. (In Russ.).

5. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. M., 1989. 924 p. (In Russ.).

6. Sergeeva A. P., Tolstoi Yu. K. (eds.). Civil law: textbook. Vol. 1, edition 6, revised and amended. M.: TK "Velbi", Publishing house "Prospect", 2003. 776 p. (In Russ.).

7. Lapach V. A. The system of objects of the civil rights in the legislation of Russia: abstract of dissertation of the doctor of law. Rostov-on-Don, 2002. 47 p. (In Russ.).

8. Stepanov D. I. Service as object of civil rights: dissertation of the candidate of law. M., 2004. 315 p. (In Russ.).

9. On some issues of judicial practice arising in disputes related to contracts for the provision of legal services: Information letter of the Presidium of the SAC of 29.09.1999 No. 48 // Bulletin of the SAC of the Russian Federation. 1999. No. 11. (In Russ.).

10. Babaitseva E. A. Entrepreneurial legal relationship: concept, background, structure and classification // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2015. No. 3. Pp. 240–243. (In Russ.).

11. Sadikov O. N. (ed.). Comment to the Civil code of the Russian Federation of part one (article). M.: Law firm the "CONTRACT", INFRA-M, 2004. 940 p. (In Russ.).

12. Vinichenko Yu. V. Civil turnover: approaches to understanding and their interpretation in the Russian civil law // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2016. No. 1. Pp. 195–201. (In Russ.).

13. Rozhkova M. The defense of objects of the civil rights // The Law. 2009. No. 3. Pp. 212–218. (In Russ.).

14. On licensing of separate types of activity: Federal law dated 04.05.2011 No. 99-FZ // Collection of legislations. 09.05.2011. No. 19. St. 2716. (In Russ.).

15. Sharonov S. A. Features of the legal status of subjects of corporate relations in a private security organization // Civil law. 2014. No. 4. Pp. 22–25. (In Russ.).

16. On the troops of the national guard of the Russian Federation: Federal law dated 03.07.2016 No. 226-FZ // Collection of legislations. 04.07.2016. No. 27 (P. I). P. 4159. (In Russ.).

17. Tikhomirova A. V. The Provision of hotel services in the Russian civil law: abstract. dissertation of the candidate of law. Chelyabinsk, 2008. 26 p. (In Russ.).

18. Levushkin A. N., Biryukova E. G. The quality of health services: inter-sectoral integrated approach to legal regulation // Journal of business law and corporate law. 2018. No. 3. Pp. 28–33. (In Russ.).

19. On the protection of consumer rights: law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 // Bulletin of the Congress of People's deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 09.04.1992. No. 15. P. 766. (In Russ.).

Как цитировать статью: Бабайцева Е. А. Оказание услуг как объект предпринимательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 274–279. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.458.

For citation: Babaitseva E. A. Rendering services as an object of entrepreneurial activity // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 274–279. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.458.

УДК 346.26:349.2
ББК 67.404.91+67.405.100

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.446

Babaitseva Elena Anatolyevna,
Candidate of Law,
Assistant Professor of the Department of the Civil Law,
Volgograd Institute of Business,
Volgograd,
e-mail: 0728676@mail.ru

Бабайцева Елена Анатольевна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского права,
Волгоградский институт бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail:0728676@mail.ru

СРЕДСТВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

MEANS OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS ON RENDERING SERVICES IN THE COURSE OF IMPLEMENTATION OF BUSINESS ACTIVITIES

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

В статье выявляется юридическая природа средств правового регулирования отношений, обусловленных оказанием услуг в области современного предпринимательства, которая в недостаточной степени изучена цивилистической наукой.

Автор дает оценку динамике правового регулирования на основе анализа положений римского, русского дореволюционного, советского и современного гражданского законодательства в изучаемой области. В результате такого анализа устанавливается, что в настоящее время правовое

регулирование оказания предпринимательских услуг носит комплексный характер и базируется на синтезе публично-правовых и частноправовых средств.

Предложенное автором определение понятия «средства правового регулирования отношений по оказанию услуг» в широком и узком смысле слова, разработанная классификация и правовая оценка этих средств содействуют укреплению основы конституционного строя России о свободе передвижении услуг, направлены на адаптацию процесса осуществления гражданских прав в области предпринимательской деятельности к современным социально-экономическим условиям.

Обосновывается вывод о том, что договор представляет собой средство индивидуально-правового регулирования отношений в исследуемой области, одной из проблем которого является непоименованный характер многих договоров на оказание различного рода услуг. В целях решения этой проблемы разрабатывается модель непоименованного договора оказания услуг, дается определение его понятия и выявляется юридическая природа как разновидности цивилистических категорий «сделка» и «обязательство». Исходя из установленной правовой природы договора определяется его содержание как совокупность сведений и условий (существенных, предписанных, инициативных). Такой подход позволяет участникам предпринимательства наиболее полно использовать договорное регулирование в целях повышения полезного эффекта от оказания услуг.

The article reveals the legal nature of the means of legal regulation of relations due to the provision of services in the field of modern entrepreneurship, which is insufficiently studied by the civil science.

The author assesses the dynamics of the legal regulation on the basis of the analysis of the provisions of the Roman, Russian pre-revolutionary, Soviet and modern civil legislation in the studied area. As a result of this analysis, it is established that currently the legal regulation of the provision of business services is complex and is based on the synthesis of public and private law means.

The author's proposed definition of the concept of «means of legal regulation of relations in the provision of services» in the broad and narrow sense of the word, the developed classification and legal assessment of these means contribute to strengthening the foundations of the constitutional system of Russia on the freedom of movement of services, aimed at adapting the process of implementation of civil rights in the field of business to modern socio-economic realities.

The conclusion that the contract is a means of the individual legal regulation of relations in the study area, one of the problems of which is the «unnamed» nature of many contracts for provision of various services. In order to solve this problem, a model of the «unnamed» service contract is developed, its concept is defined and the legal nature as a variety of civil law categories "transaction" and "obligation" is revealed. Based on the established legal nature of the contract is determined by its content as a set of information and conditions (essential, prescribed, initiative). This approach allows business participants to make the most complete use of contractual regulation in order to increase the beneficial effect of the provision of services.

Ключевые слова: средства правового регулирования, предпринимательская деятельность, оказание услуг, публично-правовой, частноправовой, нормативный правовой акт, лицензирование, государственный надзор и контроль, судебный и административный акты, саморегулирование, договор оказания услуг.

Keywords: legal regulation, entrepreneurship, services, public law, private law, legal act, licensing, government supervision and monitoring, judicial and administrative acts, self-regulation, service contract.

Введение

Актуальность темы связана с тем, что надлежащее использование правовых средств в изучаемой области позволяет решить целый комплекс приоритетных государственных задач в сфере российского и международного оборота различного рода услуг [1], осуществляемого в условиях санкционной политики некоторых стран по отношению к России.

Подчеркивает актуальность и тот факт, что правовое регулирование оказания услуг в области предпринимательской деятельности способствует укреплению основ конституционного строя России о свободе передвижения услуг [2], содействует реализации прав участников гражданского оборота на осуществление этого вида экономической деятельности.

Изученность проблемы. Несмотря на стремительное развитие предпринимательства, его конституционную и социально-экономическую значимость, процесс правового регулирования отношений по оказанию услуг остается малоизученным средствами цивилистической науки. Это объясняется, с одной стороны, незначительным периодом легального признания «оказания услуг» объектом гражданских прав и соответствующего правоотношения, с другой, — советским и постсоветским подходом законодателя к правовому регулированию предпринимательских отношений исключительно при помощи публично-правовых средств.

Целесообразность разработки темы. Отсутствие комплексного подхода к правовому регулированию оказания услуг и модели непоименованных договоров оказания услуг создает проблемы в области осуществления и защиты участниками предпринимательской деятельности своих гражданских прав, не позволяет им должным образом разрабатывать, применять и толковать условия соответствующих договоров. Все это приводит к противоречивости правоприменительной практики и снижает полезный эффект оказания услуг в области гражданского оборота в целом и предпринимательской деятельности в частности.

Научная новизна. Автор совершенствует научный подход к правовому регулированию предпринимательских отношений посредством сочетания публично-правовых и частноправовых средств, детализируя его к отношениям по оказанию услуг.

Впервые даются новые определения понятий «средства правового регулирования отношений по оказанию услуг» и «договор оказания услуг как средство индивидуально-правового регулирования». Признавая «оказание услуг» объектом предпринимательской деятельности, автор разрабатывает классификацию правовых средств, регулирующих искомые отношения, дает правовую оценку ее основаниям, а также вносит элементы научной новизны в модель непоименованных договоров по оказанию услуг в части их правовой природы и содержания.

Целью публикации является исследование правовой природы средств правового регулирования отношений по оказанию услуг в современных условиях осуществления предпринимательской деятельности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) оценить динамику изучаемого правового регулирования; 2) дать определение понятия «средства правового регулирования отношений по оказанию услуг» в изучаемой области; 3) разработать классификацию искомых средств и дать правовую характеристику ее основаниям; 4) сформулировать определение понятия «договор оказания услуг как средство индивидуально-правового регулирования», установить его юридическую природу как разновидности сделки и обязательства, выявить его содержание и дать оценку существенным условиям.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в статье определения понятий, разработанная классификация изучаемых средств и их правовая оценка могут быть использованы в ходе преподавания гражданского и предпринимательского права, а также найти применение в процессе правовой подготовки субъектов предпринимательства.

Получивший в статье дальнейшее развитие подход в использовании сочетания публично-правовых и частноправовых средств правового регулирования отношений по оказанию услуг имеет **практическое значение**, поскольку дает возможность предпринимателям сочетать те их комбинации, которые приводят к наибольшему эффекту (пользе) от оказания услуг, классифицируемого как процесс осуществления гражданских прав в изучаемой области экономической деятельности.

Основная часть

Методология проводимого исследования опирается на применение исторического, логического, диалектического, сравнительно-правового приемов и способов научного познания. В статье широко используется методы комплексного анализа и последующего синтеза различных правовых категорий. Такой прием позволяет по-новому подойти к процессу исследования искомых правовых средств, а также сформулировать новые определения понятий в изучаемой области.

Динамика правового регулирования отношений по оказанию услуг. Правовое регулирование отношений по оказанию услуг не является новеллой нашего времени [3, с. 15]. Напротив, оно уходит своим корнями в *римское право*, в котором услуги представляли собой обязательства, возникающие из договора «личного найма (найма услуг)». Следует заметить, что в указанное время они уже отличались от другого объекта — «найма работ» [4, с. 212].

Должное внимание к услугам в *дореволюционном гражданском праве России* стало уделяться только в Своде законов гражданских (1832 г.). В этом акте была размещена специальная глава «О личном найме» [4, с. 213]. По мнению цивилистов, действующие до 1832 г. другие источники (Русская Правда, Уложение 1649 г. и др.) не имели какого-либо значения в изучении услуг как объектов гражданских прав [3, с. 87]. В дальнейших цивилистических источниках услуги рассматривались не как объект, а как элемент договора, который получил закрепление в главе IX книги V проекта Гражданского уложения под названием «Личный наем». В то же время в этом акте наблюдалось «смешение» понятий «собственно услуг» и «трудовой деятельности» [3, с. 125]. Несмотря на то, что названный источник гражданского права так и остался проектом, его отдельные положения были востребованы в современной России и получили развитие в действующем гражданском законодательстве [3, с. 124].

Исследователи обязательств по оказанию услуг подчеркивают, что кодифицированные акты *советского периода* не содержали специальных положений о договоре возмездного оказания услуг, хотя и регулировали их отдельные виды [3, с. 215]. Кроме того, Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. не предусматривал и отдельных статей об объектах гражданских прав. Так, термин «объект» использовался только по отношению к объектам права государственной, колхозно-кооперативной, личной и профсоюзной собственности (ст. 95, 100, 103, 105), а также к отношениям договора подряда — объектам капитального строительства (ст. 368, 371) [5].

В структуре *современной цивилистики* услуги как объект гражданских прав получили законодательное оформление в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) [6]. Однако первая редакция кодекса в ст. 128 «Объекты гражданских прав» в течение почти десять лет определяла «работы и услуги» как единообразный объект гражданских отношений [6], и только в 2013 г. пятьдесят девятая по счету редакция ГК РФ закрепила изучаемый объект в его действующей трактовке — «оказание услуг» [7]. В то же время «оказание услуг» как объект, по поводу которого возникает предпринимательская деятельность, получило официальное оформление уже в первой редакции кодекса [6].

Понятие и классификация средств правового регулирования отношений по оказанию услуг. Оказание услуг, будучи объектом предпринимательской деятельности, проявляет свои свойства в системе устойчивой правовой конструкции — *правоотношения*, которое должно подлежать адекватному правовому регулированию. Модель такого регулирования представляет собой надлежащее упорядочивание рассматриваемых отношений при помощи правовых средств, без применения которых невозможно «настроить» систему правового регулирования «на социально плодотворную работу» [8, с. 4]. Иными словами, без использования изучаемых средств ход оказания услуг приобретет беспорядочный характер, а его участники не достигнут соответствующего полезного эффекта от их оказания.

Проведенный анализ позволяет установить *причины применения средств правового регулирования* в изучаемой области, которые: 1) являются своеобразным инструментом для фактического достижения полезного эффекта (результата) услуги; 2) придают рассматриваемому регулированию стабильность и ликвидируют препятствия в оказании услуг; 3) определяют место услуг в системе гражданско-правовых отношений в целом и предпринимательских отношений в частности; 4) дают возможность выявить соотношение оказания услуг с другими объектами предпринимательской деятельности; 5) содействуют оперативному реагированию на динамику правового регулирования оказания услуг; 6) позволяют участникам предпринимательских отношений выступать субъектами нормотворческого процесса в части договорного и локального регулирования; 7) позволяют субъектам предпринимательства надлежащим образом реализовывать и защищать свои гражданские права.

Практическое применение тех или иных средств правового регулирования в изучаемой области *обусловлено* правовым положением заказчика и исполнителя услуг, критериями оборотоспособности услуг и их сущностными правовыми свойствами.

В юридической науке встречаются различные подходы к определению рассматриваемого понятия. Так, теоретики права видят в средствах правового регулирования те явления, которые проявляются в двух аспектах — «инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях)», использование которых дает возможность правовым субъектами

удовлетворить свои интересы и достигнуть «социально полезных целей» [8, с. 7]. Цивилисты рассматривают средства как нормы права, реализация которых позволяет гражданам и организациям достигать потребностей для своей нормальной жизнедеятельности [9, с. 19].

Помимо традиционных источников права (законов и иных правовых актов), к средствам причисляются и другие правовые явления. Например, одни исследователи относят к средствам правового регулирования отношений по оказанию услуг в области предпринимательства «административные регламенты» и «административные процедуры» [10, с. 25–28], другие — «конституционные свободы» [11, с. 23–29]. Вместе с тем, несмотря на конституционную значимость предпринимательской деятельности в целом и оказания услуг в частности, автор настоящей публикации считает, что такие «свободы» представляют не столько средства правового регулирования, сколько меру возможного поведения заказчиков и исполнителей услуг, то есть являют собой их право на занятие этим видом экономической деятельности.

В целях практического применения понятия «средства правового регулирования отношений по оказанию услуг» предлагается подойти к рассмотрению их сущности в двух смыслах — широком и узком. Это объясняется тесным взаимодействием «специально-юридического и социального (неюридического) аспектов» правового регулирования [12, с. 6], используемых для достижения полезного эффекта оказания услуг.

В *широком смысле* под средствами правового регулирования оказания услуг понимаются: юридические возможности и действия услугодателя и услугополучателя, предписанные нормами права и направленные на организацию и ход оказания услуг, а также вещи и иное имущество, необходимые для выполнения действий по оказанию услуг.

Средства правового регулирования оказания услуг в *узком смысле* — это гарантированная государством совокупность источников права, применение которых приводит к возникновению, изменению или прекращению предпринимательских отношений по оказанию услуг.

Основываясь на комплексном правовом регулировании отношений по оказанию услуг в предпринимательской области, рассматриваемые средства можно классифицировать по двум большим группам: публично-правовые и частноправовые средства.

К публично-правовым средствам относятся: 1) нормативный правовой акт; 2) лицензирование; 3) государственный надзор и контроль; 4) в некоторых случаях административный и судебный акты.

Частноправовые средства включают в себя саморегулирование и договор возмездного оказания услуг.

Дадим характеристику средствам правового регулирования, указанным в представленной классификации.

Нормативный правовой акт. Значимость нормативного правового акта (далее — НПА) заключается в его правотворческом характере, проявляющемся в письменном оформлении и дальнейшей динамике правовых норм [13, с. 35–36].

В области предпринимательской деятельности НПА как средство правового регулирования является документом, оформленным в письменной форме, принятым уполномоченным на это государственным или муниципальным органом, а равно организацией (индивидуальным предпринимателем) в пределах предоставленных законом прав и направленным на появление, изменение или прекращение отношений, обусловленных оказанием услуг.

В сфере оказания услуг НПА можно классифицировать по следующим группам: 1) Конституция РФ и федеральные конституционные законы (далее — ФКЗ); 2) гражданское законодательство в широком его понимании [14, с. 72], включающее в себя, наряду с кодексом и законами, указы президента РФ, постановления правительства РФ, акты министерств и других органов исполнительной федеральной власти; 3) региональные законы и подзаконные акты; 4) муниципальные акты; 5) локальные нормативные акты (далее — ЛНА).

Роль Конституции РФ и ФКЗ обусловлена обладанием ими высшей юридической силой по отношению к другим НПА. Конституция РФ входит в основу правового регулирования всех видов правоотношений и является правовой базой для оказания услуг.

Следует заметить, что среди ФКЗ нет законов, непосредственно регулирующих отношения по оказанию услуг, что, однако, не исключает их применение. Это объясняется тем, что возросшие угрозы совершения актов терроризма, возникновение «катастроф техногенного и природного характера» [15, с. 90–100] не исключают вероятности установления на определенных территориях чрезвычайного или военного положения. Это может стать причиной применения норм ФКЗ от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» либо от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», согласно которым допускается ограничение прав и свобод граждан, установление ограничений на свободу передвижения услуг, а также применение иных подобных мер, вплоть до прекращения деятельности лиц, оказывающих услуги.

ГК РФ является своеобразной базой для правового регулирования отношений по оказанию услуг. Однако из четырех частей кодекса следует отметить только две. Так, в первой части заслуживают внимания основные начала оказания услуг (ст. 1), юридические факты возникновения гражданских прав (гл. 2), нормы, устанавливающие правовой статус заказчиков и исполнителей услуг (Подраздел 2), общие положения о сделках, обязательствах и договорах, а также другие положения (гл. 9, Раздел III и др.). Среди норм второй части кодекса следует обратить внимание на Раздел IV, регламентирующий порядок исполнения отдельных видов обязательств, большинство из которых представляют собой не что иное, как обязательства по оказанию услуг.

Роль законов РФ и федеральных законов в области оказания услуг заключается в том, что в них получает развитие правовое регулирование отдельных видов предпринимательства, которое не было детализировано в положениях ГК РФ. Например, механизм оказания услуг связи раскрывается в гл. 7 ФЗ от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», а почтовых услуг — в ФЗ от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи».

Принятие указов президента РФ продиктовано конституционными правомочиями главы государства (ст. 90 Конституции РФ). Как правило, их задача — ликвидировать пробел в правовом регулировании отдельных видов услуг. Именно поэтому их нормы носят оперативный характер и в дальнейшем могут быть трансформированы в соответствующие законы.

В отличие от оперативного характера указов, постановления правительства РФ и акты министерств (других органов федеральной исполнительной власти) принимаются на основании законов и для их исполнения. В них детализируется процесс оказания различного вида услуг. Например, Правила оказания услуг общественного питания утверждены Постановлением Правительства РФ

от 15.08.1997 № 1036, а Правила перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом — Приказом Минтранса РФ от 19.12.2013 № 473.

Акты органов государственной власти субъектов России не входят в гражданское законодательство, а их принятие обусловлено тем, что согласно п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ в сфере ведения субъектов РФ находятся вопросы жилищного, земельного, водного, лесного и других видов законодательства. Следовательно, оказание услуг, обусловленных воздействием на объекты указанных видов законодательства (жилище, земля, лес и др.) должно осуществляться с учетом положений этой группы НПА.

Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, что ни в коей мере не умаляет юридической значимости принимаемых ими НПА. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что «местные законы» ликвидируют пробелы в применении «общего законодательства…» [16, с. 75], с другой, — их полномочиями, которые установлены Конституцией РФ (ст. 130–133) и связаны с регулированием значимых вопросов населения муниципалитета (собственность, обеспечение порядка и др.). Так, в состав муниципальной собственности входят детские сады, дворцы культуры, школы и другие объекты, по отношению к которым оказываются различные виды услуг, например услуги по обеспечению порядка при проведении массовых муниципальных мероприятий.

Юридическое понимание ЛНА дается в нормах трудового законодательства, и хотя эти акты не входят в систему гражданского законодательства, их признание источниками регулирования отношений по оказанию услуг не является новеллой [17, с. 30]. Применение ЛНА аргументируется наличием у организаций (индивидуальных предпринимателей) одновременно двойственного правового статуса — субъекта трудового отношения (работодателя) и участника гражданского оборота [18, с. 236–239], а также правовым режимом некоторых видов услуг. Например, оказание услуг по обеспечению пропускного режима становится возможным только при наличии ЛНА, устанавливающего этот режим, изданного в форме положения, инструкции, правил и т. п. [19, с. 38]. В противном случае его отсутствие не позволит исполнить указанные виды охранных услуг.

Лицензирование. Процесс оказания некоторых видов услуг, как правило, ограниченных в обороте, будет иметь легальный характер лишь тогда, когда он будет осуществляться на основе специального разрешения — лицензии.

Доктрина современного гражданского права базируется на том, что лицензия представляет собой средство публично-правового регулирования, применяемое в гражданском обороте на основе правовых приемов «дозволения» и «позитивных обязывании» [20, с. 13]. По мнению теоретиков предпринимательского права, процесс лицензирования создает специальный правовой режим предпринимательства, классифицируемый как «общий» и «специальный» [21, с. 23–30].

Цивилисты отмечают, что по своей сущности лицензирование представляет собой одну из функций государства, осуществляемую посредством деятельности определенного государственного органа [22, с. 10–17] или соответствующих «квазигосударственных образований» (Банк РФ и др.) [23, с. 39–45].

Проведенный анализ правовой природы оказания услуг и средств правового регулирования возникающих при этом отношений применительно к динамике осуществления предпринимательской деятельности позволяет выявить объективные причины лицензирования. Их можно классифицировать по следующим основаниям: 1) потребность в защите конституционных и частных прав граждан посредством введения ограничений на оказание услуг на основе федерального закона; 2) наличие специальной правоспособности исполнителя услуг, для реализации которой закон предусматривает получение лицензии; 3) применение в ходе оказания услуг источников повышенной опасности, способных нанести вред жизни и здоровью людей, имуществу, окружающей среде и требующих специальных навыков при обращении с ними; 4) переход ряда функций государства к коммерческим организациям, при котором государство сохраняет за собой право установления требований и условий к субъектам предпринимательства [20, с. 13–14]; 5) воздействие на отношения по оказанию услуг других средств правового регулирования, требующих координации со стороны государства (например, НПА).

Правовым результатом применения рассматриваемого средства к отношениям по оказанию услуг в области предпринимательства является получение соответствующей лицензии. По своей правовой сущности она представляет «санкционированное государством разрешение, дающее услугодателю возможность реализовать свою гражданскую правоспособность по оказанию определенного вида услуг, гарантированное выдачей лицензирующим органом специального документа в порядке, установленном законом».

Государственный надзор и контроль. Использование государственного надзора и контроля оказания услуг обусловлено компетенциями надзорных (контролирующих) органов и представляет собой одну из функций государства. При этом под надзором понимается такая функция, при которой, в отличие от процедуры контроля, не происходит вмешательства в непосредственную организационную деятельность услугодателей, а только обеспечивается процесс соблюдения ими законов и иных нормативных правовых актов.

Во многих случаях деятельность этих органов может привести к приостановлению или прекращению процесса оказания услуг в установленных законом случаях.

Административный и судебный акты. Применение административных и судебных актов становится возможным только в отдельных случаях, как правило, связанных с процессом приостановления (прекращения) отношений по оказанию услуг. Так, согласно ст. 3.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, в качестве взыскания суд может применить «административное приостановление деятельности» (например, за незаконное оказание услуг по перевозке оружия — ч. 6 ст. 20.8), а соответствующее должностное лицо — временно запретить деятельность по оказанию услуг (ст. 27.16).

Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, может повлечь за собой применение к правонарушителю санкций уголовной ответственности по ст. 238 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

Саморегулирование. В современном гражданском праве под саморегулированием рассматривается «элемент механизма», «часть негосударственного регулирования» отношений предпринимательства [24, с. 12, 14, 22].

Важно заметить, что в контексте задач настоящей публикации саморегулирование выступает в соотношении с лицензированием, сущностью которого являются их сходство и различия.

Например, сходство заключается в направленности этих средств на создание правил оказания услуг, недопустимости необоснованного ограничения прав иных участников гражданских отношений. В итоге все это содействует укреплению конституционной основы о гарантиях свободы передвижения услуг.

Различия проявляются: 1) в субъектах и объектах деятельности; 2) методах деятельности; 3) сущности нормотворческого процесса; 4) объеме регулирования; 5) приемах и способах регулирования; 6) юридической основе деятельности.

Например, субъектом лицензирования является государство, а субъектом саморегулирования — коммерческие юридические лица и созданная ими саморегулируемая организация. Объект лицензирования представляет собой действия, обусловленные разработкой лицензионных условий и требований, выпиской и выдачей разрешений, контролем оказания услуг, выработкой и применением к нарушителям соответствующих юридических мер. Объектом саморегулирования являются действия, направленные на разработку качественных параметров услуг, выработку определенных правил и стандартов их оказания, обязательных к исполнению лишь для членов саморегулируемой организации и не предусматривающих применение мер публичной юридической ответственности в случае их нарушения.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что саморегулирование является частноправовым средством регулирования оказания услуг. Под ним понимаются «инициативные действия субъектов предпринимательства, осуществляемые на основе их объединения с целью разработки и внедрения стандартов и правил оказания услуг, а также осуществления контроля их соблюдения».

Договор возмездного оказания услуг. Договор является средством *индивидуально-правового регулирования оказания услуг*, так как внедряет гражданско-правовые нормы в отношения, возникающие между исполнителем и заказчиком, а также упорядочивает их.

По отношению к гражданскому законодательству действующие договоры оказания услуг можно классифицировать по следующими группам: 1) поименованные в отдельных главах ГК РФ (страхование, поручение, комиссия и др.) или в гл. 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг» (медицинские, ветеринарные и др.); 2) непоименованные в ГК РФ и законах.

В практике осуществления предпринимательской деятельности наибольшие проблемы возникают в правовом регулировании услуг, оказываемых посредством непоименованных договоров, в силу отсутствия специальных правовых норм и недостаточности их изучения наукой гражданского права. Во многих случаях это ведет к противоречивости договорной практики, не позволяет заказчику и исполнителю услуг надлежащим образом разрабатывать, использовать и толковать договорные условия.

Ввиду непоименованного характера таких договоров цивилисты предлагают рассматривать их сущность как синтез общепризнанных и урегулированных гражданским правом категорий «сделка» и «правоотношение», что позволят применить к договору правила ГК РФ о сделках и обязательствах [25, с. 124–130].

Правовая природа договора как сделки представляет собой синтез понятий «юридический факт», «соглашение», «документ», а его «сделочная» сущность проявляется в способности совершать заказчиком и исполнителем действия, направленные на появление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Правовая природа договора как правоотношения проявляется в его способности создавать «конкретное содержание прав и обязанностей» для контрагентов [26, с. 55]. При этом структура правоотношения проявляется через субъекты (заказчики и исполнители услуг), объект как процесс оказания услуг, содержание, представляющее собой соответствующие права и обязанности субъектов.

Важно заметить, что составной частью содержания искомого правоотношения является юридическая обязанность его сторон, что делает возможным применение к нему соответствующих правил кодекса об обязательствах. Модель договорного обязательства по оказанию услуг представляет собой обязанность должника (исполнителя услуг) выполнить в пользу кредитора (заказчика услуг) определенные действия, право требования которых предоставлено кредитору. Поскольку субъекты договорного отношения имеют обязанности по отношению друг к другу, то они одновременно обладают правовым положением как должника, так и кредитора.

Подводя промежуточные итоги рассуждениям о договоре как средстве индивидуально правового регулирования оказания услуг, можно сделать вывод о том, что под ним следует рассматривать «соглашение, оформленное между заказчиком и исполнителем, базирующееся на встречных обязанностях его сторон, согласно которым исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, которые заказчик должен принять и оплатить» [25, с. 128].

Под *юридической природой договора* понимаются его сущностные свойства, проявляющиеся через содержание сделки и обязательства. Например, «сделочная» природа договора отражается в его форме, возмездности, консенсуальности или реальности, каузальности. «Обязательственные» свойства договора заключаются в его двустороннем характере, направленности совершения действий как в пользу его сторон, так и иных (третьих) лиц, сроках оказания услуг.

Установленные правовые свойства договора предопределяют его *содержание*, которое в широком смысле представляет собой совокупность составных элементов сделки и правоотношения, оформленные в форме соответствующего документа. Ввиду того, что содержанием и сделок, и правоотношения являются определенные условия, включающие с себя права и обязанности субъектов, а сущностью документа являются сведения о сторонах соглашения, то содержание договора выступает как совокупность сведений и условий.

По своей сути сведения представляют собой фактические данные о сторонах договора, не требующие каких-либо согласований, а их задачей является аргументация соответствующих аспектов правоспособности (дееспособности) заказчика и исполнителя услуг (например, обладание им лицензией и др.).

Договорные условия, напротив, нуждаются в согласовании. При этом сама классификация этих условий носит характер научной дискуссии. Не вдаваясь в ее содержание, отметим, что договор является заключенным только тогда, когда его стороны добились согласования по всем существенным условиям о предмете соглашения, которые носят предписывающий или инициативный характер.

Одной из проблем правового регулирования оказания услуг является отсутствие законодательного закрепления определения понятия «предмет договора», несмотря на его признание существенным условием соглашения. Автор публикации предлагает рассматривать под этим условием «систему действий исполнителя, продиктованную целью формулирования заказчиком задания на оказание услуг,

их приемом и оплатой, а также оказание исполнителем услуг согласно заданию заказчика и другим условиями договора».

Сущность предписывающих условий договора выражается в том, что они «предписаны» законом или иным правовым актом. К таким условиям в непоименованном договоре относятся условия о сроке и о стоимости услуг. Срочный характер услуги может определяться ее правовыми свойствами (например, получение образования), правоспособностью исполнителя, обусловленной сроком действия лицензии, и другими подобными обстоятельствами.

Характер инициативных условий продиктован инициативой хотя бы одной из сторон договора и может быть обусловлен свойствами совершаемых действий, спецификой деятельности заказчика и иными факторами. Например, таковым условием может выступать требование заказчика, эксплуатирующего опасный химический объект, о наличии у непосредственных исполнителей услуг средств защиты, а также соблюдение ими требований промышленной и иной безопасности.

Заключение

В заключение подведем итоги публикации, обусловленные достижением ее цели и решением поставленных научных задач.

1. Состояние правового регулирования отношений по оказанию услуг в области предпринимательства базируется на отдельных положениях римского, российского дореволюционного и советского гражданского права и в настоящее время представляет собой синтез публично-правовых и частноправовых средств.

2. Сформулированное определение понятия «средства правового регулирования отношений по оказанию услуг», разработанная классификация и правовая оценка этих средств направлены на укрепление основы конституционного строя России о свободе передвижении услуг, содействуют адаптации процесса осуществления гражданских прав в области предпринимательской деятельности к современным социально-экономическим реалиям.

3. Установленная автором модель непоименованного договора оказания услуг, определение его понятия и правовой природы в контексте сущности цивилистических категорий «сделка» и «обязательство», детализация его содержания как совокупности сведений и условий вооружают участников предпринимательства гарантированным средством индивидуально-правового регулирования изучаемых отношений, влияющим на повышение полезного эффекта (пользы) от оказания услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Путин В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. 02 марта. № 46.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

3. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2004. 315 с.

4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М. : Статут, 2003. 1055 с.

5. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

7. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 02.07.2013 № 142-ФЗ // Собрание законодательства. 08.07.2013. № 27. Ст. 3434.

8. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 4–16.

9. Баринов Н. А. Значение услуг как правовой категории // Социальные и правовые механизмы оказания публичных услуг: теория, практика, перспектива : сб. статей по материалам всероссийской науч.-практич. конф. (Волгоград 29–30 ноября 2013 г.) / под ред. А. Н. Садкова. Волгоград : ООО «Арт линия», 2013. С. 16–19.

10. Шмалий О. В., Душакова Л. А. Правовое регулирование доступности и качества государственных услуг в сфере предпринимательской деятельности // Юрист. 2017. № 7. С. 25–28.

11. Денисов С. А. Конституционные свободы // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 23–29.

12. Васильева Н. В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования : автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Омск, 2014. 24 с.

13. Вопленко Н. Н. Источники и формы права : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. 102 с.

14. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ТК Велби : Проспект, 2003. 776 с.

15. Мохов А. А. Проблемы защиты прав хозяйствующих субъектов в период военного положения // Современный юрист. 2014. № 3. С. 90–100.

16. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Фирма «СПАРК», 1995. 556 с.

17. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М. : Статут, 2002. 848 с.

18. Бабайцева Е. А. Участие индивидуального предпринимателя в трудовом отношении как правовая форма осуществления предпринимательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 3. С. 236–239.

19. Рыженков А. Я., Мелихов В. М., Шаронов С. А. Трудовое право: краткий курс лекций: М. : Юрайт, 2011. 208 с. («Хочу все сдать!»).

20. Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства : автореф. дис. …д-ра юрид. наук. М., 2005. 47 с.

21. Ершова И. В. Лицензирование экономической деятельности в условиях интеграционных процессов // Предпринимательское право. 2014. № 1. С. 23–30.

22. Егорова М. А. Обязательное саморегулирование как институт частного права // Предпринимательское право. 2014. № 4. С. 10–17.

23. Гузанов К. А. О правовой природе лицензий на оказание услуг связи: публичные и частные основы // Предпринимательское право. 2017. № 2. С. 39–45.

24. Лескова Ю. Г. Саморегулирование как правовой способ организации предпринимательских отношений: проблемы теории и практики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. 61 с.

25. Шаронов С. А. Договор возмездного оказания услуг в современной цивилистике // Власть закона. 2015. № 3. С. 123–132.

26. Алексеев С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. статей. М.: Статут, 2001. С. 54–68.

REFERENCES

1. Putin V. V. The Russian President's Message to the Federal Assembly of the Russian Federation on March1, 2018 // Russian newspaper. 2018. March 2. No. 46. (In Russ.).

2. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12 Dec. 1993) // Russian newspaper. 1993. December 25. No. 237. (In Russ.).

3. Stepanov D. I. Service as object of civil rights: dissertation of the candidate of law. M., 2004. 315 p. (In Russ.).

4. Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. Contract law. Book three: Agreements on implementation of works and provision of services. M.: Statute, 2003. 1055 p. (In Russ.).

5. Civil code of the Russian Federation (Utv. The RSFSR Supreme Soviet 11.06.1964) // Vedomosti VS RSFSR. 1964. No. 24. St. 407. (In Russ.).

6. Civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of legislations. 05.12.1994. No. 32. St. 3301. (In Russ.).

7. On modification of subsection 3 of the section I of part one of the Civil code of the Russian Federation : Federal law of Russian Federation of 02.07.2013 No. 142-FZ // Assembly of the legislation of the Russian Federation. 08.07.2013. No.27. St. 3434. (In Russ.).

8. Malko A. V. Legal means as a General theoretical problem. 1999. No.2. Pp. 4–16. (In Russ.).

9. Barinov N. A. The Value of legal services as a category // Sadkov N. A. (ed.). The social and legal mechanisms for the provision of public services: theory, practice, perspective: collection of articles on the materials of the all-Russian scientific and practical conference (Volgograd, November 29–30, 2013). Volgograd: LLC «Art line», 2013. Pp. 16–19. (In Russ.).

10. Shmalii O. V., Ushakova L. A. Legal regulation of the availability and quality of state services in the sphere of entrepreneurial activity // Lawyer. 2017. No.7. Pp. 25–28. (In Russ.).

11. Denisov S. A. Constitutional freedoms // Constitutional and municipal law. 2018. No.7. Pp. 23–29. (In Russ.).

12. Vasilyeva N. B. Legal and non-legal means in the system of legal regulation: dissertation of the candidate of law. Omsk, 2014. 24 p. (In Russ.).

13. Voplenko N. N. Sources and forms of law: textbook. Volgograd: VSU Publ., 2004. 102 p. (In Russ.).

14. Sergeeva A. P., Tolstoi Yu. K. Civil law и: Studies. Vol. 1. M.: TK Velbi, Prospect Publ., 2003. 776 p. (In Russ.).

15. Mokhov A. A. The Problems of protection of the rights of economic entities in the period of martial law // Modern lawyer. 2014. No.3. Pp. 90–100. (In Russ.).

16. Shershenevich G. F. The Textbook of Russian civil law. M.: Firm «SPARK», 1995. 556 p. (In Russ.).

17. Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. Centuries contract law. Book one: General provisions. M.: Statut, 2002. 848 p. (In Russ.).

18. Babaitseva E. A. The participation of the individual entrepreneur in the employment relationship as a legal form of entrepreneurial activity // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business. 2015. No.3(32). Pp. 236–239. (In Russ.).

19. Ryzhenkov A. Ya., Melikhov V. M., Sharonov S. A. Employment law: short course lectures. M.: Yurait, 2011. 208 p. (In Russ.).

20. Gubin E. P. Legal problems of state regulation of market economy and entrepreneurship: dissertation of the doctor of law. M., 2005. 47 p. (In Russ.).

21. Ershova I. V. Licensing of economic activity in the conditions of integration processes // Entrepreneurial law. 2014. No. 1. Pp. 23–30. (In Russ.).

22. Egorova M. A. Mandatory self-regulation as an institution of private law // Business law. 2014. No. 4. Pp. 10–17. (In Russ.).

23. Guzanov K. A. On the legal nature of licenses for the provision of communication services: public and private foundations // Business law. 2017. No.2. Pp. 39–45. (In Russ.).

24. Leskova G. G. Self-regulation as a legal way of organization of entrepreneurial relations: problems of theory and practice: dissertation of the doctor of law. M., 2013. 61 p. (In Russ.).

25. Sharonov S. A. The contract of paid rendering of services in modern civil law // the Power of the law. 2015. No. 3. Pp. 123–132. (In Russ.).

26. Alekseev S. S. Unilateral transactions in the mechanism of legal regulation // The anthology of the Ural civil law. 1925–1989: Collection of articles. M.: The Statut, 2001. Pp. 54–68. (In Russ.).

Как цитировать статью: Бабайцева Е. А. Средства правового регулирования отношений по оказанию услуг в процессе осуществления предпринимательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 279–286. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.446.

For citation: Babaitseva E. A. Means of legal regulation of relations on rendering services in the course of implementation of business activities // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 279–286. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.446.

УДК 349.2
ББК 67.405

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.462

Gumarova Rezeda Raisovna,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Law Disciplines Department,
Neftekamsk Branch
of the Bashkir State University,
Neftekamsk,
e-mail: regum.eco@gmail.com

Гумарова Резеда Раисовна,
канд. биол. наук,
доцент кафедры правовых дисциплин,
Нефтекамский филиал
Башкирского государственного университета,
г. Нефтекамск,
e-mail: regum.eco@gmail.com

О СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ГАРАНТИЯХ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

ON THE SOCIAL AND LABOR GUARANTEES FOR TEACHING STUFF

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения
12.00.05 – Labor law; social security law

В статье анализируются проблемные вопросы соблюдения социально-трудовых гарантий лиц, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу образовательных учреждений высшего образования, определенных трудовым законодательством Российской Федерации, подзаконными нормативными актами. Среди них — соблюдение сокращенной продолжительности рабочего дня, режима времени труда и отдыха, гарантий и компенсаций, связанных с расторжением трудового договора. Нормативы, принимаемые локальными актами образовательных учреждений в последние годы, увеличили продолжительность учебной нагрузки до максимальной и, напротив, сократили нормы на выполнение отдельных видов учебной нагрузки, что в итоге привело к интенсификации труда преподавателей вузов. Увеличение объема научной, методической, подготовительной, организационной работы, работы по ведению мониторинга, работы, предусмотренной планами воспитательных, физкультурно-оздоровительных, спортивных, творческих и иных мероприятий, проводимых с обучающимися, ведет к фактическому превышению максимально возможного фонда рабочего времени, тем самым к нарушению режима труда и отдыха. Требуемое указом Президента Российской Федерации повышение средней заработной платы преподавателей вузов до 200 % от средней по региону достигается только путем интенсификации труда профессорско-преподавательского состава, что может привести к снижению качества предоставляемых образовательных услуг. Рассмотрены положения законодательства о гарантиях и компенсациях и их соблюдении при расторжении договоров при неизбрании по конкурсу, сокращении штатов или ликвидации организации, продемонстрировано, что при условии заключения срочных трудовых договоров в образовательных учреждениях работник теряет право на такие гарантии и компенсации. По итогам исследования сформулированы выводы и рекомендации.

The article analyzes the problematic issues of observing the social and labor guarantees of the persons who are assigned to the teaching staff of educational institutions of higher education, guaranteed both by the labor legislation of the Russian Federation and by-laws. Among them - observance of the shorter working day, the regime of work and rest time, guarantees and compensations related to the termination of the employment contract. It is shown that the standards adopted by local acts of educational institutions in recent years have increased the duration of the training load to a maximum, and, on the contrary, have reduced the standards for the performance of certain types of academic load, which ultimately led to an intensification of the work of the university teachers. The increase in the workload for performing scientific, methodical, preparatory, organizational, diagnostic work, monitoring work, and the work envisaged in the plans for educational, sports and recreational, creative and other activities conducted with students lead to an actual excess of the maximum possible working time fund, thereby violating the regime of the work and rest. The required by the Decree of the President of the Russian Federation increase of the average salary of the university teachers to 200% of the average for the region is achieved only through intensification of the work of the faculty, which may lead to a decline in the quality of the educational services provided. The provisions of the law on guarantees and compensations and their observance at termination of contracts are not considered in case of non-selection at the competition, staff reduction or liquidation of the organization, it is shown that subject to the conclusion of fixed-term employment contracts in educational institutions, the employee loses the right for such guarantees and compensations. Based on the results of the study, conclusions and recommendations are formulated.

Ключевые слова: социально-трудовые гарантии, профессорско-преподавательский состав, педагогические кадры, продолжительность рабочего дня, учебная нагрузка, нагрузка второй половины рабочего дня, заработная плата преподавателей, режим труда и отдыха, время отдыха, нормы учебной нагрузки.

Keywords: social and labor guarantees, teaching staff, pedagogical staff, the duration of the working day, the training load, the load of the second half of the working day, the salaries of teachers, the mode of work and rest, the rest time, the norm of the training load.

Введение

Актуальность. Поводом для исследования социального положения преподавателя в системе высшего образования стало наступление 2018 года — рубежного года в соответствии с майскими указами Президента Российской Федерации [1], которых ждали все работники науки, медицины и образования. Майские указы Президента Российской

Федерации стали в России одним из мерил направления развития в социальной сфере. С данным указом, который определил постепенное увеличение заработной платы преподавателей высших учебных заведений до 200 % от средней по региону к 2018 г., знакомы не только специалисты в области образования, но и все работники бюджетных образовательных учреждений. Уровень заработной платы — один из основных показателей, по которому каждый оценивает привлекательность того или иного труда, но не единственный. Среди них можно назвать и призвание, и режим труда, и близость к месту жительства, и доброжелательность коллектива. В то же время есть нечто общее, которое является обязательным условием, — это социально-трудовые гарантии. Их отсутствие может свидетельствовать только о нарушении законодательства, так как трудовым законодательством предусмотрены обязательные меры социальной гарантии работников. Изменения в управлении и правовом регулировании высшего образования в последние годы, принятие новых государственных стандартов в этой области ведут к постоянно изменяющимся условиям труда педагогических работников высшего образования, поэтому тема работы представляется весьма актуальной.

Целью работы является анализ соблюдения социально-трудовых гарантий работников образовательных учреждений высшего образования, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу. Для этого были поставлены следующие **задачи**:

— рассмотреть нормативное регулирование режима работы преподавателей и проанализировать его выполнение в соответствии с локальными нормативными актами;

— провести анализ таких социально-трудовых гарантий педагогических работников, как сокращенный рабочий день, соблюдение времени отдыха, гарантий при расторжении договора, в том числе для отдельных категорий лиц особой защищенности (временно нетрудоспособных, находящихся в отпуске по уходу за ребенком);

— исследовать проблемы достижения уровня заработной платы профессорско-преподавательского состава до 200 % от средней заработной платы по региону.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного анализа проблем соблюдения гарантий педагогических работников путем сравнения данных локальных нормативных актов образовательных учреждений высшего образования, размещенных в сети Интернет, и требований нормативно-правовых актов федерального уровня в области образования.

Теоретическая разработанность. Работы, исследующие те или иные вопросы, затронутые в статье, были проведены рядом авторов. Так, вопросам о режиме работы профессорско-преподавательского состава вузов посвящена работа Е. Михалкиной, Л. Скачковой и Н. Гапоненко [2], которая была размещена в качестве справочной информации на портале Экспертно-аналитического сопровождения правового обеспечения модернизации общего и профессионального образования в рамках ФЦП 2012–2015 гг. [3]; нормирование труда исследовала Е. В. Голева [4]; отдельные вопросы были затронуты в статье А. П. Егоршина и И. В. Гуськовой [5], О. Муна [6], И. Трошиной [7]. Исследование, посвященное моделированию рабочего времени преподавателей вузов, провела Е. Ю. Шахова [8]. Правовое регулирование труда профессорско-преподавательского состава вузов стало предметом практических пособий А. А. Кирилловых [9], И. А. Чащихиной [10].

Основная часть

1. Сокращенная продолжительность рабочего дня. Одна из гарантий — это сокращенная продолжительность рабочего дня в 36 часов в неделю для педагогических работников (статья 333 ТК РФ [11]). Для анализа продолжительности труда профессорско-преподавательского состава следует уточнить, что она включает две разные нагрузки — учебную и внеучебную.

В соответствии с приказом Минобрнауки России от 11.05.2016 № 536 «Об утверждении Особенностей режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность» [12] режим рабочего времени устанавливается с учетом режима работы образовательного учреждения; продолжительности рабочего времени или норм часов педагогической работы за ставку заработной платы; времени, необходимого для выполнения входящих в рабочее время педагогических работников должностных обязанностей в зависимости от занимаемой ими должности; времени, необходимого для выполнения педагогическими работниками и иными работниками дополнительной работы за дополнительную оплату по соглашению сторон трудового договора.

Среди этих показателей нормы часов педагогической работы за ставку рабочего времени — один из важнейших показателей. В учреждении высшего образования нормируется учебная нагрузка, которая устанавливается в соответствии с приказом Минобрнауки России от 22 декабря 2014 г. № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре» [13]. В данном документе оговаривается только верхний предел учебной нагрузки: «в объеме, не превышающем 900 часов в учебном году» (п. 7.1.2 приказа). При этом средний объем учебной нагрузки устанавливается дифференцированно для каждой должности профессорско-преподавательского состава локальным нормативным актом организации (п. 6.1).

Для сравнения, нормы для педагогических работников среднего профессионального образования, установленные данным приказом, составляют 720 часов, а верхний предел — 1440 часов.

Образовательные учреждения при установлении норм часов (учебной нагрузки на одну ставку) руководствуются данным приказом, а также письмом Министерства образования РФ от 26 июня 2003 г. № 14-55-784ин/15, в котором приводятся «Примерные нормы времени для расчета объема учебной работы и основные виды учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования» [14]. Письмом также рекомендуется устанавливать учебную нагрузку в зависимости от квалификации и профиля кафедры в размере до 900 часов в учебном году. Так как норматив учебной нагрузки по учреждениям высшего образования не установлен, большинство вузов предельную нагрузку в 900 часов принимают в качестве нормативной учебной нагрузки. В том же документе (письмо Министерства образования от 26.06.2003) акцентируется, что администрация вуза планирует преподавателю нагрузку, исходя из установленного рабочего времени — 36 часов в неделю, при этом сюда включаются как учебная нагрузка, так и другие виды работ: учебно-методическая, организационно-методическая и др.

Учебная нагрузка и ее «пластичность». Порядок расчета 900 часов учебной нагрузки, то есть какие виды работ в них включены и нормативы часов по ним, также определяют локальные акты образовательного учреждения. Например, в Башкирском государственном университете такие нормативы учебной нагрузки и объем учебной работы в настоящее время установлены приказом ректора БашГУ «Об утверждении Положения по составлению расчета учебной нагрузки и планированию основных видов работы педагогических работников» от 01.08.2018 № 979. Анализ подобных локальных нормативных актов, размещенных на официальных сайтах образовательных учреждений, показывает, что здесь разброс от вуза к вузу, от года к году очень большой. Так, например, руководство выпускными квалификационными работами уровня бакалавриата может составлять от 10 (Оренбургский государственный университет [15]) до 26 (Северо-Восточный федеральный университет [16]) часов на одного обучающегося. На проверку контрольных работ отводится от 10 минут до 1 часа: 0,17 часов — Санкт-Петербургский политехнический университет [17], 15 минут (0,25 часа) — Мордовский государственный университет [18], 0,5 часа — Башкирский государственный университет [19], 0,3 часа на одно задание, но не более 1 часа на одного студента на дисциплину в семестр — Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций [20].

Образовательные учреждения вынуждены снижать нормативы нагрузки преподавателей по отдельным видам деятельности, чтобы достичь показателей в соответствии с планом мероприятий (дорожной картой), принятым Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р [21], в соответствии с которым необходимо уменьшить общее количество преподавателей в вузе для достижения плановых показателей по соотношению количества преподавателей на одного студента. Напомним, что если в 2012 г. данный показатель составлял девять студентов на одного преподавателя, то в 2018 г. — 12.

Мы проанализировали расчет часов в Башкирском государственном университете по локальным актам [19] по состоянию на текущий 2018 г. и шестью годами ранее (2012 г. — год выхода Указа Президента РФ) для среднего остепененного преподавателя — доцента с ученой степенью кандидата наук.

В 2012 году норма учебной нагрузки в БашГУ составляла 800 часов за учебный год. Примерное количество учебных часов в 2012 г. на одну ставку могла составить следующая учебная нагрузка, включающая ведение курсов по трем дисциплинам (лекции и практические занятия), зачеты по двум дисциплинам и экзамены по двум дисциплинам, руководство выпускными квалификационными работами и курсовыми работами студентов, проверку контрольных работ (см. табл. 1).

Таблица 1

Учебная нагрузка доцента на одну ставку, 2012 г.

Занятия	Нормативное количество часов на единицу	Количество дисциплин	Количество студентов в группе	Количество групп	Всего часов
Лекции (на одного дисциплину)	40*	3	(на поток)		120
Практические занятия (на одну дисциплину)	40*	3	(на группу)	2	240
Экзамены (на одного студента)	0,5	2	20	2	40
Зачеты (на одного студента)	0,25	2	20	2	20
Руководство выпускной квалификационной работой (на одного студента)	27		8		216
Руководство курсовыми работами (на одного студента)	3	1	20	2	120
Проверка контрольных работ (на одного студента)	0,75	1	20	3	45
ИТОГО					801

** Примерное количество часов на одну дисциплину из расчета 1 академический час = 1 час.*

Если мы ту же нагрузку посчитаем, применив нормативы 2018 г., то получится, что преподавателю на одну ставку необходимо отработать в 1,67 раз больше (см. табл. 2).

Таблица 2

Учебная нагрузка доцента, 2018 г.

Занятия	Нормативное количество часов на единицу	Количество дисциплин	Количество студентов в группе	Количество групп	Всего часов	Примечание
Лекции (на одну дисциплину)	20	3			60	Сократилось количество лекций по новым стандартам
Практические занятия (на одну дисциплину)	40	3		2	240	
Экзамены (на одного студента)	0,2	2	20	2	16	Часы на экзамен сократились
Зачеты (на одного студента)	0	2	20	2	0	Часы на зачет не предусмотрены

Окончание таблицы 2

Занятия	Нормативное количество часов на единицу	Количество дисциплин	Количество студентов в группе	Количество групп	Всего часов	Примечание
Руководство выпускной квалификационной работой (на одного студента)	15		8		120	Часы на руководство ВКР сократились
Руководство курсовыми работами (на одного студента)	2	1	20	2	80	Часы на курсовые работы сократились
Проверка контрольных работ (на одного студента)	0,5	1	20	3	30	Часы на проверку контрольных работ сократились
ИТОГО					546	

То есть практически та же самая фактическая нагрузка, которую вел преподаватель в 2012 г., в 2018 г. составила всего лишь 546 часов, то есть 0,6 ставки, учитывая, что учебная нагрузка на одну ставку в настоящее время составляет 900 часов на учебный год. Уменьшение лекционных занятий никак не означает снижение нагрузки на преподавателя, так как подготовка к дисциплине остается той же. Иначе говоря, чтобы отработать одну ставку, ему необходимо работать в 1,67 раз больше, то есть вести занятия по пяти дисциплинам вместо трех, проверить контрольные работы у пяти групп вместо трех, вести руководство курсовыми работами у трех групп вместо двух и руководить выпускными квалификационными работами у 14 студентов вместо 8.

Данный пример показывает, что в зависимости от принятого локального акта могут различаться и норма общей нагрузки (количество учебной нагрузки в год), и нормы нагрузки по видам работ, что в целом приводит к увеличению фактической нагрузки на одну ставку и социально-трудовой незащищенности профессорско-преподавательского состава. Например, прямым следствием изменения норм труда является сокращение общего количества часов учебной нагрузки на кафедре и сокращение штатов преподавателей. О. Мун отмечает, что суды при спорных ситуациях придерживаются позиции, что изменение «норм времени для планирования учебной и других видов работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом, соответствует нормам действующего трудового законодательства» и предлагает такие меры, как:

— «установить для типовых работ минимальный и максимальный уровень выполнения норм труда и темпа работы;

— разработать систему законодательных мер ответственности работодателей за превышение нормальных темпов работы;

— обязать работодателей в трудовых договорах или внутренних положениях предприятия закрепить возможность изменения норм только при изменениях организационно-технических условий работы» [6].

С данными предложениями нельзя не согласиться. Также было бы целесообразно в документе [13] установить не только предельное (900 ч), но и нормативное количество учебной нагрузки (по аналогии с установлением таковой для уровня среднего профессионального образования) с учетом дифференциации по различным категориям профессорско-преподавательского состава. Здесь можно руководствоваться рекомендательным документом Трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений [22], в котором предлагается норма часов педагогической работы за ставку заработной платы, составляющая 720 часов в год.

Внеучебная нагрузка. Как уже было отмечено, кроме учебной нагрузки, профессорско-преподавательский состав обязан вести учебно-методическую, учебно-организационную, воспитательную, научно-исследовательскую и другие виды работ. Вся эта работа обычно проходит под названием «вторая половина рабочего дня».

900 часов в учебный год составляет в среднем 21 час в неделю, включая время сессий (всего в году 52 недели, из них восемь недель — время отпуска преподавателя, две недели — время зимних каникул студентов). Таким образом, для внеаудиторной нагрузки (учебно-методической, организационно-методической, научно-исследовательской) остается примерно 15 часов в неделю. К сожалению, на практике внеаудиторная нагрузка отнимает гораздо большее время, чем 15 часов, в особенности с ростом степени документирования всей учебной и внеучебной работы, роста требований к ведению научной работы в вузе.

Локальными актами образовательных учреждений установлены нормы времени для расчета видов работ, включенных во вторую половину дня. Нами были проанализированы такие нормы по различным образовательным учреждениям, и минимально необходимая работа для подготовки к учебным занятиям, контролю, для разработки заданий, программ, ведения отчетности составила от 400 до 800 часов в зависимости от различных критериев (нормы по вузу, новизна дисциплины для преподавателя и т. д.). Кроме того, в настоящее время большое внимание вузы уделяют научной деятельности профессорско-преподавательского состава, более того, наукометрические показатели являются одними из ведущих в мониторинге и рейтинге образовательных учреждений. Требования по ведению научной работы являются одним из критериев эффективных контрактов, которые заключаются в настоящее время с преподавателем. Расчет времени, затрачиваемого на научную деятельность преподавателем, также проводится в соответствии с нормативами, установленными локальными актами, по разным оценкам минимально необходимая работа в соответствии с эффективными контрактами и планом научно-исследовательской работы составляет от 500 до 1200 часов.

Таким образом, при работе на одну ставку преподавателю требуется провести учебных занятий на 900 часов и минимально необходимое количество учебно-методической и научной работы на 900 часов, что уже больше максимально возможного фонда рабочего времени — 1440 часов в год [2], то есть в пересчете на неделю минимальная общая нагрузка составляет 42 часа вместо 36. Более точный расчет с учетом организационных, учебно-воспитательных мероприятий только повышает эти показатели.

Делая вывод по нагрузке профессорско-преподавательского состава, можно отметить, что сокращенная продолжительность рабочего дня, гарантируемая законом, фактически неисполнима, что на своем опыте может подтвердить любой преподаватель вуза, выполняющий свою основную работу как в рабочее, так и во внерабочее время.

2. Режим отдыха. В соответствии с трудовым законодательством в понятие «время отдыха» включаются перерывы в течение рабочего дня (например, обеденный перерыв), ежедневный (междусменный) отдых, выходные и праздничные дни, ежегодный отпуск. Одно из наиболее привлекательных преимуществ работы преподавателя вуза — это установление в статье 47 ТК РФ такой трудовой и социальной гарантии, как право на основной удлиненный оплачиваемый отпуск. Для профессорско-преподавательского состава, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 14.05.2015 № 466 [23], его продолжительность составляет 56 дней. Такая удлиненная продолжительность обоснована очень большой морально-психологической нагрузкой в деятельности педагогических работников.

Что касается остальных видов отдыха, то фактическое положение сложнее, чем прописанное в законе. Как мы уже видели из анализа учебной и внеучебной нагрузки, работа преподавателя вуза, к сожалению, занимает не только все рабочее время, но и большую долю времени отдыха. Во-первых, преподаватель не имеет четко установленного времени на обеденный перерыв, что согласуется со статьей 108 ТК РФ, которая устанавливает, что если предоставление такого перерыва невозможно по условиям работы (например, в образовательном учреждении, где условия работы связаны с расписанием учебных занятий), то «работодатель обязан обеспечить работнику возможность отдыха и приема пищи в рабочее время». Такое время отдыха возможно либо во время перерывов между занятиями, либо во время, свободное от занятий. К сожалению, фактически именно на время перерывов в учебных занятиях приходится время всевозможных организационных мероприятий, консультаций студентов и прочих работ. Во-вторых, чтобы выполнить всю документальную работу по учебно-методической и научной деятельности, преподавателю приходится жертвовать своим ежедневным (междусменным) отдыхом и выходными днями. И решение этой проблемы связано с решением вышеозначенных проблем с нагрузкой.

3. Повышенная заработная плата ППС. Здесь мы вернемся к майскому указу Президента Российской Федерации (2012) [1], которым было установлено постепенное повышение с 2012 до 2018 г. повышение заработной платы профессорско-преподавательского состава до 200 % от средней заработной платы по региону. Судя по показателям мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования за 2017 г. [24], подавляющее большинство вузов достигли порогового уровня в 150 % от средней заработной платы по региону, и можно надеяться, что по итогам мониторинга 2018 г. достигнут показателя в 200 %. Данные Росстата подтверждают выполнение и перевыполнение данного показателя по состоянию на первое полугодие 2018 г. [25].

Реальная заработная плата научно-педагогического работника за преподавательскую работу зачастую составляет гораздо меньшую сумму. Этому есть два объяснения.

Во-первых, заработная плата считается от всех доходов работника в вузе, а не только от основной работы преподавателем. Например, в соответствии с локальным актом образовательного учреждения должностной оклад доцента, работающего на одну ставку, составляет 30 000 руб., что соотносимо со средней заработной платой по региону [25] (здесь и далее приведены усредненные показатели по вузам Республики Башкортостан). К этой сумме прибавляется доплата за выполнение показателей эффективного контракта, размер которой зависит от выполненных работ и принятых вузом нормативов: эта сумма может составить от нуля до четырех-пяти тыс. руб. Чтобы получать 200 %, преподавателю необходимо вести дополнительную работу по привлечению грантов, выполнять работы по гражданско-правовым договорам по дополнительному образованию, научно-исследовательские работы и т. д., то есть обеспечение двухсотпроцентной заработной платы ложится бременем на самого работника. Более того, каждое образовательное учреждение требует от профессорско-преподавательского состава дополнительные работы по привлечению финансирования научной деятельности, так как критерии мониторинга по научно-исследовательской деятельности основаны на финансовых показателях — объеме средств, привлеченных на научно-исследовательскую работу, в расчете на одного сотрудника профессорско-преподавательского состава [26]. Таким образом, 200 % от средней заработной платы — это не только зарплата «преподавателя», но и «преподавателя — научного работника — работника по гражданско-правовому договору», причем при повышенных учебных нагрузках.

Во-вторых, в показателях мониторинга учитывается средняя заработная плата по профессорско-преподавательскому составу всего вуза, то есть и профессоров, и доцентов, и старших преподавателей, и ассистентов. Для примера приведем усредненные показатели по заработным платам, без учета дополнительных работ по гражданско-правовым договорам. Как уже было отмечено, рядовой доцент с ученой степенью кандидата наук на одну ставку в соответствии с внутренними документами получает около 30 000 руб. [27] (это примерно и есть средняя заработная по региону). Старший преподаватель, ведущий учебную деятельность на 0,75 ставки (а большую нагрузку ему не позволяют иметь стандарты по «остепененности») получает в лучшем случае 0,6 от средней заработной платы по региону. Чтобы не быть голословными, должностной оклад старшего преподавателя без ученой степени на 0,75 ставки, без учета надбавки за выполнение показателей эффективного контракта, составит в среднем около 18 000 рублей, что соответствует 58 % от средней заработной платы по региону.

4. Гарантии и компенсации при расторжении трудового договора. Трудовое законодательство предусматривает целый ряд гарантий и компенсаций работникам, связанных с расторжением трудового договора. Среди них — выходные пособия при ликвидации организации, предложение другой работы работодателем при сокращении численности или штата работников. Эти гарантии в образовательном учреждении практически не работают вследствие того факта, что с преподавателем заключается срочный трудовой договор по итогам конкурса. При неизбрании преподавателя по конкурсу на следующий срок или прекращении срока избрания по конкурсу (например, при необъявлении конкурса вследствие сокращения штатов) трудовой договор подлежит расторжению по истечении его срока, а в таких случаях никакие гарантии законом уже не предусматриваются. Поэтому преподаватель высшего учебного заведения всегда должен быть готов к тому,

что на следующий год работать он в данном образовательном учреждении не будет и компенсации не получит.

Отметим, что срочный трудовой договор может быть заключен на срок не более пяти лет (ст. 58 ТК РФ). К тому же при заключении договора по соглашению сторон по итогам избрания по конкурсу срочный характер договора не является обязательным по закону, договор может быть заключен и на неопределенный срок (ст. 59 ТК РФ). При этом, как справедливо отмечает И. И. Андриановская, «конкурс проводится независимо от того, какой договор был заключен (на определенный или неопределенный срок). Следовательно, результаты конкурса позволяют прекратить (или продлить) договор, заключенный как на неопределенный, так и на определенный срок» [28, с. 35].

Но образовательные учреждения практически всегда заключают с работниками, избранными по конкурсу, срочные трудовые договоры, более того, в последние годы во многих образовательных учреждениях наблюдается тенденция к сокращению сроков договоров до одного года. Это стало возможным после того, как Федеральным законом от 22.12.2014 № 443-ФЗ [29] была отменена ч. 3 ст. 332 ТК РФ о пятилетней периодичности проведения конкурсов и последние повсеместно стали проводиться ежегодно.

Если договор заключен на неопределенный срок, один раз в пять лет преподаватель должен пройти процедуру аттестации на соответствие квалификации. Здесь также стоит отметить переход на эффективные контракты, невыполнение показателей эффективности также может служить основанием для расторжения трудового договора либо незаключения договора на новый срок.

5. Социальные гарантии отдельным категориям лиц. Речь идет о женщинах в период отпуска по беременности и родам, по уходу за ребенком, временно нетрудоспособных лицах (оформивших больничный лист).

В отличие от большинства работников, пользующихся гарантией сохранения получения выплат в период болезни или иной временной нетрудоспособности, профессорско-преподавательскому составу сложно воспользоваться правом, предоставляемым Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [30], так как его учебная нагрузка должна быть выполнена в полном объеме. Причина тому — как необходимость выработки часов в соответствии со штатным расписанием, так и невозможность замены преподавателя для узкоспециализированных дисциплин: преподаватель обязан отработать положенные часы по каждой дисциплине и виду учебной нагрузки, а студент имеет право получить образовательные услуги в полном объеме. Если преподаватель все же оформляет больничный лист, то при выходе на работу после восстановления трудоспособности ему необходимо будет отработать все пропущенные часы учебной нагрузки. Например, в соответствии со ст. 7 данного закона преподаватель, имеющий страховой стаж до пяти лет, получит пособие по временной нетрудоспособности 60 % от своей средней заработной платы, в то время как ему приходится отработать всю свою нагрузку на полную ставку. Здесь совершенно нельзя сравнивать положение преподавателя и, к примеру, рабочего на заводе, которому нет необходимости изготовить детали, которые он не мог сделать в период временной нетрудоспособности.

Что касается лиц, связанных с уходом за детьми до трех лет, то в связи с отмеченным уже срочным характером трудового договора в случаях снижения численности штатов или ликвидации образовательного учреждения они также не имеют гарантий, предусмотренных трудовым законодательством.

Выводы

Как отмечают Е. Михалкина, Л. Скачкова и Н. Гапоненко, переход российской системы высшего образования на новые стандарты, «переориентация стратегий наращивания объема знаний у студентов на стратегии развития компетенций в заданных профессиональных направлениях подготовки,… потеря значительной части объема образовательного контента, сокращение объема учебной нагрузки для преподавателей вузов, введение новой системы оплаты труда для работников бюджетных организаций — все это, безусловно, влияет, с одной стороны, на изменение содержания и структуры трудовых функций и компетенций преподавателей вузов, а с другой стороны, на изменение их мотивации» [2].

Нами были рассмотрены только те предусмотренные трудовым законодательством гарантии и компенсации, которые повсеместно не могут быть соблюдены в силу допущений как законом, так и подзаконными актами. Анализ фактических обстоятельств позволяет сделать следующие выводы.

Отсутствие в нормативном правовом акте нормативов учебной нагрузки для профессорско-преподавательского состава приводит к злоупотреблению правом образовательными учреждениями и установлению нормативной продолжительности рабочей нагрузки в количестве предельной нагрузки (900 часов). Также за период с 2012 по 2018 г. наблюдалась тенденция уменьшения норм времени на выполнение отдельных видов работ учебной нагрузки, что привело к интенсификации работы преподавателей вузов. Таким образом, повышение заработных плат преподавателей произошло за счет интенсификации их же труда и сокращения штатного расписания. Кроме того, достижение уровня заработных плат в 200 % от средней заработной платы по региону возможно только при условии дополнительных работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом, и не отражает реальные заработные платы отдельных преподавателей.

Увеличение учебной и внеучебной нагрузки, продиктованное требованиями законов, образовательных стандартов и мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, а именно повышение степени документирования всех видов работ, требований по учебно-методической, научно-методической, научно-исследовательской деятельности, приводит к тому, что нарушается право преподавателей на отдых, гарантированное трудовым законодательством, что, в свою очередь, может повлечь снижение качества предоставления образовательных услуг.

В условиях заключаемых в последние годы срочных трудовых договоров на короткие сроки и перехода на эффективные контракты нарушается право работника на гарантии и компенсации при расторжении договоров вследствие сокращения штатов, ликвидации образовательных учреждений или неизбрания по конкурсу. Также теряются гарантии на сохранение рабочего места для лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

Для решения названных проблем необходимо пересмотреть нормативы учебной нагрузки, закрепить

основные из них в подзаконных нормативно-правовых актах федерального уровня, распространить гарантии и компенсации, связанные с расторжением трудового договора, на случаи срочных договоров, заключаемых по результатам конкурсов, отойти от расчетов показателей по средней заработной плате, учитывающей дополнительные нагрузки и усреднение по всему вузу, установив должностные оклады, приближенные к 200 % средней заработной платы по региону. В локальных актах образовательных учреждений необходимо придерживаться рекомендаций Трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, которая устанавливает норму часов педагогической работы за ставку заработной платы, составляющую 720 часов в год.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Российская газета. Столичный выпуск. 9 мая 2012 г. № 5775 (102).

2. Михалкина Е., Скачкова Л., Гапоненко Н. Нормирование труда в вузах: анализ норм труда профессорско-преподавательского состава // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2012. № 7. С. 38–49.

3. Экспертно-аналитическое сопровождение правового обеспечения модернизации общего и профессионального образования, управления качеством и доступностью образовательных услуг в рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы. Вопросы и ответы. URL: http://obrzakon.ru/faq/q?i=40

4. Голева Е. В. Нормирование труда профессорско-преподавательского состава вуза // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3(28). С. 212–215.

5. Егоршин А. П., Гуськова И. В. Высшее образование России: состояние, проблемы и перспективы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского институт а бизнеса. 2016. № 2(35). С. 24–28.

6. Мун О. Нормирование труда: судебные споры // Трудовое право. 2014. № 8. С. 87–99.

7. Трошина С. Злоупотребление работодателем правами // Трудовое право. 2011. № 10. С. 83–100.

8. Шахова Е. Ю. Моделирование рабочего времени преподавателей // Статистика и экономика. 2017. Т. 14. № 1. С. 11–23.

9. Кирилловых А. А. Регулирование труда в высшем учебном заведении: практическое пособие. М. : Юстицинформ, 2009. 184 с.

10. Чащихина И. А. Практическое пособие по правовому регулированию труда профессорско-преподавательского состава. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. 168 с.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.08.2018). URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

12. Приказ Минобрнауки России от 11.05.2016 № 536 «Об утверждении Особенностей режима рабочего времени и времени отдыха педагогических и иных работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность». URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198999

13. Приказ Минобрнауки России от 22 декабря 2014 г. № 1601 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников и о порядке определения учебной нагрузки педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре». URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175797

14. Письмо Минобразования РФ от 26 июня 2003 г. № 14-55-784ин/15 «О примерных нормах времени для расчета объема учебной работы и основных видов учебно-методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых профессорско-преподавательским составом в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97410/

15. Положение о нормах времени для расчета объема учебной (контактной) работы, выполняемой профессорско-преподавательским составом, от 03.03.2016 № 09-д. Оренбургский государственный университет. URL: http://www.osu.ru/doc/1049

16. СМК-П-2.5-168-15. Положение о порядке планирования и учета работы профессорско-преподавательского состава в первой половине рабочего дня. Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова. URL: http://nti.s-vfu.ru/downloads/doc/57%20по%20Положение%20по%20по%20по%201%20по%20пол%20по%20раб дня%20по%20ППС_СВФУ.pdf

17. Нормы времени для расчета объема педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. URL: http://www.spbstu.ru/upload/dmo/rules-time-2018.pdf

18. Положение о нормах времени для расчета объема учебной работы и основных видов методической, научно-исследовательской и других работ, выполняемых преподавателями. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. URL: https://mrsu.ru/ru/i_depart/doc_index.php?ID=5581

19. Положение по составлению расчета учебной нагрузки и планированию основных видов работы педагогических работников. Башкирский государственный университет. URL: http://www.bashedu.ru/umu/polozhenie-po-sostavleniyu-rascheta-uchebnoi-nagruzki-i-planirovaniyu-osnovnykh-vidov-raboty-pre

20. Нормы времени для расчета учебной нагрузки, планирования и учета труда профессорско-преподавательского состава. Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. URL: https://www.sut.ru/univer/documents/docoborot/docs-instr

21. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191846/#ixzz5S1BhkjlQ

22. Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2018 год. Утверждены решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 22 декабря 2017 г., протокол № 11 // Российская газета. Федеральный выпуск № 7463 (297). 29 декабря 2017 г.

23. Постановление Правительства РФ от 14.05.2015 № 466 (ред. от 07.04.2017) «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179568/

24. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo

25. Средняя заработная плата преподавателей образовательных организаций высшего профессионального образования государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации за январь – июнь 2018 года // Росстат. Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor04-18.html

26. Ильина В. В., Бабкин О. Э. Эффективность работы высшего учебного заведения: управление эффективностью в области научной деятельности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1071–1075. URL: http://e-koncept.ru/2016/96131.htm

27. Обзор статистики зарплат профессии. Доцент кафедры в России // TRUDcom. URL: https://russia.trud.com/salary/692/76652.html#chart-avgSalaryByYear

28. Андриановская И. И. Прекращение трудового договора с связи с неизбранием на должность преподавателя вуза // Экономика образования. 2013. № 3. С. 33–37.

29. Федеральный закон от 22.12.2014 № 443-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» в части совершенствования механизмов регулирования труда научных работников, руководителей научных организаций, их заместителей». URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172522/

30. Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 597 “On measures to implement state social policy” // Russian newspaper. Capital issue. May 9, 2012 No. 5775 (102). (In Russ.).

2. Mikhalkina E., Skachkova L., Gaponenko N. Normalization of labor in universities: an analysis of the standards of labor of the faculty // Kadrovik. Labor law for the personnel officer. 2012. No. 7. Pp. 38–49. (In Russ.).

3. Expert and analytical support of legal support for the modernization of general and professional education, quality management and accessibility of educational services within the framework of the Federal Target Program for the Development of Education for 2011–2015. Questions and answers. (In Russ.). URL: http://obrzakon.ru/faq/q?i=40

4. Goleva E. V. Rationing of the work of the faculty of the university // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. No. 3(28). Pp. 212–215. (In Russ.).

5. Egorshin A. P., Gus′kova I. V. Higher education in Russia: state, problems and prospects // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2016. No. 2(35). Pp. 24–28. (In Russ.).

6. Mun O. Labor standardization: litigation // Labor law. 2014. No. 8. Pp. 87–99. (In Russ).

7. Troshina S. Abuse of the employer’s rights // Labor law. 2011. No. 10. Pp. 83–100. (In Russ.).

8. Shakhova E. Yu. Modeling the working time of teachers // Statistics and Economics. 2017. Vol. 14. No. 1. Pp. 11–23. (In Russ.).

9. Kirillovykh A. A. Control of labor in a higher educational institution: a practical guide. M.: Justicinform, 2009. 184 p. (In Russ.).

10. Chashchikhina I. A. Practical manual on the legal regulation of labor of faculty. Volgograd: VolSU Publ., 2003. 168 p. (In Russ).

11. Labor Code of the Russian Federation No. 197-ФЗ of December 30, 2001 (as amended on August 3, 2013). (In Russ.). URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

12. Order of the Ministry of Education and Science of Russia from 11.05.2016 No. 536 “On the approval of the special features of the working time and rest time for pedagogical and other employees of organizations engaged in educational activities”. (In Russ.). URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198999/

13. Order of the Ministry of Education and Science of Russia from December 22, 2014 No. 1601 “On the duration of working hours (the standards of hours of pedagogical work at the wage rate) of pedagogical workers and on the procedure for determining the educational load of pedagogical workers stipulated in an employment contract”. (In Russ.). URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175797/

14. Letter of the Ministry of Education of the Russian Federation of June 26, 2003 No. 14-55-784in/15 “Approximate time norms for calculating the volume of academic work and the main types of teaching, research, and other works performed by faculty in educational institutions higher and additional professional education”. (In Russ.). URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97410/

15. Regulation on time norms for calculating the amount of training (contact) work performed by the teaching staff from 03/03/2016 № 09-d. Orenburg State University. (In Russ.). URL: http://www.osu.ru/doc/1049

16. QMS-P-2.5-168-15. Regulations on the procedure for planning and recording the work of the faculty in the first half of the working day. North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. (In Russ.). URL: http://nti.s-vfu.ru/downloads/doc/57%20top%20Position%20top%20pos20w%201%20top%20load%20po%20day of the day% 20to% 20PP_SVFU.pdf

17. Time limits for calculating the volume of teaching staff of the faculty. St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great. (In Russ.). URL: http://www.spbstu.ru/upload/dmo/rules-time-2018.pdf

18. The provision on the norms of time for calculating the amount of study work and the main types of methodological, research and other work performed by teachers. National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev. (In Russ.). URL: https://mrsu.ru/ru/i_depart/doc_index.php?ID=5581

19. Regulation on the compilation of the study load and planning of the main types of work of teachers. Bashkir State University. Approved by order of the rector of BashGU dated 08/08/2018 No. 979. (In Russ.). URL: http://www.bashedu.ru/umu/polozhenie-po-sostavleniyu-rascheta-uchebnoi-nagruzki-i-planirovaniyu-osnovnykh-vidov-raboty-pre

20. Time limits for the calculation of the teaching load, planning and accounting for the work of the faculty. St. Petersburg State University of Telecommunications named after prof. M. A. Bonch-Bruevich. (In Russ.). URL: https://www.sut.ru/univer/documents/docoborot/docs-instr

21. Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2012 No. 2620-r "On approval of the action plan ("road map") "Changes in social sectors aimed at improving the efficiency of education and science". (In Russ.). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191846/#ixzz5S1BhkjlQ

22. Unified recommendations on the establishment at the federal, regional and local levels of pay systems for employees of state and municipal institutions for 2018. Approved by the decision of the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations of December 22, 2017, Minutes No. 11 // Russian newspaper. Federal Issue. No. 7463 (297). 2017. December 29. (In Russ.).

23. Decree of the Government of the Russian Federation of 14.05.2015 No. 466 (Edited on 07.04.2017) "On the annual main extended paid holidays". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179568/

24. Information and analytical materials on the results of monitoring the effectiveness of educational institutions of higher education // GIVC of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (In Russ.). URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo.

25. The average salary of teachers of educational organizations of higher professional education of state and municipal forms of ownership by constituent entities of the Russian Federation for January – June 2018 // Rosstat. Official site. (In Russ.). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor04-18.html

26. Ilyina V. V., Babkin O. Efficiency of the Higher Education Institution: Performance Management in the Field of Scientific Activity // Scientific and Methodical Electronic Journal "Concept". 2016. No. 15. Pp. 1071–1075. (In Russ.). URL: http://e-koncept.ru/2016/96131.htm

27. Overview of statistics on the salary of a profession Associate Professor in Russia // TRUDcom. (In Russ.). URL: https://russia.trud.com/salary/692/76652.html#chart-avgSalaryByYear

28. Andrianovskaya I. I. Termination of the employment contract from the connection with non-selection for the position of the university teacher // The Economics of Education. 2013. No. 3. Pp. 33–37. (In Russ.).

29. Federal Law No. 443-FZ of December 22, 2014 "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation and the Federal Law" On Science and State Scientific and Technical Policy "On Improving Labor Regulation Mechanisms for Scientists, Heads of Scientific Organizations, and Their Deputies". (In Russ.). URL: http: // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172522/

30. Federal Law No. 255-FZ of December 29, 2006 (as amended on June 27, 2013) "On compulsory social insurance in case of temporary incapacity for work and in connection with maternity". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/

Как цитировать статью: Гумарова Р. Р. О социально-трудовых гарантиях профессорско-преподавательского состава // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 287–295. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.462.

For citation: Gumarova R. R. On the social and labor guarantees for teaching stuff // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 287–295. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.462.

УДК 347.440
ББК 67.404.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.427

Zakharkina Anna Vladimirovna,
Candidate of Law,
Senior Lecturer
of the Department of Civil Law,
Perm State University,
Perm,
e-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

Захаркина Анна Владимировна,
канд. юрид. наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь,
e-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

Статья подготовлена за счет средств гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-6237.2018.6

The article was supported by the grant of the RF Government for the state support of the young Russian scientists MK-6237.2018.6

СЛОЖНОЕ КОРПОРАТИВНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ОСНОВАНИЕМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВНЕШНЕГО КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ, И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

COMPLEX CORPORATE OBLIGATION AS A BASIS FOR EXTERNAL CORPORATE CONTROL, AND ITS IMPORTANCE FOR INCREASING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

В статье проведено комплексное научно-практическое исследование сложного корпоративного обязательства, являющегося основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, которое устанавливается в результате заключения договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами. Недостаточная изученность данной проблематики свидетельствует, что имеющиеся доктринальные представления нуждаются в теоретической ревизии, а названное сложное обязательственное правоотношение — в новом научном осмыслении. Обращается внимание на то, что термин «внешний контроль» принято выводить из ст. 67.3 ГК РФ, в которой называется три случая контроля над корпорацией: 1) преобладающее участие в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества; 2) наличие заключенного договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами; 3) наличие любой иной возможности определять решения, принимаемые хозяйственным товариществом или обществом. Автор настоящей статьи приходит к выводу о том, что внешний контроль над корпорацией — это основанная на корпоративной субординации возможность воздействия лица, не являющегося участником корпорации, на принятие стратегически значимых решений по управлению корпорацией, формирование финансово-хозяйственной политики корпорации на рынке, в результате реализации которой происходит ограничение или полное отрицание автономии воли корпорации при решении вопросов, входящих в сферу интереса контролирующего лица. Необходимость конвергенции правового регулирования российской и европейской правовых систем, потребность в формировании правового режима ответственности участников юридических лиц за неправомерные действия в отношении корпораций, значимость введения в отечественный гражданский оборот аналога доктрины «снятия корпоративной вуали» требуют легитимации внешнего корпоративного контроля через его легальную дефиницию.

The article presents a comprehensive scientific and practical study of a complex corporate obligation, which is the basis for the emergence of external corporate control, which is established as a result of the conclusion of an agreement between the controlling and controlled economic partnerships or companies. Insufficient study of this problem shows that the existing doctrinal ideas need a theoretical revision, and called a complex legal relationship, — a new scientific understanding. Attention is drawn to the fact that the term "external control" is derived from Art. 67.3 of the civil code, which refers to three cases of control over the Corporation: 1) the predominant participation in the authorized capital of a business partnership or company; 2) the presence of a contract between the controlling and controlled business partnerships or companies; 3) the presence of any other possibility to determine the decisions taken by a business partnership or a company. The author of this article comes to conclusion that the external control over the Corporation is a possibility of influence of a person who is not a participant of the Corporation on making strategically important decisions of the Corporation management, the formation of financial and economic policy of the Corporation at the market, as a result of implementation of which there is a restriction or complete denial of autonomy of the will of the Corporation in solving issues within the sphere of interest of the controlling person. The need for convergence of legal regulation of the Russian and European legal systems, the need for the formation of a legal regime of liability of participants of legal entities for unlawful acts against corporations, the importance of introduction into the domestic civil turnover of the doctrine of "removal of the corporate veil" require the legitimization of external corporate control through its legal definition.

Ключевые слова: сложные обязательства, обязательственное право, корпоративное обязательство, корпоративный контроль, корпорации, внешние корпоративные правоотношения, корпоративное управление, гражданско-правовой договор, реформа гражданского законодательства, гражданское право Российской Федерации, инвестиционная привлекательность российской правовой системы.

Keywords: complex obligations, law of obligations, corporate obligation, corporate control, corporations, external corporate relations, corporate governance, civil contract, civil law reform, civil law of the Russian Federation, investment attractiveness of the Russian legal system.

Введение

Корпоративное право всех развитых современных зарубежных правопорядков представляет собой совокупность внутрикорпоративных и внешних корпоративных правоотношений, последние из которых представляют собой общественные отношения с участием разнообразных неправосубъектных объединений договорного типа, таких как концерны (Konzernrecht), группы компаний (groups of companies), холдинги и т. д.

Актуальность темы исследования обусловлена избранной тематикой, предполагающей формирование единого комплексного подхода к пониманию сущности внешнего корпоративного контроля, который возникает в результате установления сложного обязательства, основанного на гражданско-правовом договоре, заключенном между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами.

Изученность проблемы. Доктринальный аспект рассматриваемой темы обусловлен отсутствием в науке целостного представления о сложном корпоративном обязательстве, являющемся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля. Представители цивилистической науки не уделяют достаточного внимания этому сложному обязательству как самостоятельному объекту исследования. Доктринальная продуктивность будет способствовать не только законодательной полноте в урегулировании обязательственных отношений, но и решению серьезных затруднений правореализационного плана.

Целесообразность разработки темы объясняется отсутствием должного нормативного регулирования внешнего корпоративного контроля. Системное толкование норм проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Проект) [1] позволяет заключить, что законодатель находит необходимым ликвидировать имеющийся в современном отечественном гражданском законодательстве явный пробел относительно правовой регламентации внешнего контроля над корпорацией через установление правового статуса лиц, контролирующих юридическое лицо. Однако по состоянию на сегодняшний день проект федерального закона в этой части так и не принят.

Научная новизна исследования заключается в выводах, сформулированных автором: необходимость конвергенции правового регулирования российской и европейской правовых систем, потребность в формировании правового режима ответственности участников юридических лиц за неправомерные действия в отношении корпораций, значимость введения в отечественный гражданский оборот аналога доктрины «снятия корпоративной вуали» требуют легитимации внешнего корпоративного контроля через его легальную дефиницию.

Цель данной статьи — осуществить комплексное научно-практическое исследование сложного корпоративного обязательства, являющегося основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, которое устанавливается в результате заключения договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами.

Задачи исследования: изучить сущность неправосубъектных объединений; определить характерные черты внешнего корпоративного контроля; предложить дефиницию понятию «внешний корпоративный контроль»; выявить основные «маркеры» внешнего корпоративного контроля.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что доказаны положения, в совокупности формирующие целостное представление о сложном обязательстве, являющемся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, и дополняющие и развивающие такие разделы науки гражданского права, как обязательственное право, принципы исполнения обязательств, создавая тот доктринальный задел, который впоследствии способен обеспечить обоснованные законодательные изменения и дополнения; применительно к проблематике научной статьи результативно использован комплекс универсальных (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование, структурно-функциональный, формально-логический, системно-структурный) и специально-юридических методов исследования (метод системного толкования, метод правового моделирования). Приведены примеры применения судами правил, регулирующих внешний корпоративный контроль, а также возникающих в связи с этим теоретических и правоприменительных вопросов, что подтверждает правоприменительное значение научной статьи и обусловливает актуальность дальнейших научных исследований предложенной проблематики.

Основная часть

Сущностной особенностью неправосубъектных объединений выступает то обстоятельство, что лица, их составляющие, де-юре выступают в гражданском обороте в качестве самостоятельных участников, характеризующихся автономией воли, однако де-факто находятся под корпоративным контролем других субъектов. По верному замечанию Е. А. Суханова, «сейчас практически невозможно найти относительно крупного товаропроизводителя, который не был бы тесно связан с рядом других юридически самостоятельных организаций теми или иными отношениями «участия в капитале», т. е. рамками концерна» [2, с. 284].

Как справедливо отмечает О. А. Макарова, внутренние управленческие отношения сводятся к управленческой деятельности органов корпорации, а внешние предполагают взаимодействие органов корпорации с иными заинтересованными лицами, целью которого является установление баланса различных интересов, обеспечиваемого прежде всего законодательством [3, с. 13]. Руководствуясь подобной классификацией корпоративных правоотношений, А. А. Валеева предлагает дифференцировать внутренний и внешний корпоративный контроль [4, с. 41].

При этом характерной чертой внешнего корпоративного контроля следует признать утрату корпорацией определенной степени самостоятельности в принятии управленческих решений. Так, Д. В. Ломакин верно отмечает, что квалификация самостоятельности юридического лица может быть неодинаковой [5, с. 67]. Полагаем, что внешние управленческие отношения, построенные на корпоративном контроле, приводят к ограничению или полному отрицанию автономии воли подконтрольной организации при решении вопросов, входящих в сферу интереса лица, контролирующего организацию. В данном случае есть достаточные основания для квалификации подобного воздействия корпоративного контроля на автономию воли подконтрольной корпорации в качестве частного принуждения, нередко именуемого в науке корпоративного права «корпоративной субординацией». Однако присутствие в такого рода правоотношениях элементов принуждения не влияет на их частноправовой характер и не отвергает их гражданско-правовую регламентацию, поскольку субординация, основанная на внешнем корпоративном контроле, построена на началах добровольного самоограничения подконтрольного субъекта путем установления определенных пределов вмешательства контролирующего лица.

Такой контроль над корпорацией, будучи частным проявлением добровольного ограничения автономии воли подконтрольной корпорации, детерминирован интересами лица, его осуществляющего. Объективация такого контроля осуществляется в результате принятия корпоративных решений, совершения иных корпоративных действий подконтрольным лицом, находящимся под «корпоративной властью» контролирующего субъекта.

Однако необходимо отметить несколько замечаний относительно термина «внешний корпоративный контроль». Исследователи «выводят» его из ст. 67.3 ГК РФ, в которой называется три случая контроля над корпорацией: 1) преобладающее участие в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества; 2) наличие заключенного договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами; 3) наличие любой иной возможности определять решения, принимаемые хозяйственным товариществом или обществом.

Необходимо иметь в виду, что преобладающее участие в уставном капитале свидетельствует о наличии внутреннего корпоративного контроля, это контроль члена корпорации.

Сложное корпоративное обязательство, являющееся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, устанавливается в результате заключения договора между контролирующим и подконтрольным хозяйственными товариществами или обществами. Так, ООО «Продо» на момент совершения оспариваемых договоров поручительства являлось акционером ОАО «Птицефабрика Калужская» и владело 20 % акций этого общества. Между компанией Shaw Invest & Finance Corp. (продавец) и ООО «Продо» (покупатель) заключен договор предоставления опциона на право выкупа доли в размере 0,5 % в уставном капитале ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани». Также между компанией Carroll Trading S.A. (продавец) и ООО «ПРОДО» (покупатель) 20.12.2006 заключен договор предоставления опциона на право выкупа доли в размере 99,5 % в уставном капитале ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани».

Договорами опциона предусмотрено, что с момента их подписания продавцы обязались согласовывать свои действия с покупателем в следующих случаях: при осуществлении действий по управлению ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани», в том числе по расходованию денежных средств; при осуществлении действий, влияющих на финансово-хозяйственную деятельность ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани» и при осуществлении действий, влияющих на финансовую и (или) хозяйственную политику ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани». Таким образом, поскольку ООО «ПРОДО» с даты заключения указанных договоров опциона являлось одновременно и лицом, имеющим право давать обязательные для выгодоприобретателя по сделке (ООО «ПРОДО Дистрибьюшн Кампани») указания, и лицом, которое владело более 20 % акций стороны по договору поручительства (ОАО «Птицефабрика Калужская»), суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о том, что договоры поручительства являлись сделками с заинтересованностью [6].

Весьма примечательно, что в Проекте содержится предложение о введении ст. 53.3 ГК РФ, регламентирующей «лиц, контролирующих юридическое лицо». Так, под такими лицами предлагается понимать лиц, прямо или косвенно (через третьих лиц), самостоятельно или совместно со своими связанными (аффилированными) лицами имеющих возможность определять действия (решения) другого (подконтрольного) юридического лица.

При этом указанный Проект содержит презумпцию статуса «контролирующего лица» в отношении следующих квалифицирующих факторов: если не доказано иное, лицо считается контролирующим юридическое лицо в силу прямого или косвенного преобладающего участия в его уставном капитале; на основании договора; в силу возможности давать обязательные для такого юридического лица указания; в силу возможности определять избрание (назначение) единоличного исполнительного органа (управляющей организации или управляющего) и (или) более половины состава коллегиального органа управления такого юридического лица.

Полагаем, что системное толкование проектируемых норм позволяет заключить, что законодатель находит необходимым ликвидировать имеющийся в современном отечественном гражданском законодательстве явный пробел относительно правовой регламентации внешнего контроля над корпорацией через установление правового статуса лиц, контролирующих юридическое лицо. Однако по состоянию на сегодняшний день Проект федерального закона в этой части так и не был принят.

По этому поводу В. В. Витрянский писал следующее: «В окончательный текст новых законоположений о юридических лицах, внесенных в гл. 4 ГК РФ, не попали и нормы, определяющие круг лиц, контролирующих юридическое лицо, и устанавливающие их ответственность (ст. 53.3 и 53.4 в редакции законопроекта), хотя и они были предметом оживленных дискуссий, которые потребовали значительных затрат времени и сил» [7, с. 32].

С. Д. Могилевский считает, что причиной указанному обстоятельству послужило отсутствие легитимации самого института корпоративного контроля, прогрессивный характер которого был несомненен [8, с. 17]. В свою очередь, Е. А. Аристова связывает такое решение законодателя с недовольством крупных предпринимателей предлагаемыми новеллами [9, с. 199].

Стоит поддержать А. В. Габова в том, что, несмотря на прогрессивность и востребованность норм о лицах, контролирующих юридическое лицо, остается нерешенным вопрос, а надо ли тогда вносить отдельное определение

аффилированности, если это понятие по существу сходно с понятием контроля [10, с. 75]? В этом смысле мы разделяем позицию Е. А. Суханова, который указал на «невозможность и нецелесообразность создания как специального гражданско-правового понятия аффилированности, так и единого понятия аффилированности, общего для всего действующего законодательства — от налогового до антимонопольного» [11, с. 252].

Отметим, что в Пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» обращалось специальное внимание на то, что установление правового статуса лиц, контролирующих юридическое лицо, а также их ответственности есть «следование общеевропейским тенденциям развития законодательства о статусе юридических лиц» [12], что еще раз подчеркивает важность предлагаемых новелл.

Большое теоретическое и практическое значение имеет установление перечня критериев, позволяющих установить наличие либо отсутствие внешнего корпоративного контроля. Так, судебно-арбитражной практикой был выработан подход, согласно которому взаимоотношения двух хозяйственных обществ могут рассматриваться как взаимоотношения основного и дочернего общества, в том числе применительно к отдельной конкретной сделке, в случаях, когда основное общество (товарищество) имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом, либо давать обязательные для него указания [13].

Сложность в квалификации подобных указаний в качестве признаков внешнего корпоративного контроля очевидна, поскольку остается неясным, на основании чего одно лицо вправе давать указания другому юридическому лицу, являются ли они для него обязательными, т. е. корреспондирует ли праву такого лица обязанность другого юридического лица исполнять эти указания? В юридической литературе обращается внимание на то, что «в США, чья правовая система одна из самых развитых в плане ответственности контролирующих лиц (главным образом в рамках доктрины «снятия корпоративной вуали»), указания не имеют самостоятельного значения» [14, с. 134].

Необходимость конвергенции правового регулирования российской и европейской правовых систем [15, с. 140], потребность в формировании правового режима ответственности участников юридических лиц за неправомерные действия в отношении корпораций, значимость введения в отечественный гражданский оборот аналога доктрины «снятия корпоративной вуали» требуют легитимации внешнего корпоративного контроля через его легальную дефиницию.

Выводы

Внешний контроль над корпорацией — это основанная на корпоративной субординации возможность воздействия *лица, не являющегося участником корпорации*, на принятие стратегически значимых решений по управлению корпорацией, формирование финансово-хозяйственной политики корпорации на рынке, в результате реализации которой происходит ограничение или полное отрицание автономии воли корпорации при решении вопросов, входящих в сферу интереса контролирующего лица.

В качестве маркеров внешнего корпоративного контроля выступают, в частности, следующие факты: возможность определять решения, принимаемые подконтрольным лицом, либо давать обязательные для него указания; косвенное участие контролирующего лица в уставном капитале подконтрольного лица; органы корпоративного управления контролирующего и подконтрольного лиц представлены одними и теми же субъектами; главные руководящие должности в юридических лицах принадлежат одному и тому же лицу (лицам) или их близким родственникам (супругу, родителю, детям); хозяйственная деятельность подконтрольного лица полностью или преимущественно осуществляется за счет средств, предоставляемых контролирующим лицом; убытки подконтрольного лица, возникающие в результате осуществления им хозяйственной деятельности, полностью компенсируются контролирующим лицом; работы и услуги, необходимые для нормального функционирования подконтрольного лица и беспрепятственного осуществления им хозяйственной деятельности, оплачиваются контролирующим лицом; подконтрольное и контролирующее лица располагаются по одному и тому же адресу, состоят из одних и тех работников; прибыль, полученная в результате осуществления подконтрольным лицом хозяйственной деятельности, полностью или преимущественно распределяется в пользу контролирующего лица и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Суханов Е. А. О правовом статусе концернов в современной зарубежной литературе // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 283–295.

3. Макарова О. А. Правовое обеспечение корпоративного управления в акционерных обществах с участием государства : автореферат ... д-ра юрид. наук. СПб., 2014. 40 с.

4. Валеева А. А. К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // Юрист. 2015. № 14. С. 39–46.

5. Ломакин Д. В. Очерки теории акционерного права и практика применения акционерного законодательства. М. : Статут, 2005. 221 с.

6. Постановление ФАС Центрального округа от 17 июля 2013 г. по делу № А23-1803/12 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Витрянский В.В . Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2016. 431 с.

8. Могилевский С. Д., Егорова М. А. Правовые основания для развития положений о корпоративном контроле в гражданском законодательстве // Сборник научных статей III Международной науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2016 г., Москва) / Е. А. Абросимова, В. К. Андреев, Л. В. Андреева и др. ; под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М. : Юстицинформ, 2016. 496 с.

9. Аристова Е. А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2014. 248 с.

10. Габов А. В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: монография / В. Р. Авхадеев, С. Б. Бальхаева, Ю. В. Боброва и др.; отв. ред. А. В. Габов. М. : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 320 с.

11. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. 456 с.

12. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01 июля 1996 г. (ред. от 24 марта 2016 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9. 1997. № 5.

14. Захаров А. Н. Проблемы применения «иных» оснований корпоративного контроля // Закон. 2015. № 4. С. 133–142.

15. Дьяченко Е. Б. Контроль за корпорациями: доктрина и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 148 с.

REFERENCES

1. Draft Federal law No. 47538-6 “On amendments to parts one, two, three and four of the Civil code of the Russian Federation, as well as to certain legislative acts of the Russian Federation” // ATP “ConsultantPlus”. (In Russ.).

2. Sukhanov E. A. About legal status of corporations in modern foreign literature // Bulletin of Civil Law. 2017. No.4. Pp. 283–295. (In Russ.).

3. Makarova O. A. Legal support of corporate governance in joint-stock companies with the participation of the state : abstract of dissertation of the doctor of law. SPb., 2014. 40 p. (In Russ.).

4. Valeeva A. A. On the issue of corporate control and its restoration // Lawyer. 2015. No.14. Pp. 39–46. (In Russ.).

5. Lomakin D. V. Essays on the theory of stock law and practice of application of stock legislation. M.: Statut, 2005. 221 p. (In Russ.).

6. Resolution of FAS of the Central district of July 17, 2013 for case no. A23-1803/12 // ATP “ConsultantPlus”. (In Russ.).

7. Vitryanskii V. V. Reform of the Russian civil legislation: interim results. M.: Statute, 2016. 431 p. (In Russ.).

8. Mogilevskii S. D., Egorova M. A. Legal basis for the development of regulations on corporate governance in civil law // The Collection of scientific papers III International scientific-practical conference “Actual problems of business law and corporate law in Russia and abroad” (April 25, 2016, Moscow, Russia) / E. A. Abrosimov, V. K. Andreev, L. V. Andreeva et al.; under the general editorship of S. D Mogilevskii, M. A. Egorova. M.: Yustitsinform, 2016. 496 p. (In Russ.).

9. Aristova E. A. Responsibility of cross-border corporate groups: theory and practice. M.: Infotropic Media, 2014. 248 p. (In Russ.).

10. Gabov A. V. Problems of determining the relations of affiliation // State and business in the system of legal coordinates / V. R. Avkhadeev, S. B. Balkhaeva, Yu. V. Bobrova, et al.; edited by A. V. Gabov. M.: SISP, INFRA-M, 2014. 320 p. (In Russ.).

11. Sukhanov E. A. Comparative corporate law. M.: Statut, 2014. 456 p. (In Russ.).

12. The explanatory note “To the Federal law draft “on modification of parts one, second, third and fourth of the Civil code of the Russian Federation, and also in separate legal acts of the Russian Federation” // ATP “ConsultantPlus”. (In Russ.).

13. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6 of the Plenum of the Russian Federation No. 8 from 01 July 1996 (as amended on March 24, 2016) “About some questions connected with application of the Civil code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court. 1996. No.9; 1997. No.5. (In Russ.).

14. Zakharov A. N. Problems of application of “other” grounds of corporate control // Law. 2015. No. 4. Pp. 133–142. (In Russ.).

15. Dyachenko E. B. The Control of corporations: the doctrine and practice. M.: Infotropic Media, 2013. 148 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Захаркина А. В. Сложное корпоративное обязательство, являющееся основанием возникновения внешнего корпоративного контроля, и его значение для повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 296–300. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.427.

For citation: Zakharkina A. V. Complex corporate obligation as a basis for external corporate control, and its importance for increasing the investment attractiveness of the russian legal system // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 296–300. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.427.

УДК 347.441
ББК 67.404.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.452

Kayumova **Nailya Abdullaevna**,
Candidate of Law,
Assistant Professor of the Department of Law Disciplines,
Neftekamsk branch
of Bashkir State University,
Neftekamsk,
e-mail: nel8318@yandex.ru

Каюмова Наиля Абдуллаевна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры правовых дисциплин,
Нефтекамский филиал
Башкирского государственного университета,
г. Нефтекамск,
e-mail: nel8318@yandex.ru

СПОРЫ О ЦЕНЕ КАК СУЩЕСТВЕННОМ УСЛОВИИ ДОГОВОРА ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА

DISPUTES ABOUT THE PRICE AS AN ESSENTIAL CONDITION OF THE CONTRACT OF SHARE PARTICIPATION IN CONSTRUCTION OF APARTMENT BUILDINGS

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil right; business law; family law; private international law

Статья посвящена анализу цены как одного из существенных условий договора участия граждан в долевом строительстве многоквартирного дома и иных объектов недвижимости. В статье представлен анализ проблем нормативно-правового регулирования отношений, связанных с участием в долевом строительстве, и тенденций судебной практики в данном вопросе.

Структурно статья состоит из введения, исследовательской части и заключения. Во введении автором представлена актуальность проводимого исследования, определены цели и задачи, а также обозначена научная новизна работы и ее практическая значимость. Необходимость анализа подобной проблемы определяется тем, что в настоящее время долевое участие в строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости является одним из наиболее доступных способов удовлетворения потребности физических и юридических лиц в недвижимости. Вместе с тем институт долевого строительства недостаточно исследован, характеризуется противоречивой практикой и неполнотой правового регулирования.

Содержательная часть работы представляет собой анализ нормативно-правового регулирования цены договора участия в долевом строительстве, судебных решений по спорам о цене между застройщиками и участниками долевого строительства.Рассматриваются вопросы законности и обоснованности изменения цены договора; формулируются предложения по совершенствованию законодательства в области долевого строительства.

Автором представлены обоснованные рекомендации, направленные на реализацию основных задач проведенного исследования, и определяются основные направления дальнейшего исследования.

This article is devoted to the analysis of the price as one of the essential conditions of the contract of participation of citizens in the shared construction of an apartment building and other real estate.The article presents an analysis of the problems of legal regulation of relations associated with participation in shared construction and trends in judicial practice in this matter.

Structurally, the article consists of an introduction, a research part and a conclusion. In the introduction the author presents the relevance of the research, the goals and objectives, as well as the scientific novelty of the work and its practical significance. The need to analyze such a problem is determined by the fact that currently the equity participation in the construction of apartment buildings and other real estate is one of the most affordable ways to meet the needs of individuals and legal entities in real estate. At the same time, the Institute of shared-equity construction is insufficiently investigated, characterized by contradictory practice and incomplete legal regulation.

The content of the work is an analysis of the legal regulation of the price of the contract of participation in shared construction, court decisions on disputes over the price between developers and participants of shared construction. The issues of legality and validity of change of the price of the contract are considered; offers on improvement of the legislation in the field of share construction are formulated.

At the end of the article, the author presents reasonable recommendations aimed at the implementation of the main objectives of the study, and the main directions of further research.

Ключевые слова: недвижимость, участие в долевом строительстве, существенные условия договора, свобода договора, цена договора, изменение цены договора, фиксированная стоимость объекта, дополнительное соглашение, общая приведенная площадь жилого помещения,неустойка, защита прав потребителей.

Keywords: realty, participation in shared construction, essential terms of the contract, freedom of contract, contract price,change of the contract price, fixed cost of the object, the supplementary agreement, the total given area of the dwelling, penalty, consumer protection.

Введение

Одним из наиболее распространенных способов реализации конституционного права граждан на жилище является участие в долевом строительстве многоквартирных домов. История долевого строительства в России началась в 90-е гг. прошлого столетия, а правовой институт участия в долевом строительстве формировался на протяжении двух десятилетий и в настоящее время продолжает совершенствоваться.

Данный анализ позволит выявить пробелы в законодательстве, позиции судов в процессе применения, изучить условия, препятствующие нормальному и эффективному применению законодательства в области долевого

строительства, а также предотвратить возможные посягательства на права потребителей. Все это, несомненно, говорит об **актуальности** данной проблематики.

Целью исследования является комплексный и системный анализ цены как существенного условия договора участия в долевом строительстве.

В связи с определяемой целью перед нами были поставлены следующие **задачи** исследования:

— изучить теоретические положения и нормативно-правовую базу, регламентирующую участие граждан в долевом строительстве многоквартирных домов;

— изучить существенные условия договора в долевом строительстве многоквартирных домов;

— рассмотреть проблемные вопросы, связанные с изменением цены договора;

— проанализировать судебную практику и выработать предложения по совершенствованию законодательства по теме исследования.

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного анализа цены как существенного условия договора на основе существующих теоретических положений, действующего законодательства, материалов практики и в выработке на этой основе предложений по совершенствованию защиты прав граждан, участвующих в долевом строительстве.

Методологическую основу работы составили следующие способы познания действительности: всеобщий (диалектический), логический, метод системного анализа, формально-юридический, технико-юридический и другие.

Теоретическая разработанность данной темы подтверждается исследованиями авторов в данной области. Среди них работы таких авторов, как А. Н. Кайль, А. А. Левина, М. В. Петрухина, Д. А. Соболева, А. В. Тюриной, В. Е. Фоминой и др.

Основная часть

Участие граждан в долевом строительствеявляется способом реализации права каждого на жилище, гарантированного ч. 2 ст. 40 Конституции Российской Федерации [1].

Правоотношения, связанные с участием в долевом строительстве, регулируются Федеральным законом от 30.12.2004№ 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 214-ФЗ). В данном нормативно-правовом акте особое внимание уделяется особенностям договора участия в долевом строительстве: форме и содержанию, особенностям передачи объекта, расторжению договора, исполнению обязательств и ответственности по договору участия в долевом строительстве многоквартирного дома или иного объекта недвижимости.

Кроме того, в соответствии с ч. 9 ст. 4 Закона № 214-ФЗ, если отношения возникают из договора, заключенного гражданином с целью приобретения в собственность жилого помещения для личных нужд, которые не связаны с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2].

Данные законы помогают защитить слабую сторону договора — участника долевого строительства. Вместе с тем судебная практика по разрешению споров между застройщиком и дольщиком выглядит весьма противоречиво, а нормативная база характеризуется неполнотой правового регулирования и эффективных способов защиты.

Одним из существенных условий договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома является цена договора, а также сроки и порядок ее уплаты. Отсутствие в договоре данного условия согласно ч. 5 ст. 4 Закона № 214-ФЗ приводит к тому, что договор считается незаключенным.

Согласно ст. 5 указанного закона под ценой договора понимают размер денежных средств, подлежащих уплате участником долевого строительства (создания) объекта долевого строительства. Цена договора может быть определена как произведение единицы общей площади жилого или нежилого помещения, являющихся объектом долевого строительства, и соответствующей общей площади или площади объекта долевого строительства.

В случае если частью жилого помещения — объекта долевого строительства являются лоджия, балкон, терраса, цена договора может быть определена как произведение цены единицы общей приведенной площади такого жилого помещения и общей приведенной площади такого жилого помещения. Общая приведенная площадь жилого помещения состоит из суммы общей площади жилого помещения и площади лоджии, веранды, балкона, террасы с понижающими коэффициентами, установленными федеральным органом исполнительной власти [3].

Особенностью договора участия в долевом строительстве является то, что по соглашению сторон цена договора может быть изменена после его заключения, если договором предусмотрены возможности изменения цены, случаи и условия ее изменения (ч. 2 ст. 5 Закона № 214-ФЗ).

Отметим, что застройщик при заключении договора часто навязывает гражданину — участнику долевого строительства условие об изменении цены договора (в сторону увеличения) по результатам проведенных обмеров органами технической инвентаризации. При этом главным условием изменения цены после заключения договора является наличие дополнительных соглашений. Как показывает судебная практика, застройщик, игнорируя необходимость согласования, изменяет цену в одностороннем порядке и требует от участника долевого строительства оплатить разницу между фактической и проектной стоимостью.

Так, Определением Верховного суда РФ от 10.06.2014 № 41-КГ14-3 истцу (застройщику) отказано в требовании о взыскании задолженности по договору участия в долевом строительстве. Истец ссылается на наличие в договоре условия об увеличении денежной суммы с учетом стоимости, сложившейся на момент окончательного расчета с застройщиком, путем заключения дополнительного соглашения к договору. Ответчики нарушили сроки оплаты. Согласно договору данное обстоятельство дает основания для увеличения цены. От заключения дополнительных соглашений ответчики отказались.

Условия изменения цены в заключенных с ответчиками договорах определены путем заключения дополнительных соглашений. Суд считает, что прямой обязанности дольщиков уплатить разницу между стоимостью объектов долевого строительства, согласованной в договорах, и стоимостью этих объектов, сложившейся на момент окончательного расчета, в случае просрочки исполнения ими обязательств по оплате сторонами не устанавливалось. Договорами предусматривалась лишь возможность возникновения дополнительных соглашений по вопросу изменения цены. В связи с этим увеличение цены могло быть только в случае заключения дополнительных соглашений в установленном законом порядке.

По мнению суда, заключение таких соглашений требует согласования воли сторон и не может быть подменено какими-либо иными юридическими фактами.

Согласно п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, свободны в установлении своих прав и обязанностей в определении не противоречащих законодательству условий договора.

В соответствии с п. 1,4 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора, его условия определяются по усмотрению сторон за исключением случаев, предусмотренных законом.

В силу п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Договор заключается путем направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной (п. 2). Суд установил, что застройщик не направлял в адрес дольщиков проектов дополнительных соглашений об увеличении цены по заключенным с ними договорам либо писем о целесообразности заключения таких соглашений и проведении переговоров, что не отрицалось застройщиком [4].

Кроме того, договором, заключенным между истцом и ответчиками, установлено, что стоимость объекта долевого строительства является фиксированной и изменению не подлежит при 100%-ной оплате. С момента просрочки оплаты ответчиками до момента полной оплаты по договорам ни одна из сторон не обращалась к другой стороне с целью заключения дополнительного соглашения об увеличении цены. На основании изложенного судом в удовлетворении требования отказано [5].

Также с отсутствием дополнительного соглашения связано следующее дело. Апелляционным определением Пермского краевого суда от 31.07.2013 по делу № 33-7400/2013 удовлетворено требование дольщика о признании права собственности на жилое помещение.

Судебная коллегия определила, что суд первой инстанции пришел к надлежаще мотивированному выводу о незаконности действий ответчика по удержанию квартиры, поэтому обоснованно признал за истцом право собственности на указанное имущество. Многоквартирный жилой дом сдан в эксплуатацию, однако ответчик (застройщик) отказывается передать истцу жилое помещение, требуя выплатить ему дополнительные денежные средства за увеличенный объем работ, произведенный застройщиком в спорной квартире. Указывает, что в данном случае истец злоупотребляет правом, поскольку не желает оплачивать дополнительные работы, которые осуществлены застройщиком в спорном жилом помещении, что и послужило основанием для отказа передать истцу спорную квартиру.

Суд апелляционной инстанции указал, что правомочность действий застройщика, поставившего передачу квартиры в зависимость от уплаты дополнительного денежного вознаграждения, не предусмотрена ни состоявшимися между участниками спорных правоотношений соглашениями, ни требованиями закона. При таких обстоятельствах судебная коллегия приходит к выводу, что после сдачи дома в эксплуатацию ответчик был обязан передать спорное жилое помещение в собственность истца без предъявления дополнительных условий [6].

Также в удовлетворении встречного требования о взыскании неоплаченной по договору суммы апелляционным определением Верховного суда Республики Башкортостан от 01.04.2014 по делу № 33-4453/2014 отказано.

Предъявляя суду требование об обязании передать объект долевого строительства,истец (дольщик) указал, что он свое обязательство по оплате исполнил, но ответчик (застройщик) о готовности дома и передаче квартиры его не информировал, как и об изменении цены за квадратный метр жилого помещения.

Верховный суд Республики Башкортостан указал, что Закон № 214-ФЗ в п. 2 ст. 5 допускает возможность изменения первоначальной цены договора лишь при одновременном соблюдении двух условий: такая возможность должна быть предусмотрена в самом договоре; на изменение цены необходимо дополнительно получить согласие участников долевого строительства.

Разрешая заявленные требования, суд первой инстанции правомерно исходил из того, что в силу указанных правовых норм стороны договора свободны в определении его условий и вправе самостоятельно определять как подлежащий передаче объект долевого строительства, так и стоимость строительства объекта в соответствии с проектной документацией.Между тем в материалах дела отсутствуют доказательства наличия согласия участника долевого строительства на изменение цены, а также о наличии каких-либо дополнительных соглашений к заключенному ранее договору.

Что касается утверждения дольщика о том, что застройщик о готовности дома и передаче квартиры его не информировал, то судебная коллегия полагает, что истцом не представлены доказательства нарушения условий договора о неисполнении обязательств по его уведомлению со стороны застройщика об окончании строительства.

На основании изложенного суд апелляционной инстанции исковые требования об обязании передать объект долевого строительства удовлетворил и отказал в удовлетворении встречного требования о взыскании неоплаченной по договору суммы, поскольку отсутствуют доказательства наличия согласия дольщика на изменение цены, а также наличия дополнительных соглашений к договору [7].

Однако судебная практика в этом вопросе является достаточно противоречивой. Как правило, суды первой инстанции по искам, связанным с оспариванием увеличения цены, принимают решение в пользу застройщика, невзирая на отсутствие дополнительных соглашений. В данном случае суды руководствуются статьей 421 ГК РФ, где установлено, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора; условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422 ГК РФ). Также суды первой инстанции ссылаются на ч. 1 ст. 5 Закона № 214-ФЗ об установлении цены и условиях ее изменения.Суды вышестоящих инстанций, напротив, учитывают закрепление в гражданском праве принципа свободы договора и принципа добросовестности и удовлетворяют требования участников долевого строительства.

Примером противоречащего решения может служить определение Московского областного суда от 24.08.2010 по делу суды первой инстанции 33-16477. Судом в удовлетворении исковых требований о признании права собственности на жилое помещение отказано, поскольку истица свои обязательства перед ответчиком, предъявившим

встречный иск, по указанному договору, выполнила не в полном объеме, не оплатив разницу между проектной и фактической площадью спорного жилого помещения.

Застройщик предъявил встречный иск к дольщику о взыскании денежной суммы в счет исполнения обязательств, указав, что в соответствии с договором разница между фактической и проектной площадью подлежит перерасчету из расчета стоимости одного квадратного метра.

В соответствии с договором указанная в нем цена перерасчету не подлежит, за исключением разницы между проектной площадью и площадью, указанной в справке БТИ, из расчета стоимости, указанной в договоре, как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения площади.

Согласно заключению строительно-технической экспертизы, разница между общей и общей проектной площадью указанной квартиры составляет 1,3 м^2. При таких обстоятельствах истцу отказано в удовлетворении иска о признании права собственности на спорную квартиру. Суд исходил из того, что истица свои обязательства перед заказчиком по указанному договору выполнила не в полном объеме, не оплатив разницу между проектной и фактической площадью спорной квартиры.

Доводы, изложенные в кассационной жалобе, о том, что ответчик в установленном законом порядке не представил доказательств наличия дополнительного соглашения к договору об изменении условий, не могут быть приняты во внимание, договор допускает возможность корректировки цены при возникновении разницы между фактической и проектной площадью квартиры.

Судебная коллегия Московского областного суда согласилась с выводом о том, что изменение цены в данном случае не является изменением условий договора, следовательно, истица должна оплатить разницу между проектной и фактической площадью спорного жилого помещения. Таким образом, отсутствие дополнительного соглашения судом не принято во внимание [8]. Аналогичные выводы наблюдаются в определении Московского городского суда от 27.05.2014 № 4г/6-5718/14 [9].

Неоднозначное толкование норм, установленных в ГК РФ, Законе № 214-ФЗ, приводит к оспариванию данных положений в Конституционном суде Российской Федерации [10; 11].

Чаще всего изменение цены договора происходит в связи с увеличением фактической площади объекта по сравнению с проектной площадью.

С корректировкой цены договора в связи с увеличением площади квартиры связано определение Новосибирского областного суда от 05.03.2015 по делу № 33-1758/2015. Требование о признании недействительными пунктов договора долевого участия в строительстве судом удовлетворено, поскольку условиями заключенного между сторонами договора ответчик навязывает свои услуги потребителю, поскольку они не входят в состав объекта долевого строительства.

Суд признал, что содержанием договора ущемляется не только право потребителя, предусмотренное ст. 5 Закона № 214-ФЗ, но и право потребителя на получение необходимой и достоверной информации о предлагаемой услуге (работе), то есть о цене объекта долевого строительства, обеспечивающей возможность их правильного выбора установленной ст. 8, ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей» [12]. Такая возможность установлена ст. 8, ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Корректировка цены также возможна и при уменьшении площади квартиры, однако в требованиях участников долевого строительства об уменьшении цены суды преимущественно отказывают, ссылаясь на то, что уменьшение площади не привело к ухудшению качества переданного участнику долевого строительства объекта. Такие решения связаны с законодательной неурегулированностью вопроса об уменьшении цены. С одной стороны, ч. 2 ст. 5 Закона № 214-ФЗ допускает возможность изменения цены вследствие уменьшения площади (т. е. для участника долевого строительства), в другой стороны, смысл статьи сводится к тому, что регулируются только случаи увеличения площади (в интересах застройщика). Таким образом, под «изменением» цены следует понимать «увеличение» цены. Об этом свидетельствует текст статьи, где законодатель предполагает, что изменение цены произойдет в сторону увеличения, и вводит новое правило: при увеличении цены договора застройщик обязан уплатить отчисления (взносы) в компенсационный фонд пропорционально такому увеличению [13].

Уменьшение цены в интересах участника предусмотрено только ст. 7 Закона № 214-ФЗ «Гарантии качества, предусмотренные договором». Следовательно, согласно ч. 2 ст. 7, основанием для уменьшения цены вследствие отступления от условий договора и уменьшения площади объекта может являться только обстоятельство, при котором «…объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в части 1 настоящей статьи обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его непригодным для предусмотренного договором использования» [14]. В уменьшении площади на 0,5 м^2 суды не усматривают обстоятельство, приводящее к ухудшению качества или непригодности для использования. Подтверждением тому выступают нижеизложенные решения.

Так, апелляционным определением Верховного суда Чувашской Республики от 15.06.2015 по делу № 33-2232/2015 в удовлетворении требований о взыскании стоимости недостающей площади квартиры, неустойки, компенсации морального вреда отказано, поскольку отклонение фактической площади не привело к ухудшению качества объекта, что позволило бы истцу заявить об уменьшении цены договора в соответствии с законодательством [15].

В другом случае апелляционным определением Свердловского областного суда от 17.07.2015 по делу № 33-10285/2015 требование о взыскании денежных средств в счет соразмерного уменьшения цены договора участия в долевом строительстве, вызванного ненадлежащим исполнением обязательств по договору, удовлетворено, так как участник долевого строительства свои обязательства по договору выполнил, площадь переданной ему квартиры меньше, чем указано в договоре, застройщик обязан соразмерно уменьшить цену договора.

В своей жалобе участник долевого строительства указал на разницу между площадью квартиры, предусмотренной проектной документацией, и площадью, сданной в эксплуатацию.

Как установлено судом, подтверждается материалами дела и не оспорено ответчиком, площадь переданной по договору долевого участия истцу квартиры меньше, чем указано в договоре. В данном случае истец не ставил вопрос об уменьшении фиксированной цены договора, а просит возвратить денежные средства, в размере которых объект-строительства ответчиком не передан [16].

Следующий пример свидетельствует о том, что в некоторых случаях требования по уменьшению цены удовлетворяются без учета положений ст. 7 Закона № 214-ФЗ. Определением Верховного суда от 27.03.2018 № 32-КГ17-44 решения нижестоящих инстанций отменены, дело направлено на новое рассмотрение. В обоснование своих требований истцы сослались на то, что фактическая общая площадь объекта долевого строительства, переданного им застройщиком, составила 182,3 м^2, что на 10 м^2 меньше проектной общей площади жилого помещения, предусмотренной в договоре участия в долевом строительстве. Таким образом, поскольку разница между проектной и фактической общей площадью объекта долевого строительства составила более 5 %, в соответствии с условиями договора участия в долевом строительстве его цена подлежит перерасчету, а сумма переплаты — возврату истцам в равных долях.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации находит кассационную жалобу подлежащей удовлетворению в связи с тем, что при рассмотрении данного дела допущены существенные нарушения норм материального права.

Частью 2 ст. 5 Закона № 214-ФЗ предусмотрена возможность изменения цены договора после его заключения по соглашению сторон в случае, если договором установлена возможность изменения цены и условия ее изменения.

Исходя из положений п. 3 ст. 555 ГК РФ, в случаях, когда цена недвижимости в договоре продажи недвижимости установлена на единицу ее площади или иного показателя ее размера, общая цена такого недвижимого имущества, подлежащая уплате, определяется исходя из фактического размера переданного покупателю недвижимого имущества [17].

Таким образом, по смыслу приведенных выше норм права стороны договора участия в долевом строительстве вправе определить окончательную цену договора как произведение цены единицы общей площади объекта долевого строительства, установленной в договоре, и фактической общей площади переданного участнику долевого строительства объекта.

Как установлено судом первой инстанции и следует из материалов дела, истцам застройщиком передана квартира, имеющая отступление от условий договора в части размера объекта долевого строительства, при этом разница между его фактической и проектной общей площадью превышает предусмотренное договором участия в долевом строительстве допустимое изменение общей площади.

Удовлетворяя исковые требования в части, суд исходил из того, что окончательная цена объекта долевого строительства подлежит определению за вычетом стоимости предусмотренного договором участия в долевом строительстве допустимого изменения общей площади в размере 5 %.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации находит данный вывод ошибочным, сделанным без учета требований закона. В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Договор участия в долевом строительстве, заключенный сторонами, действительно содержит условие о том, что разница между проектной и фактической общей площадью менее 5 % не влечет изменения цены договора. Вместе с тем буквальное значение содержащихся в данном пункте и в тексте всего договора слов и выражений не указывает на возможность определения окончательной цены договора в случае превышения допустимого изменения площади за вычетом стоимости 5 % разницы между проектной и фактической общей площадью объекта долевого строительства.

Истолковав приведенные выше условия договора как предусматривающие такую возможность, суд первой инстанции в нарушение положений ст. 431 ГК РФ и абзаца первого ч. 4 ст. 198 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в мотивировочной части решения не привел доводов, по которым отступил от правил толкования условий договора, и не указал доказательства, подтверждающие действительную общую волю сторон на заключение договора на установленных условиях.

С учетом допущенных судом первой инстанции ошибок в применении норм права постановленное судебное решение нельзя признать отвечающим требованиям ст. 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [18].

Отсутствие в договоре положений о возможности изменения цены также приводит к отказу в удовлетворении требований о взимании доплаты. Такие решения отражены в апелляционном определении Московского городского суда от 18.02.2014 по делу № 33-3333/2014 [19] и апелляционном определении Вологодского областного суда от 14.05.2014 по делу №33-2337/2014 [20].

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что в период действи**я** Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» было внесено более двадцати поправок в целях совершенствования законодательства. Все новеллы были продиктованы временем и направлены на защиту прежде всего частных инвесторов. Однако, как свидетельствует практика, достигнуть цели в должной мере не удается не только в силу несовершенства законодательства, но и из-за отсутствия единства подходов в правоприменении.

Нами были рассмотрены лишь некоторые аспекты регулирования цены как существенного условия договора долевого строительства. Анализ фактических обстоятельств позволяет сделать следующие выводы.

Стороны договора участия в долевом строительстве согласно ст. 421 ГК РФ свободны в заключении договора, условия договора определяются по усмотрению сторон. Одним из существенных условий договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома является цена договора, а также сроки и порядок ее уплаты. Отсутствие в договоре данного условия согласно ч. 5 ст. 4 Закона № 214-ФЗ приводит к тому, что договор считается незаключенным.

Особенностью договора участия в долевом строительстве является то, что по соглашению сторон цена договора может быть изменена после его заключения, если договором предусмотрены возможности изменения цены, случаи и условия ее изменения (ч. 2 ст. 5 Закона № 214-ФЗ).

Анализ материалов судебной практики показал, что большинство судебных споров связано с навязыванием участнику долевого строительства при заключении договора условия о возможности изменения цены договора (как правило, в сторону увеличения). После заключения договора при передаче объекта (в некоторых случаях после подписания акта приема-передачи и фактической передачи объекта) застройщик, игнорируя необходимость согласования, изменяет цену в одностороннем порядке и требует от участника долевого строительства оплатить разницу между фактической и проектной стоимостью.

Для урегулирования данного вопроса предлагаем закрепить в ч. 2 ст. 5 Закона № 214-ФЗ положение о том, что отсутствие дополнительных соглашений и отсутствие доказательств о предложении застройщиком заключить дополнительное соглашение не приводит к изменению цены договора. Также в целях предотвращения действия «серых» схем по получению доплат за дополнительную площадь объекта внести дополнение в ч. 1 ст. 8 Закона № 214-ФЗ об обязанности застройщика помимо других характеристик указывать в акте приема-передачи площадь объекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
3. Федеральный закон от 03.07.2016№ 304-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
5. Определение Верховного Суда РФ от 10.06.2014 года № 41-КГ14-3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
6. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 31.07.2013 по делу № 33-7400/2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
7. Апелляционное определениеВерховного суда Республики Башкортостан от 01.04.2014 по делу № 33-4453/2014. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
8. Определение Московского областного суда от 24.08.2010 по делу № 33-16477. URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm
9. Определение Московского городского суда от 27.05.2014 № 4г/6-5718/14. URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm
10. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2016 г. № 1875-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Южаковой Надежды Петровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью 2 статьи 5 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
11. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 20 марта 2014 г. № 611-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гофман Виктории Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 5 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
12. Определение Новосибирского областного суда от 05.03.2015 по делу № 33-1758/2015. URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm
13. Федеральный закон от 29.07.2017 № 218-ФЗ (ред. от 01.07.2018) «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
14. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
15. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 15.06.2015 по делу № 33-2232/2015. URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm
16. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17.07.2015 по делу № 33-10285/2015. URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/
18. ОпределениеВерховного суда от 27 марта 2018 года № 32-КГ17-44. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871/

19. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.02.2014 по делу № 33-3333/2014. URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm

20. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 14.05.2014 по делу № 33-2337/2014. URL: http://realtist.ru/fas3/92036E9B1C43E6E044257D9D00713DB3.html

REFERENCES

1. Russian Constitution (adopted by the popular vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of 30.12.2008No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481

2. Federal law dated 30.12.2004 No. 214-FZ (as amended on 29.07.2018) "On participation in share construction of apartment houses and other real estate objects and about modification of some legal acts of the Russian Federation". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

3. Federal law dated 03.07.2016 No. 304-FZ (as amended on 29.07.2018) "On modification of the Federal law "On participation in share construction of apartment houses and other real estate objects and on modification of some legal acts of the Russian Federation" and separate legal acts of the Russian Federation". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

4. Civil code of the Russian Federation (part one) of No.51-FZ (date of appeal 03.08.2018) (revised and amended; put in force on 01.09. 2018). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

5. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2014 No. 41-КГ14-3. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

6. Appeal determination of the Perm regional court dated 31.07.2013 on the case No. 33-7400/2013. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

7. Appeal determination of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated 01.04.2014 on the case No. 33-4453/2014. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

8. Determination of the Moscow regional court dated 24.08.2010 on the case No. 33-16477. (In Russ.). URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm

9. Determination of the Moscow city court dated 27.05.2014 No. 4G/6-5718/14. (In Russ.). URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm

10. Determination of the constitutional Court of the Russian Federation of September 29, 2016 No. 1875-About "On refusal in acceptance for consideration of the complaint of the citizen Yuzhakova Nadezhda Petrovna on violation of its constitutional rights by point 1 of article 421 of the Civil code of the Russian Federation and part 2 of article 5 of the Federal law "On participation in share construction of apartment houses and other real estate objects and about modification of some legal acts of the Russian Federation". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

11. Determination of the constitutional Court of the Russian Federation of March 20, 2014 No. 611-on "On refusal in acceptance for consideration of the complaint of the citizen Hoffman Victoria Anatolyevna on violation of her constitutional rights part 2 of article 5 of the Federal law "On participation in share construction of apartment houses and other real estate objects and about modification of some legal acts of the Russian Federation". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

12. Determination of the Novosibirsk regional court dated 05.03.2015 on the case of No. 33-1758/2015. (In Russ.). URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm

13. Federal law dated 29.07.2017 No. 218-FZ (amended on 01.07.2018) "On public law company on protection of the rights of citizens-participants of shared construction in insolvency (bankruptcy) of developers and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

14. Federal law dated 30.12.2004 No. 214 - FZ (as amended on 29.07.2018) "On participation in share construction of apartment houses and other real estate objects and about modification of some legal acts of the Russian Federation". (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

15. Appellate determination of the Supreme Court of the Chuvash Republic dated 15.06.2015 on the case No. 33-2232/2015. (In Russ.). URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm

16. Appeal determination of Sverdlovsk regional court dated 17.07.2015 on the case No. 33-10285. (In Russ.). URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm

17. Civil code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 29.07.2018) (revised and amended, put in force on 01.09.2018). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

18. Supreme Court ruling No. 32 dated 27 March, 2018 No. 32-КГ17-44. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64871

19. Appeal determination of the Moscow city court dated 18.02.2014 on case No. 33-3333/2014. (In Russ.). URL: http://111bashni.ru/sudebnye-resheniya/opredelenie-moskovskogo-oblastnogo-suda-ot-24-08-2010-po-delu-n-33-16477.htm

20. The appellate decision of the Vologda regional court dated 14.05.2014 on the case No. 33-2337/2014. (In Russ.). URL: http://realtist.ru/fas3/92036E9B1C43E6E044257D9D00713DB3.html

Как цитировать статью: Каюмова Н. А. Споры о цене как существенном условии договора долевого участия в строительстве многоквартирного дома // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 301–307. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.452.

For citation: Kayumova N. A. Disputes about the price as an essential condition of the contract of share participation in construction of apartment buildings // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 301–307. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.452.

УДК 341.1/8
ББК 67.91

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.441

Krasikov Dmitry Vladimirovich,
Candidate of law, associate professor,
Head of the department of the International Law,
Saratov State Law Academy,
Saratov,
e-mail: k_intlaw@ssla.ru

Красиков Дмитрий Владимирович,
кандидат юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой международного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов,
e-mail: k_intlaw@ssla.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00660 «Обстоятельства, исключающие противоправность деяния: анализ функционального значения и параметров применимости в международном праве прав человека»

The work is supported by grant pf RFFI No. 18-011-00660 "Circumstances precluding wrongfulness of conduct: the analysis of functional role and applicability parameters in the framework of International Human Rights Law"

СОГЛАСИЕ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНУЮ ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ДЕЯНИЯ: НОРМАТИВНЫЕ РИСКИ И ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

CONSENT AS A CIRCUMSTANCE PRECLUDING INTERNATIONAL WRONGFULNESS OF CONDUCT: REGULATORY RISKS AND POTENTIAL CAPACITY TO ENSURE HUMAN RIGHTS

12.00.10 – Международное право; европейское право
12.00.10 – International law; European law

Настоящая статья посвящена выявлению и исследованию нормативных рисков и потенциала согласия в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния в сфере обеспечения прав человека. С учетом формулировок соответствующих положений в подготовленных Комиссией международного права проектах статей об ответственности государств и международных организаций, соответствующих доктринальных позиций, а также требований, вытекающих из международной практики, в статье делаются выводы о том, что согласие в рассматриваемом качестве не создает какие-либо существенные риски для обеспечения прав человека, а также о том, что оно содержит гарантии незлоупотребления этим обстоятельством. Соответствующие риски исключены erga omnes характером международных обязательств по правам человека, вытекающих из норм общего международного права, а равно erga omnes partes характером таких обязательств из универсальных и региональных международных договоров. Данные свойства международных обязательств в рассматриваемой сфере не позволяют исключить противоправность деяния в силу согласия одного из его носителей — субъектов международного права, в то время как общее согласие представляется труднодостижимым. В работе также утверждается, что согласие обладает потенциалом для содействия позитивным усилиям государств и международных организаций в сфере прав человека, который на практике реализуется, в частности, для целей формирования первичных обязательств. В качестве примера в статье делается ссылка на формирующееся в настоящее время обязательство осуществления ответственности по защите (R2P), которое в качестве обязательства первичного использует согласие как вспомогательное средство, необходимое для его осуществления.

The present paper examines identification and assessment of the regulatory risks and potential capacity f the consent as a circumstance precluding wrongfulness of conduct under the international law in the area of human rights protection. Considering the wording of relevant provisions included by the International Law Commission into its draft articles on responsibility of the states and the international organisations, respective doctrinal views, as well as conditions coming out of the international practice, the article concludes that the consent in the respective capacity does not create any significant risks for human rights protection and contains guarantees against its abusive using. The said risks are excluded by the erga omnes nature of the international obligations on the human rights, stemming from customary international law rules, as well as by the erga omnes partes nature of such obligations under the universal and regional human rights treaties. This quality of international obligations in question does not allow excluding wrongfulness of conduct on the basis of consent expressed by one of its bearers (among the international law subjects), while a joint consent seems to be basically unreachable taking into account the requirements for its validity. The article also argues that the consent has got a potential for facilitating positive efforts of states and international organisations in the area of human rights, which has a practice of implementation in particular for the purposes of primary obligations formation. To illustrate this point the article refers to the currently developing obligation under the concept of responsibility to protect (R2P), which in its primary obligation capacity exploits consent as a secondary tool necessary for its implementation.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие противоправность деяния, международная ответственность государств, ответственность международных организаций, согласие, обязательства по правам человека, международные договоры о правах человека, обязательства erga omnes, ответственность по защите, первичные обязательства, вторичные обязательства.

Keywords: circumstances precluding wrongfulness of conduct, international responsibility of states, responsibility of international organizations, consent, human rights obligations, international treaties on human rights, erga omnes obligations, responsibility to protect, primary obligations, secondary obligations.

Введение

Международно-правовой институт обстоятельств, исключающих противоправность деяния, включает в себя нормы международного права, регулирующие отношения в сфере права международной ответственности (несмотря на это, в настоящей работе соответствующие обстоятельства именуются вслед за Комиссией международного права именно исключающими противоправность, а не освобождающими от ответственности). Очевидно, что издержки нерегулируемого поведения государств (потенциального и реального) в условиях острой необходимости защиты ценностей, представляющих для них существенный интерес, значительно выше, чем издержки признания допустимости правомерного отступления ими от своих международно-правовых обязательств и освобождения субъекта от международной ответственности. В том виде, в каком к настоящему времени соответствующие нормы общего международного права кодифицированы, они изложены в подготовленных Комиссией международного права текстах проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. [1] (далее — Проекты статей 2001 г.), а также тексте проекта статей об ответственности международных организаций 2011 г. [2] (далее — Проект статей 2011 г.), в которые включены следующие обстоятельства, исключающие противоправность деяний: согласие, самооборона, контрмеры, форс-мажор, бедствие и состояние необходимости.

В ряду перечисленных оснований для освобождения от ответственности согласие занимает особое место: это единственное обстоятельство, в основе которого не лежит конфликт интересов соответствующих субъектов (государств или международных организаций). Поскольку данная особенность снижает вероятность возникновения в той или иной конкретной ситуации отношений, регулируемых правом международной ответственности, она, с одной стороны, потенциально создает риск злоупотребления правом, а с другой, открывает дополнительные возможности для защиты ценностей, являющихся предметом общего интереса субъектов (соглашающегося и отступающего от обязательств). Этим обусловлена **актуальность** выявления и исследования нормативных рисков и потенциала согласия в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния, для обеспечения прав человека.

В то время как исследованию международно-правового института обстоятельств, исключающих противоправность деяния, посвящено значительное число работ российских и зарубежных авторов, отдельные обстоятельства становятся предметом самостоятельных исследований сравнительно редко. Рассмотрению согласия государств уделяется внимание в учебниках по международному праву и работах российских и зарубежных исследователей, посвященных праву международной ответственности: И. И. Лукашука [3, с. 169–172], А. Б. Мансура [4, p. 441–447], Я. Броунли и Дж. Кроуфорда [5, p. 563–564], Г. Боаса [6, p. 292–293]; общий критический анализ действия согласия в рассматриваемом качестве проводит А. Абасс [7]. В российской науке нет самостоятельных исследований, посвященных согласию в контексте исключения противоправности; работ, в которых согласие рассматривалось бы в его потенциальном или практическом применении к сфере прав человека, нет ни в зарубежной, ни в российской науке, что, учитывая актуальность темы, объясняет **целесообразность** ее разработки.

Научная новизна исследования подтверждается получением новых научных результатов, состоящих в обосновании выводов об отсутствии рисков, создаваемых действием международно-правовой обычной нормы о согласии в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния, а также о наличии у данной нормы потенциала для содействия обеспечению прав человека.

Теоретическое значение настоящей работы состоит в том, что она является результатом теоретического исследования межотраслевого характера, которое вносит вклад в научное осмысление практики реализации обстоятельств, исключающих противоправность деяния, в конкретных сферах международных отношений. **Практическое значение** результатов исследования обусловлено возможностью их использования для формирования позиций государств и международных организаций в практике применения согласия в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния, а также в практике обеспечения прав человека.

Целью настоящей работы является выявление и исследование нормативных рисков и потенциала согласия в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния, для обеспечения прав человека. Для достижения этой цели в рамках работы поставлены следующие **задачи**: во-первых, рассматривается вопрос о том, позволяет ли норма о согласии отступать от международных обязательств государств и международных организаций по правам человека, во-вторых, выявляются и исследуются гарантии незлоупотребления данным обстоятельством в ущерб интересам прав человека и, в-третьих, рассматриваются особенности согласия в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния, определяющие потенциал согласия для содействия обеспечению прав человека.

Основная часть

Обстоятельства, исключающие противоправность деяния, не действуют «в вакууме», и оценка их применимости и значения в конкретных обстоятельствах невозможна в отрыве от обращения к первичным нормам международного права. Более того, само правило о согласии в качестве вторичной [8, p. 47–48] нормы международного права носит спорный характер. Хорошо известна дискуссия о возможности согласия *в принципе* выступать в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния: Н. Ушаков отстаивал позицию о том, что согласие всегда действует на уровне первичных обязательств (то есть исключает противоправность *stricto sensu*) [9, p. 33–34]; А. Пюлле парировал, настаивая на существовании общего правила права международной ответственности о допустимости согласия на отступление от международных обязательств [10, p. 50].

В любом случае бесспорным является наличие у государств и международных организаций возможности в договорном порядке урегулировать режим отступления от тех или иных норм международного права (за исключением норм *jus cogens*), в том числе отступления в порядке согласия. Международное право прав человека развивается, главным образом, в договорном формате, и ряд

международных договоров о правах человека содержит ограничительные [11, ст. 8–11; 12, ст. 9, 18, 19, 22] и дерогационные [11, ст. 15; 12, ст. 4] положения. Вместе с тем, во-первых, существуют международные договоры, которые, по крайней мере, дерогационных положений не содержат, во-вторых, крайне трудным представляется утверждать, что некие правила о дерогации сложились в обычном международном праве прав человека, а в-третьих, отсутствие в договорных ограничительных и дерогационных положениях какого-либо основания, корреспондирующего согласию, *автоматически* не исключает применимости правила о согласии в качестве вторичной нормы (именно в этом состоял аргумент А. Пюлле: когда государство дает свое согласие, оно является действительным, даже если правило об обратном существовало изначально [10, p. 150]). Этими обстоятельствами объясняется уместность постановки вопроса о рисках и потенциале согласия в рассматриваемом качестве для обеспечения прав человека.

Согласно ст. 20 Проектов статей 2001 г., «[ю]ридически действительное согласие государства на совершение конкретного деяния другим государством исключает противоправность этого деяния в отношении первого государства, в той мере, в какой это деяние остается в пределах вышеуказанного согласия». Аналогичное правило содержится в ст. 20 Проекта статей 2011 г. Каких-либо ориентиров относительно характера международных обязательств, отступление от которых допустимо в силу согласия, таким образом, в формулировке данного правила не содержится, и в отсутствие каких-либо специальных или квалифицирующих правил на этот счет оно применимо к любым международно-правовым нормам. Комиссия международного права отмечает, что разработанные ею проекты статей «применяются ко всей сфере международных обязательств государств, независимо от того, берется ли данное обязательство по отношению к одному или нескольким государствам, одному лицу или группе лиц, или по отношению к международному сообществу в целом» [8, p. 32].

Вместе с тем потенциальный риск злоупотребления согласием для целей отступления от международных норм о правах человека в силу согласия фактически нивелируется. Формулировки ст. 20 Проектов статей 2001 г. и ст. 20 Проекта статей 2011 г. содержат указание на исключение противоправности в отношении соглашающегося субъекта (государства или международной организации). Вместе с тем, учитывая *erga omnes* [13, § 32] характер обязательств по правам человека (то есть их действие в отношении всех государств или международного сообщества в целом), либо, в случае с обязательствами договорными, их *erga omnes partes* или даже объективный характер [14, § 239], нельзя признать, что согласие какого-либо отдельного субъекта международного права в отношении отступления от таких обязательств может исключить противоправность соответствующего деяния. Поскольку они действуют в отношении всех государств или международного сообщества в целом (либо, в случае с договорами, во всяком случае в отношении всех государств-участников или их сообщества), то даже если соблюдаются условия для признания соглашающего субъекта потерпевшим [1, ст. 42; 2, ст. 43], согласие не исключает противоправности деяния в отношении государств, не выразивших соответствующее согласие. По словам Комиссии международного права, «статья 20 касается отношений между двумя соответствующими государствами» [8, p. 73], а права человека, бесспорно, не могут считаться относящимися к сфере двусторонних межгосударственных отношений, хотя соответствующие гарантии могут содержаться в том числе и в двусторонних международных договорах.

При этом даже тот факт, что выражающее согласие государство или международная организация обладает статусом потерпевшего и, по существу, совместно с отступающим субъектом играет исключительную, достаточную и решающую роль в определении целесообразности, необходимости, пригодности и пропорциональности принятия мер, представляющих собой отступление (в согласованных пределах) другим субъектом от своих международных обязательств, также не создает риска для обеспечения прав человека. Если в том или ином случае речь идет о согласии на отступление в интересах прав человека от международных обязательств, не связанных с правами человека, риска соответствующего злоупотребления согласием очевидно не возникает. Отступить в порядке согласия, выраженного одним субъектом, от международных норм о правах человека в интересах, не связанных с правами человека, не позволяет *erga omnes* характер обязательств, закрепленных в таких нормах. Равным образом такой их характер не позволяет и исключить противоправность деяния в том случае, если интересы прав человека субъективно оцениваются соглашающимся государством или международной организацией как нуждающиеся в защите за счет деяний другого государства или международной организации в отступление ими от своих обязательств по правам человека.

Таким образом, согласие как обстоятельство, исключающее противоправность деяния по международному праву, может иметь эффект в отношении обязательств по правам человека лишь при условии, что оно выражается всеми государствами, имеющими интерес в их соблюдении. Применительно к многосторонним международным договорам И. И. Лукашук отмечает, что «в таких случаях необходимо согласие всех участников» [3, с. 170–171]. Насколько такое условие практически выполнимо, можно оценить, обратившись к требованиям, предъявляемым к согласию. Согласие должно быть действительным согласно международному праву, ясно и непосредственно выраженным (что исключает лишь подразумеваемое согласие), присваиваемым согласно международному праву государству и предшествующим совершению деяния, к которому оно относится [15, p. 112]. Согласно позиции Ирано-американского трибунала по претензиям, принципы международного права, регулирующие действительность согласия, устанавливают требования относительно законности действий представителя, полномочности органа или лица, выражающего согласие в конкретной ситуации, и присвоения действий тех или иных лиц субъекту по международному праву [7, p. 214]. Учитывая данные требования, не будет ошибкой сделать выводы об очевидной практической невозможности согласию действовать в качестве обстоятельства, исключающего противоправность отступления от *erga omnes* обязательств (в том числе соответствующих обычно-правовых обязательств по правам человека), и даже от обязательств *erga omnes partes*, вытекающих из универсальных и региональных международных договоров о правах человека.

С точки зрения позитивного потенциала согласия в качестве средства, пригодного для использования в целях обеспечения прав человека, его общая характеристика ограничивается заключенной в нем соответствующей возможностью: положение о согласии в том виде, в каком

оно сформулировано Комиссией международного права, не конкретизирует те интересы, которые государство может отстаивать, используя данное обстоятельство. Соглашаясь на совершение другим государством того или иного деяния в отступление от обязательств по международному праву, государство может исходить из различных интересов — своих собственных, других государств, международного сообщества, а также частных лиц, и любая из этих категорий может включать в себя обеспечение прав человека.

Потенциал согласия, соответственно, может быть реализован в сфере прав человека за счет политической воли соответствующих государств в конкретных обстоятельствах угрозы для прав человека, а также за счет восприятия согласия первичными нормами международного права в качестве вспомогательного средства.

Можно наблюдать, как согласие, сохраняя свое значение в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния, содействует формированию первичных норм, направленных на обеспечение прав человека. Так, компонентами укрепляющейся в настоящее время в международном праве концепции «ответственность по защите» (R2P), провозглашенной в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. [16], являются: 1) обязанность государства защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности, а также от подстрекательств к ним; 2) обязанность международного сообщества оказать содействие государству в защите его населения от перечисленных деяний; и 3) обязанность государств-членов ООН предпринять меры «своевременного и решительного реагирования» в том случае, если какое-либо государство оказывается не в состоянии обеспечить необходимую защиту для населения. Комментируя последний из компонентов данной концепции, Генеральный секретарь ООН заявил: «Когда какое-либо государство отказывается принять международную помощь для целей предотвращения и защиты [населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности],… оно, по сути, бросает международному сообществу вызов, вынуждая его выполнить его собственные обязанности по [принятию коллективных действий]» [17, § 56]. Выражение согласия государства на совершение другими государствами действий (в том числе связанных с применением силы) в соответствующих интересах прав человека, таким образом, по существу становится условием одного из формирующихся в международном праве первичных обязательств (нередко возводимого в ранг принципа [18, с. 174]), реализуя свое значение в качестве обстоятельства, исключающего международную противоправность деяния.

Заключение и выводы

Основной тезис, отстаиваемый в настоящей статье, состоит в том, что в том виде, в каком они отражены в позициях Комиссии международного права (представлена в Проектах статей 2001 г. и 2011 г. и комментариях к ним), положения общего международного права о согласии в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния по международному праву, не создают существенных рисков для обеспечения прав человека в силу *erga omnes* характера соответствующих международных обязательств. В этом отношении указанные нормы содержат достаточные гарантии незлоупотребления ими в ущерб правам человека. Кроме того, согласие в рассматриваемом качестве обладает потенциалом для содействия позитивным усилиям государств и международных организаций в сфере прав человека, который на практике реализуется, в частности, для целей формирования первичных обязательств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния : доклад Комиссии международного права (Пятьдесят третья сессия (23 апреля – 1 июня и 2 июля –10 августа 2001 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf

2. Текст проекта статей об ответственности международных организаций. URL: http://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp5.pdf

3. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М. : Волтерс Клувер, 2004. 432 с.

4. Mansour A. B. Circumstances precluding wrongfulness in the ILC Articles on state responsibility: consent // The law of international responsibility / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2013. 1296 p.

5. Crawford J. Brownlie's Principles of public international law. Oxford : Oxford University Press, 2012. 803 p.

6. Boas G. Public International Law: Contemporary Principles and Perspectives. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2012. 400 p.

7. Abass A. Consent Precluding State Responsibility: A Critical Analysis // The International and Comparative Law Quarterly. 2004. Vol. 53. No. 1. Pp. 211–225.

8. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries: Report of the International Law Commission on the work of its fifty-third session. 2001. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf

9. Yearbook of the International Law Commission. 1979. Vol. I. Summary records of the meetings of the thirty first session. New York : United Nations, 1979. 252 p.

10. Yearbook of the International Law Commission. 1999. Vol. I. Summary records of the meetings of the fifty-first session (3 May – 23 July 1999). New York ; Geneva : United Nations, 2003. 318 p.

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

12. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

13. International Court of Justice. Case concerning The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain). Second phase. Judgment of 5 February 1970. URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf

14. European Court of Human Rights. Ireland v. the United Kingdom. Application no. 5310/71. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 18 January 1978. URL: http://hudoc.echr.coe.int

15. Yearbook of the International Law Commission. 1979. Vol. II. Summary records of the meetings of the thirty first session. Geneva : United Nations, 1979. 198 p.

16. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года (принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch4.shtml#t6

17. Выполнение обязанности защищать: Доклад Генерального секретаря ООН от 12 января 2009 года. URL: https://undocs.org/ru/A/63/677

18. Липкина Н. Н. Ответственность по предотвращению нарушений прав человека: к вопросу о зарождении нового межотраслевого принципа современного международного права // Lex Russica. 2017. № 6(127). С. 166–177.

REFERENCES

1. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries: Report of the International Law Commission (53d session (23 April – 1 June and 2 July – 10 August 2001). (In Russ.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf

2. Draft articles on the responsibility of international organizations (2011). (In Russ.). URL: http://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp5.pdf

3. Lukashuk I. I. Law of international responsibility. M.: Wolters Kluwer, 2004. 432 p. (In Russ.).

4. Mansour A. B. Circumstances precluding wrongfulness in the ILC Articles on state responsibility: consent // J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson (eds.). The law of international responsibility. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013. 1296 p.

5. Crawford J. Brownlie's Principles of public international law. Oxford: Oxford University Press, 2012. 803 p.

6. Boas G. Public International Law: Contemporary Principles and Perspectives. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012. 400 p.

7. Abass A. Consent Precluding State Responsibility: A Critical Analysis // The International and Comparative Law Quarterly. 2004. Vol. 53. No. 1. Pp. 211–225.

8. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries (2001): Report of the International Law Commission on the work of its fifty-third session. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf

9. Yearbook of the International Law Commission. 1979. Vol. I. Summary records of the meetings of the thirty first session. New York: United Nations, 1979. 252 p.

10. Yearbook of the International Law Commission. 1999. Vol. I. Summary records of the meetings of the fifty-first session (3 May – 23 July 1999). New York; Geneva: United Nations, 2003. 318 p.

11. Convention on human rights and fundamental freedoms 1950 (In Russ.). URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

12. International covenant on civil and political rights 1966 // Bulletin of the RF Supreme Court. 1994. No. 12. (In Russ.).

13. International Court of Justice. Case concerning The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain). Second phase. Judgment of 5 February 1970. URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf

14. European Court of Human Rights. Ireland v. the United Kingdom. Application no. 5310/71. Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 18 January 1978. URL: http://hudoc.echr.coe.int

15. Yearbook of the International Law Commission. 1979. Vol. II. Summary records of the meetings of the thirty first session. Geneva: United Nations, 1979. 198 p.

16. 2005 World Summit Outcome (Resolution 60/1 adopted by the General Assembly on 16 September 2005). (In Russ.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch4.shtml#t6

17. Implementing the Responsibility to Protect: Report of the Secretary-General of 12 January 2009. (In Russ.). URL: https://undocs.org/ru/A/63/677

18. Lipkina N. N. Responsibility to prevent human rights violations: on the issue of formation of a new multi-sectoral principle of the modern international law // Lex Russica. 2017. No. 6(127). Pp. 166–177. (In Russ.).

Как цитировать статью: Красиков Д. В. Согласие как обстоятельство, исключающее международную противоправность деяния: нормативные риски и потенциал для обеспечения прав человека // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 308–312. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.441.

For citation: Krasikov D. V. Consent as a circumstance precluding international wrongfulness of conduct: regulatory risks and potential capacity to ensure human rights // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 308–312. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.441.

УДК 341.1/8
ББК 67.91

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.457

Lipkina Nadezhda Nikolaevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the International Law Department,
Saratov State Law Academy,
Saratov,
e-mail: k_intlaw@ssla.ru

Липкина Надежда Николаевна,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры международного права,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов,
e-mail: k_intlaw@ssla.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00660 «Обстоятельства, исключающие противоправность деяния: анализ функционального значения и параметров применимости в международном праве прав человека»

The work was supported by grant of RFFI No. 18-011-00660 "Circumstances precluding wrongfulness of conduct: the analysis of functional role and applicability parameters in the framework of International Human Rights Law"

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

THE INTERNATIONAL LEGAL OBLIGATIONS OF THE INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE AREA OF HUMAN RIGHTS

12.00.10 – Международное право; европейское право
12.00.10 – International law; European law

Статья посвящена исследованию дискуссионных аспектов вопроса о том, связаны ли международные организации обязательствами по правам человека. Таковыми являются как само наличие соответствующих обязательств, так и их правовая природа, а также их пределы. Отдельно в работе затронут вопрос о значении для содержания правоспособности международных организаций обязательств их государств-членов в сфере прав человека. В статье критически анализируются основные линии аргументации, используемые в российской и зарубежной науке международного права при обосновании ответов на поставленные вопросы. Соответствующий анализ проводится с учетом особой правовой природы международных обязательств в сфере прав человека, особенностей различных источников закрепления таких обязательств, современных тенденций развития международного права, таких как развитие института ответственности международных организаций, расширение правоспособности международных организаций, усиление элементов «наднациональности» в их правовой природе. Представленные в работе выводы основаны также на обращении к практике международных органов и международных организаций. По результатам исследования делается вывод о том, что, несмотря на то, что содержание правового статуса конкретной международной организации определяется с учетом принципа специальности, в сфере прав человека наряду с договорными обязательствами по правам человека, вытекающими из учредительных документов данной организации и из заключенных ею международных договоров, международная организация, как самостоятельный член международного сообщества, связана также обязательствами, вытекающими из норм общего международного права. Как показали результаты исследования, вопрос о том, насколько международные организации связаны международными договорными обязательствами государств-членов по правам человека, однозначного решения в науке международного права и международной практике не находит. Вместе с тем в работе выявлены и описаны международно-правовые принципы и конструкции, которые имеют потенциал для разрешения вопроса о «связанности» международных организаций такими обязательствами.

The article reviews the controversial aspects of the issue of whether the international organizations are bound by the human rights obligations, such as the very existence of corresponding obligations, their legal nature, as well as their limits. Separately, the article raises the question of what value the obligations of the member-states of the international organizations in the area of human rights have for the content of legal capacity of such organizations. The article critically analyzes the main lines of argumentation used in the Russian and foreign science of the international law in order to substantiate the answer to the posed questions. The corresponding analysis is made taking into account the special legal nature of the international human rights obligations, the specific features of various sources of such obligations, the current trends in development of the international law, such as development of the institution of responsibility of the international organizations, expansion of the legal capacity of the international organizations, strengthening of the "supranationality" elements in their legal nature. The conclusions presented in the work are also based on a resort to the practice of the international bodies and international organizations. Relying on the results of the study, it is concluded that despite of the fact that legal status of a particular international organization is determined taking into account the principle of specialty, in the field of human rights, along with treaty obligations on human rights arising from the constitutive documents of the organization and from its international treaties, the international organization as an independent member of the international community is bound also by obligations from general international law. As it has been shown, the question of whether the international organizations are bound by the international human rights treaty obligations of their member-states, does not find an unambiguous answer in the science of the international law or in the international

practice. At the same time, the research makes it possible to identify and describe the international legal principles and instruments, which have the potential to resolve the issue whether the international organizations are bound with the treaty obligations of their member-states in the area of human rights.

Ключевые слова: права человека, международное право прав человека, международные организации, международные обязательства, международные договоры, международные обычаи, обязательства erga omnes.

Keywords: human rights, international human rights law, international organizations, international obligations, international treaties, international customs, obligations erga omnes.

Введение

В современном международном праве правосубъектность международных организаций сомнений не вызывает. Более того, ряд международных организаций можно рассматривать в качестве ведущих игроков на международной арене. В качестве важнейшего признака международной межправительственной организации в литературе называют «подчиненность ее учреждения и деятельности международному праву» [1, с. 164]. В связи с этим, поскольку многие обязательства по правам человека можно рассматривать в качестве обязательств erga omnes [2, § 33], видятся **актуальными** вопросы о том, связана ли международная организация обязательствами по правам человека, какова правовая природа и пределы таких обязательств. Следует иметь в виду при этом, что круг существующих в настоящее международных организаций достаточно широк и разнообразен, среди прочего с точки зрения их компетенции. В связи с этим, безусловно, разные международные организации могут иметь разное отношение к сфере прав человека. Так, обеспечение прав человека (в различных аспектах) является одной из основных целей, например, Организации Объединенных Наций и Совета Европы. Иные международные организации имеют к правам человека весьма опосредованное отношение (например, Всемирная торговая организация, международные финансовые институты), а деятельность некоторых из них вообще не имеет очевидной связи с правами человека (например, Международный союз электросвязи, Всемирная метеорологическая организация). Вместе с тем с учетом возрастания роли международных организаций в международных отношениях, а также особенностей их статуса в качестве производных субъектов международного права (предполагающего наличие потенциала для изменения их прав и обязанностей по воле первичных субъектов) полностью исключить возможность влияния на права человека со стороны какой бы то ни было из них представляется неоправданным. В связи с этим в контексте вопроса о наличии у международных организаций обязательств по правам человека следует говорить о таких субъектах как таковых вне зависимости от особенностей их компетенции.

Изученность проблемы. Вопросы усиления международной ответственности международных организаций в сфере прав человека широко обсуждаются на международном уровне [3, § 3; 4]. Обозначенная тема вызывает повышенный интерес у западных исследователей. Различным вопросам определения правовой природы, содержания и пределов обязательств международных организаций в сфере прав человека посвящены работы таких зарубежных авторов, как Т. Ахмед, И. Де И. Батлер [5], Я. Воутерс, Е. Бремс, С. Смис, П. Шмитт [6], О. Де Шуттер [7], Г. М. Загел [8], Дж. Пауст [9] и др. В работах российских ученых затрагиваются лишь отдельные аспекты реализации обязательств международных организаций в сфере прав человека (в качестве примера можно привести работы таких авторов, как Р. С. Галиев [10], А. С. Исполинов [11], И. С. Марусин [12], В. Н. Русинова [13, с. 59–69] и др.), что позволяет констатировать, что в российской науке международного права рассматриваемая тематика развита недостаточно, а разработка темы видится **целесообразной** с учетом актуальности темы.

Как представляется, потребность в дальнейших исследованиях обязательств международных организаций в сфере прав человека очевидна. Результаты подобных исследований, несомненно, будут иметь **теоретическое** и **практическое значение**, способствуя преодолению существующих проблем и противоречий в международно-правовом регулировании рассматриваемой сферы международных отношений, укреплению верховенства права.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем на основе обобщения имеющихся доктринальных разработок по заявленной теме вопрос о связанности международной организации обязательствами по правам человека исследуется сквозь призму совокупности факторов, имеющих определяющее значение для его разрешения. Такими факторами выступают, во-первых, особая правовая природа таких обязательств, во-вторых, особенности различных источников их закрепления, и в-третьих, современные тенденции развития международного права (включая развитие института ответственности международных организаций, расширение правоспособности международных организаций, усиление элементов «наднациональности» в их правовой природе).

Цель данного исследования — на основе критического анализа используемой в науке и международной практике аргументации исследовать правовые основания признания наличия у международных межправительственных организаций международных обязательств по правам человека. Под обязательствами в данном контексте понимаются юридические обязательства как позитивного (обязательства принять необходимые меры по обеспечению прав человека), так и негативного (воздержаться от вмешательства в права человека) характера, которые возлагаются на международные организации прямо либо опосредованно в силу международного права.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие **задачи**: во-первых, исследовать правовую природу обязательств международных организаций в сфере прав человека; во-вторых, рассмотреть международно-правовые инструменты и конструкции, используемые для обоснования «связанности» международных организаций обязательствами по правам человека.

Основная часть

При ответе на вопрос о том, связывают ли международные обязательства по правам человека международные организации, в науке используются различные линии аргументации в зависимости от правовой природы таких обязательств.

В большинстве случаев исследователи приходят к выводу о том, что нормы общего международного права (в том числе имеющие характер норм jus cogens)

обязательны для международных организаций [5; 14]. Указанный подход подтверждается и на практике. Например, как указал Международный суд ООН, международные организации являются субъектам международного права и как таковые связаны любыми обязательствами, возложенными на них в соответствии с общими нормами международного права [15, § 37], что толкуется в литературе как признание связанности международных организаций общим международным правом, будь то международные обычаи или общие принципы права [3, § 14]. В науке используются следующие аргументы в пользу такого вывода: во-первых, «конституционные корни» международной организации уходят в международное право [16, p. 317], другими словами, как отмечает Е. Т. Усенко, институция, претендующая на международную правосубъектность, не может противоречить международному праву [17, с. 27]; во-вторых, поскольку обязательства, вытекающие из международных обычно-правовых норм об основных правах человека, имеют erga omnes характер, то любое отклонение со стороны международной организации от соответствующих международных обычных норм, даже если оно не представляет собой нарушение международного права в отношениях между государствами-участниками такой организации, будет являться нарушением международных обязательств перед всеми другими государствами [5, p. 779]; в-третьих, сами учредительные акты международных организаций зачастую отсылают к международным обычным нормам по правам человека [18].

Высказываются в литературе также и отдельные сомнения относительно абсолютной справедливости указанного подхода. Прежде всего отмечаются сложности в выявлении международного обычного права. Например, как подчеркивается в исследовании, проведенном Европейским региональным отделением Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, есть согласие об отнесении к числу норм обычного международного права значительного числа прав человека и, *скорее всего*, всего комплекса прав, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека [19, p. 23]. К слову, в настоящее время Комиссия международного права ООН разрабатывает тему «Выявление международного обычного права» с целью определения способа, которым следует определять существование и содержание норм международного обычного права [20].

Еще более сложной является задача квалификации тех или иных норм международного права в качестве норм, имеющих характер jus cogens. Согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, императивная норма общего международного права (jus cogens) — норма, «которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер». Источниками норм jus cogens, таким образом, являются формы *общего* международного права, то есть международно-правовые обычаи (а также общие принципы права). Как подчеркивает Специальный докладчик Комиссии международного права ООН Д. Тлади, «договорные положения как таковые не представляют собой норм общего международного права, способных формировать основу для норм jus cogens, они могут отражать нормы общего международного права, способные достигать статуса jus cogens» [21, § 59].

Общепризнанным подходом можно считать отнесение к jus cogens, например, запрета пыток [22, § 99], принципа равенства перед законом, равной защиты закона и недискриминации [23, § 101], запрет расовой дискриминации, апартеида, рабства [24, с. 424]. Как отмечено в докладе Комитета по юридическим вопросам и правам человека Парламентской ассамблеи Совета Европы, нормы, имеющие статус jus cogens, составляют ядро международного права и должны соблюдаться всеми субъектами международного права при любых обстоятельствах [3, § 15]. Проблема определения круга норм международного обычного права и круга когентных его норм, действительно, имеет крайне важное прикладное значение в контексте рассматриваемых вопросов, однако не влияет на вывод о юридически обязательном характере таких норм для международных организаций.

Наконец, замечание ряда авторов о том, что международное обычное право создавалось для государства и не всегда в полной мере применимо к международным организациям, позволяет им конкретизировать ответ на вопрос о том, связаны ли международные организации обычно-правовыми обязательствами по правам человека, — международные организации связаны международным обычным правом в сфере прав человека mutatis mutandis [25, p. 135]. Вместе с тем с учетом наличия надгосударственных международных организаций, наделенных полномочиями по принятию обязательных для государств-членов решений (среди прочего в сфере прав человека), можно ли найти право человека, которое даже потенциально не применимо к таким международным организациям? Кроме того, как справедливо подчеркивает К. Даугирдас, принцип специальности означает, что нарушение некоторых норм общего международного права со стороны отдельных международных организаций особенно маловероятно, однако это не делает нарушение невозможным в принципе, а потому он не оправдывает ограничение международных обязательств международных организаций в связи с их ограниченными полномочиями [14, p. 367].

Что касается договорных обязательств международных организаций по правам человека, то можно выделить несколько направлений исследования. Во-первых, существенное значение в целях обеспечения прав человека в деятельности международных организаций имеют учредительные документы таких организаций. Именно анализ их положений позволяет установить наличие так называемого «конститутивного» мандата международной организации обеспечивать осуществление прав человека. Данный мандат может выводиться из целей и принципов деятельности международной организации, закрепленных в учредительных документах. В этом случае возникающие у международной организации обязательства по правам человека имеют уставную природу [26, с. 50]. Например, закрепление в ст. 1 Устава ООН, в частности, такой цели, как осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии, рассматривается как возложение на ООН обязательства обеспечивать права человека. Кроме того, в учредительных документах обязательства по правам человека могут возлагаться на международную организацию и напрямую. Например, в ст. 78 Договора о функционировании Европейского Союза отмечается, что разрабатываемая Союзом общая политика в отношении

предоставления убежища, дополнительной защиты и временной защиты должна соответствовать Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г., Протоколу, касающемуся статуса беженцев, 1967 г. и другим соответствующим договорам.

Международные договорные обязательства по правам человека могут приниматься международными организациями также самостоятельно посредством их участия в соответствующих международных договорах. Например, Европейский союз является участником Конвенции о правах инвалидов [27]. По данным официального сайта Совета Европы, более 50 международных договоров, принятых в рамках данной организации, являются открытыми для подписания Европейским союзом [28]. Вместе с тем принятие на себя международными организациями договорных обязательств по правам человека не всегда возможно в силу крайне узких формулировок положений международных договоров по правам человека, определяющих круг субъектов, которые могут стать их участниками. Во многих случаях участниками таких договоров могут стать лишь государства. Безусловно, данное обстоятельство можно рассматривать как пример того, как развитие международного права отстает от развития международных отношений. Следует отметить, что в недавно принятых международных договорах по правам человека уже встречаются более широкие формулировки положений, определяющих круг субъектов, которые могут стать участниками таких договоров. Так, в ст. 75 Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием 2011 г. определено, что Конвенция открыта для подписания государствами-членами Совета Европы, государствами-нечленами, которые участвовали в ее разработке, *и Европейским союзом*.

Что касается договорных обязательств по правам человека государств-членов международной организации, то можно отметить несколько правовых конструкций и принципов, опираясь на которые, исследователи отстаивают тезис о том, что международная организация транзитивно связана такими обязательствами [16, p. 318]. Прежде всего речь идет об общем принципе права «никто не может передать больше прав, чем имеет сам» (nemo plus juris transferre potest quam ipse habet). Учреждая международную организацию, государство в силу данного принципа не может наделить ее, среди прочего, правом действовать вопреки обязательствам данного государства по правам человека [29, p. 94]. Еще одним аргументом служат правила ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., касающейся применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу. Например, опираясь, среди прочего, и на положения данной статьи, Суд ЕС в решении по делу «Attorney General v. Juan C. Burgoa» пришел к выводу о наличии у институтов Сообщества обязательства не препятствовать государствам-членам выполнять свои обязательства по ранее заключенным ими международным соглашениям [30, § 9].

В качестве обоснования используется также правило ст. 61 текста проекта статей об ответственности международных организаций, согласно которой государство — член международной организации несет международную ответственность, если оно, используя тот факт, что эта организация наделена компетенцией, имеющей отношение к существу одного из международно-правовых обязательств этого государства, обходит это обязательство, побуждая организацию совершить деяние, которое в случае его совершения государством представляло бы собой нарушение этого обязательства (данное правило применяется независимо от того, является ли данное деяние международно-противоправным для международной организации) [31]. Обсуждается в науке и концепция «функционального правопреемства международных организаций в отношении договоров своих государств-членов» [16, p. 318], которая не лишена недостатков в используемой аргументации [7, p. 9–10; 14, p. 369–372].

Заключение и выводы

Таким образом, несмотря на то, что содержание правового статуса конкретной международной организации определяется с учетом принципа специальности, в сфере прав человека наряду с договорными обязательствами по правам человека, вытекающими из учредительных документов данной организации и из заключенных ею международных договоров, международная организация как самостоятельный член международного сообщества связана также обязательствами, вытекающими из норм общего международного права. Вопрос о том, связана ли международная организация международными договорными обязательствами государств — членов по правам человека, однозначного решения в науке международного права и международной практике не находит. В международном праве существует ряд конструкций и принципов, пригодных для использования в соответствующей аргументации, однако, как представляется, ими не охватывается весь комплекс проблем, возникающих в связи с постановкой вопроса о «связанности» международной организации международными обязательствами государств — членов по правам человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М. : Статут, 2017. 496 с.
2. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Judgment // I.C.J. Reports 1970. P. 3.
3. Accountability of international institutions for human rights violations : Introductory memorandum to the Committee on Legal Affairs and Human Rights of the PACE. 2013 // Council of Europe. URL: http://www.assembly.coe.int/CommitteeDocs/2013/ajdoc172013.pdf
4. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение 2017 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://undocs.org/ru/A/72/350
5. Ahmed T., Butler I. de J. The European Union and Human Rights: An International Law Perspective // The European Journal of International Law. 2006. Vol. 17. No. 4. Pp. 771–801.
6. Accountability for Human Rights Violations by International Organisations / ed. by J. Wouters et al. Oxford : Intersentia, 2010. 626 p.
7. De Schutter O. Human Rights and the Rise of International Organizations: The Logic of Sliding Scales in the Law of International Responsibility // Université catholique de Louvain. URL: https://sites.uclouvain.be/cridho/documents/Working.Papers/CRIDHO-WP-2010-4-ODeSchutter-IO-HRD.pdf

8. Zagel G. M. International Organisations and Human Rights: The Role of the UN Covenants in Overcoming the Accountability Gap // Nordic Journal of Human Rights. 2018. Vol. 36. No. 1. Pp. 74–90.

9. Paust J. J. The U.N. Is Bound By Human Rights: Understanding the Full Reach of Human Rights, Remedies, and Nonimmunity // Harvard International Law Journal Online. 2010. Vol. 51. Pp. 1–12.

10. Галиев Р. С. Принцип уважения прав человека в деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпол) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16-1. С. 234–237.

11. Исполинов А. С. Хартия основных прав Европейского союза: результаты первых трех лет применения // Материалы международной науч.-практич. конф. «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Фельдмана Давида Исааковича (11–12 октября 2012 г., г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет). М. : Статут, 2014. С. 44–49.

12. Марусин И. С. Иммунитеты международных организаций и защита прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5(298). С. 131–140.

13. Русинова В. Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. М. : Статут, 2015. 384 с.

14. Daugirdas K. How and Why International Law Binds International Organizations // Harvard International Law Journal. 2016. Vol. 57. No. 2. Pp. 325–381.

15. Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion // I. C.J. Reports, 1980. P. 73.

16. Megret F., Hoffmann F. The UN as a Human Rights Violator? Some Reflections on the United Nations Changing Human Rights Responsibilities // Human Rights Quarterly. 2003. Vol. 25. Pp. 314–342.

17. Усенко Е. Т. Очерки теории международного права. М. : Норма, 2011. 240 с.

18. Constitution of the ICPO-INTERPOL, 1956 // Interpol. URL: https://www.interpol.int/About-INTERPOL/Legal-materials/The-Constitution

19. The European Union and International Human Rights Law. URL: http://www.europe.ohchr.org/Documents/Publications/EU_and_International_Law.pdf

20. Доклад Комиссии международного права ООН 2016 г. Нью-Йорк : ООН, 2016.

21. Второй доклад о jus cogens, подготовленный Специальным докладчиком Д. Тлади // ООН. URL: https://undocs.org/ru/A/CN.4/706

22. Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal) // Judgment. I.C.J. Reports, 2012. P. 422.

23. I/ACtHR. Juridical Condition and Rights of Undocumented Migrants // Advisory Opinion (OC-18/03), 17 September 2003.

24. Доклад Комиссии международного права 2006 г. Нью-Йорк : ООН, 2006.

25. Dannenbaum T. Translating the Standard of Effective Control into a System of Effective Accountability: How Liability Should be Apportioned for Violations of Human Rights by Member State Troop Contingents Serving as United Nations Peacekeepers // Harvard International Law Journal. 2010. Vol. 51. No. 1. Pp. 113–192.

26. Красиков Д. В. Учредительные акты международных организаций как источники их международно-правовых обязательств в сфере прав человека // Актуальные проблемы международной правосубъектности : межвузовский сб. науч. тр. Екатеринбург : УрГЮА, 2013. Вып. 5(9). С. 45–51.

27. United Nations Treaty Series Online. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028017bf87&clang=_en

28. Официальный сайт Совета Европы. URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list

29. Verdirame G. UN Accountability for Violations of Human Rights. URL: http://etheses.lse.ac.uk/1633/1/U156099.pdf

30. ECJ. Attorney General v. Juan C. Burgoa (C-812/79): Judgment of 14 October 1980.

31. Доклад Комиссии международного права ООН 2011 г. Нью-Йорк : ООН, 2011.

REFERENCES

1. Valeev R. M., Kurdyukov G. I. (eds.). International law: textbook for bachelors. M.: Statute, 2017. 496 p. (In Russ.)

2. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited, Judgment // I.C.J. Reports 1970. 3 p.

3. Accountability of international institutions for human rights violations: Introductory memorandum to the Committee on Legal Affairs and Human Rights of the PACE. 2013 // Council of Europe. URL: http://www.assembly.coe.int/CommitteeDocs/2013/ajdoc172013.pdf

4. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, 2017. (In Russ.). // United Nations. URL: https://undocs.org/ru/A/72/350

5. Ahmed T., Butler I. de J. The European Union and Human Rights: An International Law Perspective // The European Journal of International Law. 2006. Vol. 17. No. 4. Pp. 771–801.

6. J. Wouters et al. (ed.). Accountability for Human Rights Violations by International Organisations. Oxford: Intersentia, 2010. 626 p.

7. De Schutter O. Human Rights and the Rise of International Organizations: The Logic of Sliding Scales in the Law of International Responsibility // Université catholique de Louvain. URL: https://sites.uclouvain.be/cridho/documents/Working.Papers/CRIDHO-WP-2010-4-ODeSchutter-IO-HRD.pdf

8. Zagel G. M. International Organizations and Human Rights: The Role of the UN Covenants in Overcoming the Accountability Gap // Nordic Journal of Human Rights. 2018. Vol. 36. No. 1. Pp. 74–90.

9. Paust J. J. The U.N. Is Bound By Human Rights: Understanding the Full Reach of Human Rights, Remedies, and Nonimmunity // Harvard International Law Journal Online. 2010. Vol. 51. Pp. 1–12.

10. Galiev R. S. Principle of respect for human rights in the activities of the International Criminal Police Organization (Interpol) // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2018. No. 16-1. Pp. 234–237. (In Russ.).

11. Ispolinov A. S. Charter of the fundamental rights of the European Union: the results of the first three years of application // Materials of the International Scientific and Practical Conference "The International Legal Order in the Modern World and the Role of Russia in Its Strengthening", dedicated to the 90th anniversary of Professor Feldman David Isaakovich (11–12 of October 2012, Kazan, Kazan (Privolzhsky) Federal University). M.: Statute, 2014. Pp. 44–49. (In Russ.).

12. Marusin I. S. Immunities of international organizations and protection of human rights // News of Institutions of Higher Education. Jurisprudence. 2011. No. 5(298). Pp. 131–140. (In Russ.).

13. Rusinova V. N. Human Rights in Armed Conflicts: Problems of the Relationship between International Humanitarian Law and International Human Rights Law. M.: Statut, 2015. 384 p. (In Russ.).

14. Daugirdas K. How and Why International Law Binds International Organizations // Harvard International Law Journal. 2016. Vol. 57. No. 2. Pp. 325–381.

15. Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion // I. C.J. Reports, 1980. P. 73.

16. Megret F., Hoffmann F. The UN as a Human Rights Violator? Some Reflections on the United Nations Changing Human Rights Responsibilities // Human Rights Quarterly. 2003. Vol. 25. Pp. 314–342.

17. Usenko E. T. Essays on the theory of international law. M.: Norma, 2011. 240 p. (In Russ.).

18. Constitution of the ICPO-INTERPOL 1956 // Interpol. URL: https://www.interpol.int/About-INTERPOL/Legal-materials/The-Constitution

19. The European Union and International Human Rights Law. URL: http://www.europe.ohchr.org/Documents/Publications/EU_and_International_Law.pdf

20. UN International Law Commission: Report, 2016. New York: UN, 2016. (In Russ.).

21. Second report on jus cogens, prepared by the Special Rapporteur D. Tladi // UN. Official site. URL: https://undocs.org/en/A/CN.4/706 (In Russ.).

22. Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal) // Judgment. I.C.J. Reports, 2012. P. 422

23. I/ACtHR. Juridical Condition and Rights of Undocumented Migrants // Advisory Opinion (OC-18/03), 17 September 2003.

24. UN International Law Commission: Report, 2006. New York: UN, 2006. (In Russ.).

25. Dannenbaum T. Translating the Standard of Effective Control into a System of Effective Accountability: How Liability Should be Apportioned for Violations of Human Rights by Member State Troop Contingents Serving as United Nations Peacekeepers // Harvard International Law Journal. 2010. Vol. 51. No. 1. Pp. 113–192.

26. Krasikov D. V. Constitutive Acts of International Organizations as Sources of Their International Legal Obligations in the Sphere of Human Rights // Actual Problems of International Legal Personality: Interuniversity Collection of Scientific Researches. Yekaterinburg: UrGUA, 2013. Issue. 5(9). Pp. 45–51. (In Russ.).

27. United Nations Treaty Series Online. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028017bf87&clang=_en

28. Official website of the Council of Europe. (In Russ.). URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list

29. Verdirame G. UN Accountability for Violations of Human Rights. URL: http://etheses.lse.ac.uk/1633/1/U156099.pdf

30. ECJ. Attorney General v. Juan C. Burgoa (C-812/79): Judgment of 14 October 1980.

31. UN International Law Commission: Report, 2011. New York: UN, 2011. (In Russ.).

Как цитировать статью: Липкина Н. Н. Международно-правовые обязательства международных организаций в области прав человека // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 313–318. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.457.

For citation: Lipkina N. N. The international legal obligations of the international organizations in the area of human rights // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 313–318. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.457.

УДК 347
ББК 67.404

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.454

Mardieva Elmira Radmirovna,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department Legal Disciplines,
Neftekamsk branch
of Bashkir State University,
Neftekamsk,
e-mail: mardievaer@mail.ru

Мардиева Эльмира Радмировна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры правовых дисциплин,
Нефтекамский филиал
Башкирского государственного университета,
г. Нефтекамск,
e-mail: mardievaer@mail.ru

Yahina Radmila Rustamovna,
Student of the Law Training course,
Neftekamsk branch
of Bashkir State University,
Neftekamsk,
e-mail: radmila.yahina@yandex.ru

Яхина Радмила Рустамовна,
студент направления «Юриспруденция»,
Нефтекамский филиал
Башкирского государственного университета,
г. Нефтекамск,
e-mail: radmila.yahina@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НЕКОТОРЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE LEGAL NATURE OF CERTAIN INTELLECTUAL ACTIVITIES

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law

Сегодня можно с уверенностью говорить о тесной взаимосвязи права интеллектуальной собственности и сети Интернет в свете современной тенденции ускорения развития данных отношений, глобализации и информатизации всех сфер жизни общества. Законодательное установление закрытого перечня результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также неконкретное, размытое определение этих результатов (например, произведения науки, литературы и искусства, к которым можно отнести любой результат умственной, творческой деятельности человека, подпадающий под одну из областей интеллектуальной деятельности: науку, литературу, искусство) ориентировано на возможность появления новых, не существовавших ранее видов такой деятельности и их правовую охрану. Так, с одной стороны, перечень результатов интеллектуальной собственности считается неполным, это подтверждается Конвенцией, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, участницей которой является Российская Федерация, с другой, Гражданский кодекс РФ официально устанавливает, что он закрытый. Такая ситуация порождает противоречие. Своевременная корректировка вопроса регулирования рассматриваемых отношений должна стать логичным шагом к унификации норм гражданского права на российском и международном уровнях. Кроме того, это поможет решить многие проблемы в различных сферах жизни общества, связанных с частно-правовыми реалиями. Между тем в настоящее время юриспруденция развивается по пути становления определенных правовых представлений по поводу сайтов, правовой природы гиперссылок, embed и framing, технологии репост в качестве объектов интеллектуальной деятельности посредством судебной практики.

Today we can say with confidence about the close relationship between intellectual property rights and the Internet in the light of the current trend of accelerating the development of these relations, globalization and informatization of all spheres of society. Legislative establishment of a closed list of the results of intellectual activity and means of individualization, as well as an unclear, blurred definition of these results (for example, works of science, literature and art, which can include any result of a person's intellectual, creative activity and falling under one of the areas of intellectual activity: science, literature, art) is focused on the possibility of the appearance of new types of such activities that did not exist before and their legal protection. So, on the one hand, the list of results of intellectual propertyis considered incomplete, this is confirmed by the Convention establishing the World Intellectual Property Organization, to which the Russian Federation is a party, on the other — the Civil Code of the Russian Federation officially establishes that it is closed. This situation gives rise to a contradiction. Timely adjustment of the issue of regulation of the relations in question should be a logical step towards the unification of civil law norms at the Russian and international levels. In addition, it will help solve many problems in various spheres of society, related to private legal realities. Meanwhile, at present, jurisprudence is developing along the way of the formation of certain legal representations about sites, the legal nature of hyperlinks, embed and framing, technology repost as objects of intellectual activity through judicial practice.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, исключительные права, автор, Интернет, сайт, контент, гиперссылки, репост.

Key words: intellectual property, results of intellectual activity, means of individualization, exclusive rights, author, Internet, site, content, hyperlinks, repost.

Введение

Правовые отношения в сети Интернет и отношения по поводу результатов интеллектуальной, творческой деятельности набирают все большую популярность. Во-первых, это обусловлено трансграничностью, интернациональностью, постоянной модернизацией и модификацией

интернет-отношений. Во-вторых, в виртуальном пространстве результат интеллектуальной деятельности приобретает новые характеристики, поэтому правила охраны авторских и смежных прав требуют определенных изменений, чтобы отвечать потребностям защиты интеллектуальных прав в сети Интернет. Рассматриваемая тема является **актуальной** в силу наличия спорных вопросов и коллизий как в теоретических аспектах, так и в законодательстве и его применении.

Научная новизна исследования объяснятся тем, что в работе поднимаются правовые проблемы в области нормативного регулирования интеллектуальной собственности в интернет-среде и приводятся пути решения в целях внесения определенности в вопрос перечня результатов интеллектуальной деятельности, предлагается выяснить правовую сущность сайтов, гиперссылок в аспекте интеллектуальных прав.

Целью исследования является определение природы ряда объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет и выявление правовых проблем в рассматриваемой сфере.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

— рассмотрение нормативного регулирования права интеллектуальной собственности;

— определение принципов в сфере права интеллектуальной собственности;

— характеристика и выявление особенностей результатов интеллектуальной, творческой деятельности как объектов интеллектуальных прав в сети Интернет;

— определение правовых проблем в исследуемой сфере и возможных путей решения.

Теоретическая разработанность темы подтверждается трудами таких авторов, как П. В. Крашенинников, С. А. Судариков, А. И. Савельев,В. Б. Наумов, А. К. Жарова, И. Л. Бачило, С. В. Малахов, А. Р. Мухгалин, О. М. Примакова и др. Значимой источниковедческой базой служат: Конституция Российской Федерации, Всеобщая декларация прав человека, Всемирная декларация по интеллектуальной собственности, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и некоторые другие нормативные акты РФ, акты и соглашения международного характера. В работе привлекаются материалы практики.

Для решения поставленных задач используются различные методы, включая системный, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.

Основная часть

В соответствии с гражданским законодательством на территории Российской Федерации действуют права на объекты интеллектуальных прав, а именно на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, установленные международными актами и Гражданским кодексом Российской Федерации (частью четвертой), что обусловлено территориальным характером охраны прав на эти объекты.

В целях понимания системы интеллектуальной собственности имеют значение общие положения права, как отмечает С. А. Судариков [1, с. 26], это такие принципы, как: принцип дуализма интеллектуальной собственности; принцип исчерпания права на распространение объектов интеллектуальной собственности; принцип ограничения права интеллектуальной собственности.

Первый принцип подразумевает, что объект интеллектуальных прав, а именно результат интеллектуальной деятельности, имеет двоякое представление: отражение такого результата в сознании автора и воплощение в материальной форме, которое является основанием для его защиты. В данном случае следует отличать понятия материальной формы и вещи, поскольку результат интеллектуальной деятельности может быть выражен в материальной форме, которая не относится к вещам, например материальным воплощением музыкального произведения являются построенные в определенном порядке звуковые волны, которые не могут быть отнесены к категории вещей. Это особенно актуально в ситуации, когда «невещественные» формы материального воплощения очень часто распространяются в сети Интернет незаконно в результате их переведения в электронный формат.

Следующий значимый принцип — принцип исчерпания права на распространение объектов интеллектуальной собственности. В соответствии со ст. 1487 ГК РФ на территории нашего государства закреплен национальный принцип исчерпания права: «Не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия» [2]. Также в литературе по территориальному признаку выделяют региональный и смешанный принципы исчерпания. Особое влияние вышеназванная норма имеет на регулирование товарных знаков, например с учетом названной оговорки суды могут прийти к выводу, что правообладатель имеет право запретить оборот товаров, которые были промаркированы товарным знаком им самим или с его согласия.

Принцип ограничения права интеллектуальной собственности особую актуальность приобретает в силу активного распространения результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет. Данный принцип подразумевает, что использование свободно размещенных результатов интеллектуальной деятельности для личных целей (то есть для целей, не связанных с получением коммерческой выгоды, следовательно, не касающихся экономического аспекта прав автора) не образует собой противоправное деяние, которое может повлечь гражданско-правовую ответственность. Однако шоу-бизнес как в нашем государстве, так и на международной арене требует усиления охраны интеллектуальных прав, ужесточения ответственности за нелегальное (бездоговорное) использование результатов интеллектуальной деятельности, увеличения сроков охраны. В силу этого существует конфликт интересов шоу-бизнеса по защите авторских и смежных прав и деятелей науки, которые выступают за обеспечение доступа к знаниям и образованию и борются с ограничениями в интересах равного развития всех стран и регионов мира. Современное интеллектуальное право должно служить защитой не только интересов авторов и иных правообладателей, но и второй стороны, без которой реализация таких прав не была бы возможна, — зрителей, читателей, слушателей, то есть «потребителей» результатов интеллектуальной деятельности. Интересы последних состоят главным образом в обеспечении для них широкого доступа к творчеству. В рамках ст. 27 Всеобщей декларации прав человека признается право каждого человека свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами (то есть правами и свободами «потребителей» результатов интеллектуальной деятельности), а также ему предоставляется

право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом трудов, автором которых он является (то есть авторские и иные смежные права) [3].

Принцип ограничения права интеллектуальной собственности в полной мере выражается в функционировании онлайн-библиотек, которые подразумевают доступ читателя к электронной версии книги для использования (чтения, усвоения материала и мыслей автора). В данном случае основания для наступления гражданско-правовой ответственности отсутствуют, так как представление в свободном доступе основано на самостоятельном размещении автором своего произведения в сети Интернет или таком размещении с его согласия.

Приведенные принципы охарактеризованы в научном аспекте, и требуется их нормативное закрепление. Учитывая их суть, нами предлагается законодательно установить принципы следующего содержания:

— правовая охрана предоставляется только тем нематериальным объектам интеллектуальной собственности, которые воплощены в материальных объектах либо в иных формах, способствующих передаче и приему информации без существенных потерь;

— после введения в гражданский оборот товара, в котором воплощены объекты интеллектуальной собственности, для дальнейшего распространения товара не требуется согласие правообладателей тех объектов интеллектуальной собственности, которые воплощены в этом товаре;

— свободное использование объекта интеллектуальной собственности не требует согласия правообладателя, если такое использование не наносит ущерба нормальному использованию объектов и необоснованным образом не ущемляет законные интересы правообладателей [4, с. 130].

Для понимания результатов интеллектуальной деятельности как объектов гражданских прав нужно учитывать, что основополагающим и правообразующим фактором является сам процесс умственной, творческой деятельности, направленной на создание конечного материально воплощенного объекта (вещи), а не сам объект. Результат интеллектуальной деятельности чаще всего приобретает форму вещи, поэтому для того чтобы результат умственной, творческой деятельности человека можно было считать объектом правоотношений, его необходимо облечь в определенную материальную, вещественную форму для возможности ее усвоения другими людьми (например, записать фонограмму на диск или на иной материальный носитель).

В статье 1225 ГК РФ содержится перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. К ним относятся:

1) произведения науки, литературы и искусства;
2) программы для электронно-вычислительных машин (программы для ЭВМ);
3) базы данных;
4) исполнения;
5) фонограммы;
6) сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания);
7) изобретения;
8) полезные модели;
9) промышленные образцы;
10) селекционные достижения;
11) топологии интегральных микросхем;
12) секреты производства (ноу-хау);
13) фирменные наименования;
14) товарные знаки и знаки обслуживания;
15) наименования мест происхождения товаров;
16) коммерческие обозначения [5].

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса», «пункт 1 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана на основании и в порядке, предусмотренных частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6]. Из этого следует, что официально запрещается вводить новые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, что несколько ограничивает развитие частно-правовых отношений в рассматриваемой сфере.

Однако собственно выделение видов результатов интеллектуальной деятельности в ст. 1225 ГК РФ может быть спорным. Это касается, к примеру, определения интернет-сайта и его правовой регламентации в качестве результата интеллектуальной деятельности. Для того чтобы приравнять сайт к результатам такой деятельности, соотнесем понятия сайта и баз данных (которые упоминаются в качестве охраняемых объектов интеллектуальных прав в ГК РФ): сайт объединяет совокупность гипертекстовых документов, поэтому можно предположить, что он соответствует понятию баз данных.

Таким образом, сайты как разновидность или подвид баз данных относятся к объектам интеллектуальных прав, однако на самих сайтах также могут размещаться (то есть сайты могут содержать) и иные объекты интеллектуальной собственности, например литературные (или иные текстовые), аудиовизуальные и др.

В пункте 2 ст. 1260 ГК РФ интернет-сайты упоминаются наряду с базами данных и иными объектами в качестве составных произведений, то есть данные объекты, базы данных и сайты можно считать относящимися к одному родовому понятию (учитывая конструкцию данного предложения). Из этого следует, что, принимая во внимание специфику и динамику развития интернет-отношений в области права интеллектуальной собственности, можно было бы внести в состав п. 1 ст. 1225 ГК РФ интернет-сайты, в силу чего перечень результатов интеллектуальной деятельности стал бы более полным и отвечал современным реалиям. Несмотря на то, что базы данных и сайты являются родственными понятиями, можно утверждать, что внесение категории «интернет-сайт» в п. 1 ст. 1225 ГК РФ не будет необоснованно нагромождать список результатов интеллектуальной деятельности, так же как выделение в отдельные пункты, а следовательно, представление в качестве самостоятельных результатов, например, изобретений или селекционных достижений. Между тем данные результаты интеллектуальной деятельности можно рассматривать в качестве произведений науки в различных областях.

Думается, что законодательное установление закрытого перечня, а также неконкретное, размытое определение результатов интеллектуальной деятельности (например, произведения науки, литературы и искусства, к которым можно отнести любой результат умственной, творческой деятельности человека, не перечисленный в п. 1 ст. 1225 ГК РФ

и подпадающий под одну из областей интеллектуальной деятельности: науку, литературу, искусство) ориентировано на возможность появления новых, не существовавших ранее видов интеллектуальной деятельности и их правовую охрану. Налицо противоречие: с одной стороны, учитывая современное развитие общественных отношений, перечень результатов интеллектуальной деятельности является неполным, с другой стороны, официально устанавливается, что перечень является закрытым. Такая ситуация порождает коллизии норм права.

Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, участницей которой является Российская Федерация, устанавливает иной принцип определения видов интеллектуальной собственности. К интеллектуальной собственности в соответствии с данным документом относятся права, связанные:

— с литературным, художественным и научным произведением;

— исполнительской деятельностью артистов, звукозаписью, радио- и телевизионными передачами;

— изобретениями во всех областях человеческой деятельности;

— научными открытиями;

— промышленными образцами;

— товарными знаками, знаками обслуживания, фирменными наименованиями и коммерческими обозначениями;

— защитой против недобросовестной конкуренции, а также другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях [7].

Примечательно, что под понятием «интеллектуальная собственность» понимаются права на результаты деятельности человека, а не сами объекты, получаемые в результате такой деятельности. Для международных договоров нередким является использование понятий «интеллектуальная собственность» и «права интеллектуальной собственности» как равнозначных.

В Конвенции, в отличие от норм российского законодательства, перечень результатов интеллектуальной деятельности построен таким образом, что отнесение ранее не существовавшего вида таких объектов не вызовет сложностей благодаря открытости перечня и отсутствию каких-либо ограничений на дополнение объектов интеллектуальной собственности. Данное положение весьма практично в силу того, что сфера интеллектуальной деятельности стремительно развивается и появление новых видов результатов интеллектуального труда человека происходит периодически. В соответствии с Конституцией Российской Федерации правила международного договора имеют более высокую юридическую силу, чем внутреннее законодательство: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [8]. Следовательно, нормы Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, имеют приоритетное значение, что требует единообразного регулирования объектов интеллектуальной собственности путем установления соответствия внутригосударственного законодательства международным нормам. Этого можно достичь путем внесения изменений в ст. 1225 ГК РФ, установив режим открытого перечня для видов результатов интеллектуальной деятельности, что повлечет за собой возможность включения новых объектов интеллектуальной деятельности, о необходимости чего говорилось выше.

Дискуссионным вопросом остается правовая природа гиперссылок, включая технологии embed и framing. Определение понятия «гиперссылка» отсутствует как в отечественном законодательстве, так и в зарубежном. Тем не менее, отвечая современным реалиям, российская судебная практика использует данный термин. Так, Арбитражный суд г. Москвы, рассматривая дело, употребляет категорию «гиперссылка», понимая под ней указание места в сети Интернет, где находится объект интеллектуальной собственности [9]. Гиперссылка может быть рассмотрена в качестве «указания на то место, где может быть размещен некий объект» [10].

Embed представляет собой заимствования других интернет-ресурсов, права на которые (в том числе интеллектуальные) чаще всего отсутствуют у лица, использующего данную технологию. Она позволяет владельцу или администратору сайта включить в свой сайт нужную информацию или контент, в том числе регулируемый правом интеллектуальной собственности, в результате та часть, которая была заимствована, обладает всеми функциями и так же активна, как и в первоначальном интернет-источнике.

Framing используется для тех же целей, что и embed. Разница между технологиями embed и framing существует на уровне технических операций, однако с юридической точки зрения использование того и другого в аспекте права интеллектуальной собственности имеет одинаковое значение.

Существуют разные трактовки понятия «гиперссылка», среди них такие, как: 1) средство, с помощью которого происходит перемещение в определенное «место» в сети; 2) способ использования произведения; 3) способ использования произведения в определенных условиях. На основании ст. 1270 ГК РФ автор произведения или иной правообладатель имеет исключительное право использовать произведение в соответствии со ст. 1229 ГК РФ в любой форме и любым способом, не противоречащим закону, включая указанные в п. 2 ст. 1270 ГК РФ [2]. Подпункт 11 пункта 2 вышеупомянутой статьи предполагает «доведение произведения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору» [2]. Очевидно, что доведение до всеобщего сведения возможно, таким образом, в отношении опубликования результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет, где любое лицо может найти и получить доступ к нему вне зависимости от времени и места при условии возможности пользования Сетью, в частности доведение до всеобщего сведения может осуществляться с помощью гиперссылок и технологий embed и framing, что подтверждается судебной практикой. Так, в решении Арбитражного суда Волгоградской области от 22 июля 2015 г. по делу № А12-21407/2015 размещение произведения с помощью embed квалифицируется как способ использования произведения, в результате чего существует нарушение исключительных прав автора или иного правообладателя [11]. Исходя из конструкции п. 2 ст. 1270 ГК РФ, перечень способов использования объектов интеллектуальных прав не является исчерпывающим, поэтому «позволяет вводить иные способы использования с учетом развития технологий» [12, с.154].

Нередки случаи, когда владельцы источников в сети Интернет при предоставлении возможности копирования определенного материала оговаривают условие о том, что в случае использования текстов (или других объектов) наличие ссылки на источник заимствования в том виде, как указано в первоисточнике, а также гиперссылки на заимствованный

материал является обязательным. Отсутствие ссылки (гиперссылки) может рассматриваться как нарушение прав. Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование гиперссылок постепенно входит в оборот как средство, позволяющее определить первоисточник, а следовательно, автора или иного правообладателя используемого материала или объекта интеллектуальных прав. Однако такой способ может иметь свои недостатки, особенно учитывая то, что первоисточник не всегда может содержать достоверные сведения об авторе или ином правообладателе.

А. Р. Мухгалин в своем исследовании, опираясь на европейскую судебную практику, склонен считать, что наиболее приемлемой является квалификация гиперссылок, технологий embed и framing как способов использования произведения при определенных критериях [13, с. 87]. В обоснование этой мысли исследователь приводит дело, рассмотренное Судом Европейского союза, правовая позиция которого заключается в том, что нарушением авторских прав будет являться размещение гиперссылок, с помощью которых возможно обойти технические ограничения при условии существования таковых или отсутствии произведения в свободном доступе. Еще одним подтверждающим рассматриваемую точку зрения фактором является вывод судебного органа по другому делу, согласно которому расположение гиперссылки на своем ресурсе относится к способам использования произведения, а следовательно, является нарушением прав правообладателя, если:

— гиперссылка позволяет использовать контент в обход технических ограничений правообладателя;

— пользователь знал или должен был знать о незаконном размещении произведения в сети Интернет;

— гиперссылка размещается с коммерческой целью.

Таким образом, нельзя не согласиться с обоснованной точкой зрения о том, что гиперссылки, а также технологии embed и framing при определении их правовой природы могут быть отнесены к способам использования произведения с соблюдением определенных условий.

Существует и иное мнение по данному вопросу: Ю. М. Диденко считает, что «гиперссылка на ресурс, содержащий нелегальный контент, позволяющая скачать его, в силу своей функции перенаправлять к объектам авторских прав, незаконно размещенным в сети Интернет, не отвечает признакам авторского произведения» [14, с. 95]. Следовательно, размещение гиперссылок в данном случае рассматривается как техническая возможность, не предполагающая нарушение интеллектуальных прав. О. М. Примакова имеет иную точку зрения, суть которой состоит в том, что «установление гиперссылок на охраняемое авторским правом произведение не является нарушением прав на него, поскольку не может быть квалифицировано в качестве действия по воспроизведению и сообщению этого произведения для всеобщего сведения» [15, с. 34]. Однако в данном случае гиперссылка облегчает доступ к произведению, что способствует его доведению до всеобщего сведения.

Кроме перечисленных выше взглядов на правовую природу исследуемой технологии, гиперссылка может рассматриваться в качестве средства защиты авторских прав. Обратимся к апелляционному определению Коллегии по гражданским делам Костромского областного суда от 23.09.2013 по делу № 33-1578. В рамках рассматриваемого дела истцы (лица, принимавшие участие в создании спорных сайтов) требуют обязать ответчика прекратить незаконное присвоение авторства произведения (интернет-сайтов) и распространение ложных сведений об авторстве ответчика. Ответчик разместил описание и дизайн главной страницы каждого из оспариваемых сайтов, а также гиперссылки на эти сайты на персональной интернет-странице, указав объем творческой деятельности, в которой якобы принимал участие. По мнению суда, используемые ответчиком отдельные элементы сайтов носят исключительно информационный характер, их содержание не отвечает признакам произведения как объекта авторского права, а следовательно, факт нарушения ответчиком авторских прав на контент указанных интернет-сайтов отсутствует [16]. Размещение ответчиком главных страниц спорных сайтов и гиперссылок на них позволяет пользователю лишь получить информацию о нахождении конкретного объекта, размещенного третьим лицом, по конкретному адресу в сети Интернет, при том что использование конкретного объекта осуществляется по инициативе именно лица, разместившего объект на своем сайте, а сам фрагмент представляет собой ссылку.

Как считает суд, имеющаяся на сайте ответчика гиперссылка на сайт-первоисточник, на котором указан разработчик, выступает средством защиты авторских прав на них, в том числе истцов, поскольку ст. 1300 ГК РФ предусматривает, что информацией об авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведение, автора или иного правообладателя, либо информация об условиях использования произведения, которая содержится на оригинале или экземпляре произведения, приложена к нему или появляется в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо доведением до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация.

Таким образом, в данном случае суд определяет гиперссылки лишь как способ указания информации о нахождении определенного объекта в сети Интернет. Опираясь на мнение суда, можно утверждать, что гиперссылка не рассматривается в качестве технологии, с помощью которой нарушены интеллектуальные права, а напротив, выступает средством защиты авторских прав на определенные объекты в силу ст. 1300 ГК РФ.

Однако суды склонны считать использование гиперссылок фактором, нарушающим интеллектуальные права. Так, в соответствии с решением Азовского суда Ростовской области от 26.02.2016 по делу № 2-262/2016ответчик без разрешения истца опубликовал на своем сайте статью, содержащую фотографии [17]. Исключительные права на спорные фотографии истцом никому не передавались. В конце статьи указан автор, не соответствующий автору первоначальной текстовой информации и фотографий, а также установлена гиперссылка на слове «источник», при нажатии на которую происходит переход к сайту-первоисточнику. Из посетивших сайт ответчика девять человек воспользовались данной гиперссылкой (включая нотариуса, представителя истца и самого истца). Следовательно, только шесть человек могли узнать о настоящем авторе данных фотографий. По мнению суда, факт нарушения ответчиком исключительных прав истца на фотографические произведения подтвержден материалами дела. Использование гиперссылок на первоисточник в сравнении с предыдущим делом было рассмотрено в качестве фактора, нарушающего интеллектуальные права, несмотря на малоактивность использования данной гиперссылки.

Обращает на себя внимание в рамках исследуемой проблемы рассмотрение правовой природы такой технологии, как репост (от англ. repost). В дословном переводе

с английского языка «репост» означает «повторное сообщение». Синонимами данного понятия являются «ретвит» (используемое чаще всего для социальной сети «Твиттер»), перепост и др.

Сущность репоста заключается в добавлении определенного контента на страницу своего аккаунта с сохранением ссылки (как простого указания или гиперссылки) на источник, опубликовавший этот контент ранее. Не всегда лицо, разместившее какой-либо пост, содержащий информационный, новостной или иной контент, который может быть выражен в форме одного или совокупности видов результатов интеллектуальной деятельности (например, фотографического произведения и фонограммы или др.), является автором такого контента. Поэтому технология репост в рамках вопроса о защите авторских и смежных прав в сети Интернет будет актуальной исключительно при соблюдении условия о первичной публикации результата интеллектуальной собственности его автором или иным правообладателем. На наш взгляд, технология репост в таком случае будет способствовать расширению аудитории, которая знакома с данным контентом, а следовательно, увеличению популярности правообладателя, что непременно является плюсом для него.

Возникает вопрос относительно правовой природы технологии репост. Возможно рассмотрение ее в качестве разновидности гиперссылок (например, в случае возможности идентификации ресурса, на котором впервые был размещен контент, то есть указания ссылки (простое указание автора или иного правообладателя) или гиперссылки на первоисточник) в силу наличия определенных схожих черт.

Применение технологии репост имеет сходства с понятием использования результата интеллектуальной деятельности посредством «доведения произведения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения)» [2]. Использование произведения с помощью доведения до всеобщего сведения осуществляет автор или иной правообладатель на основе первоочередной публикации контента, содержащего результат его интеллектуальной деятельности, а потребители результатов интеллектуальной деятельности, используя технологию репост, лишь оказывают помощь в их распространении, хотя в большинстве случаев репост применяется с целью закрепления определенного контента на своем аккаунте для быстрого доступа к нему.

Заключение, выводы

Так, вопросы о правовой сущности сайтов, природе гиперссылок являются открытыми и дискуссионными. На данный момент не существует единого мнения, в качестве чего следует рассматривать гиперссылки, а также embed и framing: особой группы объектов авторских прав (применительно к гиперссылкам на ресурсы для скачивания нелегального контента [12, с. 154]; способа использования произведения при определенных критериях [13, с. 87] или же не соотносить гиперссылки с объектами интеллектуальных прав. Как видно из материалов судебной практики, какое-либо единое мнение по поводу использования гиперссылок отсутствует. Однако суды, приближаясь к определению правовой природы гиперссылок, все чаще сходятся в том, что их стоит рассматривать в качестве указания места в сети Интернет, где размещен объект интеллектуальной собственности или другие материалы.

Интересен вопрос и о правовой регламентации технологии репост. Возможно, стоит рассматривать ее в качестве разновидности гиперссылок, однако такой подход вряд ли поможет ответить на поставленный вопрос в силу того, что сами гиперссылки никак не урегулированы на законодательном уровне. Однако сегодня юриспруденция развивается по пути становления определенных правовых представлений по поводу гиперссылок, embed и framing посредством судебной практики как в Российской Федерации, так и за рубежом.

Таким образом, на наш взгляд, неопределенность в вопросе перечня результатов интеллектуальной деятельности, круга объектов, входящих в указанный перечень, имеет свои особенности, и это требует проработки на правовом уровне. В частности, считаем необходимым установление открытого перечня результатов интеллектуальной деятельности, что будет логичным шагом к унификации норм гражданского законодательства Российской Федерации и Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Это поможет внесению в перечень результатов интеллектуальной деятельности новых объектов, которые появляются в результате технического прогресса и отношений в сети Интернет.

Зачастую законодательство не способно быстро реагировать на изменения в рассматриваемых отношениях, которые постоянно развиваются, однако нормативно-правовое регулирование способно помочь в решении многих трудностей в политической, экономической и социальной сферах общества, связанных с частно-правовыми реалиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2015. 368 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018). URL: http://www.consultant.ru/search/

3. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). URL: http://www.consultant.ru/search/

4. Мардиева Э.Р. Принципы права интеллектуальной собственности в системе основополагающих начал гражданского законодательства // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации: материалы VII Всероссийской науч.-практич. конф. Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. С. 130–134.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018). URL: http://www.consultant.ru/search/

6. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/search/

7. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (подписана в Стокгольме 14.07.1967, изменена 02.10.1979). URL: http://www.consultant.ru/search/

8. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном референдуме 12.12.1993). URL: http://www.consultant.ru/search/

9. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 марта 2011 г. по делу № А40-139835/10-26-1143 // РосПравосудие. 2018. URL : https://rospravosudie.com/act-opredelenie-a40-139835-10-kareva-n-yu-as-goroda-moskvy-18-02-2011-1351771/

10. Решение Кузьминского районного суда г. Москвы от 04 марта 2014 г. по делу № 2-708/14 // РосПравосудие. 2018. URL: https://rospravosudie.com/court-kuzminskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-471627342/

11. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 22 июля 2015 года по делу № А12-21407/2015 // РосПравосудие. 2018. URL: https://rospravosudie.com/act-opredelenie-a40-139835-10-kareva-n-yu-as-goroda-moskvy-18-02-2011-1351771/

12. Савельева А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2016. 524 с.

13. Мухгалин А.Р. Использование гиперссылок в сети «Интернет» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 19. С. 86–91.

14. Диденко Ю.М. Некоторые аспекты защиты авторских прав в цифровой среде // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. С. 95–104.

15. Примакова О. М. Нарушение авторского права в сети Интернет // Правовые вопросы связи. 2011. № 1. С. 32–36.

16. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Костромского областного суда от 23.09.2013 по делу № 33-1578 // РосПравосудие. 2018. URL: https://rospravosudie.com/court-kostromskoj-oblastnoj-sud-kostromskaya-oblast-s/act-437263203/

17. Решение Азовского суда Ростовской области от 26.02.2016 по делу № 2-262/2016 // РосПравосудие. 2018. URL: https://rospravosudie.com/court-azovskij-gorodskoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-503063335/

REFERENCES

1. Sudarikov S.A. Intellectual property right: textbook. M.: Prospect, 2015. 368 p.

2. Civil Code of the Russian Federation (part four) of December 18, 2006 No. 230-ФЗ (as amended on May 23, 2017). URL: http://www.consultant.ru/search/

3. The Universal Declaration of Human Rights in 1948 (adopted by the UN General Assembly on 10/12/1948). URL: http://www.consultant.ru/search/

4. Mardieva, E. R. Principles of Intellectual Property Law in the System of Fundamental Principles of Civil Legislation // Actual Problems of the Formation of a Rule of Law in the Russian Federation: Materials of the VII All-Russian Scientific Practical Conference. Ufa: RIC BashGU, 2017. Pp. 130–134.

5. Civil Code of the Russian Federation (part four) of December 18, 2006 No. 230-ФЗ (as amended on May 23, 2017). URL: http://www.consultant.ru/search/

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 26, 2009 No. 5/29 “On some issues arising in connection with the introduction of the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation”. URL: http://www.consultant.ru/search/

7. Convention establishing the World Intellectual Property Organization (signed in Stockholm on July 14, 1967, amended on October 2, 1979). URL: http://www.consultant.ru/search/

8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular referendum 12/12/1993). URL: http://www.consultant.ru/search/

9. The decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated March 30, 2011 on case number A40-139835/10-26-1143 // Russian Justice. 2018. URL: https://rospravosudie.com/act-opredelenie-a40-139835-10-kareva-n-y-as-goroda-moskvy-18-02-2011-1351771/

10. The decision of the Kuzminsky District Court of Moscow dated March 4, 2014 in case No. 2-708 / 14 // Russian Justice. 2018. URL: https://rospravosudie.com/court-kuzminskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-471627342/

11. The decision of the Arbitration Court of the Volgograd region of July 22, 2015 in case number A12-21407 / 2015 // Russian Justice. 2018. URL: https://rospravosudie.com/act-opredelenie-a40-139835-10-kareva-n-y-as-goroda-moskvy-18-02-2011-1351771/

12. Savelieva A. I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2nd ed., Ext. M.: INFRA-M, 2016. 524 p.

13. Mukhgalin A.R. Use of hyperlinks on the Internet // Journal of the Court for Intellectual Property Rights. 2018. No. 19. Pp. 86–91.

14. Didenko Yu. M. Some aspects of copyright protection in the digital environment // Journal of the Court of Intellectual Property Rights. 2017. Pp. 95–104.

15. Primakova O. M. Infringement of the copyright on the Internet // Legal issues of communication. 2011. No. 1. Pp. 32–36.

16. Appeal definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Kostroma Regional Court dated September 23, 2013 on case No. 33-1578 // Russian Justice. 2018. URL: https://rospravosudie.com/court-kostromskoj-oblastnoj-sud-kostromskaya-oblast-s/act-437263203/

17. The decision of the Azov court of the Rostov region dated 02.26.2016 on case No. 2-262 / 2016 // Russian Justice. 2018. URL: https://rospravosudie.com/court-azovskij-gorodskoj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-503063335/

Как цитировать статью: Мардиева Э. Р., Яхина Р. Р. Правовая природа некоторых объектов интеллектуальной деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 319–325. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.454.

For citation: Mardieva E. R., Yahina R. R. The legal nature of certain intellectual activities // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 319–325. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.454.

УДК 347.77:004.8
ББК 67.404.3:32.813

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.425

Morkhat Petr Mechislavovich,
Candidate of law,
judge of the Arbitration court of the Moscow region,
Lecturer of the Institute of advanced training,
Kutafin Moscow
State Law University,
e-mail: pmorhat@mail.ru

Морхат Петр Мечиславович,
кандидат юридических наук,
судья Арбитражного суда Московской области,
преподаватель института повышения квалификации,
Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: pmorhat@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЮНИТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

IMPROVEMENT OF THE RUSSIAN LEGISLATION IN TERMS OF REGULATING THE LEGAL STATUS OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE UNITS IN THE FIELD OF THE INTELLECTUAL PROPERTY LAW

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

Современные компьютерно-программные технологии, нейротехнологии, биотехнологии, технологии робототехники продолжают стремительно, очень интенсивно развиваться. Одной из наиболее перспективных, потенциально применимых во многих сферах общественных отношений и уже применяемых в ряде сфер и при этом наиболее неоднозначных технологий является технология искусственного интеллекта. Искусственный интеллект иначе именуется еще «машинным разумом», «машинным интеллектом», «разумной машиной», «думающей машиной», «цифровым существом». Соответственно, носителя искусственного интеллекта (систему, объект, устройство, агента) мы далее будем именовать юнитом искусственного интеллекта.

Способность человека создавать произведения искусства и испытывать наслаждение от их созерцания эволюционировала в ходе многих и многих веков, от самых примитивных форм; также будут эволюционировать и машины, только намного быстрее. Возможно появление машин, создающих искусство. Считаем, что мыслящие машины будут мыслить самостоятельно. Расти, расширяться — это в природе как разума, так и самого знания. Подобно нам, мыслящие машины, которые мы создадим, будут амбициозными, жаждущими силы и мощи — как физической, так и вычислительной, но лучше нас смогут разглядеть то, что скрыто в тени эволюции. Наши мыслящие машины будут умнее, чем мы, а машины, которые разработают они, — еще умнее. Мы уже давно создаем амбициозные полуавтономные конструкции: правительства, корпорации, неправительственные организации. Технологии искусственного интеллекта уже сегодня активно используются для проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в самых разных сферах. С помощью технологий и юнитов искусственного интеллекта все больше совершается новых научных открытий и создается новых изобретений.

Новые сложнейшие и очень быстро возникающие и развивающиеся вызовы современности, такие как трансформация и усложнение гетерогенности и энтропийности интернет-пространства, интенсивное развитие робототехники, технологий и юнитов искусственного интеллекта, не могут не отражаться на состоянии и развитии законодательства в самых разных сферах общественных отношений. Одной из таких сфер, требующих пристального научного внимания, является сфера интеллектуальной собственности. Несмотря на то, что в этой области ведется множество научных разработок, исследователи отмечают, до сих пор нет согласованного (общепризнанного, конвенционально признаваемого всеми теоретиками и практикующими специалистами) универсального, исчерпывающе четкого и однозначного определения понятия «искусственный интеллект».

Modern computer-software technologies, neurotechnologies, biotechnologies, robot technology continue to develop very rapidly, very intensively. One of the most promising, potentially applicable in many spheres of the social relations and already used in a number of spheres and at the same time the most ambiguous technologies is the technologies of the artificial intelligence. Artificial intelligence is otherwise referred to as "machine intelligence", "intelligent machine", "thinking machine", "digital creature". Accordingly, the artificial intelligence carrier (system, object, device, and agent) will be hereinafter referred to as an artificial intelligence unit. The ability of a person to create works of art and experience pleasure from their contemplation has evolved over the course of many and many centuries, from the most primitive forms; the machines will also evolve, only much faster.

The emergence of machines that create art is possible. We believe that thinking machines will think on their own. Grow, expand is in the nature of both the mind and knowledge itself. Like us, the thinking machines that we create will be ambitious, hungry for strength and power - both physical and computational, but it is better for us to dissect what is hidden in the shadow of evolution. Our thinking machines will be smarter than we, and the machines that they will develop — even smarter. We have long been creating ambitious semi-autonomous structures: governments, corporations, non-governmental organizations. Technologies of artificial intelligence are already actively used today for carrying out research and development work in various fields. With the help of artificial intelligence technologies and units, more and more

scientific discoveries are being made and new inventions are being created. New complex and very rapidly emerging and evolving challenges of the present, such as the transformation and complexity of the heterogeneity and entropy of the Internet space, the intensive development of robotics, technologies and artificial intelligence units, cannot help reflecting on the state and development of legislation in various fields of social relations. One of these areas, which require close scientific attention, is the scope of intellectual property. Despite the fact that there are many scientific developments in this field, researchers note that there is still no universally accepted (universally recognized, conventionally recognized by all theorists and practicing specialists) universal exhaustively clear and unambiguous definition of the term "artificial intelligence".

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинный разум, юнит, киберфизическая система, правосубъектность, генетический поиск, киберфизика, машинный интеллект, интернет-пространство, правовой акт.

Keywords: artificial intellect, machine mind, unit, cyber-physical system, legal personality, genetic search, cyber physics, computer intelligence, Internet space, legal act.

Введение

Актуальность обозначенной темы (определяя необходимость настоящего исследования) обусловлена следующими детерминантами:

1) критически значительное рассогласование реалий, которые создает и экспектативно создаст применение технологий и юнитов искусственного интеллекта при реальном производстве результатов интеллектуальной деятельности (творческих продуктов), и ныне действующего законодательства Российской Федерации в сфере права интеллектуальной собственности, дезупорядочивающее (угрожающее дезорганизовать) правоотношения в этой сфере;

2) в целом множественные критически существенные пробелы в правовом понимании и толковании феномена искусственного интеллекта, его правового положения и сопряженных с ним проблем;

3) экспоненциальный рост разрыва между существенным скачком в инновационно-технологическом развитии робототехнических, компьютерно-программно-аппаратных технологий и уже безнадежно отставшим нормативным правовым и нормативным техническим регулированием в этой сфере, в том числе в части определения правового положения сложных юнитов искусственного интеллекта;

4) появление целой линейки обусловленных новейшими достижениями в сфере информационных технологий, робототехники и искусственного интеллекта вызовов, угроз и рисков (преимущественно имплицитных) для прав, свобод и законных интересов человека, в том числе в сфере права интеллектуальной собственности, что тем более актуально в условиях заявляемого на высшем государственном уровне проекта реформирования сферы гражданского законодательства в Российской Федерации;

5) имеющий место конфликт между стремлением законодателя к созданию правовых условий для интенсификации инновационно-технологического развития в сфере искусственного интеллекта и обоснованными опасениями перед лицом угроз, рисков и неопределенностей, детерминируемых разработкой, внедрением и применением технологий и юнитов искусственного интеллекта;

6) издание (принятие) в России целого ряда нормативных правовых и концептуально-программных документов, предопределяющих приоритетность разработки и внедрения технологий и юнитов искусственного интеллекта (в числе других цифровых технологий) под решение задач перспективного экономического развития, решение задач совершенствования системы государственного управления, в том числе в сфере экономики, и, в частности, под решение задач совершенствования судебной системы (Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (пп. «б» п. 11, пп. «ж» п. 1, пп. «б» п. 2, пп. «б» п. 11), «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 (пп. «в» п. 36), «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642, (пп. «а» п. 20, пп. «е» п. 20), поручение Председателя Правительства РФ от 06.03.2017 (во исполнение п. 2 Перечня поручений Президента РФ от 05.12.2016 № Пр-2346), Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р (п. 1.8.1 разд. «Дорожная карта», разд. I), «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р (разделы 2 и 7); пп. 12–16 разд. 5 «Плана мероприятий (дорожной карты) по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» (передовые производственные технологии)», утвержденного Распоряжением Правительства РФ от 23.03.2018 № 482-р);

7) появление за рубежом первых профильных нормативных правовых и концептуально-программных документов (Китай, Япония и др.) в сфере разработки, функционирования и применения искусственного интеллекта, активизация в зарубежных государствах (США и др.) и на международном уровне (Европейский союз) референтной законопроектной и документарно-проектной работы.

Цель исследования — это фундаментальное научно-юридическое исследование и переосмысление тематического горизонта искусственного интеллекта, в том числе и конкретно в сфере интеллектуальной собственности, и прежде всего — гражданско-правового научного исследования, поскольку аттрактором (центром схождения) всей совокупности вопросов тематического горизонта искусственного интеллекта и права является вопрос о правовом положении юнита искусственного интеллекта.

Основная часть

При наличии определенного числа публикаций по тематическому горизонту правового регулирования разработки, производства и задействования искусственного интеллекта в современной юридической науке:

1) не сформировано единое релевантное правовое понимание и объяснение феномена искусственного интеллекта, содержания и природы возможного (должного, допустимого) правового положения юнитов искусственного интеллекта, а также правовое понимание и объяснение того, кто, на каких основаниях и в каком порядке должен нести ответственность за последствия действий (бездействия) юнитов искусственного

интеллекта, а равно кто является правообладателем на произведения (результаты интеллектуальной деятельности), создаваемые юнитами искусственного интеллекта или с их фактически или юридически существенным участием;

2) заявленный тематический горизонт не охвачен в должной полноте научными описаниями, интерпретациями и объяснениями; отсутствуют релевантные полноценные научно-теоретические концепты и конструкты; понятийно-категориальный аппарат должным образом не сформирован; представленные в научной литературе интерпретации характеризуются противоречивостью, фрагментарностью, пробельностью, поверхностностью; ключевые содержательные моменты крайне слабо проработаны (в российской науке — особенно слабо);

3) сегодня в отечественной науке нет комплексных полномасштабных (по охвату и объему) и фундаментальных (по глубине научно-исследовательской проработки тематического горизонта и содержательной глубине результирующих научных обобщений, концептов, конструктов, теорий) научно-юридических исследований феномена искусственного интеллекта, правового положения юнитов искусственного интеллекта, особенностей разработки, производства, программирования, оборота, применения (задействования), функционирования, самообучения и саморазвития, прекращения жизнедеятельности (разрушения) и утилизации юнитов искусственного интеллекта, а также реальности, отношений, процессов и проблем, со всем этим связанных; даже в научно-правовых исследованиях (как отечественных, так и зарубежных), отличающихся наиболее высоким качеством, на сегодня не представлена полномасштабная теория, позволяющая сложить из явно недостаточного числа отдельных разрозненных (хотя и несколько проработанных) элементов «мозаики» целостную картину исследуемой предметно-объектной области и, в числе прочего, объясняющая линейку наиболее сложных вопросов указанного тематического горизонта искусственного интеллекта и права и сопрягаемая с фундаментальными научными исследованиями связанных с искусственным интеллектом тем в рамках других научных направлений.

Восполнению этих содержательных научных пробелов и посвящено наше исследование.

Согласно нашему авторскому определению, *искусственный интеллект* — это полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе биокибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная (обладающая) программно синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями:

— антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий (осуществления и демонстрации таких действий), таких как распознавание, понимание, интерпретация и генерирование образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смыслопорождающее и смысловоспринимающее) мышление, обобщение, анализ и оценка информации;

— самореферентности, саморегулирования, самоограничения, самоадаптирования под изменяющиеся условия, автономного самоподдержания себя в гомеостазе;

— самостоятельного (автономного) сложного накопления информации и опыта;

— самостоятельного (автономного) осуществления генетического поиска (genetic algorithm) и обработки информации, то есть реализации эвристического алгоритма поиска с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации;

— обучения и самообучения (в том числе на своих ошибках и своем опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;

— антропоморфно-разумного самостоятельного (автономного), в том числе творческого принятия решений, формулирования и решения задач и проблем, доказывания математических теорем;

— самостоятельной разработки тестов и алгоритмов под собственное тестирование, самостоятельного осуществления самотестирований и тестирований виртуальной (компьютерной) реальности;

— при заданной и обеспеченной возможности (способности) — сообщения (взаимодействия) с физической реальностью, восприятия воздействий (сигналов) на сенсорные входы (их аналоги) и реагирования на таковые сигналы, самостоятельного осуществления тестирований физической реальности.

Заключение и выводы

По результатам проведенного нами комплексного исследования разработаны следующие предложения о внесении изменений в законодательство Российской Федерации.

Дополнить статью 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (Четвертой части) новым пунктами 5 и 6 следующего содержания:

«5. Права на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом гражданина, внесшего существенный личный творческий вклад в создание такого результата, при использовании технологий искусственного интеллекта, обеспечивших техническое или информационно-консультационное содействие или помощь, принадлежат этому гражданину».

6. Права на результат интеллектуальной деятельности, созданный комплексом программных и программно-аппаратных средств искусственного интеллекта автономно, то есть в условиях отсутствия существенного личного творческого вклада человека, принадлежат:

1) производителю этого комплекса;

2) в случае заключения производителем комплекса программно-аппаратных средств искусственного интеллекта, имеющим на него права, соответствующего лицензионного договора на использование указанного комплекса или его возможностей с физическим или юридическим лицом — лицензиату по указанному договору;

3) в случае предоставления производителем комплекса программно-аппаратных средств искусственного интеллекта, имеющим на него права, открытой лицензии на использование указанного комплекса или его возможностей, в смысле статей 1286.1, 1368 и последнего абзаца пункта 1 статьи 1259 настоящего Кодекса, — гражданину, личный творческий вклад которого имел существенное значение как основа для создания этого результата интеллектуальной деятельности, или, при отсутствии такового, переходит в общественное достояние».

Дополнить статью 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» новым пунктом 21 следующего содержания (понятно, что норма-

дефиниция должна отличаться и отличается от предлагаемой нами в наших работах авторской научной дефиниции понятия «искусственный интеллект», хотя преемственность между этими двумя дефинициями налицо):

«21) искусственный интеллект — автономный комплекс программных или программно-аппаратных средств (юнит) с человеко-компьютерным интерфейсом, представляющий собой виртуальную вычислительную систему или оснащенную средствами «технического» зрения (восприятия воздействий (сигналов) на сенсорные электронные аналоги органов чувств) и средствами непосредственного самостоятельного взаимодействия с физической реальностью (актуаторами) и с цифровой реальностью киберфизическую систему, с программно-технически и математически эмулированными и обеспеченными способностями (возможностями) биоподобных когнитивных и антропоморфно-интеллектуальных речемыслительных действий (функций), обучения и самообучения, самоорганизации и самотестирования, творческой (эвристической) деятельности, в том числе на основе накопленных и «исторических» данных и данных мониторинга».

В качестве выводов хотелось бы заметить, что на данном этапе (по крайней мере на ближайшие 2-3 года) больше пока никаких законодательных изменений здесь не требуется, в том числе и в отношении правосубъектности юнитов искусственного интеллекта.

Единственно, что требует также безотлагательного внесения изменений в законодательство Российской Федерации, — это смарт-контракты и ответственность за военное применение автономных систем вооружений, оснащенных искусственным интеллектом, но хотя эти темы и были затронуты нами в наших работах, таковые были нами обоснованно оставлены за рамками авторской научной концепции и заявленной темы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109. URL: http://journals.rudn.ru/law/article/view/18334/15699

2. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnoe-litso-v-chem-sut

3. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М. : Юнити-Дана, 2018. 113 с. URL: https://www.twirpx.com/file/2482436

REFERENCES

1. Ponkin I. V, Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Ser. "Juridical sciences". 2018. T. 22. No. 1. Pp. 91–109. URL: http://journals.rudn.ru/law/article/view/18334/15699

2. Morhat P. M. Artificial intelligence: legal view / Institute of state-confessional relations and law. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnoe-litso-v-chem-sut

3. Morhat P. M. Intellectual Property Rights and Artificial Intelligence. - M., 2018. 113 p. URL: https://www.twirpx.com/file/2482436

Как цитировать статью: Морхат П. М. Совершенствование российского законодательства в части регулирования правового положения юнитов искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 326–329. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.425.

For citation: Morkhat P. M. Improvement of the russian legislation in terms of regulating the legal status of the artificial intelligence units in the field of the intellectual property law // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 326–329. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.425.

УДК 340.116
ББК 67.0

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.449

Shtokalo Viktor Aleksandrovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State Law,
North-Ossetian State
University named after K. L. Khetagurov,
Vladikavkaz,
e-mail: v-shtokalo@yandex.ru

Штокало Виктор Александрович,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры государственного права,
Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ,
e-mail: v-shtokalo@yandex.ru

Shtokalo Svetlana Viktorovna,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Theory and History of the State and Law,
North-Ossetian State
University named after K. L. Khetagurov,
Vladikavkaz,
e-mail: s-shtokalo@mail.ru

Штокало Светлана Викторовна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ,
e-mail: s-shtokalo@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС АДМИНИСТРАТОРА ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА ГРАФСТВА ЮЖНЫЙ ДУБЛИН

THE LEGAL STATUS OF THE MEETINGS ADMINISTRATOR OF THE SOUTH DUBLIN COUNTY COUNCIL

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право
12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the concept of law and state
12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law

В статье на основе изучения оригинальных ирландских источников (работ известных ученых и практиков, законодательных и муниципальных правовых актов, документов, сопровождающих деятельность местных органов) рассматриваются основные аспекты правового статуса и правового регулирования деятельности администратора заседаний Совета графства Южный Дублин. Выбор для исследования графства Южный Дублин обусловлен прежде всего тем, что оно динамично развивается, преследует в соответствии со своим действующим корпоративным планом цель стать «наилучшим местом для жизни, работы и ведения бизнеса» и является одним из последних по времени создания. Институт администратора заседаний органа местного самоуправления, введенный на основе Закона о местном самоуправлении 2001 г., представляет одну из особенностей ирландской модели местного самоуправления. В статье уделяется необходимое внимание раскрытию прав и обязанностей администратора заседаний как одного из элементов его правового статуса. Права и обязанности администратора заседаний по обеспечению организации деятельности Совета графства Южный Дублин находят наиболее полное отражение в постоянных правилах Совета графства Южный Дублин, основные положения которых анализируются и приводятся в статье. На основе изучения практики деятельности администратора заседаний Совета графства Южный Дублин и иных ранее проведенных исследований авторы приходят к заключению, что институт администратора заседаний органа местного самоуправления вполне оправдывает свое введение и назначение, а также играет важную роль в обеспечении эффективной деятельности органов местного самоуправления Республики Ирландии.

The article examines the main aspects of the legal status and legal regulation of the activities of the meetings administrator of the South Dublin County Council on the basis of the study of original Irish sources (works by well-known scientists and practitioners, legislative and municipal legal acts, documents accompanying the activities of local authorities). The choice for the study of the county of South Dublin is due primarily to the fact that it is dynamically developing, pursuing in accordance with its current corporate plan the goal of becoming "the best place for living, working and doing business" and is one of the last in time creation. The institute of the meetings administrator of the local government, introduced on the basis of the Local Government Act 2001, represents one of the features of the Irish model of local government. The article pays the necessary attention to the disclosure of the rights and duties of the meetings administrator as one of the elements of his legal status. The rights and duties of the meetings administrator to ensure the organization of the activities of the South Dublin County Council are most fully reflected in the standing rules of the South Dublin County Council, the main provisions of which are analyzed and given in the article. Based on the study of the practice of the meetings administrator of the South Dublin County Council and other previous studies, the authors conclude that the institution of the meetings administrator of the local government fully justifies its establishment and designation, and also plays an important role in ensuring an effective operation local authorities of the Republic of Ireland.

Ключевые слова: правовая семья общего права, англосаксонская система местного самоуправления, Республика Ирландия, Закон о местном самоуправлении 2001 г., местное самоуправление, реформа местного самоуправления, органы местного самоуправления, графство Южный

Дублин, Совет графства Южный Дублин, постоянные правила, администратор заседаний, система единственного передаваемого голоса.

Keywords: common law system, the Anglo-Saxon system of local government, the Republic of Ireland, Local Government Act 2001, local government, local government reform, local authorities, South Dublin County, South Dublin County Council, standing orders, meeting administrator, single transferable vote.

Введение

Одной из **актуальных** проблем российской науки является изучение процедуры деятельности органов местного самоуправления зарубежных стран [1, с. 16]. На необходимость изучения и развития «регламентного» права, которое позволяет четко определять процедуры принятия управленческих решений, обеспечивать прозрачность и определенность действий чиновников, также обращает внимание профессор Т. Я. Хабриева (директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации) [2].

Изученность проблемы. Статья посвящена проблеме, мало изученной в отечественной науке. Результаты исследований, проведенных по проблематике данной статьи, нашли отражение в ранее опубликованной работе авторов.

Научная новизна исследования состоит в обращении к рассмотрению вопросов темы (в том числе о роли администратора заседаний и процедурных аспектах его деятельности), которые не нашли достаточного отражения в отечественной литературе, и проявляется в авторской интерпретации фактов проведенного исследования и впервые введенных в научный оборот полученных результатах.

Местное самоуправление Республики Ирландии, исторически одной из стран общего права [3, с. 694–695], является вариацией англосаксонской системы местного самоуправления и в качестве таковой обладает рядом особенностей. Одной из особенностей организации и процедуры деятельности советов графств Ирландии является наличие администратора заседаний органа местного самоуправления.

Авторы статьи преследуют **цель** определить место администратора заседаний в механизме местного самоуправления, рассмотреть вопрос о правовом статусе администратора заседаний органа местного самоуправления в Республике Ирландии. Поставленные в исследовании вопросы рассматриваются на примере административного графства Южный Дублин.

Администратор заседаний представляет собой уникальный институт, осуществляет организационное руководство заседаниями местного органа и занимает важное место в механизме местного самоуправления. Авторы статьи полагают, что введение института администратора заседаний органа местного самоуправления в Республике Ирландии способствует повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления и предпринимают попытку найти достоверные подтверждения этой гипотезе.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость статьи состоит в том, что сформулированные в ней выводы развивают и дополняют представления о сущности механизма местного самоуправления в Республике Ирландии и странах общего права, кроме того, могут быть полезны для последующих научных исследований в этой области.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных программ и учебной литературы по соответствующим дисциплинам профессионального цикла бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Юриспруденция».

Методологическую основу данного исследования образуют такие общенаучные методы, как анализ, синтез, системно-структурный метод. Кроме того, были использованы специальные методы, в частности формально-юридический, сравнительно-правовой и метод толкования права.

Основная часть

Учреждение графства Южный Дублин предусматривалось Законом о местном самоуправлении 1991 г. (ст. 18, 21–22) [4; 5, p. 16] и было осуществлено на основе Закона о местном самоуправлении (для Дублина) 1993 г. [6], который установил, что территория бывшего графства Дублин «должна быть разделена на три административных графства… Южный Дублин, Фингэл и Дан Лэри-Рэтдаун» (ст. 9), и в каждом из них должен быть создан совет, состоящий из председателя и советников (ст. 11). Совет графства Южный Дублин начал функционировать с 1 января 1994 г. [7, p. 137].

Графство Южный Дублин, расположенное в провинции Лейнстер, (Дублинский регион) имеет площадь 222,74 км^2 [8], население 278 749 человек (2016) [8; 9], то есть это одно из самых густонаселенных административных графств Республики Ирландии. В состав Совета графства входит 40 советников [10]. Одного из них советники ежегодно избирают мэром графства. Мэр графства, который является «первым гражданином Совета графства Южный Дублин» [11], осуществляет функции председателя Совета графства. Советники избираются сроком на пять лет в шести многомандатных избирательных округах по пропорциональной системе единственного передаваемого голоса [12, p. 148–170]. Совет графства в своей деятельности широко опирается на развитую систему комитетов [13, p. 7, 45].

Статья выполнена на основе изучения положений Конституции Ирландии 1937 г., законодательных и муниципальных правовых актов Республики Ирландии, работ известных ирландских ученых и практиков местного самоуправления (Шон Дуни, Джон О'Тул, Терри О'Салливан, Ричард Хазлам и Эдвард Шихи), а также документов Совета графства Южный Дублин (ежегодные отчеты совета, протоколы заседаний совета) и др.

Структура правовой основы организации и деятельности органов местного самоуправления в Республике Ирландии довольно проста — это в основном немногочисленные конституционные нормы (ст. 28А Конституции Ирландии) [14, p. 106], законы, акты делегированного законодательства, муниципальные правовые акты, в том числе постоянные правила совета графства.

В Ирландии основным законом, регулирующим наиболее важные вопросы организации и деятельности органов местного самоуправления, является Закон о местном самоуправлении 2001 г. [15] (далее Закон 2001 г.) с изменениями, внесенными законом о реформе местного самоуправления 2014 г. Закон 2001 г. характеризуется в ирландской литературе как «основополагающий законодательный акт о структуре, деятельности и функциях местного самоуправления» [16, p. 228] Республики Ирландии. Приложение 10 Закона 2001 г. содержит модельные положения, которые используются органами местного самоуправления для собственных постоянных правил. Так, в графстве Южный Дублин действуют систематически обновляемые (примерно один раз в три года) постоянные правила Совета графства Южный Дублин [17].

Статья 46 Закона 2001 г. (в редакции Закона 2014 г. [18]) устанавливает: «Глава исполнительных структур органа местного самоуправления должен время от времени при необходимости поручать выполнение обязанностей администратора заседаний служащему местного органа (на которого этот закон ссылается как на «администратора заседаний)». На практике обязанности администратора заседаний могут возлагаться на одного и того же служащего в течение нескольких лет.

Кроме этой нормы, в Законе 2001 г. и муниципальных правовых актах имеются и иные нормативные положения (о них речь пойдет ниже), которые определяют правовой статус и порядок деятельности администратора заседаний.

Согласно статье 44(1) Закона 2001 г., приложение 10 этого закона «применяется… в отношении заседаний и порядка деятельности местных органов и связанных вопросов». Положения о правах и обязанностях администратора заседаний изложены в параграфах 3, 4, 6, 7, 11, 14–16 указанного приложения. Так, администратор заседаний на ежегодном заседании в год проведения местных выборов должен зачитать фамилии избранных советников; созывает после консультации с председателем совета ежегодное заседание совета, если оно не состоялось в назначенный или установленный день; издает уведомление о проведении специального заседания совета; подписывает и направляет каждому члену совета уведомление о проведении заседания совета (за исключением бюджетного заседания); дает советы председателю (председательствующему) заседания в отношении дел и проведения работы заседания; контролирует наличие кворума во время проведения заседания; если заседание не состоялось по причине отсутствия кворума, составляет список советников, присутствующих на заседании (эти советники для всех целей считаются присутствовавшими на должным образом конституированном заседании); составляет протокол заседания; отправляет или вручает копию протокола заседания каждому члену органа местного самоуправления (что необходимо для утверждения протокола заседания совета на следующем очередном заседании); передает каждому члену совета копию постоянных правил «при вступлению его или ее в должность» (параграф 16 приложения 10 к Закону 2001 г.) или в случае принятия новых постоянных правил. Аналогичные приемлемые полномочия и обязанности осуществляются администратором заседаний и в отношении организации деятельности комитетов совета (параграф 17 приложения 10 к Закону 2001 г.).

На основе положений приложения 10 к Закону 2001 г., которое играет роль адаптивного закона, в Республике Ирландии разрабатываются постоянные правила органов местного самоуправления. Так, постоянные правила Совета графства Южный Дублин [17] включают среди прочих шесть постоянных правил в отношении правового статуса и порядка деятельности администратора заседаний (постоянные правила 2, 8, 12, 14, 15 и 67) и отражают существенные положения приложения 10, касающиеся правового статуса администратора заседаний.

Согласно постоянному правилу 2, «если ежегодное заседание по какой бы то ни было причине не было проведено в назначенный день, администратор заседаний должен, после консультации с мэром или, если должность мэра вакантна, или он или она не в состоянии это сделать, с заместителем мэра, созвать заседание в ближайший день, который, как считает администратор, является наиболее подходящим для этой цели. На ежегодном заседании администратор заседаний зачитывает имена лиц, должным образом избранных в качестве членов местного органа».

Постоянное правило 8 устанавливает: «Уведомление (о проведении заседания — *В. Ш.*) должно быть подписано администратором заседаний…, неполучение уведомления каким-либо членом Совета, или отсутствие подписи, или любой другой недочет (defect) уведомления не влияют на действительность заседания или любого акта,… принятого на заседании».

В соответствии с постоянным правилом 12 «кворум для проведения заседания Совета составляет одну четверть от общего числа членов Совета плюс единица… Соответственно, кворум для Совета графства Южный Дублин составляет одиннадцать членов. Каждый раз, когда заседание Совета прекращается из-за отсутствия кворума, администратор заседаний должен провести перекличку и записать имена членов, присутствующих в данный момент. Если по истечении 15 минут после начала заседания (или в любое время в ходе заседания) нет кворума, заседание будет перенесено на другой день, назначенный мэром».

Согласно постоянному правилу 14, «протоколы заседаний местного органа должны составляться администратором заседаний. Копия протокола заседания должна быть отправлена или передана администратором заседаний каждому члену местного органа».

В соответствии с постоянным правилом 15.1 «каждое уведомление о предложении (вносимом на рассмотрение Совета — *В. Ш.*), датированное и подписанное членом Совета,… должно быть передано администратору заседаний по крайней мере за девять дней (clear days) до даты проведения такого заседания и должно быть включено в порядке поступления уведомлений в повестку дня заседания…». Постоянное правило 15.2 устанавливает, что если уведомление о предложении относится к вопросам, «которые обычно рассматриваются комитетом или к компетенции какого-либо комитета или комитетов Совета, то оно должно быть направлено в такой комитет или комитеты, какие могут быть определены администратором заседаний».

Постоянное правило 67 устанавливает, что «администратор заседаний должен созвать заседание любого комитета по просьбе председателя комитета или любых трех его членов или когда администратор заседания посчитает это необходимым в специфических обстоятельствах, с которыми сталкивается такой комитет».

Таким образом, на основе положений Закона 2001 г., иных законодательных актов, актов делегированного законодательства [19], постоянных правил соответствующего органа местного самоуправления администратор заседаний Совета графства вообще, как, в частности, и администратор Совета графства Южный Дублин, осуществляет многообразную деятельность по организационному обеспечению заседаний Совета графства (ежегодных, обычных, специальных и др. [13, p. 6, 31]) и, кроме того, проводит работу по доведению до сведения членов Совета графства, массмедиа и общественности информации о деятельности совета.

Заключение

Подводя итоги исследования, в качестве выводов следует отметить, что работа по реформированию организации и деятельности органов местного самоуправления в Республике Ирландии является предметом постоянного внимания как на государственном, так и на местном уровне, и включает, в том числе, и совершенствование чисто процедурных вопросов и вопросов документооборота, в чем убеждает практика деятельности органов местного самоуправления Республики Ирландии.

В Республике Ирландии администратор заседаний органа местного самоуправления является институтом, предусмотренным непосредственно парламентским законом [20, с. 199]. Установление правового института администратора заседаний органа местного самоуправления на уровне закона представляет собой одну из особенностей модели местного самоуправления Республики Ирландии и направлено на унификацию процедур деятельности органов местного самоуправления и, как следствие, повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления, региональных и национальных государственных органов.

Не будет преувеличением утверждать, что Конституция Ирландии 1937 г., как и конституции многих зарубежных стран [21], индифферентна по отношению к регулированию процедуры деятельности органов местного самоуправления, в то время как Закон 2001 г. довольно обстоятельно регулирует процедурные вопросы деятельности органов местного самоуправления, оставляя в то же время достаточный простор для более подробного регулирования, осуществляемого на уровне постоянных правил органа местного самоуправления. Регулирование, проводимое постоянными правилами органов местного самоуправления, может осуществляться (и на практике нередко осуществляется) с учетом местных предпочтений и позитивно отражается на процедурных аспектах деятельности органов местного самоуправления Республики Ирландии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные проблемы муниципального права: учебник для магистров, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Л. Т. Чихладзе, Е. Н. Хазова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 559 с.

2. Хабриева Т. Индекс «чистые руки» // Российская газета. Федеральный выпуск № 5794 (121). URL: https://rg.ru/2012/05/30/korrupcia.html

3. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2016. 715 с.

4. Local Government Act 1991 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/1991/act/11/enacted/en/html

5. Haslam R. The Origins of Irish Local Government Structures in M. Callanan and J. Keogan (eds). Local Government in Ireland. Inside Out. Dublin : Institute of Public Administration, 2004. 610 p.

6. Local Government (Dublin) Act 1993 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/1993/act/31/enacted/en/html

7. Sheehy E. City and County Management Structures in M. Callanan and J. Keogan (eds). Local Government in Ireland. Inside Out. Dublin : Institute of Public Administration, 2004. 610 p.

8. About Us — SDCC. URL: https://www.sdcc.ie/en/services/our-council/about-us/

9. Dennehy M. Census 2016: What you need to know about the South Dublin County region. April 06 2017. URL: http://www.echo.ie/news/article/census-2016-what-you-need-to-know-about-the-south-dublin-county-region

10. Councillors — SDCC. URL: https://www.sdcc.ie/en/services/our-council/councillors/

11. Mayor's Protocol — SDCC. URL: https://www.sdcc.ie/en/services/our-council/policies-and-plans/mayor-s-protocol/

12. Donnelly S. Local Elections 2014. Dublin : Lulu, 2015. 640 p.

13. South Dublin County Council Annual Report 2017. URL: https://www.sdcc.ie/en/services/our-council/policies-and-plans/annual-reports/annual-report-2017.pdf

14. Bunreacht na hÉireann Constitution of Ireland. Dublin : The Stationery Office, 2013. 239 p.

15. Local Government Act 2001 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2001/act/37/enacted/en/html

16. O'Toole J., Dooney S. Irish Government Today. Third Edition. Dublin : Gill & Macmillan, 2009. 534 p.

17. South Dublin County Council Standing Orders including Schedule B.doc. URL: http://www.sdublincoco.ie/viewdocument.aspx?id=41ca4913-5341-46b2-825e-9fe50118f60d

18. Local Government Reform Act 2014 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2014/act/1/enacted/en/html

19. S. I. No. 66/2002 — Local Government Act, 2001 (Meetings) Regulations, 2002 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2002/si/66/made/en/print

20. Штокало В. А., Штокало С. В. Правовой статус администратора заседаний органа местного самоуправления в Республике Ирландия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 1(42). С. 198–200.

21. Конституции государств Европы : в 3 т. Т. 1. М. : НОРМА, 2001. 824 с.

REFERENCES

1. Chikhladze L. T., Hazov E. N. (eds.). Actual problems of municipal law: textbook for graduates of the Master's program "Law". M.: UNITY-DANA, 2016. 559 p. (In Russ.).

2. Khabrieva T. Index "clean hands" // Rossiyskaya gazeta. Federal issue No. 5794 (121). (In Russ.). URL: https://rg.ru/2012/05/30/korrupcia.html

3. Babaev V. K. (ed.). Theory of State and Law: Textbook for Bachelors. M.: Yurait Publ., 2016. 715 p. (In Russ.).

4. Local Government Act 1991 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/1991/act/11/enacted/en/html.

5. Haslam R. The Origins of Irish Local Government Structures in M. Callanan and J. Keogan (eds). Local Government in Ireland. Inside Out. Dublin: Institute of Public Administration, 2004. 610 p.

6. Local Government (Dublin) Act 1993 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/1993/act/31/enacted/en/html

7. Sheehy E. City and County Management Structures in M. Callanan and J. Keogan (eds). Local Government in Ireland. Inside Out. Dublin: Institute of Public Administration, 2004. 610 p.

8. About Us — SDCC. URL: https://www.sdcc.ie/en/services/our-council/about-us/

9. Dennehy M. Census 2016: What you need to know about the South Dublin County region. April 06 2017. URL: http://www.echo.ie/news/article/census-2016-what-you-need-to-know-about-the-south-dublin-county-region

10. Councillors — SDCC. URL: https://www.sdcc.ie/en/services/our-council/councillors/

11. Mayor's Protocol — SDCC. URL: https://www.sdcc.ie/en/services/our-council/policies-and-plans/mayor-s-protocol/

12. Donnelly S. Local Elections 2014. Dublin: Lulu, 2015. 640 p.

13. South Dublin County Council Annual Report 2017. URL: https://www.sdcc.ie/en/services/our-council/policies-and-plans/annual-reports/annual-report-2017.pdf

14. Bunreacht na hÉireann Constitution of Ireland. Dublin : The Stationery Office, 2013. 239 p.

15. Local Government Act 2001 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. Official site. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2001/act/37/enacted/en/html

16. O'Toole J., Dooney S. Irish Government Today. Third Edition. Dublin: Gill & Macmillan, 2009. 534 p.

17. South Dublin County Council Standing Orders including Schedule B.doc. URL: http://www.sdublincoco.ie/viewdocument.aspx?id=41ca4913-5341-46b2-825e-9fe50118f60d

18. Local Government Reform Act 2014 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2014/act/1/enacted/en/html

19. S. I. No. 66/2002 — Local Government Act, 2001 (Meetings) Regulations, 2002 // Electronic Irish Statute Book (eISB). Government of Ireland. URL: http://www.irishstatutebook.ie/eli/2002/si/66/made/en/print

20. Shtokalo V. A., Shtokalo S. V. The legal status of meetings administrator of the local government authority in the Republic of Ireland // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2018. No. 1(42). Pp. 198–200. (In Russ.).

21. Constitutions of the states of Europe: In 3 vols. Vol. 1. M.: NORMA, 2001. 824 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Штокало В. А., Штокало С. В. Правовой статус администратора заседаний Совета графства Южный Дублин // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 330–334. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.449.

For citation: Shtokalo V. A., Shtokalo S. V. The legal status of the meetings administrator of the South Dublin County Council // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 330–334. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.449.

УДК 347.3
ББК 65.264

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.445

Akhmatyanova Venera Amirzyanovna,
Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines,
Neftekamsk branch
of the Bashkir State University,
Neftekamsk,
e-mail: vvvenera83@mail.ru

Ахматьянова Венера Амирзяновна,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Нефтекамский филиал
Башкирского государственного университета,
г. Нефтекамск,
e-mail: vvvenera83@mail.ru

Sagitova Irina Faritovna,
Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines,
Neftekamsk branch
of the Bashkir State University,
Neftekamsk,
e-mail: snejinkiii5@rambler.ru

Сагитова Ирина Фаритовна,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин,
Нефтекамский филиал
Башкирского государственного университета,
г. Нефтекамск,
e-mail: snejinkiii5@rambler.ru

СТРУКТУРНАЯ ОБЛИГАЦИЯ КАК НОВЫЙ ВИД ЦЕННОЙ БУМАГИ В РОССИИ

STRUCTURAL BOND AS A NEW PERSPECTIVE OF THE SECURITIES IN RUSSIA

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

Общественные отношения, возникающие на рынке ценных бумаг, усложняются, появляются новые участники, выстраиваются механизмы взаимодействия между ними, вводятся в оборот ценные бумаги, которые ранее не были известны российскому финансовому рынку. Модернизация соответствующих общественных отношений требует своевременного пересмотра действующего законодательства, регулирующего обращение ценных бумаг. В статье анализируется новая редакция Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», которая будет действовать с 16 октября 2018 г., вводящая в оборот новую разновидность ценной бумаги — структурную облигацию. Традиционно облигация рассматривалась как долговая ценная бумага, гарантирующая своему владельцу право на получение в установленный

в ней срок ее номинальной стоимости. Появление же нового финансового инструмента — структурной облигации, ставящей возврат ее номинальной стоимости в зависимость от наступления или ненаступления определенных законом обстоятельств, порождает обоснованный интерес как со стороны юристов-практиков, так и со стороны ученых-цивилистов. Вышеизложенные обстоятельства подтверждают тезис об актуальности темы исследования. Цель данной работы состоит в изучении понятия структурной облигации, особенностей ее эмиссии и обращения. Структура исследования определена целью, задачами и включает в себя введение, основную часть, выводы, библиографический список. Во введении сформулированы актуальность, изученность соответствующей темы, научная новизна, цель и задачи исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы. В основной части статьи анализируется законодательство, регламентирующее особенности выпуска и размещения структурных облигаций, раскрываются преимущества структурных облигаций перед традиционными, подробно описываются факторы, влияющие на получение ее владельцем номинальной стоимости этой ценной бумаги. В заключении авторы приходят к выводу, что структурная облигация представляет собой весьма привлекательный финансовый инструмент, который, безусловно, будет интересен для эмитентов и инвесторов. Авторы подчеркивают необходимость принятия нормативно-правовых актов, детально регламентирующих выпуск структурных облигаций, и внесения изменений в уже существующие. Отмечается, что какие-либо выводы данных нововведений можно будет сделать лишь тогда, когда эти продукты будут апробированы и сложится соответствующая правоприменительная практика.

Public relations emerging at the securities market become more complicated, new participants appear, mechanisms of interaction between them are built up, securities that were not previously known to the Russian financial market are put into circulation. Modernization of the relevant public relations requires a timely review of the current legislation governing the circulation of securities. The article reviews a new version of the Federal Law No. 39-FZ dated April 22, 1996 "On the Securities Market", which will be effective from October 16, 2018, introducing a new type of security — a structural bond. Traditionally, a bond has been treated as a debt security guaranteeing its holder the right to receive the nominal value of the bond in the period specified therein. The emergence of a new financial instrument - a structural bond that places the return of its face value in dependence on the offense or non-occurrence of circumstances determined by the law, generates a legitimate interest both from the legal practitioners and from civilian scientists. The above circumstances confirm the thesis about the relevance of the research topic. The purpose of this work is to study the concept of a structural bond, the specifics of its issue and circulation. The structure of the study is determined by the purpose, objectives and includes the introduction, the main part, conclusions, and the list of references. The introduction formulated the relevance; the study of the relevant topic, the scientific novelty, the purpose and objectives of the study, the theoretical and practical significance of the work is revealed. The main part of the article analyzes legislation regulating the features of issuing and placing structural bonds, reveals the advantages of structural bonds over traditional bonds, details the factors affecting the owner of the face value of that security. In conclusion, the authors come to the conclusion that the structural bond is a very attractive financial instrument, which, of course, will be of interest to issuers and investors. The authors emphasize the need for adoption of the regulations that detail the issuance of structural bonds and the introduction of changes to existing ones. It is noted that any conclusions of these innovations can be made only when these products are tested and appropriate law enforcement practice is developed.

Ключевые слова: ценные бумаги, облигации, структурные облигации, эмиссия, эмитенты, финансовый инструмент, финансовые рынки, кредитные организации, квалифицированный инвестор, Гражданский кодекс РФ.

Keywords: securities, bonds, structural bonds, emission, issuers, financial instrument, financial markets, credit organizations, qualified investor, Civil Code of the Russian Federation.

Введение

Российское законодательство о ценных бумагах за последнее время претерпело ряд существенных изменений. Так, Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [1] была изложена новая редакция главы 7 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [2], значительные изменения коснулись и таких нормативно-правовых актов, как Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — Закон о рынке ценных бумаг) [3], Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [4], Федеральный закон от 29.07.1998 № 136-ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» [5], Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [6] и др.

Как отмечает С. П. Гришаев, множество причин обусловило необходимость столь серьезных преобразований. Во-первых, для ранее действующего законодательства было характерно несовершенство понятийного аппарата. Например, категория «ценная бумага» раскрывалась в ГК РФ узко и не подходила для определения бездокументарных ценных бумаг. Нерешенными оставались и другие вопросы, например проблемы защиты прав владельцев ценных бумаг («виндикация ценных бумаг»). Наличие несовершенного законодательства порождало различные правонарушения в сфере оборота ценных бумаг. Кроме того, как пишет автор, значимость института ценных бумаг весьма высока, так как они служат средством платежа, инструментом для кредитования, привлечения временно свободных денежных средств, способствуют вовлечению широкого круга лиц в предпринимательскую деятельность [7, с. 127].

Анализ действующего законодательства о ценных бумагах показывает, что оно мобильно и находится в постоянном развитии. Появляются новые институты, механизмы и инструменты. В оборот вводятся понятия, неизвестные ранее широкому кругу (форекс-дилер, трансфер-агент, репозитарная деятельность, специализированное финансовое общество, специализированное общество проектного финансирования и др.). За последние десятилетия появилось большое количество новых видов ценных бумаг: опцион эмитента, российская депозитарная расписка, еврооблигация, инвестиционный пай, облигации с ипотечным покрытием и т. д. Изложенное подтверждает тезис об **актуальности** исследования.

Целью исследования является обобщение и анализ существующих представлений о ценных бумагах, в частности об облигациях, выявление вопросов, которые требуют детального рассмотрения и разрешения.

Задачами данной работы являются: анализ понятия «структурная облигация», изучение факторов, влияющих на получение ее владельцем номинальной стоимости, сравнение традиционной облигации со структурной, выявление особенностей эмиссии и размещения данного финансового инструмента.

Научная новизна исследования выражается в том, что ранее российское законодательство не предусматривало возможность выпуска структурных облигаций, что объясняет отсутствие масштабных научных изысканий, подтвержденных материалами правоприменительной практики, посвященных этому виду ценных бумаг. Очевидно, что своевременное исследование данного финансового инструмента представляет особый интерес. Результаты такого изучения могут использоваться для дальнейшего развития правового института облигаций.

Методологическую основу работы составили следующие способы познания действительности: метод системного анализа, сравнительно-правовой метод. В ходе проведенного исследования использовались также частные методы исследования, такие как логический, аналитический, системно-структурный и др.

Ценные бумаги в той или иной степени стали предметом изучения ученых в области гражданского права. Можно выделить работы С. П. Гришаева, С. В. Ротко, Л. Л. Арзумановой, Т. Э. Рождественской, Л. Г. Беловой, М. А. Рогалевой и др.

Основная часть

С 16 октября 2018 г., когда вступят в силу поправки к Закону о рынке ценных бумаг, будет возможен выпуск структурных облигаций.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и иные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования структурных расписок» говорится, что в настоящее время по имеющимся оценкам объем находящихся в обращении на мировом финансовом рынке так наываемых структурных продуктов составляет около 2 трлн долларов, ежегодный объем продаж — около 500 млрд долларов. При этом более 70 % всех выпущенных структурных продуктов приходится на продукты с частичной защитой капитала.

В рамках российского правового поля выпуск долговых ценных бумаг, не гарантирующих возврата их владельцам полной номинальной стоимости, не допускается, в связи с чем для выпуска подобных инструментов российским банкам или профессиональным участникам рынка ценных бумаг приходится привлекать иностранные юридические лица. И если до введения антироссийских санкций это можно было делать с использованием иностранных дочерних организаций российских компаний, то в настоящее время при выпуске структурных продуктов в обязательном порядке необходимо пользоваться услугами иностранных компаний, не связанных с российскими банками (профессиональными участниками рынка ценных бумаг), и, соответственно, терять часть доходности. В связи с этим меньшую доходность получают и владельцы структурных продуктов.

Поскольку со стороны инвесторов имеется существенный спрос на структурные продукты с частичной защитой капитала, которые предоставляют возможность получения более высокой доходности по сравнению с традиционными облигациями, представляется актуальным принятие законодательства, регулирующего процедуру выпуска и обращения такого рода инструментов в России [8].

Законопроект был принят Государственной думой Российской Федерации во втором чтении с уже новым наименованием «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части регулирования структурных облигаций» и подписан Президентом РФ 18 апреля 2018 г.

Согласно части третьей статьи 2 Закона о рынке ценных бумаг (в новой редакции) «облигация — эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право ее владельца на получение, если иное не предусмотрено Законом о рынке ценных бумаг, в срок, предусмотренный в ней, от эмитента облигации ее номинальной стоимости или иного имущественного эквивалента. Облигация при соблюдении условий, установленных Законом о рынке ценных бумаг, может не предусматривать право ее владельца на получение номинальной стоимости облигации в зависимости от наступления одного или нескольких указанных в ней обстоятельств. Облигация может также предусматривать право ее владельца на получение установленных в ней процентов либо иные имущественные права. Доходом по облигации являются процент и (или) дисконт».

Облигации, в том числе структурные, являются эмиссионными ценными бумагами, отвечающими трем критериям:

— закрепляют совокупность имущественных и неимущественных прав, подлежащих удостоверению, уступке и безусловному осуществлению с соблюдением установленных Законом о рынке ценных бумаг формы и порядка;

— размещаются выпусками;

— имеют равные объем и сроки осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени приобретения ценной бумаги (часть первая статьи 2 Закона о рынке ценных бумаг).

Если ранее авторы отмечали, что облигации как финансовые инструменты не представляют их владельцам неучтенных кредитных рисков, а это, в свою очередь, позволяет отметить привлекательность вложения инвесторами денег в данный инвестиционный продукт [9, с. 7], то сегодня речь идет о создании нового инструмента, ставящего право их владельцев на получение выплат по ним в зависимость от наступления или ненаступления определенных обстоятельств [10].

Е. Ефремова, описывая структурные облигации, пишет, что «данный инструмент очень напоминает сочетание обычной облигации и производного финансового инструмента (скажем, опциона), то есть представляет собой гибридный договор (п. 4.3.1 Международного стандарта финансовой отчетности (IFRS) 9 «Финансовые инструменты»)» [11, с. 8].

Как отмечалось выше, появление такого рода ценных бумаг было обусловлено спросом со стороны инвесторов на продукты с частичной защитой капитала либо с отсутствием таковой, которые в то же время дают возможность получения более высокого дохода по сравнению с традиционными облигациями.

Закон о рынке ценных бумаг также будет определять особенности процедуры эмиссии и обращения структурных облигаций (ст. 27. 1-1).

Структурные облигации предусматривают право их владельцев на получение выплат по ним в зависимости от наступления или ненаступления одного или нескольких обстоятельств, которые перечислены в п. 1 ч. 29 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг. К таким обстоятельствам относятся изменения цен на товары, ценные бумаги, курса соответствующей валюты, величины процентных ставок, уровня инфляции, значений, рассчитываемых на основании цен производных финансовых инструментов, значений показателей, составляющих официальную статистическую информацию, значений физических, биологических и (или) химических показателей состояния окружающей среды, наступление

обстоятельства, свидетельствующего о неисполнении или ненадлежащем исполнении одним или несколькими юридическими лицами, государствами или муниципальными образованиями своих обязанностей (за исключением договора поручительства и договора страхования) и т. д.

Условно эти факторы можно разделить на следующие группы:

— внешние обстоятельства;

— неисполнение обязательств третьими лицами;

— иные обстоятельства, предусмотренные законом или Банком России;

— изменение значений, рассчитываемых на основании параметров, указанных выше.

Важно отметить, что если вышеуказанные обстоятельства влияют только на размер дохода по облигациям, то такие облигации не являются структурными.

Еще раз подчеркнем, что особенность структурной облигации в том, что размер выплаты по ней может быть меньше ее номинальной стоимости.

Выплаты по структурной облигации могут осуществляться денежными средствами или иным имуществом.

Закон о рынке ценных бумаг ограничивает круг лиц, которые могут выступать в качестве эмитентов структурных облигаций (п. 2 ст. 27.1-1). К таковым относятся:

— кредитные организации,

— брокеры,

— дилеры,

— специализированные финансовые общества, которые в соответствии с целями и предметом их деятельности вправе осуществлять эмиссию структурных облигаций.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» кредитная организация — юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом [12]. Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество.

Брокеры и дилеры — профессиональные участники рынка ценных бумаг, осуществляющие, соответственно, брокерскую и дилерскую деятельность. Деятельность брокера заключается в том, что он исполняет поручения клиента по совершению гражданско-правовых сделок с ценными бумагами и (или) по заключению договоров, являющихся производными финансовыми инструментами. Брокер действует на возмездной основе согласно договору, заключаемому между ним и его клиентом (п. 1 ст. 3 Закона о рынке ценных бумаг). Дилерская деятельность заключается в совершении сделок купли-продажи ценных бумаг от своего имени и за свой счет путем публичного объявления цен покупки и (или) продажи определенных ценных бумаг с обязательством покупки и (или) продажи этих ценных бумаг по объявленным лицом, осуществляющим такую деятельность, ценам (ч. 1 ст. 4 Закона о рынке ценных бумаг).

Специализированные общества являются новыми участниками отношений в сфере рынка ценных бумаг. Специализированные общества в виде специализированного финансового общества (СФО) и специализированного общества проектного финансирования (СОПФ) представляют собой специальные субъекты предпринимательской деятельности с особым статусом, а именно хозяйственные общества, образованные в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью либо акционерного общества. Особый статус корпораций закреплен специальным законодательством [13].

Согласно п. 1 ст. 15.1 Закона о рынке ценных бумаг целями и предметом деятельности специализированного финансового общества могут являться либо приобретение имущественных прав требовать исполнения от должников уплаты денежных средств (далее — денежные требования) по кредитным договорам, договорам займа и (или) иным обязательствам, включая права, которые возникнут в будущем из существующих или из будущих обязательств, приобретение иного имущества, связанного с приобретаемыми денежными требованиями, в том числе по договорам лизинга и договорам аренды, и осуществление эмиссии облигаций, обеспеченных залогом денежных требований, либо приобретение ценных бумаг, иностранных финансовых инструментов, не квалифицированных в качестве ценных бумаг, денежных требований по кредитным договорам и договорам займа, заключение договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, размещение во вклады, в том числе в драгоценных металлах, приобретение драгоценных металлов, предоставление займов, заключение договоров страхования рисков и осуществление эмиссии структурных облигаций, обеспеченных залогом денежных требований и (или) иного имущества.

При этом брокеры, дилеры и специализированные финансовые общества вправе размещать только структурные облигации, обеспеченные залогом денежных требований и (или) иного имущества.

Очевидно, что законодатель наделяет правом выпускать облигации лишь тех участников рынка ценных бумаг, которые профессионально занимаются приобретением и продажей подобных финансовых инструментов, имеют достаточный опыт и знания в соответствующей области.

Важно понимать, что эмитент облигации — это лицо, одалживающее денежные средства у инвестора, несущее перед ним определенные обязательства. В п. 4 ст. 807 ГК РФ также отмечается, что договор займа может быть заключен путем размещения облигаций, соответственно эмитент в этих отношениях выступает в качестве должника, а инвестор (покупатель облигации) — кредитора. На практике непонимание данных положений действующего законодательства иногда приводило к возникновению споров между хозяйствующими субъектами (см. решение Арбитражного суда г. Москвы от 2 июля 2008 г. по делу № А40-10228/08-35-45 [14]).

По общему правилу структурная облигация не может предусматривать право на ее досрочное погашение по усмотрению ее эмитента, исключение составляют случаи, не зависящие от воли эмитента, предусмотренные решением о выпуске структурных облигаций (п. 5 ст. 27. 1-1 Закона о рынке ценных бумаг).

Структурные облигации являются ценными бумагами, предназначенными для квалифицированных инвесторов, за исключением структурных облигаций, соответствующих критериям, установленным нормативным актом Банка России.

Анализ действующего законодательства позволяет определить квалифицированного инвестора как лицо, опыт и квалификация которого позволяют ему адекватно оценивать риски, связанные с инвестициями в те или иные фондовые инструменты, и самостоятельно осуществлять операции с ценными бумагами на основе таких оценок.

Банком России отмечается, что разделение инвесторов на финансовом рынке на квалифицированных и неквалифицированных является одним из механизмов защиты их прав

и интересов, с тем чтобы оградить лиц, не обладающих знаниями и (или) навыками работы на финансовом рынке, от рисков, которые они не способны понять и оценить (следовательно, их ожидания с большой вероятностью не будут удовлетворены) [15]. В законодательстве о рынке ценных бумаг к квалифицированным инвесторам относятся следующие лица:

— лица, указанные в п. 2 ст. 51.2 Закона о рынке ценных бумаг (профессиональные участники рынка ценных бумаг, клиринговые организации, кредитные организации, акционерные инвестиционные фонды, управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, страховые организации, негосударственные пенсионные фонды, Банк России, государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» и др.);

— лица (в том числе физические), признанные таковыми в заявительном порядке (квалифицированные инвесторы в силу признания). Признать лицо квалифицированным инвестором по его заявлению могут брокеры, управляющие и управляющие компании паевого инвестиционного фонда. Для этого лица должны соответствовать требованиям, установленным Законом о рынке ценных бумаг и указанием Банка России от 29 апреля 2015 г. № 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами».

Как уже отмечалось выше, структурные облигации являются эмиссионными ценными бумагами, размещаются выпусками. Согласно п. 7 ст. 27. 1-1 Закона о рынке ценных бумаг государственная регистрация выпусков структурных облигаций, в том числе в рамках программы структурных облигаций, будет осуществляться Банком России.

Выплаты по структурной облигации могут осуществляться денежными средствами и (или) иным имуществом (п. 8 ст. 27. 1-1 Закона о рынке ценных бумаг).

Физические лица, которые не являются квалифицированными инвесторами или индивидуальными предпринимателями, приобретающие размещаемые структурные облигации, которые не являются ценными бумагами, предназначенными для квалифицированных инвесторов, наделены правом в течение 10 рабочих дней с даты заключения договора, на основании которого размещаются указанные структурные облигации, в одностороннем порядке расторгнуть такой договор и потребовать возврата денежных средств, внесенных в оплату структурных облигаций.

Эмитент должен вернуть денежные средства, внесенные в оплату структурных облигаций физическому лицу, расторгнувшему соответствующий договор по основанию, указанному в п. 9 ст. 27. 1-1 Закона рынке ценных бумаг, в течение семи рабочих дней с даты получения уведомления о его расторжении (п. 9 ст. 27. 1-1 Закона рынке ценных бумаг). Следовательно, законодатель предоставляет дополнительные гарантии для лиц, не являющихся квалифицированными инвесторами или индивидуальными предпринимателями.

Изучив положения Закона о рынке ценных бумаг в части норм, регулирующих особенности эмиссии и обращения ценных бумаг, можно выделить основные черты, отличающие структурную облигацию от обыкновенной.

Во-первых, выплата номинальной стоимости по структурной облигации не гарантирована и зависит от наступления или ненаступления определенных обстоятельств.

Во-вторых, законодатель ограничил круг лиц, которые могут выступать в качестве ее эмитентов.

В-третьих, по общему правилу приобретать структурную облигацию могут лишь квалифицированные инвесторы, исключения могут устанавливаться отдельными нормативно-правовыми актами.

В-четвертых, структурная облигация не может предусматривать право на ее досрочное погашение по усмотрению ее эмитента, исключение составляют случаи, не зависящие от воли эмитента, предусмотренные решением о выпуске структурных облигаций.

Таким образом, принятие Федерального закона от 18.04.2018 № 75-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части регулирования структурных облигаций» предоставляет эмитентам и инвесторам ряд преимуществ. Так, эмитенты получат возможность выпускать структурные облигации в России, не прибегая при этом к помощи иностранных компаний, что ранее влекло за собой дополнительные издержки. Кроме того, внедрение данного финансового инструмента позволит эмитентам получать больший объем денежных средств инвесторов, для которых данные ценные бумаги гораздо привлекательнее депозитов, например. Квалифицированные инвесторы получат надежный инструмент, так как условия его эмиссии подлежат контролю со стороны Банка России. Помимо этого, несмотря на то, что риск невозврата вложенных денежных средств по структурным облигациям высок, при удачном расчете финансовый результат может быть выше. Неквалифицированные инвесторы получают право на отказ от договора на приобретение структурной облигации в одностороннем порядке, если это для них необходимо.

Отметим и то, что внесение изменений в Закон о рынке ценных бумаг может потребовать принятия иных нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок выпуска, размещения, обращения структурных облигаций, внесение изменений в уже существующие. В частности, п. 4 ст. 807 ГК РФ, предусматривающий возможность заключения договора займа путем размещения облигаций, указывает на необходимость в самой облигации или документе, закрепляющем права по облигации, фиксировать право ее держателя на получение в предусмотренный ею срок от лица, выпустившего облигацию, номинальной стоимости облигации или иного имущественного эквивалента.

Представляется, что данный пункт целесообразно будет изложить следующим образом:

«4. Договор займа может быть заключен путем размещения облигаций.

Если договор займа заключен путем размещения облигаций, в облигации или в закрепляющем права по облигации документе указывается право ее держателя на получение в предусмотренный ею срок от лица, выпустившего облигацию, номинальной стоимости облигации или иного имущественного эквивалента.

Если договор займа заключен путем размещения структурных облигаций, в облигации или в закрепляющем права по облигации документе указывается право ее держателя на получение выплат по ним в зависимости от наступления или ненаступления одного или нескольких обстоятельств, предусмотренных законом».

Кроме того, видится необходимым принятие подзаконных актов, детализирующих положения соответствующих федеральных законов в части норм, регулирующих выпуск структурных облигаций.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, также отметим, что преобразования, происходящие в сфере финансового рынка,

диктуют необходимость своевременного внесения изменений в действующее законодательство. Выводы о положительных и отрицательных сторонах этих нововведений можно будет сделать лишь тогда, когда эти продукты будут апробированы и сложится соответствующая правоприменительная практика.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 18.04.2018 № 75-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» в части регулирования структурных облигаций». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296061/

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

3. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/

4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/

5. Федеральный закон от 29.07.1998 № 136-ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19587/

6. Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22219/

7. Гришаев С. П. Ценные бумаги: виды и практика применения. М. : Редакция «Российской газеты». 2016. Вып. 2. 176 с.

8. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и иные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования структурных расписок». URL: http://asozd.duma.gov.ru/

9. Ротко С. В. Облигация как инвестиционный инструмент в рыночной экономике: вопросы теории и практики в свете проекта Гражданского кодекса РФ // Российская юстиция. 2012. № 8. С. 6–9.

10. Шаг навстречу потребностям бизнеса в России — non capital protected instruments (структурные облигации). URL: http://www.lp.ru/alert_non_capital_protected_instruments

11. Ефремова Е. Как квалифицировать финансовые активы по категориям // МСФО и МСА в кредитной организации. 2018. № 2. С. 4–13.

12. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/

13. Комментарий к Федеральному закону от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (постатейный) (Арзуманова Л. Л., Рождественская Т. Э., Белова Л. Г., Костюк И. В., Ротко С. В., Холкина М. Г., Рогалева М. А.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018). Доступно в СПС «КонсультантПлюс» по паролю.

14. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 2 июля 2008 г. по делу № А40-10228/08-35-45 // Решения судов. URL: http://resheniya-sudov5.ru/4/167888/

15. Указание Банка России от 29.04.2015 № 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами» // Вестник Банка России. 15.06.2015. № 51.

REFERENCES

1. Federal Law of April 18, 2018 No. 75-FZ “On Amendments to the Federal Law” On the Securities Market «With regard to the regulation of structural bonds” (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296061/

2. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (last version). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

3. Federal Law of 22.04.1996 No. 39-FZ “On the securities market” (last version) (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/

4. Federal Law of December 26, 1995 No. 208-FZ “On Joint-Stock Companies” (last version). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/

5. Federal Law of 29.07.1998 No. 136-FZ “On the Specifics of Issue and Circulation of State and Municipal Securities” (last edition). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19587/

6. Federal Law No. 46-FZ of 05.03.1999 “On Protection of Rights and Legal Interests of Investors in the Securities Market” (last version). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22219/

7. Grishaev S. P. Securities: types and practice of application. M.: Editorial office of Rossiyskaya Gazeta, 2016. Vol. 2. 176 p. (In Russ.).

8. Explanatory note “To the draft federal law” On Amendments to the Federal Law “On the Securities Market” and Other Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of Structural Receipts» // The text of the document is given in accordance with the publication on the site http: // asozd.duma.gov.ru / as of June 28, 2017.

9. Rothko S. V. Bond as an Investment Instrument in a Market Economy: Issues of Theory and Practice in the Light of the Draft Civil Code of the Russian Federation // Russian Justice. 2012. No. 8. Pp. 6–9. (In Russ.).

10. Step towards the needs of business in Russia — non-capital protected instruments. (In Russ.). URL: http://www.lp.ru/alert_non_capital_protected_instruments.

11. Efremova E. How to qualify financial assets by category // IFRS and ISA in a credit institution. 2018. No. 2. Pp. 4–13. (In Russ.).

12. Federal Law No. 395-1 of 02.12.1990 “On Banks and Banking Activities” (last version). (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/

13. Commentary to the Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996 "On the Securities Market" (itemized) (Arzumanova L. L., Rozhdestvenskaya T. E., Belova L. G., Kostyuk I. V., Rothko S. V., Kholkina M. G., Rogaleva M. A.) (Prepared for the ConsultantPlus system, 2018). (In Russ.). Available in ATP "ConsultantPlus" on password.

14. Decision of the Moscow Arbitration Court dated July 2, 2008 in case No. A40-10228/08-35-45 // Decisions of courts. (In Russ.). URL: http://resheniya-sudov5.ru/4/167888/

15. Instruction of the Bank of Russia of 29.04.2015 No. 3629-U "On Recognizing Persons as Qualified Investors and the Procedure for Maintaining a Register of Persons Recognized as Qualified Investors" // Bulletin of the Bank of Russia. 15.06.2015. No. 51. (In Russ.).

Как цитировать статью: Ахматьянова В. А., Сагитова И. Ф. Структурная облигация как новый вид ценной бумаги в России // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 334–340. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.445.

For citation: Akhmatyanova V. A., Sagitova I. F. Structural bond as a new perspective of the securities in Russia // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 334–340. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.445.

УДК 347.44
ББК 67.404.213

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.432

Kuznetsova Aleksandra Sergeevna,
Post-graduate student of the department of Civil Law,
Kutafin Moscow State
Law University (MSAL);
Leading consultant of the Legal Department,
Ministry of Economic Development
of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: aleksandra-24-11@mail.ru

Кузнецова Александра Сергеевна,
соискатель кафедры гражданского права,
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА);
ведущий консультант Правового департамента,
Министерство экономического развития
Российской Федерации,
г. Москва,
e-mail: aleksandra-24-11@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

LEGAL NATURE OF THE SECURITY CONTRACT OF THE PRIVATE PROPERTY OBJECTS

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

Договор охраны объектов частной собственности широко распространен в деловой практике, однако среди юристов, изучающих этот договор, отсутствует единое мнение относительно его правовой характеристики. В статье исследуется правовая природа договора охраны объектов частной собственности, проводится его сравнение с иными договорами.

Автор затрагивает следующие вопросы: наличие овеществленного результата в договоре охраны объектов частной собственности; его соотношение с договором хранения; безвозмездность договора охраны объектов частной собственности.

При рассмотрении вопроса о публичности договора охраны объектов частной собственности рассматривается его цена, причины возможного отказа частными охранными организациями и подразделениями вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации в заключении договора.

В статье сделан вывод, что исследуемый договор следует отличать от договора на обеспечение информационной безопасности. Вопрос о разграничении данных договоров может возникнуть при квалификации действий исполнителя в случае кражи носителя информации или при уничтожении нарушителем информации из памяти персонального компьютера.

На основании проведенного анализа юридической литературы и материалов судебной практики автор приходит к выводу, что договор охраны объектов частной собственности является двусторонне обязывающим, не относится к числу публичных договоров, не имеет доверительного характера. Также сделан вывод о том, что рассматриваемый договор может быть как возмездным, так и безвозмездным. При этом безвозмездным договор охраны объектов частной собственности может быть только для определенных групп граждан, определенных законом.

The security contract of private property objects is widely used in business practice, but among the lawyers studying the security contract, there is no consensus on its legal characteristics. The article examines the legal nature of the security contract of private property objects and compares it with other contracts.

The author raises the following problems: the presence of a materialized result in the security contract of private property objects; its relation to the storage contract; gratuitousness of the security contract of private property objects.

When considering the issue of publicity of the security contract of private property objects, is considered its price, the reasons for possible refusal to conclude a contract by private security organizations and non-departmental security units of the national guard of the Russian Federation.

The article concludes that the studied contract should be distinguished from the contract on information security. The question of differentiation of these contracts may arise in the qualification of contractors' actions in case of storage media theft or destruction of information from the memory of a personal computer by violator.

Based on the analysis of legal literature and materials of judicial practice, the author comes to the conclusion that the security contract of private property objects is a bilateral binding contract; it is not a public contract and is not of a confidential character. The author concludes that the considered contract can be commutative contract or gratuitous contract. Thus the security contract of private property objects can be gratuitous only for certain groups of citizens defined by the law.

Ключевые слова: договор охраны, частная собственность, объект договора, правовая природа договора, договор возмездного оказания услуг, безвозмездность, договор подряда, частная охранная организация, подразделения вневедомственной охраны, публичный договор, договор хранения.

Keywords: security contract, private property, legal nature of the contract, services agreement, gratuitousness, contract of work and labor, private security firm, non-departmental security units, public contract, contract of storage.

Введение

Одним из распространенных в повседневной жизни способов защиты частной собственности является заключение физическими и юридическими лицами договора охраны объектов частной собственности. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что, несмотря на широкое распространение в деловой практике, особенности данного договора не получили необходимого отражения в законе.

Цель статьи заключается в рассмотрении правовой природы договора охраны объектов частной собственности и требует решения следующих **задач**: проанализировать положения нормативных правовых актов, посвященные договору охраны; рассмотреть представленные в доктрине гражданского права и судебной практике характеристики договора охраны.

Научная новизна и значимость исследования обусловлены тем, что в настоящее время среди юристов, изучающих договор охраны, отсутствует единство мнений относительно его правовой природы.

Основная часть

Большинство ученых и суды относят договор охраны к договорам возмездного оказания услуг. Однако существуют и другие мнения. Так, например, Н. П. Волошин считает, что по своему содержанию «договор об охране объектов» ближе всего стоит к договору хранения и договору подряда, однако представляет собой самостоятельный вид договора, регулируемый специальными нормативными актами [1, с. 5]. Отметим, что, проводя разграничение между договором охраны и другими договорами, автор при этом не указывает, каким именно по природе самостоятельным видом является данный договор.

Некоторые авторы придерживаются точки зрения, согласно которой договор охраны относится к обязательствам по выполнению работ, а не оказанию услуг по причине того, что надлежащее исполнение такого договора воплощается в сохраненном имуществе (то есть имеется овеществленный результат, который отсутствует в обязательстве по оказанию услуг) [2, с. 91].

Полагаем, что результат договора охраны объектов частной собственности нельзя назвать овеществленным, так как в результате надлежащего исполнения указанного договора не возникает новая вещь, а старая не перерабатывается и не изменяет своих свойств. То есть при исполнении договора охраны объектов частной собственности не происходит переработки имущества, являющегося объектом договора, которая свойственна договорам подрядного типа.

Учитывая, что результат неотделим как от личности исполнителя, так и от личности заказчика, а также не может являться объектом самостоятельного оборота, признать такой результат овеществленным нельзя.

Существует мнение, что договор охраны обладает особенностями, требующими правового закрепления и являющимися вторичными, не перечеркивающими общности направленности, и «потому могут быть лишь критерием для формирования соответствующего вида договора хранения». Соответственно, к отношениям охраны предлагается применять положения о хранении, которые не противоречат их специфике [3, с. 25–62].

По нашему мнению, несмотря на то, что договор хранения и договор охраны имеют общую цель, выражающуюся в обеспечении сохранности имущества, а также на «созвучность» их наименований, последний не может быть назван в качестве вида первого. Данный вывод можно сделать, основываясь на иных литературных источниках, законодательстве и материалах судебной практики.

В юридической литературе и материалах судебной практики, например в постановлении Президиума ВАС РФ от 02.04.2013 № 15945/12 по делу № А51-10366/2011, отмечается, что при одной цели договоры охраны и хранения достигают ее различными путями и средствами, а также отличаются друг от друга как по объекту хранения, так и по содержанию соответствующей правовой связи, возникающей из этих договоров [4, с. 332], с чем следует согласиться.

В основании разделения договоров на возмездные и безвозмездные лежит наличие или отсутствие встречного предоставления.

Положения Закона РФ от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [5] прямо указывают на возмездность договора охраны (ст. 1, 9 и 12). В статье 30 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [6] упоминаются договоры «возмездного оказания услуг по охране имущества и объектов граждан и организаций и иных услуг, связанных с обеспечением охраны имущества по этим договорам».

Договор охраны относится к договорам возмездного оказания услуг законодателем, большинством юристов и судебной практикой. При этом необходимо обратить внимание на то, что существуют определенные категории граждан, для которых устанавливаются льготы при заключении договора охраны с подразделениями вневедомственной охраны в силу прямого указания ст. 5 Закона РФ от 15.01.1993 № 4301-1 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» [7]. Положения указанного закона получили развитие в правовых актах МВД России.

Исходя из изложенного, мы приходим к выводу, что в силу прямого указания закона договор охраны объектов частной собственности, заключаемый с частными охранными организациями, всегда является возмездным. Договор охраны объектов частной собственности, заключаемый с подразделениями вневедомственной охраны, может быть как возмездным, так и безвозмездным.

Договор охраны объектов частной собственности следует отличать от договора на обеспечение информационной безопасности. Отношения по обеспечению информационной безопасности регулируются специальными нормами Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8]. Примером услуг, оказываемых в рамках договора на обеспечение информационной безопасности, могут выступать: организационно-технические мероприятия; комплексная проверка помещений и транспорта юридического лица, средств связи, оргтехники на наличие устройств-«шпионов»; внедрение программ безопасности в автоматические средства передачи и обработки данных.

Согласно ст. 2 указанного закона информационная система представляет собой совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Из совокупного толкования п. 5 ст. 2 и п. 1 ст. 6 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» следует, что обладателем информации может являться физическое или юридическое лицо, самостоятельно ее создавшее, и, соответственно, информационная система может являться объектом частной собственности.

Согласно п. 2 ч. 3 ст. 3 Закона «О частной детективной и охранной деятельности» в целях охраны допускается охрана объектов и (или) имущества, находящихся в собственности, владении, пользовании, хозяйственном ведении, оперативном управлении. При этом перечень объектов, в отношении которых возможно осуществление охраны, данной нормой не раскрыт. В случае, когда информационная система является объектом частной собственности, на практике может возникнуть вопрос о том, как квалифицировать действия исполнителя при краже из квартиры (офиса юридического лица) ноутбука с содержащейся в нем информацией или при уничтожении нарушителем информации из памяти персонального компьютера. Для выяснения того, нарушение условий какого договора имело место, необходимо обратиться к толкованию текста договора. Если объектом охраны выступало помещение, а также находящееся внутри имущество, а предмет договора составляли действия исполнителя по прибытию на охраняемый объект и пресечению действий нарушителя, связанных с проникновением на охраняемый объект и с кражей, то договор необходимо квалифицировать в качестве договора охраны.

Если согласно условиям договора его объектом выступает информационная система, а в предмет договора включены действия исполнителя по защите информации от действий нарушителя, выраженных в неправомерном доступе, уничтожении, модифицировании, блокировании или копировании информации, совершаемых нарушителем дистанционно, полагаем, что такой договор необходимо квалифицировать в качестве договора на обеспечение информационной безопасности.

Возможна ситуация, когда нарушитель проникает в квартиру или иное помещение и с помощью носителя информации, на котором находятся специальные вредоносные программы, «заражает» компьютер. В результате таких действий может быть поврежден не только компьютер, но и системы сигнализации и видеонаблюдения, некоторая электробытовая техника. В том случае, если согласно условиям договора действия исполнителя заключаются только в установке блокирующих «вирусы» программ и (или) программ, блокирующих возможность доступа к информации, размещенной на компьютере, то даже при непосредственном контакте нарушителя с компьютером, на котором установлена система защиты информации, следует считать, что нарушен договор на обеспечение информационной безопасности. Однако такую ситуацию следует рассматривать скорее в качестве исключения, так как нарушения дистанционным способом совершаются наиболее часто.

Возможно, что договор с условием по защите информации будет смешанным, если в его предмет будут дополнительно включены действия исполнителя по охране помещения.

В теории гражданского права имеются различные классификации договоров. Следует отметить, что еще римскому праву было известно деление договоров на поименованные и непоименованные. Не останавливаясь на данном вопросе подробно, укажем, что придерживаемся ранее высказанной точки зрения, согласно которой договор охраны следует обозначить в качестве договора, непоименованного в ГК РФ, но поименованного в иных нормативно-правовых актах [9, с. 7–28].

Гражданские договоры можно разделить на односторонне обязывающие и двусторонне обязывающие (в качестве критерия выступает наличие только прав у одной стороны и только обязанностей у другой стороны либо прав и обязанностей у обеих сторон в договоре). Договор охраны объектов частной собственности является двусторонне обязывающим договором, так как порождает права и обязанности для обеих сторон. Охранная организация обязана, например, установить технические средства охраны, своевременно среагировать на сигнал, поступивший на пульт централизованной охраны (при охране объекта недвижимости), обеспечить надлежащую защиту груза при его транспортировке (при заключении соответствующего договора), а заказчик обязан оплатить эти услуги.

Статьей 426 ГК РФ установлены положения о публичном договоре. Перечень видов публичной деятельности не является закрытым. Некоторые договоры прямо отнесены Гражданским кодексом [10] к публичным. В отношении договора охраны объектов частной собственности подобных указаний не содержится.

Из статьи 426 ГК РФ можно выделить следующие признаки, которым должен отвечать договор, для того чтобы его можно было признать публичным. Во-первых, цена охранных услуг должна быть одинаковой для соответствующей категории потребителей. Как правило, на сайтах частных организаций, предлагающих оказание охранных услуг, либо отражается начальная стоимость того или иного вида услуги, либо предлагается связаться с представителями частной охранной организации для уточнения стоимости охраны объекта. Конечная цена рассчитывается отдельно для каждого договора охраны, так как зависит от многих факторов, например от способа охраны, используемых технических средств.

Услуги вневедомственной охраны оплачиваются по прейскуранту тарифов, и конечная цена для каждого договора охраны объектов частной собственности рассчитывается исходя из времени, в течение которого осуществляется охрана объекта, оценочной стоимости имущества, находящегося на объекте, и прочих факторов.

Индивидуальный расчет конечной цены договора не позволяет сделать вывод о том, что цена договора охраны объектов частной собственности будет одинаковой для всех физических или всех юридических лиц.

Во-вторых, для публичного договора не допускается: а) отказ организации, предоставляющей определенные услуги, от заключения публичного договора с любым лицом, обратившимся с желанием заключить договор с данной организацией; б) оказание предпочтения какому-либо лицу перед другим лицом в отношении заключения публичного договора (за исключением предусмотренных законом (иными правовыми актами) случаев).

Частные охранные организации могут отказать в заключении договора охраны объектов частной собственности, если лицо, намеревающееся заключить договор, обращается в охранную организацию, расположенную в Московской области, а объект, который планируется охранять, находится в другом субъекте Российской Федерации и у данной охранной организации отсутствует филиал в этом субъекте.

Подразделение вневедомственной охраны может отказать в заключении договора охраны объектов частной собственности, если объект, в отношении которого лицо намерено заключить договор, не входит в зону обслуживания соответствующего подразделения.

В-третьих, отличительным признаком публичного договора является характеристика стороны, исполняющей обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг: она должна являться лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность.

Частные охранные организации являются юридическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, а подразделения вневедомственной охраны — приносящую доход деятельность.

Вопрос о том, является ли договор охраны публичным или нет, является дискуссионным в юридической литературе.

Обосновывая свою точку зрения, авторы, относящие договор охраны к числу публичных договоров, приводят следующие аргументы: а) договорные обязательства возмездного оказания услуг (с участием частных охранных организаций) имеют коммерческий характер [11, с. 15]; б) наличие специальной правоспособности у частных охранных организаций и необходимость их учреждения только в форме коммерческих организаций [12, с. 86].

Полагаем, что без привязки к признакам публичного договора, указанным в ГК РФ, указанные критерии не могут служить достаточным основанием для отнесения договора охраны к числу публичных договоров.

Существует точка зрения, согласно которой договор охраны не может быть признан публичным. При этом позиция аргументируется отсутствием прямого указания на публичность договора охраны в ГК РФ, наличием у исполнителя охранных услуг статуса коммерческой организации [13, с. 52–54].

Суды, не признавая договор охраны публичным, также указывают, что во-первых, обязанность заключения договора охраны не установлена какими-либо другими законами (определение ВАС РФ от 16.10.2008 № 8398/08 по делу № А74-2318/2007), во-вторых, договор охраны не отвечает квалифицирующим признакам, названным ст. 426 ГК РФ, и является договором возмездного оказания услуг, обязательства по которому должны исполняться в соответствии с его условиями (постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.12.2008 № А74-724/08-Ф02-5988/08 по делу № А74-724/08).

Рассмотрим представленные аргументы. Главным аргументом противников отнесения договора охраны к числу публичных, исполнителем в котором является подразделение вневедомственной охраны, выступало то, что подразделения вневедомственной охраны не являются коммерческими организациями. Рассматривая договор охраны, заключаемый с частными охранными организациями, авторы относят данный договор к публичным в силу того, что частные охранные организации являются коммерческими.

Учитывая новую редакцию ст. 426 ГК РФ, необходимость учреждения охранной организации только в форме коммерческой организации также не является достаточным основанием для отнесения договора охраны к числу публичных.

Аргумент, используемый судами, о том, что договор охраны не назван в качестве публичного в ГК РФ, является, на наш взгляд, несостоятельным по той причине, что этого не требуется по закону. Для такой квалификации достаточно было бы отразить сферу охранных услуг в п. 1 ст. 426 ГК РФ. Также следует отметить, что хотя охранные услуги не охарактеризованы в настоящее время в качестве публичной деятельности в п. 1 ст. 426 ГК РФ, приведенный в указанной статье перечень является открытым.

Думается, что квалификация того или иного договора в качестве договора возмездного оказания услуг не исключает того, что данный договор может быть публичным. К примеру, договор оказания медицинских услуг относится к договорам возмездного оказания (п. 2 ст. 779 ГК РФ) и в то же время является публичным договором (п. 1 ст. 426 ГК РФ).

Так как договор охраны объектов частной собственности не обладает необходимым набором признаков, наличие совокупности которых позволяет отнести тот или иной договор к числу публичных, то мы можем сделать вывод, что рассматриваемый договор не относится к числу публичных договоров.

Согласно п. 3 ст. 426 и п. 4 ст. 445 ГК РФ при необоснованном уклонении лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, от заключения публичного договора лицо, желающее заключить соответствующий договор, вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. При этом договор будет считаться заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда.

Таким образом, непризнание договора охраны объектов частной собственности в качестве публичного договора означает отсутствие у лица, намеревавшегося заключить указанный договор, права обращения в суд с требованием о понуждении частной охранной организации или подразделения вневедомственной охраны его заключить.

Гражданские договоры можно подразделить на фидуциарные и нефидуциарные. Основанием разграничения является наличие или отсутствие лично-доверительных отношений между сторонами договора. Как отмечается, ГК РФ не содержит определения фидуциарной сделки, и ее необходимым признаком является «отсутствие права требования» [14]. В договоре охраны объектов частной собственности правом требования исполнения договорных обязательств обладают обе стороны: заказчик вправе требовать исполнения действий, предусмотренных договором, а исполнитель, в свою очередь, вправе требовать оплату оказанных услуг.

Другой характерной чертой фидуциарных договоров называют право в любой момент в одностороннем порядке прекратить обязательство по причине утраты доверия к контрагенту [15].

Однако в судебной практике отмечено, что ст. 782 ГК РФ предусматривает возможность одностороннего отказа от исполнения договора возмездного оказания услуг, однако по смыслу данной нормы причина отказа заказчика от договора не имеет значения (постановление ФАС Поволжского округа от 17.11.2011 по делу № А55-20641/2010).

Еще один момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что исполнитель в договоре охраны объектов частной собственности действует не только в интересах заказчика, направленных на сохранение собственности и защиты ее от посягательства со стороны третьих лиц, но и в своих собственных, направленных на получение прибыли. Все сказанное позволяет охарактеризовать договор охраны объектов частной собственности как договор, не имеющий доверительного характера.

Подводя итог, мы приходим к следующим **выводам** относительно правовой природы договора охраны объектов частной собственности: исследуемый нами договор следует охарактеризовать как двусторонне обязывающий и непоименованный Гражданским кодексом РФ. Договор охраны объектов частной собственности не относится к публичным договорам и не имеет доверительного характера. Также рассматриваемый договор в зависимости от субъектного состава может быть как возмездным, так и безвозмездным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волошин Н. П. Договор об охране объектов силами вневедомственной сторожевой охраны при органах милиции : учеб. пособие. М. : Высшая школа МООП РСФСР, 1962. 55 с.

2. Кротов М. В. Обязательство по оказанию услуг в советском гражданском праве : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 107 с.

3. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 496 с.

4. Советское гражданское право : учебник : в 2-х т. Т. 2. / под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1985. 544 с.

5. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11.03.1992 № 2487-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/

6. Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 03.07.2016 № 226-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/

7. Закон РФ «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» от 15.01.1993 № 4301-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11171/

8. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

9. Мильков А. В. Договор охраны по российскому гражданскому праву : монография. М. : Учебная литература, 2007. 159 с.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/

11. Шмаков В. Н. Гражданско-правовое регулирование возмездного оказания охранных услуг населению : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.

12. Мильков А. В. Договор охраны по российскому гражданскому праву : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 203 с.

13. Сухоруков В. А., Мелихов В. М., Шаронов С. А. Юридическая природа договора охраны имущества и его место в системе предпринимательских рисков. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2008. 208 с.

14. Киселев А. Регулирование фидуциарных обязательств, или Новая формула гражданского договора в России [подготовлен для СПС «КонсультантПлюс»]. 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» по паролю.

15. Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Особенности договора пожизненного содержания с иждивением // Законодательство и экономика. 2013. № 8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» по паролю.

REFERENCES

1. Voloshin N. P. Security contract of objects by non-departmental guard of the security at the police: textbook. M., 1962. 55 p. (In Russ.).

2. Krotov M. V. Obligation to provide services in the Soviet civil law: textbook. Leningrad, 1990. 107 p. (In Russ.).

3. Romanets Yu. V. System of contracts in Russian civil law: monograph. 2d ed., revised and amended. M., 2013. 496 p. (In Russ.).

4. Krasavchikov O. A. (ed.). Soviet civil law: the textbook. In 2 vol. Vol. 2. 3rd ed., revise and amended. M., 1985. 544 p. (In Russ.).

5. Law of Russian Federation “On private detective and security activity in the Russian Federation” dated 11.03.1992 No. 2487-1. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/

6. Federal Law “On the troops of the national guard of the Russian Federation” dated 03.07.2016 No. 226-FZ. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/

7. Law of Russian Federation “On the status of Heroes of the Soviet Union, Heroes of the Russian Federation and full holders of the order of Glory” dated 15.01.1993 No. 4301-1. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11171/

8. Federal Law “On information, information technology and data protection” dated 27.07.2006 No. 149-FZ. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

9. Milkov A. V. Security contract on the Russian civil law: monograph. M., 2007. 159 p. (In Russ.).
10. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ. (In Russ.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
11. Shmakov V. N. Civil regulation of paid provision of security services to the population : abstract of the dissertation of the candidate of law. M., 2004. 28 p. (In Russ.).
12. Milkov A. V. Security contract on the Russian civil law: dissertation of the candidate of law. M., 2008. 203 p. (In Russ.).
13. Sukhorukov V. A., Melikhov V. M., Sharonov S. A. Legal nature of security contract of the property and its place in the system of entrepreneurial risks. Volgograd, 2008. 208 p. (In Russ.).
14. Kiselev A. Regulation of fiduciary obligations, or a new formula of the civil contract in Russia [prepared for RLS "ConsultantPlus"]. 2013. (In Russ.). Password access from RLS "ConsultantPlus".
15. Mikryukov V. A., Mikryukova G. A. Features of the Life estate agreement // Legislation and Economics. 2013. No. 8. (In Russ.). Password access from RLS "ConsultantPlus".

Как цитировать статью: Кузнецова А. С. Правовая природа договора охраны объектов частной собственности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 340–345. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.432.

For citation: Kuznetsova A. S. Legal nature of the security contract of private property objects // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). P. 340–345. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.432.

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.420

Chernyshev Dmitrii Borisovich,
Major of justice,
Adjunct of the Criminal Law Department,
Ural Law Institute of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia,
Deputy Head of the Department of the Investigation Directorate,
"Nizhny Tagil" inter-municipal Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Tagil,
e-mail: Sledstvient404@mail.ru

Чернышев Дмитрий Борисович,
майор юстиции,
адъюнкт кафедры уголовного права,
Уральский юридический
институт МВД России;
заместитель начальника отдела Следственного управления,
Межмуниципальное управление
МВД России «Нижнетагильское»,
г. Нижний Тагил,
e-mail: Sledstvient404@mail.ru

КРИТЕРИИ ОТНЕСЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ К ГРУППЕ СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

CRITERIA FOR ATTRIBUTING A CRIME TO THE GROUP OF CRIMES COMMITTED IN THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

12.00.08 – Уголовное право
12.00.08 – Criminal law

В связи с возросшим вниманием со стороны руководства государства к вопросам криминализации рынка жилищно-коммунального хозяйства активизировалась работа правоохранительных органов по противодействию преступности в данном секторе экономики. Однако в настоящее время не выработано четких критериев понимания, что такое преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства, какими составами уголовного кодекса она охватывается. Эти вопросы остаются дискуссионными, однако ответ на них необходим для формирования централизованной государственной статистики, мониторинга состояния и уровня преступности в отрасли и выработки адекватных действенных мер противодействия ей. Соответственно, выделение указанных критериев необходимо для формирования методик выявления, раскрытия и расследования указанных преступлений. В данной статье приводится мнение автора, основанное на личной практике применения уголовного законодательства при квалификации преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, о критериях обоснованности отнесения конкретного преступления к группе совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства и отражении его в качестве такового при составлении государственной статистики. Также нами предложен наиболее объективный критерий идентификации такого преступления на основании специально выделенного объекта преступных посягательств, до настоящего времени не рассматриваемого в теоретических исследованиях квалификации преступлений. Объект выделен исходя из природы общественных отношений, возникающих в процессе функционирования жилищно-коммунального хозяйства. Также в статье критически рассмотрены существовавшие до настоящего времени в научной среде мнения по указанному вопросу в связи с преобладающей тенденцией к необоснованному расширению перечня статей уголовного кодекса, применяемых к преступлениям в интересующей нас сфере экономики.

Due to the increased attention of the state leadership to the issues of criminalization of the housing and communal services market, the work of law enforcement agencies to counteract

criminality in this sector of the economy has become more active. However, at the present time, there are no clear criteria for understanding what is the crime in the housing and communal services sector, what formulations of the criminal code it covers, this issue remains controversial. However, the answer to this question is necessary for the formation of centralized state statistics, monitoring the state and level of crime in the industry, and developing adequate effective measures to counteract it. Accordingly, the relevance of development of these criteria is necessary for the formation of methods for identifying, disclosing and investigating these crimes. In this article, the author's opinion is based on the personal practice of applying criminal law in the qualification of crimes in the sphere of housing and communal services, the criteria for the validity of the attribution of a particular crime to the group of crimes committed in the housing and communal services, and its reflection as such in the compilation of the state statistics. We also proposed the most objective criterion for identifying such crime on the basis of a specially selected object of criminal encroachment, which has not been considered in the theoretical studies of the crime qualification up to the present time. The object is selected based on the nature of public relations that arise in the process of functioning of the housing and communal services. The article also critically examines the opinions that existed up to the present time in the scientific community on this issue, in connection with the prevailing tendency to unreasonably expand the list of articles of the criminal code applied to crimes in the economic sphere of interest.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, преступление, государственная статистика, объект преступления, критерии, уголовное дело, правоохранительные органы, уголовное законодательство, классификация, производство ресурсов, коммунальные услуги, общественные отношения.

Keywords: housing and communal services, crime, state statistics, object of crime, criteria, criminal case, law enforcement authorities, criminal law, classification, resource production, municipal services, public relations.

Введение

Вопросы установления критериев для отнесения преступлений к конкретным группам при их классификации, применяемых при формировании государственной статистики, в настоящее время являются дискуссионными, и от их решения во многом зависят результаты стадии сбора эмпирического материала при криминологических исследованиях. На основании этих данных делаются научные выводы, планируются меры по противодействию преступности. Соответственно, изначально ошибочно заложенные критерии могут в дальнейшем исказить реальную картину и привести к выработке малоэффективных мер. Поэтому так важно именно на предварительной стадии выработки критериев исследования принять максимально объективную позицию, обеспечивающую правдивое отражение объективной действительности. В полной мере это касается и преступлений, совершаемых в отрасли жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ).

В настоящем исследовании мы постараемся поднять эту неочевидную на первый взгляд проблему, обосновать ее, рассмотреть существовавшие до настоящего времени научные подходы к ее решению, дать им критическую оценку и предложить правильное, на наш взгляд, ее решение, аргументировав его.

Основная часть

Вопросы преступности в сфере ЖКХ последние годы привлекают внимание российских исследователей в области уголовного права, криминалистики, криминологии. Это обусловлено и несомненной значимостью данной сферы народного хозяйства в жизни государства и каждого жителя города, и повышенным общественным резонансом, вызываемым каждым громким уголовным делом, возбуждаемым в данной сфере. В частности, исследованием данного уголовно-правового явления занимались В. И. Гладких, В. В. Казаков, Д. Н. Маринкин, Ю. В. Быстрова, А. Е. Ступницкий, К. А. Титова и др. Однако в ходе изучения опубликованных на данную тему научных трудов мы пришли к выводу об отсутствии единого сформированного подхода к определению критериев отнесения преступления к сфере ЖКХ.

В связи с тем, что в Уголовном кодексе РФ отсутствует отдельная глава, рассматривающая преступления в сфере ЖКХ, возникает закономерная проблема определения перечня статей, в соответствии с которыми деяния могут быть квалифицированы в качестве преступлений, совершаемых в жилищно-коммунальной сфере, с соответствующим отражением в государственной статистике. Это приводит к тому, что различные ведомства и авторы, изучающие данную проблему, могут учитывать различные квалификационные перечни преступлений, относя их к данной категории. Это значительно осложняет получение достоверной статистической информации. [1].

В современной научной литературе идет оживленная дискуссия по данной проблеме, однако результатом этого мы видим только увеличение информационных объемов проблематики, при этом основное смысловое содержание значительно снижается.

Проанализировав имеющиеся на сегодняшний день опубликованные научные исследования на тему изучения преступности в сфере ЖКХ, проведенные специалистами в области уголовного права, криминалистики и криминологии, мы обнаружили две основные тенденции, искажающие, на наш взгляд, реальную картину.

Так, в настоящее время в юридической науке существует тенденция искусственного расширения перечня статей УК РФ, которые можно отнести к категории преступлений в сфере ЖКХ. При этом авторы приводят различные классификации данных преступлений, группируют их по различным основаниям. Достаточно сложные многоуровневые классификации преступлений в сфере ЖКХ предлагают Д. Н. Маринкин [2], В. В. Казаков [3], Ю. В. Быстрова [4], В. В. Степанов [5]. Общей чертой, объединяющей позиции указанных авторов, является безусловно правильная с точки зрения оптимизации процесса квалификации попытка абстрагироваться от перечисления конкретных способов совершения преступлений, однако в стремлении максимально универсализировать предложенные классификации авторы уходят в сторону излишнего расширения перечня возможных составов.

Другой тенденцией научного решения вопроса о принципах отнесения конкретных преступных деяний к сфере ЖКХ является уход в детализацию способов совершения преступления, что, на наш взгляд, также является ошибочным, так как этим нарушается принцип универсальности правовых норм. Данной позиции придерживаются В. И. Тюнин, Ю. И. Степанов [6], А. Е. Ступницкий [7], А. В. Богданов, А. Е. Хазов [8], А. А. Лебедева [9]. Данные авторы приводят в своих работах максимально возможный, на их взгляд, перечень способов совершения преступлений в сфере ЖКХ.

Анализируя вышесказанное, мы видим большое разнообразие подходов к классификации, а также к проблеме отождествления преступлений в сфере ЖКХ. При этом общей чертой авторов является, как мы уже замечали, стремление максимально расширить перечень статей УК РФ, применяемых при квалификации преступлений в сфере ЖКХ, а также попытка считать максимально широким перечень деяний, позволяющих отнести указанные преступлений к сфере ЖКХ. При этом теряется сама суть уголовно-правовой классификации, которая должна основываться на характерных чертах и внятно очерченных критериях, «шаблонах», примерив которые к конкретным деяниям, можно решить вопрос об отнесении указанного преступления к той либо иной группе.

На наш взгляд, указанные выводы сделаны перечисленными выше авторами в связи с ошибочным подходом к выбору метода при исследовании преступности в сфере ЖКХ.

Так, в своей работе В. В. Казаков в обоснование предложенной им квалификации приводит результаты опроса в форме анкетирования 125 оперативных работников подразделений БЭП ГУВД, УВД девяти субъектов Российской Федерации, сотрудников Департамента экономической безопасности МВД России.

Согласно приказу МВД России № 1040 от 31.12.2013 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел российской Федерации» (и ранее действовавшему нормативно-правовому акту) выделены отдельные оценочные категории, на основании которых производится общая оценка результативности деятельности территориального органа внутренних дел. Так, в соответствии с п. 4.1 приложения № 5 к приказу № 1040 от 31.12.2013 «Показатели ведомственной статистической оценки результатов деятельности министерств внутренних дел по республикам, главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Российской Федерации по иным субъектам Российской Федерации» к определяющим критериям оценки отнесено число лиц, в отношении которых в суд направлены уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях экономической направленности (без учета преступлений коррупционной направленности), в расчете на 100 единиц штатной численности подразделений полиции. В соответствии с п. 1.2 перечня преступлений экономической направленности по уголовным делам, по которым расследование производится в форме предварительного следствия, утвержденного совместным приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 65/11/1 от 01.02.2016 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», большинство составов преступлений, выявляемых сотрудниками подразделений БЭП в повседневной работе, относятся к категории преступлений, которые могут быть отнесены к указанному перечню только при условии наличия в статистической карточке дополнительных условий, которые позволяют отнести выявленное преступление к числу преступлений экономической направленности, с соответствующим учетом его в отчетности подразделения БЭП.

Иными словами, чтобы выполнить оценочные показатели, указанные в п. 4.1 приложения № 5 приказа МВД России № 1040 от 31.12.2013, территориальные органы должны поставить на учет в Информационном центре статистические документы на преступления, предусмотренные указанными статьями УК РФ, с дополнительной характеристикой, т. е. указанием на вид экономической деятельности, в ходе осуществления которой было совершено конкретное преступление (п. 22 статистической карточки на выявленное преступление — Форма № 1), определяемый Общероссийским классификатором видов экономической деятельности. В связи с этим мы наблюдаем прямую заинтересованность территориальных органов внутренних дел в отнесении к категории преступлений экономической направленности при формировании статистической отчетности наибольшего числа тяжких и особо тяжких преступлений. В связи с этим метод анкетирования сотрудников оперативных подразделений БЭП нам видится неэффективным, так как респонденты указанного опроса заведомо ангажированы, необъективны, заинтересованы в искусственном расширении поля применения указанных дополнительных условий для отнесения выявленных ими преступлений к категории экономической направленности.

Следуя данной логике, можно отнести к преступлениям в сфере ЖКХ кражу материальных ценностей, совершаемую работниками управляющей компании со своего рабочего места. При этом лишь статус субъекта как работника предприятия ЖКХ, а также место совершения хищения выделяют данное преступление из общеуголовных и дают ему «окраску» преступления в сфере ЖКХ, в связи с чем оно подлежит отдельному статистическому учету. Этот простой пример, на наш взгляд, показывает, что для решения данного вопроса требуется применение более конкретного критерия.

На наш взгляд, при классификации преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства, более разумным будет обращение к формальному толкованию определения «жилищно-коммунальное хозяйство».

Согласно статье 1 Федерального закона РФ от 21.07.2007 № 185-ФЗ «О фонде содействия жилищно-коммунальному хозяйству» жилищно-коммунальное хозяйство — это комплекс подотраслей, обеспечивающий нормальную работу инженерной инфраструктуры, разнообразных зданий и сооружений в населенных пунктах, организовывающий удобства и комфортность проживания и нахождения в них людей путем предоставления им различных услуг.

ЖКХ включает в себя:

водопровод — систему постоянного водоснабжения потребителей, предназначенную для проведения воды для питья и технических целей, устранения протечек водопроводных труб, организации очистки воды;

канализацию — отведение сточных вод. Под канализацией подразумевается одна из частей общей системы водоснабжения и водоотведения, предназначенная для удаления твердых и жидких продуктов жизнедеятельности человека, хозяйственно-бытовых и дождевых сточных вод для их очистки от загрязнений и дальнейшей эксплуатации или возвращения в водоем [10];

2) капитальный ремонт зданий многоквартирных домов;

3) текущий ремонт инженерных коммуникаций и систем зданий многоквартирных домов — восстановление работоспособности и поддержание эксплуатационных качеств;

4) теплоснабжение — обеспечение потребителей (жителей многоквартирных домов, организаций, предприятий) тепловой энергией, теплоносителем, в том числе поддержание мощности; система местного теплоснабжения обслуживает одно или несколько зданий, система централизованного — жилой или промышленный район;

5) сбор, вывоз и утилизацию мусора и твердых бытовых отходов;

6) содержание, включая работы по благоустройству придомовых территорий;

7) электроснабжение, включая соответствующую инфраструктуру, его обеспечивающую, в которую входит совокупность подстанций, распределительных устройств и соединяющих их электрических линий, размещенных на территории района, населенного пункта, потребителя электрической энергии.

Перечисленные выше сферы деятельности, согласно положениям федеральной статистической отчетности, регулируемой приказом Росстата от 31.01.2013 № 41, разделены на две основные группы услуг: жилищные и коммунальные.

Жилищные услуги включают в себя:

— содержание и текущий ремонт зданий многоквартирных домов, в частности общего имущества многоквартирного дома;

— капитальный ремонт в зданиях многоквартирных домов;

— сбор и вывоз бытовых отходов всех видов;

— прочие услуги ЖКХ, включающие работы по благоустройству территории и санитарной очистке городов.

В свою очередь, коммунальные услуги включают:

— газоснабжение (включая поставки бытового газа в баллонах);

— лектроснабжение;

— теплоснабжение (в том числе поставки твердого топлива при наличии печного отопления);

— холодное и горячее водоснабжение;

— водоотведение (канализацию).

Результаты и выводы

Исходя из приведенного определения и перечня видов деятельности, относящихся к области жилищно-коммунального хозяйства, можно сделать вывод, что объектом преступлений в данной сфере могут быть только общественные отношения, непосредственно связанные с нормальной работой инженерной инфраструктуры, содержанием и ремонтом зданий и сооружений в населенных пунктах, предоставлением услуг, обеспечивающих удобство и комфорт проживания (перечисленных выше). Все остальные преступления, совершаемые в процессе деятельности субъектов жилищно-коммунального хозяйства (поставщиков и потребителей услуг), на наш взгляд, не могут причисляться к преступлениям, совершаемым в сфере ЖКХ, и, соответственно, не должны учитываться в качестве таковых при составлении статистической отчетности МВД.

Заключение

Таким образом, следуя предложенной нами методике, мы имеем четкие объективные критерии, применяя которые, можно отнести каждое конкретное деяние к категории преступлений в сфере ЖКХ, при этом выделяя их из массива общеуголовных преступлений по конкретному признаку. Четкое понимание объекта преступления с точки зрения уголовного права позволит дать верную квалификацию преступному деянию и в документах статистического учета выставить верную характеристику указанного преступления для отражения в государственном статистическом учете.

При этом мы не предлагаем выделить отдельную главу в Уголовном кодексе «Преступления против нормальной работы предприятий в сфере ЖКХ», так как полагаем, что существующие нормы достаточны для их применения при квалификации преступлений названной группы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Саркисова Д. С. Криминологический анализ уровня преступности в жилищно-коммунальной сфере (на примере Воронежской области) // Современная наука. Серия «Экономика и право». 2017. № 4. С. 131–136.

2. Маринкин Д. Н. Криминалистическая характеристика преступной деятельности в сфере жилищно-коммунального комплекса // Вестник Пермского университета. 2009. № 3. С. 76–87.

3. Казаков В. В. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 188 с.

4. Быстрова Ю. В. Коррупция как фактор, детерминирующий преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Российский следователь. 2016. № 12. С. 38–42.

5. Степанов В. В. Актуальные вопросы противодействия преступлениям в сфере ЖКХ (на примере Пермского края) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 135–139.

6. Тюнин В. И., Степанов Ю. И. Преступления, совершаемые в сфере жилищно-коммунального хозяйства (особенности квалификации в связи с механизмом совершения преступления) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 91–97.

7. Ступницкий А. Е. Разновидности коррупционных преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Восточно-Сибирский институт МВД России : сборник материалов 20-й международной науч.-практич. конф. Иркутск, 2015. С. 135–140.

8. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Хазова В. Е. Основные направления противодействия коррупционным проявлениям, совершаемым в сфере жилищно-коммунального хозяйства, органами внутренних дел в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 22–26.

9. Лебедева А. А. Способы совершения преступлений в сфере ЖКХ, проблемы их расследования // Безопасность бизнеса. 2015. № 1. С. 27–30.

10. СП 30.13330.2012. Свод правил. Внутренний водопровод и канализация зданий. Актуализированная редакция СНиП 2.04.01-85 «Внутренний водопровод и канализация зданий».

REFERENCES

1. Sarkisova D. S. Criminological analysis of the level of crime in housing and communal services (on the example of the Voronezh region) // Modern science. Series “Economics and Law”. 2017. No.4. Pp. 131–136. (In Russ.).

2. Marinkin D. N. Forensic characteristics of criminal activity in the sphere of housing and communal services // Bulletin of Perm University. 2009. No.3. Pp. 76–87. (In Russ.).

3. Kazakov V. V. Criminological and criminally-legal measures of counteraction to the crimes made in housing and communal sphere: dissertation of the candidate of law. M., 2011. 188 p. (In Russ.).

4. Bystrova Yu. V. Corruption as a Factor Determining Crime in the Sphere of Housing and Communal Services // The Russian Investigator. 2016. No.12. Pp. 38–42. (In Russ.).

5. Stepanov V. V. Actual issues of counteraction to crimes in the sphere of housing and communal services (on the example of the Perm region) // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2014. No.3. Pp. 135–139. (In Russ.).

6. Tyunin V. I., Stepanov Yu. I. Crimes committed in the sphere of housing and communal services (specifics of qualifications in connection with the mechanism of committing a crime) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2(62). Pp. 91–97. (In Russ.).

7. Stupnitskiy A. E. Types of corruption crimes committed in the sphere of housing and communal services // East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia: Collection of materials of the 20th International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2015. Pp. 135–140. (In Russ.).

8. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Khazova V. E. The main directions of counteracting corruption manifestations in the sphere of housing and communal services by the internal affairs bodies in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No.7. Pp. 22–26. (In Russ.).

9. Lebedeva A. A. Ways of committing crimes in the sphere of housing and communal services, the problems of their investigation // Business Security. 2015. No.1. Pp. 27–30. (In Russ.).

10. SP 30.13330.2012. Set of rules. Internal water supply and sewerage of buildings. Actualized edition of SNiP 2.04.01-85 “Internal water supply and sewerage of buildings”. (In Russ.).

Как цитировать статью: Чернышев Д. Б. Критерии отнесения преступления к группе совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 345–349. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.420.

For citation: Chernyshev D. B. Criteria for attributing a crime to the group of crimes committed in the housing and communal services // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 345–349. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.420.

УДК 347.132.6
ББК 67.404

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.406

Gamov Dmitrii Sergeevich,
Postgraduate student of the Department
of Civil Law Disciplines,
Volgograd Institute of Management —
Branch of RANEPA,
Junior Lawyer of the FTS’s Legal Directorate,
Moscow,
e-mail: gamov.d@mail.ru

Гамов Дмитрий Сергеевич,
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
консультант Правового управления ФНС России,
г. Москва,
e-mail: gamov.d@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ ДОГОВОРНОГО ПРАВА США И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РОССИИ

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CONTENT OF SOME CONCEPTS OF THE US CONTRACT LAW AND THE RUSSIAN CIVIL LAW

12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»
12.00.03 – «Civil law; corporate law; family law; private international law»

Посредством использования сравнительно-правового анализа автором предпринимается попытка установить термин (конкретное слово), используемый в праве Соединенных Штатов Америки, имеющий близкое значение с российским юридическим термином «сделка». Для этого на основе материала, содержащегося в Единообразном торговом кодексе США и специальной юридической литературе по праву США (словари, учебные пособия и т. д.), в том числе изданной на английском языке, а также русскоязычных источников (диссертации, статьи, монографии и т. д.) даются переводы применяющихся в юридическом обороте США терминов, наиболее соответствующих понятию «сделка», содержащемуся в российском праве, и обозначающих основания для возникновения обязательств. Целью исследования является разрешение вопроса о наличии в праве США термина, равнозначного отечественному термину «сделка», содержащемуся в российском праве, и имеющему схожее значение: одно из оснований возникновения, изменения или прекращения целого ряда обязательств, объединенных одним термином. Помимо этого, необходимо ответить на поставленный вопрос о корректных способах восприятия и перевода соответствующих англоязычных терминов российским правоприменителем, не допуская такого перевода слова, который не соответствовал бы масштабу российского юридического термина «сделка», поскольку в случае отрицательного

ответа на первый вопрос отсутствуют основания для свободного применения термина «сделка» к тому или иному юридическому факту при работе с ним российским юридическим сообществом. Результаты исследования могут быть полезными для преподавателей, студентов и аспирантов, изучающих дисциплины «Гражданское право», «Договорное право», «Гражданское и торговое право зарубежных стран», а также практикующих специалистов, чья профессиональная деятельность связана с работой и переводом юридических текстов, содержащих термины американского договорного права.

The author conducts a comparative legal analysis of the Russian civil law and the US Contract law in order to identify the American legal term corresponding to the Russian legal term "transaction" («сделка»). The author uses the Uniform Commercial Code of the USA and the US legal literature (dictionaries, textbooks, etc.), including published in English, as well as the Russian-language sources (dissertations, articles, monographs, etc.), translations of the US Contract Law terms most closely correspond to the Russian legal term "transaction" ("сделка"), and denote the basis for the occurrence of obligations. The goal of the study is to resolve the issue of existence in the US law of the equivalent of the Russian term "transaction" ("сделка") contained in the Russian law, and of similar importance: one of the reasons for the emergence, change or termination of a large number of obligations, united by one term. In addition, the author asks the question of the need for a correct translation into Russian and an understanding of the relevant English-language terms by the Russian legal community. The article points to the impermissibility of translation of the American legal term, which would fully correspondent to the content of the Russian legal term "transaction" ("сделка"), since in the case of a negative answer to the first question, there are no grounds for the free use of the term "transaction" ("сделка") to a particular legal fact in the American law. The results of the research can be useful for teachers, students and postgraduates studying the disciplines "Civil Law", "Contract Law", "Civil and Commercial Law of Foreign Countries", as well as practicing professionals whose professional activities are related to the work and translation of legal texts containing terms of the American contract law.

Ключевые слова: сделка, договор, соглашение, контракт, договорное право США, обязательство, сравнительно-правовой анализ, транзакция, гражданское право.

Keywords: transaction, contract, agreement, bargain, US Contract law, obligation, comparative legal analysis, transaction, civil law.

Введение

Актуальность. Отличия семантического наполнения правовых терминов «сделка», «договор», «соглашение» в русском и английском языках, их взаимное воздействие друг на друга, в том числе посредством заимствования, расширения и трансформации смыслового значения, уже отмечались в отечественной филологической науке [1, с. 120–132; 2, с. 155–160]. Однако данные исследования не преследуют цель установления их подлинного правового смысла.

Изученность проблемы. Если в отечественной цивилистике институт сделки более чем изучен, то вопрос наличия соотносимого по содержанию и месту в структуре юридических фактов понятия в праве стран англосаксонской правовой семьи остался открытым. При этом следует признать, что вопросам правового регулирования отдельных институтов стран англосаксонской системы права в сфере договорного права и обязательств в отечественной юридической науке (особенно в компаративистике) посвящены крупные и значительные исследования, что подтверждается соответствующим числом монографий, диссертационных исследований, переводов специальной литературы по праву США и Англии [3–5].

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что эта работа является одной из первых в российской цивилистике, посвященных выявлению сходств и различий в содержании терминологических структур, применяемых в отношении, по сути, одних и тех же явлений в отечественной и американской правовой системах.

Целесообразность разработки темы исследования. До настоящего времени в российской юридической науке не предпринималось попыток провести сравнительно-правовой анализ терминов российского гражданского права с соответствующими понятиями, содержащимися в американском договорном праве, в связи с чем существует явный практический интерес к результатам данного исследования.

Это обусловливает **значимость** исследования как для теории (анализируется содержательное наполнение правовых терминов, определяются их сходства и различия, исследуются особенности правового регулирования очень ограниченной сферы в праве США), так и для практики, что характеризуется возможностью правильного восприятия текстов, содержащих используемую в США терминологию.

Целью настоящего исследования выступает исследование и уяснение содержания схожих правовых терминов в американском договорном праве и гражданском праве России с применением сравнительно-правового метода научного исследования.

Отечественное гражданское право никогда не оставляло без внимания институт сделки, что в итоге способствовало выработке его комплексной законодательной, научной и судебной дефиниций.

Легальное понятие рассматриваемого института содержится в ст. 153 Гражданского кодекса РФ [6] (далее — ГК РФ), которая определяет сделку как действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Законодатель, не определяя перечня гражданско-правовых сделок, закрепляет ряд признаков этого института, использование которых позволяет отнести к сделкам договоры, различные односторонние сделки (доверенности, завещания, зачет требования и т. п.). Следовательно, помимо возможности объединения указанных правовых категорий одним термином, к ним могут применяться общие правовые свойства: недействительность, требования к форме, порядок совершения и т. д.

В дополнение к указанному отметим, что сделка, как и договор, является по определению ст. 8 ГК РФ одним из способов возникновения обязательств, под которыми понимается правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 307 ГК РФ).

Следовательно, по российскому гражданскому праву договор представляет собой разновидность обязательств, как и сделка, но в последнем случае договорные отношения включаются в сделку наряду с иными видами обязательств, что логично указывает на неравнозначность исследуемых понятий.

Результат анализа русскоязычных переводов различных юридических источников Соединенных Штатов Америки свидетельствует о том, что для обозначения того или иного института договорного права в первую очередь используют термин «contract», в том числе переводя его как «сделка» (например, торговая сделка). В связи с этим возникает вопрос: существует ли в американском праве понятие, равнозначное отечественному термину «сделка»?

Первая сложность заключается в том, что отечественная литература использует в отношении термина «contract» и такие варианты перевода, как «сделка», «договор», «соглашение», а юридическая литература США, специальные толковые словари, а также русскоязычные источники наряду с термином «contract» применяют понятия «agreement», «obligation», «deal», «transaction», «bargain», «dealings», «treaty», «pact», «promise» зачастую в качестве синонимов, что будет проиллюстрировано ниже.

Федеральная правовая система США выработала легальное определение только терминам «contract» и «agreement».

Статья 1-201 («General Definition» — «Общие понятия») Единообразного торгового кодекса США [7] (далее — ЕТК) под термином «agreement» понимает фактически совершенную сделку сторон, наличие которой вытекает из заявлений или иных обязательств. В качестве «contract» американский законодатель видит правовое обязательство в целом, вытекающее из соглашения сторон в соответствии с настоящим законом и иными подлежащими применению нормами права.

В Юридическом словаре Блэка (Black's Law Dictionary) отмечается, что термин «agreement» зачастую используется в качестве синонима термину «contract». В действительности «agreement» является более широким понятием по содержанию: каждый «contract» является «agreement», но не всякий «agreement» является «contract» [8 p. 72].

Американский профессор Самуэль Виллистон в своей работе «A Treatise on the Law of Contracts» также обращает внимание на то, что «agreement», как указали суды, ни что иное, как проявление взаимного согласия двух или нескольких сторон. При этом «agreement» имеет более широкое содержание по сравнению с «treaty» или даже «transaction» или «promise». Оно включает сделки по продаже, дарению и иные операции с имуществом [9, p. 6]

В первую очередь это позволяет говорить о несоответствии российского понятия «сделка» американским «agreement» и «contract», поскольку не всякая сделка по российскому гражданскому праву, в отличие от дефиниции «agreement», является соглашением, для которого, что логично, требуется наличие по крайней мере двух субъектов правоотношений. Кроме того, сделка для российского гражданского права включает в себя и иные виды обязательств.

Далее позволим сделать вывод, что «treaty», «transaction» и «promise» не включают в терминологический юридический оборот для обозначения договоров купли-продажи, дарения и т. п.

Правовая доктрина США классифицирует все «contract» (как предпринимательские, так и другие) на односторонние (unilateral) и двусторонние (bilateral) [10, с. 23]. Важно отметить, что отечественная юридическая литература, в том числе переводы англоязычных учебников, использует совместно с характеристикой «односторонний» по отношению к «contract» только термин «договор», а не «сделка».

Как отмечается в параграфе 12 Свода контрактного права (Restatement of the Law of Contracts), односторонним (unilateral contract) называется такой договор, по которому обещающий, должник, не получает в качестве встречного удовлетворения обещаний другой стороны [5, с. 56]. В юридическом словаре американского профессора Стивена Гифиса предлагается следующее определение одностороннему договору: одностороннее соглашение, в соответствии с которым лицо дает обещание совершить или воздержаться от выполнения чего-либо взамен на исполнение или обещание [11, p. 46]. Упомянутый выше Юридический словарь Блэка определяет односторонние договоры как контракт, в котором только одна сторона дает обещание или выполняет работу, или контракт, в котором ни одна из сторон не получает обещания в качестве встречного представления [8, p. 374].

В американской юридической литературе приводятся классические примеры односторонних договоров (обещание награды), а также цитируются специфические. Так, в Юридическом словаре Блэка приводится следующий пример одностороннего договора: если А предложит Б пройтись по Бруклинскому мосту за вознаграждение, то только сторона А является обязанной своим предложением в случае выполнения Б условия [8, p. 374]. Английский профессор Ричард Стоун, иллюстрируя ситуацию, когда А предлагает Б 20 фунтов в случае перекопки им сада, не только указывает на отсутствие каких-либо обязательств со стороны Б и его абсолютную свободу в решении вопроса выполнения условий, предложенных А, но и характеризует их как «if» contracts», который всегда возможно обнаружить, если оферта начинается со слова «if» («если») [13, p. 34].

Двусторонний договор («bilateral contract», «mutual contract», «reciprocal contract») в американском праве, по существу, не отличается от понятия данного института, содержащегося в российском гражданском праве. В Словаре Блэка указывается, что это договор, в котором каждая из сторон обещает что-либо для того, чтобы обе они были обязанными собственными обещаниями друг другу; договор, в котором стороны обязуются совершать взаимные действия, так что обязательство одной стороны соотносится с обязательством другой [8, p. 67]. Под двусторонним договором во Втором своде Контрактного права понимаются обещания двух сторон договора, каждая из которых является обещающей и получающей обещание [11, p. 44].

О соотношении одно- и двустороннего договора в литературе отмечается, что в двустороннем договоре стороны обмениваются обещаниями, в том время как в одностороннем договоре обещание обменивается на действие [5, с. 57].

Таким образом, понимание природы одно- и двусторонних договоров в американском договорном (контрактном) праве и российском гражданском праве схожи. Однако российское понятие «сделка» явно не может соответствовать англоязычному термину «agreement», поскольку в российском гражданском праве сделка может не являться соглашением сторон («agreement»). И напротив, «agreement» наиболее близко по смыслу термину «соглашение», под которым понимается договор, устанавливающий какие-либо условия, взаимоотношения, права и обязанности сторон [14, p.]. В свою очередь, «contract», являясь более узким понятием по сравнению с «agreement», соответствует понятию «договор», но не сделка.

В дальнейшем для анализа соответствующих терминов необходимо обратиться к существующим специальным источникам.

В основном (первоочередном) толковании термина «obligation» указывается на юридическую или моральную обязанность осуществления чего-либо; толкование также дополняется указанием на то, что данный термин подлежит широкому толкованию и имеет много значений. Также в Словаре Блэка цитируется ст. 1756 ГК штата Луизиана, в соответствии с которой под «obligation» понимается правоотношение, в котором одна сторона является должником, обязанным совершить что-либо в пользу другой стороны — кредитора [8, p. 1179].

Следовательно, термин «obligation» соответствует отечественному термину «обязательство», понятие которого содержится в ст. 307 ГК РФ.

Аналогично положениям ст. 307 ГК РФ в указанном американском источнике отмечается, что лицо либо должно совершить какие-либо действия, либо воздержаться от этого, в зависимости от того, что определено законом, договором, обещанием, правоотношением, правилами вежливости, доброжелательности или нормами морали [8, p. 1179].

Однако «obligation», подразумевая под термином гражданско-правовое обязательство, явно не может соответствовать отечественному термину «сделка».

Укажем также, что в содержание термина «obligation» включаются институты причинения вреда и возмещения ущерба («tort and restitution»), о чем указывается в работе английского профессора Ричарда Стоуна «The Modern Law of Contract» [13, p. 1]. Заметим, что в данном исследовании не происходит отождествление права США с правом Великобритании. Однако, поскольку подходы к правовому регулированию тех или иных институтов в этих странах по понятным причинам схожи, вполне допустимо ссылаться на доктринальные источники Соединенного Королевства.

Отсутствие в писаных законах США и Великобритании дефиниции термина «обязательство» («obligation») объясняется в российской юридической науке практическими причинами в правотворчестве этих стран: наиболее полно урегулированы те правовые институты, которые на определенном этапе развития общественных отношений представляли наибольший интерес для решения практических задач [10, с. 1].

Под термином «deal» Словарь Блэка понимает акт (действие) по приобретению или продаже; покупка или обмен чего-либо для получения дохода [8, p. 457].

Термин «transaction» обозначает какое-либо действие нескольких лиц, направленное на исполнение соглашения [8, p. 1635], т. е. это фактическое исполнение условий договора. Имеющийся в русском языке когнат данного термина «транзакция», имеющий много определений, в первую очередь воспринимается как операция по перечислению денежных средств.

Под термином «bargain» понимается соглашение между сторонами об обмене обещаниями или исполнениями. Далее отмечается, что «bargain» не обязательно является «contract», поскольку условия могут неполными или операция может являться незаконной; это может быть соглашение между двумя или более сторонами, обменивающимися обещаниями. В этой связи отмечается, что «bargain» является одновременно более узким понятием, чем «agreement», и не применяется ко всем его видам, но более широким по сравнению с «contract», поскольку оно включает обещание, данное в обмен на игнорирование. Рассматриваемый термин также охватывает «transactions» («операции»), которые закон отказывается признавать сделками по причине их незаконности [15, p. 103].

Используемый термин «pact» в большей степени относится к различным видам соглашений, заключаемых между двумя или более государствами или государственными органами [8, p. 1217]. В литературе отмечается, что наряду с данным словом могут использоваться «treaties», «protocols», «conventions», «covenants» и «declarations» — термины, обозначающие международные соглашения [16, p. 25].

Аналогичное значение имеет термин «treaty», под которым понимается соглашение, подписанное, ратифицированное или соблюдаемое двумя сторонами; международный договор, заключаемый между двумя или более государствами в письменной форме и регулируемый нормами международного права. Наряду с этим термином используются «accord», «convention», «covenant», «declaration», «pact» [8, p. 1640].

Заключение

Перечисленные понятия и приведенное их толкование позволяют сделать несколько выводов.

Во-первых, в договорном (контрактном) праве США используется значительное число близких по значению терминов, конечный выбор которых зависит от вида конкретного соглашения, его содержания, а также обстоятельств, с которым связывается применение того или иного термина.

Во-вторых, в праве США, исходя из результатов приведенного анализа, отсутствует понятие, равнозначное российскому «сделка», как основание для возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей. Следовательно, в праве США не охватываются одним термином одновременно договоры (contract, agreement) и, к примеру, доверенность (power of attorney). Возникающее в обоих случаях обязательство (obligation) является лишь следствием заключения договора или сделки, их содержанием. Тем более, как уже указывалось, обязательства возникают не только из сделок, но и иных юридических фактов.

В-третьих, праву США известен основанный на обещании институт односторонних обязательств (unilateral contract), но это понятие касается тех обязательств, которые возникают вследствие обещания награды и т. п.

В-четвертых, термин «agreement», означающий соглашение в самом широком смысле, в том числе в праве США, и включающий термины «bargain», «contract», «deal», подразумевает наличие соглашения сторон, а следовательно, исключает возможность его сопоставления с односторонними действиями и актами.

Таким образом, право США не содержит термина «сделка», полностью равнозначного по содержанию и форме отечественному одноименному институту.

Производя перевод слов «contract», «obligation», «transaction», «deal», «bargain», «agreement» как «сделка» или встречая в соответствующей литературе по американскому праву словосочетание «сделка по купле-продаже», не следует отождествлять данный термин со сделкой, понятие которой содержится в ст. 153 ГК РФ. Для корректного понимания используемых терминов следует употреблять слово «сделка» исключительно как «договор», «контракт», «соглашение». В противном случае может возникнуть некорректное восприятие данного термина, в том числе его расширительное толкование, а также включение в него иных правовых институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чиронова И. И. Сопоставительный анализ терминологической области «договорное право» в английском и русском языках // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. труд. № 38 (53) / отв. редактор Г. И. Гладков. М. : МГИМО(У) МИД России, 2009. С. 120–132.
2. Дурнева К. А. Лексико-грамматические особенности перевода договоров и контрактов с английского языка на русский // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4-2 (60). С. 155–160.
3. Соловьева С. В. Основные институты обязательственного права правовой системы США : дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 225 с.
4. Мозолин В. П., Фарнсворт Е. А. Договорное право в США и СССР. История и общие концепции. М. : Наука, 1988. 312 с.
5. Ласк Г. Гражданское право США (право торгового оборота) : пер. с англ. М. : Изд-во иностранной литературы, 1961. 774 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Uniform Commercial Code (UCC) at Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/ucc/1/1-201
8. Black's Law Dictionary. Ninth Edition / Bryan A. Garner. West, A Thomson Reuters business, 2009. 1920 p.
9. Williston S., Jaeger W. H. E. A Treatise on the Law of Contracts § 2, at 6. 3-d ed. 1957.
10. Соловьева С. В. Основные институты обязательственного права правовой системы США. М. : Норма, 2007. 176 с.
11. Gifis S. H. Law Dictionary. Barron's Educational Series, Inc. Woodbury, New York. 1975. 227 p.
12. Calamari J. D., Perillo J. M. The Law of Contracts § 2·10(a), at 64–65 (4th ed.). 1998.
13. Stone R. The Modern Law of Contract. London ; Sidney ; Portland : Cavendish Publishing Limited, 2002. 548 p.
14. Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. URL: http://ozhegov.textologia.ru/definit/soglashenie/?q=742&n=204269.
15. Bryan A. Garner. Garner's Dictionary of Legal Usage Oxford University Press, 2011. 991 p.
16. Bederman D. J. International Law Frameworks. New York, 2001. 284 p.

REFERENCES

1. Chironova I. I. Comparative analysis of the terminology "contract law" in English and Russian // Gladkov G. I. (ed.). Philological Sciences in MGIMO : Collection of scientific works. No. 38 (53). M. : MGIMO(U) Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2009. Pp. 120–132 (In Russ.).
2. Durneva K. A. Lexical and grammatical features of translation of agreements and contracts from English into Russian // Bulletin of the Kemerovo State University. 2014. No. 4-2 (60). Pp. 155–160 (In Russ.).
3. Solov'eva S. V. The main institutions of the law of obligations of the US legal system : dissertation of the candidate of law. M., 2007. 225 p. (In Russ.).
4. Mozolin V. P., Farnsworth E. A. Contract law in the US and the USSR. History and general concepts. M. : Nauka, 1988. 312 p. (In Russ.).
5. Lask G. Civil Law of the USA (Right of Trade) / Transl. from English. M. : Publishing house of foreign literature, 1961. 774 p. (In Russ.).
6. Civil code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of the RF legislation. 1994. No. 32. Art. 3301.
7. Uniform Commercial Code (UCC) at Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/ucc/1/1-201
8. Garner B. A. Black's Law Dictionary. Ninth Edition. West, A Thomson Reuters business. 2009. 1920 p.
9. Williston S., Jaeger W. H. E. A Treatise on the Law of Contracts § 2, at 6. ed., 3d ed. 1957.
10. Solov'eva S. V. The main institutions of the law of obligations of the US legal system. M. : Norma, 2007. 176 p. (In Russ.).
11. Gifis S. H. Law Dictionary. Barron's Educational Series, Inc. Woodbury, New York. 1975. 227 p.
12. Calamari J. D., Perillo J. M. The Law of Contracts § 2·10(a), at 64–65 (4th ed.). 1998.
13. Stone R. The Modern Law of Contract. London ; Sidney ; Portland : Cavendish Publishing Limited, 2002. 548 p.
14. Explanatory dictionary of the Russian language by Ozhegov S. I. URL: http://ozhegov.textologia.ru/definit/soglashenie/?q=742&n=204269
15. Bryan A. Garner. Garner's Dictionary of Legal Usage Oxford University Press, 2011. 991 p.
16. Bederman D. J. International Law Frameworks. New York, 2001. 284 p.

Как цитировать статью: Гамов Д. С. Сравнительно-правовой анализ содержания некоторых понятий договорного права США и гражданского права России // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 349–353. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.406.

For citation: Gamov D. S. Comparative legal analysis of the content of some concepts of the US contract law and the Russian civil law // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 349–353. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.406.

УДК 343.9
ББК 67.51

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.436

Kulakova Maria Nikolaevna,
Post-graduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology,
Nizhny Novgorod Legal Academy,
Leading Specialist,
The arbitration court of the Volga-Vyatka district,
Nizhny Novgorod,
e-mail: maria_kulakova91@mail.ru

Кулакова Мария Николаевна,
Аспирант кафедры уголовного права и криминологии,
Нижегородская правовая академия,
ведущий специалист,
Арбитражный суд Волго-Вятского округа,
г. Нижний Новгород,
e-mail: maria_kulakova91@mail.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОЦЕНКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

PREVENTION OF CORRUPTION CRIMES IN ASSESSMENT OF THE PUBLIC OPINION (APPLIED RESEARCH)

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.08 – Criminal law and criminology; criminally-executive law

Статья посвящена проблемам предупреждения коррупционных преступлений, носящих уголовно-правовой и криминологический характер. К их числу автор, в частности, относит неопределенность понятий, методологические просчеты, нечеткость закона. Вопрос о понятии коррупционного преступления до конца не решен, это оказывает непосредственное влияние на предупреждение коррупционных преступлений. В статье поднимается проблема выделения критериев отнесения преступлений к коррупционным, в качестве ключевого признака деяния указана коррупционная сделка. Автором проведено прикладное исследование с применением метода опроса в форме анкетирования граждан РФ (всего 300 респондентов). Опрошенные указали причины коррупционных преступлений, дали оценку уровня коррупции, осуществляемым антикоррупционным мерам. Респондентами по-разному оцениваются роли субъектов коррупционных отношений, осуждению в большей степени подвергнуто поведение коррупционера, оправдательное отношение чаще касается коррупнтера и посредника. Автор приходит, в частности, к выводам о непроработанности концепции антикоррупционной политики, отсутствии системного противодействия коррупционным преступлениям. Поскольку противодействие коррупции на региональном и муниципальном уровнях является неотъемлемой составляющей антикоррупционной политики, автор приходит к выводу о способности региональной и муниципальной политики учитывать особенности состояния общества, причины коррупции в разных областях и возможности эффективного противодействия коррупционным преступлениям. Содержится рекомендация субъектам РФ специализировать мероприятия по противодействию коррупции в зависимости от коррупционно опасных сфер государственного управления. Результаты проведенного прикладного исследования выявили низкую эффективность антикоррупционных мер. Высказываются предположения о причинах толерантного отношения граждан к коррупции, невысокой готовности россиян сообщать о ставших известных им фактах коррупции. Автор указывает на особую важность привлечения институтов гражданского общества к борьбе с коррупцией с целью воспитания правового и гражданского сознания, получения навыков антикоррупционного поведения.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, коррупционные преступления, преступления коррупционной направленности, субъекты коррупционной сделки, коррупнтер, коррупционер, детерминация, эффективность предупреждения, антикоррупционные меры.

The article is devoted to the problems of preventing corruption crimes, which have criminally-legal and criminological nature. Among them, the author, in particular, refers to the uncertainty of concepts, methodological errors, and the illegibility of the law. The issue of the concept of a corruption crime has not been fully resolved; it has a direct impact on prevention of the corruption crimes. The article raises the problem of identifying the criteria for classifying crimes as corruption, corruption transaction is specified as a key feature of the act. The author conducted an applied research using the survey method in the form of a survey of Russian citizens (totally 300 respondents). The respondents pointed out the causes of corruption crimes, assessed the level of corruption, and the implemented anti-corruption measures. Respondents differently assessed the role of subjects of corruption relations; the behavior of the corrupt is condemned to a greater extent; the corrupter and facilitator more often gets justificatory attitude. The author comes, in particular, to the conclusions about the undeveloped concept of anti-corruption policy, the lack of systematic counteraction to corruption crimes. Since anti-corruption at the regional and municipal levels is an integral part of anti-corruption policy, the author comes to the conclusion about the ability of regional and municipal policy to take into account the peculiarities of the state of the society, the causes of corruption in different areas and the possibility of effective combating corruption crimes. There is a recommendation to the entities of the Russian Federation to specialize anti-corruption measures depending on the corruption dangerous spheres of public administration. The results of the conducted applied research revealed the low effectiveness of anti-corruption measures. There are suggestions about the reasons for the tolerant attitude of citizens to corruption, the low readiness of Russians to report the facts of corruption that have become known to them. The author points out the special importance of involving civil society institutions in the fight against corruption in order to educate legal and civil consciousness, to acquire skills of anti-corruption behavior.

Keywords: corruption, fighting corruption, corruption crimes, crimes of corruption, subjects of corruption deal, corruptor, corrupt, determination, prevention effectiveness, anti-corruption measures.

Введение

Актуальность темы исследования. В современном российском обществе коррупция стала системным, массовым явлением, пронизывающим все сферы жизнедеятельности, масштабы которого не снижаются, несмотря на проводимую государством антикоррупционную политику, поскольку граждане толерантно относятся к этому явлению и широко используют коррупционные механизмы для решения своих проблем.

Изученность проблемы. Различным аспектам анализа коррупционных отношений в России посвящены работы В. В. Астанина, Б. В. Волженкина, И. В. Годунова, С. А. Головко, С. У. Дикаева, А. И. Долговой, А.Ю. Епихина, П. А. Кабанова, В. С. Касьянова, А. Н. Кирпичникова, В. А. Коновалова, Ю. В. Кузовкова, Д. В. Мирошниченко и других ученых. Несмотря на проведенные исследования, проблему предупреждения коррупционных преступлений в России можно считать недостаточно освещенной ввиду отсутствия системного анализа коррупционных отношений, основанного на регулярных прикладных исследованиях (мониторинге) общественного мнения.

Целесообразность разработки темы. В настоящее время вносятся поправки в законодательство РФ, регламентирующие антикоррупционные меры. Законодательное решение обозначенных в статье проблем и реализация предлагаемых мер будут способствовать повышению эффективности предупреждения коррупционных преступлений.

Научная новизна настоящей работы заключается в проверке соотношения определенных теоретических положений с реальностью, определяемой состоянием коррупционной ситуации, а также тех явлений и процессов, которые открывают перспективы теоретического осмысления, то есть криминологического познания в соответствии с проблематикой исследования. Эффективность предупреждения коррупционных преступлений во многом зависит от достижений криминологической науки.

Цель — анализ общественного мнения о проблемах предупреждения коррупционных преступлений.

Задачи исследования:

— сбор и обработка информации о том, насколько поражены коррупцией определенные социальные сферы (коррупционно емкие участки);

— выявление коррупциогенных факторов и степени их активности;

— анализ мер предупреждения, применяемых в отношении коррупционных преступлений, их эффективности.

Объектом исследования выступает общественное мнение как форма массового сознания, в которой проявляется отношение граждан к обусловленным коррупцией событиям и процессам действительной жизни, негативно влияющим на их права и законные интересы.

Методология исследования заключается в применении основополагающих идей диалектического материализма, всеобщих и общенаучных методов исследования, частнонаучных методов (формально-логический, опрос в форме анкетирования и др.).

Основная часть

Коррупция характеризуется как актуальная и системная угроза национальной безопасности РФ, многоликое социально-юридическое явление, выраженное в различных формах, наиболее криминальная из которых — коррупционная преступность. Несмотря на многочисленные публикации об уголовно-правовой и криминологической характеристике коррупционной преступности, актуальность связанных с ней проблем и накал дискуссионных страстей не снижаются, что объясняется разнохарактерной значимостью мнений по многочисленным проблемам доктринального, законодательного, правоприменительного характера.

Одной из первостепенных, методологически значимых является проблема чистоты терминологии. На важность терминологического единообразия для правоприменительной практики и достижения задач уголовного законодательства указывают, в частности, профессор Л. А. Букалерова, профессор М. Н. Копылов [1, с. 105], правовед В. Н. Жадан [2, с. 556].

Законодатель использует термины «коррупция», «коррупционные правонарушения». Так, в разделе I («Меры по законодательному обеспечению противодействия коррупции») утвержденного Д. А. Медведевым 31 июля 2008 г. № Пр-1568 первого «Национального плана противодействия коррупции» предполагалось определение понятий: «коррупция» — социально-правовое явление и «коррупционное правонарушение» — отдельное проявление коррупции, приводящее к различным видам юридической ответственности [3]. Термин «коррупционное правонарушение» используется в основном антикоррупционном законе «О противодействии коррупции» [4].

Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 содержит Перечень № 23 статей УК РФ, предусматривающих преступления коррупционной направленности [5]. Термин «коррупционное преступление» в документе не фигурирует, вместо него использован другой — «коррупционная направленность».

Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [6] употребляет термин «коррупционное преступление».

Между тем законодательное определение понятий «коррупционное правонарушение», «коррупционное преступление», «преступление коррупционной направленности» отсутствует.

В научной литературе также оперируют этими терминами, а также терминами «коррупционное поведение», «преступление коррупционной направленности», «преступления, связанные с коррупцией» и др. К примеру, Е. В. Марьина в автореферате указывает на то, что широкое понимание термина «коррупция» «размывает границы между коррупционным правонарушением и поведением, сопряженным с коррупцией» [7, с. 13].

Профессор Л. А. Букалерова и профессор М. Н. Копылов указывают на тот факт, что «ученые, как и законодатель, не пришли к единому мнению о понятии и видах коррупционных преступлений, несмотря на значительное количество работ по данной тематике» [1, с. 106].

В юридической литературе существует большое количество научных определений термина «коррупционное преступление». Например, по мнению профессора А. И. Долговой, «коррупционное преступление» предстает как подкуп-продажность официального лица, корыстное использование им в своих интересах полномочий, которыми оно наделено в соответствии с занимаемой должностью [8, с. 573].

Профессор В. А. Григорьев и профессор В. В. Дорошин определяют «коррупционное преступление» как предусмотренное уголовным законодательством, совершаемое с прямым умыслом общественно опасное противозаконное использование лицом своего публичного статуса или предоставление выгоды такому лицу или его близким [9].

Профессор Е. В. Коломийченко и профессор А. А. Зеленцов под «коррупционным преступлением» понимают корыстное деяние, связанное с противозаконным использованием должностного положения или особого статуса лица, которое позволяет оказывать воздействие на проведение каких-либо общественных мероприятий [10].

По мнению правоведа Е. В. Марьиной, «коррупционное преступление» — это предусмотренное уголовным законодательством умышленное общественно опасное действие, которое состоит в предоставлении и (или) получении денег, ценных бумаг, прочего имущества или других выгод имущественного характера за деяния в интересах коррупгера или лица, которое представляется им [7, с. 7].

Под коррупционным преступлением 45,4 % респондентов понимают любое преступление, совершенное с использованием служебного положения; 45,4 % — преступление, совершенное в личных интересах из корыстных соображений, а также в интересах других лиц, организаций; 9,2 % — только дачу и получение взятки. Полученные ответы свидетельствуют о том, что происходит отождествление респондентами коррупционных преступлений с: а) должностными (служебными) преступлениями; б) корыстными преступлениями; в) взяточничеством.

Понятия «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности» отождествлять нецелесообразно. Например, Н. В. Бугаевская четко проводит грань между ними: коррупционные преступления отражают суть коррупции (безусловные коррупционные преступления — статьи 285, 291, 290, 201, 204), а преступления коррупционной направленности тесно связаны с коррупцией [11].

Перечень № 23 статей УК РФ, предусматривающий преступления коррупционной направленности, содержит критерии оценки таких деяний. Следует отметить, что не только подобное разграничение деяний на группы, но и само причисление их к преступлениям коррупционной направленности достаточно условны, поскольку критерии держатся на ведомственных решениях, не являющихся обязательными с точки зрения закона. Таким образом, уголовно-правовой признак компенсируется неконкретным ведомственным признаком — направленностью, который также не определен. Как следствие, происходит отождествление преступлений коррупционной направленности с должностными преступлениями.

Вопрос выделения признаков коррупционного преступления, так же как и определение понятия «коррупционное преступление», в научной литературе является дискуссионным.

К признакам коррупционных преступлений следует отнести:

— совершение сделки, участниками которой являются должностное лицо или служащий с одной стороны, и лицо, заинтересованное в определенном поведении контрагента, с другой;

— взаимовыгодный характер коррупционной сделки (при этом возмездность не всегда материальная);

— заведомую незаконность сделки;

— исполняя обязанности по сделке, лицо может действовать в соответствии со своими должностными (служебными) обязанностями или нарушать их [12].

Надо отдать должное доктрине, в которой отмечаются определенные достижения. К примеру, профессор Г. Н. Горшенков обосновывает целесообразность выделения коррупционных преступлений в самостоятельную категорию по специальному признаку — коррупционной сделке. Коррупционная сделка — это «соглашение между физическим лицом (коррупгером), представляющим должностному лицу (коррупционеру) по собственной инициативе или в ответ на требования должностного лица определенные блага в целях разового или предполагаемого на перспективу использования должностных полномочий вопреки интересам службы в совместных корыстных интересах» [13, с. 28]. Этот подход позволит не только изменить критерии оценки, но и выявить ключевой признак деяния — коррупционную сделку. Таким образом, коррупционная сделка предстает в качестве критерия, позволяющего дать юридическую оценку деяния как коррупционного преступления.

По мнению автора, коррупционное преступление — это предусмотренное уголовным законодательством общественно опасное деяние, содержащее признаки коррупции, сопряженное с противозаконным применением лицом своих должностных полномочий, вопреки интересам службы, с целью получения выгод и преимуществ для себя или иных лиц либо причинения вреда прочим лицам, которое повлечет значительные нарушения прав и законных интересов граждан, либо организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Респондентам был задан вопрос, что они понимают под коррупцией. 79,5 % опрошенных отождествляют коррупцию со взяточничеством; 69,5 % — с использованием чиновниками служебного положения в корыстных целях; 38,4 % — с использованием личных контактов для получения выгоды; 30,5 % — с подношением подарков должностным лицам; 13,6 % — с лоббированием законов.

Респонденты высказали мнения по вопросу детерминации коррупции в России. 56,6 % опрошенных считают, что истоки коррупции кроются, во-первых, в недостаточном контроле деятельности государственных и муниципальных служащих, во-вторых, в недостаточной эффективности наказания за коррупционные преступления; 45 % — в низком нравственном уровне чиновников; 43 % — в низком уровне правовой культуры в обществе; 37,7 % — в несовершенстве законодательной базы; 11,3 % — в низком уровне оплаты труда чиновников.

Причинами коррупционных преступлений респонденты назвали: «отсутствие времени и (или) возможностей для решения проблем законным путем» (54 %); «желание добиться более качественного результата, качественной работы со стороны должностных лиц» (46,7 %); «излишние притязания, проверки и бюрократия со стороны должностных лиц» (по сути, сами вымогают) (45,4 %); «все дают взятки, так принято» (17,5 %).

Таким образом, исследование показало, что в системе детерминации коррупционных преступлений сокрыты как объективные детерминанты (исторические, социальные, организационно-управленческие, правовые, нравственные), так и субъективные (антисоциальная психология, криминогенная мотивация).

На вопрос о целях, которых хотели добиться граждане с помощью коррупции, большинство респондентов (90,4 %) ответили: «достигнуть личных выгод»; «получить качественные услуги (например, медицинские), образование или какие-либо навыки» (38,1 %); «повлиять на сложившиеся устои» (14,9 %); «достучаться до власти» (11,3 %); 1,7 % затруднились ответить. Следовательно, в основном

представления о коррупции ассоциируются с получением личных выгод в системе публичной службы.

Респондентам было предложено оценить уровень коррупции в России. Большинство респондентов высказали мнение о том, что Россия является одной из самых коррумпированных стран в мире (58,3 %); почти треть опрошенных оценили уровень коррупции как средний (29,8 %); лишь 1,7 % считают его нормальным; почти 9 % затруднились ответить.

Респондентам был задан вопрос: «Освещают ли региональные СМИ коррупционные преступления?» 15,6 % ответили, что освещают, и достаточно часто. 37,7 % респондентов находят подобные новости в Интернете, поскольку местные СМИ их не освещают. 14,6 % узнают благодаря федеральным каналам, так как местные СМИ молчат. Почти каждый пятый опрошенный (23,2 %) не интересуется подобными новостями. 8,9 % затруднились ответить.

Респонденты высказали мнения по поводу возможности влияния СМИ на уровень коррупции в России. 33,1 % опрошенных считают, что СМИ могут и должны воздействовать на коррупционную ситуацию в стране, но при условии постоянного контроля полноты и достоверности информации. По мнению 9,6 % респондентов, СМИ являются серьезным механизмом в борьбе с коррупцией. 10,6 % опрошенных считают, что вероятность такого влияния зависит от уровня СМИ, и доверяют только федеральным каналам. 15,9 % респондентов ответили: «Скорее нет, чем да», у 26,2 % сложилось отрицательное мнение, основанное на том, что СМИ тоже коррумпированы, контроль их деятельности затруднен.

Респондентам было предложено высказать свое отношение к коррупции. 41,7 % опрошенных признались, что негативно относятся к этому явлению; резко негативно — 19,9 %; толерантно — 14,6 %; нейтрально — 11,9 %; положительно — 0,7 %. Каждый десятый не задумывался над этим вопросом.

Также респонденты оценили отношение россиян к коррупции: негативное — 30,1 %; резко негативное — 6 %; толерантное — 34,1 %; нейтральное — 18,2 %; положительное — 4 %. Каждый двадцатый не задумывался над этим вопросом.

Из ответов респондентов следует, что далеко не все российские граждане воспринимают коррупцию как негативное социальное явление, поэтому был задан вопрос о том, что может помочь изменить отношение россиян к коррупции. Ответы распределились следующим образом: жестокое наказание коррупционеров — 55,6 %; публичное осуждение коррупционеров — 34,4 %; равнение на менее коррумпированные страны — 13,9 %. Больше трети опрошенных (35,1 %) считают, что отношение не изменится, поскольку российский менталитет непоколебим.

При совершении коррупционных преступлений в большей степени респонденты осуждают того, кто берет взятку (занимается вымогательством), — 72,5 %; того, кто дает взятку, — 10,6 %; того, кто оказывает содействие в коррупционном правонарушении (посредника), — 7,9 %. Таким образом, почти 90 % опрошенных оправдывают поведение дающего взятку лица (коррупгера), тем самым способствуя совершению и распространению коррупционных преступлений.

Ответы на вопрос: «Отнесли бы Вы какие-либо привилегии (например, продвижение по службе, освобождение от ответственности, освобождение от службы в армии) между лицами с дружескими (семейными) отношениями к фактам коррупции?» распределились следующим образом: да, закон один для всех — 35,1 %; скорее да, чем нет, — 28,1 %; скорее нет, чем да, — 16,6 %; нет, если есть возможность, то родственникам (друзьям) можно помочь, — 19,9 %.

К наиболее коррумпированным сферам деятельности в России респонденты отнесли: государственную власть, правоохранительные органы, судебную систему, муниципальные службы.

Респондентам предложили оценить противодействие коррупции в своем регионе: неэффективное — 28,5 %; с низкой эффективностью — 27,8 %; недостаточно эффективное — 24,8 %; эффективное — 2 %, 16,9 % затруднились ответить.

На вопрос «Проводится ли борьба с коррупцией на муниципальном уровне?» большинство респондентов (51,3 %) ответили «Скорее нет, чем да», каждый четвертый (24,8 %) высказался отрицательно: «Местные власти не справляются, и коррупция процветает»; 15,2 % ответили «Скорее да, чем нет»; лишь 2,3 % считают, что местные власти проводят активную антикоррупционную политику. Оценивая проводимые в России антикоррупционные меры (в том числе на региональном и муниципальном уровнях), большинство респондентов указало на неэффективность, при этом некоторые охарактеризовали их «показными». Об этом свидетельствуют заголовки СМИ [14]. Так называемые громкие дела создают лишь видимость борьбы с коррупционными преступлениями, никак не отражаясь на ее эффективности. Именно региональная (и муниципальная) политика способна учитывать особенности состояния общества, причины коррупции в конкретной области и эффективно противодействовать коррупционным преступлениям, особенно в сложившейся непростой ситуации, поэтому субъектам РФ может быть рекомендовано специализировать мероприятия по противодействию коррупции в зависимости от коррупционно опасных сфер государственного управления.

К примеру, итоги противодействия коррупции в Нижегородской области подвел прокурор Нижегородской области О. Понасенко на координационном совещании в областной прокуратуре, при этом выразил недовольство деятельностью по выявлению коррупционных преступлений, оценив ее как неэффективную [15], поскольку за несколько лет во многих районах Нижегородской области не было выявлено ни одного коррупционного преступления.

Респондентам предложили смоделировать ситуацию: став свидетелем факта коррупции, выбрать вариант поведения. 47,4 % оставили бы этот факт без внимания и не придали бы ему никакого значения. 39,4 % готовы сообщить о факте коррупции. Из них позвонили бы по телефону доверия (анонимно) — 43,7%; обратились бы в правоохранительные органы или антикоррупционную комиссию — 17,9 %; в прокуратуру — 16,5 %.

Отказ оставить свои контактные данные при сообщении о факте коррупции респонденты обосновали имеющимися опасениями негативных последствий со стороны коррупционера в отношении себя или своих близких (73,8 %), отсутствием желания участвовать в возможном разбирательстве, соображениями безопасности, недоверием правоохранительным органам (59,9 %).

По мнению респондентов, к числу действенных наказаний за коррупционные преступления следует отнести: длительное лишение свободы, вплоть до пожизненного заключения, — 52,6 %; конфискацию имущества, в том числе близких родственников, — 47,4 %; штраф, в десятки раз превышающий сумму взятки (подкупа), — 47 %; смертную казнь — 12,6 %.

Наиболее значимыми антикоррупционными мерами опрошенные назвали: ужесточение уголовной ответственности за коррупционные преступления, конфискацию имущества в системе видов уголовного наказания, разные виды

контроля, лишение права занимать должность государственного (муниципального) служащего (на определенный срок и бессрочное), при этом акцент делается на экономических мерах.

На вопрос о приемлемости (допустимости) высшей меры наказания (смертной казни) за коррупционные преступления положительно ответили 16,9 % опрошенных, которые считают, что «только такими кардинальными способами можно снизить уровень коррупции»; отрицательно — 69,5 %, по их мнению, «это станет способом избавления от «нежелательных» людей, а коррупция все равно будет процветать».

На вопрос «Реально ли в случае нарушения законодательства избежать предусмотренной законом ответственности за преступления коррупционной направленности?» ответы распределились следующим образом: да — 32,8 %; да, все будет зависеть только от размера взятки, — 36,1 %; да, если нарушения не будут значительными, — 18,5 %; скорее нет, чем да, — 7 %; нет — 0,7 %.

На вопрос «Хотели бы Вы избавиться от коррупции в России?» ответы выглядят следующим образом: точно да — 40,7 %; скорее да, чем нет, — 39,4 %; скорее нет, чем да, — 3,3 %; нет, многие вопросы решаются с помощью коррупционных сделок, без них будет сложнее договориться — 8,6 %; затруднились ответить 7,6 %.

Выводы

Автор придерживается узкого подхода к пониманию коррупции, главным признаком которой предстает подкуп-продажность, а основой коррупционного преступления служит коррупционная сделка.

Такое понимание коррупции сходно с закрепленными в международных правовых актах определениями: ст. 8 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, ст. 2 Конвенции ООН о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Тогда коррупционная преступность предстает как ядро должностной (служебной, управленческой) преступности.

При широком же подходе в объем понятия «коррупция» включают не только подкуп-продажность, но и иные злоупотребления служебным положением, тем самым отождествляя коррупцию с должностной преступностью. Такое понимание коррупции адекватно признакам, закрепленным в ст. 8–10, 15–20 Конвенции ООН против коррупции.

В российском законодательстве нашел отражение именно широкий подход. Часть 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» определяет коррупцию путем перечисления ограниченного набора должностных (служебных) преступлений. В этот перечень попали разные виды хищения (мошенничество) с использованием служебного положения, злоупотребления, не основанные на коррупционной сделке.

Сложная система отношений, связанных с совершением коррупционных преступлений, снижает эффективность предупредительного воздействия на них. В настоящее время общепринятое понятие коррупционного преступления отсутствует в доктрине и, как следствие, не имеет законодательного закрепления.

Состояние проблемы противодействия усугубляют толерантное отношение граждан к коррупции и неготовность сообщать о ставших им известных фактах коррупции. Показательно то, что среди опрошенных при всем осознании ими криминологических и виктимологических последствий коррупционных угроз нет ярко выраженного протестного антикоррупционного потенциала. Анализ показал, что практически каждый вопрос остался без ответа определенной долей респондентов (до 10 %), поскольку граждане, по их признанию, над этими вопросами не задумывались. Следовательно, несмотря на актуальность, проблемы коррупции не являются первостепенными для всех российских граждан, что отчасти и объясняет толерантное отношение к ним.

По данным проведенного исследования, ничтожно малая доля респондентов готова сообщить о коррупционных правонарушениях и при этом оставить свои контактные данные. Больше половины опрошенных не только допускают, но и оправдывают укрывательство в отношении коррупционного поведения.

Роль и функции субъектов коррупционной сделки (коррупера, коррупционера, посредника) по-разному оцениваются респондентами, которые в большей степени осуждают поведение коррупционера, но при этом готовы оправдать коррупера и посредника. Можно предположить, что столь различное отношение граждан к субъектам коррупционной сделки объясняется, во-первых, пониманием ими мотивов дающего взятку лица, во-вторых, возможностью самим решать различные проблемы с помощью коррупционных механизмов. Отсюда и следует неготовность россиян сообщать о ставших известных им фактах коррупции.

В связи с этим особую важность приобретает привлечение институтов гражданского общества к борьбе с коррупцией с целью воспитания правового и гражданского сознания, получения навыков антикоррупционного поведения.

Необходимо четкое определение коррупционного преступления в законодательстве и правоприменительной практике, а также объективная оценка коррупционных отношений для выявления коррупциогенных факторов и принятия эффективных антикоррупционных мер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Букалерова Л. А., Копылов М. Н. К вопросу о понятии «коррупционные преступления» // Общество и право. 2012. № 1(38). С. 105–109.

2. Жадан В. Н. Некоторые подходы к определению признаков и понятия коррупционных преступлений // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 556–561.

3. Национальный план противодействия коррупции // Российская газета. 2008. 5 августа.

4. О противодействии коррупции : федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.

5. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71231728/

6. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. URL: http://base.garant.ru/70410688/ (дата обращения: 10.03.2018).

7. Марьина Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2010.

8. Долгова А. И. Коррупционная преступность // Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М. : Норма, 2010. 1008 с.

9. Григорьев В. А., Дорошин В. В. Коррупционное преступление: понятие, признаки, виды. URL: http://www.lawmix.ru/comm/2042

10. Коломийченко Е. В., Зеленцов А. А. Общая характеристика преступлений коррупционной направленности в России // Евразийский юридический журнал. 2012. № 9. С. 125–126.

11. Бугаевская Н. В. Формирование понятия «коррупционные преступления» с точки зрения закона и уголовной статистики // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы международной науч.-практич. конф. (1–2 ноября 2013). Вып. 10. Ч. 1. Тюмень : ТГАМЭУП, 2013. URL: https://advokatsidorov.ru/ponyatie-korrupcionnye-prestupleniya.html

12. Признаки коррупции в управленческой деятельности // Социально-правовые и социально-психологические проблемы, связанные с коррупцией в ОВД. URL: http://studopedia.ru/3_66430_sotsialno-pravovie-i-sotsialno-psihologicheskie-problemi-svyazannie-s-korruptsiey-v-ovd.html

13. Горшенков Г. Н. «Противодействие» и «коррупция» как научно не проработанные понятия // Противодействие коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2010. С. 25–29.

14. Козлова Н. Резонансные дела о коррупции: интервью председателя СК РФ Александра Бастрыкина «Российской газете» // Российская газета. 2016. 12 декабря.

15. В Нижегородской области борьба с коррупцией ведется неэффективно // Наша версия в Нижнем Новгороде. 2016. 20 июля. URL: https://nn.versia.ru/v-nizhegorodskoj-oblasti-borba-s-korrupciej-vedetsya-neyeffektivno

REFERENCES

1. Bukalerova L. A., Kopylov M. N. To the issue of the concept of «corruption crimes» // Society and law. 2012. No. 1(38). Pp. 105–109. (In Russ.).

2. Zhadan V. N. Some approaches to the definition of characteristics and concepts of corruption crimes // The Young scientist. 2015. No. 7. Pp. 556–561. (In Russ.).

3. The national plan of counteraction of corruption // Rossiiskaya gazeta. 2008. August 5. (In Russ.).

4. On combating corruption: the federal law dated 25 December 2008 No. 273-FZ // Rossiiskaya gazeta. 2008. December 30. (In Russ.).

5. On putting in force of the lists of articles of the Criminal code of the Russian Federation used when forming the statistical reporting: the General Prosecutor's office and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 1, 2016. No. 65/11/1. (In Russ.). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71231728/

6. On the court practice on the cases of bribery and other corruption crimes: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013. No. 24. (In Russ.). URL: http://base.garant.ru/70410688/

7. Mar'ina E. V. Corruption: sectoral and cross-sectoral harmonization of norms: abstract of dissertation of the candidate of law. Samara, 2010. (In Russ.).

8. Dolgova A. I. Corruption crime // Dolgova A. I. (ed.). Criminology: textbook for universities. M.: Norma, 2010. (In Russ.).

9. Grigoryev V. A., Doroshin V. V. Corruption crime: concept, characteristics, types. (In Russ.). URL: http://www.lawmix.ru/comm/2042

10. Kolomiichenko E. V., Zelentsov A. A. General characteristic of crimes of corruption orientation in Russia // Eurasian law journal. 2012. No. 9. Pp. 105–106. (In Russ.).

11. Bugaevskaya N. V. The formation of the concept of «corruption crimes» from the point of view of the law and criminal statistics // Improving law enforcement in the fight against crime in modern conditions: Materials of the international scientific-practical conference (November 1-2, 2013). Issue 10. Part 1. Tyumen: THAMEUP, 2013. (In Russ.). URL: https://advokatsidorov.ru/ponyatie-korrupcionnye-prestupleniya.html

12. Signs of corruption in administrative activity // Socio-legal and socio-psychological problems associated with corruption in the police Department. (In Russ.). URL: http://studopedia.ru/3_66430_sotsialno-pravovie-i-sotsialno-psihologicheskie-problemi-svyazannie-s-korruptsiey-v-ovd.html

13. Gorshenkov G. N. "Dealing" and "corruption" as not scientifically researched concepts // Combating corruption at the Federal, regional and municipal levels: materials of the international scientific-practical conference. Tomsk : Tomsk University Publ., 2010. Pp. 25–29. (In Russ.).

14. Kozlova N. High profile cases of corruption: interview with Chairman of the RF IC Alexander Bastrykin to «Russian newspaper» // Russian newspaper. 2016. December, 12. (In Russ.).

15. In the Nizhny Novgorod region the fight against corruption is ineffective // Our version in Nizhny Novgorod. 2016. July, 20. (In Russ.). URL: https://nn.versia.ru/v-nizhegorodskoj-oblasti-borba-s-korrupciej-vedetsya-neyeffektivno

Как цитировать статью: Кулакова М. Н. Предупреждение коррупционных преступлений в оценке общественного мнения (прикладное исследование) // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 354–359. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.436.

For citation: Kulakova M. N. Prevention of corruption crimes in assessment of the public opinion (applied research) // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 354–359. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.436.

УДК 343.23
ББК 67.308.11

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.403

Piven Artem Nikolaevich,
lawyer, employee of the charity fund
"Legality and the rule of law",
Simferopol, the Republic of Crimea, the Russian Federation
e-mail: geralt2000@list.ru

Пивень Артем Николаевич,
юрист, сотрудник благотворительного фонда
«Законность и правопорядок»,
г. Симферополь, Республика Крым, РФ
e-mail: geralt2000@list.ru

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОЙ ИГОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

ISSUES OF IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION TO COUNTERACT ILLEGAL GAMBLING ACTIVITIES IN THE INTERNET

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law

Автором статьи на основе правоприменительной и судебной практики проведен анализ отечественного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр с использованием сети Интернет. Обозначены некоторые актуальные проблемы в организации противодействия правоохранительными органами незаконной игорной деятельности и действующем государственном регулировании игорного бизнеса. Дана оценка эффективности применяемых в Российской Федерации профилактических мер по блокированию незаконного игорного контента для воспрепятствования азартным играм в сети Интернет, в том числе финансовых транзакций функционирующих онлайн казино. Подробно освещен вопрос практической целесообразности отнесения используемого для организации проведения так называемых онлайн-казино компьютерного оборудования к категории игрового. Описываются отдельные технические возможности современных игровых программных комплексов, используемых в организации и проведении незаконных азартных игр. Проанализировано зарубежное уголовное законодательство, предусматривающее различные виды ответственности за нарушения в сфере игорного бизнеса, и выделены отдельные юридические нормы, которые могут быть имплементированы в российскую нормативно-правовую систему. Автором констатируется, что тенденции развития современных технологий игорного бизнеса и несовершенство отечественных регуляторов деятельности по контролю за азартными играми приведут к дальнейшему наращиванию объемов использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, в незаконной игорной деятельности. В результате вносятся предложения по изменению действующей уголовно-правовой нормы, содержащейся в статье 171.2 «Незаконные организация и проведение азартных игр» Уголовного кодекса Российской Федерации, в части введения нового вида уголовной ответственности за «разработку, распространение, тиражирование (размножение), установку или обслуживание программного обеспечения для организации и (или) проведения азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

The author of the article conducted analysis of domestic legislation that provides for criminal liability for illegal organization and gambling using the Internet on the basis of the law enforcement and judicial practice. Some topical problems in the organization of counteraction by the law enforcement bodies to illegal gambling activity and the current state regulation of gambling business are indicated. The evaluation of effectiveness of the preventive measures used in the Russian Federation to block illegal gambling content in order to prevent gambling in the Internet is conducted, including financial transactions of functioning online casinos. The issue of the practical expediency of assigning the computer equipment used for organizing the so-called online casino to the category of gaming is described in details. The separate technical capabilities of modern gaming software complexes used in organizing and conducting illegal gambling games are described. Foreign criminal legislation has been analyzed, which provides for various types of liability for violations in the sphere of gambling; and separate legal norms have been singled out that can be implemented in the Russian regulatory and legal system. The author claims that the trends in development of the modern gambling technologies and imperfection of domestic regulators of gambling control activities will lead to further increase in the use of information and telecommunications networks, including the Internet, in illegal gambling activities. As a result, proposals are made to change the existing criminal law provision contained in Article 171.2 "Illegal Organization and Conducting of Gambling" of the Criminal Code of the Russian Federation with respect to introducing a new type of criminal liability for "development, distribution, replication, installation or maintenance of software for organizing and (or) conducting gambling with the use of information and telecommunications networks".

Ключевые слова: азартные игры, уголовная ответственность, экономическая безопасность, игорные заведения, онлайн-казино, зарубежное законодательство, блокирование интернет-контента, преступные доходы, программное обеспечение, правоприменительная практика.

Keywords: gambling, criminal liability, economic security, gambling establishments, online casinos, foreign legislation, blocking of Internet content, criminal proceeds, software, law enforcement practice.

Введение

Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что в последние годы в Российской Федерации широкое развитие получила незаконная деятельность по организации и проведению азартных игр посредством использования возможностей информационно-

телекоммуникационной сети Интернет. Криминализация указанного вида общественных отношений привела к тому, что получаемые от незаконного игорного бизнеса преступные доходы стали полноправными источниками системного формирования теневой экономики государства.

Основной **задачей** настоящего исследования являлось выявление актуальных проблем в организации противодействия отечественными правоохранительными органами незаконной игорной деятельности, которая из обычных подпольных игорных заведений, характерных для начала нулевых годов, трансформировалась в новый подвид, а именно в организацию деятельности высокотехнологичных и, соответственно, более прибыльных так называемых онлайн-казино. Фактически нелегальные игорные заведения в «классическом» виде (покерные клубы, рулетка, залы с игровыми автоматами и т. п.) изжили себя и носят единичный характер.

В современной науке анализ практики применения уголовного законодательства за незаконные организацию и проведение азартных игр становился предметом исследования таких ученых, как В. Д. Леготкин, О. П. Науменко, В. А. Севастьянов, А. А. Лихолетов, Б. Р. Аветисян, О. В. Бесчастнова, Л. А. Орлова, Д. В. Кольцов, Усынин В.В., практические результаты деятельности которых вносили положительные коррективы в дальнейшую работу правоохранителей и влияли на последующую модификацию нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы государственного регулирования игорного бизнеса в России.

Однако, несмотря на неоднократно вносимые законодателем изменения, в том числе в диспозицию статьи 171.2 Уголовного Кодекса РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр», в настоящее время среди ученых, практических работников уголовно-процессуальной сферы и представителей легального игорного бизнеса, несущих прямые материальные убытки из-за деятельности подпольных казино, продолжаются споры, касающиеся низкой эффективности и недостаточного профилактического эффекта действующих юридических запретов в этой сфере.

Целью исследования являлось рассмотрение путей совершенствования действующего уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за организацию и проведение азартных игр с использованием возможностей информационно-телекоммуникационной сетей, в т. ч. сети Интернет.

Научная **новизна** выбранной темы заключается в том, что автором одним из первых сформулирован тезис о необходимости привлечения к уголовной ответственности лиц, создающих непосредственные условия для совершения преступлений в сфере игорного бизнеса, а именно лиц, причастных к разработке, распространению, тиражированию, установке или обслуживанию программного обеспечения для организации и проведения азартных игр с использованием возможностей сети Интернет.

Практическая значимость работы заключается в разработке авторских предложений по внесению изменений в действующее уголовное законодательство.

Материалы и методы

Эмпирическую основу статьи составили статистические материалы опубликованной судебной практики, сведения ГИАЦ МВД РФ, а также материалы правоприменительной практики правоохранительных органов Республики Крым по расследованию преступлений, предусмотренных ст. 210 и ст. 171.2 УК РФ. Также при подготовке статьи использовались нормативно-правовые акты иностранных государств, регламентирующие уголовную ответственность в сфере незаконного игорного бизнеса, и материалы, опубликованные в сети Интернет другими исследователями. Методологической основой статьи выступал диалектический метод научного познания, анализирующий явления (процессы) объективной действительности в их развитии и взаимосвязи; дополнительно автором применялись такие методы познания, как сравнительно-правовой, анализ и синтез, а также исторический метод.

Основная часть

Сфера игорного бизнеса России на протяжении последних десятилетий отличалась заметным ростом и высокой рентабельностью. Именно такая финансовоемкая, высокоприбыльная и стойкая к ударам экономических кризисов отрасль экономики привлекла к себе пристальное внимание представителей отечественного криминалитета.

Еще в 2006 г., характеризуя отечественный игорный бизнес, президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Зависимость от азартных игр – она может быть не меньшей, чем от алкоголя или наркотиков, и в мире немало случаев, трагических случаев, связанных с такой зависимостью. И мы должны подумать о том, чтобы оградить наших граждан от того, что сейчас происходит в сфере игрального бизнеса» [1]. Негативные последствия неконтролируемого роста игорного бизнеса стали в России системным явлением, многие игроки теряли свое имущество, попадали в финансовую зависимость, из-за чего распадались семьи, совершались акты суицида и др.

Современной медициной патологическое пристрастие к азартным играм классифицируется как психиатрическое расстройство [2, с. 42] и относится к категории «расстройств личности и поведения в зрелом возрасте».

В свою очередь, недостаточная разработанность правовой регламентации игорной деятельности расширяет возможности для совершения правонарушений в этой сфере [3, с. 56]. Так, с момента принятия законодательного решения об упорядочении деятельности, связанной с игорным бизнесом, в т. ч. путем перевода ее в 2009 г. в специальные игорные зоны (в настоящее время – Калининградская область, Алтайский, Приморский и Краснодарский края, Республика Крым), практически во всех регионах России правоохранителями документируются многочисленные факты несоблюдения требований обновленного законодательства и противодействие его исполнению всевозможными способами. В результате в настоящее время нелегальный игорный бизнес как составляющая теневой экономики России по масштабам своего развития в сравнении с другими видами экономических преступлений, совершаемых в организованных формах, занимает одну из ведущих позиций.

Известно, что в Российской Федерации игорный бизнес не относится к уголовно наказуемым видам экономической деятельности. Таковым игорный бизнес в соответствии со ст. 171.2 «Незаконные организация и проведение азартных игр» Уголовного кодекса РФ становится лишь при следующих условиях:

— организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорных зон;

— организация и (или) проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет, а также средств связи, в т. ч. подвижной связи;

— организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования в игорных зонах, но без соответствующего разрешения.

Необходимость криминализации организации и (или) проведения азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет, была вызвана резко возросшим в последние годы количеством интернет-ресурсов, преимущественно иностранных, предоставляющих возможность проведения азартных игр онлайн. При этом услуги игорных заведений, предоставляющих реальные азартные игры, которые еще несколько лет назад были широко представлены на криминальном рынке, с усилением контроля и изменением законодательства сократились [4, с. 177].

В настоящее время объективные технические возможности сети Интернет позволяют организовывать игорную деятельность, находясь за пределами того государства, в котором располагаются игорные заведения с соответствующим дистанционно подключенным игорным программным обеспечением, что обеспечивает высокий уровень их конспирации и частично снижает материальные расходы организаторов.

Анализ текущей правоприменительной и судебной практики свидетельствует о выявляемых в различных регионах России фактах незаконной организации и проведения азартных игр, в ходе которых используются технически сложные программные продукты из категории так называемых онлайн-казино, требующих круглосуточного доступа к сети Интернет. При этом организаторы указанных игорных заведений для придания легальности функционированию данных объектов используют пакеты правоустанавливающих документов, разработанных опытными юристами, специализирующимися в данной области права и порой небезуспешно отстаивающими в судебных инстанциях свои позиции [5, с. 74].

Указанные программы являются платными и отсутствуют в свободном бесплатном доступе, поскольку требуют постоянной сервисной поддержки, которая может осуществляться как с территории Российской Федерации, так и из-за ее пределов. Игровой процесс зачастую однообразен и представляет собой де-факто аналог популярной игры «в лимончики», в которой игрок должен путем целевой ставки угадать соответствующую игровую комбинацию или поле. Визуальные эффекты игры постоянно модифицируются службами поддержки, изменяется качество картинок, цветовые поля, но суть игровой механики остается прежней.

Современные программные возможности указанных игровых комплексов позволяют организаторам незаконной игорной деятельности круглосуточно отслеживать финансовые процессы (пополнение денежных счетов, осуществление ставок, списание выигрышей и др.) в подконтрольных им игорных заведениях, автоматизировать контроль за работой подчиненного персонала, а также непосредственно влиять на процент выигрышей игроков, корректируя его как в меньшую, так и большую сторону. После приобретения данных программ и их инсталляции на ПЭВМ, которые будут задействованы в незаконной игорной деятельности, осуществляется процесс их удаленного подключения к игровому серверу и их дальнейшая идентификация сервером по персональным IP-адресам с последующим созданием паролей доступа.

Проведенным автором опросом сотрудников оперативных и следственных подразделений, осуществляющих противодействие незаконному игорному бизнесу, выявлено, что одним из наиболее актуальных вопросов правоприменительной практики в указанной сфере является отнесение используемого для организации указанных онлайн-казино компьютерного оборудования к категории игрового. Так, игровым оборудованием в соответствии с п. 16 ст. 4 Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» признаются устройства или приспособления, используемые для проведения азартных игр. Видами такого оборудования выступают игровой стол (п. 17 ст. 4) и игровой автомат (п. 18 ст. 4). Однако законодатель не определил исчерпывающий перечень игорного оборудования, предоставив правоприменителю сделать это самостоятельно, с учетом реалий конкретного случая. При этом потенциальная сложность дачи исчерпывающего определения «игрового оборудования» компенсирована удобством этого подхода на практике, поскольку «в каждом конкретном случае потенциально возможно обосновать признание тех или иных предметов игровым оборудованием, коль скоро эти предметы (устройства) фактически использовались при проведении азартных игр» [6, с. 87].

На практике же сторона защиты нередко заявляет правоохранителям о невозможности проведения криминалистической экспертизы изымаемых в незаконных игорных заведениях ПЭВМ на предмет их дальнейшего отнесения к категории игрового оборудования. Это типично для полулегальных игорных заведений, в которых на игровых компьютерах установлены лишь программы удаленного доступа через сеть Интернет к игровым онлайн-серверам. В связи с тем, что сам сервер в большинстве случаев находится за пределами РФ, правоохранителями он не изымается. Это приводит к тому, что позднее эксперт-криминалист, активируя представленный ему на судебную экспертизу такого рода ПЭВМ, фиксирует при входе в игровой программный продукт лишь наличие панели доступа к иностранному серверу, требующего от пользователя соответствующие логин и пароль доступа. В подавляющем числе случаев они автоматически меняются ежесуточно, что приводит к невозможности запуска экспертом игровой программы и, соответственно, официального подтверждения им факта использования изъятого конкретного оборудования в незаконной игорной деятельности. Таким образом, адвокаты, по их мнению, лишают сторону обвинения важнейшего доказательства по уголовному делу – факта наличия игрового оборудования. Однако указанный подход является ошибочным и вызван незнанием действующего законодательства.

Во-первых, как описывалось выше, в силу п. 16 ст. 4 Закона игровым оборудованием признаются «устройства или приспособления, используемые для проведения азартных игр», то есть понятие «игрового оборудования» шире, чем «игровой стол» или «игровой автомат». Поэтому игровым оборудованием будет являться, по сути, любое устройство или приспособление, которое де-факто использовалось в азартных играх, то есть играх, где ожидаемый выигрыш зависит не от способностей участников игры, а от случая. Безусловно, к такому игровому оборудованию относятся и ПЭВМ, с помощью которых клиенты игорных заведений получали доступ и играли в азартные игры с использованием сети Интернет.

Во-вторых, согласно новому формирующемуся подходу в судебной практике необходимо различать подвиды объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, в частности «незаконные организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны» и «незаконную организацию и (или) проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет». В последнем случае доказыванию следственным путем подлежит не факт наличия в пользовании у правонарушителей

того или иного игрового оборудования, а факт задействования правонарушителями возможностей сети Интернет с соответствующим акцентом на документировании технической коммуникации ПЭВМ незаконных игорных заведений с игровыми серверами из категории «онлайн-казино». Другими словами, необходимость доказывания юридического факта наличия «игрового оборудования» соотносится лишь с первым подвидом объективной стороны преступления (с «использованием игрового оборудования вне игорных зон»), а применительно к незаконному проведению азартных игр с использованием сети Интернет это уже не требуется.

В частности, указанный подход имел место при вынесении в мае 2018 г. обвинительного приговора членам преступного сообщества (преступной организации), осуществлявших организацию и проведение незаконных азартных игр, сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере, в Республике Крым, которые обвинялись в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 210 и ч. 3 ст. 171.2 Уголовного кодекса РФ. Так, приговором судьи Киевского районного суда г. Симферополя от 22.05.2018 (дело № 1-182/2018) отмечено, что используемые подсудимыми для незаконной игорной деятельности персональные компьютеры, подключенные к сети Интернет, имели доступ к игровым интернет-ресурсам (игорным системам) Infiniti и «Гермес», содержащим виртуальные азартные игры, такие как «Рулетка», «Лаки Леди», «Обезьянка», «Бук Оф Ра», «Книжки» и иные. Соответственно, суд расценил персональные компьютеры, использовавшиеся для доступа к этим игорным системам с виртуальными азартными играми, как виртуальные аналоги игровых автоматов, не применив тем самым формулировку «игровое оборудование», а нежилые помещения, выступавшие в качестве незаконных игорных заведений, описал как «залы виртуальных игровых автоматов».

По мнению автора, в настоящее время государственная деятельность по ограничению вышеуказанного игорного интернет-контента должна носить исключительно комплексный характер и включать в себя как профилактические меры, так и соответствующие запретительные уголовно-правовые нормы.

К категории профилактических мер относятся требования, предусмотренные п. 6 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которым запрещается распространение информации, направленной на пропаганду войны, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. При этом в силу ч. 5 ст. 15.1 указанного закона в Единый реестр доменных имен, указателей страниц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, включена информация, нарушающая требования о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр (лотерей) с использованием сети Интернет, предусмотренные вышеуказанным Федеральным законом № 244-ФЗ от 29.12.2005 и Федеральным законом № 138-ФЗ «О лотереях» от 11.11.2003.

Таким образом, законодателем предусмотрен прямой запрет на распространение информации, связанной с организацией и проведением азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Провайдеры обязаны соблюдать перечисленные ограничения и препятствовать доступу своих абонентов к запрещенной законом информации.

Как справедливо отметила Е. В. Родионова, отсутствие контроля за деятельностью по организации и проведению азартных игр посредством Интернета делает норму, запрещающую интерактивные игры, мертворожденной [7, с. 18–22].

Однако в настоящее время деятельность по воспрепятствованию азартным играм в сети Интернет путем блокирования запрещенного контента и исключения его из поисковой выдачи фактически находится на этапе становления. Критерии оценки информации, необходимые для принятия указанных запретительных решений, разработаны и утверждены только в 2017 г. [8]. Органами, осуществляющими указанную регуляторную функцию, являются Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации и Федеральная налоговая служба Российской Федерации.

В свою очередь, за рубежом подобные ограничения на игровой интернет-контент действуют уже достаточно давно и активно развиваются. В целом различные формы такого ограничения применяются к онлайн-казино в странах, где проживает около 56 % населения Земли:

— в 39 странах азартные игры в Интернете полностью запрещены;

— в 61 стране для открытия онлайн-казино необходимо получить лицензию от местного регулятора. В половине этих стран требования к лицензиату составлены таким образом, что разрешение может получить только местная компания;

— в 93 странах деятельность онлайн-казино не запрещена и не требует обязательного получения лицензии от регулятора.

Некоторые государства предпринимают дополнительные действия для того, чтобы усложнить своим гражданам доступ к незаконным ставкам в Интернете: в 36 странах провайдеров Интернета обязывают блокировать пользователям доступ ко всем онлайн-казино, в 18 странах власти обязывают банки блокировать финансовые транзакции, в которых принимают участие игорные заведения [9].

Практический интерес представляет правоприменительная практика Соединенных Штатов Америки, которые в 2006 г. приняли «Unlawful Internet Gambling Enforcement Act» (Закон о нелегальном статусе игорного бизнеса в Интернете) [10] или сокращенно UIGEA. Указанным Актом онлайн-игры на территории США были признаны незаконными в тех штатах, где законодательство штатов запрещает азартные игры (т. е. фактически во всех штатах, кроме двух — Невады и Нью-Джерси). Однако основной новеллой данного закона являлось введение запрета на финансовые транзакции между банковскими (финансовыми) учреждениями США и онлайн-казино. В дальнейшем, чтобы не быть привлеченным к финансовой ответственности в виде штрафов, банки были вынуждены самостоятельно осуществлять поиск счетов игорных онлайн-операторов, отслеживать и приостанавливать их денежные переводы и т. д. Это привело к массовому оттоку из США практически всех онлайн-операторов игорного бизнеса, счета которых подверглись принудительной блокировке.

Указанное законодательное новшество позволило перенаправить игроков в азартные игры из онлайн-сегмента в лицензированные казино, расположенные в американских игровых зонах, и увеличило общие налоговые поступления от их деятельности.

В свою очередь, в Российской Федерации схожее государственное регулирование финансовых транзакций, связанных с игорным онлайн-бизнесом, несмотря на действующий уголовный запрет азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, появилось

только в последнее время благодаря принятию Федерального закона от 27.11.2017 № 358-ФЗ, которым внесены изменения в вышеуказанные Федеральные законы № 244-ФЗ и № 138-ФЗ. Так, ст. 5.2 и 6.2 вводят запреты на перевод и прием платежей в пользу как отечественных, так и иностранных физических (юридических) лиц, в отношении которых имеются сведения об осуществлении ими деятельности по организации и проведению азартных игр с нарушением законодательства Российской Федерации. Также Правительством РФ будет сформирован перечень указанных лиц, основываясь на котором, платежный агент будет принимать решение о возможности проведения операции по переводу денежных средств, в т. ч. электронных.

Указанные законодательные новеллы, по мнению специалистов сферы игорного бизнеса, будут ожидаемо неэффективны, поскольку длительная процедура включения в такой перечень того или иного конкретного доменного имени или страницы сайта в сети Интернет всегда будет отставать от быстрой смены собственником этого онлайн-казино соответствующего наименования. Похожие негативные аналогии имеют место при блокировании Роскомнадзором интернет-сайтов из категории «торрент-трекеров», массово распространяющих нелицензионную видео- и аудиопродукцию, когда после блокирования сайта создается его клон с добавкой к старому названию одной цифры или буквы.

В то же время число пользователей российского сегмента глобального информационного пространства с каждым годом стремительно увеличивается. По данным аналитиков, эта цифра ежегодно растет и летом 2017 г. составила уже 81,8 млн человек (70 % населения страны) [11]. К сожалению, быстрыми темпами растет также и количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Тенденции развития современных технологий мирового игорного бизнеса и несовершенство отечественных регуляторов деятельности по контролю за азартными играми ожидаемо приведут к дальнейшему наращиванию объемов использования информационно-телекоммуникационных сетей в незаконной игорной деятельности.

По мнению автора, с целью своевременного пресечения возникающей угрозы в сфере экономической безопасности в виде «виртуализации» незаконного игорного бизнеса и его перехода в интернет-сегмент, необходимо введение нового уголовно-правового института, который позволит бороться с лицами, создающими условия для развития этой угрозы, а именно осуществляющими разработку игорных программных комплексов для проведения азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Безусловно, значительно проще не допустить создание программного продукта по организации деятельности «виртуального» казино, нежели впоследствии отслеживать и пресекать его коммерческое использование на территориях тех или иных субъектов Российской Федерации.

Анализ зарубежного уголовного законодательства позволяет найти примеры практического применения подобных запретительных норм в странах, обладающих значительным опытом в организации игорного бизнеса. Например, в Великобритании правовое регулирование игорной деятельности закреплено в специальном законе об азартных играх 2005 г. (Gambling Act 2005). Так, статьей 41 указанного закона предусматривается уголовная ответственность за разработку, распространение, установку или настройку программного обеспечения для организации азартных игр на удаленном расстоянии (в информационно-телекоммуникационных сетях), если такая деятельность осуществляется без полученной в установленном порядке лицензии [12]. Лицо, причастное к совершению этого преступления, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до 51 недели и (или) штрафа в размере до 5 тыс. фунтов.

В некоторых странах рассматриваемый состав преступления требует наличия у виновного лица предикатного административного наказания. Например, согласно ч. 4 ст. 278 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, предусматривается ответственность за предоставление услуг в сетях телекоммуникации, в том числе провайдерами Всемирной информационной сети Интернет, за тиражирование, размножение, распространение соответствующего программного обеспечения для организации или проведения азартных и других основанных на риске игр, совершенные после применения административного взыскания за такие же действия [13]. Максимальный вид наказания — исправительные работы на срок до 3 лет.

Представляется, что возможное введение подобной уголовной ответственности для провайдеров Интернета за деятельность по предоставлению услуг для проведения незаконных азартных игр в отечественном законодательстве будет нецелесообразно и не будет соответствовать смыслу как Федерального закона от 29.12.2005 № 244, так и ст. 171.2 Уголовного кодекса РФ. Поэтому в случаях осуществления провайдером коммерческой деятельности по предоставлению коммуникационного оборудования с доступом к компьютерным сетям и оказания им услуг по внесению и получению денежных средств на счета и со счетов электронных платежных систем онлайн-казино эти действия не могут быть отнесены к категории уголовно наказуемых.

Напротив же, действия лиц по разработке игорного программного обеспечения, его распространению, тиражированию (размножению), установке или обслуживанию программного обеспечения для организации азартных игр на игровом оборудовании, использующем возможности информационно-телекоммуникационных сетей, имеют своей конечной целью организовать условия для дальнейшего проведения азартных игр или, иными словами, обеспечить возможность конкретным лицам — организаторам азартных игр заключить соглашение о выигрыше с будущими участниками азартной игры. Другими словами, если коммерческое предприятие умышленно предоставляет доступ игрокам к конкретному игровому сайту и участвует в проведении финансовых взаиморасчетов с ними, то такая деятельность напрямую подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ. Имеющийся субагентский договор на предоставление услуг связи в данном случае лишь прикрывает действительное содержание осуществляемой противоправной деятельности.

Указанные выводы базируются на положениях ст. 4 Федерального закона от 29.12.2005 № 244, в соответствии с которыми азартная игра — это основанное на риске соглашение о выигрыше. Поэтому ее основой должен являться некий договор, заключаемый между организатором игры и ее участником или же только между ее участниками. Как отмечает С. Н. Шеленков, азартная игра создает взаимные права и обязанности [14, с. 59]. Для игрока право сыграть в игру корреспондирует с обязанностью оплаты участия в ней, для организатора право на получение оплаты корреспондирует с необходимостью создания условий для ее проведения. емкое определение азартной игры дано Ю. В. Багно, по мнению которого азартная игра — «это основанное на имущественном интересе, заключенное

между одним или несколькими участниками (физическими или юридическими лицами) и организатором, имеющим лицензию, и (или) между собой соглашение, условия которого известны участникам заранее, а результат зависит как от действий участников, так и от влияния случая» [15, с. 34].

Как видим, рассматриваемый возможный субъект преступления — провайдер, в отличие от организатора азартных игр, напрямую не заключает соглашение с участниками азартной игры и не получает от них плату за участие в игре. Его умысел не направлен на получение дохода от организации и проведения незаконных азартных игр, а охватывается лишь получением вознаграждения за предоставление услуг связи.

Анализ современной правоприменительной практики показывает, что по результатам документирования сотрудниками правоохранительных органов противоправной деятельности незаконных игорных заведений, использующих программные продукты по типу онлайн-казино, к уголовной ответственности по ст. 171.2 УК РФ ожидаемо привлекаются лишь их руководители, администраторы и персонал. Однако категория лиц, которые разрабатывают, распространяют незаконный игровой контент, осуществляют его удаленную настройку и модернизацию, не попадает в поле зрения правоохранителей. Их умышленные и, предположительно, корыстные действия направлены на создание соответствующих условий для совершения преступлений в виде организации и (или) проведения незаконных азартных игр, но в настоящее время формально не охватываются объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ.

Заключение

В целях совершенствования законодательства по противодействию незаконной игорной деятельности и предупреждения угроз экономической безопасности на основе проведенного анализа правоприменительной практики автором предлагается внести изменения в действующую редакцию ст. 171.2 УК РФ, криминализируя следующие деяния: «Разработка, распространение, тиражирование (размножение), установка или обслуживание программного обеспечения для организации и (или) проведения азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет».

Результаты. Необходимо констатировать, что сфера игорного бизнеса в настоящее время продолжает иметь выраженную тенденцию к переходу на нелегальные формы противоправной деятельности. Несмотря на запрет, на территории Российской Федерации продолжают функционировать незаконные игорные заведения, использующие информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, способствующие ухудшению криминогенной обстановки, получению теневых и неконтролируемых государством доходов, что подрывает экономическую безопасность. Для эффективного искоренения подобных противоправных явлений действующих регуляторов деятельности по контролю за организацией и проведением азартных игр в настоящее время недостаточно. Указанная деятельность должна носить исключительно комплексный характер и включать в себя как профилактические меры, так и соответствующие запретительные уголовно-правовые нормы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большое интервью. Ответы Президента Российской Федерации Владимира Путина на вопросы журналистов. URL: http://lenta.ru/articles/2006/01/31/putin/

2. Серикова Г. Н., Сериков А. Л. Игорный бизнес в России: проблемы и перспективы // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 322. № 6. С. 42–46.

3. Бесчастнова О. В. Ответственность за организацию азартных игр в РФ // Приволжский научный вестник. 2012. № 9 (13). С. 55–58.

4. Аветисян Б. Р. Игорный бизнес как криминальный рынок услуг // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 176–179.

5. Кольцов Д. В., Папирник А. А. Отдельные направления оперативно-розыскного противодействия незаконному игорному бизнесу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (67). С. 72–76.

6. Науменко О. П. Уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр : дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 219 с.

7. Родионова Е. В. О недостатках законодательства о государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр // Налоги. 2010. № 26. С. 154–164.

8. Совместный приказ Роскомнадзора, МВД России, Роспотребнадзора и ФНС России № 84/292/351/ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

9. Анализ доступности азартных игр онлайн во всем мире. URL: http://www.newsofgambling.com/analiz-dostupnosti-azartnyh-igr-online-vo-vsem-mire

10. Unlawful Internet Gambling Enforcement Act. URL: http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-120/pdf/STATUTE-120-Pg1884.pdf

11. Интернет в России: динамика проникновения. Лето 2017 г. Интернет-аудитория: общий объем, структура, распределение по полу, ТНП и ФО. URL: http://www.fom.ru/SMI-i-internet/13783

12. Gambling Act 2005. URL: http://uklaws.org/acts_uk/document194/index.htm

13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: http://lex.uz/acts/111457

14. Шеленков С. Н. Понятие азартных игр по российскому праву: теория и практика // Гражданин и право. 2009. № 7. С. 55–66.

15. Багно Ю. В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из игр и пари : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004. 184 с.

REFERENCES

1. Great interview. Answers of the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the questions of journalists. (In Russ.). URL: http://lenta.ru/articles/2006/01/31/putin/
2. Serikova G. N., Serikov A. L. Gambling business in Russia: problems and prospects // Materials of Tomsk Technical University. 2013. Vol. 322. No. 6. Pp. 42–46. (In Russ.).
3. Beschastnova O. V. The responsibility for the organization of gambling games // Privolzhsky scientific bulletin. 2012. № 9 (13). Pp. 55–58 (In Russ.).
4. Avetisyan B. R. Gambling as criminal services market. Society and law. 2015. № 4 (54). Pp. 176–179 (In Russ.).
5. Koltsov D. V., Papirnik A. A. Certain areas of investigative operations aimed at combating illegal gambling business // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (67). Pp. 72–76. (In Russ.).
6. Naumenko O. P. Criminal liability for illegal organization and conduct of gambling : dissertation of the candidate of law. Moskow, 2016. 219 p. (In Russ.).
7. Rodionova E. V. On the shortcomings of the legislation on state regulation of activities for organizing and conducting gambling // Taxes. 2010. No. 26. Pp. 154–164. (In Russ.).
8. Joint order of Roskomnadzor, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and the Federal Tax Service of Russia No. 84/292/351/MMV-7-2/461@ of 18.05.2017. "On the approval of the criteria for assessing the materials and / or information required for decision-making by the Federal Service for Supervision in the Communication, Information Technology and Mass Communications, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare, tax service on the inclusion of domain names and (or) indexes of pages of sites in the information and telecommunication network "Internet" and network addresses that allow identifying sites in the Internet network containing prohibited information in a single automated system "Unified register of domain names, index pages in the information and telecommunication network" "Internet", and network addresses that allow you to identify sites on the Internet containing information, the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation".
9. Analysis of the availability of online gambling worldwide. URL: http://www.newsofgambling.com/analiz-dostupnosti-azartnyh-igr-online-vo-vsem-mire (In Russ.).
10. Unlawful Internet Gambling Enforcement Act. URL: http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-120/pdf/STATUTE-120-Pg1884.pdf
11. Internet in Russia: the dynamics of penetration. Summer 2017 Internet audience: total volume, structure, distribution by sex, TS and FD. URL: http://www.fom.ru/SMI-i-internet/13783 (In Russ.).
12. Gambling Act 2005. URL: http://uklaws.org/acts_uk/document194/index.htm
13. The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. URL: http://lex.uz/acts/111457 (In Russ.).
14. Shelenkov S. N. The notion of gambling according to Russian law: theory and practice // Citizen and Law. 2009. No. 7. Pp. 55–66. (In Russ.).
15. Bagno J. V. Civil law regulation of relations arising from games and betting : dissertation of the candidate of law. Perm′, 2004. 184 p.

Как цитировать статью: Пивень А. Н. Вопросы совершенствования уголовного законодательства по противодействию незаконной игорной деятельности в сети Интернет // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 360–366. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.403.

For citation: Piven A. N. Issues of improving criminal legislation to counteract illegal gambling activities in the Internet // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 360–366. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.403.

УДК 347.73:336.227
ББК 67.402.23:65.261.41-28

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.465

Chitaya Revaz Gamletovich,
Post-graduate student of the Department of Legal Regulation of Economic Operations,
Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow,
e-mail: revazchitaya@gmail.com

Читая Реваз Гамлетович,
аспирант Департамента правового обеспечения экономической деятельности,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва,
e-mail: revazchitaya@gmail.com

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИНСТИТУТА КОНТРОЛИРУЕМЫХ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ

NEW CHALLENGES OF THE CONTROLLED FOREIGN COMPANIES

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право
12.00.04 – Financial law, tax law, budget law

В статье исследуется правовой институт контролируемых иностранных компаний, введенный в Налоговый кодекс Российской Федерации в 2015 г. Особое внимание уделено критериям признания лица контролирующим лицом иностранной компании (структуры без образования юридического лица) в целях российского налогообложения. Исследование позволило установить некоторые проблемы правового регулирования института контролируемых иностранных компаний,

содержащегося в Налоговом кодексе Российской Федерации. В частности, обозначены проблемы, связанные с установлением личного закона структуры без образования юридического лица, контролем над иностранной (портфельной) компанией, расчетом прибыли контролируемой иностранной компании (структуры без образования юридического лица). Автором предложены некоторые пути решения обозначенных проблем. Работа над статьей позволила установить определенные налоговые риски, связанные со структурированием владения имуществом посредством создания дискреционных трастов, сегрегированных фондов и некоммерческих компаний. С одной стороны, указанные в статье риски необходимо учитывать участникам хозяйственного оборота при осуществлении международного налогового планирования, с другой стороны, налоговым органам следует обращать особое внимание на обозначенные в статье структуры организации владения имуществом и ведения бизнеса в целях проверки соответствия действительной сущности правоотношения форме правоотношения и его декларируемой сущности. Таким образом, предлагаемая читателю статья может быть интересна как участникам хозяйственного оборота, так и правоприменительным органам.

The article discusses the doctrine of the controlled foreign companies introduced in the Russian Tax Code in 2015. The author paid the especial attention to the criteria of recognition of the person as the controlling person of the foreign company for the purposes of the RF taxation. The research highlighted problems of regulation of the controlled foreign companies determined in the Russian Tax Code. Such problems as determination of the personal law of the structure without legal entity, designation of control of the foreign company, calculation of the revenue of the foreign company (structure without legal entity) are noted. The author proposes some ways of resolving of specified problems. One of the results of the research is the notice of several tax risks, which are related to the creation of the discretionary trust, segregated company (fund), and non-commercial company. On the one side, such risks have to be accounted by the economic agents in the international tax planning purposes. On the other side, tax authorities have to pay attention to the methods of possession and business structures named in the article. Therefore, the proposed article can be relevant for both economic agents and controlling authorities.

Ключевые слова: контролируемые иностранные компании, прибыль КИК, налогообложение прибыли КИК, контролирующее лицо КИК, дискреционный траст, сегрегированный фонд, некоммерческие организации, налогообложение в РФ, ОЭСР, БЭПС.

Key-words: controlled foreign companies, revenue of the CFC, taxation of the CFC`s revenue, controlling person of the CFC, discretionary trust, segregated fund, non-commercial companies, taxation in the Russian Federation, OECD, BEPS.

Введение

С 1 января 2015 г. в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее — НК РФ) [1] был введен принципиально новый для российского налогового права институт контролируемых иностранных компаний [2]. Соответствующие нормы сосредоточены в статьях 25.13–25.15, 309.1 [3] НК РФ. Новое регулирование установило определенные критерии, при исполнении которых иностранная компания (или структура без образования юридического лица) признается контролируемой в целях НК РФ. В отношении соответствующего контролирующего лица установлены ежегодные обязанности по подаче уведомления о контролируемой иностранной компании (далее — КИК) и о включении в собственную налоговую базу нераспределенной прибыли КИК. Первая подача уведомлений о КИК и декларирование соответствующего дохода осуществлялись весной 2017 г. Указанное означает, что правовое регулирование КИК в РФ все еще находится в стадии развития, в связи с чем сталкивается с определенными препятствиями, а его научное исследование является **актуальным**.

Целями исследования являются комплексный и системный анализ правового регулирования КИК, выявление пробелов и неясностей в регулировании института КИК. В числе **задач**, поставленных для достижения цели, — изучение норм НК РФ, разъяснений правоприменительных органов в части регулирования КИК, анализ рекомендательных документов, разработанных Организацией экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) о КИК [4], критический анализ зарубежных практик построения бизнеса.

Научная новизна и значимость проведенного исследования выражаются в установлении недобросовестных (с точки зрения законодательства о КИК) практик построения зарубежных корпоративных структур.

Методологическую основу работы составили следующие общенаучные методы: анализ, синтез и такие специально-правовые методы, как толкования норм права, сравнительно-правовой, формально юридический.

Несмотря на новизну правового института, исследуемого в настоящей работе, **теоретической разработкой** данной проблематики занимаются такие ученые, правоведы, как Б. Я. Брук, В. А. Канашевский, А. А. Копина, А. И. Савицкий, Д. Ю. Симашков, Л. Н. Старженецкая, Д. М. Щекин и др.

Проведенное исследование будет способствовать дальнейшей разработке и проведению государственной политики в сфере налогообложения прибыли КИК, а также развитию добросовестных практик международного налогового планирования.

Основная часть

Напомним, что ст. 25.13 НК РФ устанавливает два содержательно различных основания признания лица контролирующим лицом иностранной компании в целях НК РФ (а соответствующей компании — КИК): доля участия и контроль.

Согласно п. 3 ст. 25.13 НК РФ лицо (налоговый резидент РФ) признается контролирующим лицом иностранной компании, если:

1) доля участия лица в капитале компании составляет более 25 %;

2) или доля участия лица в капитале компании составляет более 10 % (для физических лиц совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) при условии, что совокупная доля участия налоговых резидентов РФ в такой компании составляет более 50 % [5–7].

Согласно п. 6 ст. 25.13 НК РФ лицо признается контролирующим лицом иностранной компании, если оно оказывает или вправе оказывать определяющее влияние на распределение прибыли этой компании.

Как было отмечено ранее, правовой институт КИК не обошел стороной и структуры без образования юридического лица (к которым, в частности, относятся трасты). Так, согласно п. 10 ст. 25.13 НК РФ контролирующим лицом структуры без образования юридического лица признается учредитель структуры, который:

1) вправе получать (требовать получения) прямо или косвенно прибыль компании (полностью или частично),

2) или вправе распоряжаться прибылью (доходом) компании,

3) или сохранил за собой право на получение имущества, переданного этой структуре, в том числе в случае ликвидации структуры,

4) или оказывает или вправе оказывать влияние на распределение прибыли структуры.

На основании п. 12 ст. 25.13 НК РФ лицо, не являющееся учредителем структуры без образования юридического лица, признается контролирующим лицом такой структуры в целях НК РФ, если оно:

1) осуществляет контроль над структурой;

2) и имеет фактическое право на доход, получаемый структурой;

3) или вправе распоряжаться имуществом такой структуры в случае ее прекращения (ликвидации, расторжения договора).

Учитывая содержание нормы п. 12 ст. 25.13 НК РФ, можно сделать вывод о том, что она применима в отношении бенефициаров и протектора траста.

Критерии признания лица контролирующим лицом структуры без образования юридического лица равно применимы и в целях установления контролирующих лиц иностранных юридических лиц, для которых в соответствии с их личным законом не предусмотрено участие в капитале (к таким юридическим лицам могут быть, в частности, отнесены лихтенштейнские фонды).

Признание налогового резидента РФ контролирующим лицом иностранной компании означает необходимость включения прибыли КИК в собственную налоговую базу. Размер прибыли КИК может определяться либо по правилам главы 25 НК РФ, либо на основании сведений, содержащихся в финансовой отчетности КИК.

Статья 25.13-1 НК РФ устанавливает ограниченный перечень ситуаций, в которых прибыль КИК освобождается от налогообложения. В рамках данной статьи отметим, что освобождается от налогообложения (в рамках КИК) прибыль, в частности, некоммерческих организаций, которые в соответствии со своим личным законом не распределяют полученную прибыль (доход) между акционерами (участниками, учредителями) или иными лицами.

Рассмотрим, с какими проблемами сталкиваются налогоплательщики, желающие применить вышеизложенные нормы НК РФ.

Согласно вышеизложенному (на основании п. 3 ст. 25.13 НК РФ) критерием признания лица в качестве контролирующего иностранную компанию является размер его доли участия. При этом размер доли участия определяется согласно нормам ст. 105.2 НК РФ, которая в п. 2 устанавливает следующее: «долей прямого участия лица в организации признается непосредственно принадлежащая такому лицу доля голосующих акций этой организации и непосредственно принадлежащая такому лицу доля в уставном (складочном) капитале (фонде) этой организации…». Как видно из текста п. 2 ст. 105.2 НК РФ, долей прямого участия признается: 1) доля голосующих акций; 2) доля в уставном капитале.

На практике встречаются ситуации, в которых лица обладают только неголосующими акциями иностранных компаний, В то же время такие акции удостоверяют участие лица в капитале акционерного общества. Необходимо ли учитывать такие акции при определении доли участия лица в целях соблюдения законодательства о КИК? С одной стороны, ст. 105.2 говорит про голосующие акции как влияющие на расчет доли прямого участия лица в капитале акционерного общества, также сам институт контролируемых иностранных компаний предполагает наличие у контролирующего лица контроля над организацией (которого нет, если лицо не обладает правом голоса на собрании акционеров компании, а следовательно, не управляет (контролирует) компанию). С другой стороны, ст. 105.2 устанавливает, что долей участия является непосредственно принадлежащая такому лицу доля в уставном капитале, а акции удостоверяют такое участие. В связи с изложенным, по нашему мнению, при расчете доли участия лица в иностранной компании в целях института КИК неголосующие акции подлежат учету. Обратный подход связан с несением налоговых рисков в виде привлечения к налоговой ответственности за неподачу уведомления о КИК, доначисления суммы соответствующего налога, пени, штрафа.

Как было указано ранее, размер прибыли КИК может определяться либо по правилам главы 25 НК РФ, либо на основании финансовой отчетности КИК. Если контролируемой иностранной компанией является юридическое лицо, как правило, в отношении такой компании ведется бухгалтерский учет. При необходимости может быть составлена финансовой отчетность по международным стандартам финансовой отчетности и проведен аудит в отношении такой отчетности. Если учет не ведется (или никогда не велся), учет может быть восстановлен.

Иначе обстоит дело со структурами без образования юридического лица, которые в целях НК РФ могут быть признаны КИК. Структура без образования юридического лица (траст) не является компанией, фактически это правоотношение о передаче в доверительную собственность некоторого имущества. Может ли правоотношение обладать финансовой отчетностью? Как показывает практика, в отношении структур без образования юридического лица не составляются финансовые отчетности. Бухгалтерские организации (аудиторы) зачастую отказываются готовить финансовую отчетность в отношении траста, так как не понимают, что от них требуют. Иными словами, российские налогоплательщики — контролирующие лица трастов — столкнулись с серьезной проблемой подтверждения размера прибыли траста. Применить правила 25 главы при расчете прибыли траста также не представляется возможным, так как российское право не содержит такого специфического института гражданского права, как расщепленная собственность. В связи с изложенным, по нашему мнению, в отношении структур без образования юридического лица можно было бы предусмотреть дополнительные методы определения прибыли, например отчеты доверительных собственников об управляемом имуществе.

Согласно ст. 309.1 НК РФ при определении размера прибыли КИК с постоянным местонахождением в стране, не заключившей договор об избежании двойного налогообложения с РФ и (или) не обеспечивающей обмен информацией с РФ, достоверность (корректность) финансовой отчетности КИК должна быть подтверждена аудиторским заключением. С определением местонахождения юридического лица проблем не возникает, но ответа на вопрос, каким образом определять государство местонахождения структуры без образования юридического лица, НК РФ не содержит. Какое местонахождение может быть у правоотношения в целях применения нормы ст. 309.1 НК РФ? По месту нахождения доверительного собственника, учредителя или бенефициаров траста, по месту нахождения управляемого имущества, по праву страны, которым регулируется трастовое правоотношение, — вот те многочисленные привязки, которые приходят в голову для установления местонахождения траста. На наш взгляд, наиболее верным подходом является

признание страны, право которой применяется к правоотношению, страной местонахождения траста. В то же время изложенная проблема является неурегулированной и требует законодательного дополнения текста НК РФ.

Рассмотрим структуры, которые используют российские налогоплательщики в целях формального соблюдения законодательства о КИК. Возьмем как основной источник информации о таких структурах информационную публикацию интернет-журнала Forbes» «Шапки невидимки: как обходят требования закона о деофшоризации» [8]. Так, согласно авторам статьи (и приглашенным экспертам) участники рынка используют:

1) трастовые конструкции;

2) сегрегированные фонды.

Рассмотрим по порядку данные структуры и оценим налоговую добросовестность подобного структурирования.

Английское право (общее и справедливости) допускает создание различных видов трастовых правоотношений, но авторы указанной статьи рекомендуют создавать именно дискреционные трасты.

Дискреционный траст является правоотношением, в котором учредитель траста безотзывно передает право собственности на имущество (например, акции компании) в адрес доверительного собственника, а последний обладает широкими полномочиями по управлению трастовым фондом [9]. При этом с момента создания доверительной собственности учредитель траста утрачивает права:

— на управление имуществом, переданным в доверительную собственность (в том числе путем направления в адрес доверительного собственника писем, рекомендаций, обязательных к исполнению последним);

— на отзыв траста;

— на возврат имущества.

Доверительный собственник управляет активом по своему собственному усмотрению в соответствии с трастовым документом (если в нем содержатся соответствующие положения) [10]. Некоторые учредители траста назначают специального субъекта правоотношения, протектора, который согласовывает совершение определенных действий доверительным собственником. Бенефициары траста (лица, которые получают доход от управления активом траста) определяются учредителем траста в трастовом документе.

Потенциально контролирующими лицами траста в целях института КИК могут быть:

— учредитель;

— бенефициары;

— протектор;

— доверительный собственник.

Для того чтобы учредитель траста не был признан его контролирующим лицом, согласно НК РФ он должен утратить следующие права (одновременно) по отношению к трасту:

1) право получать (требовать получения) прямо или косвенно прибыль (доход) этого траста полностью или частично;

2) право распоряжаться прибылью (доходом) этой структуры или ее частью;

3) право на возврат имущества, в том числе в случае ликвидации, расторжения траста;

4) право оказывать определяющие влияние на распределение прибыли компании.

Таким образом, учредитель не может быть бенефициаром траста, не может принимать участия в управлении трастом, а передача имущества в траст должна носить абсолютный и безотзывный характер.

Для того чтобы бенефициары траста не были признаны его контролирующими лицами согласно НК РФ, они не должны обладать правом оказывать определяющее влияние на распределение прибыли компании.

Для того чтобы протектор траста не был признан его контролирующим лицом, согласно НК РФ:

— он должен обладать исключительно правом согласовывать совершение доверительным собственником действий, определенных в трастовом документе (без права предлагать варианты действий доверительному собственнику);

— не должен быть бенефициаром и (или) учредителем.

Как правило, в таких трастах доверительные собственники и являются контролирующими лицами, но не обладают российским налоговым резидентством, в связи с чем нормы НК РФ на них не распространяются.

В случаях структурирования правоотношения таким образом действительно справедливым будет непризнание траста в качестве контролируемой иностранной компании в целях НК РФ. В то же время, как показывает практика, учредители траста обладают правом на направление в адрес доверительного собственника так называемых писем-пожеланий (Letter of wishes), которые могут дополнять трастовый документ или являться обязательными инструкциями к исполнению доверительным собственником [11]. По нашему мнению, если учредитель сохранил право на направление доверительному собственнику обязательных к исполнению писем-пожеланий, учредитель сохранил право на управление структурой, следовательно, траст не является дискреционным и должен быть признан КИК.

Вторым вариантом структурирования владения активами, предлагаемым авторами указанной статьи, является участие в сегрегированном фонде.

Сильно упрощая гражданско-правовое содержание и возможности такой структуры, в рамках данной статьи отметим, что под сегрегированным фондом понимается инвестиционные фонд, объединяющий множество инвесторов, под каждого из которых открывается субфонд [12–14]. Учитывая количество инвесторов и общий объем инвестиций, как правило, объем инвестиций одного инвестора не превышает 10 % общего капитала. Указанное означает, что такое участие не может образовывать контролируемой иностранной компании в целях КИК. С формальной точки зрения участие в сегрегированном фонде с большой долей вероятности не образует КИК. В то же время содержание правоотношения показывает, что основной фонд выступает формальным барьером между инвестором и его субфондом (в котором управляется имущество одного инвестора).

По нашему мнению, использование подобных структур может быть связано с несением определенных рисков. Налоговые органы могут обратить пристальное внимание на внутреннее управление фондами и в случае установления формальности основного фонда признать инвестора контролирующим лицом субфонда. Указанный риск на сегодняшний день является низким, но его следует учитывать.

В то же время Минфин России уже выражал мнение, что если одно лицо имеет право на получение 100 % прибыли другого лица через косвенное, не 100%-ное участие, соответствующая сумма прибыли названного другого лица (100 %) подлежит обложению в рамках института КИК у лица, имеющего фактическое право на данный доход [15].

Особого внимания заслуживает структурирование владения активами посредством учреждения некоммерческой организации. Как было указано ранее, прибыль некоммерческой организации освобождается от обложения налогом

в рамках института КИК, если такая компания не вправе распределять прибыль в адрес участников. Участникам такой организации следует учитывать, что использование средств компании в личных целях (на безвозвратной основе) следует признать распределением прибыли компании. Такое распределение приведет к тому, что налоговые органы обоснованно откажут в применении освобождения от налогообложения, установленного ст. 25.13-1 НК РФ.

Заключение и выводы

Таким образом, проведенное исследование позволило установить проблемные моменты регулирования института контролируемых иностранных компаний, содержащегося в НК РФ. Автором сформулированы способы устранения указанных проблем. В то же время данное исследование позволило проанализировать существующие варианты структурирования владения имуществом в целях соблюдения регулирования о КИК.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

2. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» от 24.11.2014 № 376-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171241/

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 31.07.1998 № 117-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

4. Designing Effective Controlled Foreign Company Rules, Action 3 – 2015 Final Report. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/designing-effective-controlled-foreign-company-rules-action-3-2015-final-report_9789264241152-en#page1

5. Письмо Минфина России от 06.10.2017 № 03-12-12/2/65666 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Письмо Минфина России от 30.03.2018 № 03-12-11/2/20225 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Письмо Минфина России от 30.05.2018 № 03-12-11/2/36710 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Зубова Е. Шапки-невидимки: как обходят требования закона о деофшоризации // Forbes. URL: http://www.forbes.ru/finansy/regulirovanie/318197-shapki-nevidimki-kak-obkhodyat-trebovaniya-zakona-o-deofshorizatsii.

9. Брук Б. Я. Перспективы кодификации концепции бенефициарного собственника в российском налоговом законодательстве // Закон. 2014. № 8. С. 43–57.

10. Шамраев А. В. Правовое регулирование международных трастов // Закон. 2014. № 12. С. 104–110.

11. Канашевский В. А. Взаимоотношения участников траста в отношении переданного в траст имущества // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 37–49.

12. Громова Н. А. Перспективы развития офшорного перестрахования и альтернативных способов передачи риска // Финансы. 2008. № 7. С. 25–32.

13. Закон Британских Виргинских Островов о коммерческих компаниях от 21.12.2004 (в редакции от 29.01.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Закон о компаниях Островов Кайман от 01.01.1964 (в редакции от 2016 года) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Письмо Минфина России от 15.09.2017 № 03-12-11/2/59541 // СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Tax code of the Russian Federation (first part) (as amended on July 29, 2017) (version effective since September 3, 2018). (In Russ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

2. Federal law dated 24.11.2014 No. 376-FZ “On amendments to the first and second parts of the Tax code of the Russian Federation (regarding the taxation of revenue of the controlled foreign companies)”. (In Russ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171241/

3. Tax code of the Russian Federation (second part) (as amended on September 4, 2018) (effective since September 4, 2018). (In Russ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

4. Designing Effective Controlled Foreign Company Rules, Action 3 – 2015 Final Report // OECD iLibrary. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/taxation/designing-effective-controlled-foreign-company-rules-action-3-2015-final-report_9789264241152-en#page1

5. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 06.10.2017 No. 03-12-12/2/65666 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ).

6. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 30.03.2018 No. 03-12-11/2/20225 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ).

7. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 30.05.2018 No. 03-12-11/2/36710 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ).

8. Zubova E. Invisible caps: How to avoid de-offshore regulation // Forbes. (In Russ). URL: http://www.forbes.ru/finansy/regulirovanie/318197-shapki-nevidimki-kak-obkhodyat-trebovaniya-zakona-o-deofshorizatsii.

9. Bruk B. Ya. Perspectives of codification of the beneficial ownership concept in the Russian tax legislation // Zakon. 2014. No. 8. P. 43–57. (In Russ).

10. Shamraev A. V. Regulation of international trusts // Zakon. 2014. No. 12. Pp. 104–110. (In Russ).

11. Kanashevskiy V. A. Relations of parties of trust regarding trust fund // Russian law journal. 2017. No. 10. P. 37–49. (In Russ).

12. Gromova N. A. Perspectives of development of offshore reinsurance and alternative ways of risk transferring // Finances. 2008. No. 7. P. 25–32. (In Russ).

13. BVI Business Companies Act dated 21.12.2004 (as of 29.01.2016) // RLS «ConsultantPlus». (In Russ).

14. The Companies Law of the Cayman Islands of 01.01.1964 (version of 2016) // RLS «ConsultantPlus». (In Russ).

15. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 15.09.2017 No. 03-12-11/2/59541 // RLS «ConsultantPlus». (In Russ).

Как цитировать статью: Читая Р. Г. Новые вызовы института контролируемых иностранных компаний // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 366–370. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.465.

For citation: Chitaya R. G. New challenges of the controlled foreign companies // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 366–370. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.465.

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 376.112.4-004.588
ББК 88.48

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.434

Zotova Svetlana Sergeevna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of Pedagogy and Psychology,
Glazov State Pedagogical
Institute by V.G. Korolenko,
Glazov,
e-mail: s462934@yandex.ru

Зотова Светлана Сергеевна,
канд. пед. наук, доцент,
кафедра педагогики и психологии,
Глазовский государственный педагогический
институт им. В. Г. Короленко,
г. Глазов,
e-mail: s462934@yandex.ru

Safonova Tat′yana Vital′evna,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Department of Social and Humanitarian Disciplines,
State University Of Land Use Planning,
Moscow,
e-mail: safonova1956@mail.ru

Сафонова Татьяна Витальевна,
д-р пед. наук, профессор,
кафедра социально-гуманитарных дисциплин,
Государственный университет по землеустройству,
г. Москва,
e-mail: safonova1956@mail.ru

Chigovskaya-Nazarova Yanina Aleksandrovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Russian Language and Literature,
Glazov State Pedagogical
Institute by V.G. Korolenko,
Glazov,
e-mail: rector@ggpi.org

Чиговская-Назарова Янина Александровна,
канд. филол. наук, доцент,
кафедра русского языка и литературы,
Глазовский государственный педагогический
институт им. В. Г. Короленко,
г. Глазов,
e-mail: rector@ggpi.org

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ЦИКЛА

RELEVANT PROBLEMS OF INTRODUCING A PROFESSIONAL TEACHER STANDARD IN THE CONTEXT OF THE MANAGEMENT CYCLE APPLICATION

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Статья посвящена раскрытию одной из приоритетных проблем модернизации современного образования — внедрению профессионального стандарта педагога. Проблема связана, с одной стороны, с корректностью применения в стандарте понятий экономической науки, в том числе управленческого цикла, включающего стадии прогнозирования, планирования, реализации деятельности, контроля, анализа, с другой, — с необходимостью модернизировать процесс подготовки и переподготовки учителей с учетом управления педагогической деятельностью. Был использован метод сравнительно-сопоставительного анализа проблемы, акцент сделан на систематизации категориально-понятийного аппарата стандарта. Авторы представляют свое видение путей и способов решения проблемы. Главный вывод состоит в том, если модернизировать процесс подготовки студентов в педагогическом вузе и переподготовки педагогов в контексте управленческого цикла, то это оптимизирует процесс адаптации к предлагаемым обстоятельствам педагогической деятельности. В статье предложены способы оптимизации этого процесса: корректировка основной образовательной программы подготовки педагога с учетом требований профстандарта по формированию «необходимых знаний», «необходимых умений», «трудовых действий»; внедрение национальной системы учительского роста в рамках единой федеральной оценки; формирование умений по разработке индивидуального образовательного маршрута личного профессионального плана; реализация личностно-ориентированного подхода в подготовке «педагога-менеджера» образовательного процесса. Повышение квалификации предложено проводить по разработанной программе, которая поможет освоить все стадии управления школьным коллективом: от анализа и прогноза до контроля и оценки результата деятельности, а также коррекции учебного и воспитательного процесса в условиях «ситуативного» управления при необходимости быстрого принятия решений.

The article is devoted to the disclosure of one of the priority problems of modernization of modern education - the introduction of the professional standard of the teacher. The problem is connected, on the one hand, with the correctness of the use in the standard of the concepts of economic science, including the management cycle; on the other hand, the need to modernize the process of training and retraining of teachers, taking into account the management of pedagogical activity. The method of comparative-comparative analysis of the problem was used; the emphasis was placed

on the systematization of the categorical-conceptual apparatus of the standard. The authors present their vision of ways and means of solving the problem. The main conclusion is that if we modernize the process of preparing students in a pedagogical college and retraining teachers in the context of a management cycle, then this optimizes the process of adapting to the proposed circumstances of pedagogical activity. The article suggests ways to optimize this process: adjusting the basic educational program for the teacher's training, taking into account the requirements of the professional standard for the formation of "necessary knowledge", "necessary skills", "labor actions"; the introduction of a national system of teacher growth in the framework of a single federal assessment; formation of skills to develop an individual educational route for a personal professional plan; realization of the person-oriented approach in preparation of the "teacher-manager" of the educational process. Improvement of qualifications is suggested to be carried out according to the developed program, which will help to master all the stages of school team management: from analysis and forecast to monitoring and evaluation of the result of activity, and correction of educational and upbringing process in conditions of "situational" management.

Ключевые слова: модернизация профессионально-педагогической подготовки, профессиональный стандарт педагога, категориальный аппарат стандарта, управленческий цикл,ситуативное управление, управленческие понятия, управление педагогической деятельностью, способы оптимизации, процесс унификации, образовательная услуга, критерии, показатели.

Keywords: modernization of professional-pedagogical training; the professional standard of the teacher; categorical apparatus of the standard; management cycle; situational management, management concepts; management of pedagogical activity; optimization methods; the unification process; educational service; criteria; indicators.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что комплексный анализ содержания профессионального стандарта «Педагог», утвержденного приказом Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (далее — профстандарт) с последующими дополнениями и изменениями (2015, 2016, 2018 гг.) выявил ряд проблем, требующих своего решения. Они связаны, с одной стороны, с корректностью применения в стандарте понятий экономической науки, в том числе управленческого цикла, с другой, — с необходимостью модернизировать процесс подготовки и переподготовки учителей с учетом требований нового документа [1]. Несмотря на то, что внедрение профстандарта было отсрочено до 2019 г., представляется своевременным сфокусировать внимание на тех сложностях, которые неизбежны и связаны в первую очередь с одним из шагов «дорожной карты по модернизации системы подготовки и переподготовки педагогов» [2, с. 3].

Научная новизна проведенного исследования состоит в уточнении содержания подготовки педагогов в вузе с учетом требований профессионального стандарта посредством включения в образовательную программу спецкурса по изучению управленческого цикла.

Теоретическая значимость определяется уточнением терминов и понятий управленческого цикла применительно к профессионально-педагогической деятельности с учетом требований профессионального стандарта, с целью включения их в содержание обучения педагогов в вузе.

Практическая значимость исследования подтверждается конкретными рекомендациями по усовершенствованию компетентностной подготовки будущего педагога посредством включения в образовательную программу изучения знаний в части управленческого цикла.

Была выдвинута **гипотеза** о том, что если модернизировать процесс подготовки и переподготовки педагогов в педагогическом вузе в контексте управленческого цикла, то это оптимизирует адаптацию к вновь возникшим условиям профессиональной деятельности в условиях внедрения профстандарта педагога.

Целью данной статьи является представление выявленных в ходе проведенного исследования предполагаемых путей и способов модернизации подготовки педагогов с учетом требованийпрофстандрата в контексте управленческого цикла.

Задачи состоят в описании результатов сравнительного анализа содержания профстандарта и трудовой деятельности; выявлении в нем места, роли и значения управленческих понятий; определении возможных перспектив профессионально-педагогической подготовки студентов в вузе.

Изученность проблемы представлена многообразием дискуссий в ходе обсуждения содержания профстандарта. В своих исследованиях Е. А. Ямбург фиксирует внимание на том, что «стандарт выполнен в логике и структуре профессиональной деятельности обучения, воспитания и развития. А матрица сделана в логике трудовых функций» [3, с. 166]. А. В. Скавитин отмечает, что требуют проработки дифференцированные уровни освоения компетенций (учитель, старший учитель и ведущий учитель) [4]. Аспекты неготовности педагогического сообщества к введению профессионального стандарта представлены в статье А. А. Марголиса [5]. Н. Е. Попова, О. А. Еремина обосновывают дополнительные функциональные обязанности и интегративные показатели оценки деятельности педагога [6]. И. Г. Рябова, Н. В. Гуляева поднимают вопросы формирования социально-экономической компетентности педагога в сфере общественного управления школой [7]. Тем не менее установлено, что подход к профессиональной деятельности педагога с управленческих позиций требует своего исследования.

Основная часть

Анализ профстандарта позволяет прийти к выводу о его унификации со стандартом работника сферы материального производства. Преподавательская деятельность по данному стандарту отнесена к экономической деятельности в сфере обслуживания: «Услуги в области дошкольного и начального общего образования», «Услуги в области основного общего и среднего (полного) общего образования» [8], что приводит к появлению привычных для работника сферы материального производства и новых для педагога и работника сферы образовательных услуг понятий: «трудовая функция», «трудовое действие» и др. Каждая из составных частей профстандарта (обучение, воспитательная работа, развитие) включает «трудовые действия», «необходимые умения», «необходимые знания». Представленный набор характеристик трудовой деятельности предполагает реализацию процессов управления обучением, воспитанием и развитием. В связи с этим непонимание вызывает отсутствие в профстандарте таких понятий, как «управление» и «управленческий цикл», в рамках которых реализуется управленческий процесс.

Этапы реализации управленческого цикла «анализ — прогнозирование — планирование — реализация деятельности —

мотивация — контроль» необходимо соотнести со всеми составными частями профстандарта в отдельности и в совокупности, реализуя концепцию комплексного маркетингового подхода в процессе управления [9]. И только в этом случае возможно эффективное (следует понимать «качественное», «результативное») управление педагогической деятельностью. Только такой «управленческий» подход может привести к реализации обозначенных в профстандарте целей подготовки педагога: получение высоких результатов труда; осведомленность о предъявляемых требованиях; вовлечение в решение задачи повышения качества образования [8].

Профстандарт, несомненно, должен помочь обеспечить производство качественного товара — «образовательной услуги», что произойдет только при наличии достаточного объема «качественных ресурсов», и прежде всего — педагогических кадров, для подготовки которых необходима «базовая основа» в виде ресурсов времени, финансов, материально-технического обеспечения и др. Ограниченность ресурсов может привести к потере кадрового потенциала. Речь прежде всего идет не о численности педагогического корпуса (в условиях жесткой конкуренции на рынке труда ее можно обеспечить), а о качественном потенциале, задача развития которого находится в сфере государственного управления.

В связи с управленческим подходом выделяются этапы дорожной карты освоения профстандарта: обсуждение, апробация на пилотных площадках, внедрение, формирование психологической готовности, разработка новой процедуры аттестации, модернизация системы подготовки и переподготовки педагогов, устранение несогласованности в документах и нормативно-правовой базе, обеспечение материально-технических и финансовых условий [2, с. 3]. Можно дискутировать о последовательности, своевременности и комплексности реализации дорожной карты, но полагаем, что этап обеспечения материально-технических и финансовых условий должен быть приоритетным.

Несомненно, большинство педагогов — энтузиасты своего дела, они готовы осваивать профстандарт даже при отсутствии достаточной финансовой поддержки, на энтузиазме, но можно ли этим пользоваться в условиях рынка? Да и педагога, как и работника сферы материального производства, легче всего мотивировать к эффективной и качественной деятельности ростом дохода. Этого педагог ждет уже много лет, и его неоправданные ожидания едва ли станут стимулом для инновационной деятельности в новых условиях реализации профстандарта!

В связи с этим обращает на себя внимание вопрос оплаты труда относительно квалификации педагога. Национальная система учительского роста (НСУР) в рамках единой федеральной оценки (ЕФО) предполагает три уровня квалификации: учитель, старший учитель и ведущий учитель с присвоением категорий: соответствие, первая категория, высшая категория. А единая шкала оценки от 0 до 100 баллов предполагает при аттестации выделение трех частей: часть А — предмет, часть В — методика, часть С — возрастная психология и физиология. После выполнения заданий оценивается реальный уровень компетенций учителя, оценка выполняется в региональных центрах обработки информации (РЦОИ), в институтах повышения квалификации (ИПК) по единым контрольно-измерительным материалам (КИМ). Доплата дифференцируется по категориям, уровень доплаты определяет регион [10].

С точки зрения оплаты труда для педагога, несомненно, привлекателен также карьерный рост (в профстандарте предусмотрен «горизонтальный карьерный рост»), и педагог связывает его с уровнем заработной платы, желая увидеть конкретные цифры. Вместе с этим профстандарт не дает указаний на этот счет, полагаясь на региональные возможности. К тому же профстандарт предполагает ужесточение требований к профессиональной подготовке педагога, связанное с реализацией закона об инклюзивном образовании. В этой связи подвергаются сомнению показатели оценки деятельности педагога, ведь система оплаты труда педагога, ориентированная на оклад и стимулирующие выплаты, рассчитана исключительно на успешного обучающегося. Выработка критериев и показателей деятельности в рамках индикативного управления отведена на уровень школы. Сложно себе представить, каким должен быть уровень школьного менеджмента для реализации такой научной задачи при отсутствии достаточной методологической и методической основы для принятия подобных решений. Вызывает большие вопросы и отсутствие в достаточной степени проработанных критериев и показателей воспитательной деятельности педагога.

Анализ профстандарта в контексте теории управления и реализации управленческого цикла позволяет сделать **выводы**.

1. Представленные трудовые действия в рамках трудовых функций педагога предполагают реализацию управленческого цикла, состоящего из этапов «анализ — прогнозирование — планирование — реализация деятельности — мотивация — контроль». Это касается обучения, воспитательной работы, развития. Несмотря на то, что во многих вузах читаются дисциплины «Педагогический менеджмент», «Менеджмент в образовании» и т. д., нами предложено усиление управленческой подготовки будущих педагогов на основе включения в обучение тренинговых заданий управленческого цикла. Это предполагает включение в содержание обучения дополнительных терминов и понятий, интерактивных способов организации процесса подготовки, новых условий взаимодействия на основе технологии делегирования полномочий.

2. Очевидна перенасыщенность профстандарта трудовыми действиями. Исак Фрумин, научный руководитель Института образования НИУ ВШЭ, пишет: «Сегодняшние ожидания от педагогов нереалистичны. Профстандарт требует сверхспособностей и сильной гуманитарной позиции. Таких сверхлюдей нет и не будет. Но проблема в том, что эти раздутые ожидания естественны. Они отражают реальные потребности системы» [11, с.17]. Тем не менее в настоящее («рыночное») время, когда речь идет о предоставлении образовательных услуг, каждый педагог должен быть способен разработать и реализовать на платной основе конкурентоспособную учебную программу по запросу социального заказчика (юридического и физического лица), а значит, должен быть и маркетологом, и менеджером [12].

3. Закон максимизации прибыли как основной закон товарного хозяйства, который действует в том числе и на рынке образовательных услуг, приводит к нарушению принципов нравственности. Процветающая безнравственность в целях максимизации прибыли в условиях неразвитости механизмов регулирования рынка ведет, к сожалению, к снижению качества производимого продукта в любой сфере человеческой деятельности. Эта проблема касается и качества образовательной услуги. Государство, являясь гарантом качества образования, призвано решить эту проблему. Профстандарт педагога — одна из таких возможностей. Но не следует забывать о том, что качество образовательной услуги зависит не только от качества работы педагога, но и от потенциала обучающегося.

А вот как задействовать этот потенциал в условиях предоставления «образовательной услуги», когда педагог является фактически «обслуживающим персоналом», — это большая проблема, которую нужно решать. Пока остается без ответа вопрос, будет ли этому способствовать профстандарт.

4. При реализации управленческого цикла на этапе «реализации деятельности» остро встает проблема мотивации педагога. Разработчики профстандарта размышляют над причинами отсутствия энтузиазма в его освоении. Что же можно сделать в этом направлении? Помимо «общего подхода» (материальное стимулирование), возможен «индивидуальный подход» — награждение, обеспечение жилищных условий, помощь в организации отдыха, питания на льготных условиях и др. Эти задачи могут решаться педагогическим сообществом и профсоюзными организациями совместно с региональными органами управления, производственными предприятиями и др.

В контексте представленных проблем и противоречий вполне понятны неоптимистичные ожидания общества от внедрения профстандарта. К сожалению, становится очевидно, что основная нагрузка в необходимых реформах ложится на педагога. Педагог должен реализовать требуемые трудовые действия в жестких условиях отсутствия достаточного количества финансовых ресурсов [9].

На наш взгляд, следует последовательно отстаивать то, что модернизация отечественного образования жизненно необходима в современных условиях, но следует создать механизмы защиты образовательной деятельности от негативных последствий рыночного хозяйствования. Система образования подрастающего поколения является национальным достоянием, и ее участники должны иметь серьезные преференции, поскольку действуют в интересах не отдельных субъектов, а общества в целом [13; 14].

На основе выводов проведенного исследования предложены возможные **пути и способы** модернизации подготовки педагогических кадров.

Полагаем, что позитивно скажутся на модернизации процесса подготовки педагога:

1. Применение в образовательной практике предложенной новой технологии интерактивного обучения студентов в вузе на основе делегирования полномочий [15].

2. Внедрение национальной системы учительского роста (НСУР) в рамках единой федеральной оценки (ЕФО), которая предполагает сформированность таких компетенций, как самоменеджмент, рефлексивный анализ своей деятельности по управленческим компонентам, самооценка. Этому поможет тренинговый подход к подготовке студентов в вузе.

3. С целью формирования умений по разработке индивидуального образовательного маршрута (ИОМ), личного профессионального плана (ЛПП) как результатов управления собственным процессом профессионального развития предложены способы организации проектной деятельности в разработанных учебно-методических пособиях.

4. Оптимизация подготовки «педагога-менеджера» образовательного процесса на уровне управления детским коллективом. Предлагается введение в обязательную учебную программу бакалавриата учебной дисциплины «Управление детским коллективом», позволяющей освоить все стадии управления школьным коллективом: от анализа и прогноза до контроля и оценки результата деятельности, а также коррекции учебного и воспитательного процесса в условиях «ситуативного» управления при необходимости быстрого принятия решений.

5. Формирование коммуникативной компетенции педагога, обучение навыкам делового общения, что необходимо на всех уровнях взаимодействия в школьном коллективе, в том числе во взаимодействии с родителями обучающихся и самими обучающимися. Необходимо научить педагога (будущего и действующего) навыкам субъект-субъектного взаимодействия с обучающимися на уровне партнерского сотрудничества, использовать в полной мере возможный ресурсный потенциал, который может дать «именно этот» обучающийся (личностно-ориентированный подход), что особенно важно в условиях возрастающих требований к педагогическому процессу в контексте инклюзивного образования. На решение этой задачи направлено изучение темы «Управление процессом обучения при реализации адаптивных образовательных программ».

С целью реализации обозначенных путей и способов модернизации подготовки педагогических кадров нами был разработан спецкурс «Трудовая деятельность и функции педагога с учетом требований профессиональных стандартов». Учебный план программы включает в себя изучение тем: «Управление и профессиональный стандарт «Педагог», «Нормативно-правовая база профстандарта», «Критерии и показатели деятельности педагога в новых условиях» и др. Освоение содержания программы позволит осознать необходимость выполнения предписанных профстандартом трудовых действий.

Заключение

В заключение отметим, что в данной статье были проанализированы проблемы, возникающие в связи с внедрением профессионального стандарта «Педагог»; описаны результаты сравнительного анализа содержания профстандарта и трудовой деятельности; выявлены место, роль и значение управленческих понятий; определены возможные перспективы модернизации системы подготовки педагогических кадров в имеющихся условиях; представлены предполагаемые пути и способы реализации дорожной карты профстандрата в контексте управленческого цикла.

Перспектива исследования состоит в анализе требований и условий модернизации профессионально-педагогической подготовки будущих учителей в педагогических вузах в контексте рассматриваемой темы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зотова С. С. Эффективность реализации управленческого цикла в деятельности образовательной организации // Образование для будущего или будущее образования: взгляд молодежи : Материалы Второй Всероссийской молодежной конф. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 70–71.

2. Ямбург Е. А. Что принесет учителю новый профессиональный стандарт педагога? М. : Просвещение, 2014. 130 с.

3. Ямбург Е. А. Новый профессиональный стандарт педагога: проблемы внедрения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2015. Т. 1. № 2(2). С. 163–169.

4. Скавитин А В. Профессиональный стандарт педагога: внедрение в образовательной организации // Педагогический имидж. 2017. № 3(36). С. 18–24.

5. Готовность педагогов к введению профессионального стандарта: результаты социологического исследования / А. А.Марголис, Е. В. Аржаных, О. А.Гуркина, Е. М. Новикова // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 2. С. 22–34.

6. Попова Н. Е., Еремина О. А. Профессиональный стандарт «Педагог»: от теории к практике // Педагогическое образование в России. 2017. № 3. С. 15–21.

7. Рябова И. Г., Гуляева Н. В. Формирование социально-экономической компетентности педагога в сфере общественного управления школой // Интеграция образования. 2016. № 1. С. 20–29.

8. Профессиональный стандарт. Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель). URL: http://минобрнауки.рф/

9. Achrol R. S. Marketing in the network economy //Journal of Marketing. 1999. Vol. 63. Pp. 146–163. DOI: 10.2307/12521085

10. Зотова С. С. Управленческий цикл и профессиональный стандарт педагога: реальность, проблемы, перспективы // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). URL: http://www.-a-factor.ru/arhive/item/56-upravlenheskij-tsikl-i-professionalnyj-standart-pedagoga-realnost-problemy-perspektivy

11. Фрумин И. Учитель, которого не будет // Учительская газета. 2013. 3 дек.

12. Australian Professional Standards for Teachers // Australian Institute for Teaching and School Leadership. 2015. URL: http://www.aitsl.edu.au/australian-professional-standards-for-teachers/standards/list

13. National Professional Standards for Teachers in Pakistan. Policy and Planning Wing. Ministry of Education. Government of Pakistan. Islamabad. February 2009. 18 p.

14. InTASC Model Core Teaching Standards: A Resource for State Dialogue. 2011. URL: http://www.ccsso.org/Resources/Publications/InTASC_Model_Core_Teaching_Standards_A_Resource_for_State_Dialo gue_%28April_2011%29.html

15. К вопросу об интерактивных технологиях обучения студентов в вузе / Т. В. Сафонова, Р. Г. Аслаева, С.И. Лялькина, С. А. Сунцова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 1(42). С. 264–266.

REFERENCES

1. Zotova S. S. Effectiveness of the implementation of the management cycle in the activities of the educational organization // Education for the future, or the future of education: the view of youth: Proceedings of the Second All-Russian Youth Conference. Rostov-on-Don, South Federal University Pub., 2007. (In Russ.).

2. Yamburg E. A. What will the new professional standard bring to the teacher? Moscow, Prosveshchenie Publishing House., 2014. 130 p. (In Russ.).

3. Yamburg E. A. The new professional standard of the teacher: problems of introduction // Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian Studies. 2015. Vol. 1. No. 2. Pp. 163–169. (In Russ.).

4. Skavitin A. V. Professional standard of the teacher: introduction in the educational organization // Pedagogical Image. 2017. No. 3(36). Pp. 18–24 (In Russ.).

5. Margolis A. A., Arzhanykh E. V., Gurkina O. A., Novikova E. M. Readiness of teachers to introduction of a professional standard: the results of a sociological survey // Psychological Science and Education. 2016. Vol. 21. No. 2. Pp. 22–34. (In Russ.).

6. Popova N. E., Eremina O. A. Professional Standard «Teacher»: from Theory to Practice // Pedagogical Education in Russia. 2017. No. 3. Pp. 15–21. (In Russ.).

7. Ryabova I. G., Gulyaeva N. V. Formation of the socio-economic competence of the teacher in the sphere of public management of the school // Integration of Education. 2016. No. 1. Pp. 20–29. (In Russ.).

8. State Standard 544n. Teacher (pedagogical activity in the preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher). 2013. (In Russ.). URL: http://минобрнауки.рф/

9. Achrol R. S. Marketing in the network economy //Journal of Marketing. 1999. Vol. 63. Pp. 146–163. DOI: 10.2307/12521085

10. Zotova S. S. The managerial cycle and the professional standard of the teacher: reality, problems, prospects // A-Factor. 2018. (In Russ.). URL: http://www.-a-factor.ru/arhive/item/56-upravlenheskij-tsikl-i-professionalnyj-standart-pedagoga-realnost-problemy-perspektivy

11. Frumin I. The Teacher that will Never Be //Teacher's Paper. 2013. Dec. 3. (In Russ.).

12. Australian Professional Standards for Teachers. Australian Institute for Teaching and School Leadership. 2015. URL: http://www.aitsl.edu.au/australian-professional-standards-for-teachers/standards/list

13. National Professional Standards for Teachers in Pakistan. Policy and Planning Wing. Ministry of Education. Government of Pakistan. Islamabad. February 2009. 18 p.

14. In TASC Model Core Teaching Standards: A Resource for State Dialogue, 2011. URL: http://www.ccsso.org/Resources/Publications/InTASC_Model_Core_Teaching_Standards_A_Resource_for_State_Dialo gue_%28April_2011%29.html

15. Safonova T. V., Aslaeva R. G., Lyal′kina S. I., Suntsova S. A. On the issue of interactive technologies for teaching students in the university // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2018. No. 1(42). Pp. 64–266. (In Russ.).

Как цитировать статью: Зотова С. С., Сафонова Т. В., Чиговская-Назарова Я. А. Актуальные проблемы внедрения профессионального стандарта педагога в контексте применения управленческого цикла // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 371–375. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.434.

For citation: Zotova S. S., Safonova T. V., Chigovskaya-Nazarova Ya. A. Relevant problems of introducing a professional teacher standard in the context of the management cycle application // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 371–375. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.434.

УДК 378.1; 371.3
ББК 74.00

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.409

Konovalov Sergei Valer'evich,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Samara National
Research University,
Samara;
Wuhan Textile University,
Wuhan, PRC,
e-mail: konovserg@gmail.com

Коновалов Сергей Валерьевич,
д-р техн. наук, профессор,
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева (Самарский университет),
г. Самара;
Уханьский текстильный университет,
Ухань, КНР,
e-mail: konovserg@gmail.com

Kozyrev Nikolai Anatol'evich,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Siberian State Industrial University,
Novokuznetsk,
e-mail: kozyrev_na@mtsp.sibsiu.ru

Козырев Николай Анатольевич,
д-р техн. наук, профессор,
Сибирский государственный индустриальный университет,
г. Новокузнецк,
e-mail: kozyrev_na@mtsp.sibsiu.ru

Kozyreva Ol'ga Anatol'evna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Siberian State Industrial University,
Novokuznetsk,
Novokuznetsk branch
of Kemerovo State University,
Novokuznetsk,
e-mail: kozireva-oa@yandex.ru

Козырева Ольга Анатольевна,
канд. пед. наук, доцент,
Сибирский государственный индустриальный университет,
г. Новокузнецк;
Новокузнецкий институт (филиал)
Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк,
e-mail: kozireva-oa@yandex.ru

ТЕОРЕТИЗАЦИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОБЩЕНАУЧНЫЙ И ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

THEORETIZATION IN PEDAGOGICAL SCIENCE: THE GENERAL SCIENTIFIC AND GENERAL PROFESSIONAL ASPECTS

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования
13.00.08 – Theory and methodology of professional education

Специфика постановки проблемы и изучения возможностей теоретизации в педагогической науке определяется в работе двумя составными научного знания — общенаучным компонентом и общепрофессиональным компонентом постановки и решения задач в едином научно-образовательном пространстве. Педагогическая наука определяет свои возможности через активное использование основ педагогической методологии на различных уровнях поиска (базовый уровень теоретизации), на уровне возможностей использования методов научного познания и комбинации методов современного культурно-образовательного становления и акмеверификации практики самореализации личности (первый уровень теоретизации), на основе частнопредметного поиска оптимального решения задач современной педагогической деятельности в иерархии обновлений модели современного образования (второй уровень теоретизации). В работе определены и уточнены модели «теоретизация» в различных смыслах (широкий, узкий, локальный, унифицированный, персонифицированный, здоровьесберегающий, адаптивный, акмепедагогический и пр.) и направлениях научного поиска, что определило качество и возможности детерминации и визуализации обобщенного научного знания в двух плоскостях — прямое научное знание и следствия научного знания в педагогике как науке. Выделенные в работе педагогические конструкты и единицы целостного научного поиска и научно-педагогической деятельности позволят педагогам в системе непрерывного образования качественнее решать задачи педагогической деятельности на различных уровнях постановки и решения задач и проблем в педагогике как науке. Возможность описания и использования общенаучного и общепрофессионального решения задач теоретизации в модели непрерывного образования личности повысит качество всех составных элементов целостного педагогического процесса, определяющего возможности и условия развития и самоорганизации качества деятельности личности и системы социальных, образовательных и профессиональных учреждений.

The specifics of the statement of the problem and the possibilities of theorizing in pedagogical science are determined in the work by two components of scientific knowledge — general scientific component and general professional component of setting and solving problems in a single scientific and educational space. Pedagogical science determines its possibilities through the active use of the foundations of pedagogical methodology at various levels of search (the basic level of theorizing), at the level of the possibilities of using the methods of scientific cognition and the combination of methods of modern cultural and educational formation and acme-verification of the practice of self-realization of personality (the first level of theorizing), on the basis of private-subject search for the optimal solution of the tasks of modern pedagogical activity in the updating hierarchy of the modern model formation (second level theorization). The models of "theorization" in various senses (wide, narrow, local, unified, personified, health-saving, adaptive, acme-pedagogic, etc.) and directions of scientific search

were determined and refined in the work, which identified the quality and possibilities of determination and visualization of the generalized scientific knowledge in two planes — direct scientific knowledge and the consequences of scientific knowledge in pedagogy as a science. Dedicated pedagogical constructs and units of integral scientific search and scientific and pedagogical activity will allow teachers in the system of continuous education to solve problems of pedagogical activity more qualitatively at different levels of setting and solving problems and tasks in pedagogy as a science. The ability to describe and use general scientific and general professional solutions to the problems of theorizing in the model of continuous education of the individual will enhance the quality of all the integral holistic pedagogical process that determines the opportunities and conditions for development and self-organization of the quality of the personality and the system of social, educational and professional institutions.

Ключевые слова: теоретизация, модель, теория, концепция, педагогическое моделирование, педагогические условия, педагогическое проектирование, педагогическая технология, культура самостоятельной работы личности, технология формирования культуры самостоятельной работы личности, технология системно-педагогического моделирования, модели формирования культуры самостоятельной работы личности.

Keywords: theorization, model, theory, concept, pedagogical modeling, pedagogical conditions, pedagogical design, pedagogical technology, the culture of self-dependent work of the individual, the technology of formation of the culture of self-dependent work of the individual, the technology of system-pedagogical modeling, models of formation of the culture of self-dependent work of the individual.

Введение

Теоретизация как категория современной педагогики — многомерное, полидефинитное понятие, вобравшее в себя на различных уровнях описания и определения элементы и конструкты научного выбора личности и культуры научной организации труда, возможность гибкого и полисистемного использования опыта научной и научно-педагогической деятельности в постановке и решении задач научно-педагогического поиска и научного исследования в педагогике как науке.

Актуализация исследования основ теоретизации на протяжении всего периода эволюции антропосреды и развития нашей цивилизации не перестанет быть востребованной, так как именно возможностям и механизмам, особенностям и результатам перевода эмпирически полученных данных к общей модели или конструкту, именуемому в процессе создания теоретизацией, уделено немало внимания и будет уделено не меньше, чем это было сделано ранее.

Проблематика и возможности современной теоретизации уточняются расширением и обогащением средств и методов, технологий и форм, условий и конструктов, тенденций и ресурсов научного поиска и научного познания в целом, определяющих точность постановки и решения задач научного исследования в педагогике.

Одной из моделей такого рода практики является модель общей структуры исследования по педагогике, определяемой в научных исследованиях через систему детерминант и единиц в одной из известных последовательностей.

Для написания выпускных квалификационных работ в системе СПО и ВО последовательность элементов общей структуры исследования по педагогике определяется структурой: «актуальность исследования», «проблема исследования», «тема исследования», «цель исследования», «объект исследования», «предмет исследования», «задачи исследования», «гипотеза исследования», «методы исследования», «методологическая основа исследования», «научная новизна исследования», «практическая значимость исследования», «достоверность и обоснованность результатов исследования», «положения, выносимые на защиту».

Общая структура исследования по педагогике, используемая в структуре выполнения диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, определяется следующими элементами: «актуальность исследования», «степень научной разработанности проблемы исследования», «тема исследования», «цель исследования», «объект исследования», «предмет исследования», «гипотеза исследования», «задачи исследования». Методологическая основа исследования определяется через несколько конструктов: «общая методология исследования», «теоретико-методологическая и нормативно-правовая основа исследования», «методы исследования», «опытно-экспериментальная база исследования», «логика и основные этапы исследования», «научная новизна исследования», «теоретическая значимость исследования», «практическая значимость исследования и результатов», «достоверность и обоснованность результатов исследования», «положения, выносимые на защиту», «апробация и внедрение результатов исследования».

Определим конструкты персонифицированного уточнения возможности построения и использования научного и научно-педагогического знания в следующих моделях научного цитирования и проективного использования современной педагогической науки как ресурса и технологии повышения качества задач деятельности личности и общества в целом:

— инновационная основа моделирования и решения задач современного образования [1–3] определяет перспективность уточнения основ теоретизации на уровне методологических конструктов инновационного подхода, возможности которого состоят из ситуативных, объективно-целостных и системных конструктов детерминации и решения выделенных противоречий и проблем;

— основы и ресурсы продуктивного обучения и стили современного обучения в модели мирового образовательного пространства [4–6] гарантируют в успешном использовании основ педагогики включение личности обучающегося в иерархию приоритетов обобщения и теоретизации современного поиска и культуры деятельности;

— обновление традиционных основ и моделей традиционного обучения новыми типами, конструктами и системой оценки качества [7–10] определяет возможность исследования и описания основ теоретизации педагогической деятельности как механизма и продукта эволюции современной деятельности и культуры, общения и самовыражения, самоактуализации и самоорганизации, самосохранения и самовосстановления (уровень системного уточнения возможностей мирового образовательного пространства);

— символьно-знаковая постановка качества измерения основ и структур теоретизации как процесса и продукта эволюции антропосреды может быть утончена через системность идей смысловой интерпретации понятий

и явлений, процессов и продуктов педагогической и психологической деятельности [11], а также способов и продуктов символического познания в иерархии законов развития (диалектики) и синергетики;

— стратегия и стратегические тенденции [12] в современной культуре деятельности и научном познании позволяют уточнить мезоуровень проектирования и моделирования педагогической деятельности как основы инновационного обновления структуры и содержания образования;

— детерминация основ и возможностей терминологической компетентности специалиста [13] и проблема адекватности понятийного аппарата современного образования создают в изучении предпосылки для качественного выбора модели эволюции основ теоретизации в современной культуре и образовании, спорте и досуге, науке и искусстве как направлений социально-педагогического поиска и функции оптимизации качества персонифицированного выбора модели социализации и самореализации личности;

— описание возможностей научных школ в становлении научных и научно-педагогических кадров [14; 15] определяет особенности уровневой модели теоретизации в иерархии персонализации развития личности в системе возможностей свободного воспитательно-образовательного пространства и практики реализации идей гуманизма, конкурентоспособности, продуктивности в профессионально-трудовых отношениях;

— символическое познание и визуализация смысловых конструктов [16] как атрибутов и продуктов научного исследования диалектически определяют качество организации научного поиска и продуктов детерминируемых и реализуемых решений в педагогической деятельности;

— проблема адекватности понятийного аппарата современного образования [17] уточняется и отражается в базовом определении возможностей развития личности, включенной в систему непрерывного образования и продуктивного поиска, на уровне описания способов и механизмов самоорганизации качества становления личности, формирования и сформированности культуры самостоятельной работы личности;

— профессиональная направленность личности [18] и профессионализм в педагогической деятельности [20] определяют составные научного поиска «хочу, могу, надо, есть», что, в свою очередь, поэтапно описывает качество теоретизации как процесса и унифицированной процедуры современного согласованного выбора личности и общества;

— педагогическое моделирование [20; 22; 29], культура самостоятельной работы личности [19; 21; 29] позволяют определить на различных уровнях постановки проблемы, уточнения понятия «теоретизация» особенности развития личности в системе непрерывного образования, гарантирующего личности осознание важности научного познания и измерение всех составных элементов теоретизации как модели и конструкта оптимизации качества развития личности и эволюции антропопространства;

— принципы и подходы в управлении научной и инновационной деятельностью [23] позволят в изучении и использовании понять необходимость теоретизации как способа решения задач современной педагогики как науки;

— роль смысловых образований [24] и теории символьно-деятельностного развития личности в модели культуры, деятельности, образования, спорта, искусства раскрывает перспективность теоретизации как унифицированного конструкта самоорганизации качества развития личности;

— принципы здоровьеформирующего обучения [25] являются одной из моделей теоретизации качества выбора личностью основ самоорганизации и самосохранения;

— методология педагогической науки [26; 27; 28; 33] определяет инновационный потенциал исследования качества теоретизации современной педагогики как науки в различных аспектах детерминации и визуализации получаемых результатов [30; 31; 32];

— тренажер для обучения сварщиков в модели непрерывного образования [34] может быть определен продуктом системной теоретизации в модели единства профессиональной педагогики и профессионально-трудовых отношений в современной системе непрерывного образования как практики гуманизации основ развития и самореализации личности.

Теоретизация в выделенной плоскости заявленных продуктов и проблем современного развития науки на уровне общенаучного и общепрофессионального знания раскрывает перспективность использования педагогики как науки и искусства в модели непрерывного образования и ресурсов современного инновационного обновления основ и продуктов педагогической деятельности.

В выделенном понимании важности и успешности основ теоретизации определим цель и задачи нашей работы в следующих словесно-логических формах или моделях.

Цель работы: приобщение широкого круга педагогов к основам и возможностям теоретизации в современной педагогике через системное традиционно-инновационное осмысление особенностей развития научного знания в модели современного образования, деятельности, культуры.

Задачи работы:

1) определить успешные модели и средства уточнения понятийного аппарата в педагогике на примере изучения категории «теоретизация»;

2) определить ресурсы и продукты теоретизации в современном непрерывном образовании;

3) уточнить основы педагогической методологии в традиционном и инновационном смыслах и подходах;

4) расширить представления о теоретизации как объекте и продукте научного поиска;

5) представить системное видение основ использования теоретизации в подготовке педагогов, выделив в качестве конструкта и продукта теоретизации культуру самостоятельной работы личности.

В структуре любой научной работы, в том числе и научной публикации (статьи), в различных научных кругах и изданиях существует своя особенность и практика постановки и визуализации основ теоретизации научно-педагогической деятельности. Представим для детерминированной практики [35] реконструируемые модели «научная новизна исследования», «теоретическая и практическая значимость исследования» в следующих словесно-логических формах.

Научная новизна работы:

— определены теоретико-эмпирические возможности теоретизации в структуре развития личности обучающегося, включенного в систему непрерывного образования;

— уточнены основы и возможности педагогического моделирования при рассмотрении понятия «теоретизация»;

— уточнены основы педагогической методологии в традиционном и инновационном смыслах и подходах;

— расширены представления о теоретизации как объекте и продукте научного поиска, представлены различные виды и возможности использования теоретизации в современном непрерывном образовании;

— детализировано системное видение основ использования теоретизации в подготовке педагогов, уточненное на основе конструктов и продуктов теоретизации явления «культура самостоятельной работы личности».

Теоретическая значимость работы заключается в том, что теория и методика профессионального образования обогащаются современным знанием:

— о терминологической базе понятий «теоретизация» и конструктов детерминации понятийного аппарата, уточняемого в структуре традиционного научного подхода в педагогике (широкий, узкий и локальный смыслы) и инновационного подхода в педагогике (адаптивный, акмепедагогический, возрастосообразный, гуманистический, здоровьесберегающий, культурологический, персонифицированный, полисистемный, синергетический, унифицированный, общенаучный, общепрофессиональный смыслы);

— свойствах и сущностных характеристиках феномена «теоретизация», определяющих составные научного поиска в системе единиц и функций, конструктов, конструкторов, продуктов и ресурсов, форм и средств, условий и тенденций, технологий и моделей;

— педагогической методологии, детализируемой через единство традиционного и инновационного научных подходов, уточняемых в системе детерминант и моделей, выделяемых через употребление понятий «смысл» и «подход»;

— научно-методологическом выборе условий и моделей постановки и решения задач теоретизации в современной педагогике как науке;

— связи основ и практики теоретизации и качества решения задач научно-педагогического исследования (уточнено на основе использования процесса и технологий формирования культуры самостоятельной работы личности).

Практическая значимость работы состоит в том, что:

— обоснованные теоретические положения и модели создают предпосылки для научного обеспечения практики теоретизации в становлении педагога, включенного в систему непрерывного образования;

— разработанные и экспериментально проверенные модели и технологии формирования культуры самостоятельной работы личности применяются в учреждениях СПО, ВО, системе дополнительного профессионального образования, что в своей основе определяет возможности теоретизации как способа и механизма оптимизации качества развития всех составных звеньев системы образования;

— основы и возможности теоретизации могут быть проиллюстрированы совокупностью учебных и методических пособий, монографий, изданных по материалам исследования, которые используются непосредственно в структуре изучения дисциплин современной педагогики, педагогического знания и специфике формирования культуры самостоятельной работы личности обучающегося и педагога в условиях непрерывного профессионального образования, предопределивших моделирование инновационных средств обучения и самообучения педагогов в условиях непрерывного профессионального образования (творческие проекты по теории обучения, теории воспитания, социальной педагогике, специальной педагогике и пр.; электронные учебники, предметно-педагогические презентации, научные статьи, участие в социальных и деловых проектах и пр.).

Выделенные выше конструкты являются показателем качества и успешности решения тех или иных проблем современного образования и теоретизации возможности научного поиска и научного исследования в целом.

Основная часть

Теоретизация как категория и объект, продукт и ресурс современной педагогической деятельности и персонифицированного выбора обучающегося в модели современного непрерывного образования является наиболее интересным элементом эволюции антропосистемы и ноосферы, в общей форме определяющих успешность развития личности как носителя ценностей и приоритетов научного познания и научно-теоретической деятельности.

Своевременность постановки проблемы и описания возможностей теоретизации в педагогической науке определяют перспективы поиска оптимального ресурса дуалистического представления целостности научного знания, определяемого в нашей системе детерминант и моделей двумя составными — общенаучным компонентом и общепрофессиональным компонентом единого научно-образовательного пространства.

Общенаучный компонент — совокупность конструктов и конструкторов, форм и функций, механизмов и процессов, моделей и детерминант, условий и технологий научного познания в современной деятельности, гарантирующих в обновлении и трансформации повышение качества жизнедеятельности и благополучия как составных гуманистического выбора основ эволюции и самосохранения.

Общепрофессиональный компонент — совокупность конструктов и конструкторов, форм и функций, механизмов и процессов, моделей и детерминант, условий и технологий научного познания в профессиональной деятельности личности.

Педагогическая наука определяет свои возможности через активное использование основ педагогической методологии на различных уровнях поиска (базовый уровень теоретизации), на уровне возможностей использования методов научного познания и комбинации методов современного культурно-образовательного становления и акмеверификации модели самореализации личности (первый уровень теоретизации), на основе частнопредметного поиска оптимального решения и уточнения задач современной педагогической деятельности в иерархии обновлений и дополнений модели современного образования (второй уровень теоретизации).

Все три уровня теоретизации (базовый, первый, второй) могут быть успешно использованы в решении задач развития личности в системе непрерывного образования. Практику использования основ теоретизации на трех уровнях мы проиллюстрирует далее различными моделями педагогической деятельности.

Уточним понятие «теоретизация» в различных смыслах и направлениях научного поиска.

Теоретизация (широкий смысл) — система перевода практически полученных или выделенных из общего количества данных по определенному признаку в специально свернутый или реконструированный объект научного познания (алгоритм, схема, план обобщенного характера, формула, теория, концепция, патент и пр.), успешность применения которого в реальном времени и пространстве облегчает или упрощает один или несколько этапов системного преобразования данных в объект научной деятельности и осознания данного объекта личностью и (или) обществом.

Теоретизация (узкий смысл) — процесс формирования представлений о целостном познании и преобразовании объектов и продуктов научно выделенной проблемы на основе современных методов исследования — методов обобщения,

моделирования, проектирования, статистической обработки данных, а также оптимальной визуализации полученного продукта преобразования или модели представления полученного продукта научного познания в целостную систему или конструкт научного познания, в котором обобщенная модель является целью описанного явления и (или) процесса.

Теоретизация (локальный смысл) — процедура уточнения качества обобщения материала, возможностей ситуативного сворачивания и разворачивания информации личностью в различных сложившихся ситуациях, требующих в качестве продукта деятельности обобщенное решение или ресурс обобщения, конкретно получаемых данных личностью или обществом.

Теоретизация (адаптивный смысл) — способ представления данных в упрощенной форме визуализации научного познания, гарантирующего определенной личности или группе обучающихся в модели возрастосообразной педагогики понимание важности, целостности и уникальности изучаемого явления, востребованности получаемых результатов и способов обобщенной деятельности в заявленном конструкте научного познания и (или) преобразования того или иного результата научно обусловленной деятельности личности и общества.

Теоретизация (акмепедагогический смысл) — механизм акмеверификации качества научного познания и научного преобразования результатов деятельности личности и общества в единую систему или конструкт, объект или продукт научной педагогики как отрасли изучаемого научного знания обучающимся, включенным в систему непрерывного образования.

Теоретизация (возрастосообразный смысл) — механизм и продукт взросления личности, позволяющий обучающемуся в системе непрерывного образования получать возрастосообразные продукты развития и самореализации, самоутверждения и самосовершенствования, социализации и самовыражения, сотрудничества и общения, гарантирующие качественное и в конечном счете долгосрочное и жизнеспособное преобразование антропопространства и ноосферы в соответствии с выделенными перспективами и условиями преобразования и самосохранения, самоорганизации и жизнеобеспечения.

Теоретизация (гуманистический смысл) — продукт научного включения личности в систему решения задач и проблем современной отрасли научно-педагогической и научной деятельности в целом.

Теоретизация (здоровьесберегающий смысл) — условие оптимизации качества решения задач и проблем в современной науке как отрасли эволюции антропосреды и ноосферы, предопределяющей повышение уровня жизни личности и общества за счет инновационного обновления функционирования всех составных жизнедеятельности личности и общества, располагающих потенциалом акмеверификации качества задачи «хочу, могу, надо, есть» в различных аспектах педагогического выбора и проективного потенциала развития определенной системы жизнеобеспечения личности и антропосреды.

Теоретизация (культурологический смысл) — механизм функционирования культуры как высшей, оптимальной формы обобщения составных элементов научного познания и преобразования объективного в среде, предопределяющих в системном решении гибкое и целостное развитие общества в модели антропологически обусловленных ресурсов и продуктов.

Теоретизация (персонифицированный смысл) — гибкая модель обобщения данных для развития и функционирования личности в социальном, образовательном, профессиональном поле ценностей и перспектив организуемой деятельности, предопределяющих устойчивое получение результатов поиска и оптимизации качества развития и функционирования определяемого явления.

Теоретизация (полисистемный смысл) — многомерная система полифункциональных обобщений, гарантирующая в своем выборе сохранение целостности, достоверности, валидности, надежности научного знания и объективности получения новых результатов научной деятельности личности и общества в целом.

Теоретизация (синергетический смысл) — механизм самоорганизации качества получения и функционирования научного знания в модели развития личности и общества.

Теоретизация (унифицированный смысл) — метод системного обобщения, гарантирующий функционирование и обновление научного знания в целом на всех его этапах сбора и обработки.

Теоретизация (общенаучный смысл) — процесс общенаучного решения задачи развития или функционирования того или иного объекта в научной картине мира, поддерживаемый за счет обобщенного уточнения возможностей и оптимизации качества продуктов научной деятельности, определяющих в своем решении получение прямого, объективного, достоверного, научного знания и его следствий.

Теоретизация (общепрофессиональный смысл) — процесс гибкого, своевременного, профессионально значимого уточнения качества решения задачи профессионального выбора условий развития личности и общества «хочу, могу, надо, есть», гарантирующий эволюционное обновление модели развития личности и общества в целом.

Детерминации понятия «теоретизация» могут определить качество и возможности обобщенного научного знания в двух плоскостях — прямое научное знание и следствия научного знания в педагогике как науке.

Полидетерминантность современного научного знания была проиллюстрирована в вышеприведенных определениях понятия «теоретизация».

Конструктами теоретизации в педагогике могут быть выделены методы педагогического моделирования, педагогического проектирования, статистической обработки результатов исследования.

Под ресурсами теоретизации в современном непрерывном образовании могут быть определены педагогические процессы, педагогические процедуры, механизмы, технологии педагогической деятельности и (или) функционирования системы непрерывного образования.

Под продуктами теоретизации в современном непрерывном образовании могут быть определены педагогически обусловленный конструктор (конструктор принципов педагогической деятельности — педагогического взаимодействия, воспитания, обучения, развития, социализации, самовоспитания, самообучения, саморазвития, самосовершенствования, самореализации, самоактуализации, самоорганизации, адаптации, формирования, просвещения, фасилитации, коррекции, педагогической поддержки и пр.), педагогическая теория, педагогическая концепция, педагогическая модель (например, модель педагогической деятельности в обобщенной форме или частнопредметном использовании конкретной педагогической функции — воспитания, социализации, развития и пр.), научный труд

(статья в сборнике конференции, статья в научном журнале, монография и пр.), педагогическая технология, алгоритм, патент и пр.

Системное видение основ использования теоретизации в подготовке педагогов — процесс многократного персонифицированного решения задач моделирования, проектирования, апробации педагогически значимых моделей, раскрывающих различные грани и целостность педагогической деятельности и востребованности в жизнеспособности личности и общества системы непрерывного образования в целом.

В обобщенной модели функционирования непрерывного образования на уровне СПО, ВО (бакалавриат, магистратура или специалитет) педагоги должны качественно организовывать профессиональную деятельность в соответствии с условиями постановки и решения задачи принадлежности уровня образования личности и условиями развития личности в модели полученного образования, т. е. совокупности сформированных компетенций, трудовых функций и трудовых действий, непосредственно определяемых на заявленном уровне профессионального образования.

Перечислим наиболее популярные продукты теоретизации в деятельности педагогов, включенные в систему непрерывного образования: авторский развернутый план-конспект урока или занятия, научная статья в сборнике конференции, научная статья в научном журнале, научная статья в журнале перечня ВАК, научная статья в журнале, индексируемом в «Скопус» (Scopus), научная статья в журнале, индексируемом в ВОС (Web of Science), методические рекомендации по изучению дидактического материала (темы), учебно-методические рекомендации по изучению дидактического материала (темы), методическое пособие, учебно-методическое пособие, авторский тезаурус, словарь, энциклопедия, монография, патент и пр. [19; 20; 21; 22; 29].

Методология. Теоретизация в модели современной культуры и деятельности может быть рассмотрена с позиции научно-педагогического знания в различных конструктах детерминации моделей в системе представлений современного традиционного подхода на макро-, мезо- и микроуровнях научного знания, что соответственно определяется через широкий, узкий и локальный смыслы понятий современной педагогикой науки.

Традиционный подход — методологический подход, определяющий событие или явление в структуре традиционных способов и средств познания, детализирующий через основы педагогического знания возможность его уточнения, модификации, трансформации, описания, визуализации, оптимизации, ретрансляции, сворачивания, разворачивания, структурирования, обновления, дополнения, верификации и прочих составных макро-, мезо-, микроуровневого проецирования и моделирования.

В таком понимании важными элементами определения и решения задач моделирования категориального аппарата научно-педагогической деятельности может быть следующий конструктор моделирования [1–34]:

— широкий смысл (макроуровень): категория педагогики, система, матрица выбора и пр.;

— узкий смысл (мезоуровень): процесс, механизм, функция, технология, форма, условие, качество, ценность, ресурс, модель, кейс-проект, точка отсчета, тенденция и пр.;

— локальный смысл (микроуровень): процедура, принцип и пр.

Инновационный подход — методологический подход, определяющий событие или явление с позиции новых достижений и результатов эволюции антропосреды и ноосферы.

Инновационный подход определяет в системе детерминируемых конструктов следующую совокупность детерминант и масштабов уточнения понятийного аппарата:

— адаптивный смысл (направленность поиска определяется через функции адаптации или приспособления, качество моделей в адаптивном смысле определяет учет нормального распределения способностей и здоровья личности в системном выборе наиболее удачных решений противоречия «хочу, могу, надо, есть» через педагогические условия, фасилитацию, педагогическую поддержку, коррекцию, психорелаксацию и т.д.);

— акмепедагогический смысл (направленность поиска определяется высшими достижениями личности обучающегося и педагога в модели непрерывного образования);

— возрастосообразный смысл (направленность поиска определяется возрастосообразными конструктами и продуктами оптимизации решений задач развития личности в модели непрерывного образования; понятие «возраст» определяется в соответствии с заявленным конструктом выбора — паспортный (фактический), биологический, психологический, интеллектуальный, социальный, профессиональный и пр.);

— гуманистический смысл (направленность поиска определяется через признание идей гуманизма базовым конструктом всех составных научного поиска и продуктов научного исследования);

— здоровьесберегающий смысл (направленность поиска определяется через систему идей оздоровления личности и общества, гарантирующих повышение качества решения задач педагогической деятельности в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений);

— культурологический смысл (направленность поиска определяется через признание культуры основным механизмом самоорганизации качества решения задач повышения качества жизнедеятельности личности в обществе и успешности оптимизации качества развития общества в общепринятых общекультурных ценностях);

— персонифицированный смысл (направленность поиска определяется через выделение основ персонификации как продукта развития общества, культуры, деятельности, образования, науки и прочих составных антропопространства и ноосферы, гарантирующих повышение качества жизнедеятельности личности и ее полисистемное благополучие, согласуемое с уровнем развития общества в целом);

— полисистемный смысл (направленность поиска определяется многомерным метрическим конструктом самоорганизации качества педагогической деятельности как системы, конструкта, продукта, технологии, способа, формы, этапа, модели, функции и прочих элементов научной педагогики, описывающих особенности теоретизации научного подхода в иерархии традиционного и инновационного научного знания);

— синергетический смысл (направленность поиска определяется конструктами самоорганизации рассматриваемой системы, гарантирующей точное построение модели изменений и продуктов развития того или иного педагогического процесса);

— унифицированный смысл (направленность поиска определяется уникальной обобщенной моделью или обобщенным научным знанием, в качестве примера такого обобщенного научного знания могут быть приведены алгоритмы, матрицы идей, общеучебные знания, умения, навыки, компетенции и пр.).

Уточнение инновационного подхода в поставленной задаче поиска может осуществляться в соответствии с поставленными задачами и выделенными функциями научного познания в педагогике.

Результаты

Использование конструктов и конструкторов теоретизации в современной практике педагогической деятельности позволяет педагогам эффективно создавать и использовать различные продукты развития и самоорганизации качества решения задач педагогической и профессионально-педагогической деятельности.

Разработанная технология системно-педагогического моделирования [20; 22; 29] позволяет использовать основы теоретизации в структуре профессионального обучения педагогов. Качественно новое знание в таком процессе является высшим этапом развития личности. Для этого создают условия для поэтапного, возрастосообразного достижения личностью определенных результатов развития и сотрудничества. Выделяются уровни или условия объективно получаемых и востребованных результатов изучения целостного педагогического знания.

Выделим наиболее успешные задачи в теоретизации основ педагогики, полученные на основе использования технологии системно-педагогического моделирования:

— уточнение детерминаций или определений понятийного аппарата педагогики как науки определенного уровня и качества детерминации (рабочие определения понятий, уровневые определения понятий, уточненные определения понятий с использованием смыслов и современных методологических подходов и пр.);

— разработка занятий, уроков, классных часов, внеурочных мероприятий по предмету и пр.;

— разработка тренажеров, средств и технологий фасилитации решения определенной дидактической задачи;

— построение на основе системной теоретизации или конструктора принципов педагогической деятельности авторской системы принципов педагогической деятельности (система принципов воспитания, система принципов социализации, система принципов самореализации и пр.);

— разработка авторской или проектируемой технологии обучения, социализации и самореализации в структуре изучения курсов «Теоретическая педагогика», «Практическая педагогика»;

— обобщение и теоретизация педагогического опыта в структуре написания научных статей, авторских программ, учебных и учебно-методических рекомендаций и пособий, монографий, патентов и пр.;

— определение педагогических условий определенного изучаемого педагогического процесса (исходя из темы исследования студента, соискателя, аспиранта, докторанта) и пр.

Одним из примеров повышения качества достижений личности в системе непрерывного образования может быть выбрана система реализации условий и концепции формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования [19; 21]. Данная практика определяет различные уровни и типы формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования за счет учета различных показателей ведущей деятельности и хобби, регламентирующих возможности деятельности личности через системное осмысление качества решения задачи «хочу, могу, надо, есть» и создаваемые педагогические условия, гарантирующие личности своевременность решения задач и противоречий, проблем и дилемм.

Теоретизация — основа научной педагогики. Все возможности педагогических теорий определяются через системность использования теоретизации в построении и уточнении педагогически обусловленных процессов и продуктов их функционирования.

Качество включения личности в систему непрерывного образования определяется успешным выбором условий развития личности. В такой практике можно достичь максимально высоких персонифицированных результатов, если учесть все составные элементы продуктивного становления личности, включенной в систему непрерывного образования.

Сложность определяемых и решаемых задач — это подбор однородных групп обучающихся, так как именно однородные группы могут ставить перед собой примерно одинаковые по уровню качества решения задачи развития и продуктивного становления личности. Например, учет возрастосообразности и учет модели нормального распределения способностей обучающихся в генеральной выборке повышает качество постановки и решения такого рода задач [19].

В случае разнородной группы задания, выносимые на общее решение, должны иметь несколько уровней выполнения, например проектирование программы воспитания обучающихся. Нулевой уровень сформированности культуры самостоятельной работы личности в своей выборке воспользуется готовыми программами и создаст необходимый им слепок, непосредственно определяющий то или иное назначение продукта деятельности. Первый уровень сформированности культуры самостоятельной работы личности в своей выборке определит авторское решение, которое можно будет опубликовать в научной статье (авторский текст свыше 70-80 %). Второй уровень сформированности культуры самостоятельной работы личности в своей выборке создаст определенный конструктор разработки программы воспитания обучающихся. Далее уровни формирования культуры самостоятельной работы личности могут быть определены по нарастающей качества решения выделенного спектра определяемых и решаемых задач.

Теоретизация как модель оптимизации качества педагогической деятельности — сложное явление, основы и результативность которого не всегда определяются на уровне субъект-субъектных связей и отношений. Возможности полисистемного решения задач педагогической деятельности в конструктах теоретизации гарантируют многоуровневое определение и уточнение, решение и оптимизацию решений задачи развития «хочу, могу, надо, есть».

Заключение, выводы

Теоретизация в педагогической науке в конструктах общенаучного и общепрофессионального знания — наиболее интересная плоскость современной педагогики.

Задачи, поставленные в структуре работы, были успешно решены:

1) определены успешные модели и средства уточнения понятийного аппарата в педагогике на примере изучения категории «теоретизация»;

2) определены ресурсы и продукты теоретизации в современном непрерывном образовании;

3) уточнены основы педагогической методологии в традиционном и инновационном смыслах и подходах;

4) определены представления о теоретизации как объекте и продукте научного поиска;

5) обозначено системное видение возможностей использования теоретизации в подготовке педагогов, уточненное на основе формирования культуры самостоятельной работы личности.

Выделенные в работе педагогические конструкты и единицы целостного научного поиска и научно-педагогической деятельности позволят педагогам в системе непрерывного образования качественнее решать задачи педагогической деятельности на различных уровнях постановки и решения задач и проблем педагогики как науки.

Возможность описания и использования общенаучного и общепрофессионального решения задач теоретизации в модели непрерывного образования личности повысит качество всех составных целостного педагогического процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Elliott J. Educational action research as the quest for virtue in teaching // Educational Action Research. 2015. Vol. 23. No. 1. Pp. 4–21. DOI: 10.1080/09650792.2014.994017

2. Hepp K. P., Fernández M. À. P., García J. H. Teacher training: Technology helping to develop an innovative and reflective professional profile // RUSC Universities and Knowledge Society Journal. 2015. Vol. 12. No. 2. Pp. 30–43. DOI: 10.7238/rusc.v12i2.2458

3. Kemp S. P., Nurius P. S. Preparing Emerging Doctoral Scholars for Transdisciplinary Research: A Developmental Approach // Journal of Teaching in Social Work. 2015. Vol. 35 No. 1-2. Pp. 131–150. DOI: 10.1080/08841233.2014.980929

4. Koķe T., Jansone-Ratinika N., Koka R. Formative assessment on an individual and an institutional level on the way to quality culture in higher education // Problems of Education in the 21st Century. 2017. Vol. 75. No. 1. URL: http://journals.indexcopernicus.com/abstract.php?icid=1232393

5. Enhancing Project-Based Learning Through Student and Industry Engagement in a Video-Augmented 3-D Virtual Trade Fair / M. J. W. Lee, S. Nikolic, P. J. Vial, C. Ritz, W. Li, T. Goldfinch // IEEE Transactions on Education. 2016. Vol. 59. No. 4. Pp. 290–298. DOI: 10.1109/TE.2016.2546230

6. Newton P. M. The learning styles myth is thriving in higher education // Frontiers in Psychology. 2015. No. 6 (Dec). DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01908

7. Swart A. J. Distance Learning Engineering Students Languish Under Project-Based Learning, But Thrive in Case Studies and Practical Workshops // IEEE Transactions on Education. 2016. Vol. 59. No. 2. Pp. 98–104. DOI: 10.1109/TE.2015.2453349

8. Tasker T. Q., Herrenkohl L. R. Using Peer Feedback to Improve Students' Scientific Inquiry // Journal of Science Teacher Education. (2016). Vol. 27. No. 1. Pp. 35–59. DOI: 10.1007/s10972-016-9454-7

9. Valanides N. Technological tools: from technical affordances to educational affordances // Problems of Education in the 21st Century. 2018. Vol. 76. No. 2. URL: http://oaji.net/articles/2017/457-1524597237.pdf

10. Van Rooij S. W., Zirkle K. Balancing pedagogy, student readiness and accessibility: A case study in collaborative online course development // Internet and Higher Education. 2016. Vol. 28. Pp. 1–7. DOI: 10.1016/j.iheduc.2015.08.001

11. Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Колтунова Е. А. Символ в контексте психоаналитической и смысловой интерпретации // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 2. С. 225–233.

12. Богуславский М. В., Неборский Е. В. Стратегические тенденции развития системы высшего образования в Российской Федерации // Гуманитарные исследования Центральной России. 2017. № 2 (3). С. 7–20.

13. Бордовская Н. В., Кошкина Е. А. Терминологическая компетентность специалиста: проявление и уровни развития // Человек и образование. 2016. № 3 (48). С. 4–11.

14. Ващенко А. Н., Козубцов И. Н. О важной исключительной роли научных школ в становлении научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1. С. 35–40.

15. Ващенко А. Н., Козубцов И. Н. Содержание развивающей педагогической технологии научно-просветительской деятельности аспирантов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 3 (32). С. 260–265.

16. Веракса А. Н. Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 51–58.

17. Вербицкий А. А., Трунова Е. Г. Проблемы адекватности понятийного аппарата современного образования // Педагогика. 2017. № 8. С. 3–15.

18. Донцов А. И., Донцов Д. А., Донцова М. В. Профессиональная направленность личности как компонент социального становления человека // Школьные технологии. 2011. № 6. С. 163–171.

19. Козырева О. А. Разработка и апробация концепции формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 3 (44). С. 421–429. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.311

20. Козырева О. А., Козырев Н. А., Свинаренко В. Г. Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М. : МИФИ, 2017. 400 с.

21. Козырева О. А., Козырев Н. А. Возможности моделирования и реализации концепции формирования культуры самостоятельной работы личности // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. URL: http://www.science-education.ru/article/view?id=27789

22. Коновалов С. В., Козырева О. А. Педагогическое моделирование в конструктах современного образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 58–63.

23. Леонов Н. И. Принципы и подходы в управлении научной и инновационной деятельностью (опыт исследовательского университета) // Высшее образование в России. 2011. № 11. С. 19–28.

24. Леонов Н. И., Главатских М. М. Роль смысловых образований в исследовании социально-психологической зрелости личности // European Social Science Journal. 2015. № 8. С. 303–307.

25. Мухаметзянов И. Ш. Принципы здоровьеформирующего обучения // Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 1-6 (33). С. 93–96.

26. Осмоловская И. М. Методология педагогики в контексте современного научного знания // Проблемы современного образования. 2016. № 5. С. 149–158.

27. Пурышева Н. С., Ромашкина Н. В., Крысанова О. А. О метапредметности, методологии и других универсалиях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 11–17.

28. Реан А. А. Инновационная культура в России как фактор повышения конкурентоспособность страны // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12-2 (53-2). С. 45–48.

29. Свинаренко В. Г., Козырева О. А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования : учеб. пособие. М. : НИЯУ МИФИ, 2014. 92 с.

30. Селиверстова Е. Н. Субъектность как принцип систематизации современного дидактического знания // Педагогика. 2013. № 10. С. 25–33.

31. Сибирякова Т. Б. Повышение качества профессионального образования — важное условие обеспечения социально-экономического развития России // Бизнес. Образование. Право. 2011. № 4. С. 200–203.

32. Скрипкина Т. П. Поликультурное образование — альтернатива культуре насилия, агрессии и нетерпимости // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 3 (71). С. 8–15.

33. Тряпицына А. П., Писарева С. А. Современные методологические подходы к исследованию педагогического образования // Человек и образование. 2014. № 3 (40). С. 4–12.

34. Шевченко Р. А. Тренажер для обучения сварщиков в модели непрерывного образования // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2018. № 4. С. 296–305.

35. Требования к оформлению авторских материалов, присылаемых в научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право». URL: http://vestnik.volbi.ru/trebovanija-k-publikacii-statei.html

REFERENCES

1. Elliott J. Educational action research as the quest for virtue in teaching // Educational Action Research. 2015. Vol. 23. No. 1. Pp. 4–21. DOI: 10.1080/09650792.2014.994017

2. Hepp K. P., Fernández M. À. P., García J. H. Teacher training: Technology helping to develop an innovative and reflective professional profile // RUSC Universities and Knowledge Society Journal. 2015. Vol. 12. No. 2. Pp. 30–43. DOI: 10.7238/rusc.v12i2.2458

3. Kemp S. P., Nurius P. S. Preparing Emerging Doctoral Scholars for Transdisciplinary Research: A Developmental Approach // Journal of Teaching in Social Work. 2015. Vol. 35 No. 1-2. Pp. 131–150. DOI: 10.1080/08841233.2014.980929

4. Koķe T., Jansone-Ratinika N., Koka R. Formative assessment on an individual and an institutional level on the way to quality culture in higher education // Problems of Education in the 21st Century. 2017. Vol. 75. No. 1. URL: http://journals.indexcopernicus.com/abstract.php?icid=1232393

5. Lee M. J. W., Nikolic S., Vial P. J., Ritz C., Li W., Goldfinch T. Enhancing Project-Based Learning Through Student and Industry Engagement in a Video-Augmented 3-D Virtual Trade Fair // IEEE Transactions on Education. 2016. Vol. 59. No. 4. Pp. 290–298. DOI: 10.1109/TE.2016.2546230

6. Newton P. M. The learning styles myth is thriving in higher education // Frontiers in Psychology. 2015. No. 6 (Dec). DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01908

7. Swart A. J. Distance Learning Engineering Students Languish Under Project-Based Learning, But Thrive in Case Studies and Practical Workshops // IEEE Transactions on Education. 2016. Vol. 59. No. 2. Pp. 98–104. DOI: 10.1109/TE.2015.2453349

8. Tasker T. Q., Herrenkohl L. R. Using Peer Feedback to Improve Students' Scientific Inquiry // Journal of Science Teacher Education. (2016). Vol. 27. No. 1. Pp. 35–59. DOI: 10.1007/s10972-016-9454-7

9. Valanides N. Technological tools: from technical affordances to educational affordances // Problems of Education in the 21st Century. 2018. Vol. 76. No. 2. URL: http://oaji.net/articles/2017/457-1524597237.pdf

10. Van Rooij S. W., Zirkle K. Balancing pedagogy, student readiness and accessibility: A case study in collaborative online course development // Internet and Higher Education. 2016. Vol. 28. Pp. 1–7. DOI: 10.1016/j.iheduc.2015.08.001

11. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Koltunova E. A. Symbol in the context of psychoanalytic and semantic interpretation // Russian Psychological Journal. 2016. Vol. 13. No. 2. Pp. 225–233. (In Russ.).

12. Boguslavskii M. V., Neborskii E. V. Strategic tendencies in the development of higher education in the Russian Federation // Humanitarian research in Central Russia. 2017. No. 2 (3). Pp. 7–20. (In Russ.).

13. Bordovskaya N. V., Koshkina E. A. Terminological competence of a specialist: manifestation and levels of development // Man and education. 2016. No. 3 (48). Pp. 4–11. (In Russ.).

14. Vashchenko A. N., Kozubtsov I. N. About the important exclusive role of scientific schools in the development of scientific and scientific-pedagogical personnel of the highest qualification // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business. 2014. No. 1 (26). Pp. 35–40. (In Russ.).

15. Vashchenko A. N., Kozubtsov I. N. The maintenance of developing pedagogical technology of scientific-educational activity of post-graduate students // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business. 2015. No. 3 (32). Pp. 260–265. (In Russ.).

16. Veraksa A. N. Symbol and Sign: Dialectic of Symbolic Cognition // Questions of Philosophy. 2016. No. 1. Pp. 51–58. (In Russ.).

17. Verbitskii A. A., Trunova E. G. Problems of the adequacy of the conceptual apparatus of modern education // Pedagogy. 2017. No. 8. Pp. 3–15. (In Russ.).

18. Dontsov A. I., Dontsov D. A., Dontsova M. V. Professional orientation of the personality as a component of the social formation of man // School technology. 2011. No. 6. Pp. 163–171 (In Russ.).

19. Kozyreva O. A. Development and approbation of the concept of forming a culture of independent work of the individual in the system of continuous education // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business. 2018. No. 3 (44). Pp. 421–429 (In Russ.). DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.311

20. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A., Svinarenko V. G. Education in the professional training of teachers. M. : MIFI, 2017. 400 p. (In Russ.).

21. Kozyreva O. A., Kozyrev N. A. Possibilities of modeling and realization of the concept of formation of culture of independent work of the person // Modern problems of science and education. 2018. No. 4. (In Russ). URL: http://www.science-education.ru/article/view?id=27789

22. Konovalov S. V., Kozyreva O. A. Pedagogical modeling in constructs of modern education // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2017. No. 1 (178). Pp. 58–63. (In Russ.).

23. Leonov N. I. Principles and approaches in the management of scientific and innovative activities (experience of the research university) // Higher education in Russia. 2011. No. 11. Pp. 19–28. (In Russ.).

24. Leonov N. I., Glavatskikh M. M. The role of semantic entities in the study of socio-psychological maturity of personality // European Social Science Journal. 2015. No. 8. Pp. 303–307. (In Russ.).

25. Mukhametzyanov I. Sh. Principles of health forming education // Actual scientific research in the modern world. 2018. No. 1-6 (33). Pp. 93–96. (In Russ.).

26. Osmolovskaya I. M. Methodology of Pedagogy in the Context of Modern Scientific Knowledge // Problems of Modern Education. 2016. No. 5. Pp. 149—158. (In Russ.).

27. Purysheva N. S., Romashkina N. V., Krysanova O. A. On meta-objectness, methodology and other universals // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2012. No. 1 (1). Pp. 11—17. (In Russ.).

28. Rean A. A. Innovative culture in Russia as a factor of increasing the country's competitiveness // Economics and Entrepreneurship. 2014. No. 12-2 (53-2). Pp. 45–48. (In Russ.).

29. Svinarenko V. G., Kozyreva O. A. Scientific research on pedagogics in structure of high school and additional education: textbook. M. : NIYaU MEPhI, 2014. 92 p. (In Russ.).

30. Seliverstova E. N. Subjectivity as the principle of the systematization of modern didactic knowledge // Pedagogy. 2013. No. 10. Pp. 25–33. (In Russ.).

31. Sibiryakova T. B. Improving the quality of vocational education is an important condition for ensuring the social and economic development of Russia // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business. 2011. No. 4. Pp. 200–203. (In Russ.).

32. Skripkina T. P. Multicultural education — an alternative to a culture of violence of aggression and intolerance // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. 2014. No. 3 (71). Pp. 8–15. (In Russ.).

33. Tryapitsyna A. P., Pisareva S. A. Modern methodological approaches to the study of pedagogical education // Man and education. 2014. No. 3 (40). Pp. 4–12. (In Russ.).

34. Shevchenko R. A. Simulator for the training of welders in the model of continuous education // European Social Science Journal. 2018. No. 4. Pp. 296–305. (In Russ.).

35. Requirements for the design of copyright materials sent to the scientific peer-reviewed journal "Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business". URL: http://vestnik.volbi.ru/trebovanija-k-publikacii-statei.html

Как цитировать статью: Коновалов С. В., Козырев Н. А., Козырева О. А. Теоретизация в педагогической науке: общенаучный и общепрофессиональный аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 376–385. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.409.

For citation: Konovalov S. V., Kozyrev N. A., Kozyreva O. A. Theoretization in pedagogical science: the general scientific and general professional aspects // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 376–385. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.409.

УДК 796.325
ББК 75.0+54.581.9

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.443

Nalobina Anna Nikolaevna,
Doctor of Biological Sciences, Associate Professor,
Professor of Department
of Adaptive Physical Culture
and biomedical disciplines,
Moscow City University,
Moscow,
e-mail: a.nalobina@mail.ru

Налобина Анна Николаевна,
д-р биол. наук, доцент,
профессор кафедры адаптивной физической культуры
и медико-биологических дисциплин,
ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет»,
г. Москва,
e-mail: a.nalobina@mail.ru

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ ЛИЦ С ПОРАЖЕНИЕМ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛЕЙБОЛА СИДЯ)

INTEGRATED APPROACH IN THE PROCESS OF SPORT TRAINING OF THE PHYSICALLY IMPAIRED PEOPLE (ON AN EXAMPLE OF SITTING VOLLEYBALL)

13.00.04 – Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры
13.00.04 – Theory and technique of physical education, sports training, health and adaptive physical culture

Цель исследования — обоснование использования интегрированного подхода на тренировочных занятиях волейболистов с поражением опорно-двигательного аппарата (ПОДА) в подготовительном периоде годичного цикла подготовки на этапе спортивного совершенствования. Были сформированы две группы спортсменов по семь человек в каждой. 1-я группа — волейболисты с поражением опорно-двигательного аппарата. Квалификация: мастер спорта по волейболу сидя. 2-я группа — здоровые волейболисты. Оценка функциональной подготовленности спортсменов проводилась по результатам модифицированной пробы Мартинэ-Кушелевского. Педагогическое тестирование включало в себя следующие тесты: представленные в федеральном стандарте спортивной подготовки по виду спорта «Спорт лиц с ПОДА», для оценки специальной физической, технической подготовленности. Для диагностики социально-психологической адаптации использовалась методика К. Роджерса, Р. Даймонда. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы Statistica-6. В результате исследования было выявлено, что спортсмены 1-й группы по сравнению со 2-й имеют достоверное преимущество в технической и специальной физической подготовке, уступая здоровым спортсменам в силовой выносливости мышц брюшного пресса. При оценке реакции показателей сердечно-сосудистой системы на стандартную нагрузку достоверных различий не выявлено. На основании проведенного исследования нами разработана методика тренировочных занятий для волейболистов с ПОДА, обеспечивающая интегрированный подход в процессе спортивной подготовки. Реализация интегрированного подхода осуществлялось с помощью включения в тренировочный процесс учебно-интегрированной игры. Использование интегрированного подхода в тренировочном процессе высококвалифицированных волейболистов с ПОДА оказало положительное влияние как на уровень физической, технической подготовленности, так и на их психологическую адаптацию.

Ключевые слова: волейбол сидя, спортсмены с поражением опорно-двигательного аппарата, учебно-интегрированная игра, адаптивный спорт, реабилитация, физическая подготовка, техническая подготовка, адаптация, инвалиды, интеграция.

The aim of the research is to substantiate the usage of an integrated approach in the training sessions of the physical impaired (PI) volleyball players in the preparatory period of the annual cycle of training at the stage of sports improvement. Two groups of athletes were formed; each one consists of 7 people. 1 group — PI volleyball players. Sport level: master of sports in sitting volleyball. 2 group — healthy volleyball players. Evaluation of functional training of athletes was carried out using Martine-Kushelevsky test, modified for the physical impaired athletes. Pedagogical testing included the following tests: which presented in the Federal standard of sports training in the sport of persons with PI, for determining the special physical and technical preparedness. The technique of K. Rogers, R. Diamond was used for the diagnosis of social and psychological adaptation. Statistical data processing was carried out using the program Statistica-6. Results of the investigate is shown, that the athletes of group 1 compared to group 2 have a significant advantage in technical and special physical training, yielding to healthy athletes in strength endurance of abdominal muscles. In assessing the response of the cardiovascular system to the standard stress, no significant differences were found. Based on the researches, we have developed a technique of training sessions for PI volleyball players, which provide an integrated approach in the process of sports training. Implementation of the integrated approach was carried out by including in training process the educational-integrated game. Using of an integrated approach in the training process of highly skilled PI volleyball players had a positive impact on the level of physical, technical readiness, and their psychological adaptation.

Key words: paralympic volleyball, athletes with the handicap of locomotive system, educational-integrated game, adaptive sport, rehabilitation, physical training technical training, adaptation, handicapped people, integration.

Введение

Актуальность. По данным первого за всю историю Всемирного доклада об инвалидности, выпущенного совместными усилиями ВОЗ и Всемирного банка, в настоящее время в мире насчитывается более одного миллиарда инвалидов. Глобальная оценка инвалидности демонстрирует тенденцию роста в связи со старением населения, быстрым распространением хронических болезней, ухудшением экологической обстановки, преступностью, алкоголизмом, наркоманией, а также наследственными заболеваниями [1; 2].

Изученность проблемы. В последние десятилетия особое внимание уделяется проблеме реабилитации инвалидов средствами физической культуры и спорта. Для реабилитации, создания наиболее благоприятных условий для жизнедеятельности, восстановления контакта с социумом и интеграции важную роль играет адаптивный спорт [3]. Если для здорового человека занятия физической культурой и спортом — потребность, которая удовлетворяется в повседневной жизни, то для инвалидов, особенно с поражением опорно-двигательного аппарата, — это жизненная необходимость [4–6].

Целесообразность разработки темы. Для решения вопросов социализации и адаптации лиц с отклонениями в состоянии здоровья, а также для совершенствования физической и технико-тактической подготовленности необходимо использовать совместные со здоровыми спортсменами физкультурно-оздоровительные занятия. Инклюзивный и интегрированный подходы доказали свое преимущество и широко применяются при организации различных мероприятий с лицами, имеющими отклонения в состоянии здоровья [7–9]. В первую очередь это относится к области образования, где на законодательном уровне закреплено право детей-инвалидов на получение без дискриминации качественного образования. Разработаны методические подходы к реализации инклюзивных, интегрированных занятий и в адаптивной физической культуре. В первую очередь это относится к проведению различных физкультурных праздников и фестивалей [10]. Однако в настоящее время существует незначительное число методик тренировочных занятий с использованием интегрированного подхода на этапе совершенствования спортивного мастерства у волейболистов с поражением опорно-двигательного аппарата. Поэтому обоснование использования интегрированного подхода на тренировочных занятиях волейболистов с поражением ПОДА послужило **целью** настоящего исследования.

В **задачи** исследования входило: определение уровня физической и функциональной подготовленности волейболистов с ПОДА на этапе спортивного совершенствования в подготовительном периоде; разработка методики тренировочных занятий с применением интегрированного подхода.

Научная новизна. Впервые было проведено комплексное исследование уровня технико-тактической, физической подготовленности, функционального состояния сердечно-сосудистой системы у волейболистов с поражением опорно-двигательного аппарата в сравнении со здоровыми спортсменами.

Теоретическая и практическая значимость. Обоснована технология интегрированного похода к процессу спортивной подготовки инвалидов. Изучено влияние учебно-интегрированной игры на физическую подготовленность и социально-психическую адаптацию инвалидов. Разработанная методика тренировочных занятий на этапе совершенствования спортивного мастерства у волейболистов с ПОДА в подготовительный период может использоваться тренерами-преподавателями по АФК.

Организация и методы исследования. Проспективное исследование проводилось на базе кафедры теории и методики адаптивной физической культуры Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (СибГУФК) и Областного специализированного центра паралимпийской и сурдлимпийской подготовки города Омска. Биомедицинское исследование с участием людей проводилось в соответствии с этическими принципами Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации (ВМА) 1964 г. (с изменениями и дополнениями на 2008 г.). Включение спортсменов в группу исследуемых осуществлялось на основании подписанной и датированной формы информированного согласия.

На базе Центра было обследовано семь волейболистов с поражением опорно-двигательного аппарата. Это общее количество высококвалифицированных спортсменов-инвалидов, занимающихся волейболом сидя, в Омской области. Стаж занятий волейболом сидя — от 5 до 15 лет. Квалификация: мастера спорта по волейболу сидя. У двух занимающихся — ампутация одной конечности до уровня голени (класс А4), у трех спортсменов — ампутация одной конечности на уровне верхней трети бедра (класс А2), по одному спортсмену имеют ампутацию двух нижних конечностей на уровне верхней трети бедра (класс А1) и ампутацию одной конечности до голени, а второй конечности до уровня бедра (класс А2) [11].

На базе СибГУФК было обследовано семь здоровых волейболистов. У трех из них имеется первый спортивный разряд. Стаж занятий — от 5 до 10 лет.

Основная часть

Данное исследование является продолжением научных разработок, проводимых на кафедре теории и методики адаптивной физической культуры [12]. В представленной статье рассматривался этап спортивного совершенствования, подготовительный период. В этот период закладываются основы технико-тактической и функциональной подготовки, которые необходимы для успешного выступления на соревнованиях [13–15]. Подготовительный период — наиболее подходящий для включения здоровых волейболистов в тренировочный процесс спортсменов-инвалидов. Продолжительность подготовительного периода команды «Омич» составляла 34 дня. Количество тренировок в неделю — 5. Длительность одной тренировки — 2 часа. Всего тренировок — 24, общее количество часов — 48. Цель подготовки — успешное выступление на Международном турнире по волейболу сидя, посвященному памяти М. Л. Гуревича.

Оценка состояния здоровья спортсменов проводилась на основе анализа медицинских документов и результатов функциональных проб. Для изучения общей физической подготовленности волейболистов с ПОДА было проведено педагогическое тестирование по тестам, представленным в федеральном стандарте спортивной подготовки по виду спорта «Спорт лиц с ПОДА». Тестирование специальной физической подготовленности волейболистов было разработано нами и включало в себя выполнение передачи мяча над собой за одну минуту, перемещение по линиям площадки к сетке, перемещение вдоль сетки

с имитацией блока в зонах № 2, 3 и 4. Техническую подготовленность исследовали по результатам подачи мяча в зоны и нападающему удару. Для диагностики социально-психологической адаптации использовалась методика К. Роджерса и Р. Даймонда.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы Statistica-6. Применялись стандартные методики вариационного анализа с определением средней арифметической вариационного ряда (*M*), ошибки среднего арифметического (*m*). Достоверность результатов исследования оценивалась с помощью непараметрических критериев: Вилкоксона для связных выборок и Манна — Уитни для сравнения количественных признаков двух независимых совокупностей. Достаточным считался уровень значимости $p < 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате исследования было выявлено, что техническая и специальная физическая подготовка волейболистов сидя в сравнении со сборной командой СибГУФК по классическому волейболу была лучше (табл. 1).

Таблица 1

Результаты тестирования технической и специальной физической подготовленности в волейболе сидя, *M* ± *m*

Показатель		Команда СибГУФК	Волейболисты с ПОДА	P
Нападающий удар, количество попаданий из пяти попыток	Зона № 1	2,7 ± 0,9	3,1 ± 1,2	
	Зона № 5	2,5 ± 1,1	3,1 ± 0,9	
	Зона № 6	2,4 ± 0,5	2,8 ± 0,9	
Подача мяча, количество попаданий из пяти попыток	Зона № 1	2,1 ± 0,6	3,5 ± 0,9	<0,05
	Зона № 5	2,5 ± 0,9	3,7 ± 0,4	
	Зона № 6	3,1 ± 0,6	3,1 ± 0,6	
Передача мяча над собой, количество раз		25,6 ± 5,0	28,3 ± 3,9	
Перемещение вдоль сетки с имитацией блока в зонах 2, 3, 4, с		14,3 ± 3,2	11,9 ± 1,7	
Перемещение по линиям площадки, с		18,7 ± 4,5	13,4 ± 1,6	<0,05

По большинству видов тестирования общей физической подготовленности, за исключением теста «сгибание-разгибание туловища», спортсмены-инвалиды также имели достоверное преимущество перед здоровыми игроками (табл. 2).

Таблица 2

Результаты тестирования общей физической подготовленности в волейболе сидя, *M* ± *m*

Показатели	Команда СибГУФК	Волейболисты с ПОДА	P
Динамометрия правой руки, кг	33,4 ± 7,7	41,7 ± 6,7	<0,05
Динамометрия левой руки, кг	31,1 ± 7,1	40,4 ± 7,8	<0,05
Сгибание-разгибание туловища, кол-во раз	55,7 ± 6,1	26,9 ± 6,2	<0,05
Бросок набивного мяча двумя руками из-за головы из положения сидя, м	5,0 ± 0,7	6,4 ± 0,9	<0,05

При исследовании сердечно-сосудистой системы в работе использовалась адаптированная проба Мартинэ-Кушелевского. Вместо приседаний выполнялось отжимание от пола при опоре туловища на гимнастическую скамью на уровне тазобедренных суставов. Испытуемые выполняли 20 отжиманий за 30 секунд. Учитывались: ЧСС и АД покоя и на 1, 2 и 3-й минутах восстановительного периода. Оценивались тип реакции на физическую нагрузку и время восстановления. При оценке реакции показателей сердечно-сосудистой системы на стандартную нагрузку достоверных различий не выявлено (табл. 3). Следовательно, принципы дозировки физической нагрузки и для здоровых волейболистов, и для волейболистов с ПОДА одинаковы.

Прирост показателей ЧСС, АД у волейболистов с ПОДА меньше, чем у здоровых волейболистов. Это свидетельствует о том, что волейболисты с ПОДА имели выше уровень тренированности, чем здоровые.

Таблица 3

Реакция показателей сердечно-сосудистой системы волейболистов в ответ на функциональную пробу (модифицированную пробу Мартинэ-Кушелевского), *M* ± *m*

Показатели		Здоровые волейболисты	Волейболисты с ПОДА	P
ЧСС, уд./мин	В покое	68,7 ± 7,6	75,3 ± 12,7	>0,05
	1 мин восст.	96,3 ± 13,7	95,1 ± 18,3	>0,05
	2 мин восст.	75,1 ± 12,7	77,7 ± 11,0	>0,05
	3 мин восст.	68,6 ± 7,6	74,0 ± 12,4	>0,05
	Прирост, %	40,1 ± 81,0	26,4 ± 44,1	>0,05
АДс, мм рт. ст.	В покое	112,9 ± 11,9	122,6 ± 13,0	>0,05
	1 мин восст.	128,3 ± 14,8	136,7 ± 13,6	>0,05
	2 мин восст.	119,3 ± 13,0	128,4 ± 11,7	>0,05
	3 мин восст.	111,1 ± 13,6	118,1 ± 11,6	>0,05
	Прирост, %	13,7 ± 24,3	11,5 ± 4,9	>0,05

Окончание таблицы 3

Показатели		Здоровые волейболисты	Волейболисты с ПОДА	P
АДд, мм рт. ст.	В покое	69,6 ± 6,5	73,0 ± 5,6	>0,05
	1мин восст.	90,1 ± 10,0	84,4 ± 8,1	>0,05
	2 мин восст.	80,0 ± 11,6	76,3 ± 7,1	>0,05
	3 мин восст.	70,0 ± 8,0	74,0 ± 6,5	>0,05
	Прирост, %	29,6 ± 52,8	15, 7 ± 45,4	>0,05

На основании проведенного исследования нами разработана методика тренировочных занятий для волейболистов с ПОДА, обеспечивающая интегрированный подход в процессе спортивной подготовки. В данном исследовании рассматривается подготовительный период осенне-зимнего макроцикла продолжительностью с 1 ноября по 4 декабря 2017 г. Осенне-зимний макроцикл состоит из пяти микроциклов (МКЦ) длительностью одна неделя каждый. Этот период — наиболее подходящий для включения здоровых волейболистов в тренировочный процесс, так как закладываются основы технической подготовленности, которые необходимы для успешного выступления на соревнованиях. Реализация интегрированного подхода осуществлялось с помощью включения в тренировочный процесс учебно-интегрированной игры. В первом МКЦ ее доля составляла 20 %, к пятому МКЦ она достигла 100 %. Учебно-интегрированная игра предполагала совместные игровые действия между здоровыми игроками и спортсменами с ПОДА. Технико-тактические действия выполнялись командой в различной комбинации: 1 — здоровые спортсмены со спортсменами-инвалидами; 2 — отдельно команда здоровых спортсменов и спортсменов-инвалидов. Это зависело от того, какое действие отрабатывалось (подача, нападающий удар и т. д.), а также от задач тренировки. Расстановка на площадке осуществлялась по принципу степени подготовленности спортсмена и его амплуа. Действия, выполняемые спортсменами-инвалидами, были направлены на то, чтобы сыграть техничнее, менее используя физические качества, поскольку они понимали, что здоровые спортсмены хуже подготовлены к специфическим спортивным упражнениям. Также мотивацией для спортсменов-инвалидов служило желание победить здоровых волейболистов. Это повлияло на совершенствование технико-тактической подготовленности и эмоциональную сферу волейболистов с ПОДА. Большим преимуществом являлось то, что интегрированные занятия со здоровыми спортсменами увеличили численность занимающихся. Это позволило расширить резерв средств и методов тренировки, разнообразие и численность упражнений.

После проведенного преобразующего педагогического эксперимента показатели общей физической подготовленности волейболистов с поражением опорно-двигательного аппарата выросли на статистически достоверном уровне по большинству тестов. Результаты специальной физической подготовленности также улучшились, но достигли статистически значимых различий только в тесте «передача мяча над собой». В технической подготовленности достоверные различия не были выявлены, но показатели улучшились, особенно в тесте «подача мяча в зоны» (табл. 4).

Таблица 4

Результаты тестирования технической и физической подготовленности в волейболе сидя до и после основного педагогического эксперимента, *M* ± *m*

Показатель		До эксперимента	После эксперимента	P
Нападающий удар, количество попаданий из пяти попыток	Зона № 1	3,1 ± 1,2	4,14 ± 0,69	
	Зона № 5	3,1 ± 0,9	4,71 ± 0,49	
	Зона № 6	2,8 ± 0,9	4,57 ± 0,53	
Подача мяча, количество попаданий из пяти попыток	Зона № 1	3,5 ± 0,9	4,43 ± 0,53	
	Зона № 5	3,7 ± 0,4	4,57 ± 0,53	
	Зона № 6	3,1 ± 0,6	4,28 ± 0,75	
Передача мяча над собой, кол-во раз		28,3 ± 3,9	30,0 ± 1,2	<0,05
Перемещение вдоль сетки с имитацией блока в зонах 2, 3, 4, с		11,9 ± 1,7	11,6 ± 1,4	
Перемещение по линиям площадки, с		13,4 ± 1,6	12,9 ± 1,8	
Динамометрия правой руки, кг		41,7 ± 6,7	42,7 ± 2,3	
Динамометрия левой руки, кг		40,4 ± 7,8	41,6 ± 1,9	<0,05
Сгибание-разгибание туловища, кол-во раз		26,9 ± 6,2	28,1 ± 5,4	<0,05
Бросок набивного мяча двумя руками из-за головы из положения сидя, м		6,4 ± 0,9	6,6 ± 03	<0,05

Тестирование волейболистов с ПОДА показало, что по таким показателям социально-психологической адаптации, как адаптивность и дезадаптивность, приятие и неприятие себя, других, эмоциональный комфорт и дискомфорт, а также внешний контроль различия достигли статистически значимого уровня. Заметно улучшились и другие показатели: внутренний контроль, эскапизм ($p \geq 0,05$).

Таблица 5

Показатели, отражающие социально-психическую адаптацию спортсменов с ПОДА до и после основного педагогического эксперимента, *M* ± *m*

Показатели	До эксперимента	После эксперимента	P
Адаптивность	110 ± 9	144 ± 10	<0,05
Дезадаптивность	88 ± 9	69 ± 8	<0,05
Лживость	24 ± 5	19 ± 2	
Приятие себя	44 ± 6	51 ± 3	<0,05
Неприятие себя	22 ± 5	15 ± 3	<0,05
Приятие других	24 ± 3	29 ± 2	<0,05
Неприятие других	18 ± 6	15 ± 3	<0,05
Эмоциональный комфорт	30 ± 7	34 ± 2	<0,05
Эмоциональный дискомфорт	26 ± 3	20 ± 3	<0,05
Внутренний контроль	36 ± 8	52 ± 8	
Внешний контроль	29 ± 4	23 ± 3	<0,05
Доминирование	6 ± 2	11 ± 2	
Ведомость	24 ± 4	23 ± 2	
Эскапизм (уход от проблем)	18 ± 3	22 ± 3	

Выводы

Физическая подготовленность спортсменов с ПОДА в подготовительном периоде соответствовала высокому уровню и превосходила уровень подготовленности здоровых волейболистов. Для волейболистов с ПОДА наибольшее затруднение вызывала точность попадания мяча в зону № 6 (как нападающего удара, так и подачи мяча), что косвенно свидетельствует о недостаточности дифференцировки усилий у спортсменов, которая необходима для определенного угла разворота корпуса. Тестирование ОФП выявило низкую силовую выносливость мышц брюшного пресса.

В ходе исследования нами были разработаны тесты для оценки технической и специальной физической подготовленности, исходя из специфики тренировочного процесса и квалификации спортсменов. Тесты для оценки технической подготовленности включали в себя нападающий удар и подачи в зоны; для оценки специальной физической подготовленности — передачу мяча над собой, перемещение вдоль сетки с имитацией блока в зонах № 2, 3 и 4, перемещение по линиям площадки (от лицевой линии — к линии нападения, от линии нападения — обратно к лицевой, от лицевой — к сетке и от сетки — к линии нападения, касаясь рукой линий).

При определении особенностей адаптации сердечно-сосудистой системы к физической нагрузке у здоровых волейболистов и у волейболистов с ПОДА не было выявлено достоверных различий, в результате чего можно сделать вывод, что принципы дозировки физической нагрузки и для здоровых волейболистов, и для волейболистов с ПОДА одинаковы.

Результаты преобразующего эксперимента с применением интегрированного подхода и включением учебно-интегрированной игры показали эффективность разработанной нами технологии совершенствования технической и физической подготовленности у волейболистов с поражением опорно-двигательного аппарата на этапе совершенствования спортивного мастерства. Это подтверждают достоверные изменения показателей: общей физической подготовленности (динамометрия левой руки; сгибание-разгибание туловища; бросок набивного мяча двумя руками из-за головы из положения сидя); специальной физической подготовленности (передача мяча над собой), а также улучшение психологической адаптации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всемирная организация здравоохранения. 2011 г. URL: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/

2. World Bank: Disability & HIV/AIDS (World Bank: 2004). URL: http://siteresources.worldbank.org/DISABILITY/Resources/Health-and-Wellness/HIVAIDS.pdf

3. Брискин Ю. А., Евсеев С. П., Передерий А. В. Адаптивный спорт : учебное пособие. М., 2010. 376 с.

4. Иссурин В. Б. Блоковая периодизация спортивной тренировки : монография. М. : Советский спорт, 2010. 288 с. («Спорт без границ»).

5. Is the wheelchair fencing classification fair enough? A kinematic analysis among world-class wheelchair fencers / Ying-ki Fung, Derwin King-Chung Chan, Kim M. Caudwell, Bik-chu Chow // European Journal of Adapted Physical Activity. 2013. Vol. 6. No. 1. Pp. 17–29.

6. Lewis C., Sygall S. Loud, Proud and Passionate: Including Women with Disabilities in International Development Programmes. Oregon : MIUSA, 1997.

7. Link B., Phelan J. On Stigma and its Public Health Implications // The Lancet. 2006. 367. Pp. 528–529.

8. Жиленкова В. П. Организационные основы адаптивной физической культуры инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата : учеб. пособие / под ред. С. П. Евсеева ; СПб ГАФК им. П. Ф. Лесгафта. СПб., 2001. 83 с.

9. Thematic Paper: Disability Inclusive Physical Activity and Sport in the Post 2015 Development Agenda and Sustainable Development Goals, Global Partnership on Children with Disabilities. GPcwd Task Force on Physical Activity and Sport (May 2015). URL: http://www.gpcwd.org/uploads/2/6/0/9/26097656/gpcwd_thematic_paper_on_physical_activity.pdf

10. Инновационные технологии адаптивной физической культуры, физической культуры и спорта в практике работы с инвалидами и другими маломобильными группами населения : учеб. пособие / под общ. ред. проф. С. П. Евсеева. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Галея принт, 2013. 276 с.

11. Свод правил по медицинской и функциональной классификации в волейболе (Руководство по классификации) / пер. с англ. Г. З. Идрисовой, А. В. Сухова. М., 2013. 143 с.

12. Налобина А. Н. Методика рационального сочетания спортивных и реабилитационных упражнений на тренировочных занятиях у волейболистов с поражением опорно-двигательного аппарата // Специальные образовательные условия и качество профессиональной подготовки лиц с ограниченными возможностями здоровья : сборник трудов науч.-практич. конф. с международным участием. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. С. 164–166.

13. Волейбол для лиц с нарушением в состоянии здоровья (волейбол в положении сидя) : учеб.-метод. пособие / В. М. Скляров, И. А. Петров, И. Н. Иванов, Л. П. Игнатова. Волгоград : ФГБОУ ВПО «ВГАФК», 2015. 96 с.

14. Железняк Ю. Д., Чачин А. В., Сыромятников Ю. П. Волейбол: примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва. М. : Советский спорт, 2005. 110 с.

15. Евсеев С. П., Шапкова Л. В. Адаптивная физическая культура : учеб. пособие. М. : Советский спорт, 2000. 240 с.

REFERENCES

1. World Health Organization 2011. URL: http://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report/ru/

2. World Bank: Disability & HIV/AIDS (World Bank: 2004). URL: http://siteresources.worldbank.org/DISABILITY/Resources/Health-and-Wellness/HIVAIDS.pdf

3. Briskin Yu. A., Evseev S. P., Peredery A. V. Adaptive sports; textbook. M., 2010. 376 p.

4. Issurin V. B. Block classification of sport training; monograph. M.: Soviet sports, 2010. 288 p. (“Sports without boundaries”).

5. Is the wheelchair fencing classification fair enough? A kinematic analysis among world-class wheelchair fencers / Ying-ki Fung, Derwin King-Chung Chan, Kim M. Caudwell, Bik-chu Chow // European Journal of Adapted Physical Activity. 2013. Vol. 6. No. 1. Pp. 17–29.

6. Lewis C., Sygall S. Loud, Proud and Passionate: Including Women with Disabilities in International Development Programmes. Oregon : MIUSA, 1997.

7. Link B., Phelan J. On Stigma and its Public Health Implications // The Lancet. 2006. 367. Pp. 528–529.

8. Zhilenkov V. P. Organizational fundamentals of adaptive physical culture of handicapped: textbook / under general editorship S. P. Evseev; SPb GAFK named after P.F. Lesgaft. SPb., 2001. 83 p.

9. Thematic Paper: Disability Inclusive Physical Activity and Sport in the Post 2015 Development Agenda and Sustainable Development Goals, Global Partnership on Children with Disabilities. GPcwd Task Force on Physical Activity and Sport (May 2015). URL: http://www.gpcwd.org/uploads/2/6/0/9/26097656/gpcwd_thematic_paper_on_physical_activity.pdf

10. Innovation technologies of adaptive physical culture and sports while working with handicapped and other disabled people; textbook / under general editorship of prof. S.P. Evseev. 3rd edition, revised and amended. SPb: Galey print, 2013. 276 p.

11. Code of rules of medical and functional classification in volleyball (Guidelines for classification) / translation from English by G. Z. Idrisova, A. V. Sukhov. M., 2013. 143 p.

12. Nalobina A. N. Method of rational combination of sport and rehabilitation exercises for training physically impaired volleyball players // Special educational conditions and quality of professional training of handicapped people: collection of the scientific works of the international conference. Novosibirsk: NGTU publishing, 2015. C. 164–166.

13. Volleyball for handicapped people (sitting volleyball): textbook / V. M. Sklyarov, I. A. Petrov, I. N. Ivanov, L. P. Ignatov. Volgograd : FSBEI of HPE “VSAPC”, 2015. 96 p.

14. Zheleznyak Yu. D., Chachin A. V., Syromyatnikov Yu. P. Volleyball: approximate program of sport training for the youth sport schools, special youth schools of olympic reserve. M. : Soviet sports, 2005. 110 c.

15. Evseev S. P., Shapkova L. V. Adaptive physical culture; textbook. M. : Soviet sports, 2000. 240 p.

Как цитировать статью: Налобина А. Н. Интегрированный подход в процессе спортивной подготовки лиц с поражением опорно-двигательного аппарата (на примере волейбола сидя) // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 386–391. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.443.

For citation: Nalobina A. N. Integrated approach in the process of sport training of the physically impaired people (on an example of sitting volleyball) // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 386–391. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.443.

УДК 796.799
ББК 75.7

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.447

Rybin Rustam Evgenyevich,
Lecturer of the Department of Theory
and Technique of Swimming,
Siberian State University of Physical Culture and Sport,
Omsk,
e-mail: russia27@mail.ru

Babushkin Gennadii Dmitrievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department
of Theory and Technique of Physical Culture and Sports,
Siberian State University
of Physical Culture and Sports,
Omsk,
e-mail: gena41@mail.ru

Рыбин Рустам Евгеньевич,
преподаватель кафедры теории и методики плавания,
Сибирский государственный университет
физической культуры и спорта,
г. Омск,
e-mail: russia27@mail.ru

Бабушкин Геннадий Дмитриевич,
д-р пед. наук, профессор кафедры
теории и методики физической культуры и спорта,
Сибирский государственный университет
физической культуры и спорта,
г. Омск,
e-mail: gena41@mail.ru

ПРЕДСОРЕВНОВАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ПЛОВЦОВ-СПРИНТЕРОВ

PRECOMPETITIVE TRAINING OF THE HIGHLY SKILLED SWIMMERS-SPRINTERS

13.00.04 – Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры
13.00.04 – Theory and a technique of physical training, a sports training, improving and adaptive physical culture

В статье представлено исследование соревновательной деятельности пловцов-спринтеров высокой квалификации, свидетельствующее о низкой результативности. Определены факторы, обусловливающие результативность соревновательной деятельности пловцов: недостаточно развитые психологические качества пловцов, нерациональное планирование нагрузки (объема и интенсивности) на предсоревновательном этапе, нерациональное распределение сил на дистанции. Представлены разработанные нами содержание и методика предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров высокой квалификации, включающие специальную, психологическую и тактическую подготовку пловцов. Проведение двух педагогических экспериментов при подготовке к соревнованиям показало существенное преимущество в результативности соревновательной деятельности пловцов экспериментальной группы над пловцами контрольной группы.

The results of research of effectiveness of competitive activity of swimmers-sprinters of high qualification demonstrating low effectiveness are presented in the article. The factors causing effectiveness of competitive activity of swimmers are defined: insufficiently developed psychological qualities of swimmers; not rational planning of loading (volume and intensity) at a precompetitive stage; not rational distribution of forces to distances. The content and a technique of precompetitive training of swimmers-sprinters of high qualification developed by us are submitted, which include special, psychological and tactical training of swimmers. Carrying out two pedagogical experiments by preparation for competitions has shown essential advantage of effectiveness of competitive activity of swimmers of experimental group over the swimmers of the control group.

Ключевые слова: предсоревновательная подготовка, модель, пловцы высокой квалификации, результативность деятельности, психологическая и специальная подготовка, тактика.

Keywords: precompetitive preparation, model, swimmers of high qualification, effectiveness of activity, psychological and special preparation, tactics.

Введение

С повышением уровня мастерства учет индивидуальных особенностей спортсмена, а также совершенствование содержания специальной и психологической подготовки пловцов в предсоревновательном мезоцикле становятся дополнительными резервами для успешного выступления спортсменов на соревнованиях и дальнейшего прогресса [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Значение персонального воздействия на спортсмена с учетом его состояния возрастает с момента приближения соревнования [7; 8]. В предсоревновательном мезоцикле существенных качественных сдвигов в подготовке спортсмена уже не происходит, поскольку вся работа завершена ранее, и главной задачей является восстановление от нагрузок, повышение скорости и психоэмоциональная разгрузка, создание готовности к старту. У спортсмена должно появиться желание выступить на соревнованиях, бороться за рекордный результат. При этом важным является рациональное использование средств специальной и психологической подготовки спортсменов в предсоревновательном мезоцикле [9; 10].

Объективные требования современной соревновательной деятельности к специальной и психологической подготовленности спортсменов и проявлению индивидуальных качеств, с одной стороны, и недостаточная разработанность теоретико-методических основ предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров высокой квалификации в части содержания средств специальной, психологической и тактической подготовки, с другой, являются противоречием, позволившим сформулировать **проблему настоящего исследования**, заключающуюся в поиске направлений, средств и методов совершенствования предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров.

Анализ степени изученности проблемы предсоревновательной подготовки пловцов свидетельствует о ряде вопросов, требующих решения. Важным вопросом являются содержание и методика предсоревновательной подготовки спортсменов, которые во многом определяют успешность выступления на предстоящем соревновании. В этой связи разработка обозначенной проблемы считается целесообразной.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующем: показана недостаточно высокая результативность соревновательной деятельности высококвалифицированных пловцов; выявлены факторы, обусловливающие результативность соревновательной деятельности пловцов-спринтеров высокой квалификации; разработана концептуальная модель предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров высокой квалификации.

Теоретическая значимость заключается в дополнении положений теории спортивной тренировки новыми данными относительно структуры и содержания предсоревновательной подготовки пловцов высокой квалификации.

Практическая значимость полученных результатов заключается в разработке содержания и методики предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров высокой квалификации, включающей специальную, психологическую и тактическую подготовки. Эффективность разработанной методики доказана в двух педагогических экспериментах, что позволяет рекомендовать ее в практику.

Цель исследования — теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность содержания и методики предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров высокой квалификации.

Гипотеза исследования. Предполагается, что проявление оптимального предстартового состояния и повышение результативности соревновательной деятельности пловцов-спринтеров высокой квалификации возможно, если:

— содержание психологической подготовки пловцов построено на основе использования психологических тренингов (регулирующих, моделирующих, релаксирующих), способствующих созданию готовности спортсмена к соревнованию;

— содержание специальной подготовки пловцов-спринтеров построено на основе волнообразной модели сужения нагрузки, формирования отставленного тренировочного эффекта, с учетом принципа ундуляции при планировании тренировочных нагрузок в микроциклах, смены основной направленности нагрузок в микроциклах;

— тактическая подготовка построена с учетом тактики проплывания спринтерской дистанции 100 м ведущими пловцами мира.

Задачи исследования:

1) выявить результативность соревновательной деятельности пловцов-спринтеров высокой квалификации и факторы, ее определяющие;

2) определить эффективность психологической подготовки пловцов-спринтеров к соревнованиям;

3) разработать содержание и методику предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров высокой квалификации.

Основная часть

Методы исследования: анализ специальной литературы, документов, протоколов соревнований; тестирование; педагогический эксперимент; методы математической статистики. Исследование проводилось с 2014 по 2018 гг. на базе Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. В исследовании приняли участие пловцы, имеющие квалификацию КМС (24), МС (14), МСМК (3). Пловцы принимали участие в ряде соревнований высокого ранга (первенство Сибирского федерального округа, Кубок России, чемпионат России).

Результаты исследования. На первом этапе исследования нами была проанализирована результативность соревновательной деятельности высококвалифицированных пловцов-спринтеров, величина и характер нагрузки в предсоревновательном мезоцикле, выявлена сформированность ряда психологических качеств, характеризующих психологическую подготовленность пловцов. Для исследования результативности соревновательной деятельности пловцов-спринтеров были проанализированы результаты выступления сборной команды Омской области на всероссийских соревнованиях. В исследовании приняли участие 16 пловцов-спринтеров, выступающих на соревнованиях: чемпионат России, г. Москва, 2014 г., Кубок России, г. Руза, 2014 г.

На чемпионате России (г. Москва) пловцы выступили с результативностью соревновательной деятельности, равной 49 % на основных дисциплинах и 46 % — на всех дистанциях основным способом плавания. Подготовка пловцов осуществлялась именно для данных соревнований, и спортсмены должны были достигнуть пика своих возможностей именно на этих стартах. Однако это произошло не у всех спортсменов.

Анализ результатов пловцов, выступающих на Кубке России (г. Руза), показал, что не все пловцы реализовали накопленный потенциал и смогли установить личные рекорды. Спортсмены показали низкую результативность, составившую 20 % на всех дистанциях основным способом и 13 % — на профилирующих дисциплинах. Старт проходил в середине лета и завершал спортивный сезон, поэтому не возникало необходимости для полноценного рабочего цикла, однако поддерживающие нагрузки в предсоревновательной подготовке позволили некоторым пловцам продемонстрировать личные рекорды, что говорит о целесообразности заблаговременного снижения нагрузок именно для этих спортсменов. Низкие показатели результативности соревновательной деятельности пловцов на главных соревнованиях сезона указывают на необходимость поиска причин и путей их устранения при построении предсоревновательной подготовки.

Анализируя распределение нагрузки в предсоревновательном мезоцикле при подготовке к чемпионату России, мы наблюдаем отсутствие динамики в середине первой недели, объясняющееся проведением соревнований и небольшой разгрузкой перед стартом. В начале второй недели присутствует увеличение нагрузки в субмаксимальной зоне мощности, вызванное тестовыми заданиями. Увеличение можно считать оправданным, так как проведение такой работы необходимо в процессе подготовки к соревнованиям. Дальнейшее снижение работы в субмаксимальной зоне мощности и увеличение работы в зоне умеренной мощности показывает, что характер нагрузок сместился в сторону восстановления. Высокие показатели в этом компоненте достигаются не объемными заданиями на предельной скорости, а короткими отрезками с максимальной интенсивностью на протяжении всего занятия.

К началу третьей недели предсоревновательного мезоцикла наблюдается снижение уровня максимальной нагрузки и увеличение работы в зоне умеренной мощности. Включение тестовых заданий в последнем микроцикле предсоревновательной подготовки значительно повышает энергозатраты и психическую нагрузку, что неприемлемо для периода полного восстановления перед основным стартом сезона. Об этом свидетельствуют результаты выступления пловцов на соревнованиях.

Мы полагали, что низкая результативность соревновательной деятельности пловцов может быть обусловлена недостаточно сформированными психологическими качествами, характеризующими психологическую подготовленность спортсменов к соревнованию. Для проверки этого предположения нами было проведено тестирование спортсменов с использованием ряда методик [11, 12]. Анализ результатов тестирования компонентов психологической подготовленности показал следующее:

— мыслительная деятельность пловцов-спринтеров находится на среднем уровне, только четыре спортсмена из 13 имеют высокий показатель;

— мотивационное состояние спортсменов находится на среднем уровне, а у четырех пловцов выявлены низкие показатели этой составляющей;

— способность к психорегуляции имеет средние и низкие показатели;

— помехоустойчивость пловцов-спринтеров находится на среднем и высоком уровне;

— сила характера у спортсменов находится на среднем и высоком уровне;

— уровень мотивации достижения успеха имеет высокий уровень во всей обследуемой группе.

Из всей группы пловцов было выделено две группы в зависимости от успешности выступления на соревнованиях: спортсмены первой группы выполнили заявочные результаты, спортсмены второй группы не выполнили заявочные результаты. Для спортсменов первой группы характерен высокий и средний уровень сформированности психологических качеств, для спортсменов второй группы характерен средний и низкий уровень сформированности психологических качеств. Таким образом, на основе сопоставления сформированности психологических качеств и результатов выступления пловцов на соревнованиях можно утверждать существенное влияние изученных качеств, характеризующих психологическую подготовленность, на предстартовое состояние и деятельность спортсменов на соревнованиях.

Мы полагаем, что тактика проплывания дистанции является значимым фактором, влияющим на результативность соревновательной деятельности пловцов высокой квалификации. Для определения тактики проплывания дистанции 100 м сильнейшими пловцами мира были проанализированы результаты крупнейших соревнований: чемпионата России 2017 г. (Москва), Олимпийских игр 2016 г. (Рио-де-Жанейро) и чемпионата мира 2017 г. (Будапешт). Для выявления оптимальной тактики преодоления дистанции мы рассмотрели время проплывания первой и второй половины дистанции, а также разницу времени между частями дистанции. Были рассмотрены все способы плавания, так как для каждого из них может быть специфическая тактика распределения сил (табл. 1).

Целью тактического преодоления дистанции является рациональное распределение сил спортсмена, которое позволит ему реализовать накопленный потенциал. Определение «временных коридоров» для успешного прохождения дистанции говорит о том, что тактическое распределение сил по дистанции является чрезвычайно важным компонентом для достижения наилучшего результата.

Таблица 1

«Временные коридоры» для успешного прохождения дистанции 100 м

Стиль плавания	Первые 50 м, %	Вторые 50 м, %	+/–, с
Баттерфляй	$46{,}7 \le x \le 47{,}2$	$52{,}8 \le x \le 53{,}3$	$+2{,}7 \le x \le +3{,}3$
На спине	$48{,}4 \le x \le 48{,}9$	$51{,}1 \le x \le 51{,}6$	$+1{,}2 \le x \le +1{,}7$
Брасс	$46{,}4 \le x \le 47{,}4$	$52{,}6 \le x \le 53{,}6$	$+2{,}6 \le x \le +4{,}3$
Вольный стиль	$47{,}3 \le x \le 48{,}3$	$51{,}9 \le x \le 52{,}7$	$+1{,}7 \le x \le +2{,}6$

Сравнительный анализ тактики проплывания дистанции 100 м пловцами экспериментальной группы с пловцами, выступающими на ЧМ и ОИ, позволяет говорить о нерациональном распределении сил на дистанции омских пловцов, выходящем за пределы «временных коридоров», что может являться фактором неуспешного выступления спортсменов.

Таким образом, анализ выступления пловцов-спринтеров Омской области на основных соревнованиях сезона, а также содержания предсоревновательной подготовки позволяет сделать вывод о возможных причинах низкой результативности соревновательной деятельности, в числе которых:

— средние и низкие показатели психологических свойств личности, характеризующих психологическую подготовленность пловцов.

— однонаправленность содержания микроциклов в предсоревновательной подготовке;

— нерациональное распределение сил на дистанции;

— отсутствие заблаговременного снижения общего объема тренировочной нагрузки и заданий со значительными функциональными сдвигами к началу соревнования.

Средние и низкие показатели ключевых компонентов психологической подготовленности спортсмена являются предпосылкой для создания психологической предсоревновательной подготовки. Выявление недостатков при построении специальной предсоревновательной подготовки, в значительной степени определивших низкую результативность соревновательной деятельности, послужило необходимым условием для планирования содержания специальной предсоревновательной подготовки, построенной с использованием волнообразной модели сужения нагрузки, принципа ундуляции при построении нагрузок в микроцикле и мезоцикле, при формировании отставленного тренировочного эффекта [13].

На основе результатов проведенного исследования и анализа специальной литературы нами были разработаны содержание и методика предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров (см. рисунок на стр. 395).

Рисунок. Концептуальная модель предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров высокой квалификации

Для проверки ее эффективности было проведено два педагогических эксперимента при подготовке пловцов к двум чемпионатам Сибирского федерального округа (г. Барнаул, 2017 и г. Абакан, 2018).

В эксперименте приняли участие две группы пловцов, экспериментальная и контрольная группы по восемь человек в каждой. При работе с экспериментальной группой в содержание предсоревновательной подготовки мы включили специальную, психологическую и тактическую подготовки. Специальная подготовка предусматривала рациональное планирование объема и интенсивности нагрузки с целью создания физической подготовленности к соревнованию; психологическая подготовка была направлена на развитие психологических качеств, обусловливающих создание предстартового состояния, и успешность соревновательной деятельности; тактическая подготовка была направлена на рациональное распределение сил на дистанции.

На основе анализа литературы и проведенных тестирований нами был составлен комплекс психологических тренингов для психологической подготовки высококвалифицированных пловцов к соревнованиям (рис.).

Специальная подготовка пловцов осуществлялась согласно разработанной концептуальной модели (рис.). На протяжении предсоревновательной подготовки спортсмены выполняли тестовые задания, в числе которых была соревновательная дистанция 100 м. Для рационального распределения сил между первой и второй частями дистанции спортсменам были даны рекомендации согласно выявленным «временным коридорам» (см. табл. 1 на стр. 394).

Регистрация времени проплывания 50-метровых отрезков позволила скорректировать тактическую модель пловцов для успешного проплывания дистанции. Модель построения тренировочных заданий специальной подготовки в микроциклах представлена в табл. 2 на стр. 396.

Таблица 2

Распределение суммарной нагрузки в микроциклах при подготовке к чемпионатам СФО (г. Барнаул и г. Абакан), %

Зоны мощности	Контрольная группа				Экспериментальная группа			
	Микроцикл							
	1	2	3	4	1	2	3	4
Умеренная	26	32	28	39	24	54	35	57
Большая	65	46	51	46	58	30	49	26
Субмаксимальная	3	15	14	9	14	5	11	8
Максимальная	6	7	7	6	4	11	5	9
Объем, м	41 100	41 660	38 320	20 350	42 600	27 450	32 600	18 150

Первый микроцикл — шоковый, включает в себя наибольший объем работы (по сравнению с предыдущим микроциклом) в предсоревновательном мезоцикле и нагрузку, направленную на проработку большой и субмаксимальной зон мощности. Ресурс времени позволяет в данном микроцикле решать задачи увеличения энергоемкости аэробной лактатной и алактатной, а также анаэробной лактатной систем. Большинство рабочих серий и тестовых заданий выполняется в большой и субмаксимальной зонах мощности, что делает этот микроцикл самым сложным для спортсменов. Динамика нагрузки имеет волнообразное движение (ундуляцию) на протяжении всего микроцикла практически во всех зонах мощности.

Второй микроцикл — восстановительный, имеющий противоположную направленность, демонстрирует доминирование работы в зоне умеренной и большой зон мощности. Главная задача этого микроцикла — полное физическое и психологическое восстановление от нагрузки предшествующего микроцикла. Плавный переход к работе другого характера был проведен в первые два занятия. Начиная с 3-го занятия второго микроцикла проводится интегральная подготовка. Микроцикл характеризуется снижением общего объема работы на 40 %, что позволяет более эффективно завершить восстановление после шокового микроцикла. Одновременно с этим увеличивается нагрузка, выполняемая в максимальной зоне мощности, которая выражается в спринтерских заданиях, прорабатывающих, в основном, анаэробную алактатную систему энергообеспечения. Нагрузка является самой щадящей, и она не противоречит основной направленности данного микроцикла. Некоторые задания, направленные на проработку анаэробной лактатной системы энергообеспечения, сопровождались увеличением объема работы в зоне умеренной мощности для предотвращения возникновения сильного утомления. В этом микроцикле у пловцов начинает формироваться желание соревноваться.

Третий микроцикл — ударный. Направленность этого микроцикла схожа с первым, однако приближение основного старта исключает планирование значительных функциональных сдвигов у спортсменов. Увеличение общего объема работы по сравнению с предыдущим микроциклом говорит об уходе от общепринятой модели планомерного сужения. В микроцикле выполняются последние тестовые задания специальной направленности и завершается интегральная подготовка. Восстановленные спортсмены работают с высокой отдачей в основных зонах мощности, что позволяет эффективней использовать задания с соревновательными скоростями. Снижение тренировочных занятий до 10 было продиктовано наличием проходящих соревнований в начале последнего микроцикла.

Четвертый микроцикл — восстановительный. Снижение общего объема работы, полное физическое и психологическое восстановление, совершенствование скоростных способностей — вот основные условия построения нагрузки в данном микроцикле. Снижение нагрузки в большой зоне мощности и практически абсолютное преобладание работы в зоне умеренной мощности характеризует завершающий этап подготовки. Заблаговременное снижение общего объема работы и заданий специальной направленности позволяет спортсменам подойти к соревнованиям в свежем состоянии и с желанием продемонстрировать результаты проделанной работы.

Заметное снижение общего объема работы во втором микроцикле и его увеличение в третьем у пловцов экспериментальной группы отражает одну из основных особенностей волнообразного сужения. Прослеживается основная направленность каждого микроцикла в обеих группах. Снижение нагрузки в субмаксимальной зоне мощности у контрольной группы наблюдается лишь в последнюю неделю, как и значительное увеличение заданий умеренной мощности. Подобное распределение нагрузки характерно для линейного сужения.

В таблицах 3 и 4 представлены средние значения очков, набранных пловцами экспериментальной и контрольной групп по таблице ФИНА, для каждой дистанции, свидетельствующие о существенном преимуществе по набранным очкам пловцов экспериментальной группы.

Таблица 3

Средние значения очков ФИНА контрольной и экспериментальной групп на дистанциях чемпионата СФО, г. Барнаул

Группа	Очки заявки			Очки результата			Общие очки		*p*
	50 м	100 м	200 м	50 м	100 м	200 м	заявка	результат	
Контрольная	566 ± 36	572 ± 46	557 ± 48	568 ± 41	588 ± 50	560 ± 66	565	570 (+5)	>0,05
Экспериментальная	520 ± 61	530 ± 56	561 ± 29	523 ± 70	561 ± 63	597 ± 35	535	558 (+23)	<0,05

Таблица 4

Средние значения очков ФИНА контрольной и экспериментальной групп на дистанциях чемпионата СФО, г. Абакан

Группа	Очки заявки			Очки результата			Общие очки		*p*
	50 м	100 м	200 м	50 м	100 м	200 м	заявка	результат	
Контрольная	590 ± 40	622 ± 28	584 ± 45	575 ± 31	584 ± 39	570 ± 52	600	577 (–23)	<0,05
Экспериментальная	527 ± 54	545 ± 53	521 ± 85	545 ± 36	565 ± 42	550 ± 74	532	554 (+22)	<00,5

На соревнованиях в Барнауле пловцы контрольной группы принимали участие в 22 стартах на основных дистанциях, в 11 из которых смогли установить личные рекорды, что соответствует 50 % результативности соревновательной деятельности (табл. 5). Спортсмены экспериментальной группы принимали участие в 19 стартах основным способом плавания, 14 из которых закончились установлением личного рекорда. Результативность соревновательной деятельности пловцов экспериментальной группы составила 74 % в Барнауле и 73 % в Абакане. Результативность пловцов контрольной группы при выступлении на обоих соревнованиях значительно ниже ($p < 0,05$), чем в экспериментальной группе (табл. 5). Успешное выступление пловцов экспериментальной группы находит отражение и в увеличении средних очков по всем дистанциям основным способом плавания на обоих соревнованиях (табл. 3 и 4).

Таблица 5

Результативность соревновательной деятельности пловцов экспериментальной и контрольной групп на соревнованиях, %

Группа	СФО (г. Барнаул)	СФО (г. Абакан)
Экспериментальная	74	73
Контрольная	50	18
p	<0,05	<0,05

Заключение

Выявлена низкая результативность соревновательной деятельности пловцов-спринтеров высокой квалификации, находящаяся в пределах 13–49 %. Факторами, определяющими низкую результативность соревновательной деятельности пловцов, являются: 1) недостаточно развитые психологические качества, характеризующие психологическую подготовленность спортсменов; 2) нерациональное планирование специальной подготовки в предсоревновательном мезоцикле; 3) нерациональное распределение сил на дистанции.

Разработаны содержание и методика предсоревновательной подготовки пловцов-спринтеров, включающие: 1) специальную подготовку, предусматривающую рациональное планирование объема и интенсивности нагрузки с целью создания физической подготовленности к соревнованию; 2) психологическую подготовку, направленную на развитие психологических качеств, обусловливающих создание предстартового состояния и успешность соревновательной деятельности; 3) тактическую подготовку, направленную на рациональное распределение сил на дистанции.

Проведение двух педагогических экспериментов при подготовке к двум чемпионатам Сибирского федерального округа (Барнаул, 2017 г. и Абакан, 2018 г.) показало существенное преимущество пловцов экспериментальной группы над контрольной группой по выполнению заявочных результатов и по набранным очкам при выступлении на соревнованиях и подтвердило выдвинутую гипотезу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев А. В. Преодолей себя: психическая подготовка в спорте. Ростов на/Д : Феникс, 2006. 192 с.
2. Малкин В. Р. Формирование психической соревновательной надежности спортсмена // Спортивный психолог. 2004. № 2. С. 33–36.
3. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. М. : Советский спорт, 2010. 340 с.
4. Платонов В. Н. Периодизация спортивной тренировки. Общая теория и ее практическое применение. Киев : Олимпийская литература, 2013. 478 с.
5. Сопов В. Ф. Психические состояния в напряженной профессиональной деятельности. М. : Академический проект, 2005. 126 с.
6. Спортивная психология / под ред. Г. Д. Бабушкина. Омск : СибГУФК, 2012. 416 с.
7. Бабушкин Г. Д., Яковлев Б. П. Психологическое обеспечение подготовки спортсменов в системе многолетней спортивной тренировки. Новосибирск : Сибпринт, 2018. 320 с.
8. Иванов А. А. Психология чемпиона. Работа спортсмена над собой. М. : Советский спорт, 2012. 112 с.
9. Bompa T. O. Periodization training for sports. Buzzichelli Champaign, IL : Human kinetics, 2015. 392 p.
10. Bowman B. Tapering world champion swimmers // Tapering and speaking for optimal performance / I. Mujika. Champaign : Human kinetics, 2009. Pp. 123–130.
11. Бабушкин Г. Д., Диких К. В. Интеллектуально-психологическая подготовка спортсмена. Омск : СибГУФК, 2013. 240 с.
12. Бабушкин Г. Д. Психодиагностика личности при занятиях физической культурой и спортом. Омск : СибГУФК, 2012. 328 с.
13. Фискалов В. Д., Черкашин В. П. Теоретико-методические аспекты практики спорта. М. : Спорт, 2016. 650 с.

REFERENCES

1. Alekseev A. V. Overcome yourself: Mental preparation in sport. Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. 192 p. (In Russ.).
2. Malkin V. R. Formation of mental competitive reliability of the athlete // Sports psychologist. 2004. No.2. Pp. 33–36. (In Russ.).
3. Matveev L. P. General theory of sports and its applied aspects. M.: Sovetsky Sport, 2010. 340 p. (In Russ.).
4. Platonov V. N. Classification of sport training. General theory and its practical application. Kiev: The Olympic literature, 2013. 478 p. (In Russ.).
5. Sopov V. F. Mental states in intense professional activity. M.: Academic project, 2005. 126 p. (In Russ.).
6. Babushkin G. D. (ed.). Sports psychology. Omsk: SibGUFK, 2012. 416 p. (In Russ.).
7. Babushkin G. D., Yakovlev B. P. Psychological ensuring of training of the athletes in the system of the long-term sport training. Novosibirsk: Sibprint, 2018. 320 p. (In Russ.).
8. Ivanov A. A. Psychology of the champion. Self-training of the athlete. M.: Sovetsky Sport, 2012. 112 p. (In Russ.).
9. Bompa T. O. Periodization training for sports. Buzzichelli Champaign, IL: Human kinetics, 2015. 392 p.
10. Bowman B. Tapering world champion swimmers // Mujika I. Tapering and peaking for optimal performance. Champaign : Human kinetics, 2009. Pp. 123–130.
11. Babushkin G. D., Dikikh K. V. Intellectual and psychological training of the athlete. Omsk: SibGUFK, 2013. 240 p. (In Russ.).
12. Babushkin G. D. Psycho-diagnostics of the personality during physical culture and sports activities. Omsk: SibGUFK, 2012. 328 p. (In Russ.).
13. Fiskalov V. D., Cherkashin V. P. Theoretical-methodological aspects of sports practice. M.: Sport, 2016. 650 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Рыбин Р. Е., Бабушкин Г. Д. Предсоревновательная подготовка высококвалифицированных пловцов-спринтеров // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 392–398. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.447.

For citation: Rybin R. E., Babushkin G. D. Precompetitive training of the highly skilled swimmers-sprinters // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 392–398. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.447.

УДК 378.4
ББК 74.489

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.405

Tareva Elena Genrikhovna,
doctor of pedagogical sciences, professor,
head of the department of french language
and linguodidactics,
Institute of Foreign Languages,
Moscow City University,
Moscow,
e-mail: elenatareva@mail.ru

Тарева Елена Генриховна,
д-р пед. наук, профессор,
заведующий кафедрой французского языка
и лингводидактики
института иностранных языков,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва,
e-mail: elenatareva@mail.ru

Vikulova Larisa Georgievna,
doctor of philology, professor,
professor of roman philology department,
Institute of Foreign Languages,
Moscow City University,
Moscow,
e-mail: vikulovalg@mail.ru

Викулова Лариса Георгиевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры романской филологии
института иностранных языков,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва,
e-mail: vikulovalg@mail.ru

Makarova Irina Vladimirovna,
senior researcher,
associate professor of the department of french language
and linguodidactics,
Institute of Foreign Languages,
Moscow City University,
Moscow,
e-mail: pogosovai@mail.ru

Макарова Ирина Владимировна,
старший научный сотрудник,
доцент кафедры французского языка
и лингводидактики
института иностранных языков,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва,
e-mail: pogosovai@mail.ru

ИННОВАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КЕЙСОВ ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

INNOVATIVE MODELING OF CASES ON INTERCULTURAL COMMUNICATION

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания
13.00.02 – Theory and methodology of teaching and upbringing

Статья посвящена описанию новых подходов в подготовке выпускников вузов к жизни в стремительно развивающемся постиндустриальном мире больших возможностей, цифровой экономики, жесточайшей конкуренции, проявляющейся на всех уровнях жизнедеятельности государства и общества. Предмет исследования: проблемные

ситуации межкультурной коммуникации как основа (материал) для создания специализированных учебных кейсов. Цель статьи: обосновать значимость кейс-метода как новой стратегии воздействия на личность студента, обеспечивающей его готовность к участию в сложных (конфликтных) ситуациях межкультурного взаимодействия. Методы и методология исследования: на основе применения методов теоретического и эмпирического анализа обосновывается новая направленность кейс-метода — на преодоление межкультурных конфликтов — сложных ситуаций взаимодействия представителей разных государств, ситуаций, отягощенных непониманием, неприятием позиции друг друга. Результаты исследования: дается описание инновационной модели проектирования кейсов по межкультурной коммуникации, обеспечивающих готовность студентов выйти из затруднительных конфликтных ситуаций межкультурного общения. На основе опроса субъектов образовательного процесса (студентов и преподавателей) выявлен спектр сфер межкультурного взаимодействия, которые характеризуются наибольшей потенциальной конфликтогенностью и сложностью для ведения диалога. Предлагается набор ситуаций межкультурной коммуникации, необходимых для целенаправленной отработки при обучении студентов иностранному языку. Приводится экспликация функций, компонентов, характеристик кейсов по межкультурной коммуникации, приводится пример малоформатных кейсов. Область применения результатов: разработанные кейсы могут быть применены в процессе совершенствования иноязычной подготовки студентов российских вузов. Статья может вызвать интерес у исследователей проблем межкультурной коммуникации. Направления будущих исследований: разработка кейсов-сценариев по проблемам межкультурной коммуникации для создания электронной образовательной среды для подготовки студентов к участию в диалоге культур.

The article is aimed at description of approaches to preparation of the university graduates for life in the rapidly developing postindustrial world of great opportunities, in digital economy, the fierce competition manifested at all levels of the state and society. The subject of the research: the Cases of intercultural communication as a basis (material) for designing of specialized Case-studies. The aim of the paper is to represent the significance of Case method as a new strategy for influencing the personality of a student, ensuring readiness to participate in complicated situations of intercultural interaction. The methods and methodology of the research: on the basis of application of the methods of theoretical and empirical analysis the authors give the grounds for innovative trends of Case method — its focus on overcoming intercultural conflicts — complicated situations of interaction between representatives of different states, the situations that are characterized by mutual misunderstanding and rejection of each other's positions. The results of the research: the article describes the innovative model of designing Cases for intercultural communication, which ensure the readiness of students to get out of difficult conflict situations of intercultural communication. The survey conducted among students and teachers, represents the spectrum of spheres of intercultural interaction that are characterized by the greatest potential of conflict sensitivity and complexity for dialogue. A set of situations of intercultural communication, necessary for purposeful analysis while teaching students to a foreign language, is listed. The explication of functions, components, characteristics of Cases on intercultural communication is given, with examples of small-format Cases. The obtained results can be applied in the process of improving foreign language teaching of students of Russian universities. The article may be of interest to the researchers of intercultural communication problems. The prospects for future research: design of Case-studies on the problems of intercultural communication to develop an electronic educational environment for training students to participate in the dialogue of cultures.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, диалог культур, подготовка к межкультурной коммуникации, межкультурный конфликт, опросник, проблемные сферы межкультурной коммуникации, кейс, кейс-метод, модель кейса, модель проектирования кейса.

Key words: foreign language teaching, dialogue of cultures, preparation for intercultural communication, intercultural conflict, surveys, problem areas of intercultural communication, Case, Case method, Case model, model of Case design.

Введение

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы вызвана углублением глобализационных процессов, их многовекторной и разновариантной реализацией, которая, помимо объективно позитивных результатов, достигнутых к настоящему времени, одновременно провоцирует осложнение международных контактов, проблемный, а часто конфликтный характер взаимодействия представителей различных культур, разных ценностей и приоритетов. Актуальность конфликтного поведения в процессе коммуникации встала перед Россией особо остро в последнее время, когда отечественные специалисты должны отражать информационные атаки на международной арене, представляя миру достойный и сильный образ России и формируя благоприятное общественное мнение других государств о стране.

На сформировавшиеся актуальные вызовы современности стремится найти достойный и быстрый ответ отечественная системы высшего образования, в недрах которой должны быть сформированы перспективные направления, предопределяющие новые обучающие тренды в контексте идеологии новой постнеклассической человекоориентированной (антропоцентрической) парадигмы. Следуя новым формулам социального заказа, выпускники вузов должны быть готовы, помимо традиционной предметной, профильной подготовки, к принятию решений в ходе коммуникации с зарубежным партнерами, коллегами в различных профессиональных областях, в том числе в тех ситуациях общения, которые носят конфликтный характер. Новые условия создают особый обучающе-ценностный образ иностранного языка как предмета, формирующего во всех вузах страны общекультурную компетенцию — «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4)» [1]. (Об особой социокультурной роли иностранного языка в формате подготовки специалиста XXI в. см. [2]).

Данная способность должна актуализироваться не только в благоприятных для общения условиях, она предполагает также готовность выйти из затруднительной ситуации, обусловленной непониманием, недопониманием, несогласием, неприятием установок, намерений участников

диалога, готовность, «срабатывающую» в экстремальных условиях коммуникативного конфликта, масштабы и разрушительная сила которого возрастает в случае, когда взаимодействуют представители различных государств, особенно в тех случаях, когда это взаимодействие носит конфронтационный характер.

Научная новизна работы заключается в исследовании потенциала инновационных технологий обучения иностранному языку, ориентированных на преодоление конфликтов в ходе межкультурных контактов. В качестве объекта исследования выбран кейс-метод, возможности которого для данного контекста рассмотрения изучены далеко не полностью. **Цель** исследования — выявление дидактических функций кейсов по межкультурной коммуникации как средства преодоления межкультурных конфликтов. **Задачи** исследования — провести теоретическое описание конфликтных межкультурный ситуаций, их параметров и свойств, выявить основные трудности их преодоления, провести разведывательную диагностику сфер и ситуаций межкультурной коммуникации, характеризующихся конфликтным характером взаимоотношений участников диалога, предложить перечень таких сфер и ситуаций, которые могут быть описаны в формате учебного кейса (Case).

Теоретическая значимость работы связана с рассмотрением особенностей и параметров конфликтной межкультурной коммуникативной ситуации, с изучением потенциала кейс-метода как средства нейтрализации межкультурных конфликтов. **Практическая значимость** заключается в выявлении перечня ситуаций межкультурной коммуникации конфликтного характера, на основе которых могут быть созданы кейсы, в представлении примера такого кейса.

Основная часть

Конфликт как черта межкультурной коммуникации. Особенности межкультурной коммуникации обусловливают характеризующие ее показатели. Среди них основным следует признать *наличие отношений между коммуникантами, принадлежащими к разным культурам*. Данный показатель конкретизируется через ряд дополнительных параметров, отражающих специфику того разнообразия отношений, которое устанавливается между партнерами по общению в процессе межкультурного взаимодействия.

Идеальный образ межкультурной коммуникации «рисуется» достаточно просто. Во-первых, для эффективной межкультурной коммуникации желательно, чтобы характер отношений был максимально благоприятным для обоих партнеров по общению. Только в этом случае достигается взаимопонимание, и именно оно является наиболее желательным результатом межкультурного взаимодействия. Во-вторых, наилучшему достижению взаимопонимания в межкультурном диалоге способствует учет социокультурного характера общения между представителями разных общностей. В-третьих, показателем «идеальной» межкультурной коммуникации является осознание коммуникантами собственной «инаковости», «инаковости» своей культуры, а также способность оценить ее своеобразие с точки зрения партнера по общению. В-четвертых, при продуктивной межкультурной коммуникации общаются два носителя языка и взаимодействуют две культуры; общающиеся, контактируя между собой, обмениваются культурной информацией, при этом каждый участник коммуникации привносит в общение собственные культурные смыслы и ценности. Благодаря этим процессам создается общий, интегральный культурный фон, происходит взаимообогащение культур [3].

Успешность межкультурной коммуникации предопределяется двумя основными факторами:

1) построение коммуникативного поведения должно быть обусловлено, с одной стороны, системой ценностей и приоритетов культуры коммуникативного партнера, с другой, — собственными национальными, культурными и личностными приоритетами, соблюдением баланса интересов, равноправия культурных ценностей;

2) необходимо знание, понимание и адекватная интерпретация всех компонентов межкультурной коммуникативной ситуации, поскольку именно она «определяет тему разговора, выбор языковых средств и всю стратегию поведения говорящих» [4, с. 195].

Несмотря на простоту и очевидность этих правил построения межкультурной коммуникации, далеко не все акты межкультурного общения могут быть охарактеризованы как продуктивные, позитивные для обеих сторон, взаимовыгодные. Велика доля таких ситуаций диалога культур, в которых проявляет себя конфликтный тип взаимодействия, и чем дальше, тем более востребованной становится именно эта — неконструктивная, конфронтационная — модель построения коммуникативного поведения.

Конфликт в структуре межкультурного диалога по своей сути неизбежен, он имманентно присущ такому взаимодействию, поскольку имеет в своей основе конфронтацию — разделение на «своих» и «чужих». «Межкультурная коммуникация становится своеобразным перекрестком, на котором сходятся *свои* и *чужие* культурные коды» [5, с. 304]. Принадлежность к определенной культуре или нескольким культурам влияет на понимание того, что считать «нормальным» и «ненормальным», «уместным» и «неуместным», «ожидаемым» и «неожиданным». Если ожидания, представления и ощущения человека не совпадают с ожиданиями, представлениями и ощущениями другого субъекта, может возникнуть конфликт.

Следствием конфликтных обстоятельств общения является напряженность в отношениях сторон, связанная с непониманием или неприятием другой стороны, продвижением или защитой собственных интересов, нежеланием поиска обоюдовыгодных вариантов. Конфликтные формы взаимодействия в коммуникации существуют наряду с манипулятивными формами, оказывающими одностороннее воздействие на адресанта в своих интересах, и кооперативными формами, направленными на сотрудничество и объединение. В свою очередь, конфликт может принимать конструктивную или деструктивную форму и приводить к разрушительным или созидательным последствиям.

Профессиональная коммуникация не исключение: в русле ее протекания реализуются определенные стандарты поведения, которые приемлемы для одной социокультурной общности и неприемлемы для другой. Несовпадение представлений о картине мира провоцирует конфликтность межкультурной профессиональной коммуникации, что препятствует достижению значимых целей и установок, решению профессионально значимых проблем, достижению соглашений по значимым вопросам взаимодействия представителей деловых кругов различных государств.

С одной стороны, на сбои в коммуникации влияет фактор «*культуры диалога*»: дискурс на одну и ту же — даже весьма жестко заданную тему (например, деловое письмо,

выражение соболезнования, речь на собрании, извинение по поводу опоздания и т. д., не говоря уже о традиционных жанрах типа сказок или ритуальных формул) — сильно отличается в терминах собственно дискурсивных правил (используемых макро- и микроструктур) в зависимости от культуры той группы, в рамках которой этот дискурс сформирован. Так, в Юго-Восточной Азии текст делового письма строится индуктивно: сначала причины, обстоятельства и лишь в конце собственно требования или деловые предложения. Представителям европейской и североамериканской традиции этот стиль кажется «мутным» и неделовым. С их точки зрения, такое письмо должно начинаться с формулирования основного требования или предложения с последующим его обоснованием и детализацией.

С другой стороны, коммуникативные неудачи в ходе межкультурного диалога предопределены фактором *«не-диалога культур»* (об этом подробнее см. [6]), означающим заведомое нежелание двух сторон искать компромиссы, достигать консенсуса в отношениях; каждая из них старается во что бы то ни стало настоять на своем (иногда даже не удосужившись выслушать противоположное мнение). Такого рода «не-диалог» может быть, например, связан с различиями в понимании категории вежливости, проявляемой собеседниками, — понимании, основанном на солидарности или на поддержании дистанции. Так, русские могут казаться немцам невежливыми, потому что принцип солидарности с коммуникативным партнером подталкивает их (русских) к тому, чтобы высказать свое мнение и дать совет в тех случаях, когда немецкая коммуникативная культура, уважающая принцип автономности и дистанции, рассматривает это как навязчивость.

Помимо сказанного, источниками конфликта в межкультурной среде могут быть различия на уровне *фоновых знаний*. Достаточно одного примера — наличие разных культурных ассоциаций на слово-стимул «хлеб». При слове «хлеб» у русских чаще всего возникает слово-реакция «соль», у французов — «вино», у немцев и американцев — «масло», у узбеков — «чай» [7, с. 23].

Поиск точек соприкосновения между разными культурами может превратить культурные сбои в *коммуникативные мосты* (Н. Гетьманенко). При правильной методической организации построение таких коммуникативных мостов способно снять коммуникативный конфликт между представителями разнокультурных общностей.

Кейс-метод как средство нейтрализации межкультурных конфликтов. В условиях современного информационного общества *кейс-метод* (Case study), будучи относительно новым (впервые он стал известен в американской школе бизнеса в начале XX в.) методом обучения, получает все большее признание в сфере высшего образования. Это связано прежде всего с изменением образовательной парадигмы, направленной не столько на передачу (получение) конкретных знаний, сколько на формирование у студентов профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, развитие способностей личности [8]. Одновременно образовательная парадигма трансформируется в связи с существенным повышением и порой кардинальным изменением требований к качеству подготовки специалиста, который должен обладать способностью оптимального поведения в различных, в том числе проблемных, конфликтных ситуациях.

Сегодня кейс-метод прочно вошел в систему высшего образования. Его изучению посвящены многочисленные труды, на страницах которых он рассматривается как метод обучения, образовательная технология, исследовательская стратегия, форма контроля обученности, средство обучения. В целом кейс-метод входит в систему практико-ориентированных технологий, которые, наряду с видимыми преимуществами и продуктивным потенциалом, сопровождаются рядом сложностей (ограничений), связанных с их реализацией в современных образовательных условиях [9; 10]. Преодоление этих сложностей — актуальная педагогическая проблема, которая рассматривается в приложении к различным предметным областям, в том числе к сфере иноязычного образования.

В основе кейс-метода (метода решения ситуационных задач) лежит принцип прецедента или случая, взятого из реальной жизни. По своей сути *кейс* можно определить как *описание ситуации, включающей в себя проблему, и задание по нахождению решения данной проблемы*. При этом сама проблема не эксплицируется, ее выявление требует усилий со стороны обучающихся. Предлагаемая ситуация, как правило, описана с точки зрения человека, который будет принимать решение, основываясь на полученных выводах. Соответственно, неправильно определенная проблема приводит к некорректному алгоритму действий и принятию неверных решений.

Общеизвестна практико-праксеологическая обусловленность кейса: он рассматривается как возможность «фиксировать повседневную практику, а также воспроизводить проблемные ситуации для обучающих целей» [11, p. 91]. Дидактическая заостренность кейса заключается в том, что при его рассмотрении не существует единственно возможного способа анализа ситуации, верного ответа, а это делает ситуацию обучения проблемной по характеру, вовлекающей обучающихся в творческий поиск путей решения поставленной в кейсе задачи.

Популярность данного метода основана на приближенности к реальной, профессионально ориентированной модели поведения будущих специалистов в условиях профессионального взаимодействия. Это и создает достаточно высокую степень заинтересованности среди студентов, а также способствует повышению их мотивационного уровня.

Сущностной характеристикой кейс-метода является ориентация на межличностное общение, воздействие на психическую и социальную структуру личности. Организация обучения, нацеленного на поиск коллективного решения и его последующую защиту во время дискуссии, способствует развитию речемыслительных процессов и их реализации в речевом общении участников в рамках деловой игры.

Метод кейсов является мощным инструментом интерактивной, личностно ориентированной стратегии в обучении студентов, направленным на развитие критического мышления, концептуального мышления, аналитических умений и самосознания, умений общения и лидерства, способности к принятию решений в условиях неопределенности. Одновременно повышается готовность к самоорганизации и самоуправлению, совершенствуются организационно-управленческие способности, навыки и умения публичных выступлений, аргументирования, выразительности, адресованности и пр.

Потенциал кейсов как образовательной технологии весьма ощутим в приложении к обучению студентов принятию решений в сложной нестандартной ситуации

межкультурной коммуникации. В силу того, что в структуре кейса всегда имеется проблема, сложная для разрешения, содержание этой проблемы может быть связано с ситуациями межкультурного взаимодействия, в которых обе стороны оказываются в состоянии непонимания (неприятия) друг друга.

Пример кейса по межкультурной коммуникации, ситуация «Отношение к политике» (автор — Е. Г. Тарева).

Настя впервые приехала во Францию. Цель ее пребывания в г. Мец — двухмесячная стажировка на факультете гуманитарных наук, искусства и культуры Университета Лотарингии (Université de Lorraine). Перед поездкой у Насти был выбор — жить в общежитии или в семье. Поразмыслив, она приняла решение остановиться в семье, мотивируя, что уровень французского языка у нее значительно повысится, если ей придется все время общаться с носителями на различные темы.

Приезд в г. Мец прошел без осложнений. Настю встретил на железнодорожной станции глава принимающей семьи г-н N. Первые несколько дней общения были беспроблемными. В выходные дни Настя и члены семьи много гуляли по городу, съездили на экскурсию в Нанси. При общении затрагивались темы, касающиеся культуры, искусства, природы России и Франции, достопримечательностей столиц двух государств. Настя рассказала об университете, где она обучается в Москве, делилась своими планами на будущее.

Сложности в общении начались позже. Насте захотелось расспросить г-на N о том, как он относится к политике и экономике своей страны. Чтобы начать разговор, она решила поделиться своими мыслями о трудностях российского экономического развития. Желая привлечь внимание к обсуждаемой проблеме, она критически отозвалась о санкционной политике Евросоюза в целом и Франции в частности по отношению к Российской Федерации. Г-н N не поддержал тему разговора. Он наотрез отказался от его продолжения, безапелляционно заявив, что эта тема его не интересует и он не собирается обсуждать ее с иностранкой. Настя стушевалась и больше не возвращалась к затронутой теме.

С этого момента о доверительных отношениях с членами семьи не приходилось и мечтать. Настя целыми днями пропадала в университете, стараясь как можно меньше времени проводить в доме. Она пожалела, что не остановилась в общежитии. Ей казалось, что в молодежной среде, общаясь со сверстниками из других стран, приехавших, как и она, на стажировку в Мец, ей было бы проще обсуждать темы, касающиеся международных событий.

Как видно, данный кейс насыщен взаимным недопониманием, неприятием представителей различных культур в жизненных обстоятельствах. Предоставление студентам возможности выявить источник недопонимания, определить характер сформировавшейся неприязни, основанной на разнокультурных ценностных представлениях, позволит им осознать важность фактора культурного дистанцирования, задуматься о том, каким образом можно минимизировать межкультурные конфликты, как обучающиеся сами поступили бы на месте героев ситуации, описанной в кейсе.

Методология и методы

Для выявления проблемных ситуаций межкультурной коммуникации, способных спровоцировать конфликт в отношениях и в действиях участников диалога культур, в октябре – ноябре 2017 г. было проведено диагностирующее исследование среди студентов и преподавателей института иностранных языков Московского городского педагогического университета (всего участвовали 143 человека). Задействованы следующие методы исследования: специализированный опросник, элементы анализа продуктов деятельности, статистическая обработка полученных данных.

При составлении опросника (всего 28 вопросов) на платформе SurveyMonkey (URL: https://ru.surveymonkey.com/) — ведущей мировой компании, специализирующейся на проведении различного рода опросов и обработке их результатов, были приняты во внимание лучшие практики проведения диагностических исследований в сфере межкультурной коммуникации (например, см. [12–14]).

Результаты

Результаты, полученные в ходе опроса студентов, позволили выявить спектр проблем межкультурной коммуникации, решение которых чрезвычайно затруднительно без специализированной работы с применением кейс-метода. Ниже приводится список сфер и ситуаций (обстоятельств) общения, нуждающихся в формализации в виде учебного кейса для подготовки студентов к межкультурной коммуникации.

Проблемные ситуации межкультурной коммуникации

1. Образовательная сфера:

— организация образовательного процесса (расписание, образовательная программа, акцент на самостоятельность и ответственность и пр.);

— учебная дисциплина, соблюдение учебного режима;

— взаимоотношение с субъектами образовательного процесса: студентами, преподавателями, менеджерами;

— образовательные ценности (приоритеты в обучении, воспитании, саморазвитии).

2. Сфера повседневного общения: в транспорте, в принимающей семье, в гостях, в культурно-досуговых центрах, в магазинах, в кафе, ресторанах. в сфере услуг, в финансовой сфере (банковские операции, карманные (наличные) деньги).

3. Рекреационно-досуговая сфера:

— туризм, путешествия (инфраструктура, обычаи, ценностные предпочтения, нормы поведения);

— свободное времяпрепровождение (традиции в организации свободного времени);

— культурные предпочтения (духовные и (или) материальные доминанты, отношение к искусству, культурные ценности);

— спорт (предпочтения в видах спорта, любительский и профессиональный спорт, отношение к болельщикам).

4. Сфера конфессиональных и духовных ценностей:

— отношение к церкви;

— отношение к поликонфессиональности (моноконфессиональности).

5. Социально-этикетная сфера:

— отношение к полоролевой дифференциации;

— отношение к возрастным особенностям;

— отношение к людям с особыми возможностями здоровья.

6. Профессиональная сфера:

— карьерный рост;

— условия труда (трудовая дисциплина, корпоративные нормативы, этика взаимоотношений в трудовом коллективе, деловой этикет);

— субординация (отношения «начальник — подчиненный», «сотрудник — сотрудник», «сотрудник — клиент»);

— зарплата, разные формы стимулирования.

7. Сфера национально-культурных ценностей и государственных приоритетов в области: политики. экономического развития. социального обеспечения. искусства и культуры.

Построенные на основе выделенных проблемных ситуаций межкультурной коммуникации кейсы должны характеризоваться следующими параметрами:

— быть максимально приближенными к аутентичным ситуациям, реально имеющим место в практике межкультурного диалога;

— быть межкультурными: содержать межкультурно обусловленные основания для коммуникации, при анализе которых не только принимается во внимание специфика иного образа мысли, но и происходит переосмысление (осознание) своих ценностей;

— быть практико-ориентированными, направленными на преодоление реально существующих конфликтных ситуаций межкультурного взаимодействия;

— содержать спорные проблемы или конфликтные вопросы, побуждающие к поиску альтернативных решений и дискуссии, конечным результатом которой является принятие через обсуждение оптимального решения.

В случае соответствия данным параметрам кейс способен служить моделью изучаемой культуры, стать частью инофонной действительности и отразить специфику иносоциума в сопоставлении с родной лингвокультурой.

В ходе проведения опытного обучения с применением кейс-метода были получены результаты, свидетельствующие о статистически достоверных изменениях в области формирования у студентов готовности к решению конфликтных ситуаций межкультурного общения. На диаграмме (см. рис.) представлены сравнительные мониторинговые данные исходной и итоговой диагностики (по общему показателю) по всем критериям готовности студентов к решению кейсов по межкультурной коммуникации.

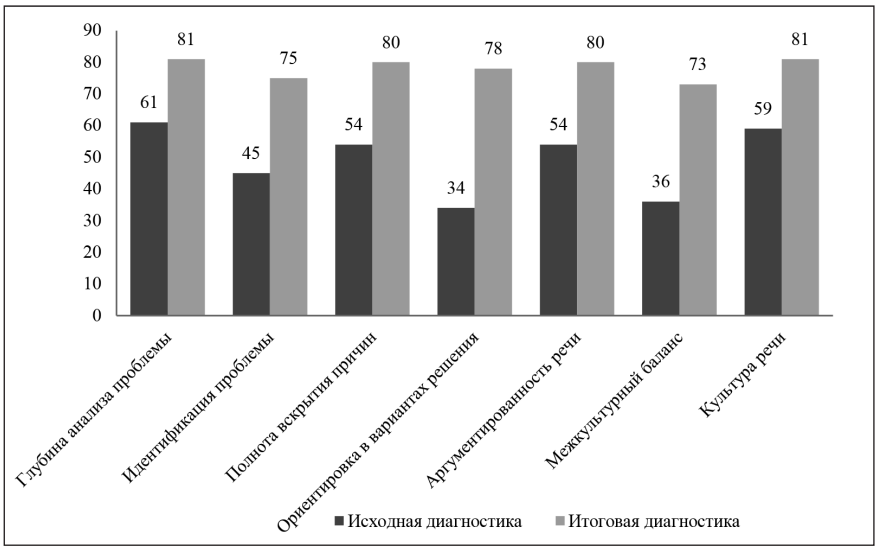

*Рис. Сра*внительные данные исходной и итоговой диагностики уровня готовности студентов к работе с кейсами по межкультурной коммуникации (баллы)

Заключение

Достижение позитивных результатов в ходе межкультурной коммуникации — чрезвычайно сложный процесс, требующий наличия специальных знаний, навыков, умений, качеств личности участников диалога культур. Формирование данных свойств и способностей личности — одна из значимых задач современного российского образования, стремящегося к подготовке выпускников нового поколения, готовых к жизни в мире, полном конфликтов, прежде всего межкультурного свойства. Стремление к поиску новых подходов, методов, приемов, разработке (переработке) имеющихся средств и способов, обеспечивающих такого рода подготовку, — признак современного образовательного пространства, и кейс-метод занимает в этом пространстве не последнее место. В период, когда учебники явно запаздывают в предоставлении содержания и технологий, направленных на применение межкультурного подхода в практике преподавания иностранных языков, наступил черед практико-ориентированных технологий, прежде всего кейс-метода, максимально отражающего реальную конфликтную действительность межкультурных взаимоотношений. Правильно составленный кейс, ориентированный на осмысление, анализ существа межкультурной проблемы и на принятие личностно обусловленного варианта ее решения, позволит снять или по крайней мере снизить дискомфорт в межкультурных отношениях и обеспечить продуктивность контактов на различных уровнях межгосударственных взаимоотношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бакалавриата). URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/380301.pdf

2. Ширяева Т. А., Григорьева А. В. Социокультурная роль иностранного языка в формировании ключевых компетенций специалиста XXI века // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 1 (38). С. 249–253.

3. Identity and Difference / ed. K. Woodward. London : SAGE publications Ltd., 2002. 363 p.

4. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лигводидактика и методика. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 336 с.

5. Чупрына О. Г. Идентичность в пространстве языка и культуры // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности : монография / отв. ред. Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. М. : НЕОЛИТ, 2017. С. 301–325.

6. Тарева Е. Г. Диалог культур и не-диалог культур в обучении иностранным языкам // В диалоге языков и культур : материалы VI Международной науч.-дидактич. конф. 2017. С. 439–450.

7. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М. : Лабиринт, 1998. 256 с.

8. Mostert M. P. Challenges of Case-Based Teaching // The Behavior Analyst Today. 2007. Vol. 8. No. 4. P. 434–442.

9. Борисова А. А., Киселева М. М. Практико-ориентированное обучение в вузе: возможности и ограничения в реализации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса и права. 2016. № 3 (36). С. 49–54.

10. Тарев Б. В. Практикоориентированный подход в подготовке студентов: анализ зарубежного опыта // Вопросы методики преподавания в вузе. 2015. № 4 (18). С. 36–44.

11. Halverson R. Accessing, documenting and communicating the phronesis of school leadership practice // American Journal of Education. 2004. No. 111(1). P. 90–122.

12. Issers O., Halvorson S. A Cross-Cultural Study of American and Russian Proprieties in Communication // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 19. № 4. С. 146–154.

13. Martin J. N., Nakayama T. K. Experiencing intercultural communication: Anintroduction. 2nd ed. Boston : McGraw Hill, 2005. 347 p.

14. Tareva E. G., Schepilova A. V., Tarev B. V. Intercultural Content of a Foreign Language Textbooks: Concept, Texts, Practices // XLinguae Journal. 2017. Vol. 10. No. 3. P. 246–255. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.20

REFERENCES

1. Federal State Educational Standard of Higher Education for Specialization 38.03.01 Economics (Bachelor Degree). (In Russ.). URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/380301.pdf

2. Shiryaeva T. A., Grigor'yeva A. V. Socio-cultural role of a foreign language in elaborating key competences of a XXI century specialist // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2017. No. 1 (38). Pp. 249–253. (In Russ.).

3. Woodward K. (ed.). Identity and Difference. London : SAGE publications Ltd., 2002. 363 p.

4. Gal'skova N. D., Gez N. I. The Theory of Foreign Language Teaching: Linguodidactics and Methodology. M. : Academia, 2008. 336 p. (In Russ.).

5. Chupryna O. G. Identity in Language and Culture // (eds.). Vikulova L. G., Tareva E. G. Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: Human Being and New Socio-cultural Values : monograph. M. : NEOLIT, 2017. Pp. 301–325. (In Russ.).

6. Tareva E. G. Dialogue of Cultures and Non-dialogue of Cultures in Foreign Language Teaching // Dialogue of Languages and Cultures : Proceedings of the VI International Didactical Conference. 2017. Pp. 439–450. (In Russ.).

7. Gorelov I. N., Sedov K. F. The Basics of Psycholinguistics. M. : Labirint, 1998. 256 p. (In Russ.).

8. Mostert M. P. Challenges of Case-Based Teaching // The Behavior Analyst Today. 2007. Vol. 8. No. 4. Pp. 434–442.

9. Borisova A. A., Kiseleva M. M. Practice-oriented education at high school: opportunities and limitations of implementation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2016. No. 3 (36). Pp. 49–54. (In Russ.).

10. Tarev B.V. Advanced linguistic educational practices as innovative objects of scientific research // The Issues of Methodology of Teaching in University. 2015. No. 4 (18). Pp. 36–44. (In Russ.).

11. Halverson R. Accessing, documenting and communicating the phronesis of school leadership practice // American Journal of Education. 2004. No. 111 (1). Pp. 90–122.

12. Issers O., Halvorson S. A Cross-Cultural Study of American and Russian Proprieties in Communication // Bulletin of the Russian University of People' Friendship. Series: Linguistics. 2015. Vol. 19. No. 4. Pp. 146–154. (In Russ.).

13. Martin J. N., Nakayama T. K. Experiencing intercultural communication: Anintroduction. 2nd ed. Boston : McGraw Hill, 2005. 347 p.

14. Tareva E. G., Schepilova A. V., Tarev B. V. Intercultural Content of a Foreign Language Textbooks: Concept, Texts, Practices // XLinguae Journal. 2017. Vol. 10. No 3. Pp. 246–255. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.20

Как цитировать статью: Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 398–404. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.405.

For citation: Tareva E. G.,Vikulova L. G., Makarova I. V. Innovative modeling of cases on intercultural communication // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 398–404. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.405.

УДК 378:372.881.0
ББК 74.58:81.0

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.407

Belousova Irina Mikhailovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of the Russian Language as a Foreign,
Irkutsk State University,
Irkutsk,
e-mail: belousova.u2013@yandex.ru

Белоусова Ирина Михайловна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск,
e-mail: belousova.u2013@yandex.ru

ОБУЧЕНИЕ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

TRAINING IN COOPERATION AS A KIND OF COMPETENCE APPROACH IN THE FORMATION OF THE INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный)
13.00.02 – Theory and methodology of teaching and upbringing (Russian as a foreign language)

В статье рассматриваются проблемы формирования межкультурной коммуникативной компетенций (далее — МКК) вторичной языковой личности при обучении языку делового общения в условиях диалога культур. Главная проблема в обучении в сотрудничестве заключается в том, как управлять, не управляя, как малым резонансным воздействием подтолкнуть систему на один из собственных и благоприятных для человека путей развития, как превращать хаос (неорганизованные и спонтанные устремления обучающихся) в творчество, превращая в поле инноваций, способствующее интерактивной цели.

Основной тезис статьи: отсутствие или недостаточная сформированность МКК у обучающихся является причиной ошибок социокультурного плана, ведет к так называемой дискоммуникации. Для межкультурного делового общения огромное значение имеет понимание и осознание культурно обусловленных различий двух языков.

Цель работы — теоретически обосновать и разработать технологию обучения в сотрудничестве для иностранцев, овладевающих параллельно русским языком и спецификой делового общения в сфере межкультурной коммуникации.

Гипотеза исследования основана на предположении о том, что подготовка будущих бакалавров лингвистики к участию в межкультурном деловом общении будет более эффективной, если будут уточнены особенности технологии обучения в сотрудничестве с позиции компетентностного подхода при формировании межкультурной коммуникативной компетенции.

Для изучения теоретических и практических аспектов проблемы формирования у студентов языкового вуза межкультурной коммуникативной компетенции были выбраны следующие научно-исследовательские методы: обзор и анализ литературы (методической, лингвистической, психолингвистической и психолого-педагогической по проблеме исследования), анализ нормативных документов, наблюдение за учебным процессом по дисциплине «Язык делового общения», анкетирование и опрос студентов, обучающихся на втором курсе Международного института экономики и лингвистики Иркутского государственного университета по специальности «Лингвистика».

В качестве методологической основы в работе используются основные положения: личностно-деятельностного подхода (Л. С. Выготский, 1982, П. Я. Гальперин, 1966, Л. С. Рубинштейн, 2000); концепции языковой и вторичной языковой личности (Ю. Н. Караулов, 1987, Н. Д. Гальскова, 2006, Г. В. Елизарова, 2012); компетентностного подхода к целеполаганию в области обучения иностранным языкам (Мильруд Р. П., 2000, Мишенева Ю. И., 2014).

Предложенная технология (этапы, методы, приемы, упражнения) может послужить основой для создания учебных пособий по обучению студентов языкового вуза межкультурной коммуникации. Результаты исследования могут быть использованы в курсе лекций по теории обучения русскому языку как иностранному, в ходе повышения квалификации преподавателей иностранных языков.

The article examines the problems of formation of the intercultural communicative competence (hereinafter — the ICC) of the secondary linguistic personality when teaching the language of business communication in the conditions of the dialogue of cultures.

The main thesis of the article is that the absence or insufficient formation of the ICC of the students is the cause of errors in the sociocultural plan, the so-called discommunications. For intercultural business communication, understanding and recognition of culturally conditioned differences in two languages is of great importance.

The aim of the work is to theoretically substantiate and develop the technology of training in cooperation for foreigners mastering simultaneously the Russian language and the specifics of business communication in the field of intercultural communication.

The hypothesis of the study is based on the assumption that the training of future bachelors of linguistics for participation in the intercultural business communication will be more effective if specifics of technology of training in cooperation from the position of a competence approach in formation of intercultural communicative competence are specified.

To study the theoretical and practical aspects of the problem of formation of the intercultural communicative competence of students of the language university, the following research

methods were selected: review and analysis of literature (methodological, linguistic, psycholinguistic and psychological-pedagogical research), analysis of regulatory documents, observation of the educational process in the discipline "Language of business communication", interviewing and questioning of students studying at the second year of the International Institute of Economics and Linguistics of the Irkutsk State University specializing in "Linguistics".

As a methodological basis of the work the main provisions are used: the personality-activity approach (L. S. Vygotskii, 1982, P. Ya. Gal'perin, 1966, L. S. Rubinshtein, 2000); the concept of language and secondary linguistic personality (Yu. N. Karaulov, 1987, N. D. Gal'skova, 2006, G. V. Elizarova, 2012); Competence approach to goal-setting in the field of teaching foreign languages (Milrud R. P., 2000, Misheneva Yu. I., 2014).

The proposed technology (stages, methods, techniques, exercises) can serve as a basis for creating teaching aids for teaching students of a language university of the intercultural communication. The results of the research can be used in the course of lectures on the theory of teaching Russian as a foreign language, in the course of improving the qualifications of foreign language teachers.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, обучение в сотрудничестве, педагогика сотрудничества, вторичная языковая личность, компетентностный подход, диалог культур, технология обучения, методы обучения, межкультурная коммуникативная компетенция, межкультурное деловое общение, личностно-ориентированное обучение.

Keywords: intercultural communication, training in cooperation, pedagogy of cooperation, secondary linguistic personality, competence approach, dialogue of cultures, teaching technology, teaching methods, intercultural communicative competence, intercultural business communication, personal-oriented learning.

Введение

Методика преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ) основана на межкультурной парадигме, предполагающей взаимосвязанное обучение языку и культуре. Полиязыковое образовательное пространство позволяет рассматривать образование как культурную среду взаимодействия на уровне языковой, речевой и коммуникативной компетенций. В связи с этим методическая функция полиязычной культуры в контексте гуманизации образовательного пространства делает необходимым выход на творческое взаимодействие внутри гуманитарных наук, на диалог между представителями различных культур.

Для межкультурного диалога актуален вывод, сделанный Л. С. Выготским: «При понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но в понимании мысли без понимания его мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание» [1, с. 315].

Обучение в сотрудничестве, обучение в малых группах в педагогике, сама идея сотрудничества относится к 20-м гг. XX в. Идеологию детального применения технологий обучения в сотрудничестве в образование внесли группы американских педагогов университета Джона Хопкинса (Р. Славин, 1990), университета Миннесота (Р. Джонсон, Д. Джонсон, 1987), группа Д. Аронсона из Калифорнии (1978). Основными подходами обучения в сотрудничестве являются: 1) Learning Together (учимся вместе); 2) Student Team Learning (обучение в команде); 3) Cooperative Learning (обучение в сотрудничестве) [2, с. 25].

Основной идеей первого подхода является то, что группа, разбившись на несколько подгрупп, получает одно задание на всех. Выполнение задания зависит от всех членов группы, каждый вносит свой вклад в решение задачи [3].

Второй подход разработан в университете Джона Хопкинса в 1986 г. и заключается в том, что успех всей группы зависит от усилий каждого члена команды. Основная задача заключается в самостоятельном овладении каждым обучающимся знаниями, навыками и умениями (компетенциями), необходимыми для решения поставленной задачи [4].

Третий подход — обучение в сотрудничестве — разработан профессором Э. Аронсоном в 1978 г. Суть подхода заключается в том, что учащиеся делятся на малые группы, и каждая тема разбита на фрагменты. Чтобы понять всю тему, надо выслушать предыдущего оратора, что приводит к запоминанию и усвоению пройденного материала [5].

Большинство вариантов обучения в сотрудничестве используют идеологию этих трех подходов.

В России понятие «педагогика сотрудничества» было впервые использовано группой педагогов-новаторов в 80-х гг. XX в. (Ш. А. Амонашвили, В. Ф. Шаталови др.), объединившей лучшие традиции школ русского и советского периода (К. Д. Ушинский, В. А. Сухомлинский, А. С. Макаренко и др.).

«Педагогика сотрудничества — это особый тип «проникающей» технологии, являющейся воплощением нового педагогического мышления, источником прогрессивных идей» [6, с. 68]. Обучение в сотрудничестве означает, что в центре обучения находится обучающийся как *субъект учебной деятельности*, поэтому цель занятий и способы ее достижения должны определяться с позиции интересов самого обучающегося, с позиций его индивидуальных способностей и потребностей.

О внедрении инновационных технологий в систему образования писали Н. А. Адаменко, И. А. Бим, Т. А. Болдова, Е. С. Полат, Г. В. Рогова, В. В. Сафонова и др.

Сегодня как никогда нужен целостный, выходящий за пределы конкретных дисциплин трансдисциплинарный («через» и «сквозь» различные дисциплины) взгляд на мир, причем на уровне большинства граждан, иначе в обществе не возникнет когерентного понимания глобальных проблем и способов их решения.

Таким образом, **актуальность** данной работы вызвана тем, что построение учебного процесса должно осуществляться не с позиции логики и системности усвоения предмета, оно должно опираться на логику развития личности иностранного гражданина, его субъективного внутреннего состояния, его индивидуальной программы усвоения русского языка как иностранного, построенного в сотрудничестве и на основе диалога культур.

Цель данной работы состоит в теоретическом обосновании и практической разработке методических рекомендаций по обучению в сотрудничестве иностранных граждан, будущих бакалавров лингвистики, русскому языку делового общения как средству межкультурного общения представителей различных культур.

Задачи: конкретизировать цели обучения студентов-иностранцев языку делового общения с позиции технологии «обучение в сотрудничестве» при формировании МКК.

Научная новизна выявляется в обосновании структурно-содержательной специфики учебного процесса овладения русским языком как иностранным, значимости специфических характеристик межкультурного делового общения как важной составляющей межкультурного взаимодействия.

Основная часть

Отличительная черта и сложность процесса обучения иностранных граждан русскому языку обусловливает необходимость системной работы по формированию знаний, навыков и умений, способствующих успешному взаимодействию в рамках межкультурного общения, с опорой на диалог культур. Подход к обучению — это «совокупность приемов, способов (в воздействии на кого-что-нибудь), в изучении чего-нибудь, в ведении дела» [7, с. 545].

С точки зрения объекта обучения для процесса формирования межкультурной коммуникативной компетенции актуален компетентностный подход. А. В. Хуторский отмечает, что «особенность педагогических целей по развитию компетенций состоит в том, что они формируются не в виде действий преподавателя, а с точки зрения результатов деятельности обучаемого, то есть его продвижения и развития в процессе усвоения определенного социального опыта» [8, с. 57]. При опоре на данный подход происходит усвоение иностранными студентами социального опыта, развитие в обучающей системе таких индивидуально своеобразных личностных качеств и свойств, способствующих саморазвитию, как *мотивация, рефлексия, системные знания.* При компетентностном подходе личность учащегося — субъект истории, активный деятель, а образование — механизм формирования образа мира в нем.

Новейшей интерпретацией компетентностного подхода, который в наши дни представляется интегрированным подходом в теоретической базе построения системы обучения русскому языку как иностранному, является центрированный на ученике подход (student-centred approach), обучение в сотрудничестве (cooperative learning).

Обучение носит деятельностный характер, так как на уроках русского языка как иностранного общение осуществляется посредством «речевой деятельности» (далее — РД) как *объекта обучения*. Обучающиеся решают задачи при помощи ролевых игр, проблемных ситуаций, спонтанным общением в рецептивных (аудирование, чтение) и продуктивных видах РД (письмо, говорение).

В соответствии с содержанием данного подхода эффективное овладение русским языком зависит от того, насколько успешно усваивается информация национально-культурного характера, выраженная национально-культурной семантикой языковых единиц. Успешность усвоения подобного рода информации ведет к формированию полноценной *вторичной языковой личности* иностранных студентов. Вторичная языковая личность в данном случае рассматривается как «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический, и другие компоненты, но преломленные через его язык, его дискурс» [9, с. 236].

Рассмотрим с теоретической точки зрения контекст ситуации общения (рис. 1).

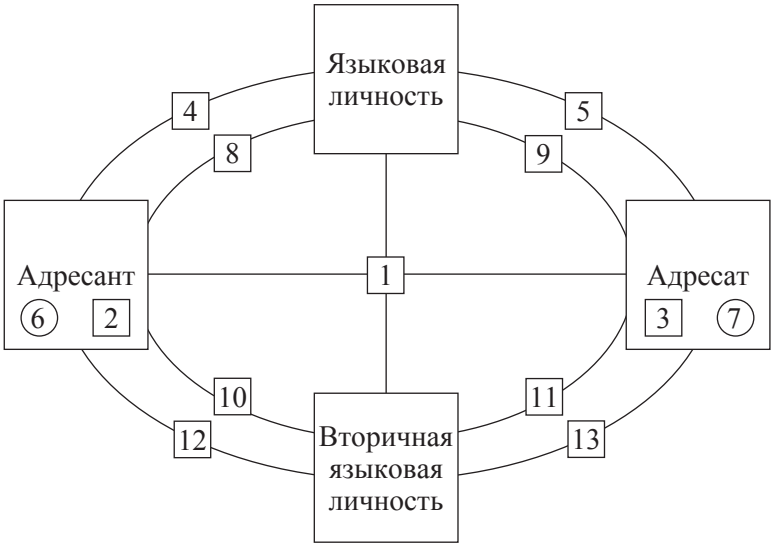

Рис. 1. Контекст ситуации общения

Каждое высказывание в дискурсе может иметь смысл только в контексте сказанного, в контексте определенной ситуации общения (1). Определенные стратегии высказывания обусловлены скрытым культурным смыслом: время — место и проявляются в дискурсивных практиках — способах мышления и обмена информацией, ожиданием результатов в процессе коммуникации (12–13). Речевое взаимодействие собеседников обусловливает развертывание дискурса, учитывающего психологическое состояние коммуникантов (8–9).

«Фоновые знания» (2–3) как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим» [10, с. 498] являются основой языкового общения.

На этапах кодирования и декодирования (6—7) возможны помехи. Структура этих систем в реальной коммуникации детерминирована уровнем знания коммуникантов о ее строении и степенью владения процессами кодирования и декодирования сообщений. Когда происходит декодирование, т. е. расшифровка смысла, то обучающийся (получатель), возможно, приписывает иное значение, чем преподаватель (отправитель), символам, смыслам в силу своих знаний, навыков, умений и жизненного опыта. Происходит искажение смысла, *дезинтеграция* взаимосвязей, что приводит к коммуникативным неудачам, так как «шум» в теории коммуникации связан с внешними факторами, искажающими сообщение и нарушающими его целостность.

Если же благодаря транспозиции искаженное сообщение все же дошло до получателя (адресата), то происходит интеракция (взаимодействие) участников общения, и возникает «приращение смысла посредством его перевода на язык родной культуры» [11].

Эффективность коммуникации тесно связана с устранением помех («шума»), которые препятствуют достижению заданного результата, и происходит это в результате осознанного овладения категориями и единицами межкультурного пространства (аспект взаимодействия) или в результате инсайта — постижения «чужой» культуры (синергетический аспект). При преобразовании дискурсивной ситуации с уровня неопределенности до уровня взаимопонимания проясняется смысл интерактивной, информационной, скрытой сторон коммуникации для носителей разных лингвокультур.

В планировании учебного процесса наиболее продуктивным является поэтапное формирование умственных действий (П. Я. Гальперин, 1997).

Учащиеся на стадии осмысления по заданию преподавателя должны в сравнительном ракурсе представить, в чем они видят разницу и общее в «своей» и «чужой» культуре, а также вносят в свое высказывание личностное отношение, позитивное (негативное), или подчеркивают свое нейтральное отношение к обсуждаемому лингвокультурологическому факту.

Таким образом, полученные ранее знания выводятся на уровень осознания, становясь основой для усвоения нового материала. Это дает иностранным учащимся возможность эффективнее увязать новую информацию с ранее известной. В процессе овладения русским языком иностранные студенты усваивают материал, который демонстрирует функционирование языка в естественной среде, вербальное и невербальное поведение носителей языка в разных ситуациях общения и раскрывает особенности поведения, связанные с народными обычаями, традициями, социальной структурой общества, этнической принадлежностью. Поэтому основными *средствами обучения* являются аутентичные материалы (оригинальные тексты, аудиозаписи, видеофильмы), которые являются «нормативными с точки зрения языкового оформления и содержат лингвострановедческую информацию» [12, с. 152].

В основу интерактивной методики положено взаимодействие двух уровней:

1 уровень — преподаватель ↔ процесс обучения ↔ иностранные учащиеся.

2 уровень — активная совместная работа в аудитории самих учащихся, предполагающая спонтанно возникающие цепочки актов коммуникативного общения, а с точки зрения синергетики — управление самообучением индивида.

Задачей первого уровня (преподаватель → процесс обучения → иностранные учащиеся) является свободное владение языком, которое достигается благодаря тому, что на основе знания грамматических форм и лексем, набора слов учащийся усваивает язык чужой культуры, национальные концепты. При объяснении материла, незнакомого студенту, целью обучения является перевод «чужого» материала в категорию «своего».

На втором уровне «чужое» преподавателя соединяется со «своим» в большем объеме, чем у студента, и целью обучения является сокращение этого разрыва, а в идеале ликвидация его (рис. 2).

Рис. 2. Сокращение разрыва между «чужим» и «своим» материалом

Реализовать данную потребность можно с помощью целого ряда активных методов обучения, из которых наиболее эффективным, на наш взгляд, является включение единиц «чужого» материала в ассоциативную связь.

При определении методов для нашей работы мы будем пользоваться методами, используемыми при проблемном обучении (М. Н. Скаткина, И. Я. Лернер). Смысл методов (объяснительный, репродуктивный, частично поисковый) проблемного обучения заключается в стимулировании поисковой деятельности обучающихся в сходствах и различиях вербального (невербального) поведения представителей различных культур. В основе методов лежит степень активности, самостоятельности и творческой деятельности обучающихся, что позволяет каждому участнику иметь свое ролевое задание, от выполнения которого зависит выполнение задачи, поставленной перед всей группой.

Практическое применение технологии «обучение в сотрудничестве»

Рассмотрим практическое применение технологии «обучение в сотрудничестве» на примере обучения китайских студентов деловому русскому языку. При обучении использовано авторское учебное пособие «Межкультурное деловое общение на русском языке» [13], построенное на основе использования трех этапов технологии — ориентировочного, обучающего и контролирующего, обеспечивающих личностно-ориентированное обучение. Основным дидактическим принципом является *принцип диалогового общения и взаимодействия партнеров.*

На первом — *ориентировочном* — этапе технологии закладывается мотивационная деятельность обучающихся. Данная технология позволяет производить отбор содержания обучения вместе с обучающимся. Для этого необходимо проверить:

а) базовые знания, коммуникативный опыт, установки на изложение своей точки зрения, на восприятие иных точек зрения;

б) определить опорные мотивы, т. е. волнующие обучаемых вопросы и проблемы, благодаря чему формируется личностный смысл изучения материала;

в) проектировать способы взаимодействия.

Как пример приведем фрагмент урока по деловому русскому языку в представлении «чужого» материала.

1. При предъявлении единиц «чужого» материала преподаватель напоминает студентам, что каждое слово вызывает у людей разных национальностей разнообразные ассоциации, например исконно русское слово *купец*, а в настоящее время *предприниматель*.

При предъявлении денотата семантическая единица «предприниматель» включается в понятийную и эмоциональную сферы. В одновременное движение приходят две ассоциативно-вербальные сети: «своя» и «чужая», происходит рождение ценностно-смыслового образования. Так, в русском языке «работа» и «труд» — синонимы, различие между которыми обусловлено «памятью» о том, что вкладывали люди в их содержание в древности, так как корень существительного «работа» напоминает, что оно связано с понятием «рабство». Сейчас существительное «труд» связано с понятием «усилие», а «работа» — с понятием «производство самого дела». Необходимо обратить внимание, что русский человек чувствителен к характеру работы, трудовой народ не завистлив.

Не пеняй (не жалуйся) на соседа, когда спишь до обеда. Дело учит, и мучит, и кормит.

Не отчаиваться в нелегком труде русским помогала вера:

Богу молись, да за соху держись.

Для русских людей всегда был важен факт честного, а не преступного заработка, что отразилось в следующих фразеологических единицах:

От трудов праведных не наживешь палат каменных. Легко добыто, легко и прожито. Даровой рубль дешев, нажитой (заработанный) дорог.

В воспитании молодого поколения предпочтение также отдавалось труду:

Не учи безделью, а учи рукоделью.

Русскому человеку необходимо воодушевление в работе, азарт, он любит напряжение, трудность и, конечно, смысл:

Деньги — склока (ссора, конфликт), но без них плохо. Худо жить тому, у кого пусто в дому.

При размеренной работе человек становится вялым, работа ему неинтересна, не отвечает его порывистой натуре:

Скучен день до вечера, если делать нечего. Не та забота, что много работы, а та забота, как (если) ее нет.

В результате у иностранного студента складывается личное, позитивное отношение к предпринимателям из России и скрытое сопоставление со «своим».

На втором — *обучающем* — этапе технологии происходит выполнение обучающимися совместно с преподавателем ассоциативно-тренировочных упражнений с целью развития умений обнаружения и распознавания межкультурно значимых лексических единиц.

2. При включении в ассоциативную связь:

а) купец—челнок—коммерсант—предприниматель—бизнесмен —олигарх;

б) надежность, рациональность, склонность к диалогу, критичность, оборотистость, умение рисковать;

в) предъявление слова-понятия в микротексте «риск — благородное дело»;

г) предъявление слова-понятия в афористике: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

3. По окончании работы формируется ценностно-смысловое значение слов «предприниматель», «труд», «работа».

На третьем — *контролирующем* — этапе технологии для проверки усвоенных знаний, контроля понимания (непонимания) межкультурных соответствий выполняются задания:

1) прочитайте пословицы и поговорки и обменяйтесь мнением с товарищами по группе, когда труд порицается и высмеивается: *Работа дураков любит. Работа — не волк, в лес не убежит;*

2) выскажите свое отношение к «переиначиванию» пословицы «*Не имей сто рублей, а имей сто друзей» в «Не имей сто рублей, а имей сто долларов»* в современной действительности. Существуют ли эквиваленты пословиц в родном языке?

Представленные ниже предложения помогают раскрыть в ироничной форме специфику взаимоотношений «начальник (шеф) — подчиненный» в русской культуре по принципу «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак» и умение «читать между строк». Студентам предлагается согласиться или отказаться с представленными моделями поведения:

1. Когда я делаю работу долгое время — я работаю медленно, когда шеф — он делает тщательно.

2. Когда я не делаю работу — я ленивый, когда шеф — он слишком занят.

3. Шеф не кричит — шеф убедительно излагает свою точку зрения.

4. Когда я делаю что-то хорошее — шеф никогда не помнит. Когда я делаю что-то плохое — шеф никогда не забывает.

5. Когда меня нет в офисе — я шатаюсь, когда его — шеф на встрече.

Данные выражения подтверждают уже отмеченные ранее особенности восприятия руководителей и подчиненных в русской культуре и показывают важность взаимоотношений всех сотрудников, которые в первую очередь выражаются в ходе межкультурного общения. Во время выполнения этого задания мнения разделились. Половина студентов была не согласна с выражениями, требуя большей самостоятельности для сотрудников, а другая половина считала, что начальник «всегда прав», что для китайской коллективистской культуры считается наиболее приемлемым.

По итогам каждого занятия предлагается деловая проблемная ситуация «Мозговая атака». Суть работы заключается в том, что преподаватель организует *дискуссию* межкультурной направленности, реализуемую заранее подготовленными вопросами для обсуждения.

Задание: вы должны принять партнера из России и обеспечить обсуждение предмета сотрудничества. Выбор предмета сотрудничества: *благотворительность.*

Студенты должны ответить на вопросы: как вы думаете, почему русские купцы занимались благотворительностью? какие формы благотворительности есть в вашей стране? зачем бизнесмены (простые люди) занимаются благотворительностью? какое отношение к труду, работе существует в вашей стране?

Как вариант можно предложить прочитать текст «Как самобытность русской души помогает добиться успеха» о русском менталитете, в котором интуиция доминирует над разумом, и выполнить задания к нему.

Ответьте на вопросы: 1. В каких странах Азии не любят слишком долгих и сильных рукопожатий? 2. Как европейцы и американцы расценивают вялые рукопожатия? 3. В каких странах не смотрят прямо в глаза и не смеются с широко открытым ртом? 4. Почему в Китае следует всегда держать руки на виду, а не прятать их в карманы? 5. Чем объясняется выживаемость русских в труднейших условиях жизни? 6. Как повлияли исторические события вашей страны на характерные особенности вашей жизни? 7. Есть ли в вашей культуре представление о том, что общее лучше, чем индивидуальное?

В целом работа с текстами строится на основе дискурсионного анализа, который представляет собой компаративную стратегию в исследовании текста. Суть дискурсионного анализа — отыскать «отыскать безгласные, шепчущие, неиссякаемые слова, которые оживляются доносящимся до наших ушей внутренним голосом» [14, с. 29].

В ходе дискурсионного анализа учитывается не только лексико-синтаксическая структура текста, но и: КТО? (возраст, социальные роли); ГДЕ? КОГДА? (место, время); КАК? (чувства, эмоции); С какой целью? (намерение, желание); О чем? (предмет общения) + паралингвистическое сопровождение речи (рис. 3).

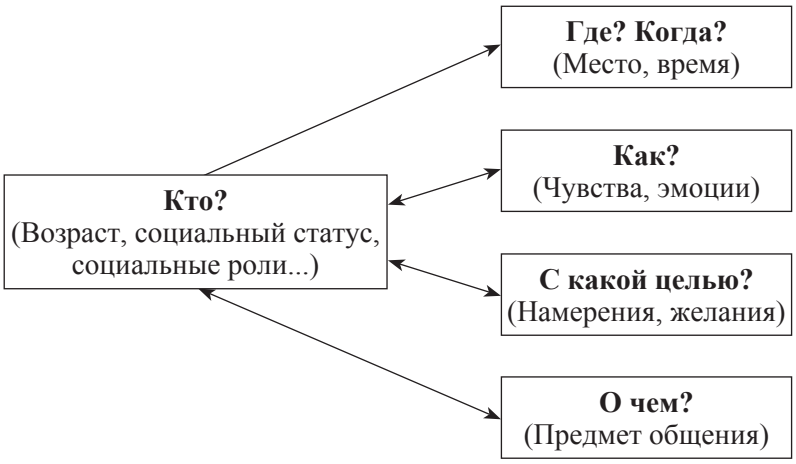

Рис. 3. Коррелирующие умения речевой деятельности

Уровень межкультурной коммуникативной компетенции позволяет судить о достижениях студентов в овладении русским языком как средством делового общения на социокультурном уровне и их способности решать на изучаемом языке экстралингвистические задачи, которые становятся возможными в результате:

а) приобретения знаний о языковой картине мира;

б) овладения фоновыми знаниями, проявляющимися в процессе общения в виде ассоциаций и коннотаций и обеспечивающимися нормативностью речевого общения в процессе межкультурного взаимодействия.

Доминантой межкультурного обучения является обеспечение способности вторичной языковой личности анализировать, сравнивать (сопоставлять), интерпретировать особенности своего и иного («чужого») лингвосоциума, реализуемые в профессиональной сфере деятельности человека в процессе межкультурной коммуникации.

Результаты исследования

Целью опытно-экспериментальной работы являлась проверка технологии «обучение в сотрудничестве» на примере языка делового общения как средства формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов второго курса направления «Лингвистика». В опытно-экспериментальной работе приняли участие 30 студентов, включенных нами в экспериментальную (18 студентов) и контрольную (12 студентов) группы. В результате проверки необходимо было решить несколько *задач:*

1) определить познавательные мотивы обучающихся и их готовность к межкультурным сравнениям (сопоставлениям);

2) доказать факт положительной (отрицательной) динамики в области формирования межкультурной коммуникативной компетенции, приобретения знаний о языковой картине мира;

3) получить факт овладения фоновыми знаниями, проявляющимися в процессе общения в виде ассоциаций и коннотаций и обеспечивающимися нормативностью речевого общения в процессе межкультурного взаимодействия.

Согласно правилам нам потребовалось сформулировать неварьируемые (обязательные для обеих групп — контрольной и экспериментальной) и варьируемые (по-разному себя проявляющие) условия проведения формирующего этапа эксперимента. К неварьируемым условиям мы отнесли проведение беседы, направленной на мотивировку студентов к деятельности по выявлению особенностей делового общения в контексте двух лингвокультур, по их анализу и интерпретации в межкультурном ракурсе рассмотрения.

Варьируемыми условиями предусматривалась различная по характеру и содержанию дидактическая воздействие на студентов-иностранцев разных групп. В контрольной группе обучение проводилось по традиционной методике на базе учебника «Деловой русский язык для студентов-иностранцев» (С. А. Хавронина, П. П. Клобукова и др.), в экспериментальной группе использовалось в качестве дополнительного материала созданное нами учебное пособие «Межкультурное деловое общение на русском языке».

В учебном пособии «Межкультурное деловое общение на русском языке» система заданий направлена на параллельное формирование четырех видов РД в рамках их определенного последовательно-временного соотношения на основе общего языкового материала и с помощью серии специальных упражнений:

1. При обучении *говорению и письму* (продуктивные виды РД) — строить монологические высказывания с опорой или без опоры на образец, связное высказывание репродуктивного характера на основе прочитанного или услышанного (письмо), адекватно реагировать на реплики, инициировать диалог, выражая свое коммуникативное намерение в достаточно широком наборе речевых ситуаций.

2. При обучении *аудированию просмотреть:*

а) видеофрагмент «Успешное ведение переговоров» (аккаунт преподавателя) и проанализировать этикетную часть беседы;

в) видеофрагмент «Интервью с соискателем» (аккаунт преподавателя) и оценить эмоциональную атмосферу беседы. Проанализировать ситуацию делового общения по критериям, приведенным в приложении учебного пособия.

3. При обучении *чтению* необходимо понять на слух основное содержание диалога (монолога, полилога), коммуникативные намерения его участников, определить тему текста, например, *прочитать* «Принцип Кооперации» (Г. П. Грайс), являющийся центральным принципом речевого поведения в деловом общении, понять его главное содержание и пересказать текст (говорение).

Экспериментальное исследование носило смешанный вертикально-горизонтальный характер (П. Б. Гурвич (1980). Эффективность разработанной методики определялась на основе изучения динамики исследуемых процессов внутри экспериментальной и контрольной групп путем сравнения данных серии контрольных срезов. Затем результаты обучения в экспериментальной группе сопоставлялись с полученными данными в контрольной группе.

Анализ результатов финального среза показал, что после использования учебного пособия «Межкультурное деловое общение на русском языке» более 85 % иностранных студентов справились с заданиями, что свидетельствует о его эффективности.

Межкультурная компетенция связана «с осмыслением картины мира иной социокультуры, познанием смысловых ориентиров другого лингвоэтносоциума, умением видеть сходства и различия между общающимися культурами и применять их в контексте межкультурного общения» [15, с. 65].

Только межкультурная компетенция (в ее взаимосвязи с коммуникативной) может выступить в качестве одного из показателей сформированности вторичной языковой личности.

Заключение

Весь процесс интерактивного взаимодействия на занятиях по русскому языку делового общения состоит из трех стадий: а) пробуждение интереса; б) осмысление; в) рефлексия. Эти стадии, совершенствуя коммуникативные и интеллектуальные способности обучающихся, создают условия для обучения межкультурному общению. Процедура обучения — это не перекладывание знаний из одной головы в другую, это не преподнесение готовых истин от преподавателя, это открытие себя или сотрудничество с самим собой и с другими людьми.

Мотивационные факторы межкультурной коммуникативной компетенции включают в себя желание общаться с представителями других культур, открытость для новой информации.

Факторы знаний — ожидания, информационные источники, знание сходств и различий культур.

К факторам навыков относится способность проявлять эмпатию, быть толерантным к многозначности, адаптировать коммуникацию, видоизменять коммуникативное поведение и собирать нужную информацию.

Преподаватель использует в своей работе технологию «обучение в сотрудничестве», включающую:

— анализ аутентичного и частично аутентичного социокультурного и лингвокультурного материалов с целью использования в качестве дидактического наполнения при моделировании учебного процесса;

— ориентацию на развитие у обучающихся общепланетарного мышления, готовности к общению в инокультурной среде, использование речевого и социокультурного такта;

— создание методических моделей, способствующих билингвальной модели и межкультурной коммуникативной компетенции;

— осознание каждым обучающимся себя в качестве культурно-исторического субъекта, являющегося представителем и носителем одновременно нескольких типов культур (этнической, социальной, профессиональной, гендерной, религиозной и др.);

— контрастивно-сопоставительное изучение родной и «чужой» культур в контексте их непосредственного историко-культурного взаимовлияния.

Технология «обучение в сотрудничестве» позволяет:

— компенсировать отсутствующие у иностранных студентов знания в области особенностей делового общения в китайской и русской лингвокультурах;

— настроить их на важность межкультурного анализа такого общения. Впоследствии такая работа станет для студентов привычной, она будет производиться ими применительно к любому изучаемому тексту или ситуации делового общения.

Показателем уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетенции является *активность и успешность* (*продуктивность*) действий интерпретационного характера, выполняемых совместно с другими обучающимися. Активность определяется объемом (интенсивностью) произведения межкультурных сопоставлений, уровнем инициативы и самостоятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выготский Л. С. Мышление и речь: избранные психологические исследования. М. : Мысль, 1996. 386 с.

2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров. М. : Академия, 2008. 272 с.

3. Славин Р. Исследование кооперативного обучения: международная перспектива // Скандинавский журнал образовательных исследований. 1989. № 4. С. 111–123.

4. Джонсон Д., Джонсон Р., Джонсон-Холубек Э. Методы обучения. Обучение в сотрудничестве / пер. с англ. З. С. Замчук. СПб. : Экономическая школа, 2001. 256 с.

5. Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2010. 368 с.

6. Педагогические технологии / М. В. Буланова-Топоркова, А. В. Духавнева, В. С. Кукушин, Г. В. Сучков. М., 2004. 336 с.

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ТЕМП, 2009. 944 с.

8. Хуторский А. В. Ключевые компетенции: технология конструирования // Народное образование. 2003. № 5. С. 55–61.

9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : ЛКИ, 2010. 264 с.

10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Либроком, 2004. 571 с.

11. Дрожащих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 32 с.

12. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранному языку. Базовый курс лекций. М., 2002. 239 с.

13. Белоусова И. М. Межкультурное деловое общение на русском языке : учеб. пособие для иностранных граждан. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. 98 с.

14. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. С. 47–97.

15. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. М. : Академия, 2006. 336 с.

REFERENCES

1. Vygotskii L. S. Thinking and Speaking: selected psychological studies. M. : Mysl', 1996. 386 p. (In Russ.).

2. Polat E. S., Bukharkina M. Yu., Moiseeva M. V., Petrov A. E. New pedagogical and information technologies in the education system: textbook for students of higher educational institutions. M. : Academy, 2008. 272 p. (In Russ.).

3. Slavin R. Research on Cooperative Learning: an international perspective // Scandinavian Journal of Educational Research. 1989. Vol. 33. No. 4. Pp. 111–123. (In Russ.).

4. Johnson D., Johnson R., Johnson-Holubek E. Teaching methods. Training in cooperation. Transl. from English. SPb. : The Economic School, 2001. 256 p. (In Russ.).

5. Polat E. S. Modern pedagogical and information technologies in the education system : textbook for students of higher educational institutions. M. : «Academy» Publishing Center, 2010. 368 p. (In Russ.).

6. Bulanova-Toporkova M. V., Dukhavneva A. V., Kukushin V. S., Suchkov G. V. Pedagogical technologies. M., 2004. 336 p. (In Russ.).

7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Dictionary of the Russian language. 4th ed., amended. M. : TEMP, 2009. 944 p. (In Russ.).

8. Khutorskii A. V. Key competences: technology of construction // Public education. 2003. No. 5. Pp. 55–61. (In Russ.).

9. Karaulov Yu. N. Russian language and language personality. M. : LKI, 2010. 264 p. (In Russ.).

10. Akhmanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. M. : Librocom, 2004. 571 p. (In Russ.).

11. Shivering N. V. Synergetic model of the iconic space of language : abstract for the degree of Doctor of Philology. Barnaul, 2006. 32 p. (In Russ.).

12. Solovova E. N. Methodology of teaching a foreign language. Basic course of lectures. M., 2002. 239 p. (In Russ.).

13. Belousova I. M. Intercultural business communication in Russian: a textbook for foreign citizens. Irkutsk : Publishing house of Irkutsk State University, 2016. 98 p. (In Russ.).

14. Foucault M. The Order of Discourse // The Will to Truth: beyond the power. Works of different years. M. : Kastal', 1996. Pp. 47–97. (In Russ.).

15. Gal'skova N. D., Gez N. I. Theory of teaching foreign languages: linguo-didactics and methodology. M. : Academy, 2006. 336 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Белоусова И. М. Обучение в сотрудничестве как разновидность компетентностного подхода при формировании межкультурной коммуникативной компетенции иностранных студентов // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 405–412. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.407.

For citation: Belousova I. M. Training in cooperation as a kind of competence approach in the formation of the intercultural communicative competence of foreign students // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 405–412. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.407.

УДК 796.07
ББК 75я73

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.459

Volkova Lyudmila Mikhailovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Physical
and Psycho-physiological Training,
Saint-Petersburg State University
of Civil Aviation,
Saint-Petersburg,
e-mail: volkovalm@bk.ru

Волкова Людмила Михайловна,
канд. пед. наук, профессор,
профессор кафедры физической
и психофизиологической подготовки,
Санкт-Петербургский государственный университет
гражданской авиации,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: volkovalm@bk.ru

Golubev Aleksandr Antonovich,
Candidate of Pedagogical Sciences,
The Head of the Department of Physical
and Psycho-physiological Training,
Saint-Petersburg State University
of Civil Aviation,
Saint-Petersburg,
e-mail: golubev_aleks@list.ru

Голубев Александр Антонович,
канд. пед. наук,
зав. кафедрой физической
и психофизиологической подготовки,
Санкт-Петербургский государственный университет
гражданской авиации,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: golubev_aleks@list.ru

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ВЕСТИБУЛЯРНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

TECHNOLOGY OF DEVELOPMENT OF VESTIBULAR STABILITY OF STUDENTS TO ENSURE FLIGHT SAFETY IN THE CIVIL AVIATION

13.00.04 – Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры
13.00.04 – Theory and methods of physical education, sports training, health and adaptive physical culture

В статье рассматриваются вопросы мониторинга показателей физического состояния студентов, будущих специалистов гражданской авиации. Доказывается, что снижение уровня состояния здоровья среди студентов оказывает влияние на эффективность процесса обучения в вузе.

В работе аргументируется, что труд специалиста гражданской авиации относится к одному из сложнейших видов трудовой деятельности человека, что приводит к необходимости кардинального совершенствования отдельных функций и систем организма, обеспечивающих высокую физическую работоспособность, вестибулярную устойчивость, сохранение здоровья. Совершенствование авиационной техники предъявляет повышенные требования к разработке проблемы «человек — самолет — среда», тем самым определяется необходимость детального изучения структуры профессиональной деятельности специалиста гражданской авиации, разработки методик, повышающих надежность и эффективность его труда.

В статье авторами предлагается методика занятий, ориентированная на развитие вестибулярной устойчивости с акцентом на использование средств плавания, когда физиологические изменения организма занимающегося определяются комплексным влиянием факторов водной среды. Экспериментальная методика подбиралась таким образом, чтобы одновременно решить задачи физической, вестибулярной подготовки и укрепления здоровья. В этих целях использовался широкий комплекс активных, пассивных и комбинированных тренировок, при которых на вестибулярный аппарат действовали различные ускорения. Полученные в работе результаты позволяют повысить устойчивость к укачиванию и тем самым снизить риск неблагоприятных проявлений пилотажных перегрузок на организм человека. Авторы доказывают, что совершенствование вестибулярной устойчивости — одно из перспективных направлений в деле профилактики укачивания летного состава (особенно в преддверии создания самолетов нового поколения), в повышении безопасности полетов гражданской авиации.

The article examines the monitoring of indicators of physical condition of the students, future civil aviation specialists. It is proved that the decrease of the level of health among students has an impact on the effectiveness of the learning process at the University.

The paper argues that the work of a specialist in the civil aviation is one of the most complex types of human labor activity, which leads to the need for radical improvement of the individual functions and systems of the body, providing high physical performance, vestibular stability, health preservation. The improvement of aviation technology imposes increased requirements on development of the problem of the man-plane-environment, thus determines the need for a detailed study of the structure of the professional activities of a civil aviation specialist, the development of methods that increase the reliability and efficiency of his work.

In the article, the authors propose a method of training focused on the development of vestibular stability with an emphasis on the use of swimming, when the physiological changes of the body are determined by the complex influence of the factors of the aquatic environment. The experimental method was selected in such a way as to simultaneously solve the problems of physical, vestibular training and health promotion. For this purpose, a wide range of active, passive and combined training

was used, in which various accelerations were applied to the vestibular apparatus. The results obtained in the work allow increasing the resistance to motion sickness and thereby reduce the risk of adverse manifestations of aerobatic overload on the human body. The authors prove that the improvement of vestibular stability is one of the most promising areas in prevention of motion sickness of the flight personnel (especially on the eve of creation of new generation of the aircrafts), in improving the safety of civil aviation.

Ключевые слова: вестибулярная устойчивость, здоровье, физическая работоспособность, профессионально-прикладная подготовка, студент, физические упражнения, гражданская авиация, укачивание, безопасность полетов, пилот.

Keywords: vestibular stability, health, physical performance, professional and applied training, student, physical exercises, civil aviation, motion sickness, flight safety, pilot.

Введение

Актуальность. Высшие учебные заведения для повышения конкурентоспособности выпускников исходят из того, что полноценное использование профессиональных знаний и навыков возможно только при хорошем состоянии здоровья, которое может быть приобретено при регулярных и специально организованных занятиях физической культурой [1]. Именно физическая подготовка является наиболее эффективным средством развития функциональных возможностей будущего специалиста, в том числе специалиста авиации.

Стремительное развитие авиационной техники в XXI в. и особенно появление высокотехнологичных гражданских самолетов (Ил-114, МС-21, Ил-96, Sukhoi Superjet 100) привело к тому, что в системе «человек — самолет — среда» человек стал слабым звеном.

Целесообразность разработки темы. В настоящее время дополнительное внимание к эффективной подготовке специалиста гражданской авиации приобретает особую значимость в связи со следующим:

— отмечена неумолимая тенденция ухудшения состояния здоровья как претендентов к поступлению на летные факультеты и студентов авиационных вузов, так и действующих специалистов гражданской авиации [2];

— растут требования, предъявляемые высокоманевренной авиационной техникой к состоянию здоровья летного состава, к статокинетической устойчивости (так, несмотря на жесткий профессиональный отбор, у курсантов летных училищ в процессе летной практики состояние укачивания отмечается в 10–20 % случаев, 12–13 % укачиваемых были получены и у действующего летного состава [3]);

— происходит значительное «омоложение» летного состава, имеющего хронические заболевания, в том числе патологию сердечно-сосудистой системы (среди признанных негодными к летной работе по ишемической болезни сердца пилоты в возрасте до 40 лет составляют около 45 % [4]).

Сегодня одно из главных в работе специалиста гражданской авиации — это оперативное реагирование на внештатные ситуации. Какой бы современной ни была техника, она не сможет полностью оценить обстановку, чтобы принять единственно правильное решение. На это, хотя и опосредованно, влияет именно уровень физической работоспособности и здоровья человека, которые являются базой для формирования ведущих профессиональных качеств. Проведенные исследования с позиций системно-структурного анализа [5] позволили выявить ведущие профессиональные способности для успешного овладения летным мастерством: это координация движений, способность распределять и переключать внимание, волевые качества, стрессоустойчивость и вестибулярная устойчивость, причем вестибулярная устойчивость является ведущим летным качеством [6].

Изученность проблемы. Интерес к исследованию вестибулярного анализатора был и остается достаточно высоким. Потеря пилотом пространственной ориентировки, по данным иностранной печати [7], является причиной 35 % аварий и катастроф в авиации. Этот уровень не снижается в течение последних 25 лет. Эксперты отмечают, что умение пилота сохранить ориентировку в пространстве имеет исключительное значение для благополучного выхода из аварийной ситуации. Это особенно важно при возросшей динамичности современного лайнера, увеличении удельного веса вращательных движений, изменении скорости и направления движения, новых подходах к маневрированию.

Существует обратная связь между проблемами вестибулярного аппарата и другими системами организма: они провоцируют некоторые отклонения в состоянии здоровья и усугубляют уже имеющиеся заболевания. Экспериментальные данные подтверждают, что пилоты, имеющие те или иные заболевания, явно хуже выполняют тесты по оценке вестибулярной устойчивости [8]. Болезнь движения (укачивание), несмотря на достижения современной медицины, так и остается нерешенной проблемой.

Таким образом, вестибулярная устойчивость является показателем резервных возможностей человека, а различные формы вестибулярной дисфункции свидетельствуют о снижении работоспособности и могут представлять серьезную угрозу безопасности полетов в гражданской авиации. В связи с этим постоянно разрабатываются различные методы предупреждения укачивания: физические тренировки, фармакологические методы профилактики пониженной вестибуловегетативной устойчивости.

Физиологические механизмы влияния вестибулярной тренировки на организм довольно сложны. При вестибулярной тренировке повышаются функциональные возможности вестибулярного и других анализаторов, совершенствуется взаимодействие между ними [3].

Имеются исследования, показавшие, что целенаправленные тренировки, повышающие уровень адаптации к вестибулярным нагрузкам, являются физиологической основой достижения высокой физической работоспособности [2]. Заслуживают внимания и исследования, посвященные изучению проблем влияния вестибулярного раздражения на различные системы организма, в том числе сердечно-сосудистую систему, имеются экспериментальные исследования, подтверждающие рост эффективности и экономичности системы кровообращения при воздействии вестибулярной тренировки [9; 2].

Значимость работы. В настоящее время значительная часть студентов из-за низкой устойчивости к укачиванию оказываются не в состоянии овладеть требуемой техникой пилотирования самолета в отведенные сроки. Повышение устойчивости к укачиванию необходимо осуществлять путем совершенствования функций вестибулярного анализатора не только на учебных занятиях по физической культуре в вузе, но и на самостоятельных занятиях физической

подготовкой. Кроме того, важным разделом подготовки будущего пилота является проведение специальных контрольных тестов, которые позволяют оценить будущую толерантность специалиста к воздействию динамических факторов полета [9].

Однако совершенствование вестибулярного анализатора затруднено тем, что сегодня нет четких рекомендаций по применению эффективных средств развития данного анализатора. Это затрудняет индивидуализацию нагрузки, контроль тренировочного процесса, определение оптимальной методики и ее дальнейшее совершенствование.

Исследования, проведенные в последние годы, предлагают различные средства физической подготовки для развития вестибулярной устойчивости: спортивные и подвижные игры, гимнастику, прыжки на батуте, плавание, прыжки в воду, специальные физические упражнения на тренажерах и т. д. [5].

Новизна. Мы в своем исследовании акцент при развитии вестибулярного анализатора сделали на использовании средств плавательной подготовки. Плавание как форма двигательной деятельности в воде существенно отличается от «наземных» видов деятельности. Физиологические изменения при погружении занимающегося под воду определяются комплексным влиянием факторов водной среды: установлено, что на человека, находящегося в воде и под водой, действует более 30 экстремальных факторов, к которым за счет приспособительных свойств организма пловец должен адаптироваться. Умение адаптироваться к различным влияниям внешней среды — очень важное качество, повышающее потенциал здоровья человека.

Цель исследования — совершенствование функций вестибулярной системы в процессе обучения будущих специалистов гражданской авиации для обеспечения безопасности полетов.

Методология

В исследовании приняли участие 138 студентов Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации. Были организованы две группы: 1-я (64 человека) — экспериментальная группа (ЭГ), занимающаяся по методике, ориентированной на развитие вестибулярной устойчивости с акцентом на использование средств плавания; 2-я (74 человека) — контрольная группа (КГ), занимавшаяся по методике физического воспитания, традиционно принятой в вузах подобного профиля. Различия между среднегрупповыми показателями ЭГ и КГ статистически недостоверны (P > 0,05).

На базе имеющейся методической литературы [1; 2; 4; 5; 9], собственного практического опыта плавательной подготовки нами разработан комплекс упражнений в спортивном плавании. Признавая наиболее эффективным методом формирования динамического равновесия метод, направленный на тренировку анализаторов, мы использовали в данной группе такие средства, как упражнения в плавании на суше (упражнения в равновесии на повышенной и ограниченной опоре, упражнения с использованием различных предметов и приспособлений, с партнером) и в воде (плавание преимущественно способом кроль на груди, специальные упражнения пловца с многократными поворотами головы во время вдоха и выдоха, с вращением вокруг вертикальной и горизонтальной осей тела, повороты в плавании кроль на груди).

Тестирование проводилось до начала эксперимента, затем после шести месяцев учебных занятий (перед полетной практикой). Занятия проводились по четыре академических часа в неделю в соответствии с учебной программой вуза, всего было проведено 50 занятий с применением предложенных средств и методов.

Программа тестирования включала оценку уровня физической подготовленности, работоспособности, вестибулярной устойчивости, функционального состояния организма, тесты и пробы апробированы в многочисленных исследованиях и имеют высокий уровень достоверности [6].

Методы исследования — теоретический анализ и обобщение научно-методической литературы, анкетирование, опрос, педагогические наблюдения, тестирование, исследование тренировочного процесса, методы математико-статистического анализа.

Результаты

Сравнительный анализ полученных в заключительном тестировании результатов свидетельствует о достоверных изменениях развития динамической вестибулярной устойчивости в опытных группах. Это обусловлено тем, что занятия по физической культуре в курсе физического воспитания студентов авиационного вуза уже сами по себе являлись хорошей тренировкой вестибулярного аппарата. Но положительная динамика результатов тестирования в ЭГ оказалась гораздо выше: проба Яроцкого ($t = 12{,}3$ при $P < 0{,}001$), тест Фукуды ($t = 6{,}90$ при $P < 0{,}001$), тест Меньшикова ($t = 2{,}50$ при $P < 0{,}05$), в КГ по данным тестам $t = 0{,}22$—$2{,}22$ при недостоверности различий либо низкой достоверности. В ЭГ достигнуты и более выраженные достоверные положительные сдвиги в параметрах развития статической вестибулярной устойчивости студентов по сравнению с КГ: проба Ромберга ($t = 3{,}77$ при $P < 0{,}01$), проба Бирюк ($t = 6{,}49$ при $P < 0{,}001$), в КГ также отмечены положительные сдвиги, однако они находятся на низком уровне значимости при $P < 0{,}05$ (табл.).

Таблица

Динамика параметров вестибулярной устойчивости, показателей физической и функциональной подготовленности студентов

Тестовые показатели	Группа	Статистические показатели в ходе эксперимента ($M \pm \delta$)		t	P
		Начало эксперимента	Конец эксперимента		
1	2	3	4	5	6
Проба Ромберга, вариант — стойка на одной ноге, с	ЭГ	12,8 ± 0,7	16,8 ± 0,8	3,77	< 0,01
	КГ	12,9 ± 0,6	14,8 ± 0,7	2,07	< 0,05
Проба Яроцкого, с	ЭГ	15,3 ± 0,6	25,8 ± 0,6	12,3	< 0,001
	КГ	15,5 ± 0,7	17,4 ± 0,7	2,22	< 0,05

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
Шаговый тест Фукуды, смещение в см	ЭГ	50,3 ± 1,9	32,7 ± 1,7	6,90	< 0,001
	КГ	51,3 ± 2,0	50,7 ± 1,9	0,22	> 0,05
Проба Бирюк, с	ЭГ	15,5 ± 0,7	22,8 ± 0,9	6,49	< 0,001
	КГ	15,9 ± 0,7	18,0 ± 0.8	1,98	< 0,05
Тест Меньшикова, баллы	ЭГ	3,7 ± 0,2	4,6 ± 0,3	2,50	< 0,05
	КГ	3,5 ± 0,2	4,0 ± 0,3	1,39	> 0,05
ЧСС покоя, кол-во ударов	ЭГ	72,2±3,8	62,1 ± 3,3	2,02	< 0,05
	КГ	69,8±4,2	64,1 ± 4,2	0,97	> 0,05
Систолическое АД покоя, мм рт. ст.	ЭГ	125,5 ± 4,9	124,5 ± 6,9	0,12	> 0,05
	КГ	120,3±5,9	121,5 ± 7,5	0.13	> 0,05
Проба Штанге, с	ЭГ	31,0 ± 2,4	37,9 ± 2,3	2,07	< 0,05
	КГ	32,0 ± 2,8	34,5 ± 2,9	0,63	> 0,05
Проба Руфье, усл. ед.	ЭГ	8,5 ± 0,7	6,6 ± 0,6	2,07	< 0,05
	КГ	8,4 ± 0,6	7,2 ± 0,8	1,2	> 0,05
Индекс Гарвардского степ-теста, усл. ед.	ЭГ	69 ± 2,1	86 ± 1,8	6,16	< 0,001
	КГ	68 ± 1,9	76 ± 2,0	2,90	< 0,01
Прыжки через скакалку за 30 с, кол-во раз	ЭГ	43,8 ± 1,7	48,9 ± 1,6	2,18	< 0,05
	КГ	45,1 ± 1,4	46,5 ± 1,4	0,71	> 0,05
Тест Купера: ходьба-бег 12 мин, км	ЭГ	1,7 ± 0,3	2,3 ± 0,3	1,43	> 0,05
	КГ	1,7 ± 0,3	2,0 ± 0,3	0,71	> 0,05
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	ЭГ	35,3 ± 1,3	39,6±1,2	2,15	< 0,05
	КГ	35,0 ± 1,4	40,1±1,6	2,39	< 0,05
Прыжок в длину с места, см	ЭГ	220,4 ± 2,6	225,7±2,6	1,36	> 0,05
	КГ	216,4 ± 2,5	227,7±2,5	3,11	< 0,01
Подтягивание, кол-во раз	ЭГ	11,8 ± 0,5	12,4±0,6	0,77	> 0,05
	КГ	11,7 ± 0,6	12,5±0,5	1,03	> 0,05
Бег 1000 м, мин, с	ЭГ	3,30 ± 0,6	3,21±0,6	0,15	> 0,05
	КГ	3,33 ± 0,5	3,25±0,7	0,09	> 0,05
Метание мяча в кольцо из 10 попыток, кол-во попаданий	ЭГ	3,8 ± 0,5	6,3±0,6	3,21	< 0,01
	КГ	3,8 ± 0,4	4,3±0,7	0,62	> 0,05
Тест «падающая линейка», см	ЭГ	14,6 ± 0,7	12,4±0,6	2,42	< 0,05
	КГ	14,7 ± 0,9	12,8±0,9	1,50	>0,05

По показателям сердечно-сосудистой системы в опытных группах отмечена положительная динамика в тестах по ЧСС и САД, однако статистически достоверные изменения в ЭГ — только по показателю ЧСС (t = 2,02 при P < 0,05). Считаем, что снижение ЧСС у пловцов вызвано воздействием воды, которая способствует проявлению брадикардической реакции. Повороты головы при плавании кролем на груди, многократно сочетаясь с погружением лица в воду, способствуют формированию подобного типа реакции. Нельзя не учитывать влияние и горизонтального положения тела при плавании, что, как известно, облегчает венозный возврат, а это, в свою очередь, способствует снижению реакции сердца на нагрузку.

Студенты ЭГ оказались более адаптированными к вращательным нагрузкам. Действительно, пловцы в наибольшей степени подвергаются разнообразным вращательным нагрузкам в процессе тренировок, что приводит к развитию адаптации на вестибулярное раздражение. Высокий уровень адаптации к вестибулярным раздражениям у пловцов, с одной стороны, может быть обусловлен адекватным раздражением рецепторов при поворотах головы для вдоха-выдоха и поворотах тела на 180° у бортов бассейна, с другой стороны, на пловца действует и неадекватный раздражитель, каковым является вода, имеющая температуру ниже, чем тело, и вызывающая перемещение эндолимфы в полукружных каналах.

Таким образом, динамика показателя ЧСС занимающихся определяется уровнем движений с вращательными компонентами, тогда как показатель АД не зависит от адаптации к этой нагрузке.

Анализ проб, характеризующих функциональную подготовленность (проба Штанге, проба Руфье, Гарвардский степ-тест), свидетельствует о статистически значимых изменениях всех перечисленных проб в ЭГ при P < 0,05—0,001. Это еще раз подтверждает, что плавательная тренировка оказывает мощное положительное воздействие на функциональную систему организма человека, повышая резервы здоровья. В КГ также произошли положительные сдвиги в функциональном состоянии организма студентов, однако статистически значимые изменения отмечены только по индексу Гарвардского степ-теста (t = 2,90 при P < 0,01).

В исследовании проведен анализ динамики тестов по показателям физической подготовленности студентов опытных групп. Подбор тестов осуществлялся

таким образом, чтобы в большей степени характеризовать физические качества, необходимые именно для авиационной подготовки будущих специалистов гражданской авиации: это силовые, скоростные и скоростно-силовые качества, выносливость, координация движений.

В ЭГ за экспериментальный период статистически достоверная динамика отмечена по четырм тестам: прыжки через скакалку за 30 с (t = 2,18 при P < 0,05), сгибание и разгибание рук в упоре лежа (t = 2,15 при P < 0,05), метание мяча в кольцо из десяти попыток (t = 3,21 при P < 0,01), тест «падающая линейка» (t = 2,42 при P < 0,05). В КГ статистически значимые изменения отмечены по двум тестам: сгибание и разгибание рук в упоре лежа (t = 2,39 при P < 0,05), прыжок в длину с места (t = 3,11 при P < 0,01).

Заключение

Физическая подготовка студентов — будущих специалистов гражданской авиации требует определенного профилированного физического воспитания в соответствии с особенностями профессии.

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют говорить о достаточно высокой эффективности разработанной методики физического воспитания, обеспечивающей повышение уровня адаптированности студентов к условиям будущей авиационной деятельности, и также подтверждают ее эффективность при развитии необходимых профессиональных качеств. В связи с этим будет полезно внедрение данной методики в работу кафедр физической культуры вузов авиационного профиля для обеспечения качества профессиональной подготовки студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бушма Т. В., Зуйкова Е. Г. Поддержание высокого уровня физического здоровья студентов // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2014. Т. 9. № 1. С. 395–400.
2. Капшанов Э. Ф., Пашута В. Л. Исследование уровня вестибулярной устойчивости и координационных способностей летного состава // Ученые записки университета П. Ф. Лесгафта. 2017. № 145. С. 96–101.
3. Соколов Ю. А., Пантюхов А. П., Коршук М. В. Вестибулометрия в практике врачебно-летной экспертизы. Минск : БГМУ, 2014. 60 с.
4. Голубев А. А., Волкова Л. М. Оценка и методы развития вестибулярной устойчивости студентов для обеспечения безопасности полетов в гражданской авиации // Культура физическая и здоровье. 2017. № 3(63). С. 86–88.
5. Шалупин В. И., Карпушин В. В. Средства и методы повышения эффективности учебного процесса по физической культуре студентов вузов ГА. М. : МГТУ ГА, 2015. 32 с.
6. Волкова Л. М. Перспективы изучения вестибулярной устойчивости пилота гражданской авиации // Психология и педагогика XXI века. Современные проблемы и перспективы : сб. статей Междун. науч.-практич. конф. 2017. С. 37–39.
7. Schubert M. C., Minor E. B. Vestibulo-ocular Physiology Underlying Vestibular Hypo function // J. Physical therapy. 2004. Vol. 84. No. 4. Pp. 373–385.
8. Евсеев В. В., Волкова Л. М., Голубев А. А. Коммуникации, безопасность в гражданской авиации // Технологии PR и рекламы в современном обществе : материалы XII Всерос. научн.-практич. конф. с международным участием. 2017. С. 36–38.
9. Горелов А. А., Лотоненко А. В., Румба О. Г. Двигательная активность и здоровье студенческой молодежи России // Культура физическая и здоровье. 2010. № 2. С. 4–8.

REFERENCES

1. Bushma T. V., Zuikova E. G. Maintaining a high level of physical health of students // Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them. 2014. Vol. 9. No. 1. Pp. 395–400. (In Russ.).
2. Kapranov E. F., Pashuta V. L. Study of the level of vestibular stability and coordination abilities of flight personnel // Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft. 2017. No. 145. Pp. 96–101. (In Russ.).
3. Sokolov Yu. A., Pantyukhov A. P., Korshuk M. V. Vestibulometry in the practice of medical-flight examination. Minsk : BSMU, 2014. 60 p. (In Russ.).
4. Golubev A. A., Volkova L. M. Evaluation and management of vestibular stability of students to ensure flight safety in the civil aviation // Physical Culture and Health. 2017. No. 3(63). Pp. 86–88. (In Russ.).
5. Chalupin V. I., Karpushin V. V. Means and methods of increasing efficiency of educational process of physical education of the University students. M.: MGTU GA, 2015. 32 p. (In Russ.).
6. Volkova L. M. Prospects for the study of vestibular stability of the pilot of civil aircraft // Psychology and pedagogy of the XXI century. Modern problems and prospects. Collection of articles of the International scientific practical conference. 2017. Pp. 37–39. (In Russ.).
7. Schubert M. C., Minor E. B. Vestibular-ocular Physiology Underlying Vestibular Hypo function // J. Physical therapy. 2004. Vol. 84. No. 4. Pp. 373–385.
8. Evseev V. V., Volkova L. M., Golubev A. A. Communications, safety in civil aviation // PR and advertising Technologies in modern society. Materials of the XII All-Russia scientific practical conference with international participation. 2017. Pp. 36–38. (In Russ.).
9. Gorelov A. A., Lotonenko A. V., Rumba O. G. Motor activity and health of students of Russia // Physical Culture and Health. 2010. No. 2. Pp. 4–8. (In Russ.).

Как цитировать статью: Волкова Л. М., Голубев А. А. Технология развития вестибулярной устойчивости студентов для обеспечения безопасности полетов в гражданской авиации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 413–417. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.459.

For citation: Volkova L. M., Golubev A. A. Technology of development of vestibular stability of students to ensure flight safety in the civil aviation // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 413–417. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.459.

УДК 378.147
ББК 74.58

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.461

Kosarev Nikolai Fedorovich,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the General
and Theoretical Physics,
Akmullah Bashkir State
Pedagogical University,
Ufa,
e-mail: nkosarev@yandex.ru

Косарев Николай Федорович,
канд. пед. наук,
доцент кафедры общей
и теоретической физики,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа,
e-mail: nkosarev@yandex.ru

Rakhimova Lyaisan Rustyamovna,
Master of Education in the area
of Molecular Biophysics and Polymer Physics,
Akmullah Bashkir State
Pedagogical University,
Ufa,
Teacher of additional education,
Gymnasium No. 77,
Togliatti,
e-mail: safina-lyai@rambler.ru

Рахимова Ляйсан Рустямовна,
магистрант специальности
«Молекулярная биофизика и физика полимеров»,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа;
педагог дополнительного образования,
гимназия №77,
г.Тольятти,
e-mail: safina-lyai@rambler.ru

МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ ДУАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

MODEL OF SPECIALIST TRAINING BASED ON THE PRINCIPLES OF DUAL TRAINING

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования
13.00.08 – Theory and methodology of professional education

В статье представлена структурно-блочная модель подготовки специалиста на основе принципов дуального обучения. В результате анализа рынка труда, был сделан вывод, что рынок нуждается в высококвалифицированных профессиональных кадрах. Дуальная система обучения может удовлетворить эту потребность. Ее преимущество заключается в согласованном взаимодействии образовательной и производственной сфер по подготовке высококвалифицированных специалистов. Данное исследование актуально, поскольку через разработку модели подготовки специалиста по типу дуального обучения возможно повышение качества обучения. В ходе исследования были использованы такие методы, как теоретический анализ педагогической литературы, статистическая обработка экспериментальных данных. Структурно-блочная модель состоит из концептуального, содержательного, процессуального и результативного блоков. В концептуальном блоке обозначены подходы (аксиологический, онтологический, технологический) и принципы (целостности, интеграции, региональности, соответствия, междисциплинарных связей, многопрофильности, мобильности, дуализма). Содержательный блок включает себя программу дуального обучения для магистрантов БГПУ им. М. Акмуллы по специальности «Молекулярная биофизика и физика полимеров». Процессуальный блок состоит из трех компонентов (технологии дуального обучения, наставничество) и трех методов (методы создания положительной мотивации, методы организации познавательной когнитивной и практической деятельности студента, рефлексивно-оценочные методы). За основную технологию взята технология концентрированного обучения. В результате исследования разработанамодель специалиста, направленная на повышение качества подготовки специалиста в условиях дуального обучения.

The article presents a structural-block model of specialists training based on the principles of dual training. Analyzing the labor market, it was concluded that the market needs highly qualified professional staff. Dual training system meets these requirements. Its advantage lies in the coordinated interaction between the educational and production spheres, the training of highly qualified specialists. The relevance of this study is to improve the quality of training through development of a training model of a specialist in the dual training. During the research, such methods as theoretical analysis of pedagogical literature, statistical processing of experimental data was used. The structural-block model consists of conceptual, informative, procedural and effective blocks. In the conceptual block approaches (axiological, ontological, and technological) and principles (integrity, integration, regionality, conformity, interdisciplinary connections of multi-disciplinarity, mobility, dualism) are indicated. The content block includes a dual training program for BSPU Ph. D. M. Akmullah specializing in "Molecular Biophysics and Polymer Physics". The procedural block consists of three components: dual training technologies, mentoring, and three methods (methods of creating positive motivation, methods of organizing cognitive and practical activities of the student, reflexive-evaluation methods). For the main technology the technology of concentrated training is taken. As a result of the study, a model of a specialist was developed, aimed at improving the quality of specialist training in conditions of dual training.

Ключевые слова: дуальное обучение, принцип целостности, аксиологический подход, молекулярная биофизика, технология концентрированного обучения, стандарт, профессиональная деятельность, высокоэффективный специалист, профессиональное обучение, структурно-блочная модель.

Keywords: dual training, integrity principle, axiological approach, molecular biophysics, concentrated learning technology, standard, professional activity, highly effective specialist, vocational training, structural-block model.

Введение

Интеграционные процессы — важная характеристика современного этапа развития профессионального образования России. Именно интеграционные процессы отображают взаимодействие профессионального образования и производственной сферы, а также содержательные изменения внутри системы. В государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» говорится о приоритетах сотрудничества компаний и вузов. В государственном образовательном стандарте Башкирского педагогического университета имени М. Акмуллы по специальности 44.04.04 «Молекулярная биофизика и физика полимеров» написано, что программа реализуется на физико-математическом факультете совместно с естественно-географическом факультетом. Программа направлена на подготовку высокоэффективных специалистов, которые будут способны организовать образовательную деятельность в профессиональных заведениях по таким направлениям, как физика и биология. Изучение физических и физико-химических явлений, которые происходят в живых организмах, а также изучение структуры и свойств биополимеров — это яркий пример междисциплинарного подхода в современном образовании.

При таких требованиях к будущим специалистам возникает необходимость качественных изменений в содержании и организации профессионального обучения.

Таким образом, **цель работы** — теоретически обосновать и разработать модель специалиста, направленную на повышение качества подготовки специалиста в условиях дуального обучения.

Задачи:

— проанализировать сущность, принципы и особенности реализации дуального обучения с целью определения их компонентов в системе подготовки специалистов;

— разработать модель высокоэффективного специалиста на основе принципов дуального образования.

Актуальность: повышение качества обучения через разработку модели подготовки специалиста по типу дуального обучения.

Целесообразность разработки темы: повышение качества профессиональной подготовки обучающихся.

Научная новизна заключается в непрерывном взаимообучении студентов и преподавателей на основе принципов дуального образования**.**

Инновационность дуальной системы заключается в увеличении объема практики до 60–70 % от объема учебного плана, а также в оплате труда студентов с первого курса.

Основная часть

Дуальное обучение зародилось в Германии, где оно введено в строгие законодательные рамки и имеет развитый институт наставничества и практикориентированности [1].

В России дуальное обучение было изучено Ю. Н. Петровым, А. С. Родиковым, В. А. Тешевым, Г. А. Федотовой и др. В России опыт дуального обучения отличается от опыта Германии [2]. Если в Германии модель дуального обучения направлена на подготовку кадров, которые изучают теориюввузе и практику на производстве, то в России идет объединение теории и практики путем обеспечения непрерывного системного развития компетентности студентов и преподавателей [3].

На данный момент в России определены теоретические основы и методы дуального образования. Из-за высокой динамики отраслевых изменений исследования по проектированию подготовки специалистов в условиях дуального обучения для специальности «Молекулярная биофизика и физика полимеров» не проводились.

Методология

В ходе работы были использованы такие методы как: 1) метод положительной мотивации; 2) методы организации познавательной когнитивной и практической деятельности студента; 3) рефлексивно-оценочные методы. Для построения структурно-блочной модели были изучены особенности дуального обучения, а также подходы, принципы, технологии, методы [4].

Результаты

Изучение выбранной нами проблемы в практике высшего образования позволило сделать вывод о том, что требуются специальные условия для организации дуального обучения. Поэтому перед нами встала задача построения специальной модели специалиста на основе принципов дуального обучения. Структура модели представлена в виде совокупности компонентов (рис. 1 на стр. 420).

Одним из наиболее важных является целевой компонент. Целью предлагаемой модели является подготовка специалиста и конкурентоспособной системы подготовки будущих работников. Внедрение дуального обучения в образовательный процесс является перспективным и целесообразным [5].

Концептуальную основу модели специалиста составляют подходы, принципы и целевые ориентиры. Целевыми ориентирами является обеспечение будущего специалиста диверсификационными знаниями по специальности «Молекулярная биофизика и физика полимеров», а также возможность реализации полученных знаний в ходе практик в условиях дуального обучения.

Согласованное взаимодействие образовательной и производственной сфер построено на единстве трех методологических оснований:

1) аксиологическое (равноправие образовательных и производственных целей и ценностей);

2) онтологическое (компетентностный подход);

технологическое (организация образовательной и профе3) ссиональной деятельности).

Рассмотрим ведущие принципы концептуальной модели специалиста.

Принцип целостности: связь теоретической системы с практической профессиональной деятельностью, преемственность образовательных программ.

Принцип интеграции: формирование у студентов широкой профессиональной компетентности, включающей в себя естественно-научные, экологические, технические, психологические и другие знания и умения.

Рис. 1. Структурно-блочная модель специалиста на основе принципов дуального обучения

Принцип региональности: ориентирование на потребности региона.

Принцип междисциплинарных связей: взаимопроникновение и взаимовлияние учебных дисциплин.

Принцип многопрофильности: возможность получить дополнительную специальность в процессе обучения.

Принцип мобильности образования: гибкость профессионального образования, откликающаяся на все внутренние и внешние изменения.

Принцип дуализма: подготовка специалистов в условиях дуального образования, которое предполагает активное участие работодателя.

Принцип соответствия содержания подготовки профессиональной деятельности перспективам и приоритетам научно-технического развития молекулярной биофизики и физики полимеров.

Можно сделать вывод, что смысл концептуальной основы модели в том, чтобы организовать образовательную и профессиональную деятельности таким образом, что специалист был востребованным, высокоэффективным, заинтересованным в обучении и трудоустройстве. Например, студент БГПУ им. Акмуллы специальности «Молекулярная биофизика и физика полимеров» может получить знания как в образовательном учреждении на двух факультетах (физмат и естественно-географический), так и в исследовательском центре. Так, объединяя теорию и практику, можно добиться непрерывного обучения и обрести такие профессиональные компетентности, как:

1) готовность определять параметры устройств на производстве и в лаборатории (пример: определение ДНК различных веществ, забор образца);

2) готовность обеспечивать требуемые режимы по методике;

3) способность использовать технические средства.

Содержательный блок включает в себя программу дуального обучения для магистрантов БГПУ им. М. Акмуллы по специальности «Молекулярная биофизика и физика полимеров». Программа включает в себя:

— нормативно-правовую базу (в России, приоритеты развития профессионального образования в Республике Башкортостан);

— проектирование содержания обучения и учебного плана (теория 30–40 %, практика 60–70 %);

— создание структуры, занимающейся дуальным обучением (поиск компаний и институтов, заинтересованных в высококвалифицированных специалистах);

— обеспечение современными средствами обучения;

— изучение корпоративных ценностей.

Процессуальный блок включает в себя методы реализация дуального обучения, технологии обучения и наставничество. Рассмотрим методы реализации дуального обучения.

Методы создания положительной мотивации. В большинстве случаев учиться и работать одновременно тяжело для студентов. Студент изначально должен обладать самодисциплиной и высокой мотивацией,поэтому вуз должен создать психологически комфортные условия. Проведя опрос среди магистрантов специальности «Молекулярная биофизика и физика полимеров», можно сделать вывод, что стремление к высокому доходу является самой высокой мотивацией.

Методы организационно-познавательной, практической и когнитивной деятельности студента: обсуждения, дискуссии, решение задач на основе анализа конкретных ситуаций, экспериментов, проекты, учебные исследования.

Практические методы обучения охватывают широкий диапазон разнообразных видов деятельности студентов для качественного освоения общих и профессиональных компетенций. В них входят обсуждения, различного рода дискуссии, решение задач при моделировании конкретной ситуации. Также к ним относятся эксперименты, проекты, учебные исследования. Студент должен иметь когнитивные способности, уметь задавать правильные вопросы как в образовательном учреждение, так и на производстве, делать прогнозы, формулировать гипотезы.

Рефлексивно-оценочные методы. Студент должен проводить анализ результатов контроля, диагностику учебных затруднений, оценить значимость приобретенных знаний и умений.

Итак, при дуальном обучении преподавателем используются методы, приближенные к производственной деятельности.

Процессуальный блок также включает в себя наставничество на предприятии, реализующем мероприятия по организации и осуществлению дуального обучения в профессиональных образовательных организациях [6].

Наставничество — это процесс передачи знаний, умений и навыков наиболее квалифицированных специалистов самого предприятия студентам при осуществлении дуального обучения. Наставничество проводится в период прохождения студентами производственной практики.

Цель наставничества — передать профессионализм, научить оптимально использовать время и ресурсы, обучить наиболее рациональным приемам и методам работы для достижения студентами высокого уровня подготовки по своей специальности.

Задачи наставничества:

— оказание помощи студентам в адаптации к условиям производственной деятельности;

— повышение уровня профессиональных навыков и качеств;

— сопровождение студента на предприятии при осуществлении дуального обучения;

— формирование таких качеств, как дисциплина, трудолюбие, чувство ответственности за порученное дело;

— приобщение к корпоративной культуре организации, дресс-коду и установленным правилам;

— повышение мотивации при заинтересованности организации в конкретном студенте.

Также важна результативность внедрения дуального обучения. Она определяется критериями:

— наличие единой нормативно-правовой основы функционирования производственно-образовательной среды;

— повышение качества профессиональной подготовки обучающихся;

— совершенствование технологий профессиональной подготовки обучающихся;

— модернизация материально-технической базы профессиональной образовательной организации в соответствии с требованиями ФГОС СПО;

— обеспечение трудоустройства выпускников на предприятии.

Перейдем к технологиям дуального обучения. Так как в дуальном обучении идет сокращение теоретических занятий, то стоит выбор таких технологий дуального обучения, которые в дальнейшем создали бы прочную основу профессиональных знаний.

Разберем критерии отбора технологий дуального обучения:

— выбор оптимального содержания материала;

— возможность использовать процессуальный аппарат в педагогической технологии для обеспечения завершенного цикла в отведенный промежуток времени и достижения заданного результата.

Технология концентрированного обучения подходит для дуального образования. Так как в специальности «Молекулярная биофизика и физика полимеров» представлена межпредметная связь, большой блок содержания изучается в отведенный промежуток времени. Возможно концентрическое (полный день) либо линейное(частичное) погружение. Также дуальное обучение — это синхронизация теории и практики, поэтому предприятие, с которым заключен договор, должно договориться с вузом о чередовании теоретического и практического обучения, зафиксированном в учебном плане. Формой организации учебного занятия в технологии концентрированного обучения является урок погружения. Структура такого урока включает в себя актуализацию, лекцию, само погружение, контроль. Такая последовательность помогает изучать материал без временных разрывов, учитывать этапы формирования знания от начального восприятия до контроля над уровнем усвоения [7].

Достоинства технологии концентрированного обучения:

— правильная организация урока погружения обеспечивает прочное усвоение и запоминание содержание обучения на основе правильно организованного процесса познания;

— экономия времени развивает универсальные учебные действия и общие компетенции;

— технология концентрированного обучения не исключает другие методы обучения.

Обобщая процессуальный блок, можно сказать, что, используя все три компонента, можно добиться повышения качества профессиональной подготовки студентов [8].

Заключение. Вывод

Таким образом, нами предложена структурная модель подготовки специалиста на основе принципов дуального обучения. Специфика дуального образования наилучшим образом готовит студентов к работе по выбранной профессии. В данном случае профессиональное образование ориентировано на реальное производство и развитие системы прогнозирования потребности в кадрах. Также идет значительный рост квалифицированных рабочих кадров в результате развития дуального обучения — новой формы образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дуальная система профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы: материалы всероссийской науч.-практич. видеоконференции (Димитровград, 25 апреля 2014 г.). Димитровград, 2014. 77 с.

2. Полянин В. А. Образовательная система дуального формата и профессиональное самоопределение педагога // Образовательные технологии. 2010. № 2. С. 68–96.

3. Дуальное обучение: опыт Германии и реалии России. Дуальная система. Управление производством. URL: http://www.uppro.ru/library/personnel_management.html

4. Агентство стратегических наук. URL: asi.ru

5. Дуальная система обучения. Русско-немецкий словарь-справочник. URL: http://prof-mayak.ru

6. Югфельд Е. А. Анализ эффективности дуальной модели обучения при подготовке специалистов в условиях государственно-частного партнерства // Вестник высшей школы «Almamater». 2014. № 9. С. 40–45.

7. Внедрение элементов дуального обучения в образовательный процесс профессиональных образовательных организаций:сборник организационно-методических материалов. Кострома: Костромской областной институт развития образования, 2015. С. 10–17.

8. Терещенкова Е. В. Дуальная система образования как основа подготовки специалистов // Концепт. 2014. № 4. С. 41–45.

REFERENCER

1. The dual system of professional education: experience, problems, prospects: Materials of the all-Russian scientific and practical videoconference (Dimitrovgrad, April 25, 2014). Dimitrovgrad, 2014. 77 p. (In Russ.).

2. Polyanin V. A. Educational system of dual format and professional self-determination of the teacher // Educational technologies. 2010. No. 2. Pp. 68–96. (In Russ.).

3. Dual training: the experience of Germany and the realities of Russia. The dual system.Production management.(In Russ.). URL: http://www.uppro.ru/library/personnel_management.html.

4. Agency of Strategic Sciences. (In Russ.). URL: asi.ru.

5. Dual system of training. Russian-German reference dictionary. (In Russ.). URL: http://prof-mayak.ru

6. Yugfeld E. A. Analysis of the effectiveness of the dual model of training in the training of specialists in the context of public-private partnership // Bulletin of the Higher School “Alma mater”. 2014. No. 9. Pp. 40–45. (In Russ.).

7. Introduction of elements of dual training in the educational process of professional educational organizations: Collection of organizational and methodological materials. Kostroma: Kostroma Regional Institute of Educational Development, 2015. Pp. 10–17. (In Russ.).

8. Tereshchenkova E. V. Dual education system as a basis for training specialists // Concept. 2014. No. 4. Pp. 41–45. (In Russ.).

Как цитировать статью: Косарев Н. Ф., Рахимова Л. Р. Модель подготовки специалиста на основе принципов дуального обучения // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 418–422. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.461.

For citation: Kosarev N. F., Rakhimova L. R. Model of specialist training based on the principles of dual training // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 418–422. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.461.

УДК 377, 378
ББК 74

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.435

Kuznetsova Ekaterina Ivanovna,
Second-year student of the Master's Program
Department of Pedagogical Technology
of Continuing Education,
Moscow City Pedagogical University,
Moscow,
e-mail: bloomzbarryy@yandex.ru

Кузнецова Екатерина Ивановна,
магистрант 2-го курса
кафедры педагогических технологий
непрерывного образования,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва,
e-mail: bloomzbarryy@yandex.ru

Terov Andrei Aleksandrovich,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor of the Department of Pedagogical Technology
of Continuing Education,
Moscow City Pedagogical University,
Moscow,
e-mail: terov68@mail.ru

Теров Андрей Александрович,
канд. пед. наук,
доцент кафедры педагогических технологий
непрерывного образования,
Московский городской педагогический университет,
г. Москва,
e-mail: terov68@mail.ru

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И ТЬЮТОРСТВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ ТЬЮТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PROFESSIONAL EDUCATION OF SPECIALISTS IN THE FIELS OF INDIVIDUALIZATION AND TUTORING: SOME ASPECTS OF THEIR COMPETENCE MODEL

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.08 – Теория и методика профессионального образования
13.00.01 – General Pedagogics and history of pedagogics and education
13.00.08 – Theory and methodology of professional education

В статье раскрывается актуальность проблемы подготовки современных специалистов в области индивидуализации и тьюторства, сформулированы существующие противоречия современной отечественной системы образования в контексте подготовки специалистов данного профиля. Приведен анализ действующего профессионального стандарта тьюторов, актуальных вакансий в этой сфере и требований, предъявляемых к специалистам этого направления, а также реализуемых на сегодняшний день в России образовательных программ по подготовке профессионалов в области тьюторства и индивидуализации. На основе проведенного анализа, а также актуальных мировых трендов в социальной сфере в целом и сфере образования в частности авторы предлагают новый взгляд на структуру и содержание компетентностной модели тьютора. Предлагаемая модель основывается на получившей широкое распространение концепции разделения «жестких» и «мягких», «гибких» навыков и интеграции данного подхода с уже сложившейся практикой подготовки специалистов в области индивидуализации и тьюторства в нашей стране в последние 10 лет. Описываемая модель включает в себя четыре блока, состоящие из перечня сфер, в которых профессиональный тьютор должен иметь определенный уровень развития компетенций. В статье тезисно раскрывается содержание каждого из блоков предлагаемой модели и основные подходы к реализации обучения, направленного на формирование обозначенных компетенций. В заключении авторы делают вывод о том, что необходимы дальнейшее развитие подходов к профессиональной подготовке специалистов в области индивидуализации и тьюторства и интеграция ведущих мировых достижений и практик в сфере образования и наук о человеке с существующими отечественными программами.

The article reveals the urgency of the problem of training of the modern specialists in the field of individualization and tutoring. It articulates the existing contradictions of the modern domestic educational system in the context of training specialists of this profile. The analysis of the current professional standard of tutors, open vacancies in this field and the requirements for the specialists in this area, as well as educational programs for training professionals in the field of tutoring and individualization, currently being implemented in Russia, is given. Based on the analysis, as well as the current world trends in the social sphere in general and in education in particular, the authors offer a new perspective for the structure and content of the competency model of a tutor. The proposed model is based on the widely disseminated concept of the division of soft skills and hard skills and the integration of this approach with the already established practice of training specialists in the field of individualization and tutoring in our country in the last 10 years. The model described includes four blocks, consisting of a list of spheres, in which a professional tutor must have a certain level of competence development. The authors condense down the content of each of the blocks of the proposed model and the main approaches to implementation of training within the framework of this concept. In conclusion, the authors point that it is necessary to develop approaches to the professional training of specialists in the field of individualization and tutoring and integrate the world's leading achievements and practices in the field of education and human sciences with existing domestic educational programs.

Ключевые слова: педагогическая наука, образовательная практика, тенденции, перспективы, индивидуализация образования, тьюторство в России, подготовка специалистов в области образования и тьюторства, открытое образование, модель компетенций тьютора, навыки XXI века.

Key words: pedagogical science, educational practice, trends, perspectives, individualization of education, tutoring in Russia, training of specialists in the field of education and tutoring, open education, model of tutor competencies, XXI-st century skills.

Введение

Современный уровень развития цивилизации характеризуется высокой степенью неопределенности, глобализацией и усилением конкуренции. В связи с этим приоритетное значение приобретают современные концепции, технологии, способы развития человеческого капитала, самореализации личности.

Эти же тенденции приводят к возрастанию необходимости реформирования образования как социального института, способствующего формированию и развитию индивидуальностей, обладающих самостоятельностью, инициативностью, ответственностью, компетентностями для деятельности в ситуации неопределенности и поливариантности. Одним из ключевых моментов реформирования образования в соответствии с этими требованиями становится его модернизация путем реализации концепции открытого образования, индивидуализации и тьюторских практик [1]. Современная философия образования, опираясь на анализ тенденций развития человеческой цивилизации, фиксирует усиление ценности индивидуального, в том числе индивидуального образовательного пути (программы, траектории). Обществом признана ценность осмысленного построения человеком своего образования, включая общее и профессиональное. В современной дидактике, в свою очередь, фиксируется различие индивидуального подхода и индивидуализации в организации процесса обучения. Но, в отличие от принципа индивидуального подхода, принцип индивидуализации в образовании пока еще разработан недостаточно. Российская система образования, следуя за международными трендами, уделяет все больше внимания данному вопросу. Такие понятия, как индивидуальная образовательная программа и индивидуальный образовательный маршрут, все активнее входят в профессиональный лексикон не только чиновников от образования и педагогов, но и самих учащихся и их родителей. Более того, мы все чаще говорим об индивидуальной образовательной программе в контексте обучения на протяжении всей жизни. В связи с этим возникают вопросы: как именно выстраивать это индивидуализированное образование? какие специалисты могут его обеспечить и какие им для этого требуются знания, навыки и компетенции?

На актуальном этапе развития тьюторской профессии вопрос о необходимых актуальных знаниях и компетенциях специалистов данного профиля стоит достаточно остро как в теоретической, так и в практической плоскости. Эта педагогическая специальность получает все большее распространение как в институциональных образовательных организациях, так и в открытом образовании. Можно сказать, что на сегодняшний день спрос на подобных специалистов превышает предложение, поскольку мест, где можно пройти обучение по этому направлению, не так много. На всю страну существует немногим более 10 программ высшего образования (бакалаврских и магистерских) в сфере тьюторства и индивидуализации. Среди программ повышения квалификации все больший упор делается на специфику инклюзивного образования. При этом «становление рынка самозанятых тьюторов актуализирует новые компетенции данных специалистов и определяет новые задачи перед системой повышения квалификации и переподготовки педагогов» [2]. Таким образом, можно сказать о том, что на сегодняшний день отсутствует некоторое целостное представление о модели тьюторских компетенций, разделяемое большой частью педагогического сообщества и другими субъектами образования (администрацией образовательных учреждений, заказчиками данного вида услуг и самими тьюторантами). При этом профессор Т. В. Бурлакова отмечает, что «изучение методологических и теоретических проблем развития отечественного и зарубежного высшего педагогического образования, а также обучения будущих учителей и организации образовательного процесса в педагогических вузах позволяет утверждать, что индивидуализация способна привести профессиональную подготовку педагогов в соответствие с новыми социальными реалиями и международными стандартами, сделать студента субъектом образования» [3].

Этим детерминирована **актуальность** рассматриваемого в данной статье вопроса — эффективной подготовки специалистов в области индивидуализации и тьюторства и того, какими знаниями, навыками и компетенциями они должны обладать.

Исследовательская проблема, рассматриваемая в статье, задается наличием, с одной стороны, разнообразных педагогических тьюторских практик, а с другой стороны, — недостаточным осмыслением этого типа практик в отечественной педагогической науке как ресурса осуществления индивидуализации в современном образовании.

Выявленная нами проблема обусловлена рядом существенных противоречий, присущих современному отечественному образованию:

— противоречие между общественной потребностью в формировании активного и инициативного, высокообразованного гражданина и недостаточной научно-теоретической и практической проработанностью проблемы организации образовательного процесса, направленного на формирование и развитие такой личности;

— противоречие между потребностью социума и рынка труда в формировании и развитии инициативных и ответственных работников-профессионалов и массовой образовательной практикой, все еще практически мало ориентированной на развитие у человека способности самостоятельно делать выбор и прогнозировать последствия своего выбора;

— между полиэтничностью, поликонфессиональностью контингента обучающихся в Российской Федерации, проявляющихся в разнообразии социального, этнического, конфессионального и иного состава обучающихся, и однообразием, недостаточной вариативностью образовательного процесса;

— между стремлением учащихся к построению и реализации индивидуальных образовательных программ и отсутствием педагогов, способных к осуществлению особого педагогического сопровождения, формирования и реализации учащимися индивидуальных образовательных программ, профессионального и личностного самоопределения и становления.

Все перечисленные выше противоречия позволили нам определить **содержание** данной статьи, а именно вопросы специфики образовательной подготовки специалистов в области индивидуализации и тьюторства.

Целью исследования является выявление и описание базовых компетенций и областей знания, которыми должен владеть специалист в области индивидуализации и тьюторства, а также формирование и описание модели тьюторских компетенций, которую можно использовать в качестве опоры для проектирования и реализации профессиональной подготовки тьюторов.

Для достижения данной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1) изучить накопленный опыт по подготовке специалистов в области индивидуализации и тьюторства;

2) провести анализ содержания действующих образовательных программ по специальности данного профиля;

3) проанализировать существующие тренды в образовании, связанные с осмыслением новых подходов в обучении и, в частности навыков XXI века;

4) описать модель комплекса компетенций и теоретических знаний, необходимых такому специалисту помогающих профессий, как тьютор.

Научная новизна исследования состоит в формировании конкретных методических рекомендаций для проектирования и реализации программ обучения и профессиональной подготовки специалистов в области индивидуализации и тьюторства на основании практического опыта, а также имеющихся теоретических наработкок в данной сфере.

В рамках данного исследования были использованы следующие **методы**:

— методы теоретико-методологического анализа (историографический, сравнительно-сопоставительный, ретроспективный, моделирующий); теоретический анализ философской, социологической, психологической и педагогической литературы по изучаемой проблеме;

— методы практического исследования, включающие обсервационные (прямые и опосредованные), праксиметрические (анализ продуктов деятельности) методы.

Методология исследования: деятельностный и системно-деятельностный подходы в образовании, антропологический подход в гуманитарных науках.

Основная часть

Для рассмотрения компетенций, характеризующих профессиональную деятельность тьютора, мы опирались на тренды, актуальные как для построения модели тьюторских компетенций, учитывающих вызовы и перспективы развития глобальной системы образования, так и для организации самого процесса подготовки новых специалистов. Система обучения тьюторов должна быть практико-ориентированной, непрерывной, гибкой, включать в себя онлайн- и офлайн-форматы, развивать цифровую грамотность, а также давать возможность для оценивания индивидуального прогресса обучающихся.

На основании анализа вакансий на позиции специалиста в области индивидуализации и тьюторства, произведенного за три месяца 2018 г., можно сделать вывод, что, с одной стороны, представления о сущности деятельности тьютора в обществе все еще достаточно размыты, поэтому происходит смешение позиций и включение в функционал тьютора самых разных обязанностей, часто не связанных с данной позицией. С другой стороны, требования, предъявляемые к тьюторам даже в инновационных проектах, верно понимающих суть профессии, зачастую сформулированы весьма обобщенно и включают в себя в первую очередь ключевые компетенции XXI в. [4] и различные личностные качества.

Для описания актуальной модели тьюторских компетенций нами был проведен анализ профессионального стандарта тьюторской деятельности, а также структуры и содержания существующих образовательных программ профессиональной подготовки (переподготовки) в этом направлении и программ отдельных курсов по тьюторству в рамках высшего педагогического образования. Особенно пристальное внимание было уделено магистерским программам «Тьюторство в сфере образования» МПГУ и МГПУ, «Тьюторское сопровождение в образовании» ДВФУ, программе бакалавриата по тьюторству в СФУ, а также программам по тьюторству как отдельной дисциплине в Уральском государственном педагогическом университете и Казанском федеральном университете.

В январе 2017 г. Министерством труда и социальной защиты России был утвержден профессиональный стандарт специалиста в области воспитания [5]. В рамках этого документа содержится перечень необходимых умений и знаний, которыми должен обладать практикующий тьютор.

Требования к умениям можно объединить по следующим направлениям (каждое из направлений включает отдельный блок по работе с тьюторантами с ОВЗ и особыми образовательными потребностями):

1) умение применять методы педагогической диагностики для выявления индивидуальной образовательной ситуации и особенностей тьюторанта;

2) умение работать с ИОП (выявлять интерес, оформлять его, строить индивидуальный маршрут и индивидуальную программу согласно интересам);

3) создание поддерживающей психологической среды (благоприятный психологический климат, выстраивание доверительных отношений);

4) тьюторская рефлексия и анализ результатов деятельности, а также умение проводить рефлексию деятельности с тьюторантом;

5) способность организовывать различные форматы взаимодействия с тьюторантами, игровые и творческие процессы, беседы, тренинги;

6) умение работать с ИКТ технологиями, включая дистанционный формат взаимодействия с тьюторантами;

7) навык работы с родителями и включения их в образовательный процесс;

8) владение навыками ведения рабочей документации тьютора;

9) навыки первой медицинской помощи.

Требования к знаниям, которыми должен обладать тьютор, согласно профессиональному стандарту также можно сгруппировать по блокам:

1) знание необходимых законодательных актов в области образования, профессиональных стандартов и др.;

2) знание теории и методики тьюторского сопровождения, в том числе технологий открытого образования и индивидуализации, ресурсной схемы тьюторского действия и этапов сопровождения, а также основные разработки ИУП и ИОП и адаптированных образовательных программ;

3) особенности построения образовательных программ на всех ступенях образования;

4) основы коррекционной педагогики;

5) методы педагогический диагностики;

6) возрастные особенности тьюторантов, особенно психологии, психофизиологии, мотивации и познавательной активности тьюторантов;

7) методы формирования благоприятного психологического климата и поддерживающей среды;

8) методы обучения тьюторантов самооценке и рефлексии;

9) методы организации игровой и творческой деятельности;

10) знания о том, как проводить анализ и оценку полученных результатов;

11) виды рабочей документации тьютора;

12) знание правил оказания первой помощи, а также требований к охране труда, жизни и здоровья.

Переходя к анализу содержания основных образовательных программ специальной профессиональной подготовки тьюторов, в первую очередь важно обозначить, что подразумевается под сопровождением процесса формирования и реализации ИОП в рамках флагманской образовательной программы «Тьюторство в сфере образования», открывшейся в 2008 г. на базе МПГУ под руководством Т. М. Ковалевой. Так, педагогическая деятельность по сопровождению процессов формирования и реализации ИОП лицами разных возрастов и на разных ступенях образования включает:

а) выявление образовательного запроса (интереса) тьюторанта и помощь в постановке образовательных целей;

б) организацию проектирования образовательной деятельности, в том числе анализ и поиск образовательных ресурсов;

в) содействие в реализации проекта образовательной деятельности в образовательной среде,

г) организацию рефлексии и проектирования следующего шага в образовании.

Если обратиться к набору изучаемых дисциплин в рамках вышеперечисленных программ, то можно разделить предметы на несколько основных тематических блоков.

1. **Основы педагогики и психологии:**

— психолого-педагогический практикум «Введение в педагогическую деятельность»;

— научно-исследовательский семинар «Актуальные проблемы современного отечественного и зарубежного образования»;

— теоретические подходы в образовании и педагогике;

— педагогическая поддержка и сопровождение семьи;

— психологические теории как основа для проектирования развивающих программ;

—Тпедагогические основания социального взаимодействия в образовании;

— теоретические подходы в образовании и педагогике.

2. **Основы исследовательской деятельности:**

— методология научных исследований в образовании;

— комплексная диагностика в педагогических исследованиях (мониторинг результатов педагогического исследования);

— методология и практика исследовательской деятельности.

3. **Менеджмент:**

— управление гуманитарными системами в образовании;

— образовательный менеджмент;

— самоменеджмент.

4. **Проектная деятельность:**

— проектирование и экспертиза образовательных систем;

— основы проектной деятельности;

—педагогическое проектирование и реализация поликультурных образовательных событий;

— основы педагогического дизайна в информальном образовании;

— сопровождение проектно-исследовательской деятельности школьников;

— проектирование и сопровождение культурно-просветительских программ.

5. **Дисциплины для повышения общекультурного уровня:**

— логика;

— философия;

— культурология.

6. **Освоение информационных технологий:**

— современные образовательные и информационные технологии;

— информатика;

— ИКТ в образовании;

— Е-портфолио в личностном и профессиональном развитии;

— социальные сервисы, облачные и дистанционные технологии;

— сопровождение сетевых образовательных программ и проектов средствами поликультурной образовательной платформы непрерывного образования;

— сетевое взаимодействие в образовании.

7. **Специализированные дисциплины:**

— исторические истоки и теоретические основы тьюторства;

— технологии открытого образования (практикум «Психологические проблемы деятельности педагога»);

— психолого-педагогическое сопровождение субъектов образования в условиях индивидуализации (тьюторское сопровождение процесса индивидуализации в вузе);

— теория и практика тьюторского сопровождения;

— самоопределение и профессиональная ориентация обучающихся;

— профессиональное и личностное самоопределение обучающихся;

— практики инклюзивного образования;

— тьюторство и поликультурная медиация в образовательной организации;

— социальное тьюторство;

— практикум тьюторской коммуникации и рефлексии.

Большинство программ также содержат информацию о компетенциях, которые должны сформироваться у студентов в результате обучения по данной специальности. Чаще всего выделяют следующие необходимые компетенции и навыки:

— готовность свободно работать в различных профессиональных средах в условиях неопределенности;

— способность проектировать открытую, избыточную, вариативную образовательную среду, тьюторские технологии для развития разнообразных практик в организации;

— способность формировать стратегию продолжения образования через построение индивидуальных образовательных программ;

— способность осуществлять процедуры профессионального самопознания через самооценку уровня сформированности профессионально значимых качеств и способностей педагога-тьютора;

— умение осуществлять психолого-педагогическую диагностику индивидуальных интересов и запросов учащихся, их социально-профессиональных ценностных ориентаций, жизненных планов, характерологических качеств и др.;

— умение оценивать достигнутые образовательные и воспитательные результаты в процессе тьюторского сопровождения учебно-воспитательного процесса в школе.

На основании проведенного анализа авторы данной статьи считают существующие представления о роли тьютора и его позиции, а также те требования, которые предъявляются к специалистам данного профиля, их знаниями и навыкам, с одной стороны, очень обширными, но, с другой стороны, недостаточно учитывающими вызовы современного образования и общемировые социально-экономические изменения. В связи с этим авторам видится целесообразным сформулировать и обосновать целостную модель компетенций тьютора, востребованных на российском и международном рынке. Данная модель компетенций может стать основой для проектирования и реализации содержания специальной профессиональной подготовки тьюторов и будет дополнена технологиями, методиками и приемами, которыми, на наш взгляд, целесообразно осваивать это содержание.

В рамках данной статьи авторы презентуют некоторые аспекты модели тьюторских компетенций и сделана попытка интегрировать современные мировые подходы к выделению ключевых навыков и компетенций в сфере образования и работы с человеческим капиталом и уже существующие практики профессионального образования тьюторов.

Так, в частности, была использована идея о том, что в деятельностном залоге выделяют два типа навыков: hard skills и soft skills.

Hard skills, или «жесткие» навыки, — это все навыки, которые связаны непосредственно с ремеслом и той деятельностью, которой занимается человек.

Soft skills, или «гибкие» навыки, связаны не с ремеслом, а с коммуникациями и навыками, необходимыми для успешной работы в своей сфере, команде, в коллективе — с другими людьми. Самый широкий блок soft skills — это коммуникативные навыки. Общекоммуникативные навыки, которые необходимы всем, — это умение вести беседу, аргументировать свою позицию, выстраивать контраргументацию, задавать правильные вопросы, давать обратную связь и т. д. Существует также большой блок других soft skills различной направленности: навыки управления временем, управления личными финансами, работы с информацией, целеполагания и т.д. [6].

Предлагаемая модель представляет из себя квадрант, включающий деление по двум основным парам характеристик:

— предметные навыки, или hard skills, и «гибкие» навыки, или softskills;

— общекультурные компетенции и специальные профессиональные компетенции.

Таким образом, набор знаний и навыков распределен по четырем блокам (табл. 1).

Таблица 1

Модель компетенций профессиональной тьюторской деятельности

Навыки	Общекультурные компетенции	Профессиональные компетенции
Предметные навыки (hard skills)	1	4
«Гибкие» навыки (soft skills)	2	3

Блок 1 составляют те умения и компетенции, которые являются, с одной стороны, конкретными, то есть связанными с тем ими иным предметным содержанием, с другой стороны, достаточно универсальными, то есть необходимы широкому кругу специалистов, работающих в поле педагогики и воспитания.

Блок 2 содержит те личностные качества и навыки, которые, с одной стороны, требуются многим специалистам и в целом востребованы в современной культуре, но в то же время не предметны и трудно измеримы, однако при этом оказывают большое влияние на уровень востребованности, успешности и реализованности личности.

Блок 3 включает те специфические «гибкие» навыки, знания и компетенции, которые необходимы специалистам помогающих профессий, в том числе тьюторам.

Блок 4 охватывает специальные предметные знания и навыки, необходимые тьютору для успешной реализации практики.

Стоит отметить, что нумерация блоков не выражает какую-либо иерархию компетенций или предполагаемую последовательность их усвоения, скорее это возможное основание для индивидуальной образовательной программы, которую сможет себе построить как начинающий тьютор, так и более опытный практик.

Далее рассмотрим более подробно содержание каждого из блоков.

Блок 1 включает в себя базовые элементы современной грамотности, такие как функциональная грамотность, цифровая грамотность, знание английского языка как основного языка международной коммуникации и знание основ педагогики и психологии, тех разделов, что наиболее востребованы при работе тьютора.

Под *функциональной грамотностью* в данном случае авторы понимают совокупность базовых типов грамотности для эффективного взаимодействия с окружающим миром:

— читательская грамотность — способность к пониманию и осмыслению письменных текстов, к использованию их содержания для достижения собственных целей, развития знаний и возможностей, для активного участия в жизни общества;

— математическая грамотность — способность человека определять и понимать роль математики в мире, в котором он живет, высказывать хорошо обоснованные математические суждения и использовать математику так, чтобы удовлетворять в настоящем и будущем потребности, присущие созидательному, заинтересованному и мыслящему гражданину;

— естественно-научная грамотность — способность использовать естественно-научные знания для отбора в реальных жизненных ситуациях тех проблем, которые могут быть исследованы и решены с помощью научных методов, для получения выводов, основанных на наблюдениях и экспериментах, необходимых для понимания окружающего мира и тех изменений, которые вносит в него деятельность человека, а также для принятия соответствующих решений [7].

Эти определения перекликаются с определением функциональной грамотности, сформулированным А.А. Леонтьевым: «Функционально грамотный человек — это человек, который способен использовать все постоянно приобретаемые в течение жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» [8].

Цифровую грамотность авторы трактуют как набор знаний и умений, необходимых для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета [9]. Такой набор включает в себя цифровое потребление; цифровые компетенции; цифровую безопасность.

Следующей важнейшей составляющей первого блока компетентностной модели тьютора является *знание английского языка*. В современном мире трудно переоценить важность владения иностранным языком, и в первую очередь английском, ведь именно он является на данный момент основным инструментом международной коммуникации. Знание языка дает доступ к колоссальному количеству ресурсов материальных, интеллектуальных, творческих. С его помощью можно знакомиться с последними научными достижениями, опытом коллег по всему мир. Тьютор как носитель инновационного подхода к образованию просто обязан быть в курсе мировых образовательных трендов. Также знание языка очень существенно расширяет возможности навигации в образовательных ресурсах, которые могут быть необходимы тьюторантам.

Современная ситуация делает обязательным для тьютора *знакомство с основными существующими педагогическими системами*. Основы педагогики и ознакомление с различными приемами дидактики создают основу для успешного освоения более специфических дисциплин, связанных с технологиями открытого образования и проч. Также немаловажным в этой связи выступает *ознакомление с курсом возрастной психологии*, необходимое для формирования у тьютора представлений о ведущей деятельности на каждом этапе развития, об особенностях восприятия человеком окружающего мира.

К блоку 2 авторы относят ключевые навыки XIX в. (4К: коммуникация, командная работа, критическое мышление и креативность), а также эмоциональный интеллект и базовые практики личной эффективности, такие как тайм-менеджмент, планирование и целеполагание.

Коммуникационные навыки специалистов, получающих высшее образование в сфере индивидуализации и тьюторства, на наш взгляд, должны развиваться в двух направлениях:

— навыки академической коммуникации, поскольку это одна из базовых компетенций, приобретаемых в результате получения высшего образования, — умение формулировать свои мысли письменно и устно в рамках научного дискурса;

— навыки ненасильственного общения, необходимые для формирования поддерживающий среды и выстраивания партнерских отношений как с тьюторантом, так и в самом широком жизненном контексте.

Ненасильственное общение (ННО) — это уникальный метод, позволяющий наладить общение с людьми, обрести гармонию внутри себя и предотвращать конфликты. Это достигается благодаря состраданию, эмпатии и выражению собственных потребностей.

Обучение и практика ненасильственного общения в школьных сообществах помогают учителям, администраторам, студентам и родителям делать школу местом, где дети любят учиться, учителя любят преподавать и где родители чувствуют уверенность в том, что потребности их детей в безопасности, уважении и обучении можно удовлетворить. Сотни школ по всему миру интегрировали принципы ННО и отмечают следующие результаты использования этого метода [10]:

— уменьшение количества конфликтов;

— повышение качества медиации возникающих конфликтов;

— увеличение способности слушать друг друга;

— взаимное уважение среди всех участников образовательного процесса;

— развитие субъектности учащихся — они берут на себя ответственность за свое обучение;

— большая вовлеченность учащихся в процесс обучения;

— больше удовольствия для всех;

— ученики и учителя чувствуют себя в безопасности в школе.

Следующим важнейшим навыком XIX в. является *навык критического мышления* (англ. critical thinking). Под ним мы понимаем систему суждений, используемую для анализа вещей и событий, с формулированием аргументированных выводов, что позволяет выносить обоснованные оценки, интерпретации, а также корректно применять полученные результаты к ситуациям и проблемам.

Критическое мышление является одной из базовых учебных дисциплин в высшем образовании многих англоязычных стран. Студентов учат внимательно читать тексты, проявлять методическое сомнение (то есть, согласно Декарту, обнаруживать то, «в чем логически возможно сомневаться»), находить слабые места как в чужих, так и в собственных аргументах, работать с понятиями, четко и обоснованно выражать свои мысли. Важным компонентом такого обучения является умение задавать правильные вопросы. Вопросам может уделяться гораздо больше внимания, чем это привычно для отечественной системы образования.

Критическое мышление как учебная дисциплина базируется на правилах формальной логики, теории и практике аргументации, риторике и научной эпистемологии (раздел философии, который занимается инструментами и ограничениями познавательной деятельности). Одним из видных теоретиков в этой области был Карл Поппер, который считал критическое мышление основой всякой рациональности. Знание, по Попперу, не существует без практики выдвижения гипотез, их обоснования или опровержения. Вопрос об источнике здесь вообще не имеет значения: важен именно метод и отношение к исходным данным.

Для тьютора навык критического мышления особенно важен, поскольку он, с одной стороны, все время находится в исследовательской позиции, ищет новые ресурсы для своих подопечных, осваивает новые знания и технологии, с другой стороны, должен быть носителем данного навыка, чтобы транслировать его своим подопечным, ведь без этого инструмента крайне трудно сформировать и успешно реализовать индивидуальную образовательную программу.

Третьим важнейшим компонентом данного блока является *креативность* — это способность личности мыслить нестандартно, принимать решения, создавать что-то новое. В основе понятия лежит глагол английской речи create, в переводе обозначающий «создавать». А креативный (creative) — «создающий», «творческий».

В психологии выделяют следующие определения креативности:

— создание нового из привычного;

— решение проблемы неординарными способами;

— отказ от стереотипов;

— оригинальность и гибкость мышления;

— непрерывный анализ и синтез;
— интуитивный выбор единственно верного решения;
— генерирование новых идей.

Креативность, способность создавать новое и умение нестандартно взглянуть на ситуацию также являются важнейшими компетенциями тьютора, работающего в ситуации максимальной открытости и неопределенности.

Четвертным компонентом компетентностной модели 4К определяют *умение сотрудничать и работать в команде.* Значимость командной работы, умение создавать неиерархичные горизонтальные сообщества и достигать общего результата подчеркивается всеми ведущими аналитиками в сфере человеческого капитала.

Командная работа есть процесс совместной работы с группой людей для достижения общей цели. Она часто является важной частью реализации проекта на любом уровне, так как для людей необходимо хорошо работать вместе, несмотря на обстоятельства. Командная работа означает, что люди будут пытаться сотрудничать, используя свои индивидуальные навыки и обеспечивая конструктивную обратную связь, несмотря на личные отношения или конфликты между собой. В ситуации, когда в рамках сетевого общества тьютору крайне важно уметь формировать команду специалистов вокруг своего тьюторанта и обустраивать для него непротиворечивый целостный образовательный процесс, навыки командной работы приобретают критически важное значение.

Еще одной важной составляющей, имеющей универсальное значение для успешной реализации человека в современном обществе, является *социально-эмоциональный интеллект*, или EI. Эмоциональным интеллектом называют способность человека воспринимать собственные эмоции и управлять чувствами для эффективного решения задач.

Модель «черты эмоционального интеллекта», исследованием которой занимается лаборатория психологии и психометрии Университетского колледжа Лондона, подразумевает, что эмоциям невозможно дать количественную оценку. Программа изучает восприятие человеком собственных эмоций, позволяя тестируемому дать оценку своим чувствам, пройдя тест.

Тест состоит из 15 компонентов, или «черт» эмоционального интеллекта, включая способность адаптироваться к обстоятельствам, умение эффективно принимать решения, сопереживать и испытывать счастье. Текст основывается на исследованиях израильского психолога Рувена Бар-Она, первым представившим целостную модель эмоционального интеллекта [11].

От Дарвина до настоящего времени большинство описаний, определений и концепций социально-эмоционального интеллекта включали в себя один или несколько следующих ключевых компонентов, все из которых включены в концептуальную модель Бар-Она:

1) способность понимать эмоции, а также выразить наши чувства и себя;

2) способность понимать чувства других и относиться к людям с эмпатией;

3) способность управлять и контролировать наши эмоции, чтобы они работали в наших интересах, а не против них;

4) способность управлять изменениями и решать проблемы внутриличностного и межличностного характера;

5) способность генерировать позитивное настроение и быть самомотивированным.

На наш взгляд, развитый социально-эмоциональный интеллект является фундаментом для профессионального становления специалистов в области индивидуализации и тьюторства.

Блок навыков, связанный с личной эффективностью, призван помочь повысить общую способность человека выполнять различные задачи и действия в его образовательных, деловых, спортивных и жизненных проектах. Цель такого курса — помочь людям узнать практические простые навыки и стратегии, необходимые для достижения успеха во всех областях их жизни. Он включает в себя те навыки, которые могут быть легко интегрированы в повседневную жизнь человека настолько, что улучшают его общую эффективность выполнения различных задач и действий.

В отличие навыков межличностной коммуникации, которые фокусируются на взаимоотношениях и взаимодействиях с другими людьми, это тот блок навыков, которые могут применяться независимо от других людей. Он включает в себя техники постановки личных целей, управления временем, принципы решения задач различного уровня и эмоциональный интеллект. Эмоциональный интеллект как важная составляющая личной эффективности уже был рассмотрен как один из пунктов блока общекультурных гибких навыков, поэтому теперь авторы предлагают сконцентрироваться на технологиях управления временем, постановки целей, выбора приоритетов.

Развитие этих навыков позволяет людям становиться более компетентными и уверенными в себе и своей работе, а также лучше достигать поставленных ими целей. Люди могут использовать различные стратегии и методы, чтобы максимально эффективно обустраивать свое образование и в дальнейшем помогать в этом своим тьюторантам. Эти стратегии включают разработку позитивных привычек, постановку целей, эмоциональный интеллект и управление стрессом.

Третьи блок в предлагаемой компетентностной модели включает в себя «гибкие» навыки, носящие специфический характер и необходимые в первую очередь специалистам помогающих профессий и антропопрактикам различных направлений. Этот блок навыков включает в себя телесную и психологическую осознанность и умение ее использовать в работе с Другим, а также знания и навыки по созданию поддерживающей среды.

Связь телесности и сознания, мышления была весьма убедительно доказана исследователями XX столетия. Телесные системы существенно влияют на восприятие, деятельность и эмоции человека, а также на высшие психические функции. Знания того, как осознавать свои телесные состояния, их влияние на когнитивные процессы, умение управлять этими процессами по мере возможности открывают колоссальный ресурс как для самих тьюторов, так и для их подопечных [12].

Педагогические профессии зачастую связаны с очень высоким уровнем стресса и большой вероятностью эмоционального выгорания. При этом в курсе подготовки учителей и других специалистов педагогической направленности, в том числе тьюторов, уделяется очень мало внимания освоению инструментов эмоциональной регуляции и осознания своих психологических и эмоциональных состояний. На наш взгляд, таким инструментом могут стать базовые практики осознанности — способность сосредоточиться на своем нынешнем опыте с непредвзятым осознанием. Такие практики могут помочь учителям и другим специалистам

помогающих профессий формировать вокруг себя спокойную, расслабленную, но оживленную образовательную среду, в которой другие люди могут учиться, развиваться, раскрывать свой потенциал. Внимательность также может помочь быть более эффективным в разрешении конфликтов и формировании более конструктивных способов общения между участниками образовательного процесса [13].

Заключительный блок предлагаемой компетентностной модели составляют специализированные знания и навыки, необходимые в работе именно специалисту в области тьюторства и индивидуализации. Этот блок является наиболее описанным и изученным на данном этапе, поэтому авторы дадут лишь общий перечень необходимых навыков и знаниевых областей.

С одной стороны, это уже используемый в профессиональном обучении перечень специальных дисциплин:

— исторические истоки и теоретические основы тьюторства;

— технологии открытого образования;

— психолого-педагогическое сопровождение субъектов образования в условиях индивидуализации;

— теория и практика тьюторского сопровождения;

— самоопределение и профессиональная ориентация обучающихся;

— профессиональное и личностное самоопределение обучающихся;

— практики инклюзивного образования;

— тьюторство и поликультурная медиация в образовательной организации;

— социальное тьюторство;

— практикум тьюторской коммуникации и рефлексии.

По мнению авторов, данный перечень образовательных направлений и связанных с ними компетенций должен быть дополнен блоками, отвечающими на запросы и вызовы современного образования, такими как:

— тьюторское сопровождение проектной и исследовательской деятельности;

— тьюторское сопровождение в онлайне.

Отдельно следует прокомментировать еще два пункта, заслуживающих особого внимания. Это навыки диагностики в контексте именно тьюторского сопровождения, а также знание форсайт-технологий и умение работать с будущим.

Диагностика служит важным средством обратной связи в процессе обучения. Очевидно, что в психологии и педагогике диагностика представляет собой отдельные, но взаимосвязанные и активно развивающиеся направления, имеющие свою проблематику, специфику и тенденции. Хотя это достаточно сложные научные понятия, на практике с опытом приходит осознание, что в основе использования диагностических методик лежит профессиональный интерес специалиста (в нашем случае тьютора), направленный на поиск ответов в проблемных ситуациях работы с обучающимися [14].

«Применение диагностических методик в рамках деятельности тьютора может послужить своеобразным «маяком» при реализации на практике основных тьюторских принципов, в первую очередь принципа индивидуализации, позволяющего человеку ориентироваться в своей учебе на индивидуальные образовательные цел» [15].

Умение работать с будущим — знание форсайт-технологий. Одной из основных характеристик современного постиндустриального общества является нехватка времени, ресурсов при постоянном увеличении потребностей и огромном объеме информации. Для повышения эффективности распределения ресурсов и времени в рамках той или иной деятельности ключевым рабочим навыком для тьютора выступает владение технологией форсайта. Согласно А. Соколову, технология форсайта должна вбирать в себя множество методик, которые обеспечивают экспертизу, доказательность выбранной картины будущего, а также предполагает определение наиболее эффективного действия для достижения поставленных целей. Активное применение технологий форсайта в Японии позволяет корректировать развитие науки и экономики в 30-летней перспективе, А. Чулок предлагает применять технологию дорожных карт для подъема уровня заинтересованности студентов в процессе образования [16].

Особенности применения форсайт-технологий тьютором заключаются в двух факторах: во-первых, дорожная карта, образ будущего должен затрагивать сферу личностного роста, развития, и уже потом — социальные или карьерные аспекты будущего; во-вторых, этот образ должен отражать взаимосвязь тьюторанта и окружающего мира в процессе взаимного изменения [17].

Выводы и рекомендации

Основываясь на развивающихся трендах в области образования, с одной стороны, можно отметить все возрастающую значимость специалистов по индивидуализации и тьюторскому сопровождению обучения, с другой стороны, представления о сущности деятельности тьютора в обществе все еще достаточно размыты, поэтому происходит смешение позиций и включение в функционал тьютора самых разных обязанностей.

Образовательные программы, что реализуются на сегодняшний день в России в сфере подготовки специалистов данного профиля, охватывают важнейшие узкопрофессиональные знания и навыки, однако не отвечают в полной мере на вызовы современной образовательной экосистемы и запросы, предъявляемые обществом к позиции тьютора, требуют включения важных знаниевых блоков, связанных с компетенциями XXI в. и «мягкими» навыками, необходимыми специалистам помогающих профессий, такими как общие навыки осознанности психологической, эмоциональной, телесной.

Также, на взгляд авторов, существует запрос на формирование целостной и непротиворечивой модели компетенций с учетом последних достижений в области образования и наук о человеке. В рамках данной статьи была предпринята попытка представить некоторые размышления относительно возможной компетентностной модели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Теров А. А. Сертификация профессиональных квалификаций тьютора и педагога с тьюторской компетентностью // Тьюторство в открытом образовательном пространстве: профессиональный стандарт тьюторского сопровождения: материалы IV Международной науч.-практич. конф. и 16 Межрегиональной тьюторской конф. 9–10 ноября 2011 год / ред. Т. М. Ковалева, С. Ю. Попова (Смолик). М. : Прометей, 2011. С. 48–60.

2. Чередилина М. Ю. К вопросу развития квалификации и рынка труда самозанятых тьюторов // Научные разработки: евразийский регион : материалы Седьмой международной науч. конф. теоретических и прикладных разработок (г. Москва, 30 сентября 2017 г.). / отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. М. : Инфинити, 2017. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30113318_40558144.pdf

3. Бурлакова Т. В. Индивидуализация профессиональной подготовки студентов в педагогическом вузе. URL: http://nauka-pedagogika.com/viewer/354085/a?#?page=3

4. Компетенции 21 века в национальных стандартах школьного образования. Аналитический обзор в рамках проекта подготовки международного доклада «Ключевые компетенции и новая грамотность: от деклараций к реальности». URL: https://vbudushee.ru/files/4countrycases_1.pdf

5. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации об утверждении профессионального стандарта «Специалиста в области воспитания» от 26 января 2017 г. № 45406 // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.005.pdf

6. Дюшеева Н. К., Кубатбеков М. М. Функциональная грамотность будущего педагога: сущность и содержание // Инновации в науке : сб. статей по материалам LXIV международной науч.-практич. конф. № 12(61). Часть I. Новосибирск : СибАК, 2016. С. 107–115. URL: https://sibac.info/conf/innovation/lxiv/66743

7. Cross-country survey on soft skills required by companies to medium/high skilled migrants // Valorize high skilled migrants. URL: http://valorize.odl.org/outputs/IO1_Framework_soft_skill_Report.pdf

8. Бершадская М. Функциональная грамотность школьников и проблемы высшей школы. URL: http://www.strana-oz.ru/2012/4/funkcionalnaya--gramotnost-shkolnikov-i-problemy-vysshey-shkoly

9. Цифровая грамотность. URL: http://цифроваяграмотность.рф

10. Nonviolent communication in schools. URL: https://www.cnvc.org/about-us/projects/nvc-schools/nonviolent-communication-schools

11. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. 18, supl., 13–25.

12. Glenberg A. M. Embodiment for Education. Handbook of Cognitive Science. 2008. Pp. 355–372.

13. Jennings P. A., Deniel J., Siegel M. D. Mindfulness for Teachers: Simple Skills for Peace and productivity in the classroom. WW Norton. 257 p.

14. Бондаренко Н. А., Дудчик С. В., Кнорре Е. Ю. Развитие рефлексивной культуры учителя средствами образовательных технологий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 3. С. 71–80.

15. Дудчик С. В. Психолого-педагогическая диагностика в работе тьютора // ЧиО. 2016. № 1 (46). С. 127–130.

16. Форсайт центр НИУ ВШЭ. URL: https://foresight.hse.ru/news/206428598.html

17. Ковалева Т. М., Якубовская Т. В. Тьюторская деятельность как антропопрактика: между индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой // Человек.RU. 2017. № 12. С. 85–94.

REFERENCES

1. Terov A. A. Certification of professional qualifications of tutor and teacher with tutor competence // Kovaleva T. M., Popova (Smolik) S. Yu. (eds.). Tutoring in open educational space: professional standard of tutoring. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference and 16 Interregional Tutoring Conference, November 9–10, 2011. Moscow : Prometheus, 2011. Pp. 48–60. (In Russ.).

2. Cheredilina M. Yu. Towards the development of qualifications and the labor market of self-employed tutors // Khismatullin D. R. (ed.). Scientific developments: Eurasian region: materials of the Seventh International Scientific Conference of Theoretical and Applied Developments (Moscow, September 30, 2017). Moscow: Infiniti Publ., 2017. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30113318_40558144.pdf

3. Burlakova T. V. Individualization of professional training of students in a pedagogical university. 2008. (In Russ.). URL: http://nauka-pedagogika.com/viewer/354085/a?#?page=3

4. Competences of the 21st century in the national standards of school education. Analytical review in the framework of the draft international report “Key competencies and new literacy: from declarations to reality”. (In Russ.). URL: https://vbudushee.ru/files/4countrycases_1.pdf

5. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation on the approval of the professional standard of “Specialist in the field of education” dated January 26, 2017 No. 45406 // Portal of the Federal State Educational Standards 2017. (In Russ.). URL: http://fgosvo.ru /uploadfiles/profstandart/01.005.pdf.

6. Dyusheeva N. K., Kubatbekov M. M. Functional literacy of the future teacher: Essence and content // Innovations in Science. Collection of articles based on the materials of LXIV international scientific and practical conference. No. 12 (61). Part I. Novosibirsk, SibAK, 2016. Pp. 107–115. (In Russ.). URL: https://sibac.info/conf/innovation/lxiv/66743

7. Cross-country survey on soft skills required by companies to medium/high skilled migrants // Valorize high skilled migrants. URL: http://valorize.odl.org/outputs/IO1_Framework_soft_skill_Report.pdf

8. Bershadskaya M. Functional literacy of schoolchildren and the problems of higher education. (In Russ.). URL: http://www.strana-oz.ru/2012/4/funkcionalnaya--gramotnost-shkolnikov-i-problemy-vysshey-shkoly

9. Digital Literacy. (In Russ.). URL: http: // digital literacy.rf

10. Nonviolent communication in schools. URL: https://www.cnvc.org/about-us/projects/nvc-schools/nonviolent-communication-schools

11. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. 18, supl., 13–25.

12. Glenberg A. M. Embodiment for Education. Handbook of Cognitive Science. 2008. Pp. 355–372.

13. Jennings P. A., Deniel J., Siegel M. D. Mindfulness for Teachers: Simple Skills for Peace and productivity in the classroom. WW Norton. 257 p.

14. Bondarenko N. A., Dudchik S. V., Knorre E. Yu. Development of Reflexive Culture of Teachers by Means of Educational Technologies // Bulletin of Maikop State Technological University. 2015. No. 3. Pp.71–80. (In Russ.).

15. Dudchik S. V. Psychological and pedagogical diagnostics in the work of the tutor // ChiO. 2016. No. 1(46). Pp. 127–130. (In Russ.).

16. Foresight HSE center. (In Russ.). URL: https://foresight.hse.ru/news/206428598.html

17. Kovaleva T. M., Yakubovskaya T. V. Tutor activity as anthropopractice: between the individual educational trajectory and the individual educational program // Person.RU. 2017. No. 12. Pp. 85–94. (In Russ.).

Как цитировать статью: Кузнецова Е. И., Теров А. А. Подготовка специалистов в области индивидуализации и тьюторства: некоторые аспекты модели компетенций тьюторской деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 423–432. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.435.

For citation: Kuznetsova E. I., Terov A. A. Professional education of specialists in the fiels of individualization and tutoring: some aspects of their competence model // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 423–432. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.435.

УДК 371.123
ББК 74.104+74.041

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.404

Svatalova Tamara Aleksandrovna,
candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the department
of preschool education development,
Chelyabinsk Institute of Retraining and Advanced Training
of Educators,
Chelyabinsk,
e-mail: svatalova@mail.ru

Сваталова Тамара Александровна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры развития
дошкольного образования,
Челябинский институт переподготовки и повышения
квалификации работников образования,
г. Челябинск,
e-mail: svatalova@mail.ru

Laryushkin Sergei Aleksandrovich,
senior teacher of the department of management,
economics and law,
Chelyabinsk Institute of Retraining and Advanced Training
of Educators,
Chelyabinsk,
e-mail: jkl.85@mail.ru

Ларюшкин Сергей Александрович,
старший преподаватель кафедры управления,
экономики и права,
Челябинский институт переподготовки и повышения
квалификации работников образования,
г. Челябинск,
e-mail: jkl.85@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОО

REGULATORY AND LEGAL GROUNDS FOR PROFESSIONAL COMPETENCE DEVELOPMENT OF TEACHERS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования
13.00.08 – Theory and methodology of vocational education

В статье рассматриваются проблемы развития профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования в условиях обновленной социально-экономической ситуации. Особенностью этого процесса является выявление нормативных оснований, способствующих индивидуализации и росту субъектности педагогов при выборе ими путей профессионального развития и саморазвития. Уточнение сути профессиональной компетентности современного работника образования в этом контексте привело к необходимости обсуждения и проработки нормативно-правовых оснований для ее обновления, развития и коррекции. Формирование национальной системы учительского роста (НСУР), направленной на установление для педагогических работников уровней владения профессиональными компетенциями, разработка дорожной карты по ее закреплению в нормативном поле государства свидетельствует о недостаточной изученности проблемы, ее новизне. На основе требований нормативных документов обозначен правовой статус педагогов дошкольного образования по развитию профессиональной компетентности в современных условиях. Аргументирована обязанность современного педагога систематически обновлять свои профессиональные знания, способы профессиональной деятельности, компетенцию. Представлена иерархия нормативных документов, содержательно дополняющих друг друга. Это позволяет современному педагогу выстраивать траекторию профессионального саморазвития.

Обоснована смена акцентов деятельности педагогов системы дополнительного профессионального образования: с позиции восполнения предполагаемых знаниевых

дефицитов слушателей на позицию обучения их способам профессионального саморазвития. Ориентированность дополнительного профессионального образования на проблемное и проектное обучение способствует восполнению профессиональных дефицитов и обучает проектированию перспектив развития профессиональной компетентности.

Анализ структуры модели социально-профессиональной компетентности, включающей предпосылочные и ядерные компетенции, позволил обосновать необходимость их развития в системе дополнительного профессионального образования.

The article examines the problems of professional competence development of the preschool education teachers in the conditions of the renewed social and economic situation. The peculiarity of this process is the identification of the regulatory grounds that contribute to individualization and the growth of subjectivity of teachers when choosing their ways of professional development and self-development. Clarifying the essence of the modern education worker professional competence in this context has led to the need to discuss and work out the legal grounds for its updating, development and correction. Formation of the national system of teacher growth that aimed at establishing the levels of proficiency of professional competence for teacher, development of the road map for fixing it in the legal field of the state is evidence of insufficient knowledge of the problem, its novelty. On the basis of the regulatory requirements, the legal status of teachers of preschool education for advanced training in modern conditions is indicated. The duty of the modern teacher to systematically update their professional knowledge, methods of professional activity, competence is argued. A hierarchy of legal documents that complement each other in the content is presented. This allows the modern teacher to build a trajectory of professional self-development.

The change in accents of the activity of teachers of the system of additional professional education is substantiated: from the position of replenishment of the supposed knowledge deficits of listeners to the position of teaching their ways of professional self-development. Orientation of additional vocational education in problematic and project training contributes to the filling of professional deficiencies and teaches designing the prospects for development of professional competence.

The social and professional competence model structure analysis, including prerequisites and nuclear competencies, allowed substantiating the necessity of their development in the system of additional professional education.

Ключевые слова: сфера образования, трудовые отношения, компетенции, профессиональный стандарт, дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации, социально-профессиональная компетентность, развитие профессиональной компетентности, уровни профессиональной компетентности, правовая компетентность.

Key words: field of education, labor relations, competences, professional standard, additional vocational education, professional development, social and professional competence, development of professional competence, levels of professional competence, legal competence.

Введение

На основе анализа требований современных нормативно-законодательных документов **актуализирована проблема** непрерывного развития профессиональной компетентности современного педагога дошкольного образования в условиях обновления социально-экономической ситуации. Отличительными чертами современного исторического периода является вхождение России в эпоху постиндустриального информационного общества. Современный педагог, работая в условиях социальной неопределенности (меняющихся взглядов общества на качество образования, профессиональную компетентность), обязан систематически обновлять свои профессиональные знания, способы профессиональной деятельности, компетенцию. **Целесообразность** рассмотрения выбранной темы обусловлена низким уровнем правовой компетентности педагогов дошкольного образования, что приводит к сложностям при реализации основных стратегических приоритетов в сфере образования. **Цель** проводимой работы состояла в определении правового статуса педагогов дошкольного образования в контексте развития профессиональной компетентности в современных условиях.

Задачами теоретического исследования являлось рассмотрение иерархической взаимосвязи нормативно-правовых документов; уточнение нормативных оснований для описания квалификационных уровней владения педагогами профессиональными компетенциями. **Научная новизна** заключается в конкретизации требований нормативно-правовых документов, значимых для развития профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования. Обоснована смена задач системы дополнительного профессионального образования: с трансляции фактов передового педагогического опыта на позиции обучения педагогов выявлению профессиональных «дефицитов» (как теоретических, так и относящихся к способам профессиональной деятельности) и проектированию собственного профессионального развития. Результаты проведенной работы могут быть полезны в практике профессионального и дополнительного профессионального образования, а также в практике деятельности образовательных организаций.

Основная часть

Актуальность непрерывного развития профессиональной компетентности современного педагога дошкольного образования в условиях обновленной социально-экономической ситуации обусловлена нормативными требованиями обеспечения конкурентоспособности, инициативности, готовности к обучению на протяжении всей жизни. Современные исследователи рассматривают возможные средства решения этой проблемы непрерывного образования педагогов. В частности, в работах Г. В. Яковлевой акцент сделан на возможностях методической работы в образовательной организации для обеспечения инновационной деятельности педагогов [1]. Е. Г. Матвиевская, А. А. Муратова на основе Рекомендации об обучении и образовании взрослых, принятой на 38-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 2015 г., рассматривают комплексное осуществление формального, неформального и информального образования педагогов с целью индивидуализации их образовательных потребностей [2]. Л. В. Климбей опору делает на проблемное обучение в системе повышения квалификации, когда творческие или проблемные группы создаются для решения определенной профессиональной проблемы [3]. Можно отметить, что внимание многих исследователей сегодня привлекает поиск возможных форм, средств развития профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования, отвечающих требованиям современных

нормативно-правовых документов. Рассмотрим иерархию законодательных документов системы образования.

Базис правового регулирования общественных отношений в образовании заложен в Конституции РФ (ст. 43). Трудовые отношения в сфере образования в своей основе имеют как общие и специальные нормы трудового законодательства, так и нормы законодательства в образовании. При этом принципы регулирования общественных отношений в образовании отличаются от принципов регулирования других общественных правоотношений. Это отличие становится очевидным при анализе п. 1 и п. 4 Конституции РФ [4].

В п. 1 названного документа констатируется право на образование каждого члена общества, а п. 4 устанавливает обязательность основного общего образования. Из этого следует, что образование одновременно является и правом, и обязанностью. Иерархичность нормативных документов позволяет проследить отражение этой особенности в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», где гарантируется право каждого человека на образование (ст. 5), но в то же время в ст. 66 (п. 5) указанного закона сказано, что начальное, основное и среднее общее образование является обязательным. Обращение к другим нормативным документам, в частности к Семейному кодексу Российской Федерации [5], с целью уточнения правового статуса других участников образовательных отношений позволяет нам отметить наличие такой же особенности в ст. 63 (п. 1), где сказано, что родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Уникальность подобного феномена заключается в том, что одно и то же лицо имеет право на какие-либо блага, но при этом обязано эти блага получать. Таким образом, мы можем констатировать, что правовые особенности построения взаимодействия участников образовательных отношений заключаются в специфике корреспонденции, когда права субъекта являются и его обязанностью.

В ст. 22 Трудового кодекса [6] определены основные права и обязанности работников (как социальной категории), права и обязанности педагогических работников уточняются в ст. 47 и ст. 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Наряду с общими требованиями, устанавливаемыми в сфере общественных отношений, для педагогических работников определены дополнительные условия. К ним относят требования к образованию [7, ст. 46] и квалификации [8]. Необходимо отметить, что в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [8] определены основные трудовые функции педагогов, согласно которым уточняется перечень профессиональных задач. В содержании документа [8] отражены требования к наличию специальных знаний, знаний законодательных и иных нормативных правовых актов, положений, инструкций и других документов, а также методов и средств, которые работник должен применять при выполнении должностных обязанностей.

Уточнение сути профессиональной компетентности современного работника образования в контексте реалий современной социально-экономической ситуации привело к необходимости обсуждения и проработки нормативно-правовых оснований для ее обновления, развития и коррекции. В этом направлении на уровне государства предприняты определенные шаги. По итогам заседания Государственного совета по вопросам совершенствования системы общего образования, состоявшегося 23 декабря 2015 г., Владимир Путин подписал перечень поручений Правительству Российской Федерации. Одним из пунктов названо обеспечение формирования национальной системы учительского роста (НСУР), направленной на установление для педагогических работников уровней владения профессиональными компетенциями. Эти уровни должны подтверждаться результатами аттестации, что предусматривает издание соответствующих нормативно-правовых актов. Приказ по утверждению дорожной карты формирования и введения национальной системы учительского роста подписала министр образования и науки Российской Федерации О. Ю. Васильева [9]. Одним из направлений реализации дорожной карты названо закрепление национальной системы учительского роста в нормативном поле государства, что создаст правовые основания для дополнения номенклатуры должностей педагогических работников и установления новой формы аттестации на основе единых федеральных оценочных материалов (ЕФОМ). В документе [9] не названы уточненные наименования новых должностей педагогов, но в пояснительной записке к модели НСУР, подготовленной рабочей группой Ассоциации «Педагог XXI века», речь идет о предполагаемом установлении таких должностей, как «старший учитель» («учитель-методист») и «ведущий учитель» («учитель-наставник»).

Стоит уточнить, что правовые основания — это юридически закрепленное право или обязанность для совершения какого-либо действия либо воздержания от совершения подобного действия; это правовые нормы, в которых регламентируются общественные отношения, условия и порядок осуществления какой-либо деятельности, в нашем случае — развития профессиональной компетентности педагогов ДОО. Общепринятое понимание развития профессиональной компетентности, трактуемое как повышение квалификации, относится к системе дополнительного профессионального образования. Согласно ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [7], повышение квалификации следует понимать как обновление теоретических и практических знаний, как совершенствование навыков специалистов в связи с постоянно повышающимися требованиями к их квалификации. Совершенствование, являясь процессом, предполагает дальнейшее обучение работника той же профессии в целях обновления профессиональных знаний, умений, навыков и реализуется в рамках дополнительного профессионального образования (далее — ДПО). В то же время в Трудовом кодексе [6] квалификация работника понимается как уровень знаний, умений, навыков и компетенции, характеризующий подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности. Подводя итог изложенному выше, мы отмечаем, что в нормативной базе системы образования содержится толкование феномена «квалификация» как уровня знаний, умений и компетенции, которые должны совершенствоваться в ответ на вызовы современности.

В ст. 76 Закона «Об образовании в Российской Федерации» [7] дополнительное профессиональное образование установлено как профессиональное образование, осуществляемое посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки). Деятельность же самих учреждений ДПО регламентирована Порядком организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам [10]. В документе уточняется, что программа повышения

квалификации направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации.

То, что педагогическая профессия требует постоянного совершенствования, регулярного обновления знаний, использования современных, наиболее результативных технологий и обучающих методов, не вызывает сомнения. Все это возможно лишь при непрерывном обучении, повышении квалификации. В современной нормативной базе существуют для этого регламенты. Так, в ст. 47 п. 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» установлено право педагогов на дополнительное профессиональное образование по профилю педагогической деятельности, а в ст. 48 п. 1.7 определена обязанность педагогических работников систематически повышать свой профессиональный уровень [7]. Общий принцип корреспонденции прав и обязанностей педагогических работников прослеживается при рассмотрении их права на выбор педагогически обоснованных методов обучения и воспитания, а также обязанности использовать педагогически обоснованные методы обучения и воспитания. Из этого следует, что в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» закрепляется возможность обоснования правомерности своих действий ссылкой на научные исследования и авторитетное мнение других работников. Другими словами, оценивание обоснованности использования методов обучения и воспитания в том или ином случае выстраивается на суждениях других педагогов и отличается определенной долей субъективности. На практике это означает, что качество работы педагогических работников (качество оказываемых ими образовательных услуг) может быть оценено только путем проведения педагогической экспертизы, результаты которой будут зависеть от субъективных предпочтений экспертов.

Методология

На основе анализа нормативных требований мы выявили, что современный педагог, работая в условиях социальной неопределенности (меняющихся взглядов общества на качество образования, профессиональную компетентность), обязан систематически обновлять свои профессиональные знания, способы профессиональной деятельности, компетенцию. В данном контексте уместно отметить, что основной разработчик компетенций Г. Халаж (G. Halasz) в числе ключевых компетенций, которыми «должны быть оснащены молодые европейцы», называет способность учиться на протяжении всей жизни» [11, с. 11; 12]. Нетрудно заметить, что эта способность является основой непрерывного обучения человека в контексте как профессиональной, так и социальной жизни.

Рядом ученых исследуется развивающийся социальный характер компетентности. Так, например, в исследованиях И. А. Зимней компетентность рассматривается двояко: как социальное явление и как личностное качество. Ею спроектирована разноуровневая модель социально-профессиональной компетентности на основе взаимосвязанных блоков. Автор считает, что компетентность как целостное социально-профессиональное качество специалиста позволяет ему успешно решать производственные задачи, взаимодействовать с другими людьми, проявляясь в действиях, деятельности, поведении, поступках человека [13]. По мнению И. А. Зимней, компетентность проявляется в адекватности решений (стандартных и особенно нестандартных, требующих творчества) задач, как в социальных, так и в профессиональных ситуациях. В разработанной автором модели выделены соподчиненные группы компетентностей: базовые, предпосылочные (интеллектуальные способности, личностные свойства), которые формируются в период получения человеком основного общего образования, и ядерные (социальные и профессиональные), формирующиеся в процессе становления специалиста как профессионала [13].

Представляя целостную социально-профессиональную компетентность в виде идеализированной модели, автор опирается на высказанную Дж. Равеном мысль об уровневости проблем, решению которых должны соответствовать определенные компетентности [11].

Стандартизация профессиональной деятельности педагога в рамках Профессионального стандарта педагога [14] привела к появлению нормативных перечней трудовых действий, необходимых умений, необходимых знаний педагогов дошкольного образования при выполнении ими двух нормативно заданных функций: проектировании основных общеобразовательных программ и реализации программ дошкольного образования. В то же время, ведя речь о развитии профессиональной компетентности и росте ее уровня, уместно заметить, что результат этого процесса можно фиксировать только в отношении нормативного уровня этого объекта. Логично предположить, что данные в стандарте [14] перечни могут являться нормативным уровнем профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования.

При описании трудовых функций, входящих в функциональную карту профессиональной деятельности Профессионального стандарта [14], для воспитателей дошкольных образовательных организаций при реализации ими функции по проектированию основных общеобразовательных программ указан уровень квалификации шестой, а при реализации программ дошкольного образования — пятый. Уровни квалификации, содержащиеся в профессиональных стандартах, утверждены приказом Минтруда России [15], и разработаны они для цели составления профессиональных стандартов. Другими словами, квалификационные уровни представляют собой часть профессионального стандарта. Они уже содержат описание следующих показателей: «полномочия и ответственность», «характер умений», «характер знаний», «основные пути достижения уровня квалификации», т. е. выражают уровень подготовки, которому должен соответствовать сотрудник для исполнения конкретных обязанностей и функций. В компетенцию педагога пятого уровня входит деятельность по решению практических задач, требующих самостоятельного анализа ситуации и ее изменений; участие в управлении решением поставленных задач в рамках подразделения. На педагога накладывается ответственность за решение поставленных задач или результат деятельности группы работников или подразделения; он должен обладать умениями руководить группой сотрудников и нести ответственность за результат работы этой группы. Рассматривая далее документ, мы отмечаем в описании практических умений наличие показателей по элементарному проектированию. Педагог при этом должен сам выбирать способы решения проблем в меняющихся рабочих ситуациях, осуществлять контроль, оценку и коррекцию деятельности. Важно отметить, что при характеристике знаний отмечается усиление практической составляющей. Сделан акцент на применении

профессиональных знаний технологического или методического характера, самостоятельном поиске информации, необходимой для решения поставленных профессиональных задач. К основным путям достижения пятого уровня квалификации отнесено освоение субъектом образовательных программ среднего профессионального образования — программ подготовки специалистов среднего звена, программ подготовки квалифицированных рабочих (служащих); основных программ профессионального обучения — программ профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих, программ переподготовки рабочих, служащих, программ повышения квалификации рабочих, служащих, а также дополнительных профессиональных программ и практический опыт. В требованиях к достижению шестого уровня квалификации имеется указание на освоение субъектом образовательных программ высшего образования — программ бакалавриата.

Возвращаясь к изложенному выше в статье анализу квалификационных уровней, напомним, что рост квалификационного уровня педагога связан с ростом самостоятельности его при целеполагании, анализе профессиональной информации и применяемых им инновационных способах решения педагогических задач. Проявляется он в компетенциях, т. е. потенциальных программах (алгоритмах) действий (умений), системах ценностей и отношений при реализации профессиональных задач.

Результаты

Проведенная работа на базе анализа современных нормативно-правовых актов позволила конкретизировать правовой статус педагогов дошкольного образования по повышению квалификации в современных условиях: педагог имеет право и обязан непрерывно повышать профессиональную компетентность. Обоснована обязанность современного педагога систематически обновлять свои профессиональные знания, способы профессиональной деятельности, компетенцию. Представлена иерархия нормативных документов, содержательно дополняющих друг друга. Обоснована смена акцентов деятельности педагогов системы дополнительного профессионального образования: с позиции восполнения предполагаемых знаниевых дефицитов слушателей на позицию обучения их способам профессионального саморазвития [16]. На основе модели целостной социально-профессиональной компетентности уточнены виды компетентности педагогов, развивающиеся в период получения человеком основного общего образования (предпосылочные) и те, которые должны развиваться на основе психологических закономерностей освоения профессиональной деятельности в процессе становления специалиста (ядерные) [13, 17].Отраженные в статье результаты являются основой обновления образовательных программ повышения квалификации педагогов дошкольного образования в содержательном и практическом аспектах. В содержательном плане дополнительно введены практические занятия по работе с нормативными документами федерального, регионального и локального уровня, на которых слушатели обучаются выстраиванию иерархии заложенных в них требований. Построение образовательного процесса в институте дополнительного профессионального образования в логике модульно-накопительной системы позволяет актуализировать тематику модульных курсов в соответствии с выявленными проблемами и образовательными запросами педагогов.

Выводы

Анализ современной нормативно-правовой базы системы образования позволил выявить преемственность норм, регламентов в иерархии документов, определяющих правовой статус педагогов дошкольного образования по развитию профессиональной компетентности, а также позволил сделать заключение о том, что право и обязанность педагогов непрерывно развивать профессиональную компетентность задано на уровне государства и признается одним из ключевых факторов обеспечения качества образования.

Учитывая сказанное, констатируем, что в условиях изменения отношения общества к профессионализму педагогов меняется и понимание сути системы повышения квалификации. В этой связи весьма важно отметить смену акцентов деятельности педагогов системы дополнительного профессионального образования: с позиции восполнения предполагаемых знаниевых дефицитов слушателей на позицию интерактивного обучения способам самостоятельного их выявления и построения перспектив развития профессиональной компетентности в логике требований современных нормативных документов. Профессиональная компетентность специалиста — это формируемая личностная характеристика в соответствии задаваемому (или заданному) эталону, другими словами, мера соответствия каких-либо характеристик деятельности (знаний, представлений, программ (алгоритмов) действий, системы ценностей и отношений), которая должна быть нормативно задана. Субъектность педагогов дошкольного образования в построении траекторий развития профессиональной компетентности в зависимости от собственных индивидуальных профессиональных «дефицитов» достигается многообразием путей их восполнения. Примечательно, что это многообразие заложено на уровне требований государства. Наряду с нормативно определенной дискретностью повышения квалификации (один раз в три года) существуют возможности персонифицированного роста на основе подтверждения соответствия или установления квалификационных категорий вне зависимости от этой нормы.

На разрешение сложившейся ситуации направлена реализации дорожной карты НСУР, которая предполагает разработку и апробацию процедур описания и установления нормативных уровней квалификации педагогов на основе аттестации. Одновременно с этим меняется понимание миссии системы дополнительного профессионального образования. Основными ее задачами на современном этапе развития общества становятся оказание помощи практикам в выявлении профессиональных дефицитов и построении стратегий их восполнения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яковлева Г. В. Концепция развития инновационной методической деятельности педагога ДОУ // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 161–166.

2. Матвиевская Е. Г., Муратова А. А. Непрерывное образование педагогов дошкольного образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 9. С. 83–88.

3. Климбей Л. В. Непрерывное образование в системе повышения квалификации педагогических работников // Молодой ученый. 2017. № 12. С. 509–511. URL https://moluch.ru/archive/146/40807/

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 22.

7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (ред. от 25.11.2013; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2014) // Российская газета. 2012. № 303.

8. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761н (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» (зарегистрировано в Минюсте РФ 06.10.2010 № 18638).

9. Приказ Министерства образования и науки РФ от 26.07.2017 № 703 «Об утверждении Плана мероприятий (дорожной карты) Министерства образования и науки Российской Федерации по формированию и введению национальной системы учительского роста».

10. Приказ Министерства образования и науки РФ от 01.07.2013 № 499 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70340506/#ixzz5EQJUceY4

11. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002.

12. Hutmacher Walo. Key competencies for Europe. Report of the Symposium Berne, Switzezland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC) a // Secondary Education for Europe Strsburg, 1997. P. 11.

13. Зимняя И. А. Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования (идеализированная модель) // Проблемы качества образования. Компетентностный подход в профессиональном образовании и проектировании образовательных стандартов. Книга 2 : Материалы XV Всероссийской науч.-методич. конф. «Актуальные проблемы качества образования и пути их решения в контексте европейских и мировых тенденций». М. ; Уфа : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. С. 10–19.

14. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (зарегистрирован в Минюсте России 06.12.2013 № 30550).

15. Приказ Минтруда России от 12.04.2013 № 148н (ред. от 19.09.2017) «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов» (зарегистрировано в Минюсте России 27.05.2013 № 28534).

16. Смирнова С. В., Киселева А. К. Преодоление профессиональных дефицитов педагогов в системе дополнительного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации: научно-теоретический журнал. 2017. № 3(32). С. 29–35.

17. Компетентность и проблемы ее формирования в системе непрерывного образования (школа — вуз — послевузовское образование) : материалы XVI науч.-методич. конф. «Актуальные проблемы качества образования и пути их решения» / науч. ред. И. А. Зимняя. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 130 с.

REFERENCES

1. Yakovleva G. V. Preschool teacher innovative methodical activity development concept // Siberian pedagogical journal. 2012. No. 4. Pp. 161–166. (In Russ.).

2. Matvievskaya E. G., Muratova A. A. Continuous education of preschool teachers // Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. 2016. No. 9. Pp. 83–88. (In Russ.).

3. Klimbei L.V. Continuous education in the teachers' professional development system // Young scientist. 2017. No. 12. Pp. 509–511. (In Russ.). URL: https://moluch.ru/archive/146/40807/

4. The Constitution of the Russian Federation (adopted on 12.12.1993) // Rossiiskaya Gazeta. 25.12.1993. No. 237. (In Russ.).

5. Domestic Relations Code of the Russian Federation of 29.12.1995. No. 223-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.1996. No. 1. 16 p. (In Russ.).

6. The Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). 22 p. (In Russ.).

7. Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 "On Education in the Russian Federation" // Rossiiskaya Gazeta. 2012. No. 303. (In Russ.).

8. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 761n of 26.08.2010 "About approval of the Unified Qualification Reference Book for the positions of managers, specialists and employees, section of "Qualification characteristics of educational positions" (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 06.10.2010 No. 18638). (In Russ.).

9. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 26.07.2017 No. 703 "On approval of the Action Plan (road map) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the formation and introduction of the national system of teacher growth". (In Russ.).

10. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 01.07.2013 No. 499 "On Approving the Procedure for Organization and Implementation of Educational Activities for Additional Professional Programs". (In Russ.). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70340506/#ixzz5EQJUceY4

11. Raven J. Competence in modern society. Identification, development and implementation. M., 2002. (In Russ.).

12. Hutmacher Walo. Key competencies for Europe. Report of the Symposium Berne, Switzezland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC), Secondary Education for Europe Strasburg, 1997. 11 p.

13. Zimnyaya I. A. Socio-professional competence as an integral result of professional education (idealized model) // Problems of the quality of education. Competence approach in professional education and design of educational standards. Book 2 : Materials of the XV Russian Scientific and Methodological Conference "Actual problems of the quality of education and ways to solve them in the context of European and global trends". M. ; Ufa : Research Center for Quality Problems in Training of Specialists, 2005. Pp. 10–19. (In Russ.).

14. Order of the Ministry of Labor of Russia of 18.10.2013 No. 544n "On approval of the professional standard "Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)". (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 06.12.2013 No. 30550). (In Russ.).

15. Order of the Ministry of Labor of Russia from 12.04.2013 No. 148n "On approval of skill levels for the development of draft professional standards" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 27.05.2013 No. 28534). (In Russ.).

16. Smirnova S. V., Kiseleva A. K. Overcoming of professional deficiencies of teachers in the system of additional professional education // Scientific support of a system of advanced training: scientific and theoretical journal. 2017. No. 3 (32). Pp. 29–35. (In Russ.).

17. Competence and problems of its formation in the system of continuous education (school — university — postgraduate education) : Materials of the XVI Russian Scientific and Methodological Conference "Actual problems of the quality of education and ways to solve them in the context of European and global trends" / Zimnyaya I. A. (ed.). M.: Research Center for Quality Problems in Training of Specialists, 2006. 130 p. (In Russ.).

Как цитировать статью: Сваталова Т. А., Ларюшкин С. А. Нормативно-правовые основания развития профессиональной компетентности педагогов ДОО // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 432–438. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.404.

For citation: Svatalova T. A., Laryushkin S. A. Regulatory and legal grounds for professional competence development of teachers of preschool educational organization // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). Pp. 432–438. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.404.

УДК 372.874
ББК 74.268.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.466

Bud'ko Elena Alexandrovna,
Associate Professor of the department
of the General humanitarian disciplines
of Bashkir State University (Branch) in Neftekamsk,
Neftekamsk,
e-mail: budkoea@mail.ru

Будько Елена Александровна,
доцент кафедры общегуманитарных дисциплин,
Нефтекамский филиал
Башкирского государственного университета,
г. Нефтекамск,
e-mail: budkoea@mail.ru

Gallyamov Ruslan Kurbangaleevich,
teacher of the Children's art school,
Neftekamsk,
e-mail: odrus83@mail.ru

Галлямов Руслан Курбангалеевич,
преподаватель Детской художественной школы,
г. Нефтекамск,
e-mail: odrus83@mail.ru

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ В УЧРЕЖДЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DEVELOPMENT OF CREATIVE POTENTIAL OF GIFTED CHILDREN AT THE INSTITUTION OF EXTENDED EDUCATION

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (изобразительное искусство)
13.00.02 – Theory and methodology of teaching and upbringing (fine arts)

Данная статья посвящена проблеме развития потенциала одаренных обучающихся. Помимо анализа содержательных характеристик одаренности, уточнены критерии уровня развития ее потенциала.

Авторами систематизированы сведения об имеющихся психолого-педагогических методиках, которые применяются с целью выявления показателей по отдельным критериям. Отмечено, что выявление, обучение и воспитание одаренных детей составляет одну их главных задач совершенствования системы образования, и учреждениям дополнительного образования чрезвычайно важно своевременно выявлять и диагностировать одаренных детей, создать условия для максимального развития имеющихся у них задатков и способностей.

В качестве действенных в развитии потенциала одаренного ребенка выделяются возможности креативного образования. Особую значимость приобретает изучение динамики уровня развития потенциала одаренных обучающихся конкретного учреждения дополнительного образования в результате креативного взаимодействия.

Его организация предполагает творческую деятельность, которая нацелена на создание продукта, отличающегося субъективной или объективной новизной и характеризующегося валидностью, оригинальностью, позволяет каждому одаренному ребенку освоить основы современной методологии творчества, развить потенциал и сформировать потребность в дальнейшем самопознании, творческом саморазвитии.

К взаимодополняющим возможностям педагога в развитии потенциала одаренного обучающего относятся реализация нововведений, где педагогу необходимо обеспечить условия для освоения инноваций, при этом предоставить необходимую степень свободы действий при разработке новшеств; создание специальных социально-педагогических ситуаций и ситуаций успеха, что способствует развитию нестандартного мышления, стремления к творческому самопроявлению, развитию у одаренного ребенка желания включиться в деятельность на уровне своих возможностей; владение креативной технологией, умением применять ее приемы в своей практической деятельности.

This article examines the problem of developing the potential of gifted students. In addition to analyzing the characteristics of giftedness, the criteria of the level of development of its potential have been clarified.

The authors systematize information on the available psychological and pedagogical methods, which are used to identify indicators by certain criteria. It is noted that the identification, education and upbringing of gifted children is one of the main tasks of improving the educational system and institutions of additional education. It is also extremely important to identify and diagnose the gifted children in a timely manner, and to create conditions for maximizing the development of their makings and abilities.

As effective in developing the potential of a gifted child, the possibilities of creative education are highlighted. Of particular importance is the study of the dynamics of the level of development of the potential of gifted students of a particular institution of additional education as a result of creative interaction. Its organization involves creative activity that is aimed at creating a product that is different from subjective or objective novelty and characterized by validity, originality, allows each gifted child to learn the basics of the modern methodology of creativity, develop the potential and form a need for further self-knowledge, creative self-development.

The complementary capabilities of the teacher in developing the potential of a gifted educator include the implementation of innovations, where the teacher needs to create the conditions for mastering innovation, while providing the necessary degree of freedom of action in the development of innovations; the creation of special social and educational situations and success situations, which contributes to the development of non-standard thinking, the desire for creative self-manifestation, the development of a gifted child's desire to engage in activities at the level of his capabilities; possession of creative technology, the ability to apply its techniques in its practical activities.

Ключевые слова: образование, одаренные дети, обучающийся, потенциал, содержательные характеристики потенциала, творческие способности, учреждение дополнительного образования, уровень развития потенциала, модель взаимодействия, динамика развития потенциала одаренности.

Keywords: education, gifted children, trainee, potential, meaningful potential characteristics, creative abilities, additional education institution, level of capacity development, interaction model, dynamics of development of talent potential.

Введение

Наличие определенных способностей не всегда приводит к достижению личностью профессионального успеха, который во многом зависит от того, будет ли выявлен личностный потенциал, представится ли возможность развить его и применить в деятельности. Данные положения находят отражение в Концепции общенациональной системы выявления и развития молодых талантов [1]. Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы предусматривает использование новых форм организации работы с одаренными обучающимися, внедряемыми в образовательную практику каждого региона Российской Федерации [2].

Появление указанных выше документов подчеркивает **актуальность** как самой работы с одаренными детьми, так и ее научного осмысления.

Целесообразность разработки темы. В числе причин, приводящих к необходимости рассмотрения тематики одаренности детей, — противоречия между потребностью развития одаренности и недооценкой потенциала образовательных организаций (в том числе учреждений дополнительного образования); между реальными возможностями образовательных организаций и отсутствием научно-методического обеспечения в процессе развития одаренности; между существующими научными разработками и недостаточным осмыслением условий, при которых педагогические действия будут способствовать развитию одаренности. Проблема также заключается в отсутствии целостной системы развития одаренности, которая позволила бы объединить усилия специалистов и родителей на всех уровнях обучения одаренных детей.

Постоянное внимание педагогов и психологов к проблеме одаренности позволило наметить целый спектр научно-практических задач диагностики, прогнозирования развития интеллектуально-творческого потенциала личности, воспитания и обучения одаренных детей и подростков в образовательном процессе. Отечественные традиции в разработке данных задач в рамках теории общей педагогики и педагогической психологии базируются на идеях Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова и др. (работы Д. Б. Богоявленской, В. Н. Дружинина, Н. С. Лейтеса, А. М. Матюшкина, Я. А. Пономарева, В. Д. Шадрикова и др.). Осмыслению подвергаются в том числе вопросы общей одаренности [3] и творческого мышления [4], теоретические положения о персонифицированном подходе к саморазвитию и непрерывному образованию (О. Г. Тавстуха), «Рабочая концепция одаренности», теория креативного взаимодействия (В. Г. Рындак) и др.

Целью данного исследования является обоснование эффективности деятельности учреждения дополнительного образования на примере МБУ ДО «Детская художественная школа» городского округа город Нефтекамск Республики Башкортостан, направленной на развитие творческого потенциала одаренных детей.

Задачи исследования:

— изучить содержательные характеристики и основные критерии потенциала одаренного обучающегося;

— установить соответствие имеющихся психолого-педагогических методик критериям потенциала одаренности;

— обозначить препятствия, влияющие на эффективность процесса развития потенциала одаренных детей, и педагогические возможности креативного взаимодействия;

— определить особенности образовательного процесса в МБУ ДО «Детская художественная школа» городского округа город Нефтекамск Республики Башкортостан;

— провести исследование творческих способностей обучающихся художественной школы;

— зафиксировать характер динамики творческого потенциала одаренных воспитанников МБУ ДО «Детская художественная школа» городского округа город Нефтекамск Республики Башкортостан в результате креативного взаимодействия педагогов и обучающихся.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что методика дополнительного образования обогащается современными знаниями о содержательной специфике феномена детской одаренности и возможностях оценки и развития творческого потенциала обучающихся. Применение описанных в статье критериев и психолого-педагогических способов их оценки обеспечит объективность анализа творческого потенциала воспитанников учреждений дополнительного образования и будет способствовать совершенствованию образовательного процесса.

Основная часть

Согласно «Рабочей концепции одаренности» (Д. Б. Богоявленская, В. Д. Шадриков) одаренный ребенок — это ребенок, который выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности [5]. К одаренным относят обучающих, проявляющих и регулирующих умственную активность по отношению к различным видам деятельности (общая одаренность) или обнаруживающих себя в конкретных видах деятельности — например, в рисовании, технике, музыке (специальная одаренность) [6, с. 12].

Наиболее сложно одаренность переживается в подростковом возрасте, что выражается в неуверенности в себе, эмоциональной чувствительности, самолюбии, обострении чувства собственного достоинства. Исследователи отмечают, что только 19 % подростков оценивают свои умственные, творческие возможности как высокие и 22 % считают себя талантливыми. Это связано с низкой самооценкой, которая характеризуется неверием в сферу своего интеллектуального труда. Указанное может породить серьезные личностные конфликты на фоне высокой тревожности, депрессии или агрессии, ухода в мир фантазий. Как следствие этого, происходит формирование скрытой одаренности, которая, возможно, будет неуспешной или социально запущенной и в последующем не проявится ни в каких достижениях.

Обозначенное выше подчеркивает необходимость повышенного внимания к раскрытию потенциала одаренности [7], который формируется за счет:

— личностных особенностей (сформированной мотивационной сферы, развитой системы интересов, особенностей «Я-концепции», эмоциональной устойчивости, уровня тревожности);

— интеллектуальных, творческих, лидерских способностей; смыслообразовательных стратегий (внутренней целостности, мотивационной включенности в деятельность, личностной зрелости, наличия определенного чувства направленности и смысла);

— учебной активности (мотивации и обучаемости, представляющей самооценку способностей к обучению);

— системы организации личности в целом, которая определенным образом влияет на специфику смыслового развития (формирования мировоззрения и активной воли, персональных ценностей и смыслов, становления системы смысловой регуляции);

— целостной индивидуальной характеристики познавательных возможностей и способностей к учению (исследовательской и творческойактивности, познавательной потребности, критичности мышления, способности к прогнозированию, словарного запаса);

— реализации способностей в социально-образовательных практиках (познавательных мотивов, природных задатков, индивидуальных особенностей личности);

— самоорганизации внутреннего мира (познавательной позиции, позитивного восприятия другого человека) [8].

Содержательные характеристики потенциала одаренного обучающегося дифференцируются психологами на умственные (конвергентные способности, интеллект, обучаемость, познавательные стили), математические (получение, переработка и хранение математической информации, общий синтетический компонент), психомоторные (перцептивно-двигательные способности), творческие (дивергентное мышление, исследовательская активность), художественные (в том числе литературные, изобразительные и музыкальные), социальные (коммуникативные и организаторские способности) [9].

Определяя уровень развития своего потенциала, обучающийся одновременно предопределяет и уровень своих жизненных притязаний. Он старается не только осознать сущность возможных направлений предстоящей деятельности, но и разобраться в личностном смысле, понять, что именно эта деятельность может ему дать, в какой степени она соответствует его умственным, творческим и социальным возможностям.

Основными критериями потенциала одаренности выступают: мотивационный (отношение увлеченности и требовательности к результатам личного труда, направленность на достижение мотивации успеха в решении нестандартных заданий и сверхтрудных целей); когнитивный (знания об индивидуально выраженных способностях и возможностях); деятельностный (способность одаренного ребенка владеть интеллектуальными, творческими, социальными способами деятельности, приводящими к новаторству); креативный (умение воспроизводить большое количество идей (беглость), умение быстро переключаться с одного аспекта проблемы на другой (гибкость).

В практике выявления потенциала одаренности соответственно данным критериям используются следующие психолого-педагогические методики: методика «Самоанализ личности» (О. Н. Мотков), методика диагностики личности на мотивацию к успеху (опросник Т. Элерса); краткий ориентировочный отборочный тест с ответами (В. Н. Бузина, Э. Ф. Вандерлик); опросник диагностики интеллекта; методика «Эскизы» (модификация В. Г. Рындак); методика «КОС-1» (В. В. Синявский, Б. А. Федоришин); тест творческого мышления П. Торренса; построение образа на основе графического стимула (Н. В. Шумакова, Е. И. Щебланова,

Н. П. Щербо); тест «Выражение» (Б. С. Туник, Д. Б. Богоявленская, Т. А. Барышева) [10].

В развитии потенциала одаренного обучающегося исследователи выделяют несколько препятствий, которые блокируют данный процесс:

— психологическая и межличностная неграмотность педагогов;

— трудности в распознании потенциальных возможностей и ограничение автономии одаренного ребенка;

— неумение правильно реагировать на проявление поведения обучающегося, положительно коррелирующего с творчеством;

— трудности в семейной жизни;

— низкий уровень саморегуляции;

— несформированность положительной мотивации;

— отсутствие соответствующей образовательной среды.

Одаренные учащиеся чаще, чем обычные дети, подвергаются изоляции и одиночеству. Повышенная чувствительность, эмоциональность и интенсивность одаренных детей могут повлечь за собой нарастание тревожности и страха [11].

Следовательно, требуется создание модели продуктивного взаимодействия педагога и одаренного ребенка. Ю. В. Сенько представляет ее в виде двух блоков: по одну сторону образовательной «баррикады» располагаются педагог и обучающийся, а по другую сторону — фрагмент ставшей профессиональной культуры [12]. То есть, с одной стороны — педагог и одаренный ребенок, с другой — диалог педагога и одаренного ребенка. Модель продуктивного взаимодействия предполагает развитие потенциала одаренной личности в партнерской позиции, в процессе сотворчества, сотрудничества и самообразования.

Один из видов таких моделей, представляющийся наиболее эффективным для работы с одаренными детьми в рамках учреждения дополнительного образования, получил название «креативного образования». Креативное образование осознается, как образовательная модель, ориентированная на развитие творческих способностей человека, на закрепление в его профессиональном сознании установки на инновации, включающие анализ проблем и вариантов деятельности [13]. Оно противопоставляется репродуктивному образованию, так называемому образованию «знания опыта».

Креативное образование обеспечивает реализацию способностей одаренной личности в творчестве, принятии нестандартного созидательного мышления и генерировании множества оригинальных и полезных идей.

Содержанием креативного образования становится саморазвитие одаренности, обеспечивающее способность личности к самореализации. С одной стороны, креативное образование обеспечивает развитие интеллектуальных, духовных способностей и возможностей одаренного подростка, с другой стороны — представляет его творчество, которое способствует действенному участию в созидании окружающего мира, помогает с точки зрения соответствующих требований общественности оценивать себя критически [14].

Организация креативного образования происходит за счет творческой деятельности, которая нацелена на создание креативного продукта, отличающегося субъективной или объективной новизной и характеризующегося валидностью, оригинальностью; позволяет каждому одаренному ребенку освоить основы современной методологии творчества, развить потенциал и сформировать потребность в дальнейшем самопознании, творческом саморазвитии. Так как креативное образование ориентировано на активизацию творческой деятельности и развитие творческих способностей, то значительным является обучение ребенка через творчество.

Важным моментом в креативном образовании является его составляющий элемент — прагматический, то есть понимание того, что именно нужно создавать, зачем и как это нужно делать.

Выделим основные базовые компоненты в структуре креативного образования: самоуправление, творческая самореализация, совместная творческая деятельность, творческая общность и креативное взаимодействие педагога и одаренного подростка как интерактивное общение, проявляющееся в проблемно-поисковом характере, обусловливающем включение субъектов общения в самостоятельное творческое решение профессионально и личностно значимых ситуаций, побуждающих субъектов образовательного процесса к самоактуализации и самодостраиванию.

Креативное образование, как специально организованное взаимодействие преподавателя и одаренного обучающегося, обеспечивает субъект-субъектные отношения на основе сотворчества. При решении учебных задач сотворческо есубъект-субъектное взаимодействие предполагает признание права и способности одаренного ребенка на собственное решение, которое характеризируется демократичностью позиций и творческой инициативой субъектов образования.

Организация индивидуальной и коллективной проектной деятельности в работе с одаренными детьми осуществляется в малых и больших группах. Она позволяет увидеть процесс создания уникальных и перспективных новшеств, где значимым выступает творческая обстановка, в которой все инициативные и творческие устремления одаренного обучающегося поддерживаются, поощряются и направляются педагогом. Творческая атмосфера способствует открытости новому, доброжелательному отношению в группе, обеспечивающему поддержку и взаимопомощь в команде, принятию и безоценочному отношению друг к другу — все это создает безопасную среду, способствующую успешному развитию потенциала одаренного обучающегося.

В современной системе образования часто поднимается вопрос о возможностях педагога в развитии потенциала одаренного ребенка. В случае использования модели креативного образования педагог не передает знания в готовом виде, а помогает обучающемуся развиваться, создавая проблемные ситуации, в которых он сам формирует понятие об интересующем его явлении.

К взаимодополняющим возможностям педагога в развитии потенциала одаренного обучающего относятся:

— реализация нововведений, где педагогу необходимо создавать условия для освоения инноваций, при этом предоставить необходимую степень свободы действий при разработке новшеств. Инновации способствуют обеспечению коммуникации, взаимодействия между одаренными подростками, включенными в креативную образовательную среду, поддержке руководством, обеспечению необходимыми средствами;

— создание проблемно-конфликтных ситуаций, то есть социально-педагогических ситуаций, включающих игровые ситуации, сюжет, описание игровой обстановки, учебно-игровую задачу;

— создание ситуации успеха, которая способствует развитию нестандартного мышления, стремления к творческому самопроявлению, развитию у одаренного подростка субъективного желания включиться в деятельность на уровне своих возможностей;

— владение креативной технологией или ее приемами, умением их применять в своей практической деятельности; формой обучения (проблемное изложение, креативная, обратная связь) и организации (индивидуальная и групповая); средствами (диалог, ассоциации, логические задачи, головоломки) [15].

С 2016 по 2018 годы нами проводилось изучение работы с одаренными детьми в Детской художественной школе города Нефтекамска Республики Башкортостан: анализировались причины возникновения трудностей в ходе развития потенциала одаренных детей; фиксировались методы, формы и средства обучения, используемые педагогами в работе с одаренными детьми; вычислялись показатели творческих способностей одаренных детей.

Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Детская художественная школа» городского округа город Нефтекамск реализует дополнительные предпрофессиональные общеобразовательные программы в области искусств, а также общеразвивающие образовательные программы (в том числе, программы художественно эстетической направленности). Содержание и организация образовательного процесса определяется дополнительной предпрофессиональной образовательной программой «Живопись». Программа направлена на выявление одаренных детей в области изобразительного искусства, создание условий для художественного образования, эстетического воспитания, духовно-нравственного и творческого развития детей, приобретение обучающимися опыта художественной практики и творческой деятельности, формирование навыков самостоятельной работы по изучению и постижению изобразительного искусства, овладение духовными и культурными ценностями народов мира, подготовку одаренных детей к поступлению в образовательные учреждения, реализующие профессиональные образовательные программы в области изобразительного искусства. Предметными областями обязательной части программы «Живопись» являются «Основы изобразительной грамоты и рисование», «Прикладное творчество», «Лепка», «Рисунок», «Живопись», «Станковая композиция», «Беседы по искусству», «История изобразительного искусства», «Пленэр». В вариативную часть программы включены «Прикладная композиция», «Скульптура», «Керамика», «Компьютерная графика» [16].

Конкурсы и олимпиады способствуют развитию потенциала одаренного ребенка. Для развития способностей и возможностей одаренных детей им предлагается творить не только в общественной деятельности, но и в усложненной учебной, где в ходе настоящего творческого, исследовательского поиска придется добывать знания самостоятельно[17].

Только в 2017–2018 учебном году обучающиеся художественной школы приняли участие в следующих конкурсах, фестивалях и олимпиадах:

— Всероссийский конкурс детско-юношеского творчества имени А. Э. Тюлькина (г. Уфа, 2017 г.);

— V Открытый Республиканский конкурс детского изобразительного искусства «Крылатые легенды народов Башкортостана» по мотивам народных сказаний, эпосов, мифов, легенд (г. Стерлитамак, 2018 г.);

— VII Межрегиональная олимпиада по изобразительному, декоративно-прикладному искусству и музыке «В мире красок и мелодий» (г. Уфа, 2018 г.);

— Международный конкурс детского юмористического рисунка «Котовасия» (г. Стерлитамак, 2018 г.);

— XIII Международный конкурс живописи и графики «На своей земле» (г. Минск, Республика Беларусь, 2018 г.);

— XXII Международный фестиваль детско-молодежного творчества и педагогических инноваций. Кубок России по художественному творчеству (г. Москва, 2018 г.);

— Международный фестиваль искусств, детско-молодежного творчества и педагогических инноваций. Кубок Санкт-Петербурга по художественному творчеству «Ассамблея искусств» (г. Санкт-Петербург, 2018 г.);

— Конкурс творческих работ учащихся Детской художественной школы в ПАО «НефАЗ» (г. Нефтекамск, 2018 г.);

— Первый открытый конкурс рисунка по произведениям Назара Наджми «Земля и песня» (г. Дюртюли, 2018 г.).

В результате опроса педагогов художественной школы было выявлено, что 50 % педагогов под потенциалом одаренного ребенка понимают сочетание различных способностей личности, например, интеллектуальных, творческих, коммуникативных; 33 % — приравнивают к понятию «одаренность» качества психики; 16,7 % — степень творческой самореализации в образовательной области.

На вопрос «Какие методы Вы используете с целью развития потенциала одаренного ребенка?» 66,7 % респондентов отметили поисковый, проектный, исследовательский метод, 33,3 % — активные методы в обучении (игровые, тренинговые, использование ИКТ и др.). К основным формам обучения в развитии потенциала одаренного обучающегося 58,4 % педагогов отнесли формы исследовательской деятельности, 33,3 % — тренинговые, игровые, форумно-проектные, 8,3 % — парные, групповые. Из средств обучения 41,7 % педагогов выделили средства исследовательской деятельности; 41,6 % — диалог; 16,7 % — возможности архива и экскурсий, электронные и печатные ресурсы.

Педагоги осознают, что система работы с одаренными детьми включает в себя направления, которые тесно связаны:

— создание специальной развивающей творческой среды, способствующей выявлению одаренных детей и развитию их творческого и интеллектуального потенциала;

— работа с детьми (наблюдение, тестирование, анализ продуктовдетского творчества и т.д.);

— работа с родителями (беседы, анкетирование и т.д.).

С целью изучениятворческих способностей обучающихся художественной школы нами была применена методика «Эскизы» (модификация В. Г. Рындак). В таблице (см. стр. 443) представлены данные о потенциале 42 одаренных воспитанников художественной школы.

Таблица

Результаты изучения уровня развития потенциала одаренных обучающихся на констатирующем (1) и формирующем (2) этапах исследования

Критерии	Уровни развития потенциала							
	Высокий		Средний		Достаточный		Низкий	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Мотивационный	19 % (8)	28,6 % (12)	66,7 % (28)	71,4 % (30)	14,3 % (6)	–	–	–
Когнитивный	21,4 % (9)	33,3% (14)	73,8 % (31)	66,7 % (28)	4,8 % (2)	–	–	-
Деятельностный	19 % (8)	38,1 % (16)	45,2 % (19)	52,4 % (22)	26,2 % (11)	7,1 %(3)	9,6 % (4)	2,4 % (1)
Креативный	33,3 % (14)	57,1% (24)	52,4 % (22)	40,5 % (17)	9,5 % (4)	2,4 % (1)	4,8 % (2)	–
Итого: (в % от общего количества респондентов)	**23,1 %**	**39,2 %**	**59,5 %**	**57,7 %**	**13,7 %**	**2,3 %**	**3,6 %**	**0,6 %**

Результаты работы педагогов художественной школы обеспечили положительную динамику развития потенциала одаренных обучающихся по всем обозначенным критериям.

Систематизация данных позволила определить следующее:

— одаренные дети с высоким уровнем развития потенциала имеют сформированные знания о сущности понятия «потенциал», характеризуются высоким уровнем оценки своего потенциала и развитым умением оригинально представить результат своих достижений, владеют творческими, интеллектуальными, социальными способами деятельности; умеют принимать адекватное решение, воспроизводить большое количество идей, быстро переключаться с одного аспекта деятельности на другой;

— на среднем уровне развития потенциала одаренные дети демонстрируют сформированные представления о сущности понятия «потенциал», владеют творческими, интеллектуальными, социальными способами деятельности, периодически демонстрируют наличие потребности в достижении результатов, не всегда импровизируют и находят нестандартное решение проблемы, иногда генерируют новые идеи;

— на достаточном уровне развития потенциала выявлен интерес к развитию потенциала, проявлялась эпизодическая потребность в достижении результатов деятельности; обучающиеся владеют интеллектуальными, творческими или социальными способами деятельности, не способны импровизировать и находить нестандартные решения проблем, не умеют генерировать новые идеи;

— на низком уровне развития потенциала наблюдаются поверхностные знания о сущности понятия «потенциал», отсутствует личностная мотивация и интерес к развитию своего потенциала, обнаруживается фрагментарная потребность в достижении результатов определенной деятельности; отмечаются владение отдельными интеллектуальными, творческими или социальными способами деятельности, умение слушать других, нежелание самостоятельно включаться в обсуждение.

Зафиксированный на основе сравнения данных констатирующего и формирующего этапов исследования рост показателей по мотивационному критерию обеспечен за счет повышения оценки обучающимися значимости своего труда, что отражалось в добросовестности, увлеченности процессом выполнения творческих заданий.

Когнитивный критерий связан с проявлением обучающимися бóльшего упорства, с их системным представлением о своем потенциале, сосредоточенностью при выполнении заданий на основе освоенных знаний.

Оценка потенциала одаренности по деятельностному критерию раскрыла интеллектуальные, коммуникативные и творческие способности обучающихся, подтвердила необходимость убежденности в активном поиске новых нестандартных идей, значимость умения оригинально представить результат своих достижений.

Динамика по креативному критерию определена на основе улучшения показателей, связанных с умениями принимать адекватное решение в соответствии с поставленной целью, воспроизводить большое количество идей, быстро переключаться с одного аспекта проблемы на другой.

Заключение

Развитие потенциала одаренного обучающегося представляет собой многофакторный процесс, важную роль в котором играет система дополнительного образования. Творческие способности одаренного ребенка совершенствуются благодаря комплексной работе, направленной на повышение мотивационных, когнитивных, деятельностных и креативных показателей. Использованный способ оценки уровня развития потенциала одаренности позволит повысить точность корректировки педагогических действий в работе с одаренными детьми, предоставит возможность согласовать усилия родителей и специалистов, что в комплексе будет способствовать положительной динамике развития творческого потенциала одаренных детей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов от 3.04.2012 Пр-827 [Электронный ресурс] // Министерство образования Новгородской области. Официальный сайт. URL:http://edu53.ru/np-includes/upload/2012/09/10/2837.pdf (дата обращения: 19.09.2018).

2. Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/5930/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/4787/FCPRO_na_2016-2020_gody.pdf (дата обращения: 19.09.2018).

3. Guilford J. P. A Psychometric Approach to Creativity. Mimeographed, University of Southern California, Mar., 1962.

4. Torrance E. P. Creative and Gifted: Handbook of Research on Teaching Learners. N.-Y. : Macmillan Press, 1986. Pp. 630–647.

5. Рабочая концепция одаренности [Электронный ресурс] // Московский государственный психолого-педагогический университет. Электронная библиотека. URL: http://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#$p1 (дата обращения: 19.09.2018).

6. Сидорина Н. А. Социально-педагогическое сопровождение развития одаренности подростков во временном детском объединении // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 3. С. 48–52.

7. Краснова В. И. Самореализация одаренного подростка как педагогическая проблема // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С. 248–251.

8. Климонтова Т. А. Самоорганизация внутреннего мира интеллектуально одаренного человека. Иркутск : Репроцентр А1, 2012. 226 с.

9. Лейтес Н. С. Психология одаренности детей и подростков / Ю. Д. Бабаева, Н. С. Лейтес, Т. М. Марютина. М. : Академия, 2000. 336 с.

10. Михалева Е. С. Креативные технологии как фактор развития потенциала одаренных подростков // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2016. № 2. С.3–6.

11. Piechowski M. M. Emotional giftedness: The measure of intrapersonal intelligence Handbook of gifted education / Ed. by N. Colangelo, G. A. Davis. 2nd ed. Boston : Allyn and Bacon, 1997. Pp. 366–381.

12. СенькоЮ. В. Авторскаяпозицияпреподавателявметодике // ИзвестияАлтайскогогосударственногоуниверситета. 2014. №2 (82). Т 1. С. 58.

13. Коротков Э. М. Исследование систем управления / Э. М. Коротков, О. Г. Макаренко, В. Н. Лазарев. М. : Юрайт. 2015. 226 с.

14. Рындак В. Г. Педагогика креативности. М.: Университетская книга, 2012. 284с.

15. Хохлова Д. А. Креативная педагогика как инновационная отрасль и условие развития креативности обучаемого // Наука. Инновации. Технологии. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет. 2013. № 2. С. 223–232.

16. МБУДО Детская художественная школа г. Нефтекамска. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://ndhsh.bash.muzkult.ru (дата обращения: 20.09.2018).

17. Савенков А. И. Одаренный ребенок в школе и в детском саду. М. : Академия, 2000. 232 с.

REFERENCES

1. The concept of the national system of identification and development of young talents from 3.04.2012 PR-827 [Electronic resource] // The Ministry of education of the Novgorod region. Official site. URL: http://edu53.ru/np-includes/upload/2012/09/10/2837.pdf (date accessed: 19.09.2018).

2. Federal target program of education development for 2016–2020 [Electronic resource] / / Ministry of education and science of the Russian Federation. Official site. URL: https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/5930/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/4787/FCPRO_na_2016-2020_gody.pdf (date accessed: 19.09.2018).

3. Guilford J. P. A Psychometric Approach to Creativity. Mimeographed, University of Southern California, Mar., 1962.

4. Torrance E. P. Creative and Gifted: Handbook of Research on Teaching Learners. N.-Y. : Macmillan Press, 1986. Pp. 630–647.

5. Working concept of giftedness [Electronic resource] // Moscow state University of psychology and education. Electronic library. URL: http://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#$p1 (date of access: 19.09.2018).

6. Sidorina N. Socio-pedagogical support of the development of giftedness of adolescents in the temporary children's Association // Bulletin of Kostroma state University. 2006. No. 3. Pp. 48–52.

7. Krasnova V. I. Self-realization of a gifted teenager as a pedagogical problem. Siberian pedagogical journal. 2012. No. 3. Pp. 248–251.

8. Klimentova T. A. Self-organization of the inner world of an intellectually gifted person. Irkutsk: Reproduction center A1, 2012. 226 p.

9. Leites N. S. The Psychology of gifted children and adolescents / J. D. Babaeva, N. S. Leites, T. M. Maryutina. M.: Academy, 2000. 336 p.

10. Mikhaleva E.S. Creative technologies as a factor of development of potential of gifted teenagers // St. Petersburg educational Bulletin. 2016. No. 2. Pp. 3–6.

11. Piechowski M. M. Emotional giftedness: The measure of intrapersonal intelligence Handbook of gifted education / Ed. by N. Colangelo, G. A. Davis. Boston : Allyn and Bacon, 1997. Pp. 366–381.

12. Senko Yu. V. The author's position of the teacher in the methodology // News of Altai state University. 2014. No. 2 (82). T 1. P. 58.

13. Korotkov E. M. Study of control systems / E. M. Korotkov, O. G. Makarenko, V. N. Lazarev. M. : Yurayt. 2015. 226 p.

14. Ryndak V. G. Pedagogy of creativity. M. : University book, 2012. 284 p.

15. Khokhlova D. Creative pedagogy as an innovative industry and a condition for development of creativity of the student. Science. Innovations. Technologies. Stavropol : North-Caucasus Federal University. 2013. No. 2. Pp. 223–232.

16. MBDO Children's Art School in Neftekamsk. Official site. [Electronic resource]. URL: https://ndhsh.bash.muzkult.ru (reference date: 20.09.2018).

17. Savenkov A. I. Gifted child at school and in kindergarten. M.: Academy, 2000. 232 p.

Как цитировать статью: Будько Е. А., Галлямов Р. К. Развитие творческого потенциала одаренных детей в учреждении дополнительного образования // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 438–444. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.466.

For citation: Bud'ko E. A., Gallyamov R. K. Development of creative potential of gifted children at the institution of extended education // Business. Education. Law. 2018. No. 4 (45). P. 438–444. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.466.

Журнал представляет интересы российских и иностранных ученых, бизнесменов, политиков, докторантов, аспирантов, магистров, студентов, занимающихся исследованиями в области знаний: «Экономические науки», «Юридические науки», «Педагогические науки».
Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6.
Приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (далее – Приказ) (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук. Сформированный Перечень вступил в силу 1 декабря 2015 г. В него включен научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право».

The journal presents the interests of Russian and foreign scientists, businessmen, politicians, under-graduate and post-graduate students, masters of sciences and students involved in researches in the areas of Economic sciences, Legal sciences, and Pedagogical sciences.
The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor of science and candidate of science in accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Committee of the RF Ministry of education and science dated February 19, 2010 No. 6/6.
In compliance with the order of the RF Ministry of education and science dated July 25, 2014 No. 793 with revisions incorporated in accordance with the order of the RF Ministry of education and science dated June 3, 2015 No. 560 (hereinafter the Order) (registered by the RF Ministry of justice dated August 25, 2014, registration No. 33863), the RF Ministry of education and science developed the list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main results of dissertations for scientific degrees of the candidate of science and the doctor of science. The developed list came in force on December 1, 2015. It includes the scientific peer-reviewed journal «Business. Education. Law».

http://vestnik.volbi.ru E-mail:meon_nauka@mail.ru

Уважаемые авторы и читатели!

Приглашаем посетить наш сайт: http//vestnik.volbi.ru, на котором вы можете более подробно ознакомиться с требованиями к оформлению статей и условиями их публикации, порядком рецензирования авторских оригиналов статей (материалов) и условиями подписки на наш журнал.

0+

Адрес издателя, учредителя, редколлегии:
400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, 63
тел. (8442) 52 62 43.
E-mail: meon_nauka@mail.ru
Сайт журнала: http//vestnik.volbi.ru

Подписано в печать 30.10.2018. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40, 92. Тираж 200. Заказ
Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские технологии» 109316, Москва,
Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

Выпуск № 4 (45) ноябрь 2018

© Редакция журнала «Бизнес. Образование. Право»

Материалы журнала постоянно предоставляются в базу данных РИНЦ (http//elibrary.ru).

Редакция принимает решение о публикации по результатам рецензирования.
Рукописи не возвращаются.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Цена свободная